

Исследование выдающегося историка Древней Руси А. А. Зимина содержит оригинальную, отличную от общепризнанной, концепцию происхождения и времени создания «Слова о полку Игореве». В книге содержится ценный материал о соотношении текста «Слова» с русскими летописями, историческими повестями XV–XVI вв., неординарные решения ряда проблем «слововедения», а также обстоятельный обзор оценок «Слова» в русской и зарубежной науке XIX–XX вв.

Не ознакомившись в полной мере с аргументацией А. А. Зимина, несомненно самого основательного из числа «скептиков», мы не можем продолжать изучение «Слова», в частности проблем его атрибуции и времени создания.

Книга рассчитана не только на специалистов по древнерусской литературе, но и на всех, интересующихся спорными проблемами возникновения «Слова».

Зимин А.А

Слово о полку Игореве

Содержание:

К ЧИТАТЕЛЮ.....	1
О КНИГЕ А. А. ЗИМИНА.....	3
ОТ АВТОРА.....	6
Глава I. КРАТКАЯ И ПРОСТРАННАЯ РЕДАКЦИИ ЗАДОНЩИНЫ.....	11
Глава II. ЗАДОНЩИНА И СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ.....	98
Глава III. РУССКИЕ ЛЕТОПИСИ И СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ.....	170
Глава IV. СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ И ЛИТЕРАТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ XI–XVII вв.....	212
Глава V. ОСОБЕННОСТИ ЯЗЫКА И «ТЕМНЫЕ МЕСТА» СЛОВА.....	241
О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ.....	241
Глава VI. В ПОИСКАХ АВТОРА СЛОВА О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ.....	284
Глава VII. А. И. МУСИН-ПУШКИН И СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ.....	318
Глава VIII. СУДЬБА СЛОВА О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ В НАУЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XIX–XX вв.....	364
ПРИЛОЖЕНИЯ.....	407

К ЧИТАТЕЛЮ

Монографическое исследование Александра Александровича Зимина (1920–1980), посвященное «Слову о полку Игореве», занимает в его творческом наследии особое место. Увлечение этой темой во многом определяло последние 18 лет его жизни.

Сейчас, наверное, мало найдется ученых историков, филологов, лингвистов, фольклористов, да и среди широкого круга интеллигентных читателей, интересующихся древней и средневековой Русью, кто бы не знал или не слышал о случившейся в начале 1960-х гг. истории, связанной с пересмотром существовавшего традиционного взгляда на время создания этого хорошо всем известного со школьных лет поэтического произведения.

Поводом к тому, что «Слово» привлекло к себе внимание А. А. Зимина и вошло в орбиту его научных занятий и раздумий, был выход в свет летом 1962 г. подготовленного Сектором древнерусской литературы Пушкинского Дома Академии наук СССР сборника статей «„Слово о полку Игореве“ — памятник XII века», содержавшего «запоздалую» (по выражению А. А. Зимина) полемику с А. Мазо-ном, французским ученым, утверждавшим в своих работах 1938–1944 гг., что «Слово» написано в XVIII в.

А. А. Зимин буквально «заболел» «Словом», «с увлечением», как он пишет в своих дневниковых записках, стал читать вышедшую книгу, после чего последовало напряженное, прямо-таки азартное, внимательнейшее изучение всего о «Слове»

написанного. Правда, следует заметить, что здесь свою роль сыграли и давние занятия А. А. Зимина вопросами текстологии и трудами А. А. Шахматова, которые определили в первую очередь методологию работы А. А. Зимина по сопоставлению «Слова» с «Задонщиной» и с летописью.

Результатом творческого экстаза было письмо А. А. Зимина от 15 февраля 1963 г. к Д. С. Лихачеву, с которым его связывали профессиональные интересы уже более десятка лет, с просьбой заслушать в руководимом им секторе его доклад на тему «К изучению „Слова о полку Игореве“». Заседание с почти трехчасовым докладом Зимина состоялось 27 февраля, но, к сожалению, в отсутствие самого Д. С. Лихачева, который в это время оказался в больнице. Как писал затем Зимин, «это был первый доклад, который я делал не по бумажке (потому как работы-то самой еще не было), была груда материала и уйма выводов». Интерес к теме и разосланные в большом количестве приглашения собрали совершенно неожиданное для организаторов заседания и самого докладчика количество народа. Присутствовали более 150 человек, среди которых было много студентов. О докладе быстро узнали специалисты и любители не только в Ленинграде, но и в Москве и в других городах, да и за рубежом тоже.

По возвращении в Москву А. А. Зимин был, во-первых, поставлен перед необходимостью объясняться с руководством Института истории АН СССР и в секторе, где он работал, по поводу сделанного им по собственной инициативе доклада. Во-вторых, ему было предложено представить тезисы своего выступления для публикации в журнале «Вопросы истории», где предполагалось напечатать их в сопровождении статьи М. Н. Тихомирова. От такого предложения Зимин решительно отказался, ибо издание тезисов закрывало дорогу для написания основательного исследования и последующей его публикации. Вот что писал сам А. А. Зимин о сложившейся в Москве ситуации: «Работу о „Слове“ меня заставило написать начальство, стенограммы заседания не было, а ему очень хотелось меня „проработать“. Требовался для этого мой какой-либо хоть плохенький (это даже лучше), но все-таки текст. Я написал трехтомник, который сохранился в ротапринтном варианте в нескольких экземплярах». Речь идет о написанной А. А. Зиминим к концу 1963 г. работе «„Слово о полку Игореве“: (Источники. Время написания. Автор)», изданной на ротапринте Института истории Академии наук тиражом в 101 экземпляр и состоящей из трех сброшюрованных выпусков общим объемом 660 страниц. Эти экземпляры ротапринта и возможность познакомиться с ними имели только обозначенные в особых списках участники обсуждения работы А. А. Зимина, которое состоялось в Отделении истории Академии наук СССР 4–6 мая 1964 г.

Все решения по поводу А. А. Зимина и его книги принимались на самом высоком уровне. Руку на пульсе держали и директор Института истории В. М. Хвостов, и академик-секретарь Отделения истории Е. М. Жуков, и вице-президент Академии наук П. И. Федосеев, не говоря уже об Идеологическом отделе ЦК КПСС и секретаре Центрального Комитета Л. Ф. Ильичеве. Подробнейший отчет «Об обсуждении одной концепции», опубликованный без подписей в сентябрьском номере журнала «Вопросы истории» за 1964 г., разумеется, был согласован с Идеологическим отделом.

Двадцать восемь лет спустя в тех же «Вопросах истории» (№ 6/7), вслед за двумя фрагментами из книги А. А. Зимина о «Слове», был напечатан обстоятельный очерк А. А. Формозова о хранящейся в архиве ученого рукописи «Слово и дело. Страницы дневника. 1963–1977 гг.», создававшейся А. А. Зиминим параллельно с работой над текстом «Слова о полку Игореве».

В непрекращающейся дискуссии о «Слове», которой на сегодня более 200 лет, работа А. А. Зимина — независимо от того, согласится ли читатель с его выводами, — представляет определенный этап в изучении памятника. Тем самым данная книга способствует развитию науки и научной мысли, которую, как известно, нельзя остановить.

Литература о «Слове» не перестает пополняться многими и разными сочинениями. В их число войдет теперь и окончательный вариант книги А. А. Зимина, посвященной

«Слову о полку Игореве», причем объем книги увеличился почти в два раза по сравнению с ротационным изданием 1963 г. Закончить же это краткое предисловие к ней хотелось бы словами автора из упомянутой выше рукописи книги «Слово и дело», словами, которые звучат, на наш взгляд, как обращение и к союзникам, и к оппонентам: «Выступление с пересмотром традиционных взглядов на время создания „Слова о полку Игореве“ было борьбой за право ученого на свободу мысли. Речь шла не о том, прав ли я или нет, а о том, следует ли издавать „еретическую“ книгу или нет. Эта борьба получила благожелательный отклик в сердцах многих людей доброй воли... Их лейтмотивом было то, что свобода научной мысли является неперемным условием развития науки... Я понял великие методические трудности, стоящие перед историком-древником... Только комплексное источниковедение, а не одно логически-смысловое может приблизить ученого к решению проблемы. Нужно быть честным и строгим критиком своих выводов. Многовариантность решений — обычный вариант, с которым приходится смириться. Иногда же и вовсе загадку решить невозможно».

Сердечная благодарность всем, кто оказывал неоценимую помощь и поддержку в подготовке к изданию данной книги, в особенности О. В. Творогову, А. Л. Хорошкевич, В. П. Козлову и А. А. Формозову.

В. Г. Зими́на

О КНИГЕ А. А. ЗИМИНА

Автор книги — известный и авторитетный историк средневековой Руси А. А. Зимин — поставил перед собой невероятно сложную и ответственную задачу: пересмотреть традиционный взгляд на время создания «Слова о полку Игореве» и установить имя его автора. Примыкая по своим представлениям к так называемым скептикам, датирующим «Слово» XVIII в., А. А. Зимин по основательности аргументации, по обширности используемого материала, по скрупулезности текстологического анализа, да и по мастерству ведения научной полемики намного превосходит всех своих единомышленников. Сам тот факт, что один из крупнейших исследователей русского средневековья, подвергнув жестокому испытанию собственную научную судьбу и репутацию, все же решился пересмотреть устоявшийся и освященный авторитетом крупнейших отечественных и зарубежных филологов и историков взгляд на «Слово» как на памятник русской литературы XII в., заслуживает внимания. Это тем более важно, что, несмотря на критику, развернувшуюся после его доклада в Институте русской литературы АН СССР (Пушкинском Доме) 27 февраля 1963 г. и обсуждения его концепции в мае следующего года на закрытом заседании в Отделении истории АН СССР [См.: Обсуждение одной концепции о времени создания «Слова о полку Игореве» // ВИ. 1964. № 9. С. 121–140. См. также: К истории спора о подлинности «Слова о полку Игореве» (из переписки академика Д. С. Лихачева) / Публикация Л. В. Соколовой // РЛ. 1994. № 2. С. 232–268; № 3. С. 213–246; Спор о подлинности «Слова о полку Игореве»: история одной неосуществленной публикации (по письмам из архивов Л. А. Дмитриева и Д. С. Лихачева) / Подгот. текстов к печати, вступ. статья и коммент. Л. В. Соколовой // ТОДРЛ. СПб., 2004. Т. 56. С. 385–423.] А. А. Зимин не изменил своей точке зрения на памятник. Все это говорит о необходимости издания работы ученого. Продолжать изучение спорных вопросов происхождения «Слова» и толкования его текста без учета наблюдений и суждений А. А. Зимина — это значит закрывать глаза на существование альтернативной точки зрения, оставлять без обсуждения те слабые места в аргументации сторонников древности «Слова», на которые указывал А. А. Зимин. Более того: учитывая сложные научные и этические коллизии, возникавшие после обсуждения гипотезы А. А. Зимина, публикация его книги — моральный долг научного сообщества, тем более что требования неперменной публикации звучали и на майском заседании в Москве в 1964 г.

К этому заседанию была ротапринтом выпущена книга А. А. Зимина «„Слово о полку Игореве“ (Источники. Время создания. Автор)». Книга была роздана участникам обсуждения с категорическим требованием возвратить ее экземпляры после обсуждения. Таким образом, она оказалась недоступной широкому кругу читателей. Опубликованные автором статьи не давали полного представления о его концепции. [Полный перечень работ А. А. Зимина о «Слове о полку Игореве» см. в статье: А. А. Зимин // Энциклопедия «Слова о полку Игореве». СПб., 1995. Т. 2. С. 222–225.] Но данная книга вовсе не является воспроизведением работы 1963 г.: в ней автор смог ответить своим оппонентам, привлечь новые данные в пользу своей точки зрения. Не случайно объем книги сравнительно с изданием 1963 г. вырос более чем вдвое.

Возникает вопрос: как представить читателю книгу, которая увидит свет лишь 40 с лишним лет спустя после написания? За эти годы появилось много новых работ о «Слове», итоги изучения памятника подведены в пятитомной «Энциклопедии „Слова о полку Игореве“» (1995). А. А. Зимин уже не сможет возразить оппонентам, учесть их наблюдения и, убежден, в чем-то откорректировать свою точку зрения. Поэтому было принято решение: текст А. А. Зимина публикуется в авторской редакции, но для того, чтобы читатель смог лучше ориентироваться в современном состоянии изучения проблем, затронутых в книге, редактором сделаны библиографические дополнения, при этом указываются лишь те работы, которые могут быть непосредственно соотнесены с суждениями автора. Как правило, эти дополнения не носят полемического характера. Так, частые ссылки на «Энциклопедию „Слова о полку Игореве“» имеют своей целью прежде всего указать на библиографические сведения, приведенные в ее статьях. Все редакторские дополнения заключаются в квадратные скобки, тем самым четко отделены от авторского текста.

Итак, перед читателем представлена во всей полноте концепция А. А. Зимина, и исследователь сможет сам сделать вывод, сопоставив его аргументацию с суждениями защитников древности «Слова». Полемизировать с ученым в данной книге я посчитал некорректным.

Безусловным достоинством работы А. А. Зимина является то, что свой кардинальный пересмотр традиционных представлений о «Слове» он обосновывает «комплексным рассмотрением памятника» (определение автора). Книга вполне отвечает этой установке: в ней обсуждаются все аспекты проблемы: текстологические взаимоотношения «Слова», «Задонщины» и «Сказания о Мамаевом побоище»; «Слово» рассматривается на фоне памятников древнерусской литературы и прежде всего — летописей, анализируется язык памятника и только после этого ставится вопрос о времени его создания и его авторе.

Особенно основательна первая глава книги «Краткая и пространная редакции Задонщины», в которой автор учел наблюдения своих единомышленников — А. Вайяна и О. Кралика, а главное — развернул обстоятельную полемику с основными оппонентами — Д. С. Лихачевым, Л. А. Дмитриевым, Р. П. Дмитриевой, Р. О. Якобсоном, А. В. Соловьевым и О. В. Твороговым, в ряде случаев убедительно показав, что соотношение памятников Куликовского цикла было более сложным, чем представлялось до настоящего времени.

Во второй главе — «Задонщина и Слово о полку Игореве» — А. А. Зимин предлагает свое объяснение появлению в «Слове» параллельных с «Задонщиной» чтений, стремясь нейтрализовать наблюдения В. П. Адриановой-Перетц и О. В. Творогова, полагавших, что в «Задонщине» мы видим подражание «Слову».

В третьей главе книги — «Русские летописи и Слово о полку Игореве» — основное внимание уделено «расхождениям» «Слова» с известиями летописей. Автор полемизирует с суждениями Б. А. Рыбакова и А. Г. Кузьмина, подвергшими основательной критике его взгляды.

В четвертой главе автор пытается нейтрализовать один из важнейших аргументов защитников древности «Слова», полагающих, что его многочисленные лексические и стилистические параллели с памятниками русской литературы XI–XIII вв. естественны, если мы признаем «Слово» памятником той же эпохи, но, перенеся «Слово» в XVIII в., мы должны будем допускать феноменальную начитанность и филологическую образованность его автора и его поразительную способность блестяще имитировать систему представлений и образный язык Киевской Руси.

Пятая глава — «Особенности языка и „темные места“ Слова о полку Игореве» — призвана ответить на два важнейших вопроса: во-первых, на каком языке написано «Слово»? Действительно ли перед нами язык XII столетия или всего лишь подретушированный «старыми словесы» церковнославянский язык, отлично известный священнослужителю Иоилу Быковскому, которого А. А. Зимин считает создателем «Слова»? Второй вопрос — о происхождении пресловутых «темных мест» в «Слове». Если в памятнике древнерусской письменности они обычны и естественны, то как объяснить их появление в сочинении XVIII в.? А. А. Зимин предлагает свои ответы на эти важные вопросы.

Шестая глава — «В поисках автора Слова о полку Игореве» — содержит воссозданную исследователем биографию Иоила Быковского и характеристику известных нам его сочинений. Глава призвана убедить читателя, что Иоиль действительно мог создать шедевр, равного которому не было в его время, и к тому же обладать феноменальными знаниями, чтобы столь совершенно воссоздать «дух эпохи», менталитет человека XII в., в совершенстве владеть искусством стилизации.

Задача седьмой главы — «А. И. Мусин-Пушкин и Слово о полку Игореве» — доказать, что граф был способен выдать творение своего современника за древнерусский памятник.

Несомненный интерес представляет восьмая глава — «Судьба Слова о полку Игореве в научной литературе XIX–XX вв.». А. А. Зимин собрал в ней обширный материал (в значительной степени не отраженный в существующих библиографиях «Слова») о восприятии и оценках памятника в отечественной и зарубежной науке. Среди упоминаемых работ особенно много сочинений «скептиков», что естественно в данной книге, а для читателя несомненно представит интерес, так как даст возможность лучше понять причины возникновения скептического взгляда на «Слово» и объяснить его долготеление.

В Приложениях к книге публикуются созданные А. А. Зиминим реконструкции «Слова» и двух редакций «Задонщины», а также подготовленные им публикации летописного рассказа о походе Игоря и текста «Сказания о Мамаевом побоище» по Ермолаевскому списку Ипатьевской летописи.

Что было сделано редактором? Были сделаны библиографические дополнения, о которых речь шла выше. Текст «Слова», цитируемый А. А. Зиминим, был соотнесен с его реконструкцией, подготовленной автором книги (см. с. 484–490). Цитаты из списков «Задонщины», при этом непременно с указанием листов рукописей (что отсутствовало в авторском тексте), сопоставлялись с публикацией, осуществленной Р. П. Дмитриевой в книге «„Слово о полку Игореве“ и памятники Куликовского цикла» (см. с. 585–556). Однако сохранена разбивка текста на слова и пунктуация, предложенные А. А. Зиминим. Сверены с рукописью публикуемые в Приложениях тексты из Ермолаевского списка Ипатьевской летописи. Следует учесть, что А. А. Зимин цитировал «Слово» и Ипатьевскую летопись с сохранением ъ и ь (на конце слов), тогда как другие источники цитировались им с упрощением орфографии.

Был составлен список условных сокращений источников и в соответствии с ним унифицирован аппарат книги.

В заключение еще раз подчеркну: А. А. Зимины нельзя упрекнуть в том, что какая-либо из проблем «слововедения», существенная для решения вопроса о датировке и

атрибуции памятника, обойдена его вниманием. Его книга — наиболее полный свод возражений защитникам древности «Слова», и без ответа на все доводы и сомнения А. А. Зимины нельзя, на мой взгляд, в дальнейшем бестрепетно рассуждать о времени создания памятника. Но если аргументация автора — самого основательного из «скептиков» — окажется неубедительной, то это будет означать, что у скептического отношения к древности «Слова» осталось мало шансов на будущее. Должен признать, что, прочитав книгу А. А. Зимины, я не изменил своего взгляда и по-прежнему считаю «Слово» памятником древнерусской литературы.

О. В. Творогов

ОТ АВТОРА

Слово о полку Игореве... Целый мир образов и красок, высоких помыслов и глубоких чувств, находящих отклик в сердцах всех тех благодарных читателей, кому дороги героические и поэтические страницы истории нашей отчизны. Сколько гениальных творцов русской культуры и науки обращали свои взоры к торжественно прекрасной Песни о ратных подвигах русских воинов во время трагичной по своим последствиям битвы при Каяле в 1185 г.! Слову о полку Игореве посвятили многие страницы своих творений Пушкин и Гоголь, Шевченко и Франко, Жуковский и Радищев, Белинский и Бородин.

Слово о полку Игореве — одно из значительнейших произведений мировой литературы. Его библиография насчитывает много более 1000 названий исследований и переводов, написанных на многих языках народов Советского Союза и всего мира. Эпические глубины этого бессмертного произведения привлекали к себе внимание многих поколений ученых нашей Родины и других стран. В результате их самоотверженного труда все более и более раскрываются богатство содержания и своеобразие художественной формы героической Песни о походе Игоря. Изучению подвергались источники произведения и влияние на позднейшую литературу, язык и стиль. Памятник вызывал живой интерес как военноисторический и историко-географический источник.

Слово о полку Игореве было издано в 1800 г. известным собирателем древних рукописей графом А. И. Мусиным-Пушкиным совместно с видными архивистами Н. Н. Бантышем-Каменским и А. Ф. Малиновским. Единственная известная науке рукопись, содержащая Слово, исчезла после Отечественной войны 1812 г. Поговаривали, что она погибла в московском пожаре вместе с другими книгами и рукописными сокровищами ее владельца А. И. Мусина-Пушкина. В настоящее время исследователи располагают только изданием 1800 г., копией и переводом рукописного текста, сделанным для Екатерины II (около 1795–1796 гг.), а также тремя переводами конца XVIII в.

Еще до издания Слова о полку Игореве (первые сведения о нем проникли в печать в 1792 г.) целый ряд знатоков русской истории и литературы высказывал в той или иной форме свои сомнения в древности памятника, относя его создание к XV–XVI вв. или даже считая его более поздней подделкой. После загадочного исчезновения рукописи голоса так называемых скептиков (Евгений Болховитинов, О. М. Бодянский, М. Т. Каченовский, С. П. Румянцев, К. С. Аксаков, О. И. Сенковский и др.) усилились. Станным казался и язык древней поэмы, в котором находили слова и выражения из современных украинского и польского языков. Непонятно было вообще, о каких еще «старых словесах» мог написать автор Песни XII в.

А. И. Мусин-Пушкин уклонялся от разговора об истории приобретения рукописи, и только молодому и энергичному исследователю К. Ф. Калайдовичу он сообщил, что рукопись, содержащая Слово, была куплена его комиссионером у архимандрита Спасо-Ярославского монастыря Иоилia. Калайдовичу также удалось найти среди рукописей Синодальной библиотеки псковский Апостол с припиской 1307 г., которая очень напоминала одно из мест Игоревой песни. Получалось, что еще в начале XIV в. какой-то

безвестный писец уже знал текст Слова о полку Игореве. Позиция ревнителей древности Слова значительно окрепла после того, как в 1852 г. было впервые опубликовано одно из значительных произведений древнерусской литературы — Задонщина. Эта повесть о победоносной битве Дмитрия Донского на Куликовом поле 1380 г. отличается большим сходством со Словом. Казалось бы, найдено решающее доказательство того, что уже в XIV–XV вв. Слово о полку Игореве существовало, а его текст широко использован в воинской повести. Находка Задонщины до поры до времени приглушила голоса сторонников позднего происхождения Игоревой песни. И только русские писатели И. А. Гончаров и Л. Н. Толстой продолжали считать Слово позднейшей стилизацией.

Вопрос о времени создания Слова был поставлен снова на повестку дня в 1920-х гг. М. И. Успенским, а в конце 1930-х гг. — французским славистом А. Мазоном и до сих пор не является решенным.

Но, быть может, уже саму попытку установить время написания и автора Слова о полку Игореве следует признать безнадежной, так как не сохранилось ни рукописи этого произведения, ни прямых документальных свидетельств, связывающих памятник с каким-либо конкретным лицом? Конечно, нет. В настоящее время советское литературоведение, языковедение и источниковедение, вооруженные марксистско-ленинским мировоззрением, выработали строго научную методику датировки памятников, которая плодотворно применяется в трудах многих ученых.

Для выяснения того, когда, где и кем было написано Слово о полку Игореве, необходимо тщательное и комплексное изучение всех его особенностей — исторических, литературных и языковых.

Большинство сторонников древнего происхождения Слова датирует памятник временем около 1187 г., так как в нем содержится обращение к князьям Владимиру Глебовичу (умершему весной этого года)[Дата смерти кн. Владимира Глебовича в Лаврентьевской летописи дана по ультрамартовскому стилю—18 марта 6696 г., т. е. 1187 г., по Ипатьевской летописи—18 апреля мартовского 6695 (1187) г. См.: Бережков Н. Г. Хронология русского летописания. М., 1963. С. 83.] и Ярославу Галицкому (скончавшемуся в октябре 1187 г.), которые должны были бы еще здравствовать.[Дату 1187 г. принимают: И. Н. Жданов (Жданов И. Н. Соч. СПб., 1904. Т. 1. С. 442), В. Н. Перетц (Перетц. Слово. С. 50), Д. С. Лихачев (Лихачев. Слово-1955. С. 143) и мн. др.] Считалось само собой разумеющимся, что автор Слова обращался к князьям как к живым.

Однако А. И. Лященко предложил иную дату написания Слова— 1185 г.[Лященко А. И. Этюды о «Слове о полку Игореве»//И О РЯС. 1926. Т. 31. С. 147–158. Ту же дату (лето 1185 г.) принимает и Б. А. Рыбаков. См.: Рыбаков. «Слово» и современники. С. 282.] Но она противоречит здравнице в честь князя Владимира Игоревича (находившегося в это время в плену). А если считать, что Слово написано после его возвращения (осень 1187 г.), то к этому времени уже умер князь Владимир Глебович.

Пытаясь выйти из затруднительного положения, порожденного противоречивыми данными Слова, А. И. Соболевский допускал даже, что Слово, написанное в 1185 г., первоначально оканчивалось плачем Ярославны, а «как будто вторая часть принадлежала первоначально другому произведению, не «Слову о полку Игореве».[Соболевский А. И. К Слову о полку Игореве//ИпоРЯС. 1929. Л., 1929. Т. 2, кн. 1. С. 183–184.] Но этому предположению противоречат композиционная стройность сюжетной линии памятника и единство его стилистических приемов изображения.

Строго говоря, обе даты (1185 и 1187 гг.) базируются только на произвольном допущении того, что обращение автора Слова к князьям как к живым должно означать, что произведение, содержащее это обращение, действительно написано при их жизни. Однако подобный литературный прием применяется и в литературных произведениях, написанных много лет, а иногда и столетий спустя после событий, к которым оно относится. И. А. Новиков в этой связи писал: «Нам кажутся эти охотно повторяемые доводы чистым недоразумением», ибо сцену с упоминанием князей Ярослава Галицкого и

Владимира Глебовича как живых «можно было написать не только позже апреля 1187 года, но и насколько угодно позже, хотя бы и в наше время».[Новиков Я. Слово о полку Игореве и его автор. М., 1938. С. 76. О более поздней датировке см.: Pritsak O. The Igor' Tale As A Historical Document//The Annals of the Ukrainian Academy. 1972. Vol. 12, N 1–2.]

Считая, что обращение автора Слова к Ярославу «не имеет датирующего значения», Н. С. Демкова относит составление памятника ко времени после 1188 г., но до 1196 г. (точнее — к 1194–1196 гг.) на том основании, что его автор провозглашает славу князю Всеволоду (умер в 1196 г.) и князю Владимиру (вернулся на Русь в 1188 г.).[Демкова Н. С. К вопросу о времени написания «Слова о полку Игореве»//Вестник ЛГУ. Серия истории, языка и литературы. Л., 1973. Вып. 3, № 14. С. 72–77. {См. также: Демкова Н. С. Проблемы изучения «Слова о полку Игореве»//Чтения по древнерусской литературе. Ереван, 1980. С. 69–78.}] Но и эту аргументацию следует признать неудовлетворительной, ибо автор литературного произведения о делах минувших необязательно должен был учитывать, был ли жив тот или иной герой в то время, когда он писал свою Песнь.

Необходимы, следовательно, более прочные основы для датировки Слова концом XII в., а их на проверку не оказывается. Поэтому даже сторонники древности Слова постепенно начинают отказываться от сакраментальных датировок 1185 и 1187 гг. Так, О. В. Творогов уже не склонен придавать обращению к Ярославу хронологизирующего памятник значения. По его мнению, оно «могло носить в какой-то мере литературно-условный, риторический характер».[Творогов О. В. Комментарии//Слово-1967. С. 509.]

Раздавались голоса, которые относят Слово к началу XIII в. (вслед за О. Прицаком к этому времени склонялся и Р. О. Якобсон).[Jakobson. Selected Writings. P. 689; Яценко Б. Я. Солнечное затмение в «Слове о полку Игореве»//ТОДРЛ. Л., 1976. Т. 31. С. 122.] Появляются попытки датировать Игореву песнь серединой XIII в. (Л. Н. Гумилев, В. В. Мавродин).[Гумилев Л. Н. 1) Монголы XIII в. и «Слово о полку Игореве»//Доклады Отделения этнографии Географического общества СССР. Л., 1966. Вып. 2. С. 55–80; 2) Поиски вымышленного царства. М., 1970. С. 305 и след.; 3) Может ли произведение изящной словесности быть историческим источником? //РЛ. 1972. № 1. С. 73–82; Белявский В. А. По поводу «извечного антагонизма» между земледельческим и кочевым населением Восточной Европы//Славяно-русская этнография. Л., 1973. С. 101 и след.; Мавродип В. В. К. Маркс о Киевской Руси//Вестник ЛГУ. Серия истории, языка и литературы. Л., 1968. Вып. 2, № 8. С. 9; Gumilev L. N. Les Mongols du XII-e siecle et le «Slovo o polku Igoreve»//Cahiers du Monde Russe et Soviétique. 1966. Т. 7. P. 37.] Высказана мысль о сложении памятника в конце XIII — начале XIV в. (И. Н. Голенищев-Кутузов).[Golenistschev-Kutusov I. Das Igorlied und seine Probleme//Sowjet-Literatur. 1965. N 3. S. 148.] Наконец, В. В. Виноградов писал о Слове как загадочном памятнике, «возникновение которого датируется XII–XV вв., а текст включает в себя элементы позднейших наслоений (до конца XVIII в.)».[Виноградов В. В. Чтение древнерусского текста и историко-этимологические каламбуры//ВЯ. 1968. № 1. С. 3. {См. также: Горский А. А. Проблема даты создания «Слова о полку Игореве» //Исследования «Слова о полку Игореве». Л., 1986. С. 29–37. Обзор различных точек зрения на дату написания «Слова» см.: Дмитриев Л. А. Время создания «Слова»//Энциклопедия. Т. 1. С. 246–251.}] Многослойным считает Слово О. Сулейменов, относя значительную часть его текста к XVI в.[Сулейменов О. Аз и я. Алма-Ата, 1975. С. 21.] О возможности позднейших вставок в текст Слова говорили В. Л. Янин и Н. Ф. Котляр.[Янин В. Л. Берестяные грамоты и проблемы происхождения новгородской денежной системы XV в.//ВИД. Л., 1970. Сб. 3. С. 168–169; Котляр М. Ф. Чи міг Роман Мстиславич ходити на половців раніше 1187 р.? //Український історичний журнал. 1965. № 1. С. 117–120.] В статьях Д. Феннелла и А. Данти приводятся новые данные в пользу более раннего сравнительно со Словом происхождения Краткой Задонщины.[Fennell J. 1) The Slovo o polku Igoreve: The Textological Triangle//Oxford Slavonic Papers. 1968. Vol. 1. P. 126–127; 2) The Recent Controversy in the Soviet Union over the Authenticity of the Slovo// Russia: Essays in History

and Literature / Ed. by L. H. Logteri. Leiden, 1972. P. 1—17; Fennell J., Stokes A. Early Russian Literatur. London, 1974. P. 191—206; Danti A. Criteri e metodi nella edizione della «Zadonščina»//Annali della Facoltà di Lettere e Filosofia della Università degli Studi di Perugia. 1968—1969. Vol. 6. P. 187—220.] Наконец, появляются и работы, в которых отстаивается тезис о возникновении Слова в XVIII в.[Moser Ch. The Problem of the Igor Tale//Canadian-American Slavic Studies. 1973. Vol. 7, N 2. P. 135—154; Trost K. Karamzin und das Igorlied//Anzeiger für slavische Philologia. 1974. Bd 7. S. 128—145.]

Для решения вопроса о времени создания Слова о полку Игореве исследователи анализировали содержание памятника, сопоставляя его с известиями об истории Руси X—XII вв., содержащимися в других источниках. В самом деле, очень важно установить, был ли автор Слова современником похода Игоря 1185 г. или брал сведения о нем из письменных источников. Сторонники древнего происхождения Слова считают, что автор этого произведения описывал события 1185 г. независимо от летописных записей. Если будет доказано, что автор основывал свой рассказ на сведениях летописей или других источников, то тогда следует поставить другой вопрос: когда он мог использовать тексты, привлеченные им для создания своей Песни? Второе. Следует установить также, с какими источниками по жанру и текстологически сходно Слово о полку Игореве, на какие памятники письменности влияло оно и какие в свою очередь находят отклик в его тексте. Здесь в первую очередь встает вопрос о близости Слова к Задонщине и к приписке 1307 г. псковского Апостола. Сторонники древнего происхождения Слова считают, что оба памятника основаны на этой древнерусской Песни. Нужно тщательно взвесить все данные в пользу этого предположения. Наконец, важнейшим датирующим элементом в исследовании Слова является язык этого произведения. Поэтому необходимо разобрать основные языковые особенности памятника и его так называемые темные (т. е. неясные) места, по-разному толковавшиеся исследователями. Сторонники древнего происхождения Слова считают, что памятник в целом сохранил черты древнерусского языка XII в., хотя некоторые его элементы, возможно, восходят к поздним спискам (или списку) XV—XVI вв. Особенно они обращают внимание на слова восточного происхождения, ибо некоторые из них, по их мнению, сохранили черты половецкого языка.

В соответствии с этими тремя задачами и строится последующее изложение.

Слово о полку Игореве перекрещивается с несколькими дошедшими до нас литературными памятниками, время написания которых хорошо известно. Речь идет о Радзивилловской (Кенигсбергской) и Ипатьевской летописях, Задонщине и некоторых других. Поэтому в первых четырех главах настоящей работы делается попытка определить текстологические взаимоотношения между Словом о полку Игореве и связанными с ним произведениями древнерусской литературы и фольклора, т. е. установить, влияли ли эти памятники на текст Слова о полку Игореве или нет. Ответ на этот вопрос дает прочные основы для определения времени написания Слова о полку Игореве. В главе III рассмотрена также сама возможность принадлежности современнику этих событий рассказа о походе русских князей на половцев 1185 г. в Слово о полку Игореве.

Большое значение для датировки и для определения автора любого литературного произведения имеет его язык. Поэтому в главе V работы содержится попытка изучения особенностей языкового строя и так называемых темных мест Слова о полку Игореве с тем, чтобы выявить данные, говорящие о времени его составления и о предполагаемом авторе.

В следующих двух главах (VI и VII) на основании известных ранее и новых сведений, почерпнутых из архивов Москвы, Ленинграда, Киева, Минска, Чернигова и Ярославля, восстанавливается биография и творческий путь первого владельца рукописи Слова о полку Игореве Ивана (Иоилия) Быковского. Здесь же рассматриваем запутанные обстоятельства издания Слова о полку Игореве А. И. Мусиным-Пушкиным.

Наконец, в последней (VIII) главе исследования автор рассказывает о судьбе Слова о полку Игореве в научной литературе XIX—XX вв. и стремится показать, как постепенно

трудами многих поколений ученых накапливались данные для решения многих загадок, связанных с этим выдающимся памятником русской литературы.

К работе приложены реконструкции архетипов Краткой и Пространной редакций Задонщины и Слова о полку Игореве.

Советским историкам и литературоведам органически чуждо антинаучное деление ученых на «скептиков» (сторонников позднего происхождения Слова о полку Игореве) и «нескептиков» (защитников древнего происхождения памятника). Хорошо известно, что в 30—40-х гг. XIX в. царское правительство пыталось с помощью некоторых реакционных ученых, защищавших древность Слова о полку Игореве, противоборствовать представителям передового направления исторической и филологической наук.

Первый доклад с изложением своих взглядов на время создания Слова о полку Игореве автор сделал на заседании Отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинского Дома) в Ленинграде в феврале 1963 г. Через год (в мае 1964 г.) состоялось в Москве обсуждение первого (ротапринтного) варианта настоящей работы. [Неподписанная хроника этого обсуждения («Обсуждение одной концепции о времени создания „Слова о полку Игореве“»), опубликованная в журнале «Вопросы истории» (1964. № 9. С. 121–140, авторы В. А. Кучкин, О. В. Творогов), не дает достаточно точного представления ни о характере обсуждения, ни об аргументации, развивавшейся отдельными участниками. В частности, использование этой хроники для представления об аргументации автора, развивавшейся в его труде, и его заключительном слове совершенно недопустимо. {О коллизиях, возникавших в связи с докладом А. А. Зимина в Пушкинском Доме и с обсуждением его работы в Москве, см.: К истории спора о подлинности «Слова о полку Игореве»: Из переписки академика Д. С. Лихачева (Публикация Л. В. Соколовой)//РЛ. 1994. № 2. С. 232–268; № 3. С. 213–245; Спор о подлинности «Слова о полку Игореве»: история одной неосуществленной публикации (по письмам из архивов Л. А. Дмитриева и Д. С. Лихачева) /Подгот. текстов к печати, вступ. статья и коммент. Л. В. Соколовой// ТОДРЛ. СПб., 2004. Т. 56. С. 385–422.}] За истекшее десятилетие появилось много капитальных трудов по изучению Слова о полку Игореве. В частности, «Словарь-справочник», [Словарь-справочник «Слова о полку Игореве» / Составитель В. Л. Виноградова. М.; Л., 1965; Л., 1978. Вып. 1–5. {В 1984 г. вышел последний, шестой выпуск «Словаря» — Т — Я и дополнения.}] сборник статей о взаимоотношениях Слова, Задонщины и Сказания о Мамаевом побоище, [«Слово» и памятники.] монографии В. П. Адриановой-Перетц о фразеологии Слова, [Адрианова-Перетц. «Слово» и памятники.] Б. А. Рыбакова о Слове как памятнике XII в., [Рыбаков. 1) «Слово» и современники; 2) Русские летописцы.] Д. С. Лихачева о Слове как памятнике древнерусской культуры. [Лихачев. «Слово» и культура.] Все они существенно продвинули вперед решение спорной проблемы. Однако автор только укрепился в своих представлениях о времени создания памятника. Поэтому ему пришлось значительно развить аргументацию и ответить на возражения и доводы оппонентов. В результате объем монографии увеличился вдвое, и все же настоящая работа не претендует на всестороннее рассмотрение Слова о полку Игореве. В ней содержится лишь попытка решения вопроса об источниках, времени и авторе на основании итогов более чем полуторастолетнего изучения исследователями его исторического содержания, литературной формы и языкового строя.

Автор отдает себе полностью отчет в том, что многие стороны этой важнейшей проблемы не могут быть решены в рамках одной монографии и для этой цели необходимы совокупные усилия специалистов в разных областях науки. Но он считает, что изучение Слова о полку Игореве находится сейчас на такой стадии, что коренные интересы советской науки требуют постановки этих важнейших вопросов.

Пользуясь случаем, выражаю глубочайшую признательность акад. В. В. Виноградову, который взял на себя труд ознакомиться с текстом книги в рукописи и сделал автору много полезных замечаний. Дружескую помощь автору оказали в процессе создания этой работы Д. А. Авдусин, С. Н. Азбелев (Ленинград), С. И. Бернштейн, Е.

Б. Бешенковский, М. Е. Бычкова, С. Н. Валк (Ленинград), Н. П. Визирь (Киев), В. Б. Вилинбахов (Ленинград), Л. Н. Гумилев (Ленинград), А. Грицкевич (Минск), А. П. Каждан, Т. Н. Каменева, С. М. Каштанов, А. И. Клибанов, В. Б. Кобрин, Б. А. Колчин, Н. Ф. Котляр (Киев), В. Д. Левин, Ю. А. Лимонов (Ленинград), В. В. Лукьянов (Ярославль), Я. С. Лурье (Ленинград), В. И. Малышев (Ленинград), А. Н. Мальцев, А. Ф. Медведев, В. С. Мингалев, А. Л. Монгайт, В. Н. Новопокровская (Орел), А. С. Орешников, В. Т. Пашуто, И. Плетнев (Чернигов), А. В. Позднеев, Б. Ф. Поршнев, В. Г. Смолицкий, И. Г. Спасский (Ленинград), Т. А. Сумникова, О. П. Суханова (Ленинград), Н. И. Толстой, А. В. Храбровицкий, Л. В. Черепнин, М. М. Штранге и многие другие коллеги, в их числе сотрудники научной библиотеки Института истории АН СССР и архивов Москвы, Ленинграда, Киева и Чернигова. Всем им автор приносит искреннюю благодарность.

Глава I. КРАТКАЯ И ПРОСТРАННАЯ РЕДАКЦИИ ЗАДОНЩИНЫ

Слово о полку Игореве, как известно, имеет много точек соприкосновения с древнерусской повестью о победе Дмитрия Донского в 1380 г. на Куликовом поле — Задонщиной. Перед любым исследователем, который стремится выяснить время происхождения Слова о полку Игореве, совершенно естественно встает вопрос о том, повлияло ли это произведение на Задонщину или, наоборот, само было составлено по ее образцу. От решения этого вопроса зависит и вывод о времени сложения Слова о полку Игореве. В самом деле, если автор Слова пользовался текстом Задонщины, то он не мог работать ранее 1380 г. Если же окажется, что Слово находилось в распоряжении составителя Задонщины, то его нельзя будет датировать временем позднее конца XIV—XV в.

До нас дошло четыре более или менее полных списка Задонщины, образующих две группы. Одна представлена древнейшим из списков К-Б 70-х гг. XV в., другая — списками XVI—XVII вв.: И1, У, С. [Здесь и далее обозначаем: К-Б — ГПБ, Кир. — Бел., № 9/1086; И1 — список ГИМ, Муз., № 2060; У — ГБЛ, собр. У идольского, № 632; С — ГИМ, Синод., № 790. Сохранился также отрывок из предисловия Задонщины по списку Ж (БАН, 1.4.1), близкому к И1 и сходным, а также фрагмент текста Задонщины по списку И2, близкому к тем же спискам (ГИМ, Муз., № 3045). {Списки «Задонщины» изданы в книге: «Слово» и памятники. С. 535–556.}] Основное отличие между ними сводится к тому, что после естественного конца списка К-Б (плач по погибшим воинам) в списках И1 и сходных помещена вторая часть, возвращающая читателя к рассказу о Куликовской битве и к победам русских воинов. Д. С. Лихачев пишет: «Говорить об особом виде (или особой редакции) текста памятника на основании только одного списка всегда бывает очень трудно для текстолога. Тем более это трудно в данном случае, когда текст списка не подтвержден ни одним другим списком и когда отсутствие в нем целой части может быть проще объяснено случайной дефектностью его протографа».[Лихачев. Изучение «Слова о полку Игореве». С. 43. Позднее Д. С. Лихачев признал, что «текст списка К-Б действительно можно считать особой редакцией» (Лихачев. «Слово» и культура. С. 286). {Сопоставляя список К-Б с Пространной редакцией Задонщины, Д. С. Лихачев далее пишет: «В списке К-Б мы видим не случайные ошибки и описки, а вполне сознательные сокращения и изменения. Это не дефектный список, а список, подвергшийся целенаправленной редактуре, — следовательно, это редакция». Там же.}] Действительно, наличие всего лишь одного списка затрудняет исследователя, определяющего его характер. Впрочем, примеров можно привести вполне достаточно, чтобы поставить вопрос о существовании отличия списка К-Б от других.

«Редакции текста, — пишет Д. С. Лихачев, — являясь результатом сознательной целенаправленной деятельности древних книжников, знаменуют собой этапы в развитии текста».[Лихачев. Текстология. С. 124.] Д. С. Лихачев считает, что могут быть идеологические, стилистические и фактологические редакции памятников. Если теперь

обратиться к списку К-Б, то вряд ли можно будет сомневаться, что перед нами особая редакция Задонщины. Различны идеологические аспекты освещения Куликовской битвы: только в списках И1 и сходных содержится развернутый панегирик победе русских воинов. В списке К-Б, как будет показано далее, этого нет. Отличается и состав фактов в обоих памятниках (иной перечень погибших воевод; в И1 и сходных много фактических дополнений в других частях). Наконец, список И1 и сходные характеризует иная стилистическая манера. Если К-Б близок к фольклорному протооригиналу памятника, то для архетипа списков И1 и сходных характерна книжная манера повествования, использование различных памятников древнерусской литературы. Говорить о механическом сокращении текста в К-Б совершенно невозможно.

Итак, перед нами две редакции Задонщины. Одну мы условно назовем Краткой (список К-Б), другую — Пространной (список И1 и сходные). [О Краткой и Пространной редакциях Задонщины совершенно определенно писал уже В. Ф. Ржига (Повести о Куликовской битве. М., 1959. С. 20), ср.: Ржига В. Ф. Слово Софония-ря-занца о Куликовской битве («Задонщина»)/Учен. зап. МГПИ им. В. И. Ленина. М., 1947. Т. 43. С. 38. Не вполне ясна позиция Р. П. Дмитриевой. С одной стороны, она пишет: «Отличия К-Б списка от остальных списков настолько велики, что вполне закономерным является выдвигаемое в ряде исследований определение его как особой краткой редакции» {Дмитриева Р. П. Приемы редакторской правки книгописца Ефросина//«Слово» и памятники. С. 264}. И в полном противоречии с этим в другой своей статье исследовательница пишет: «Мы не можем употреблять названия „краткая редакция“ и „пространная“, так как то, что понималось до сих пор под пространной редакцией, не является единым текстом, противостоящим краткой редакции» {Дмитриева. Взаимоотношение списков. С. 202}. Но те отдельные чтения, которые связывают К-Б с С, не могут быть сопоставлены по своему значению с кардинальными отличиями списка К-Б от всех остальных списков, объединенных и композиционным, и идейным, и стилистическим единством. Отличия С (и сходных мест К-Б) от И1 и У столь небольшие, что их нельзя назвать редакционными (как это делает Р. О. Якобсон). Зато различия С и К-Б настолько велики, что оба списка нельзя объединить в один извод (как это делает Р. П. Дмитриева), ибо другой «извод» (в который Р. П. Дмитриева включает списки И1 и У) окажется ему не «равновеликим»: ведь расхождения между списками И1 и У «незначительны и существенных смысловых отклонений между ними нет» (Там же. С. 208). {См. также: Дмитриев Л. А. «Задонщина» // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Л., 1988. Вып. 2 (вторая половина XIV–XVI в.), ч. 1: А — К. С. 345–353; Дмитриева Р. П. Задонщина//Энциклопедия. Т. 2. С. 202–211.}] Слово о полку Игореве имеет прежде всего черты близости со списками И1 и сходными памятниками, хотя отдельные его чтения созвучны и списку К-Б.

Наличие двух редакций Задонщины и особенно их отношения к Слову ставят перед исследователями новую задачу. Выяснение взаимоотношений Слова и Задонщины возможно только после предварительного рассмотрения трех вопросов:

1. Текстологических отношений Задонщины с другим произведением о Куликовской битве — Сказанием о Мамаевом побоище, с которым обе редакции Задонщины имеют черты сходства.

2. Истории текста Задонщины, т. е. выяснения того, какая из сохранившихся редакций памятника может считаться первоначальной, а какая вторичной. Впрочем, логически возможен вариант, когда обе редакции могут быть производными от архетипа, имевшего черты и той и другой. В связи с этим необходимо восстановить первоначальный архетип памятника, проследить дальнейшую его судьбу (попытаться установить время, автора и источники каждой из редакций Задонщины).

В литературе было предпринято несколько попыток составления архетипа Задонщины. Однако исследователи при этом исходили не столько из реального соотношения дошедших до нас списков Задонщины, сколько из их отношения к Слову о

полку Игореве. Все чтения любого из списков, напоминающие Слово, возводились к протографу повести о событиях 1380 г. {Подробнее об этом см. Приложения к настоящей работе.} Но если считать вопрос о соотношении Задонщины и Слова еще требующим разрешения, вряд ли такой путь реконструкции можно считать правильным.

3. Текстологической связи Слова с редакциями, видами и списками Задонщины с тем, чтобы определить, чем объясняются совпадения отдельных чтений Слова с различными текстами Задонщины. В самом деле, если будет доказано, что Слово текстологически связано только с Пространной редакцией Задонщины, а последняя восходит к Краткой и не имеет никаких других источников, которые могли быть отождествлены непосредственно (или опосредованно) со Словом, то Песнь о походе Игоря придется признать произведением вторичным, а Задонщину Пространной редакции первичной.

Впервые текст Задонщины (по списку У) был издан в 1852 г., а через 7 лет опубликован был и ее древнейший — Кирилло-Белозерский список. С тех пор вопрос о соотношении списков памятника и о его первоначальном виде стал предметом длительных споров. Еще И. И. Срезневский предположил, что Задонщина записывалась по памяти. А раз так, то, очевидно, оба опубликованных списка по-разному передают не дошедший до нас оригинал поэмы. [Срезневский И. И. «Задонщина» великого князя господина Дмитрия Ивановича и брата его Володимира Андреевича//ИпоРЯС. СПб., 1858. Т. 6, вып. 5. С. 337–344.] Мнение Срезневского не было единственным. Так, А. И. Смирнов считал, что «Писание Софония» (так он называл текст, положенный в основу списка К-Б) являлся древнейшим, тогда как «Слово о великом князе Дмитрие Ивановиче» (так он называет список У) всего-навсего его подражанием. В доказательство этого тезиса он ссылаясь на то, что составитель последнего сочинения прямо называл своего предшественника («Яз же помяну Рязанца Софония»). «Писание» (дошедшее до нас не в первоначальном виде) он излагал по памяти, а не по какой-либо рукописи. [Смирнов А.И. О Слове о полку Игореве. Вып. 2. Пересмотр некоторых вопросов. Воронеж, 1879, с.136, 170] Вывод А. Смирнова разделял и С. П. Тимофеев. «Задонщина» Софония, по его мнению, сложилась в XV в. и послужила основой для Слова о Дмитрие. [Тимофеев С. П. Сказания о Куликовской битве: (Опыт историко-литературного исследования)// ЖМНП. 1885. Сентябрь. С. 26, 45.] О «Кратком» (К-Б) и «Пространном» (У) видах Задонщины писал и Е. В. Барсов. Принимая схему соотношения текстов, предложенную А. Смирновым, Е. Барсов вносил в нее некоторые коррективы. Так, он считал, что «Писание Софония» (К-Б) «дошло до нас в его первоначальном виде» и наряду со Словом о полку Игореве послужило источником Слова о Дмитрие. «Предполагать, — писал он, — что была еще какая-то неизвестная пространная поэма Софония, по отношению к которой дошедшее до нас его Писание есть лишь сокращение и которая в свою очередь служила источником для Слова о Дмитрие, не представляется, говорим, достаточных оснований». [Барсов. Слово. Т. 1. С. 438–439.] Вывод Барсова о путях складывания Задонщины разделял позднее М. Н. Сперанский. [Об этом см. главу VIII.]

Наиболее обстоятельную работу, посвященную Сказанию о Мамаевом побоище и Задонщине, в дореволюционной литературе написал С. К. Шамбинаго. [Шамбинаго. Повести.] Заслугой автора являлось прежде всего выявление редакций Сказания путем широкого привлечения рукописной традиции. Им было установлено наличие первой (по терминологии Л. А. Дмитриева: Киприановской) редакции, второй (Летописной), третьей (Основной), четвертой (Распространенной) редакций. Существенно было также суждение С. К. Шамбинаго о влиянии Задонщины на первичный текст Сказания и о вторичном влиянии на отдельные списки этого памятника.

С. К. Шамбинаго исходил из тезиса о том, что в списке К-Б до нас дошел сокращенный вариант первоначальной редакции Задонщины. Он ссылаясь на отсутствие в К-Б «второй половины» Задонщины, в которой центральным героем выступает Владимир Андреевич Серпуховской, тогда как в первой героем был один Дмитрий Донской. А так

как целью Задонщины явилось воздать похвалу и Дмитрию Донскому, и Владимиру Серпуховскому, то, следовательно, вторая часть должна была содержаться в протографе памятника.[Шамбинаго. Повести. С. 86. Этот вывод приняли А. А. Шахматов (Шахматов. Отзыв. С. 180) и Д. С. Лихачев (Лихачев. Изучение «Слова о полку Игореве». С. 43).] С этим трудно согласиться. Ведь уже в К-Б Дмитрий Донской и Владимир Серпуховской выступают вместе. Зато во второй части Пространной редакции героем бесспорно является великий князь Дмитрий Иванович. Владимиру Андреевичу посвящены лишь одна общая фраза («гораздо скакаше по рати поганым, златым шеломом посвечиваше») да обращение к своему «брату».

Второй аргумент С. К. Шамбинаго (наличие ошибок, пропусков в К-Б) в целом справедлив, но он может быть отнесен к дефектам списка, а не к самой Краткой редакции. Говоря об интерполяциях в К-Б, С. К. Шамбинаго правильно подмечает неудачное дополнение «сентября 8 в среду на Рожество пресвятыя Богородица», разрывающее текст повести. Но и оно могло быть вставкой составителя списка. Перечень убитых на Куликовом поле, полагает С. К. Шамбинаго, вставлен из Синодика. Но такого перечня погибших, как в К-Б, в Синодике нет. Фраза «от тоя рати и до Мамаева побоища» есть не только в К-Б, но и в И1 и других списках.

Серьезные коррективы к схеме С. К. Шамбинаго взаимоотношения редакций Сказания о Мамаевом побоище предложил А. А. Шахматов. Им, прежде всего, доказано позднее происхождение Киприановской (первой, по С. К. Шамбинаго) редакции Сказания. Он также высказал предположение о том, что уже в конце XIV в. возникло не дошедшее до нас Слово о Мамаевом побоище, которое повлияло и на Летописную повесть, и на Сказание, и на Поведание (Задонщину). В отличие от С. К. Шамбинаго, А. А. Шахматов устанавливает, что на Задонщину не оказывала воздействия Летописная повесть о Мамаевом побоище.[Шахматов. Отзыв. С. 182.] Не различая Краткую редакцию Задонщины и Пространную, А. А. Шахматов писал, что «писание Софониево представляется вообще памятником не живого, а книжного творчества».[Шахматов. Отзыв. С. 183.] Этот вывод очень верен для Пространной редакции Задонщины. Ошибка А. А. Шахматова состояла только в том, что он не рассматривал список К-Б как самостоятельную редакцию. Поэтому к выделенному им Слову он относил общие места Задонщины в целом, Сказания и Летописной повести. На самом деле, как мы можем убедиться, на Сказание влияла Задонщина редакции, представленной списком К-Б. Все другие общие места Сказания и Пространной редакции Задонщины легко объясняются позднейшим влиянием первого памятника на второй. По существу говоря, А. А. Шахматов подходил к выводу о влиянии Задонщины списка К-Б на Сказание.[Он писал также, что сухое изложение Летописной повести Сказание украсило заимствованиями из Поведания Софония (Там же. С. 186).] Говоря, что источником Задонщины было выделенное им Слово (конец XIV в.), А. А. Шахматов был прав в той мере, в какой можно говорить о том, что Сказание пополнено материалами Краткой редакции Задонщины. Сложение же самого Сказания о Мамаевом побоище А. А. Шахматов относил к самому началу XVI в. Он писал: «Я не сомневаюсь, что Сказание составлено в XVI веке лет через 100 с небольшим после Куликовской битвы».[Шахматов. Отзыв. С. 177, ср. с. 204.]

Большой интерес представляет выявленный М. Н. Тихомировым Забелинский список Сказания о Мамаевом побоище, доказывающий древность происхождения сведений этой повести о Куликовской битве.[Повести. С. 464.]

Существенное значение для понимания Сказания о Мамаевом побоище имеют исследования Л. А. Дмитриева, который придерживается мнения о более древнем происхождении Основной (третьей, по С. К. Шамбинаго) редакции этого памятника. Л. А. Дмитриев датировал ее 10-ми гг. XV в.[Дмитриев Л. А. 1) О датировке «Сказания о Мамаевом побоище»//ТОДРЛ. М.; Л., Т.10, с. 185–199. 2) К литературной истории Сказания о Мамаевом побоище//Повести. С. 406–448]

В результате исследований С. К. Шамбинаго, А. А. Шахматова, М. Н. Тихомирова и Л. А. Дмитриева было установлено наличие нескольких редакций Сказания о Мамаевом побоище, выявлено значительное число списков, опубликованы лучшие тексты, дающие представление о редакциях памятника, высказаны соображения об их соотношениях. Однако недостаточная изученность истории текста Сказания, отсутствие тщательного обследования всех списков затрудняют работу исследователя. К сожалению, не сохранился в полном виде текст первоначальной редакции Сказания. Тем не менее с оговорками на предварительность выводов необходимо попытаться представить себе соотношение Сказания и Задонщины.

Соотношению Краткой редакции Задонщины с Пространной редакцией посвящено капитальное исследование Яна Фрчека, погибшего в застенках гестапо в 1942 г. [О нем см.: Данилов В. В. Чешский славист Ян Фрчек // ТОДРЛ. М.; Л., 1956. Т. 12. С. 642–644.] Его книга была напечатана посмертно в 1948 г. [Frček J. Zädonstina. Praha, 1948.] но, к сожалению, фактически прошла мимо большинства исследователей Задонщины, продолжавших придерживаться точки зрения С. К. Шамбинаго. [Ржиг В. Ф. Слово Софония-рязанца о Куликовской битве // Доклады и сообщения филологического факультета МГУ. М., 1946. Вып. 1. С. 37–38; Адрианова-Перетц. Задонщина. (Опыт реконструкции). С. 206. Взгляды Я. Фрчека целиком принял А. Мазон (Mazon A. 1) Le Slovo. P. 8, 16, 34, 37; 2) La Campagne d'Outre-Don de 1380 // Journal des savants. Paris, 1948. Janvier — Juin. P. 15–25).] Выводы Яна Фрчека, сформулированные автором еще в 1939 г., [Frček J. Püvodnf podoba staroruske Zädonstiny // III Medunarodni Kongres Slavista. Odgovori na pitanja. Dopune (supplement). Beograd, 1939. N 3. S. 94–96.] сохраняют большое научное значение и до сегодняшнего дня.

На основании сличения всех сохранившихся списков Задонщины Ян Фрчек установил, что версия К-Б Задонщины, оканчивающаяся плачем по русским воеводам, погибшим на Куликовом поле, возникла по свежим следам событий, т. е. в конце XIV в. Пространную редакцию Задонщины Ян Фрчек датировал концом XV в. и связывал ее с падением татаро-монгольского ига на Руси. [Я. Фрчек понятий «Краткая» и «Пространная» редакция не знает: он называл список К-Б Задонщины «редакцией Л» (Ленинградской), а списки И1, У, С — «редакцией М» (Московской).] Эта редакция, кроме всего прочего, содержала вторую часть, которая состояла из прямых заимствований, восходящих к первой части памятника и Никоновской летописи. Эта часть возвращалась снова к решительной битве на Куликовом поле, состоявшейся 8 сентября 1380 г., хотя и была помещена после плача русских вдов в день «Иакима и Анны», т. е. 9 сентября. Вторичного происхождения был также текст об участии в битве новгородцев, отсутствующий в К-Б (новгородцы, как известно, в битве не участвовали). В работе Яна Фрчека не были рассмотрены отношение Слова о полку Игореве к Задонщине и связь Задонщины со Сказанием о Мамаевом побоище. Не пытался автор и реконструировать архетип обеих редакций Задонщины, т. е. проследить историю текста памятников. Тезис о первичности текста Задонщины по списку К-Б по сравнению с другими им обосновывался на основании отдельных примеров. [О них см. далее при сопоставлении текстов Краткой и Пространной редакций Задонщины.] Полного сличения текстов обеих редакций им произведено не было. А. Мазон посвятил спискам Задонщины первую главу своего исследования, причем только примерно половина ее относится к проблеме соотношения списка К-Б с остальными. [Mazon. Le Slovo. P. 18–40.] Он в основном повторяет выводы Я. Фрчека, расширяет тезис о Соломоне (р. 25–28) и добавляет несколько соображений о стиле списков Задонщины. Текстологического сопоставления в полном смысле этого слова у него нет. Автор свое внимание ограничивает разбором определенных эпизодов (заглавие, участие новгородцев в Куликовской битве, плачи вдов и некоторые другие).

Близко к выводам Я. Фрчека, хотя и совершенно иными путями, подходил А. И. Никифоров. По его представлению, Задонщина первоначально была устным произведением. Возникла она в 80—90-х гг. XIV в. в Белозерском крае и представляла еще

собою «песнь-плач». Записан этот плач в 70-х гг. XV в. Софонием (отсюда список К-Б). Затем уже в конце XV в. на основе первичной Задонщины формируется новая, московская или героическая редакция, представленная списком У идольского.[Никифоров. Слово. С. 210–211, 213 и др.] А. И. Никифоров как фольклорист занимался движением сюжета и приемами его устно-поэтического выражения. Он не учитывал судеб памятников как произведений письменной литературы, но в целом его наблюдения заслуживают внимания.

Работу Я. Фрчека продолжил А. Вайян. Он принял его основной вывод о соотношении редакций памятника и попытался восстановить их архетипы. По мнению Вайяна, Краткая Задонщина, близкая к произведениям фольклорного типа, составлена была вскоре после 1406–1407 гг., а Пространная Задонщина — в начале XVI в.[La Zadońścina. P. III–XIX.] А. Вайян датирует Краткую Задонщину на основании того, что в списке К-Б после ее текста помещен краткий летописец, обрывающийся сведением 1406/7 г. Однако временная связь Краткой Задонщины и летописца А. Вайяном не доказана. А. Вайян объясняет отсутствие упоминания в К-Б Олега Рязанского обстановкой времени княжения Василия I, когда Москва находилась с Рязанью в мирных отношениях. Состоянием неуверенного равновесия во взаимоотношениях Москвы и Литвы в начале XV в. объясняются, по мнению А. Вайяна, упоминания в К-Б о помощи Дмитрию со стороны двух литовских княжичей. Вывод об устном происхождении Задонщины принимает С. Н. Азбелев.[Азбелев. Текстологические приемы. С. 174.]

Уже после выхода в свет моих статей по текстологии Задонщины была опубликована обстоятельная монография О. Кралика об архетипе этого памятника. Разделяя в основном схему Я. Фрчека о соотношении редакций Задонщины, О. Кралик внес в нее существенные изменения и дополнения. Так, он склонен считать, что архетип Задонщины (в целом восходящий к списку К-Б) имел некоторые черты Пространной редакции. Заслугой О. Кралика является то внимание, которое он уделил Синодальному списку. Этот список, по его мнению, дает промежуточный текст как бы еще «складывающейся» Пространной редакции памятника. Черты близости списка К-Б к С он рассматривает «как рудимент более древнего этапа развития» или (теоретически, по его мнению, и это возможно) того, что «рукопись С возникла путем контаминации обеих редакций». Сказание о Мамаевом побоище Кралик считает источником Пространной редакции Задонщины.[Krälik. S. 161–174.] К сожалению, автор не дал «законченной текстологии» обеих редакций Задонщины, что придает его выводам иногда известную неопределенность.

С. Н. Азбелев считает Краткую редакцию Задонщины первоначальнее Пространной, которая якобы основана на иной записи устного типа.[Азбелев. Текстологические приемы. С. 180–181.]

Много сделали для изучения Задонщины В. П. Адрианова-Перетц[Адрианова-Перетц. 1) Задонщина. С. 194–224; 2) Задонщина. (Опыт реконструкции). С. 201–255; 3) «Слово» и «Задонщина». С. 131–168.] и В. Ф. Ржига.[Ржига В. Ф. Слово Софония-рязанца... 1947; Повести.] Им принадлежат первоклассные издания текстов памятника, первые в советской литературе попытки реконструкции его протографа, комментарии к «темным местам» произведения и ряд других очень ценных наблюдений об авторе Задонщины и фольклорном характере первоначального текста. В своих построениях они исходили из тезиса о влиянии Слова о полку Игореве на Задонщину. Поэтому все чтения любого из списков Задонщины, напоминавшие Слово, возводились В. П. Адриановой-Перетц в архетип памятника (без выделения его редакций). Фактически никакого текстологического сопоставления Краткой и Пространной редакций Задонщины произведено не было. Тезис о том, что Краткая редакция «получилась в результате сокращения» оригинала, который имел пространный характер, высказал В. Ф. Ржига.[Ржига В. Ф. Слово Софония-рязанца... 1947. С. 12.] Близки к этому были и наблюдения

В. П. Адриановой-Перетц, положившей в основу реконструкции архетипа список И1, представляющий Пространную редакцию.

В. П. Адрианова-Перетц поставила вопрос: «Все ли совпадения Задонщины и Сказания должны рассматриваться как перенесение эпизодов Задонщины в Сказание? Не повлияло ли оно само на какие-то версии Задонщины? Разобраться в этих вопросах можно будет лишь после того, как будет пересмотрена литературная история текстов сказания». [Адрианова-Перетц. Задонщина. (Опыт реконструкции). С. 204.]

На этот вопрос пытались дать ответ Л. А. Дмитриев [Дмитриев. Вставки из «Задонщины». С. 385–439.] и Н. С. Демкова [Демкова. Заимствования из «Задонщины». С. 440–476.] Работе Л. А. Дмитриева присущ априорный, если так можно выразиться, метод исследования. Обнаружив следы близости между Сказанием и отдельными списками Задонщины, автор делает два вывода: а) Задонщина является источником Сказания; б) в первоначальной Задонщине были все те черты, которые можно обнаружить в общих местах между Сказанием и дошедшими до нас ее списками. Оба эти вывода автором не столько доказываются, сколько иллюстрируются многочисленными примерами. В самом деле, из факта близости Сказания и списков Задонщины можно сделать различные выводы, в частности и тот, что Сказание само было источником Задонщины. Однако этот вариант Л. А. Дмитриев даже не рассматривает, что лишает его первый вывод убедительности. Не более убедителен и второй вывод, ибо и он только прокламируется и базируется не на генеалогии текстов Задонщины (что совершенно необходимо), а на факте отражения разных чтений Задонщины в Сказании. Таким образом одно априорное утверждение покоится на другом.

Положение Н. С. Демковой было еще более сложно, ибо история текстов Распространенной редакции Сказания не изучена вовсе. Не прибавляет многого к этому и сама Н. С. Демкова. Она выявила ряд списков Сказания, в которых есть следы влияния Задонщины. Но вместо того чтобы установить генеалогическое соотношение текстов Распространенной редакции Сказания, автор ограничивается констатацией близости отдельных мест выявленных ею списков Сказания к разным спискам Задонщины с самыми общими замечаниями о том, что они *могли* восходить к первоначальной редакции этого памятника или к ее поздним вариантам.

Все это делает необходимым пересмотреть заново проблему соотношения Сказания и Задонщины по основным группам сохранившихся списков Сказания. [«Сказание о Мамаевом побоище» издавалось неоднократно. А. А. Зимин цитирует его по книге Повести, где оно опубликовано по списку Основной редакции РНБ, О.IV.22 (с. 43–75), по списку ГИМ, Синодальное собр., № 485 Летописной редакции (с. 79–107), по списку РНБ, собр. Погодина, № 1414 Распространенной редакции (с. 111–162) и по Забелинскому списку — ГИМ, собр. Забелина, № 261 (с. 165–207). В книге «Сказания и повести о Куликовской битве» (издание подготовили Л. А. Дмитриев и О. П. Лихачева. Л., 1982) опубликовано «Сказание» по списку РНБ, О.IV.22 Основной редакции (с. 25–48), по списку БАН, 32.4.8 Киприановской редакции (с. 49–72), по списку РНБ, О.XVII.223 Распространенной редакции (с. 73–102) и по списку РНБ, F.IV.228 Печатного варианта Основной редакции (с. 103–127). В книге «Памятники Куликовского цикла» (составители А. А. Зимин, Б. М. Клосс, Л. Ф. Кузьмина, В. А. Кучкин. СПб., 1998) «Сказание» опубликовано по списку РГБ, собр. Ундольского, № 578 Основной редакции (с. 137–199), по Ермолаев-скому списку (РНБ, F.IV.231) той же редакции (с. 226–250), по списку ГИМ, собр. Уварова, № 116 (1386) (с. 251–302) редакции князя И. Ф. Хворостинина, в редакции Синописа (с. 316–342) и в редакции Пантелеймона Кохановского по списку РНБ, F.IV.215 (с. 343–371).]

Несколько списков этого памятника сохранили несомненные следы влияния Пространной редакции Задонщины.

Так, Румянцевский список самого конца XVII в. (ГБЛ, собр. Румянцева, № 378) и сходный с ним Уваровский I XVII в. (ГИМ, собр. Уварова, № 544/1831) принадлежат к

Основной редакции Сказания. В них помещены плачи вдов погибших воевод.[Повести. С. 462–463; Шамбинаго. Повести. С. ИЗ—116.] Эти плачи даны в варианте списков Пространной редакции Задонщины, но с рядом поздних напластований. Некоторые чтения Румянцевского и Уваровского I списков близки к И2 и к С, т. е. к протографу Пространной Задонщины.[Рум. 378 «жена Микулы Васильевича Марья», ср. С «Микулина жена Марья». Рум. 378 «да Дмитриева жена Воложского Марья», ср. И2 «да Марья Дмитриева жена Волыньского»; «рать прибила» близко к «раты прибыла» списка С. Рум. 378 «за святые церкви и за землю Рускую, и за веру крестьянскую и за твою великую обиду» близко к С: «от святых божьих церквей за православную веру христианскую и за господаря великаго князя».] Близок к этим спискам более поздний вариант плачей, помещенный в списках Сказания конца XVII в. после перечня убитых: Уваровском II (ГИМ, собр. Уварова, № 492/1435, л. 69–69 об.), Погодинском (ГПБ, собр. Погодина, № 1555) и Музейном (ГБЛ, Музейное собр., № 3123, с. 123–124).[Опубл. в кн.: Шамбинаго. Повести. С. 266. Согласно этим спискам плачут Феодосья Микулина жена Васильевича и Мария Дмитриева жена Валуевича.]

Особая редакция фрагментов о черной земле, разгроме татар и плачей помещена в списке Сказания Распространенной редакции ГБЛ, собр. Тихонравова, № 238, л. 77–77 об., 85 об. — 86 об.[Демкова. Заимствования из «Задонщины». С. 468–471.] После отрывка «Черная земля... и езера потемнишася» здесь помещен текст Сказания: «и бежаша татарове... съшел еси».[Повести. С. 150.] После этого идет переходная фраза: «И возвратишася вспять, покрыта руками главы своя, горазда имь тоску подаваша и тугу». Затем читается фрагмент в списке собр. Тихонравова, № 238: «Тут бо они разноразлучишася... Уныша главы их» с отрывком о катунях, имеющимся только в Задонщине по списку И2.

В середине этого отрывка после фразы о грозе вставлен мотив из Задонщины («Руския же сынове широкия поля кликом оградиша и злаченныя доспехи осветиша. Тогда князи руския и воеводы крепкие полки поганове прогнаша»). После большого заимствования из фрагмента Задонщины «Тут бо они...» в списке собр. Тихонравова, № 238 возобновляется основной текст Распространенной редакции Сказания («Многи бо уязвени наших сыновъ» и т. п.).

Второе большое заимствование из Задонщины — плачи вдов — помещено перед рассказом Сказания о посылке Дмитрием Донским гонца к великой княгине.[Повести. С.155] В нем есть несколько черт, сближающих его с ГБЛ, Музейное собр., № 3123 и ГИМ, собр. Уварова, № 492. Это, во-первых, преамбула о том, что печальная весть о погибших воеводах прибыла в Москву «на память преподобных матери наших Феодоры Александрийския к преосвященному митрополиту Киприяну и к великой княгине Евдокии и к воеводским женам. Сказаша им, которых побиты». Второй элемент сходства — это фраза «прорыла еси горы и камене, течешь сквозь Половецкую землю» (Музейное собр., № 3123: «протекла еси сквозе каменные горы, а течешь в землю Половецкую»). Ср. собр. Уварова, № 492 и собр. Погодина, № 1555. Предлога «сквозь» в списках Задонщины нет. В остальном плачи списка собр. Тихонравова, № 238 близки к Пространной Задонщине (нач.: «и воспеша, аки птицы жалостными песнями, гласы восплакались княгини и боярыни убиенных всех»). Как в списке С, здесь жена Микулы Васильевича верно названа Марьей. Судя по этому, плачи списка собр. Тихонравова, № 238 восходят к одному из списков Пространной Задонщины, близкому к ее архетипу. В пользу этого говорит и отрывок «се уже веселие мое и слава пониче в славне граде Москве».[В К-Б «наша слава», в И1 и сходных «веселие мое».] Очевидно, плачи собр. Тихонравова, № 238 основаны на тексте Пространной Задонщины, имевшем больше элементов Краткой, чем сохранившиеся. В составе плачей собр. Тихонравова, № 238 нет фразы о диве. Плач коломенских жен дан в сокращении: «восплакались коломенския жены, княгини и боярыни, а рекоша тако: «Уже бо мужей наших рать устыделася». И по всех многия жены плакашеся горко».

Небольшой фрагмент Задонщины помещен в списке Сказания Распространенной редакции ГБЛ, Музейное собр., № 2527, л. 185–185 об. [На это впервые обратила внимание Н. С. Демкова (Демкова. Заимствования из «Задонщины». С. 442, 449, 461, 463). Близок к этому тексту список ГПБ, Q.XVII, № 70 (Шамбинаго. Повести.)] Здесь рассказ о приезде Ольгердовичей к Дмитрию Донскому начинается словами: «Дети есмь Олгердовичи, а внуки Гедемонтовы. Зберем, брате, милую дружину, храбрую литву, удалых удалцов, а сами сядем на добрыя кони да смотрим быстрого Дону, испием шоломы воды, поедем на помощь к великому князю Димитрию Ивановичю Московскому».[Демкова. Заимствования из «Задонщины». С. 471.] Текст близок к списку С Задонщины («испием шо-|ломы воды», «милую дружину», в И1—«братью милую», У — «брате милые»). Слово «дети» сближает Музейное собр., № 2527 с К-Б (в И1 пропуск; У, С «сынове»). Но это совпадение вполне может носить случайный характер, ибо в остальном Музейный список Сказания близок к Пространной Задонщине.

В списке Оболенского (ЦГАДА, ф. 181, № 70/98, XVII в.) Распространенной редакции Сказания помещены два отрывка: о «черной земле» на поле Куликове («черная земля... потоки езера наполнишася») и о бегстве татар («И возвратишася вспят, покрыша руками главы своя... уныша гласы их»).[Шамбинаго. Повести. С. 117–118.] Текст также вторичен по сравнению с протографом Пространной редакции Задонщины. Он, несомненно, более близок к спискам У, И1, И2, чем к С (есть чтения «разлучишася», бежали «неуготованными дорогами в Лукоморье» и др.). Наибольшее сходство обнаруживается со списком И2 (есть слова «а катун... не просит»).

В Тихонравовском списке Распространенной редакции Сказания (ГБЛ, собр. Тихонравова, № 337) после слов: «начаша одолевати... поганый» идет текст: «уже возлияс хвала на хулу, и вержеся диво на землю».[См.: Шамбинаго. Повести. Тексты. С. 116.] В Задонщине по списку И1 наиболее близкий текст: «уже Руской земли... възнесеся слава руская на поганых хулу. Уже вержено диво на землю». Повержение на землю дива в Задонщине — естественный результат победы русских, по Тихонравовскому же списку получается, что «див вержен», так как начали одолевать татары.

В том же списке Сказания есть текст о лисицах, которые брешут на «злащен-ны доспехи», а не на кости, как в остальных списках Задонщины.[См.: Шамбинаго. Повести. Тексты. С. 106.] Списки собр. Тихонравова, № 337 и сходный с ним — ЦГАДА, собр. МГАМИД, № 71 появились в результате влияния на Сказание Распространенной редакции особой версии Сказания Основной группы Основной редакции, представленной списками ГИМ, собр. Уварова, № 802, ГПБ, F.IV.231, БАН, 21.3.14 и др. В этих списках уже читаются упомянутые два отрывка Задонщины.[Подробнее см. главу III.]

Списки Печатной группы Основной редакции: Тимковского,[Опубл. И. Снегиревым: Сказание о побоище великаго князя Димитрия Иоанновича Донского// Русский зритель. М., 1829. Ч. 5. № 17–20. С. 3—68 и вторично: Поведание и сказание о побоище великаго князя Димитрия Донского, Слово о житьи и преставлении его, и Слово о плъку Игореве // Русский исторический сборник. М., 1838. Т. 3, кн. 1. С. 1—80.] ГПБ, F.IV.228; ГПБ, F.IV.231; ГПБ, Q.XV.70; ГПБ, собр. Погодина, № 1626; ГПБ, собр. Помяловского, № 124; ГПБ, собр. Тиханова, № 205; БАН, 16.17.22. Все они не ранее конца XVII в. В них использован текст Задонщины по варианту, близкому к протографу списков И1, И2, У и С, т. е. Пространной редакции.

В Сказании Печатной группы заимствования из Задонщины выступают очень выпукло. В распоряжении автора находился текст, имевший еще некоторые черты сходства с К-Б, но в основном близкий к протографу И1, У и С.

Приведем общие места трех памятников.

Первый отрывок — сборы рати Дмитрия Донского.

Сказание Печатной группы (с. 16): Уже бо, братие, не стук стучит и не гром гремит в славне граде Москве, стучит рать великаго князя...

К-Б: Уже бо, брате, стук сту-чить и гром гремит в славне городе Москве. То ти, брате, не стук стучить, ни гром гремит, стучить сильная рать великаго князя... {л. 125}.

Сказание Основной группы[Повести. С. 51.]: Ту же, братие, стук стучить и аки гром гремит в славнем граде Москве, то идетъ сильнаа рать великаго князя...

Этот пример показывает отличие Сказания Печатной группы от Основной группы. [В списках Печатной группы чтения ближе к Основной группе. Так, ГПБ, F.IV.228: «Уже бо стук стучит, аки гром гремит» (л. 5); ГПБ, Q.XV.70: «Уже бо стук стучит и гром гремит» (с. 30); ГПБ, собр. Тиханова, № 205: «Уже бо, братия, стук стучит и гром гремит» (л. 179). В списке ГПБ, Q.XV.70 в конце этого отрывка есть дополнение: «русские удалцы стучат кола(н)тыри злачеными со щиты черленыя».] Непосредственно с К-Б связывает Сказание Печатной группы только отрицательный параллелизм.[По Л. А. Дмитриеву, отрицательное сравнение, связывающее Печ. с К-Б и С, могло в Сказании появиться независимо от Задонщины в результате фольклоризации текста (Дмитриев. Вставки из «Задонщины». С. 394). Но К-Б сходен с Печ. и в других случаях, а это не позволяет принять предложение Л. А. Дмитриева.]

Второй отрывок отсутствует в К-Б и Сказании Основной группы:

Сказание Печатной группы (с. 23):

Воеводы у нас велми крепцы, а русские удалцы сведоми, имеют под собою борзы кони, а доспехи имеют велми тверды, злаченные колантыри и булатныя байданы и колчары фряйския, корды лятцкие, сулицы немецкие, щиты червенныя, копыя злаченыя, сабли булатныя, а дорога им велми све-дома, берези им по Оце изготовлены, хотят головы своя сложити за веру христианскую...

И1:

Воеводы у нас уставлены (С далее: крепкия. — А. 3.), дружина нам сведома, имеем под собою борзых комони, а на себе золоченыя доспехы, а шеломы черкасские, а щиты московские, а сулицы ординские (У, С немецкие. — А. 3.), а чары франьския, мечи булатныя. И молвяше (С двух слов нет. — А. 3): «Поганый путь им знаем вельми, а перевозки им изготовлены, но еще хотят силно главы своя положити за веру крестьянскую» {л. 219}.

Здесь интересно чтение «колчары (в F.IV.228 «конъчаны», собр. Тиханова, № 205 «комчары», БАН, 16.13.2, л. 78 «кончары») фряйския», в отличие от «чары франьския» (И1), «кинжалы фряския» (У) > «кофыи фраския, кинжалы мисурскими» (С). В К-Б встречались «калантары злачены», но в другом фрагменте. Выражение «русские удалцы» есть выше в И1 и других в сходном контексте («гремят удалцы руския золочеными доспехами»). Упоминание о «русских удалцах» и «калантырях» (редкое слово!) в Печ. дает Л. А. Дмитриеву основание считать, что в Печ. отразились чтения как «первоначального текста „Задонщины“, так и особенности, характерные только для списка К-Б».[Дмитриев. Вставки из «Задонщины». С. 396; Ср.: Królik. S. 40.] Но текстологического обоснования, как это отражение стало возможным, Л. А. Дмитриев не дает.[Не доказала и Р. П. Дмитриева того, что в К-Б помещен вариант более поздний, чем в Печ., во всяком случае наличие новых сказуемых при каждом виде оружия об этом не свидетельствует (Дмитриева. Взаимоотношение списков. С. 228, ср. замечания О. Кралика (Królik. S. 41–42); Дмитриева. Взаимоотношение списков. С. 229–230).]

Выражение «Дорога им... сведома» Печ. близко к С («дороги нам сведома») и является более первоначальным, чем чтение И1.

Третий отрывок — выезд Владимира Серпуховского:

Сказание Печатной группы (с. 26–27):

Хотят укупити чти и славнаго имяни... Дивно и грозно бо в то время слышати, а громко в варганы быют, тихо с поволокою ратные трубы трубят, многогласно и часто коне ржут. Звенит слава по всей Руской земли, велико вече быют в Великом Новеграде. Стоят мужи новъгородцы у святых Софеи премудрости Божия, а ркучи между собою таковое

слово: «Уже нам, братие, на помощь не поспети к великому князю Димитрию. Уже бо яко орли слеталися со всей Руской земли, съехалися дивныя удалцы, храбрых своих пытати».

Не стук стучит, не гром гремит, по зоре стучат и гремят русские удалцы. Князь Володимер Андреевич возится реку...

И1:

На Москве кони ржжут.

Звенит слава руская по всей земли Руской. Трубы трубят на Коломне. В бубны бьют в Серпохове (С: трубы трубят у Серпогове. Бубны бубнят на Коломне. Звинит слава по всей земле Руской. — А. 3). Стоят стязи у Дону у великого на брези. Звонят ко-локолы вечныя в Великом Новгороде.

Стоят люди (У, С мужи. — А. 3.) новгородцы у святой Софеи, а ркучи: «Уже нам, братие, на пособе великому князю Димитрию Ивановичи) не поспеть».

И как слово изговаривая, уже бо яко орлы слетешася, и выехали посадники... То те съехалися вси князи руския... {л. 216 об.}.

К-Б:

Кони ржут на Москве. Бубны бьют на Коломне.

Трубы трубят в Серпухове. Звенить слава по всей земли Русьской. Чюдно стязи стоять у Дону великого. Пашутся хо-ригови берчати, светяться калантыри зачены. Звонят коло-коли вечнии в Великом в Новгороде.

Стоять мужи наугородци у святыя Софии, а ркучи такову жалобу: «Уже намь, брате, к великому князю Дмитрею Ивановичи) на пособь не поспети». Тогда, аки орли, слетошася, со всея полунощныя страны. То ти не орли слетошася, съехалися все князи русския... {л. 123 об. — 124}.

В Сказании Основной группы вместо этого текста: «хоть себе чьсти добыти и славнаго имени. Ужо бо, братие, стук стучить и гром гремит по ранней зоре, князь Владимир Андреевич Москву-реку перевозится».[Повести. С. 56.] Основное отличие Сказания Печатной группы от Пространной редакции Задонщины — отсутствие рассказа об участии новгородцев в Куликовской битве. Текст, следовательно, ближе к К-Б («со всея» и «дивные удалцы» в конце этого списка). Однако в этом случае не исключено, что текст Пространной Задонщины об участии новгородцев в общерусской борьбе просто не был помещен составителем Печатной группы (в соответствии с данными Сказания). Р. П. Дмитриева обнаружила глухие следы Пространной редакции в Печ.: «Уже бо яко орли» (в отличие от «тогда аки орли» К-Б). «Храбрых своих пытати» соответствует «храбрых плечев испытати» из речи Дмитрия Донского Пространной Задонщины.[Дмитриева. Взаимоотношение списков. С. 128. Слово «дивно» (или «градом диво» в других списках Печ.) Л. А. Дмитриев и О. Кралик связывают с «учинит имам диво» С и сходным в К-Б (Дмитриев. Вставки из «Задонщины». С. 405–406; Królik. S. 37). Р. П. Дмитриева сближает между собою «такое слово» (Печ.) с «такову жалобу» (К-Б). Сходство этих текстов очень отдаленно. См.: Дмитриева. Взаимоотношение списков. С. 261.]

Четвертый отрывок — зловещие предзнаменования.[Повести. С. 61.] В Сказании Печатной группы, в отличие от Основной группы, добавлено «лисици на кости брешут» (с. 40), в соответствии со списками И1, У, С Пространной редакции Задонщины, в отличие от К-Б («лисици часто брешют»).[Об этом же см.: Królik. S. 35, 36.]

Пятый отрывок — описание боя:

Сказание Печатной группы (с. 55, 57):

...крепко ступишася: треснута копия харалужная, звенят доспехи злаченныя, стучат щиты черленныя, гремят мечи булатныя и блистаются сабли булатныя и много напрасно бьющася...

...не турове возревеша, возревеша мнози удалцы...

И1:

...ударишася копии хара-ужничьными о доспехы татарския, възгремели мечи булатныя о шеломы хиновския... {л. 219 об.}.

Не тури (не турове С. — А. 3.) возгремели на поле Куликове, побежени у Дону великого {л. 220}.

К-Б:

Грянуша копия харалуж-ныя, мечи булатныя, топори легкие, щиты московския, шеломы немецкие... {л. 127}.

Не тури возрыкають на поле Куликове... взопаша избиении... {л. 128}.

В Сказании Основной группы вставки нет («крепко бьющися, напрасно сами себе стираху»).[Повести. С. 69.] Форма «не турове» связывает С с Печ.[Krälik. S. 39.] Сходство К-Б с Печатной группой установить трудно.[О сходстве отрывка о копьях в К-Б с Печатной группой писал Л. А. Дмитриев (Дмитриев. Вставки из «Задонщины». С. 414–415; Krälik. S. 37). В Морозовском списке (ГПБ, F.IV.228) — «стреснуша».] Однако последняя имеет созвучие с Задонщиной, использованной в Псковской летописи под 1514 г. («треснули копия московская и гремят мечи булатные о шеломы литовския»).[Пл. Вып. 1. С. 98.] Не исключено, что в протографе Пространной Задонщины (с элементами Краткой) читалось «треснута», а не «ударилша» копыи «хараужничьными».[В. С. Мингалев обратил наше внимание на список Помяловского Печатной группы, где также есть текст «треснуша копия харалужныя» (ГПБ, собр. Помяловского, № 124, л. 30).]

Шестой отрывок — притча о старых и молодых:

Сказание Печатной группы (с. 58):

...сладкого вина пити. Лепо

бо есть в то время и стару помо-лодиться, а молодому храбрости испытати.

К-Б:

Того даже было нелепо стару помолодиться... {л. 127–127 об.}.

И1:

Добро бы, брате, в то время стару помолодиться, а (С далее: молоду чести добывать — А. 3.) удалым плечь по-пытати {л. 220}.

Сентенция о старых и молодых отсутствует в Сказании Основной группы.⁶⁵ В Печатной группе текст в первой половине фразы близок к К-Б (где только описка «нелепо»), тогда как во второй — к И1, У и С (И1 в первой половине «добро бы», У «надобно», С «добро»). Перед нами след близости Печатной группы к протографу Пространной редакции Задонщины с элементами Краткой.[См. также: Krälik. S. 39, 40.]

Седьмой отрывок из Задонщины (о трофеях) помещен после рассказа о гибели Мамая:

Сказание Печатной группы (с. 67–68):

...ту и убиен. Удальцы восплескаше в татарских узорочиях, везучи в землю уюсы, и насычи, бугай, коне и волы и вельблуды, меды и вина и сахара. Предъвознесеса слава руская над поганых землею...

И1:

...руския сынове разграбиша татарская узорочья, доспехи и кони, волы и вельблуды, вино, са-харь, дорогое узорочие, камкы, насычеве везут женам своим. Уже жены руския въсплескаша татарьским златом. Уже Руской земли простреся веселье, и възнесеса слава руская на поганых хулу {л. 222 об. — 223}.

В К-Б и Сказании Основной группы этого отрывка нет.

Восьмой отрывок (хвала победе) помещен непосредственно после седьмого в самом конце Сказания Печатной группы:

Сказание Печатной группы (с. 68):

...ревут рози великаго князя по всем землям, поиде весть по всем градом ко Орначу, к Риму (в изд.: Криму. —А. 3.), к Кафе, к Железным вра-том, ко Царюграду на похвалу: Русь поганый одолеша на поле Куликове, на речке на Непрядве. Воздадим хвалу Руской земли!

И1:

Шибла слава к Железным вратом, к Риму и к Кафы по морю и к Торнаву и оттоле к Царюграду на похвалу: Русь великая одолеша Мамая на поле Куликове (У далее: на речке Напряде. — А. 3.) {л. 219 об.}.

В Сказании Основной группы этого фрагмента нет. Совершенно иной он и в К-Б. Слова «ко Орначу» перекликаются с «Ворнавичем» (С) и «к Каранаичи... и к Которнов» (У). В К-Б помещен иной текст («воды возпиша, весть подаваша по... моремь»). Наиболее близок конец отрывка к С, где «Русь поганых одалеша».[Упоминания о «вести» и предлога «по» в К-Б и Печ. недостаточно для установления между ними текстологической связи: все остальные списки Задонщины этих особенностей не знают.] Слова «по всем градом» близки «по всим землям» С и «по рожнымь землям» К-Б.

Итак, из восьми отрывков Задонщины, помещенных в Сказании Печатной группы и отсутствующих в Основной группе, два (2, 7) отсутствуют в К-Б, но есть в И1 и сходных; четыре (1, 4, 5, 8) есть в К-Б, но помещены в Печатной группе по Задонщине Пространной редакции. И вместе с тем Задонщина имела еще некоторые черты Краткой (3, 6), которые отсутствуют в списках И1, У, С, или чтения, имеющиеся как в К-Б, так и в С (в отличие от позднейших И1 и У).[По Л. А. Дмитриеву, автор Печ. пользовался протографом К-Б, более близким к авторскому тексту Задонщины, чем дошедшие до нас списки {Дмитриев. Вставки из «Задонщины». С. 432}. На наш взгляд, это был текст Пространной редакции Задонщины, сохранивший еще некоторые черты Краткой, которые позднее в дошедших до нас списках Пространной Задонщины уже отсутствуют. О близости Печатного извода к списку С писал О. Кралик (Krälik. S. 35–36).]

Поэтому отдельные чтения Печатной группы Сказания можно использовать при восстановлении архетипа Пространной Задонщины.

Сложнее выяснить отношение Пространной редакции Задонщины с группой Ундольского Основной редакции Сказания о Мамаевом побоище. Эта группа представлена ранним лицевым списком Ундольского (XVI в.)[ГБЛ, собр. Ундольского, № 578. Оpubл.: Шамбинаго. Сказание. С. 13–55.] и сходными с ним.[См.: Повести. С. 450; Шамбинаго. Повести. С. 260–261. В списках этой группы плачут Федосья Микулина и Марья Дмитриева жена, а их утешает Евдокия, в уста которой вложены причитания коломенских жен. Близкий текст плача см. в списке ГИМ, собр. Уварова, № 492 (Царского, № 310) (Шамбинаго. Повести. С. 266). К этой группе восходят списки: ГИМ, собр. Уварова, № 378, ГИМ, Музейское собр., № 2596, (40039), ГБЛ, Музейное собр., № 3155. Все они конца XVII–XVIII в.] В ней, возможно, сохранились отдельные чтения, лучше Основной группы передающие особенности данной редакции Сказания. Вместе с тем в группе есть и следы влияния на нее Задонщины. Так, уже предисловие Задонщины Пространной редакции (по спискам У, С, Ж) близко к этой группе Сказания. Здесь есть вставочная фраза о том, что Дмитрий Донской «говорит у Микули у Василевича на пиру», как бы перекликающаяся с началом Задонщины и Никоновской летописью.[Шамбинаго. Сказание. С. 21; ср.: ПСРЛ. СПб., 1897. Т. 11. С. 51; Повести. С. 49.] Позднейший характер этого текста в списке собр. Ундольского, № 578 явствует из несогласованности с последующим: (говорит) «з братом с своим... и воеводами, здумаша, яко и сторожу уготовати тверду в Поли». Вставка сделана в полном соответствии с контекстом Никоновской летописи, хотя ее формулировка («говорит», а не «советовавшие») имеет и черты сходства со списком Задонщины («говорит князь великий»). В Никоновской летописи и Сказании группы Ундольского есть сходные уточнения «на речи на Чюру на Михайлови»[Шамбинаго. Сказание. С. 38; ср.: ПСРЛ. Т. 11. С. 58.] (в отличие от «между Чюровым и Михайловым» У).

В группе Ундольского есть две фразы о кованой рати, близкие к Задонщине Пространной редакции: «Сказывают, вою с нами 400 кованой рати» и ниже: «вою с нами семьдесят тысящ кованой рати удалыя Литвы». Они явно разрывают целостный текст и являются вставками. Только в группе Ундольского встречаем дополненный текст: «и побегоша в поле неуготованными дорогами в Лукоморие, скрегчюща зубы своими, дерущи

лица своя» и «а река Мечь вся запрудилася трупом татарским».[Шамбинаго. Сказание. С. 28, 32, 45, 48.] В списке собр. Ундольского, № 578 и сходных нет ряда эпизодов, близких к Задонщине (в том числе выезда Дмитрия — «стук стучит... в славнем граде Москвы», плача Мама и др.). Возможно, это является результатом сокращения первоначального текста. Некоторые тексты извода У, возможно, лучше сохранили чтения протографа Основной редакции Сказания, а некоторые появились под влиянием Пространной редакции Задонщины. Вопрос этот еще требует исследования.

В Летописной повести о Мамаевом побоище совпадений с Задонщиной нет.[М. А. Салмина считает, что Повесть была источником Задонщины (Салмина М. А. «Летописная повесть» о Куликовской битве и «Задонщина» // «Слово» и памятники. С. 376–383). Ее доводы не убеждают нас. Так, «эпизод на костях» Задонщины близок не столько к Повести, сколько к Сказанию Распространенной редакции. Рассказ о трофеях содержится и в Никоновской летописи. Название литовских князей «Полоцким» и «Брянским» встречается и в Сказании, и в Никоновской летописи. Элементы структурной близости концовки списка С к Летописной повести (см.: Krālik. S. 15) нуждаются в специальном изучении, но и они, очевидно, связаны не с Повестью, а с Никоновской летописью.] Наиболее полно черты сходства с Задонщиной обнаруживаются в Основной и Летописной редакциях Сказания. Общие места между этими памятниками, как правило, по стилю резко отличаются от церковно-поучительного и чисто воинского описания событий в Сказании, привнося в него черты эпического, народного повествования. Уже это наводит на мысль о том, что одним из источников Сказания была Задонщина, причем в Краткой редакции, где лирико-эпические места составляют основную ткань повествования. На этот факт обратил внимание Л. В. Черепнин, считавший, что «в „Сказании“ достаточно сильны религиозные мотивы. Но вставки из „Задонщины“, удачно вкрапленные в изложение, придают ему характер бодрой, проникнутой оптимизмом, воинской повести».[Черепнин Л. В. Образование Русского централизованного государства в XIV–XV веках. М., 1960. С. 593.] Л. А. Дмитриев также считает, что Сказание имело своим источником Задонщину, причем первоначальной редакции, которой, по его мнению, свойственны были и черты К-Б, и списков И1, У и С.[Дмитриев. Вставки из «Задонщины». С. 385 и след.] Вопросы о том, что Сказание могло влиять на Задонщину, он даже не ставит, как и не дает конкретного ответа о том, что же представляла собою первоначальная редакция Задонщины. Посмотрим на соотношение общих фрагментов в Сказании и Задонщине обеих редакций.

Первый общий фрагмент — обращение Дмитрия Донского к князьям:

Сказание: [Повести. С. 50, ср. с. 85, 124. В Летописной редакции «братия моя».]

Братие князи русские, гнездо есмя князя Владимира Святославича киевского.

Краткая редакция: [Тексты Краткой редакции Задонщины даем по К-Б, Пространной — по И1 с важнейшими вариантами по У и С.]

Братъеца моя милая, русские князи, гнездо есмя были едино князя великаго Ивана Данильевича {л. 124–124 об.}.

Пространная редакция:

Братъя и князи руския,[В С вместо четырех слов: князи смо руски.] гнездо есмя великого князя Владимира Киевскаго {л. 217}.

Чтение К-Б «Ивана Данильевича» (как будет показано ниже) первично. Но если так, то Задонщина Краткой редакции в данном случае явилась более ранним источником, чем Сказание.[А. Вайян считает, что в данном случае Сказание использовало позднюю версию Задонщины (Vaillant A. Les recits de Kulikovo: «Relation des Chroniques» et «Skazanie de Mamai»//RES. Paris, 1961. Т. 39, fase. 1–4. Р. 87.) Второе общее место памятников говорит о сборах рати Дмитрия Донского:

Сказание: [Повести. С. 51.]

...князь Дмитрий Ростовский и иныя убо многие князи.[В Летописной редакции далее — «и выехали посадники из Великого Новагорода, а с ними 7000 к великому князю

на помочь». Далее в Летописной редакции: «Убо, братия». В Распространенной редакции: «Уж бо братиа». Рум. 378: «Ту уже, братия» (л. 91).] Ту же, братие, стук стучить и аки гром гремить в славнем граде Москве, то идеть силнаа[В Летописной редакции вместо слов «то идеть силнаа» — «стук стучит великая» (с. 86), в Распространенной — «стучит сильная» (с. 125). В Печатной группе вместо всего фрагмента: «Уже бо, братие, не стук стучит и не гром гремит в славне граде Москве, стучит рать великого князя Дмитрия Ивановича». В Лондонском списке: «стучит сильная».] рать великого князя Дмитрея Ивановича, а гремьять русские сынове своими злачеными доспехы.[В Летописной редакции вместо слов «сынове своими злачеными доспехы» — «удалцы злачеными шеломы и доспехи» (с. 86). В Лондонском списке, как в Основной редакции.]

Краткая редакция:

Уже бо, *брате*, стук стучить и гром гремить в славне городе Москве. То ти, брате, не стук стучить, ни гром гремит, стучить *силная рать великаго князя Дмитрия Ивановича* (в ркп.\ Ивана Дмитриевича. — А. 3.), *гремьять* удалцы *золочеными* шеломы, черлеными щиты {л. 125}.

Пространная редакция:

Ужо бо, *брате*, стук стучить, гром *гримит* в камене граде Москве[В С далее — «то ти, брате, не стук стучит, ни гром гримит»]. Стучить *силная рать великого князя: гремьят удалцы руския золочеными доспехы*, черлеными щиты {л. 217 об.}.

Этот фрагмент резко разрывает текст Сказания. Перед ним в Сказании поименно перечисляются белозерские князья, пришедшие на подмогу к Дмитрию Ивановичу. Затем помещен эпический фрагмент о том, что «идеть сильнаа рать великого князя Дмитрия», и наконец (как бы вторично), говорится: «князь же великий Дмитрей Иванович, поим с собою брата своего, князя Владимира Андреевича, и вся князи русские, и поезде к живоначальной Троици». Разбираемый фрагмент не только выпадает из стилистического строя Сказания, но и дублирует мысль автора о выезде войск Дмитрия Донского из Москвы. В основных чертах это место близко к списку К-Б.[В списке собр. Уварова, № 802 Основной группы Сказания текст еще ближе к Задонщине: «Тоеж убо, братья, не стук стучит и не гром гремит, стучит сильная рать» (л. 175). «Стучит» великого князя рать и в списках Сказания Распространенной редакции ГПБ, собр. Погодина, № 1414; ГПБ, Эрмитажное собр., № 526, л. 12 об. и др. (Демкова. Заимствования из «Задонщины». С. 445).] Так, именно в последнем читается «в славне граде» Москве (в отличие от «камене» Пространной редакции Задонщины).[Л. А. Дмитриев считает, что список К-Б и Сказание в данном случае сохранили первоначальный текст Задонщины (Дмитриев. Вставки из «Задонщины». С. 394).] Возможно, в протографе Сказания стояло «удалцы» (так в Летописной редакции, К-Б и У), а не «сынове». Весь фрагмент в Сказании явно вторичного происхождения. Так, неожиданное обращение «братие» получилось из «брате» Задонщины, т. е. из обращения Дмитрия Ольгердовича к брату Андрею. Первичен текст Задонщины (так считает и Л. А. Дмитриев),[Дмитриев Л. А. Сказание о Мамаевом побоище. Л., 1953 (рукопись канд. диссертации). С. 144. Ср.: Krälik. S. 36. Л. А. Дмитриев считает, что текст Сказания «приспевшу же месяца септевриа в 8 день великому празднику... въсходяшу солнцу» (Повести. С. 66) близок к списку К-Б («солнце ему на въстоце сентября 8»). Но сходство тут очень отдаленно: в обоих произведениях говорится о разных сюжетах, да в Сказании — 8 сентября «пятък», а в К-Б — «среда».] причем Краткой редакцией.[Появление «доспехов» в И1 и других (в К-Б «шеломы») является результатом влияния Сказания на Пространную редакцию.]

Второму фрагменту Сказания Летописной редакции предшествует позднейшая вставка, которая сближает ее с Пространной редакцией Задонщины («и выехали посадники из Великого Новгорода, а с ними 7000 к великому князю на помочь»). Вставочный характер фразы признают В. П. Адрианова-Перетц и В. Ф. Ржига, не включая ее в свои реконструкции текста Задонщины.[Л. А. Дмитриев считает, что «в первоначальном тексте памятника о новгородцах ничего не говорилось, но существовало

какое-то устное предание» об их участии в битве на Куликовом поле, которое и попало в Задонщину и в Сказание (Дмитриев Л. А. Сказание о Мамаевом побоище. С. 143).] В Лондонском списке Летописной редакции Сказания текста о новгородцах нет.[ПСРЛ. М.; Л., 1959. Т. 26. С. 331.] Поэтому Л. А. Дмитриев считает, что он представляет собою вставку «вторичного характера», сделанную в поздний вид Летописной редакции. [Дмитриев. Вставки из «Задонщины». С. 419.] Вопрос не вполне ясен. Возможно, перед нами просто пропуск в Лондонском списке.

Третий эпизод относится к выезду рати из Москвы:

Сказание: [Повести. С. 54, 89, 129.]

(Князь же великий вступив в златое свое стремя)[Так в Летописной редакции и Лондонском списке (ПСРЛ. Т. 26. С. 333). В списке ГПБ, О.IV.22 Основной группы нет, в Печатной: «Князь же великий... вступи во златокованное стремя». В Распространенной редакции: «ступи в свое златое стремя». Рум. 378: «Князь же велики Дмитрей Иванович вступи в златокованное свое стремя и всяде...» (л. 95).]... възыде[В Лондонском списке «сед» (ПСРЛ. Т. 26. С. 333).] на избранный свой конь, и вси князи и воеводы вседоша на коня своа.

Солнце ему на встоце ясно сияетъ, путь ему поведаетъ. Уже бо тогда, аки соколи урваша от златых колодиць[В Летописной редакции и Лондонском списке вместо последующего текста: «а то рвахуся князи белозерские из камня града Москвы, выехали своим полком», в Печатной группе: «выехали князи белозерскийи ис каменна града Москвы с своим полком», в Распространенной редакции: «ис каменна града Москвы виихали князи белозерстии особно своим полком». Рум. 378: «ис каменна града Москвы, а князи белозерсти особ своимя полки выехали» (л. 95).] ис камня града Москвы и възлетеша под синиа небеса и възгремеша своими златыми колоколы и хотятъ ударитися на многыа стада лебедины и гусины. То, брате, не соколи вылетели ис каменна града Москвы, то выехали русскыа удалци с своим государем... Князи же белозерские особъ своим плъком выехали.

Краткая редакция:

Тогда же соколи и кречати, белозерские ястреби позвонять своими злечеными колоколци {л. 126}.

Тогда же князь великий Дмитрей Иванович ступи во свое златое стремя, всед на свой борзый конь, принимая копие в правую руку. Солнце ему на встоце семтября 8 в среду на Рожество пресвятыя Богородица ясно светить, путь ему поведаетъ, Борис, Глеб молитву творять за сродники свои {л. 126 об.}.

Пространная редакция:

А уже соколы, белозерския ястребы рвахуся от златых колодец ис каме/таго града Москвы, възлетеша под синии небеса, възгремеша золочеными колоколы на быстром Дону. [С далее: «хотят ударити на многие стады гусиныя и на лебединыя, а богатыри, руския удалцы, хотят ударити на великия силы поганого царя Мамаю» {л. 38 об.}.]

Тогда князь великий въступи в златое стремя, взял свой меч в правую руку свою, помоляся Богу и пресвятей Богородицы. Солнце ему ясно на встоцы сияет,[У далее: «и путь поведаетъ», в С — «путь поведаетъ».] а Борис и Глеб молитву воздает за сродники {л. 218 об.}.

Первоначальный текст о выезде князей (не осложненный еще соколами и ястребами) читается в Летописной (и Распространенной) редакции «князь же великий вступив в златое свое стремя и седе на любезный свой конь»[Повести. С. 89.] (в Основной редакции «възыде на избранный свой конь»). Этот текст соответствует списку К-Б (в И1, У, С нет слов о коне).[Н. С. Демкова считает, что в данном случае упоминание о коне в К-Б появилось в результате обращения составителя этого списка к Сказанию {Демкова. Заимствования из «Задонщины». С. 448). По Л. А. Дмитриеву, слова о коне (общие в К-Б и Сказании) «сохранили более близкое к первоначальному виду „Задонщины“ чтение». Впрочем, допускает он возможность случайного совпадения ввиду

широкого употребления в древнерусской письменности формулы «всесть на конь» {Дмитриев. Вставки из «Задонщины». С. 397).]

В другом сходном тексте Основной редакции сходство с К-Б еще ярче: «и всяде на избранной свой конь и взем копие свое» (в Летописной редакции вместо этого текста: «приим конь свой»).[Повести. С. 67.] «Копье» есть только в К-Б. К первоначальному тексту Сказания, возможно, относится фраза «путь же ему поведают сродника его Борис и Глеб» (Забелинский список),[Повести. С. 178.] имеющаяся во всех списках Задонщины. Забелинский список, как показал М. Н. Тихомиров, в ряде случаев сохранил черты первоначального текста Сказания о Мамаевом побоище.

В эпизоде можно обнаружить и несомненные следы близости со списками С, И1 Задонщины, объясняющиеся влиянием на них Сказания («рвахуся», «возгремеша»).[См.: Królik. S. 60, 61.] Весь фрагмент (особенно связь соколов с князьями белозерскими) сравнительно с Задонщиной, как предполагал С. К. Шамбинаго,[Шамбинаго. Повести. С. 106–107.] вторичного происхождения. Вероятно, фрагмент в первоначальной редакции Сказания начинался словами «князь же великий вступив в златое свое стремя» (т. е. как в Летописной редакции).[Повести. С. 89.] Этот текст есть в Задонщине.

Четвертый фрагмент Сказания говорит об унынии Русской земли после Калкской битвы:

Сказание: [Повести. С. 55. В Распространенной редакции: «и от тоа бо Калския рати до Мамаева побоища лет 157. И оттоля Рускаа земля уныла» (с. 129). В Летописной редакции вставлено еще: «от Батия до Кальския рати и до Мамаева побоища лет 158» (с. 89). В Печатной группе: «От Калкинского побоища до Мамаевы рати 160 лет... От тоа бо рати Руская земля уныла». В Лондонском списке: «от Кальския рати до Мамаева побоища (ле)т 100 и 60» (ПСРЛ. Т. 26. С. 333).]

От тоа бо галадцкыа беды и великого побоища татарского и Мамаева побоища и ныне еще Рускаа земля уныла.

Краткая редакция:

От тоа рати и до Мамаева побоища {л. 123}.

Пространная редакция:

От Калагъския рати до Мамаева побоища лет 160 {л. 216}.

Слова «от тоа» в Основной редакции Сказания ближе к К-Б, хотя упоминание о Калкской битве есть только в Пространной Задонщине.

Пятый фрагмент рисует выезд князя Владимира Серпуховского:

Сказание: [Повести. С. 56, 130. В Летописной редакции: «то ни гром, ни ветер, но стук стучит и гром гремит по зоре по ранней: возится князь Володимер Андреевич реку Москву» (с. 90). В Печатной группе: «Не стук стучит, не гром гремит, по зоре стучат и гремят русские удалцы». В Лондонском списке: «то не гром гремит на зоре ранней, то князь Володимер возится реку» (ПСРЛ. Т. 26. С. 333).]

Ужо бо, братие, стук стучить и гром гремить по ранней зоре, князь Владимир Андреевич Москву-реку перевозится...

Краткая редакция:

Уже бо стук стучить и гром гремить рано пред зорею. То ти не стук стучить, ни громь гремить, князь Володимер Андреевич ведет вой свои, сторожевыя полкы быстрому Дону... {л. 126–126 об.}.

Пространная редакция:

Что шумит, что гримит рано пред зарями? Князь Владимир полкы[В ркп.: паки.] уставливает и пребирает и ведет к Дону великому. И молвяше брату своему: «Князь Дмитрей, не ослабляй, князь великий, татаром. Поганый поля наступают, отымають отчину нашу»... {л. 218 об.}.

Текст Основной редакции близок к К-Б («ужо бо, братие, стук стучить и гром гремить по ранней зоре») и далек от И1 и сходных списков.

Отсюда заключаем: эпический эпизод читался первоначально в К-Б, затем попал в Сказание, а потом из редакции, близкой к Летописной, попал в протограф Пространной редакции Задонщины.

Л. А. Дмитриев отрицает обязательность «особой близости» К-Б со Сказанием на том основании, что во втором фрагменте Сказания употреблен сходный оборот («ту же, братие, стук стучит и аки гром гремит»), и усматривает в пятом фрагменте «самоповторение или же перенесение в рассматриваемый пассаж сходной по смыслу фразы из другого места „Задонщины“».[Дмитриев. Вставки из «Задонщины». С. 404.] Оба допущения невозможны, ибо текст Сказания тесно связан с К-Б. В обоих случаях: а) начинается с наречия «Уже бо» (а не с «ту же», как во втором фрагменте Сказания); б) упоминается «по ранней заре» («рано перед зорею», а не «пред зарями», как в Пространной редакции); в) говорится о Владимире Серпуховском.

Шестой фрагмент — зловещие предсказания:

Сказание: [Повести. С. 61, 95, 140.]

За многы же дни мнози вльци притекоша на место то, выюще грозно, непрестанно по вся нощи, слышати гроза велика. Храбрым людем... ту слышав грозу, паче укротеша: зане же мнози рати необычно събрашася, не умлѣкаючи глаголють, галици же своею речию говорить, орли же мнози от усть Дону слетошася, по аеру летаючи, клекчють, и мнози зве-рие грозно выють, ждуще того дня грознаго, Богом изволенаго, в нь же имать пасти трупa человека...

Краткая редакция:

Птици небесныя пасущеся то под синие оболoка, ворони грають, *галици свои речи говорятъ*, орли *восклегчють*, волци *грозно воють*, лисици часто брешють, чають победу на поганых... {л. 126}.

...зогзицы кокують, на трупы падаючи {л. 127 об.}.

Пространная редакция:

А уже беды их пловуще: [У — «пасоша», С — «пашутся».] птица их крилати под облакы летаютъ, ворони грають, а *галицы своею речью говорятъ*, орлы крилатии *въсплещутъ*, [У — «хлекчють», С — «кличють».] а волци *грозно воють*, а лисицы на кости брешут {л. 218–218 об.}.

...вороне грають трупy ради человеческаго {л. 220 об.}.

Фрагмент настолько редакционно переделан в Сказании, что выяснить, к какой редакции Задонщины он ближе, очень трудно. (Впрочем, выражение «пасти трупa человека» больше напоминает «на трупы падаючи» К-Б, но также и «трупy ради человеческого» И1 и сходных списков.)[«Своею речию» Сказание ближе к И1 и сходным (в К-Б — «свои речи»), орлы «клегчють» ближе к У («хлехчють»)].

Седьмой фрагмент — «древа прекланяются и трава посылтается» есть только в И1 и сходных. Однако в Сказании фрагмент естествен: «от... страха и грозы великыа дрeва прекланяются», [Повести. С. 61 (в Летописной и Распространенной редакциях нет).] в Пространной Задонщине он вставлен явно неуклюже: «Грозно бо бяше и жалостно тогда слышати, зане трава кровью пролита, а дрeвеса к земли тугою преклонишася, въспели бяше птицы жалостные песни». Как можно «грозно слышати» (или «видети» в списке С), остается неясным. Мотив «грозно бо бяше» навеян Сказанием («Грозно бо, братие»). [Повести. С. 72.]

О. Кралик заметил, что весь эпизод с пролитой кровью и со склоненными до земли деревьями более логичен в Сказании (а поэтому и первоначален), чем в Пространной Задонщине.[Królik. S. 43–45, 169.]

Восьмой фрагмент: «пити общую чашу, межу събою поведеную» (в Основной редакции: «Медвяныа чяши пити и сътеблиа виннаго ясти, хотять себе чъсти добыта и славнаго имени»)[Повести. С. 56.] встречается в Задонщине Пространной редакции («испити медовыа чары поведеные» И2, сходно У; в другом месте «ищут себе чести и славнаго имени») совершенно в ином контексте. В Сказании Дмитрий Донской говорит, что эту

чашу придется испытать «утре». В Задонщине он произносит эту фразу в разгар сражения, когда уже час испытаний настал. В данном случае контекст Сказания первичнее.[См. также: Królik. S. 45–47.]

Девятый фрагмент снова возвращает нас к предсказаниям воронов и волков.

Сказание: [Повести. С. 64, 97, 143.]

Стук велик и кличь и вопль, аки тръги снимаются, аки град зиждуше и аки гром великий гремитъ. Съзиди же плъку татарскаго вольци выют грозно вельми. По десной же стране плъку татарскаго ворони кличуше и бысть трепет птичей, велик вельми, а по левой же стране, аки горам играющим, гроза велика зело. По реце же Непрядве гуси и лебеди крыльми плещуше, необычную грозу подающе.

Краткая редакция:

Быти *стуку* и *грому велику* межю Дономъ и Непромъ, идеть хинела на Русскую землю.

Серие *волци воють*, то ти были не серие волци, придо-ша поганые татарове, хотятъ проити воюючи, взяти всю землю Русскую.

Тогда же гуси гоготаше, и *лебеди крылы въсплескаша*. То ти не гуси гоготаша, ни лебеди крылы въсплескаша, се бо поганый Мамай приведе вой свои на Русь {л. 125 об. — 126}.

Пространная редакция:

Быти *стуку велику*... Уже бо въскрипели телегы меж Доном и Непром, идут хинове в Русскую землю. И притекоша серые *волцы* от усть Дону и Непра, ставъши, воют[У — «воют», С — «выют».] на рецы на Мечи, хотят наступати на Рускую землю. То ти было не серые волцы, но при-идоша погании татарове, приити[У, С — «проити».] хотят, воюючи, в Рускую землю, погании татарове.

Тогда гуси возгоготаша на речки на Мечи, лебеди крылы въсплескаша.[У — «возсплескаша», С — «возсплескали», И1—«въсплескаша».] Ни гуси возгоготаша, но поганый Мамай на Рускую землю пришел, а воеводы своя привел {л. 218}.

Редакция этого фрагмента столь же неясна, как и шестого. Впрочем, в К-Б и Сказании отсутствуют слова «от устья Дону и Непра, ставши», что показывает близость этих текстов.

Н. С. Демкова обратила внимание на то, что в некоторых списках Распространенной редакции Сказания есть тексты, еще более близкие к Пространной Задонщине, например: «аки торги снимаются и яко в ограде голдяше и телези, аки трубы гласят» (ГБЛ, собр. Беляева, № 1516, л. 365) или «яко град и телези ревуше» (ГПБ, Q.IV, № 354).[Демкова. Заимствования из «Задонщины». С. 453; «аки тръги снимаются, аки град зиждуше» (Повести. С. 64); «аки торги сильныя снимаются, они град зиздяшу и трубы гласяще» {Шамбинаго. Повести. Тексты. С. 110).] Ввиду полной неизученности генеалогии списков Распространенной редакции сказать о том, имелось ли упоминание о телегах в архетипе Сказания или того текста, какой мог быть у автора Пространной Задонщины, пока трудно.

Десятый фрагмент — предсказания Дмитрия Волынца:

Сказание: [Повести. С. 64–65.]

...чаю победы поганых татар.[Повести. С.65. Исправлено по Летописной редакции и Лондонскому списку («чаю победы на поганых». Там же. С. 98, ср. с. 190; ПСРЛ. Т. 26. С. 337). Исправление необходимо, ибо Дмитрий Волынец предсказывает победу, а на Куликовом поле победили русские.] А твоего христобиваго въиньства много падеть, нъ обаче твой врѣх, твоя слава будетъ...

Едина бо съ страна, аки некаа жена, напрасно плачущися о чадах своихъ еллинскимъ гласом, Другаа же страна, аки некаа девица единою възопи вельми плачевнымъ гласом...

Краткая редакция:

...лисици часто брешють, *чають победу на поганых*... {л. 126}.

...всплакашася горко жены боярыни по своих осподарех... {л. 128}.

Пространная редакция:

...лисицы на кости брешут... {л. 218}.

...въсплакалися к ней боярыни избьенных, воеводины жены {л. 220 об.}. А уже диво кличет под саблями татарскими {л. 221}.

На сходство этого фрагмента Сказания с Краткой Задонщиной обратила внимание Р. П. Дмитриева.[Дмитриева. Взаимоотношение списков. С. 260.]

Одиннадцатый фрагмент повествует о «кровавых зарях»:

Сказание: [Повести. С. 69.]

...силнии плъци съступишася. Из них же выступали кровавыя зари,[В Летописной редакции вместо дальнейшего: «от мечнаго сияния яко молния блистают». В Распространенной: «от облистания мечнаго, трепета сильнии молонии от копей ломления» (Повести. С. 148). В группе Ундольского: «от облистания мечнаго». В Лондонском списке: «от блистания мечнаго трепетали сильнии молонии» (ПСРЛ. Т. 26. С. 339).] а в них трепета-лися силнии мльня от облистания мечнаго...

Краткая редакция:

Уже бо всташа *силнии* ветри с моря, прилелеяша тучю велику на усть Непра, на Русскую землю. *Из тучи выступи кровавым* оболока, а из них пашють *синии молнии* {л. 125 об.}.

Пространная редакция:

Уже, брате, возвеша *силнии* ветри по морю на усть Дону и Непра, прилелеяшася великиа тучи по морю на Рускую землю, *из них выступают кровавым зори*, и в них *трепещуть силнии молнии* {л. 217 об. — 218}.

Фрагмент в целом ближе к И1 и сходным («зори», а не «оболока», как в К-Б, «силнии», а не «синии», «трепещуть», а не «пашють»). Этот фрагмент в И1 и сходных помещен в контексте, подвергшемся редакции и дополнению. Поэтому считаем, что он сам был переработан под влиянием Сказания.

Однако образ великих туч, из которых выступили кровавые облака с пашущими в них синими молниями, естественнее и первичнее образа полков, из которых неожиданно «выступали кровавые зори». Составитель Сказания неудачно пытался приспособить образ Задонщины по К-Б к основному тексту своего произведения, говорившему о том, что «силнии плъци съступишася».

Двенадцатый фрагмент рассказывает о «соколах»:

Сказание: [Повести. С. 71, 103.]

Единомыслии же друзи вы-седоша из дубравы зелены, аки[В Летописной редакции вместо дальнейшего: «уношенныя соколы, и ударишася на многи стада гусиныя» (с. 103), в Распространенной: «акы съколы искусни, и ударишася на многие стада жаровлиныя» (с. 150). В Лондонском списке: «аки соколы искушенныя удариша на жаро<влиныя и гу>сины стада» (ПСРЛ. Т. 26. С. 340).] соколи искушенныа урвалися от златых колодиц, ударилися на великиа стада жировины, на ту великую силу татарскую.

Краткая редакция:

Тогда соколи и кречати, белозерскыя ястреби борзо за Дон перелетеша, ударишася на гуси и на лебеди {л. 127}.

Пространная редакция:

Уже бо те соколи[В ркп.: соволе.] и кречеты за Дон[У далее: «борзо перелетели и ударилися о многие стада лебединыя. То ти». С далее: «приле-теша и удариша на многия стада гусиныя {испр. из сосилныя.—А. 3.} и на лебединыя. То ти».] перевезлися, и наехали рустии сынове на силную рать татарскою... {л. 219–219 об.}.

Фрагмент близок к третьему и связан со списками И1 и сходными.

Тринадцатый и четырнадцатый фрагменты относятся к побегу Мамаю («И абие побеже поганый Мамай... не видатися ни с князи, ни с алпауты»)[Повести. С. 71.] и заключению Сказания («Стоял князь великий за Доном на костех... Чести есмя себе

доступили и славного имени»).[Повести. С. 75. Особенно близко к Распространенной редакции (Там же. С. 153–154)..] Они в значительной части дословно совпадают с Пространной редакцией Задонщины.

В отличие от В. П. Адриановой-Перетц[Адрианова-Перетц. Задонщина. (Опыт реконструкции). С. 203.] и Р. О. Якобсона,[Jakobson. Sofonija's Tale. P. 16.] Л. А. Дмитриев и Н. С. Демкова эпизод «став на костях» с перечнем погибших воевод считают вставкой в Сказание, сделанной на материале Задонщины, а не наоборот.

Доводы Л. А. Дмитриева не могут считаться убедительными.[Дмитриев. Вставки из «Задонщины». С. 424–427.] Ход его рассуждений следующий. В Сказании по Основному и Забелинскому вариантам Основной редакции — после сообщения о кн. Владимире Серпуховском (он тоже стал «на костях», но об этом сказано выше разбираемого эпизода о Дмитрие Донском) автор говорит: «Грозно, братие, зрети тогда, а жалостно видети и гръко посмотрити человеческаго кровопролития, аки морская вода, а трупы человеческа, аки санныя громады: борз конь не можетъ скочити, а в крови по колени бродяху, а реки по три дни кровию течаху».[Повести. С. 72, 198.] Этому отрывку соответствуют два разных места Задонщины: первая часть читается в эпизоде «на костях» («Грозно бо, брате, и жалостно в то время посмотри иже лежат трупы крестьянские (в И1 далее: акы санныи стоги.—А. 3.) у Дуная великого на брези, а Дон река три дни кровию текла»), а вторая в другом месте («в трупы человекъ борзи кони не могутъ скочити, а в крови по колени бродят» У). Считая, что автор Основного и Забелинского вариантов объединил воедино два текста Задонщины, Л. А. Дмитриев делает отсюда вполне логичный вывод, что в этом случае «эпизод на костях» должен быть в Задонщине, которой пользовался автор этих вариантов Сказания. Но беда Л. А. Дмитриева состоит в том, что свою первую посылку он не доказал: почему автор Сказания пользовался в данном случае Задонщиной, а не наоборот? Этого мало. В Ундольской группе Основной редакции и в Распространенной редакции Сказания слова «Грозно бо, брате, в то время... трупом тотарским», т. е. при полном их совпадении с текстом Задонщины, помещены в том же самом месте, как и в списках И1 и У Задонщины. [Повести. С. С. 153; Шамбинаго. Сказание. С. 48; Шамбинаго. Повести. Тексты. С. 122. Эпизод стояния на костях князя Владимира Андреевича мог читаться в архетипе Сказания (хотя в Летописной повести его нет). В таком случае он мог повлиять на соответствующий фрагмент Задонщины (об этом см. далее).] Следовательно, этот текст мог быть в архетипе Сказания, а из Основного варианта (и Забелинского) он просто выпал. Таким образом, текстологических препятствий для того, чтобы считать Сказание в эпизоде «на костях» источником Задонщины, у нас нет.

Л. А. Дмитриев считает, что «делопроизводственные мотивы» присущи Задонщине (упоминание о 70 000 воинов и т. п.). Но далее все эти мотивы есть только в Пространной Задонщине и в свою очередь возводятся к Сказанию.

Среди погибших бояр Задонщины названы «70 бояринов рязанских». По Л. А. Дмитриеву, они опущены в Сказании, так как для его автора Олег Рязанский был изменником. Но автор Задонщины мог просто вставить этих 70 бояр в первоначальный текст, стремясь представить поход Дмитрия Донского общерусским делом. Л. А. Дмитриеву кажется странным упоминание о гибели 30 посадников новгородских в Сказании, так как в нем об участии новгородцев в Куликовской битве не говорится. Сказание — памятник сравнительно поздний.[Этим обстоятельством может быть объяснена и гиперболизация цифр в перечислении убитых.] Возник он на русском севере. Не обладая сведениями об участии новгородцев в самой битве, его автор мог глухо упомянуть о погибших новгородцах, не вдаваясь в какие-либо подробности. Упоминание о новгородцах, серпуховичах, суздальцах и т. п. придавало Куликовской битве общерусский характер. Впрочем, и сам Л. А. Дмитриев свои доводы не считает достаточными, говоря, что его предположение просто «едва ли... менее обосновано», чем гипотеза В. П. Адриановой-Перетц и Р. О. Якобсона.

Впрочем, по мнению Н. С. Демковой, «Л. А. Дмитриев убедительно показал неорганичность эпизода с расчетом убитых в тексте „Сказания“».[Демкова. Заимствования из «Задонщины». С. 458.]

По Н. С. Демковой, Сказание обращалось к Задонщине дважды: «в собственно авторском тексте, создав на его материале сцену объезда великим князем поля боя, и второй раз — используя этот текст уже как самостоятельный эпизод повествования».[Демкова. Заимствования из «Задонщины». С. 461.]Этот вывод она обосновывает отсутствием стабильности в изложении завершающих эпизодов Сказания различными редакциями и группами памятника, а также параллелизмом поступков князя. Вопрос о взаимоотношении Киприановской редакции и группы У Основной редакции Сказания еще остается спорным. А вот что касается параллелизма, то он, на наш взгляд, мнимый. Вначале великий князь едет по полю боя и слышит скорбные вести о гибели героев. При этом Дмитрий Донской плачет и произносит ряд речей, обращенных к павшим и живым. Затем он вопрошает, каковы общие потери воевод. Ему дают исчерпывающий ответ, и тогда он произносит слово, обращенное к Творцу, вспоминая при этом погибших. Никаких текстологических повторов здесь начисто нет.

Итак, эпизод «став на костях» в Сказании не может считаться вторичным: он является органическим завершением воинской повести.

Если теперь обратить внимание на характер эпизодов Сказания, совпадающих с обеими редакциями Задонщины, то можно прийти к следующим выводам. В списке К-Б есть почти все устно-поэтические фрагменты Сказания, хотя в ряде случаев они совпадают и со списками Пространной редакции.

Взаимоотношение Сказания с Пространной редакцией Задонщины иного характера. Подавляющая часть рассказа во второй половине этой редакции не находит прямого соответствия в Сказании. Зато его связывают со Сказанием общие образы и отдельные выражения («конь не может скочить, в крови по колено бродят... ваши московские сладостные меды... испити медвеная чаша... Уныша... побежи поганый Мамай и от нас по Задлешью» и др.). Два больших фрагмента Сказания (тринадцатый и четырнадцатый) [С. К. Шамбинаго считал даже, что оба фрагмента не входят в первоначальную редакцию Задонщины (Шамбинаго. Повести. С. 129–130). См. замечания В. П. Адриановой-Перетц (Адрианова-Перетц. Задонщина. С. 222).] целиком есть в Задонщине. Их сугубо фактический характер (перечисление погибших воевод и т. п.) вполне согласуется с рассказом Сказания, которое и является, очевидно, в данном случае источником Пространной редакции.[Ср.: Марков А. Рецензия на книгу С. К. Шамбинаго. Повести о Мамаевом побоище//ЖМНП. 1908. Апрель. С. 441]

Отдельные черты фразеологического сходства есть уже между К-Б и Сказанием (см. «шоломы злеченыя»[Повести. С. 62–63.] применительно к русским войскам). В К-Б встречаем чтение: «пашутся хоригови берчати». В И1 и сходных текст более отдаленный: «Пашут бо ся хорюгове, ищут себе чести и славнаго имени». Р. П. Дмитриева сопоставляет еще «грозу велику подавающе»[Повести. С. 66.] с «воды возпиша, весть подаваша» К-Б. [Дмитриева. Взаимоотношение списков. С. 261.] Но гораздо больше черт сходства со Сказанием в Пространной редакции Задонщины, широко пользовавшейся этим памятником. В И1 и сходных встречается слово «уныша» применительно к русским, в Сказании — о татарах, а «велика бо туга» русских соответствует «тугою покрываша» (о татарах) И1 и сходных: «стязи ревуть наволочены» (ниже «стязи золоченыя ревуть») [Повести. С. 56, 62.] есть только в И1 и сходных.

Итак, соотношение Сказания о Мамаевом побоище с обеими редакциями Задонщины представляется нам в следующем виде. С Краткой редакцией Задонщины Сказание о Мамаевом побоище сближают лирико-эпические места (зловещие предсказания, полет соколов и кречетов и т. д.). Но так как эти места органически входят в ткань повествования Задонщины, а вместе с тем являются как бы инородным телом в суровом церковно-воинском повествовании Сказания, то отсюда с неизбежностью

вытекает вывод: Краткая Задонщина явилась источником Сказания о Мамаевом побоище. [А. Вайян полагает, что источником Сказания была Задонщина версии XVI в., т. е. Пространная редакция (Vaillant A. Les récits de Kulikovo... P. 88). Принимая его наблюдения о сходстве Сказания со списками Задонщины XVI в., А. В. Соловьев объясняет это сходство тем, что поздние списки Задонщины «сохранили отдельные черты оригинала XIV в.» (Соловьев А. К вопросу о взаимоотношениях произведений Куликовского цикла. («Задонщина», «Летописная повесть» и «Сказание о Мамаевом побоище»)/РЛ. 1965. № 2. С. 244).] Были ли введены элементы Задонщины составителем Сказания в текст какой-то ранней повести о Мамаевом побоище («Слова») или в произведение, созданное им самим из разных источников, в настоящее время сказать трудно. Вместе с тем Пространную Задонщину со Сказанием роднят кроме лирико-эпических конкретные места и чтения, естественно входящие в ткань повествования воинской повести о Мамаевом побоище. (Например, перечень погибших белозерцев, новгородцев, рязанцев и т. п.) Поэтому Сказание явилось в свою очередь источником Пространной редакции Задонщины.[О. Кралик также считал Сказание источником Пространной Задонщины (Królik. S. 56–63, 169–170).] Конечно, текстологического материала для окончательного вывода о взаимосвязи Сказания с обеими редакциями Задонщины в распоряжении исследователя очень мало. Поэтому сделанный вывод носит предварительный характер. Сопоставление Краткой Задонщины с Пространной должно ответить на два важных вопроса проблемы: есть ли у исследователя достаточно данных говорить о вторичном происхождении Краткой Задонщины по сравнению с Пространной и можно ли обнаружить конкретные следы непосредственного использования Сказания в тексте Пространной редакции Задонщины в отличие от Краткой? Только при условии положительного ответа на оба вопроса можно будет считать нашу схему взаимоотношения всех трех памятников доказанной.

Предшествующее исследование показало, что Пространная Задонщина имеет точки соприкосновения прежде всего с Основной редакцией Сказания о Мамаевом побоище. Сказать точнее, какой текст этого Сказания находился в руках ее составителя, в настоящее время не представляется возможным. Текстологически списки Сказания еще не изучены, контуры его архетипа не ясны. Л. А. Дмитриев считает Основную редакцию первоначальной, а Летописную — ее переработкой только на основании упоминания в первой Ольгерда как противника Дмитрия Донского, а во второй — Ягайлы. Возникновение Сказания он относил к первой четверти XV в. (до смерти Ягайлы в 1434 г.).[Дмитриев Л. А. К литературной истории Сказания... С. 423.] Его доводы не могут дать надежной опоры ни для соотношения редакций Сказания, ни для его датировки.[См. также возражения по этому поводу, сделанные Ю. К. Бегуновым (Бегунов Ю. К. Об исторической основе «Сказания о Мамаевом побоище»//«Слово» и памятники. С. 512–513).]

Л. А. Дмитриев ссылается на два текста. В первом говорится, что Андрей и Дмитрий Ольгердовичи «отцом своим князем Вольгордом ненавидими были, мачехи ради» (Основная редакция) или «беста бо есми отцом и братом ненавидими» (Летописная).[Повести. С. 58, 92.] В данном случае сам Л. А. Дмитриев признает, что «наличие этого места закономерно и в Летописной редакции». И вместе с тем ему «непонятно только, почему упоминается в ней отец, когда речь все время идет о Ягайле». [Дмитриев Л. А. К литературной истории Сказания... С. 419.] Но Ольгерд был достаточно одиозной фигурой в представлении русских людей XV в., чтобы приписать ему ненависть к его православным сыновьям, и ничего противоестественного Летописная редакция не содержит.

Во втором случае дело идет о грамоте Андрея Ольгердовича. В ней по Основной редакции князь говорит, что «отец наш отверже нас от себе, нь Господь Бог, отец небесный, паче възлюби нас». Близко к этому читается и в Летописной. Но дальше говорится, что Дмитрию Ивановичу и всему православному христианству «велика бо туга

належить», ибо к поганым приложились «еще и отец наш и Олег резанский» (по Основной) или «еще и брат наш Ягайло» (по Летописной). [Повести. С. 59, 93.] Л. А. Дмитриев считает чтение Основной редакции первоначальным, ибо оно координируется с евангельским текстом, которым как бы оправдывается выступление княжичей против своего отца. Но этот-то аргумент оборачивается как раз против Л. А. Дмитриева: в обеих редакциях говорится словами евангелиста Луки: «предани будете родители и братиею и умрѣтвѣтесе, имени моего ради». Упоминание «братиею» вполне осмысленно в Летописной редакции, где мы находим и отца княжичей (Ольгерда), и их брата (Ягайлу), и совершенно непонятно в Основной, где о Ягайле не говорится ни слова. Вряд ли при жизни Ягайлы, когда прошло всего два-три десятилетия после Куликовской битвы, могли забыть, что именно он был противником Дмитрия Донского в 1380 г., а не его отец.

Итак, пока в нашем распоряжении нет данных, говорящих о первоначальности текста Основной редакции Сказания и о вторичности Летописной. [Первичность Основной редакции Л. А. Дмитриев доказывает, между прочим, тем, что только в ней, как и в Задонщине, правильно назван Яков Ослябтов в отличие от Якова Волосатого Летописной редакции и Иакова Усатого Распространенной редакции (Повести. С. 50, 84, 120; Дмитриев Л. А. Сказание о Мамаевом побоище. С. 130). Наблюдение очень интересное, но само по себе недостаточное для решения всего вопроса в целом.] А проведенное В. С. Мингалевым тщательное сличение этих редакций показывает, что как раз Летописная лучше сохранила черты архетипа памятника. [Мингалев В. С. «Сказание о Мамаевом побоище» и его источники. М., 1965 (рукопись дипломной работы, хранящаяся в МГИАИ). {См. также: Мингалев В. С. «Сказание о Мамаевом побоище» и его источники: Автореф. дис... канд. ист. наук. М.; Вильнюс, 1971.}]

После того как выяснено отношение Сказания о Мамаевом побоище к обеим редакциям Задонщины, следует попытаться установить, как же складывалось это последнее произведение о Куликовской битве. Для этой цели необходимо сопоставить сохранившиеся списки Задонщины Пространной редакции со списком К-Б Краткой редакции. Основной целью этого будет восстановление архетипа Задонщины, а также выяснение причин, характера и источников его позднейших изменений. Ниже приводится по фрагментам весь текст списка К-Б (Краткая редакция) и списки И1, У, С (Пространная редакция) до прекращения их совпадения с К-Б (далее — один текст И1 с важнейшими вариантами из У и С). При этом надо иметь в виду, что списки И1 и У составляют один извод (Ундольского), а С — другой (Синодальный). [Об этом см. Приложения к настоящей работе.] Исправляются только наиболее очевидные описки. Для наглядности выделяем курсивом общие места списков К-Б и И1. [В фрагменте № 1 выделяем курсивом общие места К-Б и У.]

Начнем сопоставление с заголовка. Два списка Задонщины (К-Б и С) в заголовке памятника упоминают Софония как автора этого произведения: К-Б — «Писание Софония старца...», С — «Сказание Сафона старца...». В списках И1, у и С Софоний упоминается и в тексте произведения как составитель общего их протографа (У: «Аз же помяну резанца Софония», И1: «И я же помяну Ефония ерея резанца», С: «И здесь помянем Софона резанца»). Получается вроде бы противоречие: или Софоний был составитель Задонщины (так считают практически почти все исследователи), или его произведение было источником этого памятника. Примирить эти два, казалось бы, противоречивых упоминания о Софонии может только гипотеза о том, что Краткая редакция (К-Б) принадлежала перу Софония (в списке нет упоминания о Софонии как авторе источника, положенного в основу Задонщины), а в Пространной Задонщине (списки И1, У, С) Краткая редакция использована как источник ее протографа.

Из трудного положения с упоминанием Софония как автора Задонщины (списки К-Б, С) и составителя произведения, предшествующего тексту редакции, представленной списками И1, У и С, Р. П. Дмитриева пытается выйти весьма своеобразно. [Дмитриева Р. П. Был ли Софоний Рязанец автором Задонщины? // ТОДРЛ. Л., 1979. Т. 34. С. 18–25. (То же:

Дмитриева Р. П. Об авторе «Задонщины»//Сказания и повести о Куликовской битве. Л., 1982. С. 360–368.)] Она считает, что «если признать упоминание о Софонии в самом тексте Задонщины принадлежащим оригиналу, то это означает, что Софоний не мог быть ее автором. Последний ссылается на него как на своего предшественника».[Дмитриева Р. П. Был ли Софоний Рязанец... С. 20.] Это по меньшей мере не точно. Ведь если считать, что список К-Б с заголовком, в котором указывается авторство Софония, представляет собою первоначальную редакцию памятника, то упоминание Софония как составителя текста, использованного в списках У, И1, С, означает, что это лицо он считал составителем редакции памятника, которую он положил в основу своей (вторичной). Но Р. П. Дмитриева даже не пытается оспорить такую возможность объяснения, которая ей хорошо известна по литературе (на нее она даже в этой связи не ссылается). Она создает искусственное построение, согласно которому Софонию приписывается некое не дошедшее до нас поэтическое произведение о Куликовской битве, ссылаясь, в частности, на возможность существования некоего общего источника Задонщины и Сказания, о чем вскользь писал А. А. Шахматов («Слово о Мамаевом побоище»). Она обращает внимание на то, что имя Софония встречается в некоторых списках Сказания, где в заголовке говорится также о Дмитрие Донском и Владимире Серпуховском. Но это может означать и то, что Сказание использовало Задонщину с упоминанием об авторстве Софония (скажем, в редакции, близкой к К-Б). Наконец, Р. П. Дмитриева пытается подкрепить предположение об особом произведении Софония ссылкой на небольшой фрагмент из Тверского сборника, близкий к Сказанию.[См.: ПСРЛ. М.; Л., 1963. Т. 15. Стб. 440.] Она находит в нем также черты близости к Задонщине, а озаглавлен он «А се писание Софония резанца». Однако эти черты сводятся к слову «ведомо» и к «Залесской земле» в зачеркнутой части фрагмента. Ясно, что этого недостаточно для каких-либо определенных суждений. Предположение Р. П. Дмитриевой, таким образом, оказывается чистой догадкой, не подкрепленной никакими текстологическими данными.

Фрагмент № 1. Введение.

Краткая редакция:

Пойдемъ, брате, в полуночную страну, жребий Афетов[В ркп.: Афетову.], сына Ноева, от него же родися Русь преславная. Оттоле възидемъ на горы Киевскыя [К-Б, л. 122–122 об.].

Пространная редакция:

И потом списах жалость и похвалу великому князю Дмитрию Ивановичю и брату его князю Владимиру Андреевичу.

Снидемся, брате и друзи, сынове рустии, съставим слово к слову и величим землю Рускую, и вержем печаль на вѣсточную страну всем в жребие, въздаюм (*надписано е.*—А. 3.) поганому Мамаю победы и великому князю Дмитрию Ивановичю похвалу и брату его князю Владимиру Андреевичю.

Рци того лутче бо есть, брате, нача поведати инеми словесы о похвальных о нынешних повестех от полку князя Дмитрея Ивановича и брата его князя Владимира Андреевича, правнука святого великого князя Владимира Киевскаго. Начата поведати по делом по гибелью (И1) {л. 215–215 об.}.

Князь великий Дмитрей Ивановичъ с своим братом с князем Владимиром Андреевичем и своими воеводами были на пиру у Микулы Васильевича: «Ведомо нам, [Рукопись повреждена, текст «ведомо нам» читается с трудом.] брате, у быстрого Дону царь Мамай пришел на Рускую землю, а идет к нам в Залескую землю. *Пойдем, брате, тамо в полунощную страну, жребия Афетова, сына Ноева, от него же родися Русь преславная. Възидем на горы Киевския* и посмотрим славнаго[В ркп.: сравнаго.] Непра и посмотрим по всей земли Руской и оттоля на восточную страну жребии Симова, сына Ноева, от него же родися Хиновя, поганые татаровя, бусормановя. Те бо на реке на Каяле одолеша род Афетов. И оттоля Руская земля седит невесела, а от Калатьския рати до Мамаева побоища тугою и печалию покрывшася, плачущися, чады своя поминаюты. Князи

и бояря и удалые люди, иже оставиша вся дома своя и богатство, жены и дети и скот, честь и славу мира сего получивши, главы своя положиша за землю за Рускую и за веру христианьскую. Собе бы чаем пороженных и воскормленных».

Преже восписах жалость земли Руские и прочее, от кних приводя. Потом же списах жалость и похвалу великому князю Дмитрею Ивановичю и брату его князю Владимиру Андреевичю.

Снидемся, братия и друзи и сынове рускии, составим слово к слову, возвеселим Рускую землю и возверзем печаль на восточную страну, в Симов жребий, и воздадим поганому Момаю победу, а великому князю Дмитрею Ивановичю похвалу и брату его князю Владимиру Андреевичю. И рцем таково слово: «Лудчи бо нам, брате, начати поведати иными словесы от похвальных сих и о ны-нешних повестех похвалу великого князя Дмитрея Ивановича и брата его князя Владимира Андреевича, а внуки святого великаго князя Владимира Киевскаго. Начаша ти поведати по делом и по былинам» (У) {л. 169 об. — 172}.

Говорит князь великий Дмитрий Иванович брату своему князю Володимеру Одреевичу, што ж деи «идет поганый царь Мамай *в полунощную страну*, [В ркп.: стражу.] *в место Охмета сына Ноева, от него же родися Русь православная. Взыдем, брате, на гору Киевския*, посмотрим славнаго Днепра и во всю землю Роскую, иже жребие воздати на силу поганого царя Мома. Се бо есмо чада благородных».

Потом же написахом жалость и похвалу великому Дмитрию Ивановичу и брату его князь Володимеру Одреевичу.

Снидем, брате, сынове руския, составим слово ко слову, возвеселим [В ркп.: возвелим.] Рускую землю, понеже печаль на восточную страну в сем жребие воздати победу поганому царю Момаю.

Говорит князь великий Дмитрий Иванович брату своему князю Володимеру Одреевичу: [В ркп.: Одреевичу.] «Скажи ми, брате, коли и мы словесы о похвалных сих о нынешних повестех а полку великого князя Дмитрия Ивановича и брата его князя Володимера Аньдреевича и правнуковы Володимера Киевскаго». Нача поведати по делом былым (С) {л. 36 об. — 37}»

Во введении автор Задонщины говорит о своем стремлении приступить к рассказу о славных победах Дмитрия Донского на Куликовом поле. Введение дано в первоначальном виде в списке К-Б, т. е. в Краткой редакции. Наиболее полно и исправно Пространная редакция введения представлена в списке У [Ср.: Дмитриева. Взаимоотношение списков. С. 207–208; Творогов О. В. О композиции вступления к «Задонщине» // «Слово» и памятники. С. 526.] В списке И1 сохранился лишь его отрывок (ибо здесь Задонщина слита с Летописной повестью о Мамаевом побоище), а в списке С — сокращенный вариант. В. П. Адрианова-Перетц считает, что, возможно, введение Пространной редакции не входило в состав произведения Софония, но воздерживается от окончательного решения вопроса. По ее мнению, «в предисловии не оказывается ничего, что требовало бы непременно знакомства его автора со Словом о полку Игореве» [Адрианова-Перетц. Задонщина. С. 202.]. Н. К. Гудзий считает, что авторский текст Задонщины должен был начинаться словами «Снидемся, братие и друзи». Эпическое произведение, каким является Задонщина, по мнению Гудзия, едва ли могло начинаться сообщением о присутствии великого князя Дмитрия Ивановича на пиру у Микулы Васильевича. К тому же ни это начало, ни его продолжение «никак не связаны с последующим текстом» [Гудзий Н. К. Рец. на кн. «Воинские повести Древней Руси» // Советская книга. М., 1950. № 3. С. 111.] Не включает введение по списку У в свою реконструкцию текста Пространной редакции Задонщины и В. Ф. Ржиги (он дает по тексту И1: «Снидемся, братие...» и т. д.). [Повести. С. 9. С. К. Шамбинаго начинает свою реконструкцию Задонщины словами «Лугче бо нам» (Задонщина. Слово о великом князе Дмитрие Ивановиче и о брате его Владимире Андреевиче, яко победили супостата своего царя Мама. М., 1947. С. 7).] А. А. Назаревский возводит его к авторскому тексту.

Список К-Б Задонщины начинается с широкого обращения («брате»)[О том, что перед нами обращение к читателю, можно судить из аналогичного «снидемся, брате» Пространной редакции.] к слушателю (читателю). Оно содержит призыв пойти «в полуночную страну, жребий Афетову, сына Ноева, от него же родися Русь преславная». Читателю сразу же сообщается о происхождении Руси от Афета, [«Афетови же яся полунощная страна... В Афетови же части седить Русь» (ПСРЛ. СПб., 1908. Т. 2. Стб. 3, 4).] в полном соответствии с обычным началом русских летописей.[Поэтому мы не видим необходимости считать, что в первоначальной Задонщине «жребию Афетову» должен быть противопоставлен «жребий Симов». Р. П. Дмитриевой также напрасно слово «оттоле» К-Б кажется лишенным смысла (Дмитриева. Взаимоотношение списков. С. 252): после того как направились в жребий Афета, оттуда нужно взойти на Киевские горы (ср. «оттоля» на «восточную страну» и «оттоля Руская земля седит невесела» в У). Слова «первее всех» означают «прежде всего» и вполне ясно передают мысль автора Задонщины (о «первее всего» как «прежде» см.: Срезневский. Материалы. Т. 2. Стб. 1769). Впрочем, «оттоле» могло означать и «после того» {Срезневский. Материалы. Т. 2. Стб. 819), и «с той поры» {Даль. Толковый словарь. Т. 2. С. 762).]

После этого автор произносит похвалу Бояну, который пел славу первым русским князьям (фрагмент № 2), и совершенно естественно переходит к Дмитрию Ивановичу, ратный подвиг которого хотел воспеть автор Задонщины (фрагмент № 3). Все четко и понятно.

Введение к Задонщине Пространной редакции по списку У лишено этой ясности. Оно приобрело осложненную и не вполне оправданную структуру. Рассказ начинается сразу же без какого-то приступа: Дмитрий Иванович на пиру у Микулы Васильевича услышал о походе Мамая. Великий князь обращается к Владимиру Серпуховскому с длинной речью, в которой призывает пойти «в полунощную страну жребия Афетова», и рассказывает о прежних обидах, которые принесли Руси «хинове поганые», начиная со времен битвы при Каяле. Структура более чем странная.[О.В. Творогов считает странным, «почему, сообщив о приходе Мамая „к нам в Залесскую землю“, автор призывает отправиться в „полунощную страну“ (к которой относится и Залесская земля), на горы Киевские» {Творогов О. В. О композиции вступления... С. 526–527).] Казалось бы, следовало рассказать о бедах Русской земли, а потом перейти к конкретно-историческому рассказу о событиях 1380 г. Структурные несообразности обнаруживаются в Пространной Задонщине и дальше. Поместив обращение Дмитрия Донского к Владимиру Серпуховскому, автор неожиданно переходит к поэтическому зачину: «И потом (после чего? — А. 3.) спи-сах жалость и похвалу великому князю... Снидемся, брате и друзи...». Последнее обращение является парафразой начала Задонщины по К-Б («пойдем, брате...»).[Исправление «брате» на «братие», предложенное О. В. Твороговым, противоречит и текстологическим наблюдениям, ибо и ниже: «лудчи бо нам, брате».] Затем автор сообщает о своем желании воздать «иными словесы» (не сообщив еще, почему «иными», т. е. кто воспевал князей другими «словесы») похвалу Дмитрию и Владимиру, затем вспоминает Бояна и его «славы» первым русским князьям и, наконец, снова говорит о стремлении «похвалить» Дмитрия Донского, «возверзить» печаль на «жребий Симов».

Компилятивность, искусственность структуры введения Задонщины по списку У Пространной редакции вряд ли может быть оспорена.

Повторные вариации на мотивы текста Задонщины по К-Б (Краткой редакции), отсутствие четкой логики развития сюжета подкрепляют эту нашу мысль.

Для того чтобы придать вводной части Задонщины хоть какую-то стройность, О. В. Творогов производит явную вивисекцию текста. Он изымает из него кроме первой фразы еще упоминание о Софонии («Аз же помяну... Владимира Киевского»). Текст «Снидемся, братия... Ярославу Володимировичю» он переставляет из середины введения в его начало, объявляя, что «все известные нам списки» Задонщины восходят к дефектному экземпляру,

в котором «первый лист рукописи был переписан после второго листа».[Творогов О. В. О композиции вступления... С. 529.] Отсутствие же Софония в К-Б О. В. Творогов объясняет тем, что этот (уже второй) редактор выпустил о нем упоминание из-за боязни быть отождествленным с предшествующим редактором.[Творогов О. В. О композиции вступления... С. 531.]

Все эти сложные операции совершенно излишни ввиду того, что К-Б (структура введения которого близка к другим спискам Задонщины) сохранил первоначальный и вполне логичный зачин произведения.[Критику построений О. В. Творогова см. также: Krälik. S. 99—106.]

В тексте введения, отсутствующем в К-Б («посмотрим славного Непра... помянем первых лет времени и»), содержится ряд отрывков, взятых из основной части Задонщины и из Сказания:

В Сказании о Мамаевом побоище Русская земля «уныла» со времен Калкской битвы. В Пространной редакции Задонщины текст осложнен: «татаровя» родились от Сима. При этом «те бо на реке на Каяле одолеша род Афетов. И оттоля Русская земля сedit невесела. А от Калатьския рати до Мамаева побоища тугою и печалию покрывашя». Как мы видим, в Пространной редакции появляется мотив о поражении на Каяле. Он осложняет текст и делает ясную конструкцию Сказания в Задонщине рыхлой («сedit невесела» и «печалию покрывашя» сходные мотивы). Концепция же автора Пространной редакции понятна. В Краткой Задонщине перебрасывался мостик от поражения на Калке 1223 г. к победе на Куликовом поле 1380 г. (см. фрагмент № 4). Следы этого сохранились и в Пространной Задонщине. Однако, вслед за литературой XIV–XV вв. отождествляя половцев с татарами, ее автор началом бед, постигших Русскую землю от «Симовых» потомков, стал считать не битву на Калке, а трагическое сражение при Каяле. События 1185 г. не были малозначительными, как то представляют некоторые исследователи. [Лихачев. Когда было написано «Слово»? С. 142; Гудзий. По поводу ревизии. С. 129.] Впервые в истории русско-половецких отношений столкновение со степью привело к столь трагическому исходу. Поэтому, говоря о начале бед, постигших Русь в борьбе с «половцами» — «татарами», автор имел все основания начать свой рассказ с битвы при Каяле, известной ему по драматическому изложению Ипатьевской летописи. Ни о какой «случайности» упоминания Каялы в Задонщине говорить нельзя.[Л. А. Дмитриев допускает и то, что «Каяла» в Задонщине появилась в результате механической описки (вместо Калки), и то, что составитель Задонщины просто «имел в виду и битву при Каяле, воспетую „Словом о полку Игореве“, и битву на Калке, отождествив в своем произведении эти реки». Но далее делает вывод, что в любом случае упоминание Каялы свидетельствует, что в основе текста Задонщины лежит Слово (Дмитриев. Вставки из «Задонщины». С. 402). Но если «Каяла» — простая описка, то как же она может свидетельствовать о влиянии Слова на Задонщину? Тезис о «Каяле» как об описке принимает Д. Феннелл (Fennell. P. 128). Критику этого предположения см. также: Лихачев. «Текстологический треугольник». С. 299–301. Д. С. Лихачев, в частности, обратил внимание на сходство выражений «на реке на Каяле» (У), «на реце Каялы» (Ип.) и «на реце на Каяле» (Слово), где повторяется и упоминание о «реке».] Не видим мы здесь и сознательного отождествления реки Каялы с Калкой, о которой писал Д. С. Лихачев.[Лихачев Д. С. Национальное самосознание Древней Руси. М.; Л., 1945. С. 78.] Каяла ни в одном из источников, кроме Пространной Задонщины, Ипатьевской летописи и Слова, не упоминается. Название этой реки имеет, может быть, символическое или, возможно, географическое происхождение.[Какую-то реку Куалу упоминает А. Курбский: «с Танаиса и Куалы», а в глоссе к тексту: «Та измаилтеским языком Куала глаголется, а по словенский Медведица» (РИБ. Т. 31. Стб. 173). В переводе с тюркского «каяла» означает «скалистая»]

(Menges. P. 28, 29) {русский перевод: Менгес К. Г. Восточные элементы в «Слове о полку Игореве». Л., 1979}; Фасмер. Этимологический словарь. М., 1967. Т. 2. С. 216. Л. А. Дмитриев связывает название с глаголом «каять» — оплакивать, жалеть (Дмитриев Л. А. Глагол «каяти» и река Каяла в «Слове о полку Игореве»//ТОДРЛ. М.; Л., 1953. Т. 9. С. 30–38; Попов А. И. Заметки о «Слове о полку Игореве»//РЛ. 1969. № 4. С. 181–182; Рыбаков. «Слово» и современники. С. 223–224). Некоторые исследователи производят Каялу от «каять», отсюда «окаянный». Вопрос нуждается еще в доисследовании. {См. также: Бобров А. Г. Каяла (Каялы) //Энциклопедия. Т. 3. С. 31–36.}] Права В. П. Адрианова-Перетц, считающая, что упоминание о Каяле в Задонщине «может быть выведено из летописи».[Адрианова-Перетц. Задонщина. (Опыт реконструкции). С. 202.]

О том, что рассказ о походе Игоря на половцев привлекал к себе напряженное внимание читателя начала XVI в., свидетельствует очень интересный факт. Составитель Никоновской летописи вводит в запись о побоище с половцами в 1185 г. сообщение: «убиша же тогда и дивна богатыря Добрыню Судиславичя».[ПСРЛ. СПб., 1885. Т. 10. С. 13.] При чем другое сообщение о гибели богатырей (Александра Поповича и 70 русских «храбров»), на этот раз на р. Калке, уже содержалось в московском летописании XV–XVI вв. (в том числе с некоторыми вариантами в Никоновской летописи).[ПСРЛ. СПб., 1885. Т. 10. С. 92. Подробнее см.: Лихачев Д. С. Летописные известия об Александре Поповиче// ТОДРЛ. М.; Л., 1949. Т. 7. С. 17–51. Когда Р. П. Дмитриева, Л. А. Дмитриев и О. В. Творогов говорят, что «в рассказ о поражении на Калке Никоновская летопись также вставляет имена будто бы погибших там богатырей» (Дмитриева, Дмитриев, Творогов. По поводу. С. 108), то они ошибаются: этот текст не вставка составителя Никоновской летописи, ибо он имелся в ее источнике.] В сознании образованного книжника начала XVI в. битвы на Каяле и на Калке связывались воедино трагической судьбой богатырей земли Русской.

Ту же тенденцию объединить эти две битвы как символы бедствий, постигших Русь, можно обнаружить и в Пространной Задонщине.

В XV в. в Краткой Задонщине, как и в московских летописях, отсчет начала бедствий велся еще от битвы при Калке и только позднее к ней была «подключена» Каяла.

Л. А. Дмитриев предлагает четыре варианта соотношения рассказа о пире Задонщины и Сказания, не отдавая какому-либо из них предпочтения:

1. Вставка из Задонщины имела уже в первоначальном тексте Сказания.
2. Рассказ о пире — вторичное заимствование из Задонщины в Сказание.
3. Этот рассказ о пире восходит к устному преданию (или третьему источнику), общему как для Задонщины, так и для Сказания.
4. Рассказ о пире попал из Сказания в Задонщину на позднем этапе ее истории. [Дмитриев. Вставки из «Задонщины». С. 418–419.]

Все эти варианты нельзя принять по следующим причинам:

1. Рассказа о пире не было в первоначальном тексте Сказания, а в группе У Основной редакции он попал из Никоновской летописи.
2. Никакого «третьего» источника о пире нам неизвестно.
3. Рассказ о пире неорганичен в Пространной Задонщине, а естествен в Никоновской летописи. Поэтому и следует в последней видеть его первоначальный вариант.

Фразы о пире у Микулы Васильевича в протографе Краткой редакции Задонщины не было, ибо она отсутствует в К-Б и взята из Никоновской летописи. В самом деле: в Задонщине фраза как бы повисает в воздухе, ибо она не связана с текстом введения (вслед за нею идет длинная речь Дмитрия Донского о «невеселой године»), а в Никоновской летописи ее контекст логичен: получив на пиру у Микулы Васильевича сведения о движении Мамаю, великий князь отдает распоряжение «сторожу уготовити крепку в поле». [Очень глухо о пире говорится в Забелинском варианте Сказания: «Дмитрей Иванович у себя на пиру» (Повести. С. 169), причем с ошибкой — «у себя», а не у Микулы.] Отрывок

Никоновской летописи соединен в Пространной редакции Задонщины с фрагментом Краткой. Это видно при сопоставлении текстов:

Задонщина (по У):

Князь великий Дмитрий Иванович с своими воеводами были на пиру у Микулы Васильевича.

«Ведомо нам, брате, у быстрого Дону царь Мамай пришел на Рускую землю, а идет к нам в Залескую землю. Пойдем, брате, тамо в полунощную страну, жребия Афетова, сына Ноева, от него же родися Русь преславная. Взыдем на горы Киевския...» {л. 169 об. — 170}.

Источники:

...великому князю бывшу на пиру у Никулы Васильевича тысяцкого з братом своим со князем Володимером Андреевичем и со всеми тогда пришедшими князи и воеводами, и се паки начяша поновлятися вести, яко Мамай неотложно хочет ити на великого князя (ПСРЛ. Т. 11. С. 51).

Поидемь, брате, в полунощную страну, жребий Афетову, сына Ноева, от него же родися Русь преславная. Оттоле взыдемь на горы Киевьския (К-Б) {л. 122–122 об.}.

Как мы увидим далее, близость к Никоновской летописи органична для всей Пространной редакции Задонщины (в отличие от Краткой), поэтому мы не считаем возможным изымать из ее архетипа начало памятника. Дальнейшее «Поидемь, брате» также тесно связано с начальными словами, обращенными к Владимиру Андреевичу «Ведомо нам, брате».

О книжных источниках пишет и сам автор Пространной редакции: «от кних приводя. И потом списах жалость и похвалу», т. е. речь идет о Задонщине Краткой редакции и книгах (Сказание, Никоновская летопись). [А. Мазон считает, что в данном случае речь идет о первоначальном тексте Задонщины («Жалость»), к которому добавлена вторая часть — «Похвала» (Mazon. Le Slovo. P. 20. Ср.: Krälik. S. 106). А. Вайян из слов «преже восписах» делает заключение, что автор Пространной Задонщины когда-то, еще до создания этого произведения, написал рассказ о страданиях Руси (La Zadońścina. P. XIV). По Р. О. Якобсону, соображения которого принял Д. С. Лихачев, «жалость» и «похвала» были первичным сочетанием в Задонщине, своеобразным литературным «диптихом», при этом «жалостью» автор Задонщины якобы называл Слово о полку Игореве (Jakobson R. Wkład językoznawstwa do krytycznej analizy tekstu Slova o wyprawie Igora // Zeszyty naukowe Uniwersytetu Jagiellońskiego. N 24. Prace językoznawcze, zeszyt 3. Kraków, 1960. S. 302; Лихачев. Изучение «Слова о полку Игореве». С. 43; Соловьев. Восемь заметок С. 382).] Автор пишет «похвальную» повесть («о похвальных сих... повестех») «иними словесы», т. е. отличными от тех, которыми писал Софоний Рязанец (точнее, от Краткой Задонщины).

Упоминание о «похвале», скорее всего, перенесено во вступление Задонщины из заглавия Сказания о Мамаевом побоище. Из 54 списков Основной редакции (приведенных Л. А. Дмитриевым в его обзоре рукописей памятника) в 17 есть заглавие «Сказание о Мамаевом побоище и похвала великому князю Димитрию Иоанновичу Московскому» (см. под № 19) или сходные. Только в 19 заголовки не содержат слова «похвала» (18 списков или дефектны, или не имеют заголовка вообще). «Похвала» есть и в заголовках большинства списков Сказания Распространенной редакции. Собираясь писать «иними словесы» о «полку» Дмитрия Ивановича, автор Пространной редакции хочет поведать «по делом и по былинам» (У), т. е. в соответствии с делами и правдой, а не в поэтической форме (как Софоний). И именно для этого он включает в свой рассказ фактические данные из Никоновской летописи и из Сказания о Мамаевом побоище.

Фрагмент № 2. Зачин о Бояне и князьях.

Краткая редакция:

Первее всех вшед восхвалимь вещаго[В ркп.: вещагого.] Бояна в городе в Киеве, гораздо гудца. Той бо вещий Боян, воскладая свои златыя персты на живыя струны, пояше славу рускымь княземь, первому князю Рюрику, Игорю Рюриковичю, Владимиру

Святославицю,[В ркп. вместо последних двух слов: Святославу Ярославичу.] *Ярославу Володимировичю* {К-Б, л. 122 об.}.

Пространная редакция:

Но потрезвимься мыслыми и землями и помянем первых лет времена и похвалим вещь боинаго гораздаго гудца[В ркп.: гдуща.] в Киеве. Тот Боюн воскладше гораздыя своя персты на живыя струны и пояше князем руским славу, первую славу великому князю киевскому Игорю Рюриковичю, 2 — великому князю Владимиру Святославицю киевскому, третью — великому князю Ярославу Володимировичю (И1) {л. 215 об. — 216}.

Не проразимся мыслю, но землями, помянем первых лет времена, похвалим вещаннаго боярина, горазна гудца в Киеве. Тот боярин воскладоша горазная своя персты на живыя струны[В ркп.: струпы.] пояша руским князем славу, первому князю киевскому Игорю Рюриковичю[В ркп.: Бяриковичю.] и великому князю Владимиру Всеславьевичю киевскому и великому князю Ярославу Володимировичю (У) [л. 172–172 об.].

Не поразился мысленными землями, помянем первых лет времена, похвал вещаго горазда гудца. Тот бо деи похвалы вещи буйный, накладает свои белыя руцы на злотый струны, пояше руским князем похвалу: первому князю рускому на земли киевской Рурику, великому князю Владимиру Светославычу, великому князю Ерославу Володимировичю (С) {л. 37}.

Во втором фрагменте Задонщины автор вспоминает о певце Бояне, певшем славу киевским князьям.

Сейчас трудно сказать, существовал ли исторический прообраз Бояна и когда он жил.[А. Вайян склоняется вообще к признанию Бояна мифической личностью (La Zadonscina. Р. X, XI).] Отметим лишь, что среди можайских волостей, упомянутых в духовной Дмитрия Донского (1389 г.), находится «Боянь».[ДДГ. № 12. С. 34. В 1505 г. в разъезжей грамоте перечисляются земли можайской «Боннской волости» (Там же. № 96. С. 400).] В 1300 г. в Новгороде «на Бояни улке» срубили церковь.[НПЛ. С. 91, ср. под 1326 г. (Там же. С. 97).] Имя «Боян» и «Боянова земля» встречаются и в более раннее время[«Землю Боянову» встречаем в граффити второй половины XII в. в киевской Софии (Высоцкий С. А. Древнерусские надписи Софии Киевской XI–XIV вв. Киев, 1966. Вып. 1. С. 60–61). Среди послухов рядной Тешаты (1266–1269 гг.) упоминается некий «Боян» (Памятники русского права. М., 1953. Вып. 2. С. 278).] и среди полководцев времен Чингисхана и Батыя.[Тизенгаузен В. Г. Сборник материалов. М.; Л., 1941. Т. 2. С. 35; Насонов А. Н. Монголы и Русь: История татарской политики на Руси. М.; Л., 1940. С. 53.] В 1533 г. казанский царевич Ислам прислал своего человека по имени Боян в Москву.[ПСРЛ. СПб., 1904. Т. 13, 1-я половина. С. 69.]

В Краткой Задонщине гораздый гудец Боян[В К-Б описки «вещаго» (Бояна). Аналогичные описки делает Ефросин и в Хождении Даниила, где пропущен предлог «до» перед словом «добраго», а в этом последнем слове удвоено окончание («доброгаго»). См.: Дмитриева. Взаимоотношение списков. С. 248. О. В. Творогов обратил внимание, что в К-Б после слова «вещаго» стоит запятая. На этом основании он из следующей за ним описки «го» восстанавливает слово «инаго» (Творогов. «Слово» и «Задонщина». С. 300). Но запятая в К-Б ставится произвольно и нигде не означает рудимента каких-либо слов (ср. л. 124, 125 об., 126).] упомянут совершенно логично: Боян пел про старых князей, а автор Задонщины хотел петь про новых князей — Дмитрия и Владимира. Оба поют, «вскладая персты на струны», иначе говоря, «гуслеными словесы». В Пространной редакции текст осложнился. Автору пришлось вспоминать не только Бояна, но и Софония, т. е. автора предшествующей версии Задонщины. Текст получился витиеватый.

Слово «Боян» было не понято позднейшими переписчиками, а потому и подвергалось деформированию.[См. об этом в Приложении. В списке К-Б есть не вполне ясное чтение: «гораздо гудца». Возможно, Ефросин механически пропустил окончание «го», тем более что следующее слово начинается теми же буквами: «го<удца>». В И1 «гораздаго», но в У «горазна», а в С «горазда». Поэтому не исключено, что в архетипе

Краткой Задонщины читалось «горазда» («гораздо».)] Образ певца, возложившего свои персты на «живыя струны», взят автором Краткой Задонщины из Слова о воскрешении Лазаря (время сложения его не вполне ясно, очевидно XIV в.).[

Воспоем, дружино, пес(н)ьми днесъ,
А плач отложим, утешимся.
Удари, рече, Давид в гусли,
Възложи персты своа на живыя струны.

(Памятники старинной русской литературы. СПб., 1862. Вып. 3. С. 11). В списке XIV–XV вв.: «на-кладая очитыя персты на живыя струны: Воспоим песни тихи и веселыя, друзи мои» (Адрианова-Перетц. Фразеология и лексика. С. 29). В списке XVI в. ближе к Задонщине. Образ восходит к стихире Романа Сладкопевца: «Възвышь гусли своя, мыслъный отче, вѣщани, яко Давидъ богодѣхновеныи удваряеши [ударяеши], скача добродѣтелии свѣтѣмъ» (Ягич И. В. Служебные минеи за сентябрь, октябрь, ноябрь. В церковнославянском переводе по русским рукописям 1095–1097 гг. СПб., 1886. С. 3). См.: Рождественская М. В. 1) «Слово о Лазаревом воскресении» (характеристика редакций) // ТОДРЛ. Л., 1969. Т. 24. С. 64; 2) К литературной истории текста «Слова о Лазаревом воскресении»// ТОДРЛ. М.; Л., 1970. Т. 25. С. 53, 56, 59.]

В списке князей, которых восхвалял Боян, «Святославу Ярославичю» (К-Б) исправляем на «Владимеру Святославичю» (И1): «Ярославичю» получилось, возможно, из дублирования имени следующего князя — Ярослава Владимировича, а «Святославу» — из отчества «Святославичю», которое находилось перед именем «Ярославу». Святослав Ярославич перед Ярославом да еще при отсутствии Владимира выглядит весьма странно. Когда К-Б говорит о Рюрике как о первом князе, то он дает первоначальный текст памятника. В изводе Ундольского Рюрик опущен, а «первым великим князем киевским» стал Игорь в полном соответствии с новгородской традицией.[Пропуск Игоря Рюриковича в С, очевидно, вторичен. По мнению Р. П. Дмитриевой, редактор извода Син. (т. е. списков К-Б и С, по ее представлению) включил имя Рюрика, решив «уточнить сведения о князьях» {Дмитриева. Взаимоотношение списков. С. 215}. Но этот вывод основан на ее предположении о том, что первоначально в Задонщине речь шла о «первой славе» (как в И1), а в дальнейшем — о «первом» князе. Однако «первого князя» мы находим в У, С и К-Б, т. е. именно это чтение (а вместе с ним и Рюрик) архетипно. Н. И. Гаген-Торн считает, что Софоний, «возможно, знал песнь об Игоре Рюриковиче», сочиненную Бояном (Гаген-Торн Н. И. О филологическом и историческом анализе «Слова о полку Игореве»//Советская археология. 1970. № 3. С. 286).] Это говорит о северно-русском происхождении извода. В Пространной редакции, в отличие от К-Б, все князья называются «великими». Чтение К-Б первично, ибо в этом списке, как в И1 и сходных, есть обобщенное «русскимъ княземъ», а не «великим князьям русским».[В фрагменте № 1 Пространной редакции Владимир, так же как и в К-Б, называется просто «князем».] Вероятно, это было связано с тем, что к концу XV — началу XVI в. все отчетливее проявляется тенденция к возвеличению предков князей московского великокняжеского дома. Наряду с этим сохраненное в Пространной редакции выражение «князем руским славу» противоречило новой титулатуре русских князей и явилось уже анахронизмом.

Фрагмент № 3. Похвала Дмитрию Донскому. Воспоминания о Софонии.

Краткая редакция:

Восхваляя их *песми и гуслеными буйными словесы* на русскаго господина князя *Дмитрия Ивановича и брата его князя Володимера Ондреевича*, занеже их было *мужество* и желание за землю *Русьскую* и за веру *христианьскую* {К-Б, л. 122 об.}.

Пространная редакция:

И я же помяну Ефония ерея резанца в похвалу *песньми и гуслеными и буйни словесы и сего великого князя Дмитрея Ивановича и брата его князя Владимира Ондреевича*, правнука тех князей, занеже отпало *мужьство* их и пение их и князем руским за землю *Рускую* и за веру *крестьянскую* (И1) {л. 216}.

Аз же помяну резанца Софония и восхваляю песнеми гусленными словесы сего великого князя Дмитрея Ивановича и брата его князя Владимира Андреевича, а внуки святого великого князя Владимира Киевского. И пение князем руским за веру христианьскую (У) {л. 172 об.}.

И здесь помянем Софона резанца, сего великого князя Дмитрея Ивановича и правнука святого князя Володимера Киевского и брата его Володимера Андреевича. Их же помянем и похвалим гуслеми и песнеми и буйными словесы, занюже отпало было мужество князем руским (С) {л. 37}.

Третий фрагмент говорит о желании автора Задонщины воспеть князей Дмитрия Ивановича и Владимира Андреевича. В Пространной Задонщине он осложнен воспоминаниями о Софонии.

Я. Фрчек считал, что о Дмитрие Ивановиче пел еще Боян («восхваляя... Дмитриа Ивановичя»). [Frček. S. 79.] Но, возможно, в К-Б текст дефектен («восхваляя их песни и гусленными буйными словесы на русского господина князя Дмитриа»). [Форма «восхваляя» могла появиться от механического повторения предшествующего «воскла-дая». См. также соображения О. Кралика (Królik. S. 139–140).]

Поэтому при реконструкции Краткой редакции нами учитывается чтение списка У («аз... восхваляю... сего великого князя»). [А. Вайян считает, что после «словесы» в К-Б лакуна (La Zadońszcina. P. 3).] Я. Фрчек антитезу Пространной Задонщины усматривает в том, что Боян был слагателем песни, а Софоний — автором письменного произведения. Но по смыслу речь идет о певцах, один из которых восхвалял древних, а другой — «нынешних» князей.

Слова Пространной редакции о Софонии показывают, что он не был ее автором, а ему приписывали какой-то предшествующий памятник. Эти слова, отсутствующие в К-Б, мы, естественно, в архетип Задонщины не включаем. [Р. П. Дмитриева считает, что в списке К-Б — пропуск, в его архетипе («изводе Син.») читалось имя Софония (Дмитриева. Взаимоотношение списков. С. 253). Но в тексте К-Б Боян четко противопоставлен самому автору Задонщины. В списках Пространной Задонщины, благодаря тому что внесено имя Софония, это противопоставление нарушено. См. также наблюдение О. Кралика (Królik. S. 141–142).] Задонщина Краткой редакции донесла до нас запись устно-поэтического текста. Ведь его творец говорит, что будет восхвалять князя Дмитрия «песми и гусленными буйными словесы».

Фрагмент № 4. Переход к Мамаеву побоищу.

Краткая редакция:

...от тоя *рати* и до Мамаева побоища... {К-Б, л. 123}.

Пространная редакция:

...от Калагъския *рати* до Мамаева побоища лет 160 (И1) {л. 216}.

А от Калатские рати до Мамаева побоища 170 лет (У) {л. 172 об.}.

От Колонцыя роти лет 160 до Мамаева побоища (С) {л. 37}.

Фрагмент К-Б не вполне ясен. Реконструкцию его можно условно восстановить по Сказанию («от Калагъския рати и до Мамаева побоища Русскаа земля уныла»). Для этого основанием является вывод о том, что автор Сказания о Мамаевом побоище использовал Краткую редакцию Задонщины. Гипотетическое чтение (вместо «лет 157» Распространенной редакции Сказания и «лет 160» Пространной редакции Задонщины) более соответствует контексту, в котором она находится в К-Б, и стилистически близко к Задонщине. [В пользу этого предположения говорит и то, что в предисловии к Пространной редакции Задонщины (где использованы отдельные мотивы Краткой редакции) есть сходный контекст: «Оттоля Руская земля сидит невесела, а от Калатския рати до Мамаева побоища тугою и печалию покры-шася». В нем «от тое бо рати Руская земля уныла» [источник последней фразы неясен. Приведем чтения «Сказания»: Основная редакция: «От тоя бо галадцкыа беды и великого побоища татарскаго и ныне еще Рускаа земля уныла» (Повести. С. 55); Летописная редакция: «От Батыя до Кальския рати и до

Мамаева побоища лет 158» (С. 89); Распространенная редакция: «И от тоа бо Калския рати до Мамаева побоища лет 157. И оттоля Руская земля унила» (С. 129). Текст «Оттоля Руская земля седит невесела, а от Калатския рати до Мамаева побоища тугою и печалию покрываша» восходит к У].]

Впрочем, возможен и другой вариант реконструкции текста Краткой Задонщины. Так как подсчет лет, прошедших с Калкской битвы до Мамаева побоища, дан в Пространной редакции в обобщенной форме (160 лет), в отличие от Распространенной {испр., у А. А. Зимина — Летописной} редакции Сказания, где находится точное число прошедших лет (157), то не исключено, что в Краткой редакции Задонщины помещалось чтение Летописной редакции (? — Ред.) Сказания: это чтение позднее могло быть «округлено» составителем Пространной редакции Задонщины. Наконец, допустим и третий вариант: речь идет о «той рати» как о битвах киевских князей. В этом случае ничего добавлять к тексту не следует. Вопрос, как мы видим, остается не вполне ясным. [Говоря о цифре «160 лет», М. Н. Тихомиров пишет: «Конечно, можно предполагать ошибку в исчислении времени, но ничто не мешает нам видеть в этом и определенное датирующее указание на время составления памятника, относящееся к 1384 году» (Тихомиров. Средневековая Москва. С. 259). Поскольку Пространную редакцию мы считаем позднейшей, основанной на Краткой и Сказании, где дается правильное исчисление (157 лет), то определять по обобщенной цифре (160 лет) время написания Задонщины нет никаких данных (см. также мнение А. Вайяна: *La Zadońszcina*. Р. VIII).]

М. Н. Тихомиров пишет, что «автор „Задонщины“, взяв крылатые фразы из „Слова“, даже не понимал, что он рассказывает о событии 1185 года, и думал, что в нем говорится о битве при Калке 1223 года, считая годы „от Калатские рати до Мамаева побоища“. Эта ошибка зависела от того, что Игорь был разбит на реке Калке, а битва 1223 года произошла на реке Каяле».[Тихомиров. Русская культура. С. 68. В приведенном тексте описка: битва в 1185 г. была на Каяле, а в 1223 г. — на Калке.] Это заблуждение. В фрагменте № 1 Пространной Задонщины битва на Каяле очень четко отличается от «Калкской рати» и никакого смешения их нет: «на реке на Каяле одолеша род Афетов. И оттоля Руская земля седит невесела, а от Калатския рати до Мамаева побоища тугою и печалию покрываша» (У).

Л. А. Дмитриев полагает, что пассаж с расчетом лет, прошедших с Куликовской битвы, в Задонщине помещен не на месте: он, по его мнению, должен находиться во вступлении к этому памятнику. Предполагаемая им перестановка произошла «в результате механического дефекта», [Дмитриев. Вставки из «Задонщины». С. 402.] т. е., очевидно, из-за перебитых листов? И здесь, как и в случае с «перебитыми листами» введения (по гипотезе О. В. Творогова), автор не подкрепляет свое предположение достаточными текстологическими обоснованиями. Гораздо естественнее объяснить двойное упоминание о Калкской битве в Пространной Задонщине (в отличие от Краткой) компилятивностью происхождения этой редакции памятника.

Фрагмент № 5. Подготовка к выступлению в поход.

Краткая редакция:

Се аз князь великий Дмитрий Иванович, и брат его князь Володимер Ондреевич поостриша сердца свои мужеству, ставше своею крепостью, помянувши прадеда, князя Володимера Киевского, царя русского {К-Б, л. 123}.

Пространная редакция:

Сии бо князь великий Дмитрей Иванович и брат его, князь Владимир Ондреевич, помолися Богу и пречистой Богородицы, стяжав ум свой крепостию, и поостриша сердца своя мужеством, и наполнишася ратного духа, и уставиша себе храмыя полъкы в Руской земли, и помянута прадеда своего князя Владимира Ондреевича Киевского (И1) {л. 216}.

Се бо князь великий Дмитрей Иванович и брат его князь Владимир Андреевич помолися Богу и пречистой его матери, ис-тезавше ум свой крепкою крепостью, и

поостриша сердца свои мужеством, и наполнися ратного духа, уставиша себе храбрыя воеводы в Руской земле, и помянуша прадеда своего великого князя Владимира Киевского (У) {л. 172 об. — 173}.

Се бо идет князь великий Дмитрий Иванович и брат его князь Володимер Андреевич, помолився Богу и пречистой ево матери, истежавше умы свои крепостею, и поостри сердце свое мужеством, и наполнися роснаго духа, и вставиша себе хибрия полтися[Так в ркп.] руской, поменовыша прадида своего великого князя Володимера Киевского (С) {л. 37}.

Источником фрагмента о подготовке к борьбе с Мамаем в Краткой редакции Задонщины была «История Иудейской войны» Иосифа Флавия. Здесь есть сходные литературные обороты «прием ум своею крепостию» и «поострите душа ваша на мьсти». [Мещерский Н. А. История Иудейской войны Иосифа Флавия в древнерусском переводе. М.; Л., 1958. С. 322, 331; ср. в псалмах: «истязи мя» (Пс. 138: 24).] Чтение «своею» крепостью К-Б лучше чтения «свой» (И 1, У, С), ибо данный текст восходит к Иосифу Флавию.

Слова «Се аз» в К-Б считаем простой опиской вместо «Се бо» (так в У, С). [Наши соображения кажутся спорными О. Кралику (Králík. S. 145).] Этот оборот не только обычен для актовых материалов XV в., но и дважды встречается в ефросиновском сборнике, содержащем Задонщину (л. 106, 137).

Название Владимира Святославича «царем русским» не может считаться неожиданным. Русские князья именовались «царями» уже в публицистике конца XV в. [Термин «царь» в применении к князьям московского дома впервые употребил Пахомий Серб, а вслед за ним «царем» назвало Василия Темного «Слово еже на латину» (1461 г.). Иван III именуется «царем» в псковской Палее 1494 г. и новгородском Апостоле 1495 г. (Соболевский А. И. Археологические заметки // Чтения в историческом обществе Нестора летописца. Киев, 1892. Кн. 6. Отд. 2. С. 9).] Так, архиепископ Ростовский Вассиан адресовал свое послание на Угру (1480 г.) Ивану III как «в царех пресветлейшему». [ПСРЛ. СПб., 1859. Т. 8. С. 207. Ср. ниже: «храбрый царю... боголюбивый царю» (Там же. С. 210, 211).] Заметим, что Кирилло-Бело-зерский монастырь, в котором творил Ефросин (составитель списка К-Б), входил, как известно, в Ростовскую епархию. С Владимиром сравнивал Дмитрия Донского автор его Жития («умножишася слава имени его, яко святаго великого князя Владимира»). [ПСРЛ. Т. 11. С. 109.]

Пространная редакция донесла до нас текст, дополненный церковнокнижными вставками: [См.: Frček. S. 86.]

а) «помоляся Богу и пречистой Богородицы». Этот текст считают вставкой В. П. Адрианова-Перетц и В. Ф. Ржига. Он соответствует церковным мотивам, свойственным именно Пространной редакции;

б) «и наполнишася ратного духа и уставиша себе храбрыя (так У. — А. 3.) полькы (У воеводы.—А. 3.) в Руськой земли». Выражение «воеводы у нас уставлены» есть в фрагменте № 15 Задонщины Пространной редакции. Формула «на-полнися ратного духа» встречается в русском летописании конца XV — начала XVI в. (в том числе в Никоновской летописи), восходя к Иосифу Флавию («исполньшимся ратного духа»). [Тохтамыш «наполнився (в списке А «наполнися». — А. 3.) духа ратного» (ПСРЛ. Т. 26. С. 147). Александр Невский «исполнишася духа ратного» (ПСРЛ. Т. 10. С. 126), в 1496 г. «князь Юрьи Бабичь наполнился духа ратна» (ПСРЛ. СПб., 1901. Т. 12. С. 244). См. также: Królík. S. 126.]

Фрагмент № 6. Обращение к жаворонку.

Краткая редакция:

Жаворонок птица, в красныя дни утеха, възиди под синие облакы, пой славу великому князю Дмитрею Ивановичю и брату его Володимеру Ондреевичю. Они бо

взнялися как соколи со земли Русскыя на поля Половецкыя[В ркп.: половецкия.]{К-Б, л. 123–123 об.}.

Пространная редакция:

О, жаворонок, летняя птица, красных дней утеха, возлети под синии небеса, посмотри к сильному граду Москве, воспой славу великому князю Дмитрию Ивановичю и брату его князю Владимиру Андреевичю. Цег буря соколи[В ркп.: коли.] снесет из земли Залетъские в поле Половецкое (И1) {л. 216–216 об.}.

Оле[В ркп.: ое.] жаворонок, летняя птица, красных день утеха, возлети под синее небеса, посмотри к сильному граду Москве, воспой славу великому князю Дмитрею Ивановичю и брату его князю Владимиру Андреевичю. Ци буря соколи снесет из земля Залес-кия в поле Половецкое[В ркп.: полотское.] (У) {л. 173–173 об.}.

А жаворонок[В ркп.: жаворок.] летняя птица, красных дней втиха, возметы ж под сылныя небеса, посмотри[В ркп.: посмарти.] ко славному городу Москви. А чили боре соколом зонесет из земли Золеское в поле Половецкое (С) {л. 37–37 об.}.

В фрагменте о жаворонке Пространной Задонщины не можем считать первоначальным прилагательное «летняя» (сходный случай также в фрагменте № 9) — лишнее определение.[В фольклоре есть обращение «младый жавороночик» (Песни, собранные П. В. Киреевским. Первая серия. М., 1918. Вып. 2, ч. 1. С. 65; Азбелев. Текстологические приемы. С. 167).]отсутствующее в К-Б. Слова «посмотри к сильному граду Москве» (нет в К-Б) также считаем дополнением Пространной редакции, ибо и ниже в этой редакции роль Москвы усиливается (то же в фрагменте № 10).[Frček. S. 81.] Текст «Ци (так У. — А. 3.) буря {со}коли снесет» в И1 и сходных мало вразумителен, сравнительно с ясным К-Б («они бо взнялися как соколи»).

Тюркоязычное население юга Руси, и в первую очередь половцы, ассимилировало основную массу завоевателей. И «монголы» южнорусских степей XIV–XV вв. не в меньшей мере являлись потомками половцев, чем наследники воинов Батыя. Поэтому в литературе конца XIV — начала XV в. татары и половцы часто отождествляются. Это встречаем в Повести о Митяе (1378 г.),[«...во Орду, в место Половецкое» (ПСРЛ. Т. 11. Стб. 39).] Повести о Те-мир-Аксаке (1395 г.),[«...Темир бо зовется половецким языком» (ПСРЛ. Т. 15. С. 448).] Повести о нашествии Едигея (1409 г.),[«...половцы рассмотривше русский наряд» (ПСРЛ. Т. 11. С. 207).] Житии Сергия Радонежского.[«умея глаголати русски, гречески, половецки» (Тихонравов Н. С. Древние жития Сергия Радонежского. М., 1892. С. 163).] Половцами называются татары и в Сказании о Мамаевом побоище,[«...испытавше оружие свое над погаными половци» (Повести. С. 74).] первоначальный текст которого сложился к началу XVI в. О походе Мамаея «с своею силою татарскою и половецкою» говорит Летописная повесть о Мамаевом побоище,[Повести. С. 29.] «Поля Половецкие» упоминаются и в Краткой редакции Задонщины. Все это могло дать отправной толчок составителю Пространной редакции Задонщины для противопоставления поражения русских войск при Каяле от половцев победе над татарами на Куликовом поле.

Фрагмент № 7. Сбор ратных сил.

Краткая редакция:

Кони ржуют на Москве. Бубны бьют на Коломне. Трубы трубят в Серпухове. Звенить слава по всей земли Русской. Чюдно стязи стоять у Дону великого. Пашутся хоригови берчати, светятся калантыри злачены.[В ркп.: зачены.] Звонят колоколи вечнии в Великом в Новгороде. Стоять мужи наугородици у святыя Софии, а ркучи такову жалобу: «Уже намъ, брате, к великому князю Дмитрею Ивановичю на пособъ не поспети» {К-Б, л. 123 об.}.

Пространная редакция:

На Москве кони ржуют. Звенит слава руская по всей земли Руской. Трубы трубят на Коломне. В бубны бьют в Серпухове. Стоят стязи у Дону у великого на брези. Звонят

колоколы вечныя в Великом Новгороде. Стоят люди новгородцы у святой Софеи, а рькучи: «Уже нам, братие, на пособе великому князю Дмитрию Ивановичю не поспеть» (И1) {л. 216 об.}.

На Москве кони ржут. Звенит слава по всей земли Руской. В трубы трубят на Коломне. В бубны бьют в Серпугове. Стоят стяжи у Дунаю великого на брезе. Звонят в колоколы вечныя в Великом Новгороде. Стоят мужи навгородцкие у Софеи премудрые, а ркут тако: «Уже нам, брате, не поспеть на посопь к великому князю Дмитрею Ивановичю»[В ркп.: Ивано.] (У) {л. 173 об. — 174}.

Кони ирзутъ на Москве. Трубы трубят у Серпугове. Бубны бубнят на Коламне. Звинит слава по всей земли Руской. Чудно стези стояти у великого Дону на берези. Звонят вечныя колоколы у Великом Новгороде. Стоят мужи новгородцы у святое Софеи, рекут так: «Уже нам, брате, не поспети на пособ государю нашему великому князю Дмитрию Ивановичу и брату его князю Володимеру Андреевичу» (С) {л. 37 об.}.

Фрагмент сходно изложен в обеих редакциях. Однако фраза «звенит слава по всей земли Руской» логичнее помещена в Краткой редакции: слава могла звенеть только после того, как уже протрубили трубы и забили бубны, т. е. после начала сборов в поход. Стройнее в Краткой редакции и ряд городов. Он как бы расходится кругами от центра Русского государства, где собиралось в поход воинство: сначала упоминается Москва, затем Коломна и Серпухов. Слава русского оружия гремит по всей Русской земле, татарские стяги стоят на Дону, а в Новгороде все еще звонят в колокола.[Возражая против подобного истолкования «стягов», О. В. Творогов ссылается на то, что эпитет «чудно» употребляется «обычно с положительным значением» (Творогов. «Слово» и «Задонщина». С. 320). Но у И. И. Срезневского можно найти «чудный» в значении «чуждый» (XI в.) и выражение «содомьскимъ чуднымъ огньмъ» отнюдь не с положительным значением (Срезневский. Материалы. Т. 3. Стб. 1550). «Хоругвь» также необязательно означала снаряжение русского воинства. Ср.: «хоругвь» адова (XI в.) (Там же. Стб. 1388).] В изводе Ундольского эта стройность нарушена: за Москвой помещена Русская земля, за нею Коломна, а всю цепь городов замыкает Серпухов.

В поэтической форме автор К-Б передает рассказ о походе русских войск к Дону. Выйдя из Москвы, они двинулись к Коломне, оттуда 20 августа повернули по направлению к Серпухову и у устья Лопасни 24 августа перешли через Оку. 8 сентября произошла переправа через Дон и Куликовская битва.[Тихомиров М. Н. Куликовская битва 1380 г./Повести. С. 365–366.]

В словах «стоят стяжи у Дону у великого на брези» В. П. Адрианова-Перетц усматривает вторичность Задонщины: Дон якобы здесь не на месте, так как «описываются еще лишь сборы войска».[Адрианова-Перетц. «Слово» и «Задонщина». С. 140; Лихачев. Черты подражательности «Задонщины». С. 96; Творогов. «Слово» и «Задонщина». С. 320.] Но она исходит при этом из текста Пространной редакции памятника. Поэтический замысел Задонщины по К-Б ясен: татарские стяги достигли уже берегов Дона, а в Новгороде еще звонят в вечевые колокола.[Адрианова-Перетц. «Слово» и «Задонщина». С. 140; Лихачев. Черты подражательности «Задонщины». С. 96; Творогов. «Слово» и «Задонщина». С. 320.] Именно поэтому новгородцы и говорят: «Уже намь... Дмитрею Ивановичю на пособь не поспети» (К-Б).[В тексте «чюдно стяжи стоять у Дону великого» речь идет не о русских войсках, как думала В. П. Адрианова-Перетц, а о татарских. Об этом прямо говорится дальше: «татарове... стоять межю Доном и Днепром». Это соответствует и Летописной повести: «Мамай ста за Доном... и стоя 3 недели» (Повести. С. 31).]

Слова «пашутся хоригови берчати» (К-Б), отсутствующие в списках Пространной редакции, хотя и имеют соответствие в Сказании («хоругви, аки живи, пашутся»), [Повести. С. 62.] мы не считаем вставкой, ибо глагол «пахать» использован в Краткой редакции и еще один раз (см. в фрагменте № 12 «пашють синие молньи»). К тому же

стяги, хоругви и калантыри образуют один образный ряд. Возводит к архетипу Задонщины этот текст и Р. О. Якобсон. [Jakobson. Sofonija's Tale. P. 30.]

Упоминание о «колоколах вечных» в Краткой Задонщине датирует этот памятник временем во всяком случае до падения Великого Новгорода, т. е. до января 1478 г., когда было установлено, что вечевому колоколу отныне в Новгороде не быть. В фрагменте интересно стремление автора объяснить, почему новгородцы не участвовали в Куликовской битве: они якобы узнали о продвижении войск Мамаю слишком поздно. Это объяснение (отсутствующее в Сказании) говорит о проновгородских симпатиях автора Краткой редакции Задонщины.

Фрагмент № 8. Обращение воевод к Дмитрию Донскому. Обращение Дмитрия Донского к князьям.

Краткая редакция:

Тогды, аки орли, слетюишия со всея полунощныя страны. То ти не орли слетюшася, съехалися все князи русскыя к великому князю Дмитрию Ивановичю на пособь, а ркучи так: «Господине князь великий, уже погании татарове на поля на наши наступаютъ, а вотчину нашу у нас отнимають, стоят межю Дономъ и Днепромъ, на рице на Мече.[В ркп: Чече {см. также: Салмина М. А. «На рицѣ на Чечѣ» в «Задонщине»//ТОДРЛ. Л., 1981. Т. 36. С. 231–233}.] И мы, господине, поидемъ за быструю реку Дон, укупимъ землямъ диво, старым повесть, а младымъ память».

Тако рече князь великий Дмитрие Иванович своей братии русскимъ княземъ: «Братъеца моя милая, русские князи, гнездо есмя были едино князя великаго Ивана Данильевича. Досюды есмя были, брате, никуды не изобижены, ни соколу, ни ястребу, ни белу креча-ту, ни тому псу поганому Мамаю» {К-Б, л. 123 об. — 124 об.}.

Пространная редакция:

И как слово изговаривая, уже бо, яко орлы слетешася, и выехали посадники из Великого Новагорода 70000 к великому князю Дмитрию Ивановичю и брату его князю Владимиру Андреевичю на пособе к славному граду Москве. То те съехалися вси князи руския к великому князю Дмитрию Ивановичю и брату его князю Владимиру Андреевичю, а ркучи им таково слово: «У Дону стоят татарове погании, Мамай, на речки на Мечи, хотят брести и живот свой предати нашей славе».

И рече князь Дмитрей Иванович: «Пойдем тамо, укупим животу славу, старым повесть, а молодым память, а храбрых плечев испытаем, а рьку Дон кровью прольем за землю Рускую и за веру крестьянскую».

И рече им князь великий Дмитрей Иванович: «Братия и князи руския, гнездо есмя великого князя Владимира Киевскаго. Ни в обиди есмя были ни кречету, ни черному ворону, ни поганому Мамаю» (И1) {л. 216 об. — 217}.

И как слово изговаривают, уже аки орлы слетешася. То ти были не орлы слетешася, выехали посадники из Великого Нова-города, 7000 войска к великому князю Дмитрею Ивановичю и к брату его князю Владимиру Андреевичю.

К славному граду Москве съехалися вси князи руские, а ркут[В ркп: ркук.] таково слово: «У Дуная стоят татаровя поганые и Момай царь на реки на Мечи, между Чюровым и Михайловым, брести хотят, а предати живот свой нашей славе».

И рекше князь великий Дмитрей Иванович: «Брате, князь Владимир Андреевич, поедем тамо, укупим животу своему славы, а старым повесть, а молодым на память, а храбрых своих испытаем, а реку Дон кровью прольем за землю за Рускую и за веру крестьянскую».

И рекше им князь великий Дмитрей Иванович: «Братия и князи руские, гнездо есмя были великого князя Владимира Киевскаго, не в обиде есми были по рожению ни ястребу, ни кречату, ни черному ворону, ни поганому сему Мамаю» (У) {л. 174–175 об.}.

Як тые слова измовили, а уже как орлы слетишася, выехали посадники все из Великого Новгорода 70000 кованыя рати к великому Дмитрею Ивановичу, ко брату его князю Володимеру Андреевичу на пособ ко славному граду Москве. У Дону великого

стоят татарове поганый, царь Мамою, на реце Мечне, межи Чудовым и Михайловым, хотят брести к нам и предати живот свой на смерть нашей славе.

И рече князь великий Дмитрий Иваноч (так в ркп.—А. 3.) брату своему князю Володимеру Андреевичу: «Пойдем, брате, тамо искупим животом славы, учинит имам диво, старим повесть, а младым память за землю Рускую и за веру христианскую».

И рече князь Дмитрий Иванович брату своему: «Князи есмо[В ркп: емо.] рускии, гнездо есмо[В ркп: емо.] князя Володимера киевского, русского царя. Доселя есмо были не обижены ни от кого, *ни ястребу, ни соколу*, ни белоозерскому кречету,[В ркп: иречету.] *ни тому ж псу поганому царю Момаю*» (С) {л. 37 об.}.

Текст Пространной Задонщины о выезде 70 000 новгородцев (в С — «кованья рати»)[Слова «кованья рати» см. в Сказании (Повести. С. 155).] явно позднего происхождения (в К-Б его нет): новгородцы в Куликовской битве не участвовали.[Mazon. Le Slovo. P. 22; Тихомиров М. Н. Куликовская битва 1380 г. С. 357. См. также: La Zadońčina. P. IV; Krälik. S. 119–120. В последнее время С. Н. Азбелев высказывает мысль о том, что новгородцы могли участвовать в Куликовской битве (Азбелев С. Н. 1) Младшие летописи Новгорода о Куликовской битве//Проблемы истории феодальной России. Л., 1971. С. 110–117; 2) Сказание о помощи новгородцев Дмитрию Донскому//Русский фольклор. Л., 1972. Т. 13. С. 77–102). Однако его наблюдения построены на поздних летописных преданиях и фольклорных источниках. Доказательной силы они не имеют.] Он взят из Сказания о Мамаевом побоище.[«И выехали посадники из Великого Новгорода, а с ними 7000 к великому князю на помоч» (Повести. С. 86. Ср. с. 134).] Следы вставочного характера текста Пространной редакции в данном случае обнаружить легко. Слова «то ти... съехались все князи руския» естественны в Краткой редакции, содержащей эпическое сопоставление русских князей с орлами («то ти не орли слетошася, съехались все князи руския»). В Пространной редакции, благодаря вставке, с орлами сравниваются уже новгородские посадники, поэтому слова «то те съехались вси князи руския» оказались стилистически не связанными со всем текстом.

Считая рассказ о новгородцах вставкой, С. Н. Азбелев пишет: «Если съезд князей сравнивался со слетом орлов, то выезд посадников явно разрывает этот психологический параллелизм».[Азбелев. Текстологические приемы. С. 180.]

По Л. А. Дмитриеву, в К-Б (или его протографе) «упоминание о выезде новгородцев было опущено потому, что автор этой поздней переработки „Задонщины“ знал, что новгородцы в битве на Куликовом поле участия не принимали».[Дмитриев. Вставки из «Задонщины». С. 426.] Итак, получается странная нелепость: современник события подробно рассказывает о новгородцах как участниках Куликовской битвы (хотя они в ней не участвовали), а позднейший автор переработки конца XV в. знает о том, что их не было на поле боя, и изымает текст, говорящий о них, из текста своей повести. По Р. П. Дмитриевой, «относительно отсутствия в списке К-Б и Печатном варианте сообщения о выезде новгородцев нельзя сделать окончательный вывод».[Дмитриева. Взаимоотношение списков. С. 261. Вместе с тем Р. П. Дмитриева допускает, что рассказа о новгородцах могло и не быть в изводе Син. (в этом случае список С включил бы эпизод под влиянием извода Унд.) или его «исключили позже в общем источнике только списков К-Б и Печатного варианта». Оба предположения являются чисто логическими выкладками, не подкрепленными доказательствами.] Так презумпция о позднем происхождении Краткой редакции Задонщины ставит в тупик даже серьезных исследователей.

Все исчисления войск в Задонщине Я. Фрчек считает позднейшими.[Frček. S. 81.]

В. Ф. Ржига и В. П. Адрианова-Перетц в реконструкцию Задонщины текст «выехали... Москве» не помещают. Обращает на себя внимание, что в Краткой редакции князь Дмитрий упорно называется «господином» (в заглавии «великого князя господина Дмитрия Ивановича»; князья говорят «господине князь великий, уже погании... наступают», «господине князь Дмитрей, не ослабляй», фрагмент № 14). Во всех этих случаях в Пространной редакции слово «господин» отсутствует. Новгородцы еще в 1477 г.

заявляли, что они «наперед того некоторого князя государем себе не зывали, но господином звали».[ПСРЛ. М., 1962. Т. 27. С. 280.] Список К-Б, следовательно, сохранил новгородскую традицию, существовавшую во всяком случае до 1477 г. В Пространной редакции появляются также явные следы проновгородских симпатий ее составителя. Однако «господина» в обращении князей к Дмитрию нет.[«Господином» называют Дмитрия только коломенские вдовы в новом по сравнению с К-Б фрагменте № 21 Задонщины Пространной редакции. Однако здесь же он по спискам И1 и У именуется «государем» («можеш ли, господине князь великий... замъкни, государь князь великий...»). «Господине» есть и в плаче Марьи Микулиной жены по списку У.] Это также говорит в пользу вывода о позднейшем происхождении Пространной редакции сравнительно с Краткой.

Повторяющийся рефрен «за землю Рускую за веру крестьянскую» добавлен в Пространной редакции и отсутствует в К-Б. Такого же характера дополнение «к славному граду Москве». В Пространной редакции неожиданно появление Владимира Серпуховского, который по Краткой редакции входит в рассказ значительно позднее. [Обращение «брате» в К-Б соответствует аналогичному обращению новгородцев «брате» (фрагмент № 7), хотя в обоих случаях лучше было бы «братия».] Слова, вложенные в уста русских князей, в Пространной редакции произносит Дмитрий Донской. Но получилась неувязка: великий князь дважды выступает с обращениями: сначала к «брату» Владимиру, затем вообще к «братьям» (слово «им» — след того, что первоначально обращения к Владимиру Серпуховскому не было). Таким образом, разговор русских воевод с Дмитрием Донским дан в К-Б в первоначальном виде (его вносят в свои реконструкции В. П. Адрианова-Перетц и В. Ф. Ржиги).

В Пространной редакции появляется фактическое уточнение: татары стояли «между Чюровым и Михайловым». Источник его, скорее всего, Никоновская летопись. [Местоположение «Чур-Михайловых» не установлено. Археологические данные о г. Михайлов на Проне не восходят выше XIV в. Впервые он упомянут в «Списке городов Русских» конца XIV–XV в. Некоторые исследователи связывают «Чур-Михайловы» с городищем «Старым Михайловым» (25 км выше г. Данкова), другие ищут этот город у верховья р. Кердь (приток Прони). Наконец, К. В. Кудряшов (Кудряшов. Половецкая степь. С. 20) обращает внимание на р. Кочур (левый приток Дона) и на городище на этой реке. Подробнее см.: Монгайт А. Л. Рязанская земля. М., 1961. С. 230–232.] В Хождении Пимена в Царьград (1389 г.), помещенном в Никоновской летописи, автор рассказывает, что, после того как были спущены судна на Дон, «в второй день приидохом до Чюр Михайловых; сие бо тамо тако нарицаемо есть место, некогда бо тамо и град был».[ПСРЛ. т. II. С. 95–96.] Иначе это географическое наименование дается в Сказании о Мамаевом побоище. Так, в Основной редакции — «на реце на Чурове», Летописной — «на реце на Чюре Михайлове».[Повести. С. 65, 98, 144. Ср. в Киприановской редакции: «На реце Чюре Михайлове на крепкой стороже от татар» (ПСРЛ. Т. 11. С. 58).] в группе Ундольского Основной редакции — «на реци на Чюру на Михайлови».[Шамбинаго. Сказание. С. 38.]

В связи с усилением мажорных мотивов «укупим землям диво» (удивим земли) Краткой Задонщины в Пространной стало звучать иначе — «укупим животу славу, учинить имам диво». Мотив «укупить животу славу» Пространной Задонщины близок к Сказанию: «русские сынове... хотять себе чъсти добыта и славнаго имени».[Повести. С. 56. В списке ГИМ, собр. Уварова, № 802 еще ближе: «хотят себе чти укупити и славнаго имени получитьи» (л. 181 об.).]

Обращаясь к русским князьям, отправляющимся в поход, Дмитрий Донской говорит им, что они «досюды» (т. е. до сих пор) не были «изобижены» Мамаем. Это совершенно точно передает общеполитическую ситуацию накануне Куликовской битвы: Дмитрий Донской и его союзники не только ни разу не терпели поражения от Мамае (в отличие от нижегородцев), но и выиграли в 1378 г. на р. Воже битву против мурзы Мамае Бегича.

В К-Б встречаем неожиданное согласование глагола «изобидеть» с дательным, а не с творительным падежом «не изобижены ни соколу ни ястребу». Р. П. Дмитриева считает, что так как первая часть предложения в С (и К-Б) не согласована со второй, то чтение И1 и У первично.[Дмитриева. Взаимоотношение списков. С. 211.] Но дательный падеж в подобной позиции — особенность составителя Краткой Задонщины. В фрагменте № 5 он согласует «поостриша... мужеству», а не «мужеством». Согласование из разбираемого фрагмента перешло в Пространную редакцию (список С «не обижени ни ястребу») и в исправленном виде в извод Ундольского («в обиде... ворону»).[См. также: Krālik. S. 77, 78.] Надо сказать, что и согласование в фразе «в обиди... кречету» (И1) также грамматически неудачно. Что значит «в обиде» кречету? Первоначально, конечно, было «изобижены» (К-Б, ср. «не обижены» С), а слова «в обиде» появились в результате неудачной попытки составителя извода Ундольского исправить согласование с дательным падежом «кречету».

В речи Дмитрия Ивановича первоначально стояло, очевидно, как в К-Б, «гнездо... Ивана Данильевича», позднее переделанное на «князя Володимера киевского, руского царя» (С). В самом деле: Иван Данилович Калита — дед Дмитрия Донского, а в обеих редакциях Задонщины Ольгердовичи, отвечая московскому великому князю, говорят, что они сыновья Ольгерда и внуки Гедимины. Значит, и московский князь должен был говорить о своем деде. Замена Владимира Киевского Иваном Калитой была бы необъяснима. Зато появление Владимира Киевского на смену Ивану Калите объясняется укреплением престижа московского великого князя и той тенденцией установить преемственность власти московских князей от киевских, которая характерна для официальной идеологии конца XV — начала XVI в.[См. также наблюдения О. Кралика (Krālik. S. 81–84). Как в фрагменте № 14 (И 1, У), пропуск кречета с сохранением сокола. Князь Владимир Святославич в Пространную редакцию попал из Сказания («братие, князи русские, гнездо есмя князя Владимира Святославича Киевского». Повести. С. 50). Допуская эту возможность, О. Кралик не исключает и того, что князь Владимир мог появиться в Пространной Задонщине и независимо от Сказания. Не исключает О. Кралик и того, что архетип Сказания мог использовать Краткую Задонщину (Krālik. S. 57, 59, 170). Нашу точку зрения см.: Азбелев. Текстологические приемы. С. 180.] Иван Калита являлся в глазах его правнуков как бы символом единства князей Московского дома. Когда летописец сообщал о смерти Владимира Серпуховского, то он не преминул отметить, что князь был внуком Ивана Даниловича.[«Преставися князь Володимер Андреевич, внук Иванов, правнук Данила» (ПСРЛ. Т. 11. С. 214).] Апелляция в Задонщине к Ивану Калите имела тем больший политический смысл, что среди участников Куликовской битвы находились только те русские князья, которые входили в «гнездо Калиты». Это были ярославские, белозерские князья и, по Сказанию о Мамаевом побоище, Дмитрий Ростовский. А, как известно, у Ивана Калиты было три дочери: одна (Феодосья) была выдана замуж за князя Федора Романовича Белозерского, другая (Марья) — за князя Константина Васильевича Ростовского, третья (Настасья) — за князя Василия Васильевича Ярославского.[Копанев А. И. История землевладения Белозерского края XV–XVI вв. М.; Л., 1951. С. 25, 30, 34. Обращение Дмитрия Донского относится не «ко всем русским князьям» (Дмитриева, Дмитриев, Творогов. По поводу. С. 109), а к участникам Куликовской битвы.] Белоозеро перешло под московскую власть как раз при Иване Калите, на дочери которого женился князь Федор Романович Белозерский.[Копанев А. И. История землевладения... С. 25. Р. П. Дмитриева, Л. А. Дмитриев и О. В. Творогов пишут, что «род собственно белозерских князей восходит по совершенно иной родословной ветви, чем род московских князей, к Всеволоду Большое Гнездо. И только этот князь... мог быть назван ближайшим общим предком московских и белозерских князей» (Дмитриева, Дмитриев, Творогов. По поводу. С. 109), но они не замечают, что князь Федор Белозерский женат был на дочери Ивана Калиты.]

Л. А. Дмитриев считает чтение Пространной редакции первичным, потому что перед началом похода Дмитрий и Владимир, по К-Б, вспоминают также «прадеда, князя Володимера Киевскаго, царя русскаго».[Дмитриев. Вставки из «Задонщины». С. 393.] Если Иван Калита находит параллель в словах Ольгердовичей из фрагмента № 10 «Сама есма... внучата Едиментовы», то прадеду московских князей Владимиру соответствует «прадед» литовских княжат некий Сколдимер («правнучата Сколдимеровы» К-Б, У «Сколомендовы»).[Происхождение литовских княжат от Сколдимера не подтверждается источниками и является, возможно, плодом истолкования сведений о Скомонде из Ипатьевской летописи или каких-то неизвестных нам легенд. Е. Охманьский полагает, что Сколоменд был отцом князя Пукувера (1291–1294), но оговаривает гипотетический характер своего вывода (Охманьский Е. Гедиминовичи — «правнуки Сколомендовы»//Польша и Русь. М., 1974. С. 358–364).] Этот стройный ряд совершенно разрушен в Пространной редакции. Здесь Андрей и Дмитрий Ольгердовичи продолжают ссылаться на своего деда и прадеда, однако им как бы противостоит в обоих случаях уже один Владимир. Вряд ли литовские князья с гордостью («Сами есми... внуки») могли противопоставлять князю Владимиру как прародителю русских князей своего деда Гедимины. Когда Дмитрий Донской перед выступлением в поход на Мамай назвал участников похода «гнездом Ивана Даниловича», это означало напоминание о единстве происхождения русских князей.[См. также: Vaillant A. Les rōcits de Kulikovo... Р. 87.] По Р. П. Дмитриевой, Иван Калита из списка К-Б всего-навсего след взаимосвязи этого текста со списком С. Дело в том, что в фрагменте № 15 Задонщины (где К-Б параллели не дает) Дмитрий Донской, по списку С, говорит: «Сынове есмо велико князя Ивана Данилевал-ча Каметы, а внучата есмо великого князя Данильа Александровича» (в И1 нет, а в У «внуки великаго князя Владимира Киевскаго»).

Правда, Р. П. Дмитриева в конечном счете пишет, что какой из списков (К-Б или С) «оказал влияние на другой — решить трудно». Склоняется все же она к тому, что составитель К-Б в силу интереса к историческим лицам поместил имя Калиты вместо Владимира.[Дмитриева. Взаимоотношение списков. С. 216.] Но почему этот «интерес» повлек замену имен князей, остается совершенно непонятным. Да и сам тезис о влиянии протографа списка С на К-Б только прокламирован. Во всяком случае более чем сомнительно, чтобы позднейший переписчик, живший в конце XV в., знал точнее генеалогические взаимоотношения московских князей с белозерскими, чем современник событий 1380 г. (Заметим, что взят был, по Р. П. Дмитриевой, не Даниил, а именно Калита.) Не менее странно само «изъятие» Владимира как предка московских князей и замена его Калитой.[О Калите в списке С см. подробнее: Приложения.] Моделью для текста о Калите, по мнению О. Кралика,[Krälik. S. 82.] явился разговор братьев Ольгердовичей.

Фрагмент № 9. Обращение к соловью.

Краткая редакция:

Славий птица, чтобы еси выщекотала сиа два брата, два сына Вольярдовы, Андрея Полотцкаго,[В ркп.: половецкаго.] Дмитриа Брянскаго, ти бо бяше сторожевыя полкы, на щите рожены, под трубами поють, под шеломы възлелеаны, конець копия вскормлены, с востраго меча поены в Литовьской земли {К-Б, л. 124 об.}.

Пространная редакция:

О, соловей летняя птица, чтобы ты, соловей, выщекотал великому князю Дмитрию Ивановичю из земли той всей и дву братьев Олгердовичев, Ондрей да брат его Дмитрей Олгердовичев, да Дмитрей Волынский. Те бо суть сынове храбрии, кречати в ратном времени, ведоми полковидцы, под трубами и под шеломы возлеляны в Литовьской земли (И1) {л. 217}.

О, соловей, летняя птица, чтобы ты, соловей, вошекотал славу великому князю Дмитрею Ивановичю и брату его князю Владимиру Андреевичи) и земли Литовской дву братом Олгордовичем, Андрею и брату его Дмитрею, да Дмитрею Волыньскому. Те бо

суть сынове храбры, кречаты в ратном времени и ведомы полеводцы, под трубами, под шеломами злечеными в Литовской земли (У) {л. 175 об. — 176}.

А соловей, летняя птица, красных дней втеха, што ж бы еси выщектали из земли [В ркп.: змли.] Залеское двух брат Алгиродивичовы, князя Дмитрея Волынского, а князя Ондreja Бранского. [В ркп.: Браского.] Ты же бо ест сынове храбрии. [В ркп.: храбии.] родишась в ратное време, под трубами нечистых кочаны, коней *воскормлены*, с коленых стрел *воспоены* в Литовской [В ркп.: тивской.] земли (С) {л. 37 об. — 38}.

В обращении к соловью в Пространной редакции снова, как и в обращении к жаворонку, присутствует вторичного характера пояснение — «летняя птица». Соловей теперь должен «выщекотать» не только Ольгердовичей, но и Дмитрия Волынского. Этот князь появляется в Пространной редакции под влиянием Сказания, где он выступает одним из главных героев Куликовской битвы. Глагол «поють» К-Б, возможно, появился в результате простой описки (вместо «повиты»), [Так считают А. Вайян (La Zadońścina. P. 4), а также О. Сулейменов (Сулейменов О. Аз и я. Алма-Ата, 1975. С. 38), полагающие, что К-Б ближе к оригиналу, чем остальные списки Задонщины.] ибо он противоречит Пространной редакции и нарушает стройный ряд («повиты... возлелеаны... вскормлены... поены»).

Одним из источников этого фрагмента Краткой редакции Задонщины был Иосиф Флавий («под шеломамъ състаревшеся».) [Мещерский Н. А. История Иудейской войны... С. 353.]

Фрагмент № 10. Обращение Андрея Ольгердовича.

Краткая редакция:

Молвяше Андрей к своему брату Дмитрею: «Сама есма два брата, дети Вольярдовы, внучата Едиментовы, правнучата Сколди-меровы. Сядемъ, брате, на свои борзи комони, испиемъ, брате, шеломамъ своимъ ь воды быстрого Дону, испытаемъ мечи свои булатныя {К-Б, л. 124 об. — 125}.

Пространная редакция:

И молвяше Ондрей Олгердович брату своему Дмитрию: «Сами есми себе два брата, а внуки есмя Едимантовы. Изберемъ братью милую, пановой удалый Литвы, храбрыхъ удалцевъ, и сами сядемъ на борзья своя комони, посмотримъ быстрого Дону, изобьемъ шоломы мечи, испытаемъ мечевъ своихъ литовскихъ о шеломахъ татарскихъ, сулицъ немецкихъ байданы бесерменьскихъ» (И) {л. 217–217 об.}.

Молвяше Андрей Олгордович своему брату: «Брате Дмитрей, сами есмя себе два браты, сынове Олгордовы, а внуки мы Доментовы, а правнуки есми Сколомендовы. Зберемъ, брате, милые пановя, удалые Литвы, храбрыхъ удалцовъ, а сами сядемъ на добрые кони своя и посмотримъ быстрого Дону, испытаемъ мечевъ своихъ литовскихъ о шеломахъ татарские, а сулицъ немецкихъ о боеданы бусорманские» (У) {л. 176–176 об.}.

И рече князь Ондрей Бранский [Так в ркп.] брату своему князю Дмитрею Волынскому: «Княже Дмитрею, сами есмо себе два браты, сынове есмо [В ркп.: смо.] Алгыродовы, а внучата есмо Гедымонтавы. Соберемъ себе милую дружину, храбрыхъ пановъ, а сильныхъ удалцахъ, а сами усядемъ на борздыя кони, посмотримъ бистрого Дону, сопиемъ шеломамъ воды, испытаемъ мечовъ своихъ литовскихъ, а шоломовъ татарскихъ, солицъ немецкихъ, а бонадовъ бесумерскихъ» (С) {л. 38}.

Речь Андрея Бранского дана в первоначальном виде в списке К-Б. Здесь обычная трехчленная структура: «Сядемъ... испиемъ... испытаемъ», соответствующая и поэтическому строю Задонщины, и логике похода. Очень близок к этому список С, дающий, очевидно, чтение, восходящее к протографу Пространной Задонщины.

Фраза Пространной редакции «Изберемъ братью милую, пановой удалый Литвы, храбрыхъ удалцевъ» представляет собой добавление, появившееся под влиянием вставки в фрагменте № 11 о 70 000 «храбрыхъ Литвы». Позднейшего характера, очевидно, дополнение «посмотримъ быстрого Дону» (повторяется мотив о Доне) и окончание речи

Андрея, где дублируется мотив о шеломах («мечев своих литовских о шеломы татарския, сулиц немецких о (так У. — А. 3.) байданы бесерменьския»).

Немецкие сулицы появляются еще раз во вставном тексте Пространной редакции (фрагмент № 15). Слова «байданы бесерменьские» встречаются в другом тексте К-Б, который не вошел в Пространную редакцию (фрагмент № 16). [См.: «шеломы немецкие, боданы бесерменьския». К-Б, л. 127.]

Фрагмент № 11. Обращение Дмитрия Ольгердовича.

Краткая редакция:

Уже бо, брате, стук стучить и гром гремит в славне городе Москве. То ти, брате, не стук стучить, ни гром гремит, стучить сильная рать великаго князя Дмитрия Ивановича, [В ркп. описка: Ивана Дмитриевича.] гремять удалци золоченьшии шеломы, черленьшии щиты. Седлай, брате Ондрей, свои борзи комони, а мои гото-ви напреди твоих оседлани» [К-Б, л. 125].

Пространная редакция:

И рече ему Дмитрей: «Брате Ондрей, не пощадим живота своего за крестьяны и за обиду великаго князя Дмитрия Ивановича. *Уже бо, брате, стук стучить, гром гримить в камене граде Москве, стучить сильная рать великаго князя, гремят удалцы руския золочеными доспехы, черленьшии щиты. Седлай, брате Ондрей, свои борзый комони, а мои готовы, брате, на чистое поле. Посмотрим своих полков. Только, брате князь Дмитрей, с нами храбрые Литвы 70 000» (И 1) [л. 217 об.].*

И рече ему Дмитрей: «Брате Андрей, не пощадим живота своего за землю за Рускую и за веру крестьянскую и за обиду великаго князя Дмитрея Ивановича. Уже бо, брате, стук стучит, а гром гремит в каменом граде Москве. Что, брате, стучит великая сильная рать великаго князя Дмитрея Ивановича и брата его князя Владимира Андреевича. Громят удалцы руские злачеными доспехи и черлеными щиты московскими. Седлай, брате Андрей, свой доброй конь, а мой готов оседлан. Выедем, брате, в чистое поле и посмотрим своих полков, колько, брате, с нами храбрые Литвы. А храбрые Литвы с нами 7000 окованные рати» (У) [л. 176 об. — 177].

И рече князь Дмтрей Волынский [В ркп.: волский.] брату своему князю Ондрею Бранскому: «Не пощади, брате, живота своего за землю Рускую и за веру христианскую, за обиду великаго князя Дмитрия Ивановича и за брата его князя Володимера Ондреевича. Вжо, брате, стук стучит и гром гримит в камене граде Москве. То ти, брате, не стук стучит, ни гром гримит, стучит раты великаго князя Дмитрия Ивановича, гримят руская удалцы золотыми доспехи и *шеломы* и черлеными считы. Седлай, брате Ондрей, свои кони, а мои подеманы. [В ркп. можно прочесть: поделаны.] Выедем, брате, выедем, брате, в чистое поле, посмотрим, брате, в чистое поле, посмотрим, брате, своих полков, колко с нами удалых панов храбрие Литвы. Та поведают 70 тысец кованыя раты» (С) {л. 38}.

В речи Дмитрия Ольгердовича Пространной редакции вставного характера слова о 70 000 «окованные рати» перекликаются с 70 000 новгородцев и предшествующим фрагментом (текст, близкий к этому, есть в списке Сказания ГБЛ, собр. Ундольского, № 578). Ни Ф. Ржига, ни В. П. Адрианова-Перетц не помещают этого текста в архетип Задонщины. В разговоре братьев Андрея и Дмитрия Ольгердовичей в К-Б пропуск («И рече ему Дмитрей... Ивановича»), который подметил еще С. К. Шамбинаго. [О том, что при переписке Ефросин иногда механически пропускал значительные части текста, свидетельствует его список Александрии. Здесь, например, пропущен текст «и епистолию к Дарью отписати повеле» (Александрия: Роман об Александре Македонском по русской рукописи XV века. М.; Л., 1965. С. 17). См. также: Дмитриева Р. П. Приемы редакторской правки книгописца Ефросина // «Слово» и памятники. С. 264–291.] Восстанавливаем его по Пространной редакции. Впрочем, не уверен, что рефрен «за землю за Рускую и за веру крестьянскую» читался в Краткой редакции: возможно, он здесь, как и в других местах, вставлен автором Пространной редакции. [См.: Mazon. Le Slovo. P. 23. О черленых щитах см.: Айналов Д. В. Дві замітки до «Слова о полку Игореве»

// Записки Историчної і філологічної секції Українського наукового товариства в Києві. Київ, 1918. Кн. 17. С. 92–97.] Формула отрицательного параллелизма «стук стучит... не стук стучит» близка народным песням, что свидетельствует о фольклорной основе Задонщины:

«Не шум шумит, не гром гремит,

Молодой турчин полон делит». [Киреевский. Песни. Приложение к вып. 7. № 2. С. 190–193; Смирнов А. О Слове о полку Игореве. Воронеж, 1879. Вып. 11. С. 164.]

Существенно было бы определить, является ли пропуск в К-Б результатом сознательной переработки первоначального текста или дефектом списка. Мы склоняемся к последнему. Ведь в настоящем виде текст в К-Б лишен смысла: «Молвяше Андрей... седлай, брате Ондрей», т. е. князь Андрей Ольгердович как бы обращается сам к себе. Вряд ли Ефросин мог сознательно опустить отрывок «архетипа» Задонщины, лишив фрагмент всякого смысла. Поэтому мы склоняемся к тому, чтобы объяснить отсутствие слов «И рече Дмитрей... Ивановича» в К-Б механическим пропуском составителя дошедшего до нас списка Краткой редакции.[См. также: Krālik. S. 70.]

Начало фрагмента Пространной Задонщины восходит к Сказанию («Готови есми умрети с тобою и главы своя положити за святую веру христианскую и за твою великую обиду»)[Повести. С. 50. Этот же текст (а не Задонщина, как думает Н. С. Демкова) повлиял и на Распространенную редакцию Сказания (Повести. С. 124).].

Фрагмент № 12. Приход Мамай на Русь.

Краткая редакция:

Уже бо всташа силнии ветри с моря, прилежаша тучю велику на усть Непра, на Русскую землю. Ис тучи выступи кровавые оболоча, а из них пашють синие молнии. Быти стуку и грому велику межю Дономъ и Непромъ, идетъ хинела на Русскую землю. Серие волци воють, то ти были не серие волци, придоша поганые татарове, хотять проити, воюючи, взяти всю землю Русскую.

Тогда же гуси гоготаше, и лебеди крылы всплескаша. То ти не гуси гоготаша, ни лебеди крылы всплескаша, се бо поганый Мамай приведе вой свои на Русь {К-Б, л. 125 об. — 126}.

Пространная редакция:

Уже, брате, возвеша сильнии ветри по морю на усть Дону и Непра, прилежаша великия тучи по морю на Рускую землю, из них выступают кровавые зори, и в них трепещуть силнии молнии. Быти стуку велику на речьки Направде, меж Доном и Непром, пасти трупы человечесю на поле Куликове, пролитися крове на речьки Направде.

Уже бо вскрипели телеги меж Доном и Непром, идут хинове в Рускую землю. И притекоша серые волцы от усть Дону и Непра, ставъши, воют на рецы на Мечи, хотят наступати на Рускую землю. То ти было не серые волцы, но приидоша погании татарове, приити хотят, воюючи, в Рускую землю погании татарове.

Тогда гуси возгоготаша на речки на Мечи, лебеди крылы всплескаша. Ни гуси возгоготаша, но поганый Мамай на Рускую землю пришел, а воеводы своя привел (И1) {л. 217 об. — 218}.

Уже бо, брате, возвяхи по морю на уст Дону и Непра, прилежаша [В ркп: приляша.] тучи на Рускую землю, из них же выступали кровавые зори, а в них трепещутся сильные молнии. Быти стуку великому на речке Напряде, между Доном и Непром, пасти трупы человеческому на поле Куликове, пролится крови на речке Напряде.

Уже бо скрипели телеги между Доном и Непром, а идут хинове поганый к Руской земли. И притекоша серые волцы от уст Дону и Непра и, ставши, воют на реке, хотят на Мечи поступите в Рускую землю. И то были не серые волцы, приидоша поганые татаровя, хотят пройти, воюючи, всю Рускую землю.

Тогда гуси возгоготали и лебеди всплескаша крылами своими, но поганый Момай пришел на Рускую землю и воеводы своя привел (У) {л. 177–178}.

Вжо, брате, возвеша силныя ветри ко вусту Дона и Днепра, пролишася силныя кровавыя[В ркп: кривавыя.] зори, в них же трепещут силния молния. Быти ступу[В ркп: утупу.] великому на реце Непрадене, меж Дона и Днепра, пасти великому трупу человеческого на поли Куликове, пролити крови. Вжо, брате, воскрипели телегы татарския меж Дона и Днебра, идут хинове и в Рускую землю. Притекоша ярия волцы на вусту Дона и Непра, ставши, выют на реце на Мечи, хотят поити на Рускую землю. То ти быша не серия волцы, проидоша поганыя татарове, хотят проити, воюючи, Рускую землю.

Тогда гуси возгагатали и лебеди возплескали крилами своими. Не гуси ж то возгогатали, паганый царь Мамай пришел и воеводство привел (С) [л. 38–38 об.].

В предзнаменованиях победы русских войск составитель протографа списков У, С, И1 использовал кроме Краткой редакции сходный текст Сказания (его влияние чувствуется в образе «кровавых зорь», а не облаков).[«Из них же выступали кровавыя зари, а в них трепетались силнии мльниа» (Повести. С. 69). В. П. Адрианова-Перетц пишет, что «определение „синий“ в памятниках не соединяется со словом „молния“» (Адрианова-Перетц. «Слово» и памятники. С. 89). «Синие» (молнии) К-Б явная описка. Надо — «силнии» (как в И1, У, С). В пользу этого предположения говорило то, что надстрочную «л» писец К-Б иногда пропускал (см.: «хараужныя» вместо «харалужныя»). Допустить, что составитель Пространной Задонщины добавил «л», труднее, чем предположить, что автор Краткой опустил эту выносную букву. В списках Задонщины «синими» называются не молнии, а облака (К-Б) или небеса (фрагмент № 6). Путаница «сильные» — «синие» встречается и в этом случае (С «силныя небеса» по образцу «сильных» молний). Все это не позволяет согласиться с А. Вайяном, считающим «силние» (молнии) опиской (La Zadońścina. Р. XIII). П. Я. Черных, а вслед за ним О. Сулейменов читают «синии молнии» как блестящие молнии, ссылаясь на первоначальность значения термина «синий» как «сияющий, яркий» (Преображенский А. Этимологический словарь. М., 1910–1914. Т. 1. С. 287; Черных П. Я. Очерк русской исторической лексикологии. М., 1956; Сулейменов О. «Синяя мгла» и «синие молнии»//Простор. 1968. № 9. С. 87). Но в русских памятниках «синий» такого значения не имеет (речь должна идти о праславянском языке). А. М. Панченко склонен понимать «синие молнии» как черные, хотя не исключает первоначальность чтения «сильные» (Панченко А. М. О цвете в древней литературе восточных и южных славян//ТОДРЛ. Л., 1968. Т. 23. С. 4).] В Пространную редакцию внесены мотивы «на усть Дону и Непра», «на речки Направде», «на Рускую землю», «меж Доном и Непром», неоднократно повторяющиеся («на усть Дону и Непра прилежашася великия тучи на Рускую землю... на речки Направде, меж Доном и Непром, пасти трупы человеческую на поле Куликове, пролитися крове на речьки Направде. Уже бо въскрипели телегы меж Доном и Непром, идут хинове в Рускую землю» И1). Всех этих повторов список К-Б лишен. В нем совершенно логично говорится, что стук и гром производила идущая «хинела».[См. также: Krälik. S. 153–154. Р. П. Дмитриева считает, что в К-Б текст сокращен (Дмитриева. Взаимоотношение списков. С. 254). След этого сокращения она видит в несоответствии времен обоих предложений; первая фраза К-Б дана в будущем времени («Быти стуку»), вторая — в настоящем («идеть хинела»). Впрочем, и сама Р. П. Дмитриева колеблется: «Конечно, можно думать, что было распространено первое предложение, но трудно представить (почему? — А. 3), что одновременно ко второму предложению было добавлено начало» (Там же).] А по Пространной редакции этот стук явился предвестником того, что прольется кровь. Чтение К-Б «идеть хинела» (а не «идут хинове»), очевидно, было первоначальным, ибо оно соответствует летописному обозначению народов (земигола, летъгола).[Термин производят от наименования гуннов. См.: Moravcsik G. 1) Zur Frage der хинове im Igor-Lied//International Journal of Slavic Linguistics and Poetics. 1960. Vol. 3. P. 69–72; 2) Byzantino-turcica. Berlin, 1958. Bd 2. S. 347; Соловьев. Восемь заметок. С. 365–369. Крайне неудачна гипотеза Д. А. Расовского, производившего «хинову» от г. Кинова, который арабский географ XII в. Идриси, по мнению автора, помещал где-то в Половецкой земле (Расовский Д. А. Хинова//Seminarium

Коп-dakovianum. Praha, 1936. Т. 8. С. 301–306). «Кинов» Идриси Б. А. Рыбаков отождествляет с Каневом (Рыбаков Б. А. Русские земли по карте Идриси 1154 г.//Краткие сообщения ИИМК. 1952. Вып. 43. «Хинела» к Кинову этимологически не возводится.] В. Ф. Миллер писал также, что окончание ла «напоминает обычные финские имена земель». [Миллер В. Ф. «Хинова» «Слова о полку Игореве»//ИОРЯС. 1914. Кн. 1. С. 17. Ср.: Фасмер. Этимологический словарь. Т. 4. С. 238. А. В. Соловьев пишет: «Странная форма „Хинела“ в Краткой редакции „Задонщины“ могла появиться как контаминация имен Хинова и Деремела» (Соловьев. Восемь заметок. С. 369). Построение чисто умозрительное и потому искусственное.]

Замена «к» на «х» в слове «хинове» показывает, по мнению Л. Н. Гумилева, что это слово было занесено на Русь монголами, у которых в языке нет звука «к». [Гумилев Л. Н. 1) Монголы XIII в. и «Слова о полку Игореве»//Доклады и сообщения Отделения этнографии Географического об-ва СССР. Л., 1966. Вып. 2. С. 61; 2) Поиски вымышленного царства. М., 1970. С. 313.] Не исключено, что название «хинела» Задонщины произошло от наименования Китая — «Чин» (оно, кстати сказать, известно и Афанасию Никитину). [Хождение за три моря Афанасия Никитина. М.; Л., 1958. С. 20. Сопоставление сделано И. М. Кудрявцевым (Слово-1953. С. 256).] В польском произношении XVI–XVII вв. это название звучало «Chiny» (Хины). [Соловьев. Восемь заметок. С. 367.] Именно поэтому в Пространной Задонщине Мамай назван «хиновином».

Если «хинела» в конечном счете возводится к названию Китая, [Связь терминов была опосредованной (через название «Золотая Орда»). Как назывался Китай в XIII–XIV вв., сказать трудно. Для Афанасия Никитина Южный Китай — это «Чин (Чим) и Мачин», а Северный — «Кытай» (Хождение... С. 20–22).] то перед нами сравнительно поздний термин. Начало непосредственно русско-китайских отношений относится только к XIII в. и связано с нашествием монголов. [Курц Б. Г. Русско-китайские сношения в XVI, XVII и XVIII столетиях. Харьков, 1929. С. 4–5.] В китайских источниках имя Руси впервые упоминается под 1330 г., когда в императорской гвардии был образован особый русский полк. В 1334 г. знаменитый временщик Боян (bo-jen) назначен был командующим гвардией, состоявшей из русских, монголов и половцев. [А. П. Китайские вести из Рима//Духовная беседа. СПб., 1863. Т. 18. № 27. С. 370.]

Династия Цзинь (Кин), т. е. Золотая, правила в Китае в 1126–1234 гг. Под влиянием ее названия и сложился термин «Великая Золотая Орда». [Греков Б. Д., Якубовский А. Ю. Золотая Орда и ее падение. М.; Л., 1950. С. 60; Гумилев Л. Н. Поиски вымышленного царства. С. 313–318.] Князь И. Ю. Патрикеев в своем завещании (1494–1499 гг.) упоминает семью холопов, детей некоего Андрея «Хинского». [ДДГ. № 86. С. 346, 347. В Ярославле в 1501 г. была деревня Малая Хиновка (АСЭИ. М., 1964. Т. 3. № 221. С. 238–240).] Монголо-татарское происхождение этого Андрея вполне вероятно. В Рязанской земле в 1567–1568 гг. находилось сельцо Хиновское. [Писцовые книги Рязанского края XVI и XVII вв. Рязань, 1900. Т. 1. вып. 2. С. 441.]

Выражение «пашют... молнии» (К-Б) соответствует терминологии Сказания («пламя огненное пашется»), [Повести. С. 63. Ср.: Срезневский. Материалы. Т. 2. Стб. 891.] проще и ярче книжного «трепещуть» молнии Пространной редакции. Вставляется в Пространной редакции «на реце на Мечи» (взятое из текста Задонщины Краткой редакции) в связи с назойливым стремлением составителя уточнить место битвы. Зато отсутствие в Пространной редакции слов «ни лебеди крылы всплескаша» — явный пропуск: ведь выше как в К-Б, так и в И1 и сходных говорится, что «гуси гоготаше и лебеди крылы всплескаша», поэтому логично включать и в антитезу не только гусей («ни гуси возгоготаша»), но и лебедей.

В фрагменте № 12 К-Б довольно точно описан птичий мир, обитавший на верхнем Дону. О множестве орлов, гусей, лебедей и журавлей в этих краях сообщает Пимен (1389 г.), [ПСРЛ. Т. 11. С. 96.] да и поныне в районе Куликова поля водятся орлы и другие

дикие птицы.[Луцкий Е. А. Куликово поле //Учен. зап. МГПИ. М., 1941. Т. 2, вып. 1. С. 171.]

Выражения «пасти труп человека... пролиться крове» Пространной Задонщины находятся в тесной связи с «труп ради человеческого... трава кровью пролита» (фрагмент № 18), т. е. с другим новообразованием той же редакции, созданным по мотивам Краткой («на трупы падаючи»).

О вторичности образа «вскрипели телеги» писали Вайян и Кралик.[La Zadońcina. P. XVI; Królik. S. 96.]

Фрагмент № 13. Предзнаменования победы.

Краткая редакция:

Птицы небесныя *пасуццяся* то *под* синие *оболока*, *ворони грають*, *галицы свои речи говорят*, *орли восклегчють*, *волци грозно воють*, *лисицы часто брешють*, чають победу на поганых, а ркучи так: «Земля еси Русская, как еси была доселева за царем за Соломоном, так буди и нынеча за князем великим Дмитрием Ивановичем» {К-Б, л. 126}.

Пространная редакция:

А уже беды их *пловуща*: *птица* их *крилати под облакы* летают, *ворони грають*, а *галицы своею речью говорят*, орлы *крилатии всплещут*, а *волци грозно воють*, [В ркп.: воюють.] а *лисицы на кости брешут*. Русская земля то ти есть как за Соломоном царем побывало (И1) {л. 218–218 об.}.

А уже беды их *пасоша*: птицы *крылати под облак* летят, вороны часто грают, а галицы своею речью говорят, орлы *хлекчють*, а волцы грозно *воют*, а лисицы на костях бряшут.

Руская земля, то первое еси как за царем за Соломоном побывала (У) [л. 178 об. — 179].

Вжо победы их *пашутся*, а птицы под облакы летают. А ворони часто играют, а галицы своею речью говорят, орлы в гаму кличут, волцы грозно *выют*, а лисицы на костях брешут. Земля, земля Резанская, теперь бо есть коко за Соломоном царем побывали (С) [л. 38 об.].

Начало фрагмента в К-Б являлось как бы антитезой концу предзнаменования. Там татарские вой сравнивались с гусями и лебедями (эпический мотив), здесь же птицы небесные и звери предсказывают победу над погаными.[Р. О. Якобсону кажется «литературной невидалью» тот факт, что победу по К-Б предсказывают дикие звери. Он видит в словах «чають победу на поганых, а ркучи так» — «произвольную вставку малоискусного переписчика» (Jakobson R. За шоломянем / За Соломоном N Jakobson. Selected Writings. P. 535, 536). Вряд ли, прежде всего, Ефросина можно считать невежественным переписчиком. В К-Б фраза не «обесмысленна», как думает Якобсон, а является антитезой (в фольклорном духе) предшествующему сравнению татарских воинов с гусями и лебедями.] Это противопоставление видоизменено в Пространной редакции: там беды подстерегают [О значении «пасти» как «стеречь» см.: Срезневский. Материалы. Т. 2. Стб. 885.] воевод Мамаю. [П. Бицилли чтения списков Пространной редакции кажутся бессмысленными (Бицилли П. К вопросу о происхождении Слова о полку Игореве (По поводу исследования проф. А. Мазона) // Заметки к Слову о полку Игореве. Белград, 1941. Вып. 2. С. 16). Но список У сохранил чтение: «беды их пасоша: птицы... летят», прекрасно передающее смысл текста.] Образ этих «птиц» восходит к библейским притчам Соломона (IX, 12): «иже утверждается на лжах, сей пасет ветры, той пожнет птицы парящия». Это изречение взято в форме, близкой к Пчеле («иже ся утверждается лжею, тот пасет ветры и птицы крылатия»). [Ср.: Айналов Д. В. Замечания к тексту Слова о полку Игореве // ТОДРЛ. М.; Л., 1935. Т. 2. С. 82 и след.] В К-Б глагола «летят» нет, что приближает этот текст к Пчеле, т. е. дает более первичную форму.

В фрагменте Пространной редакции акцент сделан не на предзнаменовании победы над «погаными» («чають победу на поганых», К-Б), а на грядущее поражение татар («А уже беды их пасоша»). Но именно в предвидении победы был первоначальный смысл

предзнаменований (ведь и ниже князю Дмитрию предвещают успех сияние солнца, звон соколиных колокольников). В связи с изменением акцента рассказа и ясная фраза о Соломоне из К-Б приобрела в И1 и сходных списках совсем темный смысл. Ранее она говорила о том, что, как когда-то Русь была за царем Соломоном, так она будет и за Дмитрием Ивановичем.[Р. О. Якобсон переводит текст иначе: «твое нынешнее положение схожее с тем, что было при царе Соломоне» (Jakobson R. За шоломянем / За Соломоном. Р. 536). Но этот перевод не только явно противоречит чтениям списков У («Русская земля... побывала») и С («коко... зо Соломоном царем Теперь побывали»), но и списку И1, дающему более дефектное чтение («побывало»), чем У (ср.: К-Б «была»). Тем более что сам Якобсон выше спорит с А. Вайяном, отрицая возможность перевода выражения слов «за царем» словами «во время», считая их обозначениями принадлежности, защиты и т. п. (Там же. Р. 534). Д. С. Лихачев считает, что «текст „Задонщины“ и самая логика появления этого места в „Задонщине“ без „Слова о полку Игореве“ остаются непонятными». Ведь «по повести о граде Иерусалиме» имя Соломона отброшено в далекое прошлое, да и Дмитрий находился на великом княжении немало лет» (Лихачев. Черты подражательности «Задонщины». С. 98–99). Но и в Задонщине говорится, что, как Русская земля «была» (когда-то) «за царем Соломоном», так и будет (единая и независимая) после победы над татарами за князем Дмитрием]. Теперь же в Пространной редакции получалось, что Русь переживала нашествие таких же врагов, каким был царь Соломон.[Поэтому М. Н. Тихомиров считал, что «библейский царь Соломон здесь явно не подходит» и что речь могла идти о Сулеймане (Соломоне) Челеби, сыне Баязида, разорившего Болгарскую землю (Повести. С. 375). С Сулейманом (1402–1410) сопоставлял Соломона Задонщины И. Свенцицкий {Свеицкий И. Русь і Половц. Львів, 1939. С. 54). Но вряд ли этого Сулеймана мог назвать автор Задонщины «царем», тем более что султаном в это время был другой сын Баязида — Махмед I.] Но Мамай еще не вторгся в основные земли Руси, а лишь собирался это сделать. Да и в царе Соломоне видеть предшественника Мамай по меньшей мере странно. Первоначальный смысл фразы был непонятен позднейшему компилятору. В легенде о Волоте Волотовиче, сложившейся в конце XV в., царь Давид рассказывает царю Волоту о том, что ему приснился сон, как «моему сыну Соломону у тебя на твоей дочери женитца и твоим царством ему владеть будет».[Буслаев Ф. И. Исторические очерки русской народной словесности и искусства. Т. 1: Русская народная поэзия. СПб., 1861. С. 462; Марков А. Повесть о Волоте и ее отношение к повести о св. граде Иерусалиме//ИОРЯС. 1913. Т. 18, кн. 1. С. 49–86. В Голубиной книге Волот отождествляется с князем Владимиром (Киевским). См.: Летописи русской литературы и древности. М., 1859. Т. 2. Отд. 3. С. 66–68.] Дело происходит на Руси («будет на Руси град Иерусалим начальный»). В этой же легенде мы встречаем кречета с золотым колокольчиком («у кречета колоколчик золотой»), совсем как в Краткой редакции Задонщины («как еси была доселева за царем за Соломоном... Тогда же соколи и кречати, белозерские ястреби позвонять своими злаченными колоколци»).[Подробнее см.: Gorlin M. Salomon et Ptolemée; la legende de Volot Volotovitch//RES. 1938. Т. 18, fasc. 1–2. Р. 41–62. Ср.: Mazon. Le Slovo. Р. 25–28. Ср.: Гудзий. По поводу ревизии. С. 87–88. Vaillant A. Za Salomonem carem//Прилози за кн>жевност, јеЗНК, НСТорпју и фолклор. Београд, 1960. Кн>. 26, св. 3–4. С. 272–274.] Перед нами фольклорная обработка темы Русь — новый Иерусалим, известной литературе XIV–XV вв. Уподобление русского князя Соломону встречается еще в «Повести о смерти князя Андрея Боголюбского», помещенной в Ипатьевской летописи. Здесь, в частности, говорится, что Андрей «вторый мудрый Соломон бяшетъ»[ПСРЛ. Т. 2. Стб. 584.] или «уподобися царю Соломану».[ПСРЛ. Т. 2. Стб. 581.] В летописи же под 852 г. он мог прочесть и исчисление лет от Адама до первых русских князей, где упоминалось и царство Соломона: «от Давида и до (в Хлебниковском списке «от».—А. 3.) начала царства Соломона и до пленения Иерусалимова лет 448».[ПСРЛ. Т. 2. Стб. 13. На основании этого текста (восходящего к Библии) А. Вайян выражение «за царем за Соломоном» (К-Б) переводит «во время царствования Соломона», т. е. с тех пор, как появились цари

(библейские), в библейские времена..] Цикл легенд о Соломоне на Руси приобрел особенную известность в конце XV в.

Легенды о Соломоне получили широкое распространение и в других европейских странах. Так, в одном из немецких стихотворений, сохранившемся в рукописи XV в., Соломон выступает главою христианского мира, а его герои сражаются против «неверных».[Пыпин А. Н. Старинные сказки о царе Соломоне//ИОРЯС. СПб., 1855. Т. 4. С. 343.] Тема премудрого иерусалимского царя Саламана проникает и в былинку о Василии Окуловиче, навеянную событиями первой четверти XVI в.

А. Вайян дает другую интерпретацию рассуждению автора Задонщины о Соломоне. Он считает, что его выражение должно иметь фигуральный смысл («с тех пор, как повелись цари»), ссылаясь при этом на традицию, ассимилировавшую Соломона с Владимиром Киевским.[La Zadońčina. P. VIII.] Его построение отвергает Р. О. Якобсон, ссылающийся на то, что конструкция «была за царем» употреблялась «единственно для обозначения охраны, защиты».[Jakobson R. За шоломянем / За Соломоном. P. 534.] А. В. Соловьев к этому добавляет, что «период царей» по Библии начинался с Саула, а Соломон был только «четвертым царем в этом ряду». Поэтому интерпретация А. Вайяна не может быть принята[Соловьев А. В. Шоломя или соломья//International Journal of Slavic Linguistics and Poetics. 1968. Vol. 11. P. 108.].

В фрагменте легко обнаруживаются и другие фольклорные мотивы. Так, птицы, слетающиеся на трупы, известны и народным сказаниям, и Библии.[«Идеже бо аще будет труп, тамо соберутся орли» (Мф. 24: 28).]

Наконец, с Краткой Задонщиной перекликается и Житие Дмитрия Донского, в котором говорится, что «воскипе земля Русская в лето княжения его».[ПСРЛ. Т. 11. С. 109.]

Фрагмент № 14. Выезд воевод из Москвы.

Краткая редакция:

Тогда же *соколи и кречати, белозерские ястреби* позвонять своими *злаченными колоколами*.

Уже бо стук стучить и гром *гремять рано пред зорею*. То ти не стук стучить, ни громь гремит, *князь Володимир* Ондреевич *ведет* вой свои, сторожевые *полкы*, к *быстрому Дону*, а ркучи так: «Господине *князь Дмитрей*, не *ослабляй*. Уже, господине, *поганья татарове на поля на наши наступают*, а вой наши *отнимают*».

Тогда же *князь великий* Дмитрей Иванович *ступи во свое златое стремя*, *всед* на свой борзый конь, *приимая* копие *в правую руку*. *Солнце ему на востоце* семтября 8 в среду на Рожество пресвятыя Богородица *ясно светить*, *путь ему поведает*, *Борис, Глеб молитву творять за сродники свои* {К-Б, л. 126–126 об.}.

Пространная редакция:

А уже *соколы, белозерские ястребы* рвахуся от *златых колодець* ис *каменнаго града* Москвы, *возлетеша под синии небеса*, *возгремеша золочеными колоколами* на *быстром Дону*.

Тогда *князь великий вступи в златое стремя*, *взем свой меч в правую руку* свою, *помоляся Богу и пресвятей Богородицы*. *Солнце ему ясно на вѣстоцы сияет*, а *Борис и Глеб молитву воздает за сродники*.

Что шумит, что *гримит рано пред зарями*? *Князь Владимир полкы*[В ркп.: *паки*.] *устанавливает и пребирает и ведет к Дону великому*. И *молвяше брату своему*: «*Князь Дмитрей, не ослабляй*, *князь великий, татаром*. *Поганьи поля наступают, отѣимают* *отчину нашу*» (И1) {л. 218 об.}.

То уже *соколи белозерстии и ястреби* хваруются от *златых колодиць* ис *камена града* Москвы, *возлетеша под синее небеса*, *возгремеша злаченными колоколами* на *быстром Дону*.

Тогда *князь великий Дмитрей Иванович* *воступив во златое свое стремя* и *взем свой меч в правую руку* и *помолися Богу и пречистой его матери*. *Солнце ему на восток сияет* и *путь поведает*, а *Борис и Глеб молитву воздают за сродники своя*.

Что шумит и что гремит рано пред зорями? *Князь Владимир Андреевич полки* *пребирает и ведет к великому Дону*. И *молвяше брату своему великому князю Дмитрею*

Ивановичю: «Не ослабляй, брате, поганым татаровям. Уже бо поганые поля русские наступают и вотчину отнимают» (У) {л. 178 об. — 179 об.}.

То ти уж бо ястреби и соколи и белозерстии *кречеты* отривахуся от златых колокоцы[В ркп. на поле: и кокодицы.] ис камени грады Москвы, обри-ваху шевковыя опутины, возвиваючися под синия небеса, звоне-чи золотыми колоколы над быстрым Доном, — хотят ударити на многие стады гусинья и на лебединыя, а богатыри, руския удалцы, хотат ударити на великия силы поганого царя Мамаю.

Тогда князь великий Дмитрий заплакал гарко и рече: «Господи Боже мой, на тя уповах, да не постыжуся во веки, на да посмеются врази мои». Втер слезы свои и воступает во позло-щное свое стремя и взял меч свой во правую руку и помолился Богу и пречистой его матери. Солнце ему ясная сияет на востак, путь поведает, святыи Борис и Глеб[В ркп.: леб.] молитву творит за сродники своя.

Што пишут, што гримит, что гримит[В ркп.: грит.] рана пред зорами? Князь Володимер полки перебирает и ведет к быстрому Дону ко брату своему князю Дмитрию Ивановичу. «Княже великий Дмитрий Иванович, не уставиумо великим полком. Не слухай изменников, не услобляй поганым татаром. Уже бо поганый та-тарове поля наступают, а хоробруя нашу дружину побивают» (С) [л. 38 об. — 39].

Эпизод с выездом из Москвы Дмитрия Ивановича изложен в К-Б ближе к первоначальной версии. В Пространной редакции он подвергся влиянию Сказания («урвашася от златых колодиць ис камена града Москвы», а также в С: «хотят ударити на многие стады гусинья и на лебединыя»).[Ср.: Повести. С. 54, 129. По Р. П. Дмитриевой, в К-Б текст сокращен. По ее мнению, в фразе о соколах должно быть упоминание о Москве, ибо ниже говорится о выезде оттуда русских войск (Дмитриева. Взаимоотношение списков. С. 254). Но в поэтических образах Задонщины географическая номенклатура встречается не всегда (ср.: «тогда гуси возгоготали» У, то же в С, только в И1 добавлено «на речки на Мечи»). К тому же в К-Б соколы не вылетают из Москвы или откуда-либо, а звонят колокольцами, как бы призывая русские войска выступить в поход. Упоминание о Москве здесь излишне.]

Д. А. Авдусин обратил мое внимание на то, что в Краткой редакции Задонщины речь идет о «славном» городе Москве, а в Пространной — о «каменном». Последнее появилось, несомненно, под влиянием Сказания о Мамаевом побоище (см. третий общий эпизод трех памятников, приведенный выше). Впервые каменный Кремль в Москве сооружен был еще в 1367 г. Но как раз в конце XV в., когда составлялось Сказание о Мамаевом побоище, происходило не только строительство нового Кремля (с 1485 г.), но и соборов (Успенского, Благовещенского) и дворца (с 1487 г.). Именно это грандиозное каменное строительство и дало основание автору Сказания, а вслед за ним и составителю Пространной редакции Задонщины говорить о «каменном граде» Москве.

Добавление «на быстром Дону» в И1 и сходных соответствует аналогичному дополнению в речи Андрея Ольгердовича. В обеих редакциях разная последовательность событий. По Краткой сначала Владимир Серпуховской повел свои сторожевые полки к Дону, а затем вышел из Москвы Дмитрий Донской. По Пространной в соответствии со Сказанием сначала в поход отправился великий князь, а уже вслед за ним двинулся князь Владимир.[По Р. П. Дмитриевой, в пользу вторичности последовательности эпизодов в К-Б свидетельствует «упоминание даты — 8 сентября» (Дмитриева. Взаимоотношение списков. С. 255). Это соображение отпадает, если считать дату в К-Б вставкой в список памятника, отсутствовавшей в архетипе Краткой редакции. Ведь в сборнике Ефросина есть заметка, что в «лето 6888 сеп. 8 в сред был бои за Доном», которая соответствует дате в К-Б (Krälik. S. 68).]

В К-Б выезд Владимира Андреевича связан с фразой о звоне «колокольцев». Эта связь в Пространной редакции нарушена. Риторический вопрос Пространной редакции «что шумит, что гремит» близок к Слову о полку Игореве. Поэтому В. Ф. Ржига считает его первичным, полагая, что в К-Б он заменен формулой отрицательного параллелизма

«стук стучит... не стук стучит» под влиянием народных образцов.[Ржига В. Ф. Слово Софония-рязанца... 1947. С. 28.] Но та же формула встречалась в Задонщине выше (см. фрагмент № 11), причем не только в К-Б, но на этот раз и в Пространной редакции. Следовательно, можно полагать, что и на этот раз народная формула К-Б была первичной, в Пространной редакции она была переделана.

Слова «семтября 8 в среду на Рожество пресвятыя Богородица» (К-Б) считаем вставкой. Дата в записи говорит о времени Куликовской битвы, а не о выезде Дмитрия. К тому же она разрывает текст («солнце ему на востоце... ясно светить»), ее нет и в данном фрагменте Пространной редакции. В фрагменте № 16 Пространной редакции говорится о битве в «субботу», а не в «среду», как в К-Б.

Судя по тому, что Ефросин любил хронологические выкладки, подобную запись о «среде» мог сделать он.[Ср. на л. 263 об. сборника К-Б 9/1086: «В лето 6888 сеп. 8 в сред был бои за Доном». Здесь та же ошибка в дате, что и в Задонщине. См. также предложенное А. А. Шахматовым объяснение ошибки: «среда» — 28 августа (Шахматов. Отзв. С. 185).]

Формула «полки пребирает» И1 и сходных (см. аналогичную вставку «уставиша себе храбрыя польки»)[В Сказании говорится о Дмитрии: «яко да переберу плъкы» (Повести. С. 51).] более позднего характера сравнительно с «ведет вой свои, сторожевыя полкы» (К-Б). Она близка к разрядной фразеологии конца XV–XVI в. О сторожевых полках в списке К-Б уже говорилось (см. фрагмент № 9).

Текст «поганыя татарове на поля на наши наступают» (К-Б), конечно, первоначальнее «поганые поля наступают». Этот мотив — эпическое повторение (см. фрагмент № 8), напоминание о бедах, которые несут с собою «поганые». Сначала съехавшиеся русские князья говорят о захвате татарами их вотчин, затем позднее прибывший князь Владимир добавляет и то, что «поганыя... вой наши отнимають».[О «воях» в связи с князем Владимиром говорится и выше в К-Б («Ведет вой свои»)]. Автор Пространной редакции оставил только один мотив, вложенный в уста князя Владимира.

Фрагмент № 15. Перечень воевод.

Пространная редакция:

Рече ему князь Дмитрей Иванович: «Брате князь Владимире Ондреевич, сами себе есмя два брата, воеводы у нас уставлены 70 бояринов, князи крепцы белозерскии: Федор Семенович, Семен Михайлович, Микула Василевич, два брата Олгердова, Дмитрей Волынский, Тимофей Волуевич, Михайло Иванович. А воюют с нами 300 000 кованой рати. Воеводы у нас уставлены, дружина нам сведома, имеем под собою боръзых комони, а на себе золоченые доспехы, а шеломы черкасские, а щиты московские, а сулицы ординские, а чары франские, мечи булатные».

И молвяше: «Поганый путь им знаем вельми, а перевозки им изготовлены, но еще хотят силно главы своя положить за веру крестьянскую. Пашут бо ся хорюгове, ищут себе чести и славнаго имени» (И1) {л. 218 об. — 219}.

И говорит ему князь великий Дмитрей Иванович: «Брате Владимир Андреевич, сами есми, а внуки великаго князя Владимира Киевскаго. А воеводы у нас уставлены 70 бояринов, и крепцы бысть князи белозерстии: Федор Семенович, да Семен Михайлович, да Микула Васильевич, да два брата Олгордовичи, да Дмитрей Волынской, да Тимофей Волуевич, да Андрей Серкизович, да Михайло Иванович, а вою с нами триста тысящ окованные рати. А воеводы у нас уставлены, а дружина сведана, а под собою имеем добрые кони, а на себе златые доспехи, а шеломы черкаские, а щиты московские, а сулицы немецкие, а кинжалы фряские, а мечи булатные, но еще хотят сильно головы своя положить за землю за Рускую и за веру крещеную.

Пашут бо ся аки живи хорюгови, ищут себе чести и славнаго имени» (У) {л. 179 об. — 180 об.}.

И рече князь Дмитрей великий Иванович брату своему князю Володимеру Ондреевичу: «Брате милый, сами есмо себе два брата, сынове есмо великаго[В ркл.:

велико.] князя Ивана Данилевалча Калиты,[В ркп.: каметы.] а внучата есмо великого князя Данильа Александровича. А воеводы в нас воставлены крепкия 70 бояринов, а князи белоузерстии Федор Семенович, два брата Олгиродовичи, князь Андрей Бранский, а князь Дмитрий Волынский, а Тимофей Волоевич, Андрей Серкизович, а Михайла Иванович. У боя нас людей 300 тисещ кованья раты, а воеводы в нас крепкия, ведомоя дружина, а под собою маем кони борздыя, но собе маем доспехи позлащенные, а шоломы чиркаския, а щиты московския, а сулицы немецкия, а кофыи фразския, а кинжалы мисурскими, а мечи булатныя, а дороги нам сведомо, а перевозки в нас[В ркп. далее повторено: в нас.] вставлены,[В ркп.: втавлены.] но еще хощем силно главы свои положити за святыя Божия церкви, за православную веру христианскую и за землю Рускую. Пашут бо кафир, ищут бо собе чести и славы[В ркп.: лавы.] и великого имени» (С) {л. 39–39 об.}.

Весь отрывок с перечнем русских воевод («Рече ему князь великий... славного имени»), помещенный в списках И1 и сходных, отсутствует в К-Б. Он явно позднего происхождения и восходит в основной своей части к Никоновской летописи: его список воевод соответствует перечню погибших военачальников, составленному по материалам летописи (см. фрагмент № 19).[Ср.: Frček. S. 109. (См. также: Петров А. Е. «Сказание о Мамаевом побоище» как исторический источник: Автореф. дис... канд. ист. наук. М., 1998.)] В него добавлены только Ольгердовичи и Дмитрий Волынский, о которых говорилось в самой Задонщине выше. Некоторые выражения есть в других местах Задонщины.[Так, перечень оружия («мечи булатныя», «щиты московские») является парафразой текста К-Б о столкновении с татарами, помещенной вслед за рассматриваемым эпизодом. Слова «дружина нам сведома» навеяны словами «ведомы полководцы», а «седлай... свои борзый комони» — «сядем на борзых своя комони».] К-Б этих повторов лишен.

Пространная редакция:...сами себе есмя два брата, воеводы у нас уставлены...
Источники:...сами есми себе два брата... (Задонщина, фрагмент № 10)...урядиша коемуждо плъку въводу... (Повести. С. 56, 90 135, 180).[См. также: Królik. S. 126.]

Пространная редакция:...хотят силно главы своя положити за веру крестыанскую.
Источники:...уставиша себе храбрыа (испр. И1 храмныа) полъкы (Задонщина, фрагмент № 5)...готови...главы своя положыти за святую веру христианскую (Повести. С. 50).

Пространная редакция: Пашут бо ся хорюгове, ищут себе чести чести и славного имени. *Источники:*...пашутся хоригви берчати... (К-Б, фрагмент № 7)...хотять себе чьсти добыта и славнаго имени (Повести. С. 56).

В. П. Адрианова-Перетц и В. Ф. Ржига считают вставкой только перечень воевод («70 бояринов... воеводы у нас уставлены»). Но весь фрагмент не имеет новой смысловой нагрузки: он является компиляцией из Сказания и других частей Задонщины.

В перечне русского вооружения Пространная Задонщина называет «шеломы черкаские» (И1, У, С). Скорее всего, речь идет о северокавказских (кабардинских) доспехах.[«Черкасами» в XVI в. назывались кабардинские и западнодзугейские племена. О «черкасах» упоминается уже под 1532 г. в Никоновской летописи («Черкасы... Астрахань взяли». ПСРЛ. Т. 13, 1-я половина. С. 62). Е. Н. Кушева полагает, что речь шла о кабардинцах (Кушева Е. Н. Народы Северного Кавказа и их связи с Россией. Вторая половина XVI—30-е годы XVII века. М., 1963. С. 93, 186–187). «Войлок черкаской» упоминается в духовной 1482 г. (АСЭИ. М., 1952. Т. I. № 499. С. 377).] Кабардинское оружие (в том числе и шлемы), славившееся далеко за пределами Северного Кавказа, в XVI–XVII вв. проникло и на Русь.[Кушева Е. Н. Народы Северного Кавказа... С. 103.]

Фрагмент № 16. Куликовская битва.

Краткая редакция:

Тогда соколи и кречати, белозерскыя ястреби борзо за Дон перелетеша, ударишася на гуси и на лебеди. Грянуша копья хара-лужныя, мечи булатныя, топоры легкие, щиты московскыя, шеломы немецкие, боданы бесерменскыя. Тогда поля костыми насеяны,

кровьми полиано. Воды возпиша, весть подаваша по рожнымъ землямъ, за Волгу, к Железнымъ вратомъ, к Риму, до черемисы, до чяхов, до ляхов, до Устюга поганых татар, за дышущем моремъ. Того даже было лепо[В ркп.: нелепо.] *стару по-молодиться* {К-Б, л. 127–127 об}.

Пространная редакция:

Уже бо те *соколе*[В ркп.: соволе.] и *кречеты за Дон* перевезлися и наехали русти и сынове на силную рать татарскую, ударишася *копи хараужничьными* о доспехи татарския, *възгремели мечи булатныя* о шеломы хиновския на поле Куликове на речки Направде.

Черна земля под копыты, *костми* татарскими поля насеяша, кровью земля *пролита*. Сильнии полки съступалися вместо, про-топташа холми и лугы. Возмутися реки и езера. Кликнуло диво в Руской земли, велит послушати грознымъ *землям*. Шибла слава к *Железным вратом*, к Риму и к Кафы, по морю, и к Торнаву, и оттоле к Царюграду, на похвалу: Русь великая одолеша Мама на поле Куликове (И1) [л. 219–219 об.].

Уже бо те соколы и кречаты за Дон *борзо перелетели* и ударилися о многие стада лебединые. То ти наехали русские князи на силу татарскую и удариша копье фараужными о доспехи татарские, возгремели о доспехи татарские, возгремели мечи булатные о шеломы хиновские на поле Куликове на речке Напряде.

Черна земля под копыты, а *костми* татарскими поля насея-ша, а кровью их земля *пролита бысть*. А силнии полки ступишася в место и протопташа холми и луги. И возмутишася реки и потоки и озера. И кликнули быша дивы в Руской земли. А слава[В ркп.: глава.] шибла к Железным вратам, ли к Караначи, к Риму и к Сафе по морю и к Которнову, и оттоле ко Царюграду на похвалу руским князем. И одолеша рать татарскую на поле Куликове на речке Напряде (У) {л. 180 об. — 181 об.}.

Уже бо ястребы[В ркп.: ястреби.] и соколи и белоозерстии и кречеты прилетеша и удариша на многия стада гусиные[В ркп.: сосилныя.] и на лебединые. То ти быша ни соколи, ни крчеть, то то уже изъехалися удалныя люди князи руския, богатыры литовския но великия силы татар-ския и удариша[В ркп.: удадариша.] кафыи фразскими, а даспехи татарскими, возгримели мечи булатныя[В ркп.: бутныя.] абы шеломы бесурменския на поли Куликове на реце Непродене.

Черная земля под копытами под *костми* татарскими носити кровью земля. Силныя волцы изступишася в место, протекоша лугы и холмы кровию. Возмутишася реки и потоки, езера. Кликнула диво по всим землям руским, велит грозна послушати. Шибла слава к мору, и к[В ркп.: и.] Ворнавичом, и к Железным вратом, ко Кафе и к турком и ко Царуграду, и што Русь[В ркп " ру.] поганых одалеша (С) {л. 39 об.}.

В рассказе о самой Куликовской битве в Пространной редакции встречаем слова «ударилися о многие стада гусиные и лебединые» вместо «ударишася на гуси и на лебеди» (К-Б).[Выражение «белозерския ястреби» (К-Б) первоначальнее «белозерских кречетов», ибо выше в фрагменте № 14 Пространной редакции белозерскими были именно ястребы.]

Источником этой правки было Сказание о Мамаевом побоище.[«Ударилися на великия стада жеровины (в Летописной редакции: «стада гусиные»).—А. 3.), на ту великую силу татарскую» (Повести. С. 71, 103).] Р. П. Дмитриева пишет, что в К-Б «нет ни одной фразы, где бы сообщалось, чем кончилось сражение».[Дмитриева. Взаимоотношение списков. С. 251.] Битва кончилась, по К-Б, посылкой радостной вести «по рожнымъ землям» о победе и плачем вдов по погибшим воинам. Все совершенно логично. Правда, это известие дано в К-Б очень скупо, текстом Слова о погибели Русской земли.[«...до Угор и до ляхов, до чахов, от чахов... до Устюга, где тамо бяху тоймици погании и за дышючим морем... до черемис» (Бегунов Ю. К. Памятник русской литературы XIII века «Слово о погибели Русской земли». М.; Л., 1965. С. 157). Р. П. Дмитриева считает, что первоначален текст списков Пространной Задонщины, где был употреблен предлог «к», а в К-Б при использовании текста Слова о погибели с предлогом «до» стройность нарушилась (Дмитриева. Взаимоотношение списков. С. 259). Действительно, с предлогом

«до» в К-Б взяты земли из Слова о погибели. Но это не значит, что они заменили текст архетипа У, И1, С. Кстати, никакого единства в них нет: там говорится «к Кафы... к Торнаву... к Царюграду», но «по морю». Критические замечания по адресу Дмитриевой см.: Krälik. S. 148–153.] Распространялась радостная весть, по К-Б, с востока на запад, т. е. так же, как в Житии князя Дмитрия («от востока и до запада хвално бысть имя его»). [ПСРЛ. Т. 11. С. 109.] Тогда («Того», ср. «В то время») старым было «лепо» (в К-Б явная описка: «нелепо») помолодиться.[В сходном (№ 17) фрагменте Пространной редакции «добро» (И 1), «надобно» (У), «добре» (С), «лепо» в Печатной группе Сказания. См. также: Krälik. S. 109–110.]

По А. Вайяну, говоря «было лепо старому помолодиться», Краткая Задонщина имеет в виду Пересвета, старого боярина, который как бы снова вспомнил битвы своей молодости, обрел бодрость юности.[La Zadońščina. P. XII, XVI. А. В. Соловьев предполагает, что ошибочная форма «нелепо» К-Б произошла под влиянием начала Слова о полку Игореве («Не лѣпо ли ны бяшеть»): в первоначальной Задонщине, по его мнению, читалось так: «Нелепо бо нам, брате, начати поведать иными словесы» (Soloviev A. Le rhapsode Bojan et le prince Igor' dans le Dit d'Igor' et la Zadońščina//International Journal of Slavic Linguistics and Poetics. 1964. Vol. 8. P. 59–60. А. Вайян ввел в свою реконструкцию Краткой редакции чтение «лепо» (La Zadońščina. P. 5).]

Но, может быть, выражение имеет и более широкий смысл.

В И1 и сходных списках можно обнаружить целый ряд неувязок, объясняющихся неумелым редактированием текста. Так, в К-Б «поля костями насеяны, кровью полиано». В И1 и сходных совершенно неудачно «черна земля под копыты костями татарскими поля насеяша, а кровию земля полита». Добавление «черна земля под копыты» изменило фразу, внесло в нее лишнее второе подлежащее. «Кости» стали только татарскими. В К-Б весть подают «возопившие воды». Русская слава (а не просто «весть»), по Пространной редакции, уже достигает Царьграда, Тырнова, Кафы и Рима. На основании упоминания Тырнова М. Н. Тихомиров считал, что Задонщина написана до 1393 г., когда Тырнов взяли турки.[Тихомиров. Средневековая Москва. С. 258–259. Впервые эта точка зрения высказана А. И. Никифоровым (Никифоров. Слово. С. 210). Г. Н. Моисеева принимает датировку М. Н. Тихомирова. Она ссылается при этом на упоминание «Орнача» (Ургенча) в одном из списков Печатного извода Сказания. Ургенч был взят после походов Тимура 1372–1392 гг., и «было бы странным и неестественным, если бы автор Задонщины упомянул Орнач... — город, который после 1392 г. не существовал» (Моисеева Г. Н. К вопросу о датировке Задонщины//ТОДРЛ. Л., 1979. Т. 34. С. 225). Но нет никаких текстологических оснований возводить упоминание «Орнача» к первоначальному тексту Задонщины (в Пространной редакции вместо него «Торнав»), да к тому же считать это упоминание отражением реального положения вещей (независимое существование Ургенча), а не включение этого города в текст произведения под влиянием книжных познаний составителя текста, в котором он помещен.] Но, судя по контексту, речь могла идти вообще о землях, захваченных турками (Царьград, Тырнов), и звучать предвестием грядущего освобождения их от ненавистного ига.[А. Вайян отвергает датирующее значение Тырнова на том основании, что этот город упоминается в поздней версии Задонщины (La Zadońščina. P. IX).] В конце XV в. Русь вышла на мировую арену, и этому подобал более широкий международный резонанс Куликовской победы. Поэтому черемиса, Устюг и неопределенное «до чяхов, до ляхов» заменены Царь-градом, Тырновом и Кафой.[Ю. К. Бегунов считает, что первоначально в Задонщине находился текст Пространной редакции и лишь позднее составитель Краткой версии заменил перечень народов отрывком из Слова и тем самым «расширил территорию распространения Слова о битве русских с татарами» (Бегунов Ю. К. Памятник русской литературы XIII века... С. 136–137). Остается непонятным, как можно достигнуть «впечатляющего эффекта» (Ю. К. Бегунов), заменив Царьград, Кафу и Тырнов — мордвой, черемисой и карелой. Ввиду совпадения К-Б и И1 нельзя заменить «к Риму» на «к Крыму», к чему склоняется А. Вайян

(La Zadońčina. P. V).] Появление Тырнова в поздней редакции Задонщины, возможно, находится еще в связи с тем, что в Никоновской летописи (которой автор редакции несомненно пользовался) наблюдается стремление прославить митрополита Киприана, болгарина по происхождению, и это прославление, как показал А. А. Шахматов, ведет нас к XVI в. [Шахматов. Отзыв. С. 156–157. Отсутствие Дуная и Тырнова в списке С И. Б. Греков объясняет тем, что в Синодальном изводе «говорилось только об одном антиордынском фронте», ибо антитурецкий фронт после Никопольского поражения 1396 г. был уже неактуальным (Греков И. Б. Идеино-политическая направленность литературных памятников феодальной Руси конца XIV в. // Польша и Русь. М., 1974. С. 408–409). Но в списке С есть Царьград, что нарушает схему И. Б. Грекова. Отсутствие же Тырнова можно отнести за счет чисто редакторской правки составителя списка С (название города, возможно испорченное в протографе списка С, как и в других списках, показалось странным и поэтому было опущено). Дунай же нет не только в списке С, но и в И1. Его появление в списке У — результат позднейшей фольклоризации текста.]

Фрагмент о «возмутившихся реках» в списках И1 и сходных навеян Сказанием («реки же выступаху из мест своих»). [Повести. С. 66, 99, 145.] Замечание Пространной редакции о «потоках и озерах» выдает нам человека, не знавшего обстановки боя: на Куликовом поле не было ни «потоков», ни озер. [Адрианова-Перетц. «Слово» и «Задонщина». С. 151.] Текст о «потоках» навеян псалмами («расторг еси источники и потоки... иссушил еси реки». Пс. 73: 15). Псалмы будут использованы в Задонщине Пространной редакции и еще один раз (см. фрагмент № 24). В И1 вместо «вод» появляется фраза о «диве», навеянная также Сказанием («аки некаа девица, единою възопи») [Повести. С. 64, 98, 143. Сходство Сказания с К-Б («девица... възопи» и «води возпиша»), вероятно, объясняется тем, что автор Сказания переработал образ Краткой Задонщины.] и отчасти предшествующим текстом («укупимь землямь диво» К-Б, «учинить имам диво» С).

А. Вайян с достаточным основанием склоняется к тому, чтоб считать «дива» лишь вариантом, производным от слова «диво» (чудо) К-Б. [La Zadońčina. P. XII–XIII.]

Вторичный характер списка К-Б Р. П. Дмитриева усматривает в том, что Ефросин сочетал слово «боданы» с глаголом «грянуша», т. е. осмыслил его «как один из видов холодного оружия», а на самом деле байданы — это рубахи из крупных колец. Лучше понимал слово «байданы» писец списка У, в котором говорится об испытании «сулиц немецких о боданы бусурманские». [Дмитриева. Взаимоотношение списков. С. 247.] Но упрек Ефросину в слабой осведомленности не достигает своей цели: им нарисована картина, когда гремели не только копья, мечи и топоры, но и щиты, шеломы и байданы: трем видам оружия как бы противопоставлены три вида защитного вооружения: щит, шлем и кольчуга. Текст абсолютно ясный. [Сравнивая тексты К-Б с записью Псковской летописи, и Р. П. Дмитриева отдает предпочтение последней, так как в ней «каждое подлежащее сопровождается своим сказуемым» (Дмитриева. Взаимоотношение списков. С. 262). В данном случае разницу можно объяснить простым распространением лапидарного текста К-Б.]

«Див» как чудище, возможно, известен памятникам XV в. (Курбский писал: «другии был без ума и без памяти и безсловесен, тако же аки див якои родился»). [Сочинение Андрея Курбского // РИБ. СПб., 1914. Т. 31. Стб. 291 (в одном из списков «див» рассматривается как «чудо»)].

В Пространной редакции фрагмент № 16 кончается двумя фразами о «молниях» и сиянии доспехов, но они уже один раз встречались в тексте. Повторение указывает на позднейшее происхождение отрывка.

Повторные фразы: Тогда бо сильнии тучи съступалися въместо, сильнии молнии, громи гремели велице. То ти съступалися рускии сынове с погаными татары за свою обиду, а в них сияють доспехы золочеными, гремели князи рускиа мечи о шеломы

хыновския (И1) {л. 219 об.} — *Предшествующий текст Пространной редакции*: Великия тучи... в них трепещуть силнии молнии. Быти стуку (фрагмент № 12).

Повторные фразы: На том поле силнии тучи ступишася, а из них часто сияли молыньи и загремели громы велицыи. То ти ступишася руские удалцы с погаными татарами за свою великую обиду, а в них сияли силные доспехи злаченые, а гремели князи руские мечьми булатными о шеломы хиновские (У) {л. 181 об. — 182} — *Предшествующий текст Пространной редакции*: ...силнии полкы съступалися вместо... (фрагмент № 16)...за обиду великаго князя Дмитриа Ивановича... (фрагмент № 11).

Повторные фразы: На поли Куликове тучи силныя изступишася, а[В ркп. виж ни *причем* ни — *выносная*.] виж них[В ркп. виж ни *причем* ни — *выносная*.] сияли силныя великия молныя, гримит гром силный. Та ти изступишася сынове руския с погаными татари за свои обиды, а в них же сияли золотыя доспехи, гремели князей русских доспехи и мечи[В ркп.: хечи.] булатныя и обышаки московския (С) {л. 40}. — *Предшествующий текст Пространной редакции*: ...гремят удалцы руския золочеными доспехы... (фрагмент № 11)...ударашася... о шеломы хиновския (фрагмент № 16).

Вслед за этим во всех трех списках (И1, С, У) Пространной редакции находится фраза о продолжительности битвы. В. П. Адрианова-Перетц и В. Ф. Ржигя не помещают ее в протографы Задонщины. Она навеяна Сказанием.

Пространная редакция: Из утра билися до полудни в субботу на Рожество святии Богородицы (И1) — *Источники*: ...рождеству святыя Богородица, свитающу пятку... утру суцу... (Повести. С. 66, 99, 145).

Пространная редакция: А билися из утра до полудни в субботу на Рожество святей Богородицы (У). И билися из утра до полудни в субботу на Рожество святыя Богородица месяца сентебра во 8 ден (С) {л. 182}. — *Источники*: ...приспе же осмый час (Повести. С. 70, 101–102, 149).

Куликовская битва происходила не в пятницу, как сообщено в Сказании, а в субботу, как в Пространной редакции. Если б в данном случае Пространная Задонщина была источником Сказания, то такая ошибка была бы невозможна. Зато уточнение неправильной датировки Сказания в Пространной редакции Задонщины — вещь совершенно естественная.

Фрагмент № 17. Пересвет и Ослябя.

Краткая редакция:

Хоробрый *Пересвет поскакивает* на своемъ вѣщѣмъ сивцѣ, свистомъ поля перегороди, а *ркучи* таково слово: «*Лучши бы есмя сами на свои мечи наверхлися, нежели нам от поганых поло-женным пасти*». И рече *Ослебя брату своему Пересвету*: «*Уже, брате, вижду раны на сердци твоѣмъ тяжки. Уже твоей главе пасти на сырую землю, на белую ковылу моему чаду Иякову*» {К-Б, л. 127 об.}.

Пространная редакция:

Черньца Пересвета великому князю Дмитрию Ивановичю: «*Луче бы посеченым пасти, а не полоняным въспети от поганых*». Тако бо *Пересвет поскакивает* на борзе кони, а злаченым доспехом посвечиваше. А иные лежат посечены у Дону на брези. Добро бы, брате, в то время *стару помолодится*, а удалым плечъ попытати.

И молвяше брат его *Ослабе черънец*: «*Брате Пересвет, вижу на тели твоѣмъ раны. Уже голове твоей летети на траву ковыль, а чаду моему Якову на ковыли земли не лежати на поли Куликове за веру христьянскую и за обиду великаго князя Дмитрия Ивановича*» (И1) {л. 220–220 об.}.

Пересвета чернеца, брянского боярина, на суженое место привели. И рече Пересвет чернец великому князю Дмитрию Ивановичю: «*Лутчи бы нам потятым быть, нежели полоненым от поганых татар*». Тако бо Пересвет поскакивает на своем добре коне, а злаченым доспехом посвельчивает. А иные лежат посечены у Дуная великаго на брези.

И в то время стару надобно помолодети, а удалым людям плечъ своих попытать. И молвяше *Ослабе чернец своему брату Пересвету* старцу: «*Брате Пересвете, вижу на теле*

твоим раны великия. Уже, брате, летети главе твоей на траву ковыль, а чаду твоему Иякову лежати на зелене ковыле траве на поле Куликове на речке Напряде за веру крестьянскую и за землю за Рускую и за обиду великого князя Дмитрея Ивановича» (У) {л. 182 об. — 184}.

Пресвета чернца бранского[В ркп.: банского.] боярина привели на судное место. Говорит Пересвет чернец великому князю Дмитрию Ивановичу: «Государь князь Дмитрий Иванович, лучъжи ш бы нам, господине, посеченым быти, нижи полоненым быти от паганых татар». То же деи Пересвет чернец[В ркп.: чернц, но выносная р написана в виде титла.] поскакивает на своем борз-дом кони, золотым доспехом посвещаючи. А многая иная дружина лежит у великом Дону побита и постреляна.

И рече: «Добре тут, брате, стару помолодети, а молодому чести добыти, плечи своих[В ркп.: свих.] испытати». Говорит У слабо чернец брату своему Пересвету чернцу: [В ркп.: ченцу.] «Брате Якове, вижу на теле твоём многия раны. Пасти главе твоей на траву ковылу, брате чадо Якове, на зелену ковылу за землю Рускую и за обиду великого князя Дмитрея и за брата его князя Володимера Ондре-евича» (С) {л. 40–40 об.}.

В рассказ Пространной редакции о Пересвете вставлена фраза о его «суженом месте» («суженое место» добавлено и в фрагментах № 20, 27).[Источник сведений о том, что Пересвет был брянским боярином, — Никоновская летопись («Пересвет... бывший прежде боярин Брянский». ПСРЛ. Т. II. С. 65). «Сужено место» есть также в Сказании (Повести. С. 75).] Сюда же совсем неоправданно перенесена фраза «стару помолодится» (см. фрагмент № 16), к которой к тому же прибавлено «а молодому чести добыти, удалым плечь попыта-ти» (основано на материалах Сказания: «хотать себе чьсти добыта»). [Повести. С. 56, 90, 130. Выше в И1 — «храбрых плечев испытаем» («храбрых своих испытаем» У, в С нет). О месте фразы сходно с нами см.: Krālik. S. 111.] В К-Б эта фраза — логическое следствие радостной вести о Куликовской битве. Фольклорный образ Пересвета, который «поскакивает на вёшем сивце», заменен в И1 и сходных «на борзом кони, а злеченым доспехом посвечиваше», т. е. привычным литературным штампом.[Ср.: La Zadońścina. Р. XVI, 28, 41; Krālik. S. 97. Сходные явления обнаруживаются ниже (вместо «сырую землю» вторично — на траву «ковылу», вместо раны «на сердци твоём тяжки» — «на теле твоём»)].

Призыв Пересвета «навергнуться на мечи» в Задонщине (казалось бы, странный для монаха) навеян «Историей Иудейской войны» Иосифа Флавия. В ней Елеазар, обращаясь к обреченным на гибель иудеям, произнес: «Потщимся добре умереть... донде же руки наша не связаны суть, а мечи в них, да послужать нам службу подобну. Да умрем не поработившися иноплемеником». В итоге «вси иссекоша своя, акы скоты... Потом же выгрузи мечь весь в чрево и приложися к своим».[Мещерский Н. А. История Иудейской войны... С. 462–463 (кн. VII, гл. 8–9). См. также: Krālik. S. 112–113.] Более отдаленную параллель Краткой Задонщине можно найти в Повести о разорении Рязани. Здесь князь Юрий перед гибелью в славной битве с татарами говорит: «Лутче нам смертию живота купите, нежели в поганой воли быте».[Воинские повести. С. 11.] Мотив «нежели полоненым быте» (И1) в устах воина, идущего на ратный подвиг, менее мотивирован, чем «нежели от поганых положенным пасти» (К-Б). Скорее всего, «полоненым» появилось в результате осмысления слова «положенным».[А. Вайян считает «положенным» опиской вместо «полоненым» (La Zadońścina. Р. 6).]

В. П. Адрианов-Перетц смущает поведение Пересвета перед поединком, якобы изображенное в Задонщине, «с полным забвением того, что он чернец». Но Пересвет был не простой монах, а в прошлом брянский боярин. К тому же Задонщина — эпическо-воинская повесть, а не хроникальная запись событий. В ней герои действуют сообразно дружинным представлениям автора.

Н. К. Гудзий (а вслед за ним и В. П. Адрианов-Перетц) считает искусственной и потому вторичной по сравнению со Словом («дѣти бѣсови кликомъ поля прегородиша») метафору К-Б «свистом поля перегороди».[Гудзий. По поводу ревизии. С. 100–101;

Адрианова-Перетц. «Слово» и «Задонщина». С. 155.] Но в данном случае в Краткой редакции помещен вполне эпический образ богатыря, скачущего на «вещем сивце», в Пространной редакции он перенесен в другое место и явно ухудшен: «русские сынове поля... кликом огородиша» (фрагмент № 25). В Слове о полку Игореве изображение сходно с Пространной редакцией. А какие чудеса совершал эпический герой своим свистом, хорошо известно по былинам о Соловье Разбойнике:

От него ли — то от посвисту соловьяго

...Что есть людей, то вси мертвы лежат.[Илья Муромец. М.; Л., 1958. С. 32.]

Этого мало. Соловей своим свистом преграждает «прямоезжую дорогу», как Пересвет поле.[На это обстоятельство мое внимание обратил Б. Ф. Поршнев.]

Очень интересно наблюдение О. Г. Воронковой о том, что упоминаемая в К-Б «белая» ковыль выдает нам южанина (Софония Рязанца), знающего, что к сентябрю уже ковыль седеет.[Воронкова О. Г. Морфология Задонщины по спискам XV–XVII вв. Л., 1954 (кандидатская диссертация, рукопись). С. 36.] В И1 и сходных — ковыль «зеленая». Здесь северянин заменил непонятное ему слово «белая» на привычное — «зеленая».[В протографе Пространной редакции находилось чтение «на зелену ковылу» (в соответствии с чтением «но зелену ковылу» С и сходным порядком слов в К-Б). Текст «на землине» (И1) О. Кралик справедливо считает опиской (Krälik. S. 114).]

Но представим себе, что первоначально в Задонщине читалось «зеленая ковыль». Тогда нам придется допустить, что автор этой повести и современник самой Куликовской битвы механически перенес этот образ из Слова о полку Игореве («на канину зелену»),[О сходстве контекстов «канины» Слова и «ковылы» Задонщины см. ниже, в главе II.] не учтя, что в сентябре ковыль седеет. Одно допущение повлечет за собою и второе: нужно будет предположить, что позднейший автор конца XV в., который не был участником Мамаева побоища и жил не в Рязани, а где-то на Севере или на Северо-Востоке Руси, исправил ковыль на «белую», ибо откуда-то узнал свойства этой травы. Подобное построение, требующее целого ряда произвольных допущений, конечно, искусственно.[О. Кралик отдает предпочтение чтению «белая ковыль», исходя из текстологических соображений (неясное понятие заменяется трафаретным). См.: Krälik. S. 114–115.] Сам же образ тела, лежащего на ковыли, встречается в Повести о Рязани.[«Лежаша на земли песте, на траве ковыле» (Воинские повести. С. 15).] С традицией рязанской литературы связывает Краткую Задонщину и выражение «з дивными удалци» (фрагмент № 21); «удальцов», «храбрых удалцов» хорошо знает та же Повесть о Рязани. В той же Повести рязанские княжата рассматриваются как «государи рода Владимира Святославича».[Воинские повести. С. 11, 14–16.] И здесь, следовательно, наблюдаются элементы сходства с Краткой Задонщиной. Церковный характер Пространной редакции мог сказаться и на добавлении слова «чернец» для Пересвета и Осляби, хотя Пересвет назван «чернецом» ниже в фрагменте № 19 К-Б.

Принимая чтение списка И1 «на ковыли земли не лежати», М. Н. Тихомиров считает, что оно понятно, так как «Яков Ослебятев остался в живых... Слова о Якове Ослебятеве, что он не будет убит, указывают на определенную среду митрополичьих бояр, во всяком случае на московскую, а не рязанскую среду».[Тихомиров. Средневековая Москва. С. 263.] Чтение И1 явно дефектно, оно противоречит и общему смыслу фрагмента, говорящего о предсказании гибели героев, и всем остальным спискам Задонщины (К-Б, У, С). К сожалению, М. Н. Тихомиров не привел данных, подтверждающих его мнение о том, что Яков Ослебятев остался в живых после Куликовской битвы.

Отрывок «удалым плечь попытати» (отсутствующий в К-Б, фрагмент № 16), возможно, является дополнением к ясному тексту о Пересвете и Ослябе как о пожилых воинах.[См. также: Krälik. S. 110.]

Фрагмент № 18. Поле боя.

Краткая редакция:

Уже, брате, *пастуси не кличють*, ни трубы не трубять, *только часто вороны грають*, зогзици кокують, на *трупы* падаючи {К-Б, л. 127 об.}.

Пространная редакция:

В то время по Рязанской земли около Дону *ни пастуси кличут*, но *одне вороне грають*, *трупы* ради человеческого. Грозно бо бѣше и жалостно тогда слышати, зане трава кровью полита, а дрѣвеса к земли тугою преклонишася (И1) {л. 220 об.}.

И в то время по Рязанской земле около Дону ни ратаи, ни пастухи в поле не кличут, но едины вороны грают, трупы ради человеческия. Грозно и жалостно в то время бѣше тогда слышати, занеже трава кровию полита бысть, а дрѣвеса тугою к земли приклонишася (У) {л. 184}.

В тоя ж время по Рязанской земли ни ратой, ни постух не покличет, но *только часто* вороны играют, *трупы* человеческого чают. Сего ради грозно, жалосно видети крови христианское, зоне ж трава кровью полита, а дрѣвеса тугами приклонишася до земли (С) {л. 40 об.}.

По К-Б, Ослябя, предсказав грядущую гибель Пересвета, как бы в подкрепление своих предчувствий ссылается на то, что на поле боя уже «пастуси не кличють», а «зогзицы» падают на трупы. Перед нами картина будущего, которая провиделась Ослябей. В списках Пространной редакции текст о поле боя вынесен «за скобки» и дан от имени автора. В него внесено уточнение, что «пастуси не кличут» не вообще, а именно «по Рязанской земли», причем в «то время», т. е. после побоища. [См. дополнительные соображения О. Кралика (Królik. S. 147).] Опустошение Рязанской земли было, как подметил Д. С. Лихачев, «значительно раньше» (самой Куликовской битвы), [Лихачев. Черты подражательности «Задонщины». С. 96, ср.: Królik. S. 115–116] и поэтому вряд ли это несоответствие действительности было в первоначальной Задонщине. [Возможно, упоминание о разорении Рязанской земли было сделано под влиянием рассказа о «пленении Рязанских земель от Мамаа», помещенного в Никоновской летописи (ПСРЛ. Т. 11. С. 43).]

В К-Б фраза о том, что «только часто вороны грають», вложена в уста Осляби и является как бы подтверждением его предсказания гибели Пересвета и Якова. В И1 она значительно расширена и дана от имени автора. Материалом для вставок явилось Сказание. [Слова «трава крови полита» взяты из более раннего «кровью земля полита» (см. фрагмент № 16).]

Задонщина: Грозно бо бѣше и жалостно тогда слышати (С видети крови христианское. — А. 3.), зане трава кровью полита, а дрѣвеса к земли тугою преклонишася {л. 220 об.}.

Сказание:...дрѣва прекланяются... (Повести. С. 61). Грозно, братие, зрети тогда, а жалостно видети и грѣко посмотриши человеческого кровопролитна (Повести. С. 72).

Зогзица «кокующая» — это не кукушка, а чайка. Она «кигикает» (укр.). [Шарлемань Н. В. Из реального комментария к Слову о полку Игореве // ТОДРЛ. М.; Л., 1948. Т. 6. С. 115.] Выражение К-Б «на трупы падаючи» более точно передает суть дела (вместо «трупы ради человеческого»): чайки садятся на падаль. [Воронкова О. Г. Морфология Задонщины... С. 42. В данном случае текст Пространной редакции отредактирован по Сказанию («трупы человека, аки сѣнныя громады». Повести. С. 72). О фрагменте также см.: Królik. S. 98.] Чтение «пастуси не кличють» (К-Б) более первоначально; два подлежащих (ратаи и пастухи) при одном сказуемом (кличут) необычны в структуре фразы Задонщины.

Мотив зверей и птиц, питающихся трупами воинов, есть и в Библии: «Рече Давид... Дам тело твое и телеса полка иноплеменнича в день сей птицам небесным и зверем земным» (1 Царств. 17: 45–46).

Фрагмент № 19. Перечень погибших воевод

Краткая редакция:

Тогда же не тури възрыкають на поле Куликове на речке Непрядне, взопашши избиении от поганых князи великих и бояр сановных, князя Федора Романовича Белозерского и сына его князя Ивана, Микулу Васильевича, Федор Мемко, Иван Сано, Михайло Вренков, Иаков Ослебятин, Пересвет чернец и иная многая дружина {К-Б, л. 128}.

Пространная редакция:

Не тури възгремели на поле Куликове, побежени у Дону великого. То ти не туры побежени, посечены князи рускыя и воеводы великого князя и князи белозерстии посечени от поганых татар: Федор Семенович, Тимофей Волуевич, Семен Михайлович, Микула Василевич, Ондрей Серкизович,[В ркп.: Серпизович.] Микула Иванович и иная (И1) {л. 220}.

Не тури възгремели у Дунаю великого на поле Куликове. И не тури побеждени у Дунаю великого, но посечены князи руские и бояры и воеводы великого князя Дмитрея Ивановича, побеждени князи белозерстии от поганых татар: Федор Семенович, да Семен Михайловичу да Тимофей Волуевич, да Андрей Серкизович, да Михайло Иванович, и иная многая дружина (У) {л. 182–182 об.}.

Не турове рано возрули на поли Куликове,[В ркп.: кове.] возрули воеводы силныя, бояре великаго князя Дмитрея Ивановича, вой и князя белоозерстии, побитыи и посеченыи от паганых татар: Федор Семенович, Ондрей Серкизович, Михайло Иванович, Семен Михайлович, Микула Васильевич, Тимофей Волуеч, иная многа дружина у Дона на березе лежит побита и постреляна (С) {л. 40}.

Речи Пересвета и Осляби, а также картина боя (фрагменты № 17 и 18) в К-Б предшествуют перечню погибших воевод, и это естественно: Ослябя предсказывает гибель своего сына Якова, упоминаемого ниже.[Ю. К. Бегунов считает, что Андрей Ослябя принял позднее постриг с именем «Иродион» (Бегунов Ю. К. Об исторической основе... С. 504). Это ошибка. Андрей Ослябя и во время Куликовской битвы был монахом. Он с тем же именем фигурирует как боярин митрополита Киприана в 1483 г. (АФЗХ. М., 1951. Ч. 1. № 1. С. 24). Посланный в Царьград чернец Родион Ослебятин, бывший любутский боярин, был просто родичем Андрея (ПСРЛ. М.; Л., 1963. Т. 28. С. 88; Веселовский С. Б. Феодалное землевладение в Северо-Восточной Руси. М.; Л., 1947. Т. 1. С. 416–417).] Этот порядок нарушен в списке И1 и сходных: здесь перечень погибших (фрагмент № 19) дан ранее предсказания Осляби и картины поля боя (т. е. непосредственно перед фрагментом № 17).

Совершенно аморфны рассуждения Р. П. Дмитриевой, отстаивающей первоначальность композиции списков Пространной редакции. Так, она считает, что «эпизод о Пересвете и Ослябе не связан с окружающим его текстом, поэтому он мог быть помещен и до перечисления убитых и после».[Дмитриева. Взаимоотношение списков. С. 256. Критику по адресу Р. П. Дмитриевой см. также: Krälik. S. 108.] Отнюдь нет. Эпизод — органическая часть текста К-Б, где Яков Ослебятин и Пересвет упомянуты среди погибших воинов. Да и вообще разговор Пересвета и Осляби мог состояться только до того, как произошла битва и стали известны имена убитых. Для того чтобы согласовать перечень и предсказание (перемещенное теперь после перечня погибших на Куликовом поле), составитель Пространной Задонщины связал их с картиной поля боя (фрагмент № 18), изъяс Якова и Пересвета из числа погибших и заменил список убитых новым, который основан на Никоновской летописи.

Пространная редакция: Федор Семенович, Семен Михайлович, Микула Васильевич, Тимофей Волуевич (Так У, И1 после Федора Семеновича. — А. 3.) Ондрей Серкизович, Михайло (Так С, И1 Микула.—А. 3.) Иванович {Реконструкция. См. ниже. С. 447} — ПСРЛ. Т. II. С. 65: ...Феодор Семенович... Семен Михайлович, Микула Васильевич... Андрей Серкизов, Тимофей Васильевич Волуй Окадьевич, Михайло Бренко...

В списках Пространной редакции порядок погибших воевод сбивчив. Но он без труда восстанавливается по перечню воевод в фрагменте № 15, где он устойчив для всех трех текстов (И1, У, С) и совпадает в своей основе с фрагментом № 19. В архетипе Пространной Задонщины Тимофей Валуевич должен идти перед Андреем Серкизовичем, а вместо «Микула» надо читать «Михаил». Наиболее близок к первоначальному порядок воевод в списке У (там после Семена Михайловича только пропущен Микула Васильевич).

Список погибших Никоновской летописи восходит к летописной повести о Куликовской битве.[Повести. С. 37.] Источник его ясен — это синодик Успенского собора (в митрополичьей канцелярии, где велась летопись, этот синодик был хорошо известен). С синодиком сходен и состав погибших, и порядок их упоминания («Дмитрею Манастыреву... князю Феодору Белозерскому и сыну его Ивану... Симеону Михайловичу, Никуле Васильевичу, Тимофею Васильевичу {на полях: Валуеву. — А. 3.},[В примечаниях к изданию Задонщины В. Ф. Ржиги говорил, что в пергаменном синодике на полях приписано «Валуевичу» (Повести. С. 224). Это ошибка. В синодике — «Валуеву».] Андрею Ивановичу Серкизову, Михаилу Ивановичу и другому Михаилу Ивановичу, Лву Ивановичу, Семену Мелику»).[Хрестоматия по истории СССР с древнейших времен до конца XV века / Под ред. М. Н. Тихомирова. М... 1960. С. 524–526.] В конце списка погибших Летописной повести есть прямо ссылка на синодик: «их же имена написаны в книгах животных; zde же токмо написах князей и бояр старейших, воевод, а прочих оставих множества ради».[ПСРЛ. Т. 28. С. 82, 245; Т. 27. С. 75.] Не мог ли этот синодик явиться также источником Задонщины? Сомнительно. Дело в том, что с Никоновской летописью в Пространной Задонщине совпадает и состав погибших воевод, и их порядок. Список Пространной Задонщины восходит именно к Никоновской летописи, где в перечне погибших упоминается «князь Феодор Семенович», а не к Летописной повести, где этого князя нет.[Князь Федор Семенович упоминается в Сказании о Мамаевом побоище среди убитых в другом контексте, откуда его имя и перенесено было в список погибших на поле боя составителем Киприановской редакции Сказания, помещенной в Никоновской летописи.] Отсутствует «Феодор Семенович» и в синодике, и в списке К-Б. Все это подтверждает мысль о том, что Задонщина основана на Никоновской летописи, а не на синодике. Используя Летописную повесть о Мамаевом побоище со списком погибших воевод, основанным на синодике, автор Сказания по Киприановской редакции (Никоновской летописи) включил в список ряд имен, в числе которых были Федор Семенович, Андрей Шуба и Тарас Шатнев. Если бы составители летописи и Задонщины пользовались этим синодиком независимо друг от друга, то в Задонщине можно было бы ожидать и других имен из синодика, которые не попали в летопись. Однако этого нет. Да и вообще представить себе, что Рязанец в конце XIV в. пользовался текстом митрополичьего синодика, весьма затруднительно. Практика рассылки синодиков на места известна в XVI в., но чтобы подобное было в XIV в., нам неизвестно. К тому же местные синодики не сохранили следов поминаний, восходящих к тексту синодика Успенского собора.

Отсутствие имени князя Федора Семеновича в Летописной повести, синодике и К-Б не случайно: такого князя на Куликовом поле вовсе не было.[Бегунов Ю. К. Об исторической основе... С. 493–494.] Тогда если считать список К-Б позднейшим сокращением, то придется допустить, что его составитель лучше, чем современники, знал об отсутствии среди погибших в Куликовской битве князя Федора. Удивительная осведомленность!

Список погибших в К-Б первичен (хотя в согласовании имен допущена ошибка);[В реконструкции текста принимаем чтение Я. Фрчека («Феодор Романович Белозерский и сын его князь Иван»). Р. О. Якобсон объясняет ошибку в перечне К-Б зависимостью от формулы синодика: «помянут... Федора Романовича» (Jakobson. Sofonija's Tale. P. 31). Сходно С. Н. Азбелев считает, что упоминание в ином падеже белозерских князей и Микулы Васильевича «вставлено, вероятно, на основании Синодика» (Азбелев.

Текстологические приемы. С. 174). Речь, конечно, не должна идти о синодике убиенных в 1380 г., а о формуле синодика вообще, т. е. списке типа «се аз» (см.: Krälik. S. 141–148). По Р. П. Дмитриевой, составитель К-Б «корректировал» список убитых, известный ему по протографу на основании синодика (Дмитриева. Взаимоотношение списков. С. 260). Но именно вторая часть К-Б как раз и не совпадает с Пространной Задонщиной.] в нем указаны некоторые лица, неизвестные летописям, однако, вероятно, участники битвы (Федор Мемко, Иван Сано).[А. А. Шахматов предлагает расшифровать: Федор Малик и Иван Александрович (Шахматов. Отзыв. С. 184).] Да и предваряющая список погибших фраза в И1 и сходных несет груз приписок. Так, дополнение «побежены у Дону великого» к «возрыкающим турам» не имеет никакого отношения. Выражение «великий Дон» характерно для составителя Пространной редакции. Внесено в нее также дополнение «воеводы великого князя и князи белозерстии», и дважды употреблено слово «посечени». [М. А. Салмина допускает влияние Летописной повести на список погибших и «плач жен» (Салмина М. А. «Летописная повесть» о Куликовской битве и «Задонщина» // «Слово» и памятники. С. 382–383). Вопрос о влиянии Летописной повести на Краткую редакцию Задонщины оставляем открытым ввиду того, что текстологического материала для его решения в нашем распоряжении недостаточно.]

Фрагмент № 20. Плач вдов погибших воинов.

Краткая редакция:

Тогда же *восплакашася* горко *жены боярыни* по своим осподарех в красне граде Москве. *Восплачется жена Микулина Мария, а ркучи* таково слово: «Доне, Доне, быстрый Доне, прошел еси землю Половецкую, пробил еси берези харалужныя,[В ркп.: хараужныя.] *прилелей моего Микулу Васильевича...*». *Восплачется жена Иванова Федосия*: «Уже наша слава пониче в славне городе Москве» {К-Б, л. 128–128 об.}.

Пространная редакция:

Вспели бяше птицы жалостные песни, вси *въсплакалися* кнегини[В ркп.: кне.] и *боярыни* избьенных, воеводины *жены, Микулина жена* Васильевича да *Марья Дмитриева* рано *плакашася* у Москвы у берега на забралах, а *ркучи*: «Доне, Доне, быстрая река, прирыла еси горы каменные, течеша в землю Половецкую[В ркп.: повецкую.]. *Прилелей моего* государя к мне, *Микулу Васильевича*».

Тимофеева *жена* Волуевича *Федосья* тако[В ркп.: так.] *плакася*, а *ркучи*: «Уже веселье пониче в славне гради Москве, уже не вижу своего государя Тимофея Волуевича в животе». Да Ондреева *жена* Марья да Михайлова Оксенья рано *плакашася*: «Се уже нам обема солнце померкне на славне гради Москве. Припахнули к нам *от быстрого Дону* полоняныя вести, носящу великую беду. Выседоша удалыцы з борьзых коней на судное место на поле Куликове».

А уже диво кличет под саблями татарскими (И1) {л. 220 об. — 221}.

И воспели бяше птицы жалостные песни, *восплакашася* вси княгини и боярыни и вси воеводские *жены* о избьенных. *Микулина жена* Васильевича *Федосья* да *Дмитреева жена* Марья рано *плакаша*, у Москвы града на забралах стоя, а *рукот* тако: «Доне, Доне, быстрая река, прорыла еси ты каменные горы и течеша в землю Половецкую. *Прилелей моего* господина *Микулу Васильевича* ко мне». А Марья про съвоего господина то же рекла.

А Тимофеева *жена* Волуевича тако же *плакахуся* и рече тако: «Се уже веселие мое пониче во славном граде Москве, и уже не ви<жу>[В ркп. стерта и вырезана часть текста.] своего государя Тимофе<я> Вол<у>евича, в животе нету». А Ондреева *жена* Марья да Михайлова *жена* Оксинья рано *плакашася*: «Се уже обема нам солнце померкло в славном граде Москве. Припахнули к ним *от быстрого Дону* поломяныя вести, носяще великую беду и сседша удалыцы з добрых коней на суженое место на поле Кулико<в>е[В ркп.: Куликое.] на речки Напряде» (У) {л. 184–185 об.}.

Вспели птицы жалосными песнями, *восплакали* кнегини и боярыни избьенных мужей. *Микулина жена* Марья рано *плакаше* у Москве града но заборолех, а *рекучы* так:

«Доне, Доне, быстрая река, прорыла есть каменья горы, течешы в землю Половецкую, прилелей моего господаря ко мне Микулу Васильевича».

Тимохвеева жена Настасья тако ж плакашеся рано, а рекучы: «Ужо веселие мое пониче у славном городе Москве. Уже государя моего Тимохвея в животе не вижу». Андреева жена Марья да Михайлава жена Оксинья рано ж плакашеся: «Уже нам солнце померкло во славном граде Москве. Припахнули нам от быстрого Дону поломяныя вести, носяше великую беду, мужей наших раты прибили. Изседоша удалцы из борздых коней на судное место на поли Куликове, положили головы своя от святых Божья церкви за православную веру христианскую и за господаря великаго князя Дмитрия Ивановича и брата его князя Володимера Андреевича».

Вжо, брате, диво кличет под шаблю татарскою, а тым богатырем слава и честь и вечная[В ркп.: вечя.] память от бога милость (С) {л. 40 об. — 41}.

Плачи — один из ярких элементов русских повестей XIV–XV вв. Хорошо известен, например, плач княгини Евдокии над мертвым Дмитрием Ивановичем (Житие Дмитрия Донского),⁴²⁸ плач Ингваря Ингваревича по убитым братьям из Повести о разорении Рязани.

Плачи вдов погибших воинов в Пространной Задонщине резко отличаются от К-Б. [Некоторые мотивы плачей взяты из фрагмента № 21 К-Б.] Прежде всего они искусственно оторваны рассказом о Пересвете и Ослябе от текста о гибели мужей, по которым плачут их вдовы. Число плачей увеличено, а имена вдов изменены в соответствии с новым списком погибших. Так, в списке появились Тимофей Волуевич, Андрей Серкизович и Михайло Иванович — одновременно их жены помещены среди плачущих. Причем если Федосия в К-Б была вдовою неясного Ивана, то здесь она стала вдовою Тимофея Волуевича (в отчестве Тимофея допущена неточность — у Тимофея Волуя отцом был Василий). В плачах И1 и сходных заметны стилистические повторения (дважды употреблено выражение «в славном граде Москве», восходящее к К-Б).

Обращаясь к Дону, жена Микулы Васильевича Марья говорит, что он пробил «берези харалужныя» (К-Б). По мнению Н. К. Гудзия, это — «явно бессмысленное выражение», ибо слово «харалужныя» «представляет собой противоестественный эпитет к „берези“ и без понимания попало сюда из „Слова“, где идет речь о харалужных мечях». [Гудзий. По поводу ревизии. С. 87. Д. С. Лихачеву также «что такое „берези хараужныя“ или „харалужные“ — совершенно неясно» (Лихачев. Черты подражательности «Задонщины». С. 98).] Но чтение списка К-Б отнюдь не бессмысленно. «Берези харалужные» следует переводить «берега гибельные» (от чагатайского «хараблиг», гибель).[Ржиг В. Ф. Восток в «Слове о полку Игореве» // «Слово о полку Игореве». М., 1947. С. 178–182; Mazon A. La Campagne d'Outre-Don de 1380. P. 25; См. также: Радлов В. В. Опыт словаря тюркских наречий. СПб., 1899. Т. 2. Стб. 1667–1668. Пропуск надстрочного «л» в слове «хара<л>ужные» списка К-Б — обычная описка в рукописях XV–XVII вв., ср. там же: «копия харалужныя».] Именно из этого выражения произошли «горы каменые» И1 и сходных (ведь создатель первоначальной Задонщины Софоний был по происхождению выходцем из татарской среды[Седельников. Где была написана «Задонщина»? С. 535–536; Ржиг В. Ф. О Софонии Рязанце//Повести. С. 401–405.] и его знакомство с восточными языками более чем вероятно). К тому же в обеих редакциях есть выражение «копия харалужныя» (гибельные).[Наконечники копий XI–XIV вв., во всяком случае в Прибалтике, делались из дамасской стали (Аптейп А. К. Наконечники копий из сварочной узорчатой (дамасской) стали в древней Прибалтике//Советская археология. 1963. № 4. С. 167–178). Поэтому вряд ли можно считать (как это делает А. В. Арциховский), что «копья харалужные» Задонщины «подозрительны» (Обсуждение одной концепции. С. 138).] В К-Б оно координирует с харалужными берегами, а в списках Пространной редакции как бы повисает в воздухе.

Чтение «берези харалужные» можно признать по сравнению с «горами каменными» первичным и по текстологическим причинам. Д. С. Лихачев справедливо пишет: «В

текстологической практике более трудному чтению (*lectio difficilio*) приходится обычно отдавать предпочтение, считая его более древним, так как естественнее допустить образование легкого чтения из трудного, чем трудного из легкого».[Лихачев Д. С. К вопросу о реконструкциях древнерусских текстов//Исторический архив. 1957. № 6. С. 164.]

Если считать, что «горы каменные» в Задонщине появились под влиянием Слова о полку Игореве и лишь позднее были заменены «харалужными берегами», то нам придется столкнуться и еще с некоторыми трудностями. В самом деле, почему современник и очевидец битвы 1380 г., упоминая о «горах каменных», обнаружил полное незнание места, где происходило побоище? Зачем понадобилась позднейшему редактору замена понятного образа «каменных гор» на столь вычурный, как «харалужные берега»? Но может быть, замена была произведена для придания памятнику большей образности? Тоже сомнительно. Откуда вообще автору могло быть известно значение столь редкого слова — «харалужные»? Упоминание в Задонщине «харалужных копий» не дало бы ему прочной опоры для создания образа «харалужных (гибельных) берегов». Словом, допущение первичности чтения «горы каменные» ведет к стольким несуровицам, что от него приходится отказаться.

«Горы каменныя» на Дону автор Пространной Задонщины ассоциировал с «берегами харалужными» под влиянием Никоновской летописи, где он нашел это наименование в Хождении Пимена (1389 г.) в Царьград при рассказе о путешествии его по Дону.[ПСРЛ. Т. 11. С. 96.] Мы помним, что в фрагменте № 8 также могут быть обнаружены следы знакомства составителя Пространной Задонщины с этим Хождением («Межу Чюровым и Михайловым»).

Глагол «прорыла» (И2, У, С) выводится из «пробила» (К-Б) палеографически: в XVI–XVII вв. есть сходные начертания «б» и «р».[Черепнин Л. В. Русская палеография. М., 1956. С. 362, 365. «Перемена „р“ на „б“, — пишет по другому случаю Д. С. Лихачев, — легко оправдывается палеографически — особенно для скорописи» (Лихачев. Текстология. С. 152). Возражения, сделанные Р. П. Дмитриевой, Л. А. Дмитриевым и О. В. Твороговым, нам не представляются убедительными. Так, наши оппоненты считают маловероятным совпадение палеографических описок «в четырех независимых друг от друга списках» (Дмитриева, Дмитриев, Творогов. По поводу. С. 114). Ну почему же в «четырех» — всего в двух текстах: К-Б и Слове. Замена грамматической формы («пробиль» — «прорыла») объясняется не опиской, конечно, а изменением подлежащего (вместо Дона — река), а совпадение — тождеством рода двух разных подлежащих (Дон в К-Б и Днепр в Слове). Буква «б» не была «в выносном положении перед гласной», а выносилась с нею (случаи вынесения согласной со следующей за ней «и» очень хорошо известны). Далее, оппоненты считают, что тексты должны быть написаны «полууставом или в крайнем случае беглым полууставом, в котором выносные „р“ и „б“ различались довольно четко» (Там же). И опять презумпция: список, имевшийся в распоряжении автора Слова, скорее всего, был поздний. Во всяком случае эту возможность отвергнуть нельзя. Наконец, соображение Р. П. Дмитриевой о том, что в данном случае К-Б передает первоначальное чтение, так как С мог подвергаться влиянию «извода Унд.» (Дмитриева. Взаимоотношение списков. С. 114), не может приниматься во внимание, ибо сам тезис об этом влиянии не доказан исследовательницей (см. Приложение).] Выражение «прилелей моего государя ко мне» стилистически нескладно: речь идет о том, чтобы Дон приглубил погибшего Микулу Васильевича (К-Б). Дон, кроме того, никак не мог доставить в Москву тело убитого Микулы.[«По Дону нет пути для возвращения в Москву» (Лихачев. Черты подражательности «Задонщины». С. 97).] Формула «слава пониче» (К-Б) была заменена словами «веселье мое пониче» (в другом случае «солнце померкло»). Фраза И1 и сходных списков «въспели бяше птицы жалостныя песни» повторяется еще раз ниже в фрагменте № 21 («Туто щурове рано въспели жалостныя песни... то ти было не щурове рано въспеша жалостныя песни»), а «суженое место» — в фрагментах № 17, 27 и Сказании.[«вам,

братья... сужено место лежати» (Повести. С. 75).] Наконец, фраза о диве навеяна предшествующим текстом («кликнуло диво» в фрагменте № 16) и Сказанием о Мамаевом побоище. В данном случае, как и в фрагменте № 16, «диво» выступает провозвестником («кличет») новостей, но на этот раз, как «девицы» Сказания, — печальных. По О. Кралику, «диво» генетически связано с «дивными» (удальцами) из К-Б.[Krālik. S. 87.] «Под саблями татарскими» погибли многие русские воеводы. Вместе с дивом жалостные песни поют и «щурове» (маленькие пичужки).

Выражения «уже... в животе нету», «от быстрого Дону» Пространной редакции восходят к фрагменту № 21 Краткой.

А. Вайян обратил внимание на то, что наречию «горко» К-Б соответствует «рано» И1, У, С или, точнее, — «рамно». Он полагает, что в одном из списков XV в. в К-Б «горко» было заменено словом «рамно», а уже это наречие в XVI в. (в протографе Пространной Задонщины) дано как «рано».[Vaillant A. Jaroslavna rano plačēt//RES. 1949. T. 25, fase. 1–4. P. 106–108.] Действительно, в древнерусских текстах наречие «рамно», «рамено» (сильно, сурово) употребляется в сходных контекстах: «въскрича рамено» (Георгий Амартол, рукопись XV в.), «Кличь рамя» (Ипатьевская летопись под 1174 г.), «рамяне глагола им» (Златоструй XII в.) и др.[Срезневский. Материалы. Т. 3. Стб. 66.] Таким образом, «рано» списков И1, У, С (и сходного контекста Слова о полку Игореве) следует считать вторичным по сравнению с «горко» К-Б.[Кстати, «восплакашася горко» К-Б находит параллель и в «прослезися горко» (И 1, И 2, У) или «заплакал горко» (С), а также «въсплакася горько» Сказания (Повести. С. 67).] Вероятно, превращение «рамно» в «рано» произошло под влиянием фольклоризации текста. Плач ранним утром хорошо известен в песенной традиции[Jakobson R. За шоломянем / За Соломоном. P. 538–539.].

Формула «вси въплакалися кне<гини> и боярыни избьенных, воеводины жены» (И1) или «вси княгини и боярыни и вси воеводские жены о избьенных» (У) восходит к Сказанию: «княгини же великаа... с воеводскими женами и з боярынями».[Повести. С. 55.]

Фрагмент № 21. Плач коломенских жен.

Краткая редакция:

Не одина мати чада изостала, и жены боярския мужей своих и осподарев остали, глаголюще к себе: «Уже, сестрици наши, мужей наших в животе нету, покладоша головы свои у быстрого Дону за Русскую землю, за святую церкви, за православную веру з дивными удалци, с мужескими сыны» {К-Б, л. 128 об.}.

Пространная редакция:

Туто щурове рано въспели жалостные песни у Коломны на забралах на воскресение на Акима и Аннин день.

То ти было не щурове рано въспеша жалостныя песни, все въплакалися жены коломенския: «Москва, Москва, быстрая река, чему еси у нас мужи наши залелеяла в земљу Половецкую?». А рькучи: «Можеши ли, господине князь великий, весла Непра запрудити, а Дон шлемом вычерпати, а Мечю трупы татарскими запрудити? Замькни, князь великий, от сих ворота, чтобы потом поганые к нам не ездили. Уже бо мужи наши рати трудили» (И1) {л. 221–221 об.}.

И восплакалися жены коломеньские,[в ркп. бумага вырезана.] <а рку>т тако: «Москва <Москва, бы>страя[в ркп. бумага вырезана.] река, чему еси залелеяла мужей наших от нас в земљу Половецкую?». И ркут тако: «Можешь ли, господине князь великий, веслы Непр запрудить? Замкни, государь князь великий, Оке реке ворота, чтобы потом поганые татаровя к нам не ездили. Уже мужей наших рать трудила» (У) {л. 185 об. — 186}.

Не щурове рано воспели в Коломных городах на заборолех на воскресение Христово на Акыма и Анны днесь. То ти быша не щурове рано воспели, восплакалися жены поломяныя. И рекучи так: «Москва, Москва, быстрая река, чему еси золелеяла мужей наших от нас в земљу Половецкую? Государю княже великий Дмитрий Иванович,

можеш ли реку Дон зоградити и шеломи ичерпати, а реку Мечну трупы татарскими зоградити? Замкни, государю великий княже Дмитрей Иванович, реце отчин ворота, што ж бы тые поганые татарове и потом к нам не бывали. Уже бо мужей наших прибыла от рати поганых татар» (С) {л. 41}.

...положили головы своя от святых Божия церкви за православную веру христианскую и за господаря великого князя Дмитрея Ивановича и брата его князя Володимера Андреевича (С) {л. 40 об.}.

Вместо краткого и выразительного плача «боярских жен», завершающего Краткую редакцию Задонщины, в Пространной читается плач «коломенских жен». Коломенский мотив навеян Сказанием, в котором говорится, что Дмитрий Донской отправляется на бой через Коломну, а также Никоновской летописью, где сообщается о возвращении великого князя в столицу через Коломну.[Повести. С. 56; ПСРЛ. Т. II. С. 67.] О. Кралик считает дефектным начало отрывка по К-Б.[Krälik. S. 87–88. Изостать — уцелеть, остаться в живых (Срезневский. Материалы. Т. I. Стб. 1079).]

Пространная редакция сообщает, что о битве на Куликовом поле в Коломне стало известно уже 9 сентября, т. е. на следующий день, причем «рано», т. е. утром.[Тихомиров. Средневековая Москва. С. 259–260.] «Весть о битве, — пишет М. Н. Тихомиров, — могла действительно прийти на Коломну уже 9 сентября, от гонцов великого князя. Кто мог записать такую деталь, как не московский или коломенский житель».[Появление наречия «рано» в фрагменте № 21 Пространной Задонщины соответствует замене «горко» — тем же наречием в плаче из фрагмента № 20.] Это, на наш взгляд, вообще невероятно. Зная маршрут движения войск Дмитрия Донского, можно установить, что гонцы должны были проехать более 220 км за кратчайший срок — менее суток. Это практически невозможно. В истории войн, пишет один из виднейших знатоков военного искусства, В. Г. Федоров, «отмечаются исключительные случаи, когда при форсированном кратковременном марше войска (речь идет о конных войсках.—А. 3.) проходили даже до 100 верст в сутки».[Федоров В. Г. Кто был автором «Слова о полку Игореве» и где расположена река Каяла. М., 1956. С. 41.] Но дневных переходов в 200 с лишним верст история не знает.

Конечно, можно при очень благоприятных условиях допустить, что гонцу все-таки удалось проскакать за сутки 200–220 км. Но не менее вероятно и другое. Ведь рассказом о плаче обрывается текст, общий для Краткой и Пространной редакций Задонщины. Тогда добавление даты 9 сентября легче допустить, чем ее исключение: ее могли ввести, чтобы связать рассказ с приписанной заново второй частью Задонщины. Таким образом, дата могла и не иметь под собою реального содержания, а быть чисто литературного происхождения: раз битва произошла 8 сентября, то плач по убитым воинам, полагал составитель, должен быть на следующий день.[Гораздо более правдоподобно сообщение Сказания по списку ГБЛ, Муз., № 3123 (л. 61). Здесь плачам вдов (заимствованным из Задонщины) предпослано введение, сообщающее, что печальные вести достигли Москвы на четвертый день после битвы («В то те время прииде весть к Москве в четверты день после бою на память преподобных Феодоры Александриския к великой княгине Евдокии... и сказаши, кои побиты»). То же самое в списке ГИМ, собр. Уварова, № 492/1435, л. 69 об.]

Некоторые мотивы плача взяты из предшествующего текста Пространной редакции Задонщины.

Пространная редакция по III: Туту щурове рано въспели жалостные песни... То ти было не щурове рано въспеша жалостныя песни, все въсплакались жены коломенския: «Москва, Москва, быстрая река... залелеяла...»...Дон шлемом вычерпати... — *Источники:* ...въспели бѣше птицы жалостные песни, вси въсплакались княгини... жены... а ркучи: «Доне, Доне, быстрая река... прилелей...» (Задонщина, фрагмент № 20) ...Посмотрим быстрого Дону, сопием шелоом воды (Задонщина, фрагмент № 10).

В соответствии с усилением роли Москвы вводится мотив обращения к Москве-реке, подражающий обращению к Дону.[Mazon. Le Slovo. P. 33.] При этом смысл

фрагмента затемняется: если Дон, по К-Б, должен был «прилелеять» погибших на Куликовом поле, то к Москве обращается неясный вопрос «чему от нас мужи наши залелеяла в землю Половецкую». Как Дон не мог прилелеять погибшего Микулу в Москву (фрагмент № 21), так же и Москва-река не «залелеивала» коломенских воевод на Дон. В обращении коломенских жен к великому князю понятен призыв замкнуть реку Оку, чтобы поганые не ездили на Русь.

Выражение «весла Непра запрудити» (И1, И2, У) вызывает недоумение Д. С. Лихачева: «Это могущество московского князя на Днепре, — пишет он, — непонятно». [Лихачев. Черты подражательности «Задонщины». С. 97.] Перед нами явное позднейшее дополнение. Автор Пространной редакции, найдя «Непру» в Краткой Задонщине и зная о Непрядве как месте Куликовской битвы, ассоциировал этот приток Дона с «Непрою». И действительно все три названные им реки имеют прямое отношение к месту Мамаева побоища: Дон, Меча, Непра (Непрядва).

Фрагмент № 22. Возвращение к Куликовской битве.

Пространная редакция: [Гр҃сек. S. 87 и далее.] Того день святая Богородица исекоша хрес-тяне поганый полкы на поле Куликове на речки Направде (И1) {л. 221 об.} — *Источники:* ...септевриа в 8 день... Рождеству святых Богородица, свитающу пятку (Повести. С. 66, 99, 145).

Пространная редакция: ...в субботу на Рожество святых Богородицы (И1) {л. 220}. Того же дни в субботу на Рожество святых Богородицы (У). Того дня в субботу на Рожество святых Богородицы (С) — *Источники:* ...утру свитающу месяца сентября в 8 день на праздник Рожества пречистых Богородицы (ПСРЛ. Т. 11. С. 58).

Уже Я. Фрчек доказал, что вторая часть Задонщины Пространной редакции, отсутствующая в К-Б, является позднейшим дополнением. [Ibid.] Он обратил внимание на то, что в этой части сюжет снова возвращается к Куликовской битве, хотя Русь уже ранее «одолеша Мамаю на поле Куликове». Плачи коломенских жен, которыми заканчивается К-Б и первая часть И1 и сходных списков, были «на Акима и Аннин день», т. е. 9 сентября, а вторая часть Задонщины Пространной редакции начинается сообщением о битве в субботу на Рождество Богородицы, т. е. 8 сентября. Резкое нарушение хронологии рассказа в Задонщине Пространной редакции начинается именно там, где кончается совпадение текста этой редакции с Краткой. Это, конечно, является сильным аргументом в пользу предположения, что Краткая редакция является источником Пространной.

Д. С. Лихачев одним из последствий закона цельности изображения считает «однаправленность художественного времени. Повествование никогда не возвращается назад и не забегает вперед». [Лихачев. Поэтика. С. 258.] Следовательно, нарушение хронологической перспективы в Пространной Задонщине нужно считать явлением вторичным, неорганичным для первоосновы произведения.

Основной вывод Я. Фрчека — компилятивность второй части Задонщины, которая во многом составлена по материалам первой части памятника и, добавим от себя, по тексту Сказания о Мамаевом побоище. Во второй части Задонщины, как обратил внимание Я. Фрчек, после падения татар, тема разгрома татар превращена в своеобразный апофеоз победы русского оружия. Это, скорее всего, могло произойти уже после падения татаро-монгольского ига в конце XV в.

Считая вслед за С. К. Шамбинаго, что «редакция текста (Задонщины. — А. 3), представленная Кирилло-Белозерским списком, механически сокращена», Д. С. Лихачев полагает, что в ней «описание битвы прервано на половине». Ведь автор Краткой Задонщины не упоминает «ни выступления засадного полка, ни перелома в битве, ни отступления татар после битвы». [Лихачев. Когда было написано «Слово»? С. 140. По Р. П. Дмитриевой, также в К-Б «утрачена вторая часть произведения» (Дмитриева. Взаимоотношение списков. С. 256). Полагая, что Ефросин передает только рассказ о первой части битвы, Р. П. Дмитриева считает завершением списка К-Б краткий летописчик о событиях конца XV в. (Там же. С. 251). Летописец мог быть присоединен к Задонщине

создателем списка К-Б, но это отнюдь не означало, что Ефросин «обратил внимание на незавершенность» найденного им дефектного текста Задонщины. Источник этого летописца обнаружила Р. П. Дмитриева (см.: Зимин А. А. Краткие летописцы XV–XVI вв.//Исторический архив. М.; Л., 1950. Кн. 5. С. 25).]

Но Задонщина — не летописное произведение с тщательным и последовательным изображением фактов Куликовской битвы, а их поэтический синтез, построенный по законам устно-поэтического творчества.

Список К-Б рассказывает не только о первой (неудачной для русских войск) части Куликовской битвы, ибо завершается перечнем погибших воевод и плачем по ним, т. е. естественным концом битвы в целом. Он в поэтической форме воспекает победу русских воинов («того даже было нелепо стару помолодиться»). Именно поэтому нет ничего удивительного, что в самом начале списка К-Б приводятся приметы, предсказывающие победу русского воинства.

В. П. Адрианова-Перетц в письме к Д. С. Лихачеву рассуждала: «Можно ли представить себе такого средневекового писателя, который, рассказав о приметах, потом показал бы, что они не оправдались? Если бы он не был уверен в том, что Куликовская битва была победой русских, зачем же он именно так расставил бы в своем рассказе приметы?».[Лихачев. Когда было написано «Слово»? С. 140–141.] «Если, — пишет Д. С. Лихачев, — большой текст второй половины „Задонщины“ рассматривать как дополнение, сделанное через сто лет после битвы, когда иго было официально свергнуто, то почему именно в это время понадобилось умалять значение современности, бывшей у всех перед глазами, и относить победу над татарами на сто лет назад?».[Лихачев. Когда было написано «Слово»? С. 140.] Но воспоминание о победах русских войск над своим многовековым врагом не было «умалением значения современности» в годы после победы над татарами в 1480 г., ибо борьба продолжалась и в дальнейшем. Создание повестей, прославляющих героизм русских воинов в прошлом, служило делу национального сплочения и завершению борьбы с наследниками Орды.

Различие в идейной направленности Краткой и Пространной Задонщины для Р. П. Дмитриевой, Л. А. Дмитриева и О. В. Творогова «не более чем фантазия».[Дмитриева, Дмитриев, Творогов. По поводу. С. 111.] И вместе с тем они пишут, что в К-Б нет даже упоминания о победе на Куликовом поле! Допустим, что Ефросин сокращал свой текст, но тогда он произвел свою работу так, что исключил все сведения о славных подвигах русских воинов. Даже Царьград и Тырнов в рассказе о том, куда долетела, по Пространной редакции, «слава» о русской победе, он заменил «черемисой» и «мордвой» и простой «вестью» о событиях. Вместо князя Владимира Святославича, введшего христианство на Руси, родоначальником русских князей он сделал всего-навсего Ивана Калиту. Из участников общерусского похода он исключил новгородцев. Это ли не было проявлением определенной политической тенденции, которую не сведешь к чисто «механическому сокращению», как то представляют названные авторы?

Вторая половина Задонщины в Пространной редакции начинается словами: «...в субботу на Рождество святых Богородицы» (И2), «Того день святая Богородица» (И1), «Того же дни в субботу на Рождество святых Богородицы» (У), «Того дня в субботу на Рождество святых Богородицы» (С). По текстологическим основаниям считаем первоначальной фразу в У и С, ибо она повторяется в двух разных изводах. Вместе с тем в ней явная ошибка: выше говорилось уже о воскресении, так что суббота не могла быть «того же дня» (отсутствие этих слов в И2 можно считать результатом редакционной работы составителя этого списка, заметившего несообразность в тексте). Перед нами еще одно свидетельство шва, делящего первую и вторую части Задонщины.

Источником сведения о том, что Куликовская битва происходила на Рождество Богородицы, было Сказание о Мамаевом побоище.[Это сведение перекликается и с Краткой редакцией Задонщины. Но, возможно, в последнем случае является вставкой, характерной для списка К-Б, а не для всей редакции.] Аналогичная вставка сделана была в

Пространной редакции выше, после фрагмента № 16. День недели («в субботу») дан правильное именно в этой редакции.[Ср. в летописной повести о Мамаевом побоище (Повести. С. 34).]

Дата Куликовской битвы в Сказании о Мамаевом побоище не точна: 8 сентября приходится не на пятницу, а на субботу 1380 г.[См.: Poppe A. Z warsztatu staroruskiego redaktora. Przyczynek do studiów nad Zadonszczyn Słowianin w dziejach Europy. Poznań, 1974. S. 175–182.] Но в Никоновской летописи дня недели нет. Поэтому верный день недели Пространной редакции Задонщины мог появиться в результате хронологических расчетов ее составителя.

Фрагмент № 23. Подвиг князя Владимира Андреевича.

Пространная редакция:

И нукнув князь Владимир, гораздо скакаше по рати поганым, златым шеломом посвечиваше. Гремят мечи булатныя о шеломы хыновские. Выхваляя брата своего: «Брате князь Дмитрий Иванович, что ти еси[В И1 слово повторено дважды. Р. П. Дмитриева читала: «есть еси». См.: «Слово» и памятники. С. 544.] у зла времени железная забрала. Не уставай, князь великий, с своими великими полки, не потакай крамолником: [У, С далее — «уже бо».] поганья бо поля наша наступают, а храбрую дружину теряли,[И2 — «стреляли».] трупы челоуечью борз конь не может скочити, в крови по колено бродят. Уже бо, брате, жалостно вибети крови крестьянской. Не уставай, князь великий с своими бояры» (И1) {л. 221 об.}.

Источники:

Пересвет поскакивает... злаченый доспехом посвечиваше (Задонщина, фрагмент № 17).

Сияють доспехы золочеными, гремели князи руския мечи[У далее — «булатными», С — «булатными».] о шеломы хыновския (Задонщина, фрагмент № 16).

...князь Дмитрий, не ослабляй, князь великий, татаром.[У далее — «уже».] Поганьи поля наступают (Задонщина, фрагмент № 14), а хоробрую нашу дружину побивают (Там же, список С).

Борз конь не можешь скочити, а в крови по колени бродяху (Повести. С. 72). Грозно бо баше и жалостно тогда слышати,[С — «видити крови христианское».] зане трава кровью пролита (Задонщина, фрагмент № 18).

Компилятивность этого фрагмента Пространной редакции очевидна. Узнав из Сказания о Мамаевом побоище о ратных действиях Владимира Серпуховского, составитель Пространной редакции не нашел там необходимого конкретного материала о его подвиге и заменил его общими словами из имевшихся в его распоряжении источников.

Фрагмент № 24. Речи Дмитрия Донского.

Пространная редакция:

Рече князь великий своим бояром: «Братия бояре и воеводы и дети боярские, то ти, братие, ваши московьския сластныя меды и великия места себе, своим женам. Туту стару помолодится, а молоду чти добыти». Рече князь великий: «Господи Боже мой, на тя уповах, да не постыжуся в век, ни посмеют ми ся врази мои мне». И помоляся Богу и святии Богородицы и всем святым, и прослезися[С — «заплакал».] горко и утер слезы.

И тогда яко орлы[В ркп.: рлы.] отлетеша на быстрый Дон. То те не орле полетеша за быстрый Дон, поскакивает князь великий с своими полки за Дон с всею силою: «Брате князе Владимире, туту испити медвеная чаша.[И2, У — «медовыя чары поведеные».] Наступаем, брате, с своими сильными полки на рать поганых» (И1) {л. 221 об. — 222}.

Источники:

Добро бы, брате, в то время стару помолодится, а удалым[С вместо двух последних слов — «молодому чести добыти».] плечь попытати (Задонщина, фрагмент № 17).

Господи... Боже мой, на тя уповах, да не постыжуся во век, ниже да посмеют ми ся врази мои (Пс. 24: 1). Соколи и речеты за Дон перевезлися[У — «перелетели». С вместо

фразы — «ястреби и соколи и белозерстии кречеты прилетеша».]... (Задонщина, фрагмент № 16).

Пересвет *поскакивает*... (Задонщина, фрагмент № 17). *Медвяныя чяши пити*... (Повести. С. 56, 90, 130)...*пити* общую *чашу* между собою *поведеную*... (Повести. С. 64, 97, 142). *Князь же великий*... *всплакася горько и рече*... (Повести. С. 67, 146).

...*восплакашася горько*... (Задонщина по К-Б, фрагмент № 20).

Обращение Дмитрия Донского к воинам перед битвой навеяно Сказанием о Мамаевом побоище. И там он говорил, что «гости наши приблизилися и ведуть промеж собою поведеную, преднии уже испиша».[Повести. С. 69, 101, 148.] Такого же происхождения и мотив молитвы великого князя перед битвой. Однако текст в Пространной редакции скомпилирован из разных источников — предшествующих фрагментов Задонщины, Сказания и даже псалмов.

Фрагмент № 25. Описание битвы.

Пространная редакция:

Тогда князь великий *поля наступает*. *Гремят мечи о шеломах хиновъския*, поганый *покрыша* руками *главы своя*. Тогда поганий отступиша назад. *Стязи*[Испр. в ркп.: ктязю. У— «стеzi».] *ревуть*, отступишася от великого князя, поганий бежать. *Руский сынове поля* широкий *кликот огородиша*, *золочеными шлемы осветиша*. Встал уже *тур* оборен.[И2 вместо фразы — «Уже стал во ту(р) на боронь».] Тогда князь великий поганых назад победил и поворотил гораздо на них и бьет горько, тоску им подаваше. Князи их падошася с коней к земли. *Трупы татарскими поля насеяша, а кровью протекли реки* (И1) {л. 222–222 об.}.

Источники:

Поганые *поля* наступают» (Задонщина, фрагмент № 14).

Гремели князи руския мечи булатными о шеломах хыновския (Задонщина, фрагмент № 16).

Покрыша кийждо *главу свою* (2 Царств. 15: 30)...*стязи ревуть*... (Повести. С. 56, 90, 134)...*стязи*... *ревуть*... (Повести. С. 62, 96, 141). (Пересвет) *свистом поля* *перегороди*... (Задонщина, по К-Б, фрагмент № 17)[Об этом см.: La Zadońszcina. P. XII; Królik. S. 97.].

Шоломы *злаченныя*... *светящиеся*... (Повести. С. 63). *Злаченым доспехом* *посвечиваше*... (Задонщина, фрагмент № 17). Не тури возгремели... (Задонщина, фрагмент № 19).

...*сынове же русские*... *гоняще, сечаху их*... (Повести. С. 71, 150).

...*костью татарскими поля* *пасеяша*, *кровию* земля *пролита*... (Задонщина, фрагмент № 16).

...*река три дни кровью текла*... (Задонщина, фрагмент № 27). Реки по три дни *кровию* *течаху*... (Повести. С. 72).

Скомпилированный из Сказания о Мамаевом побоище и первой части Задонщины фрагмент № 25 Пространной редакции, как и предшествующий, ничего нового не сообщает о ходе Куликовской битвы по сравнению со Сказанием.[Мотив покрытия головы — библейский («вси людие, иже с ним, покрыша кийждо главу свою». 2 Царств. 15: 30).] Это говорит о его вторичности.

Фрагмент № 26. Бегство татар и Мамаю.

Пространная редакция:

Тутю ся поганий *разлучишася боръзо, розно побегоши неуготованными дорогами в Лукоморье, а скрегчюще зубы своими и дерущи лица своя*, а ркучи: «Уже нам, брате, в земли своей не бывати, а детей своих не выдати»[И2 далее — «а катун своих не трепати, а трепати нам сыраа земля, а целовати нам зелена мурова».] а в Русь ратью не ходити, а выхода нам у і русских князей не прашивати».

А уже бо встонала земля Татарская, бедами и туюго *покрышася*. Уныша бо царем их *хотение* и похвала на Рускую землю ходити. *Веселие иже пониче. Уже руския сынове*

разграбиша татарская узорочья, *доспехи и кони, волю и вельблуды*, вино, сахарь, дорогое узорочье, камки, насычеве везут женам своим. Уже жены руския *въсплескаша татарским златом*. Уже Русской земли простресе веселье[У далее — «и буйство».] и *възнесеся* слава руская на поганых хулу. Уже *веръжено диво* на землю.

Уже *грозы* великого князя по всей земли текуть. Стреляй, князь великий, по всем землям, стреляй, князь великий, с своею храброю дружиною поганого Мамайа хиновина за *землю Рускую*, за веру христьянскую. У поганых[У вместо последних двух слов — «уже погании».] оружие свое поверъгоша, *главы* своя и *подклониша* под мечи руския. *Трубы их не трубятъ*, уныша бо царем их хотение.[У вместо последних четырех слов — «гласи их».]

И отскочи *Мамай* серым волком от своея дружины и *притече к Кафы граду*. И молвяше ему фрязове: «Чему ти, поганый Мамай[У далее — «посягаешь».] на Рускую землю? То ти была орда Залеская, времена первый. А не быти тебе в Батыя царя. Царь Батый был[У вместо последних трех слов — «У Батыя царя было».] 400 000 вою, воевал всю Рускую землю и пленил от востока и до запада. А казнил Бог Рускую землю за съгрешение. И ты пришел, князь Мамай,[У — «царь».] на Рускую землю с многими силами, с девятью ордами, с 70 князьями, а ныне бежишь сам девят в Лукоморье. В поле тобя князи руския гораздо упилися? И[У вместо последних восьми слов — «Не с кем тебе зимы зимовати в поле. Нешто тобя князи русские гораздо подчивали, ни».] князей с тобою нет, ни воевод. Нечто гораздо упилися на поле Куликове, *на траве ковыли*. Побежи, поганый Мамай, и от нас по Задлешью».

Нам земля подобна есть Руская милому младенцу, умрети (у матери У.—А. 3.), его же мати тешить, а рать лозою казнит, а добрая дела милуют его. И потешить Господь Бог человеколюбец князи руския, великого князя Дмитрия Ивановича и брата его князя Владимира Ондреевича (И1) {л. 222 об. — 223 об.}.

Источники:

Побеже поганый Мамай в Лукоморие, скрегча зубы своими (ГБЛ, собр. Ундольского, № 578: в поле *иеуготованными дорогами, скрецюще зубы своими, дерущи лица своя*), плачуши гръко, глаголя: «Уже нам, братие, в земли своей не бывати, а *катун своих не трепати, а детей своих не видати, трепати нам сыраа земля, целовати нам зеленаа мурова*» (Повести. С. 71, 197).

...побежим *неготовыми дорогами*... (ПСРЛ. Т. II. С. 64).

...Руская земля... *тугою и печалию покрываша*... (Задонщина, фрагмент № 1).

...пригнахом с собою многиа стада: *кони, верблуды, волю*... и оружие их и *доспехы*, и порты их... (ПСРЛ. Т. II. С. 67).

Уже *веселье понице* в славне гради... (Задонщина, фрагмент № 20).

...обогатеем *руским златом* (Повести. С. 44).

Кликнуло *диво* в Русской земли, велит послушати *грозным* землям. *Шибла слава* к Железным вратом... (Задонщина, фрагмент № 16).

...А уже *диво* кличет *под саблями татарскими* (Задонщина, фрагмент № 20).

...*веръжем печаль*... (Задонщина, фрагмент № 1).

...*грозу* подающе... (Повести. С. 145, 66)...не и мать, где главу подклонити (Л к. 9: 54).

...ни *трубы не трубят*... (Задонщина, по К-Б, фрагмент № 18).

...Мамай... *прибеже к граду Кафе*... (Повести. С. 75, 107, 153).

...на *траву ковыль*... (Задонщина, фрагмент № 17).

Начало разбираемого фрагмента Д. Н. Альшиц использует для датировки всей Задонщины. Он полагает, что памятник написан до похода Тохтамыша 1382 г. Ведь после этого Русь снова была обложена данью, и Софоний «не стал бы рисковать убедительностью своего труда и писать, что бегущие с Куликовского поля татары горюют о том, что им не удастся больше ходить на Русь и брать с нее дань».[Альшиц Д. Н. Роль Куликовской битвы в определении национального сознания русского народа//Учен. зап.

ЛГУ. № 36. Серия ист. наук. Вып. 3. Л., 1939. С. 121. К 1380 или 1381 г. относил составление Задонщины и В. Ф. Ржига, основываясь на эмоциональном характере произведения, который, по его мнению, говорит о составлении памятника современником событий (Повести. С. 397).] Но в 1381–1382 гг. еще явно преждевременно было говорить о том, что татарским ханам «уныша хотение и похвала на Рускую землю ходити», а «выхода» у русских князей «не прашивати». Все это как нельзя лучше характеризует более позднюю обстановку, сложившуюся после стояния на Угре в 1480 г., когда действительно «Татарская земля» покрылась «бедами и тугою», а ее ханы уже больше не получали дани с Русского государства. Фрагмент № 26 — одно из самых надежных свидетельств датировки Пространной Задонщины временем не ранее 1480 г.

Мотив поверженного («верженного») дива создан на основе призыва «веръжем печаль на вѣсточную страну» из фрагмента № 1. Русь победила, а ее врагов объяла печаль, а еще недавно «диво» кликало под саблями татарскими, неся с собою смерть русским воинам (см. фрагмент № 20).

По Сказанию о Мамаевом побоище и Летописной повести, Мамай был убит жителями Кафы.[Повести. С. 107; ПСРЛ. Т. 11. С. 69.] По версии, помещенной в Задонщине, кафинцы просто изгоняют Мамаю. Мотив о «похвале» татар и «узорочьих» в Задонщине представляет собою как бы ответ на рассказ Сказания о том, что перед походом на Русь Мамай похвалялся: «обогатеем руским златом», а литовские паны предлагали передать ему «злато и серебро и все узорочье Московские земли».[Повести. С. 112, 113.]

Весь эпизод с бегством Мамаю в Кафу после Куликовской битвы и его гибелью там далек от точного изложения фактов. Как известно, русские войска преследовали Мамаю только до реки Мечи.[Повести. С. 36–37.] Мамай в Кафе погиб значительно позже Куликовской битвы, уже после того, как потерпел новое поражение, на этот раз при Калке от Тохтамыша (незадолго до выступления последнего в поход против Москвы в 1382 г.). [См. об этом у А. Вайяна (La Zadońszcina. Р. XVI).]

В. П. Адрианова-Перетц считала, что в основе рассказа Задонщины о побеге Мамаю лежат народные предания.[Адрианова-Перетц В. П. Историческая литература XI — начала XV в. и народная поэзия // ТОДРЛ. М.; Л., 1951. Т. 8. С. 132.] Однако, по мнению Б. Н. Путилова, его «трудно представить как народное предание». Это «просто одна из многочисленных версий о судьбе татарского царя, разбитого на Куликовом поле».[Путилов Б. Н. Куликовская битва в фольклоре//ТОДРЛ. М.; Л., 1961. Т. 17. С. 126.] Фрагмент о бегстве Мамаю основан в Пространной редакции на Сказании, но имеет и дополнения, восходящие, очевидно, к преданию об обстоятельствах его гибели.

Отрывок о бегстве Мамаю в Лукоморье в Сказании помещен в совершенно естественном контексте: в нем говорится о бегстве Мамаю с несколькими «мужами» и делается логичное заключение «а с дружиною уже нам не видится».[Возможно, 400 000 воев Батия навеяны летописным сведением о русских воинах: «было всех вѣще четырехсот тысяч» (ПСРЛ. Т. II. С. 65).] Этой смысловой нагрузки нет в Задонщине, поэтому следует признать первичность текста Сказания.[Л. А. Дмитриев в данном случае считает Задонщину источником Сказания (Дмитриев. Вставки из «Задонщины». С. 422–423, ср.: Демкова. Заимствования из «Задонщины». С. 464). Критикуя эту точку зрения, О. Кралик первичным считает вариант Задонщины У (Królik. S. 49–51).] Изменение, возможно, произошло под влиянием Никоновской летописи («Мамаа оставиша отнюд в мале дружине»).[ПСРЛ. Т. 11. С. 69.]

Татарская Орда в Пространной редакции называется «Залесской» («то ти была орда Залеская», «Побежи» от нас по «Задлешью»). Это наименование не историческое, а эпическое, вероятнее всего, севернорусского происхождения. Во введении к Задонщине Пространной редакции «Залесской землей», как и в Сказании, называется Северо-Восточная Русь («Мамай пришел на Рускую землю, а идет к нам в Залескую землю»). «Залешанами» называли себя также жители «Залесья» или «Залесской волости» Костромского уезда (в актах конца XV — нач. XVI в.).[АСЭИ. Т. 1. № 584–594; Шумаков

С. А. Обзор грамот Коллегии экономии. М., 1917. Вып. 4. С. 132, 185, ср. также: ДДГ. С. 76, 79.] Дворянин «Залешанин» — герой Сказания о киевских богатырях. Русский посол к Менгли-Гирею 1578 г. Федор Волохов носил прозвище «Залешанин». В былинах «мужики-залешане» входят в «заставу великую». Таким образом «Залесье» в последних случаях связано с диким «полем».[Зимин А. А. Отголоски событий XVI в. в фольклоре//Исследования по отечественному источниковедению. М.; Л., 1964. С. 404–414.] Считая выражение «земля Русская» К-Б вторичным, а «земля Залесская» первичным, Р. П. Дмитриева аргументирует это тем, что «едва ли стали бы в конце XV — начале XVI в. менять название „Русская земля“... на название „Залесская“».[Дмитриева. Взаимоотношение списков. С. 259.] Но эта замена легко могла произойти под влиянием Сказания.[См. также: Królik. S. 47–48]

А. Вайян тонко подметил, что подчеркивание симпатий Кафы и Руси «удивительно, если не думать о времени, когда крымский хан Менгли-Гирей был верным союзником Москвы и участвовал вместе с Иваном III в разрушении Золотой Орды».[La Zadonščina. P. XIV.]

Фрагмент № 27. Перечень погибших воинов.

Пространная редакция:

Меж Доном и Непром на поле Куликове, на речки Направде стал князь великий с своим братом князем Владимиром Ондре-евичем и с своими воеводами на костех. Грозно бо, брате, в то время посмотри: лежать трупы христианския акы сенные стоги, а Дон река три дни кровью текла.[У далее — «И рече князь великий Дмитрий Иванович».]

«Считайтесь, братие, колких воевод нет, колько молодых людей нет». И говорит Михайло Ондреевич, московский боярин, князю Дмитрию Ивановичю: «Господине князь великий Дмитрий Иванович, нету тут у нас сорока боярин больших москвовских, да 12 князей белозерских, да 30 бояринов посадников новгородских, да 20 бояринов коломенских, да 40[У далее — «бояр серпуховских, да 30 панов литовских, 20».] бояринов переяславских, да полу 30 бояринов костромских, да пол 40 бояринов володимерских, да 50 бояринов суздальских, да 70 бояринов резанских, да 40 бояринов муромских, да 30 бояринов ростовских, да трех да 20 бояринов дмитровских, да 60[У далее — «бояр можайских 30».] бояринов звенигородских, да 15 бояринов углецьких. А изгибло нас всей дружины пол 300 000.[У далее — «и три тысечи».] И помилова Бог Рускую землю, а татар пало безчислено многое множество».[У вместо этой фразы — «Слава тебе, Господи Боже наш, помилуй нас».]

И князь великий Дмитрий Иванович говорит: «Братья и бояре, князи молодые, вам, братье, сужено место меж Доном и Непра, на поле Куликове, на речки Направде. Положили есте головы за Рускую землю и за веру хрестьянскую. Простите мя, братия, и благословите в сем веци и в будущем»[В У далее вторая часть фрагмента, пропущенная в И1: «И пойдем, брате князь Владимир Андреевич, во свою Залескую землю к славному граду Москве, и сядем, брате, на своем княжение. А чести есми, брате, добыли и славного имени. Богу нашему слава». Ср. в Сказании: «Поедем, братье, в свою землю Залесскую, к славному граду Москве и сядем на своих вьтчинах и дединах. Чести есмя себе доступили и славного имяни» (Повести. С. 75, 154).] (И1) {л. 223 об. — 224 об.}.

Источники:

От слов «стоял князь великий за Доном» и до слов «и в будущем» (Повести. С. 75, 105, 106, 153–154).

Последний фрагмент Пространной редакции Задонщины буквально восходит к Сказанию.[См. также: Krälik. S. 54–55. Между его двумя частями в Сказании помещен текст: «И про-слезися на длг час и рече князем и вьводам своим» (Повести. С. 75). Отрывок: «Грозно, братие, зрети... кровию течаху» в изданном списке Основной редакции помещен ранее (Повести. С. 72). В Летописной редакции его вовсе нет, в Распространенной редакции и группе Ундольской Основной редакции он читается там же, где и в Задонщине.] Поэтому В. П. Адрианова-Перетц даже не включает его в свою

реконструкцию первоначального текста Задонщины. Кстати, она исключает из реконструкции также текст из псалмов (см. фрагмент № 24) и фразу о борзом коне (фрагмент № 23).[Адрианова-Перетц. Задонщина. (Опыт реконструкции). С. 231–232.] Но это излишне для протографа Пространной редакции, где есть и другие книжные соответствия, и явно недостаточно для первоначального протографа Задонщины (Краткой редакции), где таких совпадений нет.

Все цифры убитых, конечно, носят чисто эпический характер, что подтверждается и упоминанием об убитых рязанских боярах, которые в Куликовской битве не участвовали. [La Zadońścina. P. XV.]

Как мы могли убедиться, вся вторая часть Задонщины Пространной редакции позднейшего, книжного происхождения. Она восходит к первой части памятника, Сказанию о Мамаевом побоище, Никоновской летописи и Псалтыри. В этом отношении весьма показательны текстологические совпадения между первой и второй частями Пространной редакции. Они обнаруживаются в местах, которые уже в первой части показывают вторичное происхождение этой редакции по сравнению с Краткой. Но раз так, то и сходные с ними тексты второй части Пространной редакции также могут рассматриваться как позднейшие.

Еще А. А. Шахматов писал, что С. К. Шамбинаго не доказал зависимости Задонщины от Летописной повести, не удалось этого сделать и М. А. Салминой.[Салмина М. А. «Летописная повесть». С. 376–383. Исходя из композиции концовки, О. Кралик говорит о близости к Летописной повести списка С (Krälik. S. 15–16). Но и эта структура ближе к Никоновской летописи (подсчет трофеев ранее возвращения в Москву).] Приведенные ею общие места между обоими памятниками могут быть без особого труда объяснены тем, что источниками Пространной Задонщины были Никоновская летопись (отрывок о конях, верблюдах и другие, а также наименование князей Андрея и Дмитрия Полоцким и Брянским) и Сказание о Мамаевом побоище (фрагмент «став на костях» и введение к Задонщине).

Можно еще обратить внимание на следующее обстоятельство: мрачный колорит, присутствующий в обеих редакциях Задонщины, естествен в Краткой редакции, возникшей еще в обстановке татарских набегов на Москву (сожжение Москвы Тохтамышем в 1382 г.), и непонятен в Пространной, содержащей как бы апофеоз победам русского оружия.

И. И. Срезневский выдвинул гипотезу, что Слово Софония «писано не с готового извода, а по памяти... в Задонщине мы имеем образец особого рода народных поэм литературного содержания».[«Задонщина» великого князя господина Дмитрия Ивановича и брата его Володимира Ондре-евича. СПб., 1858. С. 6–7.] В. Ф. Ржига подчеркивал «преобладающий песенный характер» Задонщины. Он считал, что «одним из этапов, предшествовавших появлению текста в рукописи Исторического музея, № 2060, была запись его с голоса и по памяти».[Ржига В. Ф. Слово Софония Рязанца о Куликовской битве (Задонщина) как литературный памятник 80-х годов XIV в. // Повести. С. 398–400] Горячим сторонником устного происхождения и бытования Задонщины был А. И. Никифоров.[Никифоров. Слово. С. 81, 210–211.] Ссылаясь на В. Ф. Ржигу, М. Н. Тихомиров также пишет, что Задонщину «пели и записывали с голоса».[Тихомиров М. Н. Русская культура. С. 69.]

Выводы В. Ф. Ржиги об устном (песенном) происхождении и бытовании Задонщины поддержала В. П. Адрианова-Перетц в рецензии на академическое издание повестей о Куликовской битве. Она писала, что «чрезвычайно плодотворным для восстановления текста „Задонщины“ является утверждение В. Ф. Ржиги „о значительной роли песенного начала“ (с. 398) в самом жанре произведения».[Адрианова-Перетц В. П. Рец. на кн. «Повести о Куликовской битве»//ИЮЛЯ. 1960. Т. 19, вып. 2. С. 158.]

В. П. Адрианова-Перетц считает, что «есть эпизоды в Задонщине, наводящие на предположение, что в основе их лежат народные предания или песни».[Адрианова-Перетц

В. П. Историческая литература XI — начала XV в... С. 132.] Список К-Б для нее — «запись, сделанная по памяти».[Адрианова-Перетц. Задонщина. (Опыт реконструкции). С. 221.]

Для А. В. Соловьева Задонщина — «поэтический ритмический эпос, похвальная песня героям». «Наличие вариантов „Задонщины“, — по его мнению, — объясняется тем, что некоторые из них были записаны с голоса». Это, в частности, он относит к тексту К-Б. [Соловьев А. В. Автор «Задонщины» и его политические идеи//ТОДРЛ. М.; Л., 1958. Т. 14. С. 188–189. В последнее время сторонником того, что Задонщина пелась, выступил А. В. Позднеев. В Задонщине А. В. Позднеев обнаружил «попытки упорядочения кондакарного стиха». Примеры он приводил из Краткой редакции (Позднеев А. В. Стихосложение древней русской поэзии // Scando-Slavica. 1965. Т. 11. S. 19).]

С другой стороны, Б. Н. Путилов утверждает, что «связи „Задонщины“ с фольклором ограничиваются преимущественно стилистикой и, по-видимому, совсем не касаются сюжетной и композиционной сторон».[Путилов Б. Н. Куликовская битва в фольклоре. С. 125. Вывод Б. Н. Путилова повторил недавно Д. С. Лихачев, для которого «ясно одно: при наличии отдельных фольклорных стилистических оборотов „Задонщина“ отнюдь не фольклорное произведение» (Лихачев. Черты подражательности «Задонщины». С. 90). И в то же время для Д. С. Лихачева список К-Б «представляет собою запись по памяти, сделанную Ефросином, любителем народных произведений» (Лихачев Д. С. О названии «Задонщина» // Исследования по отечественному источниковедению. М.; Л., 1964. С. 475).] Впрочем, этот вывод надо принимать с осторожностью, ибо он основан на тезисе о происхождении поэтических мест Задонщины из Слова и на представлении о первоначальном тексте Задонщины в рамках реконструкции В. П. Адриановой-Перетц, т. е. в основном по Пространной редакции, где книжный элемент резко усилен.

Признание устного происхождения Задонщины[В последнее время об этом писал С. Н. Азбелев (Азбелев С. Н. Литература периода национально-освободительной борьбы и становления единого Русского государства // Русская литература и фольклор (XI–XVIII вв.). Л., 1970. С. 65).] неизбежно влечет за собой вывод первичности Краткой Задонщины, ибо Пространная редакция по своему содержанию чисто книжного происхождения и содержит главным образом элементы фольклора в тех местах, которые восходят к Краткой редакции.

Б. Н. Путилов обратил наше внимание на то, что в К-Б по сравнению с Пространной редакцией Задонщины формула отрицательного параллелизма выдерживается более последовательно (ср. фрагменты № 8, 14) и чаще выступает в его трехчленной форме.[В. Ф. Ржигасчитал в Краткой редакции шесть случаев применения формулы отрицательного параллелизма, относя ее к особенностям творчества самого Софония (Ржига В. Ф. Слово Софония-рязанца... 1947. С. 34).] Да и вообще фольклорные формулы в К-Б употребляются гораздо более строго и систематично, чем в каком-либо отдельно взятом списке Пространной редакции.[Пользуясь случаем, благодарю Б. Н. Путилова за его интересные наблюдения о стилистике списков Задонщины.] Это, несомненно, говорит в пользу близости к фольклорным истокам стилистических особенностей Краткой Задонщины.

Считая первичную Задонщину произведением устного творчества, трудно объяснить ее текстуальную связь со Словом о полку Игореве, если отстаивать тезис о первичности Слова. Представить себе, что Задонщина несколькими поколениями исполнялась в течение почти 100 лет (с конца XIV до конца XV в.) и сохранила нюансы текстологической зависимости от своего первоисточника, практически невозможно.

Интересными соображениями, делающими невозможность признания Слова источником устной Задонщины, поделился с нами С. Н. Азбелев. Случаи влияния памятников письменной литературы на устно-поэтические тексты известны истории русского фольклора. Однако они почти всегда сводятся к сохранению содержания литературного оригинала. «Фольклоризируются» в первую очередь изобразительные

средства. В Задонщине же обратная картина: содержание по сравнению со Словом о полку Игореве иное, а изобразительные средства сходны с ним. Но такое использование литературного произведения в фольклоре совершенно невозможно. Если же считать и само Слово фактом устной поэзии, то пришлось бы допустить, что в Задонщине (т. е. через два столетия устного бытования Слова) текст Слова с поразительной точностью совпадал бы с другим его вариантом двухсотлетней давности, позднее изданным А. И. Мусиным-Пуш-киным. Это означало бы, что устный текст Слова в течение 200 лет практически не претерпел никаких изменений. Наконец, совсем невероятно, как считает

С. Н. Азбелев, и предположение о записи устного Слова одновременно с появлением Задонщины. В этом случае странно было бы, почему традиция, породившая Слово в XII в., не дала нам других («промежуточных») текстов. Необъяснимы были бы и причины записи Слова в обстановке XIV или XV в. Наконец, устный текст XIV–XV вв. не мог сохранить такого обилия верных исторических деталей, точной передачи имен исторических деятелей, которые находятся в Слове о полку Игореве.

Трудно, справедливо полагает С. Н. Азбелев, допустить и то, что соответствия со Словом внесены были не в устную Задонщину, а при ее литературной обработке. Ведь все соответствия Слову настолько органичны в Задонщине, что при изъятии их памятник полностью рассыпается. И этого мало. Устно-поэтическая стихия Задонщины проявляется особенно ярко там, где Задонщина близка к Слову. Поэтому прав С. Н. Азбелев, считающий невозможным, чтобы лицо, записывавшее и литературно обрабатывавшее Задонщину, стремилось фольклоризовать устный оригинал по литературному памятнику.

Итак, сравнение Краткой и Пространной Задонщины привело нас к выводу, что Задонщина Краткой редакции является памятником первоначальным, а ее Пространная редакция — вторичным, появившимся на ее основе. Все отличия этого последнего памятника от первого объясняются или влиянием Сказания о Мамаевом побоище, или текстом Никоновской летописи, или преданием о бегстве Мама в Крым, или чисто стилистической правкой.

Д. С. Лихачев как-то писал: «Первоначальные редакции произведений, как правило, менее литературны, менее „книжны“, чем последующие. История текста отдельных произведений показывает, что произведение в движении текста усиливает свою литературность».[Лихачев. Поэтика. С. 74.] История создания Пространной редакции Задонщины на основе Краткой тому яркий пример.

Выяснение первичности Краткой редакции Задонщины по сравнению с Пространной дает новые подтверждения гипотезы о том, что Сказание основано на Краткой Задонщине и в свою очередь послужило источником Пространной: чисто логически рассуждая, близость Задонщины к двум редакциям Сказания можно было бы объяснить еще двумя путями. Во-первых, Сказание было источником первоначального текста Задонщины — и только. Но это невозможно, ибо архетип Задонщины (Краткая редакция) еще не имел всех черт Сказания. Надо допустить тогда влияние разных эпизодов Сказания на две редакции Задонщины. Все построение невозможно уже потому, что общие места Сказания и Задонщины по своему характеру в Сказании вторичного происхождения. Во-вторых, Задонщина являлась источником Сказания. Этому допущению также противоречит отражение в Сказании двух редакций Задонщины. Придется полагать, что автор Сказания имел в своем распоряжении две Задонщины, в их числе Пространную, возникшую (об этом см. ниже) только в 20-х и 30-х гг. XVI в., тогда как к концу XV — началу XVI в. Сказание уже существовало. Вывод о первичности Краткой Задонщины, следовательно, исключает все варианты взаимоотношения Сказания и Задонщины, кроме того, что Краткая была его источником, а Пространная использовала его текст.

Итак, в конце XIV в. возникает устная Задонщина. Ее автором был, очевидно, Софоний Рязанец, боярин князя Олега.[Гипотезу о возможности отождествления Софония Рязанца с боярином рязанского князя Олега Софонием Алтыкулачевичем (Жалованная данная и тарханная грамота Олега Ивановича 1321 г. //АСЭИ. М., 1964. Т. 3. № 322. С. 350)

высказали А. Д. Седельников (Седельников. Где была написана «Задонщина»? С. 535) и В. Ф. Ржига (Ржига В. Ф. О Софонии Рязанце. С. 401–405).]

Задумываясь над общим мрачным колоритом Краткой редакции Задонщины, нужно иметь в виду не только церковное происхождение Ефросина, обработавшего ее устную версию, но прежде всего рязанское боярство самого автора — Софония. Мы можем настороженно подходить к публицистической оценке Олега Рязанского московскими летописцами как предателя общерусского дела во время Куликовской битвы. Вместе с тем фактом остается, что Рязанская земля уже во время Тохтамышева нашествия 1382 г. на Русь пережила страшный погром, который произвел огромное впечатление на современников.[Тохтамыш «повоева и взя землю Рязанскую и огнем пожже, а люди посече, а инии разбе-гошася, а иных в полон поведоша в Орду многое множество рязанцев» (ПСРЛ. Т. 11. С. 80).] Сквозь эти-то трагические события, очевидно, и воспринимал Софоний Куликовскую битву 1380 г.

Следовательно, у нас нет никаких данных считать, что обе Задонщины восходят к какому-то особому архетипу, содержавшему черты обеих редакций. В тех нескольких случаях, когда Пространная Задонщина лучше передает первоначальный текст Краткой, дело объясняется лишь дефектностью списка К-Б: наличием в нем описок (типа «Ивана Дмитриевича» вместо «Дмитрия Ивановича»), механического пропуска (начало речи Дмитрия Ольгердовича), пояснительной вставки составителя списка (дата Куликовской битвы).

Трагедийный конец столкновения героев с татарами не был индивидуальной особенностью творчества автора Краткой Задонщины. Он бытовал и в фольклоре. Уже в XV в. в летописании появляется запись о гибели богатырей во время Калк-ской битвы. Сходные мотивы находим и в былинах о Камском (т. е. Калкском) побоище. Об участии в битве на Липице 6725 г. богатырей Добрыни и Александра Поповича сообщает впервые свод 70-х гг. XV в., составленный, по наблюдениям Я. С. Лурье, в Кирилло-Белозерском монастыре. В том же своде находилось и известие о гибели богатырей в битве «на Калках», появившееся еще в летописном своде 1448 г.[Лурье Я. С. Источник «Сокращенных летописных сводов конца XV в.» и Устюжского летописца//АЕ за 1971 г. М., 1972. С. 122, 128, 129.]

Характер первоначальной Задонщины Софония представить себе трудно. Ближе всего она была к песням-плачам, хорошо известным фольклору.[В последнее время тезис об устном происхождении Задонщины развивается С. Н. Азбелевым. См.: Азбелев С. Н. 1) Устные героические сказания о Куликовской битве//Современные проблемы фольклора. Вологда, 1971. С. 43; 2) Текстологические приемы. С. 63—190.] Автор ее — рязанец, а близость памятника к рязанской литературе («Повесть о разорении Рязани Батыем») более чем вероятна.[Мне представляется сомнительной догадка О. Сулейменова о том, что прозвище Софония «Рязанец» следует сопоставлять с «резанцами», т. е. скопцами или христианами, подвергшимися насильственной мусульманизации, т. е. обрезанию (Сулейменов О. Аз и я. С. 13). Автор исходит только из бытующего в настоящее время прозвища «резанцы», употребляющегося на Волге «по сю пору» для мусульман]

Д. С. Лихачев идет дальше этого вывода и находит в Задонщине следы прямого влияния Повести о разорении Рязани. А так как эти следы отсутствуют в Слове, то отсюда вытекает вывод о первичности Игоровой песни по сравнению с Задонщиной.[Лихачев Д. С. «Задонщина» и «Повесть о разорении Рязани Батыем» // Древняя Русь и славяне. М., 1978. С. 366–370.] Правда, он считает каждый из приводимых им примеров «ничтожным», но их совокупность (примеров всего 11) делает его вывод о знакомстве автора Задонщины с Повестью «бесспорным». При этом влияние Повести «сказывается во всех списках Задонщины», т. е. присутствовало в архетипе памятника.[Лихачев Д. С. «Задонщина» и «Повесть о разорении Рязани Батыем» // Древняя Русь и славяне. М., 1978. С. 369.] Сразу же замечу, что Д. С. Лихачев верен своей методике: он не допускает возможности других объяснений указанных им соответствий. Да и сами соответствия встречаются далеко не во

всех списках Задонщины. Так, «похвала» есть только в списках Пространной Задонщины и отсутствует в К-Б. А так как на Пространную Задонщину, по нашему мнению, влияло Сказание о Мамаевом побоище, то появление этого слова может быть объяснено влиянием заголовка Сказания, где оно встречается. «Внуки» и «внучата» и исчисление предков от Владимира есть тоже только в Пространной Задонщине. Моделью же текста, как отметил О. Кралик, является разговор братьев Ольгердовичей и (добавим) упоминание царя Владимира в К-Б. Выражение «стоят татарове...» на речке на Мечи» (И1 и сходные) напоминает Д. С. Лихачеву выражение «Батый... ста на реце на Воронеже» из Повести. Но сходства фразеологического здесь фактически нет. Выражение «испити медвяна чара» (У) имеет более близкое соответствие, чем в Повести («изопью чашу смертную»), в Сказании, а восходит оно к евангельскому образу чаши-судьбы. Д. С. Лихачев дважды приводит к словам Повести «начаша сечи без милости» текст из У «нача... сечи горазно без милости». Но в других списках слов «без милости» нет. В списке С и Повести встречается слово «удальцы». Евпатий «сильные полки татарьския проеждя». Дмитрий Донской говорит князю Владимиру по списку У «наеждаем (в других списках этого слова нет.—А. 3.), брате, своими полки сильными на рать татар поганных». Князь Ингварь говорит «со слезами», и Дмитрий «утер слезы». Оба князя сходно молятся: «Господи Боже мой, на тя уповах» (Повесть), «Господи Боже мой, на тя уповах» (И 1), ср.: «Ни да посмеють ми ся врази твои мне» (И2) и «не посмеють ми ся врази твои мне» (Повесть). [В Повести цитата не обнаружена. — Ред.] Наконец, выражение «сяде на столе отца своего» (Повесть) напоминает Д. С. Лихачеву «сядем, брате, на своем княжение» (У). Вот и все. Несколько трафаретных церковно-воинских штампов — и только. Отсутствие их в Слове ничего не доказывает, ибо они могли быть особенностью отдельных списков, и в тексте, которым располагал автор Игорева песни, их просто могло не быть. К тому же в Повести (и Задонщине) есть ряд образов, которые встречаются в Слове. Например, «честь и славу... приимаста» (ТОДРЛ. Т. 7. С. 301), «много туги и скорби» (с. 298), «братия моя милая», «милая моя братия и дружина ласкова» (с. 298), «лежаша... на траве ковыле» (с. 297). Так что суждение Д. С. Лихачева о том, что Повесть была использована автором Задонщины наряду со Словом (так как якобы в трех памятниках нет общих мест), просто не соответствует фактам.

Около 70-х гг. XV в. в Кирилло-Белозерском монастыре большой знаток и любитель светской литературы и фольклора старец Ефросин записывает и обрабатывает Задонщину Софония. Большой разрыв во времени от создания устной Задонщины Софонием до записи ее Ефросином и активное вмешательство последнего в его текст объясняют отдельные дисгармоничные места в списке К-Б. Участие Ефросина в записи этого памятника подтверждается целым рядом доказательств. Руку Ефросина выдают и само заглавие памятника («Задонщина»), и формулировка даты побоища, и «белозерские ястребы», и целый ряд церковновоинских оборотов в памятнике. Этого кирилловского старца весьма волновала не только Задонщина, но и другие эпизоды борьбы с татарами, в том числе «Тактамышевщина» и «За Доном Моматяковщина». [Лурье Я. С. Литературная и культурно-просветительная деятельность Ефросина в конце XV в. // ТОДРЛ. М.; Л., 1961. Т. 17. С. 138; Лихачев Д. С. О названии «Задонщина». С. 474–475. Воздерживается от окончательных суждений о характере редакторской деятельности Ефросина О. Коалик (Królik. S. 69–71, 170).]

Как установил Я. С. Лурье, Ефросин чрезвычайно интересовался устным творчеством, легендами о Соломоне, воинскими повестями, природными явлениями («егда гром гремит») и «чудесными» предсказаниями. «Интерес к описанию природы и животного мира, — пишет Я. С. Лурье, — вот та характерная для всех ефросиновских сборников черта». [Лурье Я. С. Литературная и культурно-просветительная деятельность... С. 147.] Все эти мотивы так или иначе находят отражение в Задонщине. [В «Пчеле» (по списку ГИМ, Синод, собр., № 579, XV в.) приводится изречение Соломона: «иже он

утверждает лжю, то пасет ветры и птицы крылатые». Этот мотив весьма близок к Краткой Задонщине.]

Краткая редакция Задонщины — небольшое по объему произведение — сохранила следы разнообразных литературных влияний. В ней слышатся отзвуки библейских образов легенд Соломонова цикла, Слова о гибели Русской земли (сохранился псковский список XV в.), «Истории Иудейской войны», [В Кирилло-Белозерском монастыре хранилось три списка XV — нач. XVII вв. этого произведения (Мещерский Н. А. История Иудейской войны... С. 18, 20). Список 1462 г. (К-Б, № 53.1130) содержит V и VI главы «Истории», как и другой список конца XV в. вологодско-пермского епископа Филомел (ГБЛ, Музейное собр., № 3271).] а также, возможно, Слова Адама во аде к Лазарю.

Слово о гибели оказало влияние и на жанровые особенности Задонщины, и на ту «жалость» к Русской земле, которой проникнуто это произведение, и на его трагический колорит. «Историю» Иосифа Флавия Ефросин не только прекрасно знал, но и сам переписывал. [Лурье Я. С. Литературная и культурно-просветительная деятельность... С. 151.] Некоторые параллельные образы можно найти в Повести о разорении Рязани, которая, по наблюдениям А. Г. Кузьмина, сложилась на основании более раннего Сказания в начале XVI в. [Кузьмин А. Г. Рязанское летописание. М., 1965. С. 178–179.] Широта привлечения литературного и фольклорного материала для создания Задонщины выдает нам руку опытного книжника, каким был Ефросин. [Литературные параллели к Задонщине см. также: Frček. S. 117–130. В сборнике ГИМ, Синод, собр., № 836 содержится приписка конца XV в. с заглавием Задонщины, начинающимся словами: «Сее слово съставлено именемъ Софония резанца». Речь, следовательно, идет о том, что памятник (Задонщина) написан от имени Софония, но не им самим] Но, в отличие от составителя Пространной редакции, автор Краткой сохранил целиком эпическую основу Задонщины, которую он органически сочетал с отдельными книжными мотивами.

Стремясь обосновать тезис о появлении списка К-Б в результате обработки Ефросином текста первоначальной Задонщины (близкой к Пространной редакции), Р. П. Дмитриева обратилась к изучению приемов редакторской правки Ефросином других древнерусских памятников. Однако результаты ее наблюдений оказались совершенно недостаточны для подтверждения этого вывода. Методически неверно уже то, что Р. П. Дмитриева изучает не всю творческую лабораторию Ефросина, а только те приемы, которые соответствуют ее представлению о характере работы этого книжника над К-Б. Она даже не ставит вопроса о том, был ли Ефросин только переписчиком (как она полагает) или он мог быть и автором тех или иных текстов. Далее она утверждает, что «наиболее яркой и основной особенностью редакторской работы является его стремление к краткости и лаконизму». [Дмитриева Р. П. Приемы редакторской правки книгописца Ефросина. С. 290.] Об особой «склонности к лаконизму» Ефросина можно было бы говорить, если б он систематически сокращал значительную часть памятников, которые им переписывались. Однако Р. П. Дмитриева приводит лишь отдельные немногочисленные примеры, которые вполне укладываются в манеру работы любого переписчика Древней Руси и не могут считаться показателем «творческого почерка» Ефросина. Из факта сокращения им некоторых текстов вывод о том, что он сократил и текст Задонщины, не вытекает. Но дело даже не в этом. Сами приемы сокращения источников при их переписке ни в коей мере не являются индивидуальной особенностью творчества Ефросина, а представляют собою типичную черту работы многих древнерусских книжников. Это, впрочем, вскользь отмечает и Р. П. Дмитриева. Ведь во всех случаях сокращения «Сказания об Индийском царстве» (за исключением, быть может, одного) нельзя выяснить, что они сделаны самим Ефросином. То же самое относится и к большинству купюр в Хождении игумена Даниила.

Р. П. Дмитриева устанавливает три типа сокращений, которые она связывает с творческим почерком Ефросина: а) простое изъятие текста, б) изъятие с переходными фразами, в) сокращение с библиографической отсылкой (на тексты Священного Писания и

т. п.). Два первых из этих видов свойственны, по ее мнению, и работе Ефросина над Задонщиной. Но все они хорошо известны в древнерусской письменности и не отражают индивидуальной манеры Ефросина. Не являлось новшеством Ефросина и соединение двух источников воедино. Гораздо важнее для нас другое обстоятельство. Если считать, что Ефросин обработал первоначальный текст Задонщины, то он выступает перед нами человеком с совершенно определенными приемами работы. Так, он вводит в свой текст целые новые эпизоды и факты (плачи боярских жен, завершающие К-Б, посвист Пересвета, ехавшего на «вещем сивце», имена погибших воевод и многое другое). Ничего хоть сколько-нибудь аналогичного в работе Ефросина над другими памятниками Р. П. Дмитриевой установить не удалось. Она ссылается лишь на фразу Ефросинова списка «Истории Иудейской войны»: «с великаго же глада иудеи ядаху скотський гной», которой нет в других текстах этого памятника. Но слова «скотський гной» есть в источнике Ефросина. Поэтому его творчество здесь незначительно. Другой текст Р. П. Дмитриева приводит из Хождения игумена Даниила: «Христа привели к Пилату жидове судити, идеже Пилат руце умы пред народом». Но он имеет полное соответствие в памятнике: «приведоша Христа к Пилату, и ту руце свои умы».[Дмитриева Р. П. Приемы редакторской правки книгописца Ефросина. С. 287, 288.] То же самое относится и к словам «идеже мылася Уриина жена» (ср. «видев ю, мыющюся в бани»). Р. П. Дмитриева ссылается на особый вариант разговора Александра Македонского с рахманами, помещенный Ефросином в одном из его сборников. Но исследователь этого памятника Я. С. Лурье не рискнул связать текст о рахманах с деятельностью самого Ефросина (ведь сходный мотив есть и у Низами).[Лурье Я. С. Средневековый роман об Александре Македонском в русской литературе XV в. // Александрия: Роман об Александре Македонском по русской рукописи XV века. М; Л., 1965. С. 165–166.]

Итак, Р. П. Дмитриевой не удалось доказать, что при переписке произведений древнерусской литературы Ефросин «вольнo» обращался с текстами, расширял и изменял их по собственному произволу. А это лишает убедительности ее тезис о сходстве приемов работы Ефросина над Задонщиной с принципами его подхода к другим памятникам. Характер проблематичной обработки Задонщины книжником Кирилло-Белозерского монастыря не имеет ничего общего с теми обычными средствами сокращения текста, которые встречаются в других ефросиновских списках литературных произведений. Другое дело, если видеть в Ефросине автора, который записал устный текст и создал на основе его самостоятельное произведение.

Судьбы Задонщины Краткой редакции напоминают историю другого произведения, сохранившегося в списке Ефросина. Речь идет о Повести о Дракуле. Изучение списков этого памятника приводит к выводу, что все они так или иначе восходят в своей основе к традиции Ефросина.[См.: Повесть о Дракуле / Исследование и подготовка текстов Я. С. Лурье. М.; Л., 1964.] Ефросин мог сам записать это замечательное литературное произведение со слов одного из участников русского посольства в Венгрию. [Единственный признак вторичности ефросиновского списка Повести о Дракуле (пропуск расстояния от Будина до Вышеграда) отсутствует в ряде других списков, восходящих к традиции Кирилло-Белозерского монастыря.] Мог он занести в свой сборник и Повесть, уже составленную ранее Федором Курицыным или кем-либо из его спутников. То, что существовало два (а может быть, и больше) текста Задонщины, написанных Ефросином, не может нас смущать. Писатели XV–XVI вв. охотно переписывали свои произведения. Так, до нас дошли два списка Жития Кассиана Босого, выполненных его составителем Вассианом Кошкой (ГИМ, Синод, собр., № 927 и ГБЛ, Музейное собр., № 1257). Сам Ефросин в своих сборниках неоднократно возвращался к излюбленным им сюжетам, помещая по несколько раз одни и те же произведения и отрывки из них.[Лурье С. Литературная и культурно-просветительная деятельность... С. 133, 138.]

У нас есть и прямые данные, подтверждающие мысль о Ефросине как о человеке творческом. Я. С. Лурье установил большое своеобразие Александрии, представленной

списком Ефросина.[Ефросин составил особый вариант легенды о Соломоне и Китоврасе (Luge J. S. Une legende inconue de Salomon et Kitovras dans un manuscrit du XV-e siecle//RES. 1964. Т. 43. Р. 7—11).] Так, он вставляет в текст сербской Александрии некоторые эпизоды из хронографической редакции этого памятника, которую, кстати сказать, он также переписывал (разговор Александра с рахманами).[Лурье Я. С. Средневековый роман об Александре Македонском... С. 145–168.]

Интерес Ефросина к Куликовской битве вызывался не только его патриотическими чувствами и литературными вкусами. Его усилили, возможно, и конкретные обстоятельства, связанные с участием белозерских князей в Мамаевом побоище. Как известно, у князя Романа Михайловича Белозерского было два сына: один из них, Федор, погиб в 1380 г. на поле брани вместе со своим сыном Иваном, другой — Василий Сугорский — стал владельцем Нагорной половины Белозерского княжества.[Копаинов А. И. История землевладения Белозерского края XV–XVI вв. С. 39.] Один из сыновей Василия, Афанасий, получив в наследство селение Шелешпань, сделался родоначальником одной из ветвей белозерских княжат — Шелешпанских. Правнуком этого Афанасия (сыном князя Юрия Ивановича) был старец Кирилло-Белозерского монастыря Галасия. [Родословная книга князей и дворян российских. М., 1787. 4. 2. С. 170. Сведение родословных книг о Галасии подтверждается актовым материалом (АСЭИ. М., 1958. Т. 11. № 288. С. 202).] В поземельных актах он упоминается уже в 70—80-е гг. XV в.[АСЭИ. Т. 11. № 327. С. 327.] и особенно часто в 1488–1492 гг.[АСЭИ. Т. 11. № 276, 277, 284, 286, 288.] В 1505 г. мы застаем его в должности келаря.[АСЭИ. Т. 11. № 310.] Если допустить, что предание о Куликовской битве или устная Задонщина дошли до Ефросина через Галасия, потомка одного из участников героической борьбы с полчищами Мамаю, то вряд ли эту запись можно отодвигать за пределы 70-х гг. XV в.[Эту мысль высказал в беседе со мною Ю. А. Лимонов.]

Уже в Краткой Задонщине наряду с Дмитрием Донским главным героем выступает Владимир Серпуховской. Серпухов играл существенную роль в междукняжеских отношениях 60-х — начала 80-х гг. XV в. В 1461–1462 гг. Василий II завещал его своему сыну Юрию, брату Ивана III.[ДДГ. № 61.] После смерти Юрия Васильевича (1472 г.) Серпухов снова вошел в состав великокняжеских земель. Наследие князя Юрия в течение нескольких лет являлось предметом спора Ивана III с его удельными братьями. В 1480 г. великий князь даже предполагал отдать «Серпухов с волостями» своему брату Андрею Меньшому (Вологодскому).[ПСРЛ. Т. 26. С. 274.] Именно в это время документы Владимира Андреевича Серпуховского (духовная и докончальные грамоты) рассматриваются в великокняжеской казне вместе с документами Андрея Меньшого. Это, по мнению Л. В. Черепнина, имело серьезные политические основания.[Черепнин Л. В. Русские феодальные архивы XIV–XV веков. М.; Л., 1948. Ч. 1. С. 187.] Впрочем, проект передачи Серпухова остался неосуществленным, а 5 июля 1481 г. Андрей Вологодский умер. Возможно, роль Владимира Серпуховского подчеркнута в Краткой Задонщине, создававшейся в Кирилло-Белозерском монастыре, в связи с интересом к судьбам Серпухова в это время.

Сравнивая список К-Б с протографом Пространной редакции Задонщины, можно прийти к выводу, что не дошедший до нас протограф Краткой редакции имел небольшие отличия от К-Б (в нем не было вставочной даты битвы, возможно, иначе звучало заглавие и т. д.). Записывая устную Задонщину «именем Софония», Ефросин сохранил, очевидно, в одном месте прямое обращение первого автора («Я же восхвалю», испр. по И1; К-Б «восхваляя»). Подобную же запись в первом лице можно найти и в ефросиновском тексте Повести о Дракуле. Это — след литературной манеры древнерусских книжников (в данном случае лица, записывавшего устные произведения), которые стремились сохранить все стилистические особенности текстов, переписывавшихся в сборники.

Судьбы Повести о Дракуле и Задонщины пересеклись и еще один раз: оба эти произведения находятся в сборнике ГБЛ, собр. Ундольского, № 632. Основное ядро этого

сборника составляют произведения, возникшие в конце XV в. (Повести о взятии Царьграда, о Басарге, о Вавилоне граде) или переписанные Ефросином (Повесть об Акире Премудром, Повесть о царе Давиде и Соломоне, Задонщина, Премудрость Соломона, Повесть о Дракуле, Сны Шахаиши). Таким образом, вывод о зависимости списка Ундольского Задонщины (точнее — Пространной редакции) от Кирилло-Белозерского (точнее — Краткой редакции) находит подтверждение и в составе сборника Ундольского, генетически связанного с традицией Ефросина. Что это так, видно и на судьбе Повести о Дракуле, список Ундольского которой непосредственно восходит к ефросиновской традиции.

Окружение древнейшего из списков Задонщины Пространной редакции (И2) составляют памятники клерикальной литературы. Это ведет нас к церковной среде составителя его протографа.

В конце XV в. на основе Задонщины (близкой к К-Б) и Летописной повести о Мамаевом побоище возникает Сказание о Мамаевом побоище.[А. Вайян связывает создание Сказания с появлением в России XVI в. переводных рыцарских романов (Vaillant A. Les recits de Kulikovo... Р. 88). Но их появление относится еще к концу XV в. Не могу принять и довода Л. А. Дмитриева о том, что Сказание написано до 1456 г., т. е. до заточения в темницу серпуховского князя {Дмитриев Л. А. К литературной истории... С. 421}. Ведь сам же Л. А. Дмитриев пишет, что автор Сказания «преуменьшил роль Владимира серпуховского в событиях 1380 г. Это объясняется публицистической направленностью произведения» (Там же. С. 430). Поэтому в принципе мы можем допустить, что Сказание возникло через несколько десятилетий после присоединения Серпухова к Москве. {См. также: Петров А. Е. Анахронизмы «Сказания о Мамаевом побоище»//Письменная культура: Источниковедческие аспекты истории книги. М., 1998. С. 110–130.}] (Предшествовало ли Сказанию «Слово о Мамаевом побоище», лишенное вставок из Задонщины, или нет, в настоящее время сказать трудно.) Возможно, этот памятник имел какое-то отношение к Вологде или Белоозеру.[Эта мысль высказана была мною еще в 1962 г. Не упоминая об этом, Ю. К. Бегунов также склоняется к признанию автором Сказания выходца с Белоозера {Бегунов Ю. К. Об исторической основе... С. 506}.] Во всяком случае М. Н. Тихомиров доказал, что в конце XV — начале XVI в. на Вологде при дворе епископа Филофея была составлена Вологодско-Пермская летопись, содержащая одну из двух древнейших редакций Сказания — Летописную.[Тихомиров М. Н. О Вологодско-Пермской летописи//Проблемы источниковедения. М.; Л., 1940. Сб. 3. С. 243.]

В пользу предложенной датировки Сказания, близкой к той, которая была дана А. А. Шахматовым, говорит еще одно наблюдение. В Толстовском списке Сказания Основной редакции среди погибших воевод названо «13 боаринов посадников новгородских». [Повести. С. 75.] Здесь явная описка. Цифру надо читать: «30 («тридесят» и «тринадесят»)). Так в Распространенной редакции (в Летописной нет), [Повести. С. 106, 153.] в Ундольском виде Основной редакции, [Шамбинаго. Сказание. С. 49.] так, наконец, в Пространной редакции Задонщины. 30 посадников читается также в списках Основной редакции: ГПБ, Q.XVII.79; Погод., № 1553, Q.IV.342a; «13» (посадников) — в ГПБ, ОЛДП, F.50, O.XVII.6, O.IV.22; [Сведения о ленинградских списках указаны С. Н. Азбелевым.] ГБЛ, собр. ОИДР, № 224, л. 61; Музейное собр., № 3123, с. 119, Унд., № 236, л. 131 об. По исследованию В. Л. Янина, до 1423 г. в Новгороде было всего 6 посадников, а 30–36 посадников стало лишь к третьей четверти XV в. [Янин В. Новгородские посадники. М., 1962. С. 320.] Следовательно, Сказание не могло возникнуть ранее третьей четверти XV в. [Проверка имен, встречающихся в Сказании, привела Ю. К. Бегунова к выводу, что этот памятник не мог возникнуть ранее середины XV в. {Бегунов Ю. К. Об исторической основе... С. 505–506} О. Кралик датирует Сказание временем около 1500 г. (Králík. S. 168).]

Составление Сказания о Мамаевом побоище можно поставить в связь с интересом к теме борьбы с татарами, который усилился в годы, последовавшие за падением татаро-монгольского ига. Ведь именно в Вологодско-Пермской летописи помещена особая редакция повести о стоянии на Угре 1480 г. [Кудрявцев И. М. 1) «Угорщина» в памятниках древнерусской литературы (Летописные повести о нашествии Ахмата и их литературная история) // Исследования и материалы по древнерусской литературе. М., 1961. С. 46 и след.; 2) Сборник последней четверти XV — начала XVI в. из Музейного собрания: Материалы к исследованию // Зап. Отдела рукописей Государственной библиотеки им. В. И. Ленина. М., 1962. Вып. 25. С. 220–288.]

Источником Пространной Задонщины была также Никоновская летопись. Из нее попали в текст эпизод о пире у Микулы Васильевича, упоминания о каменных горах на Дону, о Чурове и Михайлове, князь Федор Семенович в перечне погибших героев. [ПСРЛ. Т. II. С. 51, 65, 58.]

Р. П. Дмитриева, Л. А. Дмитриев, О. В. Творогов считают, что «заявление А. А. Зимина о влиянии Никоновской летописи на полные списки „Задонщины“ нельзя принимать даже как простую гипотезу». [Дмитриева, Дмитриев, Творогов. По поводу. С. 113.] Ведь старший список Задонщины «датируется началом XVI века», а создание Никоновской летописи «относится к 30—40-м годам XVI века». Вся эта цепь рассуждений вызывает только чувство самого крайнего недоумения. Авторы статьи могли бы знать, что сходство двух старейших списков Никоновской летописи (Патриаршего и Оболенского) обрывается на известии 1520 г. На том же известии обрывается Иоасафовская летопись 20-х гг. XVI в., с 1454 г. совпадающая с Никоновской. Это дало основание А. А. Шахматову полагать, что «в древнейшем своем изводе Никоновская летопись доведена только до 7028 (1520) года». [Шахматов А. А. Иоасафовская летопись // ЖМНП. 1904. Май. С. 78.] А если учитывать, что старейший список Задонщины (И2) датируется не «началом» XVI в., а 20—30-ми гг. XVI в., [Р. П. Дмитриева, Л. А. Дмитриев, О. В. Творогов указывают другие филигранные: по Н. П. Лихачеву, № 1650 (1538 г.), 2970 (до 1515 г.), 2632 (1520–1535 гг.), датируя весь список почему-то «началом XVI века» (Дмитриева, Дмитриев, Творогов. По поводу. С. 112).] то использование текста Никоновской летописи составителем Пространной Задонщины нельзя исключить по хронологическим соображениям. [Последние исследования Б. М. Клосса датируют создание Никоновской летописи 20—30-ми гг. XVI в. (Клосс Б. М. Деятельность митрополичьей книгописной мастерской в 20—30-х гг. XVI века и происхождение Никоновской летописи // Древнерусское искусство: Рукописная книга. М., 1972. Сб. I. С. 318–337).] Ссылки на близость списка убитых и фразы о пире Никоновской летописи к Пространной Задонщине Р. П. Дмитриевой, Л. А. Дмитриеву и О. В. Творогову кажутся «более чем странными». [Дмитриева, Дмитриев, Творогов. По поводу. С. 112.] Фразу о пире Микулы Васильевича они находят в других редакциях Сказания. С этим можно согласиться, но связь Никоновской летописи с Пространной Задонщиной в данном случае может быть установлена только при условии, что есть какие-либо совпадения между памятником в других фрагментах, не имеющих параллелей в других источниках. Таковые, несомненно, имеются. Так, мои оппоненты пишут, что имя князя Федора Семеновича «при упоминании погибших встречается во всех редакциях» Сказания. Это по меньшей мере неточно. Да, в Сказании говорится, что «инии же наехаша убитого князя Федора Семеновича Белозерского». [Повести. С. 72.] Но в том-то и дело, что в списке убитых, который есть лишь в летописной повести о Мамаевом побоище Никоновской летописи (или, точнее, в особой редакции Сказания, помещающейся только в этой летописи), Синодике и Задонщине, Федор Семенович называется только в Никоновской летописи и Пространной Задонщине при полном совпадении между ними самого порядка перечисления погибших воевод. Следовательно, текстологическая связь между памятниками несомненна. Близость выражения «горы каменные» на Дону Никоновской летописи с аналогичным Пространной Задонщины мои оппоненты отводят, считая его «незначительным совпадением» в различных по характеру

текстах. Отвечать на это замечание, думаю, нет необходимости, ибо в других случаях уважаемые оппоненты сами же выступают защитниками «микротекстологии».

В предисловии к Задонщине, возможно, появились отголоски рассказа Ипатьевской летописи о битве при Каяле (один из ее списков был переписан в начале XV в. и позднее находился в Костромском Ипатьевском монастыре). [Следы знакомства составителя Пространной Задонщины с Ипатьевской летописью могут быть обнаружены в выражении «скрипели телеги» («от гласа скрипания телег» 1240 г.: ПСРЛ. Т. 2. Стб. 784). В К-Б этого нет. В Слове отдаленно: «крычать тѣлѣгы». «Шибла слава... к Риму» Пространной редакции имеет соответствие с «славою великою к своим людям и ко всим странам далним... До Рима» (1111 г.). В К-Б иначе: «весть подаваша». Во введении к Пространной Задонщине после упоминания о Каяле и Калке говорится, что Русская земля «тугою и печалью покрываша». В рассказе летописи под 1185 г. находим: «бысть печаль велика», «бысть скорбь и туга люта» (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 641, 645). В списке Ж есть обращение «братия и дружины» (И1 — «брате и друзи», С — «брате», У — «братия и друзии»). Параллелью к словам князя Святослава «отвориша ворота на Русьскую землю» (Там же. Стб. 645) является текст У и сходных: «замкни, государь, князь великий, Оке реке ворота». К выражению «солнце померкне» Задонщины есть также параллель («солнце померкшю» под 1187 г.). Если на Задонщину Пространной редакции оказал влияние текст Ипатьевской летописи, то, возможно, иная редакция речи Пересвета навеяна записью 1201 г.: «рче: да луче есть на своей земле костью лечи и нели на чюже славну быти» (Там же. Стб. 716). Составитель Краткой Задонщины не мог вычленить все общие места с Ипатьевской летописью. Впрочем, все приведенные выше примеры не имеют решающей убедительности. Дж. Феннел считает, что близости Задонщины к Ипатьевской летописи нет (Fennell. P. 126–137).] Надо иметь в виду также, что в XV в. в распоряжении составителей общерусского летописания находился южнорусский летописный источник, близкий к Ипатьевской летописи. [Подробнее см.: Насонов А. Н. Московский свод 1479 г. и его южнорусский источник // Проблемы источниковедения. М., 1961. Сб. 9. С. 350–385.] Самый старый из сохранившихся списков Пространной редакции Задонщины — И2 на основании палеографических наблюдений М. В. Щепкиной не может быть датирован ранее 20—30-х гг. XVI в. Примерно к этому же времени мы относим и составление протографа этой редакции.

В 20—30-х гг. XVI в. в обстановке резкого обострения отношения Москвы с Казанью и Крымом (нашествие в 1521 г. крымского хана на Москву, осада Казани и др.) [Подробнее см.: Смирнов И. И. Восточная политика Василия III // ИЗ. 1948. Кн. 27. С. 18–66.] в литературе увеличивается интерес к тематике русско-татарских отношений. [См.: Зимин А. А. Повести XVI века в сборнике Рогожского собрания // Зап. Отдела рукописей Государственной библиотеки им. В. И. Ленина. М., 1958. Вып. 20. С. 186–204.] В этой связи и возникает Пространная редакция Задонщины, прославляющая победу Дмитрия Донского над татарами.

В сборнике ГИМ, Музейное собр., № 2060, содержащем Задонщину по списку И1, находится летопись, до 1514 г. близкая к Новгородской 4 летописи по списку Дубровского. [Тихомиров М. Н. Краткие заметки о летописных произведениях в рукописных собраниях Москвы. М., 1962. С. 106.] В последующем изложении, обрывающемся на 1535 г., обнаруживается заметный интерес к русско-татарским отношениям. Здесь под 1521 г. рассказывается о походе на Русь «Ахмат-Кирея», под 1522 г. — о стоянии Василия III на Коломне в ожидании «крымского царя», под 1523, 1524, 1530 гг. — о походах русских войск к Казани. Это подтверждает предположение о связи Пространной редакции Задонщины с интересом к русско-татарским отношениям в 20-х гг. XVI в.

Если попытаться рассмотреть состав исправлений, внесенных в список К-Б при восстановлении протографа первоначальной или Краткой редакции, то выводы при всей их условности будут очень наглядны. Всего потребовалось произвести 24 поправки, тогда как для реконструкции протографа Пространной — около 280. Эта разница объясняется не

только более поздними списками Пространной редакции и индивидуализацией творчества переписчиков в XVI–XVII вв. Дело прежде всего в том, что список К-Б очень близок к протографу Краткой редакции. Это подтверждает и характер исправлений: 12 из них, т. е. половина, только устраняют явные опiski (№ 2, 3, 4, 5, И, 13, 14, 15, 16, 19, 23, 24). Одно устраняет введенную Ефросином дату событий в дошедший до нас список (№ 20). Из оставшихся 10 поправок одна (№ 18) восстанавливает пропуск, 3 (№ 6–8) исправляют редакцию одной фразы, а еще 4 — две следующие за ней. Весь остальной текст остается почти без каких-либо исправлений. Это, конечно, не означает, что протограф Краткой редакции идеален с точки зрения композиции и стиля: перед нами обработка устно-поэтического произведения, сложившегося еще в конце XIV в., т. е. бытовавшего уже долгое время. Да и сам Ефросин внес в текст Задонщины свои индивидуальные черты, вычленив которые не всегда удастся. Но уже то, что для восстановления архетипа (при наличии контролирующих текстов Задонщины Пространной редакции и Сказания о Мамаевом побоище) необходимо лишь минимальное число исправлений, дает основания считать Ефросина лицом, обработавшим устную Задонщину Софония.

Хронологическая близость Краткой редакции с Пространной и вероятная непосредственная связь их с литературной традицией Кирилло-Белозерского монастыря объясняют в какой-то степени отсутствие промежуточных звеньев между ними и их тесную текстологическую взаимозависимость.

Решив вопрос о соотношении Краткой и Пространной редакций Задонщины, [Сравнительный анализ синтаксических явлений в Задонщине привел Л. Матейку к выводу об архаичности синтаксического строя текстов К-Б, чем этот список отличается от всех других. Причем эта особенность не только связана с древностью списка, а с архаичностью этого текста Задонщины, ибо сходные явления обнаружены Матейкой в самом позднем списке (С), сохранившем черты, близкие к К-Б. Составленная автором схема соотношения списков Задонщины совпадает с характеристикой редакций и изводов памятника, являющейся результатом нашего исследования. (Matejka J. Comparative Analysis of Syntactic Constructions in the Zadońszina // American Contributions to the Fifth International Congress of Slavists. Sofia, 1963. The Hague, 1963. P. 383–402).] можно перейти к изучению их связей со Словом о полку Игореве.

Слово о полку Игореве не могло быть источником Краткой редакции Задонщины, ибо все общие места этих памятников находятся в более близком текстологическом соотношении именно с Пространной редакцией Задонщины. Иными словами, Слово непосредственно связано с Пространной, а не с Краткой Задонщиной.

Текстологическую связь Слова с Пространной редакцией Задонщины можно было бы объяснить лишь двумя путями: или к Слову обращались дважды (т. е. составители Краткой [Поскольку было доказано, что Слово во всех фрагментах ближе именно к Пространной редакции, то окончательный ответ на вопрос о возможности влияния Слова на Краткую Задонщину должен быть решен при сопоставлении не с Краткой, а с Пространной редакцией. (Об этом подробнее см. в главе II.)] и Пространной редакцией), или тем, что Задонщина Пространной редакции явилась источником Слова. Первый случай, допустимый чисто логически, фактически исключен, ибо все отличия Задонщины Пространной редакции от К-Б, как было показано, объясняются их происхождением от Сказания о Мамаевом побоище и Никоновской летописи или редакционной переработкой текста Краткой редакции. Никаких следов того, чтобы чтения, отличающие протограф У, И1, И2 и С от К-Б, могли восходить к какому-либо другому источнику (т. е. к Слову о полку Игореве), обнаружить не удастся.

Из Никоновской летописи и Сказания о Мамаевом побоище мотивы Слова не могли попасть в Задонщину. Отрывки из Никоновской летописи вообще не имеют черт близости со Словом (они содержат подробности чисто фактического характера). Общих мест между Сказанием, Словом и Задонщиной очень немного. Но и они говорят о близости Слова к Задонщине, а не к Сказанию Основной редакции. Например: «древеса туюю к земле

преклонилися» (Задонщина), «древо с туюю къ земли преклонилося» (Слово), а в Сказании — «древа преклоняются».

Есть в Пространной Задонщине и Сказании отрывки о «катунах» и о бегстве Мамаея «неуготованными дорогами», т. е. созвучные Слову о полку Игореве. Допустим, что в Пространную Задонщину все эти элементы попали из Слова, а не из Сказания. Но тогда получится, что и составитель Сказания обращался к Слову. Однако никаких других параллелей, кроме отмеченных, между Словом и Сказанием Основной редакции нет. Поэтому придется признать, что автор Сказания обращался к Слову только в тех местах, которые привлекали и внимание составителя Задонщины. Такое «случайное» совпадение, конечно, маловероятно. [Это соображение высказано С. Н. Азбелевым.] Поэтому следует полагать, что не Слово, а именно Сказание влияло на Пространную Задонщину.

Вернувшись на некоторое время к фрагментам, в которых дано сравнение текстов Краткой и Пространной редакций Задонщины, убедимся, что стилистические изменения Пространной редакции по сравнению с К-Б соответствуют Слову. Но большее сходство Пространной редакции Задонщины со Словом о полку Игореве появилось не за счет каких-либо неизвестных нам источников, а в самой Пространной Задонщине в результате редакционной работы ее составителя. Так, во втором фрагменте в К-Б читается «воскладая», а не «воскладаше» (Слово) и «воскладоше» (И 1), «славу... княземъ», а не «князем... славу» (И1, Слово). В седьмом фрагменте «стязи стоят» К-Б соответствует «стоять стязи» (И 1, Слово). В фрагменте десятом «сядем... на свои борзи комони» (К-Б) противостоит «всядемъ... на свои бръзья комони» (Слово) и близкому «усядем на борздыя кони» (С). В двенадцатом фрагменте «всташа силнии ветры» К-Б дальше от Слова («вѣтры... вѣють»), чем И1 («возвеша силнии ветри»). Молнии в К-Б «пашють», а не «трепещуть», как в И1 и Слове. «Кровавым облакам» К-Б в двенадцатом фрагменте противостоят «кровавые зори» И1 и Слова. В четырнадцатом фрагменте «ступи во свое златое стремя» (К-Б) отлично от «въступи... въ златъ стремя» (Слово) и сходного «въступи въ златое стремя» (И1); «рано пред зорею» (К-Б) отлично от «рано предъ зорями» (Слово, У и близкие к У И1, С). Подобных случаев редакционных расхождений К-Б, с одной стороны, и Пространной редакции Задонщины со Словом — с другой можно было бы привести гораздо больше. Но их появление нельзя объяснить вторичным влиянием Слова на Задонщину (в данном случае — на ее Пространную редакцию), а лишь только переработкой Краткой редакции Задонщины в Пространную.

Трудно себе представить, чтобы автор Пространной редакции Задонщины внимательно сравнивал Краткую Задонщину, где Слово было уже использовано, с Игоровой песнью, выискивал в последней отрывки сходных фраз (что чрезвычайно трудно даже для современного исследователя), вносил в свой текст исправления отдельных оборотов, заменял одни слова другими и проделывал аналогичную работу редакционного характера. Громоздкость и искусственность такого построения самоочевидны. [Логически допустимый вариант: Краткая редакция Задонщины — основа Слова о полку Игореве, а оба эти памятника использованы автором Пространной редакции, — невозможен по той же причине, что и рассмотренный выше: характер отличий Пространной редакции от Краткой таков, что не позволяет возводить их к Слову о полку Игореве.]

Такую работу еще можно было бы проделать с произведениями на сходную тему (ее элементы обнаруживаются в переработке автором Пространной Задонщины своего краткого прототипа под влиянием Сказания о Мамаевом побоище). Но исправлять текст — грамматические и стилистические нюансы Задонщины по памятнику, написанному на другой сюжет, находя в нем сходные созвучия, мог бы только высокообразованный литературовед XIX–XX вв. Новые черты Задонщины Пространной (сравнительно с Краткой) редакции, сближающие ее со Словом, объясняются, следовательно, не привлечением каких-либо новых источников, а особенностями художественного творчества составителя, его общественно-политическими представлениями, порожденными обстановкой 20–30-х гг. XVI в. Но в таком случае текстологическая

близость между этими памятниками может быть объяснена только тем, что Слово о полку Игореве имело своим источником Пространную редакцию Задонщины.

Задонщина явилась одним из основных источников поэтического вдохновения автора Слова. Это могло произойти не только из-за близости сюжетов, но и из-за того, что и Задонщина в своих источниках (особенно в Краткой редакции) была близка к памятникам народного творчества. Она как бы знаменовала собою начало процесса освоения былинного творчества письменной литературой. Слово о полку Игореве этот процесс завершает. Лучшие страницы Слова (в особенности его вторая половина) основаны не столько на Задонщине, сколько на многовековой традиции эпического наследия, и прежде всего былинного.[Об этом подробнее см. главу IV.]

Но если Слово о полку Игореве основано на тексте Задонщины Пространной редакции, то оно не могло появиться в дошедшем до нас виде ранее 20—30-х гг. XVI в.

Глава II. ЗАДОНЩИНА И СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ

Итак, повторим, Краткая редакция Задонщины — памятник, записанный в 70-х гг. XV в., а Пространная редакция возникла на основе Никоновской летописи и Сказания о Мамаевом побоище в 20—30-х гг. XVI в. Слово о полку Игореве обнаруживает наиболее разительное сходство с Синодальным списком Пространной редакции Задонщины. А так как Пространная редакция целиком выводится из названных выше источников (с учетом редакционной работы ее составителей) и не имеет среди источников Слова, то отсюда естествен вывод о вторичном по сравнению с ней происхождении Слова о полку Игореве. Но этот вывод может считаться окончательно доказанным лишь тогда, когда будет установлено, что ни одно из общих мест Слова с Задонщиной по своему контексту не может быть признано первичным для Игоревой песни и вторичным для произведения о Куликовской битве.

Если в предшествующей главе сделана попытка объяснить происхождение всех особенностей Пространной редакции из Краткой как естественный результат работы ее составителя, то теперь следует установить, как соотносятся между собою общие места Пространной редакции Задонщины и Игоревой песни. Сопоставление текстов должно показать характер работы автора Слова, точнее — являются ли фрагменты, связывающие Игореву песнь с Задонщиной, по своему происхождению вторичными или этого утверждать нельзя. Даже в самом талантливом произведении, основанном на широком привлечении памятника, принадлежавшего другому автору, следы инородных текстов могут и должны быть обнаружены. Сопоставление это будет состоять из трех частей. Прежде всего, будет произведено сравнение Слова с протографом Пространной Задонщины,[Обоснование реконструкции дано нами в Приложении. {«Слово» цитируется по реконструкции А. А. Зимина, «Задонщина» — по реконструкции ее Пространной редакции. См. ниже с. 443–451 и 484–490.}] в основу которого положен список И1 памятника (с учетом особенностей остальных списков — прежде всего С и У).

Но необходимо не просто установить взаимоотношение обоих памятников, но и проследить текстологическую связь Слова с каждым из списков Задонщины, дать отчетливое представление о генеалогической схеме этих списков и отношении к ней Игоревой песни. Это возможно уже на основе «микротекстологии», т. е. путем систематического и всестороннего исследования всех словесных совпадений между текстами.

Наконец, третья часть главы содержит постановку проблемы о взаимосвязи Слова и Задонщины с точки зрения стилистических особенностей (звукопись и «поэтика подражания»).[Проблема языковой связи Слова и Задонщины рассматривается в главе V.]

Фрагмент № 1. Зачин.

Слово:

Не лѣпо ли ны бяшетъ, *братие*, *начати* старыми словесы трудныхъ *повѣстий* о *плѣку* Игоревѣ, Игоря Святъславлича! *Начати* же ся тѣй пѣсни по *былинамъ* сего времени, а не по замышлению Бояню.

Задонщина:

Лудчи бо *нам* (Так У. И1 Лутче бо) есть, *братие*, *начати* (Так У. И1 нача) поведати инеми *словесы* о похвальных сих (Так У, С. И1 нет) о нынешних *повестех* о (Испр. И1 от. С а) *полку* великого (Так У, С. И1 нет) князя Дмитрея... *начати* (Испр. И1 начаша) поведати по делом по былым (*Испр. Вместо двух слов: И1 по гибелью, С былым, У и по былинам*).

Уже торжественное начало Слова и его заголовок («Слово о плѣку», ср. У «Слово о великом князе») настолько близки к Задонщине, что это может быть объяснено только текстологической связью памятников.

Автор Игоревой песни начал с обращения к «братьям», говоря о своем желании им поведать о «трудных повестях» (т. е. повести о ратных трудах). [Ср.: Ржига В. Ф. Композиция Слова о полку Игореве//Slavia. 1925. Roč 4. Seš. 1. S. 46. Ср. ниже: «Почнемъ же, братие, повѣсть сию». В Ипатьевской летописи читаем: «Начнемъ же сказати бещисленныя рати и великыя труды» (1227 г.), ср. еще: «А лепо ны было, братье... поискати отецъ своих и дедъ своих пути и своей чести» (1170 г.). Ср.: ПСРЛ. СПб., 1908. Т. 2. Стб. 750 и 538.] «Лудчи бо намъ есть» Задонщины заменено словами «не лѣпо ли ны», близкими к былинному зачину, облеченному в текстовой материал Ипатьевской летописи. Но при этом текст недостаточно согласован со второй фразой Слова, и вместо ответа на риторический вопрос автор Игоревой песни в соответствии с Задонщиной поместил: «Начати же... по былинамъ...».

В первом фрагменте как-то необычно слово «песнь». В Древней Руси песнями в духовной литературе обычно именовались церковные песнопения («Песни Моисеевы» и др.), а иногда народные песни. [Срезневский. Материалы. Т. 2. Стб. 1787–1788.] Ни одного светского литературного произведения Древней Руси, называющего себя песней, нам не встретилось. Название Слова «песнью» навеяно народными представлениями и традицией церковной ораторской литературы. По Ипатьевской летописи (1199 г.), игумен Моисей говорил о своей рати: «пою ти песь победную». [ПСРЛ. Т. 2. Стб. 714.] По Задонщине, Боян поет «славу» русским князьям, а по слову — «пѣснь творити» или «пѣсь пояше». Выражение «инеми словесы» Пространной редакции Задонщины (позднейшее дополнение сравнительно с Краткой) имеет совершенно определенный смысл: т. е. отлично от Софония. «Старые словесы» Слова непонятны, если считать, что произведение написано в XII в. (ведь автор обещает писать «не по замышлению Бояню»), но естественны, если автор, живший в позднее время, облачает свое сочинение в архаичные формы.

В. П. Адрианова-Перетц считает, что «столетней давности язык для автора конца XII в.» — уже «старые словеса». [Адрианова-Перетц. «Слово» и памятники. С. 49.] Но изменения в языке Древней Руси протекали очень медленно. Язык конца XI в. и по словарному составу, и по грамматическим формам ничем существенно не отличался от языка конца XII в. Поэтому для певца времен Игорева похода он никак не мог казаться «старым». Большинство исследователей видит в данном фрагменте размышления автора Слова о стиле своего произведения: повести ли ему речь «старыми словесы» или «по былинамъ». [«Автор Слова, — пишет Д. С. Лихачев, — отказывается начать свое повествование в старых выражениях и хочет вести его ближе к действительным событиям своего времени» (Слово-1950. С. 76). О позднейшем происхождении чтения «былинамъ» в Задонщине см. Приложения к настоящей работе.] В. Г. Смолицкий заметил, что «в подлиннике нет никаких колебаний, автор ничего не спрашивает, ни в чем не сомневается. Перед нами типичный риторический вопрос». [Смолицкий В. Г. Вступление в «Слове о полку Игореве»//ТОДРЛ. М.; Л., 1956. Т. 12. С. 134. См. также: Müller L. Einige Bemerkungen zum Igorlied // Die Welt der Slaven. 1965. Jhrg. 10, H. 3–4. S. 245–258.] Автор Слова уверен, что лучше всего ему начать повествование именно «старыми словесы», т. е.,

конечно, старыми словами (сходно и в Задонщине: «Людчи бо... начати поведати иными словесы») и в то же время «не по замыслению Бояню». Писатель XII в. не мог сказать о том, что он будет писать на старый манер и одновременно не так, как его давний предшественник. Вместе с тем Слово не могло быть составлено фальсификатором. Подделывателю вряд ли не пришло бы в голову, что «его противопоставление „старых словес“ новым может дать повод заподозрить подлинность „Слова“». [Гудзий. По поводу ревизии. С. 96.] Другое дело, если перед нами стилизация. Тогда совершенно естественно, что уже в самом начале Песни автор стремится до читателя мысль о том, что он пишет свое произведение «старыми словесы». [Б. А. Рыбаков пишет, что автор Слова противопоставлял «свою поэзию „старым словесам“ Бояна» (Рыбаков Б. А. Древняя Русь: Сказания. Былины. Летописи. М., 1963. С. 79). Но творец Игоревой песни сам собирается писать «старыми словесы... по былинам сего времени, а не по замыслению Бояню». Следовательно, отождествлять эти «словесы» с Бояновыми никак нельзя.] Вместе с тем он хочет творить не так, как Боян (и как автор Задонщины). [О стремлении автора Слова как бы «отмежеваться» от своего предшественника см.: Braun M. Literarische Polemik im Igor-Lied//Orbis Scriptus. München, 1966. S. 141–144.] Н. К. Гудзий толкует выражение «старыми словесы» как «в прежнем, привычном стиле, „в традиционной манере“ песенной речи Бояна». [Гудзий. По поводу ревизии. С. 96.] Но это толкование противоречит тому, что автор Слова пишет «не по замыслению Бояню», т. е. как раз не в манере Бояна. К тому же он вообще говорит не о стиле, а о «словесах» — словах. Что это так, видно из самого текста Слова, где мы находим эти причудливые «старые» слова, заимствованные по преимуществу из летописи. Поэтому прав Д. С. Лихачев, переводящий «старые словесы» как «прежние», «отмененные слова» или «старые выражения». [Слово-1950. С. 375; Лихачев. Слово-1955. С. 58. Считая, что ощущение разницы стилей появилось только в начале XIX в., Д. С. Лихачев в последнее время отказался от своего прежнего понимания «старых словес». «Старые» якобы не означает в Игоревой песни «устарелые», а просто то, что «Боян был прежний певец и что он „пел“ по-иному» (Лихачев. Поэтика. С. 22). Это совершенно невероятно. Если б речь шла об этом, то в Слове мы бы нашли все те же «иные словесы», которые читаются в сходном месте Пространной Задонщины. {См. также: Соколова Л. В. Зачин в «Слове» // Энциклопедия. Т. 2. С. 215–218.}] И вместе с тем нет никаких данных говорить и о существенном различии словарного запаса XI и XII вв., тем более что в Слове «ветхих слов», отличающихся от языка XII в., обнаружить не удастся. Итак, автор Слова пишет языком XII в., который для него не что иное, как «старые словесы». Следовательно, он творил уже много времени спустя описанных им событий.

Фрагмент № 2. Песни Бояна.

Слово:

Боянь бо *въиий*, аще кому хотяше пѣснь творити, то растѣкашеться *мыслию* подреву, сѣрымъ вълкомъ *по земли*, шизымъ орломъ подь облакы.

Помняшеть бо, речѣ (в изд.: *речь*), *първыхъ времянь* усобицѣ. Тогда пущашеть 10 соколовъ на стадо лебедѣй, которой (в изд.: *который*) дотечаше, та преди пѣсь пояше старому Ярославу... *Боянь* же, братие, не 10 соколовъ на стадо лебедѣй пущаше, нъ своя *въщия прѣсты на живая струны въскладаше*; они же сами княземъ славу рокотаху.

Задонщина:

Но проразимся *мыслию* (Так У. И1 протрезвимься *мысльми*) *по землям* (Испр. И1 и землями. У но землями. С землями) и *помянемъ* *первыхъ* лет времена и похвалимъ *вещаго* Бояна (Испр. И1 вещь Боинаго), гораздаго гудца (Так У, С. И1 гдуца) в Киеве. Тот *Боян* (Испр. И1 Боюн. С Бо) *воскладоше* гораздья *своя персты на живыя струны* и *пояше* княземъ рускимъ *славу*, первому (Так У, С. И1 первую славу) великому князю киевскому Рюрику (Так С. И1 нет).

...птицы (Так У, С. И1 птица их крилати) под *облаки летают*... соколы и кречати, белозерския ястребы... хотят ударити на многие стады гусиныя и на лебединыя (Так С. И1, У девяти слов нет).

Фрагмент о Бояне в Слове наполнен фольклорно-летописными мотивами: здесь и серый волк, и шизый орел.[Вопрос о чтениях «мысию» (белке) и «мыслию» решается наличием «мыслию» в Задонщине. См. также: Шарлемань Н. В. Заметка к тексту «растѣкашется мыслию по древу» в «Слове о полку Игореве»//ТОДРЛ. М.; Л., 1958. Т. 14. С. 41–42; Лихачев. Текстология. С. 259; Чхаидзе Л. П. К толкованию одного места в «Слове о полку Игореве»//Труды Тбилисс. гос. ун-та. Тбилиси, 1964. Т. 98. С. 271–276; Колесов В. В. «Растекашется мыслию по дрѣву»//Вестник ЛГУ. № 2. История, язык, литература. 1971. С. 138–139. (См. также: Соколова Л. В. Мысль//Энциклопедия. Т. 3. С. 293–296.)] Здесь и десять соколов, выпущенных на стадо лебедей (дважды), и, наконец, летописный Мстислав, который «зарезал» Редедю. Весь зачин, несмотря на некоторые стилистические дефекты, в Слове получился необычайно ярким. Торжественной звучностью впечатляет и сочетание «славу рокотаху», отсутствующее в других памятниках.

Обращает на себя внимание то, что Боян в Слове о полку Игореве выступает в образе «пѣс(но)творца старого времени», в то время как составитель Задонщины его поминает как «гораздаго гудца в Киеве». Хотя оба определения находятся в разных контекстах, но их связь как по существу, так и грамматическая несомненна. Но в Древней Руси сказители-музыканты назывались именно «гудцами» (так в Ипатьевской летописи под 1201 г.).[ПСРЛ. Т. 2. Стб. 716. См. также: Срезневский. Материалы. Т. 1. Стб. 608; Тихомиров. Русская культура. М., 1968. С. 67–68.] Правда, и «песнотворцы» встречаются в древних памятниках (их упоминает Кирилл Туровский).[Срезневский. Материалы. Т. 2. Стб. 1787.] Но это — термин церковный, причем хорошо известный и в XVIII в. (его, например, находим в лексиконе 1704 г. Ф. Поликарпова).[См. также: Словарь церковнославянского и русского языка. СПб., 1867. Т. 2. Стб. 1242.] Он вполне соответствует и названию «Пѣснь полку Игореву», которое давалось переводу Слова в XVIII в., и следам церковной лексики, обнаруживаемым в памятнике.[Об этом подробнее см. главу V.]

В Слове вместо старого образа гудца дается изысканное сопоставление песен Бояна с полетом лебедей. Фраза «не 10 соколовъ на стадо лебедей пущаще, нь», соотносящаяся с уже упоминавшимися ранее лебедями, близка к другому тексту Задонщины. Вопрос о первичном или вторичном происхождении текста о лебедях не имеет однозначного решения (если брать его в отрыве от других). Но суровая и поэтическая простота целостного основного фрагмента Задонщины делает вероятным предположение о ее первичности.

Позднее, сравнительно со Словом о полку Игореве, происхождение Задонщины Т. Чижевская усматривает в том, что в ряде списков имя Бояна читается неверно.[Cizevska T. A comparative Lexicon of the Igor' Tale and the Zadonščina//American Contributions to the Fifth International Congress of Slavists. Sofia, 1963. The Hague, 1963. P. 322–323, 326.] Но все построение Чижевской рушится, если считать Краткую редакцию Задонщины первичной. Ведь в списке К-Б совершенно правильное чтение — «Боян».[Подробнее об этом см. в главе I. Т. Чижевская находит «очень мало смысла» в эпитете «буйные» словесы (К-Б, С). Но значение этого слова (смелый, могучий) вполне подходит к контексту, в котором оно употреблено в Задонщине.]

Красочному образу «растѣкашется мыслию по древу... по земли» (Слово) соответствует туманное «проразимся мыслию по земли» (если мы верно реконструируем текст Пространной редакции Задонщины). Впрочем, в недошедшем списке Задонщины, находившемся в руках автора Слова, мог читаться текст, более близкий к сходному в Игоревой песни.

Считая образы Слова по сравнению с Задонщиной первичными, Д. С. Лихачев пишет, что в списках Задонщины «златыми и живыми... именуются то персты, то струны: образ обесмыслен».[Лихачев. Изучение «Слова о полку Игореве». С. 55.] Это ошибка. Ни в одном из текстов Задонщины персты не называются живыми. Весь же текст с «живыми струнами» восходит к Слову о воскрешении Лазаря, взятому автором Пространной Задонщины из Краткой (Задонщина, фрагмент № 2).

Фрагмент № 3. Формула героизма.

Слово:

Почнемъ же, братие, повѣсть сию отъ стараго Владимира до нынѣшняго Игоря, иже *истягну умъ крѣпостию своею, и поостри сердца своего мужествомъ, наплънися ратнаго духа*, наведе своя храбрыя плѣкы на землю Половѣцкую за землю Руськую.

Задонщина:

Истезавше (Так У. И стяжав их и) *ум свой крепостию и поостриша* (С поостри) *сердца своя мужеством, и наполни* (Так У, С. И1 наполнишася) *ратнаго духа и уставиша себе храбрыя* (Так У. И1 храмныя) *плѣкы в Руськой земли.*

Если Задонщина начинается ссылкой на Бояна, певшего согласно летописям «от Рюрика», то в Слове Боян поет про Ярослава, Мстислава и Романа Святославича, а сам автор Слова собирается начать свою повесть «отъ стараго Владимира до нынѣшняго Игоря». Правда, свое обещание он не выполнил. О Владимире в Слове дальше не говорится. Этот эпический князь, непреременный герой былин киевского цикла, лишь называется в Слове, но действующим лицом в нем не является, он привлечен как необходимый элемент былинного рассказа.[Видя несоответствие упоминания Владимира дальнейшему содержанию Игоревой песни, Р. О. Jakobson вставляет в реконструкцию слова «зане же болѣзнь кнѣземъ о земли Руськой» (далее «отъ стараго Владимира» и т. п.). Ссылается он при этом на Слово о погибели, где есть текст «в ты дни болезнь крестияном от великаго Ярослава» (Бегунов Ю. К. Памятник русской литературы XIII века «Слово о погибели Руськой земли». М.; Л., 1965. С. 154; Jakobson R. La Geste du prince Igor II Jakobson. Selected Writings. P. 150, 164). Конечно, это крайне субъективное дополнение текста. Достаточных оснований говорить о влиянии Игоревой песни на Слово о погибели нет. (Об этом см. ниже в главе IV.) Б. А. Рыбаков считает, что в Песни мог находиться рассказ, близкий к Слову о погибели (Рыбаков. 1) «Слово» и современники. С. 68–85; 2) Русские летописцы. С. 477–478).] К тому же Владимир в Задонщине дважды назван родоначальником русских князей («помянута прадеда своего князя великаго Владимира», «Гнездо есмя великаго князя Владимира»).

Еще Н. Ф. Грамматин, ссылаясь на выражение «до нынѣшняго Игоря», считал, что Слово написано при жизни главного героя Песни. Однако и Пушкин начинал «Песнь о вещем Олеге» словами «Как ныне сбирается вещий Олег», хотя жил отнюдь не в X в. Поэтому автор Игоревой песни вполне мог говорить о «теперешнем» Игоре, т. е. о том, о котором идет повествование.

Итак, начиная поход на половцев, Игорь «истягну умъ крѣпостию своею». Слово «истягну» давно уже ставило исследователей в затруднительное положение. Большинство их переводило его как «препоясав» (в соответствии с церковными текстами и Ипатьевской летописью под 1289 г.: «крепостью препоясан»).[ПСРЛ. Т. 2. Стб. 924.] Но это толкование делает непонятным весь контекст Слова: ведь в нем идет речь о том, что сердце закаляется мужеством, а ум испытывается крепостью, твердостью. Глагол «препоясывается» вместо «испытывается» был бы здесь неуместен. Поэтому «истягну» Слова является не чем иным, как переработкой «истезавше» Задонщины. В определении Владимирского собора 1274 г. термин «истязать» равнозначен «испытать» («епископи же, егда хотяють поставити попа или дьякона, да истязють житье его», ср. ниже «хотящи поставлени быти да испытають их потонку»).[РИБ. 2-е изд. СПб., 1908. Т. 6. Стб. 89, 90. В Написании о грамоте (конец XV в.) встречаем выражения: «в разуме стяжают», «дав ему стяжателя разумного ум» (Клибанов А. И. «Написание о грамоте»//Вопросы истории религии и атеизма. М., 1953.

Сб. 3. С. 377), ср. также замену: «истяжа мя» на «испытай мя» в переводах Псалтыри (Перетц. Слово. С. 144).]

Далее, Игорь «поостри сердца своего мужеством». Если форма «поостриша (поостри С) сердца своя мужеством» (князя Дмитрий и Владимир) в Задонщине грамматически вполне оправданна, то этого нельзя сказать о соответствующем тексте Слова. Выражение «поостри сердца своего» по меньшей мере странно (нужно было «сердце свое»). Эта неправильность произошла, очевидно, при перенесении формы «сердца» из Задонщины. Впрочем, такую же форму дает и М. Смотрицкий в своей «Грамматике» для «солнце» с распространением ее на «сердце» и др.[Смотрицкий. Грамматика. Л. 112 об.]

Нас должно насторожить и последнее выражение фрагмента «наведе своя храбрыя плъкы на землю Половыцкую» Слова: ведь это выражение, как правило, применялось к нашествию войск иноплеменников[«Наводит Бог... иноплеменники на землю» (НПЛ. 1238 г. С. 289) или «наводит бо Бог по-ганья» (Там же. 1068 г. С. 186); в рассказе 1185 г.: «наведе на ня (Х, П ны) Господь гнев свои» (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 642–643).] или к беде вообще, насланной Богом, т. е. слово имеет отрицательный смысл.

Фрагмент № 4. Обращение Игоря к воинам.

Слово:

Тогда Игорь възрѣ на светлое солнце и видѣ отъ него тьмою вся своя воя прикрыты. *И рече* Игорь къ дружинѣ своей: «Братие и дружино! *Луце жъ бы потяту быти, неже полонену быти. А всядемъ, братие, на свои бръзья комони, да позримъ синего Дону*». Спала князю умъ похоти, и жалость ему знамение заступи, искусити Дону великаго. «Хощу бо, — рече, — *копие приломити конецъ поля Половецкаго съ вами, русици. Хощу главу свою приложити*,[Возможно, слово «приложити» — описка (вместо «положити»)] а любо испиши шелоомъ Дону».

Задонщина:

И рече Пересвет чернец (Так У. И1 *четырёх слов чет*) великому князю Дмитрию Ивановичу: «*Луче бы нам(Так У, С. И1 нет)* посеченым (У понятым) *быть, нежели (Так У, С. И1 вместо последних двух слов: пасти, а не) полоняным быти (Так У, С. И1 въспети)* от поганых»...

Те бо суть сынове храбрии, родишася в ратное время, под трубами повити (*Испр. по С.И1 вместо семи слов: кречати в ратном времени, ведоми полковидцы под трубами и С родишася в ратное време под трубами нечистых), под шеломами возлелияны, конец копия* вскормлены (*Испр. И1 нет трех слов. Скорчаны коней воскормлены*)...

...сами сядем на борзья своя комони, посмотрим быстрого Дону, сопием шелоом воды (Так С. И2, У *последних трех слов нет*), испытаем мечев своих...

...хотят сильно главы своя *положити* за землю за Рускую (Так У, С. И1 *последних четырех слов нет*).

Увидев дурное «знамение» («тьмою вся своя воя прикрыты»), Игорь обращается к своей дружине с призывом, несмотря ни на что, продолжать задуманный поход. Все это вполне логично. Но вот при чем тут фраза: «Луце жъ бы потяту быти, неже полонену быти», совпадающая со словами Пересвета в Пространной Задонщине, где текст более поздний, чем в Краткой (Задонщина, фрагмент № 17)? Ведь князь сам решил начать поход против половцев, и не о плене ему, казалось, надо было думать.[Черных П. Я. О выражении «за шеломянем» в «Слове о полку Игореве»//Учен. зап. Ярославск. гос. пед. ин-та. 1944. Вып. 1. С. 56.] Мало того, Игорь призвал воинов лучше погибнуть, чем попасть в плен, а потом как он сам, так и многие его воины оказались в плену. Такое несоответствие[На это обратил внимание М. И. Успенский (ИРЛИ, ф. Успенского, д. 38). Видя отмеченное выше несоответствие, Б. А. Рыбаков считает, что фраза о плене имела в виду ситуацию в первые дни похода («Ясно, что речь идет не о том плене, который стал жребием русских на Каяле, а о какой-то возможности плена здесь, на Донце, где произносилась эта несколько высокопарная фраза». Рыбаков. «Слово» и современники. С.

239). Но это построение не меняет сути дела: русские воины все равно попали в полон, несмотря на выпретенную фразу Игоря. (Д. С. Лихачев иначе понимал это место: «Лучше ведь зарубленным быть (в битве), чем плененным (бесславно дома)». Лихачев. Слово-1982. С. 54.)] можно объяснить только тем, что автор Слова построил обращение Игоря по имевшемуся в его распоряжении литературному материалу (Задонщина) и не согласовал его с художественной логикой произведения.

Призывы, обращенные к воинам, хорошо известны литературе разных времен. Но никогда они не вступают в разительное противоречие с поведением героя. Так, Святослав, обращаясь к воям, говорил: «не посрамят земли Русские, но ляземы костью ту и мертвы бо сорома не имаеть, аще ли побегнем, то срам нам». В результате сечи «одоле Святослав».[ПСРЛ. Т. 2. Стб. 58.] Когда в 1150 г. Изяслав решил дать бой в трудных условиях своему противнику, он произнес: «Луче, братье, измрем еде, нежели сесь сором възмем на ся».[ПСРЛ. Т. 2. Стб. 401.] Тогда «кияне» заявили: «поиде, княже, прочь», покинули Изяслава, чем вынудили князя отказаться от борьбы с Владимиром. Резкое несоответствие слов Игоря результатам его похода могло быть продиктовано стремлением автора показать легкомыслие князя. Однако весь тон оценки ратного подвига князя противоречит этому допущению. Дело, следовательно, не в самой формуле обращения Игоря к воинам, а в ее несогласованности с реальной судьбой новгород-северского князя. Ведь перед нами не хроника, фиксирующая реальные события, а художественное произведение, написанное по единому замыслу. В контексте же Задонщины все ясно: поход Дмитрия вынужденный, на Русь надвинулись полки Мамаея, и, если от них не защитить землю, народ будет полонен. Инок-воин Пересвет действительно предпочел гибель со славой бесславному плену. Все совершенно естественно. Дальнейшее исследование покажет, связана ли речь князя Игоря в Слове с изменением представлений о плене, происшедшим со времени создания Задонщины, или нет.

Призыв Игоря можно сравнить с репликой Пересвета из Краткой редакции, чтобы убедиться в разнице отношения двух авторов к своим героям. Пересвет, поскакивая «на вешем сивце», говорит, что лучше «навергнуться на свои мечи», т. е. погибнуть от своих рук, чем «от поганных положеным пасти». Но самоубийство отнюдь не соответствовало христианскому мироощущению, и поэтому Ослябя отвечает герою: «Уже, брате, вижду раны на сердци твоёмъ тяжки. Уже твоей главе пасти на сырую землю». Так и произошло: Пересвет погиб на поединке. В диалоге Пересвета и Осляби присутствует тот авторский корректив к словам героя, которого нет в Песни о походе Игоря, где есть другое необъяснимое расхождение между словом и делом героя.

Выражение Задонщины «главы своя положити» гораздо более правильно передает образ, чем «главу свою приложите» Слова.

Л. В. Черепнин обратил внимание на то, что целью военной экспедиции 1185 г., по Слову, было очищение Дона от половцев.[Черепнин Л. В. Слово о полку Игореве как памятник публицистики XII в. (рукопись). С. 6–8.] Тринадцать раз в произведении говорится о желании князя «испити шелоном Дон» и даже о том, что битва происходила «на реце на Каяле, у Дону великого». Однако на Дону происходила Куликовская битва 1380 г., а сражение при Каяле, судя по летописным данным, тонко интерпретированным К. В. Кудряшовым, разыгралось в районе Донца, т. е. вдали от течения Дона.[Кудряшов К. В. 1) «Слово о полку Игореве» в историко-географическом освещении//«Слово о полку Игореве». М., 1947. С. 43–94; 2) Половецкая степь. С. 42–90; 3) Еще раз к вопросу о пути Игоря в Половецкую степь//ТОДРЛ. М.; Л., 1958. Т. 14. С. 49–60. Подробнее см. главу III настоящего исследования.] Перед нами, таким образом, еще одна неточность, происшедшая от перенесения географических данных Задонщины в Слово.

Фрагмент № 5. Обращение к соловью.

Слово:

О Бояне, соловию стараго времени! Абы ты сиа плъкы *ущекоталь*, скача, *славию*, по мыслену древу, *летая* умомъ *подъ облакы*, спивая (в изд.: свивая) *славы* обаполы сего времени, рища въ тропу Трояню чресь поля на горы.

Задонщина:

О, соловей, летняя птица, чтобы ты *соловей выщекотал* из земли Литовской сиа (Испр. И1 вместо двух слов: той всей, И, У Литовской) дву братьев Олгердовичев... *Боян...* пояше князем руским *славу* (Так У. И1 славы)... птицы (Так С. И1 птица их крилати. У птицы крылати) *под облакы летаютъ...*

Начав рассказывать о выступлении Игоря в поход, автор Слова совершенно неожиданно для читателя возвращается к Бояну — «соловью», певцу старых князей, предлагая ему «ущекотать» «сиа плъкы». В Задонщине соловей и жаворонок — верные друзья автора. Первый должен воспеть славу князю Дмитрию, а второй призвать Олгердовичей на помощь великому князю из Литовской земли.

В данном случае текст Задонщины понятен: соловей должен «выщекотать» (этот термин есть в фольклоре), [«Стала тут сорока выщекатывать» (Гильфердинг А. Онежские былины. 4-е изд. М.; Л., 1949. Т. 1. С. 128).] вызвать княжичей для участия в борьбе с татарами. По Слову, соловей-Боян должен «ущекотать» (воспеть?) [По Р. О. Якобсону, первичной была форма «въщекотал», т. е. «воспел соловьиным щекотом». Он сравнивает ее с «вощекотал славу» по списку Ундольского Задонщины (Jakobson R. Ущекоталь скача//Selected Writings. P. 603). Но это чтение — индивидуальное, особенность списка, в отличие от «выщекотал» К-Б, И1 и С.] полки Игоря (подобная форма отсутствует в других дошедших до нас памятниках). Хотя поэтическая красота обращения к соловью расцвела новыми оттенками, смысл его усложнился.

Соловей-Боян летал умом под облаками, «свивал» славы «обаполы сего времени». Ссылаясь на Задонщину, В. П. Адрианова-Перетц, а вслед за нею и Д. С. Лихачев справедливо отвергают конъектуру Д. Дубенского и Ф. И. Буслаева — вторично «славию» (вместо «славы»). [Адрианова-Перетц. Задонщина. (Опыт реконструкции). С. 219; Лихачев Д. С. 1) Из наблюдений над лексикой «Слова о полку Игореве»//И ОЛЯ. 1949. Т. 8, вып. 6. С. 54; 2) Текстология. С. 260. Видя, что чтение «свивая славы» создает для исследователя чрезвычайные трудности, В. П. Адрианова-Перетц склоняется к чтению «свивая славию» (Адрианова-Перетц. «Слово» и памятники. С. 60). Но в этом случае текст теряет уже всякий смысл, ибо остается совершенно непонятным, что же «свивал» соловей «по обе стороны времени».] Повторяющийся в Слове мотив «пѣти пѣсь», «въспѣти» и т. п. при «пояше... славу» Задонщины заставляет нас принять конъектуру Г. А. Ильинского «спивая» (вместо «свивая») славы. Выражение «под облакы» есть и в Слове, и в Задонщине. Но в сходном контексте его нет в притчах Соломона, к которым этот текст восходит. [Ильинский Г. Несколько конъектур к Слову о полку Игореве: (По поводу труда акад. В. Н. Перетца)//Slavia. 1929. Roč. 8. Seš. 3. S. 651–652.]

Фрагмент № 6. Выступление в поход.

Слово:

Пѣти было пѣсь Игореву, того (Олга) внуку: «Не *буря соколы занесе* чресь поля широкая, — *галици стады бежать къ Дону великому*». *Чили въспѣти* было, *въщей* Бояне, *Велесовь* внуче: «*Комони ржуть* за Сулою, — *звенишь слава въ Киевѣ*. *Трубы трубятъ въ Новѣградѣ*, — *стоятъ стязи въ Путивлѣ*». Игорь ждеть мила брата Всеволода.

Задонщина:

О, жаворонок, летняя птица... *воспой* славу великому князю Дмитрию Ивановичю и брату его, князю Владимиру Андреевичю: «*Чи ли* (Так С. И1 Цег. У Ци), *буря соколи* (Так У. И1 коли) *зонесет* (Так С. И1, У снесет) из земли Залеския в поле Половецкое». *Кони ржуют* на Москве (Испр. И1 на Москве кони ржуют. С Кони ирзуть но Москве). *Трубы трубят* на Коломне. *Бубны* (Так С. И1 В бубны) бьют в Серпухове. *Звонит слава* по всей земли Руской. Чюдно *стязи стоят* (Испр. по С. И1 «звонит слава руская по всей земли

Руской, стоят стязи», причем «трубы... Серпухове» поставлено перед словом «звенит») у Дону у великого на брези. Звонят колоколы вечныа в Великом Новегороде.

Певец размышляет, как бы ему воспеть поход князя Игоря, «того (Олга) внуку». Будем ли мы считать слово «Олга» пояснением, сделанным издателями Песни, или глоссой, имевшейся в тексте, — все равно выражение «того внуку» не прояснится.

Слово «того» будет неоправданно, ибо об Олеге Святославиче раньше не говорилось. Следовательно, «Олга» в протографе Слова отсутствовало, а «того внуку» имело в виду самого автора Песни, который как бы считал себя «внуком» Бояна: ведь к соловью-Бояну он обращался и в предшествующем фрагменте, и во второй части разбираемого.[Подробнее см. главу VII. А. В. Соловьев говорит о первичности этого текста в Слове на том основании, что автор XVIII в. не мог бы из «многословия» любого списка Задонщины отсеять 16 слов и расположить их «в стройном чеканном ритме тридцати слов» (Соловьев А. В. «Комони ржуть за Сулою»//ТОДРЛ. Л., 1968. Т. 23. С. 334). В данном случае у автора подход чисто вкусовой. Вопрос о том, мог или не мог автор XVIII в. создать произведение «в стройном чеканном ритме», нельзя решать без анализа всего литературного процесса.]

В. П. Адрианова-Перетц соотносит эту формулу с заглавием Игоревой песни, которое упоминает Игоря как «внука Ольгова».[Адрианова-Перетц. «Слово» и памятники. С. 61.] Но, во-первых, каков первоначальный текст заголовка, сама В. П. Адрианова-Перетц точно не знает (она, например, допускает, что «Словом» Игореву песнь могли назвать «поздние переписчики»).[Адрианова-Перетц. «Слово» и памятники. С. 45.] Во-вторых, заглавие Слова отделено от разбираемого текста настолько, что автор Песни не мог рассчитывать на то, что слушатель его произведения поймет «того внука» как внука Олега Святославича.

Текст Пространной редакции Задонщины появился в результате редакционной обработки Краткой, где с соколами сравнивались князья Дмитрий и Владимир («Они бо взнялися, как соколи, со земли Русскыа на поля Половецк{к}ия»). Следы этого сопоставления сохранились в Пространной редакции памятника. Автор Слова тонким поэтическим чутьем понял слабость своего протооригинала и создал иной образ: не соколы летели чрез поля, а галицы, ожидая трагического разворота событий.

Текст в Слове внутренне противоречив. В самом деле, соколы — князь Игорь с воинами, галки — половцы.[См. мнение Д. С. Лихачева (Слово о полку Игореве. М.; Л., 1961. С. 197).] Но ведь к Дону шли не половцы, а князь Игорь.

О. Сулейменов, стремясь выйти из этого круга противоречий, считает, что галками автор Слова называл именно Игоря.[Сулейменов О. Аз и я. Алма-Ата, 1975. С. 167.] Он неправ: ниже в Слове о половцах вторично говорится, что именно они идут к Дону («половци неготовами дорогами побѣгоша къ Дону великому», фрагмент № 9). Но в Задонщине речь идет о бегстве разбитых татар, т. е. текст абсолютно естествен, а в Слове он получился искусственным. Итак, противоречие в Слове объясняется прямым влиянием текста Задонщины.

Конструкция обращения к Бояну близка к спискам И1, У Задонщины, т. е. к Ундольскому изводу («На Москве кони ржуть, звенит слава руская по всей земли Руской»), который дает более позднюю последовательность городов, чем Краткая Задонщина и список С (Задонщина, фрагмент № 7).

«На Москве» Задонщины соответствует «за Сулою» Слова, и здесь неясность: где за Сулою? Если уже в поле Половецком, то оно появляется слишком рано, ибо русские полки туда еще не дошли. Сама Сула взята из начала рассказа Ипатьевской летописи 1185 г. («Хоте же ехати полемь перек возле Сулу»).[ПСРЛ. Т. 2. Стб. 637.] Но возможно, что автор Слова хотел сказать об отзвуках в Киеве русских побед над половцами за Сулою, пограничной рекой.[Творогов. «Слово» и «Задонщина». С. 319.]

Вместо «земли Руской» Задонщины теперь речь идет о стольном граде Киеве. Поэтический образ звящей славы в Киеве вполне оправдан, хотя речь идет о выходе

войск Игоря из Новгорода-Северского. Вместо естественного звона вечего колокола в Новгороде (теперь это по смыслу Новгород-Северский) трубят в трубы (почему — остается непонятным), а стяги стоят в Путивле, хотя Игорь ждал Всеволода не в Путивле, а на р. Оскол.[ПСРЛ. Т. 2. Стб. 638.] Фрагмент в Слове приобрел гораздо большее поэтическое звучание, но из-за следования тексту Задонщины кое-чего лишился в смысловом отношении.

Н. В. Шарлемань отметил несообразность в Слове: если речь идет о начале похода, когда «трубы трубят» в Новгороде-Северском, то получается, что войска растянулись более чем на 100 км. Станным ему кажется и плач Ярославны в сожженном Путивле. Сам Н. В. Шарлемань пытается выйти из затруднительного положения, считая, что речь идет о «Путивске» (на Десне).[Шарлемань Н. В. Где был Путивль, упоминаемый в «Слове о полку Игореве»?//ТОДРЛ. М.; Л., 1961. Т. 17. С. 327–328.] Речь, очевидно, должна идти просто о неточностях, допущенных автором Слова о полку Игореве, а не о Путивске, известном только одной новой туристской карте.[Ср. понимание этого места Д. С. Лихачевым: «Трубы (еще только) трубят (созывая войска) в Новгороде (Северском), а стяги (полки) стоят (уже) в Путивле (на пути к Половецкой степи)!» Лихачев. Слово-1982. С. 55.]

Фрагмент Задонщины очень близок к Слову. Однако в последнем памятнике он составляет как бы два пробных зачина Песни, обрамленных обращением к читателю и Бояну (этой рамки в Задонщине нет). Но Задонщина Пространной редакции в данном случае целиком основана на Краткой. Составитель этой переработки хотел сказать в духе устно-поэтических оборотов: не буря занесла соколов в поле Половецкое, стоят стяги у Дону. В Слове эта мысль разорвана на две, но следы ее происхождения из Задонщины сохранились в обороте «не буря соколи занесе». Боянов зачин не имеет четкой границы, отделяющей его от авторского изложения.[Некоторые исследователи кончают его словами «въ Киевѣ».] Мы его отграничиваем словами, совпадающими с Задонщиной, ибо они представляют собой художественное единство. Автору Слова вообще была свойственна манера вкладывать в уста героев цитаты из источников, которыми он пользовался. В нашем фрагменте это сделано дважды — с фразой «не буря соколы...» и со словами «комони ржутъ...».[Если автор Задонщины обращается к жаворонку с просьбой воспеть славу князьям-соколам, то в Слове говорится в общей форме «пѣти было пѣсь» о соколах.] Ниже он приводит еще одну «припѣвку» Бояна, которая навеяна пословицей о «хитре» и «горазде» (об этом см. в главе IV). Изяслав произносит цитату из Библии: «рек: „Дружину твою, княже, птицъ крилы приодѣ, а звѣри кровь полизаша“». Изюминку обращения Игоря к дружине (фрагмент № 4) составляют слова Пересвета из Задонщины и т. д.

Фрагмент № 7. Обращение Всеволода к Игорю.

Слово:

И рече ему буй туръ Всеволодъ: «Одинъ братъ, одинъ свѣтъ светлый — ты, Игорю, оба есѣ Святъславличя! Сѣдлай, брате, свои бръзьи комони, а мои ти готови, осѣдлани у Курьска напреди. А мои ти куряни свдоми кѣмети, подѣ трубами повити, подѣ шеломи възлелѣяны, конецъ копия въскрѣмлени, пути имѣ вѣдоми, яругы имѣ знаеми, луци у нихъ напряжени, тули отворени, сабли изьострени, сами скачють, акы стѣрыи влѣци въ полѣ, ищучи себе чти, а князю славы (в изд.:славѣ).

Задонщина:

И молвяше Ондрей Олгердович брату своему Дмитрию: «Сами есми себе два брата...». Седлай, брате Ондрей, свои борзый комони, а мои готовы напреди твоих оседлали (Так К-Б. И1 трех слов нет. У оседлани. С подеманы).

Те бо суть сынове храбрии (И 1, У далее: кречати в ратнем времени ведоми полководицы), родишася в ратное время (Так С. И1 четырех слов нет), под трубами повити (Испр. И1. У нет. С нечистых), под шеломи возлеліяны, конецъ копия вскормлены (Испр. И1 нет трех слов. Скочаны коней вскормлены)... в Литовьской земли.

...дружина нам *сведома*...мечи булатныя (Так С. И1 вместо трех слов: и молвяше: поганый *путь* им знаем велми), а дороги нам *сведомо*...

...отскочи поганый Мамай *серым волком*...

...волцы грозно воют...

...ищут себе *чести* и *славнаго* имени.

Широко написанная картина обращения Всеволода к князю Игорю синтезирует целый ряд фрагментов Задонщины, оставляя, впрочем, следы сшивок. Так, не вполне удачно сочетание «одинъ брать... оба есѣ». Двукратное употребление Словом местоимения «ти» грамматически не оправданно (О. О. Гонсиоровский считает это близким к польскому «сі»). [Гонсиоровский О. О. Заметки о «Слове о полку Игореве» // ЖМНП. 1884. Февраль. С. 287.] Происхождение фрагмента из пяти отрывков Задонщины видно из их стилистической своеобразности: в первом содержится обращение к Игорю, во втором говорится о курянах («куряне» — подлежащее, «повити», «въскормлени», «възлелѣяны» — сказуемые), в третьем — фраза в страдательном залоге («имъ вѣдоми», «знаеми», «отворени», «изъострени»), в четвертом опять дается сказуемое («скачють») и в пятом — деепричастный оборот. Различные синтаксические элементы фразы могут указывать на их происхождение из разных частей Задонщины. [О. Сулейменов правильно полагает, что в XVIII в. вряд ли кто-нибудь мог найти самостоятельно такой забытый термин, как «повиты» (Сулейменов О. Аз и я. С. 36), но не учитывает, что он мог находиться в протографе Задонщины.]

Н. К. Гудзий тонко подметил нарушение логики в Слове, когда сначала Игорь велит сесть дружине на коней, а затем через некоторое время то же самое ему предлагает сделать Всеволод. [Гудзий Н. К. О перестановке в начале текста «Слова о полку Игореве» // Слово. Сб.-1950.] Оба эти текста Слова есть и в Задонщине. Но там они помещены один вслед за другим в естественном сочетании. Сначала Андрей Ольгердович предлагает своему брату «сядем на борзых своя комони», на что тот отвечает: «Седлай, брате Ондрей, свои борзых комони, а мои готовы, напреди твоих оседлани».

Смысловой разрыв обнаруживается между фразой «Игорь ждеть... Всеволода» и словами самого Буй-тура о том, что его кони, оказывается, уже «готовы, осѣдлани у Курьска напреди». Несообразие порождено здесь тем, что во втором случае использован текст Задонщины, который не мог точно передать мысль автора Слова.

С серым волком половцы и Мамай сравниваются в Задонщине вполне в фольклорном духе, а сопоставление курских кметей с волками впечатляет своей неожиданностью. Подобное сравнение героев (отрицательных и положительных) с волком типично для Слова о полку Игореве (с волками сравниваются Гзак, Всеслав, Игорь и Овлур).

Фрагмент № 8. Новые предзнаменования.

Слово:

Тогда вѣступи Игорь князь въ *златъ стремя* и поѣха по чистому полю. *Солнце* ему *тьмою* путь *заступаше*. Ночь стонуши ему грозою. Птичь убуди. Свистъ звѣринъ вѣста близ (*в изд.:зби*). *Дивъ* кличетъ врѣху древа, *велитъ послушати* земли незнаемѣ, Влзѣ и Поморию, и Посулию, и Сурожу...

Задонщина:

Тогда князь великий *вѣступи* в *златое стремя*, взял свой меч в правую руку свою, помоляся Богу и пресвятии Богородицы. *Солнце* ему ясно на вѣстоцы сияет и *путь* поведает (*Так У, С. И1 трех слов нет*)...

Силнии полки съступалися вместо... протопташа холми и лугы. Возмутися реки и езера.

Кликнуло диво... велит послушати грознымъ землям. Шибла слава к Железным вратом, к Риму...

В Задонщине описывается выезд князя из Москвы («князь великий вѣступи в златое стремя» и т. д.). В Слове это описание помещено в середине рассказа. [Мотив

«чистого поля», отсутствующий в Задонщине, фольклорного происхождения. В Слове о полку Игореве «стремя» и «грозным» Задонщины заменены летописными терминами «стремьянем» и «незнаем». (Эти термины автор охотно использует и далее. Например, «ступаетъ въ златъ стремянь», «въ полѣ незнаемѣ».) а далее снова повторяется мотив о знамени, как бы возвращающий читателя к рассказу, прерванному большой вставкой из Задонщины. Это-то и давало исследователям основание для того, чтобы произвести перестановку в тексте Слова, предложенную еще А. И. Соболевским. В. П. Адрианова-Перетц, стремясь ее подкрепить, ссылается на иную последовательность изложения в Задонщине.[Адрианова-Перетц. Задонщина. (Опыт реконструкции). С. 218.] Действительно, обращение к соловью в Задонщине помещено раньше призыва сесть на «борзых комони». Но, с другой стороны, непосредственно перед выездом Дмитрия в поле («въступи в златое стремя») помещен эпизод о волках («волци грозно воють»), а волков мы находим в предполагаемой «вставке» перед аналогичным текстом в Слове. Следовательно, Задонщина не дает достаточных оснований для перестановки фрагмента «О Бояне... князю славѣ».[О том, что предлагавшаяся А. И. Соболевским и Н. К. Гудзием перестановка текста противоречит Задонщине, писали Д. С. Лихачев («Слово о полку Игореве». 3-е изд. Л., 1953. С. 238 (Библиотека поэта. Малая серия)), В. И. Стеллецкий (см. его статью: К вопросу о перестановке в начале текста «Слова о полку Игореве»//ТОДРЛ. М.; Л., 1955. Т. 11. С. 48–58), Б. И. Яценко (Солнечное затмение в «Слове о полку Игореве» //ТОДРЛ. Л., 1976. Т. 31. С. 116–122) и др. {Литературу о перестановках в «Слове» см.: Творогов О. В. Перестановки в тексте «Слова» И Энциклопедия. Т. 4. С. 78–83.}]

Начало фрагмента в Слове противоречиво. Ведь, по летописи, Игорь ждал своего брата у р. Оскол.[ПСРЛ. Т. 2. Стб. 638.] По контексту Слова, он также ждет его где-то около «чистого поля». Но тогда прав Н. К. Гудзий, считающий, что «когда уже пройден был большой путь в степь», тогда было уже поздно «думать о седлании коней, символически означавшем именно лишь приготовление к походу».[Гудзий Н. К. О перестановке в начале текста «Слова о полку Игореве». С. 253.] И вместе с тем события, по Слову, происходят, скорее всего, в Путивле, откуда князь выступает в поход («въступи... въ златъ стремянь», судя по порядку изложения, по прибытии туда Всеволода). Мотив Задонщины о сияющем солнце в сочетании с летописными сведениями дал основание для повторного упоминания о затмении, хотя об этом сказано было выше, еще до отъезда Игоря. Эта нелогичность также, казалось бы, подкрепляла позиции тех, кто считал фрагмент «О Бояне... князю славѣ» вставкой. Но даже если б мы это допустили, то все равно оказалось бы, что о затмении говорилось дважды (хотя разрыв между этими двумя упоминаниями о мрачном предзнаменовании и сократится).

Соединение двух фрагментов Задонщины в один привело к ряду неловкостей. В Задонщине див предсказывает победу, и это понятно. Но зачем разносить по всем рекам и городам весть о походе Игоря, закончившемся поражением? Оправданием этому может быть лишь сам образ дива как вещи птицы, предсказывающей будущее. Ее появление вызывается только законами художественного творчества и пристрастием автора к древнерусской мифологии.[Див хорошо известен в украинском фольклоре. См. проклятие, бытовавшее в Киевском уезде: «щоб на тебе див прийшов» (Гринченко. Словарь. Т. 1. С. 381). Знали дива и в Белоруссии (Мачульск. Да пытанья. С. 112); ср.: Булаховский Л. А. Лшгастичш уваги про мѣфолопчш назви «Слова о полку Игореве»//Мовознавство. Кшв, 1959. Т. 15. С. 22. Возможно, «див» — ориентализм очень старого происхождения (от dev — дьявол): Фасмер. Этимологический словарь. Т. 1. С. 512.]

Т. Чижевская считает зловещий облик дива в Слове о полку Игореве свидетельством в пользу первичности этого памятника по сравнению с Задонщиной, где его функции неясны, да и упоминается он в разных списках то в единственном, то во множественном (в одном месте списка У) числе.[Cizevska T. A comparative Lexicon... Р. 324, 326–327.] Но мы уже писали, что в Краткой редакции Задонщины дива еще не было.

«Диво» появляется только в Пространной редакции под влиянием Сказания о Мамаевом побоище. В одном случае «диво» предсказывает победу русским воинам и «кличет» под татарскими саблями, а в другом оно «вержено... на землю» русскими воинами. Его функции действительно не выкристаллизовались. Следы двойственности «дива» сохранились в Слове о полку Игореве. Но здесь он в одном случае предупреждает врагов о походе русских войск, а в другом «врѣжеса... на землю» при победе половцев. Отдать предпочтение диву Слова о полку Игореве очень трудно.

Весьма странен и набор земель, которые должны были слушать клик дива: здесь и русское Посулье, и Сурож, [Судьба Сурожа в конце XII в. не вполне ясна. Ибн-ал-Атир сообщает о нем в связи с нашествием татар 1223 г., что это город кипчаков (Васильевский В. Г. Труды. Пг., 1915. Т. 3. С. CLXVIII). Ср.: Якобсон А. Л. Средневековый Крым: Очерки истории и истории материальной культуры. М.; Л., 1964. С. 78). Когда и в какой форме установилась власть в Суроже, нам неизвестно. Истолковывать «незная» (земля) как «утраченная» (см. у А. Л. Якобсона) нам кажется искусственным.] и половецкое Поморье. Их объединяет только южное расположение, но почему они должны слушать дива, неясно. Не менее удивительно название всех этих хорошо известных Руси XII в. краев «незнаемой земель».

Фрагмент № 9. Поход к Дону.

Слово:

А половеци неготовыми дорогами побѣгоша къ Дону великому. Крычатъ тѣльгы полунощы, рцы лебеди распужени. Игорьъ къ Дону вой ведеши. Уже бо бѣды его пасуть птиць под облакы (в изд.: пасеть птиць подобю). Вльци грозу въсрожать по яругамъ. Орли клекшомъ на кости звѣри зовуть. Лисици брешуть на чръленыя щиты. О Руская земле! Уже за шеломянемъ еси! Длѣго ночь мркнетъ. Заря свѣтъ запала. Мъгла поля покрыла. Щекотъ славий успе. Говоръ галичъ убуди. Русичи великая поля чръленьши щиты прегородиша, ищучи себе чти, а князю славы.

Задонщина:

Тутю ся погании разлучишася боръзо, розно побег-ши неуготованныши дорогами в Лукоморье...

Князь Владимир полки (Так У. И1 паки) пребирает и ведет к быстрому Дону.

Уже бо въскрипели телегы меж Доном и Непром, идут хинове на Руськую землю.

А уже беды их пасоша (Так У. И1 пловуще. С пашутся): птиць (Так У, С. И1 птица их крилати) под облакы летаютъ, ворони часто (Так У. И1 нет) грають, а галицы своею речью говорятъ, орлы восклегчють (Испр. И1 крылатии въсплещуть), а волци грозно воють (Так У. И1 воюють), а лисицы на кости брешут. Земля Руская (Испр. (Так С. И1 то ти. У то первое) есть какза Соломоном царем побывала.

Руский сынове поля широкии кликом огородиша, золочеными доспехи осветиша.

...гремят удалцы... черлеными щиты.

Пашут бо ся... хорюгове, ищут себе чести и славнаго имени.

Фрагмент Слова начинается «бегством» половцев к Дону. Глагол «побежать» уместнее в Задонщине, где он употреблен для характеристики бегства татар, разбитых Дмитрием Донским, чем в Слове, где говорится о движении половцев навстречу русским. [Во всех дошедших до нас списках Задонщины говорится о «неуготованных дорогах»; «неготовыми дорогами» бегут татары лишь в Никоновской летописи (ПСРЛ. СПб., 1897. Т. 11. С. 64) и в Летописной повести (Повести. С. 36). Но, может быть, в недошедшем списке Задонщины стояло также «неготовыми». Вопрос остается неясным.] И в этом фрагменте заметно стремление к поэтическому переосмыслению текста Задонщины. Так, телеги уже не скрипят, а «крычатъ», подобно лебедям «распущеным». Волки не просто воют, а «грозу въсрожать по яругамъ». Лисицы брешут «на чръленыя щиты». В Задонщине лисицы «на кости брешут». Это в общем понятно, хотя и не очень складно: лай лис предвещает дурное, в данном случае гибель Мамаю. Но вот в Слове лисицы «брешуть на чръленыя щиты». Это поэтически выразительно, но в смысловом отношении менее определено,

чем в Задонщине.[О происхождении этого варианта «лая» лисиц см. главу III.] Впрочем, «кости» в Слове остаются — «орлы клеткомъ на кости звѣри зовуть». И здесь ощущается переделка первоначального текста. «Клекот» орла является дурным предзнаменованием уже сам по себе, но почему он сделался призывным кличем для зверей (и каких)? Текст Слова в данном отрывке может быть объяснен введением мотива о «черленых щитах», который разорвал фольклорную ткань Задонщины. Исследователи давно подметили, что таких сочетаний, как лай лисиц на щиты и клекот орла для созыва зверей, ни устная, ни письменная литература не знают.[Перетц. Слово. С. 179.]

Можно было бы утверждать, что мотив «черленых щитов» перенесен в Задонщину из Слова, ибо он до сих пор в памятниках Древней Руси не был известен. Однако недавно Б. М. Клосс обнаружил запись эпического сказания об Алеше Поповиче (в рукописи 60-х гг. XVI в.). В нем упоминается «черлен щит».[Клосс Б. М. Новый памятник русского эпоса в записи XVI века // История СССР. 1968. № 3. С. 156.] Следовательно, в литературе XVI в. это выражение бытовало, а вот о литературе XII в. этого сказать нельзя.

Выражение «за Соломоном» Задонщины превратилось в «за шеломянем»[«Шеломя» также дважды встречается в Сказании о Мамаевом побоище редакции Никоновской летописи.] (о том, что весь отрывок с Соломоном в Пространной Задонщине вторичен по сравнению с Краткой редакцией, нам уже приходилось писать. См. Задонщина, фрагмент № 13). Допустить же, что благочестивый автор Задонщины из «шеломя» (холма)[По А. В. Соловьеву, «шеломянем» называли пограничный вал, опоясывавший Русскую землю на юге (Соловьев А. В. Шоломя или соломя // *Intertational Journal of Slavic Linguistics and Poetics*. 1968. Vol. 11. P. 100–109). Толкование очень сомнительное, не подтвержденное дошедшими до нас источниками.] произвел имя библейского царя, трудно. Зато иное соотношение текстов естественно. Дело в том, что в рассказе Ипатьевской летописи по Ермолаевскому списку (текстом, близким к этому списку, пользовался, как мы увидим далее, автор Слова) под 1184 г. встречается выражение «по сольомину» (в Ипатьевском — «по шоломяни», в Хлебниковском и Погодинском — «по сольмине»).[Контекст Ипатьевской летописи (ср.: «взиидоша на шоломя... едуще по шоломени», см.: ПСРЛ. Т. 2. Стб. 635–636) не оставляет сомнения, что речь идет о холме, а не о проливе («соломя»). См. под 1151 г.: «поиде Гюрги за шоломя (Х, П «соломя»))» (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 435).] Это давало основание автору отождествить выражения Задонщины и летописи.[К тому же «шеломя» в значении горки, холма, кургана знают северные говоры (Даль. Толковый словарь. Т. 4. С. 627).] А так как в Слове встречается мена «ш» и «с» («шизий» вместо «сизий»), то и в данном случае выражение «за шеломянем» вместо «за соломянем» можно объяснить тем же языковым явлением.[А. В. Соловьев также считает, что «шеломянем» произошло от «соломянем» в результатемены «с» на «ш» (Соловьев А. В. Шоломя или соломя. Р. 109).] Неясный текст Пространной редакции Задонщины преобразился в поэтическую формулу, наполненную лирическим раздумьем о родине. «Пасеть птиц подобию», очевидно, недоразумение. Вероятно, в протографе Слова, как и в Задонщине, стояло «пасут (т. е. стерегут; «у» в белорусской скорописи XVIII в. похоже на «ѣ»)[Черепнин Л. В. Русская палеография. М., 1956. С. 385.] птицы («ц» надстрочное) под облакы»[Обоснование этого чтения см. в статье: Айналов Д. В. Замечания к тексту Слова о полку Игореве // ТОДРЛ. М.; Л., 1935. Т. 2. С. 82–84. Выражение «подъ облакы» встречаем в Слове еще дважды («орломъ подъ облакы», «умомъ подъ облакы»)]. (выносное «л» опущено, а надстрочное «к» превратилось в «ю»). В Слове один и тот же образ и эпитет повторяются неоднократно. Так, рефрен «ищучи себе чти, а князю славы» был уже в фрагменте № 7, «кликъмъ поля прегородиша» — в фрагменте № 12. К «Русской земле», которая «за шеломянемъ», автор обращается в фрагменте № 11.

Фрагмент № 10. Ольгово гнездо.

Слово:

Дремлетъ въ полѣ Ольгово хороброе *гнѣздо*, далече залетѣло. Не *было нѣ* (в изд.: нѣ) *в обидѣ порождено, ни соколу, ни кречету, ни тебѣ, чръный воронъ, поганый* половине! Гзакъ бѣжитъ сѣрымъ *вълкомъ*. Кончакъ ему слѣдъ править къ Дону великому.

Задонщина:

Братия и князи руския, *гнездо* есмя князя Володимера Киевского... Доселя есмя были не обижены ни ястребу, *ни соколу* (Так по С. И1, У *вместо восьми слов: ни в обиде есмя были*. У ни в обиде есми были по рождению ни ястребу. С ни от кого ни ястребу ни соколу), *ни белоозерскому кречету*, ни тому же псу (Так С. И1, У *ни черному ворону*) *поганому* Мамаю.

...и отскочи поганый (Так У, С. И1 *нет*) Мамай *серым волком*...

В печатном тексте Слова искажено «небылонѣ обидѣ порождено». Надо читать «не было нѣ в обидѣ по рождению» («н» — выносное на конце слова). Правильное чтение восстанавливается по Задонщине. В Слове вводится поэтический образ далеко залетевшего храброго гнезда Ольговичей.

Л. А. Дмитриев считает, что текст Слова ближе к Краткой редакции Задонщины. {Эту мысль он высказал в своем выступлении по моему докладу о Слове о полку Игореве, прочитанному 27 февраля 1963 г. в Институте русской литературы (Пушкинском Доме).} В самом деле, Игорь был внуком Олега и Дмитрий Донской — внуком Ивана Калиты. Но это соображение нельзя принять на том основании, что текстологически фрагмент Слова совпадает с Пространной, а не Краткой редакцией Задонщины. «Внуками» и «дедами» в Древней Руси часто называли предков, {В главе III будет показано, что автор Слова о полку Игореве воспринял эту традицию из русских летописей.} и потому совпадение в данном случае нехарактерно.

Фраза о том, что Ольгово гнездо не было рождено для обиды соколу, кречету и ворону, может создать у читателя впечатление о непобедимости войск Игоря. Но его полки были разбиты половцами. И здесь текст Задонщины недостаточно гармонично вошел в поэтическую ткань Слова.

Отстаивая тезис о первичности Слова, Д. С. Лихачев говорит о естественности фразы «не было... в обидѣ порождено», ибо Игорь Святославич — первый русский князь, попавший в плен к степнякам. «Но то же самое сказать после полуторастолетнего еще не кончившегося чужеземного ига о всех русских князьях было невозможно».[Лихачев. Черты подражательности «Задонщины». С. 98.] Однако в речи Дмитрия Донского ничего подобного нет. Обращаясь к русским князьям, Дмитрий говорит лишь о том, что они (участники грядущего похода на татар) никогда не были «обижены» (т. е. разбиты) Мамаем.[В битве на р. Пьяне (1377 г.) с Арапшою Дмитрий Донской непосредственно не участвовал. По Ермолинской и Львовской летописям, ответственность за поражение в этой битве перелagается на нижегородских князей (Черепнин Л. В. Образование Русского централизованного государства в XIV–XV веках. М., 1960. С. 579).] Известно, что в 1378 г. на р. Воже русская рать, возглавленная самим Дмитрием Ивановичем, даже разбила войско Бегича, посланного на Русь Мамаем. Следовательно, текст Задонщины о том, что Дмитрий Донской и его сподвижники не были «изобижены» Мамаем, точно передает положение вещей накануне Куликовской битвы.

Фрагмент № 11. Новые предзнаменования.

Слово:

Другаго дни велми рано *кровавых зори свѣтъ* повѣдаютъ. Чръныя *туча съ моря* идуть, хотятъ прикрыти 4 солнца, а в нихъ трепещуть синии[В оригинале Слова могло читаться «силнии», как в Задонщине (выносная «л» в издании иногда пропускается) *млѣнии*. *Быти грому великому*, итти дождю стрелами съ Дону великаго! Ту ся копиемъ приламати, ту ся саблямъ потручати *о шеломахъ* полковекыя, *на рѣцѣ* на Каялѣ у Дону великаго. О Руская землѣ! Уже за (в изд.: не) шеломянемъ еси! Се *вътри*, Стрибожи внуци, *въють съ моря* стрелами на храбрыя плѣкы Игоревы! Земля тутнеть. Рѣкы мутно текутъ. Пороси поля прикрывають.

Задонщина:

Уже, брате, *возвезиши* силнии *ветри* с моря (*Испр.* И1, У по морю) на усть Дону и Непра, прилежаша великиа *тучи* на Рускую землю, из них выступают *кровавыя зори*, и в них *трепещуть* силнии *молнии*. Быти стуку велику на речьки Направде меж Доном и Непром...

...стоят стязи у Дону великого...

Тогда бо силнии тучи съступалися вместо... сияли *молнии*, *громи* гремели велице... гремели князи руския мечи булатными *о шеломы* хыновския.

Первый и третий из приведенных отрывков Пространной Задонщины помещены в ее второй части, отсутствуют в Краткой и являются позднейшим дополнением текста памятника (см. Задонщина, фрагмент № 25).

В данном фрагменте, как и в ряде других, автор Слова синтезировал материал сходных текстов Задонщины и создавал на этой основе яркую поэтическую картину. Поэтические дополнения в Слове иногда разрывают текст его протооригинала. Это относится и к фразе «хотять прикрыти 4 солнца» (т. е. четырех князей), она осложняет следующее «а въ нихъ (т. е. в тучах) трепещуть синии мльнии», но «молнии» отделяются теперь от «туч» символикой четырех солнц. Ветры теперь становятся «Стрибожьими внуками» и веют стрелами («стрелами» в Слове также идет и дождь). Стрибог вряд ли был в древности богом ветров — перед нами образец поэтической фантазии автора. [Аничков Е. В. Язычество и Древняя Русь. СПб., 1914. С. 339–340. А. Преображенский видит в Стрибоге («сътъри-богъ») разрушающее начало (см.: Преображенский. Этимологический словарь. Т. 2. С. 397–398; Булаховский Л. А. Лшгвютчш уваги... С. 23); М. Вей — «бога неба» (Вей М. К этимологии древнерусского Стрибогъ//ВЯ. 1958. № 3. С. 96–99). Наиболее убедительно истолкование Стрибога как «отца-неба», предложенное В. Н. Топоровым (Топоров В. Н. Фрагмент славянской мифологии//Краткие сообщения Института славяноведения. М., 1961. Вып. 30. С. 26). (См. также: Соколова Л. В. Стрибог//Энциклопедия. Т. 5. С. 68–70.)]

Фрагмент № 12. Начало битвы. Обращение ко Всеволоду.

Слово:

Стязи глаголють: половцы идутъ отъ Дона, и отъ моря, и отъ всѣхъ странъ. Рускыя плѣкы *отступиша*. Дѣти бѣсови *кликомъ* поля *прегородиша*, а храбрым русици *преградиша* чрълеными щиты.

Ярь туре Всеволодѣ! *Стоиши* на борони, прыщещи на вой стрелами, *гремлеши* *о шеломы* мечи харалужными! Камо, *туръ*, *поскочыше*, своимъ *златымъ шеломомъ* *посвечивая*, тамо лежать поганыя головы половецкыя, *поскепаны* саблями калеными *шеломы* оварьскыя отъ тебе, ярь туре Всеволоде!

Задонщина:

Гремят мечи булатные (*Так* У. И1 *нет*) *о шеломы* хыновския, поганый покрыта руками главы своа. Тогда погании... *отступиши*. *Стязи* ревать (*Так* И2. И1 ктязю ревать) *от* великого князя... погании бежать. Руский сынове *поля* широкий *клик*ом *огородиша*, *золочеными доспехи* *осветиша*. Уже стал бо тур на боронь (*Так* И2. И1 *вместо фразы*. Встал уже тур оборен)... Тако бо Пересвет *поскакивает* на борзе кони, а злаченым доспехом *посвечиваше*...

И нукнув князь Владимир Андреевич, гораздо *скакаше* по рати поганых татар, *златым шеломом* *посвечиваше*. Гремят мечи булатныа *о шеломы* хыновские.

Фрагмент чрезвычайно важен для понимания Слова. Образ тура, ставшего «на боронь» в Задонщине, ассоциировался в представлении автора Слова с Владимиром Серпуховским, так как этому князю в Слове параллелен образ Всеволода. К последнему и было прибавлено определение «тур» или «буй-тур». Образ русичей, преградивших поле «чрълеными щитами», уже был частично использован автором выше (см. фрагмент № 9). Вообще мотив «чръленых щитов», навеянный Задонщиной, принадлежит к числу любимых в Слове. Замена «отступиша» на «оступиша», которую делают некоторые

исследователи,[Слово-1950. С. 14; Адрианова-Перетц. «Слово» и памятники. С. 93.] Задонщиной не подкрепляется.

Если Краткая редакция Задонщины дает первоначальный текст о свисте Пересвета по сравнению с «кликом» русских сыновей Пространной редакции, то вариант Слова с «кликом» половцев будет еще более поздний. Ведь Краткую и Пространную редакции связывает сочувствие авторов Пересвету и русским сыновьям, а в Слове «кличут» уже враги, т. е. потеряна общая нить, связывавшая ранее две редакции Задонщины. Впрочем, следы старого образа сохранились во второй части фразы Слова («русици преградиша чрълеными щиты»).

Д. А. Авдусин обратил наше внимание на то, что в этом фрагменте (как и ниже в фрагменте № 14) «саблям» Слова соответствуют «мечи» Задонщины. Он считает, что замена сабли стареющим видом оружия — мечом (после XIV в. сабля вытеснила меч) маловероятна. Сабля впервые упоминается в вводной части Повести временных лет. Здесь хазарские старцы говорят: «мы доискахомся ору-жьемъ одинаю страны, рекше саблями, а сих оружье обоуду остро, рекше мечи».[ПСРЛ. Т. 2. Стб. 12.] Под 968 г. печенежский князь дал «Претичу конь, саблю, стрелы: он же дасть ему брони, щит, меч».[ПСРЛ. Т. 2. Стб. 55.] По наблюдениям А. А. Шахматова, первую запись сделал составитель Киевского свода 1073 г. (или Начального 90-х гг. XI в.), а вторая появилась только в Начальном своде 90-х гг. XI в.[Шахматов А. А. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 1908. С. 126–127, 426–427.] Следовательно, еще в конце XI в. сабля считалась оружием хазарским и печенежским, а меч — русским.

В изображении событий XI в. сабля упомянута всего один раз под 1086 г., когда Нерядец «саблею прободет» князя Ярополка.[ПСРЛ. Т. 2. Стб. 197.]

В Ипатьевской летописи при изложении событий XII в. — 30-х гг. XIII в. (до нашествия татаро-монгол) сабля упоминается трижды. Однажды при нападении берендеев «с саблями» (1146 г.), другой раз при нападении торков, когда Воибор Генечевич «сече по главе саблею» князя Изяслава (1162 г.), и только однажды в описании событий внутрирусских (убийство Андрея Боголюбского в 1175 г.).[ПСРЛ. Т. 2. Стб. 326, 518, 587.] При этом меч в летописи упоминается двадцать раз. В Лаврентьевской летописи сабля упомянута один раз (в событиях 1175 г.), а меч — девять. В Новгородской 1 летописи за XII в. — 30-е гг. XIII в. сабли вовсе нет, а о мече говорится дважды.[Приведя некоторые из указанных выше сведений, А. В. Соловьев не подвергает их источниковедческому анализу и не сопоставляет их с упоминаниями летописи о мечах (Соловьев А. В. Копья поют//Publications of the Modern Humanities Research Association. Leeds, 1970. Vol. 2. P. 247, 248).]

Таким образом, летопись практически до татаро-монгольского нашествия не знает сабли как оружия русских воинов на поле битвы.[А. Н. Кирпичников считает, что сабля в XII–XIII вв. потеснила меч лишь в ближайших со степью местах (Кирпичников А. Н. Древнерусское оружие. М.; Л., 1966. Вып. 1. С. 66). Даже на сравнительно поздних миниатюрах Лицевого свода (XVI в.), «чем древнее изображаемые события, тем чаще изображаются мечи» (Арциховский А. В. Древнерусские миниатюры как исторический источник. М., 1944. С. 46). На миниатюрах Кенигсбергской летописи (XII–XV вв.) изображено 220 мечей и только 144 сабли (Там же. С. 8, 20).]

Это соответствует и Задонщине, где мечи упомянуты восемь раз (у русских), а сабля один раз (у татар). Замена же меча саблей в Слове легко находит объяснение. Очевидно, позднейший автор не был достаточно осведомлен в специфике древнерусского оружия и употреблял меч и саблю в одинаковом значении. Приведя фразу, близкую к Задонщине («гремлеши о шеломах мечи»), он не хотел повторять тот же образ, видоизменил его, сказав «поскепаны саблями калеными шеломах». Но все это лишний раз подтверждает первичность текста Задонщины и вторичность Слова, автор которого не знал, что в XII в. сабля на Руси была малоупотребительным оружием.[Поэтому вывод А.

В. Соловьева о том, что «автор Слова прекрасно разбирался в древнерусском оружии» (Соловьев А. В. Копья поют. Р. 250), не соответствует действительности.]

Фрагмент № 13. Княжеские усобицы.

Слово:

Тъй бо Олегъ... ступаетъ въ златъ стремя... Бориса же Вячеславлича слава на судъ приведе и на Канину зелену паполому постла за обиду Олгову, храбра и млада князя...

Тогда по Руской земли рѣтко ратаевъ кикахуть, нъ часто врани граяхуть, трупиа себѣ дѣляче, а галици свою рѣчь говоряхуть, хотять полетѣти на уедие.

То было въ ты рати и въ ты плѣкы, а сицей рати не слышано!

Задонщина:

Тогда князь великий вступи в златое стремя... ...чаду моему Якову на зелену ковылу за землю Рускую (Испр. по С. И1 вместо шести слов: земли не лежати на поли Куликове за веру хрестыанскую. С но зелену ковылу за землю Рускую) и за обиду великого князя Дмитрия Ивановича.

В то время по Резанской земли около Дону ни ратаи (Так У. И1 нет. С. ни ратои) ни пастуси не (Так У, С. И1 нет) кличут, но только часто (Так С. И1 одне) вороне грають, трупу ради человеческого...

...ворони часто (Так У, С. И1 нет) грають, а галицы своею речью говорить.

Нам уже приходилось писать, что весь контекст Пространной Задонщины с «зеленой», а не белой ковылью вторичного происхождения сравнительно с Краткой (см. Задонщина, фрагмент № 17).

В этом фрагменте Слова помещено лирическое отступление о княжеских усобицах во время Олега Святославича. Отклонение навеяно рассказом Задонщины, где говорится о разорении Рязанской земли князя Олега. Автор Слова перенес эту картину во времена Олега Черниговского. Судя по композиции Песни, ее автор хотел сказать, что поражение русских князей на Каяле объясняется их распрями. Но ничего подобного у него не получилось. Рассказав текстом, близким к Задонщине, о гибели князя Бориса в битве на Нежатиной ниве («паполома» — погребальное покрывало) и опустошении Русской земли, он просто прибавляет: «так было во время тогдашних битв, а такой рати (как битва на Каяле) даже и слышно не было». Трудно сказать, почему автор воздержался от, казалось бы, естественного объяснения причин событий 1185 г.: то ли это вызывалось отсутствием подходящего текстового материала, то ли другими обстоятельствами.

Многие исследователи, исходя из чтения Задонщины, предлагают конъектуру «на ковылу», [Это чтение дают Н. С. Тихонравов, В. Миллер, А. П. Кадлубовский, В. Яковлев, П. Владимиров, И. Козловский, А. Обремска-Яблоньска и др. В последнее время его поддерживали М. В. Щепкина из палеографических соображений (см. ее работу: Замечания о палеографических особенностях рукописи «Слова о полку Игореве»//ТОДРЛ. М.; Л., 1953. Т. 9. С. 22), В. Ф. Ржига («Слово о полку Игореве». М., 1961. С. 320), Р. О. Якобсон (см. его статью: Изучение «Слова о полку Игореве» в Соединенных Штатах Америки//ТОДРЛ. М.; Л., 1958. Т. 14. С. 106), а также отчасти Л. А. Булаховский (в статье: О первоначальном тексте. С. 442).] считая «канин» опиской.

Другая группа исследователей (И. М. Снегирев, А. И. Соболевский, В. Н. Перетц, Л. А. Дмитриев, Д. С. Лихачев и др.) считала, что в Слове упоминается речка Канин (находится в Черниговщине), о которой говорится в Лаврентьевской и Радзивилловской летописях под 1152 г. [«Вси поидоша к Чернигову и перешедше Сновъ и стаха у Гуричева близъ города, перешедше Канинь» (ПСРЛ. Л., 1927. Т. I, вып. 2. С. 338). См.: Дылевский Н. «На Канину зелену паполому постла»//Известия на Института за българска литература. София, 1955. Кн. 3. С. 102; Ангелов Б. Бележки върху «Слово о полку Игореве»//Там же. София, 1957. Кн. 5. С. 459–460. В последнее время об этом также писали: Д. С. Лихачев (Слово-1950. С. 112); Дылевский Н. М. Лексические и грамматические свидетельства подлинности «Слова о полку Игореве»//Слово. Сб.-1962. С. 187–190; Попов А. И. «Каяла» и «канина» в «Слове о полку Игореве»//РЛ. 1967. № 4. С. 217–218. По К. В. Кудряшову,

Канин-речка в 2 км к востоку от Чернигова (Кудряшов. Половецкая степь. С. 78). См. также Салмина М.А. Канина//Энциклопедия. Т. 3. С. 9—11.]

Нам также представляется невозможным считать чтение «Канину» опиской, ибо эта «описка» удивительным образом совпадала бы с географическим наименованием реки, находящейся около Чернигова, т. е. как раз в том районе, где происходила битва на Нежатиной ниве 1078 г., которую имел в виду автор Слова о полку Игореве. И вместе с тем весь контекст фразы «На Канину зелену... за обиду» говорит о ее непосредственной связи с Задонщиной. Поскольку в Задонщине фраза грамматически и в смысловом отношении совершенно логична, а в Слове требует очень больших натяжек в объяснении (Канин — мужского рода,[Поэтому некоторые исследователи считают, что речь идет не о реке, а о «зеленом луге» Канин. Ведь река «зеленой» вряд ли могла быть (Голубовский П. В. Историческая карта Черниговской губернии//Труды XIII Археологического съезда. М., 1908. Т. 11. С. 27; Насонов. «Русская земля». С. 228). («Зеленой» названа не река, а паполома. См.: Лихачев. Слово-1982. С. 60.)] а не женского), мы считаем чтение Задонщины первичным. Следы того, что у автора Слова находился текст Задонщины с «ковылой», можно обнаружить. Ведь «ковыль» встречается еще раз в Слове и в сходном контексте (Ярославна сетует, что ветер ее «веселие по ковылию развѣя», имея в виду гибель русских воинов).

Итак, автор Слова заменил «ковылу» своего источника «Каниным», взятым из летописи,[В. П. Адрианова-Перетц считает, что «невозможно представить автора, который поставит это загадочное название вместо простого „ковыль“» (Адрианова-Перетц. «Слово» и «Задонщина». С. 153). Как мы видим, подобная замена была вполне возможна, ибо «Канин» находился в том источнике (Радзивилловской летописи), которым широко пользовался автор Слова (подробнее см. главу III).] согласовав его с прилагательным «зелена». Л. А. Булаховский правильно писал: «„На Канину“ вместо „на Канин“ легко могло возникнуть как описка под влиянием следующего „зелену“».[Булаховский. О первоначальном тексте. С. 442. Это же см.: Дылевский Н. М. Лексические и грамматические свидетельства... С. 187.]

Так гипотеза о происхождении литературной формы Слова из Задонщины и исторических сведений из летописи примиряет два чтения («ковылу» и «Канину») и объясняет неясность сохранившегося текста Песни. Наконец, в Слове систематически глагол «кликати» заменяется более поэтичным «кикать» (см. плач Ярославны): кичут только птицы (столь излюбленные автором Слова).[О. В. Творогов видит первичность Слова в том, что в Задонщине нарушена параллель «редко — часто», имеющаяся в Игоревой песни (Слово-1967. С. 491). Но этой параллели первоначально могло не быть, а «частое» граяние воронов просто противостояло кликам пахарей. Автор Слова мог Добавить наречие «редко» с целью придать картине большее поэтическое звучание]

Фрагмент № 14. Завершение битвы.

Слово:

Съ зараниа до вечера, съ вечера до свѣта летятъ стрѣлы каленыя, *гримлють* сабли о шеломахъ, трещать копиа харалужныя въ полѣ незнаемѣ среди земли Половецкыи. Чръна земля подь копыты, костью была постыана, а кровию поляпа, туюю взыдоша по Руской земли.

Что ми шумить, что ми звенить давеча рано предъ зорями! Игорь плѣкы заворочаешь, жаль бо ему мила брата Всеволода. Бишася день, бишася другый. Третьяго дня къ полудню падоша стязи Игоревы. Ту ся брата разлучиста на брезѣ быстрой Каялы. Ту кроваваго вина не доста. Ту пирь докончаша храбрии русичи: сваты попоиша, а сами полегоша за землю Рускую.

Ничить трава жалощами, а древо с туюю къ земли преклонилось...

А погании съ всѣхъ странъ приходяху съ победами на землю Рускую...

Задонщина:

...треснута копия *харалужная* (Испр. И1 *харауж-* ничьными) одоспехы татарския, *възгремели мечи булатныя о шеломы хиновския на поле Куликове, на речки Направде. Черна земля под копыты, костьми татарскими поля насеяша, а (Так У. И1 нет) кровию земля полита* (Испр. И1, У пролита).

Что шумит, что гримит рано пред зрями! Князь Владимир полки (Так У, С. И1 паки уставляет и) пребирает...

...гремели князи руския мечи булатныя (Так С. И1 нет) *о шеломы хыновския. Из утра билися до полудни...*

...князь великий... полки поганых въспять *поворотили* и начя их бити гораздо, тоску им подаваше. Князи их с коней спадоша (И1 далее: к земли), трупы татарскими поля *насеяша, а кровию* протекли реки. *Тутю ся* погании *разлучишася* боръзо, розно побегши...

...тутю испити медвяная чаша...

Грозно бо бяше и *жалостъно* тогда видети... *зане трава кровью полита, а дресеса туюю к земли* (Так У. И1 к земли туюю) *преклонишася.*

...хотят наступати на Рускую землю.

Рассказ о битве с половцами и о попытке Игоря помочь Всеволоду в Слове состоит из нескольких текстов, близких как к Задонщине, так и к Ипатьевской летописи.[Об отношении Слова о полку Игореве к летописи см. главу III.] Сплав этих двух источников привел к ряду несоответствий. Прежде всего искусствен переход в Слове от предшествующего фрагмента Задонщины: «то было въ ты рати и въ ты плъкы, а сицей рати не слышано: съ зарания до вечера, съ вечера до света летять стрѣлы каленыя». Вслед за длинным лирическим отступлением о прошлых временах в Слове возобновляется рассказ о сражении на берегах Каялы. Двучленное сопоставление (копья и доспехи, мечи и шеломы) Задонщины более гармонично, чем перечень Слова, где находятся и фольклорные каленые стрелы, не имеющие, однако, пары. Поэтический образ «туги», которая «въыдоша по Руской земли», имеет соответствие в летописном рассказе о походе 1185 г. («бысть скорбь и туга люта»).[ПСРЛ. Т. 2. Стб. 645.]

Рассказ о походе князя Владимира Андреевича к Дону близок к поэтическому изложению попытки Игоря помочь князю Всеволоду. Это последнее событие произошло якобы «рано предъ зорями», но еще до того, как «бишася день, бишася другой, третьяго дни къ полудню падоша стязи Игоревы». Однако, по летописи, «Игорь виде брата своего Всеволода крепко борюшася» лишь на третий день битвы («бысть же светающе неделе»).[ПСРЛ. Т. 2. Стб. 641, 642.] Несоответствие со Словом налицо. Но летописная запись о том, что решающая битва состоялась на рассвете, могла позволить автору Слова воспользоваться поэтическим образом Задонщины («рано перед зрями»). Время конца битвы 1185 г. и 1380 г. («полудню»), казалось бы, неожиданно совпадает в Слове и в Задонщине. Летописи о том, в каком часу закончилось сражение на Каяле, не сообщают, хотя Сказание о Мамаевом побоище называет время окончания Куликовской битвы совершенно определенно, причем в соответствии с Задонщиной.[«Бьющим же ся им от 6-го часа до 9» (Повести. С. 35), «приспе же осмый час дню» (Там же. С. 70). Между 23 августа и 7 сентября 7 ч дня по древнерусскому времени соответствовало 11 ч 30 мин, а 8 ч дня— 12 ч. 30 мин по нашему счету (Каменцева Е. Н. Русская хронология. М., 1960. С. 55).] Но тогда если не приписывать все случайному совпадению, то вывод будет один: Слово о полку Игореве в данном фрагменте основано на Задонщине.[О. В. Творогов считает непонятным, почему князь Владимир ведет свои полки «рано пред зорями» (Творогов. «Слово» и «Задонщина». С. 385). Это противоречит якобы Сказанию о Мамаевом побоище, согласно которому князь Владимир перевозился через реку «по ранней зоре». Но текст Сказания, по нашему мнению, вторичен: он сам основан на Задонщине и не может корректировать этот памятник. Выражение «рано пред зорями» («зорею» К-Б) могло основываться на припоминании реальных событий 1380 г.]

В фрагменте прослеживаются особенности грамматического склада, характерные и для других эпизодов Слова («ми шумить», «ми звенить»). Слово «давечя» в данном тексте

явно неуместно[Поэтому многие исследователи предлагают конъектуру «далече» (см. Слово-1950. С. 16). Принять ее мешает трудность палеографического обоснования перехода «далече» в «давечя».] (оно к тому же не книжного, а разговорного происхождения).[Перевод Р. О. Якобсона «нынче до рассвета» не соответствует значению слова «давечя» (Якобсон Р. О. Изучение... С. 118). Л. А. Булаховский производит «давечя» от западноукраинского «даві» в значении «сегодня утром». Впрочем, его разбивка текста «Что ми шумить, что ми звенить? Давеча рано пред зорями» и т. п. противоречит конструкции фразы в Задонщине (Булаховский. О первоначальном тексте. С. 441).] Выражение «туто ся погании разлучишася боръзо» нельзя вывести из «Ту ся брата разлучиста на брезѣ», но обратная зависимость текста, судя по характеру работы автора Слова, естественна.

Р. А. Симонов на основании изучения сходных грамматических структур в Слове путем применения сложных математических подсчетов установил, что в оригинале Слова должно было читаться «древо ся тугою къ земли преклонило», а не «древо с тугою» (вероятность этого чтения по сравнению с текстом печатного издания превышает отношение 300 к 1).[Симонов Р. А. Применение теории вероятности к оценке конъектур в историко-филологических исследованиях (рукопись). Выражаю благодарность Р. А. Симонову, познакомившему меня с этим очень интересным исследованием.] Это его наблюдение полностью подтверждается Пространной редакцией Задонщины, где читается «тугою преклонишася» (И1). Однако в настоящее время трудно определить, с чьей ошибкой мы имеем дело: автора Слова или переписчика экземпляра А. И. Мусина-Пушкина. Поэтому в реконструкции текста Слова мы оставляем традиционное чтение. Реплика о жалости и деревьях повторяется в Слове дальше: «Уныша цвѣты жалою, и древо с тугою къ земли приклонило». Только в этом фрагменте добавлено слово «уныша» (ср. в Задонщине «Тугою покрывшася. Уныша бо царем их хотение», «уныша гласи их»).

Замечание Т. Чижевской о том, что в Задонщине «харалужные» мечи заменены «булатными», [Cizevska. Glossary. Р. 324–325, 327.] односторонне: причудливое словечко «харалужные» (копья), стоящее в одном фрагменте Задонщины с мечами, в той же мере могло быть просто перенесено на мечи и автором Слова («ударяшася копья харалужными о доспехы татарския, възгремели мечи булатныя о шеломы хиновския»).

Заметим, что в Задонщине двум глаголам («ударяшася» и «возгремели») соответствуют два дополнения («о доспехы» и «о шеломы»). В Слове этот стройный порядок нарушен: сабли гремят «о шеломы», а вот «копья» оставлены без дополнения. Ведь в Задонщине они ударялись о татарские доспехи, поэтому автор Песни о событиях XII в. и опустил вовсе это дополнение.[Не вполне объяснимо совпадение «трещать» Слова с «треснута» в Сказании Печатной группы и Псковской летописи. Этот глагол, очевидно, был в протографе Пространной Задонщины (см. Приложения). Отсюда не исключено наличие этого глагола в списке Задонщины, которым пользовался автор Слова. Но возможно, что данный образ попал в Слово из Сказания (см. главу III).]

Вся картина княжеских распрей, якобы препятствовавших новому походу на половцев, далека от действительности. По летописи, князья не возражали Святославу, призывавшему их идти против половецких ханов.

Фрагмент № 15. Печаль Русской земли.

Слово:

А Игорева храбраго плѣку не крѣсити. За нимъ кликну Карна и Жля, поскочи по Руской земли, смагу мѣчючи (в изд.: мычючи) въ пламянѣ розѣ. Жены руския въсплакашася, а ркучи: «Уже намъ своихъ милыхъ ладъ ни мыслию смыслити, ни думою сдумати. ни очима съглядати, а злата и сребра ни мало юго потрепати». А въстона бо, братие, Киевъ тугою, а Черниговъ напастьми. Тоска разлилася по Руской земли...

Задонщина:

...выплакались жены коломенския, а ркучи таково слово: «Москва, Москва, быстрая река, чему еси от нас мужи наши залелеяла в землю Половецкую?».

...а ркучи: «Уже нам, братие, в земли своей не бывати, а детей *своих* не видати (Так И2. И1 выдати), а катун *своих* не трепати, а *трепати* нам сырая земля (Так И2. И1 катун... земля *нет*)...».

А уже бо *встонала* земля Татарская, бедами и *тугою* покрываша.

Уже жены руския *всплескаша* татарским *златом*.

Все приведенные отрывки Пространной Задонщины отсутствуют в Краткой и являются по сравнению с ней позднейшего происхождения (см. Задонщина, фрагменты № 21, 25).

Текст Слова не вполне ясный (как можно «трепать» золото?). [Сочетания «потрепать золото» русская литература не знает (Перетц. Слово. С. 227). В. П. Адрианова-Перетц ссылается на толкование С. Гордиńskiego. Согласно последнему, на Украине подвесные женские украшения называются «трепгток». Так как вдовы этих украшений не носили, поэтому они и не могли «злата... потрепати» (Адрианова-Перетц. «Слово» и памятники. С. 119).] Он находит свое объяснение только в том случае, если допустить, что его источником была Задонщина. В последнем памятнике читаем: «Уже нам... детей *своих* не видать, а катунъ (т. е. возлюбленных.—А. 3.) *своих* не трепати (ласкать.—А. 3.)». Но этот же текст находится в Сказании о Мамаевом побоище: «Уже нам... катун *своих* не трепати, а детей *своих* не видати, трепати нам сыраа земля, целовати нам зеленаа мурова». [Повести. С. 71.] В Сказании текст вполне естествен. Допустить же, что в его основу положено Слово, не представляется возможным: из невнятного фрагмента Слова о трепании золота ясного текста о женах вывести нельзя. К тому же в других местах первоначальной редакции Сказания никаких следов влияния Слова нет. [Седельников. Где была написана «Задонщина»? С. 527–528.] С другой стороны, известно, что в Задонщине Пространной редакции использовано Сказание. Значит, и текст о женах в Задонщине восходит к Сказанию. Но отсюда в свою очередь вытекает вывод, что в данном случае нельзя Слово считать источником Пространной редакции Задонщины и что именно последняя была использована автором Слова.

Второй из разбираемых текстов Задонщины следует прямо после рассказа о бегстве татар «иеуготованными дорогами». Следы этой последовательности сохранились и в Слове, где лишь добавлен повторяющийся рефрен о «туге» из Задонщины и дана яркая картина княжеских крамол. «Мужья» Задонщины заменены эпическими «ладами», «видети» — поэтическим «очима соглядати». Глагол «трепати» дал целый букет словообразований и в их числе неожиданные «потрепати золото», «притрепанъ мечи», «притрепетать полки». Ниже это будет «при-трепа славу дѣду своему Всеславу, а самъ подъ чрълеными щиты на кровавѣ травѣ притрепанъ литовскими мечи». Активное вмешательство автора в процесс словотворчества очевидно.

Фрагмент № 16. Хвала князю Святославу.

Слово:

Святъславъ грозный великий Киевский. Грозою бѣшетъ притрепаль (*в изд.: притрепеталь*) своими *сильными плѣкы* и ха- ралужными мечи наступи на землю Половецкую, *притопта хлѣми* и яругы, *взмутити рѣкы* и озеры, иссуши *потоки* и болота, а поганого Кобяка изъ Луку моря отъ *жельзныхъ* великихъ плѣковъ *половецкихъ*, яко вихрь, выторже. И падесе Кобякъ въ градѣѣ Киевѣѣ въ гридниѣѣ Святъславли.

Ту нѣмци и венедици, ту греци и морава поють *славу* Святъславлю, кають князя Игоря, иже погрузи жиръ во днѣ Каялы рѣкы *половецкия*, рускаго злата насыпаша.

Задонщина:

Силнии полкы съступалися вместо, *протопташа холми* и лугы. *Возмутишася* (Так У, С. И1 возмутися) *реки* и *потоки* (Так У, С. И1 и потоки *нет*) и *езера*. Кликнуло диво... велит послушати грознымъ землям. Шибла *слава* к *Железным* вратом, к Риму...

Весь отрывок Пространной Задонщины дан по сравнению с Краткой в позднейшей редакции (см. Задонщина, фрагмент № 16).

В Слове вместо «Железных врат» появляются «железные плъки» Кобыка (см. ниже: Ярослав «подперъ горы Угорскыи своими железнными плъки»). Обратная текстологическая зависимость была бы невозможной (хорошо известное географическое наименование трудно вывести из образа полков). Одним из источников появления «железных полков» могла быть также «кованная рать», упоминавшаяся в Задонщине. Образ в Слове впечатляющий, хотя «железные полки» в летописи встречаются лишь в связи с немецким войском, закованным в броню.[нпл. С. 316.]

Слова «рускаго злата насыпаша» Б. А. Ларин считает позднейшей глоссой, ибо русская дружина должна была рассыпать при отступлении не русское золото, а половецкое.[Ларин Б. А. Очерки по фразеологии: (О систематизации и методах исследования фразеологических материалов)//Учен. зап. ЛГУ. Серия филол. наук. Л., 1956. Вып. 24. С. 216.] Но, возможно, автор Слова просто употребил понятие «русского злата» в значении трофеев, т. е. золота, добытого русскими.

Текст об «иссушении» болот, потоков и другого добавлен в Слове из псалмов (73: 15): «изсушил еси реки Ифамскыя».

Фрагмент № 17. Пленение Игоря.

Слово:

Ту Игорь князь *высѣдѣ* изъ сѣдла злата, а въ сѣдло кощиево. *Уныша* бо градомъ забралы, а *веселие* пониче.

Задонщина:

Выседоша удалцы з борзых коней на суженое место на поле Куликове. А уже диво кличет под саблями татарскими...

...встонала земля Татарская, бедами и тугою покрывшася. *Уныша* бо царем их хотение и похвала на Рускую землю ходити. *Веселие* уже (Так И2, У. И1 иже) *пониче*...

Оба отрывка Пространной Задонщины отсутствуют в Краткой и по сравнению с ней позднейшего происхождения (см. Задонщина, фрагменты № 20, 26).

Обращает на себя внимание, что, начав тему о Святославе, автор Слова почему-то прерывает ее и возвращается снова к Игорю. Князь пересел «въ сѣдло кощиево» «ту», т. е. тогда или тут (последнее невероятно), что является чисто поэтическим соответствием начальному «въступи... въ златъ стремень» и «ту нѣмци и венедици». В последней фразе «бо» (ибо, же) явно не дает достаточно определенной связи с предыдущим. Зато в Задонщине у ныли татарские цари (а не «забралы»), ибо татарскую землю постигли беды. Еще один момент. Фрагмент № 16 и первая часть № 17 Слова соответствуют двум отрывкам Задонщины, в которых говорится о «клике дива». Это можно объяснить или случайностью, или тем, что автор Слова, выбирая необходимый ему литературный материал, взял для своего текста из разных мест Задонщины отрывки, связанные темой «дива».

Фрагмент № 18. Сон князя Святослава и его толкование.[См. также: Соколова Л. В. Сон Святослава // Энциклопедия. Т. 5. С. 30–39.]

Слово:

Се бо два сокола слѣтѣста съ отня стола злата поискати града Тьмутороканя, а любо испиши шеломомъ Дону. Уже соколома крыльца припѣшали поганыхъ саблями, а самаю опуташа (в изд.: опустоша) въ путины железнны. Темно бо бѣ в 3 день: два *солнца помѣркоста*, оба багряная стѣла погасоста, и съ ними молодая мѣсяца, Олегъ и Святъславъ, тьмою ся поволокоста. На рѣцѣ на Каялѣ тьма свѣтъ покрыва. *По Руской земли простроится* половци, аки пардуже гнѣздо, и въ морѣ погрузиста, и великое буйство подасть хинови. *Уже* снесся хула на хвалу. *Уже* тресну нужда на волю. *Уже* врѣжеса дивъ на землю. Се бо готския красныя дѣвы въспѣша на брезѣ синему морю, звоня рускымъ златомъ, поють время бусово, лелѣють месть Шароканю.

Задонщина:

Се (Так У, С. И си) *бо* князь великий Дмитрий Ивановичъ и брат его, князь Владимир Ондреевич...

...посмотрим быстрого *Дону*, *сопием шеломам воды* (Так С. И1 изобьем шелома мечи)...

То уже *соколы* и кречати, белозерския ястребы рвахуся от златых колодиц ис каменного града Москвы (С *далее*: обриваху шевковыя *опутины*)...

Се уже нам обема *солнце померькло* в славне гради Москве. Припахнули нам от быстрого Дону поломянные (Так У, С. И1 полоняныя) вести...

...Уже жены руския всплескаша татарским *златом*. Уже бо *по* (Так У. И1 *двух слов нет*) Руской земли *простресе* веселье и буйство (Так У. И1 и буйство *нет*) и възнесся слава руская на поганных хулу. Уже *веръжсено диво на землю*.

Два последних наиболее выразительных из приведенных отрывков Пространной Задонщины отсутствуют в Краткой и появились только под пером позднейшего редактора памятника (см. Задонщина, фрагменты № 20, 26).

По мере приближения к концу текста Задонщины этот книжный источник в Слове все более заменяется народными образами и эпитетами.

Поэтический сон князя Святослава имеет глубоко народную основу, а небольшие куски Задонщины в нем трансформированы до неузнаваемости. Фольклорные «шевковые опутаны» превращаются в полукнижные «путины железны». Плач двух жен о закатившихся (погибших) солнцах-мужьях превращается в текст о «померкших» солнцах-князьях. А так как половцами в плен были взяты четыре князя, то к двум солнцам Задонщины добавляются два месяца-княжича, хотя выше говорилось о четырех солнцах. Если в Задонщине простирается по землям русская слава, то в Слове это же говорится о половцах. Эффект от перемещения понятий получается чрезвычайный. Он усиливается противопоставлением «пардужьего гнезда» (половцев) «хороброму гнезду» (Ольговичам). Словарный материал летописи («пардус») и Задонщины (князя — «гнездо Владимира») — только средство для достижения наибольшей поэтической выразительности. Для придания стилю большей законченности и отточенности вводится третий элемент к «хуле» и «диву»: «уже тресну нужда на волю». Здесь слово «нужда» тоже употребляется в новом сочетании.

В. П. Адрианова-Перетц видит вторичность рассказа Задонщины в том, «что „поломяные вести“ не могли еще прийти в столицу, так как... плач приурочен не к исходу битвы, а лишь к одному ее моменту, когда казалось, что победа клонится на сторону Мамаю».[Адрианова-Перетц. «Слово» и «Задонщина». С. 158.] Но рассказ Задонщины рисует финал битвы (воеводы уже погибли, по ним плачут вдовы). Другое дело, что вторая половина памятника снова возвращается к решающей битве. Но эта несогласованность текста Задонщины объясняется вторичным происхождением Пространной редакции по сравнению с Краткой.[Возражает В. П. Адрианова-Перетц и О. В. Творогов, считающий вполне допустимой условность изображения в Задонщине. К тому же «Святослав видит вещий сон, вероятно, также в момент битвы» (Творогов. «Слово» и «Задонщина». С. 332).]

Слова «и въ морѣ погрузиста и великое буйство подасть хинове» логически очень слабо связаны с текстом Игорева песни. Неясно уже, что и как половцы «погрузили» в море. Поэтому многие исследователи помещают эти слова после глагола «поволокоста», меняя «подасть» на «подаста».[Потебня. Слово. С. 93–94.] Р. О. Якобсон и О. В. Творогов переносят только слова «и въ морѣ погрузиста».[La Geste. Р. 154–155. {Слово-1967. С. 501.}] По О. В. Творогову, в пользу этой перестановки свидетельствует Задонщина. Текст Слова действительно противоречив. В Задонщине он целостен: распространилось веселье и буйство русских. В Слове же эта картина изменена за счет мотива о море, который совпадает с рассказом Ипатьевской летописи («в морѣ истопоша»). Считая Задонщину вторичным памятником, придется допустить у ее автора «сверхинтуацию»: он нашел в Слове мотив Ипатьевской летописи и изъясил его из произведения. Гораздо проще считать, что автор Игорева песни нарушил гармонию произведения, внося в текст, навеянный Задонщиной, летописный мотив, т. е. так же, как он поступил и несколькими строчками

выше.[«Море» в Слове отнюдь не «символический образ», как думает О. В. Творогов, а реальное озеро, в котором погибали русские воины согласно Ипатьевской летописи.]

Рассматривая термин «хинове», Т. Чижевская считает, что этот архаизм («гунны») естествен для Слова о полку Игореве и вторичен для Задонщины.[Cizevska T. A comparative Lexicon. P. 325–327.] Однако «хинове» в Слове упоминаются в очень неясном значении. В одном месте они сопоставляются с половцами («прострошася половци... великое буйство подасть хинови»), но в другом совершенно определенно различаются («многои страны— хинова, литва... и половци»). Совершенно неожиданно «хинова» помещена рядом с «литвою» и «ятвягами», не говоря уже о том, что гуннов в XII в. давно уже не существовало. Это несоответствие даже дало В. Миллеру видимое основание отождествить «хинову» Слова с финнами. Зато контекст Задонщины предельно ясен: «хинела» К-Б и «хинове» И1 и сходных отождествляются с татаро-монголами. Если «хинове» — татары, то, возможно, реплика о половцах, которые как бы подают пример «хиновам», имеет в виду татар (ср. «пророчество о татарах»).

Л. Мюллер считает, что первоначально слова «а любо испити шоломом Дону» отсутствовали в Игоровой песни и были включены в нее под влиянием более раннего текста (см. фрагмент № 4): «испить» Дон не является альтернативой «поискам» Тьмутаракани, ибо последние не могли быть без первого.[Müller L. Einige Bemerkungen... S. 256–257.] Соображения Л. Мюллера недостаточны для признания фразы о Доне вставкой. Шероховатости стиля могли быть присущи архетипу Песни.

Фрагмент № 19. Обращение к Ярославу Черниговскому.

Слово:

А уже не вижду власти сильного, и богатого, и многовая («в изд.: многовой») брата моего Ярослава съ черниговскими былями... Тии бо бес щитовъ съ заса- пожники кликомъ плъкы побѣждають, звонячи въ прадѣдную славу. Нъ рекосте: «Мужаймыся (в изд.: Мужаймѣся) сами преднюю славу сами похитимъ, а заднюю ся сами подѣлимъ!». А чи диво ся, братие, стару помолодити? Коли соколъ въ мытехъ бываетъ, высоко птицъ възбиваетъ, — не дасть гнѣзда своего въ обиду. Нъ се зло — княже ми непособие: наниче ся години обратиша.

Се у Римѣ (в изд.: Уримѣ) кричатъ подъ саблями половецкими, а Володимиръ подъ ранами.

Задонщина:

...уже не вижу своего государя Тимофея Волуевича в животе...

Добро бы, брате, в то время стару помолодится, а молодому чести добыти (Так С. И1, У а молодому чести добыти нет)...

...учинить имам диво(Так С. И1, У трех слов нет), старым повесть, а молодым память...

А уже диво кличет под саблями татарскими, а тем руским богатырем под ранами (Так И2. И1 шести слов нет)...

«Золотое слово» Святослава, как и его сон, также принадлежит к запоминающимся страницам произведения. И здесь его летописные мотивы и реминисценции из Задонщины тонут в образах, навеянных народным творчеством. В данном случае вместо «диво кличет» получилось «кричать начали у Римѣ» в соответствии с летописным рассказом о городе Римове.

После обращения к Ярославу в Слове помещен ряд предложений, связь между которыми очень искусственна. Так, перед афоризмом Задонщины о том, что «чи диво ся, братие, стару помолодити», помещен призыв «преднюю славу сами похитимъ», а после — предложение о соколе «въ мытехъ», взятая из Повести об Акире Премудром. Логическая связь между этими кусками текста очень слабая. В самом деле, автор спрашивает: не лучше ли старому помолодеть? И отвечает: когда сокол линяет, то высоко птицъ възбивает, не даст своего гнезда в обиду. Ответ не вытекает непосредственно из вопроса. После этого

не менее неожиданен вывод из рассуждения о соколе: «Нъ се зло княже ми непособие: наниче ся години обратиша».

И еще один момент, на который наше внимание обратил С. Н. Азбелев. Фраза «стару помолодиться» естественна в Задонщине, где она связана непосредственно со старцем Пересветом (в Пространной редакции именно он произносит ее), и лишена этой конкретности в Слове (если не относить ее непосредственно к самому Святославу). [Ведь стариков среди князей — участников похода Игоря не было вовсе. Кому же из них предлагал автор Слова «помолодиться»? Перед нами не вполне удачное подражание Задонщине.]

Фрагмент № 20. Обращение к князьям.

Слово:

Ты бо *можешии* Волгу *веслы* раскропити, а *Донъ шелома* выльяти...

...не ваю ли злачеными *шеломы* по крови плаваша? *Не* ваю ли храбрая дружина *рыкають*, аky *тури*, ранены саблями калеными *на полъ* незнаемѣ? *Вступита*, господина, въ злата стремь за *оби́ду* сего времени, за землю Русскую, за раны Игоревы...

...затворивъ Дунаю *ворота*, *меча* времени чрезъ облаки, суды ряда до Дуная. *Грозы* твоя *по землямъ текутъ*, отворяеши (в изд.:отворяеши) Киеву *врата*, *стрелявши* съ отня злата стола салтаня (в изд.: салтани) *за землями*. *Стреляй*, господине, Кончака, *поганого* кощя, *за землю Рускую*, за раны Игоревы...

Половци сулицы *своя поверъгоша*, а *главы своя подклониша* (в изд.:поклониша) *подъ* тьи *мечи* харалужныи...

Задонщина:

Можеш ли, господине князь великий, *веслы* Непра запрудити (С зоградити), а *Дон шелома* (Так С. И1 шлемом. И2 шоломы) вычерпати, а *Мечю* трупы татарскими запрудити (С зоградити). Замъкни, государь, князь великий, Оке реке (Так У. И1 от сих) *ворота*...

То ти *сѣступалися* рускии сынове с погаными татары за свою *оби́ду*, а в них сияють доспехы *золочеными*...

Не турове възрыкають (Испр. И1 возгремели. С возрули) *на поле* Куликове, побежени у Дону великого, *взопиша* (Испр. И1 то ти не туры) посечены князи руския...

Уже *грозы* великого князя *по всей земли текутъ*. *Стреляй*, князь великий, *по всем землям*. *Стреляй*, князь великий, с своею храброю дружиною поганого Мамаю хиновина за землю Рускую, за веру христьянскую. Уже поганые (Так У. И1 поганых) *оружие свое поверъгоша*, а (Так У. И1 нет) *главы своя* (Так У. И1 своя и) *подклониша под мечи* руския.

Первый и четвертый отрывки Пространной Задонщины принадлежат составителю этой редакции и отсутствуют в Краткой (см. Задонщина, фрагменты № 21, 26).

Обращение к князьям написано так же, как сон и «Золотое слово» Святослава, широкой поэтической кистью, причем текст Задонщины больше связывал автора, чем помогал ему. И тем не менее автор стремился свободно использовать устно-поэтические образы и словарный материал Задонщины. Так, созвучие названия реки Меча с деепричастием «меча» могло дать ему толчок для образа Осмомысла, правящего, «меча времени чрезъ облаки». Нет нужды говорить, что из деепричастия «меча» вывести Мечу, у которой происходила Куликовская битва, невозможно. [О том, что фрагмент Слова с текстом «меча времени» (некоторые дают конъектуру «бремены») соответствует отрывку Задонщины с рекой Мечей, не является случайным созвучием, свидетельствует сходство всего контекста (ср. «Затворив Дунаю ворота» Слова с «замъкни... Оке реке ворота» Задонщины). Вольное использование автором словесного материала Задонщины нами уже отмечалось (Железные ворота превращены у него в железные полки, Соломон в шелома, а в одном месте Див в диво и т. п.).] Кроме всего прочего, Меча входит в стройную формулу Задонщины о реках, одна из которых запружена трупами, а другую следует замкнуть. Аналогичную формулу («Непра запрудити», «Дон выльяти») автор Слова дополняет противопоставлением действий князя Всеволода на воде (Волге) — сухопутным подвигам («посуху... стрѣляти»). Отдельные стилистические неудачи (замена ясного «вычерпати»

бледным «выльяти»)[Эта формула употреблена в Задонщине и далее: «Мечю... запрудити», «замкни... Оке реке ворота».] не меняют общего впечатления о яркости языка и внутренней творческой силе автора Слова о полку Игореве.

В плаче коломенских жен В. П. Адриановой-Перетц кажется вторичным выражение «веслы Непра запрудити», ибо «веслом можно разбрызгивать воду, но не преграждать». [Адрианова-Перетц. «Слово» и «Задонщина». С. 160. В формуле Задонщины О. В. Творогову кажется необычным глагол «замкни» в отличие от Слова, где «затворив» (Творогов. «Слово» и «Задонщина». С. 333). Но именно глагол «замкнути» употреблен в Повести временных лет, когда говорится о Суде, константинопольской гавани.] Но на ладье весло, поставленное против течения, как раз ему и противостоит. Таким образом, здесь гиперболический образ, вполне естественный для героической повести. Выражение «загородите полю ворота своими острыми стрелами» (Слово) близко к «замкни... Оке реке ворота, чтобы потом поганые к нам не ездили» (Задонщина). Следы происхождения Слова из Задонщины сохранились и в данном случае: вслед за «воротами» читаем «уже бо Сула не течеть... къ граду Переяславлю... подь кликомъ поганыхъ». Заменяя р. Оку «полем», составитель Слова ввел вместо нее реки Сулу и Двину. Чтение «по-клониша» Слова вторично по сравнению с «подклониша» Задонщины.[Лихачев. Текстология. С. 260. Ошибка получилась, очевидно, потому, что в полууставный Мусин-Пушкинский список не была внесена надстрочная «д».]

Фрагмент № 21. Конец обращения к князьям. Воспоминания о половецких князьях.

Слово:

Донъ ти, княже, *кличеть* и зоветь князи на побѣду...

...не худа *гнезда* шестокрилци...

...*загородите* полю *ворота* своими острыми стрелами...

...онымъ грознымъ полочаномъ *подь кликомъ* поганыхъ. Единъ же Изяславъ, сынъ Васильковъ, позвони своими острыми *мечи о шеломах* литовския, притрепа славу дѣду своему...

...унылы голоси. Пониче веселие. Трубы трубятъ городеньскіи. Ярославли (*в изд.: Ярославле*) и вси внуце Всеславли уже понизять (*в изд.: понизить*) стязи свои, вонзять (*в изд.: вонзить*) свои *мечи верезжени*...

На седьмомъ вѣцѣ Трояни врьже Всеславъ жребий о дѣвицю себѣ любу. Тѣмъ клюками подпрѣся, оконися (*в изд.: о кони*) и *скочи* къ граду Киеву...

...*скочи отъ* нихъ лютымъ звѣремъ въ плѣночи... *скочи вѣлкомъ* до Немиги... Немизѣ кровави брезѣ не бологомъ бяхуть посѣяни, *поскяни костьми* русскихъ сыновъ... *вѣлкомъ* рыскаше... *вѣлкомъ* путь прерыскаше...

Задонщина:

...диво *кличет* под саблями татарскими...

...*гнездо* есмя князя Володимера...

...Мечю трупы татарскими запрудити (*С зоградити*). Замъкни, государь, князь великий, Оке реке (*Так У. И1 от сих*) *ворота*, чтобы потом поганые к нам не ездили.

...князь Владимир Андреевич гораздо скакаше по рати поганых (*Так У. И1 поганым*) татар, златым шеломом посвечиваше. Гремят *мечи* булатныя *о шеломах* хыновские.

Уныша бо царем нашим хотение и похвала на Рускую землю ходити. *Уже веселие пониче.*

Уже *веръжено* диво на землю.

Уже поганые (*Так У. И1 у поганых*) *оружие* свое *поверъгоша*, а главы своя (*Так У. И1 своя и*) подклониша под *мечи* руския. *Трубы* их не *трубятъ*. *Уныша гласи* их (*Так У. И1 вместо двух слов* бо царем их хотение). И *отскочи* поганый (*Так У. С, И1 нет*) Мамай *серым волком* от своя дружины...

Черна земля под копыты, *костьми* татарскими поля *насеяша*...

Первые шесть (из семи) отрывков Пространной Задонщины (отсутствующие в К-Б) появились только в результате переработки Краткой редакции (Задонщина, фрагменты № 20, 21, 23, 26).

Конец обращения к князьям и размышление о Всеславе Полоцком и его «внуках» написаны энергично и вполне самостоятельно. Из палитры Задонщины автор берет те краски, которые соответствуют его эпическим представлениям. Так, мотив о скачущем сером волке, взятый из характеристики Мамаю, в данном тексте Слова четырежды варьируется, главным образом применительно к Всеславу (ведь автор знал былинку о «Волхе-Всеславиче», где он нашел образ оборотня-волка).[Об этом см. главу IV.] Он свободно использует тему «клича». Див у него заменяется Доном, а «кличет под саблями» превращается в поэтически оправданное «под кликом».

Если русские князья в Задонщине — «гнездо» князя Владимира, то и у автора Слова Мстиславиичи «не худа гнѣзда».

Контекст о трубах логичнее в Задонщине, где трубы не трубят, потому что «пониче веселие» (ведь трубы радостно трубили при выезде русских князей в поход). Противопоставление трубящих и безмолвствующих труб в Слове потеряно. Вместе с тем создан необычный образ городских труб, возвещающих о случившемся несчастье. Нарушен привычный штамп воинских повестей, но достигнута большая эмоциональность. Автор Слова возвращается к теме о необходимости загородить выход на Русь (ср. выше «Затвори Дунаю ворота»), к формуле «за землю Рускую за раны Игоревы», к земле, засеянной костями (ср. выше «костями была посѣяна»). Сказывалось отсутствие в Задонщине другого поэтического материала, который теперь восполнялся даже не столько книжными, сколько фольклорными образами. Глагол «притрепать» (приласкать), которым широко и свободно пользуется автор Слова, встречается и в русском фольклоре. [«Притреплю я дубиной вязовою... притреплю я своей правой рученькой» (Шейн. Великорус. Т. 1, вып. 1. С. 352). См. также: Наумов Д. К лексике «Слова о полку Игореве»//РЛ. 1959. № 3. С. 181–183.]

Мотив «позвониша заутреннюю рано у святых Софеи» (Слово), возможно, восходит к «звонят колоколы... стоят мужи новгородцы у святой Софеи» (Задонщина). Форму «у святых Софеи» Л. А. Творогов считает псковизмом.[Творогов Л. Новое доказательство псковского происхождения непосредственного оригинала Мусин-Пушкинского списка текста «Слова о полку Игореве». Псков, 1949. С. 15–16. Недавно Л. А. Творогов предложил еще два аргумента в пользу псковского происхождения рукописи Слова. Он считает, что надо читать «друга его» вместо «другаго» (Всеволода). Эту «описку» он сопоставляет с опиской «дружнаго» вместо «дружина его» из Жития Ефросина по псковскому сборнику начала XVI в. (ГБЛ, собр. Ундольского, № 306). Но скорее в Слове другая описка — Всеволода вместо Все-слава Васильковича. Тогда речь действительно должна идти о «другом» Всеславе, ибо об одном из них говорилось выше [См. ниже]. Второй аргумент Л. А. Творогова не менее шаток. Он указывает на описку «селику» вместо «велику» в том же Житии и принимает чтение Карамзина — «сечи» (Трояна) вместо правильного «вечи» как ошибку в рукописи со Словом. Но доказать то, что в рукописи Слова читалось именно «сечи», невозможно (Творогов Л. К изучению рукописи Слова о полку Игореве//Псковская правда. 1963. 28 дек.).] Но ту же форму находим в списках И1 и С Задонщины.

Фрагмент № 22. Плач Ярославны.

Слово:

Ярославнынъ гласъ слышитъся (в изд.: слышитъ), зегзицею незнаемѣ (в изд.: незнаемъ) рано кычетъ... Ярославна рано плачешъ въ Путивлѣ на забралъ, а ркучи... «Чему, господине, мое веселие по ковылию развѣя?». Ярославна рано плачет в (в изд. нет) Путивлѣ городѣ (в изд.: Путивлю городу) на заборолъ, а ркучи: «О, Днепре Словутицю! Ты пробиль еси каменные горы сквозѣ землю Половецкую. Ты лелѣяль еси на себѣ Святославли носады до плѣку Кобыкова. Възлелѣй, господине, мою ладу къ мнѣ...».

Ярославна *рано плачешъ* въ Путивлѣ на забралѣ, а ркучи...

Задонщина

...Марья (Так С. И1 Микулина жена Васильевича да Марья Дмитриева) *рано плакашася* у Москвы у града (Так И2, У, С. И1 берега) *на забралах, а ркучи* тако (Так У, С. И1 нет): «Доне, Доне, быстрая река, *прорыла* (Так И2, У, С. И1 прирыла) *еси горы каменные, течеша в землю Половецкую* (Так И2, У, С. И1 Повецкую), *прилеи* моего государя к мне, Микулу Васильевича».

Тимофеева жена Волуевича Федосья тако же (Так У, С. И1 нет) плакася, а ркучи: «Се (Так И2, У. И1 нет) *уже веселье мое* (Так У. И1 нет) пониче... Да Ондреева жена... *рано плакашася...*»

...рано вспели жалостные песни... все *всплакались* жены коломенския, а ркучи (Так И2. И1 ркучи нет)...

Последний из отрывков есть только в Пространной Задонщине, а все остальные даны в поздней редакции (ср. «горы каменные» с «берези харалужныя» Краткой—Задонщина, фрагменты № 20, 21).

Жемчужина Слова о полку Игореве — плач Ярославны глубоко народен по своей основе. В памятниках древнерусской литературы XI–XVI вв. плачи как явление поэтического восприятия мира — явление частое, но они связываются с причитанием жен по погибшим мужьям, а не по живым (хотя бы и полонным). Мотив Слова — фольклорного, а не книжного происхождения. Задонщина дала ему только художественную рамку и отправные мотивы для широкого лирического полотна. Впрочем, следы происхождения этого плача из Задонщины сохранились. Разбивка единого плача на четыре в Слове может быть объяснена наличием четырех плачей в Задонщине. При этом зачин каждой из трех последних частей плача Ярославны дает в Слове повторяющийся мотив в полном соответствии с эпической традицией.[Ср.: Якобсон Р. О. Композиция и космология плача Ярославны//ТОДРЛ. М.; Л., 1969. Т. 24. С. 32–34; Боброва Е. И. К новому истолкованию плача Ярославны//Там же. С. 35–37. (См. также: Соколова Л. В. Плач Ярославны//Энциклопедия. Т. 4. С. 109–116.)] Неудачно вставлено «сквозь» (землю Половецкую): лучше было бы сказать «въ землѣ Половецкой». Река может течь «сквозь» землю, «в» земле, но «пробить горы каменные» сквозь Половецкую землю уже куда как сложно.[Видя эту несообразность, О. В. Творогов полагает, что после «горы» в дошедшем до нас списке пропущен глагол «течеша» (Творогов. «Слово» и «Задонщина». С. 306).] Текст Задонщины гораздо яснее и грамматически правильнее, чем в Слове.

Еще Е. Е. Голубинский обратил внимание на странность в плаче Ярославны. Дело в том, что княгиня «лишилась не только мужа, но и сына, юноши в первой юности, и, однако, плач ее ограничивается только мужем, ни словом не касаясь сына».[Голубинский Е. Е. История русской церкви. 2-е изд. М., 1901. Т. 1, первая половина. С. 865.] Н. К. Гудзий склонен объяснить это обстоятельство тем, что «сын Игоря Владимир был не родным сыном Ярославны, а ее пасынком».[Гудзий Н. К. Литература Киевской Руси и древнейшие инославянские литературы. М., 1958. С. 63.] Но сведение о браке Игоря и Ярославны в 1184 г. восходит к генеалогической литературе XVIII в., и гипотеза о двукратной женитьбе Игоря не может быть подкреплена достоверными источниками.[Об этом см. главу III.] Следовательно, соображение Н. К. Гудзия в данном случае не имеет силы. Зато все станет на свое место, если вспомним, что в Задонщине плачут жены по погибшим мужьям и никаких сыновей там нет. Следуя в данном случае Задонщине, автор Слова и не упомянул о сыне.[По А. В. Соловьеву, княгиня «особенно беспокоится о муже, услышав, что у него несколько ран... О Владимире же она знает, что он не ранен, что он находится у невесты, ему хорошо, о нем волноваться нечего» (Соловьев. Восемь заметок. С. 381). Здесь что ни слово, то бездоказательное допущение.]

В. Д. Кузьмина объясняет отсутствие упоминания в плаче Ярославны Владимира тем, что он в Слове «не играет сколько-нибудь заметной роли. Игорь же — инициатор неудачного похода».[Рыбаков, Кузьмина, Филин. Старые мысли. С. 163.] Но Ярославна

вспоминает Игоря не потому, что он «инициатор неудачного похода», а потому, что он любимый ею муж. Поэтому мы вправе были бы ожидать и того, что княгиня станет оплакивать своих сыновей. Этого, однако, в Слове нет.

Еще Р. О. Якобсон, доказывая первичность Слова по сравнению с Задонщиной, обратил внимание на то, что Днепр мог «пробить горы каменные», так как на нем были пороги. Однако на Дону порогов не было, поэтому он никак не мог «прорыть» каменных гор.[La Geste. P. 323–324.] Этот аргумент повторили В. П. Адрианова-Перетц и Д. С. Лихачев.[Адрианова-Перетц. «Слово» и «Задонщина». С. 157; Лихачев. Текстология. С. 176.] Но он не имеет никакой силы, если мы вспомним, что первичным был текст К-Б «берези харалужные» (о нем Р. О. Якобсон умалчивает), а горы каменные появились только в результате его осмысления в Пространной редакции. Это игнорирование соотношения Краткой и Пространной редакций ввело в заблуждение Р. О. Якобсона.[Его ученик Ж. Бланков повторяет фактически ту же ошибку, когда говорит, что мрачный колорит в Задонщине по сравнению со Словом мало оправдан, ибо в Задонщине речь идет о победе русских войск. Но это замечание, верное по отношению к Пространной редакции, лишено всякого смысла по отношению к Краткой: там изложение завершается не апофеозом, а плачем по погибшим и мрачный колорит вполне оправдан (Blankoff J. Les presages dans le Dit d'Igor' et la Zadonščina// Annuaire de l'Institut de philologie et d'histoire orientales et slaves. Bruxelles, 1960. T. 15. P. 192).] Но эта ошибка сопряжена и с другой: горы произвольно отождествляются с порогами. Однако на севере Руси они означали просто «высокие берега».[«Приидоша варязи горою на мир» (НПЛ. С. 240, 1201 г.). См.: Соловьев Р. // Замечания по поводу опыта областного великорусского словаря. СПб., 1852. Стб. 108; Даль. Толковый словарь. Т. 1. С. 375; Vasmer M. Russisches etymologisches Wörterbuch. Heidelberg, 1953. Bd 1. S. 293. На значение этого слова мое внимание обратил Н. И. Толстой, которого я сердечно благодарю.] Это, кстати говоря, объясняет, почему харалужные «берега» Краткой редакции превратились в каменные «горы» Пространной, и является новым подтверждением севернорусского происхождения Пространной редакции Задонщины. Текст Пространной редакции Задонщины соответствует действительному положению вещей: Дон «пробивает» («прорывает») в своем течении меловые горы. Именно в этом смысле и употребляется глагол «прорыл» в народной поэзии.[«Терек „прорыл“ — прокопал горы крутые, леса темные» (Терские ведомости. 1868. № 44).] Глагол «пробил» («прорыл») горы каменные (берега) гораздо более соответствует течению реки, прошедшей между крутых берегов, меловых гор, чем «прорытию» порогов. Ни о каких порогах, следовательно, говорить не приходится. Но и этого мало. В 1389 г. Пимен во время плавания по Дону проезжал «горы каменыя красныя» (около позднейшей станицы Кременской).[ПСРЛ. Т. II. С. 96; Кудряшов. Половецкая степь. С. 24.]

Р. О. Якобсон текст Задонщины считает вторичным еще и потому, что Дон не мог доставить в Москву мертвого супруга Марьи.[La Geste. P. 323–324.] И это замечание по меньшей мере неточно: действительно, «к мне» Пространной редакции Задонщины бессмысленно, но ведь в Краткой редакции этого нет.[Об этом см. главу I.]

В. Н. Перетц и Д. С. Лихачев дают конъектуру «ся слышитъ». Предлагаемое чтение «слышится» опирается на ряд сходных («растѣкашется», «вьются»). Оно лучше объясняет опisku «слышитъ» (в полууставном экземпляре не поставлена надстрочная буква «с»).

На плаче Ярославны, собственно говоря, и кончается сколько-нибудь значительное сходство Задонщины со Словом (ср. также мотив «по ковылию»).[Это, в частности, и дало основание А. И. Никифорову считать, что в XIV в. существовал вариант Слова без радостного конца (без похвалы Игорю и князьям), который и был использован автором Задонщины (Никифоров. Слово. С. 209).] В дальнейшем встречаются лишь дублирующие предшествующий текст мотивы («поскочи горнастаемъ... скочи съ него босымъ влькомъ... влькомъ потече... лелѣявшу князя на вльнахъ, стлавшу ему зелѣну траву»). Так, плач матери Ростислава повторяет плач Ярославны («Затвори, Днѣпръ, темнѣ березѣ»). Знакомые мотивы слышны в выражении «древо с туюю къ земли приклонило». «Врани не

граахуть, галици помлькоша» как бы антитеза более раннему «часто врани граахуть... а галици свою речь говоряхуть». Если во втором случае говорится о мрачных предзнаменованиях, то в первом об их отсутствии: недаром «соловии веселыми пѣсньми свѣтъ повѣдаютъ».

Фрагмент № 23. Концовка.

Слово:

...пѣвше пѣснь *старымъ* княземъ, а потомъ *молодымъ*. Пѣти слава Игорю...

Задонщина:

...животу *славу*, учинить имам диво (Так С. И1, У *трех слов нет*), *старым* повесть, а *молодым* память...

«Повесть» Задонщины превратилась в Слове в «пѣснь», и весь фрагмент был решительно переработан.

Таким образом, и факт непосредственной связи Слова о полку Игореве с позднейшей редакцией Задонщины, и характер взаимоотношения между этими памятниками показывают позднейшее происхождение Песни о походе князя Игоря.

Можно обратить внимание еще на одно обстоятельство. Иногда одному фрагменту Задонщины соответствуют четыре-пять микросочетаний Слова.

Слово: I...два солнца помѣркоста, оба багряная стльпа погасоста, и съ ними (в изд.: нимъ) молодая месяца, Олегъ и Святъславъ... ту Игорь князь *высѣдѣ* изъ сѣдла злата, а въ сѣдло кощиево. Уныша бо градомъ забрали...дивъ кличетъ врѣху древа, велить послушати земли незнаемѣ...се у Римѣ (в изд.: Уримъ) *кричатъ* подѣ саблями половецкыми, а Володимиръ *подѣ ранами*. **Задонщина:** Се уже нам *обеа солнце померькло* в (Так И2, У, С. И1 померкне на) славне гради Москве. Припахнули нам от быстрого Дону поломянные (Так И2, У, С. И1 полоняныя) вести, носяще великую беду. *Выседоша* удалцы з боръзых коней на суженое место на поле Куликове. А уже *диво кличет* под саблями татарскими, а тем руским богатырем *под ранами* (Так И2. И1 шести слов нет).

Слово: II...стязи глаголють: половци идутъ отъ Дона, и отъ моря, и отъ всѣхъ странъ. Рускыя плѣкы *отступиша*. Дѣти бѣсови *кликомъ поля прегородиша*, а храбрии русици *преградиша* чрълеными щиты. Ярѣ *туре* Всеволодѣ! *Стоиши на борони*, прыщещи на вой стрелами... чръна земля подѣ копыты, костью была *посѣяна*, а *кровию* поляна, тугою въздоша по Руской земли. **Задонщина:** Тогда погании боръзо вспять *отступиша*. *Стязи* ревуть (Так И2. И1 ктязю ревуть отступишася) от великого князя... погании бежать. *Рускии* сынове *поля широкия кликом огородиша*, золочеными доспехи осветиша. Уже *стал* бо *тур на боронь* (Так И2. И1 Встал уже тур оборен). Тогда князь великий... поганых вспять поворотили... тоску им подаваше. Князи их с коней спадоша, трупы татарскими поля *насеяша*, а *кровию* протекли реки.

Слово: ...падоша стязи Игоревы. *Ту ся* брата разлучиста на брезѣ быстрой Каялы. Ту кроваваго вина не доста. Ту пирь докончаша храбрии русичи... **Задонщина:** *Тутю ся* погании разлучишася боръзо.

Слово: ...а половци *неготовами дорогами побѣгоша* къ Дону великому. Крычатъ тѣлѣгы полунощи... **Задонщина:** ...розно *побегии неуготованными дорогами*...

Практически невозможно, чтобы автор конца XIV в. (если считать Пространную редакцию Задонщины, лучше Краткой передающей протограф памятника) мог создать целостные картины битвы (лишенные текстологических швов) из обрывков разнохарактерных фраз памятника, относящегося к другой теме. Им в полном согласии с литературной манерой того времени могли быть использованы только целостные фрагменты. Зато если допустить, что Слово писалось в более позднее время, то его автор мог перенести в свое творение литературные образы и словарный материал Задонщины, произвольно комбинируя ее образы и словарный материал.

Для того чтобы проследить взаимосвязь Слова с конкретными списками Задонщины, нужно представить себе генеалогию списков ее Пространной редакции. Они

распадаются на два извода — Ундольского (списки И1, И2, У) и Синодальный (С), имеющий отдельные черты, сближающие его со списком К-Б. Это показывает, что протограф С в ряде случаев лучше передавал чтения архетипа Пространной редакции (а через него и Краткой), чем протограф извода Ундольского. Вот несколько примеров:

К-Б: князю Рюрику С.: князю... Рурику... **И1:** — **У:** -

К-Б: чюдно стязи стоять... С.: чу<д>но стези стояти... **И1:** стоят стязи... **У:** стоят стязи...

К-Б: укупимь землямъ диво... С.: искупим животом славы, учинит <и>мам диво...

И1: укупим животу славу... **У:** укупим животу своему славы...

К-Б: Досюды есмя были, брате, никуды не изобижены... С.: Доселя есмо были не обижены ни от кого... **И1:** Не в обиде есмя были... **У:** не в обиде есми были...

К-Б: позвонять своими злачеными колоколци. С.: звонечи золотыми колоколы...

И1: возгремеша золочеными колоколы... **У:** возгремеша злачеными колоколы...

К-Б: молитву творять... С.: молитву творит... **И1:** молитву воздает... **У:** молитву воздают...

К-Б: на белую ковылу... С.: на зелену ковылу... **И1:** на ковыли земли... **У:** не на зелене ковыле...

К-Б: толко часто ворони грають... С.: толко часто ворони играют... **И1:** одне вороне грають... **У:** едины вороны грают...

Итак, список С имеет несомненные черты сходства с К-Б, в отличие от И1 и У (это недавно отметили Р. Якобсон и Л. Матейка, Р. П. Дмитриева и О. В. Творогов). [Jakobson. Sofonija's Tale. P. 11–13; Mateika L. Comparative Analysis of Syntactic Constructions in the Zadonščina//American Contributions to the Fifth International Congress of Slavists. Sofia, 1963. The Hague, 1963. P. 400–401; Дмитриева. Взаимоотношение списков. С. 199–263; Творогов. «Слово» и «Задонщина». С. 292–343.] В списке С есть целый ряд наслоений, являющихся результатом творчества его составителя (или одного из предшественников). [Подробнее см.: Дмитриева. Взаимоотношение списков. С. 234–246.]

В изводе Ундольского (И1, У) также добавлено по сравнению с К-Б, С «а храбрых плечев (У далее: своих) испытаем, а рѣку Дон кровью прольем» (И1, л. 217).

О соотношении списков Ундольского извода, близких друг к другу, говорить трудно, ибо список И2 дошел до нас только в небольшом фрагменте, причем в большей части за пределами общей части Пространной Задонщины с К-Б. И несмотря на это, несколько соображений о его генеалогии высказать можно. Прежде всего он, скорее всего, происходит не непосредственно от протографа Пространной редакции, а от текста, имевшего уже вторичные отличия от К-Б — С, но близкие с У и И1. Вот два примера:

К-Б: восплакашася горко жены боярыни... С.: восплакали княгини и боярыни... **И1:** въсплакалися к<няги>не и боярыни избьенных, воеводины жены... **И2:** въсплакалися княгини и боярыни и воеводины жены... **У:** всплакашася вси княгини и боярыни и вси воеводские жены.

В К-Б и С нет слов «воеводины жены». Они явно вторичны, нарушают стройную гармонию Краткой редакции Задонщины. Впрочем, слова «воеводины жены» могли быть простым пропуском в С. Следовательно, в данном случае отличие И1, И2 от С не имеет решающей убедительности.

К-Б: Восплачется жена Микулина Мария... С.: Микулина жена Мария...

И1: Микулина жена Васильевича да Марья Дмитриева... **И2:** Феодосья Микулина жена Васильевича да Марья Дмитриева жена Волынского... **У:** Микулина жена Васильевича Федосья, да Дмитреева жена Марья.

Здесь совпадение К-Б и С уже разительно. Все остальные тексты дают дефектный вариант (обращение двух вдов к одному Микуле), но с повторяющимися элементами. Допустить тут механический пропуск в С крайне трудно.

Первое чтение И2 отличается от первоначального «Микулина жена Мария» (С), совпадающего с К-Б («жена Микулина Мария»). Близкое чтение к К-Б дает У: «Микулина

жена Васильевича Федосья, да Дмитриева жена Марья» (с пропуском «Волынского») и И1 «Микулина жена Васильевича да Марья Дмитриева» (пропущено еще «Федосья»).

Второе чтение: князь Владимир по списку С скачет «по рати поганых татар». [Выражение «погаными татарами» есть в одном из мест И1, У, С (ср. «приидоша поганим татарове» И1, У, С), т. е. оно архетипного характера (ср. «от поганых татар» в И1, С).] Это чтение было, очевидно, первоначальным. В изводе Ундольского, очевидно, читалось близко к И2 «по рати в поганых половцах татарских». Отсюда дефектное чтение У — «во полцех поганых в татарских» (в связи с заменой «половцех» на «полцех» — «рати» как дублирующее было опущено) и сокращенное в И1 «по рати поганом» («половцех татарских» как архаичное было опущено).

В списке И2 есть фрагмент «а катун своих не трепати, а трепати нам сырая земля, а целовати нам зелена мурова», который отсутствует во всех остальных списках Пространной редакции. Однако он несомненно был в ее протографе, ибо есть в фрагменте Задонщины в Сказании о Мамаевом побоище по спискам Оболенского № 70/93 и Тихонравова, № 238. Это могло бы означать, что у составителя И2 был текст Задонщины, не имевший пропуска, характерного для трех отдельных списков (И1, У, С). Однако этот вывод не единственно возможный, ибо в С вместо обычного «детей своих не видати» (И2, И1, У) читаем «жон и детей не видати». Упоминание «жон» говорит за то, что в протографе С текст о «катунах» мог читаться. [Р. П. Дмитриева фрагмент о «катунах» возводит к первоначальному тексту Задонщины (Дмитриева. Взаимоотношение списков. С. 206).] Список И2 в ряде случаев сохранил лучшие чтения архетипа извода Ундольского, причем иногда совпадающие со списком С. Так, в И2 и С читается «припахнули нам» (в отличие от И1 «припахнули к нам», У «примахнули к ним»). Чтению «А тым богатырем» (С) соответствует «А тем руским богатырем» (И2). Оно отсутствует в И1 и У. Чтения «не щурове» (С) и «ни щурове» (И2) противостоят «щурове» (И1); в И2 и С нет вторичного «жалостныя песни» (И1). [В У отрывка «А уже диво... жалостныя песни» (И1) нет.] Выражение «поганим потом» (И2) или «поганые татарове и потомъ» (С) отличается от «потом поганые» (И1, У). «Златошна» (И2) и «злотошного» (С) отличны от «зла» (И1) и дефектного «шна» (У). Общие чтения И2 и С архетипного происхождения. Несколько чтений противоречат, казалось бы, предлагаемому соотношению списков. Наиболее яркие из них: «соколи» И2 и «соколы» У при «рлы» И1 и «орли» С. [Ср. также: «суженое» место И2, У, что отлично от «судное» место И1, С, и «злаченными доспехи» И 2, У в отличие от «золочеными шлемы» (И1). Перед нами, скорее всего, случайные совпадения. Ведь в фрагменте № 27 и в списке И1 и в У читается «суженое место» (так, очевидно, было и в протографе). «Судное» (место) — особенность списка С (см. фрагмент № 20 о Пересвете), где, к сожалению, список И1 не дает никакого чтения.] Но, возможно, первоначальное «орлы» (в Пространной редакции) [О том, что первоначально читалось «орлы», говорит фрагмент № 8 («яко орлы слетешася») как Краткой, так и Пространной редакции.] было заменено независимо друг от друга двумя составителями списков на «соколы» в связи с обычностью сравнения с соколами в Задонщине.

Итак, списки И1 и У образуют, в отличие от И2, особый (Музейный) вид Ундольского извода. Гораздо труднее установить, к какой редакции и изводу принадлежал тот список Задонщины, которым пользовался автор Слова.

Большинство общих мест Слова о полку Игоре с Задонщиной находит соответствие в Пространной редакции этого памятника, причем некоторые чтения есть только в списке С или списке У. Однако отдельные общие чтения связывают Слово со списком К-Б Задонщины.

Все это дало И. Н. Голенищеву-Кутузову основание сомневаться в том, что Задонщина могла быть источником Слова. Ведь, как думает И. Н. Голенищев-Кутузов, автор XVIII в. должен был «иметь все дошедшие до нас рукописи „Задонщины“ или, по крайней мере, все соответствующие этим редакциям списки... Из этих источников он должен был составить довольно хитроумную мозаику, которая — как это ни странно —

составила более удовлетворительный текст, чем в любой из редакций „Задонщины“». [Голенищев-Кутузов И. Н. «Слово о полку Игореве» и рукописи «Задонщины» // Заметки к «Слову о полку Игореве». Белград, 1941. Вып. 2. С. 54.] Это, конечно, маловероятно. Отсюда И. Н. Голенищевым-Кутузовым делался вывод о невозможности считать Задонщину источником Слова.

Но можно ли сказать, что «в руках воображаемого позднего автора „Слова“ был какой-то совсем особый, правильный текст „Задонщины“», [Лихачев. Когда было написано «Слово»? С. 141.] в отличие от „неправильных“ сохранившихся списков»? Для ответа на этот вопрос следует установить, чем объясняется близость Слова к целому ряду списков Задонщины — тем ли, что Игоревая песнь отразилась по-разному в различных текстах произведения Софония Рязанца, или тем, что автор Слова имел в своем распоряжении список Задонщины, который по самому своему положению на генеалогической схеме текстов мог содержать особенности различных списков этого произведения.

Недавно Р. О. Якобсон предложил схему соотношения списков Задонщины и Слова о полку Игореве, которая, по его мнению, объясняет происхождение общих мест между ними на основе признания первичности Игоревой песни и вторичности повести Софония. Элементы близости списков К-Б и С, согласно Р. О. Якобсону, произошли потому, что оба эти текста представляют одну редакцию (версию) Задонщины, тогда как списки И1 и У — вторую. [Jakobson. 1) Sofonija's Tale. P. 13; 2) Selected Writings. P. 546.]

Эта схема крайне удобна для доказательства первичности Слова о полку Игореве, ибо она позволяет общие чтения списков С, И1, У (иными словами — Пространной редакции) возводить к архетипу Задонщины. А именно с Пространной редакцией Игоревая песнь имеет больше всего точек соприкосновения. Однако предложенная Р. О. Якобсоном схема не была текстологически обоснована, а только провозглашена. Поэтому при восстановлении архетипа Задонщины он пользовался разными списками памятника, подчас не считаясь со своей собственной генеалогией текста. Так, например, в списке И1 (в словах Осляби) читается «посеченным пасти», в У — «потятым быть», а в С — «посеченным быти» (в К-Б иной текст). Следовательно, по схеме Р. О. Якобсона в архетипе Задонщины должно было стоять «посеченным» (ибо это чтение находится в двух независимых друг от друга списках разных изводов) и «быть» (по тем же причинам). А между тем сам Р. О. Якобсон восстанавливает слова Осляби в своей реконструкции как «потятым пасти». Чем же тогда объясняется совпадение С с И1 («посеченным») и У («быти»)? Как мы видим, при реконструкции архетипа Задонщины Р. О. Якобсон отказывается от своей же генеалогии текстов.

Вообще же для Р. О. Якобсона характерно вольное, если так можно выразиться, обращение с текстами. Составитель Пространной Задонщины, например, вспоминает Софония Рязанца («я же помяну Ефония ерея резанца» — И1; «аз же помяну резанца Софония» — У; «помянем Софона резанца» — С). Это означает, скорее всего, ссылку на первоначальную, т. е. Краткую, Задонщину (ср. заголовок К-Б «Писание Софония старца рязанца»). Поскольку это противоречит представлению Р. О. Якобсона о К-Б как позднейшем сокращении первоначальной Задонщины, он искусственно изменяет текст и получает «Яз же помяну, Софония Рязанец», т. е. как бы речь идет от имени «Софонии». Но так как чтение «Рязанца», а не «Рязанец» есть в четырех списках, представляющих все версии Задонщины, делать это исправление Р. О. Якобсон, согласно его же схеме, не имел никаких оснований.

Текстологическое соотношение списков, предложенное Р. О. Якобсоном, не может быть принято по ряду причин. Главная из них та, что общие чтения

С, И1, И2 и У (т. е. Пространной редакции), которые, по схеме Р. О. Якобсона, должны быть архетипными, оказываются вторичными по сравнению с К-Б (т. е. Краткой

редакцией). [Доказательству невозможности считать чтения Пространной Задонщины первичными по сравнению с К-Б посвящена глава I настоящего исследования.] А именно они ближе всего к Слову о полку Игореве.

Схема Р. О. Якобсона рушится и по другим причинам. Мы обнаружили в Сказании о Мамаевом побоище следы влияния Краткой редакции Задонщины (К-Б), отличающие ее от общих чтений И1, С, У. Вот эти восемь чтений:

Сказание: 1. в славнем граде Москве **К-Б.:** в славне городе Москве {л. 125} **С.:** в камене граде Москве {л. 38} **И1.:** в камене граде Москве {л. 217 об.} **У.:** в каменом граде Москве {л. 176 об.}

Сказание: 2. И възиде на избранный свой конь и взем копие свое... **К-Б.:** всед на свой борзый конь, приймая копие {л. 126 об.}. **С.:** взял меч {л. 39} от Колонцыя роти {л. 37}. **И1.:** взем свой меч {л. 218 об.}. **У.:** взем свой мечь {л. 179}

Сказание: 3. от тоа бо Галадцкыа беды (Печ. вм. трех слов: рати). **К-Б.:** от тоя рати {л. 123}. **С.:** золотыми доспехи {л. 38}. **И1.:** от Калагьския рати {л. 216}. **У.:** от Калатьския рати {л. 170 об.}

Сказание: 4. шоломы злаченыя. **К-Б.:** золочеными шеломы {л. 125}. **С.:** — **И1.:** золочеными доспехы {л. 217 об.}. **У.:** злачеными доспехи

Сказание: 5. Ужо бо, братие, стук стучит и гром гремит по ранней заре. **К-Б.:** Уже бо стук стучить и гром гремит рано пред зорею {л. 126}. **С.:** Што пишут, что гримит рана пред зорами {л. 39}. **И1.:** Что шумит, что гримит рано пред зарями? {л. 218 об.}. **У.:** Что шумит и что гремит рано пред зорями {л. 179}

Сказание: 6. вльцы выют грозно вельми. **К-Б.:** волци грозно воють {л. 126}. **С.:** ярия волцы но вусти Дона и Непра, ставши, выют {л. 38 об.}. **И1.:** серые волцы от усть Дону и Непра, ставыши, воюют {л. 218}. **У.:** серые волцы от уст Дону и Непра, и ставши воют {л. 178}.

Сказание: 7. грозу велику подаваще. **К-Б.:** воды возпиша, весть подаваша {л. 127}. **С.:** — **И1.:** — **У.:** —

Сказание: 8. чаю победы (на) поганых. **К-Б.:** чають победу на поганых {л. 126}. **С.:** — **И1.:** — **У.:** —

Семь случаев связывают текст Задонщины, использованный в Сказании по Печ., с К-Б и С.

Печ. 1. Не стук стучит и не гром гремит в славне граде Москве. **К-Б.:** в славне городе Москве. То ти, брате, не стук стучить, ни гром гремит... {л. 125} **С.:** в камене граде Москве. То ти, брате, не стук стучит, ни гром гримит {л. 38} **И1.:** в камене граде Москве {л. 217 об.} **У.:** в каменом граде Москве {л. 176 об.}

Печ. 2. злаченые колантыри... колчары фряйския **К-Б.:** калантыри злачены {л. 123 об.}. **С.:** кофыи фразския, а кинжалы ми-сурскими {л. 39 об.}. **И1.:** чары франьския {л. 219}. **У.:** кинжалы фряские {л. 180 об.}

Печ. 3. слеталися со всей Руской земли. **К-Б.:** слетошася со всея полунощныя страны {л. 123 об.}. **С.:** слетишася {л. 37 об.}. **И1.:** слетешася {л. 216 об.}. **У.:** слетешася {л. 174}

Печ. 4. треснута копия харалужная. **К-Б.:** грянута копия харалужныя {л. 127}. **С.:** удариша кафыи фразскими {л. 39 об.}. **И1.:** ударишася копии хараужничьными {л. 219 об.}. **У.:** удариша копье фараужными {л. 181}

Печ. 5. не турове возревеша, возревеша... **К-Б.:** не тури възрыкають... взопаша {л. 128}. **С.:** не турове рано возрули... возрули {л. 40}. **И1.:** не тури възгремели... то ти не туры {л. 220}. **У.:** не тури възгремели... и не тури {л. 182 об.}

Печ. 6. лепо... помолодиться. **К-Б.:** нелепо... помолодиться {л. 127 об.}. **С.:** добре... помолодети {л. 40}. **И1.:** добро бы... помолодится {л. 220}. **У.:** надобно помолодети {л. 183}

Печ. 7. по всем землям, поиде весть по всем градом. **К-Б.**: весть подаваша по рожнымь землямь {л. 127}. **С.**: по всим землям руским {л. 39 об.}. **И1.**: в Руской земли {л. 219 об.}. **У.**: в Руской земли {л. 181 об.}.

По Р. О. Якобсону, в протографе Задонщины должны быть общие чтения И1, У и С. Тогда как же объяснить близость Сказания к К-Б? Тем, что на Сказание влияли две Задонщины? Случай невероятный. Тем, что автор К-Б правил свой текст по Сказанию? Не менее странный вариант, ибо общие чтения Сказания и К-Б («славный», а не «каменный» град Москва, «уже стук стучит» и др.) первичного происхождения, чтения И1 и других — вторичного. Общие чтения К-Б и Сказания практически делают неприемлемой схему взаимоотношения списков Задонщины, предложенную Р. О. Якобсоном.

Если первый, пятый и седьмой случаи не представляют трудности для схемы Р. О. Якобсона (ибо К-Б совпадает с С), то остальные никак ею не могут быть объяснены: Печ. и К-Б дают первичные чтения, которые, однако, ввиду совпадения И1, У, С не могут быть возведены Р. О. Якобсоном в архетип Задонщины (К-Б в данных случаях должен был бы давать поздний вариант). На наш же взгляд, составитель Печ. пользовался текстом Пространной Задонщины, лучше, чем остальные списки этой редакции, сохранившим ее архетип (отсюда близость к К-Б).

Итак, схема Р. О. Якобсона не может быть принята потому, что она не объясняет ни наличия первоначальных чтений в К-Б (по сравнению с общими, но позднейшими чтениями И1, С, У), ни близости К-Б к Сказанию о Мамаевом побоище и к Задонщине, помещенной в Печатной группе Сказания, ни черт близости Слова к индивидуальным чтениям У и С.

Схему Р. О. Якобсона в последнее время пытаются модифицировать Р. П. Дмитриева и О. В. Творогов. [Эту схему принял И. Б. Греков. Он считает, что Задонщина извода Унд. составлена в 1381 г. и якобы восходит к гипотетическому Сказанию о Мамаевом побоище, созданному, по А. А. Шахматову, в это время. Извод Син., по его мнению, возник в конце 90-х гг. XV в. (Греков И. Б. Идеино-политическая направленность литературных памятников феодальной Руси конца XVI в. // Польша и Русь. М., 1974. С. 378–421). Положения И. Б. Грекова отличаются умозрительностью и отсутствием текстологического обоснования.]

Отмечая текстологическую близость списков К-Б и С, с одной стороны, и И1 и У — с другой, Р. П. Дмитриева (как и Р. О. Якобсон) объявляет первую пару списков принадлежащей к одному (Синодальному) изводу, а вторую — к другому (Ундольского). Но, как известно, сходство С с И1 и У неизмеримо больше, чем с К-Б: если в первом случае совпадают и композиция текста, и лексика, и стиль, и содержание, то во втором можно говорить только об отдельных словах и небольших оборотах. Поэтому сначала должен быть рассмотрен вопрос, не представляет ли К-Б первоначальную письменную (Краткую) редакцию памятника, а черты его сходства с С не объясняются ли тем, что этот последний список в ряде случаев лучше сохранил черты архетипа новой (Пространной) редакции, чем И1 и У. Этого, однако, Р. П. Дмитриевой не сделано.

Прокламировав, а не доказав, что Синодальный (К-Б и С) извод и извод Ундольского восходят к архетипу Задонщины, Р. П. Дмитриева объявляет одну группу индивидуальных чтений К-Б вторичной на том основании, что она отсутствует в списках С, И1, У (вторичным она считает и факт отсутствия в К-Б второй части Пространной Задонщины). [Дмитриева. Взаимоотношение списков. С. 249–250.] Другую группу индивидуальных чтений К-Б она возводит к архетипу Задонщины. Чтобы обосновать это, она допускает вторичное влияние на список С извода Ундольского (по списку, близкому к И1), предполагая, следовательно, что некоторые общие чтения С со списком И1 появились в результате позднейшей замены архетипных чтений К-Б. Таких чтений она приводит три:

«посеченым» (в отличие от «потытым» — У), «в Семьвь» (И1) и «всем» (С) (в отличие от «Симов» — У), также «от сих» (И1) и «реце отчин» (С) (в отличие от «Оке реке» У). Но первый случай, как мы писали, индивидуальная правка списка У, во втором и третьем У передает архетип Пространной Задонщины, а совпадения С с И1 просто нет («Семьвь» и «Симов» совпадают).[Справедливую критику построения Р. П. Дмитриевой см. также: Творогов. «Слово» и «Задонщина». С. 307.]

Р. П. Дмитриева ссылается также на три пропуска в С и И1 (в отличие от У и К-Б): речь идет об отсутствии слов «то ти были не орли слетешася» (совпадение И1 и С в этом случае может быть объяснено тем, что составители отдельных списков Пространной Задонщины часто сокращали троичную формулу отрицательного параллелизма; в И1 и У, например, опущена фраза «то ти, брате, не стук стучить, ни гром гремит» С и К-Б), «правнуки есми Сколомендовы» и «борзо» (во фразе «за Дон борзо перелетели»). Но совпадения в пропусках могут носить случайный или стилистический характер. Довод же Р. П. Дмитриевой, что в отдельных чтениях С ближе к И1, чем У, может свидетельствовать только о том, что С и И1 лучше передают архетип Пространной Задонщины (в отличие от У). Близость же первой части заголовка С («Сказание Сафона Резанца») к К-Б («Писание Софония старца рязанца»), а второй («Похвала великому князю Дмитрию Ивановичу и брату его Володимеру Ондреевичу») к И1 («Похвала великому князю Дмитрию Ивановичу и брату его князю Володимеру Ондреевичу») может быть объяснена тем, что С лучше сохранил следы архетипа Пространной Задонщины, чем И1. Итак, тезис об особой близости списков С и И1 (в отличие от К-Б и У) остается недоказанным. Слабость своей аргументации чувствует и Р. П. Дмитриева, когда она пишет, что «всех этих примеров может быть и мало для доказательства вторичного обращения списка С к изводу Унд.».[Дмитриева. Взаимоотношение списков. С. 233.]

Подсобное значение в схеме Р. П. Дмитриевой имеет указание на обращение к тексту Задонщины, сохранившемуся в Печатной группе Сказания. Исходя из факта близости нескольких чтений Печатной группы к спискам К-Б и С (наряду с И1 и У), она делает вывод, что составитель Задонщины, сохранившейся в извлечениях в этой группе, пользовался Синодальным изводом. А дальше все та же методика: раз в Печатной группе есть ответная речь Владимира Андреевича (соответствующая речи Дмитрия Донского), то она была и в Синодальном изводе, а следовательно, ее отсутствие в К-Б вторично. [Дмитриева. Взаимоотношение списков. С. 255–256. Ср. также установление последовательности эпизодов в Задонщине, решение вопроса об участии новгородцев в Куликовской битве и составе земель, по которым разнеслась весть о битве (Там же. С. 257, 259, 261).] И здесь недоказанным тезисом, что К-Б и С составляли один извод, автор пользуется как средством решить другие текстологические трудности. Возможность использования составителем Печатной группы Пространной Задонщины, лучше сохранившей черты архетипа этой редакции (а отсюда — известная близость к К-Б), Р. П. Дмитриева вовсе не учитывает.[Остается совершенно непонятным, на каком основании Р. П. Дмитриева, Л. А. Дмитриев и О. В. Творогов считают, что «особенности Печатного варианта „Сказания“ являются тем объективным критерием, который бесспорно свидетельствует об общем происхождении списков „Задонщины“ К-Б и С, а следовательно, о существовании извода Син. и о вторичном характере текста К-Б» (Дмитриева, Дмитриев, Творогов. По поводу. С. 118).]

Заметим и внутреннюю противоречивость апелляции Р. П. Дмитриевой к С, И1 и У для доказательства первичности их общих чтений, в отличие от К-Б. Ведь автор сама же считает, что список С подвергся вторичному влиянию текста, близкого к И1. Поэтому, принимая схему Р. П. Дмитриевой, вполне можно все чтения К-Б, отличные от остальных списков Задонщины, возводить к архетипу извода Син., а отсюда — к протографу Задонщины. Следовательно, ссылаться на общность С, с одной стороны, и И1 и У — с другой как на доказательство первичности чтений Пространной Задонщины, в отличие от Краткой, Р. П. Дмитриева не имеет никакого права, ибо она сама же допустила вторичное

влияние на С текста, близкого к И1, а отсюда первоначальными могли быть чтения К-Б, т. е., по нашей терминологии, Краткой Задонщины.

Свою схему соотношения списков «Задонщины» Р. П. Дмитриева предлагает не саму по себе, а как средство объяснения черт Слова, близких к К-Б, которые якобы в С исчезли при вторичном влиянии извода У. Этих чтений четыре: «взыди под синии облакы», «с моря», «синие молнии», «пробиль еси берези». В последних двух случаях, однако, речь идет о совпадении вследствие палеографических описок. [Надстрочная буква «д» в К-Б пропускается и в слове «хараужные», аналогичные пропуски есть и в Слове («Вста близ» и др.). Следовательно, «синие» могло быть простой опiskeй (вместо «силние») (наблюдение сделано нами еще в 1963 г. и использовано О. В. Твороговым без упоминания им фамилии автора, см.: Творогов. «Слово» и «Задонщина». С. 308). В. П. Адрианова-Перетц заметила, что «определение „синий“ в памятниках не соединяется со словом „молния“» (Адрианова-Перетц. «Слово» и памятники. С. 89). Надстрочные буквы «б» и «р» в скорописи почти неразличимы («пробиль» — «прорыл».)] Второе место («с моря») может иметь другое объяснение. [В списке С текста со словами «с моря» просто нет (в И1 и У «по морю»), так что в архетипе Пространной Задонщины могло стоять и «с моря».] А в первом какое-то недоразумение. Ведь в Слове дважды говорится, что Боян, подобно соколу или соловью летал «подъ облакы». Эти тексты надо сравнивать не с К-Б, где «под синие облакы», а с другим местом Пространной Задонщины: «птица их крилати под облакы летаютъ» (И1, сходно в У и С). [О. В. Творогов считает совпадение в словах «под синие облакы» случайным (Творогов. «Слово» и «Задонщина». С. 308).]

Но схема Р. П. Дмитриевой совершенно игнорирует наличие «зегзицы» («зогзицы») в Слове и К-Б, причем в разных контекстах при отсутствии этого термина в С, И1 и У. По схеме Дмитриевой, отрывок К-Б должен восходить к Слову, раз в нем есть совпадающее с ним упоминание о «зегзице» («зогзице»). [«...пастуси не кличуть, ни трубы не трубятъ, только ворони грають, зогзици кокують, на трупы падаючи» (К-Б).] а все остальные списки Задонщины должны давать архетип извода Ундольского. [«В то время по Рязанской земли около Дону ни пастуси кличють, но одне вороне грають, трупу ради человеческого» (И1).] Но именно этот фрагмент списков И1, У и С есть в другом месте [«Тогда по Руской земли рѣтко ратаевѣ кикахуть, нѣ часто врани граяхуть, трупиа себѣ дѣлячѣ».] Слова. А раз так, то именно он, а не отдаленный текстологически от него фрагмент К-Б, должен, по той же схеме Р. П. Дмитриевой, восходить к архетипу Задонщины. Но это невозможно, ибо в нем «зегзицы» нет, тогда как она в Слове (в другом контексте) присутствует. «Втиснуть» же «зегзицу» в протограф извода Ундольского не представляется возможным, ибо в соответствующем ему месте Слова этой пичужки также нет.

Итак, схема Р. П. Дмитриевой, недоказанная сама по себе, не может объяснить и важных сторон взаимосвязи Слова с Задонщиной.

Посмотрим теперь схему, предложенную О. В. Твороговым.

Принимая в целом схему Р. О. Якобсона и Р. П. Дмитриевой, О. В. Творогов считает, что общие чтения Слова и списков С и К-Б, с одной стороны, а также И1 и У — с другой восходят к архетипу Задонщины. Трудность и для него составляют индивидуальные чтения К-Б, близкие к Слову. О. В. Творогов имеет дело с уже отмечавшимися ранее соответствиями К-Б и Слова (он насчитывает их И). [Он добавил к ним лишь одно: «порожнымъ землямъ» К-Б (эти слова, на наш взгляд, следует переводить: «по разным», а не «пустым, незаселенным» землям) и сопоставляет со Словом («велитъ послушати земли незнаемѣ»), а «воды» того же списка считает деформацией «дива» (Творогов. «Слово» и «Задонщина». С. 302–303). Но текст Слова совпадает не с К-Б, а с И1 («велитъ послушати грозъ-нымъ землямъ») и с С («по всимъ землямъ рускимъ, велитъ грозна послушати»).] Отрицая

тезис Р. П. Дмитриевой о влиянии извода У Задонщины на извод С, О. В. Творогов предполагает, что три чтения, общих для К-Б и Слова, возникли в результате использования составителем списка К-Б (или его протографа) непосредственно Слова о полку Игореве. Это: обращение «брате» (в фразе о «борзых комонях»), отсутствующее в С, И1, У; винительный падеж «свою рѣчь» (Слово) или «свои речи» (К-Б), в отличие от творительного «своею речью»; «пробиль» (К-Б и Слово) вместо «прорыл» (И1 и сходные). [Творогов. «Слово» и «Задонщина». С. 305–306.] Вот и все доводы О. В. Творогова в пользу гипотезы о вторичном влиянии Слова на К-Б.

Даже если принять эти примеры (хотя о последнем случае, объясняющемся чисто палеографически, мы уже говорили), факт влияния Слова на К-Б будет более чем сомнителен. Составитель списка произведения, написанного на другую тему, не мог выискивать в двух-трех случаях сходные отрывки фраз (помещенные в разных контекстах) и ограничиться всего лишь заменой падежа, двух букв в слове «пробил» и вставкой обращения «брате». Факты двойного обращения к одному и тому же произведению известны, но чтобы в результате этого обращения все дело свелось к двум-трем мельчайшим поправкам, в этом позволительно сомневаться.

Слабость текстологических построений Р. П. Дмитриевой и О. В. Творогова во многом объясняется методикой их работы. Они пользуются приемами «микротекстологии», т. е. сопоставляют не целостные фрагменты списков на всем протяжении текста памятников, а текстологическое движение и расхождение в отдельных словах и небольших отрывках. Но подобная лексическая текстология как один из приемов изучения памятника имеет смысл только при условии соблюдения закона больших чисел, т. е. при множественности этих примеров, или при их необратимости (ибо в противном случае можно столкнуться с многозначностью объяснений конкретных случаев). А этого непрямого условия авторы не соблюдают: число имеющихся в их распоряжении сопоставлений незначительно, да к тому же все эти случаи обратимы.

Наконец, еще одно обстоятельство. До 1963 г. исследователи Задонщины охотно составляли реконструкции архетипа памятника, хотя отказывались от построения генеалогических схем движения текста. Теперь картина изменилась. Для Р. П. Дмитриевой и О. В. Творогова ясно, что Задонщина — памятник письменной литературы. Поэтому они предлагают читателю свои схемы истории ее текста. Однако, противореча друг другу, оба автора оказались не в состоянии реконструировать архетип Задонщины. Тем самым текстологические построения лишились решающего момента — их проверки во всех звеньях текста памятника. Это, на мой взгляд, также является наглядным свидетельством умозрительности текстологии Задонщины, предложенной Р. П. Дмитриевой и О. В. Твороговым.

Таким образом, ни схема Р. О. Якобсона, ни ее модификации не способны объяснить генеалогию списков Задонщины и отношение их к Слову о полку Игореве.

Теперь посмотрим, как обстоит дело с отношением Слова к отдельным спискам Задонщины.

Наибольшую близость Игорева песнь обнаруживает с Синодальным списком Пространной редакции. Вот 16 наиболее характерных случаев этой близости, отличающей этот список от других текстов Пространной Задонщины:

Слово: 1. 10 соколовъ на стадо лебедѣй

С: соколи... отривахуся... хотят ударити на многие стады гусяныя и на лебединыя {л. 38 об.}

И1: соколы... рвахуся {л. 218 об.}

У: соколи... хваруются {л. 178 об.}

Сходство Слова со списком С (в отличие от И1 и У) несомненно. Чтение С было в протографе Пространной Задонщины («стада лебединыя» есть ниже в У и С).

Слово: 2. поостри сердца

С: поостри сердце {л. 37}

И1: поостриша сердца {л. 216}

У: поостриша сердца {л. 173}

Форма «поостри» (Слово и С) вторична, ибо в К-Б читается «поостриша», т. е. так, как в И1 и У.

Слово: 3. всядемъ, братие, на свои бръзья комони

С: усядем на борздыя кони {л. 38}

И1: сядем на борзья своя комони {л. 217}

У: сядем на добрые кони своя {л. 176}

Чтение С «усядем» ближе к Слову и вторично по сравнению с И1 и У, ибо в К-Б «сядемъ».

Слово: 4. испити шеломомъ Дону

С: сопием шеломом воды [л. 38]

И1: изобьем шелома мечи [л. 217 об.]

У: -

Чтение С близко к первичному, ибо оно соответствует списку К-Б («испиемъ, брате, шеломомъ своимъ воды быстрого Дону»).

Слово: 5. не буря соколы занесе... чи ли въспѣти

С: а чи ли боре соколом зонесет {л. 37–37 об.}

И1: цег буря коли снесет {л. 216 об.}

У: ци буря соколи снесет {л. 173 об.}

Какое из чтений («занесет» или «снесет») первично, неясно, ибо в К-Б нейтральное «взнялися». Чтение «чи ли» С, очевидно, для Пространной Задонщины архетипно.

Слово: 6. комони ржуть за Сулою

С: кони ирзуть но Москве {л. 37 об.}

И1: на Москве кони рьжут {л. 216 об.}

У: на Москве кони ржут {л. 173 об.}

Чтение С наиболее близко к протографу Пространной редакции, ибо в К-Б «кони ржуть на Москве».

Слово: 7. конецъ копия въскрѣмлени

С: кочаны коней воскормлены {л. 38}

И1: —

У: —

Список С сохранил рудимент первичного чтения, ибо в К-Б есть «конецъ копия вскормлены».

Слово: 8. пути имъ ведоми

С: дороги нам сведомо {л. 39 об.}

И1: путь им знаем {л. 219}

У: —

В данном случае список С сохранил первоначальное чтение Пространной Задонщины, ибо в отрывках из этого памятника, приведенных в так называемой Печатной группе Сказания о Мамаевом побоище, читается «дороги им вельми сведома». [Снегирев И. Поведание и сказание о побоище великого князя Дмитрия Ивановича Донского//Русский исторический сборник. М., 1838. Т. 3, кн. 1. С. 23.] А эти отрывки сохранили чтения, близкие к архетипу Пространной редакции Задонщины.

Слово: 9. ни соколу, ни кречету

С: ни ястребу ни соколу ни белоозерскому кречету {л. 37 об.}

И1: ни кречету {л. 217}

У: ни ястребу, ни кречату {л. 175}

Первоначально в Пространной Задонщине были сокол, кречет и ястреб. Пропуск в И) и У вторичного происхождения. Всех этих трех птиц мы находим в другом месте списка К-Б и С, где в И1 сокол также есть («соколы белозерския ястребы») {л. 218 об.}.

Слово: 10. на Канину зелену

С: но зелену ковылу {л. 40 об.}

И1: на ковыли земли {л. 220 об.}

У: на зелене ковыле траве {л. 183 об.}

Список С (и Слово) дает первоначальный текст, ибо он близок к К-Б («на белую ковылу»). [В И1 и У мотив дублируется (ср. У: «летети... на траву ковыль... лежати на зелене ковыле»). Глагол «пасть» (на траву, землю) есть и в С, и в К-Б.]

Слово: 11 нъ часто врани

С: но толко часто вороны {л. 40 об.}

И1: но одне вороне {л. 220 об.}

У: но едины вороны {л. 184}

Чтение С («толко часто вороны») читалось в протографе Пространной редакции, ибо оно совпадает с К-Б.

Слово: 12. что ми шумить

С: што пишут {л. 39}

И1: что шумит {л. 218 об.}

У: что шумит {л. 179}

Случай неясный. Исследователи полагают, что в С испорченный вариант Слова: «што ми шу<мит>». [Голенищев-Кутузов И. Н. «Слово о полку Игореве» и рукописи «Задонщины». С. 51.] Впрочем, «пишут» могло быть простой опиской вместо «шумит» («ми» — особенность только Слова).

Слово: 13. жены руския въсплакашась, а ркучи

С: восплакалися жены поломяныя и рекучи так [л. 41]

И1: въплакалися жены коломенскыя [л. 221]

У: восплакалися жены коломеньскыя {а ркут} [В ркп. пробел.] [л. 185 об.]

Слова «а ркучи» есть в К-Б списке, т. е. восходят к протографу Пространной редакции Задонщины (ибо есть и в С). Случай, впрочем, неясный ввиду порчи списка Ундольского.

Слово: 14. греци и морава поють славу

С: шибла слава к мору и к Ворнавичом... ко Кафе {л. 39 об.}

И1: шибла слава... к Риму и к Кафы по морю и к Торнаву {л. 219 об.}

У: глава шибла... к Риму и х Сафе по морю и к Которнову (вместо «Торнаву»? — А. 3.) {л. 181 об.}

«Морава» Слова созвучнее всего «Ворнавичом». К тому же в Слове, как и в С, нет и Рима.

Слово: 15. опуташа въ путины железны

С: обриваху шевковыя опутины {л. 38 об.}

И1: -

У: -

Случай очень характерный: текста нет ни в И1, ни в У, ни в К-Б. Да и по своему характеру он является позднейшим дополнением, усиливавшим впечатление от полета соколов, которые «рвахуся» от «златых колодец» (И1) или «отри-вахуся от златых и (?) колокол» (С). Слово «обриваху» варьирует предшествующее «отривахуся»

В. П. Адрианова-Перетц права, считая, что образ опутин в С «употреблен не к месту: русские князья-соколы едут из родной земли и „обрывать опутаны“ им не было надобности». [Адрианова-Перетц. Фразеология и лексика. С. 82–83. Это наблюдение в позднем варианте работы В. П. Адриановой-Перетц снято (Адрианова-Перетц. «Слово» и памятники. С. 131).]

Р. П. Дмитриева, Л. А. Дмитриев и О. В. Творогов отводят этот случай на том основании, что в списках И1, У и К-Б нет параллельного чтения. [Дмитриева, Дмитриев, Творогов. По поводу. С. 113–114.] Довод существенный, но он теряет свою убедительность в том случае, если можно обнаружить и другие совпадения между С и Словом при

наличии параллельных, но иных чтений в К-Б, У, И1. А таких, как мы видели, значительное количество.

Слово: 16. загородите полю ворота

С: Мечну трупы татарскими зоградити {л. 41}

И1: Мечю трупы татарскими запрудити {л. 221}

У: —

Чтение И1 (и сходное — И2), скорее всего, первично, ибо оно соответствует выражению «веслы Непра запрудити» И1, И2, У (С «Дон зоградити») в том же фрагменте.

Подведем итоги. В большинстве случаев Слово близко к списку С там, где он лучше, чем И1 и У, передает протограф Пространной Задонщины. Однако в случаях № 2, 3, 14, 15, 16 мы встречаемся в С с позднейшими чтениями, не архетипного происхождения. Особенно это наглядно в 15-м отрывке. Но если это так, то традиционную схему соотношения Слова и Задонщины нельзя принять: по ее условиям все общие чтения С и Слова должны находиться в протографе Задонщины, а этого на самом деле нет.

Усилившиеся черты близости Слова с Задонщиной (на этот раз по Синодальному списку) нельзя считать результатом какого-то нового воздействия Слова на Задонщину. В самом деле, эти нюансы не могли быть внесены переписчиком по какому-либо литературному памятнику. Так, замена вполне логичного «запрудити» (Мечу трупами) менее удачным «зогради» не могла быть произведена под влиянием весьма отдаленного текста: «Загородите полю ворота» (Слово). Следовательно, большее сходство списка С со Словом (по сравнению с У, И1, И2) может быть объяснено тем, что этот список лучше передает некоторые черты протографа Пространной редакции, или тем, что в распоряжении автора Слова находился текст Задонщины, представляющий тот же извод, что и Синодальный список.

Слово о полку Игореве имеет и отдельные черты, совпадающие со списком Ундольского Задонщины, в отличие от К-Б, И1 и С. Таких случаев мы насчитали 10.

Слово: 1. Начати же ся тый пѣсни по былинамъ

У: начата ти поведати по делом и по былинам {л. 171 об. — 172}

И1: начата поведати по делом, по гибелью {л. 215 об.}

С: нача поведати по — делом былым {л. 37}

К-Б: —

В данном случае не исключено, что в протографе Пространной редакции могло читаться «по былым», а «по былинам» — особенность протографа У, повлиявшая на список Задонщины, находившийся у автора Слова. В пользу этого говорят и отсутствие термина «былина» (индивидуальная черта У) в древнерусской литературе, и отсутствие суффикса «ин» в списке И1, и большая логичность чтения «по делом по былым» [Это чтение ликвидирует ту «смысловую тавтологию», которая есть в У. Отмечая ее, О. В. Творогов даже и не ставит вопроса о том, что список С мог лучше сохранить первоначальное чтение архетипа С, И1 и У (Творогов. «Слово» и «Задонщина». С. 335).] (в этом сказалась тенденция автора Пространной Задонщины писать по фактам, т. е. дополняя текст Краткой редакции по Сказанию). «Гибелью», скорее всего, индивидуальное чтение списка И1. Предполагаем, что в протографе Пространной редакции читалось «начати», ибо непосредственно перед приводимым отрывком читается в У «начати» (С нет), И1 «нача», но хвостик от буквы «р» в слове «Владимеру» строкою выше мог как бы выполнять функцию надстрочного «т» («начата»).

В фольклористике в последнее время поставлен вопрос о происхождении слова «былина». Ранее считалось, что понятие «былина» ввел в науку И. П. Сахаров, неверно поняв выражение Слова о полку Игореве (самоназвание былинного жанра — «старина»). Однако П. Д. Ухов отметил бытование термина «былина» на Севере во всяком случае уже в 30-е гг. XIX в. [Ухов П. Д. К истории термина «былина» // Вестник МГУ. 1953. № 4, ср. также: Астахова А. М. Былины. Итоги и проблемы изучения. М.; Л., 1966. С. 21–27.] Слово «былина» знал еще и А. С. Пушкин. Оно означало, по-видимому, то же, что «быль»

и «были-ца». Список Ундольского дает новое подтверждение древности бытования слова «былина», причем в смысле «были».

2. В списке Ундольского (в отличие от И1, С и К-Б) татарские войска стоят не у Дона, а «у Дуная» (то же в фрагменте № 19). Это, конечно, вторичный (эпический) мотив. [Так, в сходном списке Жития Михаила Тверского (конца XVI — начала XVII в.) Дон также ошибочно назван Дунаем («на усть реки Дуная»: ГПБ, О. XVII, № 76, л. 190 об.).] Неожиданный сам по себе для Каяльской и Куликовской битв, он есть и в Слове о полку Игореве. Впрочем, эпическая тема Дуная могла попасть в Слово и не из Задонщины.

Слово: 3. Не было нѣ в обидѣ порождено ни соколу, ни кречету, ни тебѣ, чръный воронь

У: Не в обиде есми были по роже-нию ни ястребу, ни кречату, ни черному ворону {л. 175 об. — 176}

И1: Ни в обиди есмя были ни кречету, ни черному ворону {л. 217}

С: Доселя есмо были не обижены ни от кого, ни ястребу, ни соколу, ни белоозерскому кречету {л. 37 об.}

К-Б: Досюды есмя были, брате, ни-куды не изобижены, ни соколу, ни ястребу, ни белу кречату {л. 124 об.}

Здесь несомненно родство Слова с И1 и У («не в обиде») и только с У («по рождению»). Слова «по рождению», имеющиеся в У, вряд ли могли быть пропущены в И1 случайно, ибо их нет также в С и К-Б. Их, очевидно, не было в протографе и Краткой и Пространной Задонщины. Они явно вторичного происхождения сравнительно с «досюды» (К-Б) и «доселя» (С). Ведь Дмитрий Донской, обращаясь к князьям, говорит, что «досюды» они не были изобижены Мамаем. По У получается, что русские князья «по рождению» не были «в обиде» на татар. Это более чем странно, ибо над Русью к 1380 г. татары властвовали уже около 150 лет.

Р. П. Дмитриева, Л. А. Дмитриев и О. В. Творогов стремятся отвести этот случай, исходя из факта отсутствия слов «по рождению» в списках К-Б (где якобы вообще текст изменен) и И1 (где текст якобы просто выпал). [Дмитриева, Дмитриев, Творогов. По поводу. С. 114.] Однако если мы примем это построение, то будем вынуждены столкнуться с чрезвычайной трудностью. Получится, что три (или во всяком случае два) писца независимо друг от друга по разным причинам опустили одно и то же выражение. Такой случай маловероятен. А если учесть, что и в целом ряде других фрагментов Слово совпадает с индивидуальными чтениями У, то маловероятное предположение уважаемых оппонентов становится уже вовсе невероятным. Единственный довод, которым они могут воспользоваться, чтобы доказать первичность чтения У, — наличие текста, близкого к У, в Слове. Но тогда они попадают в заколдованный круг, ибо вынуждены будут объяснять факт через предположение, которое еще само по себе требует доказательства.

Выражение «ни черному ворону» И1 и У также вторичного происхождения, ибо нарушает охотничий принцип перечисления птиц (ястреб, сокол, кречет) и зверей (пес).

Слово: 4. Луце жъ бы потяту быти

У: Лутчи бы нам потятым быть {л. 183}

И1: Луче бы посеченым пасти {л. 220}

С: Лучъжи ш бы нам, господине, посечены м быти {л. 40}

К-Б: Лучши бы есмя сами на свои мечи наверглися {л. 127 об.}

Редкое слово «потятым», связывающее У со Словом (в отличие от «посеченым» И1, С), говорит за то, что список Задонщины, находившийся в распоряжении автора Игоревой песни, правился по варианту извода Ундольского, отличному от протографа И1. Признание первичным чтения «потятым» только на том основании, что оно «более древнее», [Дмитриева. Взаимоотношение списков. С. 233. О. В. Творогов объясняет совпадение в глаголе «потяту» или вторичным обращением к Слову, или случайностью (Творогов. «Слово» и «Задонщина». С. 298).] не может считаться убедительным. Не более удачно предположение о том, что «в И1 и С это редкое слово независимо друг от друга»

было заменено одним и тем же словом («посеченым»).[Дмитриева, Дмитриев, Творогов. По поводу. С. 114.] Опять «случайное совпадение»! Не может быть принято и новое соображение Р. П. Дмитриевой, что в данном случае на С влиял текст, близкий к И1, [Дмитриева, Дмитриев, Творогов. По поводу. С. 114.] ибо сам тезис автора о влиянии на С подобного текста не доказан. В протографе Пространной редакции должно быть, конечно, «посеченым» (именно этот термин находим в фрагменте «посечены князи руские» по спискам У, И1 и С).

Слово: 5. ти готови, осѣдлани

У: готов оседлан {л. 177}

И1: готовы {л. 217 об.}

С: подеманы {л. 38}

К-Б: готови... оседлани {л. 125}

В этом случае, очевидно, чтение У («оседлан») находилось в архетипе Пространной Задонщины ввиду того, что оно совпадает с К-Б, в С деформировано, а в И1 пропущено.

Слово: 6. по землямъ текутъ

У: по всем землям текут [л. 190]

И1: по всей земли текутъ [л. 223]

С: —

К-Б: —

В данном случае неясно, какое чтение (И1 или У) находилось в архетипе Задонщины, ибо контролирующих чтений в С и К-Б нет.

Слово: 7. Унылы голоси... Трубы трубятъ

У: Труби их не трубят и уныша гласи их {л. 190–190 об.}

И1: Трубы их не трубятъ. Уныша бо царем их хотение {л. 223}

С: —

К-Б: —

Слово близко к У, который в данном случае передает чтение протографа Пространной редакции: слова «бо царем их хотение» И1 механически повторяют начало предшествующего текста («уныша бо царем их хотение и похвала»), тогда как по контексту «гласи» более соответствуют сути дела («трубы... гласи»). Отрывок помещен во второй части Пространной Задонщины, отсутствующей в К-Б.

Слово: 8. ты пробиль еси

У: прорыла еси ты {л. 184 об.}

И1: прирыла еси {л. 220 об.}

С: прорыла ест {л. 40 об.}

К-Б: пробил еси {л. 128 об.}

Местоимение «ты» в У (а следовательно, и в Слове) вторично: его нет в списках обоих изводов Пространной Задонщины и К-Б. К тому же в прямых обращениях к жаворонку и соловью Задонщины «ты» в первоначальном тексте Пространной Задонщины отсутствует. В обращении к Мамаю также в С местоимения «ты» нет, но оно есть в И1 и У. Нет этого местоимения и в обращении коломенских жен к Москве-реке и к великому князю.

9. В сборнике со Словом находились Повесть об Акире и Сказание об Индийской земле. Оба эти памятника есть в сборнике Ундольского. Сказание об Индийской земле переписывал еще Ефросин, так что, возможно, оно было в сборнике с протографом Пространной редакции Задонщины.

10. Наконец, возможно, что и заголовок Слова («Слово о пълку Игореве») навеян списком У Задонщины («Слово о великом князе Дмитрее...»). Выше мы отмечали, что этот заголовок У в архетипе Задонщины отсутствовал и является вторичным.

Итак, черты близости Слова со списком Ундольского Задонщины могут быть суммированы следующим образом. Отрывок 2 ввиду распространенности мотива «Дуная» (позднего в У сравнительно с С и К-Б) в фольклоре сам по себе не может с

определенностью привести к какому-либо текстологическому решению вопроса. Состав сборника (9) и отрывки 5, 7 могут говорить о том, что просто списки С, И1 не передают особенностей протографа Пространной редакции, лучше представленного в списке У.

Наиболее характерны отрывки 1, 3, 4, 8, 10. Они дают общие чтения Слова с У, причем на этот раз общие чтения вторичного происхождения по сравнению с общими чтениями И1, С, К-Б, т. е. протографом Пространной редакции. Отсюда два вывода: первый — протограф списка С, находившийся в распоряжении автора Слова, правился по протографу списка Ундольского. Это предположение может быть подкреплено наблюдением Я. С. Лурье. Он выяснил, что протограф повести о Дракуле по тому же списку Ундольского № 632, который содержал и Задонщину, положен в основу западнорусского варианта этой повести.[Повесть о Дракуле. М.; Л., 1964, схема между с. 112–113.] Но так как Синодальный список Задонщины западнорусского происхождения, то влияние на него непосредственно предшественника — протографа списка Ундольского № 632 — весьма вероятно.

Второй вывод — полная неприемлемость традиционной схемы списков Задонщины и Слова. Ведь общие чтения У и Слова по этой генеалогии списков должны быть архетипные, а они оказываются вторичными по сравнению с К-Б, И1, С.

Кроме отмеченных случаев близости Слова и У есть несколько не вполне ясных, в том числе:

Слово: 1. княземъ славу

У: руским князем славу {л. 172}

И1: князем руским славы {л. 215 об.}

С: руским князем похвалу {л. 37}

К-Б: славу рускымъ княземъ {л. 122 об.}

В архетипе Пространной редакции Задонщины должно было читаться «славу» (ср. ед. число «похвалу» в С и «славу» в К-Б). Поэтому, откуда взято «славу» в Слове о полку Игореве — из протографа списка У или из протографа списка С, сказать трудно.

Слово: 2. И рече Игорь

У: И рече Пересвет {л. 183}

И1: —

С: говорит Пересвет {л. 40}

К-Б: ркучи таково слово {л. 127 об.}

В данном случае в списке И1 пропуск, т. е. в архетипе Пространной редакции могло читаться, как У (сходно в К-Б), а в С — индивидуальное чтение.

3. Упоминание Каялы в списке У.

Это чтение трудно считать особенностью одного списка У, ибо в И1 вступление отсутствует, а в С дано сокращенно.

Слово: 4....соловию старого времени! Абы ты сиа плъкы ущекоталь

У: что бы ты, соловей, пощекотал (?) славу великому князю Дмитрею Ивановичю и брату его князю Владимиру Андреевичи и земли Литовской {л. 175 об.}

И1: что бы ты, соловей, выщекотал великому князю Дмитрию Ивановичю из земли той всей дву братьев Олгердовичев {л. 217}

С: А соловей... што ж бы еси выщек-тали из земли За-леское двух брат Алгиродивичовы {л. 38}

К-Б: славий... что бы еси выщекотала сиа два брата, два сына Вольярдовы {л. 124 об.}

В данном случае Слово, возможно, ближе всего к У. Р. О. Якобсон считает, что форма «ущекотал» заменила в рукописи первичную форму «выщекоталь».[Jakobson R. Ущекоталь скача//Selected Writings. P. 603.] Итак, следовательно, чтение У даже древнее, чем в Слове. Но с Р. О. Якобсоном нельзя согласиться, когда он отдает предпочтение чтению У по сравнению с К-Б, И1, где читается «выщекотал». «Вощекотал» У тесно связано с последующим индивидуальным «славу» (великому князю). Однако это слово

(как и общее для И1 и У и тоже вторичное по сравнению с К-Б и С «великому князю Дмитрию Ивановичю») Якобсон не помещает в архетип Задонщины. Получается явная непоследовательность.

Сходство Слова со списком И1 обнаруживается в четырех группах чтений. Во-первых, когда чтения И1 совпадают с У и С, т. е. бесспорно содержались в протографе Пространной Задонщины (их мы не приводим). Во-вторых, когда чтения И1 совпадают с С, в отличие от У. И в данном случае мы имеем дело с чтением архетипного характера. Вот характерные примеры:

Слово: 1. о плъку Игоревѣ

И1: от полку князя Дмитрея {л. 215 об.}

У: похвалу великого князя Дмитрея {л. 171 об.}

С: а полку великого князя Дмитрия {л. 37}

Казус неясный (в К-Б фрагмент отсутствует). Само по себе чтение У могло быть и архетипным для Пространной Задонщины, и вторичным. Вопрос решается в пользу первого предположения всей суммой аналогичных чтений.

Слово: 2. всядемъ, братие, на свои бръзья комони

И1: сядем на борзья своя комони {л. 217 об.}

У: сядем на добрые кони своя {л. 176}

С: сами усядем на борздыя кони {л. 38}

Чтение «борзья» И1 и С архетипные (ср. К-Б «сядем, брате, на свои борзи комони»), причем «комони» И1 стояло также в архетипе Пространной Задонщины (оно могло быть и в протографе списка С: замена этого книжного термина живым «кони» могла быть сделана любым писцом).

Слово: 3. трубы трубятъ въ Новѣградѣ

И1: трубы трубят {л. 216 об.}

У: в трубы трубят {л. 173 об.}

С: трубы трубят {л. 37 об.}

Поскольку в К-Б читается «трубы трубят», причем оно совпадает с И1 и С, то чтение У надо считать индивидуальным, а не архетипным.

Слово: 4. сѣдлай, брате, свои бръзьи комони

И1: седлай, брате Ондрей, свои борзый комони {л. 217 об.}

У: седлай, брате Андрей, свой доброй конь {л. 177}

С: седлай, брате Ондрей, свои кони {л. 38}

Случай, близкий к предшествующему, несмотря на то что чтение «борзый комони» есть только в И1, оно восходит к архетипу Пространной редакции, ибо есть в К-Б («свои борзи комони»).

Слово: 5. Дивъ кличетъ... велитъ послушати земли

И1: кликнуло диво... велитъ послушати грознымъ землям {л. 219 об.}

У: кликнули быша дивы {л. 181 об.}

С: кликнула диво... велитъ грозна послушати {л. 39 об.}

В данном случае К-Б дает иной текст. Близость С и И1 показывает архетипное происхождение их общего текста. О том, что в протографе Пространной редакции было «диво», см. ниже совпадение И1 и У («вержено диво»).

Третью группу чтений составляют чтения И1 и У, общие со Словом, но отличные от С. Вот они:

Слово: 1. прѣсты на живая струны въскладаше

И1: воскладаше... персты на живыя струны {л. 215 об.}

У: воскладоша... персты на живыя струны {л. 172}

С: накладает... руцы на златыя струны {л. 37}

В списке К-Б «воскладая... персты на живыя струны», т. е. общее чтение в И1, У и Слове, лучше передает текст Пространной редакции, чем индивидуальное С.

Слово: 2. а мои ти готови

И1: а мои готовы {л. 217 об.}

У: а мои готов {л. 177}

С: а мои подеманы {л. 38}

В списке К-Б «а мои готови», т. е. общее чтение И1, У и Слова архетипно, а С индивидуально.

Слово: 3. тогда вѣступи... въ златъ стремя

И1: Тогда... вѣступи в златое стремя {л. 218 об.}

У: Тогда... воступив во златое свое стремя {л. 179}

С: Тогда... воступает во позлощное свое стремя {л. 39}

В данном случае близость И1, У и Слова архетипного происхождения (в К-Б «тогда... ступи во свое златое стремя»). Замена «златое» на «позлощное» в С вторичного характера.

Слово: 4. неготовами дорогами побѣгоша

И1: побегши неуготованными дорогами [л. 222 об.]

У: побегше неуготованными дорогами [л. 189]

С: побегоша нетоличными дорогами [л. 42]

Чтение И1 и У архетипное (И2 «побегоша неуготованными дорогами»). Хотя его нет в К-Б (как и всей второй части Задонщины), но оно есть в Сказании. С дает индивидуальное чтение.

Слово: 5. златымъ шеломомъ посвѣчивая

И1: тым шеломом посвечиваше {л. 221 об.}

У: злаченным шеломом посвельчивает {л. 186}

С: золотым доспехом посвечаючи [л. 41]

В К-Б второй части Задонщины нет (И2 «злаченными шоломы посвечиваючи»). Какое чтение архетипно, сказать трудно.

Слово: 6. костью была посѣяна а кровию поляна

И1: костью татарскими поля насеяша, кровью земля пролита [л. 219 об.]

У: костми татарскими поля насеяша, а кровью их земля пролита [л. 181]

С: под костми татарскими носити, — а кровью земля [л. 39 об.]

В С текст дефектен («носити» вместо «насеяна», «под» вместо «поля», пропуск «п<р>олита», ср. в К-Б «поля костью насеяны, кровью полиано»). Чтение «насеяша» И1 и У содержалось в протографе Пространной редакции (ср. К-Б «насеяны»), а «посеяна» в Слове индивидуально.

Слово: 7. Что ми шумить, что ми звенить

И1: что шумит, что гримит {л. 218 об.}

У: что шумит и что гремит {л. 179}

С: што пишут, што гримит {л. 39}

Чтение И1 и У (и близкое в Слове) восходит к протографу Пространной Задонщины.

В С явная описка («пишут»). В К-Б отрывок в другой (более ранней) редакции.

Слово: 8. Ту ся брата разлучиста

И1: туто ся погании разлучишася [л. 222 об.]

У: туто поганые разлучишася [л. 188 об. — 189]

С: —

Общее чтение И1, И2 и У (и близкое в Слове) содержалось в протографе Пространной Задонщины. Отсутствие фрагмента в С вторично. В К-Б второй части Задонщины нет.

Слово: 9. древо с тугою къ земли преклонилося

И1: дресеса к земли тугою преклонишася {л. 220 об.}

У: дресеса тугою к земли приклонишася {л. 184}

С: дресеса тугами приклонишася до земли {л. 40 об.}

Общее чтение И1, У и Слова восходит к протографу Пространной Задонщины. В Краткой Задонщине (К-Б) отрывка не было. Чтение С («тугами»), скорее всего, индивидуально (ср. «тугою... покрывшаяся» во введении к Задонщине по У; а также в И1, И2, У в тексте памятника).

Слово: 10. А вѣстона бо... тугою

И1: а уже бо вѣстонала... тугою {л. 222 об.}

У: Уже бо востона... тугою {л. 189}

С: —

В К-Б этого отрывка вместе со второй частью Задонщины нет. В И2 читается «Уже вѣстонала... тугою». Пропуск в С вторичного происхождения. Отрывок был в архетипе Пространной редакции. Форма «востона» У может говорить о связи протографа этого списка с текстом, находившимся у автора Слова.

Слово: 11. сильными плѣкы... притопта хльми и яругы

И1: кровью земля пролита, сиянии полкы... протопташа холми и лугы {л. 219 об.}

У: кровью их земля пролита бысть, а силны полки... протопташа холми и луги {л. 181–181 об.}

С: кровью земля. Силныя волцы... протекоша лу-гы и холмы кровию {л. 39 об.}

Чтение И1 и У (и близкое в Слове) содержалось в протографе Пространной редакции. Список С явно дефектен («волцы» вместо «полкы», появилось «протекоша... кровию», хотя выше об этом в списке уже было). В К-Б отрывок дан в иной (первичной) редакции.

Слово: 12. Уныша бо градомъ забрали, а веселие пониче

И1: уныша бо царем... веселие уже пониче {л. 222 об.}

У: бо сердца... Уже бо веселие наше пониче {л. 189–189 об.}

С: погибе царей наших веселие {л. 42}

Общие чтения И1, У и Слова восходят к протографу Пространной Задонщины. В И2 «уныша бо царем их... Уже веселие наше пониче» (в К-Б этого отрывка со второй частью Задонщины нет). В С позднейшая обработка текста, ибо в плаче Федосьи или Настасьи (С) глагол «пониче» во всех списках (К-Б, И1, У, И2, С).

Слово: 13. по Руской земли прострошася половци... и великое буйство...

И1: Уже Руской земли простреся веселье... {л. 223}

У: Уже бо по Руской земле простреся веселие и буйство... {л. 189 об.}

С: —

Общие чтения И1, У и Слова восходят к протографу Пространной Задонщины. В К-Б этого отрывка со второй частью Задонщины нет. Пропуск в С вторичного происхождения: отрывок гармонически сочетается с предшествующим: «веселие» татар «пониче», а по Русской земле «простреся веселие». При этом фраза о «веселии» татар есть не только в И1, У, но и в С. Находились ли слова «и буйство» в архетипе Пространной Задонщины, сказать трудно. Предлог «по» связывает У и Слово.

Слово: 14. можеши Волгу веслы раскропити, а Донъ шеломы выльяти

И1: Можеши ли... весла Непра запрудити, а Дон шлемом вычерпати {л. 221}

У: Можеш ли... веслы Непр запрудить {л. 185 об.}

С: Можеш ли... веслы Непр запрудить {л. 185 об.}

Общие чтения И1, У и Слова содержались в протографе Пространной Задонщины. В К-Б отрывок в иной (первоначальной) редакции, в И2 сходно с И1 («можеш ли... веслы Непр запрудити, а Дон шоломы вычерпати»). Замена «запрудити» на «зюградити» в С, а также пропуск текста «веслы Непра» вторичного происхождения.

Слово: 15. Вступита... за обиду

И1: съступалися... за свою обиду {л. 219 об.}

У: ступишася... за свою великую обиду {л. 182}

С: ступишася... за свою великую обиду {л. 182}

Общие чтения И1, У и Слова первичнее С, ибо именно формула «за обиду» (а не «за обиды») встречается неоднократно в Задонщине. Глагол «изступишася» в С встречается выше («волцы изступишася»), в отличие от «съступалися» И1 и «ступишася» (полки) У.

Слово: 16. Уже врьжеса дивъ на землю... Грозы твоя по землямъ текутъ

И1: Уже вержено диво на землю. Уже грозы великого князя по всей земли текутъ {л. 223}

У: Уже бо вержено диво на земли и уже грозы великаго князя... по всемъ землямъ текутъ {л. 190}

С: -

Общие чтения И1, У и Слова восходят к протографу Пространной Задонщины. В К-Б этого отрывка со второй частью Задонщины нет.

Пропуск фрагмента в С вторичного происхождения, ибо «грозы» и «диво» связаны вместе в одном из предыдущих фрагментов («Возмутися реки и езера, кликнуло диво... послушати грознымъ землямъ»; И1 «грозна послушати»), который есть не только в И1, но и в С. Мотив о «грозе» взят в Пространной редакции из Сказания о Мамаевом побоище.

Слово: 17. Половци сулицы своя поврьгоша, а главы своя подклониша подъ тыи мечи

И1: у поганыхъ оружїе свое по-веръгоша, главы своя и подклониша под мечи {л. 223}

У: Уже поганые оружїя своя повергоша на землю, а главы своя подклониша под мечи {л. 190}

С: -

Общие чтения И1, У и Слова находились и в протографе Пространной Задонщины. В К-Б этого текста, как и всей второй части Задонщины, нет. И в данном случае пропуск в С следует признать вторичным: как и в предшествующем тексте, С здесь дает обработку Задонщины в литературно-церковном стиле («князь великий... з радостию незглаголанною»).

Итак, общие чтения И1, У и Слова носят архетипный характер, а соответствующие чтения С — индивидуальный. И это вполне понятно: Слово сохранило следы знакомства его автора со списком Задонщины Синодального извода. А так как список С принадлежит к тому же изводу и в ряде случаев содержит чтения, отсутствующие в Слове, то архетипным следует признать то чтение, которое находится в другом (Ундольском) изводе, восходящем независимо от Синодального к протографу Пространной Задонщины, и имеет параллели в Игорева песнѣ. Поэтому чтения Слова (вместе с И1 и У) будут первичны, а индивидуальные С — вторичны.

В пяти случаях сходство Слова с И1 и У, в отличие от С, не носит архетипного характера, а объясняется особенностями извода Ундольского. Выше мы установили, что на список Задонщины, находившийся в распоряжении автора Слова, влиял один из текстов того же извода (близкий к списку У). Этим и объясняется вторичный характер общих вариантов Слова, И1 и У сравнительно с С и К-Б, дающих чтения, находившиеся в протографе Пространной Задонщины.

Слово: 1. соловїю... абы ты сїа плъкы ущекоталъ

И1: соловей... что бы ты, соловей, выщекотал {л. 217}

У: соловей... что бы ты, соловей, вощекотал (?) {л. 175 об.}

С: соловей... што ж бы еси выщекотали {л. 38}

К-Б: славїй... что бы еси выщекотала {л. 124 об.}

Отсутствие «ты» в С и К-Б (в отличие от Слова, И1 и У) первично, ибо это местоимение связано со вторичным упоминанием «соловья» в И1 и У, которое само по себе является позднейшим расширением текста.

Слово: Комони ржуть за Сулою, — звенїть слава въ Кыевѣ. Трубы трубятъ въ Новѣградѣ

И1: На Москве кони ржуть. Звенит слава руская по всей земли Руской. Трубы трубят на Коломне. В бубны бьют в Серпухове {л. 216 об.}

У: На Москве кони ржут. Звенит слава по всей земли Руской. В трубы трубят на Коломне. В бубны бьют в Серпугове {л. 173 об. — 174}

С: Кони ирзуть но Москве. Трубы трубят у Серпугове. Бубны бубнят но Коламне. Звинит слава по всей земли Руской {л. 37 об.}

К-Б: Кони ржуть на Москве. Бубны бьют на Коломне. Трубы трубят в Серпухове. Звенить слава по всей земли Руской {л. 123 об.}

Здесь налицо совпадение Слова с И1 и У, в отличие от С, который близок в данном случае с К-Б [Правда, в С в соответствии с протографом И1 и У после труб помещены бубны (но в И1, У они бьют «в Серпухове»), которые в К-Б даны перед трубами.].

Текст в К-Б первоначальнее (Москва — Серпухов — слава по всей земле Русской), ибо он соответствует движению русских войск из Москвы на Куликово поле.

Слово: 3. куряни свѣдоми кѣмети, подѣ трубами повити

И1: кречати в ратном времени, ведоми полковидцы, под трубами... возлеляны {л. 217}

У: кречаты в ратном времени и ведомы полеводцы, под трубами {л. 175 об. — 176}

С: родишася в ратное време, под трубами нечистых кочаны {л. 38}

К-Б: На щите роже-ны, под трубами поють {л. 124 об.}

Сходство И1 и У со Словом (в отличие от С и К-Б) несомненно. Вместе с тем слова «ведомы полковидцы» вторичны, ибо осложняют (вместе с «кречати») стройную структуру списка К-Б и сходного с ним С: храбрыя сыновья, родились в ратное время, повиты под трубами и т. д.

Слово: О Руская земле! Уже за шеломянемъ еси!

И1: Руская земля... за Соломоном {л. 218 об.}

У: Руская земля... за Соломоном {л. 178 об.}

С: Земля Резанская... зо Соломоном {л. 38}

К-Б: Земля еси Руская... за Соломоном {л. 126}

Размышление о Русской земле первоначально дано в списке К-Б. [Об этом см. выше.] В списке С форма изложения («Земля Резанская», в отличие от «Русская земля» И1 и У) ближе к К-Б. Чтение И1 и У вторично и в то же время наиболее близко к Слову. «Резанская» (земля) списка С — индивидуальное чтение, возникшее под влиянием текста «В то время по Резанской земли... ни пастуси кличут» (И 1, ср. У и С).

Слово: къ Дону великому

И1: к Дону великому {л. 218 об.}

У: к великому Дону {л. 179 об.}

С: к быстрому Дону {л. 39}

К-Б: к быстрому Дону

Название Дона «великим», возможно, идет от протографа извода Ундольского. О том, что «быстрый» было первичным чтением Пространной редакции, говорит другой фрагмент Задонщины, где «быстрый» есть во всех четырех списках памятника («посмотрим быстрого Дону» И1) и название Дона «быстрой рекой». В другом тексте Задонщины по списку С «туры» побеждены «у Дона», в И1 «у Дона великого», а в У «у Дуная великого» (в К-Б текста нет). И здесь И1 и У дают общее чтение. По К-Б, И1, С татары стоят «у Дону великого», по У — «у Дунаю великого».

Наконец, последнюю (четвертую группу) составляют чтения, имеющиеся в Слове и только в списке И1 (или И1 и И2), в отличие от У и С. Таких случаев только 6.

Слово: 1. своя храбрыя плъкы

И1: себе храмныя полъкы {л. 216}

У: собе храбрыя воеводы {л. 173}

С: собе хибрия полти {л. 37}

Если «храмная» в И1 явная описка, то «полькы» (И1) — чтение архетипное (в К-Б этого текста нет) ввиду созвучия с С («полти»). Чтение «воеводы» (У) — индивидуальное, а «полти» (С) — деформированное.

Слово: 2. подъ шеломы възлелѣяны

И1: под шеломы возлеліяны [л. 217]

У: под шеломы злачеными [л. 176]

С: -

Чтение И1 архетипное, ибо в К-Б «под шеломы възлелеаны». Рудимент его есть в У («под шеломы»). Пропуск в С индивидуален.

Слово: 3. пути имь вѣдоми

И1: путь им знаем {л. 219}

У: —

С: дороги нам сведомо {л. 39 об.}

Чтение И1 может отражать особенности извода Ундольского, ибо в списке У в данном случае пропуск. При этом чтение «путь» Слова и И1 вторично, а «дороги», как мы уже писали, — первично (в Печ. «дороги им сведома»). Следовательно, «им» архетипного происхождения (для Пространной Задонщины). Ссылаясь на этот пример, Р. П. Дмитриева, Л. А. Дмитриев и О. В. Творогов считают, что в случае признания Слова памятником позднего происхождения текст Задонщины, находившийся в распоряжении у его автора, должен быть правлен-ным по списку, близкому к И1. [Дмитриева, Дмитриев, Творогов. По поводу. С. 115.] Почему же? Хотя в списке У данного фрагмента нет, но он есть в списке И1. Следовательно, он мог находиться в том списке этого извода, по которому сверялся гипотетический список Задонщины из архива автора Слова. Говоря словами моих оппонентов (сказанными по другому случаю), «в данном примере нет основного признака индивидуального чтения: наличия в остальных списках общего для всех них, но более далекого от „Слова“ текста». [Дмитриева, Дмитриев, Творогов. По поводу. С. 114.] Если бы оппоненты руководствовались сами теми логическими принципами, соблюдения которых они справедливо требуют от меня, то, может быть, у нас не было бы оснований для споров.

Слово: 4. у Римѣ кричать подъ саблями половецкими, а Володимиръ подъ ранами

И1: А уже диво кличет под саблями татарскими {л. 221}

У: —

С: Вжо, брате, диво кличет под шаблею татарскою. А тым богатырем слава {л. 41}

В данном случае в списке У пропуск вторичного происхождения. Слово близко не только к И1, но особенно к И2, где «уже диво кличет под саблями татарскими. А тем руским богатырем под ранами». Это чтение и было архетипным. Список С дает сходную формулу.

Слово: врьжеса дивъ на землю

И1: вержено диво на землю {л. 223}

У: вержено диво на земли {л. 190}

С: -

Несмотря на отсутствие фрагмента в С и К-Б, первичность чтения И1 и Слова сравнительно с У не вызывает сомнения.

Слово: 6. Стрѣлай... поганого кощея, за землю Рускую

И1: Стреляй... поганого Мамаю хиновина за землю Рускую [л. 223]

У: Мамаю поганого побил за землю Рускую [л. 190]

С: -

Отсутствие фрагмента в С и К-Б затрудняет его разбор. Чтение У вполне могло быть вторичным.

Таким образом, в приведенных случаях можно обнаружить сходство Слова лишь с теми на первый взгляд индивидуальными чтениями И1, которые на самом деле восходят к архетипу Пространной Задонщины или извода Ундольского (как в третьем случае). Они

могли быть в протографе обеих ее изводов, потому что чтения списков У и С индивидуальны. [Один случай совпадения К-Б и И1 («положенным пасти» и «посеченным пасти»), в отличие от Слова, С и У (где глагол «быти»), для нас, как и для О. В. Творогова (Творогов. «Слово» и «Задонщина». С. 298), не вполне ясен. Возможно, это совпадение носит случайный характер.] Два чтения связывают Слово и И2:

Слово: 1. Володимиръ подь ранами. **И2:** а тем руским богатырем под ранами {л. 70 об.}. **С:** а тым богатырем слава и честь {л. 41}. **И1:** — . **У:** —

Слово: на борони. **И2:** на боронь {л. 73}. **С:** — . **И1:** оборен {л. 222 об.}. **У:** на оборонь {л. 188 об.}

В обоих случаях список И2 может передавать архетипное чтение: в первом случае следы его в С, а в списках И1 и У текст дефектен (фраза отсутствует); во втором — текста нет в С, но к И2 близок У. [Пофрагментному сопоставлению «Слова» и «Задонщины» были посвящены работы В. П. Адриановой-Перетц (Адрианова-Перетц. «Слово» и «Задонщина». С. 131–168), О. В. Творогова (Творогов. «Слово» и «Задонщина». С. 292–343), В. М. Григоряна (Григорян В. М. «Слово о полку Игореве» и «Задонщина»//Куликовская битва в литературе и искусстве. М., 1980) и А. А. Горского (Горский А. А. «Слово о полку Игореве» и «Задонщина»: Источниковедческие и историко-культурные проблемы. М., 1992).]

* * *

Подведем некоторые итоги.

Сторонники традиционного представления о Слове о полку Игореве как источнике Задонщины в последнее время предложили схему соотношения списков этой поэтической повести, согласно которой К-Б и С образуют одну ее версию, а И1, И2 и У — другую (см. работы Р. О. Якобсона, Р. П. Дмитриевой, О. В. Творогова).

Но и эта схема оказывается не в состоянии подкрепить тезис о вторичности Задонщины по сравнению с Игоревой песнью. В самом деле, если Слово было использовано составителем поэтической повести о Куликовской битве, то совершенно естественно, что общие места этих памятников должны были находиться в архетипе Задонщины. Этого, однако, нет: Слово, как мы видим, в ряде случаев совпадает с индивидуальными чтениями отдельных списков Пространной редакции, которые никак не могут быть возведены к ее протографу. Образ «опутин» («путин») есть только в Слове и списке С, причем он явно позднейшего происхождения.

В списке У находим тексты «по рождению» и «потяты», их нет ни в одном из других списков.

Однако по схеме Р. О. Якобсона, Р. П. Дмитриевой и О. В. Творогова при совпадении чтения двух или трех списков из двух разных версий Задонщины именно оно должно находиться в первоначальном тексте памятника, а не индивидуальное чтение, отличающееся от них. Если это непеременимое условие нарушено (как это было в отмеченных выше случаях), значит, традиционное представление о взаимоотношении Слова и Задонщины нуждается в переосмыслении. Но текстологические наблюдения, изложенные выше, получают вполне логичное объяснение, если предположить, что Слово о полку Игореве близко к Пространной Задонщине по списку Синодального извода, правленному по изводу Ундольского.

Уже четверть века тому назад И. Н. Голенищев-Кутузов обратил внимание на черты сходства Слова о полку Игореве и Кирилло-Белозерского списка Задонщины, [Текст его см. в сборнике: «Слово» и памятники. С. 548–550.] которых были лишены другие списки этого последнего памятника. Он привел 6 случаев совпадения между К-Б и Словом. [Голенищев-Кутузов И. Н. «Слово о полку Игореве» и рукописи «Задонщины». С. 49–55.] Позднее на эти же факты обратили внимание Р. О. Якобсон, [La Geste. Р. 316.] Н. К. Гудзий (добавил еще 5 случаев), [Гудзий. По поводу ревизии. С. 90–91.] В. Ф. Ржига (отметил 25 случаев) [Ржига В. Ф. Слово Софония-рязанца о Куликовской битве («Задонщина»)//Учен. зап. МГПИ им. В. И. Ленина. М., 1948. Т. 43. С. 13–17.] и Д. С. Лихачев (добавил два

новых к отмеченным Н. К. Гудзием). [Лихачев. Когда было написано «Слово»? С. 141.] Наконец, совсем недавно А. В. Соловьев дважды опубликовал статью, в которой приводятся 50 (в одном издании) или 52 (в другом) факта близости К-Б к Слову. [Соловьев А. В. Кирилло-Белозерский список «Задонщины» и «Слово о полку Игореве» // Культура Древней Руси. М., 1966. С. 257–262; то же в издании: *International Journal of Slavic Linguistics and Poetics*. The Hague, 1965. Т. 9. Р. 97—105. К сожалению, работы В. Ф. Ржиги А. В. Соловьев не учел. Далее мы будем ссылаться на статью А. В. Соловьева 1965 г., где приведено 52 случая близости К-Б и Слова.]

Тема эта приобрела большое значение особенно в связи с гипотезой А. Ма-зона о происхождении Слова о полку Игореве из поздней версии Задонщины, которую, по его мнению, представляют списки Исторического музея 1 (И1), Ундольского (У) и Синодальный (С), в то время как список К-Б дает раннюю версию памятника. Но этой гипотезе как будто противоречит некоторое число фактов близости списка К-Б к Слову.

В связи с постановкой этой проблемы следует разобрать и объяснить все выявленные к настоящему времени случаи совпадения К-Б и Слова, отсутствующие в других сохранившихся списках Задонщины.

Наибольшее число таких случаев приведено А. В. Соловьевым. С самого же начала обратим внимание на методическое несовершенство его приемов работы. Автор сравнивает отдельные чтения, часто вне контекста памятников, без какой-либо попытки представить историю текста Задонщины, т. е. связать конкретные наблюдения с генеалогической схемой списков этого памятника. В настоящее время существуют две такие схемы. Одну предложил Р. О. Якобсон. Он считает, что Задонщина дошла до нас в двух редакциях (видах): первую составляют списки С и К-Б, а вторую — У и И1. [Jakobson. *Sofonija's Tale*. Р. 13.] Согласно другой (автора настоящей работы), первоначальной является Краткая редакция Задонщины (список К-Б), а на ее основе составлена Пространная редакция, которая представлена двумя изводами: Ундольского (списки И1, У) и Синодальным (список С). В распоряжении автора Слова о полку Игореве, по нашему мнению, был список Синодального извода, правленный по изводу Ундольского. [Зимин А. Спорные вопросы текстологии «Задонщины» // РЛ. 1967. № 1. С. 81—104.]

Наблюдения А. В. Соловьева в своем большинстве резко противоречат существующим в настоящее время попыткам реконструировать первоначальный текст Задонщины (см. реконструкции В. П. Адриановой-Перетц, [Адрианова-Перетц. Задонщина. (Опыт реконструкции). С. 223–232.] В. Ф. Ржиги, [Повести. С. 9—25.] Р. О. Якобсона [Jakobson. 1) *Sofonija's Tale*. Р. 28–39; 2) *Selected Writings*. Р. 560–571.]), ибо он часто возводит в архетип памятника те случаи близости К-Б и Слова, которым противостоит общее чтение И1, У и С, т. е., согласно первой из приведенных двух схем, находящееся в двух разных видах памятника. Это единство текстологически исключает первоначальность чтения К-Б. Иначе обстоит дело, если подходить к проблеме, основываясь на второй схеме соотношения списков Задонщины.

Чтобы убедиться в этом, разберем все случаи, приведенные А. В. Соловьевым.

1. В списке К-Б читается «вещаго Бояна» (в И1 «веща боинаго», У «вещанного боярина», С «вещаго»). Это, по мнению А. В. Соловьева, «вполне отвечает эпитету „вещий Боян“ в Слове». Сразу же внесем уточнение: эпитет «вещий» есть во всех списках Задонщины. Речь может идти об имени Боян. Но в данном случае текст Слова соответствует другому фрагменту Задонщины, где читается «вещий Боян» (К-Б), «Боюн» (И1), «боярин» (У) и деформированное «тот бо деи похвалы вещи буйный» (С). [Чтение «буйный» С возникло под влиянием «буиными словесы».] Наличие в трех последних списках общей основы «бо» показывает, что в протографе Пространной Задонщины и в не дошедших до нас списках могло читаться «Боян» (да и само чтение «Боюн» И1 возникло, конечно, из-за близости скорописных «я» и «ю»). Это предположение возможно потому, что в списках обоих изводов находим не только испорченные чтения, но и различные (если б И1 или У совпадал с С, то наша гипотеза исключалась).

2. А. В. Соловьев обращает внимание на оборот «Той бо вещей Боян» в К-Б и на то, что во всех остальных списках в нем помещено местоимение «тот». В Слове читаем «Боян бо вещей», т. е. никакого местоимения здесь нет. Однако в совершенно другом контексте встречаются обороты «Тый бо Олегъ», «тый клюками», в которых он видит образец, давший автору Задонщины материал для местоимения «той».[Р. О. Якобсон также без каких-либо аргументов включает местоимение «той» в реконструированный им архетип Задонщины (Jakobson. Selected Writing. P. 561). Но это абсолютно невозможно, ибо там должно находиться (по его схеме) общее чтение И1, У, С, т. е. «тот». В. П. Адрианова-Перетц и В. Ф. Ржига дают чтение «тот» в их реконструкциях Задонщины.] Построение по меньшей мере странно; пользуясь фразой Слова «Боян бо вещей», автор Задонщины якобы добавил в нее *одно* местоимение («той») из совершенно иного контекста! [Местоимение «тый» встречается и в списках XVI в. в других литературных произведениях (ср. в Сказании о Мамаевом побоище: Повести. С. 57).] Зато предположение о том, что составитель Слова в фразе о Бояне просто опустил местоимение «тот», читавшееся в протографе Задонщины, гораздо более реалистично.

3. В чтении «Святославу Ярославичю» К-Б — характерная описка: вместо «Владимеру Святославичю» (так И1 и С, в У другая описка «Всеславьевичю»). Однако описка К-Б возводится А. В. Соловьевым в несомненный след влияния Слова. Это совершенно произвольно, ибо о Святославе автор Слова говорит в ином контексте; зато списки И1 и С Задонщины дают четкий хронологический перечень князей (Игорь (И1) или Рюрик (С) — Владимир — Ярослав), и только в К-Б нарушена перспектива: Рюрик, Игорь, Святослав Ярославич, Ярослав. Это нарушение произошло механически. Переписчик знал, что после Игоря правил Святослав, и написал его имя машинально, так как перед глазами у него в протографе К-Б было отчество «Святославич» (Владимир Святославич). Отчество «Ярославич» произошло от дублирования имени следующего князя (Ярослав). Кроме всего прочего, принимая допущения А. В. Соловьева, нельзя текстологически объяснить совпадение И1 и С.[В. П. Адрианова-Перетц, В. Ф. Ржига и Р. О. Якобсон в архетипе Задонщины верно помещают правильное «Владимеру Святославичю».]

4. А. В. Соловьев находит соответствие Слова с К-Б в форме «пѣсми», в отличие от «пѣсньми» И1, «пѣснеми» У и «песнеми» С. Отмеченная автором форма действительно характерна для Слова о полку Игореве и употреблена там неоднократно, но она настолько широко известна в церковной письменности, что сама по себе ничего не дает для текстологического сопоставления памятников.[В. П. Адрианова-Перетц, В. Ф. Ржига и Р. О. Якобсон в архетипе Задонщины помещают форму «пѣсньми».]

5. А. В. Соловьев считает, что существительное «господин» характерно для Слова и К-Б и неизвестно поздним спискам. Но это явное недоразумение: в плаче по Микуле Васильевичу (У) читается «прилелей моего господина» (контекст общий со Словом, где «възлелей, господине, мою ладу»). Слово «господине» есть в плаче коломенских жен по спискам И1 и У (его дают в архетипе Задонщины В. П. Адрианова-Перетц, В. Ф. Ржига и Р. О. Якобсон).

6. В К-Б есть чтение «от тоя рати». Местоимения «тоя» нет в сходном тексте И1, У, С (В. П. Адрианова-Перетц, В. Ф. Ржига и Р. О. Якобсон не помещают его в архетип Задонщины). Но вот А. В. Соловьев находит совершенно иные тексты в Игорева песне, в одном из которых совпадает слово «рати» («въ ты рати»), а в другом — местоимение «тоя» («съ тоя же Каялы»). Так, конечно, можно доказать все, что только пожелаешь. Ведь существительное «рать» и местоимение «той» бытуют в языке до настоящего времени.

7. В выражении «своею крепостью» К-Б А. В. Соловьев усматривает совпадение со Словом в творительном падеже местоимения (в отличие от «свои крепостию» И1, «свои крепкою крепостью» У, «свои крепостею» С). Этот пример настолько мало выразителен, что сам А. В. Соловьев опустил его во 2-м варианте статьи (1966 г.).

8. А. В. Соловьев берет текст «жаворонок... възиди под синие облакы» К-Б и выражение «Боянь... шизымъ орломъ подь облакы». В сходных контекстах И1, У, С

говорится не про облака, а про «синие небеса».[В. П. Адрианова-Перетц, В. Ф. Ржига и Р. О. Яacobсон и помещают в архетип Задонщины синие «небесе», а не «облака».] Но в том-то и дело, что формула «подъ облакы» употреблена в Слове еще раз: «славлю... летая умомъ подъ облакы», а она-то есть в сходном месте Пространной Задонщины: «птица их крилати под облакы летаютъ» (И1, сходно в У и С). Следовательно, автору Слова не надо было знать чтения К-Б, чтобы создать образ орла, летающего под облаком. В данном случае А. В. Соловьев сравнивает со Словом более отдаленный фрагмент Задонщины, чем это следовало бы (в нем к тому же есть прилагательное «синие», отсутствующее в Слове и в фрагменте о соловье, приведенном нами выше).

9. Следующий случай совсем неопределенен. По мнению А. В. Соловьева, «пой славу» К-Б ближе к Слову («пети было пѣсь», «пѣти слава»), чем к И1 и У, где «воспой славу». Допустим, что это так, хотя близость не столь явственна. Однако в списке С данная фраза вообще отсутствует. Следовательно, в архетипе Синодального извода могло находиться чтение, близкое к Слову (т. е. форма «пой», а не «воспой»).[Впрочем, В. П. Адрианова-Перетц, В. Ф. Ржига, Р. О. Яacobсон дают форму «въспой», а не «пой» для архетипа Задонщины.] А именно список Синодального извода и находился, как мы полагаем, у автора Слова.

10. Разбирая отрывок К-Б «со земли Рускыя на поля Половецкия», А. В. Соловьев находит в нем особенную близость к Слову, где та же антитеза: «на землю Половѣцкую за землю Рускую» (в списках Пространной Задонщины «из земли Залеския», а не «Русской»). К тому же в другом контексте Слова находим выражение «чрезъ поля широкая», т. е. со словом «поля» (мн. число, а не ед., как в списках Пространной Задонщины).[Р. О. Яacobсон, В. П. Адрианова-Перетц, В. Ф. Ржига помещают чтение с «земли Залескыя в поле Половецкое» в архетип Задонщины (а не «Русской... поля».)] И в данном случае у А. В. Соловьева сказалось несовершенство методики текстологического сопоставления. Дело в том, что в Слове приведенный отрывок помещен в совершенно конкретном контексте, говорящем, что Игорь «наплънися ратнаго духа, поведе своя храбрыя плѣкы на землю Половѣцкую за землю Рускую». Возьмем сходный контекст в списках Пространной Задонщины: «наполнишася ратнаго духа и уставиша себе храмныя (У храбрыя. — А. 3.) полѣкы в Руской земли» (И1, сходно в У и С). Итак, в общем для Слова и Пространной Задонщины контексте «Русская земля» есть. Совпадение же во множественном числе слова «поле» можно решительно отбросить: контексты, в которых это слово употреблено в Игоровой песни и Задонщине, совершенно различны.

11. По А. В. Соловьеву, «комони ржутъ на Москве» К-Б ближе по ритму к фразе Слова «комони ржутъ за Сулою», чем к позднейшим спискам. Это неверно: в С читается «кони ирзутъ на Москве», что по структуре фразы и ритму не менее близко к Слову, но еще ближе к К-Б.

12. Следующий пример А. В. Соловьева снова построен на сопоставлении отдельных слов вне сходных контекстов. Так, в К-Б есть выражение «а ркучи такову жалобу» (в данном контексте «а ркучи» есть еще только в И1, в У «а ркут», в С «ркут»). Оно сравнивается с обращением «а ркучи» из плача Ярославны и совершенно иной фразой «уныша цвѣты жалобою». Но если взять сходные с плачем Ярославны плачи Задонщины, то увидим, что тут «а рекучи» есть трижды в С, «а ркучи» трижды в И2 и т. п. Поэтому даже этот микрофрагмент Слова находит соответствие в Пространной Задонщине.[В случае № 36 А. В. Соловьев снова возвращается к теме «а ркучи»: на этот раз он берет отрывок К-Б «А ркучи так: господине князь Дмитрий» и показывает, что в поздних списках «а ркучи» здесь нет. Одновременно он говорит о близости к фразеологии Слова, а не о каком-либо конкретном его фрагменте] Употребление слова «жалоба» ни о чем само по себе не говорит.[В. П. Адрианова-Перетц, В. Ф. Ржига и Р. О. Яacobсон его не помещают в архетип Задонщины.]

13. Замечание А. В. Соловьева об отсутствии слова «господине» в позднейших списках Задонщины, как показано в случае № 5, является недоразумением.

14. А. В. Соловьев считает, что фраза К-Б «и мы, господине, поидемь за быструю реку Дон» ближе к Слову, где есть «господине» и «позримь синего Дону» (в списках Пространной Задонщины читается: «пойдем тамо» У, «пойдем, брате, тамо» С, т. е. упоминания о Доне нет). Прежде всего заметим, что слово «господине» в данном контексте Игоревой песни просто отсутствует — оставим его на совести А. В. Соловьева. [В других контекстах оно есть и в Слове, и во всех списках Задонщины.] Но вот сравнивать-то надо с сопоставимыми фрагментами, и тогда картина будет совершенно другая: в И1 ниже читаем «посмотрим быстрого Дону», как раз в том контексте, что и в Слове (в Слове перед фразой «всядемь, братие, на свои бръзья комони, да позримь синего Дону», в И1 и сходных «сядем на борзья своя комони, посмотрим быстрого Дону»). Беда А. В. Соловьева в том и заключается, что текст данного отрывка в К-Б неизмеримо дальше отстоит от Слова («сядемь, брате, на свои борзи комони, испиємь, брате, шеломомь своимь воды быстрого Дону»).

15. Для выражения «укупимь землямь диво» К-Б А. В. Соловьев подыскивает такую аналогию в Слове: «дивь кличьть... велить послушати земли незнаемѣ». При этом он замечает, что в поздних списках Задонщины исчезли «див» и «земля». Это неточно, ибо в С «диво» в данном контексте есть («учинит имам диво»). Но дело не в этом. А. В. Соловьев опять-таки произвольно сравнивает несопоставимые тексты. Параллель к Слову действительно есть в Задонщине, но в другом месте: «кликнуло диво в Руской земли, велит послушати грознымь землямь» (И1; сходный текст в У «кликнули быша дивы в Руской земли», С «кликнула диво по всем землям Руским»). [В. П. Адрианова-Перетц, В. Ф. Ржига и Р. О. Якобсон в протографе Задонщины дают именно чтение И1 и сходных.] Этот фрагмент Задонщины А. В. Соловьев не приводит, ибо как раз К-Б в данном случае ничего общего не имеет со Словом («воды возпиша, весть подаваша по рожнымь землямь»). Опять-таки близость Слова к спискам Пространной Задонщины непосредственна, а К-Б отдаленна.

16. Нельзя сравнивать «братьца моя милая» К-Б с «ждеть мила брата Всеволода», ибо контексты совершенно различны.

17. Совпадение формы «славий» в К-Б и Слове (в отличие от «соловей» других списков) ничего не доказывает, ибо перед нами обычный церковнославянизм, который может объясняться особенностями языка, а не текстологической связью памятников.

18. Это наблюдение А. В. Соловьева заслуживает внимания. Он показал, что в сходных фрагментах Слова («ты сиа плъкы ущекоталь») и К-Б («чтобы еси выщекотала сиа два брата») встречается местоимение «сиа», которого нет в других списках Задонщины. Однако считаем, что оно могло быть и в архетипе Пространной Задонщины, и в протографе Синодального извода по следующим мотивам. [В. П. Адрианова-Перетц, В. Ф. Ржига и Р. О. Якобсон в архетип Задонщины «сиа» не помещают.] В сохранившихся списках Пространной редакции данный фрагмент испорчен. Так, в И1 читаем «чтобы ты, соловей, выщекотал... из земли той всей дву братьев». Вместо дефектного «той всей» в протографе списка могло читаться «Литовской сиа» или «славу», как в списке Ундольского («вощекотал славу... и земли Литовской дву братом»). Чтение «славу» явно испорченное (трудно сказать, где оно появилось — в списке Ундольского или в протографе извода Ундольского). Соловей выщекотывал не славу Дмитрию Донскому, а литовских князей на подмогу русским воинам. Но это словечко «славу» может свидетельствовать о наличии у его предшественника местоимения «сие», которое могло находиться в архетипе Пространной Задонщины. В списке С в данном случае пропуск (нет «славы»), земля названа не Литовской, а почему-то Залесской. Эти дефекты могли возникнуть под пером позднейшего копииста и отсутствовать в списке Синодального извода, который находился в распоряжении автора Слова о полку Игоре.е.

19. А. В. Соловьев прав, считая, что в выражении «под трубами поють» К-Б есть описка («поють» вместо «повиты», как в Слове). Но, скорее всего, в целом и в Пространной Задонщине читался этот фрагмент. В изводе Ундольского (И1 и У) просто

«повиты» опущено (как непонятное), [Так же считает О. Сулейменов (Сулейменов О. Аз и я. С. 37).] а в С текст искажен: «под трубами нечистых (*испорченное*: на щите? — А. 3.) кочаны», слово «кочаны» восходит к белорусскому «кочиць», «коциць» — так говорится о женщине, рождающей двойню. [Носович Н. И. Словарь белорусского наречия. СПб., 1870. С. 250; Голенищев-Кутузов И. Н. «Слово о полку Игореве» и рукописи «Задонщины». С. 53.] Получается стройный ряд: «рождены», «повиты» (спеленуты), «возлелеяны», «вскормлены».

20. В формуле «под шеломы възлелеаны» (К-Б) А. В. Соловьев усматривает особое сходство со Словом («подъ шеломы възлелѣяны»). Но и в списке И1 есть такое же чтение: «под шеломы возлелеяны» (в У индивидуальное: «под шеломы злечеными»). Как читалось в Синодальном изводе, сказать трудно, ибо разбираемый текст в списке С попросту отсутствует. [То же в случае № 24; «седлай, брате Ондрей, свои борзи комони» К-Б. Дословно это есть в И1.]

21. Фраза «конец копия вскормлены», имеющаяся в К-Б и Слове, отсутствует в И1 и У. Однако в С есть близкое в К-Б, но деформированное «кочаны коней вскормлены», что делает возможным допустить существование в других списках Синодального извода фрагмента, совпадающего с К-Б.

22. А. В. Соловьев предлагает сравнить отрывок К-Б «сядемь, брате, на свои борзи комони» с выражением «а всядемь, братие, на свои бръзья комони» Слова, указывая, что в списках И1 и сходных прямого обращения («брате») нет. Это не вполне верно. В списке У прямое обращение есть: «Зберем, брате, милые пано-вя... а сами сядем на добрые кони свои». Кроме того, автор Игоревой песни далее сходными словами говорит: «Сѣдлай, брате, свои бръзьи комони». И именно эта фраза есть не только в К-Б, но и в И1, У, С («седлай, брате, Ондрей, свои борзый комони» И1). Следовательно, если уж искать текст, который повлиял на появление в Слове прямого обращения, то можно было бы указать на последний случай. Но, может быть, этого просто не нужно делать: ведь речь идет о литературном штампе.

23. А. В. Соловьев считает фразу «испием, брате, шеломом своим воды быстрого Дону» (К-Б) ближе к Слову («любо испити шеломомъ Дону»), чем к спискам Пространной редакции. Но в У текста нет, в И1 он явно испорчен («и бьем шеломы мечи»), а зато в С гораздо ближе к К-Б, чем в Слове («посмотрим быстрого Дону, сопием шеломы воды»). Текст Слова в данном случае вполне мог сложиться на основе одного из списков Синодального извода.

24. О фразе «седлай, брате Ондрей, свои борзи комони» К-Б говорилось выше в примечании к случаю № 22.

25. А. В. Соловьев сопоставляет текст «А мои готови, напреди твоих оседла-ни» К-Б со Словом («а мои ти готови осѣдлани... напереди»), в отличие от «а мои готови, брате» И1, «а мои готов оседлан» У и «а мои подеманы» С. Чтение С явно испорчено, при этом совпадения в искаженной части между С и И1 (или У) нет. Это дает основание полагать, что в архетипе Синодального извода (и в Пространной редакции) могло находиться чтение, близкое к К-Б (и Слову): сходство начальной части фрагмента («седлай, брате Ондрей») во всех списках Задонщины подкрепляет это предположение.

26. По К-Б и Слову, ветры веют «с моря», по изводу Ундольского (И1 и У) — «по морю». Как читалось в списках Синодального извода, сказать трудно, ибо в самом С слов этих просто нет. Наличие в них текста, близкого к К-Б, следовательно, не исключено.

27. В К-Б и Слове молнии — «синии», а в Пространной Задонщине они «сильные» («силнии» И1, «силные» У, «сильныя» С). В данном случае мы встречаемся с типичной опiskой: пропуском надстрочного «л», допущенным как составителем К-Б, так и в Слове. (В К-Б встречается еще одна подобная описка: «хараужныя» вместо «харалужныя»; в Слове — «Ярославе» вместо «Ярославли», «въста зби» вместо «вста близ».) Сходная ошибка есть и в списке С, но здесь вместо «синих небес» получилось «сылныя небеса».

Образ «синих молний» в литературе не встречается. Зато во всех списках Задонщины «синими» называются облака (К-Б) или небеса.

28. А. В. Соловьев указывает на соответствие фрагмента «быти стуку и грому великому» К-Б «быти грому великому» Слова (в Пространной Задонщине «и грому» нет). Но в Слове очень часто обнаруживаются синонимические соответствия текстам, имеющимся в других памятниках. Поэтому «гром» Слова мог просто заменить «стук» Пространной Задонщины, тем более что в другом отрывке этого последнего памятника читалось «громи гремели велице» (И1, сходно У и С). [Сходное объяснение см.: Творогов. «Слово» и «Задонщина». С. 308–309.]

29. В фрагменте «идет Хинела на Русскую землю» К-Б А. В. Соловьев отмечает предлог «на», который якобы взят из Слова. Но этот же предлог есть и в списке С («идут хинове на Русскую землю»). Утверждение, что «Хинела» появилась в результате слияния «хинова» и «Деремела», является презумпцией. Форма названия народа на «-ла» очень древняя.

30. Следующий отрывок К-Б («Се бо поганый Мамай приведе вой свои на Русь») А. В. Соловьев сравнивает с совершенно несходным по содержанию текстом Слова: «Се бо два сокола слѣтъста съ отня стола злата» (в той же мере можно было бы указать «се бо готския красныя дѣвы въспѣша») и со словом «вой», встречающимся в Игоровой песни также в другой связи («Игорь къ Дону вой ведетъ»). [Этот случай сам же А. В. Соловьев ниже (№ 35) сравнивает с отрывком «князь Володимер Ондреевич ведет вой свои, сторожевыя полкы» (К-Б) и аналогичными текстами Пространной Задонщины: «князь Володимер полки перебирает и ведет» (С, сходно И1, У), где, однако, «воев» нет. К «воям» А. В. Соловьев возвращается и еще раз (№ 38), когда он говорит о фразе «вой наши отнимають» (К-Б). В Слове аналогичного мотива нет. Р. О. Якобсон оставляет в архетипе Задонщины чтение «вотчину нашу отнимають», В. П. Адрианова-Перетц и В. Ф. Ржига — «отнимают отчину нашу». Но, возможно, сходное с К-Б чтение находилось в архетипе Пространной Задонщины: в протографе извода Ундольского (И1 — «отымають отчину нашу» и У — «и вотчину отнимають») «вой» заменены «вотчиной», а в Синодальном изводе — «дружиной» («нашу дружину побивають»). Вопрос остается не вполне ясен.] «Игорь... виде... вся своя воя прикрыты»). По мнению А. В. Соловьева, ни «воев», ни слов «се бо» в списках И1, У, С нет. И в данном случае неточность. В списке У читаем «а вою с нами» (И1 «воюют с нами», С «у боя нас» — оба чтения деформированы). Не показательно и совпадение слов «се бо» К-Б и Слова, так как контексты разные. [Слова «Се бо» К-Б В. П. Адрианова-Перетц, В. Ф. Ржига и Р. О. Якобсон не включают в архетип Задонщины.] К тому же и в С находим «се бо есмо чада благородныя», а в У и С даже вполне близкое к Слову: «Се (И1 Си. — А. 3.) бо князь великий Дмитрий Иванович и брат его князь Владимир Андреевич» У, «Се бо идет князь великий Дмитрей Иванович и брат его князь Володимер Андреевич» С.

31. Совершенно невыразительно сходство в винительном падеже слова «рѣчь» («галици свои речи говорят» К-Б, «галици свою рѣчь говоряхуть» Слово), в отличие от творительного списков Пространной Задонщины («галицы свою речью говорят» И1 и сходные). Заметим, что ед. число существительного «речь» связывает Слово и Пространную Задонщину. [В. П. Адрианова-Перетц, В. Ф. Ржига и Р. О. Якобсон в архетипе Задонщины помещают «своею речью говорят», т. е. чтение списков Пространной редакции. То же чтение есть и в Сказании о Мамаевом побоище.]

32. По мнению А. В. Соловьева, «орли восклегчють» К-Б ближе к Слову («орли клетомъ... зовуть»), чем И1 («орли крылатии въсплещуть»), У («орли хлекчють»), [В Минейном отрывке — «орли клегчюг».] С («орли в гаму кличут»). Но весь контекст с орлами в Слове ближе именно к Пространной Задонщине («уже... беды», «лисицы брешут на»). К тому же все три чтения ее списков испорчены, а совпадения при этом С с И1 (У) нет. Это дает нам основание полагать, что в протографе Пространной Задонщины могло присутствовать чтение, близкое к К-Б (префикс «вое» есть в И1).

33. Выражение «лисицы часто брешють» К-Б А. В. Соловьев считает возможным выводить из «лисицы брешють на чръленыя щиты» и «часто врани граяхуть, трупиа себѣ дѣляче» Слова. В Пространной Задонщине лисицы брешут не «часто», а «на щиты».[В. П. Адрианова-Перетц, В. Ф. Ржига и Р. О. Якобсон в протограф Задонщины вводят не «часто брешють», а «на кости брешють», т. е. по Пространной Задонщине.] Итак, все дело в словечке «часто». Но второй фрагмент Слова текстологически выводится совсем из иного отрывка Пространной Задонщины, где в списке С есть наречие «часто» («но только часто вороны играют, трупю человеческого чают»). Кстати говоря, наличие этого наречия «часто» в С подчеркивает сходство К-Б и С («только часто вороны грають» и «часто врани граяхуть»), в отличие от И1, У, где этого наречия нет.[Не имеет никакой силы случай № 45, ибо наречие «часто» есть не только в К-Б и Слове, но и в С.]

34. Совсем уже неожиданно сближение отрывка «соколича рострѣляевѣ своими злачеными стрелами» (Слово) с «соколи и кречати, белозерские ястреби позвонять своими злачеными колоколци» (К-Б). Местоимения «своими» нет в аналогичных контекстах И1, У, С. Но в обоих памятниках речь идет о столь разных сюжетах, что говорить в данном случае о текстологической связи Слова и Задонщины просто невозможно.[В. П. Адрианова-Перетц, В. Ф. Ржига и Р. О. Якобсон местоимение «своими» не вставляют в архетип Задонщины.]

35. О слове «вой» говорилось выше в примечании к случаю № 30.

36. О слове «ркучи» говорилось в примечании к случаю № 12.

37. Трудно понять, почему фрагмент «стрѣляй, господине» Слова А. В. Соловьев сравнивает с «господине... не ослабляй» К-Б, тогда как в И1 и сходных есть прямое соответствие «стреляй, князь великий».

38. О слове «вой» см. в примечании к случаю № 30.

39. Фраза К-Б «князь великий... всед на свой борзый конь» действительно созвучна словам «всядемъ, братие, на свои бръзья комони да позримъ синего Дону» (Слово) и отсутствует в Пространной Задонщине. Но дело в том, что не она была источником приведенного текста Слова (или наоборот),[В. П. Адрианова-Перетц, В. Ф. Ржига, Р. О. Якобсон не включают ее в архетип Задонщины.] а более близкий отрывок «сядем (С усядем. — А. 3.) на борзья свои комони, посмотрим быстрого Дону» (И 1, сходно У, С), который помещен в Пространной редакции Задонщины в более сходном со Словом контексте (К-Б здесь дальше от Слова: «сядемъ, брате, на свои борзи комони, испиемъ, брате, шеломомъ своим воды»).

40. Совершенно не показательное совпадение формы «копия» (харалужные) в Слове и К-Б, в отличие от «копии» И1, «копы» У. К тому же в С вообще текст деформирован («кафыи фразскими»).[В. П. Адрианова-Перетц, В. Ф. Ржига и Р. О. Якобсон в архетипе Задонщины дают чтение «копы».]

В К-Б встречаем чтение «копия харалужная» (близкое к «мечи харалужными» Слова), в отличие от «копии хараужничьными» (И1), «копы фараужными» (У). В протографе извода Ундольского могло читаться, следовательно, «копы хараужными» при выпадении буквы «л» («кафыи фразскими»). В протографе Пространной Задонщины (а следовательно, и в списке, близком к Слову о полку Игореве) могло сохраниться чтение «копы харалужными». В пользу этого предположения говорит то, что в Слове о полку Игореве стоит в сходном с Задонщиной контексте «харалужными» (сравни в Пространной редакции), в отличие от «харалужная» списка К-Б.

Принимая гипотезу о каролингском происхождении термина «харалужный», Т. Чижевская объясняет его различные варианты в списках Задонщины и образ «берези харалужные» К-Б тем, что к XIV в. «этот вид железа вышел из употребления и автор 3[адонщины] обнаруживает свое непонимание значения этого прилагательного».[Číževska T. A comparative Lexicon... Р. 324, 325, 327.] Но, во-первых, в Краткой редакции Задонщины встречается правильное написание «харалужная», наряду с простой опиской «хараужная». В списке Задонщины Пространной редакции, которым пользовался автор

Слова, могло находиться правильное чтение (в С оно деформировано до неузнаваемости). Во-вторых, этимология слова, которую отстаивает Чижевская, крайне сомнительна.

41. То же самое относится и к причастию «полиано» К-Б, близкому к «польяна» Слова. Весь контекст Слова, где оно встречается, близок к Пространной Задонщине («чръна земля под копыты»). В И1 и У «пролита», но в С пропуск. Это дает возможность полагать, что в других списках Синодального извода читалось близко к Слову и К-Б, ибо ниже в сходном контексте списка С читаем «трава кровью полита».

42. В К-Б весть о битве подается «по рожнымъ землямъ за Волгу к Железнымъ вратомъ», по Слову, див «велитъ послушати земли незнаемѣ, Вльзѣ и Поморию». Волги в списках Пространной Задонщины нет, но контекст ближе к Слову, чем к К-Б («велитъ послушати» И1, «велитъ грозна послушати»). В данном случае не исключено, что выпадение Волги в сохранившихся списках случайного происхождения; текстологического сходства отрывков Слова и К-Б нет.

43. А. В. Соловьев сравнивает фразу К-Б «не лепо стару помолодится» с «не лѣпо ли» из начала Слова, тогда как в сходном контексте И1 читается: «лутче бо есть», У «лудчи бо» (С отсутствует), Слово «А чи диво». В данном случае, как мы уже показали, в архетипе Пространной Задонщины читалось «лепо» (как в Печатной группе Сказания, а в К-Б простая описка). Сходство К-Б с зачином Слова мнимое.

44. А. В. Соловьев считает фразу «свистом поля перегородиша» К-Б ближе к Слову («кликомъ поля прегородиша»), чем И1, И2 и У. Но в У «поля кликом (И1 *описка*: конми. —А. 3.) огородиша», что ближе к Слову, чем к К-Б. К тому же этот отрывок помещен в том разделе Задонщины, который отсутствует в списке С. Поэтому, как читался он в Синодальном изводе, сказать вообще трудно. Во втором варианте своей статьи (1966 г.) А. В. Соловьев случай № 44 опустил.

45. Наречие «часто» есть не только в списке К-Б и Слове, но и в списке С (см. примечание к случаю № 33). Это снимает вопрос о параллели, на которую указывает А. В. Соловьев.

46. В фразе о пастухах К-Б А. В. Соловьев обращает внимание на слова «ни трубы не трубятъ», которых нет в И1, У, С, но которые он готов выводить из Игоровой песни («Трубы трубятъ въ Новѣградѣ», «трубы трубятъ городеньский»). [В. П. Адрианова-Перетц, В. Ф. Ржиги и Р. О. Якобсон слов «ни трубы не трубятъ» не вставляют в архетип Задонщины.] В этом нет никакой надобности, ибо в другом, но более сходном со Словом контексте «трубы трубят» во всех списках Задонщины, в том числе И1 («трубы трубят на Коломне»), У и С. Близкое сходство с приведенным А. В. Соловьевым оборотом К-Б есть и во второй части Задонщины по спискам И1 и У («трубы их не трубятъ»).

47. «Зогзице» К-Б соответствует «зегзица» Слова, отсутствующая в списках Пространной редакции Задонщины. Но в данном случае мы имеем дело с совпадением лексическим, а не с текстологическим. [Этот вывод, сделанный нами в ротاپринтном издании книги 1963 г., принял О. В. Творогов, не ссылаясь, правда, на источник. Он пишет: «Перед нами всего лишь классическая параллель» (Творогов. «Слово» и «Задонщина». С. 303).] Приведем соответствующие фрагменты.

К-Б: Уже, брате, пастуси не кличють, ни трубы не трубятъ, толко часто ворони грають, зогзици кокують, на трупы падаючи {л. 127 об. — 128}.

И1: В то время по Резанской земли около Дону[У далее — «ни ратаи», С — «ни ратой».] ни пастуси[У, С далее — «не».] кличут, но одне[С — «только часто».] вороне грають, трупу ради чело- вечьскаго {л. 220 об.}.

Слово: Тогда по Руской земли рѣтко ратаевѣ кикахуть, нѣ часто врани граяхуть, трупиа себѣ дѣляче.

Из этого сопоставления видно, что текст Слова не имеет никаких точек соприкосновения с К-Б, которые не содержались бы в более близком варианте в Пространной редакции Задонщины. Отсюда вполне допустимо предположить, что так как

«зегзицы» нет в Пространной редакции Задонщины, то и взята она в Слово не оттуда. «Зегзица» же появляется в тексте Слова, не соотносимом с Задонщиной.

Источником, давшим этот термин, мог быть сам живой язык. И действительно, этот термин был довольно распространенным в областных диалектах. Так, Н. В. Шарлемань сообщает, что «зегзицу» (пигалицу) знают на Десне, называя ее «з1гичкой», «зигзичкой». О пигалице на Украине говорят, что она «кигикает», т. е. «кычет» (так в Слове). Еще А. Н. Майков писал, что «в живом народном языке слово „зегзица“ и теперь еще употребляется... Многие из Вологодской губернии удостоверяли меня, что зегзицей там называют черных ласточек, стрижей».[Майков А. Н. Поли. собр. соч. СПб., 1914. Т. 4. С. 123.] «Зогзицу» находим также в позднем (XVII в.) списке Слова Даниила Заточника. [Слово Даниила Заточника по редакциям XII и XIII вв. и их переделкам / Приготовил к печати Н. Н. Зарубин. Л., 1932. С. 107.] Кукушку поляки называют gżegżolka.[Фасмер. Этимологический словарь. Т. 2. С. 91–92.] По предположению Л. А. Булаховского, это слово пришло к нам из области западнославянских языков.[Булаховский Л. А. Общеславянские названия птиц//ИЮЛЯ. 1948. Т. 7, вып. 2. С. 108.] С. И. Котков приводит сведения о челобитной рязанской вдовы Орины «Зегзюлиной», сближая эту фамилию с «зегзицей».[Котков С. И. Слово о полку Игореве. (Заметки к тексту). М., 1958. С. 28.] По материалам картотеки областного словаря (Ленинградское отделение Института русского языка АН СССР) «зегзицей» называли иволгу в Курской области. Это слово встречается и на Украине, и в Вологде, где жил Ефросин, переписавший Задонщину. В одном из списков Казанской истории (ГБЛ, Унд. № 774) конца XVI — начала XVII в. встречается сравнение с «зогзицей» плачущих девиц: «красные девицы, яко многия горлица, загозица (в других списках: зогзицы. — А. 3.) жалобно плачевные гласы горкия на весь град востираху».[ПСРЛ. СПб., 1903. Т. 19. Стб. 338. В других списках этого сравнения нет (Казанская история. М.; Л., 1954. С. 97).] Таким образом, русская литература XVI–XVII вв. знала «зогзиц», причем в форме, совпадающей с К-Б.

48. Нет основания для предпочтения оборота «на трупы падаючи» К-Б (как более близкого к «трупиа себѣ дѣляче» Слова) перед чтениями других списков Задонщины («труп ради человеческого» И1; «труп ради человеческия» У, «труп человеческого чают» С).[В. П. Адрианова-Перетц, В. Ф. Ржига, Р. О. Якобсон в архетип Задонщины помещают «труп ради человеческого».]

49. Оборот «туры возрыкають» К-Б А. В. Соловьев сопоставляет с «рыкають акы туры» Слова. Но в дошедших до нас списках Пространной Задонщины (где контекст ближе к Слову, чем к К-Б) помещен деформированный глагол «возгремели» (И 1, У) или «возрули» (С), причем полного совпадения И1 и У с С нет, хотя приставка «воз» связывает эти три списка с К-Б. Начальное «возр» в С делает возможным существование чтения, близкого к К-Б, в других списках Синодального извода.

50. В Слове Днепр течет «сквозѣ землю Половецкую», в К-Б — «прошел еси землю Половецкую». Аналогично и в других списках: «течеша в землю Половецкую» (У, сходно И1, С). К тому же в списке Тихонравова № 238 Сказания о Мамаевом побоище и сходных есть «сквозь Половецкую землю». Поэтому или в распоряжении автора Слова находился вариант Задонщины, с чтением, близким к варианту Тихонравовского списка, или он в данном случае использовал Сказание о Мамаевом побоище этого типа.[Об отношении Слова к Сказанию см. главу III. Ср. замечания о близости начертаний этих букв в кн.: Лихачев. Текстология. С. 152.] Следовательно, достаточных оснований для того, чтобы говорить о предпочтительной близости Слова с К-Б, а не с Пространной Задонщиной, у нас нет.

51. По К-Б, Дон «пробил» берега харалужные, по Слову, Днепр также «пробил», но горы каменные. В Пространной редакции идет речь о Доне и о горах каменных, но Дон их «прорывает», а не «пробивает». В данном случае совпадение Слова с К-Б объясняется тем, что в скорописи надстрочные «б» и «р» различить было практически невозможно. В одном

из списков Пространной Задонщины вполне могло читаться не «прорыл», а «пробил».[См. по этому поводу замечания О. Кралика (Królik. S. 145–146).]

52. Наконец, последняя фраза списка К-Б «покладоша головы свои у быстрого Дону за Русскую землю», по А. В. Соловьеву, представляет собою мозаику из чтений Слова, где есть «главы своя поклониша», «быстрой Каялы», «Дону» и «за землю Русскую». Прежде всего, как эта фраза читалась в архетипе Пространной Задонщины, сказать трудно.[В. П. Адрианова-Перетц, В. Ф. Ржиги и Р. О. Якобсон ее в архетип Задонщины не включают.] Ведь ее просто нет в И1 и У (неясно, пропуск это извода или архетипа редакции), а в С она переработана («положили головы своя от святыя Божья церкви за православную веру христианскую и за господаря великаго князя Дмитрия Ивановича и брата его князя Володимера Андреевича»). Но допустим, что ее не было в Пространной редакции. И в этом случае положение не изменится. Ведь А. В. Соловьеву текстологического соответствия всей фразы с Игоровой песнью установить не удалось. Найденные же им отдельные общие слова ровно ничего не доказывают, ибо они изъятые А. В. Соловьевым из контекстов, имеющих прямые соответствия с аналогичными в Пространной Задонщине. (Там есть и «от быстрого Дону», «положили есте головы за Рускую землю», в У «на реке на Каяле».) Следовательно, отмеченные совпадения К-Б и Слова и в данном случае могут быть дополнены аналогичными текстами Пространной Задонщины.

Итак, сопоставление списка К-Б со Словом, произведенное А. В. Соловьевым без изучения истории текста Задонщины, не доказало непосредственной текстологической зависимости этих памятников. Подавляющее большинство выявленных им случаев близости К-Б и Слова вовсе противоречит схеме списков Задонщины, предложенной Р. О. Якобсоном, и никем из исследователей не включалось в архетип этого произведения.

Но допустим (на мгновение), что А. В. Соловьев во всем прав и список К-Б более близок к Слову, чем все остальные. Тогда читатель вправе спросить: как это можно объяснить? Если считать Пространную Задонщину первичной, то тогда придется признать, что Слово влияло дважды: и на этот памятник, и на его краткую версию. Если первоначально Краткая редакция, а Пространная вторична, то также без двойного влияния Слова не обойтись (в Пространной Задонщине есть места, близкие к Слову, которых нет в Краткой). Все это маловероятно.

Сомнительность построения А. В. Соловьева становится совершенно очевидной при разборе конкретных случаев «тождества» Слова с К-Б; они, как правило, относятся к лексике, взятой изолированно от конкретных контекстов, основаны на несопоставимых отрывках (при наличии более близких соответствий Слова со списками Пространной Задонщины, которые к тому же находятся в сходных контекстах).

Несколько реальных, а не мнимых совпадений (их всего шесть-семь) касаются отдельных слов, а не целостных фрагментов и дают, как правило, первоначальные чтения. Им противостоят индивидуальные или просто испорченные варианты в И1, У и С. При этом ни в одном существенном случае[За исключением «зогицы», «синии», «прорыл», о которых мы писали особо.] совпадающему тексту Слова и К-Б не противостоит общее чтение С и И1 (или У). Все это делает возможным объяснение близости К-Б к Слову тем, что существовал список Задонщины Синодального извода, который содержал некоторые архетипные чтения памятника, отсутствующие в других списках Пространной Задонщины.[Если б чтение И1 (или У, или И1 и У вместе) совпадало с С, отличаясь от общего чтения Слова и К-Б, то тогда бы предложенная нами генеалогия текстов была бы невозможной; в архетипе Пространной редакции Задонщины должно было бы находиться общее чтение И1—С, что делает невозможным совпадение К-Б со Словом.]

* * *

Сравнение всех сохранившихся списков Задонщины со Словом о полку Игореве позволило нам предложить свою схему взаимоотношения этих текстов, которую графически можно изобразить следующим образом:

Новые аспекты изучения поэтических произведений раскрываются при анализе их звукописи. А. Гербстманом выявлено удивительное разнообразие видов звукописи стихотворных произведений русских поэтов XVIII–XIX вв. Он же обратил внимание на элементы звукописи, содержащиеся в Слове о полку Игореве. [На эту тему А. Гербстман сделал доклад в мае 1964 г. в Отделе древнерусской литературы Пушкинского Дома. О звукописи Слова см.: Ржиги В. Ф. 1) Гармония мови «Слова о полку Игореві м//Укража (Кшв). 1926. Т. 4. С. 24–34; 2) Проблема стихосложения Слова о полку Игореве// Slavia. 1927. Roc. 6. Seš. 2–3. S. 352–379; Ляцкий Е. А. Звукопись в стиховом тексте «Слова о полку Игореве»//Slavia. 1938. Roc. 16. Seš. 1. S. 50–78; Wollman S. Slovo o pluku Igorove jako umelecke dilo. Praha, 1958. {См. также: Колесов В. В. Звукопись в «Слове»//Энциклопедия. Т. 2. С. 218–220.}] Его исследование дает новый материал для решения вопроса о взаимосвязи Слова с Пространной Задонщиной. Дело в том, что разные формы звукописи обнаруживаются как раз в тех местах Слова, где прекращается сходство с Задонщиной. На этот факт, к сожалению, А. Гербстман внимания не обратил.

Вот, например, звуковая скрепа «путь заступаше» (ср. также «заступивъ... путь»). Этого текста нет в Задонщине. [Сравнивая звукопись Слова с Задонщиной, мы будем иметь в виду Пространную редакцию. В Краткой Задонщине, более близкой к фольклору, элементы звукописи есть. Вот наиболее яркие примеры: «На поля на наши наступают» или «от поганых положеным пасти» (этих текстов в Слове нет). Встречаем и звукоподражание фольклорного типа: «трубы трубят», «стук стучит», «гром гремит». Система звукописи в Краткой Задонщине значительно примитивнее, чем в Слове.] В Слове глагол «заступить» встречается и еще один раз («знамение заступи»). В Пространной Задонщине он вовсе отсутствует. [Вот еще скрепы: «врѣху древа», «своя воя», «въ тропу Трояню» (их нет в Задонщине). Летописному «лесть коваше» соответствует «крамолу коваше» Слова. В Слове находим также скрепу «высѣдѣ изъ сѣдла» (ее нет в Задонщине). «Опустоша» («опуташа») «въ путины» (глагола нет в Задонщине).] К скрепам относятся и: «Тропу Трояню», «копия поют», «пѣти было пѣсь». Или вот в Задонщине: «сядем на борзья своя комони, посмотрим...». В Слове вместо глагола «посмотрим» — «позрим», что созвучно прилагательному «борзья».

Очень ярка следующая звуковая гамма в Слове: «Длѣго ночь мркнеть. Заря свѣтъ запала. Мѣгла поля покрыла. Щекотѣ славий успе. Говорѣ галичѣ убуди. Русичи великая поля чрьлеными щиты прегородиша, ишущи себѣ чти, а князю славы». Мотивы Задонщины и Сказания о Мамаевом побоище не имеют и элементов звукописи, которые мы находим в Слове («Уже заря померкла, нощи глубоце сущи», [Об этом см. главу III] «ищут себе чести и славного имени», «черлеными щиты»).

В Слове есть разветвление и слияние звуковых комплексов: «конецъ поля Половецкаго». И этой игры звуками нет в Задонщине. В Синодальном списке дефектно: «коней вскормлены» (в К-Б «конец копия вскормлены»). Звукоподражание не чуждо также звукописи Слова: «свистѣ звѣринѣ вѣста близ». В отдаленно напоминающем тексте былины об Илье Муромце и Соловье Разбойнике говорится о свисте «по соловьему». [Об этом см. главу IV.] Впрочем, звукоподражание — элемент звукописи, характерный для фольклора, поэтому мы встречаем его и в Задонщине.²⁴⁴ В Слове он гораздо чаще («врани не граахуть... сороки не троскоташа, полозие ползоша только. Дятлове тектомъ»; «трубы трубятъ городеньский»).

А. Гербстман обращает внимание на звуковую подготовку имени «Ростислав» в Слове: «Не тако ти, рече, рѣка Стугна худу струю имѣя, пожръши чужи ручьи и стругы, ростре на кусту уношу князю Ростиславу». Нет нужды говорить о том, что в летописном рассказе о гибели Ростислава никакой звукописи обнаружить нельзя, а в Задонщине этого мотива просто нет. Сходная картина и в плаче Ярославны: «Ярославнынѣ гласѣ

слышит<ся>». Здесь имя «Ярославна» в звуковом отношении определяет и подготавливает весь ее плач.

Вот еще звуковой комплекс: «въ пяткъ потопташа поганяя плѣкы половецкыя, и, рассушясь стрелами по полю, помчаша красныя дѣвки половецкыя».

В сходном тексте Ипатьевской летописи читаем: «пятъку наставшу, во обеднее время усретоша полкы половецкыи».[ПСРЛ. Т. 2. Стб. 639.] Вместо слов «наставшу... усретоша» в Игоровой песни лаконично и в звуковом отношении ярко «потопташа поганяя».

В Слове есть выразительно нарисованная картина: «Земля тутнетъ. Рѣкы мутно текутъ. Пороси поля прикрывають. Стязи глаголютъ. Половцы идуть». В Задонщине вместо этого только «стязи ревуть» (И2). Звуковых сочетаний ни в Задонщине, ни в Сказании (где есть образ «возмутившихся» рек) найти нельзя. В Слове есть напряженная звуковая гамма: «Ту ся брата разлучиста на брезѣ быстрой Каялы». В сходном фрагменте Задонщины нет и следов этой звучности: «Тутю ся погании разлучишася боръзо». Не находит звуковой аналогии в Задонщине и плач русских жен: «Намѣ своихъ милыхъ ладъ ни мыслию смыслити, ни думою сдумати, ни очима съглядати» (см. фрагмент № 15).

В Слове находим около двух десятков случаев звукового параллелизма. Вот наиболее характерные из них:

1. Начати старыми словесы... Начати же ся тѣмъ пѣсни (глагол «начати» повторяется и в Задонщине, но без ритмизации текста, т. е. не создает там звукового параллелизма).

2. Хошу бо, — рече, — копие приломити... хошу главу свою приложити, а любо испити (в Задонщине только «хотятъ силою главы своя положить»).

3. Ту ся копиемъ приламатъ, ту ся саблямъ потручати...

4. Камо, туръ, поскачаше... тамо лежать поганяя головы...

5. Были вѣчи Трояни... Были плѣци Олговы...

6. Что ми шумить, что ми звенить...

7. Бишася день, бишася другый...

8. Ту ся брата разлучиста... Ту кроваваго вина не доста. Ту пиръ докончаша храбрии русичи...

9. Ни мыслию смыслити, ни думою сдумати, ни очима съглядати... ни мало того потрепати...

10. Ту нѣмци и венедици. Ту греци и морава... Ту Игорь князь...

11. Уже снесеса хула на хвалу. Уже тресну нужда на волю. Уже врѣжеса дивъ на землю... (в Задонщине только «Уже вержено диво на землю»).

12. Ты бо можеша Волгу веслы раскропити... Ты бо можеша посуху...

13. Не ваю ли злаными шеломы... Не ваю ли храбрая дружина...

14. Чему, господине, насильно вѣши? Чему мѣчеша хиновскыя стрелы... Чему, господине, мое веселие по ковылию развѣя?

15. Ты пробилъ еси... Ты лелѣялъ еси...

16. Игорь спитъ Игорь бдитъ. Игорь мыслию поля мѣритъ...

17. И потече къ луку Донца, И полетѣ соколомъ...

18. Не мало ти величия, а Кончаку нелюбия... Не мало ти величия, лелѣявшу...

19. Ни нама будетъ сокольца, ни нама красны дѣвице...

Все эти случаи звукового параллелизма не находят соответствия в Задонщине. Только в одном случае материал близок к Задонщине («Что ми шумить»), но и здесь звуковой элемент в Слове более ярок, ведь в Задонщине нет повторяющегося местоимения «ми», которое и создает звуковое впечатление.

В Слове о полку Игоре можно обнаружить примерно 34 случая употребления рифмы. Приведем их, указывая в скобках соответствия, имеющиеся в Задонщине.

1. Дотечаше

попаше (в Задонщине только «попаше»).

2. пущаше

- въскладаше (в Задонщине только «воскладоше»).
3. потяту быти
полонену быти (в Задонщине по У: «потятым быть нежели полоняным быти»).
4. приломити приложити
испити (в Задонщине в разных фрагментах «положити», «сопием»).
5. О Бояне... старого времени свивая... сего времени.
6. възлелѣяны
въскрѣмлени (в Задонщине, очевидно, «возлелияны вскормлени»).
7. вѣдоми
знаеми (в Задонщине «ведоми»).
8. напряжени отворени изьострени
9. запала покрыла
10. успе убуди
11. плѣкы половецкыя дѣвкы половецкыя
12. приламати потручяти
13. отступиша
поля прегородиша
русици преградиша (в Задонщине «отступиша назад», «поля широкия огородиша, золочеными шлемы осветиша»).
14. ратаевѣ кикахуть врани граяхуть
рѣчь говоряхуть (в Задонщине в одном фрагменте «кличут», «грають», в другом: «грають», «говорятъ»).
15. посѣяна
польяна (в Задонщине «насеяша... полита»).
16. шумить
звенить (в Задонщине «шумит и гремит»).
17. разлучиста
не доста (в Задонщине «разлучишася»).
18. докончаша попоиша полегоша
19. смыслити сдумати съглядати
потрепати (в Задонщине «трепати»).
20. помѣркости погасоста
поволокоста (в Задонщине «померкне»),
21. на хвалу на волю
на землю (в Задонщине «на поганых хулу... на землю»).
22. цвелити искати
23. одолѣсте пролиясте
24. скована закалена
25. похитимъ подѣлимъ
26. бываетъ
възбываетъ (в Повести об Акире «бывает, он не дастся»).
27. раскропити выльяти
28. повръгоща
поклониша (в Задонщине «повръгоша подклониша»).
29. судяше
рядяше
рыскаше
прерыскаше
30. позвониша
слыша
страдаше
31. пашуть

поють
32. слышитъ
кычетъ
33. спить
бдитъ
мѣритъ
34. помлъкоша
троскоташа
ползоша

Итак, из 34 случаев употребления рифмы в Слове только 5 находят аналогию в Задонщине (4, 6, 13, 16, 28). При этом один случай чисто фольклорного происхождения («Что шумит, что гремит», ср. еще «не стук стучит, ни гром гремит» списка С), а один в Задонщине не имеет оформленной ритмической структуры и не может считаться рифмой (13). В Пространной Задонщине можно обнаружить еще элементарную рифму в формулах отрицательного параллелизма («орлы отлетеша... не орли полетеша», «щурове рано въспели... не щурове рано воспели», «гуси возгоготаша, лебеди крылы восплескаша. Ни гуси возгоготаша»). Все эти случаи не авторского, а чисто фольклорного происхождения. В Задонщине можно встретить еще рифму в повторах («Непра запрудити... Мечю... запрудити»). Все это, конечно, имеет очень мало общего с разнообразной, сложной и красочной рифмой Слова о полку Игореве. Трудно допустить, чтобы автор Задонщины систематически изымал все (или почти все) случаи рифмы, имеющиеся в Слове, намеренно (или бессознательно) разрушив систему ее употребления (сравни 2, 3, 5, 7, 15, 17, 20, 21). Зато в период развития стихотворства (не ранее XVII в.) привнесение рифмы в Песнь — вещь совершенно естественная.

В плаче Ярославны можно обнаружить целый звуковой комплекс: «О вѣтрѣ вѣтрило! Чему, господине, насильно вѣеши? Чему мѣчеши хиновъскыя стрѣлы на свою нетрудную крилицю на моя лады вой? Мало ли ти бѣшетъ горь подѣ облакы вѣяти, лелѣючи корабли на синѣ морѣ? Чему, господине, мое веселие по ковылию развѣя». Дивное по красоте обращение к ветру не имеет никакого соответствия в Задонщине, если не считать фразы Феодосьи «веселье мое пониче».

Наконец, еще одна картина, не имеющая прямой звуковой аналогии с Задонщиной: «Тогда врани не грахуть, галицы помлъкоша, сороки не троскоташа, полозие ползоша только. Дятлове тектомъ путь къ рѣцѣ кажутъ, соловии веселыми пѣсьми свѣтъ повѣдаютъ».

Задонщина не только в общих местах со Словом, но и в других местах совершенно лишена той сложной системы звукописи, которая обнаруживается в Игоровой песни. Если принять предположение о том, что автор Задонщины имел своим источником Слово о полку Игореве, то придется допустить совершенно невозможное. Получится, что, используя Слово как образец для приемов художественного изображения, составитель Задонщины намеренно или бессознательно опустил все элементы звукописи (кроме звукоподражания), содержащиеся в Игоровой песни, хотя включил из нее много фрагментов целиком. Мало того, получится, что в ряде случаев он как бы стремился специально нарушить звуковую ткань Слова. Так, в Слове говорится: «заступивъ королевѣ путь, затворивъ Дунаю ворота, меча времени чрезъ облакы». Автор Задонщины заменяет «затворивъ», гармонически сочетающееся с «ворота», глаголом «замкни», нарушая тем самым яркий звуковой образ. Выражение Задонщины «не тури възрыкають» у него превращается в «рыкають акы тури». Вместо обычного звукоподражания, характерного для фольклора, получается слияние звукового комплекса, характерное для поэзии XVIII в. Библейское «псы кровь лизаша» превращается в «звѣри кровь полизаша», имеющее уже звуковую окраску. Одновременно он опускает все остальные элементы картины. И это не единственный случай, а совершенно рядовой. Такое сознательное и, главное, систематически проводимое разрушение художественной ткани Слова не могло быть

осуществлено автором XIV–XV вв. Если бы Слово было источником Задонщины, то хотя бы следы его звукописи несомненно сохранились. А так как этого нет, то и следует считать, что именно Задонщина была тем памятником, которым пользовался составитель Слова, обогащая его средства художественного изображения различными формами звучания.

Недавно Д. С. Лихачев попытался доказать невозможность вторичности Слова по сравнению с Задонщиной, исходя из поэтики подражания.[Лихачев. 1) Черты подражательности «Задонщины» С. 84—107; 2) Поэтика. С. 191–211.] Проследим за его аргументацией. Д. С. Лихачев обращает внимание «на стилистическую разностойность „Задонщины“». Три стилистических слоя могут быть легко обнаружены во всех ее списках: слой, восходящий к „Слову о полку Игореве“, слой, ясно обнаруживающий свое происхождение из деловой прозы, и слой, связанный с народно-поэтической стилистикой».[Лихачев. 1) Когда было написано «Слово»? С. 144; 2) Черты подражательности «Задонщины». С. 87.]

Прежде всего Д. С. Лихачев применяет два приема исследования, сводящие к нулю доказательность его выводов. Во-первых, он уже заранее разделяет в Задонщине стилистический пласт, близкий к Слову о полку Игореве, и народнопоэтический, не доказывая, что они чем-то отличаются друг от друга по самому своему существу. Однако элементы народно-поэтической стилистики в Слове очень сильны.[Подробнее об этом см. в главе IV.] И как раз многие пассажи Слова, имеющие соответствие в Задонщине, проникнуты фольклорной поэтикой. Д. С. Лихачев отличает первый стилистический слой Задонщины от третьего по чисто формальному признаку: первый состоит из известий, имеющих в Слове, второй — из тех, которых в Слове нет. Но пока не доказано, что автор Задонщины использовал текст Слова, нельзя одни отражения фольклорной поэтики Задонщины возводить к самому народному творчеству, другие — к Слову. Но если Д. С. Лихачев заранее берет как само собою разумеющуюся посылку, которую требуется доказать, то перед нами обычная логическая ошибка (*petito principii*), делающая научно несостоятельным все дальнейшее изложение.

Возражая против приведенного выше положения, Р. П. Дмитриева, Л. А. Дмитриев и О. В. Творогов считают, что Д. С. Лихачев был вправе выделить в Задонщине особый «фольклорный слой» (отличный от Слова) на том основании, что «большая часть словосочетаний этого типа характерна для исторических песен, возникших не ранее XIII–XIV веков».[Дмитриева, Дмитриев, Творогов. По поводу. С. 116.] Далее ими приведено 9 примеров. Два из них прямо называют город Москву, и их отсутствие в Слове естественно. «Шевковые опутины» в трансформированном виде («железные путины») в Слове есть. «Белая руца» — индивидуальное чтение списка С, которое, на наш взгляд, отсутствовало в списке Задонщины, находившемся у автора Слова. Выражение «зимы зимовати» — индивидуальное чтение списка У, отсутствующее в других текстах Задонщины. «Добрый конь» также есть только в С (в отличие от «борз конь» И1, «борзи кони» У). Остаются три примера: «стук стучит», «гром гремит» и «мечи булатные». Во всяком случае существование первых двух в фольклоре XI–XII вв. не менее возможно, чем в более позднее время. Отсутствие их в Слове не может быть объяснено тем, что они возникли только в XIII–XIV вв. Итак, Р. П. Дмитриева, Л. А. Дмитриев и О. В. Творогов не доказали наличия в Задонщине особого фольклорного слоя, отличного от того, который мы находим в Слове.

Во-вторых, Д. С. Лихачев говорит о *всех* списках Задонщины, а по существу сравнивает Слово не со всеми, а с отрывками из списков, какие он находит нужным привлекать. Так, обращение к соловью он дает по одному списку И1, плач коломенских жен и рассказ о сборах русских князей — по одному списку У («так, например, в списке Ундольского»), о «клегчущих» орлах — по одному списку IC-

В. Выборочный метод обращения к текстам совершенно недопустим. Только выяснив, каков состав первоначальной Задонщины и какова дальнейшая история ее текста, можно говорить о ее подражании Слову или о влиянии на Игореvu песнь.

К сожалению, от исторического подхода к тексту Задонщины Д. С. Лихачев фактически отказался.

Вернемся, однако, к дальнейшему ходу мысли Д. С. Лихачева. Он пишет, что «своеобразная делопроизводственная конкретизация вторгается в поэтический стиль» списков Задонщины.[Лихачев. 1) Когда было написано «Слово»? С. 144; 2) Черты подражательности «Задонщины». С. 87.] Примером этому служит фраза «от Калагские рати до Мамаева побоища лет 160». Д. С. Лихачев прав, когда речь идет о списках Пространной Задонщины. Но в К-Б «делопроизводственных» слов «лет 160» нет, а этого Д. С. Лихачев даже не упомянул. Нет в К-Б и хронологизирующего уточнения «на воскресения, на Акима и Аннин день», которое встречается только в списках И1, И2, У, С. Когда Д. С. Лихачев приводит пример «летописной конкретизации», опираясь на текст о 70 боях и 300 000 кованой рати, он опять ссылается на списки С и У — ведь в К-Б его нет. Таким образом, самая суть вопроса заключается в том, что в Краткой Задонщине нет явных следов «делопроизводственного стиля».[Примеры этого стиля в К-Б, приведенные Д. С. Лихачевым (см.: Лихачев. Черты подражательности «Задонщины». С. 89), совершенно недостаточны. Слова «тако рече» вряд ли следует считать специфически «канцелярскими». Фраза «от тоя рати» просто деформирована в списке. Уточнение даты Куликовского боя («сентября 8...») представляет собою, как это показано выше, особенность самого списка К-Б, а не Краткой Задонщины. Актовая формула «се аз» в К-Б — описка составителя списка. Остается лишь перечень погибших воевод, который для Песни-плача отнюдь не инородное тело.] Этот памятник стилистически однороден. «Чиновничьи уточнения» в Пространной Задонщине — инородное тело, но по сравнению с Краткой, а не со Словом. Они появились под влиянием Сказания о Мамаевом побоище, Никоновской летописи и отчасти творческой манеры составителя этого памятника.

Если бы, продолжает Д. С. Лихачев, Слово происходило бы от Задонщины, то «автор „Слова“ должен был бы сделать выборку только одного стиля из всего произведения и начисто очистить его от всех „деловых“ элементов».[Лихачев. Когда было написано «Слово»? С. 145. См. также: Дмитриева, Дмитриев, Творогов. По поводу. С. 117.] Судя по контексту, это представляется Д. С. Лихачеву невозможным. Но почему же? В Пространной Задонщине действительно устно-поэтические мотивы, тонко сплетенные с книжными еще в ее кратком прототипе, дополнены «делопроизводственно-церковными мотивами», приближающими ее текст к конкретной обстановке Куликовской битвы. Создавая произведение на другую тему, автор Слова, конечно, брал из своего источника лишь поэтические места, оставляя в стороне конкретно-исторические. Проникли ли в Слово элементы делового языка? Конечно. Вспомним хотя бы плач Ярославны с совершенно неожиданным, деловым «а ркучи», которое восходит к Задонщине.

Далее, Д. С. Лихачев находит, что Задонщина «однообразно повторяет одни и те же стилистические формулы, близкие к „Слову“». Это типичный результат посредственного подражания».[Лихачев. Когда было написано «Слово»? С. 145.] Верно ли это утверждение? Отчасти. Точнее, с тремя оговорками: не просто Задонщина, а Пространная Задонщина, не формулы Слова, а формулы Краткой Задонщины, наконец, дублирующие формулы могут свидетельствовать о близости памятника к фольклору, а не о плохом подражании. Повторяемость одних и тех же стилистических оборотов — характерная черта эпоса.

Возьмем примеры, приведенные Д. С. Лихачевым. Он ссылается на то, что в Задонщине мечи четырежды «гремят» о шеломы. Это не вполне точно. В Краткой Задонщине в одном случае удалцы гремят «золочеными шеломы» (фрагмент № И),[Здесь и далее имеются в виду фрагменты, приведенные в главе I настоящего исследования.] а в другом просто «грянуша... мечи» (фрагмент № 16). Зато формула гремящих мечей «о

шеломы татарские» («хиновские») четырежды муслируется в Пространной Задонщине (фрагменты № 10, 16, 23, 25). Или вот мотив «сияющих» или «святиющихся» доспехов. Он есть только в Пространной Задонщине (фрагменты № 16, 17, 23, 25). [Глагол «сияет» есть еще в фрагменте № 14 Пространной Задонщины.] В Краткой Задонщине о наступлении поганых «на поля» говорится дважды (фрагменты № 8, 14), в Пространной — трижды (фрагменты № 14, 23, 25). Повторяющиеся обороты Краткой Задонщины тяготеют к фольклорной традиции: «стук стучит», «золотые шеломы», «грянуша... мечи булатные». Выводить их из Слова нет никакой необходимости.

В Пространной Задонщине эпические повторы были утрированы, а потому стали порой безвкусными и однообразными, разрушали художественную ткань произведения. То, что эти повторы взяты автором Задонщины из Слова, Д. С. Лихачевым постулируется, а не доказывается. Его построение имело бы долю вероятия, если бы в Пространной Задонщине повторялись только те стилистические элементы, которые связаны со Словом. Однако и это не так: выражения «окованные рати», «за веру христианскую» дублируются в Задонщине, но отсутствуют в Слове. Повторы, следовательно, показывают манеру автора Пространной Задонщины, а не навеяны его источником.

Вторичность Задонщины Д. С. Лихачев усматривает и в том, что в ней или отсутствуют сложные образы Слова, или они беднее. Но о какой Задонщине идет у него речь? Как бы забывая о существовании глубоко поэтической Краткой редакции памятника, Д. С. Лихачев оперирует с текстами Пространной. Но последняя действительно в художественном отношении несовершенна. Все дело лишь в том, что ей предшествует Слово или Краткая Задонщина. Так, Д. С. Лихачева пленяет «великолепная картина движения половецких орд в степи» по Слову о полку Игореве («кричать тѣлѣгы полунощы, рцы лебеди роспущени»). Он прав, что в Задонщине (добавим: Пространной) картина беднее («вѣскрипели телегы меж Доном и Непром, идут хинове в Рускую землю»). Однако высокоодаренный автор Слова, живший в более позднее время, чем автор компилятивной Пространной Задонщины, вполне мог создать более яркий образ на материале своего источника. Заметим, что в Краткой Задонщине образ очень поэтичен: «быти стуку и грому велику межю Дономъ и Непромъ. Идет Хинела на Русскую землю. Серие волци воють» и т. д.

По мнению Д. С. Лихачева, «образ Бояна в „Слове“ полнокровен, связан со всем замыслом введения к „Слову“ — выбором стиля; в „Задонщине“ от этого образа осталась лишь бледная тень». [Лихачев. Когда было написано «Слово»? С. 146.] И опять утверждение очень субъективно. В Краткой Задонщине обращение к Бояну, как мы писали, имеет строгий смысл: древний певец воспевал князей прошлого, а автор Задонщины хочет петь о Дмитрие Донском. В Пространной Задонщине текст был осложнен, ибо составителю пришлось упомянуть своего предшественника (Софония). В Слове о полку Игореве вместо естественной первозданной простоты, которая, казалось бы, должна быть присуща первоисточнику, находим еще большую осложненность. [Подробнее см. фрагменты № 1–2 главы I и фрагмент № 1 настоящей главы.]

Композиционная нестройность Пространной Задонщины (плачи по погибшим воеводам помещены в середине произведения) оказывается вторичной по сравнению с Краткой, где о погибших военачальниках говорится в конце повествования (так и в Сказании о Мамаевом побоище), а не по сравнению с плачем Ярославны (после чего еще помещен рассказ о бегстве Игоря). [Но когда Д. С. Лихачев считает, что в первой половине списка У (и сходных) «неожиданно говорится о поражении и потерях русских в первой половине битвы» (Лихачев. Черты подражательности «Задонщины». С. 96), он не точен: о поражении русских войск там нет ни слова.] Слабо мотивированные в композиционном отношении речи Пересвета и Осляби Пространной Задонщины входят в стройную композицию Краткой редакции. [Подробнее см. фрагменты № 12 и 19 главы I.]

Для Д. С. Лихачева странно, почему «хинове» идут на Русскую землю где-то «межю Доном и Непромъ» (К-Б, сходно в других списках), [Подробнее см. фрагменты

№12 и 19 главы 1.] а «не из района Золотой Орды на Волге, как это было в действительности». По его мнению, это произошло и «потому, что в „Слове“ навстречу Игорю именно оттуда движутся половцы — была весна. Это явный остаток „Слова“ в „Задонщине“: влияние не текста, но самого хода событий „Слова“ на „Задонщину“». [Лихачев. 1) Когда было написано «Слово»? С. 146; 2) Черты подражательности «Задонщины». С. 97–98.] Но дело объясняется совсем иначе. Достаточно взглянуть на карту, чтобы убедиться, что Мамай шел как раз между Доном и Днепром. Его владения простирались на юг от Рязанского княжества, граничили с Великим княжеством Литовским и включали в свою орбиту Крым.[Насонов А. Н. Монголы и Русь: История татарской политики на Руси. М.; Л., 1940. С. 123–124. По Ибн-Халдуну, с 1374–1375 гг. Мамай утвердился в Крыму, откуда он, очевидно, и двигался вдоль Дона на Русь (Бегунов Ю. К. Об исторической основе «Сказания о Мамаевом побоище» // «Слово» и памятники. С. 479). Не упоминая об этом сообщении Ибн-Халдуна, приведенном Ю. К. Бегуновым, Р. П. Дмитриева, Л. А. Дмитриев и О. В. Творогов упорно продолжают писать, что Мамай двигался на Русь, «как известно, из-за Волги» (Дмитриева, Дмитриев, Творогов. По поводу. С. 118).] Задонщина в данном случае совершенно точна.

По О. В. Творогову, упоминание моря в Задонщине «едва ли уместно».[Творогов. «Слово» и «Задонщина». С. 322.] Но когда автор этого произведения говорит, что «всташа силнии ветри с моря», то он имеет в виду движение полчищ Мамаея из Крыма. Все вполне соответствует исторической обстановке 1380 г. Кстати, автор Сказания о Мамаевом побоище также пишет «между Доном и Непром, на поле Куликове».[Повести. С. 75.] Значит, в данном случае Слово повлияло на Сказание?

Надо иметь в виду и еще одно обстоятельство. Куликовская битва происходила у берегов притока Дона — Непрядвы. Б. М. Соколов отмечал в фольклоре «процесс взаимовлияния форм: Днепр и Непрядва».[Соколов Б. М. Непра река в русском эпосе. СПб., 1912. С. 17.] Поэтому когда в К-Б говорится, что ветры с моря «прилелеяша тучю велику на усть Непра», то, быть может, речь просто идет о Непрядве, у устья которой и скрестили оружие русские воины с татарами. Да, наконец, и после разгрома на Куликовом поле Мамай бежал не на Волгу, а в Крым.

В этой же связи Д. С. Лихачев пишет: «В „Задонщине“ настойчивые упоминания Днепра... и Дуная (в списке У) — совершенно непонятны. Они могут быть объяснены только как следы „Слова“».[Лихачев. Черты подражательности «Задонщины». С. 97.]

О Днепре мы говорили. Теперь обратимся к Дунаю. Действительно, эту реку упоминает только один список У. В К-Б читается иначе: «погании татарове... стоят межю Доном и Днепромъ на рице на Мече». А в списках И1, С вместо Дуная находим Дон: «у Дону стоят татарове поганий, Мамай на речки на Мечи». Совершенно ясно, что в архетипе Задонщины никакого Дуная не было; он появился в протографе списка У под влиянием фольклорной традиции. Итак, если допустить, что Слово было источником Задонщины, то придется признать, что им пользовались не только при создании архетипа Задонщины, но и при составлении протографа списка Ундольского (в последнем случае только чтобы заменить «Дон» — «Дунаем»). Невозможность этого построения очевидна, а вероятность того, что у автора Слова был список Задонщины с «Дунаем», не исключена. [Об этом см. подробнее Приложения к работе.]

Д. С. Лихачев обратил внимание, что в Задонщине «жены плачут по убитым мужьям и просят Москву-реку прилелеять их к себе. Как это возможно, ведь они убиты! Это тоже остаток „Слова“».[Лихачев. Когда было написано «Слово»? С. 146] Замечание Д. С. Лихачева верно в той части, в какой оно относится к спискам Пространной Задонщины. Там действительно текст явно нескладен. Но ведь в К-Б, т. е. Краткой Задонщине, ничего подобного нет. Мария Микулина жена, обращаясь к Дону, плачет просто: «прилелей моего Микулу Васильевича». Дон должен был приголубить тело ее убитого мужа, а не доставить его к ней. Все совершенно логично.

Если считать текст К-Б позднейшим сокращением, то получается, что составитель этого списка так удачно сокращал текст архетипа Задонщины, что изъясил из него все сообщения, нарушавшие историческую перспективу, и создал вариант, наиболее точно передававший обстановку конца XIV в. Так было не только в случае с плачем по погибшим мужьям, но и в других случаях. Он, оказывается, угадал, что новгородцы не принимали участия в Куликовской битве. Он совершенно правильно исправил «зеленую» ковыль на «белую» в полном соответствии с датой Куликовской битвы (сентябрь). Он изъясил из списка убитых князя Федора Семеновича, почувствовав, что такого князя никогда не существовало. Он переставил порядок городов (Москва, Коломна, Серпухов) и случайно угадал этапы движения русских войск к Дону. Но если так, то уж не был ли автор Краткой Задонщины ненароком провидцем?

Для методики Д. С. Лихачева характерен следующий пассаж: «В „Задонщине“ русские жены получают „полоняные вести“, то есть вести о пленении их мужей, которые на самом деле были убиты. Сами вдовы называются в „Задонщине“ „поломянными женами“ — женами пленников, — а не вдовами. Причина та же», т. е. источником Задонщины было Слово о полку Игореве, где говорится о пленении русских князей.[Лихачев. 1) Когда было написано «Слово»? С. 146; 2) Черты подражательности «Задонщины». С. 97.] Д. С. Лихачев конструирует все свое рассуждение на выборочных и притом явно дефектных чтениях Задонщины. Выражение «полоняныя вести» есть только в списке И1, в У «поломянныя», С «поломяныя» (в К-Б текста нет). Совершенно ясно, что последнее чтение первично. Кстати, именно его вводят в свои реконструкции архетипа Задонщины В. П. Адрианова-Перетц, В. Ф. Ржиги и Р. О. Якобсон. Оно же находит соответствие и в Слове о полку Игореве («багряная стльпа»). Ни о каких «полоняных» вестях первоначальный текст Задонщины не говорил.[См. в Псковской летописи под 1509 г. «переняше псковичи полоняную свою весть» (ПЛ. Вып. 1. С. 93).] Перед нами неудачное осмысление составителя списка И1 (см. фрагмент № 20).[Кстати, ранее и сам Д. С. Лихачев говорил про «огненные» («поломенные») вести о гибели русских воинов» (Лихачев Д. С. «Задонщина» // Литературная учеба. 1941. № 3. С. 97).]

Во втором случае (фрагмент № 21) Д. С. Лихачев допустил самую обыкновенную ошибку: ни о каких «полоняных женах» Задонщина не говорит вовсе. В И1 «жены коломенские», У «коломеньские» и только в С «поломяные» — явная описка, происшедшая от созвучия упоминавшихся выше «поломяных» вестей с «коломенскими женами». Ссылка Р. П. Дмитриевой, Л. А. Дмитриева и О. В. Творогова на то, что в списках Повести о Басарге варьируются написания «поломянное» и «поломянное», [Дмитриева, Дмитриев, Творогов. По поводу. С. 119.] только лишний раз доказывает, что перед нами типичная ошибка, основанная на созвучии терминов. Следовательно, ни о каком мотиве «пленных» мужей или жен в Задонщине говорить нельзя.

Д. С. Лихачев удивляется, почему Задонщина «лишена элементов язычества и двоеверия, но деревья в ней склоняются от скорби. Что это, только художественный образ? Нет, в „Слове“ преклоняются до земли деревья, так как вера в деревья была органической частью русского язычества».[Лихачев. 1) Когда было написано «Слово»? С. 146; 2) Черты подражательности «Задонщины». С. 99.] Истоки образа склонившихся от печали деревьев корнями, возможно, уходят еще в языческие времена. Но его появление в Задонщине объясняется без всякого влияния Слова: в разборе фрагмента № 18 обеих редакций памятника мы писали, что его нет в Краткой Задонщине, но он включен в Пространную из текста Сказания о Мамаевом побоище.

Остаток Слова в Задонщине Д. С. Лихачев видит в том, что в рассказе о начале похода Игоря первого памятника и о выезде в поход Дмитрия Донского есть черты сходства (см. фрагмент № 8 настоящей главы): в одном случае князя сопровождает печальная примета (затмение солнца), в другом — радостное (сияние солнца).[Лихачев. 1) Когда было написано «Слово»? С. 146; 2) Черты подражательности «Задонщины». С. 99.] В том, что в момент отправления в поход Дмитрия сияет солнце, Д. С. Лихачев не видит

ничего подозрительного («эта примета не может вызвать подозрений»). Но тогда почему же «чудом» считает он возможность использования Задонщины в Слове, а обратную зависимость памятников естественной? Ведь о затмении солнца говорилось в летописи. Найдя образный материал в Задонщине о выезде в поход Дмитрия, автор Слова вполне мог использовать его в своем произведении.

Таким образом, попытка Д. С. Лихачева доказать невозможность вторичности Слова по сравнению с Задонщиной, исходя из особенностей поэтики подражания, не увенчалась успехом. Самое большее, что ему удалось показать, — это компилятивный характер Пространной Задонщины. Впрочем, этот тезис никогда не подвергался сомнению.[Об «инерции подражания» в Задонщине вслед за Д. С. Лихачевым в последнее время писал О. В. Творогов (Творогов. «Слово» и «Задонщина». С. 312–335). Приемы работы у обоих исследователей едины. О. В. Творогов берет чтения Задонщины, максимально близкие к Слову, объявляет их архетипными, находит в них несообразия и делает вывод о вторичности Задонщины. Но все эти «несообразия» появились под пером позднейших переписчиков Задонщины или при составлении ее Пространной редакции. В Краткой Задонщине их нет.]

Теперь можно подвести некоторые итоги. Автор Игоревої песни — большой писатель. Он не механически заимствовал отдельные куски Задонщины, а создавал свою собственную героическую поэму, в которой творчески были использованы мотивы этой воинской повести о Куликовской битве. Поэтому общие места с Задонщиной, как правило, органически входят в художественную ткань Слова, что делает подчас невозможным с бесспорной убедительностью сказать, какого они происхождения — первичного или вторичного. Но и в Задонщине они не выделяются никакими текстологическими швами, что могло бы свидетельствовать об их позднейшем происхождении. В ряде случаев можно установить явную вторичность положения этих мест в Слове по сравнению с Задонщиной. Гораздо важнее то, что нет ни одного текста, о котором можно было бы с уверенностью сказать, что он читается первоначально в составе Слова, а не как естественный фрагмент Задонщины. Исследование, проведенное в настоящей главе, не имея само по себе полной убедительной силы, вместе с тем дает новые данные, подтверждающие вывод главы I о позднейшем происхождении Слова о полку Игоре.е.

Глава III. РУССКИЕ ЛЕТОПИСИ И СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ

В ходе предшествующего исследования был обоснован вывод о том, что Слово о полку Игоре.е испытывало сильное воздействие воинской повести о Куликовской битве 1380 г. Это влияние обнаруживается в приемах изложения, в литературной форме произведения, отчасти в его лексике. На первый взгляд можно было бы допустить существование какой-либо Песни о походе Игоря 1185 г. (устной или письменной), созданной современником событий и переработанной много столетий спустя по литературному штампу Задонщины. Но для того чтобы установить, жил ли автор Слова (или какой-либо его части) в конце XII в., необходимо изучить фактическую основу произведения. Вопрос сводится к тому, обнаруживаются ли в Слове живые следы впечатлений современника похода на половцев неудачливого северского князя, или сведения по истории Руси X–XII вв. извлечены автором из каких-либо письменных или устных источников. В последнем случае важно будет определить, когда эти источники возникли, а также кто и когда ими мог воспользоваться. Наконец, нужно разобраться в ошибках, которые допускает автор Слова, объяснить их причины и характер.

О походе русских князей на половцев 1185 г. сохранилось два рассказа: один помещен в Ипатьевской, другой — в Лаврентьевской и совпадающей с ней в этой части Кенигсбергской (Радзивилловской) летописях. Исследователи давно уже подметили явные черты сходства Слова о полку Игоре.е прежде всего с Ипатьевской летописью.

Существует три возможности объяснить это сходство. Первая — Слово о полку Игореве могло быть известно составителю летописи; вторая — оба произведения посвящены одному и тому же событию, хотя написаны они независимо друг от друга; третья — автор Слова мог быть знаком с Ипатьевской летописью (или с одним из предшествующих ей летописных сводов). Соответственно этому в литературе и высказывались три точки зрения.

Первую отчетливо выразил А. В. Лонгинов. Он решительно отрицал возможность влияния Ипатьевской летописи на Слово на том основании, что приемы пересказа и язык Слова «не носят на себе ни малейших следов заимствования изложения».[Лонгинов А. В. Историческое исследование сказания о походе Северского князя Игоря Святославича на половцев в 1185 году. Одесса, 1892. С. 25.] Зато он не исключал того, что Слово могло повлиять на рассказ летописи. В соображениях А. В. Лонгинова верным было то, что «приемы пересказа» в Слове резко отличаются от летописных, хотя следы влияния летописной терминологии в нем сохраняются. Допускал возможность влияния Слова на летопись и Всеволод Миллер. Он обратил внимание на черты сходства со Словом летописного рассказа о Кончаке, помещенного под 1201 г. В. Ф. Миллер даже полагал, что Слово в 1201 г. могло быть полнее, чем дошедший до нас текст.[Миллер Вс. Взгляд на Слово о полку Игореве. М., 1877. С. 138–142.] К мнению А. В. Лонгинова и В. Ф. Миллера присоединился В. Н. Перетц. Он только отмечал, что сходство обоих памятников обнаруживается не столько в фактах, сколько в стиле и лексике.[Перетц. Слово. С. 36–37.] В. Н. Перетц обратил внимание и на общность плана рассказа в отдельных местах, и на то, что в обоих памятниках река, на которой происходила битва, называется Каялой.[См. также: Еремин И. П. «Слово о полку Игореве» как памятник политического красноречия Киевской Руси//Слово. Сб.-1950. С.109.] Отказываясь вслед за своими предшественниками от возможности допустить влияние летописи на Слово, В. Н. Перетц склонялся к признанию Слова источником летописного рассказа 1185 г.

Вторую возможность допускал еще К. Н. Бестужев-Рюмин. Не вдаваясь в сравнение Ипатьевской летописи (якобы основанной на особом Сказании о походе Игоря) со Словом, он ограничился простым предположением, что «ни Сказание не служило источником Слова, ни наоборот».[Бестужев-Рюмин К. Н. О составе русских летописей до конца XIV века//ЛЗАК. СПб., 1868. Вып. 4. С. 114–115.] Не усматривал текстологической связи между Ипатьевской летописью и Словом А. И. Никифоров. В летописи, в частности, он не видел ни цитат из Слова, ни сходных ритмических частей. Он считал, что сходство Слова с летописью «главным образом чисто лексическое».[Никифоров. Слово. С. 289–292, 1090–1099.] Это, как мы увидим, не вполне справедливо.

Сравнивая Слово с Задонщиной и Ипатьевской летописью, Д. С. Лихачев находит общие эпизоды во всех трех памятниках. Отсюда он делает заключение: «...если допустить зависимость „Слова“ от „Задонщины“, то мы должны допустить и влияние рассказа Ипатьевской летописи о походе Игоря на „Задонщину“. Это невероятно. Ведь в этом случае мы должны были бы считать, что текст Ипатьевской летописи был известен в конце XIV в. автору „Задонщины“, а самое главное, что автор „Задонщины“ установил ту самую связь между битвой на Калке (надо: Каяле.—А. 3.) Игоря и Куликовской победой, которую А. Мазон приписывает неизвестному фальсификатору XVIII в. При внешнем несхождении событий (в одном случае поражение, в другом — победа) двукратное повторение этой связи крайне неправдоподобно».[Лихачев. Изучение «Слова о полку Игореве». С. 68.]

Разберем аргументацию Д. С. Лихачева. Первый эпизод, на который он ссылается, — произнесение речи героем со слезами в голосе.

Д. С. Лихачев сравнивает «Золотое слово» Святослава с рассказом Ипатьевской летописи и Задонщиной. Он прав, говоря в данном случае о близости Слова к летописному повествованию. Но вот когда он считает, что плачи Дмитрия Донского и Святослава Киевского составлены «в одинаковых выражениях и зависимость одного из них от другого

несомненна»,[Лихачев. 1) Текстология. С. 176; 2) Изучение «Слова о полку Игореве». С. 68.] то он ошибается: никакой текстуальной общности между Словом о полку Игореве и Задонщиной в данном случае нет.

Задонщина: Рече князь великий... прослезился горко и утер слезы (И1) {л. 222}.

Слово: Тогда великий Святславъ изрони злато слово слезами смѣшено.

И когда Д. С. Лихачев пишет, что о плаче Дмитрия Донского нам «ничего не известно» и что он поэтому восходит к Слову о полку Игореве, он ошибается еще раз. Плач в Пространной редакции Задонщины мог быть навеян текстом Сказания о Мамаевом побоище: «Князь же великий... вьсплакася горько и рече».[Повести. С. 66–67] Но вообще же это — средневековый штамп. «С плачем великим и сердечными слезами» произносит свое обращение к Христу и патриарх Анастасий у Пересветова.[Сочинения И. Пересветова / Подготовил текст А. А. Зимин. М.; Л., 1956. С. 148.] Слезы же «от очию яко поток течаше» и у князя Ингваря в Повести о разорении Рязани, когда он произносил свою речь («О милая моя братья»).[Воинские повести. С. 16. Ср.: Fennell. P. 131.] Так что этот эпизод не может свидетельствовать о знакомстве автора Задонщины с летописью. Наблюдение же Д. С. Лихачева о том, что «во всех русских летописях до XV в. нет второго места, где бы говорилось, что князь произносит речь со слезами»,[Лихачев. 1) Изучение «Слова о полку Игореве». С. 68; 2) Когда было написано «Слово»? С. 143. Позднее Д. С. Лихачев признал ошибочность этого утверждения (Лихачев. «Слово» и культура. С. 306).] неверно (см. Повесть временных лет под 1015 г.).

Второе совпадение трех памятников Д. С. Лихачев вслед за Р. О. Якобсоном усматривает в споре ханов Кзы и Кончака и диалоге Мамаю с фрягами из Задонщины. Но если действительно беседы ханов в Слове и Ипатьевской летописи перекликаются между собой, то сходство их с речами фрягов, обращенными к Мамаю, мнимое: в последнем случае даже диалога никакого нет (Мамай фрягам вовсе не отвечает).[Ср.: Fennell. P. 131–132. {Д. С. Лихачев говорит лишь о близости диалога «речам фрягов Мамаю»: Лихачев. Изучение «Слова о полку Игореве». С. 68.}] А то, что в памятниках «речь идет о набеге на Русскую землю»,[Лихачев. Изучение «Слова о полку Игореве». С. 68.] говорит лишь об интересе к теме борьбы русских с «погаными» — и только. И все же какие-то отголоски Ипатьевской летописи в Пространной редакции Задонщины можно обнаружить. Речь идет об упоминании реки Каялы. Д. С. Лихачев считает, что если допустить наличие связи в Слове между битвой при Каяле и сражением на Калке, то придется предположить, что такая связь была еще в Задонщине, а двукратное обращение к столь разнохарактерным событиям маловероятно. Но ведь в предисловии к Задонщине начало всех бед прямо связывается с битвой при Каяле. Поэтому автор Слова мог просто идти вслед за своим источником.[Вероятно, здесь имеется в виду следующее рассуждение Д. С. Лихачева: «Значит, если Каяла есть только в „Слове“, в „Задонщине“ и в рассказе Ипатьевской летописи о походе Игоря Святославича и „Слово“ считать памятником XVIII в., тогда очевидно, что рассказ Ипатьевской летописи как-то повлиял на „Задонщину“ прежде, чем эта последняя снова повлияла на рассказ о том же походе Игоря Святославича в „Слове о полку Игореве“. Ясно, что такое совпадение невозможно». Лихачев. Изучение «Слова о полку Игореве». С. 67 и 68.]

В одной из работ Д. С. Лихачев привел еще три случая сходства трех памятников. Так, в Слове говорится, что Игорь «плъки заворочаетъ», в Ипатьевской он «поиде к полку их, хотя возвротити». В Задонщине «князь полки... поворотил». В Слове говорится о «туге и тоске», в Ипатьевской — о «скорби и туге», в Задонщине — о «бедах и туге». Сходство несомненное, но речь идет в обоих случаях об отдельных словах — «поворотил» и «туга». А оба эти слова настолько часто встречаются в древнерусской литературе, что сами по себе не могут служить доказательством текстуальной близости памятников.[К тому же «туга» в Слове («Киевъ тугою, а Черниговъ напастьми») и Ипатьевской летописи («туга... по всей волости Черниговьской») связана с Черниговом, что сближает именно эти два памятника (Fennell. P. 129–130).]

В последнем из приведенных Д. С. Лихачевым случаев может быть установлена близость Задонщины и Слова («Русские сынове поля... огородиша», «Русичи великая поля... прегородиша»). Но в Ипатьевской летописи говорится о том, что русские войска «яко стенами силами огорожены бяху полкы половецскими».[ПСРЛ. СПб., 1908. Т. 2. Стб. 644. См.: Лихачев. «Текстологический треугольник». С. 305.] «Образ перегороженных полей, — пишет Д. С. Лихачев, — редкий. Больше он нигде не встречается».[Лихачев. Когда было написано «Слово»? С. 143.] Это верно, но относится только к Слову и Задонщине: в Ипатьевской летописи этого образа нет, есть только сходное слово «огорожены».[См. также: Fennell. P. 131; Лихачев. «Текстологический треугольник». С. 304–305.] которое опять-таки само по себе ни о чем не говорит. В предшествующей главе мы показали, что в Пространной Задонщине есть отголоски Ипатьевской летописи, но все они отсутствуют в Краткой и, за исключением Каялы, не имеют параллелей в Слове.

Взаимосвязь Слова о полку Игореве, Задонщины и Ипатьевской летописи Д. С. Лихачев называет «текстологическим треугольником». Именно этот «текстологический треугольник» ясно «доказывает, что не „Слово“ явилось из „Задонщины“, а „Задонщина“ из „Слова“».[Лихачев. Когда было написано «Слово»? С. 142.] Но этот треугольник может быть построен именно в том случае, если одной из вершин его мы будем считать Ипатьевскую летопись. Его одна сторона должна спускаться к Задонщине, другая — к Слову, а третья идти от Задонщины к Слову. Однако Д. С. Лихачев полагает, что непосредственного влияния рассказа Ипатьевской летописи на Задонщину «не могло быть», а на последний памятник оказало воздействие Слово о полку Игореве. Сходство же Слова с Ипатьевской летописью, по его мнению, «объясняется очень просто: оба произведения имели своим сюжетом один и тот же поход Игоря Святославича».[Лихачев. Изучение «Слова о полку Игореве». С. 69.] Но, как мы видели, доводы Д. С. Лихачева для такого вывода явно недостаточны. В последней работе он уточняет: «Оба произведения следовали одному и тому же устному рассказу о его (Игоря.—А. 3.) походе».[Лихачев. Когда было написано «Слово»? С. 144.] Этот вывод Д. С. Лихачев не доказывает, а декларирует, вступая в противоречие с проблемой «треугольника». Ведь речь идет, по словам Д. С. Лихачева, о «схождении» или «совпадении» отдельных выражений между тремя памятниками «в шести бесспорных случаях», что могло быть лишь при текстологической близости всех памятников. Как же это могло произойти, если Слово и летопись не находились между собой в текстологической зависимости? С другой стороны, он же сам обратил внимание на разительное «сходство выражений „утер слез“ и „утер слезы“».[Лихачев. Когда было написано «Слово»? С. 143.] т. е. Ипатьевской летописи и Задонщины (в Слове отдаленнее — «слезами смешено»). Для его объяснения Д. С. Лихачеву придется допустить, что авторы Слова и летописи слышали устный рассказ о том, как плакал князь Святослав, узнавший горестную весть о поражении при Каяле. «Разительное» же сходство выражений — увы — оказалось не между Словом и Задонщиной, а между Задонщиной и летописью, которые, по Д. С. Лихачеву, в текстологической близости не находились. Значит, совпадение выражения «утер слезы» летописи и Задонщины, по Д. С. Лихачеву, придется объяснить всемогущим случаем. [Приводя нашу фразу о трафаретном характере слов «утер слезы», А. Г. Кузьмин находит противоречие между этим утверждением и признанием «разительного схождения» выражений Задонщины и летописи (Кузьмин. Ипатьевская летопись. С. 67–68). Автор не обратил внимания, что в первом случае мною отмечена непоследовательность Д. С. Лихачева исходя из его тезиса о текстологической связи выражений «утер слезы» в летописи и Задонщине. На наш же взгляд, в данном случае мы имеем дело, скорее всего, с типичным литературным клише.] Но мы этому выше предложили иное объяснение, согласующееся и с традициями древнерусской литературы, и со взаимосвязью Задонщины со Сказанием.

В случае с предполагаемой (на самом деле мнимой) связью диалога Гзы и Кончака с речами фрягов к Мамаю Д. С. Лихачев также стоит перед неразрешимыми трудностями:

как эта связь произошла, если она объясняется Д. С. Лихачевым только через Слово, а там ни о каком набеге иноплеменников на Русскую землю в разговоре половецких ханов нет? А вот как: «Возможно, что в нынешнем тексте „Слова о полку Игореве“ до нас дошел не весь диалог первоначального его текста и что вначале он убедительнее связывал все три произведения».[Лихачев. Когда было написано «Слово»? С. 143.] Но так можно доказать все что угодно. Словом, никакого «текстологического треугольника» у Д. С. Лихачева не получилось. Это делает необходимым тщательное сопоставление текста Ипатьевской летописи и Слова. Впрочем, Д. С. Лихачев допускает возможность использования автором Слова сведений Повести временных лет.[Лихачев. Исторический и политический кругозор. С. 9 и след.]

Не вдаваясь в какую-либо аргументацию своих положений, Б. А. Рыбаков источником Слова и рассказа Ипатьевской летописи под 1185 г. считает саму жизнь, рассказы очевидцев и т. п.[Рыбаков, Кузьмина, Филин. Старые мысли. С. 158.] Примыкая к нему, А. Г. Кузьмин сходство отдельных выражений в обоих памятниках склонен видеть в «былинно-песенном штампе», ничем не доказывая эту свою мысль.[Кузьмин. Ипатьевская летопись С. 68–70.]

О влиянии Ипатьевской летописи на Слово говорили в литературе давно. Впервые это вскользь заметил П. Е. Ваденюк.[Ваденюк П. Е. Где нужно искать ту реку, на берегах которой 5 мая 1185 г. был разбит Игорь Святославич Новгород-Северский и которая названа Каялой?//Труды III Археологического съезда в России, бывшего в Киеве в августе 1874 г. Киев, 1878. Т. 2. С. 52.] К нему присоединился И. Н. Жданов.[Жданов И. Н. Литература «Слова о полку Игореве»//Соч. СПб., 1901. Т. 1. С. 436.] О возможности использования в Слове одного из летописных сводов писал А. А. Шахматов.[Шахматов А. А. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 1908. С. 425.]

А. И. Лященко обратил внимание на то, что Слово и Ипатьевскую летопись роднят порядок изложения эпизодов похода 1185 г. и подбор фактов. Он считал, что Слово было написано в 1185 г. дружинником князя Святослава, которому мог быть известен текст киевской летописи с рассказом о походе.[Лященко А. И. Этюды о «Слове о полку Игореве»//ИОРЯС. Л., 1926. Т. 31. С. 137–158.] Но, как доказали А. А. Шахматов и М. Д. Приселков, основную часть летописной записи 1185 г. составляет текст черниговской летописи, а не киевской.

М. Д. Приселков осторожно замечал, что изложение автора Слова находится в явной связи с изложением похода 1185 г. у летописца Игоря, отмечая вместе с тем и близость Слова к другим летописным памятникам.[Приселков М. Д. «Слово о полку Игореве» как исторический источник // Историк-марксист. 1938. № 6. С. 121.] Отличия Слова от Ипатьевской летописи, указанные М. Д. Приселковым, сводятся или к сокращению ее текста (в Слове упоминаются только Гза и Кончак, а не пять половецких ханов), или к влиянию версии Лаврентьевской (и Кенигсбергской) летописи.

В другой работе М. Д. Приселков высказал догадку, что автор Слова о полку Игореве «был знаком с Летописцем своего князя, т. е. Игоря Святославовича». Этот летописный памятник якобы имел извлечения из Повести временных лет, «касавшиеся главным образом Черниговского княжества и Тмутаракани, как Черниговской волости».[Приселков М. Д. История русского летописания XI–XV вв. Л., 1940. С. 52.] Но следы такого «сокращенного» варианта Повести временных лет до нас не дошли ни в одном произведении. М. Д. Приселков их усматривает только в рассказе Слова о битве 1078 г. Автор Слова «хоронит» якобы Изяслава в св. Софии (а не в Десятинной церкви) потому, что подробности его похорон были опущены в источнике, которым он пользовался. Но позднее Ив. М. Кудрявцевым, как мы увидим, было доказано, что ошибочное место похорон князя появилось не в результате осмысления авторами Слова неполного текста летописи, а связано с Софийской 1 летописью. К тому же вообще этот текст, очевидно, не принадлежал творцу Слова.[Подробнее см. главу VII.] Принять гипотезу М. Д. Приселкова мешает и то обстоятельство, что в Слове обнаруживаются черты близости с Ипатьевской

летописью не только в изображении событий, предшествующих походу князя Игоря, но и в описании событий 1185 г. и даже более поздних.

Тесную текстологическую связь рассказа 1185 г. Ипатьевской летописи со Словом установил Р. О. Якобсон, но вопрос о том, чем ее следует объяснить, он оставил открытым. [La Geste. P. 307–311. В послесловии к четвертому тому «Избранных трудов», вышедшему в 1966 г., Р. Якобсон принимает тезис о влиянии Ипатьевской летописи (близкой к «Раскольникову летописцу» В. Н. Татищева) на Слово о полку Игореве (Jakobson R. Retrospect H Jakobson. Selected Writings. P. 689).] Л. В. Черепнин обратил внимание на то, что некоторые тексты Слова восходят к Ипатьевской летописи. [Черепнин Л. В. Слово о полку Игореве как памятник публицистики XII в. (рукопись).] Он считает, что автор Слова прямо полемизирует с летописным рассказом при освещении событий 1185 г. В более ранней работе Л. В. Черепнин находил черты близости между рассказом Ипатьевской летописи за первую половину XIII в. (Летописец Даниила Галицкого 1256–1257 гг.) и Словом о полку Игореве. Он объяснял этот факт как влиянием на оба памятника не дошедшей до нас повести о деяниях князя Романа, так и тем, что все эти произведения входили в единый воинский цикл, составленный в Галиче. [Черепнин Л. В. Летописец Даниила Галицкого // ИЗ. 1941. № 12. С. 236–240.] Наблюдения Л. В. Черепнина о сходстве стиля и отдельных характеристик героев в летописи и Слове заслуживают пристального внимания.

В последнее время тезис о зависимости Игоревой песни от Ипатьевской летописи обосновывал Д. Феннелл. [Fennell. P. 126–137.]

Своеобразную точку зрения высказывал И. П. Хрущев. Он считал, что Слово не народно-эпическое произведение, а книжное. «В Слове, — писал он, — нет черт, переданных очевидцем». [Хрущев И. П. О древнерусских исторических повестях и сказаниях. XI–XII столетие. Киев, 1978. С. 212.] С последним замечанием можно согласиться. Исходя из близости Слова к Ипатьевской и Лаврентьевской (а также Кенигсбергской) летописям, И. П. Хрущев полагал, что автор поэтического произведения использовал не дошедшие до нас северное и южное сказания о походе князя Игоря, которые послужили также основой рассказа обеих летописей. Принять это предположение мешают два обстоятельства. Прежде всего близость Слова к названным двум летописям, как это будет показано ниже, не ограничивается событиями 1185 г., а обнаруживается в более широком круге тем. С другой стороны, и летописные рассказы 1185–1186 гг. имеют все черты предыдущих и последующих записей (в частности, записи черниговского, киевского, переяславского происхождения) и не дают текстологических данных для выделения из их текста особых «сказаний».

Связь текста Ипатьевской летописи со Словом можно обнаружить в четырех аспектах: а) в рассказе о походе Игоря 1185 г.; б) в известиях по истории Руси

XI–XII вв.; в) в лексике памятников; г) в морфологических формах. [Предварительное сокращенное изложение первой части данной главы опубликовано в 1968 г. (Зимин А. А. Ипатьевская летопись и «Слово о полку Игореве» // История СССР. 1968. № 6. С. 43–64). С ответом тогда же выступил А. Г. Кузьмин (Там же. С. 64–87). Автор не смог опровергнуть основного положения моей статьи о структурной и частью текстологической близости обоих рассказов о походе 1185 г., а также не смог объяснить отсутствие в Задонщине общих мест, связующих Слово с летописью (что неизбежно должно было быть, если б Слово было источником Задонщины). Поражает метод спора, предложенный А. Г. Кузьминым. Он не доказывает тезиса о том, что автором Слова был современник, а исходит из него (как само собой разумеющегося) при истолковании текста Игоревой песни. В полемике со мной автор ни в одном случае не показал невозможность или меньшую вероятность предложенного мною объяснения текста Слова. В лучшем случае он предложил Другие из возможных объяснений (как в случае с «дымом», «салтаном»), но и то при априорном признании Слова памятником XII в. Подробнее аргументы А. Г. Кузьмина разбираются ниже. О последних двух аспектах см. главу V.]

Сходство фактической основы и композиции обоих произведений видно из следующей таблицы:

Слово: 1. Вступление (с мотивами, близкими к Задонщине). **Ипатьевская летопись** 1. —

Слово: 2. «Игорь възрѣ на светлое солнце и видѣ... рече Игорь къ дружинѣ своей: „Братие и дружино“». **Ипатьевская летопись:** 2. «Игорь жь възрѣвъ (Х, П възрѣ)[Здесь и ниже: Х — Хлебниковский список Ипатьевской летописи, П — Погодинский.] на небо и видѣ солнце... рече бояромъ своимъ и дружинѣ своей... Братья (Х, П братие) и дружино».

Слово: 3. «Жалость ему знамение заступи». **Ипатьевская летопись:** 3. «Знамению творѣць Богъ».

Слово: 4. Обращение к Бояну (близкое к Задонщине). **Ипатьевская летопись:** 4. —

Слово: 5. «Игорь ждетъ мила брата Всеволода». **Ипатьевская летопись:** 5. «жда два дни брата своего Всеволода».

Слово: 6. «Комони... мои ти готови, осѣдлани у Курьска». **Ипатьевская летопись:** 6. «Тотъ бя шель инемъ путем ис Курьска».

Слово: 7. Речь Всеволода (близкая к Задонщине). **Ипатьевская летопись:** 7. —

Слово: 8. «Нощь стонуци ему грозою». **Ипатьевская летопись:** 8. «Ѣхаша чересь ночь».

Слово: 9. Зловещие предсказания птиц (близкие к Задонщине). **Ипатьевская летопись:** 9. —

Слово: 10. Первая битва. «Съ зарания въ пяткъ потопташа поганья плѣкы половецкыя». **Ипатьевская летопись:** 10. «Заутра же пятѣку наставшу, во обиднее верема усрѣтоша полкы половѣцькиѣ». Расположение полков Игоря, Всеволода, Святослава, Владимира. Описание хода битвы.

Слово: 11. Отступление о «хоробром гнезде Ольговичей», которое «далече» залетело (близкое к Задонщине). **Ипатьевская летопись:** 11. Обращение Святослава Ольговича: «далече есмь гонилъ по половцехъ».

Слово: 12. Гзак и Кончак спешат к Дону. **Ипатьевская летопись:** 12. См. ниже фрагмент № 13.

Слово: 13. Вторая битва. «Другаго дни велми рано» (описание близко к тексту Задонщины). «Дѣти бѣсови кликомъ поля прегородиша» («русский сынове поля широкым кликом огородиша» И1). «4 солнца». **Ипатьевская летопись:** 13. «Свѣтаючи же суботѣ... Собрахомъ на ся землю всю, Кончака и Козу». О четырех князьях см. в описании первой битвы (фрагмент № 10).

Слово: 14. Подвиги кн. Всеволода (текст, близкий к Задонщине). Обращение к нему: «Кая раны дорога брата» (в изд.: братиа). **Ипатьевская летопись:** «Бишася крѣпко ту днину до вевечера (Х, П вечера)... наставши же нощи суботнии и поидоша бѣючися. Бысть же свѣтающе недѣлѣ». «Игорь же... раненъ бяше, поиде к полку ихъ, хотя возворотити к полкомъ... Всеволодъ не мало мужьство покаказа (Х, П показа)».

Слово: 15. Отступление о «веках Трояна». Картина княжеских усобиц. «Съ зарания до вечера, съ вечера до свѣта летятъ стрелы каленыя» (далее — фрагмент Задонщины). **Ипатьевская летопись:** 15. См. фрагмент № 14.

Слово: 16. «Игорь плѣкы заворачаетъ, жалъ бо ему мила брата Всеволода». **Ипатьевская летопись:** 16. «Приблизися Игорь к полкомъ своимъ и перетхата поперекъ... видѣ брата своего Всеволода крѣпко борющася».

Слово: 17. «Бишася день, бишася другый. Третьяго дни къ полуднию падоша стязи Игоревы. Ту ся брата разлучиста на брезѣ быстрой Каялы» («Туту погании разлучишася борьзо». Задонщина, по И1). «Ту кроваваго вина не доста. Ту пирь докончаша храбрии русичи: сваты попоиша». **Ипатьевская летопись:** 17. «Всеволодъ же толма бившеся, яко и оружья в руку его не доста... И тако во день святого воскресения наведе на ня Господь гнѣвъ свой, в радости мѣсто наведе на ны плачь и во веселье мѣсто желю (Х, П жал, причем л выносное) на рѣцѣ Каялы». Покаянная молитва Игоря, «яко много убийство,

кровопролитъе створихъ», т. е. об усобицах. Подробный рассказ о пленении Игоря, Всеволода, Владимира и Святослава. «Кончакъ поручися по свата Игоря». 15 мужей бежало, «а прочии в морѣ истопоша». Пленники «огорожени бяху полкы половѣцскими».

Слово: 18. Отступление о княжеских усобицах. **Ипатьевская летопись:** 18. —

Слово: 19. «Кликну Карна и Жля». **Ипатьевская летопись:** См. фрагмент № 17.

Слово: 20. Отступление о походе кн. Святослава Киевского на половцев, изложенное текстом, близким к Задонщине. Пленение князей («два солнца... и съ ними молодая мѣсяца... и въ морѣ погрузиста»). **Ипатьевская летопись:** «Святославъ... хотя ити на половци к Донови». См. также фрагмент № 17.

Слово: 21. Сон Святослава. Мрачные предзнаменования. **Ипатьевская летопись:** 21. —

Слово: 22. Сообщение бояр о пленении русских князей. **Ипатьевская летопись:** 22. Святослав получает известие о неудаче похода Игоря.

Слово: 23. Святослав «изрони злато слово слезами смѣшено, и рече: „О моя сыновья, Игорю и Всеволоде!...“». **Ипатьевская летопись:** 23. «Святослав... утерь слезь своих и рече: „О любя моя братья и сыновѣ... отвориша ворота на Русьскую землю“».

Слово: 24. «Се у Римѣ (в изд.: Римъ.—А. 3.) кричатъ подѣ саблями половецкими, а Володимиръ подѣ ранами (А уже диво кличет под саблями татарскими. А тем руским богатырем под ранами: Задонщина по И 2). Туга и тоска сыну Пѣброву». Обращения к Всеволоду («Не мыслию ти прелетѣти издалеча»), [Перед походом на половцев, по летописи, дружина говорит Игорю: «княже, потьскы (птичы. — А.3. не можешь перелетети», к тому же приехал к тебе от Святослава «муж» (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 637).] к Рюрику, Ярославу Осмомыслу, Давыду Смоленскому («За землю Рускую») и другим князьям с мотивами, близкими к Задонщине. В том числе помещена фраза «Отворяши Киеву врата». См. также фрагмент № 30. **Ипатьевская летопись:** 24. «Бысть скорбь и туга люта... посла Святославъ ко Давыдови Смоленску, река:..., „Поеди, брате, постережи землѣ Руской“... „Молвяшетъ бо Кончакъ... а Кза молвяшетъ...“. „Половци же вземше городъ Римовъ... Володимѣромъ Глѣбовичемъ, зане бяшетъ ранъ (Х, П ранен) велми». См. также фрагмент № 23.

Слово: 25. Лирическое отступление о Всеславе. **Ипатьевская летопись:** 25. —

Слово: 26. Плач Ярославны в Путивле. **Ипатьевская летопись:** 26. «Половцѣ... пожгоша же и острогъ у Путивля».

Слово: 27. —. **Ипатьевская летопись:** 27. Рассказ о пребывании Игоря в плену.

Слово: 28. Замысел князя Игоря бежать с Овлуром. [Об имени Овлур см. главу V. Имя «Гзак» искусственно создано вместо летописного «Кза» по образцу имени «Кончак» (для создания единой звуковой окраски текста). О его первоначальной форме говорит творительный падеж: «ко Гзѣ» (а не «Гзакови» или «Гзаку»), употребляемый автором Слова (ср. в летописи «на рецѣ Кзѣ»: ПСРЛ. Л., 1926. Т. 1. Стб. 494).] «Игорь спить... Овлуръ свисну за рѣкою... Вежи ся половецкии подвизашася. А Игорь князь поскочи... потече къ луку Донца». **Ипатьевская летопись:** 28. Замысел князя Игоря бежать с Лавромъ. «Князя творяхуть спяща, сии же пришедь ко рѣцѣ и перебреть и всѣде на конь и тако поидоста сквозѣ вежа... до города Донця».

Слово: 29. Разговор Игоря с Донцом. **Ипатьевская летопись:** 29. —

Слово: 30. «Млѣвить Гзакъ... Рече Кончакъ». **Ипатьевская летопись:** 30. См. фрагмент № 24.

Слово: 31. Прибытие Игоря в Киев — «страны ради». **Ипатьевская летопись:** 31. Прибытие Игоря в Новгород-Северский и в Киев «и обрадовашася ему».

Таким образом, в Слове о полку Игореве совпадает с Ипатьевской летописью не только вся фактическая основа рассказа о походе Игоря 1185 г., но и его композиция (с неожиданными переходами от Игоря к Святославу Киевскому, затем в Переяславль и, наконец, снова к Игорю). [В Слове о полку Игореве нет только отступлений церковного характера (о том, что «наведе на ня Господь гнев свой», перечня грехов Игоря и др.), а

также некоторых конкретных подробностей (в описании битвы на Каяле и дальнейших половецких набегов).] Явно обнаруживаются и элементы чисто текстологической близости рассказов. Все это совершенно исключает независимое друг от друга происхождение источников. Автор Слова, если бы он был, как составители летописной записи 1185 г., современником этих событий, не мог бы не прибавить каких-либо новых подробностей о походе князя Игоря. И уж совсем необъяснимо, почему он сохранил летописную последовательность рассказа, которая не вытекает из логики развития событий, а объясняется наличием определенных источников у летописца. Следовательно, близость повествования Слова и летописного рассказа нельзя объяснить сходством описанных событий, а нужно выводить из текстологической связи обоих источников.[О том, что сведения Ипатьевской летописи о походе Игоря принадлежат современнику описанных событий, см.: Позднеев А. В. «Слово о полку Игореве» и летописи//Проблемы истории и литературы Труды Моск. заочн. пед. ин-та Сб статей по русской и зарубежной литературе М., 1961 Вып. 1 С. 5—32]

В последнее время о рассказе 1185 г Ипатьевской летописи писали Б А Рыбаков и А. Г Кузьмин Первый из них трижды касался этого сюжета, но выводы его были различными В 1964 г он считал, что «если исходить из принятых норм научного осмысления источников», то и рассказ летописца, и Слово «восходят к одному источнику — жизни, к описаниям очевидцев Можно согласиться с А А Зиминим, что „Слово“ не было источником летописного рассказа Это явствует из изложенного выше взгляда на независимое происхождение обоих рассказов».[Рыбаков, Кузьмина, Филин. Старые мысли С. 158] Развивая этот взгляд, А. Г. Кузьмин склонен видеть сходство Слова и летописи в «былинно-песенном штампе».[Кузьмин Ипатьевская летопись С. 69–70] А. Г. Кузьмин допускает незначительные следы редактирования единого летописного рассказа («весь основной рассказ составляет более или менее современную запись, сделанную одним автором») Составителем этого рассказа он считает лицо, близкое к Игорю и Святославу «и вообще к Ольговичам». Находит А. Г. Кузьмин в рассказе переяславскую вставку («Володимер же слашеться ко Святославу. поидоша во свояси»)[Кузьмин Ипатьевская летопись С. 74–75, 77.]

К 1971 г. Б. А Рыбаков отказался от своих представлений о взаимоотношении летописного рассказа и Слова (или изменились в его представлении нормы «научного осмысления источников», или он отказался от них вообще) и нарисовал следующую схему В рассказе Ипатьевской летописи нашли отражение три источника: 1. Летопись Рюрика Ростиславича (первая половина статьи 1185 г и второй «переяславский» текст о князе Владимире). 2. Летописец киевского князя Святослава (со слов «В то же время великий князь Всеволодович Святослав»), Он был недоброжелателен к Игорю. 3. Многочисленные вставки, сделанные составителем киевского свода 1198 г морализующего и литературного характера. В них Б А Рыбаков теперь уже находит следы влияния Слова о полку Игореве (в формуле «внука Ольгова», в обращении Святослава со «слезами» и «воротами» на Русь, а также в рассказе о «желе», Жле).[Рыбаков «Слово» и современники С. 170, 194] Эти три случая Б А Рыбаков справедливо называет уникальным словоупотреблением, не имеющим аналогии во всех киевских летописях XII в Итак, начав с отрицания литературной связи Ипатьевской летописи со Словом и с признания целостности летописного рассказа 1185 г, Б. А. Рыбаков пришел к утверждению о наличии между ними непосредственной взаимосвязи и к представлению о рассказе летописи как сумме двух записей, тщательно проредактированной в конце XII в.[Идя дальше в своих размышлениях о Слове, в 1972 г Б. А. Рыбаков же считает что автором Игоревой песни мог быть некий боярин Петр Бориславич, перу которого Б. А. Рыбаков приписывает также Киевский свод 1190 г сохранившийся якобы в фрагментах в своде 1198 г (Рыбаков Русские летописцы С 493–512) [Обоснованию этой атрибуции Б А Рыбаков посвятил книгу «Петр Бориславич. Поиск автора «Слова о полку Игореве». М 1991]

Для нас сейчас не важно, из каких частей составился летописный рассказ 1185 г. Гораздо более существенно то, что сложность его структуры отразилась в конструкции повествования Игорева песни А этого Б. А. Рыбаков объяснить не может, ибо теперь уже не может вывести структуру летописной статьи из ло-Ики похода, а объясняет ее деятельностью сводчика 1198 г., т. е. в общем так же, как А. А. Шахматов и М. Д. Приселков[О. Прицак недавно также пришел к выводу о зависимости Слова от текста Ипатьевской летописи (по его мнению о г Черниговской летописи 1199 г) Он счсхаег что Слово составлено между мартом и августом 1201 г. (Pritsak O The Igor Tale as a Historical Document//The Annals of the Ukrainian Academy 1972 Vol 12 N 1 2 (33–34) P. 59]

При изложении событий 1185 г. летописец не мог черпать сведения из Слова о полку Игорева: в летописном повествовании мы встречаем много конкретных подробностей в описании похода, которых не знает Слово. Эти подробности входят естественно в ткань его рассказа. К тому же совершенно необъяснимо отсутствие текстуальных совпадений в летописи с Задонщиной не только в фактах, но и в лирических местах. Если б Слово было бы источником летописного рассказа, то его общие с Задонщиной места должны были бы проникнуть на страницы летописи.[Споря с этим положением, Б. А. Рыбаков говорит: «По существу, получается... что А. А. Зимин доискивается влияния „Задонщины“ — памятника XIV–XVI вв. — на летопись XII в., что предполагает „обратный ход“ исторического процесса» (Обсуждение одной концепции. С. 130). Из предыдущего ясно, что я пишу о другом — об отсутствии в летописи тех текстов Слова, которые близки к Краткой Задонщине. О том, что Слово о полку Игорева не могло быть источником Ипатьевской летописи, см. также: Никифоров. Слово. С. 289–292.]

Если допустить знакомство составителя рассказа 1185 г. Ипатьевской летописи со Словом, то невозможно объяснить, почему же на страницы летописи не проник ни один поэтический образ этой Песни. Почему, например, при рассказе об осаде Путивля половцами летописец не говорит о Ярославне, которая, по Слову, находилась именно в этом городе. Иначе говоря, характер параллелей Слова с летописью (некоторые факты, термины и конструкции рассказа) не дает основания говорить о влиянии поэтического произведения на летописный рассказ, ибо все эти элементы не составляют специфику Слова как художественного произведения. Необъяснимо и то, что многие события похода 1185 г. изложены в летописи правильнее, чем в Слове (например, время и характер затмения, состав пленных князей и др.).

Если же допустить, что кроме Слова составитель Ипатьевской летописи для рассказа о походе Игоря имел в своем распоряжении источник летописного происхождения, то тогда для Слова не останется места: ибо сходство летописи со Словом обнаруживается прежде всего в фактах и их последовательности, а не в приемах художественного изображения. С другой стороны, необъяснимо текстуальное сходство Слова с летописными записями, помещенными под другими годами (например, о Мстиславе и Редее, о дани «белями», о кагане и др.). Наконец, совсем уже необъяснимо отсутствие в Краткой Задонщине текстов Слова, близких к летописным: если б она использовала текст Слова, то хоть какие-то общие места с летописью должны были бы найти в ней отражение.[Конечно, Слово и летопись — произведения разных жанров. Но в летописи есть целый ряд стилистических оборотов, близких к Слову, а также значительный общий словарный пласт. Поэтому отсутствие в Задонщине следов этих общих мест Слова с летописным весьма показательно.]

Р. О. Якобсон приводит четыре случая из одного фрагмента Задонщины, которые должны показать его близость к одному из фрагментов Слова и вместе с тем связь Ипатьевской летописи со Словом.[Jakobson R. The Puzzles of the Igor' Tale on the 150th Anniversary of its First Edition//Speculum. 1952. January. Vol. 27. P. 59–60. В последней работе Р. О. Якобсон ничего к этим примерам не прибавил. Он указал лишь еще на совпадение в трех памятниках слов «борзо», «ехать», «туга», «падение» (Ипатьевская летопись) и «падоша» в Слове и Задонщине (Jakobson. Selected Writings. P. 669, 672, 673).

Эти слова, вырванные из контекста и распространенные в русской средневековой литературе, не могут доказать текстуальную взаимосвязь памятников.] Вот они:

Ипатьевская летопись: 1. Бишася крепко ту днину... {с. 641} **Задонщина:** 1. Гораздо на них поворотил {л. 73} **Слово:** 1. Игорь плъкы заворочаетъ, жаль бо ему мила брата Всеволода.

Ипатьевская летопись: 2. Игорь... хотя возворотити к полкомъ... {с. 642} **Задонщина:** 2. И начя их бити гораздо, тоску им подаваше {л. 73} **Слово:** 2. Бишася день, бишася другый. Третьяго дни къ полудню

Ипатьевская летопись: 3. Игорь... не видиль падения брата своего... {с. 642} **Задонщина:** 3. И князи их с коней спадоша, а трупы татарскими поля насеаше, а кровию их реки протекли {л. 73} **Слово:** 3. падоша стязи Игоревы.

Ипатьевская летопись: 4. И полку розведени быша... {с. 644} **Задонщина:** 4. Тутю погании разлучишася {л. 73} **Слово:** 4. Ту ся брата разлучиста...

Итак, перед нами два целостных отрывка Слова и Задонщины и всего лишь выдержки из большого рассказа летописи.

В первом случае Ипатьевская летопись близка ко второму отрывку Слова, а во втором — к первому отрывку Слова. В остальных двух случаях можно отметить только текстологическую связь Слова с Задонщиной, но уже с Ипатьевской такого взаимоотношения с нею установить здесь никак нельзя. Сходство корней в словах «падения» (летопись) по сравнению с «спадоша» (Задонщина) и «падоша» (Слово), а также «бишася» (Слово и летопись) с «бити» (Задонщина) ничего не дает, ибо сами эти слова обычны для описания сражений. Сходство слов «поворотил» и «за-ворочаетъ» не показывает текстологической близости отрывков Задонщины и Слова, ибо в данном случае Слово в целом совпадает с другим фрагментом этой повести о Куликовской битве. [Ср. «что шумит, что гримит рано пред зарями? Князь Владимир полки (в ркп. паки) уставляиает» (Задонщина, И1, л. 218 об.); «Что ми шумить, что ми звенить давеча рано пред зорями? Игорь плъкы заворочаетъ» (Слово). Во втором случае Слово также близко к другому фрагменту Задонщины («Из утра билися до полудня»). См. главу II, фрагмент № 14. Критику этого сопоставления Якобсона см. также: Fennell. P. 128–129.] Итак, данных для установления зависимости Ипатьевская летопись — » Слово — » Задонщина (в последнем звене) у нас нет.[См. также замечания: Fennell. P. 131–133.]

Рассказ 1185 г. в Ипатьевской летописи состоит из фрагментов, взятых из трех летописцев: черниговского, киевского и переяславского. Весь рассказ о походе русских князей на половцев в 1185 г. восходит к летописцу Игоря Святославича, т. е. к черниговскому.[Игорь Святославич с 1198 г. был черниговским князем. Здесь и ниже перевод летописных дат на современное летосчисление чисто условен, особенности мартовского и ультрамартовского стилей не учитываются (6706–5508 = 1198).] Но вот после взятия князя в полон действие неожиданно перемещается в Киев, и героем повествования становится Святослав Всеволодович («В то же время великий князь Всеволодичъ Святослав шел бяшетъ в Корачев»). Киевский источник Ипатьевской летописи говорит о сборах русских князей, узнавших о поражении Игоря, в новый поход против половцев («Ярослав совокупив вой свои стояшетъ»). Однако далее происходит новая перемена декораций, и читатель знакомится с обстоятельствами набега половцев на Переяславль и Римов («Поганые же половци победивъше Игоря... и возвратишася во свояси»). Этот целостный фрагмент восходит к переяславскому летописцу Владимира Глебовича.[Летописец Владимира Глебовича оканчивался некрологом этому князю, помещенным под 1187 г.] И только после него в Ипатьевской летописи помещается продолжение первого (черниговского) рассказа, связанного с переяславским отрывком довольно неуклюжим переходом («Игорь же Святославлич в тот год бяшетъ в половцех»). Возвращение Игоря из полоня дается по черниговскому источнику.[В фразе «но яко же преже рекохом, возвратишася от Переяславля половци» также есть следы редактора, объединившего все фрагменты («яко же преже рекохом»)].

Общая последовательность событий рассказа 1185 г. выдержана хронологически, но не за счет единой линии повествования, а за счет комбинации сведений, относящихся к судьбам разных героев (Игорь, Владимир Переяславский, Святослав Киевский).

Наши соображения о конструкции летописной статьи 1185 г. вызвали возражения Б. А. Рыбакова. Он задает вопрос: «Разве изменился бы порядок событий от местожительства автора? А. Зимина удивил „неожиданный“ переход к Переяславлю, но ведь это Кончак после разгрома Игоря неожиданно оказался под стенами Переяславля, а Святослав только лишь после этого мог выступить против Кончака». Ни один из эпизодов летописного рассказа, по мнению Б. А. Рыбакова, «не может быть сдвинут со своего места». Следовательно, конструкция летописного повествования не зависит от места написания. [Рыбаков, Кузьмина, Филин. Старые мысли. С. 159.] Но Кончак, по летописи, оказался под стенами Переяславля не просто после пленения Игоря, а после призыва Святослава, обращенного к князю Давиду, выступить в поход на половцев. Значит, эпизоды летописной статьи можно переставить, и их взаимосвязь не органична. Можно было бы рассказать, например, сначала о походе Кончака к Переяславлю, а затем о сборах русских князей, призыве Святослава и их движении на помощь Владимиру Переяславскому.

В рамках данной работы нет основания останавливаться на размышлениях А. Г. Кузьмина, касающихся происхождения статьи 1185 г. Ипатьевской летописи. Этот автор пользуется, если так можно выразиться, «вероятностным», а не источниковедческим методом исследования летописного текста, изолируя его от истории южнорусского летописания XII в. в целом. Впрочем, и он признает наличие в статье 1185 г. сведений переяславского и киевского происхождения, уклоняясь от решения вопроса о существовании «летописца Игоря». [Кузьмин. Ипатьевская летопись. С. 70–77.] Общее же его положение нечетко: «Только в случае бесспорной доказанности того, что статья 1185 г. не отражала современной записи, рассуждение о зависимости текста „Слова“ от летописи может иметь отношение к вопросу о времени его создания». [Кузьмин. Ипатьевская летопись. С. 77.] Но почему же? Рассказ летописи может быть современным событиям, может представлять собою позднейшую обработку сведений очевидцев и т. п. В любом случае он может быть (и не быть) источником Игоревой песни. Т. е. кроме вопроса о современности самой записи важно знать, в каком виде этой записью мог воспользоваться предполагаемый автор Слова (непосредственно или в составе позднейшей летописи).

Конечно, если взять запись 1185 г. изолированно от других, то все переходы от одного источника к другому можно было бы объяснить особенностями летописной манеры изложения рассказов очевидцев. Однако так как наличие трех источников установлено не только для 1185 г., но и для других записей 70–80-х гг. XII в., то и в данном конкретном случае переходы от описания деятельности Игоря к рассказу о Святославе, а затем о Владимире Глебовиче следует объяснить сменой источников, находившихся в распоряжении сводчика.

Объединение трех названных летописей произошло, как показали исследования А. А. Шахматова и М. Д. Приселкова, в 1200 г. [Шахматов А. А. Обзорение русских летописных сводов XIV–XVI вв. М.; Л., 1938. С. 69–74; Приселков М. Д. История русского летописания XI–XV вв. С. 47–51. О трех источниках рассказа 1185 г. см.: Добрушкин Е. М. Летописные рассказы о походе русских князей на половцев 1185 г. // Учен. зап. Казанск. гос. пед. ин-га. 1969. Вып. 71; Вопросы историографии и источниковедения. Т. 4. С. 261–271. Б. А. Рыбаков летописную повесть о походе князя Игоря 1185 г. связывает с кругами, близкими ко князю Рюрику Ростиславичу, датируя ее 1188–1192 гг. (Рыбаков Б. А. Киевская летописная повесть о походе Игоря в 1185 г. // ТОДРЛ. Л., 1969. Т. 24. С. 58–63), позднее он говорит уже о своде 1190 г. (Рыбаков. Русские летописцы. С. 182).] Поэтому Слово о полку Игореве не могло возникнуть раньше начала XIII в. [В летописном рассказе 1185 г. Игорь назван «сватом» Кончака. Поэтому А. И. Лященко предполагал, что вопрос о браке Владимира с Кончаковною был решен еще до похода Игоря 1185 г., именно поэтому в летописи Игорь называется сватом Кончака (Лященко А. И. Этюды о «Слове о полку

Игоре»». С. 140; Лихачев Д. С. Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.; Л.: 1947. С. 191; Будовниц И. У. Общественно-политическая мысль Древней Руси (XI–XIV вв.). М., 1960. С. 220). Но допустить, чтобы подобное сватовство имело место в 1180–1182 гг., т. е. до 1183 г. (когда Игорь с Кончаком стали врагами), в той же мере возможно, сколь логично предположение, что рассказ 1185 г. был просто написан или отредактирован уже после 1187 г., т. е. после женитьбы Владимира.] Кстати, сравнение Слова с композицией рассказа 1185 г. Ипатьевской летописи показывает, что нет никакой необходимости производить в начале Слова (речь идет о тексте «О Бояне, соловию... а князю славѣ»)[Гудзий Н. К. О перестановке в начале текста «Слова о полку Игореве»//Слово. Сб.-1950. С. 249–254; Рыбаков. «Слово» и современники. С. 37–38.] какую-либо перестановку. В Слове обращение Игоря к дружине после затмения солнца (фрагменты № 2, 3), как и в Ипатьевской летописи, предваряет рассказ об ожидании «мила брата Всеволода» (фрагменты № 5, 6), а не следует за ним, как получилось бы, если принять перестановку А. И. Соболевского, Н. К. Гудзия и Б. А. Рыбакова. Непоследовательность изложения в Слове объясняется лирическими отступлениями автора (фрагмент № 4).[Этим интересным соображением поделился со мной в устной беседе А. С. Орешников.]

Автор Слова старался держаться близко к тексту своего источника не только при описании похода 1185 г., но и в характеристиках исторических событий и лиц, которых ему приходилось касаться. Если бы он отходил от своих источников, измышлял факты и создавал новые художественные образы, то исследователь находился бы в затруднительном положении: нужно было бы установить, являлись ли эти индивидуальные черты произведения отзвуком не дошедших до нас памятников, сведений очевидцев или они появились как плод художественного вымысла. Точное следование известным нам источникам, отсутствие в Слове каких-либо новых фактов показывает, что его автор — писатель, не являвшийся современником тех событий, которые он изображал. Все расхождения его с Ипатьевской (и Кенигсбергской) летописью объясняются или ошибочным толкованием летописного материала, или художественным обобщением образов и событий в Слове.

В 1948 г. А. В. Соловьев, а в 1950 г. Д. С. Лихачев выступили с большими статьями, в которых показали широкий исторический и политический кругозор автора Слова о полку Игореве.[Соловьев. Политический кругозор. С. 71 —103; Лихачев. Исторический и политический кругозор. С. 5—52.] Оба исследователя привлекли значительный материал, почерпнутый в первую очередь из русских летописей, чтобы доказать осведомленность автора Слова в событиях как истории Руси X–XI вв., так и перипетиях междукняжеских отношений конца XII в. Однако эти исследователи не ставили перед собой задачи определить, мог ли этим комплексом сведений располагать современник похода Игоря 1185 г. или лицо, писавшее одно или даже несколько столетий спустя. Посмотрим, что отвечает Слово о полку Игореве на этот вопрос.

Вот перед нами герои событий 80-х гг. XII в. Наряду с князем Игорем Святославичем Новгород-Северским в Слове выступает его супруга Ярославна. Имени княгини Игорева песнь не знает. Под 1183 г. в Ипатьевской летописи автор Слова мог прочитать, что шурином князя Игоря был Владимир Ярославич Галицкий.[«Володимерь Ярославичъ Галичскій, шюринъ Игоревъ» (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 633).] Из летописи, следовательно, он мог заключить, что отчество супруги князя Игоря — Ярославна. Без имени она осталась, очевидно, потому, что в Ипатьевской летописи (как, впрочем, и в других источниках) о ней не упоминалось вообще. В форме «Ярославна» нельзя увидеть и особого подчеркивания достоинств Ярослава «Осмомысла» (т. е. «Грешника»). Замужних княгинь летописцы XII–XIII вв. иногда называли по имени мужа («Глебовая Дюргевича», «княгыни Святополчая», «княгиня Святослава Ольговича», «Глебовая Рязанская», «княгини Всеволожая», «княгини великая Романовая»)[ПСРЛ. т. 2. Стб. 289 (1125 г.), 468 (1154 г.), 525 (1166 г.), 612 (1179 г.), 726 (1208 г.)]. Поэтому Д. С. Лихачев ошибается, когда

говорит: «Утверждение, что летописец XII–XIII вв. называл иногда княгинь по имени мужа, а не по имени отца, лишено оснований» (Обсуждение одной концепции. С. 127).] но не по имени отца. По отцу назывались княжны, как правило, только при выдаче замуж. [Под 1106 г. «поя Володимеръ за Гергия Епиопину дщерь... а Олег поя Акаепиду дщерь» (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 259). Под 1112 г. «ведоша Володимерьну Офимью въ Угры за короля» (Там же. Стб. 273). Под 1122 г. «ведена Мьстиславна въ Грѣкы за царь», «привезоша из Новагорода Мьстиславу жену другую Дмитровну Завидову внуку» (Там же. Стб. 286). Под 1156 г. «повелѣ Дюрги Мьстиславу... женитися Петровною Михалковича» (Там же. Стб. 482). Под 1187 г. «приде... с Коньчаковною и створи свадьбу» (Там же. Стб. 659). Тот же смысл и в рассказе 1179 г., когда «приведе Святославъ за Всеволода... жену из Ляховъ Казимѣрну» (Там же. Стб. 612).]

Только в исключительных случаях упоминается имя отца умершей княгини. Так, в южнорусском источнике Московского свода конца XV в. под 1166 г. говорилось: «умре Андрѣвна за Олгомъ Святославичем: он же другую поять Ростиславлю дщерь Мьстиславича».[ПСРЛ. М.; Л., 1949. Т. 25. С. 74. В Ипатьевской летописи под 1167 г. только: «умре Андрѣвна за Олгомъ за Святославичем» (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 527).] Здесь надо было подчеркнуть происхождение умершей княгини в связи с тем, что князь Олег вступил сразу же во второй брак. Под 1158 г. упоминается даже княгиня «Ярославна» («преставися Софья Ярославна, Ростиславля Глебовича»).[ПСРЛ. Т. 2. Стб. 491. Сведение 1202 г. о смерти Ефросинии Борисовны («преставися... Борисовна») неясно (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 417). Но похоронена она со своим отцом.] Но в данном случае указывалось также и имя княгини, и то, что она была супругой князя Ростислава. Это случаи исключительные. Общий принцип оставался нерушим: княжны назывались по имени отца, княгини — по имени мужа. Поэтому, назвав жену Игоря «Ярославной», автор Слова хотел сохранить летописную форму наименования, но погрешил против самого существа древнерусской традиции: по имени отца замужние женщины, как правило, не назывались.

В Слове по отчеству названа и «хоть» (возлюбленная) князя Всеволода «Глебовна», отец которой вовсе ничем выдающим себя не проявил. Никаких сведений о ней в источниках не сохранилось. Но зато Ефимья «Глебовна», невеста «царевича», появляется в Ипатьевской летописи под 1194 г.[ПСРЛ. Т. 2. Стб. 680. Заметим, что во всех случаях, когда упоминалась замужняя княгиня по имени отца, речь шла о ее смерти. Без каких-либо доказательств А. Г. Кузьмин считает, что «в именовании по отчеству ощущается хоть какое-то признание самостоятельности личности женщины. В наименованиях же „Глебовая“, „Святополчая“, „Романовая“ звучит указание на принадлежность» (Кузьмин. Ипатьевская летопись. С. 78).] Имена Ярославны («Ефросинья») и Глебовны («Ольга») восходят к «поколенной росписи», приложенной к изданию Слова 1800 г., и основываются не на летописных памятниках, а на генеалогической литературе XVIII в.[В примечаниях к первому (Екатерининскому) переводу Слова А. И. Мусин-Пушкин ошибочно писал, что «княгиня Ярославна — супруга младого Владимира», но в предисловии ко второму переводу у него уже фигурирует «супруга Игоревы Ефросинья Ярославна» (Дмитриев. История первого издания. С. 326, 336).] Не находит документального подтверждения и дата «второго» брака Игоря (1184 г.).[Происхождение этой даты нетрудно установить: под 1184 (6692) г. у В. Н. Татищева упомянут «шурин Игорев» Владимир Ярославич (Татищев. История Российская. М., 1773. Кн. 3. С. 258. Ср.: То же. М.; Л., 1964. Т. 3. С. 133). Здесь у Татищева сдвиг на один год по сравнению с Ипатьевской летописью. М. И. Михайлов считает, что и старое представление о двух браках князя Игоря имеет право на существование, ибо и у Екатерины II «могли быть» не дошедшие до нас источники, и у издателей Слова (Михайлов М. И. Ярославна от «Слова о полку Игореве» (За някои особенности на образа) // Трудове на Висшия педагогически институт «Братя Кирил и Методий» във Велико Търново за 1965/1966 г. София, 1966. Т. 3, кн. 1, № 4. С. 113–130). Доводы его неубедительны. О том, что Ярославна была единственной женой Игоря, писали: Плаутин С. П. Слово о полку Игореве. Париж, 1958. С. 60; Соловьев. Восемь

заметок. С. 378–382.] которую приводят некоторые исследователи Слова. Сведение о женитьбе Игоря Святославича на Ефросинии Ярославне в 1184 г. появилось на страницах «Родословника» (1793 г.), составленного в канцелярии Екатерины II. [Екатерина II Записки касательно Российской истории. СПб., 1801. Ч. 5. С. 140. 159. Здесь, в частности, помещена фраза о том, что «по Дунаю грады Ярослав укрепил», которая восходит к Татищеву.] Его основой был рассказ В. Н. Татищева. Само имя «Ефросиния» часто встречается на страницах летописей, [Так звали в иночестве сестру Всеволода Суздальского, умершего в 1181 г.] что и могло привлечь внимание составителей «Родословника», назвавших этим именем супругу князя Игоря.

В Любецком синодике упомянуты некий великий князь черниговский инок Феодосий с женой Ефросиньей. [Зотов Р. В. О черниговских князьях по Любецкому синодику и о Черниговском княжестве в татарское время // ЛЗАК за 1882–1884 гг. СПб., 1893. Вып. 9. С. 41. Предположение А. В. Соловьева о том, что Екатерина «имела в руках копию Любецкого синодика», ни на чем не основано (Соловьев. Восемь заметок. С. 379).] Каково было имя этого князя «в миру», неизвестно. Л. А. Дмитриев спрашивает: «может быть, Феодосий — иноческое имя, принятое Игорем перед смертью?». [Дмитриев Л. А. Важнейшие проблемы исследования «Слова о полку Игореве» // ТОДРЛ. Л., 1964. Т. 20. С. 129.] На этот вопрос можно ответить отрицательно, ибо в рукописях синодика Игорь носил другое церковное имя — Георгий. [Зотов Р. В. О черниговских князьях... С. 41–42. Если даже допустить (что, на наш взгляд, невозможно), что монашеское имя Игоря — Феодосий, то и тогда «Ефросинья» будет не светским, а иноческим именем его супруги (Феодосий и Ефросиния упоминаются в синодике вместе).]

Более решителен в своих рассуждениях Д. С. Лихачев. Если А. В. Соловьев в осторожной форме полагает, что у Екатерины II могла находиться копия Любецкого синодика, то Д. С. Лихачев без каких-либо новых аргументов прямо пишет: «В бумагах Екатерины II был Любецкий синодик». Если Л. А. Дмитриев считает, что встречающееся в Любецком синодике имя жены некоего князя — инока Феодосия Ефросинья могло относиться к супруге Игоря, то Д. С. Лихачев уже прямо пишет, что в Любецком синодике «жена Игоря значится под именем Ефросиньи». И в то же время через несколько строк замечает: «Что же касается до имени Ярославны — Ефросинья, то теперь ученые имеют все основания сомневаться в точности этого упоминания». [Лихачев. Когда было написано «Слово»? С. 150.] В чем же тут дело? В ошибке Любецкого синодика? А когда Д. С. Лихачев считает, что на основании синодика «в конце XVIII века легко было назвать Ярославну по имени» со ссылкой на В. Н. Татищева, то он ошибается дважды: Татищев имени Ярославны вообще не упоминает, [Л. А. Дмитриев прав, когда пишет, что «Татищев упоминает о встрече Игоря с женой после бегства из половецкого плена, однако нигде имени жены Игоря не называет» (Дмитриев Л. А. Важнейшие проблемы... С. 128).] а отождествление Ярославны с женой князя — инока Феодосия представляет собой всего лишь догадку исследователей середины XX в., а не сведение синодика. [См. также: Творогов О. В. На ком были женаты Игорь и Всеволод Святославичи // ТОДРЛ. СПб., 1993. Т. 48. С. 48–51.]

В последнее время Б. А. Рыбаков продолжает называть Ярославну Ефросиньей, не приводя никаких доказательств подлинности ее имени. [Рыбаков. «Слово» и современники. С. 229.]

Кроме самого Игоря и его супруги (Ярославны) автор Слова упоминает молодых княжичей — Владимира, Олега и Святослава Игоревичей. Владимир Игоревич был сыном именно Ярославны. Во всяком случае именно его пригласили на княжение галицкие бояре в 1202 г., т. е. после смерти Романа. [ПСРЛ. Т. 2. Стб. 718.] Это, возможно, произошло потому, что Владимир был внуком галицкого князя Ярослава Осмомысла и, следовательно, сыном Ярославны.

В Слове говорится, что с Игорем «погасоста» (в данном случае — попали в полон) «молодая месяца, Олегъ и Святъславъ». Судя по контексту, речь должна идти о двух

сыновьях новгород-северского князя, попавших в плен. Но тогда странен пропуск среди погасших княжичей-месяцев Владимира Игоревича, несомненного участника похода 1185 г., при наличии малолетнего Олега, родившегося, по Ипатьевской летописи, в 1174/75 г. (на три-четыре года позднее Владимира, родившегося в октябре 1171 г.), и Святослава (родился в 1176/77 г.).[ПСРЛ. Т. 2. Стб. 562, 600, 604. Даты уточнены по Н. Г. Бережкову (Бережков Н. Г. Хронология русского летописания. М., 1903. С. 182, 193, 197). По А. А. Потебне, И. П. Еремину и Р. О. Якобсону, имена Олега и Святослава — позднейшая вставка (Потебня. Слово. С. 93; Jakobson R. *La Geste du Prince Igor'* // Jakobson. *Selected Writings*. P. 155). Под «месяцами» тогда понимаются Владимир и Святослав Рыльский. С известными колебаниями к этому присоединяются О. В. Творогов и В. П. Адрианова-Перетц (Адрианова-Перетц. «Слово». С. 133). Изымая предполагаемую интерполяцию, О. В. Творогов добивается согласования данного текста с упоминанием о четырех участниках похода и ликвидирует излишнюю конкретизацию метафоры (Творогов О. В. Комментарии // Слово-1967. С. 500–501)..] Об Олеге Игоревиче летописи позднее вовсе молчат. А. В. Соловьев считает, что, возможно, в Слове переписчиком допущена была ошибка,[Соловьев. Политический кругозор. С. 74.] а Д. С. Лихачев видит в тексте «сознательный пропуск», вызванный известиями о женитьбе Владимира в плену на Кончаковне.[Слово-1950. С. 428.] Однако в конце Слова его автор провозглашает славу Владимиру, и умалчивать о нем на протяжении всего произведения не было необходимости. Святослава многие комментаторы связывают с племянником Игоря Святославом Рыльским.[Л. Е. Махновец полагал, что речь шла о Святославе Рыльском, так как Олег и этот Святослав больше в летописи не упоминаются, т. е., по его мнению, они погибли (Махновец Л. Е. Из досліджень «Слова о полку Ігоревім»//Радянське літературознавство. 1958. № 1. С. 39–42). Но, по Кенигсбергской летописи, Игорь выехал из Новгород-Северска с двумя сыновьями.] Но наименование «месяц» (т. е. «księżyc» — княжич») скорее имеет в виду сына Игоря Святослава.[Орлов. Слово. С. 118.] В походе 1185 г., по Лаврентьевской (Кенигсбергской) летописи, принимали участие всего два сына Игоря.[Б. А. Рыбаков считает сведение о двух сыновьях Игоря, взятых им в поход, ошибочным, ибо Олегу было тогда 10–11 лет, а «таких отроков в опасные походы не брали» (Рыбаков. «Слово» и современники. С. 197, 229). {См. также: Моисеева Г. Н. О времени создания «Слова о полку Игореве»// РЛ. 1985. № 4. С. 15–20; Демкова Н. С. Из комментариев к «Слову о полку Игореве»//ТОДРЛ. Л., 1990. Т. 43. С. 119–123.}] Очевидно, ими были Владимир и Олег. Святослава назвал автор Слова по ошибке, спутав его с племянником Игоря.

Обращение киевского князя Святослава к Игорю и Всеволоду в Слове начинается словами: «О моя сыновчя!». «Сыновец» в древнерусском языке — племянник, сын брата.[Срезневский. Материалы. Т. 3. Стб. 871.] Но оба названных князя были не племянники, а двоюродные братья Святослава Всеволодовича. Происхождение этой ошибки связано с пристрастием автора к причудливым («старым») словесам. В начале рассказа Ипатьевской летописи о походе Игоря 1185 г. говорится: «В то же время Святославичь Игорьь, внукъ Олговъ, поѣха из Новагорода... поимай со собою брата Всеволода ис Трубечка и Святослава Олговича, сыновця своего, изъ Рылска».[ПСРЛ. Т. 2. Стб. 637–638.] Не поняв истинный смысл слова «сыновец», автор Песни об Игоревом походе вложил его в уста другого Святослава, двоюродного брата Игоря.

А. Г. Кузьмин вслед за А. В. Соловьевым и В. П. Адриановой-Перетц считает, что в Слове «обращение отражает не родственные, а феодальные отношения».[Адрианова-Перетц. «Слово» и памятники. С. 136; Кузьмин. Ипатьевская летопись. С. 79.] Действительно, в летописях слова «отец», «брат» употребляются в фео-дально-иерархическом смысле. Но ни разу там подобным образом не используется слово «сыновец».[См. также: Котляр М. Ф. Загадка Святослава Всеволодовича Київського // Український історичний журнал. 1967. № 6. С. 109.] Думается, что автор Слова отождествлял «сыновца» с «сыном». Именно поэтому для него Игорь и Всеволод

«сыновцы» Святослава (они действительно дети Святослава, но другого). Сам же Святослав Киевский ошибочно оказался отцом этих князей.

По Слову, буй-тур Всеволод предстает перед нами как курский князь («а мои ти куряни свѣдоми кѣмети»). Однако исторический князь Всеволод Святославич княжил в Трубчевске («брата Всеволода ис Трубечка»). [ПСРЛ. Т. 2. Стб. 638.] Сдвиг в представлениях автора Слова мог произойти из переосмысления того, что, по летописи, князь из Трубчевска шел навстречу с Игорем у Оскола через Курск («инемь путем ис Курьска»), [Б. А. Рыбаков считает, что в Слове «сказано только, что курские полки составляли авангард войск Всеволода» (Рыбаков, Кузьмина, Филин. Старые мысли. С. 159). Но в Слове ясно говорится, что куряне входили в состав войск Всеволода, т. е. его власть распространялась на Курск («мои куряне»).] ср. в Слове: «комони... осѣдлани у Курьска»). О принадлежности Курска к владениям Всеволода (на чем настаивает А. Г. Кузьмин) [Кузьмин. Ипатьевская летопись. С. 70.] у нас никаких сведений нет. Д. С. Лихачев считает, что «сообщение об этом „Слова“ очень вероятно. Прежде всего отметим, что нет сведений о том, что Курск принадлежал другому князю. Известно, однако, что Курск входил в число владений ближайших родственников Всеволода — отца и брата». [Лихачев. Когда было написано «Слова»? С. 151.] То, что этот город принадлежал отцу Всеволода и его брату Олегу, еще не означает, что его следует связывать с самим «буй-туром». Сила аргумента *ad silentium*, как правило, ничтожна. Факт же то, что в 1185 г. Всеволод был трубчевским, а не курским князем.

Близость образа буй-тура Всеволода к князю Владимиру Андреевичу Задонщины трудно оспорима. Но Владимир Серпуховской был подлинным героем битвы на Куликовом поле. Это хорошо известно по разным источникам. Гораздо сложнее обстоит дело со Всеволодом. По Слову, он выступает не только на «равных» с Игорем («два сокола слѣтѣста съ отня злата стола»). Он — главный герой битвы с половцами. Где бы ни поскакал буй-тур, «тамо лежать поганья головы половецкыя». Иная картина рисуется в летописях. По Лаврентьевской (и Кенигсбергской) летописи, действуют Игорь и вообще «Олговы внуци», ни один из этих «внуков» не выделен. По Ипатьевской — весь поход связан с именем Игоря. Остальные князья просто перечисляются «на равных». Только однажды летописец вскользь бросает, что «Всеволодъ немало мужьства показа». Под 1196 г. Всеволод характеризуется как наиболее храбрый князь среди Ольговичей. [«Во Ольговичехъ всихъ удалѣе рожаемь... и можьствоною доблестью» (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 696).] Эти глухие упоминания и дали основание автору Слова сблизить образ героя Куликовской битвы Владимира Серпуховского с одним из русских князей, участников сражения при Каяле. Но летописный материал ничего не имеет общего с безудержной идеализацией буй-тура, сделанной по канонам Задонщины.

Так обстоит дело с участниками похода 1185 г. Впрочем, и сами его события изложены не вполне точно. С. В. Шервинский даже прямо считает, что Слово не может быть источником достоверных исторических сведений о походе Игоря. [Шервинский С. В. Похід Ігоря на половців в вторичному і поетичному висвітленні // Радянське літературознавство. 1962. № 1. С. 62–74.]

В Слове неверно изложена цель Игорева похода. Князь, оказывается, стремится «испита шеломомъ Дону» или «поискати града Тьмотороканя». Д. С. Лихачев так и пишет: «Окрыленный предшествующими победами Святослава, он ставит себе безумно смелую задачу — с немногими собственными силами „поискать“ старую черниговскую Тмоторокань». [Лихачев. Слово-1955. С. 49.] По Н. К. Гудзию, также северские князья «надеялись, видимо, отвоевать у половцев утраченную Тмутаракань». [Гудзий Н. К. История древней русской литературы. 5-е изд. М., 1963. С. 120.] Однако видный военный историк В. Г. Федоров убедительно доказал, что «поход Игоря в 1185 г. преимущественно был набегом... рассчитанным на внезапность и на отсутствие больших половецких сил». [Федоров В. Г. 1) Военные вопросы «Слова о полку Игореве». М., 1951. С. 41; 2) Кто был автором «Слова о полку Игореве» и где расположена река Каяла. М., 1956. С. 7.] Эту точку

зрения подтвердил новыми аргументами А. В. Позднеев.[Позднеев А. В. «Слово о полку Игореве» и летописи. С. 24–32.] Если сам поход Игоря 1185 г. не был каким-либо значительным эпизодом в русско-половецких отношениях, то факт полонения князей, возглавлявших русскую рать, произвел большое впечатление на летописца. Автор же Слова о полку Игореве, следовательно, хотел приписать своему герою крупные внешнеполитические задачи, явно преувеличивая цели одного из обычных для XII в. набегов северских князей.[О. Сулейменов тонко подметил ту роль, которую мог придавать походу Игорь в своем противоборстве с киевским князем Святославом (Сулейменов О. Аз и я. Алма-Ата, 1975. С. 94).] Современник же похода несомненно должен был знать его цель.[Обзор различных точек зрения на цели похода и его маршрут см.: Бобров А. Г. Поход Игоря Святославича на половцев в 1185 г.//Энциклопедия. Т. 4. С. 160–169.]

В Ипатьевской летописи говорится, что битва 1185 г. с половцами происходила в районе реки Донца («хотяхуть бо быющеся доити рѣкы Донця»). Правда, в одном месте сказано о намерении князя Святослава пойти в поход на «половци к Донови». Это дало основание автору Слова, имевшему в своем распоряжении Задонщину, создать обобщенный образ «великого Дона» — цель походов русских князей 1185 г.[См. об этом также главу II. Основанием для этого отождествления Донца с Доном мог быть и рассказ Татищева, говорящего, что в древности «Донец Доном называли» (Татищев. История Российская. М.; Л., 1963. Т. 2. С. 259). Стремясь сохранить древний колорит произведения, автор и назвал Донец Доном.] Автор Слова при этом ошибочно решил, что битва произошла на Каяле «у Дону великаго».

Б. А. Рыбаков полагает, что, согласно Слову, Доном именовались Донец и нижнее течение Дона, а под Донцом разумелась речушка Уды.[Рыбаков Б. А. Дон и Донец в «Слове о полку Игореве»//Научные доклады высшей школы. Исторические науки. 1958. № 1. С. 5—11; ср.: Рыбаков. «Слово» и современники. С. 230. Современную реку Уды Б. А. Рыбаков отождествляет с «Донцом» Слова на том основании, что там в начале XVII в. было Донецкое городище, а неподалеку находилось урочище «Донецкая поляна». Доводы более чем сомнительные, ибо все эти урочища связаны непосредственно с бассейном Северского Донца, от которого они и могли получить свои наименования.] Но Дон, по Слову, тесно связан с морем («на синѣмъ море у Дону», «поискати града Тьмутороканя, а любо испити шеломомъ Дону»). Попытка раскрыть значение «Великого Дона» Слова как Северского Донца наталкивается на непреодолимые трудности. Так, будет совсем непонятным, как же назывался нынешний Дон в XII в. Летописи не оставляют никаких сомнений, что в то время под «Доном» разумелся именно Дон (см. под 1140 г. в Ипатьевской летописи), а не Донец.[Так же раскрывается понятие «Великого Дона» и у К. В. Кудряшова (Кудряшов. Половецкая степь. С. 121–122).] Б. А. Рыбаков считает, что «Великий Дон» включал в себя и отрезок теперешнего Дона от впадения в него Донца до устья. Но это уж совсем странно. Ведь именно Донец впадает в Дон, а не наоборот. Спутать эти вещи житель юга Руси XII в. не мог. Гипотеза Б. А. Рыбакова не только оставляет открытым вопрос, как же именовался Дон в XII в., но и противопоставляет Слово Ипатьевской летописи: ведь в последней говорится не о «Доне», а о «Донце» как о месте битвы с половцами. Нельзя принять и вывод А. В. Лонгинова, разделяемый Б. А. Рыбаковым, о том, что битва при Каяле произошла в бассейне Днепра. Расчеты суточных переходов русских полков сделаны Б. А. Рыбаковым без учета наличия пехоты в войске, исходя лишь из возможностей конницы.[См.: Кудряшов К. В. 1) Еще раз к вопросу о пути Игоря в Половецкую степь//ТОДРЛ. М.; Л., 1958. Т. 14. С. 55; 2) Про Игоря Северского, про землю Русскую: Историко-географический очерк о походе Игоря Северского на половцев в 1185 г. М., 1959. С. 39–40.] Ссылка Б. А. Рыбакова на плач Ярославны, хотевшей, чтобы Днепр «възлелеял» к ней ее мужа, не может быть принята. Ведь княгиня хотела полететь и по Дунаю, чтобы добраться до Каялы. Если следовать логике Б. А. Рыбакова, то Каялу нужно искать где-то в районе Дуная. Перед нами чисто поэтические образы, далекие от действительности.

Итак, под «Доном Великим», по нашему мнению, автор Слова имел в виду реку Дон, ошибочно отождествив с нею Донец Ипатьевской летописи. Наименование же в Слове Донца «малым» близко к традиции, отраженной на поздних картах. Так, у Меркатора читаем: «Donecz id est minor Tanais». Сходно на карте 1685 г.: «Donetz Severski vel Tanais min(or)».[Федоров В. Г. Кто был автором «Слова о полку Игореве»... С. 61, 78.]

Или вот еще деталь. Ярославна плачет в Путивле, хотя столицей княжества был Новгород-Северский, Путивльский острог, по летописи, был сожжен половцами («пожгоша же и острогъ у Путивля»), но, несмотря на это, княгиня, в соответствии с Задонщиной, плачет на его «заборах». Д. С. Лихачев пишет, что в Путивле, «как мы знаем из „Слова“, спасалась... юная Ярославна».[Лихачев. Слово-1955. С. 54.] О стремлении княжны спастись в Путивле Слово не говорит. Да и вряд ли вообще Ярославна могла выбрать для спасения этот город, гораздо ближе расположенный к Половецкой степи, чем Новгород-Северский. Путивль как столица княжества Игоря мог появиться под влиянием летописного текста 1183 г., говорящего о том, что Владимир Галицкий «приде к зяти своему Путивлю ко Игореву».[ПСРЛ. Т. 2. Стб. 633–634. А. Г. Кузьмин со ссылкой на мнение Б. А. Рыбакова считает, что Ярославна могла приехать в Путивль, «расположенный на границе со степью, даже для того, чтобы встретить здесь победителей» (Кузьмин. Ипатьевская летопись. С. 82). Никаких доказательств в пользу этого умозрительного заключения не приведено. Могло быть, следовательно, было.]

Еще И. П. Еремин обратил внимание на то, что, по Ипатьевской летописи, весть о поражении Игоря пришла к Святославу в Чернигов, [«...яко приде к Чернигову... повода Святославу бывшее о половцѣх» (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 645).] а, по Слову, Святослав, как и подобает киевскому князю, узнает об этом печальном событии «въ Киевѣ на горахъ». [Еремин И. П. «Слово о полку Игореве» как памятник... С. 107–108.] И на этот раз историческая правда в Слове уступает место общим историческим представлениям автора. [А. Г. Кузьмин полагает, что этот вывод может считаться доказанным, если признать, что автор Слова «не был знаком с Ипатьевской летописью» (Кузьмин. Ипатьевская летопись. С. 82). И в данном случае автор не пытается аргументировать свое утверждение. На самом же деле автор Слова просто пожертвовал исторической правдой во имя создания идеализированного представления о киевском князе.]

В литературе нет единого мнения и по вопросу о времени побега Игоря из плена. В. Данилов считает, что это могло произойти только осенью 1185 г., ибо именно в эту пору половцы переселяются в южные края.[Данилов В. В. Заметки к тексту «Слова о полку Игореве»//Слово. Сб.-1950. С. 205–207.]

Однако нам представляется более убедительной точка зрения Н. В. Шарлеманя, датирующего побег Игоря концом мая — началом июня.[Шарлемань Н. В. 1) Заметки натуралиста к «Слову о полку Игореве»//ТОДРЛ. М.; Л., 1951. Т. 8. С. 53–59; 2) Соловьи в «Слове о полку Игореве»//Там же. М.; Л., 1960. Т. 16. С. 80–81.] В Лаврентьевской летописи прямо говорится, что когда половцы «възвратишася» от Переяславля «со многым полоном в веже, и по малых днех ускочи Игорьъ князь у половець».[ПСРЛ. Т. 1. Стб. 399.] Картину весны рисует и автор Слова. Так, смерчей («прысну море полунощи, идутъ сморци мглами») осенью не бывает, чаще всего они образуются весною или в начале лета. Не выпадают осенью и росы («труся студеною росу»). Упоминание о гусях и лебедях, которых убивал «к завтраку, обеду и ужинѣ Игорьъ», не говорит об осенних перелетах этих птиц, ибо они до настоящего времени в изобилии гнездятся на Украине. «Веселые песни» соловьев и «текот» дятлов, по мнению Н. В. Шарлеманя, свидетельствуют о весне. Зная по Ипатьевской летописи о том, что поход Игоря начался в апреле 1185 г., автор Слова верно связал с весенней или ранней летнею порою и побег князя из плена.[См. также: Творогов О. В. Побег Игоря Святославича из плена//Энциклопедия. Т. 4. С. 120–121.]

Князья — современники похода Ольговичей на половцев даны в Слове обобщенно, как бы крупным планом, с использованием летописных сведений конца XII — начала

ХІІІ в. Д. Н. Альшиц заметил, что в Слове упоминается о походах князя Романа на половцев и ятвягов («литва, ятвязи, деремела и половцы сулицы своя повръгоша»). Но о походе Романа против половцев сообщает Кенигсбергская летопись под 1202 г. («ходи Роман князь на половцы») и под 1205 г. («ходиша рустии князи на половцы... Роман Мстиславичъ Галичский и инии князи»).[«Библиотека...». С. 297–298; Сборник ответов на вопросы по литературоведению. М., 1958. С. 39. {В новом издании летописи чтения под 1202 г. нет, а под 1205 г. говорится: «Ходиша рустии князи на половцы Рюрикъ Киевский, Ерославъ Переяславский... Романъ Галицкий Мстиславич, и инии князи». Радзивилловская летопись//ПСРЛ. Л., 1989. Т. 38. С. 161.}]

В аспектах позднейших отношений конца ХІІ — начала ХІІІ в. даны в Слове волыноско-литовские и полоцко-литовские отношения. В 60—80-х гг. ХІІ в. литовские отряды входили в состав войск полоцких князей.[См. Ипатьевскую летопись под 1162 и 1180 гг. (в последнем случае с Всеславом и Брячеславом «бяхуть и либь и Литва»). Эти сведения, возможно, восходят к полоцкой летописи (Алексеев Л. В. Полоцкая земля в ХІ–ХІІІ вв.: Автореф. дис... канд. ист. наук. М., 1955. С. 12–13; Пашуто В. Т. Образование Литовского государства. М., 1959. С. 15). Когда в Слове говорится «не бысь ту брата Брячяслава, ни другаго Всеволода», то в данном случае описка: речь идет не о Всеволоде, а о «другом» Всеславе (по сравнению с «древним») — Васильковиче (1180 г.), а весь текст навеян летописным рассказом. {См. также: Творогов О. В. Всеволод Василькович (?)//Энциклопедия. Т. 1. С. 251–252.}] Враждебные столкновения Романа с Литвой относятся к более позднему времени (1196 г.).[ПСРЛ. Т. 2. Стб. 702. Подробнее см.: Пашуто В. Т. Образование... С. 28–29; Влодарский Б. Ятвяжская проблема в польско-русских связях Х–ХІІІ вв./Международные связи России до ХVІІ в. М., 1961. С. 124–125. На те же факты обратил внимание еще Д. Дубенский. Не зная, «как сообразить эти годы», он приходил к выводу, что «Поэма могла быть исправлена самим автором после этих годов» (Дубенский Д. Слово о плъку Игореве. М., 1844. С. 165).] Кстати, пословица «Роман Литвою ореши» встречается лишь у М. Стрыйковского и в Синописе, хорошо известном в ХVІІІ в.

Резко отличаются характеристики великого князя киевского Святослава Всеволодовича в Ипатьевской летописи и в Слове.[О том, что характеристику князю Святославу, данную в Слове, не мог написать современник, см.: Груський М. К. Питання про автора «Слова о полку Ігоревім»/Ювілейний збірник на пошану акад. Д. Й. Багалія. Київ, 1927. С. 441.] По летописи, он фактически соправитель Рюрика, ибо в 1180 г. Рюрик «сѣступися» ему старейшинства, т. е. самого Киева, взяв за это «всю Рускую землю», т. е. Киевщину.[ПСРЛ. Т. 2. Стб. 624.] До самой смерти Святослав не чувствовал себя полноправным князем в Киевщине. Как обратил внимание А. А. Шахматов, в Ипатьевской летописи под 1183 г. «великим князем» называется Рюрик Ростиславич, а Святослав просто «князем киевским» («Святославу князю киевскому и великому князю Рюрикови Ростиславичю»).[ПСРЛ. Т. 2. Стб. 630; Шахматов А. А. Обзорение... С. 70. Правда, в записи 1152 г. Святослав также называется «великим князем» (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 644).] В Слове же наоборот: «великий киевский» князь Святослав, а Рюрик — один из князей и только. Поэтому прав Б. А. Рыбаков, писавший: «Великий грозный Святослав Слова о полку Игореве и соправитель князя Рюрика, то отступающий от „ряда“, то оправдывающийся, — это как бы два разных человека, настолько различны точки зрения обоих авторов».[Рыбаков Б. А. Древности Чернигова/МИ А. М.; Л., 1949. № 11. С. 97.] Но летописной характеристике противостоит в Слове поэтическая, основанная на представлении о том, что киевский князь должен быть главою русских князей. Н. Ф. Котляр справедливо удивляется тому, что в Игоревой песни героем призыва к борьбе с половцами является Святослав, который всю свою жизнь использовал половецкие силы в междоусобной борьбе с русскими князьями. Даже во время похода 1184 г. он не вторгся в Половецкую степь, а сражался на Днепре, тогда как, по Слову, он «наступи на землю Половецкую», «Кобяка изъ Лукуморя... выторже».[Котляр М. Ф. Загадка Святослава... С.

108, 109.] В Слове налицо явная несообразность. Наряду с отрицательной оценкой Олега Святославича его потомок Святослав (и «Ольгово гнездо») выступает героем Песни.

Отстаивая достоверность характеристики Святослава по Слову, А. Г. Кузьмин стремится «опорочить» летописную оценку. Он ссылается на наблюдение А. А. Шахматова, установившего, что большая часть известий Ипатьевской летописи была «пристрастной к Рюрику».[Шахматов А. А. Обзорение... С. 71.] Отсюда А. Г. Кузьмин делает заключение, что «не летопись, а „Слово“ в данном случае ближе к действительности».[Кузьмин А. Г. 1) Ипатьевская летопись. С. 65; 2) Мнимая загадка Святослава Всеволодовича// РЛ. 1969. № 3. с. 104–110.] Ни из наблюдений А. А. Шахматова, ни из глухой ссылки А. Г. Кузьмина на летописные тексты последней четверти XII в. это заключение не следует. Летопись могла излагать деятельность Рюрика в излишне розовых оттенках, но факт принадлежности ему всей Киевщины, хотя и без Киева, остается бесспорным. В другой статье А. Г. Кузьмин предлагает иное объяснение. Автор Слова, по его мнению, «мог воспользоваться только таким летописным текстом, который еще не знал редакции близкого Рюрику Ростиславичу летописца». Этим памятником якобы был восстановленный Б. А. Рыбаковым «Святославов летописец».[Кузьмин А. Г. Мнимая загадка... С. 108.] Но никаких доказательств этому он не привел.

Д. С. Лихачев когда-то писал, что «все характеристики русских князей в обращении к ним исторически точны».[Лихачев. Когда было написано «Слово»? С. 151.] Теперь он уже этого, очевидно, не считает. Во всяком случае он говорит о «некоторой идеализации» Святослава, объясняя ее особенностями художественной трактовки образа.[Лихачев Д. С. К статье А. Г. Кузьмина «Мнимая загадка Святослава Всеволодовича»//РЛ. 1969. № 3. С. 110. {Обзор различных точек зрения на Святослава Всеволодовича см.: Яценко Б. И. Святослав Всеволодович // Энциклопедия. Т. 4. С. 273–276; Соколова Л. В. Святослав Всеволодович Киевский и его «злато слово» в «Слове о полку Игореве»//ТОДРЛ. СПб., 2001. Т. 52. С. 7–46.}]

Не все ясно и с рассказом о походе 1183 г. на половцев киевского князя. Святослав якобы «поганого Кобяка изъ Лукоморя отъ желѣзныхъ великихъ плѣковъ половецкихъ, яко вихрь, выторже». А. С. Орлов считает это выражение «гиперболичным».[Орлов. Слово. С. 115. {См. также: Бобров А. Г. Лука моря//Энциклопедия. Т. 3. С. 183–185.}] Действительно, о Лукоморье (изгиб Азовского моря) не могло быть речи: Кобяк разгромлен был при слиянии Днепра с рекою Орель. Весь разбираемый текст составлен из литературных реминисценций. О самом походе Святослава и пленении Кобяка подробно рассказывает Ипатьевская летопись. Всего этого было вполне достаточно, чтобы создать образ киевского князя, изгнавшего Кобяка из Лукоморья. Составитель Слова также знал, что половцы жили у Лукоморья (см. Ипатьевскую летопись под 1193 г. «снямался с половци с Лукоморьскими»). К тому же в «Лукоморье» бежал Мамай, по Задонщине.

По Слову, узнав о пленении в 1183 г. хана Кобяка, «ту нѣмци и венедици, ту греци и морава поють славу Святъславлю, кають князя Игоря» (текст навеян Задонщиной). Если «ту» Слова переводить как «тогда», то становится неясным, как могли немцы и венецианцы жалеть Игоря «тогда же», когда они восхваляли победу Святослава: ведь битва на Каяле произошла спустя два года после похода киевского князя на половцев. Если «ту» читать как «здесь», то появление немцев и венецианцев в Киеве в 1183 г. более чем странно.[Д. С. Лихачев и А. Г. Кузьмин склонны «ту» толковать как «в это время», «тогда», «по этому случаю» (Обсуждение одной концепции. С. 128; Кузьмин. Ипатьевская летопись. С. 67). Эти толкования возможны (см.: Срезневский. Материалы. Т. 3. Стб. 1030–1031). Но суть дела от этого не меняется.] Уже С. П. Румянцев обратил внимание на «новое название народа венедици».[Полевой. Любопытные замечания. С. 20.] И действительно, их появление более чем странно. После разгрома венецианских торговых факторий в Византии в 1171 г. только в 1183 г. возобновляются торговые отношения между Венецией и Византией.[Соколов И. П. К вопросу о взаимоотношениях Византии и Венеции в последние годы правления Комнинов (1171–1185)//ВВ. 1952. Т. 5. С. 139–151.]

Н. П. Соколов установил, что «до начала XIII в. у Венеции здесь (на Черном море. — А. 3.) не было сколько-нибудь значительных интересов».[Соколов И. П. Образование Венецианской колониальной империи. Саратов, 1963. С. 396.] Он считает, что не исключена возможность посещения черноморских берегов венецианскими мореплавателями, хотя для такого допущения в нашем распоряжении не имеется бесспорных доказательств, мы тем не менее относим возникновение серьезных торговых интересов Венеции на Черном море к первой половине XIII в. Единственный источник, который мог бы противоречить этому выводу, все тот же — Слово о полку Игореве. Но это противоречие снимается, если считать его позднейшим. Во всяком случае в конце XII в. никакой «славы» венецианцев в Киеве петь Святославу не могли.

Соседствующую с «венедицами» «мораву» встречаем вместе с ними же во введении к Повести временных лет. М. И. Успенский считал появление ее в Слове неоправданным, ибо Велико-Моравская держава уже с начала X в. не существовала. [ИРЛИ, ф. Успенского, д. 38.] Однако «моравы» упоминаются в летописях под 1143 и 1219 гг. и, конечно, в XII в. была известна.[НПЛ. С. 213, 261; ПСРЛ. Т. 1. Стб. 502.] Не менее странно, что славу начинают петь сначала немцы и венецианцы, а уж затем греки и моравы. Для жителя юга Руси XII в., конечно, логичнее начать было с греков, а не с немцев.

Итак, остается признать фразу о «славе» чисто поэтическим образом, который мог быть создан и в XII в., и много столетий спустя.

Стремясь отстоять традиционную дату Слова, Д. С. Лихачев отыскивает в этом памятнике и другие «реалии», которые очень легко могут быть объяснены поэтической фантазией автора Игоревой песни. Он пишет, в частности, что «даже такая деталь, как упоминание в „Слове“ красных (т. е. красивых) девушек половецких, находит себе подтверждение у Низами в его поэме „Искандер-Намэ“, где восхваляется красота половецких красавиц».[Лихачев. Изучение «Слова о полку Игореве». С. 38.] Назвать половецких красавиц мог, конечно, писатель любого времени, а не обязательно современник похода Игоря 1185 г.

Обращаясь к Ярославу Владимировичу Галицкому, автор Слова говорит: «стрѣляеши съ отня злата стола салтани за землями». Получается, что галицкий князь успешно воюет с султаном, который хотя и находится «за землями», но все-таки в пределах его досягаемости. Но продвижение турок в Европу относится только к середине XIV в.[Всемирная история. М., 1957. Т. 3. С. 734.] Кстати, и сам термин «салтан» для обозначения индийского правителя впервые появляется на Руси только у Афанасия Никитина (60—70-е гг. XV в.), который сам побывал на Востоке.[Хождение за три моря Афанасия Никитина 1466—1472 гг. М.; Л., 1958. С. 17. Споря со «скептиками», К. Рабек-Шмидт пишет, что «Хождение» открыто было только Карамзиным, который привел в шестом томе своей «Истории» (1816 г.) из него отрывки, где упоминается даже не «салтан», а «султан». Следовательно, «Хождение» не могло дать материал для автора Слова, изданного уже в 1800 г. (Rahbek-Schmidt K. Soziale Terminologie in russischen Texten des frühen Mittelalters. Kopenhagen, 1964. S. 463). Но к «Хожению» составителю Слова обращаться не было надобности. «Султан» известен был уже В. Н. Татищеву, а в форме «салтан» он встречается в фольклоре (Илья Муромец / Подгот. текстов, статья и коммент. А. М. Астаховой. М.; Л., 1958. С. 286). Вспомним, кстати, и царя Салтана у А. С. Пушкина.] Конечно, султаны в Малой Азии правили еще в XII в.[Список Моления Даниила Заточника ГБЛ, собр. Ундольского, № 195 (XVI в.) упоминает «поганных салтанов» (Слово Даниила Заточника. Л., 1932. С. 70; ср.: Воронин Н. Н. Даниил Заточник// Древнерусская литература и ее связи с новым временем. М., 1967. С. 100—101; Адрианова-Перетц. «Слово» и памятники. С. 149). Но возводить этот текст к XII—XIII вв. достаточных оснований нет.] Если взять одно только упоминание о «салтане» в Слове о полку Игореве, то можно допустить, что до русского певца, жившего в конце XII в., [Существуют различные гипотезы о «салтанах» XII в. Так, Н. Я. Аристов писал:

«Салтанами назывались ханы половецкие, которые и дали свое имя Салтовскому городищу на Дону» (Аристов Н. Я. О земле Половецкой // Известия Историко-филологического ин-та князя Безбородко в Нежине за 1877 г. Киев, 1877. С. 219). «Soltan» в значении «гех», «princeps» знает Codex Cumanicus (Codex Cumanicus. Budapest, 1880. P. 104. Ср.: Дашкевич Н. Новости иностранной литературы по русской истории//Университетские известия. Киев. 1882. № 4. С. 150).] долетела молва, скажем, о подвигах султана Саладина, и он представил князя Ярослава Осмомысла стреляющим со своего «злата стола» этого или какого-либо другого «салтана».[Д. С. Лихачев допускает даже, что, по представлению автора Слова о полку Игореве, Ярослав посылает свои войска в помощь крестоносцам против султана Саладина. Он считает, что «стрелять» можно было, только посылая войско (Лихачев. Слово-1955. С. 78). Ни о какой посылке русских войск в Палестину сведений не сохранилось. К тому же Второй крестовый поход (1147–1149 гг.) происходил до вступления Ярослава на княжеский престол, а Третий (1189–1192 гг.) начался уже после его смерти. Вряд ли можно за художественным образом «стреляющего в салтана» князя видеть какое-либо конкретное содержание. Трактровка Д. С. Лихачева кажется «не слишком убедительной» и специалистам по истории крестовых походов (см.: Заборов М. А. Известия русских современников о крестовых походах//ВВ. М., 1971. Т. 31. С. 85).] Но если мы будем считать наш тезис о более позднем происхождении Слова сравнительно с Задонщиной доказанным и если мы вспомним позднее появление в русских источниках «салтана» XV в., то тогда у нас будет достаточно оснований для того, чтобы счесть «салтана», упоминаемого в Слове, анахронизмом. [Реплика о «салтане» могла быть вызвана рассказом В. Н. Татищева. Сообщая о деятельности Ярослава Галицкого под 1188 г., В. Н. Татищев прибавляет, что в это время «Иерусалим град взят бысть... Того же дня, сказуют, и в Галиче тьма была». В примечании он писал, что Иерусалим «взят Саладином султаном египетским» (Татищев. История Российская. Кн. 3. С. 279, 499; ср.: Т. 3. С. 143, 253). Вообще рассказ Татищева о Ярославе имеет ряд сходных мотивов со Словом. Так, историк пишет, что князь «по Дунаю грады укрепил». Он вкладывает в уста князя благочестивое рассуждение о том, что Ярослав «многие пороки... имел» (Там же. Кн. 3. С. 280, 281; ср.: Т. 3. С. 143, ср. также: Рыбаков. Русские летописцы. С. 510), что вполне соответствует прозвищу «Осмомысл» — «Грешник». Недавно Р. О. Якобсон вслед за Ф. Покровским сравнил восемь забот князя Ярослава по Слову с восьмью совершенно иными грехами князя по В. Н. Татищеву. Отсюда он сделал вывод, что у Татищева была какая-то редакция Ипатьевской летописи, близкая к той летописи, которая нашла отражение в Слове. Эту редакцию он видит в упомянутом Татищевым «Раскольниковым летописцем» (Jakobson R. Retrospect // Jakobson. Selected Writings. P. 671). По О. Сулейменову, «Осмомысл» («восьмигранный») — калька с тюркского «Серпз кырлы», сделанная переписчиком Слова (Сулейменов О. Аз и я. С. 57). См. также: Словарь-справочник. Л., 1973. Вып. 4. С. 38–39.]

Неверно представляет себе автор Слова и территорию, на которую распространялась власть галицкого князя Ярослава Осмомысла. Он якобы «затворивъ Дунаю ворота (в Задонщине: «замкни Оки реки ворота». — А. 5.)... суды рядя до Дуная». Но в середине XII — начале XIII в. пределы Галицкой земли достигали только притока Днестра р. Ушицы, т. е. были очень далеки от Дуная.[Насонов. «Русская земля». С. 137–138. Из факта избиения «галичских рыболовов» Иваном Берладником под 1159 г. (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 497) нельзя сделать вывод о том, что «на Берладь смотрели как на зависимую волость, расположенную только за пределами „Русской земли“» (Насонов. «Русская земля». С. 142).] «Ворота» Задонщины, впрочем, могли автором Слова ассоциироваться с летописными «воротами» в Галицкой земле, упоминавшимися под 1268 г.[«Се же бѣашеть мѣсто твердо... нарѣчяхуться Ворота» (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 866).] Однако эти Ворота никакого отношения к Дунаю не имели и находились на границе с Польшей между Терновой и Белзем.[Насонов. «Русская земля». С. 132.]

Среди русских князей автор Слова называет еще Романа и Мстислава («А ты, буй Романе и Мстиславе»). Первый из них не вызывает никаких споров — это Роман Мстиславич Волынский, крупная политическая фигура конца XII — начала XIII в. Мстиславом, скорее всего, мог быть Мстислав Ярославич Немой (Пересопницкий) или Мстислав Владимирович Городенский.[А. В. Соловьев ошибочно называет участником похода 1184 (1183) г. Мстислава Всеволодовича: этот князь, известный по летописям в 1169–1170 гг., в дальнейшем исчезает со страниц источников (Соловьев. Политический кругозор. С. 80–81). По мнению О. Прицака, в Слове речь идет о Мстиславе Владимировиче (Прицак О. Деремела-бродники // *International Journal of Slavic Linguistics and Poetics*. 1965. Vol. 9. P. 87). См. также: Котляр М. Ф. Кто був Мстислав из «Слова о полку Ігоревім» // *Средні віки на Україні*. Київ, 1973. Вып. 2. С. 122–126. {По его мнению, Мстислав «Слова» — Мстислав Мстиславич Удатный. Однако этот вывод у автора недостаточно аргументирован. См. также статью М. Ф. Котляра об этом князе: *Энциклопедия*. Т. 3. С. 279–280.}] Оба они участвовали в походе 1183 г. на половцев. В пользу Мстислава Немого говорит то, что он был родичем Роману, а его владения располагались неподалеку от Волыни. К тому же летописец особенно подчеркивал «велику любовь» Мстислава Немого к Роману.[ПРСЛ. Т. 2. Стб. 744.] Все это могло дать основание автору Слова соединить этих князей воедино в своем обращении к ним.

В Слове о полку Игореве объединены в одном обращении князья Рюрик и Давид Ростиславич («ты, буй Рюриче и Давиде»). Оба князя участвовали в совместном походе на половцев в 1177 г., окончившемся поражением русских войск.[ПРСЛ. Т. 2. Стб. 603–604.] Б. А. Рыбаков предполагает (и, на наш взгляд, с достаточным основанием), что именно этот поход вспоминает автор Слова, говоря, что дружинники Рюрика и Давида «рыкають акы тури, ранены саблями калеными».[Рыбаков Б. А. Отрицательный герой «Слова о полку Игореве»//*Культура Древней Руси*. М., 1966. С. 238–242.]

Туманна фраза «Олговичи храбрый князи доспѣли на брань. Инъгварь и Всеволодь и вси три Мстиславичи, не худа гнѣзда шестокрилци». Первые двое — Волынские князья, сыновья Ярослава Изяславича, участники похода 1183 г. Третьим А. В. Соловьев считает их брата Мстислава Немого (тоже упоминается под 1183 г.).[Соловьев. Политический кругозор. С. 81.] Фраза об Ольговичах — непонятна: Ольговичей нельзя было считать Мстиславичами. М. Шефтель предлагает еще один вариант расшифровки Мстиславичей: дети Мстислава Ростиславича — Мстислав, Давид, Владимир.[*La Geste*. P. 132. То же см.: Рыбаков. Русские летописцы. С. 481–489 (ранее Б. А. Рыбаков принимал гипотезу Д. С. Лихачева. См.: Рыбаков. «Слово» и современники. С. 96–98).] Но все трое выступают на исторической арене только лет через 25–30 после описываемых событий. Д. С. Лихачев вслед за Ив. М. Кудрявцевым считает, что речь идет о Романе, Святославе и Всеволоде, детях Мстислава Изяславича.[Лихачев. Исторический и политический кругозор. С. 48.] Фразу об Ольговичах он относит к походу 1185 г. князя Игоря и других Ольговичей. Трудность этого объяснения состоит в том, что в Слове уже есть обращение к Роману Мстиславичу, и совершенно непонятно, почему этот князь фигурирует еще раз в составе трех Мстиславичей. Да и Святослав Мстиславич последний раз в летописи упоминается под 1173 г. Это практически означает, что он уже в 70-х гг. XII в. умер. Мы предпочитаем объяснение А. В. Соловьева с поправкой: третий (пропущенный в тексте) «Мстиславич» был Изяслав, а не Мстислав: последний упоминается выше вместе с Романом Волынским. [Впрочем, эта поправка не обязательна: выражение «и вси три Мстиславичи» могло относиться к Ингварю, Всеволоду и упоминавшемуся выше с Романом Мстиславу Ярославичу.] «Мстиславичами» князья названы условно, как и «внуки Всеслава» оказывались часто его правнуками. В целом же автор Слова обращается к князьям, одержавшим победу над половцами в 1184 г., как к той силе, которая была способна отомстить поганым за поражение 1185 г.[См. также: Творогов О. В. Мстиславичи//*Энциклопедия*. Т. 3. С. 281–283.]

Из Ипатьевской летописи автор почерпнул в основном все свои сведения по истории Древней Руси. Здесь он прочитал и о «старом» Владимире (Святославиче), [Таково мнение А. В. Соловьева и Д. С. Лихачева. Б. А. Рыбаков считает, что речь идет о Владимире Мономахе (Рыбаков. Русские летописцы. С. 471–484). {См. также: Творогов О. В. Владимир Святославич//Энциклопедия. Т. 1. С. 208–210.}] о «старом» Ярославе, т. е. о Ярославе Мудром, о «красном» Романе Святославиче (1079 г.), [«Красным» летописец называет под 1078 г. брата Романа — Глеба («бѣ же Глебъ... взоромъ красенъ». ПСРЛ. Т. 2. Стб. 190–191).] об Олеге Святославиче, о гибели Бориса Вячеславича (1078 г.), о Всеволоде Ярославиче и о княжении его сына Владимира в Чернигове (1078 г.), о великом князе владимирском Всеволоде и о том, что его отец владел «золотым столом», т. е. Киевом (умер в 1158 г.). Под 1068 г. в Ипатьевской летописи рассказывалось о битве «на Немизѣ».

В Слове есть поэтический образ готских дев, которые после победы половцев на Каяле «звоня рускымъ златомъ... лелѣють мечь Шароканю». Речь, конечно, идет о тех поражениях, которые потерпели Боняк и Шарукань в начале XII в. Так, еще в 1106 г., когда «прииде Боняк и Шарукань Старый», половцы «побегоша» от войск коалиции русских князей во главе со Святополком и Владимиром Мономахом.[ПСРЛ. Т. 2. Стб. 258.] В летописном рассказе о походе 1185 г. Кончак советует: «поидемъ на киевскую сторону, гдѣ суть избита братья наша и великий князь нашъ Бонякъ».[ПСРЛ. Т. 2. Стб. 258. Ср. «Шарукан едва утече» (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 282).] Эта летописная запись, упоминająca и Боняка, явилась отправным пунктом для упоминания о готских девах, «лелеющих мечь» за его сподвижника Шароканя.

Автор Слова отлично знал летописную запись 1201 г., откуда он черпал ряд образов для своей Песни («пилъ золотом шоломомъ Донъ», «храборъ бо бѣ яко и туръ» и др.). Здесь содержалось сведение о том, что победитель Игоря Кончак был сыном хана Отрока, которого изгнал «во Обезы» Мономах («от него родившюся Кончаку, иже снесе Сулу»)[ПСРЛ. Т. 2. Стб. 716.]. Автор Слова пишет, что «падеся Кобякъ въ градѣ Киевѣ, въ гридниѣ Святослави». О том, что своих политических противников князь препровождали «въ гридницу», он мог прочесть в летописи под 1097 г. (туда был введен Василько перед ослеплением).[ПСРЛ. Т. 2. Стб. 716. Ср. «введоша его в гридницу окована» (ПСРЛ. Л., 1925. Т. 5, вып. 1. С. 153).]

Поэтическое воображение автора Слова привлекла трагическая гибель юного князя Ростислава в 1093 г. в реке Стугне («бѣ бо тогда наводнилася велми»), когда «плакася по нѣмъ мати его... повелику уности его ради».[ПСРЛ. Т. 2. Стб. 210, 212.] Смерть князя «описана в точном соответствии с летописным текстом».[Рыбаков. Русские летописцы. С. 480, 483.] Автор Слова, возможно, знает летописную запись о пожаре Городенска в 1183 г. («Трубы трубятъ городеньскийи») и уж наверняка — о походе в том же году Святослава Киевского по Днепру, в результате чего был пленен Кобяк («поиде... по Днепру... яша Кобяка»).[ПСРЛ. т. 2. Стб. 631, 632.] Он негодует вместе с летописцем на княжеские усобицы и, в частности, на свары между Рюриком и Давидом («бывши распре межи братьею», 1177 г.).[ПСРЛ. т. 2. Стб. 603.]

Наиболее обобщенно в Слове дан образ полоцкого князя Всеслава, но эта обобщенность сочетается с неточностью изложения ряда сведений о его подвигах.[[О Всеславе Брячиславиче в «Слове» см.: Творогов О. В. Всеслав Брячиславович//Энциклопедия. Т. 1. С. 256–261; Соколова Л. В. Образ Всеслава Полоцкого в «Слове о полку Игореве»// ТОДРЛ. СПб., 2002. Т. 53. С. 23–58.]] По Слову, Всеслав «скочи къ граду Киеву и дотчеся стружиемъ злата стола Киевскаго». В данном случае автор использует летописный образ — «взять (добыть) город копьем» (см. под 1097, 1237, 1287 гг.). Однако Всеслав Киева не брал, а занял княжеский стол в результате народного восстания. Он не «скочи къ граду Киеву», а был извлечен горожанами из «поруба». Чтобы несколько приспособить идеализированный образ Всеслава к событиям 1068 г., автор Слова употребляет глагол «доткнуться», т. е. коснуться.[Даль. Толковый

словарь. Т. 1. С. 484.] Получалось, следовательно, что князь только прикоснулся к киевскому столу, пробыв на нем семь месяцев.[Слово-1950. С. 456 (соображение Д. С. Лихачева); Ангелов Б. С. Бележки върху «Слово о полку Игореве»//Известия на Института за българска литература. София, 1957. Кн. 5. С. 456–459.]

С полоцкими событиями не все ладно в Слове. Всеслав, например, в соответствии с былиной о Волхе Всеславиче, превращается в энергичную политическую фигуру. По летописям, Всеслав во время восстания 1068 г. отнюдь не активное лицо: его «вырубили» из «поруба» (освободили) кияне. О деятельности Всеслава в Киеве за семь месяцев киевского правления вовсе ничего не известно.[Алексеев Л. В. Полоцкая земля. М., 1966. С. 247.] Главные действующие лица событий — широкие массы горожан. Широковещательное заявление автора Слова, что «Всеславъ князь людемъ судяше, княземъ грады рядяше», не находит подкрепления в других источниках.[М. Н. Тихомиров полагает, что нововведение Всеслава, «возможно, состояло в том, что киевский князь обещал непосредственно руководить судопроизводством, а не передавать его своим тиунам». Он ссылается при этом на требование восставших киевлян в 1146 г. (Тихомиров М. Н. Крестьянские и городские восстания на Руси XI–XIII вв. М., 1955. С. 100). Никакими конкретными данными эту гипотезу подтвердить не удастся. {См.: Кучкин В. А. «Слово о полку Игореве» и междукняжеские отношения 60-х годов XI века//ВИ. 1985. № 11. С. 19–35.}] По летописи, в 1069 г. Всеслав, когда против него выступил Изяслав, поддержанный Болеславом, первоначально «поиде противу и приде к Бѣлугороду», а затем «нощи, утаися кыан, бежа из Бѣлгорода». По Слову, Всеслав из Киева бежал в Белгород, а оттуда в Новгород («скочи отъ нихъ... въ плѣночи изъ Бѣлграда, обѣсися синѣ мѣглѣ... отвори врата Новуграду»).[Прав Д. С. Лихачев, сопоставляющий «отъ нихъ» Слова с «кыан» летописи, «синѣ мѣглѣ» с летописным «бывши нощи» (Лихачев. Исторический и политический кругозор. С. 19).] Однако в Новгороде Всеслав был в 1067 г., а из Белгорода он бежал в Полоцк («бѣжа из Бѣлгорода къ Полотъску»)[ПСРЛ. Т. 2. Стб. 162. Б. Н. Флоря в беседе со мной высказал предположение, что в Слове речь идет о захвате Всеславом Новгорода в 1067 г., ибо далее рассказывается о битве на Немиге того же года (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 155–156). Но в тексте захват Новгорода «утрѣ» вытекает непосредственно из бегства «въ плѣночи» князя из Белгорода.]. Д. С. Лихачев пишет со ссылкой на Софийскую 1 летопись о пребывании Всеслава в Новгороде «как раз в 1069 г. после бегства его из Киева». Поскольку «Софийский временник», по предположению Д. С. Лихачева, составлен был при новгородском князе Святославе Ольговиче, то мог стать известным автору Слова, ибо сыном Святослава был герой его повести Игорь.[Слово-1950. С. 457–458.] Принять это предположение мешает уже то обстоятельство, что в Софийской 1 летописи нет ни слова о пребывании Всеслава в самом Новгороде в 1069 г. Там только говорится о разгроме на р. Гзени (под Новгородом) Всеслава новгородцами и князем Глебом.[ПСРЛ. т. 5, вып. 1. С. 137.] По контексту рассказа видно, что в Новгород полоцкий князь так и не попал. Автор Слова мог попросту держать перед собою «Историю Российскую» В. Н. Татищева, где сказано, что после того, как Всеслав вернулся в Полоцк, он стремился захватить Новгород: «Всеслав же ушед из Полоцка, хотя обладать Новград, но Глеб... победил Всеслава на реке Визене октября 23-го».[Татищев. История Российская. Т. 2. С. 86.]

В Слове неясно и выражение «отъ нихъ». О. Сулейменов справедливо замечает: «Не от коней же бежал Всеслав тайно в полночь».[Сулейменов О. «Синяя мгла» и «синии молнии»//Простор. 1968. № 9. С. 91.] По Слову совершенно непонятно, от кого же бежал Всеслав. Неясность произошла от того, что автор Игоревой песни, взяв свой мотив из летописи («утаивъся кыан, бѣжа из Бѣлгорода»), недостаточно согласовал его с текстом всего произведения.[Сходную мысль высказал Б. А. Рыбаков (Рыбаков. Русские летописцы. С. 483).]

Наконец, не может быть подкреплено источниками сведение Слова о полку Игореве и о том, что Всеслав некоторое время находился в Тмутаракани. Для того чтобы

согласовать это с летописными источниками, исследователям приходится «отправлять» Всеслава в Тмутаракань после поражения под Новгородом (23 октября 1069 г.). [Алексеев Л. В. Полоцкая земля. С. 248.] Но летописи не знают тмутараканского княжения Всеслава. Под 1070 г. они лаконично сообщают о рождении у Всеслава сына Ростислава, а под 1071 г. — о новом захвате им Полоцка.

Своеобразно понимает текст «изъ Кыева дорискаше до куръ Тмutorоканя» Б. А. Рыбаков. Он считает, что Всеслав совершил «молниеносный поход» на Тмутаракань во время своего киевского княжения (сентябрь 1068—апрель 1069 г.) «и после 1 ноября 1068 г., когда отец Глеба Святослав разбил 12 000 половцев». Этот поход мог (по мнению Б. А. Рыбакова) быть вызван опасением «усиления Святослава Черниговского и его сына Глеба Тмутараканского» [Рыбаков Б. А. 1) Русские датированные надписи XI–XIV веков. М., 1964. С. 17–18; 2) Древняя Русь: Сказания. Былины. Летописи. М., 1963. С. 95; 3) Русские летописцы. С. 454–455. Критические замечания по поводу построений Б. А. Рыбакова см.: Алексеев Л. В. Полоцкая земля. С. 245–246.] (позднее он датировал поездку сентябрем — октябрем 1068 г.). Но киевский престол Всеслав занял в результате народного восстания. Ему предстояла борьба с коалицией князей, и совершать «молниеносный поход» в далекую Тмутаракань в таких условиях было просто бессмысленно. [См., однако: Кучкин В. А. «Слово о полку Игореве» и междукняжеские отношения... С. 34–35.]

По Слову о полку Игореве, Всеславу «въ Полотскѣ позвониша заутреннюю рано у святыхъ Софеи въ колоколы». В Полоцке действительно был храм св. Софии. Первые сведения о нем сохранились в предании о постройке его князем Борисом около 1220 г. («вчинил церковь каменную Святые Софии») и в «списке городов» (конец XIV–XV в.). [«Святаа Софиа каменна о седми версех» (НПЛ. С. 476; ПСРЛ. Т. 7. С. 240); ПСРЛ. Т. 17. Западнорусские летописи. СПб., 1907. С. 232, 245, 300, 362, 427, 479); Strykowski M. Kronika Polska. Warszawa, 1846. Т. 1. S. 241.] Есть еще глухое упоминание о нем в позднем житии Ефросинии Полоцкой. [Памятники старинной русской литературы. СПб., 1862. Вып. 4. С. 174.] Археологи и искусствоведы находят в сохранившемся соборе следы древней кладки. [Павлинов А. М. Древние храмы Витебска и Полоцка // Труды IX Археологического съезда. М., 1895. Т. 1; Сапунов А. Н. Полоцкий Софийский собор. Витебск, 1888; Шероцкий К. Софийский собор в Полоцке // Дмитрию Власевичу Айналову. М., 1915. С. 77–90; Алексеев Л. В. Полоцкая земля. С. 193 и след.] И вместе с тем хорошо известно, что храм был построен заново в 1750 г. Так или иначе, но знакомство автора Слова с Полоцком отрицать трудно. [См. также: Рождественская Т. В. София Полоцкая // Энциклопедия. Т. 5. С. 41–42.]

В Ипатьевской летописи автор Слова мог найти многие географические наименования («в Киеве на горах», 1198 г.; «горы рекше Угорьская», введение к летописи, 1226 г.; «увоз Боричев»; «святая Богородица, рекомая Пирогоща», 1132 г.; «Посулье», 1126 г.). [«Поморие», возможно, навеяно примечанием к событиям 1193 г. В. Н. Татищева: «Лукоморие бо и Поморие едино есть, как другое Лукоморие на севере именует» (Татищев. История Российская. Кн. 3. С. 502. Т. 3. С. 254). В Слове о полку Игореве речь идет о южном Поморье, но такой термин для юга Руси есть только у В. Н. Татищева, а не в летописях.] В. П. Адрианова-Перетц установила, что выражения «земля половецкая» и «поле половецкое» впервые в летописях упоминаются лишь в 1224, 1228 и 1238 гг. в связи с набегами орд татаро-монголов. [Адрианова-Перетц. Фразеология и лексика. С. 32.] Корсунь и Сурож Слова также известны Ипатьевской летописи. Но если первый встречается еще под 989 г., то Сурожа до конца XIII в. русские источники не знают. [Под 1289 г. «нѣмци, и сурожьцѣ, и новгородци, и жидове плакуся» (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 920). Судьба Сурожа в конце XII в. не вполне ясна. Ибн-ал-Атир сообщает о нем в связи с нашествием татар 1223 г., что «этот город кипчаков» (Васильевский В. Г. Труды. Пг., 1915. Т. 3. С. XLXVIII. Ср.: Якобсон А. Л. Средневековый Крым: Очерки истории и истории материальной культуры. М.; Л., 1964. С. 78). Когда и в какой форме установилась власть

половцев в Суроже, нам неизвестно. Истолковывать «незнаемая» (Тмутаракань) как «утраченная» (см. А. Л. Якобсон) нам кажется весьма искусственно] Только под 1289 г. читаем: «плакавшися над ним... немци и сурожьце».[ПСРЛ. Т. 2. Стб. 920.] Удалой «сурожанин» — один из героев русских былин позднейшего времени, когда гости-сурожане (XIV–XV вв.) вели обширную торговлю с Крымом. Все эти сведения тщательно отобраны автором и освещены с хорошей пристрастностью настоящего художника.

Крайне редкий титул «каган» упоминается в Ипатьевской летописи только один раз — в рассказе о походе князя Святослава Игоревича на хазар в 968 г. Если считать летопись источником Слова, то будет понятно, почему и в этом памятнике тот же титул встречается в неясном пассаже о князе Святославе.[«Иде Святославъ на козары. Слышавше же козаре, изыдоша противу съ княземъ своим ка-ганомъ» (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 53). А. Г. Кузьмин обращает внимание на то, что сохранилась печать князя Михаила (Олега) с термином «каган». Поэтому он считает, что автор Слова знал действительное положение вещей (т. е. был современником), когда назвал Олега «каганом». Но, во-первых, в Слове «каган» может относиться не к Олегу, а к Святославу. Во-вторых, не доказана принадлежность печати Олегу. А. П. Каждан и другие исследователи считают, что архонт Хазарии Михаил был простым наместником Византии на Боспоре и ничего общего с князем Олегом не имел (Каждан А. П. Византийский сборщик на берегах Киммерийского Боспора в конце XII в. // Проблемы общественной и политической истории России. М., 1963. С. 95). В-третьих, неизвестно, кого еще из князей после Владимира именовали «каганом». Так, сохранилось еще граффито XI в. с надписью «спаси, Господи, кагана нашего». С. А. Высоцкий склоняется к тому, что речь идет в данном случае о Святославе Ярославиче, княжившем в Киеве с 1073 по 1076 г. (Высоцкий С. А. Древнерусские надписи Софии Киевской XI–XIV вв. Киев, 1966. Вып. 1. С. 49–52). Так или иначе, но сказать, что из русских князей XI–XII вв. только один Олег носил титул «кагана» и поэтому {мнение, что} сведение Слова обнаруживает свидетельство современника, будет совершенно неверным. {См. также: Новосельцев А. П. К вопросу об одном из древнейших титулов русского князя//История СССР. 1982. № 4. С. 150–159.}] Трудно сказать, об одном и том же Святославе идет речь в двух этих произведениях или Игорева песнь говорит о другом одноименном князе. Но совпадение в титуле весьма примечательно.

Из летописи же взяты некоторые мотивы сна киевского князя Святослава, в их числе «дебрьские сани», на которых возили покойников.[См. в Ипатьевской летописи под 1015 г. о похоронах Владимира: «межи клѣтми проймавъше помость, в ковьрѣ опрятавши, и ужи свѣсиша и на землю и възложивъша и на сани» (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 115). Мотивы сна Святослава исчерпывающе исследованы М. П. Алексеевым в его работе: К «Сну Святослава» в «Слове о полку Игореве»//Слово. Сб.-1950. С. 226–248. {См. также: Салмина М. А. Дебрь Кисаню//Энциклопедия. Т. 2. С. 93–96; Соколова Л. В. Сон Святослава//Там же. Т. 5. С. 30–39.}]

В Слове находится довольно странная фраза о том, что половцы вжимали дань «по бѣлѣ отъ двора». И это после того, как они полонили Игоря и разграбили южнорусские земли. Перед нами чисто литературная реминисценция. Ее источник — летописное выражение «по бѣлѣ и вѣверици... от дыма» (859 г.).[ПСРЛ. Т. 2. Стб. 14. Дым был устойчивой единицей. Еще Игорь дал Свенельду право сбора дани «по черне куне от дыма» (НПЛ. С. 109).] Сохранилось даже «от» вместо «со». Д. С. Лихачев прав, когда говорит, что автор Слова вспоминал «старую летописную формулу... за которой не могло уже крыться реального содержания, так как сборы дани скорее всего должны были во второй половине XII в. совершаться деньгами, а не мехом».[Лихачев. Слово. С. 71.] К тому же если в IX в. дань хазарам платилась, то можно сомневаться, что в XII в. русские княжества платили подобную дань половцам.[Д. С. Лихачев справедливо пишет, что в данном случае «автор „Слова“ допускает явную гиперболу. Половцы не собирали систематически дани с русского населения» (Лихачев. Слово-1955. С. 71). По Б. А. Рыбакову, фраза «выпадает из общего тона событий 1185 г., так как тогда половцы... не

ограничивались данью соболями, а забирали женщин и детей» (Рыбаков. «Слово» и современники. С. 42).] В. Л. Янин обратил наше внимание на то, что «в южной Руси с середины XI в. до XIV в. нет ни одного клада, ни одной монетной находки». В. Л. Янин принимает как первичное чтение Лаврентьевской и Новгородской 1 летописей («по бѣлѣи веверицѣ»), а Ипатьевской («по бѣлѣи и вѣверици») — как вторичное. Но раз так, то первичное чтение «можно датировать лишь тем временем, когда „бела“ стала денежной единицей, т. е. не ранее второй половины XIII в. Соответствующее место в Слове о полку Игореве представляется нам результатом прямого заимствования из этой позднейшей редакции Повести временных лет».[Янин В. Л. Берестяные грамоты и проблемы происхождения новгородской денежной системы XV в.//ВИД. Л., 1970. Т. 3. С. 169. См. возражения А. Г. Кузьмина (Кузьмин А. Г. Термин «бела» древнерусских памятников//Средневековая Русь. М., 1976. С. 67–70).] Ведь «бѣла» стала денежной единицей только на рубеже XIII–XIV вв., да и то в Новгороде.[Ср.: Срезневский. Материалы. Т. 1. Стб. 317; Обсуждение одной концепции. С. 139. Составители «Словаря-справочника» даже не упоминают «белу» в значении денежной единицы (Словарь-справочник. М.; Л., 1965. Вып. 1. С. 47). Первые сведения о «белах» датируются концом XIV в., ибо закладная Васильевых составлена была не в XIII–XIV вв., а в середине XIV в. (ГВНиП. № 197).] Ее появление в Слове о полку Игореве может быть объяснено только непосредственным влиянием летописного текста, помещенного под 859 г. Понимание в летописном контексте «бѣлы» как белки маловероятно, ибо «веверица» и есть белка (т. е. тогда была бы явная тавтология).[Шарлемань Н. В. Из реального комментария к Слову о полку Игореве // ТОДРЛ. М.; Л., 1948. Т. 6. С. 118.] Возможно, именно как тавтологию и понял летописный текст автор Слова, откинув синонимическую «веверицу».[Веверицу отождествлял с белкой еще И. Н. Болтин в комментариях к Русской Правде: «вевериц сиречь белок» (Правда Русская, или Законы великих князей... СПб., 1792. С. 19).] Если признать верным наш вывод о том, что в сентенции о «беле» в Игоровой песни звучат летописные отголоски, то очень интересна будет замена «дыма», казалось бы, вполне ему равнозначным «двором». Но уже в 964 г. вятичи платили «дань... козаром по щелягу от рала», т. е. от плуга, а не от «двора».[ПСРЛ. Т. 2. Стб. 53.] Двор стал окладной единицей лишь в XVII в. Еще в XIV–XVI вв. облагались налогами выти, обжи, сохи. Переход к подворному обложению был длительным процессом. Первым подворным налогом был «подымный сбор» 1613–1639 гг. Однако введение дворовой единицы для важнейших налогов произошло после 1679 г. В XII в. дань платили от погоста (со времен княгини Ольги),[Памятники русского права. М., 1953. Вып. 2. С. 39–43, 117–118.] верви, т. е. она раскладывалась на своих членов самой общиной. Такой же порядок взимания уголовных штрафов (вир) знает и Русская Правда Пространной редакции для города и деревни («виревную платити» ст. 3, «платити по верви» ст. 6). Монголы ввели «число», за единицу считая «дом» или семью.[«Почаша ездити оканнии по улицам, пишюще дома крестьяньския» (НПЛ. С. 311). В грамоте Олега Рязанского (1356–1387) население погостов исчислялось «семьями» (АСЭИ. М., 1964. Т. 3. № 322). Подробнее об этом см.: Насонов А. Н. Монголы и Русь: История татарской политики на Руси. М.; Л., 1940. С. 14–15.] В этом, возможно, сказался не только порядок обложения, принятый в Китае, но и давнишняя традиция платы дани иноплеменникам с «дыма», «дома». Итак, «двор» не был на Руси окладной единицей до XVII в.

На каком основании «дым» в Слове все же заменен «двором»? Кроме позднейших ассоциаций тут, может быть, сыграл роль летописный рассказ 946 г. Ольга, как известно, подошла к городу древлян и потребовала, чтобы древляне «ялися по дань», уплатив «от двора по три голуби и по три воробьи».[А. Г. Кузьмин считает, что этот рассказ «отражает практику XII в., а не X в.», так как, по А. А. Шахматову, он принадлежит составителю Повести временных лет (Кузьмин. Ипатьевская летопись. С. 67). Соответствие легенды X в. юридической практике XII в. не определяется вопросом о времени происхождения

записи этой легенды.] Эта-то ассоциация «дань — двор» и могла быть использована в Слове.

Автор Слова допускает ошибки тогда, когда соединяет Задонщину с летописью. Так, он написал, что князь Борис погиб в 1078 г. «за обиду Ольгову», хотя Олег Святославич отговаривал его от выступления против коалиции князей («рече Олегъ к Борисовѣ: не ходиви противу, не можевѣ стати противу чотырем княземъ»).[ПСРЛ. Т. 2. Стб. 192.] В данном случае автора Слова о полку Игореве подвела формула Задонщины, которой он воспользовался для характеристики гибели Бориса.

Но особенно резко различаются Ипатьевская летопись и Слово по своей идейной направленности. Автор Слова о полку Игореве начисто лишен идеологических устремлений, связанных с феодальной раздробленностью. Общерусское понятие «Русской земли» в Слове не соответствует представлению о Русской земле как о Киевщине, встречающемуся в Ипатьевской летописи.[Ср.: Там же. Стб. 624. Мирозерцание автора Слова отличается и от круга представлений Даниила Заточника (XII в.). «Русская земля, — писал Б. А. Романов, — мысль о которой держит на себе весь идейный строй „Слова о полку Игореве“, и близко не лежала к словарному составу и запасу понятий Даниилова „Слова“» (Романов Б. А. Люди и нравы Древней Руси. М.; Л., 1966. С. 21).] К «земле Руськой» обращает свои проникновенные призывы автор «Слова о гибели», писавший около 1238–1246 гг. Для него Русь — все те земли, которые были «покорены» великому князю Всеволоду.[Бегунов Ю. К. Памятник русской литературы XIII века «Слово о гибели Русской земли». М.; Л., 1965. С. 156–157.] Исследователи «Слова о гибели» считают, что его автором был «выходец с южной Руси»[Бегунов Ю. К. Памятник русской литературы XIII века «Слово о гибели Русской земли». М.; Л., 1965. С. 123.] или лицо, писавшее свое произведение в Киеве.[Соловьев А. В. Заметки к «Слову о гибели Руськия земли»//ТОДРЛ. М.; Л., 1958. Т. 15. С. 102.] В трагической обстановке начавшегося порабощения Руси татарами автор вкладывал в южнорусское понятие «Русской земли» гораздо более широкое содержание, чем летописцы XII в.

Впрочем, и оно резко отлично от «Русской земли», выступающей в Слове о полку Игореве. Для автора «Слова о гибели» «земля Русская» имеет совершенно конкретные пределы и государственные формы. Это владения владими́ро-суздальского князя Ярослава Всеволодовича. Пределы «Русской земли» Слова о полку Игореве расплывчаты, они не связаны с каким-либо государственным единством, лишены той конкретности, которая характерна для памятников XII–XIII вв.[В 1951 г. А. Н. Насонов выпустил в свет книгу о Русской земле и образовании территории древнерусского государства (Насонов. «Русская земля»). Хотя он тщательно изучил понятие «Русской земли» в источниках до XIII в., ни одной ссылки на неоднократное упоминание «Русской земли» в Слове о полку Игореве в книге А. Н. Насонова мы не найдем. {См. также: Робинсон А. Н. «Русская земля» в «Слове о полку Игореве»//ТОДРЛ. Л., 1976. Т. 31. С. 123–136; Бобров А. Г. Русская земля//Энциклопедия. Т. 4. С. 243–245.}] Зато они соответствуют употреблению этого термина в Задонщине.

А. И. Клибанов обратил мое внимание на то, что вся картина рождения замысла Игоря о побеге из плена в Ипатьевской летописи проникнута феодальнорыцарской моралью. Князь первоначально отвечает отказом на предложение Давора (Овлура) бежать от половецкого хана, который «поручился» за князя, «молвяшетъ бо: азъ славы дѣля не бѣжах тогда от дружины, и нынѣ неславнымъ путемъ не имамъ поити». Бегство для князя-пленника — «неславный путь». «Думцамъ» удалось уговорить Игоря только тогда, когда они сказали, что половцы хотят «избити... князя... и всю Русь, да не будетъ славы тобѣ ни живота».[ПСРЛ. Т. 2. Стб. 650.]

Ничего подобного в Слове не встретим. Здесь нет представления о Кончаке как противнике, «треклятом», но равновеликом в феодально-иерархическом отношении новгород-северскому князю. Кончак не «поручается» за Игоря, а Игорь без каких-либо колебаний бежит из плена. Автор Слова рисует Кончака как «поганого кощея», а не как

достойного противника. Даже в XVI в. татарские мурзы и ханы входили в состав придворной знати Ивана IV и никогда как рабы («кощеи») не рассматривались.[А. Г. Кузьмин ссылается на то, что Кончак для киевского летописца «окаянный и безбожный и треклятый» (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 634). «Автор „Слова“, видимо, придерживался подобного мнения» (Кузьмин. Ипатьевская летопись. С. 85). Но «треклятый» и «поганый» — понятия принципиально различные. «Треклятым», «окаянным» называли Святополка, но никому из древнерусских писателей не могло и прийти в голову сказать, что он был «кощеим» или «поганым» (язычником).] А если учесть, что Кончак был сватом Игоря, то естественно, что изобразить его «кощея» в окружении северского князя не могли.[Соображение высказано Л. Н. Гумилевым в личной беседе со мной. Ряд интересных доводов, касающихся несоответствия картины политических отношений, нарисованных в Слове, реальной обстановке 1185–1187 гг., см. в его статье: Монголы XIII в. и «Слово о полку Игореве»// Доклады и сообщения Отделения этнографии Географического общества СССР. Л., 1966. Вып. 2. С. 55–80.] Отсутствие понятия о законах феодально-иерархической морали резко выделяет Слово о полку Игореве из состава памятников древнерусской литературы.

В обращении автора Слова к князьям обнаруживается полное смешение политических ориентаций. Так, наименование князя Всеволода «великим» (во владимирском летописании этот титул встречается все с того же 1185 г.) необъяснимо, если мы будем считать автора Слова выходцем из южнорусских княжеств.[Суждение А. В. Арциховского, что «верховенство Всеволода одинаково ощущалось во всех концах Русской земли» (Обсуждение одной концепции. С. 129), не соответствует реальной обстановке конца XII в. и не подкреплено фактами.] И уж совсем странен призыв к Всеволоду «прелетѣти издалеча отня злата стола поблюсти», т. е. побережь отцовский престол в Киеве, что фактически означало захватить этот город и вместе с тем для автора «грозный великий киевский» — князь Святослав.[Для Н. Ф. Котляра также кажется удивительным этот призыв: «Разве тот, кто идеализирует Святослава, может думать о замене его другим князем» (Котляр М. Ф. Загадка Святослава... С. 105).]

Вызывает недоумение и то, как обращается сам Святослав к другим князьям.[А. Г. Кузьмину неясно, «кто обращается к князьям: автор поэмы или киевский князь» (Кузьмин. Ипатьевская летопись. С. 86). Конечно, автор Слова от имени Святослава.] Так, для него Рюрик и Давыд — «господина», Ярослав — «господин». Ничего подобного в летописях нет. Там обращения строго нормированы, но это — «брате», «отче», «сыну». Словом же «господин» выражалась только прямая зависимость. Так, например, в 1179 г. обращались новгородцы к Мстиславу Ростиславичу[ПСРЛ. Т. 2. Стб. 610.] и Владимир Ярославич к своему дяде («отче господине, удержи Галичь подо мною»)[ПСРЛ. Т. 2. Стб. 667. Под 1180 г. этот термин вложен в уста рязанских князей Всеволода и Владимира Глебовичей, причем он характеризует их зависимость от владимирского князя Всеволода Юрьевича «ты — господин, ты — отец» (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 387).]. Д. С. Лихачев прав, что термин «господин» отразил «рост власти феодального класса под стоящими ниже его по лестнице феодального подчинения князьями».[Лихачев Д. С. Общественно-политические идеи «Слова о полку Игореве»// ТОДРЛ. М.; Л., 1951. Т. 8. С. 25.] Но если так, то Святослав, стоящий, в представлении автора Песни, на иерархической лестнице князей во всяком случае выше Ярослава, не мог обращаться к нему как к «господину».

В отличие от летописца, автор Слова основным своим героем избирает не князей, а Русскую землю. Еще А. И. Никифоров обратил внимание на неконкретность и схематичность многих характеристик князей, выраженных главным образом устно-поэтическими штампами.[Никифоров. Слово. С. 795–796.] Это во многом определяется и жанром Слова, и его идейным содержанием, и, наконец, тем, что в распоряжении автора произведения не было никакого другого достоверного исторического материала, кроме летописей.

Если в Задонщине очень строго соблюдается феодальный этикет, то в Слове этого нет. Всеволод вообще не называется князем, а герой похода Игорь именуется князем только 9 раз из 27.[Соловьев А. В. Автор «Задонщины» и его политические идеи//ТОДРЛ. М.; Л., 1958. Т. 14. С. 194.] По этой манере Слово приближается к рассказу 1185 г. Ипатьевской летописи, где Игорь (как обычно в летописях) упоминается и без княжеского титула, и даже без отчества. В Слове упоминается, по подсчетам А. В. Соловьева, около 40 князей. Основная часть их происходила из семьи Ольговичей и Мономашичей, т. е. чернигово-северских и отчасти князей полоцких.[Соловьев. Политический кругозор. С. 100.] Интерес автора к Чернигову и Полоцку будет особенно ощутим, если сравнить Слово с традицией киевского или владимирского летописания, в которой Олег Святославич и Всеслав Полоцкий выступают отнюдь не героями, а сеятелями усобиц и раздоров.

Но мы можем говорить только об интересе автора Слова к событиям в том или ином районе Русской земли, а отнюдь не о том, что он был дружинником какого-нибудь князя, как это принято в литературе (в последнее время дружинником склонны считать автора Слова о полку Игореве Д. С. Лихачев[Лихачев. Исторический и политический кругозор. С. 51. Ср. также: Назаревский А. А. Автор «Слова о полку Игореве» и его общественно-политические взгляды // Наукові записки. Філологічний збірник [Київ. держ. ун-та]. Київ, 1951. Т. 10, вып. 3. № 3. С. 195–212.] и Б. А. Рыбаков[Рыбаков. Русские летописцы. С. 398. {Б. А. Рыбаков на той же странице оговаривает, что автор Слова «был не простым воином, а принадлежал к старшей дружине, т. е. к боярству». Ученый атрибутировал Слово боярину-летописцу Петру Бориславичу. См.: Рыбаков Б. А. Петр Бориславич...}]). Еще В. Ф. Ржига верно заметил, что «мысль об авторе „Слова“ как дружиннике чьем бы то ни было — Игоря или Святослава или Ярослава Галицкого должна быть решительно отвергнута». В. Ф. Ржига считал, что невозможно объяснить, как чей бы то ни было дружинник смог «идейно занять такую позицию, которая объяснима только как междукняжеская».[Ржига В. Ф. «Слово о полку Игореве» как поэтический памятник Киевской феодальной Руси XII века//Слово о полку Игореве/Ред. древнерус. текста и перевод С. Шамбинаго и В. Ржиги; Переводы С. Шервинского и Г. Шторма; Статьи и коммент. В. Ржиги и С. Шамбинаго; Ред. и вступ. статья В. Невского. М.; Л.: Academia, 1934. С. 157–158; Ср. также в статье: Розанов И. Н. Русское книжное стихотворство от начала письменности до Ломоносова // Вирши: Силлабическая поэзия XVII XVIII веков. Л., 1935. С. 19. Мысль о том, что автор Слова мог принадлежать к коллективу музыкантов, выступавших в киевском дворце, В. Ф. Ржига развивал в более поздней статье (Ржи-га В. Ф. Несколько мыслей по вопросу об авторе «Слова о полку Игореве»//ИОЛ Я. 1952. Т. 11, вып. 5. С. 428–438). В <опубликованной посмертно> работе В. Ф. Ржиги также говорится о том, что автор Слова «стоял на позициях киевского веча своего времени» (Ржига В. Ф. Автор «Слова о полку Игореве» и его время // АЕ за 1961 г. М., 1962. С. 15).] Ссылаясь на скандинавскую поэзию скальдов, В. Ф. Ржига выдвигал мысль о том, что автор Слова был придворным княжеским поэтом.[См. также: Лихачев Д. С. Каким был автор «Слова о полку Игореве»?//ТОДРЛ. СПб., 1993. Т. 48. С. 26–30.]

Против гипотезы о дружинном происхождении Слова говорит и сравнительно незначительное внимание его создателя к ратным подвигам князей (о других воинах вовсе ничего нет), и слабое знание древнерусского вооружения.

Причудливые звучные сочетания «мечи харалужные», «ляцкие сулицы»,[Очень интересно соображение А. Ф. Грабского о том, что автор Слова «не сообщает ни о каких сортах оружия, ни о польском, ни о литовском, ни об аварском». Говоря о «сулицах ляцких», автор Слова, по мнению Грабского, мог иметь в виду то, что победы княжичами одержаны при поддержке поляков. Grabski A. F. Uwagi o «Złotych szłomach i sulicach lackich» w «Słowie o wyprawie Igora»//Slavia Orientalis. 1959. Roć. 7. N 4. S. 51–59.] «латинские шеломы», «литовские шеломы», «серебряное стружие» совершенно отсутствуют в летописях и других источниках. А они отлично знают различные виды вооружения князей и простых воинов. Афоризм из Моления Даниила Заточника (XIII в.)

— «Не оперив стрелы, прямо не стрелити» точно передает свойство лука и стрел.[Слово Даниила Заточника по редакциям XII и XIII вв. и их переделкам / Приготовил к печати Н. Н. Зарубин. Л., 1932. С. 68. На это обстоятельство мое внимание обратил А. Ф. Медведев.] Автор Слова был далек от знакомства с вооружением русских воинов XII в.[Об изготовлении оружия на Руси см.: Колчин Б. А. Черная металлургия и металлообработка в Древней Руси//Материалы и исследования по археологии СССР. М., 1953. № 32. С. 130.] С другой стороны, в Слове нигде не проскальзывает детального знания видов и свойств боевого и защитного вооружения.

Иногда он прямо заблуждается, давая краткую характеристику тому или иному оружию. Так, в Слове «копия поют на Дунай».[Д. С. Лихачев разрывает этот текст: «Копия поют. На Дунай Ярославнынь глас слышитъ» (Слово-1950. С. 26). Такая конструкция противоречит стилистическим особенностям памятника (ср.: «трубы трубятъ въ Новѣградѣ», «саблямъ потручяти... на рѣцѣ на Каялѣ», «брата разлучиста на брезѣ быстрой Каялы»),] Но А. В. Арциховский справедливо пишет, что «копье на Руси предназначалось не для метания, а для удара».[Арциховский А. В. Русское оружие X–XIII вв.//Доклады и сообщения исторического факультета МГУ. М., 1946. Вып. 4. С. 11; Кирпичников А. Н. Древнерусское оружие. М.; Л., 1966. Вып. 11. С. 22.] Метательные орудия назывались «сулицами».[Поэтому когда «Б. В. Сапунов дал справку о том, что в Ленинграде, в Эрмитаже имеются метательные копья Древней Руси» (Обсуждение одной концепции. С. 139), то он имел в виду сулицы, а не копья. Б. А. Рыбаков пишет: «Копья никогда и не стали метательным оружием» (Рыбаков, Кузьмина, Филин. Старые мысли. С. 160). Диаметрально противоположное мнение высказал А. В. Соловьев: «Длинные копья всегда были метательным оружием» (Соловьев А. В. Копья поют//Publications of the Modern Humanities Research Association. 1970. Vol. 2. P. 224). Речь идет не об этом, а о том, что метательные копья на Руси назывались «сулицами». И единственный (весьма сомнительный) случай упоминания о «копьях» как метательном орудии относится только к 1281 г. («начаша побадыватися копьи» — Ипатьевская летопись//ПСРЛ. Т. 2. Стб. 886).] Следовательно, прав В. Б. Вилинбахов, говоривший, что «поющие копья» Слова являются «позднейшим вымыслом».[Обсуждение одной концепции. С. 138.] Д. С. Лихачев считает, что приведенная выше фраза в Слове «как бы оборвана, а возможно, и искажена».[Лихачев Д. С. Устные истоки художественной системы «Слова о полку Игореве» // Слово. Сб.-1950. С. 76. [В последнем своем объяснительном переводе Лихачев, однако, пришел к иному пониманию и толкует это место так: «Копья поют (поют бросаемые копья, где-то, следовательно, воюют)». Лихачев. Слово-1982. С. 73.]] Вряд ли можно найти в ней какую-либо порчу текста. Просто автор Игоревой песни упомянул о пении копий сквозь призму позднего представления об этом виде оружия.

Литературного, а не конкретно-исторического происхождения выражение «аварские шлемы» (автор Слова склонен давать причудливые названия шлемам и сулицам). В Слове говорится о том, что «шеломы оварьскыя» были «поскепаны» саблями. Так как глагол «скепать» (укр.) означает «щепать»,[Гринченко. Словарь. Т. 4. С. 133, 135; Фасмер. Этимологический словарь. Т. 3. С. 638.] то некоторые исследователи видели в Слове намек на истинные половецкие шлемы, которые якобы делались из деревянных лубков.[Кондаков Н. П. Македония. СПб., 1909. С. 27; Лихачев. Изучение «Слова о полку Игореве». С. 37; Творогов О. В. Комментарии // Слово-1967. С. 489.] Но шеломы половецкие не могли быть «поскепаны», т. е. разбиты в щепы, ибо они были металлическими. Кроме шишаков у половцев были и кожаные шлемы.[У половцев были «сферические шлемы (кожаные и железные) на железном каркасе» (Плетнева С. А. Печенеги, торки и половцы в южнорусских степях//МИ А. М.; Л., 1958. № 62. С. 179).] Но и их «скепать», т. е. разбивать в щепы, расщеплять, не могли. Глагол «скепать» применялся к деревянным щитам. «Оскепищем» («скепищем») также называлось и древко копья.[См. Ипатьевскую летопись под 1231 г. (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 768). Ср.: Срезневский. Материалы. Т. 3. Стб. 403; Фасмер. Этимологический словарь. Т. 3. С. 159.] Выражение «щет скѣпание» автор Слова мог

найти под 1240 г. в Ипатьевской летописи. А замена щита шлемом вполне согласуется с его обычной манерой использования источников (замена «копья» — «стружем» и т. п.). [А. В. Арциховский считает, что «шлем состоял из нескольких вертикальных долей. Они складывались накладными пластинками, то есть не особенно прочно. При сильном ударе шлем раскалывался по линии соприкосновения долек» (Обсуждение одной концепции. С. 138). Все это верно, но беда, что глагол «скепать» связан только с деревом и деревянными предметами и означал «расщеплять». Его нельзя было применить к железному или кожаному шлему. Приводя значение «оскеп» как «железный рожон» («пободоста и оскепом». ПСРЛ. Т. 2. Стб. 287, 1123 г.; Срезневский. Материалы. Т. 2. Стб. 723), Б. А. Рыбаков делает заключение: «Глагол „скепать“ в большей мере связан с железными доспехами, чем с деревом» (Рыбаков, Кузьмина, Филин. Старые мысли. С. 160). Вывод весьма странный: «скепать» может относиться только к расщеплению деревянных предметов. И если «оскеп» не означает (так же как и «оскепище») древка копья, то все равно это название произошло от назначения копья разбивать в щепы щиты и другие предметы.]

Выше мы писали, что замена «меча» (Задонщина) «саблей» (Слово) также свидетельствует о слабом знании оружия XII в. автором Игоровой песни.[См. подробнее главу II.]

И при всем этом, при наличии отдельных фактических погрешностей, при известном смещении хронологической перспективы княжеских отношений поразительно глубокое проникновение автора Слова в сложнейшие перипетии политической истории Древней Руси. Любовь к русской истории и острая наблюдательность придавали его произведению такой пленительный аромат древности.[Проблема соответствия Слова реальной исторической обстановке на Руси была обстоятельно рассмотрена в работе: Робинсон А. Н. Автор «Слова о полку Игореве» и его эпоха//Слово о полку Игореве: 800 лет. М., 1986. С. 153–191. Ученый подчеркивает, что автор «Слова был великим поэтом, а не хорошим летописцем» (С. 184), во имя своих художественных задач он допускает ряд антиисторизмов: приписывает Святославу единоличную победу над Кобыком в 1184 г., преувеличивает грозность половецких сил, незаслуженно низводит соправителя Святослава Рюрика, называя его рядом с братом Давыдом, а не рядом с великим князем Святославом, и т. д.]

Автор Слова о полку Игореве пользовался текстом Ипатьевской летописи, близким к группе списков: Хлебниковского, Погодинского, Ермолаевского и Яроцкого. Так, в Слове кроме приведенных выше случаев, сходных с этими списками, встречаем термин «Плѣсньск», как в Хлебниковском и Погодинском («къ Плѣсньску»), а не «Прѣсньску», как в Ипатьевском списке (1188 г.).[ПСРЛ. Т. 2. Стб. 662.]

В конце списков Ермолаевского (а с ним был знаком еще В. Н. Татищев)[Пештич С. Л. Русская историография XVIII века. Л., 1961. Ч. 1. С. 257–258.] и Я. В. Яроцкого (БАН, 21.3.14)[Описание рукописного отдела Библиотеки Академии наук СССР. М.; Л., 1959. Т. 3, вып. 1. С. 304–306.] помещается Сказание о Мамаевом побоище особого вида, которое обнаруживает несколько мест, близких к Игоровой песни. Н. К. Гудзий приводит из разных списков Сказания о Мамаевом побоище десять отрывков, которые должны показать влияние Слова на этот памятник.[Гудзий. По поводу ревизии. С. 91–92. О возможности влияния Слова о полку Игореве на Сказание о Мамаевом побоище писал еще в рецензии на книгу С. К. Шамбинаго А. В. Марков (ЖМНП. 1908. Апрель. С. 433–446), но ему справедливо возражал А. Д. Седелников (Седелников. Где была написана «Задонщина»? С. 527–528). Тезис о влиянии Слова на разные тексты Сказания о Мамаевом побоище недавно повторил Р. О. Якобсон (Jakobson. Sofonija's Tale. P. 22 и след.).] Сопоставим их с Задонщиной и Словом о полку Игореве.

Слово: 1. А мои ти куряни свѣдоми кѣмети. **Задонщина (список И1):** Те бо... ведоми полковидцы {л. 217} **Сказание:** А русские удалцы сведоми...

Слово: 2....за обиду Олгову... **Задонщина (список И1):** За обиду великого князя Дмитриа... {л. 217 об.} **Сказание:** За твою обиду государя великого князя...

Слово: 3. Земля тутнетъ. Рѣкы мутно текутъ... **Задонщина (список И1):** Возмутися рѣки... кровию протекли реки {л. 219 об. и 222 об.} **Сказание:** Велми земля стонет... реки мутно пошли...

Слово: 4....трещать копия харалужныя... **Задонщина (список И1):** ...ударяшася копии харалужными... {л. 219} **Сказание:** Треснуша копия харалужная...

Слово: 5. (Сопоставление битвы с пиром) **Задонщина (список И1):** Испити медвяная чаша {л. 220 об.} **Сказание:** ...аки звании на брак сладкого вина пити.

Слово: 6. Уныша бо градомъ забрал ы... **Задонщина (список И1):** Плакашася у Москвы у берега (И2 города) на забралах... Уныша бо царем их хотение... {л. 222 об.} **Сказание:** Уныша бо царие...

Слово: 7. Уже снесеса хула на хвалу... Уже връжеса дивъ на землю... **Задонщина (список И1):** Уже... възнесеса слава руская на поганых хулу. {л. 223} Уже връжено диво на землю. {л. 223} **Сказание:** Уже возлияс хвала на хулу и вержеса диво на землю...

Слово: 8. А главы своя подклониша подъ тыи мечи... **Задонщина (список И1):** Главы своя и подклониша под мечи руския. {л. 223} **Сказание:** ...а главы своя под русские мечи подклониша...

Слово: 9....звоня рускымъ златомъ... **Задонщина (список И1):** ...въсплескаша татарским златом... {л. 223} **Сказание:** ...обогаеет руским златом...

Слово: 10....побарая за христьяны... **Задонщина (список И1):** Положили есте головы... за веру хрестьянскую {л. 224 об.} **Сказание:** ...побарают по христьянской вере...

Из приведенных Н. К. Гудзием десяти фрагментов, взятых им из различных редакций Сказания о Мамаевом побоище, только три (№ 3, 4, 7) дают чтения, более близкие к Слову, чем Пространная редакция Задонщины. Остальные или сходны с Задонщиной, или даже более отдаленны, чем в последней. [Десятый отрывок содержит лишь общий со Словом термин «побарать», характерный вообще для церковно-воинских сочинений.] Седьмой отрывок находится в списке ГБЛ, собр. Тихонравова, № 337. Четвертый отрывок (есть в Печатной группе), возможно, восходит к тексту Задонщины, имеющему те же особенности, которые имел список этого памятника, находившийся в распоряжении автора Слова (в У и С не «треснуша», а «ударяша», И1 — «ударяшася» копы). [См. выше главу I. Можно добавить и еще один элемент близости Слова к Печатной группе Сказания. Так, текст Сказания «корды лятцкие, сулицы немецкие, щиты» близок к тексту Слова «зла-гтыи шеломы и сулицы ляцкие и щиты». В соответствующем фрагменте Задонщины щиты помещены перед сулицами, которые называются «ординскими» (И1) или «немецкими» (У, С). Никаких «ляцких корд» (дефектное от «ординские») там нет вовсе.] О том, что отрывок № 3 мог читаться в каком-либо недошедшем списке Задонщины, писал в свое время С. К. Шамбинаго. [Шамбинаго. Повести. С. 110.]

На несколько случаев близости Слова к Сказанию по списку Тихонравова, № 337 обратил недавно внимание Р. О. Якобсон. [Jakobson. Sofonija's Tale. P. 22.] Так, выражение Слова «лисици брешутъ на чръленыя щиты» близко к «лисицы брехюще и глядяше на злащенны доспехи». [Шамбинаго. Повести, приложение. С. 106. Сходно с Печатной группой: «лисицы брешут, гля-дючи на злащенны доспехи» (С. 57). В других редакциях Сказания о лисицах не упоминается вовсе, а в Задонщине говорится, что лисицы «на кости брешут».] В том же месте списка есть фрагмент «древа покланяютца и трава постилаетца», созвучный выражению «ничить трава жалошамы, а древо с тугою къ земли преклонилося» (Слово). Однако этот же фрагмент есть в Основной группе Основной редакции Сказания. [Повести. С. 61.] С другой стороны, вслед за рассказом о лисицах в Слове помещен текст: «Длъго ночь мркнетъ. Заря свѣтъ запала. Мъгла поля покрыла». И он, очевидно, восходит к Сказанию, где читаем: «Уже бо нощи глубоце и зоря потухаше». [Шамбинаго. Повести, приложение. С. 109.] Впрочем, в Основной группе Основной

редакции текст даже ближе к Слову: «Уже заря померкла, нощи глубоце сущи».[Повести. С. 64.]

Однако в целом Тихонравовский № 337 (и сходный с ним список ЦГАДА, ф. 181, № 71)[На это обратил внимание Л. А. Дмитриев (см.: Дмитриев. Вставки из «Задонщины». С. 408).] представляет другую редакцию Сказания (Распространенную), чем та, которая помещена в сборниках с Ипатьевской летописью (Основная). Последняя близка к особой разновидности Основной группы («О») Основной редакции, представленной списком ГИМ, собр. Уварова, № 802. И именно в этой разновидности есть два отрывка, обнаруживающие сходство со Словом о полку Игореве и Тихонравова, № 337.[«Лисицы брешут, глядячи на злаченыя доспехи» (ГИМ, собр. Уварова, № 802, л. 194 об.); «Ужо бо восияет хула на хвалу. Уже бо вержется диво на землю» (Там же, л. 205). Ср. в Ермолаевском: «лисицы брешут, глядячи на златыя доспехи» (ГПБ, F.IV, № 231, л. 303) и «уже восияху на хвалу же, уже везется дивно на землю» (л. 314). В Архивском: «Уже возсия хула на хвалу и вержеся диво на землю» (ЦГАДА, ф. 181, № 71, л. 66). Н. С. Демкова установила, что аналогичная фраза есть в списке ГПБ, Эрмитажное собр., № 526: «вознесся слава русская на поганых, уже бо ввержен скипетр на землю» (л. 36 об., ср.: ГБЛ, собр. Тихонравова, № 238, л. 86). {См.: Демкова. Заимствования из «Задонщины». С. 466.}]

Н. С. Демкова подметила, что после фразы о диве в Тихонравовском списке № 337 идет текст «уже от многих сот и под кони сотрошася».[Шамбинаго. Повести. Тексты. С. 116.] Но в Слове о полку Игореве перед аналогичным текстом о диве читаем «прострошася половци, аки пардуже гнѣздо». Н. С. Демкова в Сказании видит «звуковое уподобление» Слову.[В статье Н. С. Демковой не удалось обнаружить ни указанного наблюдения, ни сопоставления с приведенным чтением «Слова».] На наш взгляд, можно говорить об обратном. При этом в Ермолаевском списке текст еще более близкий: «мнози же сынове русти сотрошася».[ГПБ, F.IV, № 231, л. 308.] В Ермолаевском списке есть и другие сходные со Словом тексты («уже нощи глубоце и заря изгасе», «древа вся прекланяются и трава вся сильная постилается»).[ГПБ, F.IV, № 231, л. 303, 304 об.] отдельные выражения («буевы сынове», «обогащаем руским златом»).[ГПБ, F.IV, № 231, л. 309, 293 об. Отмеченную еще Р. О. Якобсоном близость выражений «буавии сынове» и «златоверхий терем» Сказания со Словом Л. А. Дмитриев считает возможным объяснить и «случайным совпадением» {Дмитриев. Вставки из «Задонщины». С. 435}. Н. С. Демкова удачно сопоставила обращение Ярославны к солнцу и ветру с молитвой жены Дмитрия Донского Евдокии, опасавшейся, что солнце и ветер поразят ее детей: «егда поразить их ясное солнце с юга или ветер повеет противу запада, обою не могут еще трѣпети».[Повести. С. 55. {См.: Демкова. Заимствования из «Задонщины». С. 451}] Сходный текст есть в списках Сказания Ермолаевском и Яроцкого.[«А егда поразит их солнце со юга (и ветры повеют противу запада), обою не могу терпети» (ГПБ, F.IV, № 231, л. 299 об.). Текст в скобках восстановлен по ГИМ, собр. Уварова, № 802, л. 180 об.]

В Сказании (как и в Задонщине) в момент отправления в поход Дмитрия Ивановича «солнце ему ясно на востоце сияет, пут ему поведает». С собою князь взял «десеть мужей сурожан, видения ради: аще что случится, имут тыи поведати в далних землях».[ГПБ, F.IV, № 231, л. 299–299 об.; Повести. С. 55.] В сходных же выражениях говорится о выезде князя Игоря, которому «солнце... путь заступаше». При этом «Дивъ кличетъ... велить послушати земли незнаемѣ... Сурожу». Выше мы обращали внимание на странность появления Сурожя как «незнаемой земли», да еще в числе тех, которых предупреждает див. Не исключено, что этот фрагмент (судя по его контексту, смыслу и лексике)[Он непосредственно помещен перед фрагментом о лисицах, брешущих на щиты, восходящим к Сказанию] навеян Сказанием о Мамаевом побоище.

Наконец, последнее. В начале Слова лебедь «пѣсь пояше старому Ярославу».

В Сказании после того, как стало известно о спасении Дмитрия, «воеводы говорят: „Радуйся, наш древный Ярославе“».[ГПБ, F.IV, № 231, л. 310; Повести. С. 73.] Возможно,

что обращение автора Слова к «давнему» («старому») Ярославу также имеет литературный источник.

Н. С. Демкова задала две загадки исследователям, на которые в настоящее время ни защитники древности Слова, ни сторонники позднего происхождения памятника не могут предложить сколько-нибудь удовлетворительного ответа. Причина этого состоит в неизученности взаимоотношения рукописей Распространенной редакции Сказания.

Первую загадку составляет чтение «телеги яки трубы гласят» (ГБЛ, ф. 29, № 1516, л. 365)[«Глас скрипания телег» есть под 1240 г. в Ипатьевской летописи. {Пример из Сказания приведен Демковой на с. 453.}] или «яко град и телези ревуще» (ГПБ, Q.IV, № 354). Тут дело не просто в переключке со Словом («Крычать тѣлѣгы полунощы»), а в том, что в обоих случаях упоминание о телегах находится в сходном контексте. В Повести перед ним говорится о глубокой ночи («нощи глубоце...»), а позднее о грозе («грозу подают»).[Шамбинаго. Повести. Тексты. С. 109–110.] В Слове лаконично: «Нощь стонуци ему грозою». После крика телег в Слове: «вльцы грозу вьсрожать по яругамъ. Орли клетомъ...», в Повести: «волцы воюще грозно велми, по правой стране орлове кричаще... грозу подают»[Шамбинаго. Повести. Тексты. С. 110.]. Весь этот фрагмент сказания есть в Ермолаевском списке, но без упоминания телег.

Вторая загадка Н. С. Демковой — это выражение «Доне течеси сквозь Половецкую землю» Сказания Распространенной редакции по списку Тихонравова, № 238. В плаче Ярославны «Днепре... сквозѣ землю Половецкую». Предлог «сквозе» есть только в списках Сказания ГБЛ, Музейное собр., № 3123, ГИМ, собр. Уварова, № 492, ГПБ, собр. Погодина, № 1555, но дальше от Слова (протекла «сквозе каменные горы, а течеси в землю Половецкую»).

Это чтение находим как раз в том месте Сказания, которое испытало вторичное влияние «Задонщины».[Кстати сказать, нет и в сохранившихся списках Задонщины глагола «треснули» (копья харалужные), который находим в Печатной группе Сказания и Псковской летописи (о ней см. в следующей главе). Этот глагол, как и предлог «сквозе», возможно, читался в Сказании или в Задонщине, которыми пользовался автор Слова.] Неясно, имелось ли оно в источнике данной версии Сказания (Задонщине) или появилось под пером компилятора. Если стоять на точке зрения первичности Слова о полку Игореве, то придется доказывать, что обнаруженные Н. С. Демковой совпадения с поздними списками Распространенной редакции Сказания читались в архетипе этого памятника (или Задонщины), или обосновать возможность вторичного влияния Слова еще на две версии Сказания.

Сама Н. С. Демкова в предлоге «сквозе» видит следы протографа Задонщины.[Демкова. Заимствования из «Задонщины». С. 470.] Но почему этого слова нет во всех сохранившихся списках памятника, остается неясным.

Характер текстологической близости Слова к Сказанию типа F.IV, № 231 исключает возможность влияния Игоревой песни на этот вариант Сказания.[Н. С. Демкова считает, что Слово влияло на Сказание и через Задонщину (в более первоначальном варианте, чем по спискам, в которых она сохранилась), и непосредственно «в виде цитат», как, например, в случае с «хулой и хвалой» (Демкова. Заимствования из «Задонщины». С. 476). О влиянии Слова на позднейшие варианты Сказания пишет и Л. А. Дмитриев (Дмитриев. Вставки из «Задонщины». С. 434–438).] Ведь речь идет о мельчайших текстологических нюансах («вержется» Сказания и «врѣжеса» Слова, в отличие от «врѣжено» Задонщины; «хула» и «хвала», в отличие от «славы» и «хулы» Задонщины; то же и в случаях, когда нет черт близости Сказания и к Задонщине). Они не могли быть внесены под воздействием мотивов Слова о полку Игореве без следов какой-либо более значительной общности.

Л. А. Дмитриев, обратив внимание на то, что в списке Уварова, № 802 два места, близких к Слову (о хуле и хвале и о брешущих лисицах), находятся в песенно-эпических вставках, говорит «о непосредственной связи этих мест со Словом о полку Игореве».[Дмитриев. Вставки из «Задонщины». С. 435–438.] С этим согласиться нельзя. Ведь фраза

о «хуле» и «хвале» встречается не только в списках Сказания Основной редакции (Уварова, № 802, F.IV, № 231), но и Распространенной (Тихонравова, № 230 и 237, Оболенского, № 71), причем вне эпического контекста. Поэтому она не могла попасть в Сказание вместе с эпической традицией.

Н. С. Демкова полагает, что фрагмент с хулой был «использован в „Сказании“ на раннем этапе жизни текста, когда Основная и Распространенная редакции еще не разошлись».[Демкова. Заимствования из «Задонщины». С. 476.] Это — чистая декларация, не подкрепленная текстологическим анализом соотношения между обеими редакциями Сказания. Но так как в интересующем нас месте речь идет даже не о взаимосвязи редакций в целом, а их отдельных изводах, то гораздо правдоподобнее будет считать, что один из поздних изводов Основной редакции повлиял на один из изводов Распространенной. Обработку же фраз о хуле и лисице, следовательно, вполне можно отнести за счет самого составителя эпических мест архетипа списков Уварова, № 802 и сходных, а не возводить непосредственно к Слову о полку Игореве.

Еще более проблематично объяснение Л. А. Дмитриевым других черт близости Слова и отдельных списков Сказания. По его мнению, некоторые переписчики Сказания, сталкиваясь с заимствованиями из Задонщины, «вспоминали соответствующие места из „Слова“ и на основе этих припоминаний, не обращаясь к письменному тексту, вносили изменения в переписываемый текст, которые приближали отдельные чтения к „Слову о полку Игореве“».[Дмитриев. Вставки из «Задонщины». С. 434.] Каким же уровнем ассоциативного мышления нужно было обладать в XVI–XVII вв., чтобы выискивать в Сказании фрагменты Задонщины, да еще близкие к Слову, и править их по памяти, зная, очевидно, Слово, как «Отче наш»! Никаких доказательств существования подобных приемов работы переписчиков Сказания Л. А. Дмитриев, разумеется, привести не мог.

Но допустим, что Слово влияло на позднейшую версию Сказания. Тогда сразу же придется предположить, что Игорева песнь была наряду с этим и источником архетипа Сказания, ибо сходство со Словом есть уже и в Основной редакции памятника. Далее, отмеченная выше манера использования источников не свойственна автору Сказания по списку Уварова, № 802 и сходным. Придется также допустить бытование Слова о полку Игореве в XVI–XVII вв., а следов этого у нас нет. Наконец, тот факт, что в Слове есть несомненные черты близости к Ипатьевской летописи, а именно в поздних списках ее и находится версия Сказания по списку Уварова, № 802, их придется объявить случайным совпадением. Не слишком ли много натяжек нужно сделать, чтобы сохранить гипотезу о древнем происхождении Слова о полку Игореве? Зато использование трех-четырех отрывков из Сказания одной из поздних версий (сохранившейся в сборнике с Ипатьевской летописью, близкой к Сказанию) в Слове о полку Игореве не может показаться неожиданным — такова же манера работы автора Игоревой песни и с другими источниками.

Извод Ипатьевской летописи со Сказанием о Мамаевом побоище, возникший не позже середины XVII в. (дата списка Яроцкого), основан на варианте, представленном Хлебниковским списком. Следовательно, Слово, если признать обоснованным предположение о знакомстве его автора с этим изводом летописи, не могло возникнуть ранее XVI–XVII вв.

Исторические сведения Слова о полку Игореве кроме Ипатьевской летописи имеют еще один источник — Кенигсбергскую летопись (издана в 1767 г.).[Точнее, речь идет о тексте, общем для Лаврентьевской и Кенигсбергской летописей. Текстологические данные не дают оснований для предпочтения какого-либо его списка. О причинах, почему мы считаем более вероятным использование автором Слова издания 1767 г., будет сказано в главе VI.] К ней восходят несколько текстов Слова. Во-первых, упоминание о походе князя Всеволода и Глебовичей на Волгу в 1184 г.[«Иде князь Всеволод на болгары... со Глебовичи Рязанскими» («Библиотека...». С. 272).] Об участии в походе Всеволода «Глебовичей» Ипатьевская летопись не знает. Во-вторых, воспоминания Ярославны о

«безводной жажде»[«Изнемогли бо бяху безводьем» («Библиотека...». С. 277); ср. «тугою имъ тули затче» (Слово) с «сами во зной и в тузе» (летопись).] воинов Игоря, навеянное «безводьем», которым, по словам летописи, «изнемогли» участники похода. Возможно, и фраза «древо не бологомъ листвие срони» Слова[Речь, конечно, идет не о том, что автор Слова знал «о сроках листопада 1185 года» (Рыбаков, Кузьмина, Филин. Старые мысли. С. 156), а о том, что всякий наблюдательный человек может засуху связать с листопадом.] также навеяна сообщением Кенигсбергской летописи о засухе. Рассказ о листопаде является в Слове как бы присказкой к тому, что половцы «по Рсии, по Сули гради подѣлиша». Однако о захвате половцами городов по Суле говорится только в Кенигсбергской летописи, т. е. там же, где есть сведения о «жаре». Это также говорит в пользу того предположения, что Кенигсбергская летопись была источником Слова.

По Кенигсбергской летописи, битва продолжалась 3 дня («бишася 3 дни стрелци», «по 3 дни бо не пустили бяху их к воде»). Это перекликается со Словом («третьяго дни къ полудню падоша стязи Игоревы»). По Ипатьевской летописи, трагическое сражение продолжалось всего два дня. Это, очевидно, и верно. Кенигсбергская (Лаврентьевская) версия ошибочна.[Рыбаков. «Слово» и современники. С. 252.] Ее появление Б. А. Рыбаков склонен объяснять тем, что составитель этой версии знал Слово о полку Игореве и неверно понял замечание о трех днях, в котором слито два сражения. Но никаких данных об использовании в Кенигсбергской летописи Игоревой песни у нас нет. Поэтому или в данном случае перед нами след воздействия летописи на Слово, или автор Слова синтезировал Ипатьевскую версию о двух сражениях.

Два текста: «по Рсии, по Сули гради подѣлиша» и «Уже бо Сула не течеть серебряными струями къ граду Переяславлю» тесно связаны между собою. Если брать конкретно — географически, то в последнем случае допущена ошибка: Сула никогда не текла к Переяславлю. Но дело, конечно, не в этом. В Кенигсбергской летописи рассказывается, что после разгрома Игоря половцы «гнаша отай к Переяславлю и взяша все города по Суле» (третий мотив).[«Библиотека...». С. 278.]

В-четвертых, рассказ о «Ярославлих» (принимая конъектуру Д. С. Лихачева) [Лихачев. Исторический и политический кругозор. С. 15–16; Рыбаков. «Слово» и современники. С. 86–87. {См. также: Творогов О. В. «Ярославли внуки»//Энциклопедия. Т. 5. С. 293–295.}] и «Всеславлих» внуках, соответствующий летописному преданию (записанному под 1128 г.) о взятии меча «Рогволожими внуками противу Ярославлим внуком».[«Оттоле мечъ возимают Рогволожи внуцы противу Ярославлим внуком» («Библиотека...». С. 186).] «Рогволодовы» внуки в Слове превращаются во внуков эпического князя Всеслава, а «Ярославли» внуки остаются. Тема о мечах трижды варьируется в данном контексте Слова в связи с полоцкими князьями, причем в сходных выражениях («Приими мечъ сей, понзи... поверг мечъ свой», ср. в Слове: «уже понизить стязи свои, вонзить свои мечи верезени»). В Слове даже появился некий князь Изяслав Василькович, которого не знают источники,[Речь должна идти о Всеславе Васильковиче: см. под 1180 г. в Ипатьевской летописи, где упоминаются «Василковича Брячьслав из Витебьска, брат его Всеслав с полочаны» (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 620). {См. также: Творогов О. В. Изяслав Василькович//Энциклопедия. Т. 2. С. 275–277.}] возможно, в результате ошибочного перенесения полоцкого князя Изяслава из рассказа 1128 г.

А. В. Соловьев полагает, что в Слове идет речь не о «Ярославлих внуках», а о Ярославе Глебовиче.[Soloviev A. V. Encore deux glosses sur Le Dit d'Igor//For Roman Jakobson. The Hague, 1956. P. 482–484.] Он ссылается на то, что под 1160 г. в Ипатьевской летописи говорится о походе Рогволода на некоего «Рославнаго» Глебовича (так И; в Х и П «Ярославнаго»; в Ерм. «Ярослава»).[ПСРЛ. Т. 2. Стб. 505. Ср.: под 1161 г. «на Ростиславнаго», Х, П, «на Ростиславна» (Там же. Стб. 512). Ссылка А. В. Соловьева на сообщение Татищева 1160 г. (Татищев. История Российская. Т. 3. С. 72) ничего не прибавляет, ибо Татищев в данном случае использовал Ипатьевскую летопись, по списку, близкому к Ермолаевскому (Сазонова Л. И. Летописный рассказ о походе Игоря

Святославича на половцев в 1185 г. в обработке В. Н. Татищева //ТОДРЛ. М.; Л., 1970. Т. 25. С. 32).] Но Ярослава Глебовича в источниках мы не встречаем. И если в данном случае считать, что речь идет именно о нем, то придется признать, что автор Слова о полку Игореве пользовался дефектным чтением Ипатьевской летописи по списку, близкому к Ермолаевскому, или рассказом В. Н. Татищева.[Б. А. Рыбаков не понимает, зачем нужно было привлекать в данном случае Кенигсбергскую летопись, когда любой современник мог знать, что у Ярослава были внуки (Рыбаков, Кузьмина, Филин. Старые мысли. С. 157). Но рассказ Слова о «Ярославлих и Всеславлих внуках» не просто упоминает о наследниках Ярослава, а текстологически совпадает со сведениями Кенигсбергской летописи о «Ярославлих и Рогволожих внуках».]

С Кенигсбергской летописью может быть сопоставлен рассказ о Мстиславе «иже зарѣза Редедю» (пятый общий мотив).[«Мстислав... вынзе нож и зарѣза Редедю» («Библиотека...». С. 101–102). «Храбром» Мстиславу соответствует «храбор на рати» (Там же. С. 104), даже «предь плъкы Касожскими» навеяно летописными выражениями «князь Касожский» и «ставшима обема полкома противу собе» (Там же. С. 101).] В Ипатьевской летописи рассказ содержит более отдаленное чтение («Бысть зарѣзан Редедя»).[Когда Б. Рыбаков пытается спорить с этим фактом на том основании, что «событие 1023 года имеется во всех списках Повести временных лет» (Рыбаков, Кузьмина, Филин. Старые мысли. С. 156), то он не обращает внимания на то, что в Ипатьевской и сходных летописях форма этого сведения иная. Речь идет о текстологической близости памятников.] Эпизод с Редедей показывает, что автор Слова пользовался Повестью временных лет по Кенигсбергской летописи. В некоторых же случаях трудно определить, из какой именно летописи (Кенигсбергской или Ипатьевской) взял автор Слова фактический материал по истории Руси X–XI вв.

Шестой сходный мотив — это упоминание о походе князя Романа на половцев (1202, 1205 гг.).[О походах Романа на половцев рассказывает Кенигсбергская (Радзивилловская) летопись под 1202 и 1204 гг. Но упоминаются они в общей форме и в Ипатьевской под 1251 г. («Романа, иже бѣ изострился на поганяя, яко левъ, им же половци дѣти страшаху». ПСРЛ. Т. 2. Стб. 813). Поэтому шестой мотив может восходить и к Ипатьевской летописи.] В Слове читаем: «А ты, буй Романе и Мстиславе... тѣми тресну земля... и половци сулицы своя повръгоша». По этому поводу Б. А. Рыбаков говорил: «Разве можно доказать, что за 34 года, предшествующих княжению, Роман Мстиславич ни разу не встречался с половцами».[Обсуждение одной концепции. С. 129; Рыбаков, Кузьмина, Филин. Старые мысли. С. 159–160; Кузьмин. Ипатьевская летопись. С. 82.] Оказывается, можно. Походы князя Романа Мстиславича на половцев недавно специально изучались Н. Ф. Котляром. Автор обратил внимание на то, что Ипатьевская летопись сообщает даже о незначительных стычках русских князей с половцами в XI в. Однако она ничего не говорит о каких-либо успешных походах князя Романа в Половецкую степь до самого начала XIII в. Княжение Романа на Волыни начинается с 1170 г. Вплоть до 1187 г. шла непрерывная война русских князей с половцами. Ипатьевская летопись подробно говорит о походах 1170, 1171, 1176, 1177, 1181–1182, 1184, 1185 и 1187 гг. Среди их участников имя князя Романа ни разу не названо. С другой стороны, половцы нападают на Киевскую, Переяславскую, Черниговскую земли, но Волынская земля была тогда для них практически недостижима, и у «Романа Мстиславича не было нужды бороться с ними». Не обладая сколько-нибудь значительной военной силой, «он не мог организовать самостоятельных походов или же принимать участие в совместных с другими князьями выступлениях против половцев».[Котляр М. Ф. Чи міг Роман Мстиславич ходити на половців раніше 1198 р.//Укр. історич. журнал. 1965. № 1. С. 117–120. Ср.: Pritsak O. The Igor' Tale as a Historical Document. P. 45–50.] После смерти Ярослава Роман начинает борьбу за Галич и лишь к 1199 г. объединяет под своею рукою Галицкое и Волынское княжества. Вскоре после того, как в 1194 г. Рюрик занял Киев, он передал Роману 5 городов в Киевской земле. Только со времени получения Романом волостей в Киевщине

возникла реальная возможность для столкновения его с половцами. На основании сочинения византийского хрониста Никиты Хониата и исследования Н. Г. Бережкова Н. Ф. Котляр уточняет даты походов Романа на половцев: 1197–1198, 1202 и, наконец, 1204 гг. Именно эти походы принесли князю славу победителя половцев, что дало возможность летописцу сказать после смерти Романа (1205 г.), что он «устремил бо ся бяше на поганяя, яко и лев».[ПСРЛ. Т. 2. Стб. 716.] В Слове говорится, что половцы «по Рсии, по Сули гради подѣлиша». В Кенигсбергской летописи под 1185 г. есть аналогичный текст: «половцы... взяша все города по Суле».[«Библиотека...». С. 278.] В дополнение к этому в Ипатьевской летописи под 1187 г. читаем, что «половци по семь же почаша часто воевати по Реи (Х, П Ршии, Е Руси)».[ПСРЛ. Т. 2. Стб. 653.] Объединив данные обеих летописей, автор Слова создал поэтические образы Роси и Сулы — рек, после половецких набегов временно потерянных Переяславлем, т. е. Русью (седьмой мотив).

О восьмом мотиве можно только догадываться. В летописи говорится о том, что в поход Игорь отправился «со двумя сыновьями».[«Библиотека...». С. 276.] В Слове же говорится, что вместе с солнцами (князьями) погасли «молодая месяца, Олегъ и Святъславъ». Речь идет о сыновьях Игоря. Их имена взяты из Ипатьевской летописи (под 1175 и 1177 гг.), но то, что Игорь в походе был с двумя сыновьями, автору Слова стало известно из Кенигсбергской летописи.

Девятый фрагмент относится к затмению. В Слове о затмении сообщается дважды: перед рассказом о выходе Игоря в поход и, по Ипатьевской летописи, когда русские войска стояли на берегу Донца.[Л. Мюллер считает, что во втором случае автор Игорева песни говорит не о солнечном затмении, а вообще о заходе солнца (Müller L. Einige Bemerkungen zum Igorlied // Die Welt der Slaven. 1965. Jhrg. 10, H 3–4. S. 251–254). Но именно в первом случае автор Песни допустил ошибку (следуя Радзивилловской летописи), считая, что затмение было перед походом Игоря, а во втором он верно указал на время затмения. Рассказы о затмениях в Игорева песни даны словами Ипатьевской летописи (первый случай) и Задонщины (второй случай). Об этом см.: Fennell. P. 136–137.] Затмение случилось 1 мая, а поход начался 23 или 13 (по спискам Х, П) апреля. Значит, в Слове допущена неточность. Ее причины разгадать нетрудно: в Кенигсбергской летописи запись о затмении помещена до рассказа о походе на половцев. Неверно истолковав данные Кенигсбергской летописи, автор сообщил, что затмение произошло перед выступлением князя Игоря на половцев, хотя летописец даты начала похода не давал.[Д. С. Лихачев не находит в Слове «неточностей, связанных... с описанием затмения» (Обсуждение одной концепции. С. 128). Однако крупнейший знаток древнерусской астрономии Д. О. Святский писал: «по „Слову“ выходит, что затмение солнца было как бы поводом объявить поход на половцев. Но эта поэтическая вольность автора „Слова“ расходится с действительностью» (Святский Д. О. Очерки истории астрономии в Древней Руси. Ч. 2//Историко-астрономические исследования. М., 1962. Вып. 8. С. 30). {Ср. также: Творогов О. В. Астрономические явления в «Слове»//Энциклопедия. Т. 1. С. 73–76.}] Такая последовательность событий делала поэтическое повествование Слова более напряженным и, казалось бы, обоснованным.

По Ипатьевской летописи, затмение было частичное («солнце стояще яко месяц»), что соответствует положению вещей в Курской области.[Святский Д. О. Астрономические явления в русских летописях с научно-критической точки зрения//ИОРЯС. 1915. Т. 20, кн. 1. С. 111–112.] В Кенигсбергской сказано: «мрачно бысть вельми, яко и звезды видети человеком».[«Библиотека...». С. 276.] Отсюда можно было сделать вывод о том, что затмение было полное.[Аналогично сведение Новгородской 1 летописи («маа в 1 день... солнце померче, яко на час и боле, и звезды быша». НПЛ. С. 228). «Что затмение было полным в Новгороде, — писал Д. О. Святский, — это следует из указания на видимость на небе звезд» (Святский Д. О. Очерки... С. 31). У Татищева сведения о полном (северное) и частичном (южное) затмении слиты воедино.] В Слове оно и изображено как полное («Тьмою вся своя воя прикрыты... тьмою путь заступаше»). И в данном случае мы

встречаемся с поэтическим осмыслением летописного известия.[По Б. Рыбакову, два затмения получились из-за перебитых листов в Слове (Рыбаков, Кузьмина, Филин. Старые мысли. С. 156). Выше мы показали, что сходство структуры рассказа Игорева песни с Ипатьевской летописью и Задонщиной не дает оснований говорить о наличии перебитых листов в Слове. Автор Слова не должен был знать, сколь часто происходят затмения.] В рассказе Кенигсбергской летописи о походе 1185 г. князь Игорь, обращаясь к воинам, говорит: «пойдем по ним за Дон, возьмем до конца свою славу и честь». Здесь же князья именуются «Ольговы внуцы».[«Библиотека...». С. 276–277. В Кенигсбергской летописи 6694 г. дан по ультрамартовскому стилю, поэтому его надо переводить как 1185 г. (Бережков Н. Г. Хронология русского летописания. С. 83).] В начале же Слова находим выражение «того (Олга) внуку». Мотив Дона взят в Слове в основном из Задонщины, но мог здесь известную роль сыграть и рассказ Кенигсбергской летописи. В Слове есть также выражение «ищучи себе чти, а князю славы». Так как оно употребляется в связи с началом похода, то оно может восходить и к летописному тексту.

Составитель летописной записи обвиняет «Ольговых внуков» в том, что они начали поход без участия других князей, стремясь добыть себе «хвалы»: «Ольговы внуцы... сами поидоша особе, рекше: Ци есьмо не князи же? Пойдем, також себе хвалы добудем».[«Библиотека...». С. 276.] Аналогичный упрек автор Слова вкладывает в уста Святослава: «О моя сыновця, Игорю и Всеволоде! Рано еста начала Половецкую землю мечи цвѣлити, а себѣ славы искати» (десятый мотив). Эти горькие упреки, обращенные к Игорю, нарушают общий тон Песни, восхваляющей его ратный подвиг. И в этом можно увидеть дисгармонию, порожденную влиянием рассказа Кенигсбергской летописи.[Впрочем, элемент осуждения Игоря есть и в Ипатьевской летописи. Здесь также Святослав говорит, что Игорь и другие князья «не воздержавше уности, отвориша ворота на Русьскую землю» (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 645).] Особенно, пожалуй, показателен одиннадцатый мотив. В Слове четыре раза находим формулу «Игорь князь», причем в одном случае «Игорь князь поскочи» (с. 40). В Ипатьевской летописи этой формулы нет вовсе, но она есть в Кенигсбергской в сходном контексте: «ускочи Игорь князь».[«Библиотека...». С. 278. Б. А. Рыбаков удивляется: «Зачем же ради одного слова понадобилось привлекать еще одну летопись? Да и слово-то вполне обычное» (Рыбаков, Кузьмина, Филин. Старые мысли. С. 157). Речь идет не об одном слове, а о совпадении формулы «Игорь князь» (а не «князь Игорь») в конкретном случае при сходстве глагола. И Кенигсбергскую летопись автор Слова привлек не только в этом одном случае, а не менее двенадцати раз.]

Наконец (двенадцатый мотив), описывая словами Задонщины гибель Бориса Вячеславича в битве 1078 г. у г. Чернигова, автор заменил «ковылу» Задонщины созвучным названием Канин («Канину зелену»). Канин упоминался в рассказе Кенигсбергской летописи под 1152 г.[«Библиотека...». С. 223. Подробнее см. главу II.]

Таковы основные мотивы Кенигсбергской летописи, созвучные Слову о полку Игорева. Черты текстологической близости некоторых из них к Игорева песни видны из следующей таблицы:

2-й фрагмент. **Кенигсбергская летопись:** Изнемогли бо бяху безводьем... сами во знои и в тузе... **Слово:** Въ полѣ безводнѣ... тугою имѣ тули затче

4-й фрагмент. **Кенигсбергская летопись:** противу Ярославли *внуком...* прими меч сей, понзи... *поверг меч свой...* **Слово:** Ярославли (в изд.: Ярославе) и вси *внуце* Всеслави уже *понижать* стязи свои, *вонзять свои мечи верезжени...*

5-й фрагмент. **Кенигсбергская летопись:** Мстислав зарѣза Редедю. **Слово:** Мстиславу, иже зарѣза Редедю...

7-й фрагмент. **Кенигсбергская летопись:** взяша все *города по Суле...* **Слово:** по Сули грады *подѣлиша...*

11-й фрагмент. **Кенигсбергская летопись:** ускочи Игорь князь... **Слово:** Игорь князь *поскочи*

Все это не оставляет никаких сомнений в том, что Кенигсбергская летопись влияла на Слово. Следы этого влияния резко отличаются от того, что мы могли наблюдать, сравнивая Слово с Ипатьевской летописью. Мотивы Кенигсбергской летописи использованы как дополнительные, не нарушающие общей конструкции рассказа Слова. Шесть общих сюжетов к походу Игоря вовсе не относятся. Из шести непосредственно связанных с ним второй помещен в плач Ярославны, третий — в общей характеристике половецких побегов после похода Игоря, одиннадцатый — в рассказ о бегстве князя. Один (девятый) привлечен скорее для литературной обработки текста. Только восьмой и девятый как бы прибавляют новые данные в самое повествование о походе. Но именно здесь и получается неувязка с материалами его другого летописного источника. В восьмом пропущен княжич Владимир, а картина затмения, взятая из Кенигсбергской летописи, оказалась в вопиющем противоречии со сведениями, почерпнутыми из Ипатьевской. Двумя разными летописными источниками Слова и объясняется двукратное упоминание в нем о затмении (до и во время похода), доставившее столько хлопот исследователям.[Н. К. Гудзий прав, говоря, что в настоящем виде в Слове «явная астрономическая несообразность, состоящая в том, что либо затмение продолжалось непрерывно несколько дней подряд, либо на протяжении нескольких дней оно повторялось дважды» (Гудзий Н. К. Еще раз о перестановке в начале текста «Слова о полку Игореве»//ТОДРЛ. М.; Л., 1956. Т. 12. С. 37).] Это повторение явилось одним из аргументов в пользу необходимости сделать перестановку в тексте Слова, сблизив оба затмения. Но во втором случае, по Слову, оно случилось уже после того, как Игорь «поѣха по чистому полю». В первом же еще до выезда дружины («всядемь, братие, на свои бръзья комони»). Таким образом, уже по составу сведений, совпадающих с Кенигсбергской летописью, Слово не могло возникнуть ранее начала XIII в., ибо они входили в свод 1212 г.

Источником Слова могла быть также Никоновская летопись, рассказывавшая под 1008 г. о разбойнике Могуте, который мог дать «могутов» из Слова.[Русская летопись по Никонову списку. СПб., 1767. Ч. 1. С. 112–113.]

Итак, мы попытались сравнить фактический материал и идейную направленность Слова о полку Игореве с конкретно-исторической действительностью Древней Руси как она рисуется русскими летописями. В ходе этого сопоставления установлено, что вся фактическая основа рассказа Слова о походе 1185 г. и сведения по истории Руси X–XII вв. восходят к Ипатьевской и Кенигсбергской летописям. Там, где автор отступает от их текста, он допускает ряд фактических ошибок и неточностей. Конечно, значительный писатель, современник событий, мог обобщать происходившие события, давать им поэтическую интерпретацию, делать прямые ошибки. Все это само по себе совершенно естественно. Важнее другое. В Слове о полку Игореве нет достоверного исторического материала, который бы выходил за рамки названных летописей, нет никаких следов того, что автор был современником описанных им событий. Его отношение к летописному тексту свидетельствует о том, что перед нами книжник, подчас не понимавший некоторых тонкостей и древнего языка, и фактических данных летописей, грешивший анахронизмом, и т. п.

Но не будем слишком строги к нему. Несмотря на отдельные погрешности, автор Слова проявил себя тонким знатоком летописного рассказа о драматических событиях истории Древней Руси. И если исследователь XX в. уже не может пользоваться Песней об Игоре в походе как историческим источником по древнерусской истории, то читатель героической Песни с благодарностью вспомнит ее автора, сумевшего взволнованно и поэтично рассказать о делах давно минувших дней.

Глава IV. СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ И ЛИТЕРАТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ XI–XVII вв

Задонщиной и русскими летописями не ограничивается комплекс источников, влиявших на текст Слова о полку Игореве. [См. обзор: Назаревский А. А. Следы «Слова о полку Игореве» в древнерусской литературе // Вісник Київського університету. Серія філологів та журналістики. 1965. № 7. С. 47–55.]

Уже Всеволод Миллер находил в Слове отзвуки Девгениева деяния, древнерусского перевода византийского романа о подвигах Дигениса Акрита. [Миллер Вс. Взгляд на Слово о полку Игореве. М., 1877. С. 4 и след.] Выражения «свѣтъ светлый ты, Игорю», «светлое и тресвѣтлое слънце», возможно, восходят именно к этому памятнику. [«О свете, светозарное солнце, преславны Девгении» (Кузьмина В. Д. «Девгениево деяние» («Деяние прежних времен храбрых человек»). М., 1962. С. 177, 183).] Да и термин «кмети» в значении «воины» заимствован автором Слова, скорее всего, из Девгениева деяния. Он употреблен в одном фрагменте с другим заимствованием из этого произведения («одинъ свѣтъ светлый ты, Игорю... А мои ти куряни свѣдоми къмети»). В Девгениевом деянии этот довольно редкий термин встречается неоднократно, [«Где суть мои кметы... собра множество вой своих и кметы своя» (Кузьмина В. Д. «Девгениево деяние»... С. 150). Сходный мотив есть и в повести о преставлении Дмитрия Донского, помещающейся в Никоновской летописи. Княгиня Евдокия обращается к мертвому Дмитрию Донскому: «Свете мой светлый, чему помрачился еси» (ПСРЛ. СПб., 1897. Т. 2. С. 117, ПСРЛ. СПб., 1859. Т. 8. С. 57).] причем иногда в сочетаниях, близких к Слову («хощу вобрати сильных кметей»). [Кузьмина В. Д. «Девгениево деяние»... С. 165; ср. «сильни кмети» (С. 182); «многие кмети» (С. 162); «пребывают кмети... рече кметем своим: „Братия моя милая, сильни кмети“» (С. 160).] Термин «кмети» известен также переводу Иоанна Малалы и Поучению Мономаха. [В Ипатьевской летописи под 1150 г. читаем: «дивяхутся угромъ множеству и кметства ихъ», а под 1075 г. «смѣтъе лучьше» (по Х, П, Е «клети»). В Кенигсбергской летописи также «сметие» («Библиотека...». С. 123). В Новгородской 1 по Академическому под 1187 г. «доброименитых» («кметей» только по Археографическому списку, ср.: НПЛ. С. 229).] Встречаются в Девгениевом деянии термины «златокованный» и «кожухи» («кожухов 20... 50 поясов златокованных»). [Кузьмина В. Д. «Девгениево деяние»... С. 153.] Оба интересующих нас термина, бесспорно, были в тексте Деяния по Мусин-Пушкинскому списку. [Они встречаются в выдержках из этого списка, приведенных Н. М. Карамзиным (Карамзин Н. М. История государства Российского. Т. 3, примеч. № 272). «Златокованные ризы» или «зла-токованные доспехи» встречаем еще в Повести об Акире премудром (Памятники старинной русской литературы. СПб., 1860. Вып. 2. С. 361–365, 367). Здесь же находим «кура» (С. 363, 369).] Судя по выпискам Н. М. Карамзина, в сборнике, содержавшем Слово о полку Игореве, находилось Девгениево деяние, близкое к Тихонравовскому списку середины XVIII в. [Именно в этом списке Деяния (ГБЛ, собр. Тихонравова, № 399) встречается выражение «много вой», отсутствующее в такой форме в других списках памятника и вообще в древнерусских произведениях (Кузьмина В. Д. «Девгениево деяние»... С. 154).]

Есть в Слове и следы влияния Повести об Акире Премудром, помещавшейся также в Мусин-Пушкинском сборнике. Речь идет о соколе в «мытехъ».

Слово: Коли соколь въ мытехъ бываетъ, высоко птицъ възбиваетъ, не дастъ гнѣзда своего въ обиду.

Повесть об Акире [ГБЛ, Унд., № 632, л. 134. По списку, приведенному В. Перетцем: «Егда бо сокол трех мытей бывает, он не дастся с гнезда своего взяти» (Перетц. Слово. С. 270). В списке ГБЛ, Рум., № 363 этого текста нет, в ГПБ, Погод., № 1772 в другом месте «аки трех мытей ясен сокол у ласкова сокольника» (Памятники старинной русской литературы. Вып. 2. С. 368). Нет этого текста в древнейшей редакции Повести об Акире по списку конца XV в. (ГБЛ, ОИДР, № 189) и в списке XVI в. (Солов., № 46). См.: Григорьев А. Д. Повесть об Акире Премудром: Исследование и тексты. М., 1913; Дурново

Н. Материалы и исследования по старинной литературе: 1. К истории Повести об Акире. М., 1915. С. 21–36.]: Когда сокол трех мытей, тогда не дастся выбиться[В некоторых списках (ГИМ, Барсова, № 2406 и др.) — «во обиду» (Творогов О. В. «Сокол трех мытей» в Повести об Акире Премудром//Вопросы теории и истории языка. Л., 1969. С. 112).] из гнезда своего.

Этот текст Повести об Акире отсутствует в древнейшей ее редакции и является позднейшей глоссой.[М. С. Грушевский относил этот вариант Повести к XVII в. (Грушевський М. С. Історія украшської літератури. Київ; Львів, 1923. Т. 2. С. 216).] Начало и заглавие Мусин-Пушкинского списка Повести об Акире[Карамзин Н. М. История государства Российского. Т. 3, примеч. № 272.] совпадает со списком ОИДР, № 189, т. е. с древнейшей редакцией. Но А. Д. Григорьев считает, что «ввиду некоторых изменений в нем» (по сравнению со списком ОИДР) «его приходится относить к более позднему времени», чем этот список, датирующийся концом XV в. [[Григорьев А. Д. Повесть об Акире... С. 357.]] Ту же редакцию представляет список ГИМ, Хлудова, № 246 (между 1687–1738 гг.).

В. П. Петрусь обратил внимание на несообразность замысла автора данного отрывка Слова: «Как же, — писал он, — объяснить тот факт, что, рисуя образ сокола, который „высоко бьет птиц“, образ мощи и силы, он приурочивает это к периоду временной слабости боевой птицы, ко времени, когда он „мытится“, т. е. болеет». Не будучи в состоянии ответить на этот вопрос, В. П. Петрусь предлагал переводить выражение «въ мытехъ бываетъ» — «берет дань (мыт) с птиц», т. е. охотится.[Петрусь В. П. Соколь въ мытехъ//Учен. зап. Кіровск. гос. пед. ин-та им. В. И. Ленина. 1957. Вып. 11. С. 103–107.] Но «мыт» в Киевской Руси — таможенная пошлина (ср. «мытник» в Русской Правде), а не дань. Первичнее будет текст Повести об Акире: когда сокол три раза линял (т. е. он уже трехлетний), то он не даст себя выбить из гнезда. Автор Слова создал поэтический образ сокола «въ мытехъ» (т. е. во время линьки), защищающего свое гнездо. Соколы действительно линяют, когда птенцы находятся в их гнездах.[Дементьев Г. П. Птицы нашей страны. М., 1949. С. 9.] Но они тогда никак не могут «высоко взбивать птиц». О неорганичности связи сентенции о соколе с основным текстом Слова мы уже говорили в главе II исследования (она помещена между двумя текстами, близкими к Задонщине, и не имеет достаточно прочной логической связи с ними).

Теперь обратим внимание на последний момент: приведенный текст о соколе «трех мытей» находится в списке ГБЛ, Унд., № 632, т. е. как раз в том, который содержит Задонщину Пространной редакции.[Этот мотив о соколе автор Слова варьирует ниже: «соколь на вѣтрехъ ширяся, хотя птицю въ буйствѣ одолѣти» и выше: «соколь птицъ бя къ морю», «аже соколь къ гнѣзду летить... почнуть наю птици бити».] Прямая перекличка Повести об Акире по списку Ундольского XVII в. со Словом является новым доказательством позднего происхождения Песни об Игоровом походе и связи ее с Задонщиной.[В Повести об Акире есть и редкое слово «опѣшати», встречающееся в Игоровой песни: «коня не имѣя, на чюжемъ не ѣзди, аще бо опѣшаети, и посмѣеть ти ся» (Срезневский. Материалы. Т. 2. Стб. 702).] В обоих сборниках кроме Акира было еще Сказание об Индийском царстве, которое есть и в списке Солов., № 46 с Повестью об Акире.

К отмеченной нами параллели Слова с Повестью об Акире обратился О. В. Творогов. Он установил, что эта параллель есть только в третьей редакции Повести, списки которой восходят к середине XVII в. Наиболее близким чтением к архетипу редакции, по О. В. Творогову, является не слово «гнезда», а «злата гнезда». Следовательно, чтение списка Ундольского (более близкое к Слову) сложилось позже, чем архетип третьей редакции Повести об Акире! Как же объяснить этот феноменальный факт? О. В. Творогов ответа не дает, как не указывает, в каком текстологическом соотношении находится Слово с Повестью об Акире. Молчаливо он признает большую логичность чтения Повести. Он даже склонен заменить выражение «въ мытехъ» (Слово) текстом «3 мытей» (как в

Повести), объясняя текст Игоровой песни «искажением».[Творогов О. В. «Сокол трех мытей»... С. 114.] Позднее он писал, что текст Слова был известен составителю одной из поздних редакций Повести об Акире.[Творогов О. В. К новым открытиям//Литературная газета. 1975. 22 окт.] О. Сулейменов считает, что в рукописи Слова первоначально стояло «в мытей» (т. е. двух мытей), а если следовать глаголице, то З.[Сулейменов О. Аз и я. Алма-Ата, 1975. С. 38–44.] Сложность и нереалистичность этого построения нам очевидна.

В Повести об Акире по древнейшему списку герой просит позвать «1000 дивиц целяди моя, иже мужа не знают, одевша айв бебер и в бранину да мя опаачють».[Григорьев А. Д. Повесть об Акире... С. 133. В Хлудовском списке XVII–XVIII вв.: «в черныя ризы да мя плачють». В списке XVI в.: «одну ищеляди, иже мужа не знает, одевши бьбобром и паволоками» (Дурново Н. Материалы и исследования... С. 30). Этому тексту в подлиннике соответствует «платье печали».] В Повести и Слове «бебер» — «бебрян» называется в одном контексте — для обозначения скорбной одежды женщины. Это также наводит на мысль о том, что Повесть об Акире могла быть источником Слова о полку Игореве.[К выражению «изрони слово» в Повести об Акире есть также параллель («человек... изронить слово». Григорьев А. Д. Повесть об Акире... С. 37).]

«Бебрянъ рукавъ» долгое время относился к числу «гапаксов». Н. А. Мещерский показал, что это слово встречается в списках XV–XVI вв. «Истории Иудейской войны» («в ризах бьбрынах»).[В Волоколамском списке «бебрянях» (Мещерский Н. А. История Иудейской войны Иосифа Флавия в древнерусском переводе. М.; Л., 1958. С. 445).] По его мнению, это прилагательное могло означать не бобровый мех, а драгоценную шелковую ткань, ведь одним и тем же словом («хаз») у хазар назывались бобровый мех и шелк.[Мещерский Н. А. К вопросу о территориальном приурочении первоначального текста «Слова о полку Игореве» по данным лексики//Учен. зап. Карельск. пед. ин-та. Петрозаводск, 1956. Т. 3, вып. 1. С. 78.] Однако это построение нам кажется не единственно возможным. В Азбуковниках встречается определение: «бебрь есть зверь нарицаемый мьскус, мало животно, зовут же его домашнии своим языком бобр».[Барсов. Слово. Т. 3. С. 14.] В живом литовском языке бобр называется *februs*. И. И. Срезневский пишет, что бебром «до сих пор... называется бобр в Галиц. — рус. наречии в Коломыйск. уезде и в Мarmorоме».[Срезневский. Материалы. Т. 1. Стб. 47; Словарь-справочник. Вып. 1. С. 42–43. «Шесть бьборко{в}» (бобров) упоминается в берестяной грамоте XII в. (Арциховский А. В., Тихомиров М. Н. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1951 г.). М., 1953. С. 36).]

В одной белорусской песне содержится близкое к Слову сочетание, в котором речь идет именно о бобрах:

Ой чия ж то жина
Через речку брыла,
Помочила бобра

И чорные соболи.[Шейн П. В. Материалы для изучения быта и языка русского населения Северо-Западного края... СПб., 1887. Т. 1, ч. 1. С. 18.]

Уже давно обращалось внимание на то, что «припѣвка» Бояна «ни хитру, ни горазду, ни птицю горазду, суда Божия не минути» близка к одному из афоризмов позднейшего (конца XVII в.) списка Моления Даниила Заточника, к сожалению, не сохранившегося («Поведаху ми, яко той суд Божий надо мною, и суда де Божия ни хитру уму, ни горазну ни минути»).[Буслаев Ф. И. Исторические очерки русской народной словесности и искусства. Т. 1: Русская народная поэзия. СПб., 1861. С. 37; Жданов И. Н. Соч. Т. 1. С. 291. В. Даль приводит пословицу: «ни хитру, ни горазду, ни убогу, ни богату суда Божьего не миновать» (Даль В. Пословицы русского народа. М., 1957. С. 38). Скорее всего, текст Моления и Слова в данном случае возник под влиянием фольклора. По О. Сулейменову, «птица горазд» — петух (тюрк.: «кораз»). См.: Сулейменов О. Аз и я. С. 60–61.] В Слове эта притча — явно инородное тело. Она нарушает стройный двучленный ряд,

внося в него повторение («ни горазду, не... горазду»). Вложенная в уста Бояна как особая «припѣвка», она, упоминая о «суде Божиим», нарушает весь «языческий» колорит Песни об Игоре в походе. Образ «птицю горазд» (винительный отношения), т. е. знатока птиц, [Конъектуру «пытцю» (кудеснику) Л. А. Булаховского, поддержанного А. А. Назаревским, трудно принять уже потому, что это слово не известно ни литературным памятникам, ни живому языку (Булаховский Л. А. Функции чисел в «Слове о полку Игореве» // Мовознавство. 1952. Т. 10. С. 121. Назаревский А. А. О некоторых конъектурах к тексту «Слова о полку Игореве» // Вісник Кшвського університету. 1958. № 1. С. 46–47).] отсутствует в русской письменной и устной традиции. Его еще П. П. Вяземский связывал с Эннамом, птицегадателем, которому даже его птицы не могли предсказать гибель: [Вяземский П. П. Замечания на Слово о полку Игореве. СПб., 1875. С. 381; Manning C. A. Classical Influences on the Slovo // Russian Epic Studies. Philadelphia, 1949. P. 87–97. Б. А. Рыбаков сближает сентенцию Слова со средневековым способом гадания по птицам (Рыбаков. Русские летописцы. С. 458–459).]

...Эннам, гадатель по птицам.

Птицы, однако, его не спасли от гибели черной.

(Илиада II, 858-9, перевод В. Вересаева)

Не имеет аналогии в древнерусской письменной литературе и фольклоре образ князя Владимира, «закладывающего» уши при звоне мечей. Попытка Д. Д. Мальсагова объяснить это место Слова практикой закрывания ворот на Кавказе «иглами» (балками) чрезвычайно искусственна. [Мальсагов Д. Д. О некоторых непонятных местах в «Слове о полку Игореве» // Известия Чечено-Ингушского научно-исследоват. ин-та истории, языка и литературы. Грозный, 1959. Т. 1, вып. 2. С. 159–162. Сходный перевод («Затыкал проушины») дает С. Н. Плаутин (Плаутин. Слово. С. 15, 40, 41). Объяснение Мальсагова недавно приняли Д. С. Лихачев (Лихачев. Изучение «Слова о полку Игореве». С. 38) и Б. А. Рыбаков (Рыбаков. Русские летописцы. С. 462).] Зато известно, что проплывавшие мимо острова сирен спутники Одиссея затыкали воском уши, чтобы не слышать их пения: «Ты ж, заклеивши товарищам уши, смягченным медвяным воском, чтобы слышать они не могли» (Одиссея, 12-я песня, стих 47–48, перевод В. А. Жуковского). [«Заткнул всем спутником моим уши» (Одиссея. Героическое творение Омира. М., 1788. С. 296–297).] Впрочем, на этом сопоставлении нельзя настаивать. Выражение «заложить уши» хорошо известно в живом языке [Даль. Толковый словарь. Т. 1. С. 585.] и могло проникнуть в Слово без какого-либо литературного влияния.

Склонный преувеличивать следы античной традиции в Слове П. П. Вяземский приводит еще некоторые параллели, которые следует рассмотреть. Так, «сѣчи Трояни» (чтение Н. М. Карамзина) он сопоставляет с Троянской войной. Образ девы Обиды с лебедиными крылами ему напоминает Елену, дочь лебедя — Зевса, которую Еврипид в «Андромахе» называет «обидой». [Вяземский П. П. Замечания на Слово о полку Игореве. С. 97, 188–190. Ср. библейское выражение «и прозва имя кладязю тому обида, обидяху бо его» (Быт. 26: 30). Фольклорные параллели к образу Девы-Лебедя см.: Орлов А. С. Дева-лебедь в Слове о полку Игореве (параллели к образу) // ТОДРЛ. М.; Л., 1936. Т. 3. С. 27–36. Ю. А. Щербаков, развивая тезис П. П. Вяземского, переводит «рища въ тропу Трояню» как «искать путь в Трою», т. е. «искать путь к победе». Упоминание о «деве-обиде» он относит к предполагаемой им (но не отраженной в источниках) расправе Игоря со Святославом Рыльским. «Вечи Трояни» («вече Троянское») для него — «последнее вече» в Киеве, состоявшееся в 1068 г. Все это догадки, не имеющие никакой опоры в источниках (Щербаков Ю. А. Общественная проблематика «Слова о полку Игореве» в свете использования образов и картин гомеровского эпоса // Некоторые вопросы методики преподавания истории и обществоведения в средней школе. Краснодар, 1968. С. 127, 131, 138–139).]

В. Н. Перетц отметил в Слове несомненные следы литературной традиции, восходящей к библейской письменности. [Перетц В. Н. 1) К изучению «Слова о полку

Игоре́ве». Л., 1926. С. 55–75; 2) «Слово о полку Игореве» и древнеславянский перевод библейских книг//ИпоРЯС. 1930. Т. 3, кн. 1. С. 289–309; 3) «Слово о полку Игореве» и исторические библейские книги//Сб. статей в честь академика Алексея Ивановича Соболевского. Л., 1928. С. 10–14.] Близки к слову выражения «исполнися духа свята» (Лк. 1: 67), «не имать где главу подклонити» (Лк. 9: 58). [См. также выражения: «истяжи мя» (Пс. 138: 23), «Изостриша язык свой» (Пс. 139: 3), «вязаху его узы железны и путы» (Лк. 8: 29), «туча грядет» (Лк. 12: 54), «полунощи же вопль бысть» (Мф. 25: 6). Тексты даются не по спискам XI–XV вв. (как у В. Н. Перетца), а по Синодальному изданию (впрочем, интересующие нас места в этих текстах сходны). Значительная часть приведенных примеров близка к текстам Задонщины (исключая образы псов, лижущих кровь, железных пут и крика «полу-нощи» и др.).] Вот еще несколько примеров:

Слово: Звѣри кровь полизаша... **Библейские книги:** Полизаша свинии и пси кровь его (3 Цар. 22: 38; 21: 19)

Слово: ...синее вино съ трудомъ смѣшено... **Библейские книги:** ...даша ему пити оцет с желчию смешен (Мф. 27: 34)

Слово: Страны ради. Гради весели... **Библейские книги:** В (всяком) граде и стране... радость и веселие бе (Есф. 8: 17).

Слово: ...луци у нихъ напряжени, тули отворени, сабли изьострени... **Библейские книги:** ...их же стрелы остры суть и луцы их напряжени (Ис. 5: 28)...лук свой напряже (Пс. 7: 13).

Слово: ...взмуті рѣки и озера, иссуши потоки и болота[В Задонщине «возмутишася реки и потоки и озера» (У).]... **Библейские книги:** Ты расторгл еси источники и потоки, ты изсушил еси реки (Пс. 73: 15).

Слово: ...древо не бологомъ листвие срони... **Библейские книги:** ...спадает листвие смоковницы (Ис. 34: 4)

Слово: Игор спитъ. Игорьъ бдитъ... **Библейские книги:** ...не вздремлет, ниже уснет, храняй Израиля (Пс. 120: 4).

В первом случае в Слове библейский образ недостаточно органично вошел в ткань поэтического рассказа: «дружину твою, княже, птицъ крылы приодѣ, а звѣри кровь полизаша» («кровь» не согласована с «дружину») {?}.

Много хлопот исследователям доставляло выражение «скача, славию, по мыслену древу».

Р. О. Якобсон сравнивает образ «скачущего» соловья с библейским: «виде царя Давида скачуща и играюща пред Господем» (2 Цар. 6: 16).[Jakobson R. Ущекоталь скача // Jakobson. Selected Writings. P. 609.]

В. Ф. Ржига сопоставляет образ мысленного древа с песней ирландского скальда Х в. Эгиля Скаллаgrimсона: «из храма слов вырастает у меня древо песен, покрытое листвою славы».[Ржига В. Ф. «Мысленное древо» в «Слове о полку Игореве»//Сб. статей к 40-летию ученой деятельности академика А. С. Орлова. Л., 1934. С. 111. «Мысленное древо» Л. Н. Гумилев без достаточной доказательности связывает с монгольскими символами (Гумилев Л. Н. Поиски вымышленного царства. С. 326–327).] Но в этих словах нет главного мотива Игоревой песни — «мысли», которая определяет существо «древа» (ср. «растѣкашется мыслию по древу»). Гипотеза В. Ф. Ржи́ги основана на его представлении об авторе Слова как певце типа скандинавских скальдов. Впервые Д. В. Айналлов установил, что этот образ восходит к библейскому образу «древа разумного», т. е. к райскому древу познания добра и зла («древа же еже разумети доброе и лукавое». Быт. 2: 17).[Айналлов Д. В. Замечания к тексту «Слова о полку Игореве»//Сб. статей к 40-летию ученой деятельности академика А. С. Орлова. Л., 1934. С. 187. В сочинении «О духовном рае» Никиты Сти-фата в русском переводе конца XV в. упоминается «древо же разумное добру же и злу чюство» (Клибанов А. И. Реформационные движения в России в XIV — первой половине XVI в. М., 1960. С. 359).] Понятия «разумный» и «мысленный» в древнерусской литературе рассматривались как тождественные. Автор Слова, очень

охотно употреблявший слово «мысль» и производные от него, и в данном случае заменил «разумный» синонимом, происходившим от того же «мысленного» корня.

Если искать параллели к сну Святослава, то следует обратиться к «Снам царя Шахайши».[См. публикацию и исследование старейшего списка: Веселовский А. Н. Слово о двенадцати снах Шахайши // Сб. ОРЯС. СПб., 1879. Т. 20. № 2. {См. также: Кузнецов Б. И. Сказание о двенадцати снах Шахайши//Словарь книжников и книжности Древней Руси. Л., 1987. Вып. 1. С. 408–411.}]

Прежде всего обратим внимание на то, что «мутень сонъ» Святослава нарушает логику повествования Слова о полку Игореве и отсутствует в Ипатьевской летописи. После рассказа о том, как Игорь «высѣдѣ изъ сѣдла злата, а въ сѣдло кощиево», т. е. попал в плен, автор Слова говорит о дурных предзнаменованиях киевского князя, а потом, как бы продолжая прерванную мысль, снова возвращается к рассказу о пленении Игоря и молодых княжичей. Сон Святослава никак не связан с ответом бояр, где снова есть следы влияния Задонщины. Князь просит разъяснить ему, что значит видеть во сне черную паполому, жемчуг и т. п. Бояре ему говорят, в общей форме, о пленении половцами двух «соколов», т. е. Игоря и Всеволода. Непосредственного перехода от сна к речи бояр нет. Весь сон Святослава, навеянный народными мотивами, составлен с широким привлечением словарного материала летописи («въ Киевѣ на горахъ», «синочь», «тулы», «тльковинъ», «великий женчюгъ», «у Шгѣсньска на болони») и не имеет сходных мотивов в Задонщине.[Мотив «испити шелоомъ Дону» есть как в Задонщине, так и в Ипатьевской летописи.] Он обрамляется текстом, в своей основной части находящим параллель в едином фрагменте Задонщины.

Слово: Ту Игорь князь *высѣдѣ* изъ сѣдла злата, а въ сѣдло кощиево. Темно бо бѣ в 3 день: два *солнца помѣркоста*, оба *багряная* стѣлпа погасоста...

Задонщина по списку И1: Се уже нам обема *солнце померкне* на славне гради Москве. Припахнули к нам от быстрого Дону *полоянныя*[У, И 2 — «поломянныя», С — поломянныя.] вести, носящу великую беду. *Выседоша* удалцы з борзых коней... {л. 221}.

Таким образом, сон Святослава как бы вставка, разрывающая и одну мысль произведения, и один его источник. Но она сделана не каким-то позднейшим редактором текста, а самим автором Слова. В пользу этого предположения говорят и сходство источников «сна» с источниками Слова в целом (кроме летописи и фольклора в вводной и заключительной частях фрагмента со «сном» есть мотивы Задонщины: «Уныша бо градомъ...», «соколома... въ путины желѣзны»), и единство замысла (тема о пленении князей проходит и в конце «сна»), и единство стилистических приемов изображения.

Литературным образом для сна Святослава, скорее всего, послужили «Сны Шахайши». В обоих случаях речь идет о тревожных сновидениях правителя («Бысть царь вельми печален и не бе кто бы осудил сны его»),[ГБЛ, собр. Ундольского, № 632, л. 300.] которые истолковываются боярами (в Слове) или философом (в «Снах Шахайши»). Совпадает в обоих произведениях и конкретный мотив рассыпанного жемчуга («по всей все-ленней бѣше розсыпано камене драгаго и многоценной бисер и жемчуг»).[ГБЛ, собр. Ундольского, № 632, л. 311–311 об.] В «Снах Шахайши» есть и предсказание «крамол» и усобиц, о которых писал и автор Слова. «Сны Шахайши» входили в комплекс произведений, связанных с именем знакомого нам уже старца Ефросина, и встречаются они также в сборнике Ундольского, № 632 вместе с Задонщиной и Повестью об Акире Премудром. Поэтому у нас есть основание считать, что в сборнике с Задонщиной, которым пользовался автор Слова, могли находиться и «Сны Шахайши».

Несколько случаев предполагаемого влияния на Слово памятников письменности, известных Древней Руси, на наш взгляд, следует отвести.

Р. О. Jakobson находит сходство вступительной части Слова о полку Игореве с Хроникой Константина Манассии, написанной около 1144 г.[Jakobson R. La Geste du Prince Igor // Jakobson. Selected Writings. P. 263–269. См. также: Colaclides P. Nouvelles traces de l'influence de Manassas sur la Geste du Prince Igor' // International Journal of Slavic Linguistics

and Poetics. The Hague, 1966. Vol. 10. P. 120–126. О сходстве по стилистическому такту Слова с Хроникой Константина Манассии писал еще А. С. Орлов, считая, что автору Игоровой песни мог быть известен «предшественник Манассии по жанру» (Орлов. Слово. С. 42–44). В другой работе А. С. Орлов осторожно предполагал: «Относительно „Слова о полку Игореве“ позволяем себе высказать предположение, что и на эту повесть влиял подобный компилятивный хронограф, а также переводной исторический труд, нам неизвестный, но предварявший тот византийский фигурный стиль, который наблюдается в Хронике Манассии» (Орлов А. С. Хронограф и «Повесть о Казанском царстве» // Сб. статей в честь академика Алексея Ивановича Соболевского. Л., 1928. С. 188). К сожалению, А. С. Орлов свою гипотезу никак не аргументировал.] К нему присоединяется Д. С. Лихачев, приводящий текст Хроники по славянскому переводу (он появился только около 1331–1340 гг.). [Лихачев Д. С. «Слово о полку Игореве» и особенности русской средневековой литературы // Слово. Сб.-1962. С. 320.] Вот текст предисловия к Троянской главе Манассии: «Задумал я рассказать об этой битве не так, как пишет Гомер, я прошу извинения у благосклонных <читателей>. Ведь Гомер, сладкоголосый и чарующий, пользуется мудрыми приемами, когда ведет свой рассказ, кое-где он многое поворачивает и переворачивает. Но мне уже следует начать рассказ».[Constantini Manassis Breviarium historiae metricum. Bekkerus. Bonnae, 1837. P. 50, vers 1110–1117.] Сходство этого текста с началом Слова («не по замыслению Бояню») можно уловить. Но оно связано со столь распространенным литературным приемом, что одного его явно недостаточно для установления текстологической зависимости между памятниками. В то же самое время связь вступления Слова с Задонщиной подкрепляется сходством и многих других фрагментов этих памятников. К тому же допустить уже в 80-х гг. XII в. знакомство автора Слова с произведением, написанным в Византии всего за 40 лет до того, очень трудно.[См. также замечания А. Мазона (Mazon A. Le Slovo d'Igor//The Slavonic and East European Review. London, 1949. Vol. 27. P. 516). В. П. Адрианова-Перетц пишет, что нет оснований «категорически утверждать, что автор „Слова“, читая греческий текст Хроники, мысленно перевел бы его той же лексикой и фразеологией, какую сам использовал в „Слове“. Нельзя, правда, и столь же решительно отрицать такую возможность» (Адрианова-Перетц. «Слово» и памятники. С. 13).]

Возражая против близости Девгениева деяния к Слову, Е. Барсов выдвинул предположение, что Слово находится и «в ближайшем аналитическом соотношении» с «Историей Иудейской войны» Иосифа Флавия.[Барсов. Слово. Т. 1. С. 260 и след.] С этим наблюдением согласился Н. А. Мещерский.[Мещерский Н. А. История Иудейской войны... С. 104–105.] Однако А. И. Никифоров тщательно разобрал все случаи сходства образных сравнений и лексических совпадений в обоих памятниках и доказал, что говорить о влиянии «Истории Иудейской войны» на Слово о полку Игореве не приходится.[Никифоров. Слово. С. 1076–1083.]

Наиболее близкие сочетания могут быть сведены к следующему:

Слово: 1. Истягну умь крѣпостию своею **История:** [Цитаты даются по изданию Н. А. Мещерского.] Прием ум своею крепостию (кн. IV, гл. I, с. 322).

Слово: 2. Поостри сердца своего мужествомъ **История:** Поострите душа ваша на мьсти (кн. IV, гл. III, с. 331).

Слово: 3. Наплънився ратнаго духа... **История:** Исполньшимся ратнаго духа (кн. III, гл. V, с. 297).

Слово: 4. Луце жь бы потяту быти, неже полонену бытию... **История:** И лепле смьрть славну взяти, негли жити пленени (кн. IV, гл. IV, с. 335).

Слово: 5. Подь шелома възлелѣяны... **История:** Под шеломом състаревшесе (кн. IV, гл. X, с. 353).

Слово: 6. Итти дождю стрелами... **История:** И стрелы на них летяху, яко дождь (кн. IV, гл. VII, с. 343).

Слово: 7. Снопы стелють головами... **История:** Бысть видети падающа жида, акы снопы, со забрал (кн. III, гл. VII, с. 304).

Слово: 8. В полѣ безводнѣ жаждю имь лучи съпряже... **История:** Слаби есмы противитися римляном, яко же и лук сопряжен (кн. II, гл. IX, с. 260).

В «Истории» находятся также выражения: «обаполы», «трубы трубят», «луци напряжени», «стружие», «уши закладаше» («гневом затвориша уши»), «жалощами», «заступив путь». Некоторые из этих совпадений относятся к церковным источникам или штампам воинских повестей («Луци напряжены» см. Пс. 7: 13 и др.). [Потебня. Слово. С. 156–157.] Оборот «трубы трубят» встречается в Ипатьевской летописи (1151 г.) и Задонщине. В этой же летописи неоднократно встречается выражение «обаполы» (1151, 1256 гг.). Выражение «жалощами» в Слове взято из контекста Задонщины, где есть слово «жалостно» («грозно и жалостно... слышати, зане же трава кровию пролита бысть, а дресеса тугою к земли приклонишася»). Фрагменты № 1, 2, 3, 4 и 5 (взятые из III и IV глав «Истории Иудейской войны») есть в Задонщине. Фрагмент № 6 есть в более близком контексте в Ипатьевской летописи («стрелам яко дождю идущу» 1245 г., «идяху стрелы акы дождь» 1097 г.). Он близок к Флавию («яко дождь») и к Слову («идяху»). И это естественно: составитель летописи, как известно, пользовался «Историей Иудейской войны», а его текст в свою очередь находился в распоряжении автора Слова о полку Игореве. Фрагмент № 7 находит аналогию в былинах: [

«Не рожью посеяна была пашенка,

Казачьими буйными головами:...

И пал Соловей как овсяный сноп» (Никифоров. Слово. С. 1017).]

формула «снопы стелють головами» — народная, близкая к украинской, перекликается и с апокалипсисом. [Потебня. Слово. С. 125; Перетц. Слово. С. 295–296.] Фрагмент № 8 состоит из церковной фразеологии. [Перетц. Слово. С. 310.]

Итак, если мы можем допустить влияние Иосифа Флавия на Задонщину и Ипатьевскую летопись, то нет никаких реальных следов того, чтобы этим произведением воспользовался автор Слова о полку Игореве.

В ранних изданиях своего курса «Истории древнерусской литературы» Н. К. Гудзий сопоставлял Слово о полку Игореве с Словом о воскрешении Лазаря, находя в них параллельные тексты. [Гудзий И. К. История древнерусской литературы. 3-е изд. М., 1945. С. 167. Позднее эту параллель он снял (То же. 5-е изд. М., 1953. С. 131).] Однако это соответствие имеется только в начале Слова о полку Игореве, восходящем к Задонщине. Возможно, что Словом о воскрешении Лазаря пользовался еще автор Краткой Задонщины. [См. об этом главу I.]

Теперь обратим внимание на следующее обстоятельство. Если не учитывать библейские реминисценции и спорные отзвуки поэм Гомера, то наряду с Задонщиной и летописями (Ипатьевской и Радзивилловской) в Слове можно обнаружить следы Девгениева деяния, Повести об Акире (позднего извода) и «Снов Шахаиши». Первые два произведения находились в сборнике со Словом о полку Игореве, а второе и третье к тому же — в сборнике Ундольского, содержащем Задонщину. И больше ничего из памятников древнерусской литературы! Совпадение более чем странное. А еще более странно, что в Задонщине (если считать ее производной от Слова) и следов этих реминисценций нет. Такое «изъятие» нельзя объяснить намеренностью, а придется считать случайным совпадением. Если же полагать, что Слово вторично по сравнению с Задонщиной, то заимствование его автором материалов, содержавшихся в сборнике с этой повестью о Куликовской битве, будет весьма естественным.

Одним из аргументов в пользу позднего происхождения Слова о полку Игореве уже давно являлось полное отсутствие его реминисценций в древнерусской письменности XII–XVII вв. Все попытки найти следы влияния этого памятника на другие литературные произведения не могут быть признаны убедительными.

К наиболее ранним созвучиям Слова и других древнерусских источников относят рассказы о сне князя Святослава и князя Мала из Переяславского летописца. [Кирпичников А. И. К литературной истории русских летописных сказаний // ИОРЯС. 1897. Т. 2, кн. 1. С. 61; Айналов Д. В. Сон Святослава в Слове о полку Игореве // ИпОРЯС. 1928. Т. 1, кн. 2. С. 477–482.]

Летописец: Сон часто зряше Мал князь: се бо пришед Олга дааше ему прѣты многоцѣнны червены, вси жемчюгом иссаждены и одеяла чръны с зелеными узоры и лоды, в них же несены быти, смолны. [Летописец Переяславля Суздальского, составленный в начале XIII века (между 1214 и 1219 гг.) / Издан М. Оболенским. М., 1851. С. 11.]

Слово: Святъславъ мутенъ сонъ видѣ... одѣвахъте мя, рече, — чръною паполомоу... сыпахуть ми тыщими тулы поганыхъ тльковинъ великий женчюгъ на лоно... бѣша дебрьски сани (в изд.: дебрь Кисаню) и несошася (в изд.: не сошлю) къ синему морю.

Как видно из сопоставления, в деталях ничего общего между рассказами, кроме слова «жемчюг» и черного покрывала как предвестника несчастья, нет. Содержание же сна следует отнести за счет обычных дурных примет в сновидениях. Но такое совпадение еще не дает основания говорить о взаимосвязи памятников. Мотив вещего сна слишком хорошо известен и церковной литературе, и фольклору, и памятникам художественной исторической прозы. Жемчуг же в обоих памятниках упомянут в совершенно различных контекстах. Поэтому когда Д. С. Лихачев говорит, что речь идет не о влиянии одного памятника на другой, а об «общности верований и представлений», то он недалек от истины. [Лихачев Д. С. Сон князя Святослава в «Слове» // Лихачев. «Слово» и культура. С. 231. Ссылаясь на Д. С. Лихачева, Б. А. Рыбаков считает, что сон князя Мала был «отголоском» Слова (Рыбаков. «Слово» и современники. С. 23). У Д. С. Лихачева, как мы видим, мысль иная.]

Б. А. Рыбаков выдвинул смелое предположение, согласно которому некоторые сюжеты миниатюр Радзивилловской летописи навеяны Словом о полку Игореве. Воздействию этого памятника мог подвергаться иллюстратор киевской летописи конца XII в., владимирский художник из окружения Всеволода или его ученого сына Константина в 1200–1212 гг. «Теоретически» допускает Б. А. Рыбаков влияние Слова и на самих творцов Радзивилловского списка (XV в.), но считает это допущение маловероятным. [Рыбаков. «Слово» и современники. С. 20.] Итак, какой же материал миниатюр, по мнению Б. А. Рыбакова, мог быть извлечен из Слова, а не из текста летописи? Первая миниатюра изображает в полном соответствии с текстом летописи захват полоцких веж (л. 232 об.). На миниатюре видны два князя: Игорь и Всеволод, которых упоминает летописец. На второй изображено начало боя. Там мы видим князя и воина, стреляющих из лука. И этот мотив взят из летописи («и сняшася с ними стрелци»). На третьей видно, как половцы одолевают русских воинов, лошади и люди повержены («друзи с коней сседоша, кони бо бяху под ними изнемогли и побежени быша»). Еще один русский воин отстреливается из самострела. В четвертой Б. А. Рыбаков усматривает рассказ о том, как Игоря в левую руку ударяет половчанин, а затем князь пленен половцами. Человек же в княжеской шапке продолжает отстреливаться из лука. Это уже нечто необычайное, ибо «ни один из мастеров Радзивилловской летописи не дерзал изобразить князя с луком». Изображение навеяно Словом, где о Всеволоде сказано «прыще-ши на вой стрелами». Конечно, Всеволод не был простым лучником, он лишь отдавал приказания лучникам. Миниатюрист просто неверно понял текст Игоревой песни. [Рыбаков. «Слово» и современники. С. 18, 19.] Все это в лучшем случае чистая догадка. Лук в руках князя необычен, но он является естественным следствием летописного текста и второй миниатюры. отождествление князя с луком с Всеволодом — простое допущение Б. А. Рыбакова (хотя оно и не исключено). Возможно, перед нами три эпизода рассказа о пленении Игоря (сначала он бьется из лука, затем в его щит попадает копьё половца, затем

его пленяют). Впрочем, воин со щитом без шапки, и его можно не отождествлять с Игорем, тем более что в летописи говорится, что княжеская дружина была «язвена» (изранена). «Лишней» же эту миниатюру (в противовес Б. А. Рыбакову) назвать нельзя, ибо она посвящена особому эпизоду — пленению князя, который есть в летописи.

Далее Б. А. Рыбаков переходит к следующей (пятой) миниатюре (л. 234 сверху) и видит в ней иллюстрацию к «Злату слову» Святослава, приветствие киевским князем одного из прибывших к нему князей. На миниатюре тщательно вырисована посадка на коней, изображены два князя в соответствии с двойственным числом Слова («вступита, господина, в злата стремя»). Здесь все запутано, хотя миниатюра предельно ясна. В ней говорится, как князь Владимир Глебович «выехал из города» (по летописи). В левой части миниатюры он садится на коня, в правой — выезжает. И только. Все остальное «от лукавого». [Заметим путаницу у Б. А. Рыбакова. То у него Святослав приглашает какого-то князя, то автор Слова от имени Святослава обращается к двум князьям (Там же. С. 20–21). Надо было бы выбрать что-либо одно.] Никакого Святослава.

Наконец, Б. А. Рыбаков обращает внимание на миниатюру, посвященную побегу Игоря (л. 234 об. низ). Слева князь изображен с одним воином (трубящим в рог), а справа — князь с воином и с конем, с которого упал еще один человек. Б. А. Рыбаков почему-то первого воина отождествляет с Овлуром (которого не знает Радзивилловская летопись), а во втором видит половецкого сторожа со связанными руками, которого беглецы сбросили с коня. Почему-то он привлекает «на помощь» Татищева, который пишет, что Игорь бежал «сам пят». Никакого «сам пята» на миниатюре не изображено (если только не считать, что Татищев видел миниатюру и в ней не разобрался). Весь сюжет миниатюры представляет собою художественное воплощение летописного текста. Князь бежит на Русь. По дороге один из бежавших с ним воинов гибнет, [Впрочем, может быть, это иллюстрирует летописное размышление о том, что полоняники подвергались «многими железами и казнями».] а с другим Игорь достигает родной земли (князя же должен кто-то сопровождать).

Но всего этого мало. В миниатюре на л. 235 Б. А. Рыбаков усматривает некое совмещение изображений: слева якобы речь идет о встрече князей Игоря и Святослава или Ярослава Черниговского, справа изображен поход на болгар. Но для этого построения достаточных оснований нет. Опять-таки перед нами два эпизода одного события: слева — посылка князем распоряжения о выходе в поход, справа — осада какого-то болгарского города. Да, летописец не говорит о посылке Всеволодом князя, но иллюстратор в данном случае мог руководствоваться штампом.

Словом, никаких убедительных данных в пользу предположения о влиянии Слова на миниатюры Радзивилловской летописи Б. А. Рыбаков не привел.

В последнее время с легкой руки М. С. Грушевского много говорят о близости к Слову о полку Игореве памятника XIII в. — Слова о гибели Русской земли. [Грушевський М. С. Історія української літератури. Т. 2. С. 166–226; Соловьев. 1) Политический кругозор. С. 93–99; 2) Заметки к «Слову о гибели Русской земли»//ТОДРЛ. М.; Л., 1958. Т. 15. С. 109–113; Solovjev A. 1) New Traces of the Igor Tale in Old Russian Literature//Harvard Slavic Studies. Cambridge Mass. New York, 1953. Vol. 1. P. 73–81; 2) Die Dichtung von Untergang Russlands// Die Welt der Slaven. 1964. Jg. 9, H. 3. S. 234–237; Рыбаков. «Слово» и современники. С. 79–85.] При этом А. В. Соловьев считает, что «„Слово о гибели“ является... самым сильным доказательством подлинности „Слова о полку Игореве“». [Соловьев. Политический кругозор. С. 97.] А. В. Соловьев перечислил 27 пунктов, которые должны, по его мнению, свидетельствовать о близости Слова о полку Игореве к Слову о гибели. [Сравнение фрагментов «подперь горы Угорский железными плъкы» (Слово о полку Игореве) и «угры твердыху каменныя города железными вороты» (Слово о гибели) не имеет достаточных оснований: во втором случае говорится о железных воротах (они есть и в Задонщине) в каменных городах, а в первом дается поэтический образ на другую тему. Происхождение образов «железные

плъки» и «горы Угорскыи» в Слове о полку Игореве объяснено в главах II и III.] Среди них, например, сходство заголовков. Но «Словом» называли самые разнообразные произведения на протяжении многих веков истории русской литературы (в частности, памятники церковного красноречия [Кстати, список У Задонщины озаглавлен «Слово о великом князе Дмитрее Ивановиче». Это заглавие могло дать основание для заголовка Слова о полку Игореве.]). А. В. Соловьев обращает внимание на противопоставление «христиан» «поганым», имеющееся в обоих памятниках. Но и это не составляет их специфической черты. Выражения «от великаго Ярослава... до нынешняго Ярослава» (Слово о погибели) и «от стараго Владимира и до нынѣшняго Игоря» (Слово о полку Игореве) имеют лишь видимость сходства: в первом случае князья сопоставляются (оба Ярослава), во втором — противопоставляются («старый» «нынешнему»). [Эта формула встречается, например, в Троицкой летописи под 1392 г. «прочи от великаго Ярослава и до его князя нынешняго» (Приселков М. Д. Троицкая летопись. М.; Л., 1950. С. 439).] Обращения «о, светло-светлая земле Русская» (Слово о погибели) и «свѣтъ светлый... Игорю» действительно имеют черты близости, но сходны они и с Девгениевым деянием. Не является особенностью обоих памятников и само обращение к Русской земле (аналогично обращение в Задонщине «Русская земля, то ти еси как за Соломоном»). Все же остальное (героический лиризм, свободный ритм, страсть к легендарным образам, к гиперболическому возвеличиванию Русской земли, лирическое чувство красот природы, широкий политический, исторический и географический кругозор) не доказывает непосредственного влияния Слова о полку Игореве на произведение XIII в. Таким образом, можно согласиться с Н. К. Гудзием, писавшим, что «все эти параллели из обоих памятников... настолько общего характера, что едва ли могут свидетельствовать о литературной связи „Слова о погибели“ со „Словом о полку Игореве“». [Гудзий Н. К. О «Слове о погибели Рускыя земли» // ТОДРЛ. М.; Л., 1956. Т. 12. С. 544.] Автор монографического исследования Слова о погибели Ю. К. Бегунов, говоря о близости этого памятника к Игоревой песни, ничего не мог сказать об их текстологической связи.

При всем этом элементы жанровой близости между памятниками отрицать трудно. Но объясняются они тем, что Задонщина (т. е. источник Слова о полку Игореве) входит в круг тех же литературных явлений, как Слово о погибели Русской земли, Повесть о падении Рязани и др. Это подробно выяснено еще Я. Фрчеком.

Б. А. Рыбаков на основе упоминания пословицы о «горазде» считает, что автор «Моления» Даниила Заточника в 1220-х гг., очевидно, слышал чтение Слова о полку Игореве. [Рыбаков. Русские летописцы. С. 459.] Но пословица вполне могла звучать и вне какого-либо литературного контекста. Она прямо не связана с сюжетом Слова.

Давно уже проводилась параллель к Слову о полку Игореве, содержащаяся в Псковской 1 летописи [ПЛ. Вып. 1. С. 98; Перетц. Слово. С. 38–39.] (под 1514 г.). Однако А. И. Смирнов и А. Д. Седельников обратили внимание на ее близость к Задонщине. [Смирнов. О Слове. С. 182–183; Седельников. Где была написана «Задонщина»? С. 526; Лихачев. Текстология. С. 261.]

ПЛ: Возкличаиш и возопиша жены орешанки на трубы московския, и слыша-ше быти стуку и грому великому... И вдариша... руския князи и бояре з дивными удалцы, рускими сыновыми, на сильную рать литовскую, и треснули копьа московская, и гремят мечи булатные о шеломах литовския на поли Оршиском...

Краткая редакция Задонщины по (К-Б): Тогда же восплакашася горко жены боярыни... трубы трубят в Серпухове... Быти стуку и грому велику... з дивными удалци, с мужескими сыны. Грянуша копия харалужныя, мечи булатныя...

Пространная редакция Задонщины (И1): Всплакалися к ней боярыни избѣнных, воеводины жены... трубы трубят на Коломне... быти стуку велику... выседоша удалцы з боръзых коней... рустии сынове... на сильную рать татарьскую, ударишася копи хараужничьными о доспехи татарския, възгремели мечи булатныя о шеломах хиновския на поле Куликове...

Слово: Ярославна рано плачеть... *трубы* трубять въ Новѣградѣ... *Быти грому великому... гремяши о шеломы мечи харалужными... гремятъ сабли о шеломы, трецать копья харалужныя...*

Рассказ псковского летописного свода 1547 г., составленного, очевидно, в Елеазаровском монастыре, конечно, восходит к Задонщине (тут плачут «жены», есть «дивные удалцы», мечи «булатные», «стуку и грому»). Промосковский летописец использует произведение о Куликовской битве, прославляющее победы русского оружия.

В середине XVI в. во Пскове бытовала Задонщина Пространной редакции (ср. «гремят мечи булатныя о шеломы», «на поли», «на сильную рать» и др.). Однако в ней, возможно, еще были элементы Краткой («стуку и грому» и «з дивными удалцы»). О том, что это так, можно судить по выражению «треснули копья», связывающему запись 1514 г. только с Печатной группой Сказания, где находим также следы Пространной Задонщины с элементами Краткой. [К сходному выводу пришла М. А. Салмина, считающая, что «рассказ Псковской летописи восходит к пространному тексту „Задонщины“, которому, по-видимому, были присущи отдельные черты, сохранившиеся в списке К-Б» (Салмина М. А. Рассказ о битве под Оршей Псковской летописи и «Задонщина» // «Слово» и памятники. С. 525).]

Позднее игумен Корнилий в 1567 г. выпустил все эти отрывки из своего антимосковского свода. [ПЛ. Вып. 2. С. 226. О своде Корнилия см.: Масленникова Н. Н. Присоединение Пскова к Русскому централизованному государству. Л., 1955. С. 167–177.]

О бытовании Задонщины во Пскове говорит и то обстоятельство, что заголовок этого памятника, написанный почерком XV в., находится в сборнике с псковскими языковыми чертами. [Седельников. Где была написана «Задонщина»? С. 576.]

Еще одну реминисценцию Слова В. Н. Перетц находил в Житии Александра Невского псковского агиографа Василия-Варлаама:

Житие Александра:... Мужие свягата князя Александра исполнишася духом ратным, бяху же сердца их яко сердца львом... Ныне приспе время нам положите главы своя за тя. [Серебрянский Н. И. Древнерусские княжеские жития. М., 1915. Тексты. С. 130; Перетц. Слово. С. 39.]

Слово: Напльнився ратнаго духа.....хощу главу свою приложити.

Но выражение «напльнився ратнаго духа» есть и в Задонщине Пространной редакции, а «положити глава своя за тя» — обычный штамп в летописях и воинских повестях. [Ср.: «Днес готови есмя умерети с тобою и главы своя положыти за святую веру христианскую и за твою великую обиду» (Повести. С. 50), «можем главы своя сложити за тя» (Повесть временных лет под 1015 г. и др.), «Исполнишася духа ратна» см. под 1242 г. в Новгородской 1 летописи (НПЛ. С. 296).]

А. В. Соловьев стремится также найти следы Слова в Житии князя Ярослава Всеволодовича, помещенном в Степенной книге (через Житие этого князя XIII в.). [Soloviev A. V. New Traces of the Igor Tale in Old Russian Literature. P. 73–81.] Но его ссылки на сходные выражения «славная река Днепр» и «славные куряне», как показал Н. К. Гудзий, явно недостаточны: в первом случае у обоих памятников общий (фольклорный) источник («Днепр Словутич»), а во втором сходство ограничивается названием жителей Курска «курянами». [Гудзий Н. К. О «Слове о погибели Руския земли». С. 544.]

Д. Н. Альшиц идет дальше А. В. Соловьева. Он считает Житие Всеволода из Степенной книги полемическим откликом на Слово. [Альшиц Д. Н. Легенда о Всеволоде — полемический отклик XVI в. на «Слово о полку Игореве»//ТОДРЛ. М.; Л., 1958. Т. 14. С. 64–70.] В Житии помещен рассказ о вымышленном походе князя Всеволода на половцев 1184–1185 гг. Он легко объясним из общей тенденции Степенной книги возвеличивать владими́ро-суздальских предков московских самодержавцев и, в частности, показать их ратные подвиги в борьбе с «погаными». Основу легенды составил летописный рассказ о победе над половцами за год до битвы при Каяле. И действительно, если снять упоминание об участии в походе Всеволода, перед нами «довольно точный пересказ

летописного описания похода».[Альшиц Д. Н. Легенда о Всеволоде — полемический отклик XVI в. на «Слово о полку Игореве»//ТОДРЛ. М.; Л., 1958. Т. 14. С. 68.] Стремясь к показу деятельности русских князей крупным планом, составитель Жития объединил в данном случае известия о ряде походов русских князей (в том числе рассказ Лаврентьевской летописи под 1199 г.). Никаких текстологических данных в пользу того, чтобы считать это Житие откликом на Слово, Д. Н. Альшиц не привел.

Не соглашаясь с построением Д. Н. Альшица, Б. А. Рыбаков считает, что авторы Степенной книги «возражали не столько концепции „Слова о полку Игореве“, сколько концепции киевского летописного свода конца XII в.».[Рыбаков. «Слово» и современники. С. 30–31.] Сам же Рыбаков склонен усматривать отзвук Слова в упоминаниях Танаиса (Дона) и Куалы (Медведицы) Курбским, поскольку тот получал книги от печерских старцев, среди которых могла находиться Игорева песнь (Б. А. Рыбаков присоединяется к тем исследователям, которые в Мусин-Пушкинском сборнике видят псковский список XV–XVI вв. Слова).[Рыбаков. «Слово» и современники. С. 30.] Чистое вероятие, не подкрепленное никакими текстологическими соображениями, вряд ли может быть чем иным опровергнуто, как уже самим фактом отсутствия у автора каких-либо аргументов в его пользу.

Н. К. Гудзий и Р. О. Якобсон поставили вопрос о возможности влияния Слова на летописную повесть о Куликовской битве.[Гудзий. По поводу ревизии. С. 93; Jakobson. 1) Sofonija's Tale. P. 26; 2) Selected Writings. P. 558–560.]

В подкрепление своей гипотезы Р. О. Якобсон привел несколько случаев, говорящих якобы о близости Слова о полку Игореве с Летописной повестью о Мамаевом побоище. Вот они:

Летописная повесть: 1...идеть на тебе Ягайло с всею силою своею. Дмитрий же князь се слыша не веселую ту годину... (Повести. С. 30). **Слово:** Уже бо, братие, невеселая година вьстала, уже пустыня силу прикрыла...

Летописная повесть: 2. И повеле мосты мостити на Дону... Заутра в субботу... (С. 34). **Слово:** Съ зарания въ пяткъ... начаша мосты мостити по болотомь...

Летописная повесть: 3...и веляя силы узревше поидоша, и земля тутняше... (С. 35). **Слово:** Земля тутнетъ. Рѣкы мутно текуть... половци идуть отъ Дона, и отъ моря...

Летописная повесть: 4...изрядив полки, поиде противу поганых половець... (С. 35). **Слово:** Потопташа поганяя плѣкы половецкыя...

Летописная повесть: 5...побежите неготовыми дорогами. А сам, вдавъ плещи свои и побеже... (С. 36). **Слово:** А половци неготовами дорогами побѣгоша...

Из этих пяти отрывков Летописной повести сразу же отбрасываем два: четвертый (в нем нет ничего общего со Словом, кроме «половцев») и пятый («неготовые дороги» есть в Никоновской летописи, а «неуготованные» — в Задонщине). Во втором отрывке Повесть связывает со Словом только общераспространенная формула «мосты мостити».[См. в Ипатьевской летописи под 1014 г. (ПСРЛ. СПб., 1908. Т. 2. Стб. 115).] Текст «заутра же пятъку наставшу» есть в Ипатьевской летописи (он гораздо ближе к Слову, чем Летописная повесть). Остаются выражения «невеселая година» (отрывок первый) и «земля тутнет» (отрывок третий). Но первое — общераспространенно, а сходный контекст со Словом во втором случае встречается в Сказании о Мамаевом побоище («земля стонетъ вельми... реки же выступаху из мест своих»).[Повести. С. 66.] Существительное «тутен» есть в Ипатьевской летописи. Да и в списке Сказания, которым пользовался автор Слова, могло стоять «тутнет» (в Ермолаевском списке «земля танет»[ГПБ, F.IV, № 231, л. 305 об.]). С другой стороны, выражение «земля тутнаше» есть в Октоихе XIII в., т. е. оно могло быть хорошо известно писателю XIV–XV вв.[Срезневский. Материалы. Т. 3. Стб. 1040.]

Итак, никаких надежных свидетельств близости Слова о полку Игореве и Летописной повести о Мамаевом побоище у нас нет.[М. А. Салмина осторожно пишет, что «нельзя отрицать возможность влияния „Слова о полку Игореве“ на „Летописную повесть“, но параллельные чтения обоих памятников пока еще недостаточны, чтобы

утверждать существование такого влияния с полной уверенностью» (Салмина М. А. «Летописная повесть» о Куликовской битве и «Задонщина» // «Слово» и памятники. С. 384).]

Д. С. Лихачев пишет: «Есть основание думать, что „Слово“ было знакомо автору Поэтической повести об осадном сидении казаков в Азове, составленной в середине XVII в.».[Лихачев. Слово-1955. С. 146.] Но еще А. И. Смирнов высказал предположение, что в распоряжении автора Поэтической повести находилось не Слово о полку Игореве, а Сказание о Мамаевом побоище и Задонщина.[Смирнов. О Слове. С. 138 и след.] Вывод о влиянии Сказания на Повесть разделяет и А. Н. Робинсон.[Робинсон А. Н. Повести об Азовском взятии и осадном сидении//Воинские повести. С. 219–220.] Вот общие фрагменты Повести и Задонщины.

Поэтическая повесть: [Воинские повести. С. 61–62, 67, 72, 76.]1. Крымской царь наступил на нас со всеми великими турецкими силами. Все наши поля чистые орды нагайскими изнасеяны... От силы их многия и от уристанья их конского земля у нас под Азовым потреслася и погнулася, и из реки у нас из Дону вода на береги выступила от таких великих тягостей, и из мест своих вода на луги пошла.

И почали у них в полках их быти трубы великия в трубы большие.....как есть стала гроза великая над нами страшная, бутто гром велик и молния страшная ото облака бывает с небеси... Набаты у них гремят многие и трубы трубят, и в барабаны бьют в велики и несказанны. Ужасно слышати сердцу всякому их бусурманская трубля... **Задонщина (по списку У):** ...поганные поля русские наступают... Черна земля под копыты, а костми татарскими поля насеяша.....протопташа холми и луги. И возмутишася реки и потоки.....в трубы трубят на Коломне, в бубны бьют в Серпугове... Силныи тучи ступишася, а из них часто сияли молыньи и загремели грома велиции... Грозно и жалостно в то время бяше тогды слышати...

Поэтическая повесть: 2. И давно у нас в полях наших летаючи, хлехчют орлы сизыя и грают вороны черныя подле Дону тихова, всегда воют звери дивии, волцы серыя, по горам у нас брешут лисицы бурья, а все то скликаючи, вашего бусурмайского трупа ожидаю-чи. **Задонщина (по списку У):** Птицы крылати под облак летят, вороны часто грают, а галицы своею речью говорят, орли хлехчют, а волцы грозно воют, а лисицы на костех бряшут... вороны грают, трупы ради человеческия...

Поэтическая повесть: 3. Не дорого нам ваше серебро и злато, дорога нам слава вечная!., иным нам вас потчивать нечем — дело осадное! **Задонщина (по списку У):** Жены русские восплескаша татарским златом... нешто тобя князи русские горазно подчивали...

Поэтическая повесть: 4....Не бывать уж нам на святой Руси! Смерть наша грешничья... за веру християнскую, за имя царское... **Задонщина (по списку У):** Уже нам, брате, в земли своей не бывать... за веру крестьянскую и за обиду великаго князя Дмитрея Ивановича...

Итак, зависимость Поэтической повести об Азове от Задонщины несомненна. Выражение «хлехчют орлы» в Повести близко именно к списку У Задонщины (И1 «въсплещуть», С «кличут»). Менее выражена взаимосвязь ее со Сказанием о Мамаевом побоище. Здесь, собственно говоря, совпадает лишь один образ «реки выступаху из мест своих». Его общий характер не позволяет считать связь этих двух памятников доказанной. К тому же текст «от таких великих тягостей и из мест своих вода на луги пошла» является индивидуальной особенностью списка Ундольского Повести и, возможно, в ее протограф не входил.[Сутт Н. И. Повести об Азове (40-е годы XVII в.)//Учен. зап. МГПИ. Кафедра русской литературы. М., 1939. Вып. 2. С. 7.]

Заметим, что в сборнике Унд. № 632, содержащем Задонщину, находились так называемая Историческая повесть об Азове и Повесть о двух посольствах, которая, как доказали А. Н. Робинсон и М. Д. Каган, имеет соприкосновение с Поэтической повестью об Азове.[Робинсон А. Н. Жанр поэтической повести об Азове//ТОДРЛ. М.; Л., 1949. Т. 7.

С. 100–109; Каган М. Д. «Повесть о двух посольствах» — легендарно-политическое произведение начала XVII века // ТОДРЛ. М.; Л., 1955. Т. 11. С. 23Ф—237.] а возможно, и являлась ее источником.

Итак, никаких отголосков Слова о полку Игореве в древнерусской литературе обнаружить не удастся.[О взаимоотношении Слова о полку Игореве с припиской к псковскому Апостолу 1307 г. см. в главе VII.] Само по себе это обстоятельство решающего значения для вопроса о времени возникновения Слова не имеет: ведь известны случаи, когда памятник сохранился всего в одном списке (например, Поучение Владимира Мономаха) и оставался неизвестным до его обнаружения в XVIII или XIX в. Бесспорно другое. В древнерусской литературной традиции нет следов влияния Слова о полку Игореве, в то время как в этом памятнике находятся явные отголоски русских и переводных произведений Древней Руси XII–XVII вв.

Если фактическое содержание Слова о полку Игореве основывалось на летописных сведениях, а литературным образцом для его автора была Задонщина, то средства художественного изображения (эпитеты, образы, ритмика), как правило, в нем глубоко народны и уходят корнями в сокровищницу русского, украинского и белорусского фольклора. Все без исключения бессмертные места этого памятника — народны и не восходят непосредственно к какому-либо письменному источнику. Народные истоки Слова проявились и в идейном содержании памятника, героем которого является Русская земля, и в изобразительных средствах, и в ритмическом складе произведения. Особенностью Слова является тот своеобразный синтез традиций русской письменности с наследием русского, украинского и белорусского фольклора, который составляет основу этой, если так можно выразиться, книжной былины.

Специфика Слова наглядно проявилась уже в его изобразительных средствах. [Большой конкретный материал по этому вопросу собран в работах: Перетц В. Я. 1) К изучению «Слова о полку Игореве». С. 88—149; 2) Адшуканьні і нагляданьні беларускай народнай творчасьці// Інстытут беларускай культуры. Запіскі аддзелу гуманітарных навук, кн. 2. Працы клясы філелегіі. Т. 1. Менск, 1928. С. 247–253; Никифоров. Слово; Мочульский В. Ф. «Слово о полку Игореве» и белорусское устно-поэтическое творчество//Вестник МГУ. Филология, журналистика. 1962. № 2. С. 17–33; 1965. Серия 7. № 1. С. 74–84; 1967. Серия 10. Филология. № 6. С. 67–78; 1969. Серия 10. Филология. № 4. С. 69–75; Смолко Н. С. 1) Эпитеты в «Слове о полку Игореве»//Труды Пржевальского гос. пед. ин-та. Пржевальск, 1962. Вып. 9. С. 3—21; 2) Метафоры в «Слове о полку Игореве»//Труды Пржевальского гос. пед. ин-та. Серия обществ. и филол. наук. Пржевальск, 1963. Вып. 2. С. 157–196; Пшчук С. П. «Слово о полку Ігоревім» і усна народна поезія//Народна творчість та етнографія. 1963. Кн. 4. С. 27–37; Гордииский С. Слово о полку Ігореві і українська народна поезія. Вінніпег, 1963; Дмитриев Я. А. «Слово о полку Игореве»//Русская литература и фольклор (XI–XVIII вв.). Л., 1970. С. 36–54.] Как установил А. И. Никифоров, из 56 эпитетов Слова 13 имеют чисто фольклорный характер. [Бусый (волк), быстрая (река), бесовы (дети), каленые (стрелы), шизый (орел), грозный (князь), тисова (кровать), лебединые (крылы), серый (волк), широкие (поля), зеленая (травя), злаченный, злато (шелом, стрелы), студеная (роса).] К этому можно добавить столько же эпитетов преимущественно фольклорных.[Темный (берег), синяя (мгла, море), яр (тур), милые (лады), каменные (горы), красные (девки), черный, черна (ворон, туча), чистое (поле), златоверхий (терем), вещие (персты), горазд, лютый (зверь), незнаемая (земля). А. И. Никифоров к этим эпитетам причисляет еще «жемчужная» (душа), «буй» (тур) и «харалужные» (мечи). Но первые два эпитета в их конкретных сочетаниях чужды фольклору. Термин «харалужный» встречается только в Задонщине и в Сказании о Мамаевом побоище Печатной группы.] Остальные он считает свойственными как устной, так и письменной литературе.[Багряный, бебряный, борзый, белый, великий, драгий, железный, живой, зверин, злат, кровавый, лютый, млад, острый, отень, поганий, светлый, сильный, черлений, жестокий, горячий, мутен, веселый. К этому надо добавить

отсутствующие в фольклоре: пламян, златокованный, тресветлый, ратный, трудный, смысленый. Впрочем, В. А. Аносов в неизданном сочинении «Церковнославянские элементы в языке великорусских былин» говорил, что «златокованный» встречается в былинах (Отчет о состоянии и деятельности С.-Петербургского университета за 1912 год. СПб., 1913. С. 213).] Изобразительный материал по преимуществу фольклорен. Но вот многие сочетания Слова не находят подтверждения ни в устной, ни в письменной литературе, показывая тем самым неповторимое своеобразие творческого почерка автора. В их числе следующие: «бебрянь рукавъ», «буй туръ», «бусовы врани», «босый волкъ», «бѣлый гоголь» («белая лебедь» есть у Кири Данилова), «бѣлая хоругвь». Выражению «дети бесовы» отдаленно соответствует «бісов» в украинском языке. Неизвестны в других памятниках сочетания «великий жемчюг», «великое поле», «грому великому». То же можно сказать и о «вещих перстах», «вещей душе», «железных путинах», «железных папорзях». Нет ни в письменной литературе, ни в фольклоре «жемчужной души», «жестокого тела», «жестокого харалуга», «живых шерешир». Отсутствуют «свист зверинь» (у Кири есть «крик зверин») и «острые стрелы». Крайне редки сочетания «лебединые крылы» (особенно — «перо») и «студеная роса» (чаще — «холодная роса»). [Ср.: «Сцюдзеная раса пала, Пусти мяне дамоу, пане» (Белорусские песни, собранные П. В. Шейном//Записки РГО по Отделению этнографии. СПб., 1873. Т. 5. С. 469).] Нет в фольклоре «отня стола», хотя это сочетание встречается в летописи. «Светлое солнце» есть в Девгениевом деянии, но отсутствует в произведениях устной словесности, «сильные полки» также чужды фольклору.[Есть в Повести о разорении Рязани: Воинские повести. С. 13.] Сочетания «серебряные» стружие, седина, струи, брези не встречаются ни в фольклоре, ни в письменности.

А. М. Панченко подметил, что для Слова о полку Игореве характерна «колористическая исключительность» сравнительно с памятниками древнерусской литературы. Автор понимает, что «цветовые „излишества“ Слова могли стать очередным аргументом в устах скептиков».[Панченко А. М. О цвете в древней литературе восточных и южных славян // ТОДРЛ. Л., 1968. Т. 23. С. 15.] Но он отводит этот аргумент тем, что, во-первых, «окрашенным произведением» является и Задонщина, и, во-вторых, что «закономерности употребления цветовых терминов в последнем памятнике объясняются аналогичными явлениями Слова». Второй довод А. М. Панченко недоказателен. Так, из 15 случаев употребления цветовых терминов в Задонщине три не имеют аналогии в Слове («красные дни», «златые колодицы», «золоченые колоколы»). Мало того. Все эпитеты Задонщины имеют корни в литературе и фольклоре Древней Руси. Так, больше половины их (8) связано с «золотым» цветом и золотом как металлом (кроме двух приведенных выше случаев это — четырежды доспехи, а также шолом и стремя). Трижды упомянут хорошо известный фольклору «серый волк», а также «черная земля». Известна и «зеленая» (или «белая») ковыль и «черленые щиты».

Зато пятнадцати случаям цветовых терминов Задонщины противостоят сорок семь в Слове. Они не только ахроматичны и имеют символическое значение (типа «серый волк»).[А. М. Панченко пишет, что Слово «пользуется более редким, видимо, более древним, более изысканным символом» (Панченко А. М. О цвете... С. 13–14). Насчет изысканности автор прав, но вот большую древность ахроматических цветов Слова сравнительно с Задонщиной он не доказал.] Значительная часть их органически входит в хроматическую гамму («черные тучи», «черная паполома», «белый гоголь», «белая хоругвь», «шизый орел», «черленый стяг», «серебряная седина», «багряный столп»). Широкое употребление цвета в Слове о полку Игореве сравнительно с памятниками древнерусской литературы действительно дает новый аргумент в пользу представлений о позднем происхождении этого памятника.

Исследуя словарный состав Слова о полку Игореве, С. Вачнадзе установила, что слова, взятые из военного быта, составляют не более 4 % всего лексического материала памятника, в то время как удельный вес бытовой и социальной лексики повышается до

9 %, а слов, характеризующих природу, — до 10 %.[Вачнадзе С. Словарь «Слова о полку Игореве» и его стилистическое в нем использование// Труды Тбилисского гос. пед. ин-та им. А. С. Пушкина. 1947. Т. 4. С. 145.] Сходные подсчеты сделаны были и А. И. Никифоровым. Все это совершенно не вяжется с представлением об авторе Слова как о княжеском дружиннике.

Сравнивая Слово о полку Игореве с Молением Даниила Заточника, А. И. Никифоров пришел к выводу, что в этих памятниках нет ни одного устойчивого сочетания. [Никифоров. Слово. С. 433.] Решительный отказ от книжных и фольклорных канонов — характерная черта творчества автора Слова.

Смелость использования палитры средств художественного выражения сказывается и в замене образа «испить шелоом Дон» (Задонщина), может быть, не совсем обычным, но запоминающимся «искусити Дону великого», народного «зелено вино» — тонким, но сугубо индивидуальным «синее вино».[«Зелено» вино заменено «синим», возможно, потому, что синий цвет в сочетании с черным символизирует траур (Гаген-Торн Н. И. Думки з приводу «сна князя Святослава» у «Слові о полку Ігоревім»//Народна творчість та етнографія. 1963. № 4. С. 101).] Диковинные словечки автор охотно употребляет в самых различных сочетаниях. Так, «хара-лужными» у него становятся «чепи», «мечи», появляется выражение «въ жесто-цємъ харалузѣ». Он как бы любит слова «буй», «буесть», «буйство» и т. д. Образ Ипатьевской летописи (1093 г.) «незнаемою страну» соответствует целому букету сочетаний: «земли незнаемѣ», «въ полѣ незнаемѣ», «на полѣ незнаемѣ» и, наконец, «зегзицею незнаемѣ» (в изд.: незнаемъ).[Чтение И. Шевченко «зегзицею земли незнаемѣ» излишне осложняет текст (Sevöenko I. To the Unknown Land: A Proposed Emendation of the Text of the Igor Tale//Slavic Word. 1952. N 1. P. 356–359).]

В образах Слова обращает на себя внимание обильное использование былинных и песенных мотивов, особенно при описании явлений природы. При этом оно становится тем значительнее, чем дальше текст от художественной канвы Задонщины.

Начало Слова о полку Игореве в основном книжного происхождения («Не лѣпо ли...») и восходит к традиции летописных обращений, приемам ораторского искусства и воинских повестей. Впрочем, не противоречит оно и былинным, и песенным зачинам. [«Хотите ли, братцы, старину скажу» (Киреевский. Новая серия. Вып. 2, ч. 1. № 1280). «Заиграйте гусли-мысли, я вам песенку спою» (Там же. № 1435).] Трехчленная формула Слова («растѣкашется мыслию по древу») близка к мотивам Задонщины о полете мыслями над землями, но построена по образцам былин с использованием чисто народных образов «серого волка» и «шизого орла».[В былине про Вольгу:

«Похотелоя Вольге много мудрости:

Щукой-рыбою ходить ему в глубоких морях,

Птицей-соколом летать под оболока,

Серым волком рыскать во чистых полях»

(Рыбников. Песни. Т. 1. С. 10).]

На этой основе и создана неповторимая композиция, своеобразная и высокохудожественная.

Следующий запоминающийся образ — десять соколов, пущенных на стадо лебедей, — не имеет соответствия в Задонщине, но зато близок по мотивам к русскому фольклору.[

«Не ясен-то ли сокол...

Он летал-то ли летал,

Летал, лебедей искал»

(Киреевский. Новая серия. Вып. 2, ч. 1. № 1262).]

Образ лебеди, преследуемой соколом (орлом), не чужд и украинскому народному творчеству.[«Сизоперый орел став лебедку бити» (Малороссийские песни, изд. М. Максимовичем. М., 1827. С. 11). Ср.: «Як налетев, налетев сизый орел на воду, ухапив, ухапив бедную лебедочку» (Радченко З. Гомельские народные песни (белорусские и

малорусские). СПб., 1888. С. 42).] Вместе с тем образ поющей лебеди, настигаемой соколом, настолько трогателен и индивидуален, что мог быть создан только большим мастером, чувствовавшим красоту народной поэзии. Зато когда автор Слова описывает побег Игоря и сравнивает его с полетом сокола, который избивает гусей и лебедей «завтроку и обѣду и ужинѣ», то он вводит в напряжен-но-поэтическое повествование элемент прозаического просторечия, совершенно не свойственного эпосу.[На этот факт наше внимание обратил И. Г. Спасский, которого я, пользуясь случаем, благодарю за дружескую помощь.]

В фольклоре нет образа перстов, наложенных на живые струны: он порожден творческой переработкой сходного мотива Задонщины. Широкое использование выразительных средств этого произведения в Слове совершенно естественно. Оно объясняется сходством не только тематики обоих памятников, но и литературных традиций, питавших обоих авторов, как народных, так и книжных. В фольклоре не встречается выражений «истягну умъ», «поостри сердца своего», «лице жъ бы потяту быти», но они есть в Задонщине, где они навеяны воинскими повестями и отчасти библейскими ассоциациями. Как к Задонщине, так и к фольклору близки чисто народные по своему происхождению образы: «комони ржуть за Сулою», [Киреевский. Песни. Вып. 9. С. 364.] «звенить слава», [«Не во все дзвоны дзвонили» (Максимович М. А. Сборник украинских песен. Киев, 1849. 4. 1. С. 7; Киреевский. Песни. Вып. 10. С. 200).] «скачущий волк», [«А как ён мастер ведь по полям скакать, А й по полям скакать да он серым волком» (Гильфердинг. Былины. Т. 1. С. 660).] «седлай... бръзьи комони», [Ср. «комони» (Рыбников. Песни. Т. 1. С. 203).] «испити шеломомъ», [«Которая сила шеломом пьет» (Рыбников. Песни. Т. 1. С. 229).] «въступи... въ златъ стремянь». [«В стремяно ступил» (Григорьев. Былины. Т. 3. С. 613).]

Ряд оборотов Задонщины был трансформирован под влиянием народных образцов. Это относится к выражениям «не буря соколы занесе» [«Не галичъя стая подымалася» (Тихонравов, Миллер. Русские былины. С. 66).] и «хощу копие приломити конецъ поля половецкаго». [«Копья пополам приломилися» (Гильфердинг. Былины. Т. 1. С. 593); Григорьев. Былины. Т. 1, ч. 1. № 8. С. 44, а также в Забелинском списке Сказания о Мамаевом побоище (Повести. С. 195). См.: Дылевский Н. М. Выражение «копие приломити» в «Слове о полку Игореве» как отражение дружинной идеологии и как фразеологизм древнерусской лексики//ТОДРЛ. М.; Л., 1969. Т. 24. С. 21–25.] Чисто народен образ слетающихся птиц и сбегающихся зверей, чующих гибель воинов. [

«Все звери сбежались,
Все птицы слетелися
На его скорую смеретушку»

(Рыбников. Песни. Т. 1. С. 478). В Слове он взят в сочетаниях, восходящих к Задонщине.

Образ земли, засеянной костями, хотя и непосредственно восходит к тексту Задонщины, но имеет многочисленные параллели в фольклоре. [См.: Перетц. Слово. С. 213–214.] В мотив Задонщины о «возмутившихся» реках, потоках и озерах автор Слова вводит свой корректив («иссуши потоки и болота»), имеющий отзвуки и в библейской письменности, и в эпосе. [

«Темные леса к земле приклонялися,
Во реках вода приусохнула,
Во озерах вода приудрогнула»

(Тихонравов, Миллер. Русские былины. С. 245).] Выражение «дерево с тугою къ земли преклонилось» взято автором из Задонщины, но тоже имеет аналогии в фольклоре.

Творческая фантазия автора достигает порой большого накала. Так, найдя в Ипатьевской летописи упоминание о Кончаке — свате Игоря, а в Задонщине определение битвы-пира, он рисует широкое эпическое полотно сражения как брачного пира. [«Гей, друзи... и з ляхами пиво варити зачинайте» (Антонович, Драгоманов. Исторические

песни. Т. 2, вып. 1. С. 33, 36).] Летописное «итти дождю стрелами» превращается в чисто народное «прыщещи стрелами».[«Стрелы летят как часты дожди» (Кирша Данилов. С. 88).] На фольклорный образец переделывается мотив Задонщины в фразе «Что ми шумить, что ми звенить».[«Ци грім гремит, ци звін звенит» (Антонович, Драгоманов. Исторические песни. Т. I. С. 300).]

В некоторых случаях образы Слова, созданные по образцу летописных («крамолу ковати») и особенно по Задонщине, не находят соответствия в народном творчестве (например, выражения «трепещуть синии мльнии», «кликомъ поля прегородиша», «стязи глаголють», «златымъ шеломомъ посвечивая», «гремлеши о шеломы мечи», «ратаевѣ кикахуть», «врани граяхуть», «галицы свою рѣчь говоряхуть» и др.).

Очень много народных образов Слова начисто отсутствует в Задонщине. Если бы Задонщина составлялась по образцу Слова, их «вычленение» выглядело бы весьма странным. Широко известен русскому и украинскому фольклору образ дурных предзнаменований, в частности надвигающейся тучи.[

«Тут не грозна туча подымалася

...Подымался собака злодей Калин-царь»

(Григорьев. Былины. Т. 1. С. 336).] Чисто фольклорен образ князя — солнца. [Подробнее см.: Перетц. Слово. С. 190–191. В былинах есть и сравнение героя с месяцем. Ср. также в белорусских песнях: «Три месицы ясных, три молайцы красных» (Шейн П. В. Материалы для изучения... Т. 1, ч. 1. С. 70).] В украинских песнях встречаем образ дремлющего казака,[

«Конь вороный спотыкается,

Козаченьку та дремается»

(Головацкий. Народные песни. Ч. 1. С. 127; ср.: Історичні пісні. Кшв, 1961. С. 147).] что заставляет нас вспомнить выражение «дремлеть... хороброе гнѣздо («гнѣздо» навеяно Задонщиной. — А. 3.), далече залетѣло». Выражение «рассушясь стрелами» почти буквально соответствует украинскому «рассулися стрелами».[Ср.:

«Широки поля переміrimo,

Ой засіємо золотими стрілки,

Заволочимо тугими луки»

(Головацкий. Народные песни. М., 1878. Ч. 3, отд. II. С. 10).] Зато выражение «кожухы начяша мосты мостити» навеяно русскими былинными мотивами.[«Мостити мосточки дубовые, устилали суконцами ординарными» (Рыбников. Песни. Т. 1. С. 87; Потебня А. Объяснения малорусских и сродных народных песен. Варшава, 1882. С. 132–137). Сочетание «мосты мостити» часто встречается и в белорусском фольклоре: ср.: «Мне мост мостить, мне гать гатить» (Радченко З. Гомельские народные песни... С. 30).] В фольклоре встречаются также образы потухающей зари,[«Заря спотухала, потухала вечерняя заря» (Великорусские народные песни. Изд. А. И. Соболевским. СПб., 1899. Т. 5. С. 390).] мглы, покрывающей поля[«Тмою свет покрывати» (Рыбников. Песни. Т. 3. С. 297). «Синя мгла, гей синя мгла... По полонині полегла» (Потебня. Слово. С. 197).] («чорна хмара» в украинских думах), пыли — «пороха»,[«Порох, порошок по дорогі, Що за гомін по дуброві» (Потебня. Слово. С. 48).] помутившейся реки.[«А тепер, кормилец, все мутен течешь, помутился ты, Дон, сверху донизу» (Киреевский. Песни. Вып. 6. С. 88).] Во время боя буй-тур Всеволод «поскакивает» вполне по-былинному, причем так же, как и в былинах, где проедет герой, там и поганые головы лежат. Замечание о «невеселой године» находит параллель в «лихой године» белорусских и украинских песен.[Українські народні думи та історичні пісні. Київ, 1955. С. 171; Мачульські. Да питанья. С. 112.]

При всех переключках со «Снами Шахайши» и летописью народен в самой основе сон Святослава. Вещий сон, например, встречается в былине о Вольге (там приснился покойник, прикрытый покрывалом). Есть в нем параллели со свадебными песнями. [Иванов, Топоров. К проблеме достоверности. С. 79–80.] Народны мотивы о приснившейся «тисовой кровати»,[Ср.: поверье «кровать во сне видеть — к болезни»

(Перетц. Слово. С. 256). Тисовую кровать находим в сборнике песен Чулкова (Чулков М. Д. Соч. СПб., 1913. Ч. 1–3. С. 445).] о рассыпанном жемчуге, [«Ты разсыпся, крупен жемчуг... Ты расплясься, невестушка» (Русские народные песни, собранные П. В. Шейном. М., 1870. Ч. 1. С. 485).] повалившемся коньке, [Примеры см. в статье: Алексеев М. П. К сну Святослава в «Слове о полку Игореве» // Слово. Сб.-1950. С. 226–243.] зловещем крике воронов, [Если в Слове «босуви врани възгряху», то в плачах «чорны вороны... приограяли» (Причитанья Северного края. М., 1872. Ч. 1. С. 7).] о похоронах на санях, [«Тот час на санях привезти, ко тоя церкви соборныя» (Кирша Данилов. С. 153).] о вине. «Пить вино мутное — печаль знать» — читаем в одном соннике. [Перетц. Слово. С. 257. Кстати, оборот «вино съ трудомъ смѣшено» близок по конструкции к выражению «слово слезами смѣшено».] Литературной обработкой народных мотивов является и образ Игоря, пересеживающегося из золотого седла в кощеево. [Кашея см. в былине об Иване Гоудиновиче (Рыбников. Песни. Т. 2. С. 118), ср. также: «И Михайла вылетел из седла и пал на землю, что овсяный сноп» (Рыбников. Песни. Т. 1. С. 365).] Кощей — символ врага в русских сказках. В толковании сна Святослава боярами находим народное выражение «соколома крыльца припѣшали», [«Припешить» — в Смоленской губернии означает устать от ходьбы (Никифоров. Слово. С. 626). Выражение «пешого сокола и вороны бьют» встречается в украинском сборнике конца XVII–XVIII в. (Перетц. Слово. С. 260).] причудливо соединенное с по-сечением «поганных саблями». Здесь же, как уже говорилось, автор опутывает «путинами железными», а не «шевковыми», как в Синодальном списке Задонщины в согласии с фольклором. [Рыбников. Песни. Т. 2. С. 12, 13, 398. Железными «путины» (нечто среднее между «опутинами» и «путами») могли сделаться под влиянием евангельского «путы... железными» (Мк. 5: 4; Лк. 8, 29). Д. С. Лихачев отмечает, что автор Слова «употребляет правильный старый охотничий термин „путины“, замененный впоследствии термином „ногавки“» (Лихачев. Когда было написано «Слово»? С. 149). Употребить было нетрудно: термин находится в списке Задонщины в сходном контексте. В. П. Адрианова-Перетц считает, что в Слове «железные путины» отражают древнейшее сочетание терминов: со временем, по ее мнению, из этого образа и возникают фольклорные «путины шелковые» (Адрианова-Перетц. «Слово» и памятники. С. 131–132). Это построение чисто умозрительно. Для его подкрепления автору приходится допускать существование в Древней Руси каких-то «гнущихся железных (типа проволоки) уз», которыми можно было «опутать» человека.] Тема «опутывания сокола» проходит и еще раз в Слове, когда заходит речь о княжиче Владимире. [В позднем варианте подблюдной песни (гадание о женихе) пелось: «Ах ты выкини, мати, опутинку, еще чем мне опутать ясна сокола» (Потебня. Слово. С. 148). Эта песня была помещена в журнале Чулкова «И то и сьо» за 1769 г. (Адрианова-Перетц В. П. «Слово о полку Игореве» и устная народная поэзия // Слово. Сб.-1950. С. 317).]

Обращение автора к дружине («А мы уже, дружина, жадни веселия»), встречающееся и на страницах летописи, обычно для былин. [«Братцы, вы дружинишка хоробая» (Рыбников. Песни. Т. 2. С. 345).] С образами белорусской песни может быть сравнимо выражение «ни нама будеть сокольца, ни нама красны дзевіце», [

«Сы вулицы сыколы лятяць,
А сы другия все сокольчыкі,
А сы терема добрый моладзіц,
А сы другога красна дзевіца»

(Шейн П. В. Материалы для изучения... Т. 1, ч. 1. С. 183).] а с украинской — «труся собою студеную росу». [«Ой ты, соловей, рання пташечка, ты не щебечи рано на зорі, да не обтрусі ранней роси» (Потебня. Слово. С. 145).] Горностаи и гоголи нередкие гости в песнях и былинах. [«А не ярыя гоголи на сине море» (Кирша Данилов. С. 82).] Совсем в духе украинских песен Всеслав бросает жребий «о дѣвицю». [«Собиралися ребята Во три поля погуляти Красну девку виглядати. Они думали гадали, на три жеребья метали»

(Потебня. Объяснения. Т. 2. С. 663).] Народен и образ сердца, закованного в «харалуг» (по представлению автора Слова — булат).[В свадебной песне поется:

«У родимого батюшки
У его сердце каменно,
В золезо сковано,
В булате сварено»

(Шейн. Великорус. Т. 1, вып. 2. № 1554. С. 454. См.: Шептаев Л. С. Заметки к древнерусским литературным памятникам //ТОДРЛ. М.; Л., 1957. Т. 13. С. 427). Аналогично в плаче: «...с укладу сердце складено, со железа груди скованы» (Причитанья Северного края. 4. 1. С. 53).] В песнях же находит параллель и выражение Слова «до курь».[«Гуляй, жена, не до кура» (Киреевский. Новая серия. Вып. 2, ч. 2. № 2961).]

Плач Ярославны — вершина Слова о полку Игореве. Поэтический образ страдающей женщины пленяет своим внутренним благородством и трогательной красотой. Ничего подобного нельзя найти в древнерусской литературе, во всяком случае до XV–XVI вв. Четырехчастная структура плача порождена Задонщиной, но все его содержание, выразительные средства глубоко народны. И это вполне понятно. Плачи принадлежат к числу излюбленных народных жанров.[Б. В. Сапунов сопоставляет обращение к солнцу, реке и ветру в Слове также с народными заговорами, известными по записям XIX в. (Сапунов Б. В. Ярославна и древнерусское язычество // Слово. Сб.-1962. С. 321). Обращения-заклинания к солнцу, ветру и т. п. свойственны в первую очередь причитаниям.] В песнях и былинах мотив Дуная обычен.[«Дунай, Дунай, Дунай, боле пить вперед не знай» (Рыбников. Песни. Т. 2. С. 596), «протекла Дунай река ко городу ко Киеву» (Там же. Т. 1. С. 391).] Обстановка русско-турецких войн, когда многие сыны русского народа сражались на берегах этой реки, способствовала закреплению в фольклоре этого мотива, восходящего к седой старине. На стене города плачет девица в былине о Василии Игнатьевиче.[Гильфердинг. Былины. Т. 3. С. 359.] Именно в плачах встречается обращение к супругу как к ладе. Причитание «ни очима съглядати» имеет свою аналогию в украинских песнях.[«Уже ж мені своїх братів не наганяти... Уже мені свого отця — неньку у вічі не видати» (Грушевська К. Українські народні думи. Харків, 1927. Т. 1. С. 124).] Устно-поэтическое происхождение имеет и мотив «полечю... зегзицею».[«Обернувшись зозулею та в год прилетша» (Потебня А. О связи некоторых представлений в языке//Филологические записки. 1864. Вып. 3. С. 147). «Полечу я, горькая, кукушечкою» (Киреевский. Новая серия. Вып. 2, ч. 2. № 1931). «Обернуся я шэрай зязюлей. И полечу у мамкин сад» (Белорусские песни, собранные Н. И. Носовичем. СПб., 1873. С. 265).] Находка В. И. Малышева в Повести о Сухане выражения «Непра Слаутича» прояснила народное происхождение этого прозвания Днепра (в украинских думах встречается сходная форма — «Дніпр Славута»[Українські народні думи та історичні пісні. С. 46.]). В. И. Малышев склоняется к тому, что «этот эпитет стал знакомым автору повести через украинскую народную поэзию».[Малышев В. И. Повесть о Сухане. М.; Л., 1956. С. 113.] Но в плаче Ярославны автор Слова выступает ярким писателем, смело вводившим в свой текст новые художественные образы (омочу «бебрянь рукавъ», ветер, лелеявший корабли на синем море, и др.). Заключение Слова (слава князьям,[«Тут старому славу поют» (Тихонравов, Миллер. Русские былины. Отд. II. С. 30).] концовка «Аминь»)[Антонович, Драгоманов. Исторические песни. Т. 1. С. 124.] также имеет параллели в фольклоре.

По мнению Д. С. Лихачева, в Слове встречаются вовсе не обычные элементы фольклора, а редкие, обнаруживаемые только в одном каком-либо произведении— то в собрании Киреевского, то у Рыбникова, то у Маркова и т. д. Поэтому, «чтобы написать Слово в XVIII веке, автор его должен был быть ученым, совершенно исключительным любителем и ценителем фольклора, опередившим все знания своей эпохи».[Лихачев. Когда было написано «Слово»? С. 155–156.] Как мы видели, далеко не все фольклорные параллели Слова представляют собою что-то исключительное. Наоборот, они очень часты

в былинах, думах. В диссертации А. И. Никифорова можно найти многие десятки примеров созвучия со Словом, сходных с теми, которые были приведены выше. Да, автор Слова был любителем и знатоком народного творчества, но он не «рыскал волком» по каким-либо конкретным записям былин и песен, а сам трансформировал то, что слышал в Белоруссии, на Украине и в Ярославле.

Недавно Н. А. Баскаков высказал предположение, что автор Слова «обнаружил прекрасное знание особенностей жизни степняков-половцев... Тотемистические воззрения тюркских племен (культ волка, быка и лебедя), эпические сложения и мотивы, характерные для сказаний тюркоязычных народов, отразившиеся в Слове, также свидетельствуют, что его автор хорошо знал половецкий фольклор».[Обсуждение одной концепции. С. 133.] Это, на наш взгляд, совершенно голословные утверждения. Никаких следов сказаний тюркоязычных народов в Слове нет. Эпический «волк» и «лебеди» не в меньшей мере присущи русскому фольклору, тогда как «тура» находим и в Ипатьевской летописи, и в Задонщине. Поиски «восточной поэтической образности» в Слове, предпринятые В. Ф. Ржигой, также не дали ощутимых результатов. Так, он ссылается на то, что в монгольском эпосе «военное нашествие ассоциируется с образами сокрушения гор и иссушения вод».[Ржига В. Ф. Восток в «Слове о полку Игореве»//Слово. Сб.-1947. С. 184.] Но тот же образ есть не только в Задонщине, но и в псалмах. Ссылка на то, что слово «дева» в восточных языках употребляется в смысле новых, неслыханных побед, не помогает раскрытию образа Игоревой песни: «Обида... вступила (в изд.: вступиль) дѣвою на землю Трояню».[В. А. Гордлевский считает, что часто употребленный в Слове синий цвет «характерен для тюркского искусства» (Гордлевский В. А. Что такое «босый волк»//ИЮЛЯ. 1947. Т. 5. С. 324). Но О. Сулейменов это решительно отверг (Сулейменов О. «Синяя мгла» и «синии молнии» // Простор. 1968. № 9. С. 86).]

Иначе говоря, «аромат степи» в Слове не имеет черт, которые были бы присущи XII в. и не были известны писателю, писавшему много столетий спустя. Фольклор трех братских народов (русского, украинского и белорусского) — вот та питательная среда, которая наполнила Песнь о походе князя Игоря чудесным ароматом эпоса.

Автор Слова использовал всю совокупность своих знаний в народном творчестве, и только в одном-двух случаях можно говорить о влиянии конкретного памятника народного творчества. Речь прежде всего идет о былине о Волхе Всеславиче.[О том, что историческим прототипом Волха был не Олег, а Всеслав, см.: Рыбаков Б. А. Древняя Русь: Сказания. Былины. Летописи. М., 1963. С. 97 и след.] Тонко почувствовав, что историческим прототипом Волха был Всеслав Полоцкий, автор Слова щедрой рукой черпал образы былины о Волхе для своего поэтического произведения по былине Волх-кудесник. Он

обвернется ясным соколом,

Полетел он далече на сине море,

А бьет он гусей, белых лебедей.[Кирша Данилов. С. 40–42.]

Мотивы полета к синему морю сокола и преследования им лебедей повторяются в Слове («соколъ, птицъ бя къ морю»). Волх оборачивался, так же как Всеслав, и серым волком:

Дружина спит, так Волх не спит:

Он обернется серым волком.

Этот текст мог повлиять и на мотив «Игорь спитъ, Игорь бдитъ». Волх

Первую скок за целу версту скочил,

А другой скок не могли скочить.

Всеслав тоже «скочи» к Киеву, а потом в Белгород и до Немиги. Оборачивался Волх также «горностаем», «туром». Или вот еще выражение, близкое к Слову:

Как бы лист со травую пристилается,

А вся ево дружина приклоняется.

Б. Ф. Поршнев обратил мое внимание на близость мотивов былины о Соловье-разбойнике к Слову.[См. также: Иванов, Топоров. К проблеме достоверности. С. 77.] «Свистъ звѣринъ» напоминает свист Соловья-разбойника: [Вряд ли есть основания «впрямую» отождествлять «свистъ звѣринъ» со свистом «байбаков и сусликов», как это делают Н. В. Шарлемань и Д. С. Лихачев (Шарлемань Н. В. Природа в «Слове о полку Игореве»//Слово. Сб.-1950. С. 213; Лихачев. Слово-1955. С. 63–64). Да и вообще трудно допустить, чтобы суслики ночью в грозу покидали свои норы и оглашали свистом степь.]

А то свищет Соловей да по-соловьему,
Ен кричит злодей разбойник по-звериному.

Автор Слова посадил и дива (слова «дивъ кличеть» взяты из Задонщины) на дерево, где по былинам сидел Соловей: «сиди Соловей-разбойник во сыром дубу».[Илья Муромец//Подгот. текстов, статья и коммент. А. М. Астаховой. Л., 1958. С. 32. Иногда Соловей свистит «по-змеиному» (Гильфердинг. Былины. Т. 2. С. 644; Т. 3. С. 95). Сочетание «свистъ звѣринъ», а не «крик зверинъ» или «свист соловьиный» характерно для творческой манеры автора Слова, заменявшего синонимами материал своих источников. Так, эпические «каленные стрелы» превращаются у него в «острые стрелы» и т. п.]

Кстати, среди всех былин, дошедших до нас в записях XVII–XVIII вв., былину о богатыре Илье Муромце и Соловье-разбойнике можно считать самой распространенной. [См.: Былины в записях и пересказах XVII–XVIII веков. М.; Л., 1960.]

Итак, близость Слова к фольклору несомненна.[О сходстве композиций Слова и памятников эпического происхождения см.: Braun M. Epische Komposition im Igor'-Lied//Die Welt der Slaven. 1963. Jg 8, Hf. 2. S. 113–124.] Она проявляется и в образах природы, то помогающей, то враждебной герою, в изображении печали, в вешем сне и плачах. Меньше эта близость обнаруживается в описании боя. Автор ограничивается здесь чисто риторическими оборотами, в значительной степени восходящими к Задонщине. Он был далек от военной тематики, чуждой ему по всему складу его представлений. Не князя, а народ является основным героем широкого эпического полотна Слова. Вместе с тем фольклорный материал использован в Слове не механически, а в творческом сочетании с книжным наследием для изображения идейного и художественного замысла автора. Ярко выраженная индивидуальная творческая манера, своеобразие приемов изображения героев и событий свидетельствовали о высокой ступени литературного процесса, отражающегося в Слове о полку Игореве, несоизмеримого с литературными явлениями Древней Руси XII в.

Как установил А. И. Никифоров, Слово написано одноопорным речитативом. О том, что Слово по своему ритмическому складу приближается к украинским думам, писали еще М. А. Максимович, П. И. Житецкий и другие исследователи. Ю. Тиховский даже с явным преувеличением утверждал, что «все „Слово“ от начала до конца писано стихами и притом размером дум».[Тиховский Ю. Прозой или стихами написано «Слово о полку Игореве» // Киевская старина. 1893. Октябрь. С. 45.]

М. А. Яковлев находил связь композиционных приемов Слова с былинами.[Яковлев М. А. «Слово о полку Игореве» и былинный эпос. Пг., 1923. С. 47.] Более прав, очевидно, А. И. Никифоров, считавший, что по своим жанровым особенностям Слово приближается как к русским былинам, так и к украинским думам.[Никифоров А. И. Проблема ритмики «Слова о полку Игореве»//Учен. зап. Ленингр. гос. пед. ин-та им. М. Н. Покровского. Л., 1940. Т. 4. Ф-т языка и литературы. Вып. 2. С. 214–250.] К мнению А. И. Никифорова присоединяется Л. И. Тимофеев, считающий, что «ритмика Слова покоится на традиции народного былинного стихосложения. Ее характерными признаками являются дактилические окончания строк, повторяющиеся типы сочетания ударных и безударных с определенными их вариациями, двухчастность интонационно-ритмической основы строки».[Тимофеев Л. Ритмика «Слова о полку Игореве»//РЛ. 1963. № 1. С. 102. Крайней расплывчатостью отличается представление В. Стеллецкого о «ритмико-синтаксических единицах» в Слове (Стеллецкий В. К вопросу о ритмическом строе «Слова о полку

Игоре»//РЛ. 1964. № 4. С. 27–40. {Последующие работы В. И. Стеллецкого см.: Соколова Л. В. Стеллецкий Владимир Иванович//Энциклопедия. Т. 5. С. 50–52.} Однако даже для реконструкции первых ста строк произведения Л. И. Тимофееву пришлось сделать 16 перестановок и ввести 3 повтора. Как правило, эти перестановки и повторы приходилось вводить именно тогда, когда текст Слова близок к Задонщине. Это можно объяснить только тем, что источник сковывал автора Слова, нарушал народный в своей основе ритм произведения. Одна перестановка падает на инородный текст о «Тьмутараканском бльване».[Об этом см. главу VII.]

По наблюдениям А. В. Позднеева, переход к речитативу в народном былинном творчестве происходит с середины XVIII в.[См.: Головенченко Ф. М. Слово о полку Игоре. М., 1955. С. 375.] Таким образом, если считать этот вывод достаточно обоснованным, то по своей ритмике Слово о полку Игоре не могло восходить к более раннему времени.

Недавно А. В. Позднеев выдвинул новую гипотезу, объясняющую ритмический рисунок Слова о полку Игоре близостью к кондакарной системе стихосложения. Он доказал, что эта система «оказывается единой для всего времени с XII (а возможно и с XI) века, кончая XVII столетием».[Позднеев А. В. Стихосложение древней русской поэзии//Scando-Slavica. 1965. Т. 11. S. 15.] Дальнейшие разыскания покажут, прав ли А. В. Позднеев или нет. Сейчас же заметим, что кондакарный стих отлично был известен любому лицу, хорошо знавшему русское богослужение не только в XVII, но и в XVIII в. Впрочем, и четырехударный былинный стих близок не только к кондакарному, но и к Слово о полку Игоре.

Конечно, вопрос о ритмике Слова о полку Игоре нуждается еще в до-исследовании. Многослойность этого памятника, наличие в нем элементов воинской повести (навешных Задонщиной), произведений ораторского искусства, структуры церковного песнопения[В 1958 г. чешский славист С. Вольман высказал интересное предположение о влиянии на Слово о полку Игоре, наряду с фольклорной традицией, «традиции псалмического пения» (Wolman S. Slovo o pluku Igorove jako umelecke dflo. Praha, 1958. S. 170. О его докладе в комиссии по «Слову о полку Игоре» см.: ТОДРЛ. М.; Л., 1960. Т. 16. С. 660). {См. также: Гребнева Э. Я. Вольман Славомир//Энциклопедия. Т. 1. С. 229–232.} См. также: Бирчак Вл. Візантійська церковна пісня і Слово о полку Ігореві // Записки наукового товариства ім. Шевченка. 1910. Т. 95, кн. 3. С. 5 29; Т. 96, кн. 4. С. 5—32; Picchio R. On the Prosodic Structure of the Igor Tale // Slavic and East European Journal. 1972. Vol. 16. N 2. P. 147–162.] при фольклорной основе объясняют и многосистемность ритмической организации его текста. Эта многосистемность отнюдь не подтверждает «прозаическую природу его звуковой организации»,[Штокмар М. П. Ритмика «Слова о полку Игоре» в свете исследований XIX–XX вв. // Старинная русская повесть. М.; Л., 1941. С. 82.] а заставляет исследовать ритмы каждого фрагмента Слова с учетом его источников.[См. также: Колесов В. В. Ритмика «Слова»//Энциклопедия. Т. 4. С. 217–223.]

Одной из особенностей литературного творчества автора Слова было широкое использование синонимов в текстах, которые восходят к его источникам, т. е. в первую очередь к Задонщине и Ипатьевской летописи. Эти синонимы брались из живого народного языка, а иногда и из древнерусской книжности. В ряде случаев автор достигал этим приемом большей выразительности и доступности изложения. Одновременно его источники естественно входили в текст повествования и их выявление становилось крайне затруднительным. Приведу важнейшие примеры:

Слово: 1. Не лѣпо ли ны бяшетъ, братие начяти... — **Синонимическое соответствие:** [Где источник не указан, имеется в виду Задонщина по списку И1.]...лутче бо есть, брате, начати...

Здесь «лутче» Задонщины соответствует летописно-книжному «лѣпо» Слова.

Слово: 2. княземъ славу рокотаху — **Синонимическое соответствие:** пояше князем руским славы

Обычному «поюще» в Слове противостоит новообразование «рокошаху».

Слово: 3. позримъ синего Дону — **Синонимическое соответствие:** посмотрим быстрого Дону

Разговорному «посмотрим» в Слове соответствует торжественный церковнославянизм «позрим».

Слово: 4. свѣдоми кѣмети — **Синонимическое соответствие:** ведомы полководцы
Привычное «полководцы» Задонщины помещено в том же контексте, что архаичные «кѣмети» Слова, встречающиеся также в Девгениевом деянии.

Слово: 5. съ зарания въ пяткъ — **Синонимическое соответствие:** Завтра же пятницу наставшу (Ипатьевская летопись)

В одном случае помещено книжное выражение (летопись), в другом — просторечие (Слово).

Слово: 6. Стязи глаголють — **Синонимическое соответствие:** Стязи (испр. И1 ктязю) ревутъ

Резкое «ревутъ» Задонщины противостоит торжественному «глаголють».

Слово: 7. Дѣти бѣсови кликомъ поля прегородиша — **Синонимическое соответствие:** Рускии сынове поля широкии кликом огородиша

Здесь «огородиша» Задонщины может быть сопоставлено с «перегородиша» Слова, встречающимся, кстати сказать, в Ипатьевской летописи.

Слово: 8. крамолу коваше... крамолу ковати... крамолу коваху — **Синонимическое соответствие:** леств коваше... (Ипатьевская летопись)

В сходной формуле летописная «леств» противостоит более подходящей для описания междоусобиц «крамоле» (впрочем, для XII в. еще более соответствовало слово «котора», а не церковная «крамола»). В данном случае «крамола» — не синоним «лести» (обмана), но смысл обоих сочетаний с глаголом «ковати» сходен. К тому же «крамола» в сочетании с «коваше» более вписывалась в звуковую картину Слова.

Слово: 9. гримлють сабли о шеломы — **Синонимическое соответствие:** Възгремели мечи булатныя о шеломы хиновския.

«Сабли» в Слове употреблены потому, что рассказ идет об атаке половцев на русских, а не русских на татар (как в Задонщине).

Сходная параллель есть и выше: «саблямъ потручати о шеломы половецкыя», в Задонщине: «гремели князи руския мечи булатными о шеломы хиновскыя». Здесь, однако, сабли ошибочно оказываются уже оружием русских князей.

Слово: 10. что ми звенить давеча рано предъ зорями — **Синонимическое соответствие:** Что гримить рано пред зарями

«Звенить» Слова более образное выражение, чем обычное «гремять».

Слово: 11. Карна и Жля поскочи — **Синонимическое соответствие:** Наведе на ны плачь и во веселье место желю (X, П «жал») (Ипатьевская летопись)

Обычному «плачу» соответствовало архаично-летописное «карна» (от слова «карь»).

Слово: 12. Смагу мычючи — **Синонимическое соответствие:** стрѣляше живымъ огньмъ (Ипатьевская летопись под 1184 г.)

Летописный «огонь» употреблен вполне логично, тогда как «смага» (укр.), т. е. «сухость», не совсем точно в смысловом отношении, но смело и впечатляюще. [См.: Словарь-справочник. Вып. 4. С. 175–180. В. А. Козырев считает, что в Слове «смага» употребляется в переносном значении «тоска, горечь» (Козырев В. А. О слове смага в «Слове о полку Игореве»//Учен. зап. ЛГПИ. Л., 1968. Т. 373. С. 332–333). {См. также: Салмина М. А. Смага//Энциклопедия. Т. 5. С. 8–10.}]

Слово: 13. милыхъ ладъ... ни очима съглядати — **Синонимическое соответствие:** ...бедных жон и детей не видати (Задонщина по списку С)

Обычное «жены» противостоит образному «лады», что придает тексту большую эмоциональную приподнятость.

Слово: 14. А вьстона бо, братие, Киевъ тугою, а Черниговъ напастьми — **Синонимическое соответствие:** А уже бо вьстонала земля Татарская, бедами и тугою покрывашася

«Беды близки к сходному «напастьми».

Слово: 15. погании... емляху дань по бѣлѣ отъ двора — **Синонимическое соответствие:** Козаре имахуть... по бѣлѣ и вѣверици тако от дыма (Ипатьевская летопись) Архаичное «дым» соотносится с близким по смыслу «двором».

Слово: 16. притопта хльми и яругы — **Синонимическое соответствие:** протопташа холми и лугы

Здесь «луги» соотносятся с привычными автору Слова «яругами» (ср. еще в Слове: «яругы им знаеми... по яругамъ...»).

Слово: 17. Багряная стѣла — **Синонимическое соответствие:** полоняныя (У поломяныя) вести

В сходном контексте синонимические прилагательные используются для создания разных образов.

Слово: 18. Донъ шеломы выльяти — **Синонимическое соответствие:** а Дон шлемом вычерпати

Естественному «вычерпати» Задонщины соответствует сходное «выльяти», которое употреблено, однако, стилистически не вполне удачно.

Слово: 19. акы тури, ранены саблями — **Синонимическое соответствие:** не туры... посечены князи.

«Ранены» и «посечены» образуют синонимическую параллель.

Слово: 20. затворивъ Дунаю ворота... Затвори Днѣпръ темнѣ березѣ... - **Синонимическое соответствие:** Замкни... князь великий Окѣ рекѣ (так У; И 2 от сих) ворота

«Замкни» Задонщины синонимично «затворивъ» в Слове.

Слово: 21. суды рядя до Дуная... княземъ грады рядяше. — **Синонимическое соответствие:** рядовъ не могу уже рядити (Ипатьевская летопись под 1151 г.)

Совершенно естественная формула «ряды рядити» соответствует необычной и не вполне правильной «суды рядя».

Слово: 22. стрѣляй, господине, Кончака поганого кощея... — **Синонимическое соответствие:** стреляй, князь великий... поганого Мамая хиновина

Здесь «хиновин» (татарин) противостоит «кощею», под которым автор Слова мог разуметь «поганого» (т. е. половецкого) хана.

Слово: 23. дотчеся стружиемъ злата стола — **Синонимическое соответствие:** взя град копием (Ипатьевская летопись под 971 г.)

Летописное «копье» соотносится с его древком-«стружием». В другом случае копьё летописной формулы («изломи копие») под 1151 г. в Слове соответствует «приламати» копье.

Есть ли в распоряжении исследователя какие-либо данные считать, что именно автор Слова заменял синонимами текстовой материал своих источников (кроме установленной выше первичности Задонщины и Ипатьевской летописи по сравнению со Словом)? На наш взгляд, есть. Прежде всего допустим на минуту обратное: составители Задонщины и летописного рассказа употребляли синонимические соответствия при использовании текста Слова. Но такое совпадение творческого почерка в двух разных характерных произведениях маловероятно. Особенно важно то, что установленная нами особенность работы автора Слова подтверждается текстами, не имеющими совпадений с какими-либо другими литературными произведениями, т. е. бесспорно ему принадлежащими. В них и можно обнаружить ряд синонимических повторений образов и наличие синонимических пар и других явлений того же порядка, что и замена синонимами эпитетов и образов, имевшихся в источниках Слова о полку Игореве. [Эта литературная манера свойственна автору и в тех случаях, когда он повторяет образы, созданные им

самим. Так, у него соседствует «старый Ярослав» с «давним Ярославом», вслед за выражением «тоска разлился» идет «печаль жирна тече», «стукну земля» сменяется словами «тресну земля». См. также синонимические пары: «въ ты рати и въ ты плъкы», «пути имъ вѣдоми, яругы имъ знаеми», «туга и тоска сыну Глѣбову», «ни мыслию смыслити, ни думою сдумати». Иногда автор Слова дополняет образ Задонщины синонимическим сочетанием. Так, слова «обема солнце померькло» превращаются у него в «два солнца помѣркоста, оба багряная стлѣпа погасоста». Добавлена к образу Задонщины и первая часть в фразе «ничить трава жалощами, а древо с тугою къ земли преклонилося».]

Если наш вывод правилен, то мы можем указать и еще некоторые примеры работы автора Слова по замене синонимами отдельных понятий.

Не обладая достаточными познаниями в древнерусском оружии, автор Слова производил многие из его разновидностей по образцу имевшихся в его распоряжении сочетаний. Так, «копья харалужные» Задонщины дали «мечи харалужные». Летописное «щет скепание» дало «шлемы поскепаны».

Образ «буй-тура» также мог появиться в результате синонимического переосмысления привычного «буйвола». Еще в примечаниях к екатерининскому переводу пояснялось: «Буй означает дикого, а тур вола. Итак, буй-туром или буйволом называет здесь Всеволода в смысле метафорическом».[Дмитриев. История первого издания. С. 334. Краткое прилагательное «буй» помещено в летописи под 1096 г. и встречается в памятниках XVII в. О нем см.: Ларин Б. А. Из истории слов. Буй-погост//Слово в народных говорах русского Севера. Л., 1962. С. 3–9.] В другом месте Всеволод называется «яр туре». Здесь уже не только «вол» заменен «туром», но и «буй» — «ярим». В результате и на этот раз автору удалось создать эмоционально приподнятый образ героя.

Таковы основные синонимы, введенные автором Слова в текст своего произведения. Их источниками были как народный язык, так и древнерусская церковная и историческая литература.

Отстаивая тезис о древнем происхождении Слова о полку Игореве, Д. С. Лихачев (со ссылкой на В. П. Адрианову-Перетц) выдвинул следующее положение: «представим себе, что автор Слова писал в XVIII веке. Все, что исследователи Слова считали параллелями к Слову, должно считаться источниками Слова. Источниками Слова надо было бы признать Задонщину, Девгениево деяние, Ипатьевскую летопись, Кенигсбергскую летопись, Сказание о Мамаевом побоище, Никоновскую летопись, Повесть об Акире Премудром, библейские книги, Историю Иудейской войны, Моление Даниила Заточника, Двенадцать снов Шахаиши, Слова Кирилла Туровского, Слово о законе и благодати Илариона, Слово о Лазаревом воскресении, Слово о гибели Русской земли, Хождение игумена Даниила».[Лихачев. Когда было написано «Слово»? С. 154–155.] Список, как мы видим, весьма солидный, и, конечно, вряд ли кто-либо из писателей XVIII в. обладал такой эрудицией. Но на проверку все обстоит не так страшно, как то пытается представить Д. С. Лихачев.

Начну с того, что нельзя согласиться с общей постановкой вопроса Д. С. Лихачевым. Отнюдь не все параллели к Слову, приводившиеся исследователями, нужно зачислять в источники этого памятника. Их значительное число следует просто отвести. Выше мы это показали на примере Хроники Манассии и Слова о гибели Русской земли. Слово о Лазаревом воскресении и «История Иудейской войны» были источниками Задонщины, а не Слова о полку Игореве.[См. об этом главу I.] Нет никаких оснований считать источником Слова (усматривать текстологическую близость с ним) и Слов Кирилла Туровского, Слова Илариона, Хождения игумена Даниила. Нам нечего искать какую-то особо близкую параллель к всесветной славе, которую воспевали немцы и другие народы Святославу в Слове Илариона, житиях Александра Невского и тому подобных памятниках, ибо этот образ восходит к соответствующему тексту Задонщины (см. главу II, фрагмент № 16). Из того, что слово «стружие» встречается в Хождении

игумена Даниила, не вытекает, что этот памятник должен быть причислен к одному из источников Слова о полку Игореве: этот термин имеется и у Иосифа Флавия, и в украинских колядках, т. е. мог попасть в Игорову песнь из живого языка. Словечки «поскепаны» и «бебрян» находим в «Истории» Иосифа Флавия, но «сюпать» (щепать) есть в украинском языке, «скепание» — в Ипатьевской летописи, а «поскепать» — в живом русском языке.[Даль. Толковый словарь. Т. 3. С. 333.] «Бебр» же, как мы уже писали, существует в живых наречиях. Для того чтобы употребить слово «болого», автору Игоровой песни, если даже он жил и много веков спустя описанных им событий, не надо было обращаться к Русской Правде, так же как не надо трансформировать «мыслию възлетети» Иоанна Экзарха в «мыслию прелетети» или разыскивать «наниче» в Златоусте XII в., тогда как то же слово есть в «Лексиконе» Ф. Поликарпова (1704 г.). П. Н. Берков считает, что в Слове и у Кирилла Туровского «находится та же самая фразеология», [История русской критики. М.; Л., 1958. Т. 1. С. 27–28.] и ссылается при этом только на слово «песнотворец», которое встречается в литературе XVII–XVIII вв. Пословица о «хитре и горазде» встречается в фольклоре, а не только в Молении Даниила Заточника.

Итоги изучения источников Слова о полку Игореве можно изобразить в виде следующей схемы.

Как мы видим, для фактической части своего рассказа и его лексики автор Слова использовал две летописи, а для приемов художественного изображения — Задонщину. Это — непосредственные источники, близость к которым устанавливается текстуально и не в одном каком-либо месте, а на протяжении всего произведения.

Вместе с тем большая группа источников использована опосредованно, т. е., возможно, по памяти или как материал для отдельных ярких выражений и образов (Никоновская летопись, Девгениево деяние, Повесть об Акире, Илиада). Среди них особое место занимают памятники церковной письменности (библейские книги); их словарный и морфологический материал сравнительно широко привлекался автором Слова. Наконец, значительное влияние на автора оказал русский, украинский и белорусский фольклор. За исключением былины о Волхе Всеславиче и, быть может, о Соловье-разбойнике, трудно указать конкретные устно-поэтические произведения, использованные в Слове, но весь образный строй этого замечательного произведения по своей природе глубоко народен. Автор Слова сам принадлежал к живой фольклорной среде своего времени.

Состав источников, послуживших материалом для создания Слова, не столь велик, чтобы предполагать энциклопедическую осведомленность автора. Он вполне укладывается в представление о большом знатоке русских древностей, народной поэзии и церковной письменности. И вместе с тем изучение характера использования этих материалов показывает совершенно неповторимое творческое начало, заложенное в Слове о полку Игореве. Ярко выраженная авторская индивидуальность, историческая правдивость, глубокая идейность и высокое художественное мастерство делают это произведение значительным явлением русской литературы.

Глава V. ОСОБЕННОСТИ ЯЗЫКА И «ТЕМНЫЕ МЕСТА» СЛОВА

О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ

Одним из важнейших аспектов анализа Слова о полку Игореве является изучение особенностей его языка.

К сожалению, изучение лексического и грамматического строя Слова в целом еще не завершено. Наиболее значительное исследование в этой области принадлежит С. П.

Обнорскому. Строго говоря, С. П. Обнорский не доказывал древности языкового строя Слова, а исходил из тезиса о XII в. как времени создания этого памятника, считая его не подлежащим сомнению. Поэтому, скажем, он считал чертами оригинала XII в. формы существительных на з, ц, с («на брезѣ» и др.), [Обнорский. Очерки. С. 151.] форму «на кони», наличие аориста и имперфекта [Обнорский. Очерки. С. 158.] и т. п. особенностей, хотя они встречаются в памятниках вплоть до XVIII в. Причем в XVIII в. они обычны, особенно в виршах, продолжавших традиции Симеона Полоцкого, которые тяготели к архаическому стилю и церковнославянскому языку. [Этимися соображениями со мной поделилась В. Н. Новопокровская, которой я, пользуясь случаем, выражаю свою глубокую признательность.] Систематического сравнения Слова с конкретными памятниками и диалектологическими данными С. П. Обнорский не проводил.

Обстоятельное исследование В. П. Адриановой-Перетц посвящено лексике и фразеологии Слова. [Адрианова-Перетц. Фразеология и лексика. С. 13—126.] И вместе с тем ее тщательно составленный стилистический комментарий грешит явной односторонностью. В нем преимущественно приведены материалы XI—XIII вв., а устно-поэтические параллели и примеры из литературы XIV—XVII вв. (включая Задонщину), как правило, отсутствуют. Это не дает возможности определить, в какой степени стилистические явления Слова о полку Игореве являются спецификой литературы Киевской Руси, а в какой включаются в более широкие хронологические рамки.

Задача исследования языковой системы и стилистики Слова еще должна быть решена специалистами. До тех пор всякое привлечение отдельных элементов языка Слова для решения всей проблемы времени создания этого памятника не может считаться до конца убеждающим. Сознвая эту сложность вопроса, автор данной работы все же пытается по возможности выявить лингвистические данные, необходимые для установления авторства и времени составления памятника, и проверить, дают ли они прочные основания для того, чтобы датировать его концом XII в., или в них можно обнаружить более поздние явления. [О некоторых фонетических особенностях Слова (мена «ш» на «с» и др.) мы будем говорить в главе VI.] Конечно отдельные следы позднейших напластований могли появиться под пером переписчика Слова XV—XVI вв., но тем не менее важно установить, есть ли бесспорные свидетельства языка, датирующие Слово XII в. Поскольку произведение написано «старыми словесы», нужно также ответить на вопрос, мог ли обладать писатель, живший не ранее XVI в., [См. также главу VI.] филологическими познаниями, необходимыми для составления такого произведения, а если мог, то к какой среде он должен был принадлежать и каковы были источники его лингвистических познаний.

Начнем с лексики Слова.

Завершение публикации «Словаря-справочника» к Слову о полку Игореве существенно облегчит изучение лексики памятника. [Словарь-справочник «Слова о полку Игореве» / Составитель В. Л. Виноградова. Вып. 1 (А — Г) — М.; Л., 1965; Вып. 2 (Д — Копье). Л., 1967; Вып. 3 (Корабль — Нынешний). Л., 1969; Вып. 4 (О — П). Л., 1973; Вып. 5 (Р — С). Л., 1978. [Последний, шестой выпуск «Словаря» (Т — Я и дополнения) вышел в 1984 г.] Словарь Т. Чижевской не решает проблемы ввиду крайней выморочности его материалов. (Cizevska. Glossary.) Правда, нужно сразу же заметить, что этот ценный труд составлен односторонне, ибо его составители исходили из постулата о Слове как памятнике XII в. Поэтому «наибольшее внимание уделяется в „Словаре“ цитатам из памятников XI—XVI вв. Памятники позднейшие цитируются только тогда, когда нет соответствующих примеров из памятников более ранних». [Словарь-справочник. Вып. 1. С. 7, 8.] Этого, конечно, явно недостаточно. Так, в статье о «Бояне» приводится текст Задонщины и извлечения из источников XII—XIII вв., а многочисленные сведения XV—XVI вв. оставлены без внимания. Необходимо было дать достаточный материал, который характеризует бытование лексики Слова с XII по XVIII в. включительно. Следовательно, наряду со «Словарем-справочником» любой исследователь Слова должен привлекать и

другие материалы, чтобы проверить, известен ли был словарный состав этого памятника в позднее время, т. е. в XVI–XVIII вв.

Уже давно внимание исследователей привлекали к себе ориентализмы Слова. В них обычно находили следы половецкого языка. А это становилось одним из решающих доказательств древности памятника. Ведь язык половцев не мог быть известен позднейшему автору, жил ли он в XIV–XV или в XVIII вв.

Востоковеды (Ф. Корш, П. Мелиоранский, А. Зайончковский, К. Менгес и др.) много сделали для изучения ориентализмов Слова. Однако и они исходили из тезиса о древнем происхождении памятника, а поэтому их внимание было приковано к тюркизмам, которые могли существовать в XII в. Исследователи-ориенталисты искали следы половецкого языка и обычно не ставили перед собою вопроса о возможности объяснения «восточной лексики» Слова поздними явлениями или даже попросту словами не восточного, а славянского происхождения. Ориентализмы Слова, как и другие элементы его языка, нуждаются в историческом и источниковедческом осмыслении. Следует тщательно разобрать все объяснения отдельных слов, возможные для русской действительности XII–XVIII вв., и выяснить, какие из них лучше передают смысл явлений, обозначаемых ими. [Итоги исследования ориентализмов Слова подведены в работе: Баскаков И. А. Тюркская лексика в «Слове о полку Игореве». М., 1985.]

Для решения вопроса лучше всего разделить все слова, которые в литературе связываются с восточной лексикой, на три группы в зависимости от источников Слова:

- а) ориентализмы Слова, встречающиеся также в Ипатьевской летописи;
- б) ориентализмы, имеющиеся в Слове и Задонщине;
- в) ориентализмы, составляющие специфику Слова.

К первой группе относятся названия оружия (сабля), рек, [Сула, Каяла.] городов, [Тмутаракань, Сурож.] личные имена [Кончак, Шарукан, Кза (Гзак), Кобяк.] и некоторые другие (каган, жемчуг, кощей, телега, хоругвь, чага). [Сюда же относим условно «ногату», встречающуюся в Русской Правде. К. Менгес среди ориентализмов разбирает также «Корсунь», «половцы».] Для нашей темы эта группа не представляет интереса, ибо она могла быть известна и современнику XII в., и писателю XVIII в. Правда, один случай заслуживает особого разбора. К. Менгес обратил внимание, что имя половца «Овлур» (в другом месте «Влур») созвучно с тюркским «uľ» — «выть по-волчьи». А так как, по Слову, «Влуръ влькомъ потече», то как будто автор Слова знал этимологию этого половецкого имени. [Menges. Р. 24, 25. {Русский перевод: Менгес К. Г. Восточные элементы в «Слове о полку Игореве». Л., 1979.} Ср. также: Лихачев. Когда было написано «Слово»? С. 150–151.] В Ипатьевской летописи половец, который помог Игорю бежать из плена, назван «Лавор» («Лавр»). [ПСРЛ. СПб., 1908. Т. 2. Стб. 650–651.]

С самого начала заметим, что сравнение с волком не является атрибутом одного Овлура. Поэтому оно необязательно появилось в результате осмысления его имени. Как «сѣрыи вльци» скачут куряне, «сѣрымъ влькомъ» бежит Гзак. Всеслав также «скочи влькомъ» или «влькомъ рыскаше» («влькомъ... прерыскаше»). Да, наконец, и сам Игорь тоже в рассказе о побеге, как и Влур, «скочи... босымъ влькомъ». Выше мы уже говорили, что этот мотив, во-первых, связан с Задонщиной («отскочи... Мамай серым волком»), а превращение Волха (Всеслава) в волка знают русские былины. Итак, нет достаточных оснований выводить образ скачущего волка из имени Овлура.

Далее, в Ипатьевской летописи он назван «Лавером». Почему же, спрашивается, мы должны предпочесть этому имени, содержащемуся в рассказе современника событий, заманчивое, но отнюдь не бесспорное «Влур»? Сейчас трудно дать окончательный ответ на вопрос, откуда появилось имя этого половца в Слове. Возможно, в том списке Ипатьевской летописи, который находился у автора Игоревой песни, оно читалось именно так. [В списке Яроцкого (скоропись середины XVII в.) слова «к Лаврови» написаны так, что их можно прочесть как «к Влурови».] Возможно, что и сам составитель Слова видоизменил его (как вместо летописного «Кза» у него — «Гзак»), считая, что у половца

не могло быть христианского имени. Отвергая этимологию К. Менгеса как неубедительную и искусственную, Н. А. Баскаков присоединяется к мнению В. Гордлевского, считая имя «Овлур» адаптированным словообразованием от «Лавра». [Баскаков Н. А. К этимологии половецких собственных имен в «Слове о полку Игореве» (Ша-рокань, Кончак, Гзак, Кобяк, Овлур)//Проблемы истории и диалектологии славянских языков. М., 1971 С. 44. См. также: Словарь-справочник. Вып. 4. С. 20–21.]

Вторую группу составляют ориентализмы, которые находятся в Задонщине и в Слове. Из пяти-шести слов этой группы четыре в русских источниках до XV в. не обнаружены (хинове, харалуг, ковыль и див). «Див» вообще упоминается только в Задонщине, а «ковыль» — в Повести о разорении Рязани.

Слово «харалуг» — чагатайского происхождения, т. е. относится к монгольскому времени.[К. Менгес показал, что суффикс «луг» не мог сочетаться с турецким «кара» (черное). См.: Menges. P. 58. {См. новые работы в статье: Творогов О. В. Харалуг//Энциклопедия. Т. 5. С. 176–178.}] Уже В. В. Арендт обратил внимание, что в Слове упоминаются харалужные мечи (в Задонщине — только харалужные копья). Но «единственный мусульманский меч, находящийся в нашем распоряжении (из раскопок), относится к XIV в.».[Арендт В. В. 1) К вопросу о «мечах харалужных» «Слова о полку Игореве»//Сб. статей к 40-летию ученой деятельности академика А. С. Орлова. Л., 1934. С. 335–342; 2) Булат//Искры науки. 1929. № 1. С. 26–28.]

До нас дошло множество предметов древнерусского вооружения XI–XIII вв. Однако ни один из них не может считаться восточного происхождения. Поэтому существование «харалужных мечей» до XIV в. на Руси совершенно исключено. В этой связи крупнейший специалист по истории железоделательного производства Древней Руси Б. А. Колчин писал мне 15 апреля 1964 г. в своей справке: «Известно ли восточное оружие в домонгольской Руси? Такого оружия мы не знаем... в конце XII века поэт едва ли мог назвать мечи харалужными (при условии, если это ориентализм), так как все окружавшее его войско было вооружено мечами, сделанными иной технологией — европейской». Названия сортов стали «каратабан» и «карахоросан» значительно более позднего происхождения, чем XII–XIII вв., и могли только дать толчок для осмысления автором XVIII в. «харалуга» как булата.[Старую трактовку «харалуга» как «черной стали» см. в статье: Беляев Н. Т. О булате и харалуге. И, Харалужные мечи по Слову о полку Игореве //Сб. статей, посвященных памяти Н. П. Кондакова. Прага, 1926. С. 159–161.] Примечательно, что этот термин сохранился в топонимике до XIX в. Так, В. Г. Короленко в детстве посещал деревню Харалуг Ровенского уезда Межериченской волости.[Короленко В. Г. Собр. соч. М., 1954. Т. 5. С. 388. Недавно было высказано довольно фантастическое предположение, что именно в этом местечке изготовлялись «мечи харалужные», а само название «Харалуг» происходит от корней «харь» (рыболов, ср.: «харва» — сеть) и «луг». См.: Савка М., Тишчишин Я. 1) Мечі харалужні//Червоні прапор. Ровно, 1962. Ноябрь. № 233. С. 4; 2) До історії виробництва «мечів харалужних»//Український історичний журнал. 1965. № 10. С. 123–125. Возражения им сделаны Н. Ф. Котляром (К. М. Сумнівна гіпотеза//Там же. № 11. С. 160). От «кара-кыш» (черный, булатный меч) поздних источников производил «харалужные мечи» О. Сулейменов (см. его статью: Тмутаракань. Мечи харалужные. Карна Жля//Простор. 1963. № 6. С. 99–102). Позднее он от этого своего предположения отказался и принял «каролингскую» гипотезу (Сулейменов О. Невидимые слова//Комсомольская правда. 1968. 6 июля). В. Г. Анастасевич производил название мечей от «харал» (монгольское «война»). См.: Прийма Ф. Я. «Слово о полку Игореве» в научной и художественной мысли первой трети XIX века//Слово. Сб.-1950. С. 298. Ср.: Югов А. Тайна стального клинка//Комсомольская правда. 1968. 23 нояб.] Это название — след пребывания там татар.[О поселении татар Витовтом в разных частях Литовского государства см.: Любавский М. К. Областное деление и местное управление Литовско-Русского государства. М., 1892. С. 529.] Первый раз в источниках упоминается

под названием «хорлуп» в документе 1574 г.[Акты Юго-Западной России. Киев, 1911. 4. 8. Т. 6. № 128. С. 392–398.]

В Слове есть еще текст с «харалугом»: «ваю храбрая сердца въ жестоцемъ харалузѣ скована, а въ буести закалена». Б. А. Рыбаков понимает «буести» как «струю буйного ветра».[Рыбаков Б. А. Ремесло Древней Руси. М., 1948. С. 236–237.] Закалка на ветру мечей, как считает Б. А. Кол-чин, совершенно невозможна по технологическим причинам. Интересующее нас место В. Ф. Ржига переводил: «Ваши храбрые сердца в жестокой гибели выкованы».[Ржига В. Ф. Восток в «Слове о полку Игореве»//Слово. Сб.-1947. С. 182.] Но это не согласуется с контекстом: в нем говорится о сердцах, закаленных отвагой, [Выражение «въ буести» (в значении «отважно») встречается в Слове еще раз («плаваеши... въ буести»)] скованных в «харалуге», т. е. крепких, как сталь, булат.

А. Зайончковский считает, что термин «харалужный» не может быть связан с половецким языком.[Zajaczkowski A. Związki językowe połowiecko-słowiańskie. Wrocław, 1949. S. 52] Наблюдение весьма важное. Сам А. Зайончковский (вслед за Валиди) пытается расшифровать термин «харалужный» от наименования турок-карлуков.[Ibid. S. 53; Validi A. Zeki. Die Schwerter der Germanen nach arabischen Berichten des IX–XI // Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft. Leipzig, 1936. Bd 90. Hf. 1. S. 33–38; Артамонов М. И. История хазар. Л., 1962. С. 458; Кирпичников А. Н. Древнерусское оружие. М.; Л., 1966. Вып. 1. Отмечая, что «зависимость русских мечей от восточных никак не прослеживается», А. Н. Кирпичников не отказывается от гипотезы о восточном происхождении термина, обозначавшего на Руси «местные стальные изделия». По Л. Н. Гумилеву, тюркский термин «каралук» в Слове испытал монголизацию (мену «к» на «х»). См.: Гумилев Л. Н. 1) Монголы XIII в. и «Слово о полку Игореве»//Доклады и сообщения Отделения этнографии Географического общества СССР. Л., 1966. Вып. 2. С. 61; 2) Поиски вымышленного царства. М., 1970. С. 318–319.] Этот термин впервые встречается в орхонско-епископских памятниках. «В арабских и таджико-персидских источниках, — пишет К. Шаниязов, — о карлуках сообщается под несколько искаженным названием — „харлук“, „харлуж“, „халлук“ и т. д.».[Шаниязов К. Узбеки-карлуки. М., 1964. С. 5.] В середине XIII в. карлуки захватили Семиречье, и в середине XV в. их основная масса обитала к юго-западу от озера Иссык-Куль по рекам Талас и Чу.[Шаниязов К. Узбеки-карлуки. М., 1964. С. 21.] Происхождение «харалужных мечей» или «харалуг» от карлуков очень сомнительно.

Р. Якобсон и В. Кипарский возвращаются к старому объяснению мечей как «каролингских» (от *charlung*).[Kiparsky V. [Рец. на кн. «La Geste du Prince Igor»] // Neuphilologische Mitteilungen. 1949. Bd 50. N 1–2. P. 45; Jakobson R. The Puzzles of the Igor' Tale. On the 150th Anniversary of its First Edition // Speculum. 1952. Vol. 27. N 1. P. 61.] Но в Древней Руси каролинги назывались «корлязами».[ПСРЛ. Т. 2. Стб. 4.] а эта форма не могла дать «харалужные мечи».[Stender-Petersen A. The Igor Tale//Word. 1948. Vol. 4. N 3. P. 154. Стибер производит слова «харалужный» от кашубского «*charłezec*, *charłezny*» — «ворюга» (ср. древнее «*sharłez*» на юго-востоке Польши), ср. диалектное «харлить» — «оттягивать неправдою чужое» (Даль. Толковый словарь. Т. 4. С. 543). Отсюда «харлужный» — «захваченный, полученный в добычу» (Stieber Z. Vieux-russe *haraluznyi* *cachube charłezny*//Lingua viget. Helsinki, 1964. P. 130–131). Н. Грамматин, вслед за ним недавно В. Ф. Соболевский объясняли термин «харалужный» из древнерусского языка. Последний даже создает фантастическое слово «гарьлугжъжение» (ковка в горении, которая происходила якобы на открытом лугу). См.: Грамматин Н. Слово о полку Игоревом. М., 1823. С. 143; Соболевский В. Тайны древней книги//Комсомольская правда. 1969. 20 сент.]

О. Сулейменов в выражениях «кликомъ (у автора ошибочно: «кликами». — А. 3.) плъкы побѣждають», «кликомъ поля прегородиша» и «съ засапожники кликомъ» (у автора: «кликами») находит «невидимый тюркизм» — половецкие мечи «кличи» (от «клыш», «клык»).[Сулейменов О. Невидимые слова; ср. критические замечания в его

адрес А. Югова (Югов А. Тайна стального клинка).] Никакими серьезными аргументами (как языковедческими, так и текстологическими) эта догадка у О. Сулейменова не подтверждается.

В третью группу мы включаем 19 ориентализмов, не упоминающихся ни в Задонщине, ни в Ипатьевской летописи. Из них только два встречаются в памятниках XI–XII вв., хотя хорошо известны и в устном языке XVIII–XIX вв. (бльван и челка), [К этой группе относим также имя Боян, встречающееся в раннем граффити.] остальные или вовсе не упоминаются в русских источниках до XIV в. (японча, [«Епанчу» упоминает Иван Быковский в кн.: «Истинна». Ярославль, 1787. С. 322. «Япанча» упоминается в посольских делах концах XV в. (Сб. РИО. СПб., 1892. Т. 35. С. 11). См. также: Фасмер. Этимологический словарь. Т. 2. С. 20; Т. 3, С. 154.] яруга, орьтьма, [См.: Словарь-справочник. Вып. 4. С. 37–38.] салтан, [См.: Словарь-справочник. Вып. 5. С. 82.] оварьский), или вовсе отсутствуют в них (босый, бусый). Однако все эти слова хорошо известны живым русскому, украинскому и польскому языкам XVIII–XIX вв. [О «яругах» см.: Гринченко. Словарь. Т. 4. С. 543; ср. также: польские *jaruga*, *jaronczka*. Сюда относим и слово «засапожники», неизвестное письменным источникам (ср.: «будем палить, а засапож-никами пойдем». Романов Е. Очерк быта нищих Могилевской губернии // Этнографическое обозрение. 1890. Кн. 7. № 4. С. 123).] В «Повести о богатыре Булате» у В. А. Левшина упоминаются «аварский король Киган (каган) и князь Косоожский». [Левшин В. А. Русские сказки. 1783. Ч. 9. С. 156, 158, 160; Mazon. *Le Slovo*. P. 99.] «Авар» («овар») знает и В. Н. Татищев. [Татищев. История Российская. М.; Л., 1962. Т. 1. С. 276–280.] Зато в Древней Руси авар называли «обрами». Под названием «авар» они встречаются в русских источниках впервые в XV в., [«Аварескъ языкъ» есть в сербской рукописи XIII–XIV вв. (ГПБ, Q.n. 1, № 33, л. 73; ср.: Веселовский А. И. Из истории романа и повести. СПб., 1886. С. 90). По М. Фасмеру, слово «оварский» восходит «к более поздней форме данного этнонима, чем др. — русск. обринь» (Фасмер. Этимологический словарь. Т. 3. С. 112).] а «аварьский» — в прологе 1383 г. [Словарь-справочник. Вып. 4. С. 19.]

«Шеломы оварьские» в Слове более чем странны: авары задолго до XII в. исчезли из южнорусских степей. Появление же этих шеломов в Игоровой песни может быть объяснено тем, что в Задонщине упоминаются «шеломы черкасские». Из исторической литературы XVIII в. отлично было известно, что потомки аваров жили на Северном Кавказе. [«Взирая на то, что в Дагистани доднесь народ овары, мужеством и храбростию славящийся, от оных остатки, потому верительно, что они за рекою Терком, где ныне кумыки, лезгинцы, овари и пр. обитают, жилище имели» (Татищев. История Российская. Т. 1. С. 280).] Поэтому, встретив в своем источнике «шеломы черкасские», автор Слова заменил их на «оварьские».

В. А. Гордлевский указал на культ волка у половцев и монголов. Термин же «boz» (серый) встречается в половецком языке. [Гордлевский В. А. Что такое «босый вояк» // ИОЛ Я. 1947. Т. 6, вып. 4. С. 326; ср.: Булахов-ский Л. А. Лінгвістичні уваги про міфологічні назви «Слова о полку Ігореві» // Наукові зап. Ін-ту мовознавства АН УРСР. Київ, 1959. Т. 15. С. 32; Фасмер. Этимологический словарь. Т. 1. С. 199.] Отсюда Гордлевский полагал, что образ «серого волка» русских сказок и легенд мог сложиться под влиянием половцев, а чтение «босый волк» Слова следует предпочесть «бусому волку». Это предположение, к сожалению, не решает проблемы. Дело в том, что «босый волк» и термин «бусый» встречаются в фольклоре («Не плачь, босый волк приде», Новоторжский уезд). [Первый — в Новоржевском и Опочечком уезде (см.: Чернышев В. И. Темные слова в русском языке // Академия наук — академику Н. Я. Марру. XLV. М.; Л., 1935. С. 393. Ср.: Словарь-справочник. Вып. 1. С. 64–65. А. Преображенский, производя «бусый» от тюркского «боз» (серый), говорил, что выражение «босой» (т. е. волк) встречается в севском наречии (Преображенский. Этимологический словарь. С. 55; ср.: Фасмер. Этимологический словарь. Т. 1. С. 252). В украинском языке «босий» применяется для обозначения собак темной шерсти с белыми лапами (Гринченко. Словарь. Т. 1. С. 89). См. также соображения

Н. М. Дылевского (Дылевский Н. М. Лексические и грамматические свидетельства подлинности «Слова о полку Игореве» по старым и новым данным//Слово. Сб.-1962. С. 196–199). О. Сулейменов производит «босый» от казахского «босу», бегство народа или племени (Сулейменов О. Босый волк и напевы готских дев//Простор. 1962. № И. С. 108–112). Критику его взгляда см. в статье: Соболевский В. Ф. «Готские девы» в «Слове о полку Игореве» // Простор. 1963. № 5. С. 90–94. О. Сулейменов «босови врани» читал как «бусоврмане», искаженное переписчиком (Сулейменов О. Аз и я. Алма-Ата, 1975. С. 70).] Но если так, то с обоими терминами вполне мог быть знаком как автор, живший в конце XVIII в., так и писатель XII в.

Несколько образов и слов совершенно напрасно связываются с тюркизмами.

А. Зайончковский сопоставляет «буй-тур» с метафорическим прозвищем «Телебуга», т. е. отважный бык.[Zajaczkowski A. Związki językowe... S. 43.] Его наблюдение принимает Д. С. Лихачев.[Лихачев. Изучение «Слова о полку Игореве». С. 34.] Телебуга — татарский хан, упоминающийся в летописи под 1290 г. Никаких данных в пользу предположения о существовании у половцев подобного прозвища нет. Не менее странным был бы перенос этого прозвища на героя битвы при Каяле — князя Всеволода. Зато сравнение князя Романа с туром есть в Ипатьевской летописи под 1201 г. («храборъ бо бѣ яко и тур»).[О прозвище Всеволода Буй-Тур см.: Робинсон А. Н. Литература Древней Руси в литературном процессе Средневековья XI–XIII вв. М., 1980. С. 275–288.]

Термин «шерешеры» ряд исследователей возводит к персидскому «тир-и-черх», что означает снаряды с горючим составом. Подобные снаряды появились около XIII в. в Персии, затем в Малой Азии (их упоминают Ибн-ал-Биби («черхами»)), [Якубовский А. Ю. Рассказ Ибн ал Биби о походе малоазийских турок на Судак, половцев и русских в начале XIII в. (Черты из торговой жизни половецких степей)//ВВ. 1927. Л., 1928. Т. 25. С. 57.] Рашид-ад Дин и Джувейни). В словаре «Бурхан Кати» (1651–1652 гг.) термин «тир-и-черх» разъясняется так: «Это предмет вроде воздушной стрелы, который делают из железа, внутренность его наполняют порохом и, зажегши, мечут на врага».[См.: Rien. Catalogue of the Persian Manuscripts in the British Museum. London, 1923. Т. 2. Р. 500; Вилинбахов В. Б. К истории огневого оружия в Древней Руси//Советская археология. 1960. № 1. С. 286; ср.: Wilinbachow W. «Słowo o wyprawie Igora» jako źródło wojskowo-historyczne//Slavia Orientalis. 1959. Roć. 8. N 4. S. 65–76.] Сходное же определение находим в турецкой обработке того же словаря конца XVII в. Известия о подобных турецких снарядах легко могли прийти до современника русско-турецких войн XVIII в. (сравни переход «ч» в «ш» в словах «чадыр» — «шатер»).

Р. Якобсон «шерешеры» производит от русского слова... «шарахнуть».[La Geste. P. 193. Позднее он производил термин от персидского *siriś* — «клей, смесь» (горючая?): Якобсон Р. О. Изучение «Слова о полку Игореве» в Соединенных Штатах Америки//ТОДРЛ. М.; Л... 1958. Т. 14. С. 109–110.] Несостоятельность подобной этимологии очевидна. Впрочем, есть и еще одна возможность объяснения термина «шерешеры». Копье в старогреческом именовании *οαρυοα* Д. С. Лихачев связывает «шерешеры» с новогреческим *σαρίσσαι* (копье).[Слово-1950. С. 438. Слово *αείριααα* знают Полибий, Страбон, Диодор, Дион (Sophocies E. A. Greek Lexicon of the Roman and Byzantine Period. New York; Leipzig, 1890. P. 979).] Однако ни в словаре Дюканжа, ни у Димитракиса, ни в других словарях, как сообщил нам А. П. Каждан, никаких сведений об употреблении этого термина вообще мы не находим. Следовательно, если признавать эту этимологию термина «шерешеры», то придется считать его очень поздним.

В. Г. Федоров, склонный возводить «шерешеры» к тому же греческому термину, считает, что речь должна идти об огнеметных дротиках-ракетах, известных восточным народам.[Федоров В. Г. Кто был автором «Слова о полку Игореве» и где расположена река Каяла. М., 1956. С. 116.] А. Н. Кирпичников обратил внимание на то, что, по Слову, князь Всеволод стреляет «живыми» шерешеры «удалыми сыны Глѣбовы». Этот текст он очень убедительно связал с рассказом Ипатьевской летописи 1184 г. о половецком умельце, «иже

стрѣляше живымъ огньмъ» из «самострельных» луков («бяху же и у нихъ луци тузи самострѣлнии»).[Кирпичников А. И. Метательная артиллерия Древней Руси//МИА. М.; Л., 1958. Вып. 77. С. 14–15.] В. Г. Федоров тонко подметил, что ведь, по Ипатьевской летописи, и в плен-то «оного бесурмения яша» русские войска под командованием Владимира Глебовича. Это и дало повод автору Слова упомянуть «удалых сынов Глебовых».[ПСРЛ. Т. 2. Стб. 634–635; Федоров В. Г. Кто был автором «Слова о полку Игореве»... С. 117.]

Происхождение «шерешир» от *oarioari* весьма правдоподобно. В пользу этого предположения говорит обычная мена «с» и «ш» в Слове о полку Игореве («шизый», «шеломением» и «вас» вместо «ваш»). Конечно, связь живых «шерешир» с «живым огнем» нужно отнести к числу догадок автора Слова, вряд ли имевших под собою реальную почву.[В. Г. Смолицкий в связи с «шереширами» обратил наше внимание на отчество упомянутого под 1159 г. в Ипатьевской летописи (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 501) боярина кн. Изяслава Мстиславича Олбыря «Шерошевича». В Ермолаевском списке, наиболее близком к Слову, — «Шерешевича». Если принять предположение о том, что имя Олбырь дало «ольберы» Слова о полку Игореве (об этом см. ниже), то «Шерешевич» могло служить импульсом для того, чтобы назвать «шереширами» упомянутых по отчеству Глебовичей, князей-вассалов Всеволода. Об аналогичных превращениях географических наименований Задонщины в Слове см. в главе II.]

Наиболее трудный текст посвящен черниговским «былям». По мнению большинства исследователей, под «былями» скрываются те самые черниговские ковуи Ипатьевской летописи, бегство которых явилось одной из причин поражения князя Игоря.[«С коуи черниговскими... ковуеве в полку побѣгоша» (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 638, 641–642).] Они изображены в Слове явно иронически. Князь Святослав Киевский якобы говорил: «А уже не вижду власти сильнаго и богатаго, и многовои брата моего Ярослава съ черниговскими былями, съ могуты, и съ татраны и съ шельбиры, и съ топчаки, и съ ревугы, и съ ольберы. Тии бо бес щитовъ съ засапожники кликомъ плъкы побѣждаютъ, звонячи въ прадѣдную славу». Еще Д. Дубенский высказал догадку, что в тексте названы отряды ковуев по именам их вождей.[Дубенский Д. Слово о плъку Игореве. М., 1844. С. 139.] Эту точку зрения разделял В. Ф. Ржига.[Ржига В. Ф. Восток в «Слове о полку Игореве». С. 185.] С. Е. Малов полагал, что перед нами не племенные названия, а «перечисления титулов, чинов или скорее прозвища высоких лиц из тюрок».[Малов С. Е. Тюркизмы в языке Слова о полку Игореве//И ОЛЯ. 1946. Т. 5, вып. 2. С. 130.] Но этот вывод С. Е. Малов не смог последовательно обосновать конкретным материалом, как верно заметил В. Ф. Ржига. Так, «татраны» (скорее всего, жители Татр)[В произведении Анны Комниной упоминается некий Тахравриг скифский (печенежский?) перебежчик (Anne Comptépe. Alexiade / Ed. B. Leib. Paris, 1943. Т. 2. Р. 120–121; ср.: Анна Комнина. Алек-сиада. М., 1965. С. 224, 539). Исследователи считают, что это имя тюркского происхождения (Rasonyi-Nagy. Der Volksname Берендѣй // Seminarium Kondakovianum. Praha, 1933. Т. 6. S. 224. См. также: Moravcsik Gy. Byzantinoturcica. Berlin, 1958. Т. 2. S. 302. Связь этого Татрана с «татранами» Слова основана только на созвучии и вряд ли могла быть непосредственной.] остались вовсе необъясненными. Связь «могутов» с «böğü», «шельбилов» с тюркским «челеб» (через западнотюркское звучание «челебир», в болгарско-чувакской среде «шелеб-ир») очень натянута.

В перечне «былей» видят и родовые наименования племен ковуев.[Rasonyi L. Les noms de tribus dans le «Слово о полку Игореве»//Seminarium Kondakovianum. Praha, 1936. Т. 8. S. 294–296.] Но и эти поиски не дают ощутимых результатов, вступая в разительные противоречия с переводом «были» — «бояре». Но если считать «былей» летописными ковуями, то придется признать, что автор Слова допустил в данном случае поэтическую неточность. Ведь «как раз именно этих ковуев, — пишет И. Новиков, — Ярослав и отпустил в поход вместе с Игорем, и они приняли на себя первый удар половцев, так что Святославу нечего было жалеть об их отсутствии». Термин «были» встречается в

древнерусских памятниках XI–XII вв. (перевод Амартола, Супрасльская рукопись), причем везде со значением бояре.[Срезневский. Материалы. Т. 1. Стб. 203; Барсов. Слово. Т. 3. С. 63–65; Словарь-справочник. Вып. 1. С. 81–82.] Однако «татраны», «могуты» и пр. не могли быть в XII в. боярами (если считать их племенными названиями). И. Новиков считал, что перед нами «не названия племен, а социальная характеристика части Ярославова войска».[Новиков И. Слово о полку Игореве и его автор. М., 1938. С. 33.]

На наш взгляд, все эти «могуты», «ольберы», прочие «были» появились под пером автора Слова в результате его чисто этимологическо-литературной работы: он включил в свой перечень ряд наименований, имеющих тюркские корни, разного происхождения, добавив ряд прозвищ, созданных им самим. Говоря о «топчаках», С. Е. Малов писал: «нельзя ли думать, что здесь имеется что-либо похожее на *torçu-terçu* — „пушкарь“, „артиллерист“».[Малов С. Е. Тюркизмы в языке Слова о полку Игореве. С. 135.] А. Зайончковский писал, что эти пушкари не могли появиться ранее XVI в.[Zajęczkowski A. Związki językowe... S. 32.] Некоторые исследователи (П. М. Мелиоранский, А. А. Валитова) производят топчаков от аналогичного слова (*torçak*) тюркоязычных памятников, означающего «рослый конь».[Обсуждение одной концепции. С. 132.]

С. Е. Малов резко возражает против этой этимологии. Видеть этих коней (даже в качестве названий племен) среди «былей» было бы весьма странно. Термин *torczy* (*torczego*) встречается в польском языке XVIII–XIX вв. Упоминаемые в этом фрагменте «ольберы», скорее всего, происходят от имени боярина князя Изяслава Мстиславича Олбыря Шерошевича, упоминаемого в Ипатьевской летописи под 1159 г.[ПСРЛ. Т. 2. Стб. 501. Слово «олбер» восходит к тюркскому «алп» (герой) и «ар» (мужчина) и существует в современном турецком языке (Малое С. Е. Тюркизмы в языке Слова о полку Игореве. С. 131); Фасмер. Этимологический словарь. Т. 3. С. 133; Словарь-справочник. Вып. 4. С. 32. {См. также: Кляшторный С. Г., Творогов О. В. Ольберы//Энциклопедия. Т. 3. С. 357–358.}] Подобного книжного же происхождения термин «могуты» (от разбойника Могуты из рассказа Никоновской летописи 1008 г.).[Русская летопись по Никонову списку. СПб., 1767. Ч. 1. С. 112. С. Е. Малов производит «могутов» от «*bögü*» (мудрый начальник). Ему возражает А. Зайончковский, предполагающий здесь по-ловецко-турецкое «*mengu*» (вечный).] К тому же «могуты» хорошо известны сказкам и преданиям,[Даль. Толковый словарь. Т. 2. С. 337; Словарь-справочник. Вып. 3. С. 100–103; ср.: «А бо-гатырь-от хвастает могутой-силой» (Марков А. В. Беломорские былины. М., 1891. С. 68). В говорах встречается и «могута» — сила (Опыт областного великорусского словаря. СПб., 1852. С. 114). В Дворовой тетради 50-х гг. XV в. упоминается среди «Литвы дворовой», испомещенной во Владимирском уезде, Матюшка и Софонка «Могутовы» (Тысячная книга 1550 г. М., 1950. С. 157).] а «могутный» — церковной литературе.[Срезневский. Материалы. Т. 2. Стб. 161; Рыбаков Б. А. Древности Чернигова//Материалы и исследования по археологии древнерусских городов. М., 1949. Т. 1. С. 53.] Видный ориенталист К. Менгес признал наиболее правдоподобным славянское происхождение термина «могуты». Тот же взгляд разделяет Б. А. Рыбаков. Поэтому, когда Д. С. Лихачев говорит о «былях» Слова: «как бы ни рассматривать эти наименования, тюркское их происхождение очевидно и никем не отрицается»,[Лихачев. Когда было написано «Слово»? С. 152.] — то он грешит против истины. Мы считаем, что, скорее всего, «могуты» навеяны Никоновской летописью именно потому, что разбойник Могута лучше всего координируется с другими «былями», данными в иронических тонах. Ведь, оказывается, они только «кликомъ плъкы побѣждають», сражаясь одними «засапожники». Кстати, «никак уже невозможно представить себе знать и бояр с засапожными ножами».[Новиков И. Слово о полку Игореве и его автор. С. 33.]

В польском языке есть слово *szalbierz*, родственное русскому «шалбер», т. е. бездельник, плут.[См. «козаче, шальверю, не губь мое серденько», «Ой вы, козаки, вы шаливеры» (Головацкий. Народные песни. Ч. 1. С. 126 и 25). Эту этимологию принимал И. А. Новиков. Ироничен также термин «ревуги» (по И. Новикову — «крикуны». См.:

Новиков И. Слово о полку Игореве и его автор. С. 34). Попытки объяснить его из тюркских языков крайне неудачны (Словарь-справочник. Вып. 5. С. 30–31). Этимологию Ф. Е. Корша «ревуги» — арбуга (богатырь, «человеко-бык») слишком смелой считал еще П. Мелиоранский.] Но это не единственная возможность объяснить происхождение «шельбиров». А. И. Соболевский указал на некоего Шелва, упоминающегося в Ипатьевской летописи (1227, 1245 гг.), [ПСРЛ. Т. 2. Стб. 751, 803.] а также на наименование Шелвово сельцо и «у Шелвова борку» (под 1146 и 1161 гг.). Это имя он сопоставил с «шельбирами» Слова. [Соболевский А. И. Русско-скифские этюды//ИОРЯС. 1921. Т. 26. С. 11.] В пользу этого сопоставления кроме сходного звучания слов говорит и то, что Шелв находится в Ипатьевской летописи, которой пользовался автор Слова, и то, что аналогичное наименование «ольберы» он тоже произвел от личного имени, от Олбыря, также встречающегося на страницах той же летописи. [«Шельбир» связывают то с «silbūr» (калмыкское) — бич, то «silbugur» (монгольское) — весло, то даже с «челеби» (невольник). См.: Малов С. Е. Тюркизмы в языке Слова о полку Игореве. С. 134–135. {См. также: Баскаков Н. А. Тюркская лексика... С. 134.}] Вопрос в настоящее время не может считаться решенным. Наконец, сами «были» перекликаются с польским «бывальцы» (bywalec), что означает людей, хорошо знакомых с воинским искусством (ср. «bywly» — опытный). [Вяземский П. Замечания на Слово о плъку Игореве. С. 283. Б. А. Рыбаков сопоставляет былей со словом «быланит» — бродяга, беглец (Дьяченко Г. Полный церковнославянский словарь. М., 1899. С. 62; Рыбаков Б. А. Древности Чернигова. С. 53). Такая расшифровка «былей» соответствует ироническому — «ревуги», «могуты» (разбойники), «шельбиры» — бездельники.]

В последнее время О. Прицак попытался найти еще одно восточное название народа в Слове. Здесь среди племен, которыми «тресну земля», названы «литва, ятвязи, деремела и половци».

Кто такая «деремела», не вполне ясно. В. Ф. Миллер производит ее от финского — *törmä* (высокий берег). [Миллер Вс. «Хинова» Слова о полку Игореве//ИОРЯС. 1914. Кн. 1. С. 115.] Но, как полагает М. Фасмер, это невозможно, так как финскому начальному *t* никогда не соответствует *d*. Он не считает фонетически удовлетворительным объяснение П. Владимирова и литовского *drimelis* («олух»). Скорее, по его мнению, следует производное от *derme* (лит. договор) со значением, аналогичным «варягу». [Фасмер. Этимологический словарь. Т. 1. С. 502.]

Г. Ильинский сблизил «деремелу» с прусским (? ятвяжским) названием *Derme, Derne, Dernen* в Восточной Пруссии. [Ильинский Г. Несколько конъектур к «Слову о полку Игореве» (по поводу труда ак. В. Н. Перетца)//*Slavia*. 1929–1930. Roč. 8. Seš. 3. S. 656–657.] Эту мысль развил А. В. Соловьев, отождествивший «деремелу» с жителями округа Дернен, т. е. с ятвяжской землей Деново. [Соловьев. Политический кругозор. С. 100–103.] В. Т. Пашуто видит в деремеле особую прусскую территорию (он ее не локализует), так как ятвяги и так упомянуты в Слове. [Пашуто В. Т. Образование Литовского государства. М., 1959. С. 29.]

Этимология О. Прицака совершенно фантастична. Он сближает «деремелу» с «кангу Тарман» (другое чтение — «кангу тарбам») — «трансокеанский брод» — Орхонских надписей VIII в. [Прицак О. Деремела-Бродники//*International Journal of Slavic Linguistics and Poetics*. 1965. Vol. 9. S. 82–96. По мнению С. Г. Кляшторного, Тарбан (Тарбанд, стяженная форма согдийского «Трарбанд») означает позднейший Отрар (Кляшторный С. Г. Кангюйская этнотопонимика в орхонских текстах//Советская этнография. 1951. № 3. С. 57).] «Тар» (переход, брод) мог звучать у половцев как «dar», отсюда могло существовать слово «därmäl» («дермела») [Неясное прозвище сходного звучания (darmala) есть в «Тайной истории Монголии» 1240 г. (§ 102, 105, 111, 112, 128, 281). Но «darma» (санскр. dharma) означает «учение», и возводить его к «tar-man» достаточных оснований нет.] со значением «люди с брода», древнерусские бродники («потомки согдийских купцов евразийской степи»). Они жили якобы у переходов, бродов

через реки, являвшихся, по мнению О. Прицака, местами наиболее оживленных торговых сношений. Отсюда и происходит их наименование «бродники» или «деремела».

Эта сложная цепь построений может существовать только потому, что автор реконструирует слова, реально не существующие, а в известные наименования вкладывает смысл, не соответствующий их действительному содержанию. Так, у нас нет сколь-нибудь прочных оснований для реконструкции половецкого термина «dǎrmal» со значением «жители местности у бродов». В свою очередь и «бродники» (от слова «бродить») были выходцами из русских земель, [Греков Б. Д., Якубовский А. Ю. Золотая Орда и ее падение. М.; Л., 1950. С. 203.] а не «населенники бродов», да еще «согдийского происхождения». Непонятно, почему название «деремела» отсутствует во всех древнерусских источниках (кроме Слова), почему бытовало два наименования для одних поселенцев и т. п.

Наконец, сомнителен тезис и о «бродах» как местах средоточения торговых операций — иначе говоря, тюркско-монгольского происхождения слова «деремелы» О. Прицаку доказать не удалось. [См. также замечания Н. Ф. Котляра (Котляр М. Кто таю бродники (До проблемы виникнення україньського козатства) // Украшський катеричний журнал. 1969. № 5. С. 95—101).] Возможно, в данном случае перед нами след этимологических домыслов автора Игоревой песни, что «деремела» так же происходит от слова «дремать», как «ревуги» от «реветь». Прозвище «дремала» (сонливый человек) встречается в русском языке. [Даль. Толковый словарь. Т. 1. С. 492. Л. Н. Гумилев термин производит от «Дармала», которым мог называться какой-либо монгольский баскак XIII в. (Гумилев Л. Н. Поиски вымышленного царства. С. 320). {См. также: Ковалев Г. Ф. Загадочный этноним «деремела» // Филологические записки. Воронеж, 1993. Вып. 1. С. 122—133.}]

Целый ряд «скрытых тюркизмов» видит в тексте Слова О. Сулейменов. К ним он, в частности, относит «припешали» (от «пишь» — резать), «рассушась» (от «уш» — летать), а также и «Осмомысл» (от «сепз кырлы» — восьмиугольный), «до кур» (до стен), «горазд» (от «кораз» — петух), «тули» (от «тул» — вдова), «съ трудомь» (от «турта» — осадок), «дебрь кисань» (железные пути), «жирня времена» (от «жирик» — раздор), тропа (от «торп» — земля), «ходына» (от «хотын» — баба) и т. п. [Сулейменов О. Аз и я. С. 51—83, 112, 121, 126.] Вопрос об этом нуждается в доисследовании. В ряде случаев другие объяснения терминов имеют право на существование не в меньшей мере. О. Сулейменов, к сожалению, находит параллели в языке, исходя из презумпции о Слове как о памятнике XII в., не доказывая ее. Поэтому он часто не делает сопоставления своих предположительных объяснений с имеющимися в литературе с целью выяснить, какое же из них наиболее правдоподобно связано с текстом памятника и эпохой, когда он мог возникнуть.

Итак, разбор ориентализмов Слова показывает, что они сами по себе никак не могут свидетельствовать о древности памятника, некоторые из них (харалужные) дают серьезное основание для его поздней датировки. Другие вполне могли быть известны книжнику, знакомому с летописями и Задонщиной. Третьи бытовали еще в XVIII в. (топчаки). Наконец, четвертые отнесены к ориентализмам вовсе по недоразумению (шерешеры, могуты, ревуги). Это, конечно, не означает, что ряд слов восточного происхождения Игоревой песни не мог уходить корнями в глубокую половецко-печенежскую старину. Но вместе с тем нет никаких оснований отрицать возможность знакомства с этими словами писателя, жившего много столетий спустя после похода Игоря 1185 г. [Современную оценку ориентализмов «Слова» см. в книге: Баскаков Н. А. Тюркская лексика...]

В языковом фонде Слова о полку Игореде встречаем значительный пласт слов, эпитетов и устойчивых сочетаний, близких к украинскому и белорусскому, а также к польскому языкам. На последнее обстоятельство уже обращали внимание первые исследователи Слова Я. Пожарский, М. Максимович, О. Сенковский, а также Л. А.

Булаховский и В. Мочульский.[Пожарский Я. Слово о полку Игоря. СПб., 1819; Максимович М. Песнь о полку Игореве// ЖМНП. 1837. Январь. С. 51–54; Булаховский Л. А. «Слово о полку Игореве» как памятник древнерусского языка//Слово. Сб.-1950. С. 130–163; Мачульст. Да питанья; Гонсиоровский О. О. Заметки о «Слове о полку Игореве»//ЖМНП. 1884. Февраль. С. 263 и след.] См., например, выражения «свычая и обычая» (в устойчивом сочетании только в украинском фольклоре),[Ф. Филин ссылается на то, что слова «свычай» и «обычай» по отдельности встречаются в памятниках XI–XII вв. (Рыбаков, Кузьмина, Филин. Старые мысли. С. 174). Но дело не в отдельных словах, а в определенной формуле или устойчивом сочетании (именно подобные сочетания, как установил В. В. Виноградов, характерны для определенного автора и времени). Однако формула «свычая и обычая» встречается не только в украинской поэзии конца XVII в. Ср.: «Каков свычай, таков и обычай» во Владимирской губернии (Словарь-справочник. Вып. 5. С. 106).] «прапорзи»,[См.: Словарь-справочник. Вып. 4. С. 55–56. Конъектура «паворзи» (Там же. С. 53–54) без доказательств. {Конъектура «прапорзи» принадлежит А. А. Зимину.}] «спивая» (конъектура Г. А. Ильинского), «на ниче ся години обратиша», «чи», «чему», «чили», «абых», «жалоши», «пороси»[Об этом см.: Булаховский Л. А. Функции чисел в «Слове о полку Игореве»//Мовознавство. 1952. Т. 10. С. 123–124.] (ед. число «порох»), «потручяти» (укр. «потручати», потолкать),[Гринченко. Словарь. Т. 3. С. 382.] «бісові діти», «смага»,[В значении «жажда» и «сила» встречается в смоленских говорах (Опыт. С. 207; Дополнение к «Опыту областного великорусского словаря». СПб., 1858. С. 247).] «у (в) Римъ», «въсрожать» (от *zrogі* — суровый, укр. «сростатся» только в памятнике XVII в.[Булаховский. О первоначальном тексте. С. 441.]), сморци, «росушясь» (*rozsuc się*), «претръгоста» (*przetargac*), «поскепаны» (укр. «скепать», щепать), «съ трудомъ» (*trut* — яд, укр. «отрута») и др.[Н. В. Шарлемань, в частности, пишет: «Термин „ширяться“ сохранился в украинском языке как единственное слово для обозначения парения» (*Шарлемань Н. В.* Из реального комментария к «Слову о полку Игореве»//ТОДРЛ. М.; Л., 1948. Т. 6. С. 112); ср.: *Даль*. Толковый словарь. Т. 4. С. 634 («орел ширял по поднебесью»). Н. В. Шарлемань также пишет, что выражение «въ мытехъ» «сохранилось кое-где среди охотников» до нашего времени (*Шарлемань Н. В.* Из реального комментария... С. 112). На Украине бытовали слова «оконить», «сыновей». С. Гординский говорит, что слово «паполома» до сих пор бытует на Гуцульщине: Слово о полку Ігореві: Героїчний епос XII віку /За ред. Свят. Йорданського. Філадельфія, 1950. С. 50. Слово «закладать» в украинском языке имеет значение глохнуть («чи тобі заклало?» — «оглох ли ты, что ли»), «могутный» — могущественный, могучий (*Гринченко*. Словарь. Т. 2. С. 438).] Некоторые из этих слов встречаются и в древнерусских текстах («чи», «чили», «скепание», «претръгоста», «жалоши», «чему» (в Задонщине) и др.). Поэтому они могут вполне уложиться в систему языка как XII в., так и значительно более позднего периода. Выражение «молодая мѣсяца Олегъ и Святъславъ» можно понять, только зная игру слов «княжич» и «месяц» (*księżyc*). Здесь особенно важно совмещение двух понятий в одном слове. В русском фольклоре такого совмещения при употреблении образа «месяц» нет.

Б. А. Ларин отмечал, что «древнюю систему значений прил. яр, ярый... сохранил до наших пор украинский язык».[Ларин Б. А. Об архаике в семантической структуре слова (яр-юр-буй)//Из истории слов и словарей: Очерки по лексикологии и лексикографии. Л., 1963. С. 81.]

Не имеет древнерусских параллелей синтаксическая конструкция «за нимъ кликну». Л. А. Булаховский ставит вопрос, не является ли она параллельной польскому *zanim* (раньше, чем) и диалектному украинскому «занім».[Булаховский Л. А. Лінгвістичні уваги... С. 30.]

Акад. В. В. Виноградов в своей работе о составе словаря русского национального языка проследил судьбу слова «смерчь» с древнейших времен до XIX в. Он обратил внимание на то, что этот термин свойствен был только южнорусскому языку, причем в формах «смѣрчь, смѣркъ». В словарях Лаврентия Зизания и Памвы Берынды это слово

употреблено в форме «сморщ». С юга «смерчь» попал в Северо-Восточную Русь. [Выражаю глубокую благодарность В. В. Виноградову, познакомившему меня с рукописью этой очень интересной работы.] Но форма «сморци» (Слово о полку Игореве) не архаична, а представляет собой новообразование. Н. В. Шарлемань писал, что и в настоящее время на побережье Черного и Азовского морей смерчи называют «сморчами». [Шарлемань Н. В. Заметки натуралиста к «Слову о полку Игореве»//ТОДРЛ. М.; Л., 1951. Т. 8. С. 54.]

В Слове о полку Игореве слова «дѣвица» и сходные обычно пишутся через «ѣ» («о дѣвицю», «дѣвицею», «дѣвици»), кроме одного случая, когда в издании стоит «дивицею». Правда, в Екатерининской копии читается также «дѣвицею». Но так как издатели тщательно сверяли текст с рукописью, то надо полагать, что чтение «дивицею» стояло в Мусин-Пушкинском сборнике. Возможно, перед нами след украинской фонетики автора Слова («дівиця»), [Гринченко. Словарь. Т. 1. С. 386.] хотя аналогичные явления известны и новгородскому диалекту.

Еще Б. Г. Унбегаун обратил внимание на то, что в древнерусских памятниках не встречается форма «русичи». [Unbegaun B. Les Rusici — Rusici du Slovo d'Igor//RES. 1938. Fase. 1–2. P. 79–80.] Попытки его оппонентов найти сходные термины о Древней Руси были безуспешны. [Соловьев А. В. Русичи и русовичи//Слово. Сб.-1962. С. 276–289; Гординський С. Назви «Русичі» й «русовичі» // Українська вільна Академія. Вінніпег, 1963. Сер. Назвознавство. № 25. С. 9–12; Словарь-справочник. Вып. 5. С. 62–64.] Л. А. Булаховский справедливо писал, что «случай этот, конечно, не является таким, который легко отвести аналогиями сходных образований с другим составом форм единственного числа». [Булаховский Л. А. Функции чисел... С. 123.] Зато украинская поэзия знает близких к «русичам» — «русовичів» [Потебня. Объяснение. Т. 2. С. 450.] и даже выражение «Ехав молодец з Угорь до Русиц». [Головацкий. Народные песни. С. 69. {См. также: Милов Л. В. О «Слове о полку Игореве» (Палеография и орфография рукописи; чтение «русичи»)//История СССР. 1983. № 5. С. 82–106.}]

В Слове о полку Игореве термин «степь» отсутствует, а вместо него везде употребляется «поле» («загородите полю ворота»). Это вполне соответствует не только летописному «полю» — степи (ср. в Ипатьевской летописи под 1224 г. «поле половецкое»), но и украинским думам XVI–XVII вв. и польскому языку XVIII в., где степь называется *role*. [Шарлемань Н. В. Заметки натуралиста... С. 66.]

В начале Слова есть поэтическое место, в котором рассказывается о том, как Боян «пущашеть 10 соколовъ на стадо лебедѣй, которой (в изд.: который. — А. 3.) дотечаше, та преди пѣсь пояше... Мстиславу, иже зарѣза Редедю». Обычно слово «дотечаше» переводится как «настиг». Однако в польском языке есть слово *dociąć* — достать, добыть, дорезать. [Karłowicz J., Kryński A., Niedźwiedzki W. Słownik języka polskiego. Warszawa, 1900. Т. 1. S. 479. В интермедии к драме Г. Конисского «Воскресение мертвых» встречаем выражение: «Усім тром дотечется», т. е. достанется (Українські інтермедії XVII–XVIII ст. Київ, 1961. С. 187).] Лебедь поет песнь «преди», т. е. перед тем, как ее пронзает сокол (если переводить «достигает», то «преди» менее логично). [См. также: Müller L. Einige Bemerkungen zum Igorlied//Die Welt der Slaven. 1965. Bd 10. Hf. 314. S. 248.] Десяти соколам соответствует несколько лебединых песен — о Ярославле, Мстиславе и Романе. Если принять предложенное значение термина, тогда будет понятно сопоставление образов сокола, пронзающего лебедя, и Мстислава, зарезавшего Редедю. Отождествление русских воинов с соколами, а половцев (в данном случае касожского князя) с лебедями для Слова обычно. Еще З. Доленга-Ходаковский подметил, что выражение Слова «дятлове тектом путь... кажутъ» может быть объяснено, исходя из значения польского глагола *secktać* (чокать, тюкать) и соответствующего *tekt-sekt*. [Прийма Ф. Я. Зориан Доленга-Ходаковский и его наблюдения над «Словом о полку Игореве»//ТОДРЛ. М.; Л., 1951. Т. 8. С. 83.] Слово «рокатать» не встречается ни в древнерусском языке, ни в церковнославянском. [Булаховский Л. А. К лексике «Слова о полку Игореве»//ТОДРЛ. М.; Л., 1958. Т. 14. С. 33–34.] Зато в литературном украинском языке XIX в. «рокатать» и

«ракатаць» в белорусском означало «греметь». Л. А. Булаховский пишет, что «никаких надежных исторических свидетельств в пользу древнерусского „рокотати“ с одним из возможных „поэтических“ значений, помимо „Слова о полку Игореве“, пока, кажется, нет».[Булаховский Л. А. К лексике «Слова о полку Игореве»//ТОДРЛ. М.; Л., 1958. Т. 14. С. 34. Недавно А. П. Евгеньева указала на употребление слова «рокотать» в разных районах Псковской области в записи одной песни, сделанной в Пермской губернии (Евгеньева А. П. Несколько замечаний к истории и употреблению в русском литературном языке слов «рокотать» и «трепетать» //ТОДРЛ. М.; Л., 1969. Т. 24. С. 26–31).]

Касаясь лексики Слова, Д. С. Лихачев пишет: «Больше всего о его языковой подлинности свидетельствует словарный состав по сравнению с словарным составом „Задонщины“. Ни одно из сравнительно поздних слов, характерных для „Задонщины“, не отражено в словаре „Слова“. В „Слове“ нет таких сочетаний, как „темный князь“, „дети боярские“, „большой боярин“, „калантырь“, „байданы“, „басурменин“, „шишак“ и многих других».[Лихачев. Когда было написано «Слово»? С. 149.] При решении этого вопроса следует очень четко применять принцип текстологического историзма. Речь должна идти не о списках Задонщины вообще, а о том, которым мог пользоваться автор Слова. Наибольшую убедительность будет иметь лексика, встречающаяся во всех списках Задонщины, или во всех списках Пространной редакции, или, наконец в двух списках, представляющих разные изводы этой редакции. Слова, характерные лишь для одного списка, конечно, могут быть его индивидуальной особенностью, и их отсутствие в Слове о полку Игореве ничего не доказывает. Так «темные князи» упоминаются только в заключительной части Синодального списка, представляющей собой сугубо индивидуальную переработку текста Задонщины. «Великие бояре» также находятся только в С и отсутствуют в И1, И2, У. Их, очевидно, просто не было в списке Задонщины, который держал перед собою автор Слова. Выражение «бусормани» дважды употреблено только в списке У и отсутствует в И1, И2 (в С и К-Б вообще этого текста нет). И лишь «дети боярские» встречаются во всех четырех списках Пространной редакции, но в фрагменте, который вообще не использован в Слове о полку Игореве («Рече князь великы... великия места себе, своим женам», И1).

В. Л. Виноградова считает отсутствие в Слове и известных Задонщине четырех видов оружия, встречающихся только в XIV в., показателем древности первого из памятников.[Виноградова В. Л. 1) Лексическая вторичность «Задонщины»//Слово. Сб.-1962. С. 20 и след.; 2) Некоторые замечания о лексике Задонщины//ТОДРЛ. М.; Л., 1958. Т. 14. С. 198–204.] Но оно может быть объяснено чисто текстологическими обстоятельствами. «Кончары» отсутствуют во всех списках Задонщины (С «чары франьския», У «кинжалы фразские»). Термин «калантырь» известен только списку К-Б и поэтому не мог быть использован автором Слова; термин «шишак» есть только в одном Синодальном списке и является его индивидуальной особенностью; наконец, термин «байданы» мог быть не включен в Слово ввиду его неясности для автора, жившего тогда, когда он давно уже забылся.

Попали ли в Слово из Задонщины слова, которые неизвестны более ранним источникам? Безусловно («харалужный», «хинове» и др.). Д. С. Лихачев говорил, что «встречающиеся в одних и тех же сочетаниях в „Слове“ и в „Задонщине“ отдельные замены слов всегда свидетельствуют о более ранних словах для „Слова“ и более поздних для „Задонщины“: в „Слове“ „быля“ — в „Задонщине“ „боярин“, в „Слове“ „кмети“ — в „Задонщине“ „полководцы“, в „Слове“ „песнотворец“ — в „Задонщине“ „гудец“, „дань“ — „выход“, „поганые“ — „бусорманове“, „бусый“ — „серый“, „жир“ — „богатство“, „болого“ — „добро“».[Лихачев. Когда было написано «Слово»? С. 149.] Приводя конкретные примеры лексических соответствий, Д. С. Лихачев сразу же нарушает обязательное условие сравнения: слова «должны находиться в одних и тех же сочетаниях». Но черниговские «были» в Слове и «боярин» в Задонщине помещены в совершенно различных контекстах, и предполагать замену одного из них другим просто нет никаких

оснований. Об индивидуальном чтении «бусурманин» и о замене «кметями» «полководцев» (см. главу IV) мы уже говорили. Нельзя «гудец» считать более поздним по сравнению с «песнотворцем»: гудца мы находим в Ипатьевской летописи. Эта замена в Слове (как и «жиром» «богатства») связана с привлечением церковнославянского элемента в лексику памятника. Термин «бусый» никак не может считаться признаком древности лексики: в письменных источниках он вовсе до позднего времени не упоминается, а в украинском языке встречается и в XIX в. (в диалектах есть и «босый волк»). Я не говорю уже о том, что «серый» Задонщины и «бусый» («бусовы врани»), так же как и «дани» и «выходы», упоминаются в Слове и Задонщине в совершенно различных контекстах.

Итак, со стороны лексики нет никаких препятствий для того, чтобы допускать возможность использования автором Игоревой песни словарного материала Задонщины. [Недавно А. В. Соловьев попытался обосновать первичность Слова сравнительно с Задонщиной на основании «богатства и яркости словесной ткани и такого безошибочного знания древнерусского языка», какое мы якобы находим в Игоревой песни. Но о «безошибочности» языка в Слове говорить просто невозможно, а богатство «словесной ткани» может больше свидетельствовать и о силе таланта автора, и о более развитом литературном процессе, чем о древности памятника (см.: Соловьев А. В. Словесная ткань Задонщины и Слова о полку Игореве//To Honor of Roman Jakobson. The Hague. Paris, 1967. Vol. 3. S. 1875).] Обнаружить систематической замены поздних терминов древними (что предполагало бы знание автором исторической лексикологии) невозможно. Речь может идти о том, что автор Слова опустил в одних случаях ряд неясных для него наименований («байданы») или явно поздних терминов («дети боярские», «выход»), а в других — ввел несколько новых церковнославянизмов («жир», «песнотворец») или диалектизмов («бусый»).

В тексте Слова о полку Игореве можно встретить достаточное количество архаичных слов и выражений. Но в этом ничего неожиданного нет. Ведь автор сам заявлял, что будет писать свою песнь «старыми словесами». Чрезвычайно важно, что эти «словеса» на проверку оказываются заимствованными из Ипатьевской летописи. Приведем все сколько-нибудь значительные следы близости лексики обоих памятников. Начало Слова «с трудными повестями» близко к обращению: «Начнем же сказати бещисленныя рати и великия труды» (1227 г.). Отдельные летописные рассказы дают целые группы сходных выражений. В рассказе 1174 г. находим обороты, близкие к Слову, такие как «потопташа середний полкъ», «путь кажеша», «от множества праха не знати ни конника ни пѣшцы» («пороси поля прикрывают» в Слове), «на болоньи» («на болоньи в лозах» под 1161 г.), «ялся ему волости искати» («поискати града Тьмутороканя» в Слове), «гласи (так Х, П.—А. 3.) [Здесь и ниже обозначаем: Х — Хлебниковский список Ипатьевской летописи, П — Погодинский.] незнаемии» («незнаемую страну» под 1093 г.). Под 1175 г. находим словосочетания «всякими узорочьи», «каменьем драгим» («драгие оксамиты» Слова), «жемчюгомъ (Х, П «женчюгомъ») великимъ», «далече», «доспе» («доспев» под 1196 г.), которые могли дать лексический материал для автора Слова.

В рассказе 1097 г. встретим фразы и слова: «идяху стрѣлы акы дожць» (Х, П «дождь»), «лесть, юже коваше», «сыночи» (Х, П «сночи»), «соколь галицѣ збиваетъ» (Х, П «избиваетъ»), «котору» (Х, П «которю»), «поча выти вольчьски» (Х, П «волчим голосом») Боняк, «поостривати», «троскотати», «на заборолѣхъ», «от-воримъ ворота городу».[В. Ю. Франчук обратила внимание на то, что «сыночи» упоминается в летописи также под 1153 и 1154 гг. (Франчук В. Ю. Мог ли Петр Бориславич создать «Слово о полку Игореве»? (Наблюдения над языком «Слова» и Ипатьевской летописи) // ТОДРЛ. Л., 1976. Т. 31. С. 78).]

В конце рассказа 1091 г. читаем: «людемъ кликнувшимъ... земля стукну». Далее через две-три строки под 1092 г. «бывши тутень, стонаше (Х, П «в». — А. 3.) полунощи, яко челоуѣци, рыщуть бѣси». В Слове перед выражением «стукну земля» находим слова «в полунощи» («земля тутнетъ» встречается в начале произведения). Тут же есть

выражение «дети бѣсови», навеянное летописными «бесами». Под тем же 1091 г. в летописи помещено выражение «за землю Рускую».оборот «челѣку стяговую сторгоша стяга» (1172 г.) мог трансформироваться в «чрьлень стягъ... чрьлена чолка» Слова. Здесь же встречается выражение «дерзѣи суще» (ср. «бѣше же дерзъ» под 1185 г.). Слова «карить» (ср. «Карна» в Слове) и «цвѣлѣть» встречаются под 1262 г. Выражение «жалъ бо ны есть брата своего Игоря» (1148 г.) близко к «жалъ бо ему мила брата Всеволода» (Слово). Под 1068 г. (откуда в Слове взят рассказ о пребывании Всеслава в Киеве) помещено выражение «но рѣсте мужаимъся» (X, П «мужаимъся»), сходное с «нѣ рѣкосте: мужаимъся» (Слово). [Очевидно, здесь обычная для Слова путаница (і вместо ы), надо «мужаймъся».] Под тем же годом — «росулися по земли», «которой» (X, П). Под 1096 г. тоже в рассказе о столкновении с половцами находим следующее книжное определение: «половци, иже исходить от пустынь» (X, П «пустыня»). В Слове тот же мотив о «пустыне» (здесь же прямо отождествленной с половцами) преобразован в «пустыня (в изд.: пустыни. — А. 3.) силу прикрыла». [Глагол «прикрыть» принадлежит к числу излюбленных автором Слова («хотѣть прикрыти», «поля прикрывають», «воя прикрыты»). «Сила» в сходном со Словом смысле также встречается в летописи: «сами приехаша... всими своими силами» (1150 г.), «придоша всѣ силы» (1174 г.).] Под тем же годом встречаем выражение «усприем смысл буй», «на полунощи». Под 1151 г. находим слова «обаполы», «уже не крѣсити» (есть и в Повести временных лет), «чистое поле», «доспевше», «изломи копье», «за шоломя» (X, П «соломя»), «в трубы трубити», «дебрь», «рядов не могу уже рядити».

Под 1240 г. в летописи говорится, что «не бѣ слышати от гласа скрипання телѣг» (в Слове «кричать тѣлѣгы»). [К выражению «не слышано» (Слово) кроме приведенного текста можно указать и на более близкую параллель: «не бѣ сего слышано» (1094 г.).] Под тем же годом упоминаются «щеть скѣпание», «стремень» (ср. 1152 г.). Все эти обороты (кроме эпического «пити шеломом Дон» и церковнокнижного «в трубы трубити») отсутствуют в Задонщине, чего, конечно, не могло быть, если б она использовала Слово. Выражение «пѣснь (в летописи «пѣс», причем «с» выносное. — А. 3.) славну пояху» (1251 г.) близко к «пѣсь пояше» и «пѣвше пѣснь» Слова о полку Игореве. Обращение «а лѣпо ны (X, П «нам». — А. 3.) было братье» (1170 г.) [Под тем же годом встречаются выражения «за Рускую землю», «чагами» и «кощѣя» (ср. «стреляй... кощя» в Слове), формы «наю», «ваю», «ѣхаста». См. также: Рыбаков. Русские летописцы. С. 512.] перед началом похода Мстислава на половцев напоминает начало этого памятника. Наконец, в летописи встречаем и много других менее характерных слов, в их числе — «борзъ конь» (1227, 1160, 1213 гг.), «буесть» (1241 г.), «верзѣте жребѣи» (под 1115 г.), «в гридници» (996 г.), «дѣвкы» (1238 г.), «заборола» (1185 г.), «заступи» (1149 г.), «знамение» (1161 г.), «клюки» (1098 г.), «кожюх» (1252 г.), «к куrom» (1152 г.), «луци... напращи» (1184 г.), «мѣритъ» (1145 г.), «насад» (1160 г.), «нелюбье» (1143 г. и др.), «оксамиты и паволокы» (1164 г.), «орлом же клекъчущимъ» (1249 г.), «пардус» (964 г.), «пламян» (1226 г.), «розно» (1150, 1195 гг.), «стремень» (1240, 1152 гг.), «сулица» (1281, 1251, 1262 гг.), «толковины» (907 г.), «то мое» (1146 г.), «тресну» (1111 г., ср. «тресновение» под 1249 г.), «тулы» (1241 г.), «с хвалою» (1154 г.), «хоругвь» (1235 г.). [На один интересный факт обратила мое внимание Н. Михайловская. Слово «брань», встречающееся в Игоровой песни, обнаруживает в древности скорее не стилистическую дифференциацию, а предпочтительное употребление в определенном памятнике. Оно чаще употребляется в Ипатьевской летописи, тогда как в Лаврентьевской встречается «сѣча».] Несколько характерных слов добавила В. Ю. Франчук, в их числе «потопташа» (1152, 1195 гг.), особенно «потопташа середний полк» (1174 г.). [Франчук В. Ю. Мог ли Петр Бориславич... С. 81–82.]

Некоторые из перечисленных слов встречаются также в живых русском, украинском и белорусском языках (девка, мерить, хвала, кожух, незнаемый, согладать и др.). [Глагол «сѣглядати» есть и в Ипатьевской летописи (977, 1162 гг.), и в церковных

текстах и хорошо известен в XVIII–XIX вв. в русском и украинском языках (ср.: в переводе «Илиады» Гне-дича: «Но не вотще соглядал Посейдон...»). На этот факт мое внимание обратил С. М. Каштанов.] Отдельные слова известны и Задонщине («борз конь», «сулицы», «забрала», «стремя»). Поэтому автор Слова мог их взять и не из летописи. Мог он обратить на них внимание как раз потому, что был с ними знаком по живому языку. Весь этот лексический материал летописи использовался автором Слова не механически, а творчески.

В. Ю. Франчук считает, что «большая часть общей со „Словом“ лексики и сходных грамматических конструкций» сконцентрирована в той части Ипатьевской летописи, которая «может быть приписана» Петру Бориславичу (по Б. А. Рыбакову, он вел летопись в 1146–1196 гг.).[Рыбаков. Русские летописцы. С. 499–515; Франчук В. Ю. Мог ли Петр Бориславич... С. 92.] Приведенные выше примеры говорят, что сходство со Словом Ипатьевской летописи обнаруживается на всем протяжении текста, и оно может быть объяснено использованием летописи автором Игорева песни. Большая часть характерной совпадающей лексики при этом отсутствует в Задонщине.

Недавно Ю. М. Лотман в весьма содержательной работе попытался взглянуть на Слово о полку Игорева с точки зрения модели мира, которой, на его взгляд, соответствует этот памятник, т. е. с точки зрения древнерусских понятий. Этот подход в целом представляется заслуживающим всяческого внимания. «Термины и понятия, — писал Ю. М. Лотман, — получают смысл лишь в отношении к той модели мира, частью которой они являются».[Лотман Ю. М. Об оппозиции «честь»–«слава» в светских текстах Киевского периода//Труды по знаковым системам. Тарту, 1967. Вып. 3. С. 109.] Это глубоко верное наблюдение автор попытался подкрепить анализом понятий «честь» и «слава» в Слове о полку Игорева на фоне разбора моделей Древней Руси и России XVIII в. Напомню вкратце его выводы. По Ю. М. Лотману, «слава» всегда в памятниках светской литературы Киевского периода прилагалась к князьям-сюзеренам, тогда как «честь» всего-навсего «атрибут младшего феодала». Ее получают от старшего на иерархической лестнице, и она всегда имеет материальное выражение.[Лотман Ю. М. Об оппозиции «честь»–«слава» в светских текстах Киевского периода//Труды по знаковым системам. Тарту, 1967. Вып. 3. С. 103.]

«Мы не можем привести, — пишет Ю. М. Лотман, — светского текста той поры, в котором они (эти понятия.—А. З.) были бы взаимозаменяемы, сочетались бы с одинаковым идейно-терминологическим окружением».[Лотман Ю. М. Об оппозиции «честь»–«слава» в светских текстах Киевского периода//Труды по знаковым системам. Тарту, 1967. Вып. 3. С. 100.] Это целиком соответствует Слову о полку Игорева, где «противопоставление „славы“ и „чести“ касается самой сущности идейной концепции автора».[Лотман Ю. М. Об оппозиции «честь»–«слава» в светских текстах Киевского периода//Труды по знаковым системам. Тарту, 1967. Вып. 3. С. 107.] С другой стороны, «понятия „честь“ и „слава“ в модели мира русского XVIII века приобрели совершенно иное значение», в частности «честь» тогда «воспринимается как нечто более высокое, чем „слава“».[Лотман Ю. М. Об оппозиции «честь»–«слава» в светских текстах Киевского периода//Труды по знаковым системам. Тарту, 1967. Вып. 3. С. 110.] Если так, то Слово о полку Игорева не могло быть составлено в XVIII в., так как «фальсификация литератором конца XVIII века русской модели мира представляет собой задачу невыполнимую».[Лотман Ю. М. Об оппозиции «честь»–«слава» в светских текстах Киевского периода//Труды по знаковым системам. Тарту, 1967. Вып. 3. С. 109. Чисто умозрительно (а потому не заслуживает специального разбора) категорическое утверждение А. Г. Кузьмина, что «княжеская „слава“ включает в себя и обычную рыцарскую „честь“, так же, как рыцарская „честь“ содержит в себе элемент „славы“» (Кузьмин. Ипатьевская летопись. С. 86).]

Разберем все положения автора.

Прежде всего Ю. М. Лотман не доказал своего главного тезиса о социальном различии в употреблении понятий «честь» и «слава» в памятниках древнерусской

литературы. Он просто не привел ни одного примера, где бы «славе» сюзерена противостояла «честь» вассала. Наблюдение же о том, что «честь» всегда имеет материальное выражение, Ю. М. Лотман подкрепляет ссылкой на «Историю Иудейской войны». Однако здесь словом «честь» переводится не только «награда», но вообще «радость» («и усрѣтоша сопфориане с честию и с похвалами»).[Мещерский Н. А. История Иудейской войны Иосифа Флавия в древнерусском переводе. М.; Л., 1958. С. 80.] В древнерусских памятниках «дары» и «честь» часто различаются друг от друга.[Например, под 1187 г. Ростислав отпустил бояр «с великою честью и дары многими ода-ривъ»: ПСРЛ. Т. 2. Стб. 658.] Примеры эти приводит сам Ю. М. Лотман. Но вот он интерпретирует следующий текст записи писца под 1377 г.: «Христосъ... ему же слава и держава и честь и поклонянье».[ПСРЛ. Л., 1927. Т. 1, вып. 2. Стб. 488.] По Ю. М. Лотману, сюзерен соотносится с «державой» и «славой», а вассал — с «поклонением» и «честью». Отсюда «Христу приписывается вся совокупность почета, возможного в феодальном обществе, причем каждому уровню почести соответствует степень власти».[Лотман Ю. М. Об оппозиции... С. 105.] Можно согласиться, что, по мысли летописца, Христу соответствует «вся совокупность почета», но при чем тут сюзерен и вассал? Ни в каком отношении к Христу эти понятия не находятся.

По Ю. М. Лотману, переводчик «Иудейской войны» отделяет «славу» от «чести». Он ссылается на текст: «старейшему бо възрасть подавають цесарьство, и меншима благородство».[Мещерский Н. А. История Иудейской войны... С. 212.] Ни о какой «славе» и «чести» тут и речи нет. Вот и все доводы, приведенные Ю. М. Лотманом в подкрепление своей схемы о «чести» и «славе» в Древней Руси. Недостаточность их, на наш взгляд, очевидна.

Но вопрос может быть решен при систематическом обследовании памятников древнерусской литературы, где изучаемые Ю. М. Лотманом понятия — частые гости. Словосочетание «чти и славы» принадлежит к традиционным воинским формулам, которыми заполнены русские летописи. Оно, как показала В. П. Адрианова-Перетц, «в литературе XI–XII вв. прочно держится в разных жанрах».[Адрианова-Перетц. «Слово» и памятники. С. 68.] Никаких различий в употреблении этой формулы по отношению к князьям-сюзеренам и вассалам нет. «Слава» и «честь» распространяются на них в полной мере. По лаврентьевскому рассказу, «Олгови внуки» во время похода на половцев 1185 г. говорили: «возьмем до конца свою славу и ч(ес)ть».[ПСРЛ. Т. 1, вып. 2. Стб. 398.] В 1146 г. князь Изяслав «с великою славою и честью въѣха в Киевъ».[ПСРЛ. Т. 2, вып. 2. Стб. 327.] Эта формула повторяется в Ипатьевской летописи под 1151, 1152, 1159, 1174 гг. В 1120 г. князь Юрий Владимирович «приде по здорову с честью и славою».[ПСРЛ. Т. 2, вып. 2. Стб. 286. Сходно под 1171 г.] В 1187 г. князь Святослав «возвратишася во свояси со славою и честью».[ПСРЛ. Т. 2. Стб. 659.] Та же формула под 1142, 1183, 1193 гг. В 1178 г. князь Мстислав «сѣде на столѣ дѣда своего и отца своего со славою и с честью великою».[ПСРЛ. Т. 2. Стб. 607.] Аналогичная формула под 1159, 1195 гг.

В Лаврентьевской летописи, в Новгородской I, да и в Повести временных лет формула «с славою и честью» заменяется часто просто — «с честью». Так, в 1177 г. князь Всеволод вернулся «с честью великою».[ПСРЛ. Т. 1, вып. 2. Стб. 382.] Но в то же время князь Михалка поехал «с честью и с славою великою».[ПСРЛ. Т. 1, вып. 2. Стб. 376–377.] Сходно под 1256, 1258 гг. В 1195 г. князь Всеволод «возврати е с честию домовъ».[НПЛ. С. 234.]

За «честь» князя сражались не меньше, чем за его славу. В 1155 г. берендеи говорили князю Юрию: «мы умираемъ за Рускую землю с твоимъ сыномъ и головы своя съкладаемъ за твою честь».[ПСРЛ. Т. 2. Стб. 480.] В 1153 г. галичане говорили князю Ярославу: «хочемъ за отца твоего честь и за твою головы своя сложити».[ПСРЛ. Т. 2. Стб. 466–467, ср.: под 1231 г. «не погубимъ чести князя своего» (Там же. Стб. 765).] И именно за княжескую «честь», а не за «славу», как в Слове о полку Игореве. Когда ростовцы

просили в 1175 г. у князя Глеба «приставить послы», то он «радъ бысть, аже на него чѣсть воскладывають».[ПСРЛ. Т. 2. Стб. 595.]

«Честъ и слава» в неразрывном единстве неоднократно встречаются в переводе Хроники Георгия Амартола и других древнерусских сочинениях, причем эти понятия взаимно переходят одно в другое. Так, в Киево-Печерском патерике говорится, что князь Святоша принял монашеский сан, «оставив княжение, славу и честъ, богатство же и слугы».[Патерик Киевского Печерского монастыря. СПб., 1911. С. 183.] В Изборнике 1076 г. читаем: «слава человеку отъ чѣсти отця своего».[Изборник 1076 года. М., 1965. С. 414.] Кажется, трудно сказать яснее о взаимоотношении этих понятий.

Итак, «слава» и «честъ», как правило, в древнерусской литературе составляют двуединую формулу. Права В. П. Адрианова-Перетц, считающая, что, по Ипатьевской летописи и другим рассказам XII в., «честъ» добывается «не только для дружины, но и для князей».[Адрианова-Перетц. «Слово» и памятники. С. 68.] «Честъ» могла иметь, а могла и не иметь материальной реализации в награде и добыче. Нигде «слава» князей не противопоставляется «чести» вассала. Реконструкция модели Древней Руси, предпринятая Ю. М. Лотманом, оказалась в полном противоречии с реальной действительностью.

По Ю. М. Лотману, «в „Слове о полку Игореве“ мы встречаем чрезвычайно последовательно проведенное противопоставление „славы“ и „чести“».[Лотман Ю. М. Об оппозиции... С. 106.] Попытаемся проверить это наблюдение.

«Слава» и «честъ» в Игоревой песни встречаются не раз. И здесь факты не укладываются в прокрустово ложе реконструкции Ю. М. Лотмана. Вот концовка Слова: «князю слава а дружине. Аминь». Так читают этот текст почти все исследователи Слова, в том числе В. П. Адрианова-Перетц, Д. С. Лихачев, О. В. Творогов, Ф. П. Филин и многие другие. Союз «а» в данном случае соединительный.[Адрианова-Перетц. «Слово» и памятники. С. 189; Слово-1967. С. 66, 529. Споря с моим тезисом о том, что в Слове нет никаких архаизмов (кроме тех, что восходят к летописи и Задонщине), Ф. П. Филин ссылается на союз «а» в объединительном значении и на слово «бебрян» (Рыбаков, Кузьмина, Филин. Старые мысли. С. 173). Но в первом случае никакого архаизма нет, ибо перед нами западнорусизм, а слово «бебер» (бобр) встречается в живом языке. Никаких других «архаизмов» Ф. П. Филин не привел.] Тогда ясно, что «слава» относится как к дружине, так и к князьям. Но Ю. М. Лотман предпочитает весьма субъективную конъектуру Р. О. Якобсона: «князю слава, а дружине честъ». Никаких текстологических оснований для этого допущения у нас нет, кроме формулы «себе чти, а князю славы», встречающейся в другом месте Слова. Нельзя приводить пример из текста, реально не существующего, для доказательства тезиса, которым руководствуешься при воссоздании гипотетического чтения.

Но вот еще один текст. Ковуи побеждают, «звонячи въ прадѣдную славу». Уж ковуев-то и их предков трудно назвать князьями-сюзеренами. По Слову, князь Всеволод, забыл «чти и живота и града Чрънигова отня злата стола». Ю. М. Лотман переводит этот текст так: «Не думая о (почетной) добыче» (т. е. «не рассчитывая на успех»), «забыв честъ», поскольку стремится «к высшему — славе».[Лотман Ю. М. Об оппозиции... С. 109.] Получается, что автор Слова оправдывает поход Игоря и Всеволода в степь, тогда как нотки осуждения звучат в Слове совершенно явственно.[«Честъ» в данном случае лишена материального содержания уже потому, что с ней соседствует «живот», т. е. имущество, добыча.] Святослав говорит, обращаясь к этим князьям: «Рано еста начала Половецкую землю мечи цвѣлти, а себѣ славы искати». При этом «нечестно одолѣсте, нечестно бо кровь поганую пролиясте». Итак, Игорь и Всеволод обладают и «славой», и «честью». Из этого сложного положения Ю. М. Лотман стремится выйти при помощи следующего умозрительного, на наш взгляд, построения: «Игорь, присвоивший себе нормы поведения сюзерена (славу), — на самом деле вассал киевского князя. И действия его измеряются с иной точки зрения, другой меркой — честью, то есть успешностью действий, их результативностью для великого князя киевского». Автор считает, что «только в свете

такого противопоставления „славы“ и „чести“ становится понятным и двойственная оценка действия героя».[Лотман Ю. М. Об оппозиции... С. 109.]

Сейчас оставим в стороне вопрос о том, почему двойственна в Слове оценка действий Игоря (думаем, что она не вытекает из двойственного отношения автора Песни к нему как суверену и вассалу). Важнее другое. В данном случае Ю. М. Лотман забывает о модели Древней Руси и рассматривает взгляды автора Песни сквозь призму своих представлений о вассалитете.

Для автора Слова, если б он жил в XII в., герой Песни был бы или суверенным властителем княжества (если бы он был его дружинным или придворным певцом), или князем-вассалом другого киевского владыки (если бы он слагал свою Песнь при дворе Святослава). Но Ю. М. Лотман не дает ответа, с каких позиций в период феодальной раздробленности мог быть изображен в Слове князь Игорь.[Подробнее об этом см. главу III.]

Автор Слова не мог рассматривать своего героя с позиций представителя различных феодальных княжеств. Следовательно, в понятия «славы» и «чести», которые он применял к нему, он не вкладывал социально разнородных явлений, если считать этого автора сыном XII в.

Но вот мы наконец обращаемся к двум идентичным текстам, которые дают Ю. М. Лотману действительные основания для его основного положения о смысле понятий «славы» и «чести» в Игоровой песни. Это фраза о курянах, которые скачут как серые волки, «ищуци себе чти, а князю славь», и реплика о русичах, которые преградили поля щитами, «ищуци себѣ чти, а князю славы».

Если бы прав был Ю. М. Лотман и противопоставление «славы» и «чести» в Слове касалось самой сущности идейной концепции автора этого произведения, то тогда с несомненностью можно было бы говорить о его позднем происхождении, ибо это резко бы противоречило тому, что мы находим в памятниках древнерусской литературы.

Но перед нами не пронизывающее всю Песнь мирозерцание, а одна фраза, повторяющаяся дважды и не имеющая подкрепления ни в памятниках древнерусской литературы, ни в самой Игоровой песни. Если уж делать на ней акцент, то придется согласиться с В. П. Адриановой-Перетц, которая писала, что автор Слова «сумел внести свое индивидуальное толкование в традиционную воинскую формулу».[Адрианова-Перетц. «Слово» и памятники. С. 68.] Эта индивидуализация средств художественного изображения — яркая черта Слова о полку Игореве вообще, а отказ от средневековых штампов характерен для очень поздней ступени литературного процесса. К тому же само членение в памятнике выглядит весьма странно: почему дружина ищет себе «чти», а не князю, остается непонятным.[Отвечая на мои возражения, Ю. М. Лотман привлек в пользу своей точки зрения большой сравнительно-исторический материал (Лотман Ю. М. Еще раз о понятиях «слава» и «честь» в текстах киевского периода//Труды по знаковым системам. Тарту, 1971. Т. 5. С. 469–474). Но, к сожалению, этот материал не может доказать его точку зрения, ибо не подтверждается русскими источниками. Не могу также принять упрека в том, что мои возражения основаны на презумпции переноса документированного звена (XV–XVI вв.) на реконструируемый период (XI–XII вв.). Этого у меня просто нет.]

Ссылаясь на Слово о полку Игореве, М. А. Соколова выдвинула предположение, что слово «врата» в Древней Руси имело узкое значение (соответствующее позднему значению «ворота, двери»), а «ворота» — более широкое (путь, вход, направление). [Соколова М. А. К вопросу о церковнославянизмах//Вопросы теории и истории языка. Л., 1969. С. 215–216.] В Игоровой песни слово «ворота» связано с полем («загородити») и Дунаем («затворивъ»), а «врата» — с Киевом («отворяеши») и Новгородом («отвори»). В первом случае есть прямая параллель в Задонщине («замкни... Оке реке ворота»). Во втором — церковнославянизм, повторяющийся неоднократно в летописи («отворим врата граду» — 1097 г., «отвориша им врата» — Ипатьевская летопись под 1204 г.). К тому же

«врата» также имели широкое значение, как и «ворота».[Примеры см.: Словарь-справочник. Вып. 1. С. 137–138.]

«Стилистическая симметрия» (если употреблять терминологию Д. С. Лихачева) [Лихачев. Поэтика С. 168–169.] или художественный параллелизм — излюбленное средство художественного изображения в Слове. Вот, например, выражение «ничить трава жалощами, а древо с тугою къ земли преклонилося» близко по структуре к фразе о князе и дружине. Ключ к пониманию этой фразы надо, следовательно, искать в приемах художественного творчества автора Игоревой песни, ибо адекватного отображения в памятниках письменности ни Древней Руси, ни России XVIII в. мы не найдем.

Если обратиться к отдельным понятиям в Слове, то можно убедиться, что автор этого произведения употреблял их зачастую неверно, ибо не мог проникнуть в мир представлений человека Древней Руси.

Так, в Ипатьевской летописи помещено выражение «трѣсну, аки громъ, сразившима(ся) челома» (1111 г.) и сходное «копьем же изломившимся, яко от грома трѣсновление» (1249 г.). В Слове «тресну» встречается два раза: «Уже тресну нужда на волю» и «железный прапорзи... Тѣми тресну земля и многи страны». В обоих случаях «тресну» употреблено так, что не вполне отвечает истинному значению этого глагола [Д. С. Лихачев переводит: «дрогнула земля» и «ударило насилие на свободу» (Слово-1950. С. 64, 67). Мы бы слово «нужда» (тоже неточно употреблено) переводили как «бедствие», «печаль», ср. «мы же у нужи сей болен есть велми» (Ипатьевская летопись, 1146 г.).] (в летописных текстах он связан органически с «громом»). Во втором случае сочетание дано как бы в виде синонимического соответствия выражению «стукну земля» (Слово), восходящему к «земля стукну» (летопись под 1091 г.). [Выражение «стукну земля» Д. С. Лихачев переводит как «застучала земля», а Н. М. Дылевский — «вздрогнула земля» (Дылевский Н. М. «Вежи ся половецкии подвизашася» в «Слове о полку Игореве»//ТОДРЛ. М.; Л., 1958. Т. 15. С. 40). Последний перевод ближе к тому словоупотреблению, которое встречаем в летописи («стукну земля» — землетрясение). Но перевод Д. С. Лихачева близок к тому смыслу, который хотел придать (и не вполне точно) этому выражению автор Слова (земля «застучала» под копытами коней).] Или вот еще случай. В Ипатьевской летописи под 1262 г. говорится: «ать иная дѣтии не цвѣлить», т. е. чтобы иная не заставила детей плакать. В Слове же читаем: «сыновчя... рано еста начала Половецкую землю мечи цвѣлिति». Сочетание «сыновчя... землю цвѣлिति» подражает форме «дѣти не цвѣлить». О выражении «обаполы времени» говорилось уже в главе II.

Автор Слова неудачно употребил слова «усобица» («усобица княземъ на поганяя», т. е. борьба князей с погаными) и «жирный» («печаль жирна (т. е. богатая? — А. 3.) тече»).

В. П. Адрианова-Перетц вслед за И. И. Срезневским считает, что в Слове дважды существительное «победа» означает «войну»: «погании... прихождаху съ победами на землю Рускую» и «погании сами (с) победами нарищуе на Рускую землю».[Срезневский. Материалы. Т. 2. Стб. 990–991; Адрианова-Перетц. Фразеология и лексика. С. 71.] Но такое значение слова «победа» не свойственно древним памятникам и известно только в переводе Синайского Патерика XI в. [И. И. Срезневский и В. П. Адрианова-Перетц ссылаются также на текст Синодального списка Новгородской 1 летописи 1068 г.: «придоша половци и побѣдиша Русьскую землю» (НПЛ. С. 17). Однако этот текст — сокращение другого: «Придоша иноплеменици на Рускую землю, половци мнози... и побѣдиша их половци» (Там же. С. 186), где «победиша» означает не «повоевали», а именно «победили».] К тому же в Слове «победой» обычно обозначалась воинская победа. Если же так, то в приведенных текстах «победа» употреблена так же неточно, как и «усобица». В рассказе Ипатьевской летописи 1185 г. трижды употреблен глагол «навести», причем со значением «навлекать, насылать беду»: «наведе на ня Господь гнѣвъ свой... наведе на ны плачь», «наведе на ны поганяя».[ПСРЛ. т. 2. Стб. 642–643, 648.] Последний случай имеет почти полную аналогию в Слове. Здесь, правда, не Бог, но Всеслави внуки «начясте наводити поганяя на землю Рускую». Но вот в начале Слова говорится, что

Игорь «наведе своя храбрыя пълкы на землю Половѣцкую». В известных нам текстах древнерусских памятников глагол «навести» никогда не сочетается с героическими деяниями русских князей, а только с бедами вообще или нашествием иноплемеников. [Срезневский. Материалы. Т. 2. Стб. 268–269.]

Очень своеобразно употребление слова «кожух» в Игоровой песни. Там говорится, что русские войска «орьтмами и япончицами и кожухы начаша мосты мостити». «Кожух» упомянут в Ипатьевской летописи под 1252 г. для обозначения верхней одежды (кафтана?) из оловира (шелковой, затканной золотом ткани). Но по смыслу приведенного отрывка речь идет в Слове о «кожуках» как шубах. [Барсов. Слово. Т. 3. С. 380–381.] Это, однако, наталкивается на несоответствие другого рода: поход был в конце апреля. Тогда о каких шубах может идти речь?

В Слове употребляется очень странное сочетание «суды рядя». Летопись знает иной оборот — «рядов... рядити» (Ипатьевская летопись под 1151 и 1154 гг.). Говорилось также и «суд судить». Но выражение «суды рядить» в источниках не встречается. Понятие «рядить» (управлять) не было ясно автору Слова. По его представлениям, Всеслав «людемъ судяше, княземъ грады рядяше». Но в значении «раздавать» слово «рядить» древним источникам неизвестно. [Срезневский. Материалы. Т. 3. Стб. 22.] В Слове есть текст: Игорь «погрузи жиръ во днѣ Каялы рѣкы». Это явная несуразица, ибо погрузить можно «на» дно или «в» реке. Появилась она под влиянием летописного «Богъ... погрузи грѣхы наша въ глубинѣ». [ПСРЛ. Т. 2. Стб. 104, ср.: «Бог... ввержет в глубины морския вся грехи наша» (Михей. 7: 18–19).] Стилистическая погрешность появилась в результате замены «глубин» «дном» (ниже правильнее: «въ морѣ погрузиста»).

Много хлопот исследователям доставил текст Слова с упоминанием «тлъко-вин»: «сыпахуть ми тыщими тулы поганыхъ тлъковинъ (Ек. «тлъковин».—А. 3.) великий женчюгъ на лоно». [А. И. Мусин-Пушкин переводил «тлъковин» как «раковина». По мнению Карамзина, также «тлековина значит раковина, от слова: тлекот, которое значит „устрица“» (Полевой. Любопытные замечания. С. 20). По мнению Л. А. Булаховского, может быть, лучше читать «тлъковина», от «торки» (Булаховский Л. А. Заметки к спорным местам Слова о полку Игореве // Радянське літературознавство. 1955. № 18. С. 49–50).] Единственный случай упоминания этого термина в источниках мы находим в Повести временных лет под 907 г.: «хорваты, и дулѣбы, и тиверци, яже суть толковины, си вси звахуться Великая Скуфь». [ПСРЛ. Т. 2. Стб. 21.] Исходя из летописного текста и этимологии «тълк» («тълкаръ» — переводчик), А. И. Соболевский и В. М. Истрин считают, что «тлъковины» — это переводчики. [Соболевский А. Κοιλιγγοι и ταλμάτζιοι. По поводу статьи Неймана в Byzantinische Zeitschrift, NI (1894)//ВВ. СПб., 1894. Т. 1, вып. 2. С. 460–461; Шахматов А. А. Введение в курс истории русского языка. Пг., 1916. С. 98; И с трип В. М. Хроника Георгия Амартола. Пг., 1922. Т. 2. С. 246. См. также: Филип Ф. П. Образование языка восточных славян. М.; Л., 1962. С. 157; Фасмер. Этимологический словарь. Т. 4. С. 71–72.] Но такое объяснение термина «тлъковины» делает непонятным текст Слова о полку Игореве. [По А. А. Шахматову, князь Святослав под толковинами разумел «если не половцев, то торков или берендеев» (Шахматов А. А. Введение в курс... С. 98–99). В. Ф. Ржиги под «тлъковинами» понимал «нерусские племена, нуждающиеся в толковании речи» (Слово-1961. С. 325). Но язык тиверцев в X в. не нуждался в особом истолковании. Поэтому гипотеза В. Ф. Ржиги также противоречит летописному тексту. По А. И. Соболевскому, в Слове упомянуты ковуи — переводчики. Он ссылается на то, что Скорина упоминает «толковин» как переводчиков.] Поэтому уже со времени Дубенского некоторые исследователи (П. П. Вяземский, В. И. Григорович, М. С. Грушевский, В. В. Мавродин, Б. А. Рыбаков и др.) производят слово от славянского «толока» — помощь. [Дубенский Д. Слово о пълку Игореве. С. 120; Перетц. Слово. С. 248–249; Расовский Д. А. «Тлъковины»//Seminarium Kondakovianum. Praha, 1936. Т. 8. С. 307–313.] Отсюда делается вывод, что «поганые тлъковины» — нерусские племена: половцы (В. Перетц), черные клобуки на службе кн. Святослава (Д. Расовский), ковуи кн. Ярослава с переводом

«иноземцы» (Д. С. Лихачев). [Слово-1950. С. 63.] Перевод выражения «тльковины» как «иноземцы» (пусть даже «помощники») очень искусствен. К тому же подобное объяснение лишь затемняет смысл летописного рассказа, где слово «толковины» относится к одному из славянских племен. В древнерусских памятниках есть множество слов с корнем «тльк» в смысле «толкование», «перевод», и нет слов с корнем «толока» или сходным в значении «помощь». [Срезневский. Материалы. Т. 3. Стб. 1045–1046.] Возражая против перевода «толковины» как «переводчики», Б. А. Рыбаков замечает: «Странно было бы вещему Олегу в 907 году брать с собой в поход целое племя переводчиков». [Рыбаков, Кузьмина, Филин. Старые мысли. С. 160.] Мне лично кажется странным такое понимание ясного летописного текста: в поход вместе с Олегом шли дулебы, которые, замечает вскользь летописец, были в те времена переводчиками (ибо они жили на путях из Византии и Болгарии на Русь). А. С. Стрижак считает, что этимологически «толковины» не могут происходить от слова «толока» (в противном случае был бы «то-локовин» или «толочанин»). [Стрижак О. С. Тиверш // Мовознавство. КиУв, 1969. С. 48; ср.: Хынку И. Г. К вопросу о расселении тиверцев и уличей в Поднестровье // Юго-Восточная Европа в Средние века. Кишинев, 1972. Т. 1. С. 167.]

Все эти трудности заставили некоторых ученых пойти по иному пути. Они отмечали инородный характер слова «тльковины» в Слове. Так, А. С. Орлов писал, что это слово «представляет собой искаженное слово „тлькование“, которое с полей рукописи ошибочно переписано в текст. Эта маргинальная заметка писца первоначально относилась к толкованию Святослава сна боярами». [Орлов. Слово. С. 116.] В этом объяснении неясно только, как это слово «тлькование» удивительным образом превратилось в «тльковины», совпадающее с летописным термином. Ближе к истине, на наш взгляд, А. Потебня. Он считал, что слово «тльковины» в Игореу песнь «внесено книжником, который взял это слово из летописи, принявши его за название народа». [Потебня. Слово. С. 90.] Книжником, на наш взгляд, был сам автор Песни, писавший в то время, когда смысл слова «тльковины» уже забылся.

Или вот еще один пример. Ярославна в обращении к ветру называет его «ветрилом». Но в Древней Руси это слово означало «парус» и ни разу прямо не отождествлялось с «ветром». [Срезневский. Материалы. Т. 1. Стб. 497–498; Словарь-справочник. Вып. 1. С. 112–113. «Переносное» значение термина «ветрило» в конечном счете возводится к «парусу».] Этого автор Игореу песни не знал, а поэтому допустил ошибку.

Слово «обаполы» («обаполь») в древнерусском языке означало «с обеих сторон, по обе стороны». [Срезневский. Материалы. Т. 2. Стб. 499, 1145; Перетц. Слово. С. 147.] Встречается оно в Ипатьевской летописи (1148, 1151, 1256 гг.) и в других памятниках. Но оно всегда употреблялось в связи с конкретным предметом (например, «обаполы земля», «обаполы Волги», «обаполы дороги»). В живом русском языке это слово употреблялось в значении «около», «кругом» («обаполы яруги», «обаполы маяво двора»). [Даль. Толковый словарь. Т. 2. С. 566.] «Обаполи» по-украински означает «по обеим сторонам» («аж обаполи луна розлягається» [Гринченко. Словарь. Т. 3. С. 1.]). Выражение «обаполы сего времени» можно толковать как будущее и прошлое. [Слово-1950. С. 55, 384.] Но все равно слово «обаполы» употреблено в совершенно необычном контексте, который неизвестен русскому языку. Это наводит на мысль, что перед нами искусственное «удревнение» текста за счет «старых словес» (в данном случае взято, скорее всего, из Ипатьевской летописи). [О связи Слова о полку Игореу с Ипатьевской летописью см. главу III.]

Итак, используя летописный текст для извлечения оттуда «старых словес», автор Слова о полку Игореу не всегда разбирался в их истинном значении, отчего они иногда встречаются в его произведении в неправильных сочетаниях.

Обратных случаев найти не удастся. Неубедительны и поиски Д. С. Лихачева. Так, он пишет: «Автор XVIII века, оказывается, хорошо знал и изменение отдельных значений слов. Так, например, слово „хоругвь“ из военного знамени уже в XVI веке, а может быть и

раньше, стало означать „церковное знамя“, но в „Слове“ оно правильно употреблено как знамя военное. Утратилось в XVIII веке и значение слова „полк“ как похода, слова „стяг“ как войсковой части».[Лихачев. Когда было написано «Слово»? С. 149.] Но даже в «Поединке» Куприна юнкера знали, что «знамя есть священная воинская хоругвь». [Куприн А. И. Собр. соч.: В 9 т. М., 1964. Т. 4. С. 113. Ср.: Даль. Толковый словарь. Т. 4. С. 562.] В XVIII в. действительно «утратилось... значение слова „полк“ как похода». [Лихачев. Когда было написано «Слово»? С. 149.] Но оно есть в Задонщине в сходном контексте («Поведати... о полку князя Дмитрея». И1 и др.).

В церковнославянском языке бытовали слова «шестокрылци», [Ср. «шестикрылый серафим» в пушкинском «Пророке». Термин «шестокрылец» — переводной с греческого. В древнерусской литературе «шестокрил», «шестокрылатый» и другие применяются исключительно к серафимам (Срезневский. Материалы. Т. 3. Стб. 1589) и только в новогреческом *ξεφτέρι* означал в переносном смысле энергичного человека (Соловьев. Восемь заметок. С. 371). Интересно, что единственный случай употребления «шестокрылец» находим в Изборнике 1076 г., который в 1790 г. поступил к Екатерине II. В летописной повести о Мамаевом побоище упоминается «серафимь-ское шестокрыльное служение» (Повести. С. 34).] «паполома» (к тому же ее не «одевают» (как в Слове), а кладут под человека или на него), [Адрианова-Перетц. «Слово» и памятники. С. 127.] по С. Гординскому, это слово бытовало у карпатских лемков, [Гординский Св. Слово о полку Игореві і українська народна поезія. Вінніпег, 1963. С. 39–40.] «Осмомысл» (грешник), [Как показал П. В. Булычев, прозвище «Осмомысл» навеяно Словом Евагрия «О осьми мыслех» (греховных), но это Слово встречается только в списках второй половины XIII в. (Булычев П. В. Что значит эпитет «осмомысль» в «Слове о полку Игореве»? // Русский исторический журнал. Пг., 1922. Кн. 8. С. 3–7). Менее удачно толкование Ф. Покровского. Он считает, что «Осмомысл» имеет в виду перечисленные в Слове 8 забот князя Ярослава (Покровский Ф. Ярослав «Осмомысл» // Сб. статей в честь академика Алексея Ивановича Соболевского. Л., 1928. С. 199–202). Так, первую «мысль» Покровский видит в словах «подперь горы Угорскыи своими железными плъки», вторую — в словах «заступивь королеви путь». Но обе фразы Слова составляют единое целое и расчленить их нельзя: Ярослав «подперь» горы, чем и преградил путь королю. Чисто внешне напоминает эпитет «Осмомысл» имя Августа «Октавиан» (Ржигза В. Ярослав Осмомисл в «Слові о полку Ігоревім» // Науковий збірник за рік 1926. Київ, 1926. Т. 21. С. 34–37 (Зап. Укр. наук, т-ва в Київі); Словарь-справочник. Вып. 4. С. 35–39).] «тресветлы» (ср. «треблаженный»), [Эпитет «тресветлый» связан с догматом троичности христианского божества. См.: Болдур А. Ярославна и русское двоеверие в «Слове о полку Игореве» // РЛ. 1964. № 1. С. 84–86; Адрианова-Перетц В. Об эпитете «тресветлый» в «Слове о полку Игореве» // Там же. С. 86–87. Выражение «три-светлаго слънца» встречается в одном церковном памятнике XV в. (Лихачев Д. С. «Тресвѣтлое солнце» Плача Ярославны // ТОДРЛ. Л., 1969. Т. 24. С. 409).] часто в церковной литературе встречаются: «чадо» (сын), «похоть» (в Задонщине «желание»), «жизнь», «напасть» (вместо «беда») и «истягну» (испытаю). Термин «песнотворец» как слагатель песен (ср. также «пѣснь творити» в Слове) встречается в текстах XVII–XVIII вв. «Песнотворец» у Кирилла Туровского, [«Яко же историци и ветия, рекше летописцы и песнотворци, прикланяють своя слухи в бывшая межю цесари рати и възпѣчания, да украсятъ словесы и възвеличатъ мужьствовавшая крепко по своему цесари и не давших в брани плещю врагом, и тех славяще похвалами венчаютъ» (Еремин И. П. Литературное наследие Кирилла Туровского // ТОДРЛ. М.; Л., 1958. Т. 15. С. 344).] по мнению И. П. Еремина, означал «оратора». [Еремин И. П. «Слово о полку Игореве» как памятник политического красноречия Киевской Руси // Слово. Сб.-1950. С. 94.] «Притрепетный» отмечено в Академическом словаре 1847 г. с указанием — «церк.». [Словарь-справочник. Вып. 4. С. 209–210.] Значительный пласт слов встречается только в памятниках начиная с XV в., а иногда только известен фольклору или вовсе встречается лишь в Игоровой песни. [Среди других слов это: «буйство» (в значении «смелость»),

«всрожать», «грязивым», «давеча», «дотечаше», «зарание», «засапужниками» (ср.: Опыт. С. 66), «иноходец», «карна», «кикахуть», «припѣвка» (ср.: Дополнение к «Опыту областного великорусского словаря». С. 214), «притрепать», «путины» (в Задонщине — «опутины»), «ущекотать», «чаицы», «чернядь» и др. Г. Н. Белозерцев обратил внимание, что в памятниках XI–XIV вв. встречается глагол «излити», «излияти». «Единственный пример с приставкой „вы“, — пишет он, — ...относится к Слову о полку Игореве» (Белозерцев Г. Н. Соотношение глагольных образований с приставками «вы-» и «из-» выделительного значения в древнерусских памятниках XI–XIV вв. // Исследования по исторической лексикологии древнерусского языка. М., 1964. С. 188). Глагол «въврьжеся» употребляется в памятниках с предлогом «в», а не «на», «побарая» — с предлогом «за», а не «по». В Слове есть форма «прегородиша» (наряду с «преградиша»), в сходном месте Задонщины — «огородиша». По этому поводу И. С. Улуханов пишет, что «других фиксаций этого, по-видимому, позднего глагола, в котором сочетаются русские и старославянские морфемы, не известно» (Улуханов И. С. Славянизмы и народно-разговорные слова в памятниках древнерусского языка XI–XIV вв. // Исследования по словообразованию и лексикологии древнерусского языка. М., 1969. С. 177). Ср.: только «прегради» в списке XIII–XIV вв. Хроники Георгия Амартола (Словарь-справочник. Вып. 4. С. 183). Автор склонен считать, что в предшествующих списках могло стоять «перегородити» или «преградити». Но можно полагать, что никаких «предшествующих» (древних) списков не было и перед нами свидетельство позднего происхождения самого памятника. О глаголах с приставками «вз-», «воз-», «по-», «при-» см.: Евгеньева А. П. «Слово о полку Игореве» и русский литературный язык старшего периода // Пути изучения древнерусской литературы и письменности. Л., 1970. С. 31–42.] К числу гапаксов Игоревой песни принадлежит «кнѣсь» («дѣськы безъ кнѣса»). Большинство исследователей видит в этом слове название верхнего бревна крыши, связывая его с фольклорным «князек». [Подробнее см.: Алексеев М. П. К «Сну Святослава» в «Слове о полку Игореве» // Слово. Сб.- 1950. С. 226–248; Адрианова-Перетц. «Слово» и памятники. С. 128–129; Словарь-справочник. Вып. 2. С. 191. П. Я. Черных, а вслед за ним О. Трубачев видят в «кнѣсе» слово с неясным значением, которое, судя по употреблению, «можно толковать и как названия кушания» (Фасмер. Этимологический словарь. Т. 2. С. 262). П. Я. Черных производит его от греческого κνῖσα, а также от украинского и вологодского «книш», понимая «дѣськы» как «блюдо» (Гринченко. Словарь. Т. 2. С. 257; Даль. Толковый словарь. Т. 2. С. 125; Черных П. Я. Очерк русской исторической лексикологии. М., 1956. С. 173).] В сходном со Словом контексте упоминается понятие «князи» в библейских текстах: «отверзите князи» (Ис. 13: 2) и «возьмите врата князи ваша» (Пс. 23: 7 и 9). [Есть уже в Симоновской псалтыри (до 1280 г. См.: Алексеев М. П. К «Сну Святослава»... С. 232). В. Кипарский считает форму «кнѣс» или испорченной, или производной от немецкого Fürst или First (Kiparsky V. Russ, князь 'Fürst' und 'First' // Scando-Slavica. Copenhagen, 1964. Т. 10. Р. 102, ЮЗ). Не подтверждается русскими источниками этимология Р. Якобсона от праславянского корня «кън» (бревно). См.: La Geste. Р. 261.] В светских же памятниках слово «князь» в сходном значении упоминается впервые в 1626 г. («на поясное ж бревно и на князь»). [Забелин И. Е. Домашний быт русских царей. М., 1895. С. 585.] В Слове о полку Игореве есть очень редкий термин «стружие» (древко копья). Во всяком случае в сохранившихся памятниках XII в. древко копья называлось не стружием, а «оскепищем». [«Сулицы его кроваве сущи и оскепищу исечену от даренья мечеваго» (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 768, 1231 г., ср. под 1229 г.). См. также: Арциховский А. В. Русское оружие X–XIII вв. // Доклады и сообщения исторического факультета МГУ. М., 1946. Вып. 4. С. 9–11.] Нет в памятниках и термина «засапужники» Слова. [Встречается только в диалектах (Виноградова В. Л. Сравнительный анализ лексики «Слова о полку Игореве» и «Задонщины». М., 1953. Рукопись канд. дис. С. 205).] То же относится к терминам «многовои», [Словарь-справочник. Вып. 3. С. 99.] «бусый» (серый), «наriskать» (до XVII–XVIII вв.), [Словарь-справочник. Вып. 3. С. 145.] «лада» (до XVII в.). [Зато И. Н. Болтин

отмечал, что «слово ладо употребляется в переносном смысле вместо мужа» (Болтин И. Н. Примечания на Историю древняя и нынешняя России г. Леклерка. СПб., 1788. Т. 1. С. 111).] Сочетание «думу думати» и термин «терем златоверхий» встречаются лишь в XVI–XVII вв. и в фольклоре, [Виноградова В. Л. Сравнительный анализ... С. 254; Словарь-справочник. Вып. 2. С. 55.] а «сабель каленых» вовсе нет. «Копье преломити» находим только у Ивана Пересветова. «Мыто» до XV–XVI вв. в источниках нет. [Словарь-справочник. Вып. 3. С. 127–128.] Выражения «не смыслят мыслями своими» и «наниче» упоминаются лишь в рукописях XIV в., [Виноградова В. Л. Сравнительный анализ... С. 274; Словарь-справочник. Вып. 3. С. 139–140.] а «каленные стрелы», кроме Задонщины, — только в памятниках XVII в. и в фольклоре. «Тропа», по данным И. И. Срезневского, встречается лишь в документе 1530 г. [Срезневский. Материалы. Т. 3. Стб. 1002.] Глаголы «лелеять» (без приставки) и «доткися» первый раз встречаются в рукописях XVII в. [Адрианова-Перетц. Фразеология и лексика. С. 38.] С конца XIV в. упоминается «бела» (если не считать, что она была в более ранних летописях). «Припѣшена птица» — только в Пчеле по списку XV в. [Словарь-справочник. Вып. 4. С. 206.] Все это не означает, что гапаксы Слова появились только в XIV в. и более позднее время. Некоторые из них не могли существовать ранее. Важнее, что гапаксы Слова не могут быть использованы для ранней датировки Игровой песни.

Таким образом, лексический разбор памятника не дает оснований относить его к концу XII в. и говорит скорее в пользу более поздней датировки. Отсутствие явных следов лексики XVIII в. не случайно: ведь автор сознательно ставил перед собой цель написать Песнь «старыми словесы». Источником этих «словес» были Ипатьевская летопись, Задонщина и церковно-богослужебные книги. Так как в словарном составе памятника обнаруживается известный слой терминов церковного происхождения, то отсутствие следов особенностей светского языка XVIII в. может быть объяснено также тем, что автор принадлежал к духовной среде. Наличие украинизмов, белорусизмов и полонизмов выдает нам выходца из Украины или Белоруссии.

Дело, конечно, не в отдельных украинизмах или словах позднего происхождения, а во всем лексическом строе Слова о полку Игоре. Важно прежде всего то решающее обстоятельство, что в Игровой песни нет слов, которые бы не бытовали в позднее время вплоть до XVIII в. или не встречались бы в известных автору Слова памятниках. Архаизмов, которые можно было бы обнаружить в какой-либо другой древней рукописи при отсутствии их в более поздних памятниках, в Слове о полку Игоре не найдено. Словообразовательные качества славянизмов Слова не дают надежной опоры для утверждения, что оно должно было возникнуть в XII или XIII вв.

Эти наблюдения могут быть подкреплены анализом грамматической структуры памятника. В морфологии, как и в лексике, мы обнаруживаем явления церковнославянского языка, который был известен как в XII, так и в XVIII вв. По мнению Л. П. Якубинского, ряд церковнославянских элементов «был присущ и первооригиналу» памятника. В их числе три группы: 1) церковнославянизмы, бытовавшие в разговорном языке (время, пред, чрез); 2) церковнославянские слова, стилистически или семантически отличные от соответствующих древнерусских (брань, глава); 3) церковнославянизмы, сосуществующие с русскими в языке, для придания повествованию торжественности (злато, храбрый, млад). [Якубинский Л. П. История древнерусского языка. М., 1953. С. 325.] Но ведь наличие церковнославянизмов в языке Слова можно с той же степенью убедительности объяснить и иначе: автор, живший в конце XVIII в., хорошо знал норму церковнославянского языка и намеренно стилизовал под него свое произведение. [Л. П. Якубинский подметил также, что церковнославянизмы Слова в ряде случаев выступают как средство звуковой выразительности поэмы (Якубинский Л. П. История древнерусского языка. С. 326).]

Так, флексия «аго» [По мнению А. Н. Котляренко, употребление флексии «аго» «легко объясняется сознательным стремлением придерживаться церковнославянской

формы склонения» (Котляренко А. Н. «Задонщина» как памятник русского языка конца XIV в.//Учен. зап. ЛГПИ. Л., 1956. Т. 15. Ф-т языка и литературы. Вып. 4. С. 152). Позднее, как мы увидим далее, А. Н. Котляренко охотно привлекал флексию «аго» для доказательства древности Слова.] и двойственное число[На 47 случаев правильного употребления двойственного числа мы насчитываем не 9, как А. В. Исаченко (см. его статью: Двойственное число в «Слове о полку Игореве» // Заметки к Слову о полку Игореве. Белград, 1941. Вып. 2. С. 38), а более 20 случаев неправильного, что говорит о недостаточном знании автором Слова этой морфологической особенности церковнославянского языка. Вот эти случаи: «тии бо два», «убуди» на с. 21; «два солнца», «съ нимъ», «подасть» на с. 25; «одождѣте», «пролияте», «храбрая сердца... скована... закалена», «створисте» на с. 26; «рекосте», «мужаймѣся», трижды «сами» на с. 27; «злачеными шеломы», «плаваша» на с. 29; «вась» на с. 31. О двойственном числе в Слове см. также: Bida C. Linguistic Aspects of the Controversy over the Authenticity of the Tale of Igor's Campaign//Canadian Slavonic Papers. Toronto, 1956. Т. 1. Р. 80.] могут быть выводимы и не из практики живого языка XII в., а из особенностей церковнославянской морфологии, которой пользовался автор Слова о полку Игореве.[А чтение «Вльзѣ», как полагает Н. И. Толстой, — след распространения гиперцерковнославянизма, характерного для норм, возникших уже после второго южнославянского влияния.] Двойственное число отлично известно «Грамматике» Мелетия Смотрицкого. А как известно, «целые поколения русских образованных людей учились по Грамматике Смотрицкого».[Исаченко А. В. Двойственное число... С. 45. Споря с тезисом о близости грамматического строя Слова и Мелетия Смотрицкого, Ф. П. Филин говорит, что позднему церковнославянскому языку свойственны «неполногласные формы, сочетания жд, шт(щ)», а в Слове «картина... совершенно иная» (Рыбаков, Кузьмина, Филин. Старые мысли. С. 171). Но он, к сожалению, не обратил внимания, что в Слове есть аналогичные явления: прихождаху, вижду.]

К тому же двойственное число часто встречается в Ипатьевской летописи. Так, под 1185 г. находим: «посласта», «идяста», «пойдоста», «роспустяста». Из форм Слова там находим «ваю», «вѣ», «наю» (1170 г.), «рекоста» (1071 г.).[Ошибочное употребление множественного числа вместо двойственного в Слове иногда объясняется следованием его источнику. Например, «два солнца» (так в Задонщине), «мужаймѣся» (Ипатьевская летопись под 1068 г.).] Так что автор этого произведения имел перед собою в этом отношении образец, которому он следовал, причем часто с ошибками.

Так, обращаясь к Рюрику и Давыду, автор Слова говорит: «не ваю ли злачеными шеломы по крови плаваша? Не ваю ли храбрая дружина рыкають акы тури».

В. Н. Перетц, а за ним Д. С. Лихачев, вставляет слово «вой» («не ваю ли вой»). Но рядовые «вой» золоченых шлемов не носили. При этом все равно местоимение двойственного числа в обоих случаях дано неверно. Автор недостаточно разобрался в склонении местоимений, используя форму «ваю» в обоих случаях в смысле «ваши» (надо: «злаченые» вместо «злачеными»). Он к тому же употреблял личное местоимение в значении притяжательного. Это тоже странно. В общем, картина примерно та же, что мы наблюдали выше, разбирая характер ошибок, допущенных автором Слова при использовании лексики Ипатьевской летописи.

А. В. Исаченко удивляется, что в Слове почти не встречается форм двойственного числа из рассказа Лаврентьевской летописи о походе Игоря на половцев. В частности, там находим ошибочное «их» вместо правильного «ею» летописи.

Но основным источником сведений Игоревой песни было повествование не Лаврентьевской, а Ипатьевской летописи, где этой формы в рассказе 1185 г. мы не находим.

Недавно В. Ташицкий обратил внимание на появление элемента «л» перед суффиксом «ичь» в патронимических формах Слова[Taszycki W. 1) Les formes patronymiques insolites dans le Slovo d'Igor//RES. 1959. Т. 36. Р. 28; 2) Niezwykłe formy

patronymiczne w Słowo o wyprawie Igora//Onomastyca. Wrocław; Kraków, 1960. Roczn. 6. Zesz. 10–11. S. 193–200. Ср.: Якобсон Р. О морфологическом составе древнерусских отчеств // Jakobson. Selected Writings. P. 520–527.] (Святославлич, Вячеславлич). Нагромождение этих форм, по его мнению, выдавало автора, намеренно архаизирующего свой язык (ибо в Повести временных лет по Лаврентьевскому списку 1377 г. эта форма уже почти не встречается). Возражая Ташицкому,

А. В. Соловьев справедливо указал, что форма на «славлич» встречается довольно часто в Ипатьевской летописи (40 случаев).[Соловьев А. В. Русичи и русовичи. С. 295–296.] Это наблюдение А. В. Соловьева подтверждает то, что составитель Слова хорошо знал языковой строй Ипатьевской летописи. Форма на «влич» встречается в Слове 11 раз: «Святъславлич» (9 раз), «Вячеславлич» и «Гориславлич». Но «Святославлича» мы находим в Ипатьевской летописи именно под 1185 г. По этому образцу сделаны и последние два случая.[В Новгородской 1 летописи, очевидно, стояло «Гориславлич» (см. под 1232 и 1240 гг.).]

В формах существительных Слова о полку Игореве мы обнаруживаем очень много поздних явлений. Новая флексия (взята из слов с основой на — и) характерна для существительных с окончанием на — о в родительном падеже ед. ч. (например, «Дону», «плъку» и др.).[Обнорский. Очерки. С. 150. Форма «Лукуморя» (вместо «Лукиморя»), по мнению О. В. Творогова, просто ошибочна (Слово-1967. С. 496).] В Слове, как правило, встречаются сравнительно поздние формы существительных на — и род. ед., им. и вин. мн. ч. женского рода и вин. мн. ч. мужского рода (галици, вежи и др.). Старое русское падежное окончание на — ѣ у существительных со смягченным согласным в исходе представлено только двумя случаями: «дѣвице» (род. ед.) и «усобицѣ» (вин. мн.).[Обнорский. Очерки. С. 152.] В Слове упоминаются «първыхъ временъ усобицѣ», а затем по летописи поединок Редеди с Мстиславом, известным летописи. Как известно, в летописи рассказ о «первых временах» Древней Руси начинается с картины взимания дани варягами и хазарами, изгнания варягов славянами, которые «почаша сами в собѣ володѣти... и быша усобицѣ в них».[ПСРЛ. Т. 2. Стб. 14.] Летописное «усобицѣ» совпадает с формой Слова о полку Игореве. Кстати, именно из этого летописного фрагмента взято в Слово сообщение о платеже дани «по бѣлѣ... от дыма». Впрочем, окончание на — ѣ может быть также украинизмом, характерным для языка автора Игоровой песни. Прилагательные в Слове в род. ед. ч., им. и вин. мн. ч. женского и род. и вин. мн. ч. мужского рода даются с окончанием на — я, т. е. по славянским нормам[См.: Обнорский. Очерки. С. 152.] (принятым, кстати, и в литературе XVIII в.), но отличающимся от норм, принятых для существительных. Это расхождение в нормах также не свойственно для древнерусского языка.

Из изолированных фактов архаических форм Слова С. П. Обнорский приводит существительные «пустыни» им. ед. ч. и «дни» род. ед. ч.[См.: Обнорский. Очерки. С. 155.] Однако первый случай, возможно, является опiskeй, происшедшей ввиду сходства букв «и» и «я» в скорописи XVIII в.[Об этом см. также главы III, VII.] Форма же «другаго дни» близка к обычным народным и книжным оборотам.[Барсов. Слово. Т. 3. С. 193.]

Разбирая выражение «врѣху древа», Н. М. Дылевский писал, что форма «врѣху» в сочетании с генитивом воспроизводит старославянскую конструкцию. Он считает, что эту форму, бытующую в древнерусской письменности, никакой автор XVIII в. повторить бы не смог.[Дылевский Н. М. Заметки к «Слову о полку Игореве» // Известия на Института за български език. София, 1968. Кн. 16. С. 269–279.] Это заблуждение, ибо подобная форма была не только широко бытовавшей в Древней Руси, но и хорошо известной в Библии.[Ср. «возложи его на жертвенник верху дров» (Быт. 22: 9), «ношашеся ковчег верху воды» (Быт. 7: 18), «возложиша верху главы его» (Мф. 27: 37), «верху горы стоя» (Мф. 5: 14).] Отсюда то ее и мог почерпнуть составитель Игоровой песни.

В Слове можно найти книжный тип склонения существительных с основой на — ес-: «на небесѣ», «старыми словесы», однако «тѣла», «тѣлу», «тѣлѣ».[Обнорский. Очерки.

С. 155.] На подобную книжную норму на примере «слово» дает Мелетий Смотрицкий, предлагая «тѣло» склонять по второму склонению.[Смотрицкий. Грамматика, л. 108 об., 116–116 об.] Замена окончания «и» на «ѣ» в слове «небесѣ» могло объясняться и особенностями украинской орфографии.

В Слове обнаруживается устойчивость звательной формы существительных («О Руская земле», «Великий княже Всеволоде» и др.).[Исключение «Инъгварь и Всеволодъ и вси три Мстиславичи».] Эта форма чрезвычайно распространена и в поздней (XVII–XVIII вв.) литературе, как русской, так и украинской.

В слове «шеломя», как установил С. П. Обнорский, мы встречаемся с суффиксальным элементом вторичного происхождения (-ян-, а не — ен-, ср. «шеломянем»). Это также явление позднее, которое С. П. Обнорский стремился «нейтрализовать» ссылкой на то, что оно «могло содержаться в промежуточном списке».[Обнорский. Очерки. С. 155.] Надо сказать, что от гипотезы С. П. Обнорского о промежуточных списках Слова постепенно отказываются даже сторонники раннего происхождения памятника.[Панъкевич И. Два вопроса, связанные с дискуссией про Слово о полку Игореве // *Slavia*. 1956. Roč. 25. Seš. 1. S. 60–62.] Другой суффикс — ядь (-адъ), встречающийся в Слове («чернядь»), хорошо известен живому украинскому языку.[Виноградова В. Л. «Слово о полку Игореве» и «Задонщина» по некоторым данным морфологии // *Слово*. Сб.-1962. С. 256, 260, 262.]

«Нового типа образование» находит С. П. Обнорский и в существительном «стремень»: [С. П. Обнорский считает эту форму слова «стремень» образованием нового типа, диалектного происхождения, попавшим в Слово под пером «последнего его переписчика» (Обнорский. Очерки. С.155.) «въступи въ златъ стремень» (в Задонщине — «стремя»), «ступаетъ въ златъ стремень», «вступита... въ злата стремень». Для автора Игоревой песни «стремень» — слово мужского рода. Отсюда и грубые ошибки в согласовании с прилагательными, и ошибочная форма двойственного числа.[С. П. Обнорский говорит в данном случае о «порченном контексте» Слова.] Примеры с употреблением у прилагательных и местоимений форм именительного падежа мн. числа мужского рода в функции женского рода (например, «они же сами княземъ славу рокотаху», «страны ради, гради весели») С. П. Обнорский также считает унаследованными «от промежуточного списка памятника».[Обнорский. Очерки. С. 154.]

С. П. Обнорский отмечает также «архаические образования форм дательного, творительного, местного падежей мн. числа (с отсутствием новых форм на — амь, — ами, — ахъ). Впрочем, здесь неясна форма тв. мн. цепи («молотять цепи харалужными») вместо „цепьми“».[Обнорский. Очерки. С. 154–155.] Однако в данном случае мы можем иметь дело не просто с «архаическими образованиями», а с нормами церковнославянского языка. Новую морфологическую структуру можно обнаружить в прилагательном «каменный» (вм. «камянъ»), в род. мн. ч. «князей» (вм. «князь»).[Обнорский. Очерки. С. 165, 169.] В местоимениях 2-го лица и возвратных абсолютно преобладание дательного и местного ед. ч. с гласным е, а не о в корне (тебѣ, себѣ). В этом также С. П. Обнорский усматривает «позднейшее наслоение».[Обнорский. Очерки. С. 157.]

В. Н. Новопокровская обратила наше внимание на то, что в Слове уже начинает распространяться род. — вин. мн. ч. на представителей животного мира: «птичь убуди», «пасет птицъ». Это явление очень позднее. П. С. Кузнецов пишет: «Еще позднее род. — вин. мн. ч. распространяется на название животных. Примеры, свидетельствующие об этом, представлены в памятниках лишь с XVII в. Ср.: „и оу той привады птицъ прикормить... и птицъ от той привады отгонить (Улож. Алекс. Мих., гл. X, 216)“».[Борковский В. И., Кузнецов П. С. Историческая грамматика русского языка. М., 1963. С. 210. Поэтому заблуждается А. Н. Котляренко, считающий, что в Слове «для названий животных употребляется лишь форма винительного падежа» (Котляренко. Сравнительный анализ. С. 165).]

С. П. Обнорский считает употребление у существительных среднего рода в вин. мн. ч. флексии — ы- («забра́лы», «озе́ры», «обла́кы» Ек.) «диалектным явлением, отраженным последним писцом памятника». Но он сам же отмечает, что «формы приведенного типа широко известны в современном диалектном употреблении».[Обнорский. Очерки. С. 155.] В другой работе он даже указывал «слабое проявление форм на — ы, — и до Петровской эпохи».[Обнорский С. П. Именное склонение в современном русском языке. Л., 1931. Вып. 2. С. 125.] Перед нами, следовательно, явление сравнительно позднее. Связывать его преимущественно с Новгородом, как это делает С. П. Обнорский, просто невозможно.

Отмеченный Н. М. Дылевским факт палатализации заднеязычных согласных в «исходе слов»[Дылевский Н. М. Лексические и грамматические свидетельства... С. 226.] известен для многих аналогичных случаев Ипатьевской летописи: «по Волзѣ» (1024, 1071 гг.), «на Немизѣ» (1067 г.), «на рѣцѣ» (1185 г.), «по Ользѣ» (913 г.), «луци» (1184 г.), «волци» (1097 г.), «полци» (1185 г.). И в данном случае книжная традиция (хорошо известная переписчикам XVIII в. и книжникам XVII в.) соприкасается с явлениями, встречающимися в современном белорусском языке.[См. также: Смотрицкий. Грамматика, л. 109, 110, 120 и др.] Из 13 форм притяжательных прилагательных со смягченным согласным основы, как установил Н. М. Дылевский, 8 находят соответствие в летописи и только «Боянь», «Троянь», «Стрибожь», «Дажьбожь» и «пардужь» там не встречаются, хотя и Стрибог, и Дажьбог, и пардус могли быть взяты из летописи.[Дылевский Н. М. Лексические и грамматические свидетельства... С. 230.]

Н. М. Дылевский подметил, что в Слове встречаются 8 случаев дат. падежа ед. ч. имен лиц и собственных имен мужского рода с флексией — ови. Он же отметил, что подобными формами насыщена Ипатьевская летопись, в отличие от Лаврентьевской.[Н. М. Дылевский пишет, что «наиболее насыщенную такими формами Ипатьевскую летопись, как источник возможного воздействия, мы должны отбросить, так как на ее присутствие в творческой лаборатории мнимого подделывателя скептики не предъявляют претензий» (Там же. С. 223). Как мы видим, Н. М. Дылевский отвергает возможность воздействия летописи на Слово лишь на том основании, что об этом «скептики» не писали. Основание, как мы могли убедиться, более чем недостаточное.] Именно там, кстати сказать, и находим «королеви» (1188 г.), «Игореви» (1185 г.), «Романови» (1188 г.), «по Дунаеви», т. е. половину случаев, известных Слову. Окончание на — ови встречается также в украинском, белорусском и польском языках. Знает его и «Грамматика» Мелетия Смотрицкого.[Смотрицкий. Грамматика, л. 118.]

В пользу первичности Слова, по мнению А. Н. Котляренко, говорит часто употребляемая форма дательного принадлежности.[Котляренко. Сравнительный анализ. С. 160–161.] Но эта синтаксическая конструкция хорошо известна старославянскому языку вплоть до XVIII в.[Ломтев Т. П. Очерки по историческому синтаксису русского языка. М., 1950. С. 438–439.] Зато в древних грамотах она встречается крайне редко, а в берестяных грамотах и вовсе отсутствует.[Борковский В. И., Кузнецов П. С. Историческая грамматика русского языка. С. 431; Борковский В. И. Синтаксис древнерусских грамот. Львов, 1949. С. 362.]

В Слове последовательно отсутствует связка «есть» при перфекте в 3-м лице, но дважды сохранена во 2-м лице («пробиль еси... лелеаль еси»). Оба случая находятся в одном фрагменте, причем первый восходит, на наш взгляд, непосредственно к Задонщине. Связку «еси» при отсутствии связки «есть» знает Мелетий Смотрицкий.[Смотрицкий. Грамматика, л. 252.]

Среди ошибочных форм в Слове О. В. Творогов отмечает «пардуже» вместо «пардуше».[Слово-1967. С. 502. Ср.: Фасмер. Этимологический словарь. Т. 3. С. 206.]

Интересно упоминание настоящего исторического несовершенного вида. Исследователи считают, что «если среди памятников повествовательного характера XII–XIV вв. очень трудно найти произведения, содержащие н<астоящее> и<сторическое>, но таких произведений становится больше в XV–XVI вв. и еще больше в XVII–XVIII вв.».

Однако в Слове «н. и. составляет больше трети всех временных форм в повествовательных частях». Много этих форм и в списке К-Б Задонщины.[Бондарко А. В. Настоящее историческое глаголов несовершенного и совершенного видов в языке русских памятников XV–XVII вв.//Учен. зап. ЛГПИ. Л., 1958. Т. 173. С. 69.] Это обстоятельство также не свидетельствует в пользу древности Игоровой песни, а скорее говорит о ее позднем происхождении.

Подводя итоги разбора морфологии Слова о полку Игореве, можно убедиться, что Ф. П. Филин ошибается, обнаруживая в нем «органическое совпадение его грамматических норм с хорошо известными нам нормами древнерусского языка раннего времени». На самом же деле эти нормы совпадают с нормами позднего церковнославянского языка, да и то с массой отклонений. Игорева песнь вполне укладывается в состав тех книг, написанных на позднем церковно-славянском языке, в которых, по словам Ф. П. Филина, было «много ошибок, отступлений от древних норм».[Рыбаков, Кузьмина, Филин. Старые мысли. С. 171.]

Не свидетельствует о древности Слова и его синтаксис.[См. также: Тарпанов З. К. Синтаксис «Слова»//Энциклопедия. Т. 4. С. 293–296.]

Изучая Слово о полку Игореве, М. Петерсон установил, что синтаксис этого памятника — это синтаксис «литературного языка, имеющего за собой довольно длительную историю, которая еще не исследована. Особенно ясно об этом свидетельствует сложность строения предложений». Синтаксис Слова и летописи, считает М. Петерсон, в «некоторых отношениях представляют разные стадии развития». Сравнительно с синтаксисом крестьянского языка он «носит черты большей искусственности».[Петерсон М. Синтаксис «Слова о полку Игореве»//Slavia. 1937. Roč. XIV. Seš. 4. S. 592.] Исчезнувший сравнительно рано в письменных памятниках генитив при глаголе, обозначающем оттачивание (ср. в Слове «поостри сердца своего»), по наблюдению Р. О. Якобсона, отлично сохранился в великорусских и украинских говорах.[La Geste. P. 267. В списке И1 Задонщины встречается винительный падеж: князя Дмитрий и Владимир «поостриша сердца своя». Трудно сказать, как читался данный текст в списке, которым пользовался автор Слова. Возможно, при глаголе «поостри» (так в наиболее близком к Слову списке С) стояло «сердце» (так И1, У). Эту же форму знает «Грамматика» Смотрицкого (см. главу И).]

Некоторые особенности синтаксиса Слова, отсутствующие в современном русском языке, как показал Р. О. Якобсон, имеют аналогию также в польском языке.[La Geste. P. 265–267.] Так, сказуемое в отрицательной форме («не лѣпо... бѣшетъ начати») требует родительного падежа для зависимого от него слова («повѣстий»), управляемого инфинитивом («начати»).

Еще С. П. Обнорский отметил, что в Слове с собирательным «дружина» как подлежащим глагол-сказуемое согласуется во множественном числе («дружина рыкають»).[Обнорский. Очерки. С. 164.] Ту же норму синтаксических явлений находим и в Ипатьевской летописи как раз в рассказе 1185 г. («рекоша дружина», ср. «погнаша дружина» под 1156 г. и др.). Слово «дружина» принадлежит к числу тех, которые в летописном повествовании встречаются довольно часто. Поэтому с согласованием этого слова с глаголом-сказуемым автор Песни был хорошо знаком по летописному источнику.

«Позднейшая стадия развития русского языка», по мнению С. П. Обнорского, обнаруживается в Слове в том, что «прямой объект от одушевленных имен существительных в единственном числе выдержанно выражается в памятнике не винительным, а родительным падежом» (например, «Бориса Вячеславича»).[Обнорский. Очерки. С. 164.] Общее значительное преобладание членных форм прилагательных (106 слов) над образованиями нечленными (41 слово), употребление членных форм в тех случаях, где следовало бы ожидать нечленных, — все это также говорит о поздних элементах синтаксиса Слова.[Обнорский. Очерки. С. 170.]

В работе по значению функций союза «а» в древнерусском языке И. А. Попова пришла к выводу, что в Слове о полку Игореве можно обнаружить довольно стройную систему значения этого союза «с одной стороны, очень близкую к современной, с другой — отражающую глубокую древность».[Попова И. А. Значение и функции союза «а» в древнерусском языке. Рукопись канд. дис. С.170] Автор отметила скупость употребления этого союза. Если, например, в Хождении Афанасия Никитина союз «а» встречается 437 раз в тексте из 31 700 печатных знаков, а в «хождениях» Даниила и Антония на некоторых страницах «а» составляло более 10 % всех слов, то в Слове из 14 200 печатных знаков оно встречается всего 58 раз. Это, продолжает И. А. Попова, свидетельствует о наличии определенной литературной выучки и литературной книжной традиции, питавшей язык автора Слова. «Краткость, — пишет она, — простота синтаксических конструкций „Слова“ местами почти пушкинская. Это говорит не только об исключительном поэтическом даре автора, но и причастности его к существовавшей в его время литературной традиции».[Попова И. А. Значение и функции союза «а» в древнерусском языке. Рукопись канд. дис. С.120] Но если простота синтаксических конструкций в Слове местами почти пушкинская, а автор причастен к существовавшей в его время литературной традиции, то вряд ли можно эту традицию относить далеко за пределы времени, когда жил А. С. Пушкин.[учтем при этом, что некоторые из архаических конструкций Слова с «а» навеяны были Задонщиной («а любо испити шелоом Дону») или появились в результате стилизации.]

Недавно сравнительное рассмотрение некоторых особенностей грамматического строя Слова о полку Игореве и Задонщины стало темой специального исследования А. Н. Котляренко.[Котляренко. Сравнительный анализ. С. 127–196.] В ходе его автор пришел к двум основным выводам: 1) Задонщина не была источником некоторых явлений в морфологии и синтаксисе Слова о полку Игореве; 2) Задонщина «возникла не без влияния Слова о полку Игореве» и отразила грамматический строй, характерный для русского языка конца XIV в., тогда как Слово о полку Игореве является «памятником старшей поры древнерусской письменности».[Котляренко. Сравнительный анализ. С. 128, 196 и др.]

Первый вывод в самой общей форме у нас не вызывает сомнений, хотя бесспорно также и то, что в обоих памятниках есть и сходные черты морфологии и синтаксиса. Однако грамматический строй Слова взят не из Задонщины, а основан на нормах позднего церковнославянского языка, известных «Грамматике» Мелетия Смотрицкого. [Удивительно, что Ф. П. Филин вслед за А. Н. Котляренко продолжает в споре со мной говорить, что Слово не может быть поздним памятником, так как его грамматическая система древнее, чем Задонщины (Рыбаков, Кузьмина, Филин. Старые мысли. С. 169–170), тогда как я писал о нормах Мелетия Смотрицкого, которыми руководствовался автор Слова (Зимин А. Когда было написано «Слово»?//ВЛ. 1967. № 3. С. 146).]

Сложнее обстоит дело со вторым выводом. Он нам представляется недоказанным в силу того, что методика исследования А. Н. Котляренко вызывает самые решительные возражения. В основу изучения грамматического строя Задонщины А. Н. Котляренко положил список Ундольского середины XVII в., который, по его мнению, «ближе всего к оригиналу».[Котляренко. Сравнительный анализ. С. 130.] Уже этот тезис не может быть принят, ибо в морфологии и синтаксисе списка Ундольского языковые явления XVII в. отразились не в меньшей степени, если не в большей, чем черты конца XIV–XV в. Удивительно и то, что А. Н. Котляренко ни одним словом не обмолвился об исследовании Л. Матейки, который в результате сравнительного анализа синтаксических явлений в Задонщине пришел к выводу, что список Ундольского через не дошедшие до нас тексты восходит к протографу списка К-Б.[Matejka L. Comparative analysis of Syntactic Construction in the Zadońščina // American Contributions to the Fifth International Congress of Slavists. Sofia, 1963. The Hague, 1963. P. 383–402.] Никакой истории текста и грамматических особенностей списков Задонщины в работе А. Н. Котляренко мы не

найдем, а отождествление списка У с архетипом Задонщины приводит и его к серьезным заблуждениям. Так, А. Н. Котляренко подчеркивает, что если в Слове перфект встречается редко (11 % всех форм прошедшего времени), то в Задонщине «увеличивается употребление форм перфекта до 40 % общего количества форм прошедшего времени». [Котляренко. Сравнительный анализ. С. 137.] Но речь идет не об особенностях Задонщины, а о списке У, «тогда как в Кирилло-Белозерском списке в соответствующих предложениях обычно употребляется аорист или чаще всего соответствия совсем недостает». [Matejka L. Comparative analysis... Р. 401. Дефекты методики работы А. Н. Котляренко видны на приведенном им одном примере, который якобы представляет «особый интерес». Здесь, по его мнению, «в памятнике конца XIV в. аорист был заменен перфектом — еще одно подтверждение, что автор „Задонщины“ использовал „Слово о полку Игореве“», однако текст «положили есте головы» читается только в И1 и У, а в К-Б аорист «покладоша головы». Поэтому А. Н. Котляренко добавляет: «впрочем, возможно, что и в „Задонщине“ первоначально был аорист» (Котляренко. Сравнительный анализ. С. 138), зачеркивая тем самым свой предыдущий вывод.]

А. Н. Котляренко пишет: «В Задонщине употребляется трехчленная формула отрицательного сравнения; в „Слове о полку Игореве“ встречаем только двучленное отрицательное сравнение». [Котляренко. Сравнительный анализ. С. 193.] Но это также относится к списку У, ибо в К-Б есть и двучленное сравнение («не орли слетосаша, съехались все князи», «тогда же не тури възрыкають... възпаша избиении»).

Противопоставляет А. Н. Котляренко и употребление начинательного союза «и» в Задонщине (45 случаев) и в Слове (4 раза). [Котляренко. Сравнительный анализ. С. 184.] Но и в данном случае речь снова должна идти лишь о списке У, ибо в К-Б начинательный союз «и» известен только в двух случаях.

Говоря о союзе «а», А. Н. Котляренко подчеркивает, что, в отличие от Задонщины, в Слове он встречается редко. [Котляренко. Сравнительный анализ. С. 183.] Но в списке К-Б мы встречаем его также всего 9 раз, причем в 6 случаях в формуле «а ркучи», имеющейся в Слове. К тому же закономерности употребления этого союза, как мы уже отмечали, связаны с историей литературного языка и стилистики, свидетельствуя о позднем происхождении Слова.

Второй серьезный дефект методики А. Н. Котляренко заключается в том, что он фактически априори исходит из тезиса о древности языкового строя Слова, а не доказывает его. Он даже проходит мимо тех явно поздних черт, которые отмечал в свое время С. П. Обнорский. А. Н. Котляренко не ставит вопроса о том, что черты грамматического строя Слова могли объясняться не древностью памятника, а нормами книжного церковнославянского языка.

Так, он повторяет утверждение о том, что постоянное употребление флексии — аго дает основание говорить о Слове как о памятнике «старшей поры древнерусской письменности». [Котляренко. Сравнительный анализ. С. 135.] Он склонен препозицию — ся в Слове также относить за счет древности Слова, забывая, что она может объясняться и другими причинами. [Котляренко. Сравнительный анализ. С. 144. См. об этом: Иванов, Топоров. К проблеме достоверности. С. 74–75.]

Таким образом, несостоятельность методических приемов исследования делает, на наш взгляд, выводы А. Н. Котляренко бездоказательными.

Морфологические и синтаксические явления Слова о полку Игореве не дают никаких достаточных оснований, чтобы связывать их только с грамматическим строем русского языка XII в. В них несомненно можно обнаружить поздние следы. Все грамматические формы Слова отлично могли быть известны книжнику XVII–XVIII вв., в языке которого сказывались бы следы украинских диалектных явлений.

Новые аспекты изучения Слова о полку Игореве открываются благодаря применению математических приемов исследования. В этом плане заслуживает внимания работа Г. А. Лескиса, показывающая зависимость между размерами предложения и

характером текста.[Лесскис Г. А. О зависимости между размером предложения и характером текста//ВЯ. 1963. № 3. С. 92—112.] По всем приведенным автором показателям Слово о полку Игореве близко к произведениям XVIII в., а Задонщина ближе находится к памятникам древнерусской литературы.[Повесть о Савве Грудцыне, как показала Н. А. Бакланова, следует датировать началом XVIII в. (Бакланова Н. А. К вопросу о датировке «Повести о Савве Грудцыне»//ТОДРЛ. М.; Л., 1953. Т. 9. С. 443—459). Повесть о Петре и Февронии, как показывают специальные исследования В. Ф. Ржиги, А. И. Клибанова и других исследователей, написал Ермолай-Еразм в середине XVI в. {См. также: Повесть о Петре и Февронии / Подгот. текстов и исследование Р. П. Дмитриевой. Л., 1979. С. 95—118.}] Приведем некоторые данные автора, дополнив их подсчетами слов в Повести о походе 1185 г. из Ипатьевской летописи.

По пяти показателям из шести Слово о полку Игореве стоит ближе к памятникам XVIII в., чем Задонщина. Шестой показатель дает для обоих памятников примерно одну и ту же картину (37.0 % и 36.7 %). В четырех случаях Слово ближе к памятникам XVIII в., чем все приведенные произведения древнерусской литературы. В двух последних случаях Задонщина дает показатели, более близкие к памятникам XVIII в. в целом. Однако у Слова о полку Игореве большее сходство с «Путешествием» А. Н. Радищева, написанным в 1790 г., т. е. примерно тогда, когда, по нашим наблюдениям, появилось и само Слово.

По первым двум показателям Слово о полку Игореве ближе к памятникам XVIII в. по сравнению с Задонщиной и другими древнерусскими повестями. По третьему показателю Слово ближе всех памятников именно к «Путешествию» Радищева, что даже показательнее, чем общая картина для всех произведений XVIII в. Во всех трех случаях Повесть 1185 г. дает размеры, более близкие к Задонщине, чем к Слову.

Таковы некоторые данные сравнения Задонщины со Словом и памятниками XVIII в. согласно исследованию Г. А. Лесскиса.

В связи с обсуждением настоящей работы Г. А. Лесскис высказал ряд интересных замечаний. В частности, он считает, что использование первого из двух показателей (соотношение трех основных компонентов) непродуктивно, так как по его наблюдениям, «соотношение речи персонажей в прозаическом художественном произведении — явление глубоко индивидуальное, зависящее от жанра и от манеры автора и едва ли зависящее от эпохи». Зато второй показатель (распределение предложений в зависимости от их размеров), по мнению Г. А. Лесскиса, заслуживает самого пристального внимания. Он обследовал дополнительно еще 4 произведения древнерусской литературы («Сказание о Борисе и Глебе», «Повесть о походе Игоря Святославича», «О житии в. кн. Дмитрия Ивановича» и «Взятие Цареграда»).[Видимо, речь идет о «Слове о житии великого князя Дмитрия Ивановича» и «Повести о взятии Царьграда крестоносцами в 1204 г.».] И «полученные результаты еще более разошлись с показателями „Слова“; размах колебаний от 17.1 до 39.3 при среднем размере предложений 28.0. Таким образом, средние размеры предложения по 8 произведениям древнерусской литературы составляют 23.8 при колебаниях в интервалах от 17.1 до 39.3.[АН СССР. Отделение истории. Отзывы на рукопись А. А. Зиминой, л. 90—91.] Все это только начало. Привлечение других показателей может значительно расширить диапазон исследования стиля Слова о полку Игореве на фоне произведений русской литературы XII—XVIII вв.

Много хлопот исследователям Слова о полку Игореве доставили так называемые темные места. Существуют сотни попыток их расшифровки. Многие стали уже ясными, но

значительная часть этих мест все еще нуждается в комментировании.[См. также: Творогов О. В. «Темные места» в «Слове»//Энциклопедия. Т. 5. С. 106–110.] Одной из ошибок А. Мазона было стремление объяснить трудные места Слова «неумелостью автора в употреблении древнего языка».[Mazon. Le Slovo. P. 46.] Эта слабость в постановке проблемы была подмечена Р. О. Якобсоном, Д. С. Лихачевым[Лихачев. Изучение «Слова о полку Игореве». С. 13–14.] и другими его оппонентами. Уже А. Брюкнер считал, что «непонятность „Слова“ во многих местах свидетельствует о его подлинности, потому что подделыватели избегали бы вносить в текст неясности».[Briikner A. Die Echtheit des Igorliedes // Zeitschrift für slawische Philologie. 1937. Bd 14. S. 52.] Довод Брюкнера обычно признается убедительным, но сознательную порчу текста «под древность» трудно исключить из приемов работы сознательного фальсификатора. Отсутствие подобной порчи в Слове не только сильный довод в пользу его подлинности, а расшифровка трудных мест Слова дает новые наблюдения о времени создания Песни.

Большинство «темных мест» Слова падает на тексты, не имеющие соответствия в Задонщине. Объясняются эти места не лингвистической безграмотностью автора, не сознательным намерением его «затемнить» текст. Их происхождение более сложно. В них мы можем встретиться и с ошибками, допущенными при списывании со скорописного экземпляра памятника («вста близ»),[Об этом см. в главе VII.] и дефектами списка Задонщины, находившегося в распоряжении автора (например, возможно, этим объясняются чтения «канину», «подобию»), но частью из-за того, что исследователи искали ключ к «темным местам» в древних памятниках, тогда как следовало обратиться к особенностям диалектов русского, украинского и белорусского языков. Только в последнее время, когда стали обращаться к живой народной речи, многое в Слове прояснилось (например, «с три кусы», «спивая», «дебрьски сани» и др.).

Наконец, некоторые «темные места» произошли из-за прямых ошибок, допущенных автором Слова при использовании им текстов летописи и Задонщины.

Он не всегда умел согласовать свои источники, а иногда и правильно их осмыслить, оставаясь сыном своего времени.

Ниже даются возможные объяснения трудных мест Слова.[Часть их см. в главе III.] Кроме одного (явно испорченного, о «когане»), все они поддаются истолкованию, исходя из изложенных выше принципов.

Рече първыхъ времянь — в издании описки «речь», происшедшая из-за путаницы е и ѣ.

Спала Князю умь похоти — по Р. О. Якобсону, можно перевести: «сгорал у князя разум в пылом желании», по Н. М. Дылевскому: «пыл князю ум полонил». Слово «спалати» есть в живом украинском языке,[Гринченко. Словарь. Т. 4. С. 172; Якобсон Р. О. Изучение «Слова о полку Игореве»... С. 117; Дылевский Н. «Спала князю умь похоти» в «Слове о полку Игореве» // Людмил Стоянов: Исследования и статьи за творчеством му. София, 1961. С. 317–331.] а также в польском (spała).[Ср. также: Творогов О. В. Спала // Энциклопедия. Т. 5. С. 42–43. Здесь и далее указываются статьи Энциклопедии, содержащие обзор мнений о толковании данного «темного места».]

Жалость ему знамение заступи — конъектура: «жадность» (пылое желание)[По материалам картотеки Областного словаря (Ленинградское отделение Института русского языка АН СССР) это слово встречается в украинском языке и смоленских говорах.] подкрепляется другим чтением Слова («жадни веселия»).

Спивая славы обаполы сего времени — в издании «свивая». Принимаю конъектуру, предложенную Г. А. Ильинским.[Ильинский Г. Несколько конъектур... С. 652. До Г. А. Ильинского еще А. Ф. Вельтман предлагал читать «спѣвая» славы (Вельтман А. Ф. Слово об ополчении Игоря Святославича, князя Новгород-Северского на половцев в 1185 году. М., 1866. С. 35).] «Спивать славы» близко к украинскому. Выражение «обаполы времени» искусственного, книжного происхождения.

Свистъ звѣринъ вѣста близ — в издании «въ стазби». Принимаю конъектуру В. Ф. Ржиги.[Ржига В. Ф. Из текстологических наблюдений над «Словом о полку Игореве» // Слово. Сб.-1950. С. 188–191.] Ошибка — палеографическая. С. И. Котков предлагает конъектуру «вѣста зли» (возле), опирающуюся на диалектные параллели.[Котков С. И. Из курско-орловских параллелей к лексике «Слова о полку Игореве»//Учен. зап. Орловского гос. пед. ин-та. Орел, 1954. Т. 9. Кафедра русского языка. Вып. 4. С. 7–9.] В ранней работе Д. С. Лихачев останавливался на чтении «збися» див,[Слово-1950. С. 393.] а затем принял, как наилучшую, конъектуру В. Н. Щепкина и А. С. Орлова[Орлов. Слово. С. 96.] — «зри» вместо «зби»: эта обычная отметка на полях «переписчиком легко могла быть внесена в текст».[Лихачев. Текстология. С. 152.] Ранняя конъектура Д. С. Лихачева к одному сказуемому при подлежащем «див» добавляет второе, причем неясное («взбился»). Последнее чтение нарушает поэтическую слаженность текста, тогда как чтение В. Ф. Ржиги дает ясную картину: вблизи раздался звериный свист, это див кличет на вершине дерева.

В. И. Стеллецкий читает: «въ ста(да) зби». О. Сулейменов: «Птичь убуди свистъ. Зверинъ вѣста зби», т. е. звериное поднялось смятение; исходя из чтения «зыбь в смысле „смятение“».[Сулейменов О. Аз и я. С. 31.] Но «свистъ зверин» — единое фольклорное понятие.[См.: Творогов О. В. Стазба //Энциклопедия. Т. 5. С. 47–49.]

Лебеди роспужени — в издании «роспущени» (от слова *gospodzić* «распугать»). Ошибка палеографическая. Слово «распудить» есть в Сказании, в частности в Ермолаевском списке,[ГПБ, F.IV, № 231, л. 306 об.] и в языке XVIII в. (у Посошкова).

Вльци грозу вѣсржжати — от *strogі* — строгий (*Burza się sroży* — буря бушует). По Л. А. Булаховскому, эта форма проникла «в ее полонизированной оболочке а не в соответствии старославянскому срагъ».[Булаховский Л. А. «Слово о полку Игореве» как памятник древнерусского языка. С. 151. [Ср. также: Творогов О. В. Волк//Энциклопедия. Т. I. С. 223–226.]]

Длъго ночь мркнеть. Заря свѣтъ запала — перевод: «заря — свет запылала». Н. Н. Зарубин доказывает, что речь идет о вечерней заре.[Зарубин Н. Н. Заря утренняя или вечерняя//ТОДРЛ. М.; Л., 1935. Т. 2. С. 95—150; ср.: Котков С. И. 1) Слово о полку Игореве. М., 1958. С. 37 и след.; 2) К толкованию выражения «заря свѣтъ запала»//Лексикографический сборник. М., 1957. Вып. 2. С. 161–164; Никольский А. А. К толкованию текста «Слова о полку Игореве» (Заря свѣтъ запала)//ТОДРЛ. М.; Л., 1960. Т. 16. С. 70–72; Словарь-справочник. Вып. 2. С. 104–106.]

Исходя из старого значения польского глагола *zarasc*, С. И. Котков предлагает другой перевод текста «заря свет застала». Причудливое сочетание «Ночь мркнеть. Заря свѣтъ запала» (меркнет заря, а не ночь) возникло, скорее всего, под влиянием Сказания о Мамаевом побоище (ср. «заря померкла, нощи глубоце сущи»).[Об этом см. главу III.]

О Руская земля! Уже за шеломянемъ еси — в издании описки «не шеломянемъ».

Всеволоде, кая раны дорога брата — в издании «братие» и неверная разбивка текста. «Каять» здесь в смысле «жалеть».

Глебовны свычая и обычая — привычки и обычаи Глебовны.

Синонимы «свычай» и «обычай» очень древнего происхождения. Они встречаются уже в древнерусских рукописях XII в.[Срезневский. Материалы. Т. 2. Стб. 575; Т. 3. Стб. 669.] Однако устойчивого сочетания «свычая и обычая» эти тексты не знают. Зато оно известно позднему украинскому фольклору. Возможно, перед нами след бытовавшей некогда украинской поговорки. Во всяком случае А. А. Потебня приводит записанную им в 60-х гг. XIX в. песню, в которой находим следующие строки:

Та узяв жону не до любви,
Не до любви, ні до розмови,
Ні до звичаю до йбичаю,
Ні до чорних брів до ласкових слів,

Ні до шалности, ні до жалности.[Потебня А. А. К истории звуков русского языка. Вып. 2. Заметка о двух песнях. Варшава, 1880. С. 1. Выражение «знает все свычаи и обычаи» бытует и по настоящее время на русском Севере (Абрамов Ф. Две зимы и три лета//Новый мир. 1968. № 3. С. 130).]

Давный великий Ярославль сынъ Всеволодъ — в издании: «давный великий Ярославль сынъ Всеволожъ». Можно читать и «Давного великого Ярослава...». В скорописном экземпляре буквы «г» в первом и втором словах, «в» в третьем и «д» в четвертом могли быть выносными — отсюда ошибка. Не исключено и чтение «давный великий». О. О. Гонсиоровский считает, что форма «Ярославль» полонизированная.

Л. Мюллер предлагает читать «Тый же звонъ слыша дальний вьнукъ Ярославль, сынъ Всеволожъ Володимеръ».[Müller L. 1) «Davnyj velikij Jaroslav'» // Zeitschrift für Slavische Philologie. 1958. Bd 26. Hf. 2. S. 331; 2) Einige Bemerkungen... S. 254–256.] Эту конъектуру не могу принять потому, что она нарушает поэтическое противопоставление: звон слышит один князь (Всеволод), а другой (Владимир) затыкает уши, чтобы его не слышать.

Вступила дѣва — в издании описки «вступиль».

Усобица княземъ на поганья погыбе — сохраняю чтение издания. Перевод Д. С. Лихачева: «борьба князей против поганых прекратилась».[Слово-1950. С. 61.] Е. В. Барсов предлагает исправить текст на: «Усобица княземъ, нам поганый погыбель»[Барсов. Слово. Т. 2. С. 203–206.] (перевод «у князей усобица, а нам поганый гибель»). Исправление искусственно (правка, мена «и» и «я», пропуск надстрочных «л» и «м»). К тому же в данном случае возникают более серьезные смысловые трудности, которых можно избежать. Если принять общепринятое чтение, то слово «усобица» действительно в памятнике употреблено неудачно (оно означает междоусобие, ссору, а не просто борьбу). Но, возможно, автор, любивший причудливые и древние «словесы», просто не нашел в своем лексиконе более подходящего наименования для войн князей с «погаными». В Екатерининском переводе: «перестали князи воевать на поганых».[Дмитриев. История первого издания. С. 322.]

Убуди жирня времена — исчезли богатые времена. Возможно чтение «упуди» (А. Потебня, В. Перетц и др.).[Булаховский. О первоначальном тексте. С. 447.] Глагол «упудзиць» (пропасть, исчезнуть) есть в белорусском языке,[Мачульскі. Да пытання. С. 114.] ср. «упудзи конжау голубицы» в записи одной белорусской свадебной песни. [Никифоров. Слово. С. 557.] Ниже в Слове встречается «печаль жирна» (неожиданное сочетание). Л. А. Булаховский считает «жирня» опиской вместо «жирна».

Смагу мѣчучи въ пламянѣ розѣ — в издании «мычучи». В данном случае, очевидно, буква «ѣ» неправильно прочитана как «ы». И. И. Срезневский дает для глагола «мыкати» значение «трепать, метать».[Срезневский. Материалы. Т. 2. Стб. 215.] Но фундирует последнее значение он только Словом. Глагол «метать» иногда писался через ѣ. [Срезневский. Материалы. Т. 2. Стб. 130.] Сходные сочетания встречаем и в Ипатьевской летописи (под 1219 г. «камение мещущимъ»), и в поучении Мономаха («тура мя 2 метала на розѣх»). Слово «смага» (сухость) есть в украинском, белорусском и польском языках (ср. «смажиць» — жарить).[Фасмер. Этимологический словарь. Т. 3. С. 682–683] В Ипатьевской летописи под 1184 г. говорится, что Кончак пошел на Русь, найдя половчанина «иже стрѣляше живымъ огнемъ». Образ пылающего рога мог быть навеян выражением «нача пущати огнь трубами» (Там же под 941 г.).[См. также: Айналов Д. В. Замечания к тексту «Слова о полку Игореве»//Сб. статей к 40-летию ученой деятельности академика А. С. Орлова. Л., 1934. С. 181–184.]

Эта наша поправка как бы подкрепляется В. Н. Татищевым. Пересказывая летописное сведение о некоем муже, который в войсках Кончака умел владеть живым огнем, Татищев говорит о знании тем «мужем» приспособления «для метания огня».[Татищев. История Российская. Кн. 3. С. 259; Т. 3. С. 133. {См.: Салмина М. А. Смага//Энциклопедия. Т. 5. С. 8—10.}]

Лжу убуди которою, то бяше — в издании «которую». Принимаем поправку Л. А. Булаховского.[Булаховский. О первоначальном тексте. С. 446.]

Бѣша дебръски сани — в издании «дебрь Кисаню». Выносное «с» легко могло быть пропущено. Некоторые исследователи (в их числе В. Н. Перетц) считают, что речь идет о змее («сань»).[Перетц. Слово. С. 254–255, 259.] Н. И. Гаген-Торн переводит «дебрьские сани» как «неизвестные сани», ссылаясь на значение «дебрский» «неведомо отколе», приведенное Далем.[Даль. Толковый словарь. Т. 1. С. 424; Гаген-Торн Н. / Думки з приводу «сна князя Святослава» у «Слові о полку Ігоревім»//Народна творчість та етнографія. Київ, 1963. № 4. С. 103.] Но наиболее просто понимание «дебрьских саней» как саней, на которых возили покойников.[Похороны «на санях» в княжеской, а потом и царской семье были распространены вплоть до начала XVIII в. (Анучин Д. Н. Сани, лады и кони как принадлежность похоронного обряда. М., 1890. С. 1—71). В Ипатьевской летописи об этом говорится под 1015, 1054, 1113, 1289 гг. (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 115, 120, 275, 918). {Ср.: Салмина М. А. Дебрь кисаню//Энциклопедия. Т. 2. С. 93–96.}]

Правда, на болони «дебрь» не могла находиться.[Заклинський Р. Пояснение одного темного Місуа в «Слові о полку Ігоревім». Львів, 1906. С. 21. В Чернигове еще в XIX в. луга назывались «оболонью» (Котков С. И. Из старых южновеликорусских параллелей к лексике «Слова о полку Игореве»//ТОДРЛ. М.; Л., 1961 Т. 17. С. 65).] Основание коньектуры — летописный рассказ о похоронах князя Владимира Святославича. Н. В. Шарлемань читает «дебрь Киянь», считая, что речь идет о лесе в овраге, прорытом ручьем Киянью в окрестностях Киева. Он же попытался отождествить урочище «Плоское» под Киевом с «Плѣсьнском», а «болото» — с пространством между двумя валами в нижнем течении р. Глубочици.[Шарлемань Н. В. 1) «Дебрь Кисаню» — «дебрь Киянь»//Слово. Сб.-1950. С. 209–211; 2) Заметки натуралиста... С. 59–64.] Гипотеза Н. В. Шарлеманя весьма заманчива, но сопоставление «Плоского» с «Плѣсьнском» неудачно, поэтому она не может быть принята.[Критику гипотезы Н. В. Шарлеманя см. в статье: Кучера М. П. «Плеснеск» «Слова о полку Игореве» и древнерусский г. «Плеснеск» // Краткие сообщения Института археологии АН УССР. Киев, 1960. Вып. 9. С. 113–116.]

П. А. Раппопорт в свою очередь считает, что «малодостоверное упоминание Плеснеска в Слове» не имеет отношения к галицкому городу Плеснеску, известному по летописям.[Раппопорт П. А. К вопросу о Плеснеске//Советская археология. 1965. № 4. С. 95. Ср. критику по его адресу: Кучера М. П. К вопросу о Плеснеске//Там же. 1968. № 1. С. 301–305. {Ср.: Творогов О. В. Плеснеск//Энциклопедия. Т. 4. С. 116–118.}] Итак, Плеснеск Слова и реальный Плеснеск не имеют между собой конкретно-исторических точек соприкосновения. И вместе с тем другого Плеснеска, кроме галицкого, найти не удастся. Отсюда, на наш взгляд, вывод может быть только один: Плеснеск Слова восходит к летописному одноименному городу, но только как к литературному материалу.

Своеобразный перевод предложил А. И. Лященко: «Всю ночь с вечера вороны бусовы (т. е. половцы) каркали у Плеснеска на низине, пели про дебръ Китанову (хан Китань упоминается под 1095 г.) и понесли ее к синему морю».[Архив АН СССР (Ленинградское отделение), ф. 156, оп. 1, № 30, л. 546–552, 644–654.]

О. Сулейменов «дебрь Кисаню» переводит как «железные пути», «кандалы», исходя из «темір», диалектное тюркское «железо». Отсюда Сулейменов выводит предположительное кипчакское «дебір» (в русской транскрипции — дебрь). «Темір кісен» у казахов — железные пути (сравни «железные путины» в Слове), а «плеснь» — от тюрк, «знаемь».[Сулейменов О. Аз и я. С. 71–72.]

Звонячи въ прадѣднюю славу — яркий литературный образ, созданный самим автором. Р. О. Якобсон указал на внуку Всеслава Звениславу в житии Ефросинии Полоцкой (XV–XVI вв.) и на польское Звенислав.[Памятники старинной русской литературы. СПб., 1862. Вып. 4. С. 175; Taszycki W. Najdawniejsze polskie imiona. Kraków, 1925. S. 109; La Geste. P. 244.] Таким образом сочетание «звонячи... славу» может гармонировать с белорусским происхождением автора.

Наниче ся години обратиша — «худо обернулись времена» (Д. С. Лихачев). О том, что это выражение «с польского», писал еще В. Г. Анастасевич [Прийма Ф. Я. «Слово о полку Игореве» в научной и художественной мысли... С. 298.] (на nice się godziny obrócili). По-польски на піс означает «ни к чему, ни во что». Выражение «на ничь» «как изнанка» встречается в Лексиконе Федора Поликарпова (конец XVII — начало XVIII в.), [Поликарпов Ф. Лексикон трехязычный. М., 1704. Л. 83; Мещерский Н. А. К изучению лексики и фразеологии «Слова о полку Игореве» // ТОДРЛ. М.; Л., 1958. Т. 14. С. 45.] оно бытовало и в XII в. [См. в Златоструе XII в. (Срезневский. Материалы. Т. 2. Стб. 453).] Н. А. Мещерский переводит данный текст: «наоборот времена обернулись». [Мещерский Н. А. К толкованию лексики «Слова о полку Игореве» // Учен. зап. ЛГУ. № 198. Серия филол. наук. 1956. Вып. 24. С. 7–8.]

Се у Римѣ кричать — в издании описки: «Се Уримъ кричать».

Меча времени чрезъ облаки — В. Н. Перетц читает «бремены» со ссылкой на Ипатьевскую летопись под 1234 г. («меташа бо каменемъ полтора перестрѣла»). [Перетц. Слово. С. 278.]

Отворяеши Киеву врата, стрѣляеши... салтаня — в издании «оттворяеши... стрѣляеши... салтани». Описки: буква «и» в скорописи XVIII в. путалась с «я».

Мысль носить васъ умъ — надо «ваш». В данном случае белорусизм (мена «с» на «ш»).

Желѣзныи прапорзи — в издании «папорзи» (пропущена выносная буква «р»). «Prporzес» (польск.) — копьё со значком полка, в переносном смысле «стяг», «полк». В белорусском языке «препорец», в украинском «прапорец». [Потебня. Слово. С. ИЗ; Грииченко. Словарь. Т. 3. С. 902.] Существуют еще три попытки объяснить «папорзи» Слова. В. Н. Перетц сопоставил его с термином «поперсыци» (панцырь), встречающимся в источниках. А. С. Орлов читает — «паропци» (паробцы, молодцы), Ю. М. Лотман — «паворзы» (привязки к шлему). [Лотман Ю. М. О слове «папорзи» в «Слове о полку Игореве» // ТОДРЛ. М.; Л., 1958. Т. 14. С. 37–40. К толкованию Ю. М. Лотмана в последнее время присоединился Д. С. Лихачев (Лихачев. Изучение «Слова о полку Игореве». С. 37).] Текст Слова «желѣзныи папорзи подѣ шеломи латинскими» понятен только при сопоставлении с выражениями «отъ желѣзныхъ великихъ плѣковъ», «своими железными плѣки». Следовательно, «папорзи» равнозначно «полкам». Вторая часть разбираемой фразы Слова близка к выражению «подѣ шеломи възлелѣяны». Фразу с «прапорзями» лучше всего переводить — «железные полки в латинских шлемах». «Прапоры» встречаются в одной из поздних версий Сказания о Мамаевом побоище (Тихонравов, № 337) [Шамбинаго. Повести. Тексты. С. 108.] и в языке XVIII в. (в «Теле-махиде» Тредьяковского). [См.: Бобров А. Г. Папороз // Энциклопедия. Т. 4. С. 11–13.]

И с хотию на кровати, рекъ — в издании: «И схоти ю на кровать, и рекъ». Выражение «на кровати» см. выше в сне Святослава. «Хоть» (возлюбленная) встречается также в Слове. А. И. Никифоров предлагает другое чтение: «исхити юна кровать», т. е. похитила юного («уношу Ростислава») кровать (смерть). [Никифоров. Слово. С. 722.]

О. Сулейменов читает: «исхити юна кров. А тѣй рек: Дружину» и т. д. Он считает, что речь должна идти об устойчивом сочетании «исходить кровью». [Сулейменов О. Аз и я. С. 34; ср.: Маньковский Н. И. «Слово о полку Игореве» — лирическая поэма внука Боянова. Житомир, 1915. С. 98. {См.: Творогов О. В. Кровать // Энциклопедия. Т. 3. С. 105–107.}]

Ни другаго Всеволода — в тексте явная описка. Ранее ни о каком Всеволоде не говорилось, следовательно, не могло быть и «другого» Всеволода. [Д. С. Лихачев ссылается на летописную запись 1180 г., говорящую о том, что «братьев было семеро. Косвенно это подтверждает возможность существования Всеволода» (Лихачев. Когда было написано «Слово»? С. 150). Подтвердить реальность Всеволода, конечно, эта запись не в состоянии.] Зато неоднократно перед приведенным текстом упоминался Всеслав Полоцкий. Поэтому речь должна идти о «другом» Всеславе (Васильковиче). «Всеслав с

полочаны» упоминается в Ипатьевской летописи под 1180 г.[ПСРЛ. Т. 2. Стб. 620.] «Другому» Всеславу вообще не повезло в Слове. В разбираемом фрагменте называется некий «Изяславъ сынъ Васильковъ», который «позвони... о шеломы литовския». Это — все тот же Всеслав Василькович, в войсках которого были «и Либь и Литва».[О происхождении описки см. главу III.] Мы не исправляем в реконструкции Слова этих описок потому, что они, очевидно, появились под пером самого автора Слова. Под 1159 г. в летописи упоминаются князь Всеволод и Володарь Глебовичи, участники борьбы за полоцкое княжение.[ПСРЛ. Т. 2. Стб. 494–496.] Однако «Всеволода» Слова с ним отождествлять нельзя, ибо по контексту речь должна идти о брате Брючеслава («не бысь ту брата Брючяслава, ни другаго Всеволода»).[См.: Творогов О. В. Всеволод Василькович (?)// Энциклопедия. Т. 1. С. 251–252.]

Понизять стязи свои, вонзять свои мечи... изъ дѣдней славы — в издании «понизить... вонзить... славъ». Ошибочные прочтения рукописи XVIII в.

Которою бо бѣша — в издании «которое». Ошибочное прочтение рукописи XVIII в.

Тѣй клюками подпрѣся, оконися — в издании «о кони». В Ипатьевской летописи говорится: «Бѣ же Изяславъ мужъ взоромъ красенъ... любя правду, клюкъ (Лавр.: «лети». —А. 3.) в немъ не бѣ». Во время восстания 1068 г., по летописи, киевляне требовали «оружие и кони». По мысли автора, Всеслав использовал это требование киевлян.[Ср. соображения Д. С. Лихачева (Слово-1950. С. 455–456).] А. А. Потеня также ссылается на украинское «оконити», сделать конным, встречающееся в думах.[Потеня. Слово. С. 123; Гринченко. Словарь. Т. 3. С. 49.] Тогда бы лучше читать: «оконися, скочи къ граду». Исходя из того, что в других текстах Слова встречаются «комони» (а не «кони»), О. Сулейменов считает, что первоначально читалось «кни» с титлом, причем «под аббревиатурой кни скрывалось сокращенное древнерусское слово кияни, кыани». Тогда выражение: Всеслав «скочи отъ нихъ», по Сулейменову, имеет в виду именно этих киевлян.[Сулейменов О. «Синяя мгла» и «синие молнии»//Простор. 1968. № 9. С. 90–91.] Но слово «кияне» никогда в древних текстах с сокращением не писалось.

Обѣсися синѣ мигѣ — А. В. Соловьев переводит: «повис на синем облаке». [Соловьев. Восемь заметок. С. 374; ср.: Югов А. А. Образ князя-волшебника и некоторые спорные места в «Слове о полку Игореве» //ТОДРЛ. М.; Л., 1955. Т. II. С. 19–20. {См.: Творогов О. В. Мгла//Энциклопедия. Т. 3. С. 228–229.}] Не подкреплена фактическими данными трактовка этого выражения, предложенная О. Сулейменовым. Он переводит текст: «обняв, буквально — обвесив себя сыном Глебом (или сыновьями Глебом и...)? Строчка, по-видимому, оборвана». При этом «жребий о дѣвицю себѣ любу» О. Сулейменов читает как «дѣвицю себе любу», т. е. «о двух любимых сыновьях, с которыми (по недоказанной догадке автора. — А. 3.) он сидел в тюрьме».[Сулейменов О. «Синяя мгла»... С. 91–93.] Превращение «синѣ» в «сыномъ» даже через аббревиатуру ни грамматически, ни палеографически невозможно.

А. Е. Супрун и А. А. Брудный предлагают производить глагол «обѣситься» от слова «бѣс» со смыслом «стал подвластным бесу».[Супрун А. Е., Брудный А. А. «Обѣсися синѣ мглѣ» // ТОДРЛ. Л., 1971. Т. 26. С. 202–211.] Это понимание имеет свои преимущества над обычным.

Утрѣже вазни с три кусы — в издании: «утрѣ же возни («вазни» Ек.) стрикусы». Р. О. Якобсон переводит: «трижды ему удалось урвать по кусу удачи».[Якобсон Р. О. Изучение... С. 120; ср.: Булаховский. О первоначальном тексте. С. 442, 446.] Близко к этому толкование Н. М. Дылевского.[Дылевский Н. М. «Утрѣ же возни стрикусы»//ТОДРЛ. М.; Л., 1960. Т. 16. С. 60–67.] По Д. С. Лихачеву: «урвал счастье, с трех попыток отворил» и т. д.[Лихачев Д. С. «Возни стрикусы» в «Слове о полку Игореве»//ТОДРЛ. М.; Л., 1962. Т. 18. С. 587. Считая допустимым чтение Р. О. Якобсона, Н. А. Мещерский пишет: «толкование Д. С. Лихачева оказывается неприемлемым, ибо в данном случае ожидался бы тогда предлог „с“ при родительном падеже, а не при винительном, что находим в тексте» (АН СССР. Отделение истории. Отзывы на рукопись

А. А. Зими́на, л. 84).] Новое чтение подкрепляется наличием слова «вазнь» под 1287 г. в Ипатьевской летописи.[ПСРЛ. Т. 2. С. 906. См. также: Cyzevskyj D. Lexikalisches I//Zeitschrift für Slawische Philologie. 1954. Bd 22. Hf. 2. S. 344–348; ср.: Словарь-справочник. Вып. 3. С. 91.] Иное объяснение термина «куса» предложила В. Л. Виноградова.[Виноградова В. Л. Еще одна догадка о «стрикусы» «Слова о полку Игореве»//ИОЛ Я. 1969. Т. 28, вып. 1. С. 82–85.] В Прологе первой четверти XIV в. (ГИМ, Синодальное собр., № 239, л. 161) и 1530 г. (ГИМ, собр. Черткова, № 242, л. 276 об.)[В собрание Черткова попали рукописи А. И. Мусина-Пушкина, уцелевшие после пожара 1812 г.] есть выражение «кусою поплени» («кусою полонити»), в котором «куса» является фонетическим вариантом от «хуса» (набег, нападение). Тогда «с три кусы» (точнее «кусь») может означать «с трех нападений». Объяснение В. Л. Виноградовой очень заманчиво.

Н. А. Мещерский признает неудачной интерпретацию текста, предложенную Д. С. Лихачевым (как с историко-грамматической, так и с поэтической точки зрения) и предлагает возвратиться к ранее выдвинутым объяснениям.[Мещерский Н. А. К интерпретации чтения «с три кусы» в «Слове о полку Игореве» // Проблемы истории феодальной России. Л., 1971. С. 93–97.]

В. В. Нимчук читает текст: «стрику (стрыйку) сы (си)», где «стрику» — дательный падеж от слова «стрыйко» (дядя по отцу).[Ншчук В. В. «Слово о полку Ігоревім» і народна мова//Мовознавство. 1968. № 1. С. 36–40.]

Нъ розьно ся имъ хоботы паиуть — в издании: «нъ рози нося». Принимаю конъектуру Л. А. Булаховского.[Булаховский. О первоначальном тексте. С. 447. Совершенно фантастичен перевод фрагмента, сделанный Ю. А. Щербаковым: «но силу имеющие не могут борозды проложить» (Щербаков Ю. А. Об изучении «Слова о полку Игореве» на уроках истории в средней школе // Некоторые вопросы методики преподавания истории и обществоведения в средней школе. Краснодар, 1966. С. 99).]

Чему мѣчеши — в издании описки «мычеши».

Мало ли ти бяшетъ горъ подѣ облакы вѣяти, лелѣючи корабли на синѣ морѣ — не считаем необходимым вносить в этот текст какие-либо конъектуры (заменять «горъ» на «горѣ»[Слово-1950. С. 24.] или «съ гор»[Плаутин. Слово. С. 65.]). Структура обращения Ярославны к ветру полностью соответствует ее обращению к Днепру: в обоих случаях сначала говорится о горах, затем «лелеемых» кораблях и, наконец, о печали княгини. Е. Барсов замечал, что «ветер подоблачный не только не может лелеять корабли на синем море, но напротив разбивает их и губит». По его мнению, выражение «горъ подѣ облакы» означает «подоблачных гор».[Барсов. Слово. Т. 1. С. 159–160.] Мне представляется, что в данном случае в Слове просто не вполне удачно сочетание образов.[В екатерининском переводе читаем: «Мало ли тебе гор под облаками, чтобы, вея, носить корабли по синему морю» (Дмитриев. История первого издания. С. 324).]

Плачетъ Путивлю городу — возможно, надо читать: «плачетъ въ Путивлѣ городѣ», как в других местах Слова.

Прысну море полунощи — море автор Слова мог взять из Ипатьевской летописи под 1185 г.: «прочии в морѣ истопоша», хотя там речь шла об озере («Всеволодъ же толма бившеся... при езерѣ»).[ПСРЛ. Т. 2. Стб. 644, 642.] Н. И. Майоров читает: «прысну море—полунощи (т. е. на север) идут сморци», ибо ночью смерчей не бывает.[Майоров Н. И. «Слово о полку Игореве» и его переводы//Филологические науки. 1963. № 3. С. 174–177, 187.] Его толкование заслуживает внимания. Оно опирается на употребление термина «полунощь» в летописи под 1096 г. Но пунктуацию можно оставить старую.

«Князю Игорю не быть!» — кликну. Стукну земля — принимаю деление текста, предложенное В. И. Стеллецким. Возглас Овлура В. И. Стеллецкий убедительно сопоставляет с аналогичным оборотом в белорусских («тут ня быць») и украинских («тут вам не бути») заговорах.[Стеллецкий В. И. К изучению текста «Слово о полку Игореве»//ИОЛ Я. 1955. Т. 14, вып. 2. С. 146–155. Конъектура Д. В. Айналова «не быть

пленну» нам тоже кажется излишней (Айналов Д. В. Заметки к тексту Слова о полку Игореве//ТОДРЛ. М.; Л., 1940. Т. 4. С. 155–157).]

Вежи ся половецким подвизашася — кибитки половецкие пришли в движение. [Дылевский Н. М. «Вежи ся половецкии подвизашася»... С. 46.]

Стрежаше его гоголемъ — в издании и Екатерининской копии ошибка «е» вместо «его». Составитель полууставного экземпляра, очевидно, не поставил надстрочного «г» (далее шло сходное по начертанию «гоголемъ»).

Стugna... стругы ростре на кусы уношу князю Ростиславу. «Затвори, Днѣпръ темнѣ березѣ» — плачется мати — в издании: «Стugna... стругы ростре на кусту? Уношу князю Ростиславу затвори Днѣпръ темнѣ березѣ. Плачется мати». Выражение «ростре на кусту» — бессмысленно (Д. В. Айналов читает: «рострепа к усту»[Айналов Д. В. Замечания к тексту «Слова о полку Игореве»//ТОДРЛ. М.; Л., 1935. Т. 2. С. 91–92.]). Струги — потоки, ручьи.[Котков С. И. Из старых великорусских параллелей... С. 68–69.] О. В. Творогов читает текст: «Стругна... рострена к усту» со значением «разлилась у устья».[Слово-1967. С. 526.] Но глагол «рострепати» ни с подобным значением, ни со смыслом «расширять» неизвестен.

Обращение матери Ростислава к Днепру давно вызывало недоумение исследователей. О. Партыцкий предлагал читать: «Затвори днѣ при темне брезѣ». [Партыцкий О. Старорусский акцент и ритмика «Слова о полку Игоревом» // Зоря. Львов. 1884. № 9. С. 75–76.] Это же чтение принимают П. П. Вяземский, М. В. Щепкина, а в последнее время О. В. Творогов и В. П. Адрианова-Перетц. О. В. Творогов даже исправляет «князю Ростиславу» на «князя Ростислава», а В. П. Адрианова-Перетц «уношу» на «уноши».[Адрианова-Перетц. «Слово» и памятники. С. 183.] О. Сулейменов читает «рострена» как «расширена», исходя из тюркского «терен» в значении «глубокий». [Сулейменов О. Аз и я. С. 58–59.]

Полозие ползоша — в издании: «по лозию». Речь должна идти не о «лозах», а о крупных змеях (ср. польское ро́łoz, укр. «полоз»), хорошо известных украинской и польской литературе XVII–XVIII вв.[Гринченко. Словарь. Т. 3. С. 286; Шарлемань Н. В. Заметки к «Слову о полку Игореве» // ТОДРЛ. М.; Л., 1955. Т. 11. С. 9–12.]

И ходы на Святъславля песнотворца старого времени Ярославля Ольгова коганя хоти — текст, с трудом поддающийся осмыслению. Некоторые исследователи считают, что в тексте упомянут некий певец «Ходына».[Обзор последних конъектур в Слове см.: Назаревский А. А. О некоторых конъектурах к тексту «Слова о полку Игореве»//Вісник Київського університету. 1958. № 1. С. 39–44; Soloviev A. V. Encore deux gloses sur le Dit d'Igor // For Roman Jakobson: Essays on the Occasion of his Sixtieth Birthday. 11 Oktober 1956. The Hague, 1956. P. 475–478; Соловьев. Восемь заметок. С. 374–378. [См.: Соколова Л. В. 1) Ходы на //Энциклопедия, Т. 5, С. 184; 2) Ходына //Там же. С. 185–187.] А. А. Шахматов ставил вопрос: «Не был ли здесь назван „Боян песнотворцем времен Ярослава, Ольгова, коганя“, причем под коганом разумелся Владимир?».[Шахматов А. А. Мстислав Любый в русской поэзии //Сб. Харьковского историко-филологического общества, изданный в честь профессора Н. Ф. Сумцова. Харьков, 1909. Т. 18. С. 90.]

Ближе всего к пониманию текста подошел А. Лященко. Он читает: «Рекъ Боянъ на ходы на Святъславля — пѣснотворецъ старого времени Ярославля, Ольгова— коганя хоти».[Лященко А. Пояснения одного місця в «Слові о плъку Игоревѣ» // Ювілейный збірник на пошану акад. М. С. Грушевського. Киев, 1928. Т. 2. С. 187–189.] По его толкованию, ходы — походы, «когана хоти» — князя дружины. Учитывая, что «коган» упоминается в русской летописи 965 г. при сообщении о походах князя Святослава сына Ольги, мы предпочли бы тире поставить не после, а перед «Ольгова».[Вообще слова «пѣснотворецъ старого времени Ярославля» могли быть вставкой или «отскочили» от Бояна при переписке текста.] Тогда «когана хоти» будет означать «желающего победить когана» и относиться к Святославу. Русской земле в 1185 г. тяжело было без Игоря Святославича, как было тяжело без Святослава в 968 г. Ольге, которую осадили в Киеве

печенеги, когда Святослав находился в Переяславце на Дунае.[А. В. Соловьев видит в «кагане» Олега Святославича, ибо в Крыму он был князем не только Тмутаракани, а «всей Хазарии», т. е. имел право носить титул «хагана» (Словарь-справочник. Вып. 2. С. 197–198). Но «каганом» Иларион называл и Владимира, который никакой Хазарией не владел.] По А. В. Соловьеву, выражение «Ольгова коганя хоти» является обращением к жене Олега Гориславича: «Боян и Ходына обратились к жене князя Олега, когда он был в изгнании или заточении».[Соловьев. Восемь заметок. С. 377–378.] С. А. Высоцкий обнаружил граффити XI в. «спаси Г(оспод)и каг(а)на нашего», сделанное на фреске с изображением святого Николая. А так как киевский князь Святослав (1073–1076) имел христианское имя Николай, то С. А. Высоцкий отнес граффити ко времени его княжения.[Высоцкий С. А. Древнерусские надписи Софии Киевской XI–XIV вв. Киев, 1966. Вып. 1. С. 49–52.] Не отрицая возможности названия князя Святослава «каганом», обращаю внимание на гипотетичность построения С. А. Высоцкого. В то же время из его гипотезы делаются новые предположения о возможности перехода этого титула и к сыну Святослава Олегу. [Адрианова-Перетц. «Слово» и памятники. С. 18.] Но в данном случае мы имеем дело уже не с чисто умозрительным заключением. Граффити Софии никак не может подкрепить «определение» Бояново в Слове. Н. И. Гаген-Торн считает, что речь должна идти об Олеге Вещем и Игоре Рюриковиче, который и был «хоть» (любимец) Олега.[Гаген-Торн Н. И. О филологическом и историческом анализе «Слова о полку Игореве»//Советская археология. 1970. № 3. С. 283–287.]

Очень сложное понимание текста предлагает О. Сулейменов, делая соавтором писателя XII и переписчика XI столетия. Именно перу последнего он приписывает глоссу «песнотворец старого времени», появление ошибочного чтения «Боян» вместо «кън» (т. е. Гзак). В упоминании «ходыни» (бабы) Святослава и «хоти» Олега О. Сулейменов видит намек на половецких жен этих князей. Дальнейший текст Игоревой песни был, по мнению Сулейменова, оборван (к XVI в. не сохранился в первоначальном виде) и заменен переписчиком XVI столетия панегириком Игорю (со слов «Тяжко ти головы»). [Сулейменов О. Аз и я. С. 122–138.] Считая, что Задонщина основывалась на полном тексте Слова, О. Сулейменов полагает, что Игорева песнь первоначально заканчивалась печальным монологом Игоря, произнесенным перед Овлуром, а не славой. Доказательства позднейшего происхождения концовки Слова у О. Сулейменова сводятся прежде всего к идейному ее несоответствию основной части памятника (похвала Игорю, в отличие от осуждения князя).[Для придания идейной целостности Слову О. Сулейменов относит к творчеству переписчика XVI в. и текст «Певше песнь старым княземъ... на поганья плъки», ибо в нем содержится похвала Игорю и христианские мотивы (в отличие от языческой стихии Слова). Там же. С. 133–134] Но противоречивость идейной структуры произведения может быть объяснена по-разному (в том числе сложностью мирозерцания автора XII или особенностями работы и взглядов составителя XVIII в.). Поэтому соображения Сулейменова не имеют убеждающей силы. Но отмеченная им противоречивость остается фактом.

О. Сулейменов верно отмечает, что путь Игоря к Киеву (а не в Новгород-Северский) не оправдан, путь по Боричеву идет не из Поля, а из глубин Руси. Но все это можно объяснить не деятельностью переписчика XVI в., а неосведомленностью автора XVIII в. Органичность связи концовки с текстом всего памятника я, в частности, вижу в близости рассуждения о радости «стран» с Ипатьевской летописью.

Княземъ слава а дружинѣ. Аминь — союз «а», ставивший в недоумение многих исследователей, в данном случае соединительный (полонизм?), а не разъединительный. Р. О. Якобсон в своей реконструкции совершенно произвольно заменяет «Аминь» существительным «чьсть».[Jakobson R. La Geste du Prince Igor' // Jakobson. Selected Writings. P. 190.] Никакой необходимости для этого я не вижу.

Таким образом, изучение языковых особенностей и «темных мест» Слова о полку Игореве не дает никаких прочных оснований в пользу древности происхождения этого памятника.

Автор Слова не был ученым лингвистом, изучившим законы развития древнерусского языка. [«Чтобы создать подобную языковую ткань искусственно, надо быть гигаитом-лингвистом, упредившим чуть ли не на столетие состояние науки о языке» (Орлов. Слово. С. 212).] Многочисленные ошибки в употреблении грамматических форм невозможны были бы у ученого-языковеда, который бы стремился уложить весь языковой строй памятника в определенную систему. Перед нами совсем другое лицо — книжник, начитанный в древнерусских текстах, привыкший к строю их языка. Стремясь воспроизвести язык Древней Руси, он сочетал знакомые ему нормы церковнославянского языка с элементами просторечья. Этот путь в дальнейшем в русской художественной литературе получил широкое распространение и дожил до XX в.

Автор Слова хотел стилизовать свое произведение под «древность», используя для этой цели словарный состав Ипатьевской летописи и Задонщины. Вместе с тем в лексике Слова о полку Игореве обнаруживаются следы знакомства автора с элементами украинского, белорусского языков и значительный пласт слов позднего происхождения.

Говоря об историках, разделяющих взгляд о создании Слова в конце XVIII в., академик М. Н. Тихомиров пишет, что они не считаются «с той элементарной истиной, что в конце XVIII столетия, когда было обнаружено „Слово о полку Игореве“, во всей России не было людей, которые сумели бы написать большое произведение речью XII века». [Тихомиров. Русская культура. С. 65.] С этим доводом трудно согласиться. Кстати, подобные соображения по другому поводу в 1862 г. высказывал академик

А. А. Куник. Он писал: «Я решительно утверждаю, что *никто* из чешских литературоведов не сумел бы сочинить на *правильном* древнечешском языке стихотворения такого объема и содержания, как Суд Любуши и Краледворская рукопись». [Купик А. А. Спор о подлинности Суда Любуши и Краледворской рукописи // Записки Академии наук. СПб., 1862. Т. 2. С. 1.] Позднее происхождение обоих творений Ганки, как известно, уже после этого было доказано. Что же касается Слова о полку Игореве, то прав М. Н. Тихомиров, говорящий в той же статье: «Вообще нельзя представлять себе Москву XVIII века какой-то пустыней, где не было образованных людей». [Тихомиров. Русская культура. С. 66.] Язык Слова, несмотря на стилизацию «под древность», выполненную на основе Задонщины и Ипатьевской летописи, дает достаточно данных для того, чтобы судить о поздних явлениях в лексике, морфологии и синтаксисе памятника и сделать предварительные выводы о строе языка его автора.

Глава VI. В ПОИСКАХ АВТОРА СЛОВА О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ

Итак, мы приближаемся к тому, чтобы попытаться определить время создания и автора Слова о полку Игореве. В ходе предыдущего исследования было установлено, что это произведение не могло быть написано ранее XVI в. Зная историю русского литературного процесса в XVI — первой половине XVIII в., можно с уверенностью полагать, что и в это время Слово появиться не могло. История литературы этого периода уже представлена значительным числом памятников. Они дают как бы то обрамление, которому должно соответствовать любое найденное вновь художественное произведение. Но Слово о полку Игореве в эти рамки не вписывается. Такое сочетание книжной стихии с народной в гармоничном поэтическом произведении требует сравнительно высокого уровня развития литературы. Только с 70-х гг. XVIII в. появляется настолько глубокий интерес к устно-поэтическим произведениям, что они начинают издаваться, превращаясь в образцы для подражания. В это же время мифология Древней Руси проникает на страницы литературных произведений, расцветая пышным цветом в Слове о полку Игореве.

Ни от XIII–XV вв., ни даже от XVI–XVII вв. до нас не дошло ни одного памятника поэзии, сопоставимого со Словом о полку Игореве. Датируя Слово XII в., мы вынуждены допустить такой многовековой регресс русской литературы, что это вошло бы в вопиющее противоречие с нашими представлениями о поступательном ходе русского литературного процесса в XII–XVII вв.

Сравнительно позднего происхождения и многоцветный языковой спектр Слова о полку Игореве. Недавно Н. И. Толстой показал, что в конце XVI — начале XVII в. в Западной Руси определялись нормы древнеславянского языка, воздействовавшие на весь греко-славянский ареал. К середине XVII в. он сместился в Киев, чтобы потом во второй половине века уступить место Москве.[Толстой Н. И. Взаимоотношение локальных типов древнеславянского литературного языка позднего периода//Славянское языкознание. М., 1963. С. 244–245.] Лингвистическая пестрота литературного языка Слова с его явным присутствием западнорусского койне не может быть датирована временем во всяком случае ранее конца XVI — начала XVII в., когда в Западной Руси вызрели необходимые предпосылки сложения нового «извода» древнеславянского языка. Но поскольку украинско-польско-белорусские элементы в Слове не столь значительны, то его язык может быть уже отнесен к позднему, московскому «изводу».

Есть и еще обстоятельство, которое делает невозможной раннюю датировку Слова. Песнь об Игореvem походе написана одноопорным речитативом, который стал утверждаться в народном эпическом творчестве только с середины XVIII в. Кроме того, в Слове отчетливо проявляются черты яркой индивидуальности автора.[Об этом см. главу V.] Однако в древнерусской литературе, говоря словами В. В. Виноградова, авторское начало «вообще тускло просвечивает», а поэтому в ней господствуют нормы не индивидуального, а жанровых и этикетно-тематических стилей. Вывод В. В. Виноградова разделяет в какой-то степени Д. С. Лихачев. Он считает, что «в пределах до XVII в. индивидуальные особенности стиля сказываются значительно слабее, чем в литературе нового времени», ибо «авторское начало вообще слабее сказывается в древней литературе, чем в новой».[Лихачев. Текстология. С. 313.] По наблюдению В. В. Виноградова, «категория индивидуального стиля не выступает как фактор литературной дифференции и оценки произведений почти до самого конца XVII в.».[Виноградов В. В. Проблема авторства и теория стилей. М., 1951. С. 45.] Так, он обратил внимание на то, что в труде Н. К. Пиксанова «Старорусская повесть» (1923 г.) к повестям до начала XVIII в. ставится лишь задача определения психологии повести, а не вопрос об их авторах (например, «Повесть о Карпе Сутолове и ее литературный тип»). «Исключение одно, — пишет В. В. Виноградов, — „Слово о полку Игореве“. Для него названа тема в явно модернизированной формулировке».[Виноградов В. В. Проблема авторства и теория стилей. М., 1951. С. 45.] Теперь мы можем с уверенностью подтвердить вывод В. В. Виноградова с тем лишь уточнением, что Слово о полку Игореве вполне укладывается в общее правило, а не является исключением из него. Отсутствие жанровой определенности при резко выраженных особенностях авторского стиля делает маловероятным появление Слова ранее конца XVII в.

Практически нужно исходить из того, что Слово о полку Игореве могло быть написано только после 1767 г., когда вышли в свет «Никоновская летопись» и «Библиотека Российская» (Кенигсбергская летопись), т. е. предполагаемые источники памятника. Допустить же, что автор кроме Задонщины и Ипатьевской летописи располагал также списками и этих двух летописей, очень трудно.

К рукописи Слова о полку Игореве, насколько нам известно, имели непосредственное отношение только пять человек.[Ч. Мозер предположил, что составителями Слова могли быть фольклорист Н. А. Львов и историк И. Н. Болтин (Moser Ch. The Problem of the Igor Tale//Canadian-American Slavic Studies. 1973. Vol. 7, N 2. P. 135–154). Однако у нас нет никаких данных о знакомстве обоих лиц с рукописью Слова. Общая образованность и историко-литературные интересы их не дают еще оснований для

подтверждения гипотезы Мозера. Вряд ли И. Н. Болтин участвовал в комментировании Игоревой песни (об этом см. главу VII).] Это — три издателя (А. И. Мусин-Пушкин, Н. Н. Бантыш-Каменский, А. Ф. Малиновский), Н. М. Карамзин [Гипотезу об авторстве Карамзина высказал К. Трост (Trost K. Karazin und das Igorlied//Anzeigen für slavische Philologie. 1974. Bd 7. S. 128–145). {См.: Прохоров Г. Снова подозревается Карамзин: (Еще одна гипотеза об авторе «Слова о полку Игореве»)//РЛ. 1975. № 3. С. 235–239.}] и архимандрит Спасо-Ярославского монастыря Иоиль, у которого А. И. Мусин-Пушкин приобрел рукопись. [Как установил В. П. Козлов, писатель и историк И. П. Елагин, входивший в круг друзей А. И. Мусина-Пушкина, видел рукопись «Слова» в собрании графа в 1788–1790 гг. и дал самое раннее ее описание. См.: Козлов В. П. Кружок А. И. Мусина-Пушкина и «Слово о полку Игореве». М., 1988. С. 48–60.] По мнению Н. К. Гудзия, издатели Слова не могли быть его составителями уже по одному тому, что они не всегда понимали текст памятника, который ими публиковался. Именно поэтому они допускали ошибки и в членении текста на слова, и в переводе его на современный им русский язык, и в комментариях. [Гудзий. По поводу ревизии. С. 117 и след.] Н. М. Карамзин, конечно, обладал большими историческими познаниями и поэтическим даром. В 1791 г. он издал перевод отрывков из «Оссиана». Он один из первых сообщил в печати о находке Слова. К нему попал подлинник перевода Слова еще до издания. У него был и один из источников Слова — Ипатьевская летопись. Но всего этого еще недостаточно. А несомненные черты украинского и белорусского языков в Слове в сочетании со значительными следами чисто церковной культуры делают невозможным участие Карамзина в создании Слова. [См. также: Дмитриев Л. А. Карамзин Николай Михайлович//Энциклопедия. Т. 3. С. 14–18.]

Из предшествующего мы получили уже некоторые сведения и о самом авторе. Это был человек начитанный в древнерусской литературе, наделенный несомненным поэтическим талантом. В языке его обнаруживаются следы украинской, белорусской и польской лексики и морфологии, а в произведении чувствуется особый интерес к Полоцку и Чернигову. Судя по хорошему знанию автором Слова библейских образов и церковнославянского языка, он, скорее всего, принадлежал к духовенству.

Когда представляешь себе начитанного в древнерусской и церковной литературе автора XVIII в., жизненный путь которого перекликается с мотивами Слова о полку Игореве, то приходится остановиться на фигуре Ивана (Иоиля) Быковского, первого владельца рукописи этого произведения.

Вопрос об Иоиле-Иване Быковском как авторе Слова о полку Игореве мог быть поставлен только после 1956 г., когда появились статьи В. В. Лукьянова и Ф. Я. Приймы, содержавшие первую сводку биографических сведений об этом примечательном во многих отношениях писателе. [Лукьянов В. В. 1) Первый владелец рукописи «Слова о полку Игореве» — Иоиль Быковский // ТОДРЛ. М.; Л. 1956. Т. 12. С. 42–45; 2) Первый владелец рукописи «Слова о полку Игореве»// Северный рабочий (Ярославль). 1956. 4 сент.; Прийма. К истории открытия. С. 46–54.] В. В. Лукьянов впервые в литературоведческой науке упомянул и фамилию Иоиля. [Иоилям интересовался археолог и филолог А. Киркор (1818–1886) (Каханоуст Г. А. Львоускае рэха//Полымя. 1971. № II. С. 217).]

Быковский, вероятно, происходил из Белоруссии. Там эта фамилия бытует и до сегодняшнего дня. Генеалогию белорусских Быковских в конце XVI — первой трети XVII в. можно проследить по материалам архива западнорусских униатских митрополитов. Первое сведение о минском войте Иване Федоровиче Быковском, владельце имения Колодязи Минского повета, относится к 1588 г. [Описание. Т. 1. № ИЗ. Ср. № 123, 132, 326, 341, 440, 605. На эти документы мое внимание обратил безвременно почивший А. Н. Мальцев. Г. А. Кохановский также считал И. Быковского уроженцем минского воеводства (Каханаускі Г. А. Львоускае рэха. С. 217).] У него было два сына: Павел Иванович, имевший сына Ивана, [Описание. Т. 1. № 269 (1604 г.), ср. № 349.] и

Федор Иванович, также минский войт.[Описание. Т. 1. № 269 (1604 г.), № 376 (1614 г.).] Последнему в 1601 г. принадлежало имение Бахаровичи Минского повета.[ГБЛ, ф. 218, № 329/3; Кудрявцев И. М. Новые поступления//Записки Отдела рукописей Гос. библиотеки им. В. И. Ленина. М., 1954. Вып. 17. С. 100.] У Федора известны три сына: Иван (Ян), встречающийся в документах 30-х гг. XVII в., Александр и Петр. Так как Федор умер рано, то опекуном его детей сделался их родич Лев Александрович Быковский (его отец встречается в документе 1607 г.).[Описание. Т. 1. № 588, 595, ср. № 287.]

Установить генеалогические взаимоотношения многих Быковских не представляется возможным. Так, в 1613 г. упоминается некий Василий Тиша, а в 1638 г. — Федор Тиша-Быковский.[Описание. Т. 1. № 372, 700.] Михаил, Иван (Ян) и Гаврила Тиша-Быковские упоминаются в 1726 г.[Описание. Т. 2. № 1212, 1243.] Известны еще Николай Быковский (1634 г.) [Описание. Т. 2. № 643.] и Ян Станислав Быковский, в самом конце XVII — начале XVIII в. владевший «по заставному праву» сенокосом Губичи на р. Сяжь, расположенным около вотчин Радзивилов.[Описание. Т. 1. № 1055, 1058, 1059, 1061; Описание. Т. 2. № 1067, 1068, 1156 (1694–1713).]

А. Грицкевич любезно сообщил нам, что в инвентаре Слуцкого княжества (а именно там и селилась мелкая православная шляхта) в 1600 г. упомянут служилый шляхтич «земянин Слуцкого княжества пан Мартин Быковский», имевший за свою службу «конь» земли (5 волок = 106.5 га), т. е. то количество земли, с которого выставляется 1 всадник.[ГАМО, ф. 694, оп. 2, д. 7381, л. 6.] В завещании княгини Марии Радзивил (составленном в 1659 г.) также упоминается некий Быковский. Он находился у нее «в услужении» и получил по завещанию 4000 золотых, т. е. был не простым слугой, а шляхтичем.[Минская старина. Минск, 1913. Вып. 4. С. 49.]

Мелкая православная шляхта составляла до конца XVIII в. основную массу служилого люда в районе Слуцка. Она насчитывала до 10 % всего населения и по социально-экономическому положению уже опустилась до уровня крестьян. Именно поэтому, очевидно, позднее в Киеве Ивана Быковского считали «посполитым», [Акты и документы, относящиеся к истории Киевской Академии. Отд. 2 (1721–1742). Киев, 1905. Т. 2. С. 63. О том, что Быковский происходил «с посполитых», сообщает и «Ведомость о черниговских настоятелях» 1768 г. (Черниговский обл. архив, ф. 679, оп. 1, ед. хр. 942).] т. е. простолюдином, крестьянином.

Фамилия «Быковский» в XVIII в. бытовала не только в Белоруссии. Встречалась она изредка и на Украине. Сама по себе она вопроса о происхождении Иоилия не решает. Но интересно, что автор Слова о полку Игореве пользовался текстом Задонщины, близким именно к белорусскому Синодальному списку. Да и в языке Слова можно обнаружить следы явлений, не чуждых белорусскому языку. Речь идет о так называемой мене «ш» и «с» в словах «шизий», «шеломянемъ», «шерешеры», «вась» (вместо «ваш»). [О произношении в современных белорусских говорах мягкого «с» как звука, среднего между «с» и «ш», писали А. А. Шахматов, Е. Ф. Карский и П. А. Расторгуев (Расторгуев П. А. К вопросу о ляхских чертах в белорусской фонетике//Труды постоянной комиссии по диалектологии русского языка. Л., 1927. Вып. 9. С. 40, 48 и др.). Что же после этого может дать исследователю замечание Ф. П. Филина о том, что «цоканье и мена с и ш не были свойственны украинскому языку и основной части белорусского языка» (Рыбаков, Кузьмина, Филин. Старые мысли. С. 174). Об украинском языке я в этой связи не говорил ни слова, а значительной части белорусского языка отмеченные явления были свойственны.] Эта мена есть в белорусском списке Задонщины (Синодальном), где находим «шаблею» вместо «саблею». Н. М. Каринский увидел в отмеченном явлении Слова один из «псковизмов» мусин-пушкинской рукописи.[Каринский Н. М. Мусин-Пушкинская рукопись «Слова о полку Игореве» как памятник псковской письменности XV–XVI вв. //ЖМНП. 1916. Декабрь. С. 199–214.] Это вызвало решительные возражения ряда лингвистов. Так, в реферате, прочитанном в семинаре А. А. Шахматова (1917 г.), Р. О. Якобсон писал: «Каринский не мог обнаружить в мусин-пушкинской рукописи ни одной

доподлинной черты псковской орфографии, а лишь извлекал единичные ошибки и описки, которые по существу своему весьма мало показательны».[Якобсон Р. Слово о полку Игореве. Язык и орфография мусин-пушкинской рукописи (по поводу статьи проф. Каринского): Архив АН СССР (Ленинградское отделение), ф. 134, оп. 2, ед. хр. 249, с. 17.] Позднее В. В. Виноградов доказал, что «ни одна из приведенных проф. Каринским особенностей ее текста не указывает непосредственно на Псков, и даже взятые все вместе черты орфографии и языка этого памятника решительно отделяют его от большинства древнепсковских рукописей».[Виноградов В. В. Исследования в области фонетики севернорусского наречия//ИОРЯС. 1922. Т. 24. кн. 1. С. 217.] В Слове встречается несколько случаев мены «ч» и «ц» (например, «вѣчи» с. 14, «лучи» с. 39, «сыновья» с. 26, «Галичкы» с. 30, «русици» с. 6, «сморци» с. 39).

С. П. Обнорский объяснял это явление чертами новгородского диалекта одного из промежуточных списков Слова.[Обнорский. Очерки. С. 148.] Но его с не меньшей степенью правдоподобия можно объяснить особенностями белорусского языка.[Мачульскі. Да пытання. С. 115.]

Впрочем, В. Н. Новопокровская подметила, что мена «ч» и «ц» обнаруживается в Слове в подавляющем большинстве случаев в окончаниях, хотя в диалектах подобное явление присуще и другим частям слов. Создается впечатление об искусственности этого явления в Слове (автор как бы не знал законов цоканья и пользовался им с опаской). Зато к западнорусизмам можно отнести характерную мену «а» на «о» перед губными («Ярослов» вместо «Ярослав», возможно сходное «босуви» вместо «босови»). Да и другие языковые особенности Слова (аканье, смешение «ѣ» и «е», «ѣ» и «и», «ы» и «и» и др.) встречаются в памятниках письменности XVIII в., относящихся к южной Белоруссии.[Это наблюдение сообщено В. Н. Новопокровской в беседе со мной.] Р. О. Якобсон «несомненный белорусизм» видел в форме «гримлют».[Архив АН СССР (Ленинградское отделение), ф. 134, оп. 2, ед. хр. 249, с. 17.]

Еще П. П. Вяземский писал, что «судьба Полоцкого княжества есть задушевная мысль поэта, и потому довольно правдоподобно его близкое отношение к Западному Русскому краю».[Вяземский П. Слово о пълку Игоревѣ: Исследование о вариантах. СПб., 1877. С. 4.] Автор не только сочувственно относится к полоцким князьям Всеславу и его потомкам.[Об отношении автора Слова к Всеславу см.: Рыбаков Б. А. Древняя Русь. Сказания. Былины. Летописи. {М.}, 1963. С. 80, 94 и др.] Он знает о полоцком соборе св. Софии, заново отстроенном в 1750 г., упоминает реку Немигу (приток р. Свислочи в районе Минска) и, возможно, местечко Дудичи («Дудутки») на р. Птичь, в 40 км южнее Минска.[Дудичи были хорошо известны в XVIII в. (Семенов В. П. Россия. СПб., 1905. Т. 9. С. 520). См.: Барсов Н. П. Очерки русской исторической географии. Варшава, 1885. С. 185; Mazon. Le Slovo. P. 161; Кудряшов. Половецкая степь. С. 79. В литературе до настоящего времени бытует легенда о том, что Дудутки — местечко под Новгородом (Лихачев. Слово-1955. С. 83; Слово-1950. С. 458). Основана она на разговоре Н. М. Карамзина с К. Ф. Калайдовичем. Н. М. Карамзин якобы говорил, что Дудутки «это местечко близ Новагорода, где и теперь монастырь, так называемый на Дудутках» (Полевой. Любопытные замечания. С. 20). Но никакого монастыря «на Дудутках» под Новгородом не существовало (Прийма Ф. Я. Зориан Доленга-Ходаковский и его наблюдения над «Словом о полку Игореве»//ТОДРЛ. М.; Л., 1951. Т. 8. С. 89). Впрочем, не исключено и мнение Р. О. Якобсона, читающего «съду токь», что подкрепляется украинским фольклором («дуй точок»). См.: Jakobson. Selected Writings. P. 159.] Близость по социальному положению к крестьянству объясняет несомненную симпатию автора Слова к «ратаям», которые страдали от бесконечных войн и в XVIII, и в XII вв.

Дата рождения Ивана Быковского (30 марта 1726 г.), сообщаемая ярославским и ростовским архиепископом Арсением Верещагиным,[Прийма. К истории открытия. С. 49] подтверждается и другими источниками. Так, в ведомости о черниговских настоятелях 1768 г. говорится, что Иоилу в то время было 42 года, т. е. родился он в 1726 г.

[Черниговский обл. архив, ф. 679, оп. 1, ед. хр. 942.] В актах Киевской духовной академии сказано, что он принял монашество в 1757 г. в «30 лет».[Акты и документы... Отд. 2. Т. 2. С. 63.] Это произошло 29 марта 1757 г., т. е. когда ему еще было 30 лет.[Черниговский обл. архив, ф. 679, оп. 1, ед. хр. 942. Арсений ошибочно пишет, что Иоиль пострижен в монахи в 1754 г. (Прийма. К истории открытия. С. 49).] Итак, три независимых друг от друга источника называют 1726 г. как дату рождения Ивана Быковского. В. В. Лукьянов, а вслед за ним В. Д. Кузьмина предпочитают другую дату— 1706 или 1707 г., ссылаясь на предисловие к «Истинне» (1787 г.), где говорится, что автор издавал эту книгу в возрасте 80 лет.[Лукьянов В. В. Первый владделец... С. 44; Кузьмина В. Д. Мог ли архимандрит Иоиль написать «Слово о полку Игореве»?//ИОЛЯ. 1966. Вып. 3. С. 198–199; Крестова, Кузьмина. Иоиль Быковский. С. 26–27. О ведомости о черниговских настоятелях В. Д. Кузьмина умалчивает, а ссылку на «Указную книгу» Киевской консистории не считает «авторитетной», так как этот памятник дошел до нас в черновой копии. Последний довод отвести свидетельство «Указной книги», конечно, не может. См. также: Кахшюўскі Г. Л. Львоўскае рэха. С. 217.] Вероятно, перед нами простая опечатка или описка (надо: 60 лет). В Государственной Исторической библиотеке сохранился экземпляр «Истинны» с надписью С. П. Соковнина (директор училища в Ярославле с 1786 г.).[О нем см.: Скульский А. В. Исторический очерк столетнего существования дома призрения ближнего в Ярославле. Ярославль, 1886. С. 22.] В ней читаем: «Сочинитель сей книги муж ученый и добродетельный, последний священноархимандрит Спасо-Ярославского монастыря Иоиль, остаток дней своих препроводя на обещании в означенном монастыре богоугодно, переселился в вечное блаженство 1799 года 92 лет от рождения».[Во второй надписи Соковнин писал: «Я, Сергей Саковнин, будучи несколько лет при должности в г. Ярославле, пользовался знакомством сего почтенного мужа, почасту наслаждался его приятною со мною беседою и духовными наставлениями».] Цифре «92 года» мы не должны придавать какого-либо значения. Она, очевидно, происходит из даты выхода книги и указания Иоиля, что он ее писал, «дожив до 80 лет». Полагая, что Иоиль умер в 1799 г. (на самом деле в 1798 г.), Соковнин высчитал его возраст, исходя из предисловия к книге.

В 1741 г. Иван Быковский поступил в Киево-Могилянскую академию,[В 1742 г. он уже был учащимся «инфимии», т. е. второго класса Академии (Акты и документы... Отд. 2. Т. 2. С. 462). Дата поступления Быковского в Академию подтверждает наш вывод о времени его рождения: в Академию обычно поступали в возрасте до 16 лет.] где он сначала обучался, а затем, во всяком случае уже в 1750 г., был инспектором и преподавал латинский язык.[Акты и документы... Отд. 2. Т. 2. С. 8.] Цикл обучения состоял в то время из 8 классов и в среднем продолжался около 12 лет. Должность инспектора предоставлялась преимущественно нуждавшимся ученикам богословского и философского классов.[Голубев С. Т. Киевская академия в конце XVII и начале XVIII столетий//Труды Киевской духовной академии. 1901. Ноябрь. С. 79.] Возможно, к числу именно таких учеников и принадлежал Быковский.

Киевская академия в середине XVIII столетия переживала пору своего расцвета. [Тітов Хв. Стара вища освіта в Київській Україні XVI — поч. XIX в. У Києві, 1924. С. 159.] Из ее стен вышли замечательные мыслители, русские и украинские писатели и ученые. Так, в бытность Быковского в Академии там обучались великий украинский философ Г. С. Сковорода (1722–1794),[Г. С. Сковорода, очевидно, обучался в Академии с 1734 г. (Махновець Л. Григорій Сковорода. Київ, 1972. С. 68).] русский просветитель Я. П. Козельский (1728–1794), идеолог разночинной интеллигенции Г. В. Козицкий (1729–1775), украинский историк Г. Полетика (1715–1784), писатель Ф. А. Эмин (ок. 1735–1770).

К числу наиболее талантливых преподавателей Киевской духовной академии принадлежал видный писатель, а позднее борец против унии Георгий Конисский. Он родился в 1717 г., в 1743 г. кончил Академию и в 1745/46 г. впервые читал лекции по пиитике. Именно этот первый курс и был записан Быковским.[Петров Н. Описание рукописей Церковно-археологического музея при Киевской духовной академии. Киев,

1877. Вып. 2. № 426 (I. III.82.3). С. 390–391.] Конисский в целом следовал за учебником Феофана Прокоповича. Впрочем, новостью его курса было прибавление, в котором говорилось об основах русского стихосложения (ранее студентов учили только латинскому, преимущественно силлабическому). В своих лекциях Конисский распространял на Украине передовые теоретико-литературные идеи М. В. Ломоносова и В. К. Тредиаковского. В 1746 г. он написал интересную драму «Воскресение мертвых», не лишенную социальных мотивов. В ней Конисский выступал противником закрепощения украинских крестьян и лихоимства властей.[Подробнее см.: Шолом Ф. Я. Просветительские идеи в украинской литературе середины XVIII века//Проблемы русского просвещения в литературе XVIII века. М.; Л., 1961. С. 52–53.] В 1749 г. Конисский читал уже лекции по философии и занимал должность префекта. В 1751 г. он читал курс богословия, который также сохранился в записи Быковского.[Петров Н. Описание... Киев, 1875. Вып. 1. № 91 (I.1.2.2). На титульном листе надпись: «ab Joanne Bykowsky, qui 1757 anno factus monachus et dictus est Joel».] Курс этот повторял «Христианское православное богословие» Феофана Прокоповича.[В Ярославском музее сохранилось произведение Феофана Прокоповича «Мнение о неудобно-носимом законном иге», переписанное в 1753 г. Иоилем Быковским (Ярославский музей, № 15150). В Архиве Ярославской области находятся сочинения Феофана, переписанные Иоилем в 1757 г. (Ярославский архив, А-1072-р).] В 1752–1755 гг. Конисский был ректором Академии.

В приложении к конспекту лекций Г. Конисского по пиитике Быковский поместил около 120 стихотворных произведений, главным образом на русском языке, а также на латинском и польском. Это силлабические стихотворения панегирического содержания. Посвящены они преподавателям Академии.

П. Житецкий автором одного из этих стихотворений считает Г. Конисского. [Житецкий П. Памяти Георгия Конисского//Киевская старина. 1895. Февраль. С. 260. Его мнение разделяют Л. В. Крестова и В. Д. Кузьмина (Кузьмина В. Д. Мог ли архимандрит Иоиль... С. 204; Крестова, Кузьмина. Иоиль Быковский. С. 29).] Впрочем, никаких доказательств он не приводит. Скорее всего, того факта, что вирши находились в сборнике с лекциями Конисского, показалось Житецкому[ЦНБ АН Украины, № I.III.82.3, л. 151.] достаточно, чтобы счесть лектора их творцом.[Н. И. Петров также без сколько-нибудь убедительных доказательств ссылается на стихотворение «Чиста птица голубица» (из того же сборника) как на произведение Конисского (Петров Н. И. Киевская искусственная литература XVII и XVIII вв., преимущественно драматическая//Труды Киевской духовной академии. 1909. Июнь. С. 289, ср.: Собр. соч. Г. Конисского. Изд. И. Григоровичем. СПб., 1835. Ч. 1. С. X).] Не исключено, что в составлении виршей могли принимать участие различные ученики Киевской академии. Во всяком случае одно из них прямо посвящено Г. Конисскому. Вопрос о принадлежности этих стихов Ивану Быковскому еще остается неясным.

Перед нами еще юношеские упражнения на «пиитические темы», показывающие знакомство их автора (или авторов) с основными правилами силлабического стихосложения.

Из Академии Быковский вышел широко образованным человеком. Уже в 1750 г. он преподавал латинский язык, знал немецкий и греческий, а позднее читал проповедь по-польски.[Черниговский обл. архив, ф. 679, оп. 1, ед. хр. 942; Ярославские епархиальные ведомости. 1892. № 35. С. 551; Лукьянов В. В. Первый владделец рукописи... С. 43.] Украинский, белорусский и русский языки для него составляли родную языковую среду, в которой он провел все свои годы.

Иоиль мог быть знаком с отдельными восточными словами турецкого происхождения, потому что жил на Украине, где они были очень распространены.

Нам уже приходилось обращать внимание на черты польского, украинского и белорусского языков, на наличие ориентализмов в Слове о полку Игореве. Конечно, можно допустить, что в XII в. существовал странствующий галицкий певец, побывавший в

Польше и в Полоцко-Минской земле, воспринявший элементы лексики языкового строя разных народностей. В таком случае пришлось бы говорить о механическом смешении в его языке диалектных особенностей, которые позднее вошли в состав белорусского и украинского языков. Есть и другая возможность. Могло случиться так, что промежуточные списки Слова бытовали на Украине и в Белоруссии, что наложило на язык памятника соответствующий отпечаток. Но это допущение невозможно принять не только потому, что лексические особенности Слова срослись с его текстом (например, «свычая и обычая» Глебовны, «на ниче ся години обратиша»), но и потому, что они соответствуют связи памятника с украинским и белорусским фольклором. А это уже говорит об органичности элементов белорусского и украинского языков в Слове. Но все это легко объясняется в том случае, если мы признаем, что автором Слова был Иван Быковский, судьба которого переплеталась с судьбами всех трех братских славянских народов, входивших в состав России.

В заключительной части Слова рассказывается о том, как «Игорь ѣдет по Боричеву къ святѣй Богородици Пирогощей». Оба урочища упоминаются в Ипатьевской летописи. Автор Слова знал топографию Киева, ибо действительно, спускаясь по Боричеву увозу (какое из двух месторасположений этого увоза ни принимать [Бліфельд Д. До питання про Боричів узвіз стародавнього Києва // Археологія. Київ, 1948. Т. 2. С. 130–144.]), можно было попасть к церкви Успенья Богородицы («Пирогощей»). [Каррер М. К Древний Киев. М.; Л., 1961. Т. 2. С. 438. О «Пирогощей» см. также: П. Л[ебе-()]инце]в. Еще одна из древнейших церквей в Киеве // Киевская старина. 1887. № 12. С. 779–782; Антонии. Киево-Подольская Успенская соборная церковь. Киев, 1891; Малмшевский Н. О церкви и иконе св. Богородицы под названием «Пирогощи», упоминаемых в летописях и Слове о полку Игореве // Чтения в историческом обществе Нестора Летописца. Киев, 1891. Кн. 5. С. 113–133; Завитневич З. З. К вопросу о происхождении названия и месторасположении церкви св. Богородицы Пирогощей // Труды Киевской духовной академии. 1891. № 1. С. 156–164. {См. также: Белоброва О. А., Творогов О. В. Пирогощя // Энциклопедия. Т. 4. С. 105–107.}] Правда, остается непонятным, почему в Киеве, где была Святая София и другие соборы, Игорь остановил свое внимание на церкви Богородицы. Она в XII в. не была сколько-нибудь знаменита и с 30-х гг. исчезла вовсе со страниц летописей. Для того чтобы объяснить появление Пирогощи в Слове, Д. С. Лихачеву приходится прибегать к целой серии допущений и догадок. Игорь якобы едет в Киев, чтобы «выполнить свой обет Богоматери Пирогощей, данный им в плену» (ни в летописи, ни в Слове об этом не говорится). В Киев понадобилось ему ехать, так как, «по-видимому, ни в Чернигове, ни в Новгороде-Северском не был развит специальный богородичный культ, связанный с защитой от врагов этих городов» (новое допущение). Наконец, выбор самого храма (Пирогоща) объяснялся тем, что Игорь не был киевским князем и не мог ехать «в патрональные храмы Киева» (Софию, Богородицу Десятинную). [Лихачев Д. С. «Пирогощя» «Слова о полку Игореве» II Лихачев. «Слово» и культура. С. 227–228.] Еще одно умозрительное построение.

Все становится понятным, если мы допустим, что предполагаемый нами автор Игоревой песни хорошо знал Киев второй половины XVIII в. Ведь с 1750 по 1786 г. Успенская церковь в Киеве была соборной, а в 1770–1772 гг. заново отремонтирована после повреждений, причиненных ей пожаром 1717 г. [Антонин. Киево-Подольская Успенская соборная церковь. С. 17–28.] Находилась она на Подоле по соседству с Киевской духовной академией. Так «Пирогоща» Слова ведет нас к Киеву XVIII в., где в Академии до 1758 г. учился и преподавал Иван (Иоиль) Быковский. [Б. А. Рыбаков пишет, что, когда князья въезжали в Киев, они прежде всего отправлялись на поклонение храму св. Софии, а не какому-либо другому. По его мнению, упоминание Пирогощей, расположенной на Подоле, может означать только то, что Игорь уезжал из Киева, двигаясь «по Боричеву». Храм этот удостоился упоминания потому, что на 15 августа (когда, по расчетам Б. А. Рыбакова, Игорь должен был покидать Киев, возвращаясь в Северскую

землю) приходится престольный праздник Успения Богородицы (Рыбаков. «Слово» и современники. С. 276–277).]

Еще в декабре 1757 г. Елизавета послала распоряжение киевскому митрополиту Арсению подыскать «добродетельного и ученого человека» для занятия вакантной должности дьякона в сухопутном шляхетском корпусе в Петербурге.[ЦГВИА, ф. 314, д. 2905, л. 7 об.] Поиски затянулись. В феврале в корпус был определен Иван Быковский, но указ о его назначении был издан только в июне 1758 г.[ЦГВИА, ф. 314, д. 2905, л. 15; Акты и документы... Т. 2. С. 212.]

Перед тем как покинуть стены Киевской академии, он в 1757 г. постригся и получил монашеское имя — Иоиль.[Акты и документы... Т. 2. С. 63.] Вскоре после этого (в сентябре 1757 г.) он стал наставником и преподавателем в школе аналогии.[Акты и документы... Т. 2. С. 203. Сохранились краткие характеристики студентов Академии, дававшиеся Иоилем как наставником школы аналогии в 1757/58 учебном году (ЦНБ АН Украины, отд. рукоп., Муз. № 1003, л. 581 об. — 584).] По определению Киевской духовной консистории от 23 февраля 1758 г. Иоиль был переведен в шляхетский кадетский корпус в Петербурге.[Акты и документы... Т. 2. С. 212.] Память о своем пребывании в Академии он сохранил на долгие годы.[В 1782 г. он подарил в библиотеку Академии рукописную книгу, содержащую «Беседы Евангельские» с надписью: «Hunc librum applicavit bibliothecae Academiae Kijoviensis illustrissimus abbas nec non magnificus Seminarii Jaroslaviensis Rector Ioel Bycowski anno 1782, mense januar. 18 die» (Петров Н. Описание... Вып. 1. № 34, J.1.123.23).]

С июня 1758 г. по декабрь 1765 г. Быковский преподавал в сухопутном шляхетском корпусе в Петербурге и в Академии художеств. Здесь он был дьяконом, а с 1760 г. священником, преподавателем закона Божия.[Азбучный указатель имен русских деятелей для составления «Биографического словаря». 4. 1. А — Л //Сб. РИО. СПб., 1887. Т. 60. С. 329; Историко-статистическое описание Черниговской епархии. Чернигов, 1873. Т. 2. С. 105. См. дело 28 апреля—4 октября 1758 г. О выдаче дополнительного жалованья иеродиакону Иоилу (ЦГИА, ф. 796, оп. 29, 1758, ед. хр. 257, л. 47–49 об.); см. список всем корпусным чинам 1761 г. с записью «священник Иоиль Быковский, ноября, 2 дня 1760 г.» (ЦГВИА, ф. 314, ед. хр. 3131, л. 2 об.), т. е. со 2 ноября 1760 г. он стал священником. 9 июля 1763 г. иеромонах Иоиль отправил донесение в сухопутный корпус о предоставлении квартиры церковным старосте и дьячкам «поблизости к церкви» (ЦГВИА, ф. 314, ед. хр. 3205, л. 9). См. также донесение Иоиля с просьбой разрешить напечатать первую часть катехизиса при шляхетском корпусе (Одинцов Р. К вопросу о сочинении и издании учительных книг в XVIII столетии//Христианское чтение. 1905. Август. С. 185). См. также: Харлампович К. В. Малороссийское влияние на великорусскую церковную жизнь. Казань, 1914. Т. 1. С. 776. См. выдачу денег в Академии художеств в 1763 г. «толкователю катехизиса иеромонаху Иоилу» (ЦГИА, ф. 789, оп. 15, ед. хр. 10, л. 65).] В Петербурге Иоиль попал в блестящую среду передовых мыслителей, причем со многими из них он был знаком еще ранее. 28 июня 1762 г. в результате дворцового переворота к власти пришла Екатерина II. Началась кратковременная пора заигрывания императрицы с передовыми представителями дворянства. Идеи просвещения получили в этих кругах широкое распространение. Сухопутный, морской и артиллерийский кадетские корпуса в это время, как установил М. М. Штрэнге, являлись видными центрами распространения просветительских идей. Они готовили не только военных специалистов, а были своего рода дворянскими университетами. Их преподаватели входили в среду разночинной интеллигенции, которая сыграла значительную роль в развитии передовой идеологии. [Штрэнге М. М. Демократическая интеллигенция России в XVIII веке. М., 1965. С. 76 и след.]

Среди преподавателей сухопутного корпуса в это время были «киевляне» — писатель А. С. Сулима (1737–1818), автор устава корпуса и других памятников, проникнутых просветительскими идеями, а также В. Т. Золотницкий (родился в 1741 г.).

[Акты и документы... Отд. 2. Т. 2. С. 439. В 1764 г. В. Золотницкий издал «Новые нравоучительные басни» и «Сокращение естественного права» (Русский биографический словарь. Пг., 1916. (Т. 7). С. 441). А. С. Сулима в корпусе был с 1753 г. сначала кадетом, а с 1759 г. — преподавателем. В 1763–1764 гг. он издал перевод «Истории о виконте Тюренне». Он составил вторую и третью части учреждения Московского воспитательного дома (Русский биографический словарь. СПб., 1912. (Т. 20). С. 141–142). Подробнее см.: Штрэнге М. М. Демократическая интеллигенция... С. 102, 282–283] В том же корпусе преподавал с 1761 г. итальянский язык Ф. Эмин, вернувшийся в Россию после зарубежных странствований. Как раз на 60-е гг. приходится расцвет его писательской деятельности. Группа преподавателей сухопутного кадетского корпуса и бывших кадет (С. Порошин, П. Свистунов, Е. Харламов, С. Перфильев, П. Пастухов, Н. Титов, В. Белосельский) издавала в 1759–1760 гг. журнал «Праздное время», который вместе с «Трудолюбивой пчелой» принадлежал к числу первых частных журналов в России.[Шамрай Д. Д. 1) Об издателях первого частного русского журнала/XVIII век. М.; Л., 1935. С. 377–385; 2) Цензурный надзор над типографией сухопутного шляхетского кадетского корпуса // Там же. М.; Л., 1940. Сб. 2. С. 293–329; Берков П. Н. История русской журналистики XVIII в. М.; Л., 1952. С. 124–125.] В них слышались нотки явного сочувствия крестьянству и обличения тунеядства дворян.

Прошение об издании «Праздного времени» было подписано А. П. Мельгуновым, с которым позднее Иоиль встретится в Ярославле. В типографии корпуса печатались романы Ф. Эмина и другая развлекательная литература. Быковский бережно хранил в своей библиотеке книги Эмина и охотно цитировал его басни в своей «Истинне».

Среди преподавателей сухопутного шляхетского корпуса одной из наиболее колоритных фигур был переводчик-полиглот Лука Иванович Сичкарев.[О нем см.: Евгений. Словарь русских светских писателей. М., 1845. Т. 2. С. 164–166. Издания Сичкарева описаны в кн.: Сопиков В. Опыт российской библиографии. СПб., 1813–1821. Ч. 1–5. № 491, 1042, 4123, 4321, 4514, 7233, 7235, 7237, 7899, 9034, 9346, 9354, 9405, 10066, 10109, 10579, 11254.] Родился он в 1741 г. в семье нежинского земского писаря. Учился в Киевской академии, а по окончании курса философии в 1757 г. перешел в Академию наук в Петербурге и, наконец, с 1762 г. начал преподавать немецкий язык в корпусе. Уже в начале 60-х гг. он написал несколько од, посвященных Екатерине II, а в 1766 г. — «Надгробную песнь» М. В. Ломоносову.[Сичкарев Л. 1) «Надгробная песнь... М. В. Ломоносову». СПб., 1766; 2) «На пришествие имп. Екатерины II в кадетский корпус». СПб., 1763; 3) «На прибытие из Москвы в СПб. имп. Екатерины II». СПб., 1763; 4) «На день рождения имп. Екатерины II». СПб., 1765.] В 1775 г. он перевел с греческого языка «Победную песнь» иеродиакона Евгения Булгара на заключение мира с Турцией. [Победная песнь императрице Екатерине II, на заключение мира с Портою Оттоманскою. М., 1775.] С 1782 г. до заключения Ясского мира Сичкарев находился при штабе Г. А. Потемкина на Дунае, где в Яссах в 1790–1791 гг. издал две переводные книги. В 1792 г. он был определен прокурором в Св. Синод и умер в 1809 г. Как предполагает П. Н. Берков, именно Сичкарев, после того как покинул шляхетский корпус в 1768 г., сделался редактором сатирического журнала «Смесь» (1769 г.), близкого по направлению к «Трутню».[Берков П. Н. История русской журналистики XVIII в. С. 249.] Сознывая, что «народ погружен в незнание», Сичкарев с негодованием обращался к «богатым и знатым, утесняющим человечество».[Берков П. Н. История русской журналистики XVIII в. С. 175. О нем см.: Штрэнге М. М. Демократическая интеллигенция... С. 98–101.]

В сухопутном корпусе преподавали также воспитанники Киевской академии Семен Гамалея и Фома Халчинский.[О С. Гамалее и Ф. Халчинском см.: Штрэнге М. М. Демократическая интеллигенция... С. 105.]

В 1764 г. инспектором морского корпуса стал Г. Полетика. Здесь же с 1752 г. преподавал Н. Г. Курганов (1728–1796), составитель известного «Письмовника» (первое издание 1769 г.). С 1759 до 1766 г. в артиллерийском училище преподавал Я. П.

Козельский. Это были годы, когда он выпустил много сочинений по социальным и политическим вопросам. В 1764 г. Я. П. Козельский перевел трагедию Отвея «Возмущение против Венеции», в которой сочувственно изображено восстание венецианцев. В переводе двухтомной «Истории Датской» Голбера (1765—66) он поместил много примечаний, близких по свободолобивому духу к примечаниям Радищева к переводу «Размышлений» Мабли.

Учителя шляхетских корпусов вообще больше переводили, чем писали. В демократической среде еще происходил процесс накопления знаний, освоения опыта передовой западноевропейской общественной мысли. Исторический материал использовался ею для обличения тирании. Из него извлекались уроки, служившие современникам для их политической борьбы.

В 1760—1764 гг. в сухопутном корпусе проходил обучение Ф. В. Ушаков, философ-материалист, последователь Гельвеция, друг и наставник русского революционера А. Н. Радищева. Позднее Радищев писал, что Ушаков «воспитанием своим в сухопутном шляхетском корпусе положил... основательное образование прекрасная своя душа». [Радищев А. Н. Поли. собр. соч. М.; Л., 1938. Т. 1. С. 156.]

Напряженная идейная борьба середины XVIII в. сказывалась на Иоиле Быковском. Уже 27 февраля 1760 г. он произносит в корпусе проповедь, в которой явно звучат социальные мотивы: «Христос повелевает нам: носите крест свой, а мы других непосильным крестом обременяем, налагаем непомерные работы и великия оброки, разоряя продолжением суда и мзды требованием, отнимая собственное их добро и имение, беспокоя ненавистью и поношением имени». [Ярославский обл. краеведческий музей, № 14963, л. 201 об.] Другие материалы о пребывании Иоила в корпусе очень скупы. [См., например, собственноручное представление Иоила «о выдаче нового антиминса» 15 марта 1764 г. (ЦГВИА, ф. 314, д. 3222). На этот документ, как и на другие материалы ЦГВИА, мое внимание обратили М. М. Штранге и А. Л. Станиславский.]

60—70-е годы XVIII в. отмечены расцветом демократической литературы. В это время пробуждается интерес к русским народным песням, былинам, преданиям, появляются патриотические произведения на сюжеты древнерусской старины. В это время выходят «Пересмешник, или Славянские сказки» и «Собрание разных песен» (1770—1776) М. Д. Чулкова (1743—1792), [Подробнее см.: Сельвайюк Р. М. «Собрание разных песен» М. Д. Чулкова. М., 1955, рукопись канд. дис.] «Славянские древности» М. И. Попова (1770). Готовит «Собрание древних богатырских сказок»

В. А. Левшин (1746—1826). В 40—60-е гг. XVIII в. создается уникальный сборник Кирши Данилова. [Кирша Данилов. С. 528; Горелов А. Цена реалии (Сборник Кирши Данилова — народная книга середины XVIII века)/Русский фольклор. М.; Л., 1962. Вып. 7. С. 167—169.] В песнях XVIII в. встречаются многие из тех образов, которые находят отражение и в Слове о полку Игореве. В одной из них это — «кровать тѣсовая», [Чулков М. Д. Собрание разных песен. СПб., 1773. Ч. 3. С. 172.] в другой — «синее море», [Чулков М. Д. Собрание разных песен. СПб., 1773. Ч. 3. С. 105.] в третьей — «ясен сокол», [Чулков М. Д. Собрание разных песен. СПб., 1773. Ч. 3. С. 109.] в четвертой — «не вечерняя заря луга смочила», [Попов М. Российская Эрата. СПб., 1792. Ч. 2. С. 7.] в пятой — «тур», [Попов М. Российская Эрата. СПб., 1792. Ч. 2. С. 75.] в шестой — «кощей», [Попов М. Российская Эрата. СПб., 1792. Ч. 2. С. 119.] в седьмой — «летит стадо лебединое, а другое гусиное», [Попов М. Российская Эрата. СПб., 1792. Ч. 2. С. 96. Чулков М. Собрание разных песен. Ч. 3. Приложение. С. 18.] в восьмой — «красна девица», [Чулков М. Собрание разных песен. С. 219.] в девятой — Дунай, [Чулков М. Собрание разных песен. С. 220.] в десятой — «чистое поле» [Чулков М. Собрание разных песен. С. 208.] и т. д. Эти некоторые переключки уже достаточны, чтобы показать связь Слова с народной традицией, находившей отклик и в печатных изданиях XVIII в. Но народные песни и былины проникали в литературу не только через печать. XVIII век отмечен резким увеличением числа рукописных сборников с песнями и некоторыми былинами. [Подробнее см.:

Позднеев А. В. Рукописные песенники XVII–XVIII веков//Учен. зап. Моск. гос. заочного пед. ин-та. М., 1958. Т. 1. С. 5—112.] А. В. Позднеевым изучено 210 песенников (из выявленных 600) конца XVII–XVIII в. самого разнообразного содержания. Им установлено, что светская песенная поэзия создавалась и бытовала в средних и низших слоях городского населения. Большое распространение получила и украинская песня (выявлено 110 сборников песен). Появление большей части новых украинских песен в России падает на 1750—1760-е гг.[Позднеев А. В. Рукописные песенники XVII–XVIII веков//Учен. зап. Моск. гос. заочного пед. ин-та. М., 1958. Т. 1. С. 33.] Эти песни принесли с собою новые лирические и шуточные мотивы.

Д. С. Лихачев категорически утверждает, что «не могло быть в конце XVIII века и подражаний народной поэзии. В конце XVIII и в начале XIX века фольклор воспринимался как нечто принадлежащее к низшему роду искусства».[Лихачев. Когда было написано «Слово»? С. 158.] Первая половина этого утверждения просто неверна. Под народные песни стилизует свои стихотворные произведения М. Д. Чулков, так же помещая их в составе «Собрания разных песен», как и фольклорные. Н. А. Львов не только пишет стилизованную под древнерусские былины поэму «Добрыня», но и выступает в ней «с призывом к созданию произведений, национальных и по форме и по содержанию. Сюжеты их должны заимствоваться из былин, народных сказок, из русской истории».[Кулакова Л. И. Львов//История русской литературы. М.; Л., 1947. Т. 4. С. 447.] М. К. Азадовский даже считает, что «Добрыня» Львова и «Илья Муромец» Карамзина «отразили собой целую полосу фольклорных поэм».[Азадовский М. К. История русской фольклористики. М., 1958. Т. 1. С. 96.]

Отношение к фольклору в конце XVIII в. нельзя характеризовать однозначно. Ссылаясь на исследование М. К. Азадовского,[Азадовский М. К. История русской фольклористики. М., 1958. Т. 1. С. 80–81.] Д. С. Лихачев подчеркивает «отрицательное отношение к фольклору», которое якобы «было особенно характерно для просветителей XVIII в.».[Лихачев. Когда было написано «Слово»? С. 159.] Этот тезис был решительно отвергнут специалистами.[«Обобщенная концепция, что просветительское отношение к фольклору равнозначно отрицательному, относится к одной из легенд нашей науки» (Макогоненко Г. П. Русское просвещение и проблемы фольклора//Русская литература и фольклор (XI–XVIII вв.). Л., 1970. С. 183).] Д. С. Лихачев как бы проходит мимо того, что это характерно было для некоторых представителей дворянской среды, в разночинной же народные песни, сказки не рассматривались как признак бескультурья и невежества. Наоборот, к ним приковано было самое пристальное внимание первых собирателей русского фольклорного наследия. Сказки и другие произведения народа, по мнению Левшина, сохранили «важнейшие начертания» страны и ее обычаев.[Азадовский М. К. История русской фольклористики. Т. 1. С. 67.]

А. Н. Радищев прямо «провозглашает высокое этическое и эстетическое совершенство народной поэзии».[Азадовский М. К. История русской фольклористики. Т. 1. С. 101.] Да и Г. Р. Державин писал, что «из славянского баснословия, сказок и песен древних и народных... много заимствовать можно чудесных происхождений».[Державин Г. Р. Соч. СПб., 1878. Т. 7. С. 610.]

Глубокий интерес и знание русского, украинского и белорусского фольклора обнаруживает и автор Слова о полку Игореве.

Еще В. Миллер писал, что, по его мнению, автор Слова о полку Игореве — «христианин, не признающий языческих богов и упоминающий имена их с таким же намерением, как поэты XVIII-го века говорили об Аполлоне, Диане, Парнасе, Пегасе и т. д.».[Миллер Вс. Взгляд на Слово о полку Игореве. М., 1877. С. 71.]

Позднее В. Ф. Ржига считал, что «упоминания языческих богов в Слове... имеют смысл не мифологический, а поэтический».[Ржига В. Ф. Слово о полку Игореве и древнерусское язычество//Slavia. 1933. Roč. 12. Seš. 3 4. S. 431, ср.: Булаховский Л. А. Лінгвістичні уваги про міфологічні назви «Слова о полку Ігореві»// Наукові записки Ін-ту

мововедства АН УРСР. Київ, 1959. Т. 15. С. 25.] Для Д. С. Лихачева «автор „Слова“ христианин, старые же дохристианские верования приобрели для него новый поэтический смысл».[Лихачев. Исторический и политический кругозор. С. 8.] «Не может подлежать сомнению, — замечает он, — что и языческие боги, упоминаемые в „Слове“, — это художественные образы, обладающие для автора сильной поэтической окраской. Автор „Слова“ христианин, а не язычник. Он не верит в языческих богов». В Слове языческие элементы — «лишь художественные обобщения, без всякой веры в их реальность», они осознаются «как элементы чисто поэтические».[Лихачев Д. С. Возникновение русской литературы. М.; Л., 1952. С. 191.]

Анализируя мировоззрение автора Слова о полку Игореве, С. И. Данелиа даже пришел к выводу, что его основные убеждения «вполне укладываются в рамки христианского мирозерцания и не содержат в себе признаков язычества автора».[Данелиа С. И. Мировоззрение автора поэмы «Слово о полку Игореве» // Данелиа С. И. Статьи о русской литературе. Тбилиси, 1956. С. 24, 31.] Имена языческих богов в Слове, по его мнению, выполняют лишь «поэтическую функцию». В той же степени, как упоминание Марса, Плутона и прочих богов Олимпа в «Россиаде» не дает основания делать заключения об язычестве М. М. Хераскова, нельзя на основании упоминаний в Слове Велеса, Хорса и Дажьбога считать язычником автора этого произведения.[Данелиа С. И. Мировоззрение автора поэмы «Слово о полку Игореве» // Данелиа С. И. Статьи о русской литературе. Тбилиси, 1956. С. 29.] Но даже больше этого. Мирозерцание автора Слова становится совершенно понятным, только если допустить, что произведение появилось во второй половине XVIII в. в пору увлечения славянской мифологией. Если к этому же учесть интерес Быковского к литературе Просвещения (в частности, к Вольтеру), то появление языческих богов под пером архимандрита-рационалиста XVIII в. не может нас удивить.

Существует в литературе и другая точка зрения, согласно которой автор Слова — представитель двоеверия, сочетавший как языческие, так и христианские воззрения (в последнее время подобные взгляды высказывали Б. В. Сапунов, А. Болдур и др.).[Сапунов Б. В. Ярославна и древнерусское язычество//Слово. Сб.-1962. С. 321–329; Болдур А. Ярославна и русское двоеверие в «Слове о полку Игореве»//РЛ. 1964. № 1. С. 84–86. {См. также: Соколова Л. В. Двоеверие в «Слове»//Энциклопедия. Т. 2. С. 87–92.}]

Однако этому противоречит весь строй памятника. Дело даже не в том, что автор упоминает Бога («Игореву князю Богъ путь кажетъ»), полоцкую Софию («позвони заутреню рано у святыя Софеи») и киевскую Пирогощу («Игорь ѣдетъ... къ Святѣи Богородици Пирогощей»), кончает произведение традиционно-христианским «аминь». Он знает угрожающий смысл знамений, а поражение на Каяле объясняет тем, что Игорю «жалость... знамение заступи искусити Дону великаго». Ведь «ни хитру, ни горазду... суда Божия не минути». Для автора Слова поход против половцев — это борьба с «погаными» (он знает «поганого кощя»); князь и дружина воевали, «побарая за христьяны на поганья плъки». Христианский элемент в Слове сравнительно с летописью и другими памятниками XII в. выступает приглушенно, но он пронизывает все произведение.

Решающим обстоятельством является широкое использование автором Слова библейских книг и прекрасное знание церковнославянского языка. А. И. Клибанов во время дискуссии по Слову о полку Игореве суммировал наблюдения В. Н. Перетца. В Слове, судя по Перетцу, символы, лексика, словосочетания имеют 167 параллелей к книгам Библии и в репертуар автора входит 35 библейских книг. «Сейчас, — добавил А. И. Клибанов, — можно говорить о 180 случаях обращения к 36 книгам Ветхого и Нового Завета» в Слове о полку Игореве.[АН СССР. Отделение истории. Стенограмма обсуждения работы А. А. Зимина, вечернее заседание 5 мая 1964 г. С. 94.]

Язычником или двоевером такой образованнейший книжник быть не мог. Даже допуская существование в XII в. языческих пережитков, нельзя себе представить столь

причудливое сочетание церковной культуры с откровенно внерелигиозным миропониманием. Киевский дружинник или «славутный певец» не мог бы и подумать петь при княжеском дворе хвалу изгнанным богам или назваться внуком Дажьбога.

Каковы же те следы язычества, которые находят в Слове? Это — пантеон славянских богов (Дажьбог, Хоре, Велес). [Если в летописи он нашел это славянское божество в форме «Волос», то в народе бытовала форма «Велес». Так, в Ярославской губернии была возвышенность «Велесово ребро», в Ростовском уезде — «Велесово дворище» и т. п. (Барсов. Слово. Т. 1. С. 353). В мифологической литературе XVIII в. «Велес» прямо отождествлялся с «Волосом»: «Волос или Велес, славянский бог скотов» (Чулков М. Краткий мифологический лексикон. СПб., 1767. С. 22; Попов М. Описание древнего славянского языческого баснословия. СПб., 1768. С. 4). «Описание» выходило дважды (в 1768 и 1772 гг.). «Лексикон» публиковался трижды (в 1767, 1782 и 1786 гг.). См.: Степанов В. П. Чулков и «фольклорное» направление в литературе // Русская литература и фольклор (XI–XVIII вв.). Л., 1970. С. 227.] Но, как мы уже писали, все славянские боги прекрасно могли быть известны автору из летописей. Возносить им хвалу в XII в., в период острой борьбы с пережитками язычества, христиански образованный книжник, на наш взгляд, не мог. Был только один период в русской истории, отмеченный повышенным интересом к древнерусской мифологии, — это вторая половина XVIII в. Именно тогда передовые читатели с интересом воспринимали не только памятники античности, но и разыскания о древнерусском пантеоне богов. В январе 1759 г. в «Трудолюбивой пчеле» выступил со статьей «О пользе мифологии» Г. В. Козицкий. Позднее в «Истинне» Иоиль писал, что мифология — это «почитание ложных богов стихотворцами, от коих разныя свойства им приписаны». [«Истинна, или Выписка об истинне». Ярославль, 1787. С. 335 («Сокращение всех наук для детей»).] В это время «без мифологии, — как тонко подметил В. Шкловский, — нельзя было ступить в обществе. Это был предмет первой необходимости». [Шкловский В. Чулков и Левшин. М., 1933. С. 92. См. также: Митрофанова В. В. Русское Просвещение и проблемы фольклора // Русская литература и фольклор (XI–XVIII вв.). Л., 1970. С. 202; Степанов В. Я. Чулков и «фольклорное» направление в литературе. С. 226–227.]

Основным источником славянского Олимпа Слова была летопись. Для автора Слова Боян — «внук», т. е. потомок, Велеса. В древнерусской мифологии Волос (Велес) известен как «скотий бог», [ПСРЛ. СПб., 1908. Т. 2. С. 23, 61; ср.: Словарь-справочник. Вып. 1. С. 96–97.] а отнюдь не как покровитель поэзии. В далекого предка Бояна он превратился под пером автора Слова о полку Игореве. Последнему известно было, что покровителем муз в Древней Греции считался Аполлон. Но Аполлон известен также как пастух, покровитель скота. Он изображался иногда с овцою на плечах, а, по мифологии, Гермес похищал у него стада. [М. Чулков в своем «Лексиконе» писал, что Аполлон был «пастухом у Адамета», а «когда музы переселились на Парнас, то зделался он над ними начальником... На небе почитали его богом света, а на земле стихотворства» (Чулков М. Краткий мифологический лексикон. С. 9–10).] На Руси «скотским богом», т. е. покровителем пастухов, был Велес. «Прозвание скотского бога соответствует Аполлону Пастырю», — писал еще П. П. Вяземский. [Вяземский Я. Я. Замечания на Слово о плъку Игореве. СПб., 1875. С. 136. О том, что славянский Велес соответствует греческому Аполлону, недавно писал также А. Вайян (Vaillant A. Le dieu slave Trojan // Прилози за книжевност, език, историју и фолклор. Београд, 1956. Кн. 22, св. 3 4. Р. 191).] Стремясь изобразить русскую мифологию на античный лад, автор Слова о полку Игореве и представил «скотского бога» Велеса в качестве праотца древнерусского поэта Бояна.

Ю. М. Лотман отмечал, что «мифологии XVIII в. были автору „Слова“ не известны», на том основании, что в нем отсутствуют Чернобог, Световид, Зимцерла, Услава и другие божества, известные мифологической литературе того времени. Этот же довод повторяет и Д. С. Лихачев. [Лотман. «Слово» и литературная традиция. С. 370; Лихачев. Когда было написано «Слово»? С. 153.] Несостоятельность его очевидна. Мы в

главе III видели, что автор Слова пользовался текстом летописи, предпочитая его красочному рассказу В. Н. Татищева и других историков. Ту же самую манеру можно обнаружить у него и в отношении славянской мифологии: он обращается к летописному пантеону богов, что не исключает возможности знакомства и с мифологической литературой (так же, как знал он и Татищева). Ссылаясь на Ю. М. Лотмана, Д. С. Лихачев пишет: «в XVIII веке считалось, что язычество прекратило свое существование после крещения Руси».[Лихачев. Когда было написано «Слово»? С. 153.] Поэтому для более позднего времени «малейшее проявление уважения к языческим богам — двойное преступление: грех против церкви и неповиновение правительству».[Лотман. «Слово» и литературная традиция. С. 358.] В этом есть, конечно, резон. Хотя древнерусские боги в Слове — лишь литературное украшение текста, они в какой-то мере могли свидетельствовать о «неблагонадежности» писателя-церковника. Возможно, это обстоятельство и сыграло роль в том, что Игорева песнь не была издана при жизни ее автора.

Сторонники «языческой стихии» в мировоззрении автора Слова ссылаются еще на обращения Ярославны к солнцу, ветру, реке. Но подобные обращения, являясь действительно пережитками языческих представлений, хорошо известны русскому фольклору XIX в. и отнюдь не могут свидетельствовать ни о древности Слова о полку Игореве, ни о сильных элементах язычества. Кстати, сходные обращения к стихиям есть и у Оссиана.

Таким образом анализ «элементов язычества» в Слове о полку Игореве приводит к выводу о том, что автор этого произведения был книжником XVIII в., хорошо знакомым как с церковной литературой, так и с рационалистическим увлечением древнерусской мифологией.

Со второй половины 60-х гг. XVIII в. Екатерина II, испугавшись развития вольнолюбивых идей, начинает высылать из Петербурга наиболее беспокойных представителей передовой интеллигенции. В марте 1765 г. Екатерина II взяла на себя руководство сухопутным корпусом, назначив его генерал-директором И. И. Бецкого.[ПСЗ. Т. 17, № 12, 349. Подробнее см.: Штранге М. М. Демократическая интеллигенция... С. 232 и след.] По уставу 1766 г. перестроена была вся система обучения в корпусе согласно идеям Бецкого о закрытых училищах. Началось массовое увольнение старых преподавателей.

25 декабря 1765 г. Быковский получил новое назначение в Чернигов архимандритом Троицкого Ильинского монастыря.[См. указ Синода 25 декабря 1765 г. (ЦГВИА, ф. 314, д. 3300, л. 2) и дело по донесению черниговского епископа Кирилла 28 ноября 1765 г. — 4 февраля 1766 г. о произведении Иоиля в архимандриты Ильинского Троицкого монастыря (ЦГИА, ф. 796, оп. 46, 1765, ед. хр. 366).] Подобные опалы «с повышением» были обычны в XVIII в. Кстати, и предшественник Иоиля в корпусе Наркис повздорил с корпусным начальством и был удален из Петербурга с назначением архимандритом Новоторжского Борисоглебского монастыря.[ЦГВИА, ф. 314, д. 2905, л. 1.] В Чернигове в это время епископом был воспитанник Киевской академии Кирилл Ляшевецкий (1761–1770).

Черниговский период деятельности Ивана (Иоиля) Быковского продолжался 10 лет (1766–1776). Ильинский монастырь был вторым по значению в Чернигове. К 1769 г. в нем насчитывалось всего 32 монаха,[Черниговский обл. архив, ф. 679, оп. 1, ед. хр. 995. О деятельности Иоиля как архимандрита Троицкого монастыря см. материалы Черниговской духовной консистории (Черниговский обл. архив, ф. 679, оп. 1, ед. хр. 919, 920, 922, 982, 995, 996, 1002); доношение Иоиля от 28 марта 1774 г. (Записки отдела рукописей ГБЛ. М., 1973. Вып. 34. С. 135).] т. е. меньше, чем в кафедральном (Борисоглебском). Годы пребывания Иоиля в Ильинском монастыре примечательны большим строительством, что говорит об энергии и предприимчивости нового архимандрита. В 1774 г. начата постройка колокольни. В мае 1772 г. там отлили 120-пудовый колокол, а в 1774 г. соорудили пышный

иконостас в Ильинской церкви.[Ефимов А. Черниговский Свято-Троицкий Ильинский монастырь. Чернигов, 1911. С. 50, 51, 53.]

При Троицком Ильинском монастыре была типография, ведал которой обычно архимандрит. Интенсивное книгопечатание в черниговской типографии началось, как установила Т. Н. Каменева, с 1743 г. и продолжалось до 1785 г. В это время выпускались в основном богослужебные книги. Есть сведение об издании в 1770 г. Букваря.[Каменева Т. Я. Книгопечатание в Чернигове (1646–1818)//Проблемы источниковедения. М., 1959. Сб. 8. С. 305–309. В описях еще упоминается «Алфавит духовный» 1771 г. (Кафедральные черниговские монастыри: Ильинский, Елецкий и Борисоглебский. Киев, 1860. С. 16).] Среди напечатанных от имени Иоилия книг находим Часослов с кратким предисловием (издан в 1768 г.),[Вот первая половина небольшого предисловия к Часослову 1768 г.: «Искусством повседневым поучаемы есмы, читателю православный, яко чесому всяческая животная в тонцей младости научаются, то до старости глубокия, паче же до кончины самая содержатися обыкоша. Не точию же та, но и самая древесая, силу растения имущая, како и камо во младости устроятся, тако и тамо со возрастом клонятся. Еще им же туком сосуд новый умащен бывает, того вони или благоприятныя или злосмрадныя не скоро и неудобь испразднится. Подобие и в человечестем роде чесому тонкое детство обучено бывает, того дряхлая старость неудобь оставляет. Ибо учащением дело обычай вос-приятый и многим временем нрав утверждейся, естества имать силу. Тем же всеприлежно блюсти подобает православным своя чада, да не сквернословию, срамоглаголаню и суетному велеречию от младенства научаются, яже суть душегубительна. Ниже во тщетных играниих златое детства время никоею возвратимое ценою погубляют, но яко в весне жизни своя нивы сердец своих учением тянут и слова Божия, от учителей сеемая, радостно приемлют, еже бы класы душепитательныя в жатвы год собирати и тех плодов обилением и зде зиму старости прожити честно и в небесную преславными житницу чрез нескончаемое вечности время тех ради насыщенными быти...» (ЦГАДА, ф. Синод, типографии, № 1381).] Канонник (1767), Псалтырь (1766, 1769, 1771), Апостол (1771).[Эти сведения нам сообщила Т. Н. Каменева. См. также: Славянские книги кирилловской печати XV–XVIII вв. Киев, 1958. Под № 915, 940, 956.] Работа типографии после 1771 г. до 1777 г. прекратилась ввиду моровой язвы, из-за которой многие работные люди погибли, а остальные разбежались.[Ефимов А. Черниговский Свято-Троицкий Ильинский монастырь. С. 19.] Т. Н. Каменева показала, насколько сложной была процедура просмотра и одобрения изданий типографии в Синоде. Это приводило к тому, что типография постоянно «все более утрачивала свою самостоятельность» и в 1785 г. прекратила свое регулярное функционирование.[Каменева Т. Я. Книгопечатание в Чернигове... С. 309.]

Круг лиц, близких к Иоилию в Чернигове, установить очень трудно. Известно, что он состоял в переписке с фельдмаршалом графом П. А. Румянцевым. Сохранилось его письмо Румянцеву от 10 июля 1775 г. В нем Быковский пишет: «Благословивший подвиги Ваши победами, а победы вожделенным миром увенчанный да благословит жизнь Вашу здравием, долгодейством, непрерывным щастием и вси предприятия совершенством да увенчает». Он просит также принять в дар книги из черниговской типографии.[ГБЛ, ф. 159, № 2711; Барсов Е. В. Описание актов Маркевича//ЧОИДР. 1884. Кн. 2. С. 26–27.] Знакомство Иоилия с Румянцевым, возможно, началось еще в 1767 г., когда последний был генерал-губернатором Малороссии. В марте 1767 г. он некоторое время жил в Чернигове. [Акты по управлению Малороссиею гр. П. А. Румянцева, за 1767 г. Сообщил М. Ф. Владимирский-Буданов//Чтения в историческом обществе Нестора летописца. 1891. Кн. 5. 2-й отд. С. 99.]

Эхо славной победы русских войск под командованием Румянцева при Кагуле у Траяновой дороги 21 июля 1770 г. далеко разнеслось по России. В это время возникает солдатская песня, в которой вспоминаются подвиги на Траяновой дороге. В ней (кстати сказать, помещенной в сборнике М. Д. Чулкова) находим следующие строки:

На рассвете было в среду
на дороге на Трояновой
подошли мы близко к лагерю.[Киреевский. Песни. Т. 9. С. 280; Попов М.
Российская Эрата. 4. 2. С. 140; Чулков М. Собрание разных песен. 4. 3. С. 99; Mazon. Le
Slovo. P. 61.]

Отзвуки Кагульской победы слышатся и в Слове о полку Игореве с его «тропой Трояна». По Дунаю мечтает полететь зегзицей Ярославна, чтобы «утереть» кровавые раны Игоря. На Дунае — «копия поют», а после возвращения Игоря из плена там же поют «дѣвици». В Слове упоминается неоднократно Троян («рища въ тропу Трояню», «были вѣчи Трояни», «на землю Трояню», «на седь-момъ вѣцѣ Трояни»).[Об этом см.: Державин Н. С. Троян в «Слове о полку Игореве»//Сб. статей и исследований в области славянской филологии. М., 1941. С. 25–44; Тихомиров М. Н. Боян и Троянова земля// Тихомиров. Русская культура. С. 44–58; Болдур А. Троян «Слова о полку Игореве»//ТОДРЛ. М.; Л., 1958. Т. 15. С. 7—35.] Исследователи уже давно сопоставляли его то со славянским божеством Трояном (последнее время Д. С. Лихачев), то с римским императором Траяном (покорителем Дакии в 102 г.).[Рыбаков. Русские летописцы. С. 421–437. Л. Н. Гумилев считает, что «Троян» — буквальный перевод понятия «Троица». «Века Трояна» он отсчитывает от времени осуждения несториан Халки-донским собором 451 г. и эдикта императора Зенона 482 г. (Гумилев Л. Н. 1) Несгорианство и Древняя Русь//Доклады по этнографии. Л., 1967. Вып. 5. С. 13; 2) Поиски вымышленного царства. М., 1970. С. 320–326). {См. также: Соколова Л. В. Троян в «Слове»//Энциклопедия. Т. 5. С. 131–137.}] Ф. Буслаев напечатал «Слово и откровение святых апостол», где упоминалось, что многие «человеци... мняще боги многы, Перуна, и Хорса, Дыя и Трояна, и инии многи».[Буслаев Ф. Слово и откровение святых апостол//Летописи русской литературы и древностей. М., 1861. Т. 3. Материалы. С. 5.] В «Хождении Богородицы по мукам» (XII в.) также упоминаются боги Троян, Хоре, Велес и Перун («Трояна, Хърса, Велеса, Перуна на боги обратиша»).

«Трояновият път» соединяет Белград и Софию с Константинополем. Названия с именем Трояна бытуют в Болгарии, Сербии, Румынии, Польше и Чехии и на Украине (например, у Белой церкви — Троянов яр). В Смоленской губернии было село Трояны. [Дашкевич Н. П. Славяно-русский Троян и римский император Траян//Serta Borysthenica. Киев, 1911. С. 228; Золотов Ю. М. О Трояне «Слова о полку Игореве»//Советская археология. 1970. № 1. С. 261–263.] «Змиевы валы» (на северном берегу р. Стугны) в Киевской земле уже в XVII в. книжные люди называли «Траяновыми валами».[Антонович В. Змиевы валы в пределах Киевской земли//Киевская старина. 1884. Т. 8. Март. С. 355–359.] А. Болдур указывает на название Млечного пути — «путь Траяна», идущее из глубины веков. Путь Траяна (Traian via strata) упоминается в одном словаре (около 1670 г.) как дорога по ущелью Балкан, проложенная Траяном и идущая от Дуная и Днестра до Днестра.[Яцимирский А. Тропа Трояна в «Слове о полку Игореве» и попытка румынского ученого объяснить это выражение//Древности. Труды Славянской комиссии Московского археологического общества. М., 1902. Т. 3. С. 123–124.] Именно эту дорогу и имели в виду солдатская песня о Кагульской победе 1770 г. и Слово о полку Игореве. Больше ни в одном русском произведении ни дороги, ни тропы, ни пути Траяна не обнаружено.

О том, что в Слове речь идет о Траяновой дороге, говорят и контексты упоминаний о Траяне. Сам путь «въ тропу Трояню чресъ поля на горы» соответствует пути с Украины на Карпаты. Когда обида «дѣвою» вступает «на землю Трояню», то тем самым автор как бы намекает, что именно на Балканах в ходе войны с турками русские воины должны отомстить «за обиду сего времени». А когда в конце Слова «дѣвици» радостно «поють на Дунай», то они не только радуются возвращению князя Игоря, но как бы прославляют доблесть русских воинов, одержавших много столетий позже победы на Дунае. В XII в. певцу Игоря ни отправлять «дѣв» на Дунай, ни говорить о поющих на Дунае копьях не было ни малейшего смысла.[Тема Дуная в народном творчестве возникла очень давно, но

утвердилась в обстановке борьбы с турками и татарами. Разбивку текста О. Сулейменова («де вою», т. е. Игорь вступил войною) не принимаем (Сулейменов О. Аз и я. Алма-Ата, 1975. С. 111–112), ибо она противоречит и грамматике, и смыслу («дѣвы» неоднократно упомянуты в Песни).]

Сентенция о том, что Ярослав Осмомысл «суды рядил» до Дуная, как мы уже писали, противоречила реальным пределам, на которые распространялась в конце XII в. власть галицкого князя. Однако в условиях конца XVIII в. это могло обозначать стремление автора показать, что Древняя Русь распространялась до Дуная, т. е. до тех территорий, на которых русские войска в это время вели ожесточенную войну с турецкими. Вместе с тем не исключено, что автору Слова о полку Игореве были известны и топонимические следы деятельности императора Траяна. Исходя из характера упоминаний «Трояна» в Слове,

А. Вайян считает, что автор этого произведения разделял популярную в XVIII в. теорию о происхождении славян от даков, победителем которых был римский император Траян.[Vaillant A. Le dieu slave Trojan. P. 188–192.]

И действительно, ни «землю Трояню», ни «вѣка Трояни», ни «тропу Трояню» нельзя связать со славянским божеством. Зато замечание о Руси как о «земле Трояни» может быть производным от представления о даках как предках славян, которое находим у В. Н. Татищева.[По В. Н. Татищеву, «славяне во время войны троянской из Колхиды и Пафлагонии чрез море Черное пришед по Дунаю поселилися и от реки Истра истрами, а после гетами и даками по-имянованы». И еще: «Троян... мост у Никополя чрез Дунай построил, который потом Андриан разорил, чтобы по оному и готы и сарматы, предки наши, не переходили» (Татищев. История Российская. Т. 1. С. 320, 255). Итак, по Татищеву, даки — предки славян. Они связаны и с Троянской войной, и с императором Трояном.] В книжных легендах, известных с конца XV в., русские самодержцы производились от римского императора Августа, по Слову же получалось, что первовладелец Русской земли был другой римский император — Траян (Игорь — внук Траяна).[А. Г. Кузьмин считает, что «Троян» по песням Бояна, использованным автором Слова, был «либо основателем династии русских князей, либо первым киевским правителем, либо тем и другим вместе» (Кузьмин А. Г. «Слово о полку Игореве» о начале Русской земли//ВИ. 1969. № 5. С. 59). Критику его построений см.: Рыбаков. Русские летописцы. С. 423–424.]

Остроумное решение «Трояновой проблемы» предлагает О. Сулейменов. Он считает, что у автора читалось «Тркънь», «Трокъню», «Трокъни», причем во всех случаях с титулом. Т. е. речь шла о Тмутаракани (а вместо «тропы» — «торпа», тюрк, «земля»). В XVI в. переписчик сочетание «къ» в неясном для него слове принял за «я», а Мусин-Пушкин уже снял титул.[Сулейменов О. Аз и я. С. 118–122.] Но дело в том, что Тмутаракань в памятниках (в том числе и в Слове) с титулом не писалась. Поэтому я не склонен разделять заманчивое предположение Сулейменова, требующее к тому же еще ряда допущений.

С «вѣками Трояна» в Слове перекликается «время Бусово». Если первое появилось в результате мифологического осмысления Траяновой дороги и Траяно-вых валов, то источником второго можно считать Бусову гору (Бусовицу) под Киевом или Бусов яр (в 15 км от Донца на восток от старого Салтова).[Смирнов А. О «Слове о полку Игореве». Вып. 2. Пересмотр некоторых вопросов. Воронеж, 1879. С. 107.] Некоторые исследователи возводят «время Бусово» к преданиям об антском короле Боже (Боозе, Бусе).[Шахматов А. А. Древнейшие судьбы русского племени. Пг., 1919. С. 9–10; Рыбаков. Русские летописцы. С. 417–421; Соболевский В. Ф. «Готские девы» в «Слове о полку Игореве»//Простор. 1963. № 5. С. 90–94. Впрочем, А. А. Васильев писал, что поскольку о Бусе в Слове говорится в одном контексте с Шаруканем, то это упоминание «естественнее относить к какому-либо половецкому князю, чем видеть в имени Бус какой-либо намек на столкновения IV в.» (Васильев А. А. Готы в Крыму//Известия ГАИМК. Л., 1927. Кн. 7. С.

259). О половецком происхождении Буса писал еще в свое время Н. Я. Аристов (Аристов Н. Я. О земле Половецкой // Изв. Ист. — филол. ин-та Безбородко в Нежине. 1877. Неофиц. отд. С. 219).] У автора могли быть и иные сведения о мифическом Бусе.

Так, А. Мазон приводит бытовавшую в XVIII в. легенду о некоем царе российском, «с коего дочерью Риндою якобы Отин прижил одного сына Боуса... Ринда, мать Боусова, была Российская принцесса».[Долинский И. О народах, издревле в России обитавших. СПб., 1772 (2-е изд. — 1788). С. 110–111; Mazon. *Le Slovo*. Р. 145.] Однако эта легенда не вяжется с контекстом, в котором упоминается «Бус» в Слове. Более удачно толкование Б. С. Ангелова, толкующего «время бусово» как время дьявола, а «бусовы врани» как дьявольские вороны.[Ангелов Б. С. Заметки о «Слове о полку Игореве»//ТОДРЛ. М.; Л., 1960. Т. 16. С. 54. См. об этом: Щурат В. Вид Плкнеська в «Слове о полку Игоревѣ» // Записки наукового товариства им. Шевченка. Львів, 1919. Т. 128. С. 23.] Ангелов ссылается, в частности, на «бос» (дьявол) и на украинские слова «бусовір» (идолопоклонник, чародей) и «босорканя» (ведьма).[Гринченко. Словарь. Т. 1. С. 90; Срезневский. Материалы. Т. 1. Стб. 158; Трубачев О. Н. Этимологический словарь славянских языков Г. А. Ильинского//ВЯ. 1957. № 6. С. 93–94; Словарь-справочник. Вып. 1. С. 78–79.] С. Н. Плаутин переводит — «сумрачное время» (от «бусый» — серый). [Плаутин. Слово. С. 45.] О. Сулейменов читает «бусовы врани» как «босоврамне» (бусурмане), неверно осмысленное Мусиным-Пушкиным. Он решительно критикует гипотезу о Боже IV в., а также свое раннее предположение и приходит к выводу, что и «время Бусово» — ошибка переписчика (вместо «бусуромане»).[Сулейменов О. Аз и я. С. 76–82. {Свод суждений см.: Салмина М. А. Время Бусово//Энциклопедия. Т. 1. С. 242–245.}]

Автор Слова прекрасно знал растительность, животный мир и климат Украины. [Шарлемань Н. В. 1) Из реального комментария к «Слову о полку Игореве»//ТОДРЛ. М.; Л., 1948. Т. 6. С. 111–124; 2) Заметки натуралиста к «Слову о полку Игореве»//ТОДРЛ. М.; Л., 1951. Т. 8. С. 53–67; 3) Природа в «Слове о полку Игореве»//Слово. Сб.-1950. С. 212–217; 4) Из комментариев к «Слову о полку Игореве»//ТОДРЛ. М.; Л., 1954. Т. 10. С. 225–228; 5) Заметка к тексту «Растѣкашется мыслію по древу» в «Слове о полку Игореве»//ТОДРЛ. М.; Л., 1958. Т. 14. С. 41–42; 6) Соловьи в «Слове о полку Игореве»//ТОДРЛ. М.; Л. 1960. Т. 16. С. 80–81; ср.: Шарлемань М. «Слово о полку Игореве» з погляду природознавця//ВісТі АН УРСР. 1940. № 2. С. 52–55.] В Слове животные упоминаются свыше 80 раз, причем преобладают среди них охотничьи звери и птицы. Еще в XVIII в. на Черниговщине известны цехи гоголятников, соколятников и других охотников. Сравнительно недавно на Украине крупных быков называли, как в Слове, «турами», а «зечкой» — чайку.

Когда совсем недавно Н. В. Шарлемань совершил путешествие по Днепру, он встретил во время поездки ряд образов природы, ряд слов и выражений в языке наших современников («дѣвка красна», «синоч» и др.), созвучных Слову о полку Игореве. [Шарлемань Н. В. По Днепру со «Словом о полку Игореве»//Советская Украина. 1958. № 1. С. 137–142.]

Особенно любитесь автор Слова образом «буй-тура». Если вспомнить его пристрастие к синонимам, то сопоставление «тур» — «бык» для Быковского не показалось бы неожиданным. Прожив около 30 лет на Украине, Иван Быковский прекрасно знал фауну и флору Украины и мог описать ее в поэтическом творении.

В Слове есть неожиданное припоминание «готских дѣв» («Се бо Готския красныя дѣвы въспѣша на брезѣ синему морю»). В Крыму в XII в. существовала Готская епархия. Впрочем, «Готфийская митрополия» там была до 1781 г., когда умер последний митрополит Игнатий через 10 лет после вступления русских войск в край.[Арсений. Готская епархия в Крыму//ЖМНП. 1873. 4. 165. С. 60–86. См. также: Borschak E. Les 'Jeunes filles gothes' du Slovo d'Igor // RES. 1950. Т. 26, fase. 1–4. Р. 137–138.] Архимандриту Черниговского монастыря Иоилу, конечно, о «Готфийской митрополии»

было хорошо известно. Это в свою очередь могло дать основание поэтическому образу «готских дѣв» в Слове. Станным остается только, почему эти девы «поют время бусово, лелѣють мечь Шароканю». Вряд ли бы готы стали воспевать половцев.[Сулейменов считает, что в Слове читалось «се бог отский» («это божество предков», т. е. Див). Готские же девы появились под пером Мусина-Пушкина (Сулейменов О. Аз и я. С. 76).]

По указу Екатерины II от 4 декабря 1775 г. и распоряжению Синода от 8 декабря того же года Иоиль был назначен архимандритом Спасо-Ярославского монастыря. [Черниговский обл. архив, ф. 679, оп. 4, ед. хр. 222; оп. 2, № 1116. Судя по материалам о побеге из Ярославской семинарии семинариста И. Быстринского, еще 17 декабря по-прежнему архимандритом в Спасо-Ярославском монастыре был предшественник Иоиля Павел (Ярославские епархиальные ведомости. 1882. № 8. С. 59, 60). Определение черниговского епископа о назначении преемника Иоиля состоялось 5 января 1776 г.] Перемещение это вызывалось тем, что предшественника Иоиля из Ярославского монастыря перевели в Савво-Сторожевский.

Ростовскую и Ярославскую епархию в начале 1776 г. возглавлял питомец Киевской академии Афанасий Вальковский (умер 15 февраля 1776 г.), а с 17 марта — Самуил Мисловский (в 1757–1761 гг. префект, а позднее ректор Киевской академии).

В Ярославле Иоиль провел последний период своей жизни.

Архимандрит Спасского монастыря одновременно исполнял обязанности ректора Ярославской семинарии. Студенты семинарии уже вскоре после прибытия Иоиля оценили его большие познания и поэтический дар. До нас дошла тетрадка ученика 2-го приходского класса Ивана Ораевского, составленная в 80-х гг. XVIII в.

Среди 15 од, помещенных в этой тетради, 5 посвящены Ивану (Иоилю) Быковскому. В них рисуется образ поэта, покровителя молодежи. Так, уже в первой оде студента И. Г. Воскресенского («на тезоименитство Иоиля»), написанной в год приезда Иоиля в Ярославль (19 октября 1776 г.), встречаются следующие строки:

Парнасе, тобою украшенный,

Взирает, духом восхищен,

И как Нарцисс, собой плененный,

Стоит в весельи изумлен.

Поэт хочет,

чтоб раздавался повсюду глас:

«Блажен Иоилем Парнасе».

Иоиль не только украшение Парнаса, но и весельчак, «покровитель» учащихся:

Наук и мудрости любитель,

Отец любезнейший для всех.

Учащихся ты покровитель,

Вина веселий и утех.[ГПБ, собр. Титова, № 694, л. 2–3 об.]

Во второй оде Воскресенского (19 октября 1777 г.) звучат те же мотивы:

Проснись, вспряни, живись, блаженный

Парнасе, Иоилем взнесенный,

И обрати твой взор вокруг.

Или еще:

Не хор ли видишь ты, священный,

на верх Олимпа вознесенный.[ГПБ, собр. Титова, № 694, л. 5.]

Автор оды пишет, что «нам жизни нет его дороже», он — «мудрый муж» и т. п. Все это не обычная льстивая похвала, а строки, продиктованные искренним чувством. Сходные нотки, хотя более выпретенные и не столь непосредственные, можно обнаружить в оде 27 марта 1782 г., произнесенной учителем Сергеем Предтеченским Иоилю как ректору семинарии:

Продли для нашего блаженства

Сего отца муз век златой.[ГПБ, собр. Титова, № 694, л. 6 об — 9 об.]

В одах «на тезоименитство», написанных составителем сборника Иваном Ораевским, находятся аналогичные строки:

Чистых муз любитель...

Сей парнасских муз правитель...

Наших муз отца...[ГПБ, собр. Титова, № 694, л. 68–69.]

Совсем иные мотивы звучат в одах сборника, посвященных другим лицам. Так, архиепископ Арсений (Верещагин) в 1783 г. характеризуется только как «пастырь и отец», «пастырь... совершенный», «меценат» и т. д.[ГПБ, собр. Титова, № 694, л. 20, 23, 24.]

Таким образом, ярославские современники Ивана (Иоилия) Быковского отлично знали о его поэтическом даре, и, возможно, в материалах, связанных с ними, следует искать следы Слова о полку Игореве.

Ярославль в 70—80-х гг. XVIII в. являлся одним из центров культурной жизни страны.[Данные об этом собраны в статье: Иванов, Топоров. К проблеме достоверности. С. 62 и след.] Здесь вокруг просвещенного наместника А. П. Мельгунова создается кружок из представителей передовой интеллигенции. Мельгуновым в Ярославле была основана масонская ложа, закрывшаяся после его смерти.[Пыпин А. Н. Русское масонство. XVIII и первая четверть XIX в. Пг., 1916. С. 512.] С Мельгуновым Иоиль познакомился еще в Петербурге, когда тот был в шляхетском корпусе в чине генерал-майора (до опалы в 1762 г.).[Лествицын В. Открытие Ярославской губернии в 1777 году. Ярославль, 1877. С. 3.] Его возглавлял В. Д. Санковский (родился в 1741 г.). Окончив Киевскую духовную академию в бытность там Иоилия, Санковский прошел курс обучения в Московском университете (1760–1763 гг.) и сделался сотрудником херасковских изданий «Полезное увеселение» (1760–1762 гг.) и «Свободные часы» (1763 г.). Санковский — поэт, переводчик классиков и, в частности, «Энеиды» (1769–1772 гг.). Журнальная деятельность его в Москве оборвалась в 1765 г. В Ярославль он попал в 1779 г. вскоре после открытия там наместничества (1777 г.). Здесь он преподавал в народной школе и издавал журналы «Уединенный пошехонец» (1786 г.) и «Ежемесячные сочинения» (1787 г.).[Трефолов Л. Первый русский провинциальный журнал «Уединенный пошехонец» // Русский архив. 1879. № 9. С. 88—135. {См. также: Ермолин Е. А., Севастьянова А. А. Воспламененные к отечеству любовью: Ярославль 200 лет назад: Культура и люди. Ярославль, 1990. С. 98—142.}] Иоилия Санковский должен был хорошо знать.

В кружке А. П. Мельгунова живо интересовались и чисто историческими вопросами. Так, судя по обстоятельному исследованию Н. Н. Воронина, знакомый уже нам епископ Ростовский и Ярославский Самуил Мисловский (1776–1783 гг.) по поручению Мельгунова составил «Сказание о построении города Ярославля». Источниками этого произведения, имеющего тенденцию стилизации под старый язык, были, очевидно, народные предания о Ярославле и книжные рассказы о церкви Власия.[Воронин Н. Н. Медвежий культ в Верхнем Поволжье в XI веке // Краеведческие записки Яро-слав-Ростовского историко-архитектурного и художественного музея-заповедника. Ярославль, 1960. Вып. 4. С. 31–37.] Глубокий интерес к древней российской истории обнаруживается и в Слове о полку Игореве, героя которого — Ярославна могла особенно импонировать просвещенным читателям Ярославля.

В. В. Лукьянов исследовал около 100 книг библиотеки Иоилия, которые показывают широкие интересы архимандрита Спасо-Ярославского монастыря.[Лукьянов В. В. Библиотека Иоилия Быковского//Древнерусская литература и ее связи с новым временем. М., 1967. С. 49–53. О. А. Державина указала еще на экземпляр польского издания «Великого зеркала» (1733 г.), принадлежавший некогда Иоиллю и хранящийся в настоящее время в собрании Синодальной типографии ЦГАДА (ср. на л. 1 надпись: «от книг Иоилия архимандрита»). ЦГАДА, собр. библиотеки Синодальной типографии, № 4115/3864, экз. б). См.: Державина О. А. Перспективы изучения переводной новеллы XVII в.//ТОДРЛ. М.; Л., 1962. Т. 18. С. 181.] К ним Ф. Я. Прийма добавил 56 названий, упомянутых в реестре книгам, переданным Иоилем согласно его завещанию Онуфрию Дорошкевичу.[Прийма Ф.

Я. К. спорам об открытии «Слова о полку Игореве» //От «Слова о полку Игореве» до «Тихого Дона». Л., 1969. С. 259–260.] Именно в его библиотеке мы находим Никоновскую и Кенигсбергскую летописи, использованные при написании этого памятника (т. е. Слова. — Ред.).[Лукиянов В. В. Первый владделец рукописи... С. 42. В экземпляре Никоновской летописи, принадлежавшей Ивану Быковскому, есть единственный разрыв у корешка книги, и именно на странице, на которой находим «Могуту», созвучного «могутам» Слова о полку Игореве.] Иоиль также широко привлекал «Славянские сказки» Левшина для составления своей книги «Истинна».[Истинна, или Выписка о Истинне. Ярославль, 1787 (далее — «Истинна»)]. А именно в этой книге мы и встречаем термин «аварский», перекликающийся со Словом. Быковский состоял подписчиком многотомных изданий и журналов, бережно хранил сочинения Монтеня и Теренция. Идеи века Просвещения волновали Быковского.

И это нас не должно удивлять. Под монашеской рясой во второй половине XVIII в. иногда скрывались не просто широко образованные люди, а прямо вольнодумцы — вольтерьянцы. В этой связи приходит на память колоритный образ севского епископа Кирилла Флоринского, нарисованный Гаврилом Добрыниным. Выходец из Киевской духовной академии, Кирилл в свое время был взят в певческую капеллу в Петербург. Здесь он вместе с Я. П. Козельским посещал лекции по экспериментальной физике. Затем его отправили в русскую миссию в Париж, где он пробыл 5 лет. Позднее (с 1768 г.) он стал епископом в Севске, как раз в то время, когда по соседству с ним архимандритом Ильинского монастыря в Чернигове был Иоиль. Пребывание во Франции произвело на Флоринского настолько сильное впечатление, что он себя, шутя, считал «французом». Да и вообще он на всю жизнь сохранил любовь к философии и точным наукам (в том числе астрономии). Эпикуреец по складу характера, он не лишен был остроумия и сочинил однажды довольно язвительную эпиграмму на севского воеводу Пустошкина.[Истинное повествование, или Жизнь Гавриила Добрынина. СПб., 1872. С. 36, 64, 108, 118 и др.]

Вот к такому-то типу «архиереев-вольтерьянцев» и принадлежал другой питомец Киевской академии Иоиль Быковский. Совсем недавно Ф. Я. Шолом высказал в осторожной форме предположение, что, «по всей вероятности, прогрессивную роль в развитии просветительских идей в России второй половины XVIII в. сыграл и такой выходец из Украины, как Иоиль Быковский».[Шолом Ф. Я. Просветительские идеи... С. 60.] Теперь у нас есть достаточно данных, чтобы поддержать это предположение.

Весною 1786 г. Иоиль (вместе с архимандритом Борисоглебского монастыря) был «определен» цензором ярославской вольной типографии в связи с указом Синода об усилении надзора над печатными изданиями («для усиления цензуры печатаемых в заведенной вольной в Ярославле типографии книг с духовной стороны»).[ЦГИА, ф. 796, оп. 67, ед. хр. 110, л. 81–81 об. (Рапорт архиепископа Ростовского Арсения от 20 мая 1786 г.).] Воспользовавшись этим назначением, Иоиль уже в 1787 г. выпускает в свет книгу «Истинна, или Выписка об Истинне», единственное составленное им произведение, напечатанное при жизни автора.[Специальное исследование этой книги предпринято недавно А. Мазоном (Mazon. Ivan Bykovskiy. Ioil l'archimandrite et l'auteur de La Verite on extraits de notes sur la Verite//RES. 1965. Т. 44. Р. 59–88).] «Истинна» не подписана автором. Она представляет собою сборник мыслей из сочинений разных авторов, сгруппированных в три части («о вере», «о любви», «о надежде»).

В структуре «Истинны» нет ничего примечательного: образцом для нее служили курсы богословия.[Кузьмина В. Д. Мог ли архимандрит Иоиль... С. 199; Крестова, Кузьмина. Иоиль Быковский. С. 39.] Но вот содержание книги резко отличалось от этих курсов. Наряду с изречениями на церковно-моральные темы в ней помещены отрывки из сочинений М. В. Ломоносова, из «Живописца» Н. И. Новикова и других журналов, «Славянских сказок» М. Д. Чулкова, а также из произведений Овидия, Цицерона, Гераклита, «Кандида» Вольтера и его антиклерикального романа «История принцессы Вавилонской», А. Попа, философа и натуралиста де Мопертюи, французской

энциклопедии.[Первый обзор содержания этой книги сделал В. В. Лукьянов (Лукьянов В. В. Первый владелец рукописи... С. 43–44).] Уже это показывает широкие интересы автора «Истинны». Будучи духовным цензором типографии, т. е. фактически выпуская книгу без цензурного вмешательства, Иоиль смог подборкой выдержек из чужих произведений изложить свои общественно-политические представления.

Так, он говорит о высоком назначении человека («человек не рожден для себя, но для общества»). Для него «свет тогда может щастлив назваться, когда начальников разумных людей избирать будут».[«Истинна...». С. 267 (из Платона).] Он дает определение «демократии» («правление, в котором имеет всю власть народ»)[«Истинна...». С.346]). Он считает, что «все правления хороши, когда только правители ничего не ищут, кроме народного блага».[«Истинна...» С.268.] Впрочем, его идеал — просвещенная монархия, ведь «каждый самодержец подвержен законам естественным и Божиим».[«Истинна...» С. 277.] По мнению автора, «государь должен установить хорошие законы и заставить их хранить».[«Истинна...» С. 268. (Сократические разговоры).] Ведь «величество монаршее оружием украшается, а законами вооружается».[«Истинна...» С. 275] Он выписывает следующее четверостишие:

Блаженна та страна стократно,
Где праведны законы чтут И, не толкуя их превратно,
Словам Христовым вслед идут.[«Истинна...» С. 146.]

Как поборник просвещения Иоиль обращает внимание на мысль М. В. Ломоносова о том, что «наука — ясное познание истины, просвещение разума... везде верный и безотлучный спутник».[«Истинна...» С. 324–325]

Иоиль осуждает неправый суд, ибо «мир в обществе зависит от правосудия».[«Истинна...» С.273.] Из «Кандида» Вольтера он выписывает: «Тяжбы дают немалое преимущество богатым над бедными судящимися, они находят средство переносить тяжбу из одного суда в другой; они утомляют и разоряют противную себе сторону и напоследок одерживают верх».[«Истинна...» С.303] Быковского привлекает самый значительный из новиковских журналов — «Живописец» (1772). Он охотно приводит строки из стихотворения Поповского «Письмо о пользе наук», посвященного И. И. Шувалову: «Не вкус и щегольство пирушки, но польза общества — потомства похвала».[«Истинна...» С.122. Живописец. 1772. Ч. 1. Л. 8. § 7. С. 61.] Он с негодованием пишет о том, что «есть бессовестные судьи, бесчеловечные помещики, безрассудные отцы, грубые дети, бесчестные соседи и грабители управители».[185 «Истинна...». С. 298; Живописец. 1772. Ч. 2. Л. 5. § 8. С. 243.] «Путешествие в И... Т...» являлось самым решительным протестом против крепостничества до «Путешествия» Радищева. Быковский приводит из него следующий отрывок: «Игроки возят с собою в кармане труды и пот своих крестьян целого года и готовятся поставить на карту».[186 «Истинна...». С. 703; Живописец. 1772. Ч. 1. Л. 14. § 9. С. 106.] С глубоким сочувствием относится Иоиль к простому народу: «Подлыми людьми по справедливости называться должны те, которые худые дела делают, но у нас по ка-кому-то рассуждению вкралось мнение почитать подлыми тех, кои находятся в низком состоянии».[«Истинна...» С. 345 (из «Живописца»). «У раба не должно быть недостатка в хлебе» (Там же. С. 301.) Он осуждает войны, ложившиеся тяжким бременем на народ. [«Война почитается безобразием разума человеческого», «война — страшное бедствие, стыд человечества, разрушающее государство» («Истинна...». С. 300, 277).] К тунеядцам и празднотлюбцам автор беспощаден[«Истинна...». С. 301, 181.]

Приведенные тексты опровергают мнение Л. В. Крестовой и В. Д. Кузьминой, что «Истинна» была своеобразной хрестоматией, составленной «в соответствии с православными курсами богословия и катехизиса XVIII в.».[Кузьмина В. Д. Мог ли архимандрит Иоиль... С. 200; Крестова, Кузьмина. Иоиль Быковский. С. 42.] Л. В. Крестова и В. Д. Кузьмина пишут о «политической неразборчивости» Иоиля на том основании, что он приводит выписку из «Всякой всячины» Екатерины II о необходимости вести себя благочестиво в церкви. По этому поводу Ф. Я. Прийма не без остроумия пишет:

«Если бы нашим авторам пришлось проанализировать с данной точки зрения труды, скажем, М. В. Ломоносова, то они нашли бы и у него не один пример подобного рода „политической неразборчивости“». [Прийма Ф. Я. К спорам об открытии «Слова о полку Игореве». С. 251.]

Итак, и на закате своей жизни Иоиль сохранил верность идеалам, выработавшимся у него в 50—60-х гг. XVIII в. «Новыми» словесами из чужих произведений он говорил то же, что в той или иной степени звучало в «старых» словесах Песни о походе Игоря.

1788 год оказался роковым для Иоиля. По рескрипту Екатерины II от 3 июня 1787 г., в связи с переводом ростовского и ярославского архиепископа в Ярославль как центр губернии, решено было Спасо-Ярославский монастырь преобразовать в архиерейский дом, подведомственный непосредственно архиепископу. Во исполнение этого рескрипта последовал указ Синода от 6 мая 1788 г. о перенесении кафедры в Ярославль и преобразовании Спасо-Ярославского монастыря в архиерейский дом и об увольнении Иоиля по «старости и болезни», правда, с переводом на довольно значительную (500 р.) пенсию. [ЦГИА, ф. 797, оп. 97, 1788, ед. хр. 19, л. 50–51; ф. 796, оп. 209, 1788, ед. хр. 305, л. 420–420 об.; Владимир. 1) Столетие архиерейской кафедры в г. Ярославле. Ярославль, 1888. С. 5; 2) Ярославский Спасо-Преображенский монастырь. М., 1881. С. 56. Еще в апреле 1786 г. епископ Севский Феокист (Мочульский), старинный знакомый Иоиля (с 1761 г. он преподавал закон Божий в сухопутном корпусе), писал ростовскому архиепископу Арсению, что «старик отец архимандрит Иоиль болен ногами; сия, чаю, болезнь ему от сидящей жизни» (Сборник писем духовных лиц XVIII в. к преосвященному Арсению. Тверь, 1893. С. 48). В 1788 г. Иоиль покинул и консисторию (совет) при Ярославском архиепископе, в составе которой он находился с 1786 г. (Ярославские епархиальные ведомости. 1877. № 16. С. 124).] Трудно сказать, связаны ли эти события с изданием «Истинны» (1787 г.). Во всяком случае 9 августа 1787 г. последовало распоряжение о проверке книжных лавок Ростова и Ярославля на предмет выявления в них «духовных книг», которые напечатаны не в духовных типографиях. Подобный реестр для архиепископа Арсения был составлен Иоилем и, конечно, не содержал ничего предосудительного. [ЦГИА, ф. 796, оп. 68, 1787, ед. хр. 290, л. 158–159 об.] В 1788 г. после смерти Мельгунова в отставку попал и Санковский. Такова была судьба одного из очагов просветительства в Ярославле.

О последнем периоде жизни Быковского известно очень мало. [См. мнение Иоиля об организации пения в семинарии 10 декабря 1776 г. (Ярославские епархиальные ведомости. 1882. № 10. С. 75). В конце 1776 г. — начале 1778 г. он некоторое время был в Петербурге (см. определение Синода 28 ноября 1776 г. об командировании его в Петербург и записи 27 января 1777 г. и 1 января 1778 г. об участии Иоиля в придворных церковных богослужениях. ЦГИА, ф. 796, оп. 209, 1776, ед. хр. 286, л. 29; ф. 816, оп. 1, ед. хр. 492, 1777, л. 16 об. — 22). 17 апреля 1777 г. ему («при Санкт-Петербурге на очереди служащему») подарил книгу «Орган» (СПб., 1775) член Уложенной комиссии от Ярославля А. И. Ярославцев (Лукиянов В. В. Первый владелец рукописи... С. 45). В 1782–1784 гг. Иоиль принимал участие в надзоре за постройкой нового каменного архиерейского дома в Ярославле (Лествицын В. Прежние архиерейские дома в Ярославле // Ярославские епархиальные ведомости. 1879. № 40. С. 313–317). При нем была в 1781 г. «поновлена» роспись Преображенского собора в монастыре (Ярославский Спасо-Преображенский монастырь // Там же. 1861. № 1. С. 41). Участвовал Иоиль в торжественном открытии 21 апреля 1786 г. Ярославского дома общественного призрения (Скульский А. В. Исторический очерк столетнего существования... С. 20). Известно, например, что он принимал участие в службах ростовского и ярославского архиепископа Арсения в 1789, 1791, 1792, 1793–1795 гг. (Ярославские епархиальные ведомости. 1892. № 35. С. 547, 549–551; № 36. С. 562–569). В. Д. Кузьмина пишет, что эти сведения «впервые привлечены — П. В. Крестовой» (Кузьмина В. Д. Мог ли архимандрит Иоиль... С. 199). Однако они уже находились на с. 384 ротапrintного издания моей книги «Слово о

полку Игореве», отлично известного как В. Д. Кузьминой, так и Л. В. Крестовой. «Старинным приятелем» Иоиля был архимандрит Спасо-Прилуцкого монастыря Иннокентий (см. его письмо от 1797 г.: Сборник писем, духовных лиц...]

В настоящее время трудно определить более или менее точно время, когда было написано Слово о полку Игореве. Во всяком случае это произошло уже после битвы при Кагуле (1770 г.), но до 1791 г., когда рукопись попала к А. И. Мусину-Пушкину.[Об этом см. главу VII.] Некоторые наблюдения говорят о том, что произведение могло быть написано в Ярославле. Их по меньшей мере три.

В Слове о полку Игореве обнаруживаются следы знакомства его автора с Девгениевым деянием. Список этой повести о Девгениевом деянии находился и в сборнике, содержащем Слово. Но, судя по выдержкам из этого списка, приведенным Н. М. Карамзиным, он был ближе всего к Тихонравовскому списку середины XVIII в. (ГБЛ, собр. Тихонравова, № 399), который в 1744 г. принадлежал ярославцу Семену Малкову. [Кузьмина В. Д. «Девгениево деяние» («Деяние прежних времен храбрых человек»). М., 1962. С. 45–46.] Это ведет нас к тому городу, где провел последние годы своей жизни Иоиль.

Второе наблюдение заключается в следующем. В. В. Иванов и В. Н. Топоров обратили внимание на очень интересный факт близости Слова к «Сказанию о построении града Ярославля». Этот памятник ярославской литературы был помещен в рукописи Самуила Мисловского «Церкви г. Ярославля в 1781 г.». Он якобы был обнаружен им все в том же Спасском монастыре, как и Слово о полку Игореве. Существовал ли на самом деле старинный автор Сказания или создателем Сказания был сам Мисловский (причастный, как и Иоиль, к литературе выпускник Киево-Могилянской академии), остается неясным. Само это произведение издано только в 1867 г., [Лебедев А. Храмы Власьевского прихода г. Ярославля. Ярославль, 1877. См. также: Воронин Н. Н. Медвежий культ... С. 90–91.] а место хранения рукописи Мисловского неизвестно. Так вот в этом Сказании упоминаются и Волос, «скотий бог», и «лютый зверь» (пророк Илья лютого зверя победил). Оба эти персонажа встретятся в Слове. В связи с этим В. В. Иванов и В. Н. Топоров пишут, что только в Слове и Сказании Велес (Волос) выступает с шаманско-поэтическими функциями. Практически в одно и то же время в одном и том же монастыре найдены были два памятника, где сообщаются сведения о Велесе, существенно дополняющие летописные.[Иванов, Топоров. К проблеме достоверности. С. 61.] Мы бы добавили к этому, что оба памятника связаны с именами двух воспитанников Киевской академии.

Но есть и еще примечательное обстоятельство. Именно к Владимирской и Ярославской областям относится бытование Велеса (Волоса) среди остатков язычества. [Иванов, Топоров. К проблеме достоверности. С. 72. Попытка авторов связать Слово так или иначе со Псковом основана на ряде недоразумений (слух о происхождении Слова из Пантелеймонова монастыря, «реминисценции» из Слова в Псковском апостоле, Псковской летописи и Житии Александра Невского, а также псковизмы памятника).] В этой связи авторы ставят задачу стратификации различных слоев в тексте Слова, в частности выявление древнего прототипа на основании таких слоев, которые «на тысячелетие древнее эпохи создания его как древнерусского текста» и «обстоятельств позднего бытования текста на последнем этапе его истории», особенно «в ярославской среде второй половины XVIII века».[Иванов, Топоров. К проблеме достоверности. С. 81, 82.] Во всяком случае следы влияния «ярославской среды» на текст Слова В. В. Иванову и В. Н. Топорову обнаружить удалось.

Третье наблюдение не менее существенно. Речь идет о так называемых «шереширах» (стрелах).[Об этом см. также главу V.] А. Н. Кирпичников сопоставляет их с загадочными металлическими стрелами владимирских князей XII в.[Кирпичников А. Н. Метательная артиллерия древней Руси//МИА. М., 1958. Вып. 77. С. 14–15.] Наиболее раннее упоминание этих стрел, как нам указала Е. Н. Кушева, относится к 1675 г. В этом году кн. Каспулат Черкасский посетил Успенский собор во Владимире. Еще от своего отца

он слышал, что «в сем граде есть древних великих князей железной лук и стрелы». Теперь же он хотел взглянуть на них. Лука, впрочем, на месте не оказалось, ибо его взяли уже в Москву по указу царя Алексея. Однако стрелы Каспулату показали, и тот, «смотря и удивляясь, взял к себе гнездо».[Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII вв. М., 1957. Т. 1. С. 348.]

Четыре из этих стрел, обнаруженные при гробнице кн. Изяслава Андреевича (ум. в 1164 г.), хранились до середины прошлого века во Владимире.[Об одной из них см.: Калайдович К. Ф. Краткое сообщение о владимирских древностях // Записки и Труды ОИДР. М., 1818. Ч. 1.] В ярославском хронографе конца XVII в. говорится о том, что в Спасо-Ярославский монастырь 3 октября 1697 г. была перенесена большая «железная стрела великого князя Андрея».[Бычков А. Ф. Заметка о хронографе ярославского священника Федора Петрова//Труды Ярославской ученой архивной комиссии. Ярославль, 1890. Т. 1. С. 7; Воронин Н. Н. Археологические заметки //КСИИМК. 1948. Вып. 19. С. 67–68.] Здесь же рассказывалось о том, что Изяслав «на супротивных устроил себе самострельныя оружия — стрелы железныя великия». Но и в Слове «шерешеры» связаны именно с владими́ро-суздальским князем (Всеволодом). Как известно, Иван Быковский жил в Спасо-Ярославском монастыре и отлично знал греческий язык. Поэтому упоминание им «шерешир» вполне естественно.

Наконец, если находить в Слове следы знакомства автора с «Историей Российской» В. Н. Татищева (т. 3), то дата написания Песни о походе Игоря отодвигается ко времени после 1774 г.

В пользу предположения о том, что Слово сочинено было уже после 1786 г. и даже после 1788 г., т. е. после перехода Быковского «на покой», говорит косвенно и еще одно обстоятельство. Если бы это произведение было бы написано до того, как Иоиль покинул пост ректора Ярославской семинарии, то он вряд ли удержался от того, чтобы ознакомить ее студентов со своей книжной былиной. Однако об этом у нас нет ни одного свидетельства. Поэтому, скорее всего, Слово появилось под его пером уже тогда, когда он не преподавал в семинарии, т. е. между 1788–1791 гг.[См.: Козлов В. П. Кружок А. И. Мусина-Пушкина... С. 147–150.] Это было время русско-турецкой войны (1787–1791), внешнеполитическая обстановка России конца 80-х — начала 90-х гг. XVIII в. соответствовала патриотическому содержанию Слова.

Сюжет Песни выбран не случайно. В предисловии к Задонщине Пространной редакции вспоминалось время, когда «татарове на реке на Каяле одолеша род Афетов, и оттоля Русская земля сидит невесела».

Голос автора Слова о полку Игореве как бы призывал к завершению многовековой борьбы за «Тмутаракань», за обиды, нанесенные русским князьям. В конкретной обстановке 80-х — начала 90-х гг. XVIII в., во время присоединения Крыма и победоносного окончания русско-турецкой войны, героическая Песнь приобретала глубокое патриотическое звучание.

Создавая свое произведение как призыв к отмщению за «раны Игоря», автор, конечно, мог знать, что именно в Чернигове был похоронен этот северский князь. Черниговские князья — Святославичи, наряду со Всеславичами, привлекают к себе преимущественное внимание автора Слова.

Говоря об идейном содержании Слова о полку Игореве, Д. С. Лихачев отнес к числу основных задач, стоявших перед его автором, «идейное сплочение всех лучших русских людей вокруг мысли о единстве Русской земли. Вот почему автор „Слова“ так часто и так настойчиво к этому общественному мнению апеллирует».[Лихачев. Исторический и политический кругозор. С. 52.]

В условиях 70—80-х гг. XVIII в., сложившихся после первого раздела Польши и воссоединения с Россией значительной части восточной Белоруссии (с Полоцком и Могилевом) и Украины, идея единства Русской земли, сложившегося еще в древние времена, отвечала передовым представлениям об общности исторических судеб трех

братских народов — русского, украинского и белорусского. На страницах Слова воспеваются подвиги Всеволода Владимиро-Суздальского, Игоря Новгород-Северского и Всеслава Полоцкого, но только потому, что за их плечами стояла Русская земля, истинный герой Игоровой песни.

Но не князья, а Русская земля — основной герой Слова о полку Игореве.[Ю. М. Лотман обращает внимание на то, что в XVIII в. для обозначения национального единства употреблялось понятие «Россия», а не «Русская земля» (Лотман Ю. М. «Слово о полку Игореве» и литературная традиция XVIII — начала XIX в.//Слово. Сб -1962. С. 333). Но автор Слова в понятие «Русской земли», хорошо известной Задонщине и Ипатьевской летописи, вложил то содержание, которое было неизвестно этим древнерусским источникам и вполне соответствовало представлению о России в XVIII в.] Ю. М. Лотман не находит в Слове идеи сильной централизованной власти, характерной для В. Н. Татищева, И. Н. Болтина и других историков XVIII в.[Лотман. «Слово...» и литературная традиция... С. 340.] Эта идея отчетливо не сформулирована в Слове, но она присутствует в нем тогда, когда автор объясняет беды, постигшие русские земли, княжескими крамолами.[По Б. А. Рыбакову, в призыве «к единению русских феодальных князей XII века» в условиях XVIII в. «надобности... давно уже не было» (Рыбаков, Кузьмина, Филин. Старые мысли. С. 155). Но писатель XVIII в. мог отлично представлять, что именно княжеские распри ослабляли силу сопротивления русских половцам. Это было ясно в то время, как понятно и теперь.] Для него Русь, как и для Татищева, — «расчлененное тело». В полном соответствии с этим представлением он и не говорит о «самодержавстве», которое как «паки совершенную монархию возстановил» только Иван III после господства аристократии, когда князья «силы никакой не имели».[Татищев. История Российская. Т. 1. С. 366–367.] Никакого «прославления» князей-правителей (в отличие от князей-воинов Игоря и Всеволода) в Слове о полку Игореве нет. С едким сарказмом описывает автор Слова свары и бездеятельность князей Всеволода Владимиро-Суздальского, Ярослава Владимиро-Волынского, Романа Галицкого, живших воспоминаниями о прошлых победах, в то время как русские воины изнемогали в неравной борьбе с не «погаными».[Об этом писал Л. В. Черепнин в работе «Слово о полку Игореве» (рукопись).]

А. Н. Веселовский очень тонко подметил: «Я не знаю, почему мы не ведем историю русской сатиры (в широком смысле слова) с галереи обличительных портретов русских князей, пережившей много веков в рамке „Слова о полку Игореве“. Не уступит она в горячности, правдивости и язвительности портретной живописи Кантемира, связанного псевдоклассической манерой... Бесстрашные речи автора Слова, обличения Радищева или Щедрина — звенья одной и той же цепи».[Веселовский А. Н. Очерки и наброски из старой и новой литературы//Вестник Европы. 1898. Т. 1. С. 121.] Сатирическое начало, столь свойственное литературе XVIII в., звучало и в Слове о полку Игореве. Автор Слова, как мы уже писали, не интересовался батальными сценами и не разбирался в тонкостях древнерусского оружия. Зато он прекрасно знал тексты богослужебных книг и склад церковных песнопений. Это ведет нас скорее к лицу духовного звания (каким и был Иоиль), чем к дружиннику XII в.

Заинтересовавшись темой о походе Игоря, автор Слова обратился к Ипатьевской летописи. Могла ли Ипатьевская летопись быть в его распоряжении в Чернигове или Ярославле? На этот вопрос можно ответить положительно. Так, список Яроцкого Ипатьевской летописи в середине XVII в. был списан на Украине в Кременце. Юго-западного происхождения не только Хлебниковский список, к которому восходит Ермолаевский, а и протограф списков Ермолаевского и Яроцкого (со Сказанием о Мамаевом побоище). В Черниговском монастыре было собрание древних рукописей, среди которых известен летописец Леонтия Боболинского (1699 г.), представлявший собою хронограф западнорусской редакции с извлечениями из Синописа. По распоряжению Екатерины II от 9 декабря 1791 г. его должны были доставить в Синод.[Поленов Д. О летописях, изданных от св. Синода. СПб., 1864. С. 29–30; Должиков П. Известие о двух

летописях, находящихся в библиотеке Черниговской семинарии//Труды и летописи Общества истории и древностей российских. М., 1827. Т. 3, кн. 1. С. 148–149; Науменко П. Хронографы южнорусской редакции // ЖМНП. 1885. Май. С. 34–82.] Большое число рукописей хранилось и в Спасо-Ярославском монастыре.

До настоящего времени высказываются сомнения в том, что предполагаемому автору Слова могла быть известна Задонщина, поскольку она была опубликована только в середине XIX в. Но хорошо известно, что даже Н. М. Карамзин широко использовал для своей истории рукописи летописных и литературных произведений. Знакомство же автора Слова с подобными рукописями, если он был выходцем из духовенства, более чем вероятно, ибо как раз монастыри и были основными хранилищами памятников древнерусской письменности.

Д. С. Лихачев признает, что в Древней Руси «прямых аналогий „Слову“ в жанре и стиле мы не находим». Но он считает, что это — «не исключение в истории древнерусской литературы», ибо нет прямых аналогий и для Поучения Мономаха, и для Моления Даниила Заточника.[Лихачев Д. С. «Слово о полку Игореве» и особенности русской средневековой литературы // Слово. Сб.-1962. С. 305.] Действительно, светских произведений этих жанров не сохранилось. Однако хорошо известны церковные поучения отца к сыну, с которыми был знаком Мономах. Существуют и просительные обращения (послания, челобитные), близкие по жанру к Молению, в средневековой европейской и византийской литературе, не говоря уже о сборниках афоризмов типа Пчелы.[Гудзий Н. К. История древней русской литературы. М., 1953. С. 92, 165, 170.] Итак, жанровая «одинокость» Слова о полку Игореве среди памятников древнерусской литературы — факт, который трудно отрицать.

И. П. Еремин справедливо писал, что для средневековой литературы характерна «устойчивость, известная обособленность жанров, а следовательно, и всех тех структурных элементов, из которых эти жанры складываются».[Еремин И. П. Слово о полку Игореве (К вопросу о его жанровой природе)//Учен. зап. ЛГУ. Сер. филол. наук. Л., 1944. Вып. 9. С. 8. См. также: Еремин И. /7. Жанровая природа «Слова о полку Игореве» // Еремин И. П. Литература Древней Руси. (Этюды и характеристики). М.; Л., 1966. С. 150.] Но в Слове обнаруживается смешение различных жанров древнерусской литературы. И. П. Еремин с достаточными основаниями видит в Слове произведение ораторского искусства.[Еремин И. П. 1) «Слово о полку Игореве» как памятник политического красноречия Киевской Руси//Слово. Сб.-1950. С. 93—129; 2) К вопросу о жанровой природе «Слова о полку Игореве»// ТОДРЛ. М.; Л., 1954. Т. 12. С. 28–34.] А. И. Никифоров был убежден, что Слово по своему жанру — былина. М. Н. Сперанский и другие исследователи находят в Слове черты воинской повести. По Д. С. Лихачеву, Слово — «книжное произведение, возникшее на основе устного. В „Слове“ органически слиты фольклорные элементы с книжными». Неясность жанровой природы Слова объясняется, по его мнению, тем, что XI–XIII в. были временем формирования жанров письменной литературы на Руси.[Лихачев Д. С. «Слово о полку Игореве» и процесс жанрообразования XI–XIII вв.//ТОДРЛ. Л.,1972. Т. 27. С. 72, ср.: Лихачев Д. С. Жанр «Слова о полку Игореве»//Atti del Convegno inter-nazionale sul tema: «La Poesia eroica e la sua formazione». Roma, 1970. P. 315–332.] Однако к концу XII в. жанровая система древнерусской литературы была уже создана и речь могла идти только о ее развитии.

Если для произведения XII в. такое смешение жанров необъяснимо, то для книжной былины XVIII в., составленной лицом, обученным риторике, использующим материалы воинской повести (Задонщины), это будет вполне естественно.

К сожалению, в нашем распоряжении мало сочинений Иоила, с которыми можно было бы сравнить стилистические особенности Слова. Но и дошедшие до нас небольшие проповеди Быковского, несмотря на резкую разницу в жанре, обнаруживают черты стилистической близости к Слову.

Слово: 1. Главы своя по(д)клониша подъ тыи мечи... Хошу главу свою приложите... — **Проповеди:** 1. Под меч ли главу приклонити (№ 14963, л. 195 об.). [Ярославо-Ростовский музей-заповедник (ЯРМЗ), рукопись, инв. № 14963.]

Слово: 2. Растѣкашется мыслию по древу... Мыслию поля мѣрить... Ни мыслию смыслити... — **Проповеди:** 2. Восходя мыслию на гору Фаворскую и на Христово ныне празднуемое Преображение взирая, вижу оное и удивления достойное и радости исполненное... (№ 669, с. 191). [Гос. архив Ярославской обл. (ГАЯО), рукопись, инв. № 669.]

Слово: 3. Милыхъ ладь:, ни очима съглядати... — **Проповеди:** 3. Очима не видит... Очима на прелести мира сего с возделением не взирать (№ 14963, л. 193 об.).

Слово: 4. Простре горячую свою лучю... — **Проповеди:** 4. Лицо оное Христово... как лучу, которая сквозь стекло проникает (№ 669, с. 192).

Наконец, в проповедях часто встречаются обороты с «чи» («Чи богаты, чи убоги имениями, чи мирни, чи беспокойны» — № 14963, л. 207 об.) и «чему», которые находятся и в Слове.

В. Д. Кузьмина обратила внимание на то, что в автографе первой из проповедей Иоиля можно обнаружить характерные черты украинского произношения.

Поскольку этих явлений она не находит в Слове, то это, по ее мнению, говорит против того, что Быковский мог быть автором Игоревой песни. [Кузьмина В. Д. Мог ли архимандрит Иоиль... С. 203.] Довод абсолютно неубедительный. Во-первых, черт украинского произношения нет и в «Истинне», принадлежность которой Иоиллю неоспорима. Во-вторых, Слово дошло до нас не в автографе Быковского, а в одной из позднейших, стилизованных под древность копий, так что в его тексте вряд ли можно ожидать сохранения черт украинского произношения. Конечно, сопоставление Слова с проповедями Иоиля не может дать сколько-нибудь существенных результатов. Но это не должно нас разочаровывать. Ведь и изучение дипломатических депеш А. С. Грибоедова вряд ли бы помогло установить, что ему принадлежало «Горе от ума». Уж слишком огромна разница между официальными документами, фактически стоящими вне литературного творчества, или церковными проповедями конца XVIII в. и литературными шедеврами.

Так или иначе, но мы можем допустить, что Быковский, причастный к поэтическому искусству уже в молодости, был автором одного высокохудожественного произведения. Подобные факты хорошо известны в русской и мировой литературе. Причины к тому были разные. В невыносимо тяжелых условиях крепостнического гнета в России XVIII и первой половины XIX в. мы встречаемся чаще всего с единичными талантливыми произведениями крестьянской литературы, автор которых иногда бывает и вовсе неизвестен. Так, около 1767–1769 гг. написан во многом замечательный «Плач холопов» с его антикрепостническими мотивами. [Западов А. В. Памятники крестьянской литературы // История русской литературы. М.; Л., 1947. Т. 4. С. 312–315; Домановский Л. В. Народное потаенное творчество // Русская литература и фольклор (XI–XVIII вв.). Л., 1970. С. 282–285.] В этом стихотворении безвестного холопа причудливо переплетаются народные мотивы плача и черты книжного влияния. Как известно, автором фактически одного бессмертного «Конька Горбунка» (1834 г.) является П. П. Ершов. Недавно обнаружена большая повесть в стихах «Вести о России» неизвестного ярославского автора (30–40-е гг. XIX в.), посвященная тяжелому подневольному труду. [Вести о России. Ярославль, 1961.]

Один из излюбленных доводов сторонников древнего происхождения Слова против датировки памятника XVIII в. сводится к следующему. XVIII век — век панегирических од, а в Игоревой песни рассказывается о поражении русских войск. И поэтому писатель XVIII в. не мог обратиться к подобной скорбной тематике.

Но эти рассуждения были бы верны, если б речь шла об официозном произведении.

Написанная «старыми словесы» Песнь о походе Игоря народна и по идейному содержанию, и по фольклорному происхождению основных образов и средств выражения. Сама тема трагической судьбы героя, сталкивающегося с татарами, звучала лейтмотивом в украинских думах тех времен.[Кирдан Б. П. Украинские народные думы. М., 1964. С. 181.] В числе излюбленных жанров русской и украинской поэзии были плачи. П. Житецкий писал: «Жалости, плачи составляют, так сказать, органическую принадлежность самой фразеологии... дум».[Житецкий П. Мысли о народных малорусских думах. Киев, 1893. С. 26.] К этому, конечно, надо прибавить те традиции церковной литературы, на которых воспитывался автор Слова. Ведь «все призывы церковных проповедников строились на материале общественных несчастий».[Лихачев Д. С. «Слово о полку Игореве» и особенности русской средневековой литературы. С. 303.] Да и сам трагедийный замысел Слова о полку Игореве как нельзя больше соответствует распространению в последней четверти XVIII в. больших трагедий на исторические темы, в которых находим выражение сокровенных чаяний передовых писателей. Достаточно вспомнить написанную за несколько месяцев до Великой французской революции трагедию «Вадим» Я. Б. Княжнина, переводчика вольтеровской «Генриады».

Слово о полку Игореве резко отличается от других литературных памятников России второй половины XVIII в. по своей форме, приближаясь к ним по идейному содержанию. Гениального писателя вообще трудно сравнить с его современниками. М. Чулков, М. Попов, В. Левшин воспринимали передовые идеи XVIII в. непосредственно, а автор Слова, очевидно, сквозь призму монастырских стекол. Только человек, прошедший длительную школу риторики и пиитики, мог так легко использовать словарный материал древних литературных памятников для создания совершенно индивидуального и ни с чем не сравнимого произведения поэтического искусства.

Светский писатель XVIII в., даже задумав написать стилизацию на древнерусские темы, не стал бы так буквально воспроизводить фактическую основу поэмы, как бы опасаясь к ней что-либо прибавить или убавить. Эта манера гораздо более характерна для церковного писателя, который всегда старался не отходить от буквы Священного Писания и отцов церкви в существе своей проповеди или поучения. Именно поэтому он предпочел в своей Песне использовать древние летописи, а не их позднейшее толкование, данное В. Н. Татищевым или каким-либо другим историком.

Впрочем, наличие стилизации в Слове о полку Игореве удивить нас не может. Ведь «в поэтике и стилистике русского классицизма, — пишет В. В. Виноградов, — индивидуальный стиль произведения и само произведение как воплощение и выражение индивидуальной авторской личности не выступали как определяющие силы эстетического восприятия и художественной структуры». Еще в 1769 г. Ф. Эмин писал, что подражание «авторам наиславнейшим» «есть лучшая стихотворства добродетель».[Виноградов В. В. Проблема авторства и теория стилей. М., 1961. С. 60.] И действительно, в ту эпоху «поэты, исповедуя теорию подражания подлинным образцам прекрасного, и на практике следовали ей... Основой их творчества вообще была книга, прочитанный текст, готовая словесная конструкция».[Гуковский Г. О русском классицизме//Поэтика. Л., 1929. Сб. 5. С. 22.] Во второй половине XVIII в. выходит целый ряд произведений, стилизованных под русские древности. В их числе «Илья Муромец» Н. М. Карамзина (1795 г.), а также неоконченная книжная былина «Добрыня» (1794 г.), написанная Н. А. Львовым (1751–1803), издателем сборника русских песен. В этом произведении автор старался сохранить особенности былинного поэтического склада, ибо считал фольклор «наиболее ярким выражением народного духа».[Подробнее см.: Русская литература и фольклор (XI–XVIII вв.). Л., 1970. С. 342–343, 356–357, 373–378] Те же черты обнаруживаем в Слове о полку Игореве, своеобразной книжной былине XVIII в.

Стилизация «под былины» известна и литературе XIX в. Так, Л. Мей опубликовал былинку «С каких пор перевелись витязи на Руси». Исследователи установили, что в фольклорный текст Мей без всяких оговорок ввел целый ряд своих собственных мотивов

и тем самым создал искусственный текст, выдав его за подлинное народное произведение. [Пропп В. Я. Русский героический эпос. Л., 1955. С. 326–327.]

В XVIII в. в рукописных сборниках встречаются так называемые богатырские истории, представляющие собою часто обработки былинных сюжетов писцами-книжниками.

Древнерусская тематика входит прочно в русскую литературу XVIII в. Виднейшие писатели, создавая произведения различных жанров на сюжеты из отечественной истории, охотно привлекали памятники древнерусской письменности. Так, А. П. Сумароков кроме летописных материалов по истории Древней Руси хорошо знал рукописные повести о начале Москвы, которые он использовал в своем сочинении «О первоначалии и созидании Москвы». [Салмина М. А. Древнерусские повести о начале Москвы в переработке А. П. Сумарокова // ТОДРЛ. М.; Л., 1958. Т. 15. С. 378–383.] Никоновская летопись была известна автору «Вадима Новгородского» Я. Б. Княжину. Создавая «Россияду», Херасков знакомился с «Казанской историей». Да и в ранних рассказах и повестях Н. М. Карамзина проскальзывает хорошее знакомство его с древнерусской литературной традицией. Его рассказ «Райская птичка» (1791 г.) построен на переводном «Великом зеркале». [Крестова Л. В. Древнерусская повесть как один из источников повестей Н. М. Карамзина «Райская птичка», «Остров Борнгольм», «Марфа Посадница» (Из истории раннего русского романтизма) // Исследования и материалы по древнерусской литературе. М., 1961. С. 205 и след.] А уже в мае 1800 г. Карамзин писал Дмитриеву: «Я по уши влез в русскую историю». [Крестова Л. В. Древнерусская повесть как один из источников повестей Н. М. Карамзина «Райская птичка», «Остров Борнгольм», «Марфа Посадница» (Из истории раннего русского романтизма) // Исследования и материалы по древнерусской литературе. М., 1961. С. 214.]

В середине XVIII в. появилась «История о Ярополе» — своеобразная повесть, написанная в виде семейной хроники. В ней рассказывается о подвигах потомков некоего царевича Моафа. [Сиповский В. В. Русские повести XVII–XVIII вв. СПб., 1905. С. 180–241. О ней см.: Николаева М. В. «История о Ярополе царевиче» и сказочно-былинная традиция // ТОДРЛ. М.; Л., 1949, Т. 7. С. 52–66.] В этой «Истории», как и в Слове о полку Игореве, широко используются традиции древнерусской воинской повести. Ее автор обнаруживает хорошее знакомство с «Казанской историей» и циклом Азовских повестей. Традиции «воинского стиля» в ней сочетаются с привлечением приемов изображения, характерных для народного творчества, в том числе для былин и сказок. Создавался тем самым своеобразный синтез старой русской воинской повести и быliny.

Интерес к русскому фольклору, наметившийся еще в 60–70-х гг. XVIII в., резко усилился в 80–90-е гг. В 1780–1781 гг. Н. И. Новиков издавал «Новое и полное собрание российских песен», а в 1782 г. пословицы российские. В 1787 г. профессор А. Барсов издал «Собрание 4291 древних российских пословиц», а в 1780–1783 гг. вышел в свет сборник А. Левшина «Русские сказки» (в 10 частях). М. Попов готовил тогда сборник «Российская эрата, или Выбор наилучших русских песен» (1792 г.). Переизданы были Мифологический словарь и «Собрание разных песен» М. Чулкова. [Макогоненко Г. П. Русское просвещение и проблемы фольклора. С. 213, 216; Степанов В. П. Чулков и «фольклорное» направление в литературе. С. 227–229, 245; Кочеткова Н. Д. Карамзин и литература сентиментализма // Русская литература и фольклор (XI–XVIII вв.). Л., 1970. С. 359–361.] Конец XVIII в. был временем расцвета песенного жанра. С 80-х гг. XVIII в. решительную борьбу с галломанией начал И. А. Крылов, опиравшийся на национальные русские традиции. [Кочеткова Н. Д. Крылов // Там же. С. 391.] Начиная с середины 80-х гг. в целях укрепления своего господства над крестьянством широко использовала фольклор в своих произведениях Екатерина II. «Стилизация фольклора казалась легким, доступным средством создания произведений в национальном вкусе». [Серман И. 3. Ипполит Богданович и официальная обработка фольклора в 1780-е годы // Там же. С. 307–308.] В пьесе императрицы «Начальное управление Олега» (1786 г.), в опере «Новгородский

богатырь Боеславич» (тогда же) широко использовались былины, песни, свадебные обряды с целью внедрения официальных идей покорности самодержавной власти. Тенденциозными были подбор пословиц в изданиях Екатерины II и И. Ф. Богдановича (1782 и 1785 гг.), а также использование сказочных мотивов в «Душеньке» того же Богдановича. С 90-х гг. XVIII в. «русская тема» начинает все настойчивее звучать и в творчестве Г. Р. Державина. [Серман И. З. Г. Р. Державин // Русская литература и фольклор (XI–XVIII вв.). Л., 1970. С. 341.]

60—80-е годы XVIII в. отмечены заменой в литературном языке системы «трех стилей», разработанной М. В. Ломоносовым, так называемым славяно-русским языком. В. Д. Левин, отмечая характерные особенности этого языка, пишет: «Синтаксис „славяно-русского языка“... обнаруживает стремление отказаться от традиций высокого стиля; но в лексике этот „язык“ отчетливо ориентируется именно на высокий стиль; усиливаются старые, доломоносовские книжно-приказные традиции». [Левин В. Д. Очерк стилистики русского литературного языка конца XVIII — начала XIX в. М., 1964. С. 16.] Архаизация литературного языка проявилась в это время и в жанрах, традиционно относившихся к сфере «высокого» стиля (оды, поэмы, похвальные слова, трагедии), но захватила и область распространения старого «среднего» стиля. Этот процесс можно обнаружить и в фонизиновском переводе романа (прозаической повести) «Иосиф», и в романах М. М. Хераскова, и в переводах «Илиады» П. Екимова (1776 г.), «Освобожденного Иерусалима» М. Попова (1772 г.). В предисловии к переводу М. Попов особенно отмечал «обширный и богатый славенский язык, который есть источник и красота российского». [Левин В. Д. Очерк стилистики русского литературного языка конца XVIII — начала XIX в. М., 1964. С. 33.] Славянизмы весьма значительны и в сочинениях на историческую тему («Опыт повествования о России» И. Елагина).

Тяготение к архаике и принцип использования высокой патетической речи как средства гражданственности обнаруживаются и в языке А. Н. Радищева, который глубоко изучал и широко использовал в своем творчестве произведения фольклора. [Подробнее см.: Макогоненко Г. П. Радищев // Русская литература и фольклор (XI–XVIII вв.). Л., 1970. С. 409–430.]

Книжно-архаические тенденции Слова о полку Игореве вполне укладываются в русло развития русского литературного языка конца XVIII в. И вместе с тем церковно-книжная языковая стихия в Слове сочеталась с народной, отражая процесс падения системы «трех стилей» и взаимодействия книжного и разговорных языков, происходивший в конце XVIII в. Создавался тот причудливый сплав, который позднее мы сможем обнаружить во многих художественных произведениях на русские исторические темы для передачи языка героев, живших в давно прошедшие времена.

Еще в 1769 г. А. П. Сумароков приступил к написанию эпической поэмы «Дмитрияда» (о Дмитрии Донском), которая, однако, осталась незавершенной. Дело Сумарокова продолжил его ученик М. М. Херасков.

Слово о полку Игореве было написано примерно в те же годы, когда М. М. Херасков создавал свою историческую поэму «Россияда» (1771–1778). Авторы обоих произведений явились продолжателями нового в России XVIII в. жанра эпической поэзии. И в Слове, и в «Россияде» прославляются подвиги русских воинов в борьбе с «погаными», иноплемениками. Но между Песнью о походе Игоря и поэмой Хераскова были и серьезные различия. Если в Слове о полку Игореве воспевалась Русская земля, страдающая от княжеских свар, то в «Россияде» пелись гимны «мудрому царю». Если «Россияда» была построена по образцу классических и западноевропейских национальных поэм, то источниками литературной формы для Слова о полку Игореве стали Задонщина и русский эпос. Если в «Россияде» можно явственно ощущать влияние классической мифологии и галлицизмы в языке автора, то в Слове о полку Игореве этому противостоят древнерусские языческие боги и «старые словесы», которые должны были показать красоту языка Древней Руси. Все эти различия коренились в разном

миросозерцании М. М. Хераскова, выражавшего представления либерального дворянства, и автора Слова о полку Игореве с его демократическими представлениями. При этом не «Россияде», а Слову о полку Игореве суждено было сыграть выдающуюся роль в развитии жанра героической поэзии.

В 1786 г. на страницах второй книги журнала «Новый Санкт-Петербургский вестник», издаваемого П. Богдановичем, появилась статья «О древности и превосходстве славенского языка и о способе возвысить оный до первоначального его величия». [Новый Санкт-Петербургский вестник. СПб., 1786. Кн. 2. С. 137–144. О статье см.: Булич С. К. Очерк истории языкознания в России. СПб., 1904. Т. 1. С. 291–294.] Подписана она была инициалами А. Б. Автором этой примечательной во многих отношениях статьи был, очевидно, профессор словесности Московского университета А. А. Барсов (1730–1791), который именно в это время занимался составлением «Обстоятельной российской грамматики» (1784—88). [Подробнее о трудах Барсова см.: Сухомлинов М. И. История Российской Академии. СПб., 1878. Вып. 4. С. 186–298. Интересно, что после смерти Барсова «множество летописей и редких книг» из его собрания, судя по рассказу А. И. Мусина-Пушкина, было куплено самим графом (Вестник Европы. 1813. 4. 72. С. 84, 86). О Барсове как авторе разбираемой статьи см.: Петровский Н. Библиографические заметки о русских журналах XVIII века // ЖМНП. 1898. Январь. С. 98.] Свою статью Барсов начинал с утверждения, что «из всех известных народов нет ни единого, коего бы язык был столь обширен и толико тверд в основании, как язык славенской». Далее, он стремился доказать «древность и превосходство славенского языка», ссылаясь на то, что английский, французский и другие языки «обязаны началом своим славенскому». Поэтому он призывал к «обогащению нашего языка и очищению его от плевел чуждых». Для этой цели, по мнению Барсова, «почитать надлежит разнородныя сочинения древних и новых славян, в разныя времена и в различных местах писанныя. Науки и художества могут получить чрез то пристойные выражения во всех случаях». Это сочинение Барсова было в библиотеке Быковского [У Быковского было титульное издание журнала под названием «Описание землетрясений в Калабрии и Сицилии» (СПб., 1787) (об этом издании см.: Сводный каталог русской книги гражданской печати XVIII века. М., 1962. Т. 1, под № 1247).] и могло содействовать рождению его замысла написать свою Песнь «старыми словесы», как бы противостоящими тому засоренному галлицизмами языку, которым писались произведения дворянской литературы периода классицизма.

В главе V настоящего исследования было отмечено то внимание, которое уделял автор Слова о полку Игореве подбору синонимов и замене ими словарного материала его источников. Эту работу автора можно отчасти объяснить тем значительным интересом к стилистической проблеме синонима, которая, по наблюдению А. П. Евгеньевой, живо интересовала писателей и филологов во всяком случае с 80-х гг. XVIII в. В синонимах выражалось богатство языка, они давали возможность «выбора слов в полном соответствии с темой и задачей художественного произведения». [Евгеньева А. П. Очерки по языку русской устной поэзии в записях XVII–XX вв. М.; Л., 1963. С. 258.] В Слове о полку Игореве, наряду с заменой синонимами слов источника, характерно их употребление в параллельных предложениях. [Примеры см. у А. П. Евгеньевой (Там же. С. 292).] В этом памятнике, по верному замечанию А. П. Евгеньевой, можно найти органический сплав отношения к синонимам, характерного для устной традиции и встречающегося в письменной литературе.

С именем Иоилия, возможно, следует связывать составление сборника песен, который хранился в Спасо-Ярославском монастыре и был, по наблюдениям А. В. Позднеева, написан в 70-х гг. XVIII в. [ГПБ, собр. Титова, № 2019. Рукопись XIX в. с пометой: «Подлинная рукопись находится в библиотеке Ростовского Спасо-Ярославского монастыря». А. В. Позднеев любезно поделился своими еще неопубликованными соображениями о составе и времени составления этого сборника. В одном только собрании А. А. Титова хранится около 30 песенников ярославского происхождения.] В

сборнике содержится 60 песен. В их числе 14 архаических светских песен («Ты, сердце, спишь» и «Толь награда» Сумарокова). В одной из них обнаруживается украинизм, а вторая с середины XVIII в. проникает в украинские песенники.[Позднеев А. В. Рукописные песенники XVII–XVIII веков. С. 35.] Среди 23 панегирических песен сборника находились песни о возвращении Петра после Дербентского похода, о победе Екатерины над турками. Авторами некоторых духовных песен были Симеон Полоцкий и Феофан Прокопович. Особенно интересна украинская песня «Что я кому виноват» московского митрополита Тимофея Щербацкого (1698–1769), которому в свое время посвятил одно из стихотворений Иван Быковский.

Интерес к Феофану Прокоповичу у Ивана Быковского, как мы помним, возник еще в годы обучения в Киевской академии.[Возможно, Иоилем частично переписан сборник № 1073 Ярославского обл. архива, содержащий по преимуществу проповеди Феофана Прокоповича.]

В песнях сборника есть элементы стилистического и лексического сходства со Словом о полку Игореве. Например, выражения «сияет полунощь» (л. 40), «лучи испускает» (л. 12 об.), «твоих щедрот луча» (л. 34 об.), «на тя, свете мой, взираю» (л. 12 об.), «лежат аки баранкове на поле снопки» (л. 53) и т. п. Здесь же встречаются слова «борзо», «туга». В одной из песен появляется — «Ярославъ знаменитый» (л. 46 об.). Если в Слове «готския дѣвы въспѣша», то здесь тоже «девы поют тя прекрасно» (л. 26 об.), причем «девы» вообще в песнях встречаются часто (л. 44 об., 78). В Слове Всеслав княжит «на седьмомъ вѣцѣ Трояни», в сборнике же говорится, что «возвратилися Сатурновы веки» (л. 41 об.).

Есть в сборнике и обращение к Дунаю:

Быстрый Дунай, Днепр широкий,
Черно море, Дон Глубокий (л. 30).

В песнях можно найти нотки искреннего сочувствия к крестьянам: «Радостно цезарь ралом нивы пашет» (л. 41 об.), «востает жатва лета поселянам люба крестьянам» (л. 42). Слово о полку Игореве, как можно убедиться, близко к тому кругу образов, который известен народным песням XVIII в.

Прежде чем расстаться с Иваном (Иоилем) Быковским, попытаемся свести воедино все основные данные, которые дают основания предполагать, что он мог быть автором Слова о полку Игореве.

П. Н. Берков пишет, что для признания произведения принадлежащим именно данному лицу необходимо, чтобы доводы при атрибуции состояли из трех основных групп: а) биографические, б) идеологические, в) стилистические. Важно также произвести «негативное исследование», т. е. доказать «непринадлежность произведения другому кандидату или другим кандидатам».250

Начнем с биографических данных. Их можно свести в следующую таблицу.

Иван Быковский и его время: I. Быковские происходили из Белоруссии. Иван Быковский родился в 1726 г., «посполитый» (простолудин) по происхождению. — **Слово о полку Игореве:** 1. Элементы польской и белорусской лексики и фонетики в Слове. 2. Использование в тексте Слова Задонщины по списку, близкому к Синодальному (белорусскому). 3. Интерес к Всеславу Полоцкому и некоторым фактам истории Полоцка (упоминание Немиги и Софии Полоцкой, отстроенной заново в 1750 г.).

Иван Быковский и его время: II. В 1741–1758 гг. учился и преподавал в Киевской академии, находившейся на Подоле. Церковь Успенья Богородицы — соборная в Киеве в 1750–1786 гг. Первые поэтические произведения Быковского. — **Слово о полку Игореве:** 1. Игорь едет по Боричеву увозу к Богородице Пирогоще (в Киеве на Подоле). 2. Элементы украинской лексики в памятнике. 3. Близость Слова к украинским думам. 4. Знание приемов ораторского искусства. 5. Слово выдающееся поэтическое произведение. 6. Возможное знание автором Гомера. 7. Церковнославянская лексика и морфология в Слове. 8. Знакомство с рядом памятников древнерусской литературы. 9. Библейские образы в

Слове. 10. Манера широкого использования чужого литературного материала для создания вполне самостоятельного художественного произведения.

Иван Быковский и его время: III. В 1758–1765 гг. преподавал в сухопутном шляхетском корпусе в Петербурге, где входил в круг преподавателей из разночинной среды и выступал с критикой крепостнических язв. Интерес к народной поэзии, древнерусской мифологии, героическому прошлому — черты передовой литературы середины XVIII в. — **Слово о полку Игореве:** 1. Военно-патриотическая тематика Слова. 2. Сочувствие к ратаям. 3. Фольклорная основа Слова. 4. Древнерусская мифология Слова.

Иван Быковский и его время: IV. В 1765–1775 гг. — архимандрит Троицкого Ильинского монастыря в Чернигове. Князь Игорь похоронен в Чернигове. Битва на Дунае при Кагуле 1770 г. у Трояновой дороги. Солдатские песни о победе при Трояновой дороге. Письмо Быковского П. Румянцеву (герою Кагульской победы). Вступление в 1771 г. русских войск в Крым, где в это время была Готфийская митрополия. Бытование на Украине в XVII–XVIII вв. текстов Ипатьевской летописи. — **Слово о полку Игореве:** 1. Слово написано между 1770 и 1791 гг. 2. Игорь Святославич и черниговские Ольговичи — герои Слова. 3. Мотивы Дуная и тропа Трояна в Слове. 4. Призыв к завершению борьбы с погаными половцами. «Готские девы» и тмутараканские мотивы в Слове. 5. Связь Слова с Хлебниковской и Ермолаевской ветвью Ипатьевской летописи.

Иван Быковский и его время: V. В 1776–1788 гг. архимандрит Спасо-Ярославского монастыря. Восторженные отзывы студентов семинарии об Иоиле как о поэте. Несомненный интерес к передовой литературе (в частности, к Вольтеру, французской энциклопедии, Новикову и т. п.). Выпуск в свет «Истинны» (1787 г.). Библиотека Иоила, в которой находятся с его автографом Кенигсбергская летопись (1767 г.) и Никоновская летопись (1767 г.). Железная стрела владими́ро-суздальского князя Изяслава (XII в.) в Спасо-Ярославском монастыре с 1697 г. Спасо-Ярославский список хронографа 1617 г. Сборник народных песен 70-х гг. XVIII в. Спасо-Ярославского монастыря. Тихонравовский список 1744 г. Девгениева деяния, приобретенный в Ярославле. Предполагаемые встречи с А. И. Мусиным-Пушкиным в Ярославле. В Ярославском уезде располагались основные владения графа. 25 августа 1798 г. смерть Иоила. 26 августа письмо Арсения о смерти Иоила Н. Н. Бантышу-Каменскому. — **Слово о полку Игореве:** 1. Слово — поэтическое произведение. 2. Элементы рационалистическо-мифологических представлений в Слове. 3. Отражение в Слове сведений Кенигсбергской летописи и следы влияния Никоновской. 4. «Живые шерешеры» (стрелы) владими́ро-суздальского князя Всеволода. 5. Хронограф 1617 г. в составе сборника со Словом. 6. Народные мотивы в Слове. 7. Девгениево деяние по списку, близкому к Тихонравовскому, в сборнике со Словом. Следы влияния Девгениева деяния на памятник. В 1799 г. А. И. Мусин-Пушкин с Н. Н. Бантыш-Каменским и А. Ф. Малиновским приступили к изданию Слова о полку Игореве.

Как видно из приведенного сопоставления, сведения о жизни Быковского вполне укладываются в представление о возможном авторе Слова. То, что мы знаем об идеологии Быковского (близость к кругам разночинной интеллигенции, рационалистические интересы в рамках церковной идеологии), соответствует идейному содержанию Песни о походе Игоря. Иван (Иоиль) Быковский — это тот фокус, в котором как бы сходятся все линии исследования Слова о полку Игореве. В самом деле, в языке Слова находят русские, украинские, белорусские и польские элементы. Черты украинского и белорусского фольклора, интерес к полоцким и черниговским князьям в Слове несомненны. Но ведь Быковский родился в Белоруссии, жил и воспитывался на Украине (в частности, в Чернигове), в Петербурге и Ярославле. Одни исследователи считают Слово фольклорным произведением, другие находят в нем церковные элементы, третьи — книжные. И действительно, Иоиль и был человеком широкой образованности, как светской, так и церковной.

Перебирая всех известных лиц, которые могли бы создать такое крупное поэтическое произведение, как Слово о полку Игореве, мы не находим среди них ни одного, в жизненном и творческом пути которого было бы столько перекличек с текстом этого произведения. Наконец, ни один писатель или другой деятель XVIII в., кроме издателей, Н. М. Карамзина и Ивана Быковского, не был знаком с рукописью Слова о полку Игореве.

Не все приведенные данные сами по себе достаточны для определения авторства Слова, но их совокупность склоняет чашу весов в пользу признания Ивана (Иоилия) Быковского автором героической Песни о походе князя Игоря на половцев. Конечно, мы предлагаем читателю только гипотезу, которая помогает объяснить кажущиеся противоречия в тексте Слова, давшие повод для различных суждений о его авторе. Поиски должны продолжаться. И не исключено, что они приведут к новым выводам, откроют до конца завесу, скрывающую фигуру автора Слова о полку Игореве.

Глава VII. А. И. МУСИН-ПУШКИН И СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ

Теперь нам остается выяснить, как Слово о полку Игореве попало к А. И. Мусину-Пушкину и почему он выдал его за памятник XII в.

Сведения о жизни, служебной и научной деятельности Мусина-Пушкина очень скупы. Их сообщил прежде всего он сам в неподписанной автобиографии, [Калайдович К. Ф. Записки для биографии е. с. графа Алексея Ивановича Мусина-Пушкина // Вестник Европы. 1813. Ноябрь. Ч. 72. № 21–22. См. о нем: Аксенов А. И. 1) А. И. Мусин-Пушкин — источниковед и археограф. М., 1969. Дипломная работа, защищенная в МГИАИ; 2) А. И. Мусин-Пушкин — этимолог, коллекционер, источниковед и археограф // Материалы XXV научной студенческой конференции Тартуского университета: Литературоведение, лингвистика. Тарту, 1970. С. 31–34; 3) Из эпистолярного наследия А. И. Мусина-Пушкина // АЕ за 1969 г. М., 1971. С. 226–235. {См. также: Моисеева Г. Н. А. И. Мусин-Пушкин — издатель древнерусских памятников // Книга в России до середины XIX в. Л., 1978. С. 74–86; Козлов В. / 7. 1) Кружок А. И. Мусина-Пушкина и «Слово о полку Игореве»: Новые страницы истории древнерусской поэмы в XVIII в. М., 1988; 2) Мусин-Пушкин Алексей Иванович // Энциклопедия. Т. 3. С. 285–287; Аксенов А. И. С любовью к отечеству и просвещению: А. И. Мусин-Пушкин. Рыбинск, 1994; Мусины-Пушкины / Составители: Т. И. Гулина, Г. Б. Раздобурдина, М. Г. Шиманская. Ярославль, 1996.} Материалы архива Мусиных-Пушкиных см.: ЦГАДА, ф. 1270, оп. 1, ч. 1, ед. хр. № 27–29.] а затем в несколько расширенном и исправленном виде К. Ф. Калайдович. [Калайдович К. Ф. Биографические сведения о жизни, ученых трудах и собрании российских древностей графа Алексея Ивановича Мусина-Пушкина // Записки и труды ОИДР. М., 1824. Ч. 2.]

Родился Алексей Иванович Мусин-Пушкин в 1744 г. в старинной дворянской семье. В 1757 г. поступил в Петербургское артиллерийское училище. По выходе из него до 1772 г. служил в артиллерии адъютантом при любимце Екатерины графе Г. Г. Орлове. Уже в эти годы он проявлял интерес к русской литературе и литераторам. [См. его письмо 1769 г. к А. П. Сумарокову о Вольтере: Отрывки из переписки А. П. Сумарокова (1755–1773 гг.) // Отечественные записки. 1858. Т. 116. № 2. С. 584–585.] Во время длительного путешествия по Германии, Англии, Франции, Швейцарии, Голландии и Италии (1772–1775 гг.) собрал большую коллекцию картин, эстампов и бронзы. Сразу же по возвращении в Россию в 1775 г. получил придворный чин церемониймейстера, а в 1789 г. стал директором училища «чужестранных единоверцев». По представлению Е. Р. Дашковой удачливый вельможа в том же году (17 ноября 1789 г.) был избран членом Российской Академии наук. [Сухомлинов М. И. История Российской Академии. СПб., 1885. Вып. 7. С. 162 и др.] 26 июня 1791 г. Мусин-Пушкин был назначен обер-прокурором Синода. [ЦГИА, ф. 797, 1791 г., ед. хр. № 31; Благовидов Ф. В. Обер-прокуроры Святейшего Синода в XVIII и в первой половине XIX столетия. Казань, 1899. С. 272;

Бирюков Н. А. Эпизод из жизни П. А. Словцова // Исторический вестник. 1904. Сентябрь. С. 883–884.] Хотя в дела Синода он не вмешивался, но свое пребывание на этой синекуре использовал с максимальной для себя выгодой. И дело не ограничивалось только бесконтрольной тратой штатных сумм ведомства. В эти годы Екатерина II проявляла большой интерес к российской истории. Предприимчивый вельможа решил использовать эту страсть императрицы для того, чтобы войти в фавор. [Об интересе Мусина-Пушкина к собиранию редкостей сохранился рассказ японского капитана Кодая, побывавшего в 1791 г. в Петербурге. «Мусин-Пушкин, — пишет он, — житель Петербурга, был человеком редкой любознательности. У него было много старинных вещей. Среди них большой „электрик“ [?] в 2 кэн шириной и 3 кэн (т. е. 3.6 x 5.4 м. — А. 3.) длиной...» (Кимура С., Накамура Ё. Изучение древнерусской литературы в Японии // ТОДРЛ. М.; Л., 1962. Т. 18. С. 585).] Уже в августе 1791 г. он добился издания указа о присылке к нему в Синод рукописей исторического содержания из всех монастырей. Началась также бурная собирательская деятельность обер-прокурора. Источником ее были не только отдельные приобретения, но и тот фонд «летописцев», который образовался в Синоде. [См. возбужденное новым обер-прокурором Синода В. А. Хованским обвинение Мусина-Пушкина в присвоении монастырских рукописей (ЦГИА, ф. 797, оп. 1, д. 1522). О нем см.: Ю. К. {Бегунов}. В секторе древнерусской литературы // РЛ. 1963. № 3. С. 232.] Почти одновременно Мусин-Пушкин с помощью И. Н. Болтина стал выпускать в свет одно за другим издания источников, первыми из которых были «Правда Русская, или Законы великих князей Ярослава Владимировича и Владимира Всеволодовича Мономаха» и «Книга Большому чертежу, или Древняя карта Российского государства» (1792 г.). Деятельность Мусина-Пушкина получила высочайшее одобрение, и 22 сентября 1792 г. он был пожалован орденом Владимира Большого Креста второй степени. Одновременно в его распоряжение передали типографию Горного корпуса, где синодальный прокурор издал «Духовную в. кн. Владимира Мономаха детям своим» (1792 г.) и «Историческое исследование о местоположении Древняго Российского Тмутараканского княжения» (1794 г.). Отныне Мусин-Пушкин сделался как бы придворным консультантом по историческим вопросам. 11 марта 1794 г. по указу императрицы он стал ввиду длительной болезни Бецкого «преемником» президента Академии художеств. Уже в декабре Мусин-Пушкин вступил в конфликт с советом Академии по поводу выбора директора и добился того, что императрица отменила определение совета «яко недельное». [Кондаков С. Н. Юбилейный справочник императорской Академии Художеств 1764–1914. СПб., 1914. С. 19.] 15 сентября следующего года любимец императрицы сделался окончательно президентом Академии художеств, а незадолго до смерти своей высочайшей покровительницы был награжден орденом Александра Невского.

Сразу же после смерти императрицы звезда Мусина-Пушкина закатилась. Уже в 1796 г. Павел I ликвидировал училище «единоверцев», а в 1797 г. уволил Мусина-Пушкина с должностей президента Академии художеств и обер-прокурора Синода, пожаловав ему титул графа и назначив сенатором. Умер граф 1 февраля 1817 г.

Для того чтобы разобраться в истории приобретения Слова о полку Игореве Мусиным-Пушкиным, нужно последовательно рассмотреть четыре вопроса: 1) был ли сборник, содержащий Слово, написанным единовременно или составным; 2) если он был составным, то кто был предшествующим владельцем хронографа, входившего в состав Мусин-Пушкинского сборника; 3) кому до Мусина-Пушкина принадлежала рукопись Слова; 4) находилось ли Слово в составе хронографа или всего Мусин-Пушкинского сборника в момент его приобретения синодальным обер-прокурором.

Начнем с первого вопроса. Его решение во многом зависит от того, был ли сборник написан одним почерком или содержал разновременные рукописи. Сами издатели сообщают очень глухо: «Подлинная рукопись по своему почерку весьма древняя». [Ироическая песнь. С. VII.]

Столь неопределенная характеристика показывает, что публикаторы колебались в более точной датировке рукописи хронографа, но до нас дошли свидетельства пяти лиц, видевших рукопись сборника со Словом о полку Игореве. Первое из них принадлежит самому Мусину-Пушкину. В 1813 г. он писал Калайдовичу, что рукопись со Словом написана «довольно чистым письмом. По почерку и по бумаге должно отнести оную переписку к концу XIV или к началу XV века».[Калайдович К. Ф. Биографические сведения о жизни... С. 35.] Датировка Мусина-Пушкина резко противоречит показаниям других очевидцев и в литературе не была принята. Считалось, что мало сведущий в палеографии вельможа просто ошибся, определяя по почерку время создания рукописи со Словом.

Сборник видел и другой издатель Слова — А. Ф. Малиновский. Возможно, он слабо разбирался в палеографии древних памятников и позднее дал себя обмануть А. И. Бардину, продавшему ему собственного изделия «список» Слова как древнерусскую рукопись. В 1815 г. Малиновский датировал рукопись Слова XVI в. («Сие произведение российской словесности XII столетия издано было... с рукописи XVI века»).[Дмитриев. История первого издания. С. 155.] а незадолго до смерти рекомендовал выставить ту дату, которую давал граф.[«От издателей А. Ф. Малиновский утвердил мнение, Мусиным-Пушкиным свету сообщенное, — именно, что подлинная рукопись... принадлежала к концу XIV в.». Он «горько жаловался на критиков и завещал (так случилось!) выставить этот самый век подлинной рукописи». Дубенский Д. Слово о плъку Игореве. М., 1844. С. VIII.] Противоречивость показаний Малиновского не позволяет нам признать их надежными свидетельствами.[Впрочем, XVI в. датировал рукопись Слова, очевидно, не один Малиновский. Во всяком случае в письме В. М. Перевощикову от 27 января 1829 г. митрополит Евгений писал: «Мусин-Пушкин, нашедший ее, уверял, что она найдена в книге письма XIV века, другие, видевшие книгу, уверяли, что она не старше XVI века» (ЦГАЛИ, ф. 46, Бартенева, оп. 4, ед. хр. 2, л. 72 об).] Зато гораздо более существенно сообщение Калайдовича, который записал в своем дневнике следующее: «Карамзин полагает, что Песнь Игорева написана не в конце XVI (очевидно, описка: вместо XIV. — А. 3.) и не в начале XV века, но в исходе сего столетия».[Полевой. Любопытные замечания. С. 17.] Мнение Карамзина приведено Калайдовичем как контраргумент Мусину-Пушкину.

Видел рукопись Слова и видный палеограф А. И. Ермолаев. Правда, остается неясным, насколько пристально он знакомился с нею. Много позже А. Глаголев, ссылаясь на рассказ А. Х. Востокова, передавал, что Ермолаев датировал рукопись XV в.[Глаголев А. Умозрительные и опытные основания словесности. СПб., 1834. Ч. 4. С. 24–25. Сохранилась записка Востокова, написанная, очевидно, для Жуковского. В ней он писал: «Мне сказывал знаток (покойный А. И. Ермолаев), видевший рукопись до истребления ее в 1812 году, что почерк ее был полуустав XV века» (Рукою Пушкина. М.; Л., 1935. С. 385). В письме Г. И. Спасскому от 24 марта 1844 г. Востоков писал: «Что касается до Слова о полку Игореве, оно дошло до нас в списке XV века» (Государственный архив Красноярского края, ф. 805, оп. 1, д. 358, л. 14 об).] В этом рассказе не вполне ясно, имел ли Ермолаев в виду всю рукопись сборника в целом или одно Слово о полку Игореве. Та же неясность сохраняется и в сообщении типографщика С. И. Селивановского, который печатал «Ироиче-скую песнь». Он говорил Калайдовичу, что «видел в рукописи песнь Игореvu. Она написана, точно, в книге, как сказано в предисловии, и белорусским письмом, не так древним, похожим на почерк Димитрия Ростовского».[Полевой. Любопытные замечания. С. 17. Возможно, к этому рассказу восходит известие Д. Н. Бантыша-Каменского о том, что Мусин-Пушкин нашел Слово в «одном белорусском сборнике» (Бантыш-Каменский Д. Н. Словарь достопамятных людей Русской земли. СПб., 1847. Ч. 2. С. 457–458). Об участии Селивановского в печатании Слова см.: Кононович С. С. Типографщик Селивановой//Книга. М., 1972. Сб. 23. С. 100–123.] Вот и все показания лиц, непосредственно знакомившихся с Мусин-Пушкинским сборником.[М.

Н. Тихомиров называет среди них Р. Ф. Тимковского (Тихомиров. Русская культура. С. 66). Это ошибка.]

Итак, с одной стороны, перед нами сведения о том, что рукопись Слова составлена в XV в., с другой — рассказ Селивановского о почерке конца XVII — начала XVIII в. Уже одно это наводит на мысль о том, что сборник был составным. В этой мысли исследователь укрепляется, обращаясь к изучению отдельных статей сборника и прежде всего хронографа, занимавшего основную часть рукописи.

В сборнике со Словом о полку Игореве находился хронограф редакции 1617 г. [Впервые этот вывод сформулирован еще Е. В. Барсовым (Барсов. Слово. Т. 1. С. 63–65). Позднее его повторил М. Н. Сперанский. «Гранограф, — писал он, — название хронографа — ранее конца XVI в. встречаться не могло: это — название 2-й редакции Хронографа, возникшей не ранее этого времени и законченной в 1617 году» (Сперанский М. И. История древней русской литературы. М., 1920. С. 353). Л. А. Творогов пишет, что заголовок хронографа в сборнике со Словом относился «к тексту Хронографа московской редакции 1508 года» (Творогов Л. А. Слово о полку Игореве. Новосибирск, 1942. С. 16). Но достаточно обратиться к хронографу 1512 г., сохранившему текст хронографа 1508 г., чтобы убедиться в том, что Л. А. Творогов заблуждается: заголовок хронографа 1512 г. не столь близок к заголовку в сборнике со Словом, как хронограф 1617 г. («Пролог, сиречь собрание ото многих летописец, от Бытия о сотворении мира...»). ПСРЛ. СПб., 1911. Т. 22, ч. 1. С. 21). По О. В. Творогову, в сборнике со Словом находился хронограф Распространенной редакции 1617 г. (или памятник с его заголовком), которая не могла быть создана ранее первой четверти XVII в. (Творогов О. В. К вопросу о датировке Мусин-Пушкинского сборника со «Словом о полку Игореве»// ТОДРЛ. Л., 1976. Т. 31. С. 139–140).] В этом можно убедиться из следующего сопоставления заголовков:

Хронограф сборника со Словом: Книга глаголемая Гранаграфъ, рекше начало писменомъ царскихъ родовъ отъ многихъ лѣтописецъ. Прежде о Бытии, о сотворении мира, отъ книгъ Моисеовыхъ, и отъ Иисуса Навина, и отъ Судей Иудѣйскихъ, и отъ четырехъ Царствъ, такъ же и о асирийскихъ царехъ, и отъ Александрия, и отъ римскихъ царей, еллинъ же благочестивыхъ, и отъ русскихъ лѣтописецъ, сербскихъ и болгарскихъ.

Хронограф 1617 г.: Книга, глаголемая Гранограф, рекше начало писменом царских родов, от многих летописец. Прежде от Бытии о сотворении мира, от книг Моисеовых, и от Исуса Навина, и от Судей иудейских, и от четырех Царств, та же и о асирийских царех, и о Македонии, и о римских царех, еллин же и благочестивых и от русских летописец и сербских, и болгарских.[В другой рукописи хронографа 1617 г., относящейся к последней четверти XVII в. (БАН, Ар-ханг. С. 132), заглавие то же, только вместо «о Македонии» — «от Александрии», а после «Гранограф» добавлено — «яже суть в книзе сей» (Описание рукописного отдела БАН. М.; Л. 1959. Т. 3. вып. I. С. 182–183, 207).]

Судя по тому, что заголовок мусин-пушкинского списка хронографа 1617 г. совпадает с очень поздними списками этого памятника, вряд ли его можно датировать временем ранее второй половины XVII в.[Исходя из наличия в сборнике хронографа редакции 1617 г. и сведений Селивановского о почерке рукописи, С. П. Розанов склонен был датировать весь сборник второй половиной XVII в. (Розанов С. [Рец. на кн.: Перетц В. Слово о полку Игоревѣ]//ИОРЯС. 1927. Т. 32. С. 294).] Да и сообщение С. И. Селивановского о «белорусском письме» рукописи, сходном с почерком Дмитрия Ростовского, ведет нас к почерку конца XVII — начала XVIII в. И вместе с тем трудно просто отбросить наблюдение Карамзина и других очевидцев, датировавших рукопись Слова XV в. Тогда совершенно естественно предположить, что сборник был составным и что почерком конца XVII — начала XVIII в. был написан хронограф 1617 г. О том, что свидетельство Селивановского относится именно к хронографу, можно судить по словам Евгения: «А. И. Мусин-Пушкин нашел эту поэму при одном старинном белорусского письма хронографе».[Евгений. Песнотворец Игоря//Сын отечества. 1812. № 72. С. 34–37] Д. Н. Бантыш-Каменский также писал в биографии графа, что Песнь о полку Игореве

«найдена им в одном белорусском сборнике».[Бантыш-Каменский Д. Н. Словарь достопамятных людей... 4. 2. С. 48.]

Итак, ответ на первый из поставленных вопросов будет совершенно четок: сборник со Словом о полку Игореве был составным.[Так отпадает одно из возражений Н. М. Дылевского против позднего происхождения Слова: он считал, что автор XVIII в. не мог имитировать почерк целого сборника (Дылевский Н. М. Лексические и грамматические свидетельства подлинности «Слова о полку Игореве» по старым и новым данным //Слово. Сб.-1962. С. 208–210). Но имитирован мог быть почерк не всего сборника, а одного Слова. А. С. Орлов полагал, что хронограф и «Временник» со Словом могли составлять особую рукопись, которая лишь механически была присоединена ко второй половине сборника {Орлов. Слово. С. 51–52}. К выводу о том, что сборник со Словом представлял собой конволют разновременных рукописей, пришел О. В. Творогов {Творогов О. В. К вопросу о датировке... С. 161}. Однако тезис, что он был составлен в XVII в., им не доказан.]

Переходим теперь ко второму вопросу. Издатели «Ироической песни» ничего не сообщили читателям, как и откуда приобрел это произведение Мусин-Пушкин Только в 1813 г. граф под настойчивым напором Калайдовича сообщил этому пытливому исследователю, что Слово о полку Игореве попало к нему от бывшего архимандрита Спасо-Ярославского монастыря Иоиля.

Письмо Мусина-Пушкина полностью не сохранилось и известно лишь в извлечениях, приведенных Калайдовичем уже после смерти графа. Из него видно, как Мусин-Пушкин старается затемнить историю приобретения рукописи.

Он сообщает, в частности, что Слово в составе других рукописей Иоиля приобрел не он сам, а его комиссионер, причем тогда, когда бывший спасо-ярославский архимандрит впал в нужду.[«До обращения Спасо-Ярославского монастыря в архиерейский дом управлял оным архимандрит Иоиль, муж с просвещением и любитель словесности. По уничтожении штата остался он в том монастыре на обещании до смерти своей. В последние годы находился он в недостатке, а по тому случаю комиссионер мой купил у него все русские книги, в числе коих в одной под № 323, под названием Хронограф, в конце найдено Слово о полку Игореве» (Калайдович К. Ф. Биографические сведения о жизни... С. 35–36).] Однако Иоиль получал большую пенсию (500 р.).[Прийма. К истории открытия. С. 49. Интересно письмо Мусина-Пушкина П. И. Турчанинову о присылке списка духовных лиц, получавших «пенсион». В приложенном к письму списке от 27 апреля 1792 г. упоминается Иоиль (ЦГИА, ф. 797, оп. 1, 1792, ед. хр. 1143, л. 3–4).] Косвенное свидетельство того, что часть книг Иоиля попала синодальному обер-прокурору, можно усмотреть в том, что экземпляр «Великого зеркала» (изд. 1633 г.), некогда принадлежавший этому архимандриту Спасо-Ярославского монастыря, ныне находится среди книг библиотеки Синодальной типографии.[ЦГАДА, собр. Библиотеки Московской Синодальной типографии, № 4115/3864, экз. б.]

Версию о покупке комиссионером Слова приводит также и Евгений Болховитинов: граф якобы купил рукопись «в числе многих старых книг и бумаг у Ивана Глазунова, все за 500 р., а Глазунов после какого-то старичка за 200 р.».[Дмитриев. История первого издания. С. 53.] Сходную легенду сообщает и сын Н. Н. Бантыша-Каменского Д. Н. Бантыш-Каменский («Все эти драгоценные хартии были куплены безграмотным книгопродавцем за двести рублей ассигнациями»).[Бантыш-Каменский Д. Н. Словарь достопамятных людей... Ч. 2. С. 453.]

Близость рассказов Евгения и Д. Н. Бантыша-Каменского очевидна. Последний был не только сын одного из издателей Слова, но и находился в постоянной переписке с графом. Поэтому его сведения о приобретении рукописи восходят, скорее всего, к самому Мусину-Пушкину. Это косвенно подтверждается и его автобиографией. В ней Мусин-Пушкин рассказывает о том, как он в 1792 г. купил у одного букиниста за 300 р. массу древних рукописей («на трех телегах»), принадлежавших некогда Крекшину.[{Калайдович К. Ф.} Записки для биографии... С. 78–80.] Среди этих рукописей он называл летописи

Лаврентьевскую и кн. Кривоборского. Хотя Мусин-Пушкин о Слове умалчивал, но существо его рассказа было близко к сведениям Евгения и Д. Н. Бантыша-Каменского. Книгопродавец В. С. Сопиков, крайне раздосадованный, мягко выражаясь, неточностями этого рассказа, написал письмо Калайдовичу. В нем он сообщил, что рукописи Мусиным-Пушкиным были куплены у него не в 1792 г., а в 1791 г. и не содержали никаких древних материалов (среди них находились лишь печатные указы Анны Иоанновны и 37 книг журнала о деяниях Петра Великого). Все рукописи помещались «на одних обыкновенных ропусах».[Дмитриев Л. А. «Слово о полку Игореве»//Слово. Сб.-1962. С. 416.] Лаврентьевская летопись и летопись Кривоборского были приобретены графом совсем другим путем.[Ссылаясь на предположение Евгения о том, что псковский Апостол взят из Пантелеймоновского монастыря при устье реки Черехи, Н. Полевой писал: «Не отсюда ли достался графу А. И. Мусину-Пушкину сборник, в котором нашел он Слово о полку Игоревом?» (Полевой И. [рец. на кн.: Песнь ополчению Игоря Святославича...]/Московский телеграф. 1833. 4. 50, № 7. Апрель. С. 424). Мнение Полевого, следовательно, нельзя считать основанным «на слухах» (Слово-1950. С. 354), ибо оно было обычной для своего времени ученой гипотезой и только. К тому же Евгений говорил лишь в общей форме о том, что из Пантелеймонова монастыря «много книг харатейных 13 и начала 14-го столетия взято в Московскую патриаршую библиотеку», не называя прямо Апостола 1307 г. (Евгений. История княжества Псковского. Киев, 1831. 4. 3. С. 117).]

Основываясь на сообщении Н. М. Карамзина, Л. А. Дмитриев допускает, что рукопись Слова граф присвоил из монастырских книг, полученных им в качестве обер-прокурора Синода по указу Екатерины II 1791 г. Он склонен полагать, что Слово находилось в одном из хронографов, полученных Мусиным-Пушкиным из Ярославля, оставленных им у себя и погибших вместе со всем собранием.[Дмитриев. История открытия рукописи. С. 420. Сходную мысль см. в статье: Филипповский Г. Ю. Дневник Арсения Верещагина//Вестник МГУ. 1973. Филология. № 1. С. 61–71.] Действительно, обер-прокурор Святейшего Синода беззастенчиво пополнял свои книжные богатства за счет рукописей, попавших в Синод. Но в составе хронографов, отправленных Мусину-Пушкину из Ростовской консистории 20 ноября 1792 г., Слова, судя по их описанию, не было.[Дмитриев. История открытия рукописи. С. 426–429. Книги Ростовского архиерейского дома (пять хронографов и одна степенная) были предметом «наиприлежнейшего рассмотрения», в результате которого не было найдено по российской истории ничего, «что бы не было напечатано и вновь из них к изданию подходило» (Прийма Ф. Я. К спорам об открытии «Слова о полку Игореве» // От «Слова о полку Игореве» до «Тихого Дона». Л., 1969. С. 256–257).] В Ярославской консистории хранилось всего пять хронографов и одна Степенная книга. Из их числа три хронографа и Степенная были отобраны для посылки в Синод по указу 1791 г. В опубликованном Л. А. Дмитриевым деле о высылке хронографов и Степенной книги обер-прокурору Синода эти рукописи перечислены в следующем порядке:

1. Хронограф, писанный скорописью на 570 л.
2. Хронограф, писанный полууставом на 480 л.
3. Хронограф, писанный полууставом на 429 л.
4. Степенная на 752 л.

В описи ярославских хронографов с перечисленными рукописями точно совпадает по размерам только Степенная книга (752 л.), остальные размеры соответствуют лишь приблизительно (хронографы в 590, 492 и 432 л.).[Разной в описи мог объясняться наличием чистых листов в рукописях.] Скорописный хронограф представлял собою редакцию 1617 г. Остальные два, очевидно, хронографы редакции 1512 г. Второй, по описанию, был «полууставного, а в некоторых местах и скорописного письма», а третий писан «полууставом новейшего письма». Никаких данных о других произведениях, которые входили бы в состав хронографов, это описание, сделанное компетентной

комиссией из трех лиц, не сообщает. О. В. Творогов обратил внимание, что в хронографе № 3 содержались «описания времен княжения Московского, земель, нравов и обычаев разных народов, Россию населяющих». Он сопоставил это с тем, что в конволюте со Словом содержалась Новгородская 1 летопись, где говорилось о сходных сюжетах. Но если б речь шла об этой летописи, то в первую очередь сказано было бы о новгородцах. К тому же под приведенную запись ни Девгениево деяние, ни Слово, ни Сказание об Индийском царстве подвести невозможно. Поэтому из описания хронографа сделать вывод о наличии в одном из них Слова, конечно, нельзя. Да и объем хронографов, полученных из Ярославля, соответствует обычным рукописям подобного типа без каких-либо значительных пополнений текста. Следовательно, хронографы, полученные Мусиным-Пушкиным из Ярославской консистории, Слова о полку Игореве не содержали. [Прийма также отмечает, что «рукописные книги из ростовского архиерейского дома... были односоставными», в отличие от Мусин-Пушкинского сборника (Прийма Ф. Я. К спорам об открытии... С. 256). См. также: Соловьев А. В. Ростовские хронографы и хронограф Спасо-Ярославского монастыря//Летописи и хроники. 1973. М., 1974. С. 356.] К тому же они отправлены были в столицу и получены там позже появления первого сведения о Слове в печати. Но у нас есть и еще одна возможность удостовериться, что Мусин-Пушкин не присвоил хронограф со Словом из рукописей, поступивших в Синод: подобного хронографа нет в реестре не возвращенных графом монастырских рукописей из числа посланных в Синод по распоряжению Екатерины II 1791 г. [ЦГАДА, ф. 796, оп. 78, д. 750.] Происхождение хронографа, где позднее оказалось Слово о полку Игореве, более или менее ясно.

Вряд ли следует особенно гадать, откуда Мусин-Пушкин получил хронограф: это был хронограф «в десть» Спасо-Ярославского монастыря (редакции 1617 г., судя по его отрывкам, приведенным Димитрием Ростовским). [Барсов. Слово. Т. 1. С. 60–61. См. также: Соловьев А. В. Ростовские хронографы... С. 357–359.] Уже в описи 1788 г. на полях сделана весьма странная помета: «Оной хронограф за ветхостью и согнитием уничтожен». Тут же карандашом поставлено четыре вопросительных знака. «Значит, — пишет Е. М. Караваева, — кому-то показалось подозрительным такое „согнитие“». [Караваева Е. М. Хронограф Спасо-Ярославского монастыря в описи 1788 г. (К истории рукописи «Слова о полку Игореве»)//ТОДРЛ. М.; Л., 1960. Т. 16. С. 83.] Под предлогом «согнития» Иоиль мог взять себе хронограф, который потом попал в руки Мусина-Пушкина. Сохранился экземпляр издания «Великого зеркала» (1633 г.). Он также принадлежал Димитрию Ростовскому, а потом попал к Иоиллю. [Ср. надпись: «Его царского пресветлого величества окольниковый господине Семен Феодорович Толочанов дарствова сию книгу архиерею Ростовскому Димитрию 166 году июня 30» (ЦГАДА, собр. Библиотеки Московской Синодальной типографии, № 4115/3864, экз. б).] Г. Н. Моисеева обнаружила еще одну опись рукописей Спасо-Ярославского монастыря (1787 г.), в которой против четырех рукописей помещена помета «отдан» (в описи 1788 г. пометы «за ветхостию и согнитием уничтожены»). Среди них был и «Хронограф в десть». Можно допустить вслед за Моисеевой, что хронограф был присвоен Иоилем, а от него попал к Мусину-Пушкину. [Моисеева Г. Н. Спасо-Ярославский хронограф и «Слово о полку Игореве». Л., 1976. С. 54–59. Не доказано предположение и о том, что в сочинении В. Д. Крашенинникова «Описание землеводного круга» (где использован «Большой» Спасо-Ярославский хронограф) есть следы Слова о полку Игореве. Без каких-либо доказательств Соловьев считает, что хронограф, упомянутый в описи 1788 г., содержал Слово о полку Игореве (Соловьев А. В. Ростовские хронографы... С. 359).] Но нет никаких оснований считать, что в нем уже содержалось Слово о полку Игореве. [Впоследствии оказалось, что «Хронограф в десть» под № 285, в котором, как предполагала Г. Н. Моисеева, могло находиться Слово и который первоначально был обозначен как уничтоженный, а затем отданный, не утрачен, а и ныне находится в собрании Ярославского музея-заповедника под № 15443 (сохранился и прежний № 285). Однако Слова в нем не оказалось. См.:

Синицыша Е. В. К истории открытия рукописи со «Словом о полку Игореве»//РЛ. 1992. № 1. С. 85–87.]

Итак, на второй из поставленных вопросов можно дать более или менее определенный ответ: хронограф 1617 г. был приобретен графом от Иоиля.

У нас нет также никаких оснований отвергать сообщение Мусина-Пушкина о том, что и Слово он получил от архимандрита Спасо-Ярославского монастыря.

Отстаивая достоверность сведений Мусина-Пушкина о первом владельце Слова, Ф. Я. Прийма приводит еще следующие доводы. Сообщение Мусина-Пушкина носило частный характер и не рассчитано было на публикацию: Калайдович издал его только через 7 лет после смерти графа. К тому же Калайдович ни разу не подвергал его сомнению.[Прийма. К истории открытия. С. 52–58.] Зная Калайдовича как дотошного исследователя, граф вряд ли решился бы на заведомый обман, а видимость благожелательного отношения Калайдовича к Мусину-Пушкину и к Слову давала последнему надежду, что тот не злоупотребит его доверием. Признает достоверным сведение о приобретении Слова у Иоиля и Д. С. Лихачев.[Лихачев. Слово-1955. С. 3; Слово. Сб.-1950. С. 353.] Отвергая предположение Л. А. Дмитриева, сделанное им в 1962 г., следует признать более убедительной его гипотезу 1960 г.: «Весьма вероятно, — писал он, — что хронографы в августе 1792 г. были посланы Мусину-Пушкину в то время, когда у него на руках уже был хронограф со „Словом о полку Игореве“».[Дмитриев. История первого издания. С. 309.] Дмитриев позднее писал, что «если Иоиль было известно „Слово о полку Игореве“, то он или сам бы предпринял издание этого памятника, или сообщил бы о своей находке в печати».[Дмитриев. История открытия рукописи. С. 411.] Довод серьезный, при одном условии: Слово о полку Игореве — памятник XII в. Но если Слово находилось у Иоиля и он все-таки его не издавал, то остается предположение: Иоиль знал, что это произведение не было древним памятником. Если же считать Ивана (Иоиля) Быковского автором Слова, то невозможность для ярославского архимандрита издать это произведение, проникнутое передовыми рационалистическими идеями, наполненное «Даждьбожьими внуками», станет самоочевидной.[Прийма даже считает возможным допустить «на минуту, что он (Иоиль. —А. 5.) мог, скажем, считать „Слово“ любопытным чтением лишь для немногих и небезопасным и даже совратительным для широких читательских кругов» (Прийма Ф. Я. К спорам об открытии... С. 255).] Ведь «писатели XVIII века, — пишет П. Н. Берков, — очень строго отбирали материал и сознательно оставляли за пределами издания произведения, которые считали по разным причинам неудобным выпускать в свет под своим именем».[Берков П. Об установлении авторства анонимных и псевдонимных произведений XVIII в. // РЛ. 1958. № 2. С. 181.]

Итак, ответ на третий вопрос также однозначен: Слово попало к Мусину-Пушкину от Иоиля Быковского.

О времени знакомства Мусина-Пушкина с Иоилем можно только догадываться. Скорее всего, это произошло в Ярославле (в Ярославском уезде находилась основная вотчина Мусиных-Пушкиных). Здесь екатерининский вельможа бывал не раз. Архиепископ Арсений Верещагин, например, писал о своих встречах с Мусиным-Пушкиным в Ярославле в 1786 и 1797 гг.[Прийма. К истории открытия. С. 48, 49.] Между этими деятелями существовали прочные дружеские отношения.[Филипповский Г. Ю. Дневник Арсения Верещагина. С. 61–71.]

Текст Слова о полку Игореве Мусин-Пушкин получил от Быковского, очевидно, не ранее 1788 г. (когда Иоиль ушел «на покой») и не позднее как около 1791 г. Это видно из анализа работы Мусина-Пушкина над текстом памятника и первого сведения о нем в печати, появившегося в начале 1792 г.

Камнем преткновения для тех исследователей, которые относили составление Слова о полку Игореве к позднему времени, являлась перекличка его с припиской к псковскому Апостолу 1307 г. На последнем листе Апостола (ГИМ, Синод, собр., № 722), писанного полууставом начала XIV в. на пергамене, находились краткие заметки писца

Домида, помеченные 1307 г.[Напр.: «В лѣто 6815 а индик лѣт 5». Полностью текст см.: Горский А. В., Невоструев К. И. Описание славянских рукописей Московской Синодальной библиотеки. М., 1855. Отд. 1. С. 292–293.] Подлинность этих приписок не вызывает никаких сомнений. А на факт наличия разнообразных записей в культовых книгах XIII–XV вв. недавно обратила внимание В. П. Адрианова-Перетц.[Адрианова-Перетц В. П. Было ли известно «Слово о полку Игореве» в начале XIV века // РЛ. 1965. № 2. С. 151.] В их числе в Апостоле помещен и текст, близкий к Слову о полку Игореве.

Слово: Тогда при Олзѣ Гориславличи сѣяшеться и растяшеть усобицами, погибашеть жизнь Дажьбожа внука; въ княжихъ крамолахъ вѣци челоукомъ скратишась.

Приписка к псковскому Апостолу 1307 г.: Сего же лѣта быс(ть) бой на Русьской земли, Михайль съ Юрьемъ о княженъе Новгородское! При сихъ князѣхъ сѣяшеться и растяше усобицами, гыняше жизнь наша въ князѣхъ которы, и вѣцы скоротишася челоукомъ.

В отличие от приписки, в Слове говорится, что усобицы происходили не при «сихъ князѣхъ», а при «Олзѣ Гориславличи». «Жизнь наша» приписки соответствует выражение «жизнь Дажьбожа внука».[Ниже в Слове находим выражение «въ силахъ Дажьбожа внука». Форма («Дажьбожа») здесь сходна с летописной (ср. Ипатьевская летопись под 980, 1114 гг.), но отличная от вставки, где добавлено «д».] Д. С. Лихачев полагал, что слово «Гориславич» встречается еще только в одном из сохранившихся памятников — в Академическом списке Новгородской I летописи, где под 1285 г. упоминается псковский наместник Вячислав Гориславич.[НПЛ. С. 71, 72, 280, 281.] А так как в соответствующем тексте Синодального списка этого отчества нет, то Д. С. Лихачев предположил, что «вставка в начале XV в. (время составления протографа младшего извода Новгородской первой летописи) иронического отчества „Гориславичъ“ могла быть вызвана литературными реминисценциями летописца, сравнившего Вячеслава с Олегом Святославичем Слова о полку Игореве: и тут и там оба героя, несчастные лично, были вместе с тем причиной междоусобиц».[Лихачев Д. С. О русской летописи, находившейся в одном сборнике со «Словом о полку Игореве»//ТОДРЛ. М.; Л., 1947. Т. 5. С. 441.]

Однако это стройное на первый взгляд построение уже вскоре оказалось просто ошибкой. Дело в том, что в Новгородской I летописи упоминаются не один, а три «Гориславича». Кроме Вячеслава под 1240 г. — пскович Гаврила Гориславич[НПЛ. С. 77, 294, 449.] и под 1229 г. новгородец Богу слов Гориславич.[НПЛ. С. 68, 275.] Так как Богуслов был братом «тысяцкого Вячеслава», [НПЛ. С. 68, 275.] то можно полагать, что трое Гориславичей были братьями.[Творогов Л. А. Новое доказательство псковского происхождения непосредственного оригинала Мусин-Пушкинского списка текста «Слова о полку Игореве». Псков, 1949. С. 17–18.] Но поскольку и Богуслав и Гаврила именуются «Гориславичами» как в Академическом, так и в Синодальном списке, то это слово появилось раньше составления протографа Новгородской I летописи младшего извода, т. е. начала XV в. А раз трое братьев назывались Гориславичами, то перед нами не личное прозвище, не «реминисценция», а самое обыкновенное отчество. Если же так, то у нас есть основание реминисценцией считать «Гориславича» не в Новгородской I летописи, а в Слове о полку Игореве. За севернорусское происхождение отчества «Гориславич» говорит и то, что оно недавно было обнаружено в новгородской берестяной грамоте второй половины XIV в. («от Горислалица»[Арциховский А. В., Борковский В. И. Новгородские грамоты на бересте (Из раскопок 1956–1957 гг.). М., 1963. С. 89. Игру на слове «Гореславль» находим и в Молении Даниила Заточника: «Кому Переславль, а мне Гореславль» (Слово Даниила Заточника по редакциям XII и XIII вв. и их переделкам / Приготовил к печати Н. Н. Зарубин. Л., 1932. С. 61). Ф. Я. Прийма пишет, что «имя „Гориславличъ“ в качестве эпитета могло получить самое широкое и выходящее далеко за пределы Новгородского княжества значение» (Прийма Ф. Я. О гипотезе А. А. Зимина //РЛ. 1966. № 2. С. 77). Ни одного факта, подтверждающего бытование отчества «Гориславич» где-либо вне Северной Руси, Ф. Я. Прийма не привел.)).

Непосредственно перед упоминанием Олега Гориславича в Слове рассказывается о том, как князь Святополк, «съ тоя же Каялы... полелѣя (в изд.: повелѣя) отца своего къ святѣй Софии къ Киеву». Обычно выражение «съ тоя же Каялы» (не соответствующее дальнейшему тексту памятника) считают иносказанием и переводят «с такой же Каялы», т. е. с места поражения русских войск.[Слово о полку Игореве. Л., 1967. С. 59 (Б-ка поэта. Большая серия).] В последнее время А. И. Попов, а вслед за ним и В. П. Адрианова-Перетц пытаются воскресить конъектуру М. А. Максимовича: «с тое же Канины», считая «Каялы» опиской.[Попов А. И. «Каяла» и «Канина» в «Слове о полку Игореве»//РЛ. 1967. № 4. С. 217–218; Адрианова-Перетц. «Слово» и памятники. С. 103–104.]

Ив. М. Кудрявцев убедительно доказал, что сообщение о похоронах князя Изяслава в Святой Софии в 1078 г. встречается только в Софийской 1 и Новгородской 4 летописях.[ПСРЛ. Л., 1925. Т. 5, вып. 1. С. 147; ПСРЛ. Пг., 1915. Т. 4, вып. 1. С. 134; Кудрявцев Ив. М. Заметка к тексту «С тоя же Каялы Святоплѣк...» в «Слове о полку Игореве»//ТОДРЛ. М.; Л., 1949. Т. 7. С. 407–409.] Судя по киевской традиции, выдающей показания очевидца похорон, князь Изяслав был похоронен в каменной раке в Десятинной церкви, а не в Святой Софии.[ПСРЛ. Л., 1926. Т. 1. Стб. 202; ПСРЛ. СПб., 1908. Т. 2. Стб. 193. Никаких данных для утверждения о том, что место похорон Изяслава названо Повестью временных лет «ошибочно» (Лихачев. Изучение «Слова о полку Игореве». С. 36; Рыбаков. Русские летописцы. С. 465), у нас нет. Ошибкой является сведение Слова о полку Игореве, как то считали М. Д. Приселков (Приселков М. Д. История русского летописания, XI–XV вв. Л., 1940. С. 52) и Ив. М. Кудрявцев. Пытаясь примирить две версии, С. Н. Плаутин пишет: «Отпевание Изяслава, по-видимому, состоялось в кафедральном соборе Святой Софии, а погребение в княжеской усыпальнице в Десятинной церкви» (Плаутин. Слово. С. 41). Ср.: Прийма Ф. Я. О гипотезе А. А. Зимина. С. 79. Построение очень искусственно. {См. суждения В. А. Кучкина, изложенные в статье: Изяслав Ярославич//Энциклопедия. Т. 2. С. 278–280.} К тому же Святополк, находившийся в описываемое время в Новгороде, на похоронах своего отца не присутствовал.[Некоторые исследователи (В. Миллер, С. Шамбинаго и др.) предлагают другую конъектуру: вместо «повелся» — «повеле яти». Тогда оказывается, что Святополк просто приказал доставить тело своего отца в Киев. Эта конъектура неудачна. Во-первых, глагол «яти» не согласуется с контекстом фразы («яти отца своего между угорьскими иноходьцы»). Однако именно «лелеять» в Слове употребляется в сходных контекстах («лелѣючи корабли на синѣ море... взлелѣй, господине, мою ладу къ мнѣ... лелѣяль еси на себѣ Святослави носады...»)]. А. А. Шахматов этот текст возводит к Начальному своду.[Шахматов А. А. Повесть временных лет. Пг., 1916. Т. 1. С. 256.] Как можно было бы судить по хроникальной заметке, «В. А. Кучкин показал, что в Десятинной церкви киевских князей и княгинь хоронили лишь в начале XI в., а потом использовали эту церковь как место захоронения только с 1097 г. После постройки в Киеве в 1037 г. Софийского собора и основания митрополии там стали хоронить представителей княжеской фамилии».[Обсуждение одной концепции. С. 128.] Но в Десятинной церкви похоронен Ростислав Мстиславич в 1093 г.[ПСРЛ. Т. 2. Стб. 216.] В том же году в Софии погребли Всеволода Ярославича и его сына Ростислава.[ПСРЛ. Т. 2. Стб. 207, 212.] Умерший в 1076 г. Святослав Ярославич «положен бысть у Спаса».[ПСРЛ. Т. 2. Стб. 190.] В 1063 г. его брата Судислава «погребоша... во церкви святого Георгия».[ПСРЛ. Т. 2. Стб. 152.] Как мы видим, в 60-х — начале 90-х гг. местом захоронения киевских князей была не только София, но и другие храмы Киева, в том числе Десятинная церковь. Поэтому вывод В. А. Кучкина о том, что князь Изяслав не мог быть в 1078 г. захоронен в Десятинной церкви, ибо в это время усыпальницей киевских князей была София, — не подкреплён фактическим материалом: данных о том, где погребали князей (кроме Изяслава) в Киеве в 70-х гг. — 1092 г., у нас вовсе нет, а с 1093 г. захоронения в Десятинной церкви прямо известны летописи. Как показал А. Поппэ, Десятинная церковь в XI в. была княжеским собором.[Poppe A. Uwagi o najstarszych dziejach kościoła na Rusi // Przegląd Historyczny. 1964. T. 55. Sesz. 3 S. 390.] Так что захоронение там князя Изяслава

более чем правдоподобно. Рассказ Начального свода 90-х гг. XI в. о гибели Изяслава и о похоронах его в Десятинной церкви принадлежит современнику событий, запись же 6586 и 6587 (1078/79) гг Софийской 1 и Новгородской 4 летописей не имеет никакого древнего летописного источника. Но именно она и совпадает со Словом. И для нас важно не столько то, что в данном случае в Слове погрешность «против исторической действительности», [Прийма Ф. Я О гипотезе А. А. Зимина. С. 78.] а то, что эта «погрешность» совпадает с поздней летописной традицией.

В тексте говорилось, что Святополк «полелѣя отца своего между угорскими иноходьцы». Мотив «угорских иноходцев» навеян летописью (под 969 г. «из Угор серебро и комони»). Но термин «иноходец» встречается только в памятниках с конца XV в. [Словарь-справочник. Вып. 2. С. 161. Впрочем, «иноходи» есть в памятнике XII в. (Срезневский Материалы. Т. 1. Стб. 1106).] По летописи, тело Изяслава «привезоша в лодьи» (1078 г.), а не между двух коней. [Эта неточность могла произойти под влиянием «Истории» Татищева, где говорится, что Изяслава «возлож на сани везли в Киев» (Татищев. История Российская. М.; Л., 1963. Т. 2. С. 93).] Древняя Русь вовсе не знает такого способа перевозки покойников, какой изображен в Слове. Зато сходный обычай сохранялся до начала XX в. у казаков на Кавказе. [Айналов Д. В. Дві замітки до «Слова о полку Игореве» // Записки Історичної і фільологічної секції Українського наукового товариства в Києві. Київ, 1918. Кн. 17. С. 92–95.]

Следовательно, весь текст о похоронах Изяслава в Святой Софии далек от действительного хода событий и навеян Софийской 1 (Новгородской 4) летописью.

Так как в Слове о полку Игореве не встречается больше ни одного места, перекликающегося с Софийской I [Д. С. Лихачев замечает, что в Софийской летописи есть сведение о разгроме Всеслава под Новгородом, перекликающееся с «Отвори врата Новуграду» в Слове (Обсуждение одной концепции. С. 128). Однако это же сведение (в отличие от сообщения о похоронах Изяслава в Софии) есть не только в Софийской летописи, но и у В. Н. Татищева.] и Новгородской 1 летописями и припиской к Псковскому апостолу, то у читателя естественно возникает вопрос, не являются ли эти мотивы, сосредоточенные в одном тексте Слова, позднейшей вставкой. Сравнение Слова о полку Игореве с Задонщиной подкрепляет предположение о вставочном характере этого текста.

Слово о полку Игореве: Бориса же Вячеславлича слава на судъ приведе и на канину зелену паполому постла за обиду Олгову храбра и млада князя.

Съ тоя же Каялы Святопѣлкѣ повелѣя отца своего между угорскими иноходьцы ко святѣй Софии къ Киеву. Тогда при Олзѣ Гориславличѣ сѣяшеться и растяшеть усобицами, погибашеть жизнь Дажьдбожа внука, въ княжихъ крамолахъ вѣщи челоувѣкомъ скратишась.

Тогда по Руской земли рѣтко ратаевѣ кикахуть, нѣ часто врани граххуть, трупиа себѣ дѣляче.

Задонщина (по списку С):

Пасти главе твоей на траву ковылу, брате чадо Якове, но зелену ковылу за землю Рускую и за обиду великого князя Дмитрея, и за брата его князя Володимера Одреевича.

В тоя же время по Резанской земли ни ратой, ни постух не покличет, но только часто вороны играют, трупы человеческого чают (л. 40 об.).

Итак, текст в Слове вполне соответствует Задонщине. Причем это сходство нарушается только предполагаемой вставкой: в Задонщине после текста о «зеленой ковыле» непосредственно идет рассуждение о «ратаях».

Это укрепляет нашу уверенность во вставочном характере сведений Слова, перекликающихся с припиской к псковскому Апостолу, Софийской 1 и Новгородской 1 летописями. В свою очередь примечательно, что и Задонщина не имеет с этими тремя источниками никаких точек соприкосновения. [Этот текст ритмически может быть разделен на два с рядами в 10 («тогда же при Олзѣ Гориславличѣ») и 13 слогов, что не меняет общей картины ритмической структуры всего отрывка.]

Во вставке совершенно иная ритмическая структура:

Бориса же Вячеславлича слава на судъ приведе (16)
 и на канину зелену паполому постла (14)
 за обиду Олгову храбра и млада князя. (14)
 Съ тоя же Каялы Святоплѣкъ повелѣя отца своего (19)
 междю угорьскими иноходьцы ко святѣй Софии къ Киеву. (20)
 Тогда при Олзѣ Гориславличи сѣяшется и растяшетъ усобицами, (23)
 погибашеть жизнь Дажьбожа внука; (10)
 въ княжихъ крамолахъ вѣци человѣкомъ скратишась (15)
 Тогда по Руской земли рѣтко ратаевѣ кикахуть, (16)
 нѣ часто врани граяхуть, (8)
 трупиа себѣ дѣляче, (8)
 а галици свою рѣчь говоряхуть (И)
 хотятъ полетѣти на уедие. (11)

Без вставки образуется строгий ритмический ряд: 16—14—14—16—8—8—11—11.

Как показало исследование профессора Л. П. Якубинского, текст приписки к псковскому Апостолу содержит более древние морфологические особенности, чем текст Слова: [Якубинский Л. П. История древнерусского языка. М., 1953. С. 323–326. Предположение Л. П. Якубинского, принятое Д. С. Лихачевым и Л. А. Дмитриевым (Лихачев. Текстология. С. 159; Дмитриев Л. А. Важнейшие проблемы исследования «Слова о полку Игореве»//ТОДРЛ. М.; Л. 1964. Т. 20. С. 124–125), о том, что автор приписки к псковскому Апостолу пользовался более ранним списком Слова о полку Игореве, чем дошедший до нас в сборнике А. И. Мусина-Пушкина, никакими дополнительными данными, кроме древности текста приписки, не подкреплено. В. П. Адрианова-Перетц, в отличие от Д. С. Лихачева и Л. А. Дмитриева, склонна допустить, что как раз «Домид пересказал подходившую ему по смыслу фразу „Слова“, пользуясь более привычными ему формами и лексикой» (Адрианова-Перетц В. П. Было ли известно... С. 151). Но доводов Л. П. Якубинского она не опровергает, а ссылается лишь на то, что в Слове пять раз упомянута «крамола».] он лишен нарочитых церковнославянизмов в огласовке основ («ростяше», «скоротишася», а не «растяшетъ», «скратишась»), в нем правильное «человѣкомъ», в отличие от «человѣкомъ» Слова, и т. п. В Древней Руси княжеские распри назывались словом «котора», а «крамола» употреблялась преимущественно в значении «мятеж», да и то лишь в церковных текстах. Вывод Л. П. Якубинского подтверждает предположение о том, что именно в Слове был использован мотив этой приписки, а не наоборот.[Приведем суждение Н. А. Мещерского: «Интересно, что языковые формы в записи на Апостоле 1307 г. архаичнее соответствующих форм в „Слове“. Считается, что писец записи имел в распоряжении более древний и исправный экземпляр „Слова“ (Якубинский Л. П. История древнерусского языка. М., 1953. С. 323). Однако возможно, что разночтения этих текстов — результат того, что фрагмент неизвестного нам сейчас источника XI в. дошел без изменений в записи на Апостоле и подвергся переработке под пером автора „Слова“». Н. А. Мещерский предполагает использование в Слове «какого-то текста XI в., повествующего о княжеских междоусобицах 1078 г.» (Слово-1985. С. 457.)

Д. С. Лихачев усматривает в приписке «явно более поздние черты» по сравнению со Словом. Он считает неясным место «которы и вѣци скоротишася человѣкомъ». «Каким образом „сокращались“ „которы“ и почему они поставлены в один ряд с „веками людей“? Если слово „которы“ соединить с предшествующим текстом («гынѣше жизнь наша в князѣхъ которы»), то и тогда текст не станет яснее». Первое из двух чтений, предложенных Д. С. Лихачевым, действительно лишено всякого смысла, но второе совершенно логично: весь строй нашей жизни погибал в княжеских междоусобицах, горестно размышлял писец Домид а сама человеческая жизнь сокращалась. Где же тут неясность? «Естественнее предполагать, — продолжает Д. С. Лихачев, — что маленькая приписка следовала за большим произведением, чем большое произведение с его сложными героическими

идеями за небольшой припиской в церковной книге».[Лихачев. Изучение «Слова о полку Игореве». С. 26.] В жизни все бывает значительно сложнее, и в разных условиях «естественными» могут быть различные взаимоотношения между малыми и большими литературными текстами. Дело, конечно, заключается отнюдь не в их объеме.[Когда Д. С. Лихачев, не вполне точно ссылаясь на Р. О. Якобсона, говорит об одинаковом сочетании «клише» (по терминологии А. Мазона — общие места Слова с припиской к псковскому Апостолу) в Слове и Задонщине (Там же. С. 26), то перед нами очевидная описка: в Задонщине нет совпадений с припиской к Апостолу.]

По Д. С. Лихачеву, «в приписке к Апостолу 1307 г. в соответствии с церковным характером всей книги исключено имя языческого бога „Дажьбога“».[Лихачев. Изучение «Слова о полку Игореве». С. 26. В. П. Адрианова-Перетц также считает, что Домид понял выражение «Дажьбожьи внуки» правильно и поэтому заменил его местоимением «наши» (Адрианова-Перетц В. П. Было ли известно... С. 151).] Но церковный автор XIV в., прочитав выражение «жизнь Дажьбожа внука», никак не мог заменить его на «жизнь наша», ибо ему даже в голову не пришла бы мысль о тождестве этих понятий.[Б. А. Рыбаков предложил новое понятие «Дажьбожьего внука» как властителя Руси, князя (Рыбаков Б. А. Древняя Русь. Сказания. Былины. Летописи. {М.}, 1963. С. 13). Но такая «зашифровка» киевского князя нам представляется искусственной.] Он не мог перенести на себя то, что относилось к «Дажьбожьему внуку». Мы уже не говорим о беспрецедентности данного случая, когда отрывок из полуязыческой поэмы использовался благочестивым переписчиком богослужебной книги в качестве материала для авторской приписки.[В. П. Адрианова-Перетц сравнивает приписку Домиды с записью, сделанной иноком Захарием на псалтыри конца XIII в.: молитвенный возглас, завершающий эту запись, был навеян молитвой митрополита Илариона (Адрианова-Перетц В. П. Было ли известно... С. 151). Но в данном случае речь идет не о светском литературном произведении, а о молитве.] Дажьбог как патрон русских князей или как родоначальник русских людей вообще не только не встречается ни в одном из сохранившихся памятников, но и явно противоречит всей древнерусской мифологии: он не был «старшим» восточнославянским богом.

М. Н. Тихомиров подметил, что запись в Апостоле могла быть выписана не из Слова о полку Игореве. Этим, по его мнению, «может быть объяснено отсутствие в записи „Апостола“ слов о внуках Дажь-Бога, которые характерны для „Слова о полку Игореве“ с его сложной мифологией».[Тихомиров. Русская культура. С. 52.] М. Н. Тихомиров полагает, что текст приписки мог восходить к произведению Бояна. Так или иначе, но и он считает данное место Слова более позднего происхождения, чем текст приписки к Апостолу.

Приписку нет надобности возводить к Слову еще и потому, что ее мотивы библейского происхождения: ср. «гныяше жизнь наша» и «исчезе в болезни живот мой» (Пс. 30, 11); «вещи скоротишася человекомъ» и «умалил еси дни време́не его» (Пс. 88, 46).

Псковский Апостол в настоящее время хранится в Синодальном собрании Государственного Исторического музея под № 722.[См.: Сводный каталог славяно-русских рукописных книг... XIV в. М., 2002. Вып. 1. С. 125, 127.]

В описи рукописных книг Синодальной библиотеки, сделанной в 1773 г., он отсутствует.[ГИМ, Синод, собр., № 968.] Эта опись была действующей во всяком случае до начала 90-х гг. XVIII в. (там есть запись о поступлении одной книги в 1792 г.). С одного из ее экземпляров была сделана копия в 1795 г., но и там Апостола нет.[ГИМ, собр. Щукина. № 1050.] Эту рукопись мы находим только в описи 1823 г., где она кроме порядкового номера (722) имеет номер 19/кд в рубрике, озаглавленной «по старому каталогу и реестрам» (речь должна идти о реестрах, ибо в старом каталоге Апостола не было).[Апостол, как известно, снова был найден К. Ф. Калайдовичем в 1813 г. (Бессонов П. Константин Федорович Калайдович. М., 1862. С. 97). У Карамзина он дается иод № 19, т. е., очевидно, этот номер был в реестре, а вторым мог быть номер Синода или

Синодальной типографии.] Такую же двойную нумерацию имеют еще несколько десятков рукописей, отсутствующих в старом каталоге. В их числе прежде всего книги исторического содержания, полученные из разных монастырей. Это — троицкие летописи (среди них Уваровская летопись), Владимирский летописец и Воскресенская летопись из Владимирского Рождественского монастыря, кирилло-белозерские летописцы и др. [Тихомиров М. Н. Краткие заметки о летописных произведениях в рукописных собраниях Москвы. М., 1962, под № 3, 8, 21, 28, 29, 48, 49, 142, 154.]

Судьба псковского Апостола прослеживается с конца XVII в. В 1679 г. в Московский приказ книгопечатного дела доставлены были «харатейные» книги и среди них апостол 1307 г. [Покровский А. Древнее псковско-новгородское наследие // Труды XV Археологического съезда в Новгороде 1911 г. М., 1916. Т. 2. С. 231, 354–355. На работу А. Покровского в связи с проблемой псковского Апостола обратила внимание В. П. Адрианова-Перетц. См. ее статью: Было ли известно... С. 150.] Как и другие рукописи, он поступил в Типографскую библиотеку. В 1788 г. его вместе с 544 рукописями передали в Синодальную (патриаршую) библиотеку. [Покровский А. Древнее псковско-новгородское наследие. С. 452.]

По распоряжению Екатерины 1791 г. в Синод были собраны рукописи исторического содержания из разных монастырей. Велено было «летописцы при особых реестрах доставлять на рассмотрение синодальному господину оберпрокурору и кавалеру и что от него приказано будет, по тому и поступать». [ЦГИА, ф. 796, оп. 72, д. 280.] Среди рукописей, доставленных в Синод, были не только летописцы. Так, из Андроникова монастыря поступил Дионисий Ареопagit и Цветник, из Макарьевского Желтоводского монастыря — «Звезда пресветлая», из Синодальной конторы — «История Ветхого Завета с исчислениями» и кормчая и т. д.

Рукописи из монастырских архивов поступали в основном в сентябре — ноябре 1791 г. [Поленов Д. О летописях, изданных от св. Синода // Записки имп. Академии наук. СПб., 1864. Т. 4, вып. 2. С. 28–31.] т. е. именно тогда, когда Екатерина II, судя по дневнику А. В. Храповицкого, проявляла особенный интерес к русским древностям. [В июне — сентябре 1791 г. Екатерина II составляла раздел об Александре Невском для «Заметок касательно Российской истории» (ГПБ, Эрмитажное собр., № 379, л. 60 об. См. также: Бегунов Ю. К. Памятник русской литературы XIII в. «Слово о погибели Русской Земли». М.; Л., 1965. С. 149).] 29 октября он записал: «Занимаюсь главнейше Российской историей... получены вновь летописцы от митрополита Платона». 7 ноября Храповицкий сделал запись о разговоре «об истории и редкостях, представленных Алексеем Иван. Мусин-Пушкиным». [Дневник А. В. Храповицкого. М., 1901. С. 223. Об отношении А. И. Мусина-Пушкина с Екатериной II в 1792–1796 гг. см.: Письма имп. Екатерины к Гримму, 1774–1796 // Сб. РИО. СПб., 1878. Т. 23. С. 639; Мурзакевич Н. Кабинет Зимнего дворца имп. Екатерины II (с 5 сент. 1793 по 13 авг. 1795) // ЖМНП. 1872. Август. Отд. 2. С. 327–341. О занятиях историей см. письмо А. И. Мусина-Пушкина 6 сентября 1795 г. В. С. Попову — ГПБ, ф. 609, № 244, л. 4–4 об. {См. цитату из него в кн.: Козлов В. 11. Кружок А. И. Мусина-Пушкина... С. 200. См. также: Моисеева Г. Н. «Слово о полку Игореве» и Екатерина II / XVIII век. СПб., 1993. Сб. 18. С. 3–30 и указанную выше книгу В. П. Козлова (по указателю).}]

В 1797 г. рукописи из Синода были «по реестрам» возвращены частично в те монастыри, которые их затребовали. [О судьбе троицких летописей см.: Кочетов С. И. Троицкий пергаменный список летописи 1408 года // АЕ за 1961 г. М., 1962. С. 23.] а остальные попали в Синодальную библиотеку и типографию. [Мусин-Пушкин А. И. О летописях и хронологии российской // ЧОИ ДР. 1847. № 2. Отд. 4. С. 30. См. также: Поленов Д. О летописях, изданных от св. Синода. С. 29 и др. Сохранился (в копии) «реестр, сочиненный при Святейшем Синоде из присланных... из разных духовных мест книг, в коих находятся записки касательно российской истории» (ЦГАДА, ф. 1270, оп. 1, ч. I, ед. хр. № 46). Апостола в нем нет.]

Трудно сказать, посылался Апостол по указу Екатерины II 1791 г. в канцелярию А. И. Мусина-Пушкина или нет. Если он побывал у обер-прокурора, то был возвращен в Синодальную библиотеку в 1797 г. с основной массой переданных туда книг.[См. копию журнала канцелярии Синода (29 октября 1791 г.) о доставлении летописцев к «синодальному обер-прокурору» (ЦГИА, ф. 797, оп. 1, ед. хр. 1108).] Но даже если он не поступил в канцелярию Мусина-Пушкина, знакомство последнего с Апостолом вполне вероятно.

В своих произведениях А. И. Мусин-Пушкин ссылался на рукопись Евангелия 1144 г. из Синодального собрания.[Калайдович К Ф. Биографические сведения о жизни... С. 58.] Следовательно, рукописями Синодальной библиотеки он пользовался. К рукописям Синодальной библиотеки обер-прокурор обращался как раз в 1791–1792 гг., когда он отбирал материалы для Екатерины II. Так, 12 сентября 1792 г. секретарь Московской Синодальной конторы М. Ильинский подал в Синод рапорт. В нем говорилось, что А. И. Мусин-Пушкин «в бытность свою здесь, в Москве, приказал ему, Ильинскому, Святейшего Синода конторе донести, чтоб рукописные книги Синодальной библиотеки по назначению его, господина обер-прокурора, как принадлежащие к тем же книгам, каковые в прошлом 1791-м году... из Синодальной библиотеки и из других мест в Святейший Синод доставить велено, отослать через почту, кроме отосланных уже в том 1791-м году в Святейший Синод».[М. Ильинский ниже сообщал, что «из хранящихся в Синодальной библиотеке, как собственно принадлежащих к той Синодальной, так и из присланных из Типографской библиотек для хранения ж в Синодальную, летописцев и других сочинений числом двадцать восемь ноября 14 дня того ж 1791 года отданы» для отсылки в Синод. Сохранился реестр 26 ноября 1791 г. об отсылке в Синод рукописей Синодальной библиотеки и Типографской, хранившихся в Синодальной (ЦГИА, ф. 796, оп. 78, ед. хр. 750). Апостола там нет.] А так как «оних книг им, господином обер-прокурором, назначено к отсылке немалое число», то предписывалось отсылать их партиями. При этом «какие же именно господином обер-прокурором к отсылке книги назначены, оным при том приложил реестр».[Зимин А. А. Из истории архивного дела в России//Вопросы архивоведения. 1965. № 3. С. 96–97.]

14 июля 1792 г. Мусин-Пушкин пишет письмо И. И. Лепехину, в котором, между прочим, сообщает, что «в апостолах находится, что в голодные времена употребляли в пищу гнилое дерево».[Архив Академии наук, ф. 8, оп. 3, № 5, л. 1. В печатном издании иначе: «Да и в летописях находится». Сухомлинов М. И. История Российской Академии. Вып. 7. С. 161; Аксенов А. И. Из эпистолярного наследия А. И. Мусина-Пушкина. С. 228.]

Итак, А. И. Мусин-Пушкин сам назначал к отсылке рукописи Синодальной библиотеки, т. е. несомненно знакомился с ними в бытность свою в Москве в 1792 г. (а возможно, и ранее). Это было, следовательно, в то самое время, когда в печати появилось первое сведение о Слове о полку Игореве. В том же году он интересовался и какими-то апостолами. Во время майского обсуждения 1964 г. вопроса о времени создания Слова о полку Игореве В. П. Адрианова-Перетц, касаясь судьбы рукописи псковского Апостола, писала, что «утверждение о пребывании этой рукописи у Мусина-Пушкина неверно. В реестрах Синодальной библиотеки отмечены все лица, работавшие над ее рукописями в 1790–1800 годах. Имени Мусина-Пушкина среди них нет... Таким образом, говорить о вставке в „Слово“ фразы из Апостола нельзя уже по одному тому, что Апостол не был известен Мусину-Пушкину в то время, когда у него был текст „Слова“».[Обсуждение одной концепции. С. 134.]

В своей последней статье В. П. Адрианова-Перетц уже не ссылается ни на какие «реестры» (они неизвестны), не говорит категорически о незнакомстве А. И. Мусина-Пушкина с Апостолом. Даже совсем наоборот, она допускает, что «по какой-то случайности Апостол 1307 года попал в руки А. И. Мусина-Пушкина».[Адрианова-Перетц В. П. Было ли известно... С. 150.] Но даже в этом случае ей кажется невероятным, что А. И. Мусин-Пушкин смог сделать на его основании вставку в Слово по нескольким

причинам. Первая: в Синодальном собрании было достаточно рукописей исторического содержания, «которые скорее могли бы обратить на себя внимание», чем псковский Апостол. На это легко возразить: пергаменный Апостол 1307 г. был уникальной рукописью, а не обыкновенной, чем и мог вызывать интерес к себе. Ведь известно было Мусину-Пушкину синодальное Евангелие XII в. Заметим также, что в Синод по распоряжению Екатерины II 1791 г. доставлялись не только летописцы, а такие памятники, как Дионисий Ареопагит, Цветник и т. п.

Вторая. Поскольку уже в 1792 г. в печати появилось косвенное указание на Слово о полку Игореве, «придется допустить, что к этому времени Мусин-Пушкин уже успел отредактировать его и сделать вставку, используя Апостол 1307 г.».[Адрианова-Перетц В. П. Было ли известно... С. 150.] Но почему же это невероятно? Вставка была произведена не «в точном соответствии с поэтикой памятника», а, как показано выше, с ее нарушением. К тому же почему именно в 1792 г. была сделана эта вставка? Никто текста Слова тогда не видел, и срок для ее внесения должен быть ограничен только 1795–1796 гг., т. е. тем временем, каким датируется екатерининская копия памятника.

Когда в 1797 г. из Синода стали рассылать рукописи по епархиям и монастырям, то выяснилось, что минимум 12 из них оказались взятыми «бывшим синодальным обер-прокурором Мусиным-Пушкиным, но в Святейший Синод не возвращены. В доставленном от него реестре написано его рукою, что те летописцы и выписки внесены по высочайшему повелению... в комнату». В ответе на запрос обер-прокурора Синода о судьбе переданных Екатерине II рукописей А. И. Мусин-Пушкин 26 сентября 1804 г. писал, что «в собственном кабинете ее величества находились по сей материи множество книг и выписок, в том числе и моих собственных было довольно. Из иных видел я многие у покойных Ивана Перфильевича Елагина и у Болтина (мертвые сраму не имут! — А. 3.), ибо они оба писали Российскую историю. Куда же оные по кончине ее величества поступили, мне неизвестно». Вскользь граф сообщил и о том, что после создания комитета при Московском университете он «отдал туда и господину Карамзину (который пишет Российскую историю) все, что имел у себя и лутчее по сей материи, ибо, как выше донес, сам ныне в том не упражняюсь».[ЦГИА, ф. 797, оп. 1, д. 1522, л. 14–14 об.] Но о судьбе «летописцев» кое-что все-таки известно. Так, в реестре под № 8 помещен летописец размером в четверку без начала. Оканчивался он 1537 г., т. е. очень напоминал так называемый Чертковский список Вологодско-Пермской летописи, некогда принадлежавший Мусину-Пушкину.[ЦГИА, ф. 796, оп. 78, д. 750; ср. также: ЦГАДА, ф. 1270, оп. 1, ч. 1. № 45. В ответ на запрос 1837 г. граф С. С. Уваров начертал резолюцию, в которой говорилось, что «летописи, собранные в 1791 году, как известно, поступили в библиотеку покойного графа А. И. Пушкина и сгорели с нею вместе» (Барсуков Н. Жизнь и труды П. М. Строева. СПб., 1878. С. 313). Это свидетельствует о прямом отношении Мусина-Пушкина к собранным в Синод летописцам.] И это не единственный случай.

Так, для издания в 1792 г. Книги Большому Чертежу А. И. Мусин-Пушкин использовал, очевидно, список, хранившийся в Воскресенском монастыре и присланный 7 октября 1791 г. в Синод.[Поленов Д. О летописях, изданных от св. Синода. С. 29; «Книга Большому Чертежу» / Под-гот. к печати К. Н. Сербина. М.; Л., 1950. С. 38.] В настоящее время местонахождение этой рукописи неизвестно. Возможно, и она попала в собрание графа.

Итак, все вышеизложенное приводит к мысли, что именно приписка к псковскому Апостолу 1307 г. дала А. И. Мусину-Пушкину материал для вставки в Слово о полку Игореве.[К тому же в прошении 1797 г. графа А. И. Мусина-Пушкина встречается слово «крамола»: «...воины, крамолы изгладили большую часть памятников» (Мусин-Пушкин А. О летописях и хронологии Российской. С. 30). А именно оно заменило (причем, по мнению Л. П. Якубинского, неудачно) в Слове термин «которые», встречающийся в приписке к псковскому Апостолу.] В. П. Адрианова-Перетц считает, что «никаких следов вставки не обнаруживается», ибо отрывок о сеянии «усобиц» при Олеге органически

входит в ряд «земледельческих» метафор в Слове.[Адрианова-Перетц В. // Было ли известно... С. 152.] Но подобные метафоры широко известны как в древнерусской литературе (Задонщина), так и в фольклоре,[Примеры см.: Перетц. Слово. С. 213–214.] и не составляли специфики Слова о полку Игореве. Поэтому появление отрывка о сеянии убоиц в псковском Апостоле легко объясняется устойчивой традицией, а необязательно влиянием Слова о полку Игореве. В свою очередь в Слове о полку Игореве есть текст о том, что «Оле́г мече́м крамолу кова́ше и стрѣлы по землѣ сѣяше». Этот текст, отдаленно перекликавшийся с припиской («крамолу... сѣяше»), и мог дать основание Мусину-Пушкину как для переработки приписки к Апостолу (отсюда заимствованы были Олег и «крамола», заменившая «котору»), так и для места вставки в Слово.

Теперь переходим ко второй части предполагаемой вставки в Слове о полку Игореве. Она содержит сведение о похоронах Изяслава в Софийском соборе, встречающееся в Софийской 1 и Новгородской 4 летописях. Это сведение также ведет нас к рукописям синодального обер-прокурора. Ведь Н. М. Карамзин пользовался Софийской 1 летописью именно из собрания А. И. Мусина-Пушкина (ГПБ, О.IV, № 298).[Карамзин. История государства Российского. Т. 2, примеч. № 79.]

Этот фрагмент переведен был А. И. Мусиным-Пушкиным так: «С той же Каялы вел Святополк войски отца своего между Угорскою конницею ко святой Софии к Киеву». [Дмитриев. История первого издания. С. 319, 331.] Перевод, несомненно, противоречит тексту вставки в Слово о полку Игореве. Отличия у него следующие: во-первых, в нем нет сведения о похоронах Изяслава в Софии, во-вторых, сообщение о том, что Святополк хоронил Изяслава, заменено тем, что Святополк вел его войска. Мог ли это сделать переводчик «по неопытности»? Конечно, нет. Как можно перевести текст «повелѣя отца своего» словами «вел... войски отца своего»? Перед нами сознательная ретушировка текста. Она сделана, чтобы скрыть дефекты вставки, обнаруженные А. И. Мусиным-Пушкиным при сверке ее с летописями (ср. его замечание «по летописям не видно»). Но привести в полное соответствие с летописными данными фрагмент не удалось (Святополк — увы — все же ведет полки с «той же Каялы»), и синодальный обер-прокурор решил предложить читателю перечень по Родословнику пяти Святополков, снабдив его репликой: «который из них вел войска отца своего к Киеву, сего по летописям не видно».[Дмитриев. История первого издания. С. 331. По тем же причинам, очевидно, А. И. Мусин-Пушкин не дал комментария к «Олегу Гориславичу», хотя правильно в тексте связал его с событиями 1078 г.] Но по этому памятнику совершенно ясно, о каком Святополке идет речь: перед рассматриваемым фрагментом говорится о гибели князя Бориса «за обиду Олгову» в 1078 г.[Князь Борис Вячеславич упоминается в основном тексте Слова и Ипатьевской летописи. У Татищева он ошибочно назван «Святославичем» (Татищев. История Российская. Т. 2. С. 93). Эта описка перекочевала в комментарии А. И. Мусина-Пушкина, который сообщил, что Борис Вячеславич в Родословнике не упоминается, указав на Бориса Всеславича Полоцкого и Бориса «Святославича» {Дмитриев. История первого издания. С. 330–331}. Эта ошибка исправлена в печатном издании, но с добавлением, «почему он призван был на суд великого князя, летописи о сем умолчали».] А именно во время этой битвы убит Изяслав, отец Святополка. Допустим, что исправления в переводе сделаны сознательно исследователем-издателем, знавшим несоответствие текста Слова о полку Игореве событиям 1078 г. Но это допустить невозможно. В комментариях переводчик старается представить дело так, что он не знает, о каких князьях Борисе и Святополке идет речь. Тогда остается только одна возможность: своим переводом и комментариями к фрагменту о Святополке А. И. Мусин-Пушкин стремился, подправив ошибки, допущенные им при составлении вставки, ввести в заблуждение читателя, помешать ему понять дефекты данного фрагмента Слова.

Третий компонент предполагаемой вставки — (Олег) «Гориславич», как уже говорилось, находит параллель в Новгородской 1 летописи. А. А. Шахматов, а позднее Д. С. Лихачев установили, что заглавие летописи, содержащейся в сборнике, в котором

находилось Слово о полку Игореве, близко к какому-то списку Новгородской 1 летописи. [А. А. Шахматов писал, что «Новгор. лет. мл. извода входила в состав Мусин-Пушкинской рукописи, где находилось Слово о полку Игореве» (Шахматов А. А. Киевский Начальный свод 1095 года//А. А. Шахматов: Сб. статей и материалов. М.; Л., 1947. С. 123). Д. С. Лихачев не обратил внимания на это наблюдение А. А. Шахматова (Лихачев Д. С. О русской летописи... С. 139–140).] Мы можем сказать определеннее: оно соответствует только одному дошедшему до нас летописному памятнику — Академическому списку Новгородской 1 летописи.[Сохранился еще один список Новгородской 1 летописи — Троицкий. Он по своему объему невелик (он доводит изложение до 1015 г.). Однако его заголовок дальше от «Временника» в сборнике со Словом, чем заглавие Академического списка. Так, в Троицком списке читаем «летописец», а не «летописание», «землям руским», а не «земля руския». К тому же его первое заглавие («Летописец Руския земля») вовсе не находит соответствия в сборнике со Словом (ср.: НПЛ. С. 511).] В самом деле:

Летописец в сборнике со Словом: Временникъ, еже нарицается летописание русских князей и земля Руския.

Академический список Новгородской 1 летописи[Татищев. История Российская. М., 1798. Кн. 1, ч. 1. С. 62; М., 1962. Т. 1. С. 124.]: Временникъ, еже[Так в Толстовском (НПЛ. С. 103) и Воронцовском списках (БАН, 31.7.31; сделан в 20-х гг. XIX в. с сокращенной переработки Академического списка). У Татищева: «Временникъ, иже».] нарицается[Так в Толстовском списке. У Татищева «наречется», в Воронцовском «наръчается».] летописание русских ь князей и земля Руския.[Так в Толстовском списке. У Татищева и в Воронцовском списке «Руская».]

Столь полное тождество заголовков почти исключает то, чтобы в сборнике со Словом был какой-нибудь другой текст, кроме Академического списка Новгородской 1 летописи. Этот список поступил от В. Н. Татищева в Академическую библиотеку в 1737 г. Когда около 1754 г. с него списывалась Толстовская копия (ГПБ, Ф б. о. IV, № 223), в нем не хватало уже 5 листов. К 1783 г. из тех же мест, откуда пропали первые 5 листов, и из некоторых других исчезло еще 50 листов, включая заглавный.[НПЛ. С. 10. Сохранился еще Уваровский список с Академического, сделан был после 1737 г. (ГИМ, собр. Уварова, № 34/1402). К сожалению, время составления списка уточнить не удастся. А. Н. Насонов определяет его 50—70-ми гг. XVIII в. Во всяком случае, он составлен позже Толстовского (около 1755 г.), но в нем уже не хватает не 5 листов (как в том), а всех тех, которых нет в настоящее время в Академическом списке.]

Это была не случайная утрата обветшавшей части рукописи, а преднамеренное хищение. Выкрадены были тексты из разных частей летописи, причем в большинстве случаев имеющие особенно значительный интерес. Так, отсутствует все начало летописного рассказа (до смерти Игоря) и конец (с 1441 г.). Это придавало изъятой части летописи известную целостность. Нет теперь в Академическом списке основной части рассказа о крещении Руси, половины повести о взятии Царьграда крестоносцами 1204 г. (хищение этих листов ввиду сравнительно большого объема летописных статей 988–989 гг. и 1204 г. обнаружить было трудно). Но самое интересное — это то, что из списка изъяты почти все тексты о княжении Александра Невского, в том числе рассказы о Невской битве 1240 г., Ледовом побоище, о событиях 1246–1251 гг. (среди них о поездках Александра в Орду), о преставлении Александра в 1263 г. Наконец, нет теперь в Академическом списке и летописных статей 1318–1327 гг. (о московско-тверских — новгородских отношениях).

Так вот на одном из похищенных листов и находится одно из тех упоминаний Гориславича (под 1240 г.). Хищение отдельных листов ценных рукописей во второй половине XVIII в. было делом не редким. Известно, например, что этим занимался в Москве проф. Маттеи (в 1772–1784 гг.).[Белокуров С. О библиотеке московских государей в XVI столетии. М., 1898. С. 145.] Поэтому и граф мог приобрести «незаконным путем» листы Академического списка. Сохранилось прямое доказательство, что и сам А. И.

Мусин-Пушкин «выдирал» листы из нужных ему рукописей. Так, книгопродавец В. С. Сопиков, получив обратно от А. И. Мусина-Пушкина черновой журнал о делах Петра Великого, увидел, что «нужные и важные заметки, в нем бывшие, графом П(ушкиным) все были уже вырваны, чего, однако же, ему при возвращении объявить мне было не угодно». [Дмитриев. История открытия рукописи. С. 416.]

Можно предполагать, что именно 50 похищенных листов Академического списка и находились позднее в сборнике, содержавшем Слово о полку Игореве. [По мнению Ф. Я. Приймы, «главная неувязка» в моих рассуждениях заключается в том, что в 1754 г., когда началось хищение листов Новгородской летописи, виновнику этого (Мусину-Пушкину) «было всего 10 лет» (Прийма Ф. Я. О гипотезе А. А. Зимина. С. 84). Здесь все — плод недоразумений. Во-первых, я не знаю, были ли в 1754 г. первые 5 листов летописи «похищены» или просто обветшали и потерялись. Во-вторых, хищение остальных листов произошло до 1783 г., т. е. когда Мусину-Пушкину было уже до 39 лет. В-третьих (и это самое главное), я нигде не пишу, что листы вырезал сам Мусин-Пушкин. Это мог сделать кто-либо другой. А приобрести эти листы Мусин-Пушкин мог и позднее 1783 г., т. е. в любое время до составления сборника со Словом.] И время написания рукописи, и тип письма (полуустав XV в.), и, наконец, небольшой объем этого летописного отрывка могут подтвердить это предположение. Ведь в сборнике был хронограф 1617 г., который обычно содержит около 500–600 л. размером в лист. Если б там же помещалась целиком летопись (около 300 л.), то сборник поразил бы современника своими большими размерами. Об этом, однако, у нас нет никаких сведений. Как попали к А. И. Мусину-Пушкину вырезанные листы Новгородской 1 летописи, сказать трудно. Во всяком случае позднее граф старался подчеркнуть близость Слова именно к летописи, помещенной в сборнике. [В письме к К. Ф. Калайдовичу он сообщил, что копия Слова «писана... в конце летописи» (Записки и труды ОИДР. 1824. Ч. 2. С. 35). В то время как, согласно предисловию к изданию 1800 г., Слово помещалось после Повести об Акире Премудром и Сказания об Индийской земле.] Правда, Академический список написан на бумаге размером в четвертку, а издатели Слова говорили о «книге, писанной в лист». Но так же как Селивановский, сообщая о почерке сборника, имел в виду содержащийся в ней хронограф, издатели могли говорить о размере всей рукописи по ее основной части.

В Слове Олег Святославич «мечемь крамолу коваше». Он как бы один из инициаторов княжеских свар. На мысль о том, чтобы назвать его «Гориславичем», А. И. Мусина-Пушкина могла натолкнуть трагедия М. Хераскова «Идолопоклонники, или Горислава». [Херасков М. Идолопоклонники, или Горислава. М., 1782.] В ней Рогнеда, «нареченная Гориславою», вместе со своим сыном Святополком выступает знаменем языческой реакции против князя Владимира.

А. Потебня также считал разбираемый текст Слова о полку Игореве вставкой «из другого неизвестного сочинения, сделанной автором при вторичной редакции для памяти», [Потебня. Слово. С. 51.] ибо в нем он являлся как бы отступлением от основной темы повествования Слова. Вставочный характер текста Б. А. Рыбаков также выводит из того, что автор Слова не мог «сознательно приостановить ход битвы и вернуть читателя на 107 лет назад, для того, чтобы рассказать о событиях, не имеющих никакого отношения к поражению Игоря». Вставка об Олеге «бессмысленна в этом контексте. Ведь поход Игоря не был связан прямо с темой княжеских усобиц. Более того, здесь явное противоречие: дед приводил половцев на русские земли, а внук отправился в глубь степи для того, чтобы нанести удар половцам. Какой смысл был автору, стремившемуся выгородить северских князей... начать вспоминать со всеми подробностями старые грехи их крамольного деда, зятя половецких ханов?». [Рыбаков. «Слово» и современники. С. 40.] Б. А. Рыбаков пытается найти другое место для вставки об Олеге. [Он его находит в разделе об усобицах Всеслава. Дополнительным аргументом его является то, что вставка оказывается помещенной перед плачем Ярославны. Это соответствует Задонщине, где после рассказа о бедствиях Рязанской (Русской) земли помещены плачи жен по убитым мужьям (Рыбаков.

«Слово» и современники. С. 40–41). Но в Слове нет четкой структурной близости к Задонщине, и поэтому аргумент Б. А. Рыбакова недостаточен (имеет вероятностное, а не необходимое содержание).] Наблюдения эти интересны. Но, куда ни помещай вставку об Олеге, она все равно остается инородным телом, содержание которого противоречит всему смыслу Песни. Потребня определял рамки этой вставки от слов «Тѣй бо Олегъ» до слов «ты плѣкы», Б. А. Рыбаков — от слов «Были вѣчи Трояни» до слов «рати не слышано». [Впрочем, текст «то было в ты рати и в ты плѣкы, а сицеи рати не слышано» Б. А. Рыбаков считает дополнением одного из позднейших переписчиков Слова.] Но одними наблюдениями смыслового характера ограничиваться нельзя, их надо дополнить текстологическими. Последние же несколько сужают рамки вставки. Слова «То было въ ты рати» как бы возвращают нас к началу рассказа об Олеге Святославиче. Однако это возвращение произошло потому, что автор хотел связать между собою два фрагмента Задонщины [Об этом см. главу III.] и перейти от рассказа о временах Олега к походу Игоря. Вряд ли вставкой можно считать небольшой фрагмент об «мечем кующем крамолу» Олеге, ступающем «въ златъ стремень» в Тмутаракани; он как бы координируется с сообщением о Все-славе Полоцком, рыскавшем «до куръ Тмутороканя», с фразой о том, что «князи... крамолу коваху». Поэтому его нельзя считать вставочным. Без этого фрагмента непонятно, в чем же состояли «плѣци Олговы», о которых говорит автор Слова фразой выше. Рассказ о гибели Бориса — лишь развитие сюжета о «плѣках» Олега.

Итак, вставка в Слово начиналась словами: «Съ тоя же Каялы» и кончалась словами «человѣкомъ скратишась». Допустим, что рассматриваемая вставка находилась все-таки в Слове о полку Игореве и была вычленена автором Задонщины. Но это практически было бы невозможно; она в смысловом отношении «пригнана» к тексту Слова. Так, в основном тексте Слова говорится о погибшем в 1078 г. князе Борисе Вячеславиче, а в приписке — о гибели в той же битве князя Изяслава. Трудно допустить, чтобы автор Задонщины, обративший внимание на первый из текстов Слова, прошел мимо второго. Любопытно, что к имени Олега Гориславича в издании 1800 г. сделано примечание: «неизвестен». Но оно принадлежало не А. И. Мусину-Пушкину (его нет в примечаниях к екатерининскому переводу), а А. Ф. Малиновскому. [Дмитриев. История первого издания. С. 331, 361.] Граф отлично знал, кого он имел в виду, давая Олегу Святославичу причудливое прозвище «Гориславлич».

О том, что А. И. Мусин-Пушкин принимал участие в редактировании Слова мы можем судить по слову «Олга», которое поставлено в скобках и в печатном издании Слова (с. 6), и в Екатерининской копии, т. е. читалось именно так в мусин-пушкинской рукописи памятника. [Д. С. Лихачев считает текст «(Олга)» глоссой, сделанной первыми издателями и исследователями Слова (Лихачев. Текстология. С. 197). Но в каком тексте она находилась? Конечно, уже в мусин-пушкинской рукописи, ибо при публикации памятника текст сверялся с оригиналом. Если б текста «(Олга)» там не было, то в издании 1800 г. он попасть не мог бы. Тимковский сообщал, что «Карамзин уверял Калайдовича... касательно же поставленного в скобках слова: „Олега“, на стр. 6, то это учинено для большей ясности речи» (Полевой. Любопытные замечания. С. 20). Кем «учинено» (писцом «древней рукописи» или издателями), остается отсюда неясно. Разделяя точку зрения Д. С. Лихачева, Ф. Я. Прийма (Прийма Ф. Я. О гипотезе А. А. Зимина. С. 74–80) ссылается на то, что издатели вставили имя «Лавр» в перевод («тогда Овлур (Лавер) волком побежал»). Но этот комментарий поясняет перевод памятника, а не является вставкой в издаваемый текст.] И здесь, следовательно, мысль редактора связывалась с князем Олегом Святославичем.

Выражение «Пѣти было пѣсь Игореву, того (Олга) внуку» ставило многих исследователей в тупик. О каком «внуке» идет речь? Поскольку непосредственно перед этой фразой в Слове помещено обращение к Бояну («О Бояне, соловию стараго времени»), то самое естественное было бы видеть здесь переход ко «внуку Бояна» («того внуку»), т. е. его потомку, певцу Игоря. Но в таком случае «Олга» вставлено явно невпопад. Выражение

«того внуку» могло бы означать и «внука Олега» (Игоря). Ведь Игорь с братьями далее называются «Ольговичами» или «Олеговым хоробрым гнездом». Так это и поняли издатели, переводившие «Игорю, внуку Ольгову» (у Мусина-Пушкина «Игоря, внука Ольгова»); но до разбираемого места об Олеге не говорилось, т. е. его нельзя было назвать «тем».

В. П. Адрианова-Перетц считает, что писец рукописи Слова, зная, что в заголовке произведения Игорь назван «внуком Олеговым», и встретив выражение «того внуку», пояснил его на полях добавлением имени князя («Олга»), «а может быть, он сам перенес с полей своего оригинала это имя в текст, но отметил каким-нибудь значком, что это вставка, а издатели передали этот значок скобками».[Адрианова-Перетц. «Слово» и памятники. С. 61] Наблюдение В. П. Адриановой-Перетц вполне правдоподобно.

Вопрос состоит только в том, кто был этот писец и что это был за значок.

Третий вариант объяснения сам по себе возможен: Игорь — внук Трояна (в обращении к Бояну перед спорным текстом говорится, что он рыскал «въ тропу Трояню»). [Вяземский П. П. Замечания на Слово о плъку Игореве. СПб., 1875. С. 99; Кузьмин А. /. «Слово о полку Игореве» о начале Русской земли//ВИ. 1969. № 5. С. 55.]

Итак, остается допустить, что первоначально в Слове помещалось обращение к певцу, наследнику («внуку») Бояна или говорилось об Игоре как наследнике Трояна. Не поняв этого поэтического оборота, А. И. Мусин-Пушкин, сделавший уже вставку об Олеге Гориславиче, решил, что в данном случае также идет речь об Игоре как о внуке Олега, и вставил в скобках имя этого князя в рукопись памятника. Конечно, ни в каком древнерусском списке XIV–XVI вв. в скобках текст не писался. Правдоподобно предположение О. Сулейменова, что перу Мусина-Пушкина принадлежат и некоторые другие аналогичные комментарии (выделены в скобках). Например: «были плъци Олговы (Ольга Святъславличя)», «молодая мѣсяца (Олеѣ и Святъславъ)», «Всеволоду! (Владимиру Игоревичу!)», «о плъку Игоревѣ (Игоря Святъславличя)».[Сулейменов О. Аз и я. Алма-Ата, 1975. С. 50–51.]

Теперь вернемся к тому, с чего мы начали разбор текста Слова, отсутствующего в Задонщине. Мы сделали допущение, что он является вставкой в Игореву песнь. Однако, чисто логически рассуждая, может быть и другой вариант: автор Задонщины просто опустил рассуждение о княжеских крамолах, читающееся в Слове о полку Игореве. Заметим, что картина княжеских распрей, содержащаяся в Слове, вполне соответствовала историческим условиям Руси конца XIV в., а образ «Олега Гориславича» мог ассоциироваться с Олегом Рязанским. Зачем было ее опускать? Но дело даже не в этом. Допустить первичность Слова и вторичность Задонщины в разбираемом случае мешает вся совокупность приведенных выше аргументов. В самом деле, в Задонщине было опущено именно то единственное место, слово, которое имеет переключку с тремя названными памятниками (причем с Задонщиной эти источники соответствий не имеют). Значит, это совпадение придется признать случайным. Случайностью придется объяснить факт совпадения текста, «опущенного» в Задонщине, с тем, что у А. И. Мусина-Пушкина находилась Софийская 1 летопись, что он знаком с синодальными рукописями (а в Синодальной библиотеке находился и Апостол), а в сборнике со Словом помещалась Новгородская 1 летопись. Всемогущий случай нужно будет призвать на помощь и тогда, когда будем объяснять, что именно на этот текст, якобы опущенный в Задонщине, приходится нарушение ритмики Слова. Трудно будет объяснить и появление приписки к Апостолу на основании Слова, прозвище Гориславич и совпадение похорон князя Изяслава со сведением Софийской летописи, особенно перевода и комментария данного места.

Наконец, снова придется апеллировать к случайному совпадению, когда попытаемся объяснить, почему в скобках в Игоревой песни помещено всего лишь одно слово — Олег, т. е. как раз то, которое есть в тексте, якобы «изъятом» в Задонщине.

Таким образом, если мы допустим, что автор Задонщины в разбираемом случае просто опустил часть текста Слова, то нам придется столько раз говорить о «случайных совпадениях», прибегать к такому количеству натяжек в объяснении фактов, что это все в конечном счете делает невероятным само допущение. Остается, таким образом, вторая из двух возможностей, т. е. то, что перед нами — вставка в текст Слова о полку Игореве. Это предположение несравненно проще и убедительнее объясняет все те факты, о которых говорилось выше.

Обратим внимание на другой текст Игоревой песни. Автор в нем обращается к владими́ро-сузда́льскому князю Всеволоду со следующими словами: «Ты бо можеши Волгу веслы раскропити, а Донъ шеломы выльяти. Аже бы ты былъ, то была бы чага по ногатъ, а кощей по резанъ.[В выписках Карамзина «рѣзани».] Ты бо можеши посуху живыми шерешеры стрѣляти».

Фрагмент «Аже... резанъ» еще А. А. Потебня рассматривал как вставку в Слово о полку Игореве.[Потебня. Слово. С. 110.] И в самом деле, этот текст разрывает единую композицию рассказа (противопоставление действий князя Всеволода по Волге его походу по суше). К тому же он логически не вытекает из предшествующего рассказа о том, что князь Всеволод может вычерпать шлемами Волгу. По конструкции фразы («Аже... то... по резанъ») ее текст может быть сопоставлен с Русской Правдой.[«Оже во княже отроце... то 40 гривен», «Аже кто украдет... то всем по 3 гривны», «Аже крадут... то всем по три гривны» («Правда Русская, или Законы великих князей...». СПб., 1792. С. 22, 45, 46).] Ни в каком другом месте переключки с Русской Правдой в Слове нет. Нет ее и в Задонщине. И в данном тексте нарушена ритмическая гармония Слова.[Ритмика Слова изучена еще недостаточно. Для окончательного решения вопроса необходим тщательный анализ ритмического склада всего произведения. Но поскольку можно говорить о многосистемности ритмической организации текста Слова, постольку мы можем, вслед за другими авторами, пока ограничиться изучением ритма интересующих нас фрагментов и констатировать его особенности в некоторых отрывках текста. [См. также: Колесов В. В. Ритмика «Слова»//Энциклопедия. Т. 4. С. 217–223.]

«Великий княже Всеволоде! (9)

Не мыслию ти прелегѣти, (9)

издалеча отня злата стола поблюсти? (13)

Ты бо можеши Волгу веслы раскропити, (13)

а Донъ шеломы выльяти. (8)

Аже бы ты былъ, (5)

то была бы чага по ногатъ, (10)

а кощей по резанъ. (7)

Ты бо можеши посуху (8)

живыми шерешеры стрѣляти, (10)

удалыми сыны Глебовы. (9)

Без вставки получается довольно четкий ряд: 9–9—13–13—8–8—10—9. Наконец, разбор исторического содержания вставки показывает ряд несообразностей действительности XII в. Автор как бы мечтает, что если бы Всеволод княжил на юге, то чага и кощей стоили баснословно дешево. Средняя цена обыкновенного холопа в XII в., судя по Русской Правде, равнялась пяти, а рабыни шести гривнам. Расценки Слова в 250 раз ниже для холопа и в 120 раз для рабы. «Это, — писал Б. А. Романов, — проходное для автора Слова замечание заключало в себе головокружительную гиперболу. Ведь это целая революция цен на рабовладельческом рынке».[Романов Б. А. Люди и нравы Древней Руси. 2-е изд. М.; Л., 1966. С. 215, ср. с. 39.] Разбирая текст о чаге и кощее, А. П. Пронштейн писал: «Ногата была дороже резаны в 2½ раза, следовательно, стоимость рабыни в древнерусском государстве была в 272 раза выше стоимости раба».[Пронштейн А. П. Использование вспомогательных исторических дисциплин при работе над источниками. М., 1967. С. 44.] Но достаточно хорошо известно, что за рабыню в Древней Руси

платилось всего на 20 % больше, чем за раба (см. статью 16 Пространной Правды). Следовательно, не только реальные цены раба и рабыни, но и их соотношение в Слове ничего общего с конкретно-исторической действительностью XII в. не имеют.

Б. А. Романов считает, что перед нами обычная поговорка («дешевле пареной репы»), далекая от коммерческой точности. С этим можно было бы и согласиться, если бы не дополнительные обстоятельства. В аналогичных пословицах обычно встречается для контраста самая мелкая монета («за морем телушка полушка»). Но тогда почему автор Слова выбрал не самые мелкие единицы (веверицу, куну), а решил остановить свое внимание на резане? Термин «рѣзана» довольно редок. Он встречается в Краткой редакции Русской Правды, т. е. существовал на Руси уже в XI в. По наблюдениям В. Л. Янина, резана характерна для севернорусской денежной системы (роль этой денежной единицы исполнял германский пфенниг). В начале XII в. произошла замена термина «резана» — «куной».[Янин В. Л. Денежно-весовые системы русского средневековья. М., 1956. С. 160–161. Термин «резана» встречается в Новгородской 1 летописи под 1137 г. (НПЛ. С. 25) и в рукописании новгородца Климента конца XIII в. (Памятники русского права. М., 1953. Вып. 2. С. 109). Вопрос о рязанских «резанах» XIV–XV вв. выходит за рамки настоящего исследования. Резану находим и в берестяных грамотах XI–XIII вв. (Арциховский А. В., Борковский В. И. Новгородские грамоты на бересте (Из раскопок 1953–1954 гг.). М., 1958. № 84. С. 36, 60, 69).] В Пространной редакции Русской Правды резаны уже нет. Но в таком случае появление новгородской резаны в Слове о полку Игореве, если считать, что это произведение написано в конце XII в. да к тому же на юге Руси, — совершенно необъяснимо.[Ф. Я. Прийма ошибается, говоря, что резана и ногата употреблены в Слове «в повествовании не о настоящем времени, а об идеализируемом им прошлом» (Прийма Ф. Я. О гипотезе А. А. Зимина. С. 81). Автор Слова называет резану и ногату в обращении ко князю Всеволоду Юрьевичу Большое гнездо.]

Однако резана встречается в издании Пространной редакции Русской Правды, осуществленном А. И. Мусиным-Пушкиным при участии И. Н. Болтина. Здесь в ст. 9 читается текст: «полоть или двѣ ногаты, а в среду рѣзана».[Правда Русская... С. 17.] Как установил С. Н. Валк, это было сводное издание, в котором Пространная редакция Русской Правды пополнялась по Академическому списку Краткой[Влияние Слова на мусин-пушкинское издание Пространной Правды исключено уже потому, что «резана» и «ногата» в контексте Пространной редакции встречаются еще в Академическом списке Краткой редакции Русской Правды, которой пользовался издатель 1792 г. (контекст же Слова более отдаленный).] (где в соответствующем месте вместо «куна» помещено «рѣзана»). Но если в XII в. резаны на юге Руси не было, а ее в одном тексте с ногатой (т. е. в том же сочетании, что и в Слове) можно встретить в мусин-пушкинском издании Русской Правды, то перед нами явный след влияния на Слово Русской Правды, изданной А. И. Мусиным-Пушкиным в 1792 г.[Валк С. Н. Русская Правда в изданиях и изучениях XVIII — начала XIX века//АЕ за 1958 г. М., 1960. С. 142. А. Л. Никитин без каких-либо серьезных доказательств утверждает, что у Болтина был «недошедший текст» Русской Правды XIV в., который он тщательно издал (Никитин А. Л. Болтинское издание Правды Русской//ВИ. 1973. № 11. С. 53–65). Построение Никитина начисто игнорирует все текстологические исследования Пространной редакции Русской Правды, которые проводились В. П. Любимовым, С. В. Юшковым и М. Н. Тихомировым, и основывается на чистом логическом «вероятии» («а может быть...»)]. Это было в том самом году, когда появилось в печати первое известие о Слове. Кстати, для комментатора Русской Правды именно резана — «самая мелкая монета из ходячих».[Правда Русская... С. 18.] Поэтому на ней и остановил свой взгляд Мусин-Пушкин, чтобы сказать о дешевизне пленников. Интерес его к собиранию старинных русских монет широко известен (Мусину-Пушкину принадлежала, в частности, русская монета XI в. «Ярославле серебро»). Напомним также, что в 80-е гг. XVIII в. выходят труды по истории русской монетной системы М. М.

Щербатова и М. Д. Чулкова.[Подробнее см.: Спасский И. Г. Очерки по истории русской нумизматики//Нумизматический сборник. М., 1955. 4. 1. С. 84 и след.]

Сведения, давшие А. И. Мусину-Пушкину материал для этой вставки, находились не только в Русской Правде. Так, «чага» и «кащей» упоминаются под 1170 г. в Ипатьевской летописи, а под близким к этому годом (1169 г.) — в Софийской 1 летописи, также известной Мусину-Пушкину, и в Новгородской 1 летописи встречается фраза «продавааху суздальца по двѣ ногатѣ».[ПСРЛ. Т. 5, вып. 1. С. 172; НПЛ. С. 33, 221. Сходное выражение обнаружил Л. А. Дмитриев в трех из 48 списков «Сказания о битве новгородцев с суздальцами» (ГПБ, собр. Погодина, № 863, № 640, F.I.243, XVI — нач. XVII в.): «суздальцов стали продавать по две ногату, а по три на резану». Первая часть формулы восходит к Новгородской 1 летописи, а вторая появляется только в отмеченных трех списках {Дмитриев Л. А. Реминисценция «Слова о полку Игореве» в памятнике новгородской литературы//Культурное наследие Древней Руси. М., 1976. С. 50–54). В данном случае позднейший переписчик говорил о резане как о монете, хорошо известной в Новгороде по названию, но ее соотношение с ногатой указал неверно, ибо сама монета давно вышла из употребления.] Эта ремарка могла послужить отправным толчком для составления вставки (в обоих случаях говорится о продаже захваченных пленников за ногаты).[Абсолютно бездоказательна трактовка этого текста, предложенная Ю. А. Щербаковым. Считая, что «чагой» называли женщину-мать (он ссылается на это значение термина в Югославии), а «кощею» — «обозного», Ю. А. Щербаков переводит следующим образом интересующую нас глоссу: «Если бы ты был (с нами), то была бы женка по ногате, а кощей (Кончак) по резане» (Щербаков Ю. А. Об изучении «Слова о полку Игореве» на уроках истории в средней школе//Некоторые вопросы преподавания истории и обществоведения в средней школе. Краснодар, 1966. С. 107). Под «женкой» Ю. А. Щербаков разумеет дочь Кончака, «кощей» для него — бранная кличка самого этого половецкого хана.] В самом Слове к тому же упоминалось «кощиево сѣдло», в которое пересел плененный половцами Игорь.

Н. М. Карамзин еще в 1814 г. говорил К. Ф. Калайдовичу о том, «что хранящаяся у него Волынская летопись имеет великое сходство в языке с Песнию о походе кн. Игоря и что в оной летописи встречаются слова харалужный и тльковина».[Полевой. Любопытные замечания. С. 20.] Термин «харалужный» есть только в трех памятниках: в Слове, Задонщине и Сказании о Мамаевом побоище (Печатного извода). Поскольку нам известно, что существует редакция Ипатьевской летописи, содержащая в своей заключительной части Сказание о Мамаевом побоище, вполне допустимо предположить, что именно этот ее вариант находился у Карамзина. В Слове и Сказании (Печатного извода) термин «харалужный» встречается в одном контексте («трещать копия харалужныя», Слово). Выше было показано, что автор Слова использовал для создания своей Песни Ипатьевскую летопись со Сказанием. К А. И. Мусину-Пушкину попал целый ряд рукописей из собрания Быковского. А так как Карамзин широко пользовался рукописными материалами графа, то не исключено, что список Ипатьевской летописи со Сказанием Карамзин получил от Мусина-Пушкина.[К А. И. Мусину-Пушкину мог попасть и список Задонщины из собрания Иоилы. В составе библиотеки Черткова находилось 16 рукописей А. И. Мусина-Пушкина, в их числе «Сказание о Донском бое». В настоящее время рукописи Черткова находятся в Государственном Историческом музее (Иконников В. С. Опыт русской историографии. Киев, 1892. Т. 1, кн. 2. С. 1245). Пока «Сказание» не обнаружено. Интересно, что такое заглавие совпадает с заголовком Ждановского списка Задонщины, дошедшего до нас в отрывке. «Сказанием» называется и Задонщина по Синодальному списку. Впрочем, 4 из 200 списков Сказания о Мамаевом побоище носят такое же заглавие (по нумерации Л. А. Дмитриева, см.: Повести. № 16, 32, 69, 71). Что за произведение скрывалось под названием «Сказание» и входило в состав библиотеки А. И. Мусина-Пушкина, определить, к сожалению, пока не удалось. Какое-то отношение рукописи графа имели к Ярославской семинарии. Сохранился список с Хронографа

XVII в., сделанный с копии Ярославской духовной семинарии (ГБЛ, собр. Румянцева, № 472). Эта копия сделана с рукописи, принадлежавшей в свое время А. И. Мусину-Пушкину.] Это предположение можно подкрепить еще одним наблюдением. Дело в том, что А. И. Мусин-Пушкин был знаком с Ипатьевской летописью: слово «чага» из его вставки встречается только в этом источнике. Дальнейшая судьба мусин-пушкинского списка Волынской летописи неизвестна. К. Ф. Калайдович сообщает, что Н. М. Карамзиным была обнаружена в составе рукописей Хлебникова еще какая-то Волынская летопись (речь идет о Хлебниковском списке Ипатьевской летописи).[Калайдович К. Об ученых трудах митрополита Киприана//Вестник Европы. М., 1813. Ч. 72. С. 210.] Это подтверждается чтениями отрывков Волынской летописи, приведенными Н. М. Карамзиным.[Карамзин. История государства Российского. Т. 3, примеч. № 114, 189; Т. 4, примеч. № 3, 101, 102.] Вместе с тем Карамзин называет Волынскую летопись и Густынскую. Поэтому возможно, что это название у Карамзина покрывало несколько сходных по содержанию летописей. К Ипатьевской летописи проявлял несомненный интерес А. Ф. Малиновский, в бумагах которого на л. 9—12а (водяной знак 1814 г.) помещается писарская копия летописного рассказа о походе князя Игоря. Она сделана писарским почерком с явной стилизацией под XVII в.[Опубликована фототипия в кн.: Дмитриев. История первого издания. С. 193 и след.] М. Н. Сперанский и Л. А. Дмитриев считали, что перед нами копия с неизвестной рукописи Ипатьевской летописи. Однако, скорее всего, в распоряжении копииста был текст Ипатьевского списка (ср. общее чтение «кончавошуюся», «пути» вместо «поту» и др.), хранившегося в Библиотеке Академии наук.

Наконец, третий текст: «Дивъ кличетъ врѣху древа, велить послушати земли незнаемѣ, Влзѣ, и Поморию, и Посулию, и Сурожу, и Корсуню, и тебѣ, Тьмутараканьскый блѣванъ». Слова «и тебѣ, Тьмутараканьскый блѣванъ», стилистически не связанные со всем предшествующим текстом Слова, мы считаем также позднейшей вставкой. В Слове для существительных, как правило, верно употребляется звательный падеж.[Бояне, братие и дружино, Игорю, брате, земле, туре Всеволодѣ (Всеволоде), Игорю и Всеволоде, княже Всеволоде, Рюриче и Давыде, Осмомыслѣ Ярославе, господине, Романе и Мстиславе, о вѣтрѣ вѣтрило, о Днепре Словутицю, о Донче.] Однако в данном тексте явная ошибка («тебѣ... блѣванъ»). Она также, возможно, говорит о том, что про «блѣвана» писал не автор основной части произведения, а кто-то другой.

И здесь имеется ритмическое несоответствие:

«и Поморию, (5)

и Посулию, (5)

и Сурожу, (4)

и Корсуню, (4)

и тебѣ, Тьмутараканьскый блѣванъ». (10)

В 1794 г. граф А. И. Мусин-Пушкин выпустил в свет исследование о Тмутараканском княжестве, где он приводил сведения об обнаруженном в 1792 г. Тмутараканском камне с надписью князя Глеба 1068 г.[Мусин-Пушкин А. И. Историческое исследование о местоположении древнего Российского Тмутараканского княжения. СПб., 1794. Последнее издание надписи см.: Рыбаков Б. А. Русские датированные надписи XI–XIV вв. М., 1964.] Этот камень, возможно, являлся подножием античной статуи, а термин «блѣван» и означает кумир, статуя, столб.[В литературе бытует отождествление «блѣвана» с двумя античными статуями, находившимися около Тамани еще в XVIII в. Против этого решительно возражал Д. В. Айналов (в Слове один «блѣван», а статуй было две), считая, что речь должна идти о пограничном столбе или камне (Айналов Д. В. Замечания к тексту Слова о полку Игореве // Сб. статей к 40-летию ученой деятельности академика А. С. Орлова. Л., 1934. С. 180).] А. Преображенский для слова «болван» указывает как основное значение «грубо обтесанный кусок дерева или камня».[Преображенский. Этимологический словарь. Т. 1. С. 34. В. Даль для слова «болван» в качестве первого

значения дает «отрубок, бревна, чурбан» (Даль. Толковый словарь. Т. 1. С. 109). По М. Фасмеру, одно из значений термина — «массивная глыба неопределенных очертаний» (Фасмер. Этимологический словарь. Т. 1. С. 186.) Аналогичное значение для слова *bařwan* предлагает С.-Б. Линде («глыба значительного размера, масса, большой кусок»). [Для объяснения «Тмутараканского бльвана» Слова О. Сенковский принимал значение «морская волна». Его как будто склонен поддержать А. Мазон (Mazon A. «Тмутараканьский бльвань»// RES. 1961. Т. 39. Р. 138). Справедливые возражения против этого толкования текста Слова см.: Тво-рогов О. В. О воскрешении некоторых неоправданных предположений О. Сенковского // ИОЛ Я. 1963. Т. 21, вып. 5. С. 432–434; см. ответ Творогову: Mazon A. «Тмутараканьский бльвань»//RES. 1964. Т. 43. Р. 91–92.] Следовательно, с этимологической стороны для отождествления «тмутараканского бльвана» и Тмутараканского камня с надписью князя Глеба препятствий никаких нет.

Споры о подлинности надписи на Тмутараканском камне начались чуть ли не со времени его обнаружения. Много позже описываемых событий (в 1813 г.) А. И. Мусин-Пушкин писал К. Ф. Калайдовичу: «Мудрую Екатерину осмелились уверять, что я ее обманывал, что найденный Тмутараканский камень мною выдуман, о чем не (то)кмо были споры, но и повеления даны Таврическому губернатору Жогулину и профессору Палласу исследовать на месте». С лицемерным прискорбием граф прибавлял «жаль крайне, что весь сей странный процесс, бывшей у меня, погиб, но естли желаете, то найдете оногo следы в моем изданном Исследовании, в Путешествии гос. Палласа, в письме ко мне гос. Оленина и в примечаниях гос. Шлецера, помещенных в изданном от него Несторе». [ГПБ, собр. автографов М. П. Погодина, № 278; Калайдович К. Ф. Биографические сведения о жизни... С. 31. Недавно на эти материалы обратил внимание Ф. Я. Прийма.] В другом письме, адресованном Д. Н. Бантышу-Каменскому (1813 г.), граф жаловался, что «у двора многие, как-то Бецкой, Шувалов и Гр. Строганов публично говорили, что я иду против Петра и Екатерины — вот как велико было ослепление». [ГПБ, собр. автографов М. П. Погодина, № 278; Калайдович К. Ф. Биографические сведения о жизни... С. 31.] Ненавидели синодального обер-прокурора и братья Зубовы (сведение 1795–1796 гг.). [Державин Г. Р. Соч. СПб., 1871. Т. 6. С. 738–739.] Голоса влиятельных и просвещенных «недругов» графа были очень сильны, если заставили сомневаться даже саму Екатерину II.

До нас, возможно, дошли отзвуки недовольства императрицы своим историографом. Об одном его издании она писала: «Большой чертеж (речь идет об издании А. И. Мусина-Пушкина. — А. 3.) драгоценен, но незнание да охота писать издателя равносильны». В другой заметке читаем: «В сей книге больше брани против Татищева и самого Болтина, нежели истины. Всякой волен по истории иметь свои мысли, но брани и насмешки противу лутчих авторов и почитаемых и разумных людей не красят никакого рода сочинение». [ЦГАЛИ, ф. 195, оп. 1, ед. хр. 6074, л. 3, 5. Выражаю глубокую признательность М. Е. Бычковой, познакомившей меня с этими письмами Екатерины II.] Хотя книга в письме не названа, но так как оно адресовано А. И. Мусину-Пушкину около 1793–1795 гг., то можно догадываться, что речь идет об его «Исследовании о Тмутараканском княжестве» (1794 г.), где содержится полемика с Татищевым и Болтиным.

В конце XVIII в. страсть к коллекционированию древностей стала модой, затронувшей и придворные сферы. Собиратели тогда приобретали не только подлинные редкости, но и их позднейшие заменители. Так, в последние годы царствования Екатерины II на Монетном дворе фактически в официальном порядке было сделано много штемпелей золотых монет XVII в. Изготовленные тогда червонцы царевны Софии, рубли Алексея Михайловича, ефимки и другие новodelы пополняли коллекции вельможных собирателей, которые не упускали случая щегольнуть друг перед другом своими приобретениями. [Спасский И. Г. Очерки по истории русской нумизматики. С. 87. Ф. Я. Прийма пишет, что «в защиту» Тмутараканского камня выступил А. Х. Востоков (Прийма Ф. Я. О гипотезе А. А. Зимина. С. 87). Однако Спасский писал: «Имея в виду любопытные заметки,

сообщенные мне А. Х. Востоковым, я решился дать отповедь всем этим защитникам Тмутараканского камня» (Отечественные записки. 1844. Т. 36. № 10. Отд. II. С. 63–75). Ни о какой «защите» камня Востоковым тут нет и речи.] К числу коллекционеров-нумизматов принадлежал и А. И. Мусин-Пушкин.

Наиболее обстоятельное исследование о Тмутараканском камне написано А. А. Спицыным. [Спицын А. А. Тмутараканский камень//Записки отд. русской и славянской археологии Русского Археологического общества. Пг., 1915. Т. 11. С. 103–132.] Основной вывод автора сводился к следующему: «Подлинность надписи вполне допустима, но допустима и фальсификация ее». [Спицын А. А. Тмутараканский камень//Записки отд. русской и славянской археологии Русского Археологического общества. Пг., 1915. Т. 11. С. 130. Надпись на камне считал поддельной один из видных палеографов И. А. Шляпкин (Шляпкин И. А. Палеография. СПб., 1905–1906. С. 6).] Его оппоненты лишь уточнили обстоятельства открытия камня, но доводов Спицына не опровергли. [Веселовский В. К истории открытия Тмутараканского камня//Вестник археологии и истории. Пг., 1918. Т. 23. С. 137 и след.; Бертъе-Делагард А. Заметки о Тмутараканском камне//Известия Таврической ученой архивной комиссии. Симферополь, 1918. № 55. С. 45–96. См. также сомнения в подлинности надписи, высказанные А. Мазоном (Mazon. Le Slovo. P. 72–76). Подлинное дело о Тмутараканском камне опубликовано А. С. Орловым (Орлов А. С. Библиография русских надписей XI–XV вв. М., 1952. С. 167–182).] А. А. Спицын обратил внимание на то, что «Тмутараканская надпись заключает крайне незначительное, пустое содержание при торжественной форме». В самом деле, зачем нужны были столь точные сведения о расстоянии между Таманью и Керчью? Надпись поражает своей бесцельностью. Удивляет и измерение в саженьях — «это то же, что мерить дом дюймами». [Спицын А. А. Тмутараканский камень. С. 118, 120.] Почему пролив не измерялся в более крупных единицах, например в стадиях, поприщах, милях? Торжественная книжность надписи (упоминание об индикте и т. п.) не соответствует обыденности ее содержания. И только доводы В. В. Латышева о том, что перед нами могла быть «русская эллинизированная надпись», заставила А. А. Спицына отказаться от мнения о поддельности камня. [Спицын А. А. Тмутараканский камень. С. 130.]

Однако в настоящее время есть веские основания сомневаться в достоверности надписи. В самом деле, по палеографическим особенностям (начертания букв «со», «ъ», «в») надпись могла быть сделана не ранее XIII в. На камне буква «в» имеет уменьшенную верхнюю часть и большую нижнюю. Параллельные начертания есть только в рукописях XIII в. (см. вариант № 17 по Л. В. Черепнину). [Черепнин Л. В. Русская палеография. М., 1956. С. 154.] На бересте и на пергамене, серебре и камне в XI–XII вв. она писалась с равными частями. В букве «со» (омега), как отмечал еще В. Н. Щепкин, [Щепкин В. Н. Учебник русской палеографии. М., 1920. С. 100–101. Р. О. Якобсон пишет, что «в греческих рукописях одиннадцатого столетия омега с уменьшенной средней палочкой заменила омегу с высокой палочкой, типичную для десятого столетия» (Jakobson. Selected Writings. P. 696). Однако В. Н. Щепкин писал: «в 11-м веке омега почти без исключений имеет высокую середину» (Щепкин В. Н. Учебник русской палеографии. С. 100). Об уникальности начертания букв «ч» и «р» на камне см.: Монгайт А. Л. Надпись на камне. М., 1969. С. 101. Возражения, сделанные ему И. Кудрявцевым, Л. Тигановой и Н. Тихомировым, не имеют убедительной силы, ибо в своей палеографической части они опираются не на эпиграфический, а на рукописный материал (Кудрявцев И., Тиганова Л., Тихомиров Н. Поддельные сомнения//Молодая гвардия. 1970. № 1. С. 296–297). См. также: Сапунов Б. В. Еще раз к вопросу о подлинности Тмутараканского камня//Труды Государственного Эрмитажа. Л., 1970. Т. 11. С. 116.] средняя палочка уменьшалась только со второй половины XII в. В XI — первой половине XII в. она еще читалась на уровне первых двух. То же было и на берестяных рукописях. На Тмутараканском камне «со» позднего типа. В букве «ъ» пергаменных рукописей XI–XII вв., на камне и бересте

вертикальная палочка читается, как правило, с наклоном, на Тмутараканском камне она вертикальна.

В конце первой строки надписи помещены буквы «мо» (последняя над строкой), а буквы «ре» отсутствуют. Но если б надпись изготовлялась на месте, то буквы «ре» должны были быть помещенными на первой или (если они не уместились) на второй строке. Это дает основание полагать, что надпись сделана по эстампу, составленному где-то вдали от самого камня. Формула «Глеб князь» соответствует выражению «Игорь князь» из Слова о полку Игореве. Слова «мѣрилъ мо(ре) по леду от... до...» также перекликаются со «Словом» («мыслию поле мѣрить отъ... до...»).

Слово «Тмутаракань» никогда не писалось через «ъ», кроме одного случая в Лаврентьевской летописи (под 1024 г.), принадлежавшей А. И. Мусину-Пушкину. Второй случай не менее интересен: это «Тмutorоканьскый бълван» в екатерининском списке Слова. Кстати, А. И. Мусин-Пушкин в своем «Исследовании» писал, что часто в древности в начале слова ставился «ъ».[Мусин-Пушкин А. И. Историческое исследование... С. 19.] Размеры пролива, указанные в надписи, соответствуют данным Константина Багрянородного, на которые также ссылается А. И. Мусин-Пушкин.

По А. Л. Монгайту, то, что в надписи фигурирует Корчев, а не Боспор (как у Константина Багрянородного), говорит в пользу ее подлинности.[Монгайт А. Л. Надпись на камне. С. 104.] Но в Лаврентьевской летописи под 1152 г. помещено выражение «у Корчева», хотя речь идет о Карачеве. Этот-то Корчев и мог быть ошибочно отождествлен Мусиным-Пушкиным с Керчью. Об этимологии слова «сяжень» (от «сягати») Мусин-Пушкин написал 8 февраля 1794 г. целое рассуждение.[Сухомлинов М. И. История Российской Академии. Вып. 7. С. 162.] В русских источниках находим написание «сажень».

В личной беседе со мной И. Г. Спасский обратил внимание на то, что буквы второй строки надписи (быть может, исключая ее конец — «4 сяж») резко отличаются и по своим размерам (они меньше), и по начертаниям, и, возможно, новизною от первой строки. Тогда естественно возникает вопрос: не была ли эта часть надписи «дописана» на камне, имевшем ранее одну целую строку и одну поврежденную? Ведь наиболее «сомнительная» часть надписи — именно вторая («по леду от Тмutorаканя до Кърчева 10.000»). Кстати, в концовке первой строки надстрочная буква «о» резко отлична от «м», над которой она помещена (такое сочетание хорошо известно в XVIII в. по монетам, на которых оно помещалось). К тому же «свободно пишущий резчик не оборвал бы слово „море“ на слоге „мо“, а перенес бы окончание слова в следующую строку... Резчик же, связанный готовым образцом... не мог ничего переносить в другие строки, да и вся надпись выглядит очень „книжно“, буквы слишком мелки для чтения, что необычно для надписей на камне, очень аккуратны, почти каллиграфические».[Монгайт А. Л. Надпись на камне. С. 105.] Если признать первую строку подлинной, то текст первоначальной надписи обрывался буквой «м». Таким образом, что и где мерил князь Глеб, остается неясным.

«Большим доказательством подлинности камня, чем все доводы, которые были высказаны раньше», А. Л. Монгайт считал тот факт, что Тмутаракань находится там, где обнаружен камень.[Монгайт А. Л. Надпись на камне//Наука и жизнь. 1967. № 8. С. 66. В своей книге А. Л. Монгайт этот довод снял (Монгайт А. Л. Надпись на камне. М., 1969. С. 105–109).]

В этом с ним согласен А. Г. Кузьмин, заявляющий прямо, что «проблема Тмутараканского камня — это проблема местонахождения Тмутаракани».[Кузьмин А. Г. Существует ли проблема Тмутараканского камня//Советская археология. 1969. № 3. С. 282.] Но рассуждение о том, что Тмутаракань находится там, где найден камень, на самом деле ничего не прибавляет к спору, ибо еще в 1736 г. Г. Байер, ссылаясь на Константина Багрянородного, поместил Тмутаракань там, где она позднее была обнаружена археологами. Мусин-Пушкин мог поместить Тмутаракань на то место, где она находилась, руководствуясь имевшимися в его распоряжении трудами исследователей. Тщательное и

всестороннее изучение Тмутараканского камня — очередная задача советской эпиграфики. [Краткое изложение доводов «за» и «против» подлинности Тмутараканского камня см. в книге: Монгайт А. Л. Надпись на камне. Ср. также замечание М. П. Сотниковой о том, что «подлинность или поддельность» Тмутараканского камня «равно до сих пор не доказаны» (Сотникова М. П. Русская эпиграфика в советское время//ВИД. Л., 1970. Сб. 3. С. 103. {Исследование, удостоверяющее подлинность Тмутараканского камня, см.: Мединцева А. А. Тмутараканский камень. М., 1979.}]

Надпись на Тмутараканском камне (или ее нижняя строка) могла быть сделана по распоряжению А. И. Мусина-Пушкина для доказательства существования на берегах Керченского пролива старинного русского княжества. Он пишет: «Сие княжение, бывшее издревле российским достоянием, но во время междоусобий князей российских силою иноплеменных отторгнутое, во дни благополучного и славного великия Екатерины царствования не столько оружием, сколько мудростию присоединено паки к истинному России телу».[Мусин-Пушкин А. И. Историческое исследование... С. 64. Интерес к Крыму и к Причерноморью возрос в связи с яским трактатом 29 декабря 1791 г. Позднее, в 1792 г., один из участников присоединения Крыма М. В. Каховский написал трактат «Краткое примечание о полуострове Таврическом и острове Тамани», в котором говорил о большом экономическом и стратегическом значении Крыма. Кстати, и сама Екатерина называла Таврический полуостров «приданным», якобы принесенным ею России (Бильбасов В. А. Исторические монографии. СПб., 1901. Т. 3. С. 427).]

О том, что в конце XVIII в. русские современники хорошо знали подделку древних надписей на камне, можно судить по басне Хемницера (написана в 70-х — начале 80-х гг. XVII в.). Увидела она свет только в 1799 г. Вот ее текст:

Чтобы ученых отучить
В словах пустых искать и тайну находить,
Которую они, по их речам, находят
И в толки глупые свои других заводят,
Царь у себя земли одной Их шуткой осмеял такой:
Под городом одним развалины стояли,
Остатки башен городских,
А около обломки их,
Землей засыпаны, лежали.
На сих обломках царь, ученым в искушение,
Исечь по букве приказал;
Потом те буквы на решенье
За редкость по своим ученым разослал.
«Посмотрим, — царь сказал, —
Какое выведут ученые значенье.
Уж то-то толки тут
Пойдут!».

И подлинно, пошли. Хлопочут, разбирают,
Чтоб тайный смысл найти словам.
Рассылка букв по всем ученым и землям;
Все академии к решенью приглашают,
Записки древностей, архивы разбирают;
Газеты даже все о буквах говорят;
Робята все об них и старики твердят;
Но мрачность древности никто не проницает.
Царь наконец, хотел их глупость обличить,
Всем приказал к себе своим ученым быть
И заданные сам им буквы объясняет.

Весь смысл неразрешимых слов Был тот: здесь водопой ослов.[Хемницер И. И. Полн. собр. стихотворений. М.; Л., 1963. С. 137–138.]

Судя по надписи на Тмутараканском камне, можно заключить, что к 1792 г. Слово о полку Игореве было уже в распоряжении синодального обер-прокурора. Поразительно только, что этот памятник, прямо говорящий, что Тмутаракань находилась у моря, т. е. подтверждавший гипотезу А. И. Мусина-Пушкина, не был использован им в его книге о Тмутараканском княжении. Остается только предполагать, что синодальный обер-прокурор не очень-то еще верил в убедительную силу доказательства, появившегося под пером писателя XVIII в., и боялся быть разоблаченным.

В издании 1800 г. «тмутараканьский блъванъ» переведено как «тмутараканский истукан». Этот перевод на первый взгляд противоречит нашему предположению о том, что под «блъваном» Мусин-Пушкин имел в виду Тмутараканский камень (истукан — это кумир, божок, а не просто камень). Но это противоречие видимое. В первом переводе А. И. Мусина-Пушкина («екатерининском») стоит — «болван».

В более позднем переводе Мусин-Пушкин заменил «болван» на «идол». В обстановке, когда подлинность Тмутараканского камня подвергалась сомнению, Мусин-Пушкин решил разорвать ниточку, связывающую вставку в Слове с находкой на Таманском полуострове. Позднее А. Ф. Малиновский в соответствии со «Словарем Академии Российской» (болван — «кумир, истукан, изваяние, вещественное изображение») перевел «блъван» как «истукан».[Дмитриев. История первого издания. С. 319, 352, ср. с. 302.]

В период работы над изданием Слова, когда подлинность Тмутараканского камня вызывала сильные сомнения, граф не стал возражать против того «ученого толкования», которое дал «блъвану» А. Ф. Малиновский.

Вставки А. И. Мусина-Пушкина охватывают все важнейшие разновидности древнерусских источников. Здесь и летописи, и Русская Правда, и произведения церковной письменности, и даже намек на археологический памятник. Все эти переключки с достоверными свидетельствами русской старины или же «Тмутараканским блъваном» нужны были графу для того, чтобы в случае возникновения у кого-либо сомнений в подлинности Слова можно было бы подкрепить мнение о древности Игоревой песни наукообразными ссылками на исторические памятники. Уж кто-кто, а Мусин-Пушкин знал, что надобность в подобных доказательствах может возникнуть. Но включить в Слово мотивы из древних памятников было только одной стороной дела. Необходимо было сделать так, чтобы можно было установить сходство Слова с этими источниками. Для этого нужно было предоставить в их распоряжение памятники, близкие к Слову. С Русской Правдой и Тмутараканским камнем устраивалось сравнительно просто: в 1792 г. первый памятник был издан Мусиным-Пушкиным, а второй «найден» казаками (не без его же участия). Отдельные листы Новгородской 1 летописи обер-прокурор Синода поместил в сборник со Словом не только для придания «древности» этому конволюту, но и для того, чтобы читатель мог обнаружить там прозвище «Гориславич», встречающееся и в Слове. Софийскую 1 летопись Мусин-Пушкин дал во временное пользование историографу Н. М. Карамзину и не спешил ее получить обратно. Наконец, псковский Апостол находился в крупнейшей библиотеке старинных русских рукописей — Синодальной.

Расчет графа оказался верным. В дальнейшем именно созвучие Слова с припиской к псковскому Апостолу сделалось одним из решающих аргументов в пользу древности Слова. Кто знает, если бы не «находка» в 1813 г. Калайдовичем Апостола, загадка Слова могла бы решиться многими десятилетиями раньше.

Принадлежность А. И. Мусину-Пушкину вставок в текст Слова о полку Игореве является веским аргументом в пользу того, что текст Песни не включался ее автором в состав какого-то сборника.[Допустить, чтобы Слово было в сборнике, затем изъято, пополнено вставками, переписано и снова включено в его текст, совершенно невероятно.] Но решающим доводом в пользу этого вывода является тот факт, что Иоиль не сочинял

подделку, а написал героическую Песнь. В состав конволюта из древнерусских повестей подобную Песнь ему включать не было необходимости.

Рассмотрение вставок в Слово о полку Игореве показывает, что они были сделаны не позднее 1795–1796 гг., т. е. составления копии для Екатерины II, и не ранее конца 1791 г. (псковский Апостол был прислан в Синод по указу Екатерины II от августа 1791 г.). В конце 1792 г. Тмутараканский камень [Уже в 1792 г. мысль о Тмутаракани волновала графа. Как бы невзначай в предисловии к «Книге Большому чертежу» он сообщил, что «при помощи сея книги, о чем не умедлю я показать, окажется в своем настоящем месте сие по мнению всех погибшее Тмутараканское княжение» («Книга Большому чертежу». СПб., 1792. С. VII). Но не «Книга Большому чертежу», а Тмутараканский камень подкрепил уже в том же году гипотезу графа.] был уже обнаружен. В том же году А. И. Мусиным-Пушкиным была издана Русская Правда. К началу 1792 г. относится и первое глухое упоминание о Слове в печати.

В распоряжении А. И. Мусина-Пушкина находилась, вероятнее всего, рукопись, написанная или почерком самого Иоила, или скопированная обер-прокурором Синода. В пользу этого предположения говорит анализ издания 1800 г. Слово, как показывают исследования Д. С. Лихачева и Л. А. Дмитриева, было издано превосходно, и вместе с тем оно содержит массу описок, которые могут быть объяснены двояко: или особенностью скорописи экземпляра XVIII в., лежавшего в основе Мусин-Пушкинского списка, сделанного под полуустав XIV–XV вв., или ошибками, сделанными автором Слова при использовании списка XVII в. Задонщины. [К числу описок, связанных со списком Задонщины, можно отнести «пробил» вместо «прорыл».] Так, в ряде случаев наблюдается мена «и» и «я»: «пустыни» на с. 19 вместе «пустыня»; [«Пустыни» в Слове можно было бы рассматривать как древнюю форму именительного падежа единственного числа. Но поскольку путаница «и» и «я» обнаруживается и в других словах Песни, то и в данном случае скорее речь идет о неверно прочитанной букве «я».] «многовои» вместо «многовоя» на с. 26; «вонзить» и «понизить» вместо «вонзят» и «понизят» на с. 34; «Брячяслава» вместо «Брячислава» на с. 34; «туця» вместо «тучи» на с. 12 и т. д. [Близость «и» к «я» характерна. Бросается в глаза в словах «истягну» и «поля» на фотокопии с екатерининского списка Слова о полку Игореве.] Переписчик вполне в духе XVIII в. путал «п» и «в» (надо «спивая», а не «свивая»), «ѣ» и «ы» («головы» вместо «головѣ» на с. 44, «славѣ» вместо «славы» на с. 8, «мычучи» вместо «мѣчучи» на с. 20, «мычеши» вместо «мѣчеши» на с. 38). Не всегда он различал «ъ» и «ѣ» («нѣ» вместо «нѣъ» на с. 11, «Римъ» вместо «Римѣ» на с. 27, «утрь» вместо «утрѣ» на с. 35). В двух случаях читается «ь» вместо «ѣ» («речь» вместо «речѣ» на с. 3, «незнаемъ» вместо «незнаемѣ» на с. 37). [О путанице ѣ и о и ѣ(ь) и ѣ в Слове («мужаимъся» вместо «мужаимѣся») писал Н. С. Тихонравов, датировавший рукопись временем не ранее конца XVI в.: Тихонравов Н. С. Слово о полку Игореве. М., 1868. С. VI, IX.] Такого же характера ошибки — «роspущени» вместо «роspужены» на с. 9, «Всеволожъ» вместо «Всеволодъ» на с. 15 (выносное «д» в XVIII в. писалось близко к «ж»). Иногда автор пропускал надстрочные буквы «л» («въста близъ», «силные», «кликахуть» и др.), «д» («подклониша», с. 32), «г» («е гоголемъ» вместо «его гоголемъ»).

Чтение екатерининской копии «Зояни» (в издании «Трояни») объясняют уже давно тем, что в рукописи находилась лигатура «Тр».[См.: Лихачев. Изучение «Слова о полку Игореве». С. 35.] Подобную лигатуру можно обнаружить на л. 59 Лаврентьевской летописи («отроци»).[На это обратил внимание М. И. Успенский (ср.: ПСРЛ. Т. 1. Стб. 175).] Но что особенно интересно: такая лигатура находится на л. 135 («распространится»), т. е. в рассказе о походе князя Игоря 1186 (1185) г. Всего мы в Лаврентьевской летописи насчитываем только 20 случаев использования этой лигатуры. [См. также «потребы», «строя», «строенью», «устроих», «митрополитом», «пристроих», «отрок», «страны», «Стрежев», «Петра», «страну», «строить», «стрыи», «стрыя», «устрашю», «устре-нья», «строенье», «постригся», «страну», «митрополит» (ПСРЛ. Т. 1.

Стб. 118, 162, 186, 187, 207, 210, 218, 294, 298, 299, 311, 329, 342, 343, 433, 442, 443, 448, 464, 472).] Можно думать, что именно эта летопись и была использована А. И. Мусиным-Пушкиным, когда он вносил лигатуру «Тр» в свой список Слова.[Очевидно, лигатуру он сохранил и в копии, с которой списывал писец екатерининского списка, не понявший это мудреное сочетание букв «т» и «р».]

Правка текста А. И. Мусиным-Пушкиным, таким образом, не исключена. Можно обратить внимание на редкую форму «носады», которая встречается только с XVI в. (в Ипатьевской летописи «насады»).[Богородский Б. Л. Об одном термине из «Слова о полку Игореве» (насадъ — носадъ)//Учен. зап. ЛГПИ им. Герцена. Л., 1955. Т. 104. Кафедра русского языка. С. 227–258.] Но именно эта форма находилась, как можно судить по всем сохранившимся спискам Новгородской 1 летописи, на похищенных листах Академического списка.[НПЛ. С. 292, 448. Форма «носады» встречается в списках Новгородской 1 летописи младшего извода еще два раза. В Синодальном списке — «насады».]

Не исключено, что синодальный обер-прокурор приложил руку и к редактированию других мест в Слове. Так, по Слову, Всеслав из Киева «скочи отъ нихъ (в екатерининском списке «отныхъ». — А. 3.) лютымъ звѣремъ». Д. В. Айналов читает «отай» (вместо «отъ нихъ») в согласии с летописным рассказом о побеге Всеслава «утаився».[Айналов Д. В. К истории древнерусской литературы//ТОДРЛ. М.; Л., 1936. Т. 3. С. 24–25.] Словечко «отай» известно Ипатьевской летописи (под 1015, 1146 гг.). Это делает чтение Д. В. Айналова вероятным, хотя и не обязательным. Выражение «лютый звѣрь скочилъ ко мнѣ на бедра» читается в Поучении Владимира Мономаха.[ПСРЛ. Т. 1. Стб. 251. См. также: Ларин Б. А. Из истории слов//Памяти академика Льва Владимировича Щербы (1880–1944): Сб. статей. Л., 1951. С. 191–194.] Повторение одного и того же оборота может говорить о редакционной правке А. И. Мусина-Пушкина, но его основа восходит к Задонщине («отсочи Мамай серым волком»). Впрочем, «лютый зверь» встречается и в живом языке. [Даль. Толковый словарь. Т. 2. С. 285. Н. В. Шарлемань полагает, что под «лютым зверем» надо разумеать льва (Шарлемань Н. В. Загадочный зверь Древней Руси//Зоологический журнал. М., 1964. Т. 43, вып. 2. С. 293–296). Ср. также: Мавродин В. В. «Тур», «лютый зверь» и «пардус» древнерусских источников//Исследования по отечественному источниковедению. М.; Л., 1964. С. 483–487.] Поэтому от решительного заключения по поводу этого образа в Слове пока лучше воздержаться.

Но надо отдать должное внешней стороне дела: почерк XV в. был имитирован удачно и ввел в заблуждение такого видного исследователя, как Н. М. Карамзин.[Отрицая, что Мусин-Пушкинский список Слова был подделкой, Д. С. Лихачев ссылается на то, что «все известные нам подделки первой половины XIX в. претендовали быть рукописями, современными созданию памятника, а не одним из его поздних списков. Таковы все подделки, сделанные наиболее известными фальсификаторами начала XIX в., — А. И. Бардиным и А. И. Сулакадзе-вым» (Лихачев. Изучение «Слова о полку Игореве». С. 6). Это заблуждение. А. И. Бардин продал А. Ф. Малиновскому список Слова о полку Игореве, снабженный послесловием 1375 г. (Сперанский М. Н. Русские подделки рукописей в начале XIX века//Проблемы источниковедения. М., 1956. Сб. 5. С. 53). Таким образом, А. И. Бардин старался изготовить именно позднейший список, а не имитацию подлинника Слова о полку Игореве.] Этому, конечно, способствовало и то, что в Мусин-Пушкинском сборнике действительно находилась рукопись XV в., под которую был изготовлен список Слова.

Формирование самого сборника, содержавшего Слово о полку Игореве, следует связывать с деятельностью А. И. Мусина-Пушкина. В него входили некоторые из рукописей, полученных графом от Иоиля, в том числе хронограф редакции 1617 г. [Наличие в конволюте хронографа 1617 г. говорит, по О. В. Творогову, против того, что создателем сборника был Мусин-Пушкин, ибо «компрометировать» древность рукописи памятником XVII в. было не в интересах Алексея Ивановича (Творогов О. В. К вопросу о

датировке... С. 163–164). Но не настолько обер-прокурор Синода был ученым текстологом, чтобы рассуждать в духе исследователя XX в., а не собирателя древностей конца XVIII — начала XIX в.] В Мусин-Пушкинском сборнике находились также Повесть об Акире Премудром и Сказание об Индийском царстве. Эти же два произведения содержатся в сборнике Ундольского, № 632, где также помещена и Задонщина Пространной редакции. Выше было установлено, что Слово о полку Игореве основано именно на этой редакции Задонщины. Поэтому можно предположить, что Мусин-Пушкин включил в свой сборник фрагмент сборника, ранее находившегося у Иоиля и содержавшего когда-то не только Повесть об Акире Премудром и Сказание об Индийском царстве, но и Задонщину.[На недоуменный вопрос Б. А. Рыбакова, «куда же дел рукопись» Задонщины Иоиль (Рыбаков, Кузьмина, Филин. Старые мысли. С. 155), мы можем ответить односложно: скорее всего, Задонщина попала к Мусину-Пушкину и разделила судьбу других его рукописей, погибших в пожаре 1812 г.] В Мусин-Пушкинском сборнике находились 50 листов Новгородской 1 летописи, похищенных в свое время А. И. Мусиным-Пушкиным, и Девгениево деяние по списку, очевидно, XVIII в. Возможно, в связи с составным характером сборника издатели не решались точно определить его время, а позднее выдавшие его лица давали столь разнообразные сведения о рукописи Слова.[Д. С. Лихачев отрицает составной характер рукописи сборника потому, что признание этого «противоречило бы показаниям свидетелей, что рукопись была вся написана одним почерком. Было бы странным, что ученые, видевшие рукопись и весьма опытные в палеографии (такие, как Н. М. Карамзин, А. И. Ермолаев и др.), не заметили даже разницы в почерке, в бумаге и того, что рукопись „Слова“ вклеена или вплетена в текст хронографа» (Лихачев. Изучение «Слова о полку Игореве». С. 49). Но, во-первых, никто из видевших рукопись не говорил, что она вся писана одним почерком. Во-вторых, рассказы А. И. Ермолаева и Н. М. Карамзина дошли не в подлиннике, а в изложении. При этом Карамзин говорит только о времени рукописи Слова, а не всего сборника (что имел в виду Ермолаев, по изложению не вполне ясно).]

Слово было написано на «лощеной бумаге», известной и в XVII, и в XVIII вв., почерком, близким к почерку Новгородской 1 летописи. Сам А. И. Мусин-Пушкин позднее вскользь замечал, что рукопись Слова написана в конце летописи,[«Писана на лощеной бумаге, в конце летописи» (Калайдович К Ф. Биографические сведения о жизни... С. 35). Тут же он добавлял, что песня «в подлиннике хотя довольно ясным характером была писана, но разобрать ее было весьма трудно» (Там же. С. 36). Странное название списка «подлинником» (хотя выше говорится о «переписке») является обмолвкой. Не свидетельствует ли она о том, что граф знал, с чем он имел дело: в сборнике действительно находился «подлинник» Слова (изготовленный Мусиным-Пушкиным по тексту Иоиля)?] хотя, судя по описанию сборника, оно было отделено от него двумя произведениями. Итак, Слово о полку Игореве было включено А. И. Мусиным-Пушкиным в сборник, составленный из древнерусских рукописей, таков наш ответ на четвертый из вопросов, которые были поставлены в начале этой главы.

Рукопись Задонщины, явившаяся источником Слова о полку Игореве, не сохранилась. По этому поводу Д. С. Лихачев пишет: «Всегда будет казаться непонятным исчезновение того памятника, на основе которого делается подделка... Зачем нужно было уничтожить или как можно было утратить список памятника, повествовавшего о величайшей в глазах людей XVIII века победе русских, в рассказе о которой упоминались предки некоторых представителей екатерининской знати?».[Лихачев. Когда было написано «Слово»? С. 147.]

О судьбе рукописи Задонщины сказать что-нибудь определенное трудно. Скорее всего, она попала к А. И. Мусину-Пушкину: об этом свидетельствуют Сказание об Индийском царстве и Повесть об Акире Премудром из Мусин-Пушкинского сборника со Словом. Скорее всего, список Задонщины погиб вместе с другими рукописями графа в пожаре 1812 г. Выдавая Слово за памятник XII в., А. И. Мусин-Пушкин, конечно, не

спешил с публикацией произведения о Куликовской битве, которое, как он мог это легко понять, и было одним из основных источников Игоровой песни.

Очень часто сторонникам позднего происхождения Слова о полку Игореве задается вопрос: «Почему надо было подлинную повесть о величайшей победе русских над татаро-монголами заменять мистификацией о крупном поражении мелкого новгород-северского князя Игоря от половцев? На этот вопрос еще ни разу не было получено ответа».[Лихачев. Когда было написано «Слово»? С. 148; Рыбаков, Кузьмина, Филин. Старые мысли. С. 153.] Почему Иоиль остановил свое внимание на походе Игоря, говорилось уже в предшествующей главе. Допустим, что в распоряжении А. И. Мусина-Пушкина были Песнь о походе Игоря, написанная в XVIII в., и Задонщина. Повесть о Куликовской битве не привлекала его внимания уже потому, что известны были многие десятки произведений на эту тему: Сказание о Мамаевом побоище в XVIII в. переписывалось во множестве списков. По своим художественным качествам Пространную Задонщину вряд ли можно предпочесть Сказанию. Иное дело Слово о полку Игореве. Это не только блестящий памятник в художественном отношении. Он к тому же посвящен событиям Киевской Руси. А именно российские древности — времена Рюрика, Олега, Владимира — были излюбленной темой русской литературы XVIII в. (на эти сюжеты писала и сама Екатерина II). К тому же Российская империя XVIII в. рассматривалась законной наследницей Древней Руси. В 1792 г. Екатерина опубликовала сочинение «Подражание Шакеспиру», где в молитве скандинавским богам упоминается Перун.[См. об этом: Иванов, Топоров. К проблеме достоверности. С. 63.] Тема Слова о полку Игореве приобретала, следовательно, и общественно-политическое звучание. Все это и определило то, что Мусин-Пушкин остановил внимание на Игоровой песни. Нашелся для этого и конкретный повод.

Первое, еще глухое, сообщение в печати о находке Слова о полку Игореве относится к началу 1792 г. Издатель журнала «Зритель» П. А. Плавильщиков в февральской книге писал: «У нас были писанные законы, ученость имела свою степень возвышения, и даже во дни Ярослава сына Владимирова были стихотворные поэмы в честь ему и детям его... Существуют еще сии драгоценные остатки и поныне в книгохранилищах охотников до редкостей древности отечественной, и, может быть, Россия вскоре их увидит: есть еще любители своего отечества, которые не щадят ничего, дабы собрать сии сокровища. Все читают Ярославову Правду, все читают заключенные мирные договоры Олега и последователей его с императорами греческими».[Берков П. Н. Заметки к истории изучения «Слова о полку Игореве»//ТОДРЛ. М.; Л., 1947. Т. 5. С. 135–136. Гипотезу П. Н. Беркова разделяет и Д. С. Лихачев (Слово-1950. С. 354).]

В. Д. Кузьмина полагает, что в данном случае могла идти речь о записях былин. [Кузьмина В. Д. [Рец. на сб. «Слово о полку Игореве»]//И ОЛЯ. 1950. Т. 9, вып. 6. С. 301.] Но с этим согласиться трудно. Былины не только не связаны с именем Ярослава, но в конце XVIII в. находка их не рассматривалась как открытие «сокровища». К тому же в самом сообщении Плавильщикова говорится о собирателях редкостей в связи с возможным изданием Правды Ярослава. А так как к числу этих собирателей принадлежал А. И. Мусин-Пушкин, издавший в том же 1792 г. «Правду Русскую, или Законы... Ярослава», то в данном случае, скорее всего, речь шла о слухах по поводу Слова, проникших в общество.[После разысканий В. П. Козлова стало очевидным, что сборник со Словом о полку Игореве находился в библиотеке А. И. Мусина-Пушкина уже в 1788–1790 гг. См.: Козлов В. Я. Кружок А. И. Мусина-Пушкина... С. 141–150.]

Еще одно доказательство того, что Слово о полку Игореве находилось в распоряжении А. И. Мусина-Пушкина до 1795 г., предложил В. Кипарский. Он обратил внимание на то, что в шестом томе «Словаря Академии Российской» находится объяснение слова «тисовый» (встречающегося в Слове) как «из тиса сделанный» с единственным примером «тисовая кровать».[«Тисовый, — вая, — вое, прил. из тиса сделанный. Тисовая кровать» (Словарь Академии Российской. СПб., 1794. 4. 6. С. 128). Ср.: Kiparsky V. Le «'Lit d'if» et le manuscrit du Slovo d'Igor//For Roman Jakobson. The

Nague, 1956. P. 254–259.] Здесь же разъясняется, что тис растет «в Таврической области по горам каменистым». Том этот был изготовлен уже весной 1794 г., а в подготовке его принимал участие А. И. Мусин-Пушкин, который «сообщал изъяснения на некоторые слова древние».[Словарь Академии Российской. 4. 6. С. И; ср.: Сухомлинов М. И. История Российской Академии. СПб., 1887. Вып. 8. С. 66.] Поскольку именно в Слове о полку Игореве упоминалась «тисовая», т. е. сделанная из тиса, встречающегося только на юге Руси, постольку, скорее всего, именно под влиянием этого памятника появилась такая расшифровка значения этого слова в Словаре.[О тисовой кровати см. также: Шарлемань Н. В. Из комментариев к «Слову о полку Игореве»//ТОДРЛ. М.; Л., 1954. Т. 10. С. 225–227; Сапунов Б. В. «Тисовая кровать Святослава» // ТОДРЛ. М.; Л., 1961. Т. 17. С. 323–326.]

В 90-е гг. XVIII в. Екатерина II частенько обращалась за справками по историческим вопросам к своему «лейб-историку». До нас дошло 10 писем и записок Екатерины к Мусину-Пушкину (первое письмо датировано 23 декабря 1793 г.).[ЦГАЛИ, ф. 195, оп. 1, ед. хр. 6074.] В них императрица проявляет живой интерес ко многим событиям истории Древней Руси и, в частности, просит сообщить ей, где были похоронены Ослябя и Пересвет, сообщает свое наблюдение о том, что «галицкие князья имели границу по Серету и по Дунаю».[Очевидно, А. И. Мусиным-Пушкиным составлена справка о Данииле Галицком, приложенная к письмам Екатерины II.] Разговоры о древней Песни, найденной А. И. Мусиным-Пушкиным, достигли Екатерины II. Возможно, что это и явилось одной из причин, побудивших императрицу осмотреть уникальную коллекцию рукописей синодального обер-прокурора, о чем он сам глухо сообщает в автобиографии. Вынужденный обстоятельствами, он передает около 1795 г. писцу список XVIII в. со Слова для составления копии для императрицы.[Копия перевода сделана до смерти Екатерины II в 1796 г. на бумаге с водяными знаками «Pro patria» с контрамарками «I. Kool» и «D&C Blauw» (Дмитриев. История первого издания. С. 136). По данным С. А. Клепикова, любезно сообщенным мне, первая филигрань встречается на документах 1784–1797 и 1787 гг., вторая датирована 1788–1798 гг.] Ведь последняя поручила ему «обо всем, что до российской истории касается, делать выписки».[{Калайдович К Ф.}. Записки для биографии... С. 82.]

В настоящее время трудно сказать, читала ли Екатерина II сделанный для нее список Слова. Как известно, этот список вплетен в сборник, содержащий бумаги императрицы и сделанные для нее копии древнерусских исторических сочинений. П. Пекарский считал, что список Екатерина II читала на том основании, что она написала на л. 269 требование представить ей «реестры Рюрикова рода князей поименно». Требовать следовало «из Чернигова, Переяславля, Нов-городка-Северского», а также из Новгорода, Ростова, Суздаля и других городов. Заметку Екатерины II «урман по турецки значит лес» (л. 171) П. Пекарский сопоставляет со словом «Урим» из копии Игоревой песни. [Пекарский П. «Слово о полку Игореве» по списку, найденному между бумагами императрицы Екатерины II//Записки имп. Академии наук. СПб., 1864. Т. 5, приложение № 2. С. 6–7.] Вопрос о знакомстве Екатерины II с Игоревой песнью не может пока считаться решенным, ибо отсутствуют еще тщательные исследования всего екатерининского сборника (не вполне ясны время его составления, соотношение вплетенных в него частей и заметок императрицы, принадлежность почерка Екатерининской копии Песни и т. п.).[См. также: Моисеева Г. Н. «Слово о полку Игореве» и Екатерина II. С. 3–30.] Но вот Д. Н. Альшиц решительно заявляет, что «чтение „Слова“ с новой силой возбудило в царице интерес к древнейшим временам истории Руси» и что характер непосредственной реакции Екатерины II на Слово «является решительным приговором рассуждениям так называемых скептиков о подделке Слова в конце XVIII в.», так как Екатерине II не пришлось в голову оценивать и использовать список Слова с позиции внешнеполитических притязаний России.[Альшиц Д. Н. Историческая коллекция Эрмитажного собрания рукописей. М., 1968. С. 12–13.] Здесь догадка наслаивается на

догадку. То, что Екатерина II читала копию Песни, не доказано. А цели, которые она ставила бы, читая ее, в сборнике вовсе не обязательно должны были бы найти отражение.

Обратим внимание на интересные отличия начала копии перевода, сделанного Мусиным-Пушкиным для Екатерины II, от его другого перевода, сохранившегося в трех списках.

Екатерининская копия начинается с краткого изложения содержания Слова, причем последнее лишь уподобляется героической поэме, но отнюдь не отождествляется с нею («В сем Слове наподобие ироической поемы описывается...»). Зато здесь еще совершенно отсутствует уведомление о том, что «сия поэма писана в исходе XII века», которое предваряет другой перевод графа. Таким образом, из предисловия к переводу в Екатерининской копии еще совершенно неясно, когда же было написано Слово — в древности или в новое время.

Показательны и различия первых фраз обоих переводов.[Дмитриев. История первого издания. С. 318, 337.]

Перевод в Екатерининской копии: Коль прилично нам, братцы, представить древним слогом жалостную повесть о сражении Игоря Святославича? Мы составим оную из самых деяний тогдашняго времени, не употребляя вымыслов Бояновых... Мы помним, что в древности, когда хотели какое сражение описать, то изображали оное...

Другой перевод XVIII в.: Коль мило будет нам, братцы, начать древним слогом жалобную повесть о сражении Игоря, Игоря Святославича. Начнем же оную по течению деяний того времени, а не по вымыслу Боянову... Мы помним, что в старыя времена поведающие о сражениях изображали оное...

Как видим, перевод в Екатерининской копии сформулирован так, что у читателя создавалось совершенно неясное впечатление о том, когда же написано было Слово. С одной стороны, автор вроде только «представляет» древним слогом происшедшие когда-то события. Он лишь «составляет» эту «жалостную повесть» на основании «самых деяний» (событий) «тогдашнего времени». С другой стороны, он пишет о «нынешнем» Игоре в соответствии с текстом Слова. В более позднем варианте перевода эта двусмысленность исчезает. Автор как бы все более «одревняется». Он уже не «представляет» древним слогом повесть, а начинает ее. Он не «составляет» ее из деяний «тогдашнего времени», а начинает ее «по течению деяний того времени». Следовательно, создается впечатление, что А. И. Мусин-Пушкин, вынужденный дать копию перевода Екатерине II, да еще при живом Иоиле, на всякий случай оставлял мосты несожженными (с императрицей шутки были плохи!); он нигде прямо не говорил о древности Песни об Игоре, представляя дело так, что ее вполне можно было принять и за сочинение XVIII в. Только уже в более позднем варианте перевода граф прямо стал говорить о Песни как о поэме «исхода XII века».

Для характеристики представлений А. И. Мусина-Пушкина о русской истории очень интересна его записка «О летописях и хронологии российской», написанная им около 1797 г. Поводом к ее составлению было решение правительства (того же года) о возврате в монастыри и другие хранилища древних памятников, присланных в Синод по указу Екатерины II 1791 г. В записке на высочайшее имя А. И. Мусин-Пушкин писал, что «время... войны, крамолы изгладили большую часть памятников, сооруженных родом человеческим». В этой связи граф подчеркивал значение надписи на Тмутараканском камне, благодаря которой было открыто местоположение «потерянного княжения в истории нашей». С аристократическим высокомерием к русскому народу и его многовековой истории сиятельный вельможа писал, что русская история не что иное, как «пустое летоисчисление», что «нет в ней общей черты, которая посредством описания нравов и обычаев разных времен показывает ближнее родство рода человеческого». Заметим, что и на этот раз (как ранее в «Историческом исследовании о местоположении... Тмутараканского княжения») А. И. Мусин-Пушкин не счел возможным упомянуть о Слове о полку Игореве, которое давало красочное описание древнейшей истории Руси. Далее, А.

И. Мусин-Пушкин говорил о своем желании составить хронологические таблицы с «некоторыми рассуждениями». Они «могли бы служить для точного показания национального характера, для сочинения нравоучительных повестей и даже для драматического искусства». Но для этого требовались архивные разыскания. «Для изображения в лицах древних наших памятников, — писал А. И. Мусин-Пушкин, — нужно было мне иметь или посланным от меня вход в Оружейную палату, в архивы».[Мусин-Пушкин А. И. О летописях и хронологии российской. С. 30–32.]

Замысел графа изобразить «в лицах» древние памятники оказался неосуществленным, но той же цели служило вскоре после этого изданное им Слово о полку Игореве.

Мысль о том, что произведение Иоилия можно было бы выдать за древнерусскую повесть, зародилась у предприимчивого графа под влиянием знакомства с Оссианом, который появился в русском переводе и мог быть ему знаком в подлиннике.[Имя Оссиана и отрывки из его поэм были изданы в России еще в 1781 г. в переводе романа Гете «Вертер». Оссиана упоминал в 1787 г. Н. М. Карамзин (Маслов В. К вопросу о первых русских переводах поэм Оссиана-Макферсона // Сб. статей в честь академика Алексея Ивановича Соболевского. Л., 1928. С. 194–198).] В России имя Оссиана, как считает Н. Д. Кочеткова, «начиная с 80-х годов XVIII в., стало одним из известных и популярных».[Кочеткова Я. Д. Карамзин и литература сентиментализма // Русская литература и фольклор (XI–XVIII вв.). Л., 1970. С. 353.] Обращает на себя внимание факт, что в 1791 г., т. е. в год, когда, по нашему мнению, Мусин-Пушкин приобрел Слово и решил выдать его за памятник литературы Древней Руси, вышли в свет «Картон, поэма барда Оссиана» (в переводе Н. М. Карамзина), «Сельмские песни. Из творений Оссиановых» и «Любовь и Дружество» (вольное стихотворное переложение Оссиана, выполненное И. И. Дмитриевым).[Московский журнал. 1791. Ч. 2, кн. 2. С. 115–147; Ч. 3, кн. 2. С. 134–149; Ч. 3, кн. 3. С. 227–238. См.: Маслов В. И. Оссиан в России (библиография). Л., 1928. С. 11–12.] Наконец, в 1792 г. появился стихотворный перевод Е. Кострова «Оссиан, сын Фингалов» и прозаические переводы И. Захарова. Так или иначе, но и в предисловии к изданию Слова[«В сем... сочинении виден дух Оссианов; следовательно, и наши древние герои имели своих бардов, воспевавших им хвалу» (Ироическая песнь. С. VI).] и в первых сообщениях о нем 1797 г. параллель с Оссианом проходит красной нитью.[См. также: Левин Ю. Д. Оссиан в русской литературе. Конец XVIII — первая треть XIX в. Л., 1980.]

В самом начале 1797 г. поэт М. М. Херасков в переработанном варианте своей поэмы «Владимир» воспевал Баяна:

«О! Древних лет певец, полночной Оссиан!

В развалинах веков погребшийся Баян!

Тебя нам возвестил незнаемый писатель;

Когда он был твоих напевов подражатель,

Так Игорева песнь изображает нам» и т. д.

В примечании он сообщал, что «недавно отыскана рукопись под названием: Песнь полку Игореву, неизвестным писателем сочиненная, кажется, за многие до нас веки».[Творения М. Хераскова, вновь исправленные и дополненные. М., 1797. Ч. 2. С. 300; Елеон-ский С. Ф. Поэтические образы «Слова о полку Игореве» в русской литературе конца XVIII — начала XIX вв.//Слово. Сб.-1947. С. 97. Интересно, что в Ярославле Херасков был еще в 1788 г. (Прийма. К истории открытия. С. 48).] В октябрьском номере журнала «Spectateur du Nord» некто, скрывшийся под псевдонимом (установлено, что это был Н. М. Карамзин), писал, что «два года тому назад в наших архивах был обнаружен отрывок из поэмы под названием „Песнь воинам Игоря“».[Дмитриев. История открытия рукописи. С. 411. Авторство Н. М. Карамзина устанавливается по его переписке. См.: Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву. СПб., 1866. С. 474. В 1801 г. Карамзин писал: «За несколько лет перед сим в одном монастырском архиве нашлось древнее русское сочинение, достойное Оссиана и называемое „Песнею воинам Игоря“» (Карамзин Я. М.

Пантеон русских авторов. СПб., 1801. Т. 1). Сообщение К. Ф. Калайдовича о том, что «граф А. И. Мусин-Пушкин в 1795 г. нашел сию поэму» (Сын отечества. 1821. № 27. С. 35), возможно, восходит к известию Н. М. Карамзина.] Неточность этих сведений («отрывок») говорит о том, что сообщившие их лица вряд ли хорошо были знакомы со Словом, скорее всего, они знали о нем понаслышке. Кстати, и заглавие «Песнь о полку Игореве» совпадает с заголовком первых переводов памятника (Воронцовским, Белосельских-Белозерских), [Список Белосельских-Белозерских не мог быть составлен ранее конца 1793 г., ибо он принадлежал А. М. Белосельскому, вернувшемуся в Россию после многолетнего отсутствия лишь в конце этого года (Верещагин В. Московский Аполлон//Русский библиофил. 1916. № 1. С. 23; Ильинский Л. К Перевод «Слова о полку Игореве» по рукописи XVIII века. Пг., 1920. С. 5). Список ГПБ, F.XV, № 50, как установил Р. О. Якобсон, помещается в сборнике с комедией «Безымянная», игранной в доме А. И. Воронцова в 1795 г. (Якобсон Р. О. Тетрадь князя Белосельского//Слово о полку Игореве в переводах конца восемнадцатого века. Leiden, 1954. С. 40). Воронцовский список писан на ярославской бумаге выпуска 1795 г. (Дмитриев. История первого издания. С. 278). В Ярославской губернии находились основные владения А. И. Мусина-Пушкина. Таким образом, все три списка с мусин-пушкинского перевода появились, очевидно, около 1795 г. в связи с составлением копии для Екатерины II.] а не с самим памятником. Сведение о находке Слова два года тому назад, т. е. в 1795 г., могло относиться к копии, сделанной для Екатерины II около этого года.

К изданию Слова Мусин-Пушкин приступил сразу же после смерти Иоиля (25 августа 1798 г.), [Прийма. К истории открытия. С. 49; ЦГИА, ф. 797, оп. I, ед. хр. 1639, 1798, л. 12.] как только переехал в Москву (в 1799 г.). Для этой цели он пригласил Н. Н. Бантыша-Каменского и А. Ф. Малиновского. [Как установил М. Н. Сперанский, первые наброски примечаний сделаны А. Ф. Малиновским на бумаге с водяным знаком 1798 г. (Сперанский М. Н. Первое издание «Слова о полку Игореве» и бумаги А. Ф. Малиновского//Слово о полку Игореве. М., 1920. С. 10, 18).] Интересно что на следующий день после смерти Иоиля (т. е. 26 августа 1798 г.) ростовский архиепископ и приятель Н. Н. Бантыша-Каменского Арсений счел необходимым написать ему «de morte Joel». [Лукьянов В. В. Дополнения к биографии Иоиля Быковского//ТОДРЛ. М.; Л., 1958. Т. 15. С. 509.] Значит, Бантыш-Каменский хорошо знал Иоиля. Возможно, их знакомство было давним: ведь в 1745–1754 гг. Бантыш учился в Киевской академии. А это было в бытность там Быковского. Заметим, что до самой смерти Бантыш сохранял молчание о рукописи Слова. Это объяснить можно тем, что он догадывался о происхождении этого памятника или просто хорошо знал о том, кто был его автор. Бантыша с А. И. Мусиным-Пушкиным связывали давнишние связи. [Об А. И. Мусине-Пушкине см. в переписке Бантыша-Каменского с А. Б. Куракиным 1792–1794 гг.: Бантыш-Каменский Н. Н. Московские письма//Русский архив. 1876. № 11. С. 262, 272.] Возможно, это и не позволяло ему высказаться о происхождении текста Слова. В 1800 г. Слово о полку Игореве увидело свет. Не менее восьми-девяти лет А. И. Мусин-Пушкин, владея рукописью Слова, не решался издать этот ценнейший памятник. Он это объяснял теми трудностями, которые возникали у него с разбивкой текста на слова, его переводом и комментированием. [«Во время службы моей в С.-Петербурге несколько лет занимался я переложением оныя Песни на нынешний язык... прежде всего должно было ее разделить на периоды, и потом добираться до смысла, что крайне затрудняло, и хотя все было уже разобрано, но я, не быв переложением моим доволен, выдать оную в печать не решился» (Калайдович К. Ф. Биографические сведения о жизни... С. 36).]

Так как рукопись Игоревой песни, которой пользовался А. И. Мусин-Пушкин, была написана, на наш взгляд, в XVIII в., она содержала уже текст, разбитый на слова. Однако и в издании 1800 г., и в Екатерининской копии можно найти несколько случаев неправильного деления текста. Это можно объяснить следующими обстоятельствами. Неверное членение текста имело место в наиболее трудных для понимания случаях («въ

стазби», с. 9, Е текста нет; «не былонъ» с. 11, Е «не было нь»; [Чтение «по скочи» с. 20 (на с. 40 «поскочи») соответствует верному «поскочи» Е.] «Уримъ», с. 27; «му жа имѣся», с. 27, Е «мужа имѣся»; «воззни стрикусы», с. 35, Е «вознистри кусы»). Заметим, что в Екатерининской копии (восходящей к списку Мусина-Пушкина со сборника) в ряде случаев лучшие деления («кусы», «не было нь»).

Ухудшение было произведено другими издателями, и в первую очередь А. Ф. Малиновским, при комментировании и сверке с «рукописью XV в.». А. И. Мусин-Пушкин против этого, естественно, не возражал (он даже устранился от внесения каких-либо исправлений в текст при печатании). Чтение «Уримъ» могло произойти из-за слитного написания существительного с предлогом в тексте XVIII в., полученном А. И. Мусиным-Пушкиным. Во всяком случае сетованиям графа на трудности разбивки древнего текста на слова как на причину задержки издания Песни доверять никаких оснований нет.

Уже к 1796 г. (судя по Екатерининской копии и переводу) вся основная работа по переводу и комментированию текста была выполнена. Кратчайшие сроки, которые потребовались для завершения издания Слова (5 декабря 1800 г. появилось объявление о его продаже), [Берков Я. Я Заметки к истории изучения «Слова о полку Игореве». С. 129–132.] также настораживают исследователя. Вспомним, что не прошло и двух лет после обнаружения Тмутараканского камня (осень 1792 г.), как Мусин-Пушкин издал (в 1794 г.) изображение надписи на нем, сопровождаемое комментарием.

Дело, вероятно, состояло не столько в трудностях исследования Слова, сколько в том, что А. И. Мусин-Пушкин по каким-то причинам воздерживался от его издания. И эти причины можно видеть в том, что был еще жив его автор — Иван Быковский.

Изучение издания Екатерининской копии и переводов XVIII в. привело исследователей к выводу, что все эти материалы непосредственно восходят не к рукописи Слова о полку Игореве, а к копии XVIII в., сделанной А. И. Мусиным-Пушкиным, только сверявшейся иногда с рукописью сборника. Граф, следовательно, неохотно показывал сборник. [Позднее он писал: «По переезде же моем в Москву увидел я у А. Ф. Малиновского, к удивлению моему, перевод мой очень в неисправной переписке» (Калайдович К Ф. Биографические сведения о жизни... С. 36–37).] Он не решился его презентовать Екатерине II, хотя позднее Александру I он подарил подлинник Лаврентьевской летописи. В предисловии к переводам XVIII в. Слова, написанном, очевидно, самим А. И. Мусиным-Пушкиным, говорится, что в песне «столько встречается... малороссийских названий, что не знающему польского языка трудно и понимать». [Дмитриев. История первого издания. С. 335.] Граф отлично знал о многолетнем пребывании истинного автора Слова на Украине.

В некрологе известного фальсификатора А. И. Бардина, составленном в 1841 г. М. П. Погодиным, приводился анекдот, согласно которому Бардину удалось обмануть двух первых издателей Слова (А. И. Мусина-Пушкина и А. Ф. Малиновского) и продать им поддельные экземпляры этого памятника. [Антон Иванович Бардин «мастер был подписываться под древние почерки». Он подделал рукопись Слова о полку Игореве в двух экземплярах и продал один из них Мусину-Пушкину, а другой — Малиновскому. «Граф приезжает в восторге в Историческое общество. „Драгоценность, господа! Приобрел я драгоценность!“ — восклицает он, и все члены изъявляют нетерпеливое любопытство. что такое, что такое? „Приезжайте ко мне, я покажу Вам“. Поехали после собрания. Граф выносит харатейную тетрадку, пожелтелую, почернелую... Список слова о Полку Игореве. Все удивляются, радуются. Один Алексей Федорович показывает сомнение. „Что же Вы?“ — „Да ведь и я, граф, купил вчера список подобный“. — „Как так?“ — „Вот как“. — „У кого?“ — „У Бардина...“ Оказалось, что оба списка работы покойного» (Москвитянин. 1841. № 3. Смесь. С. 245). {См. также: Каган М. Д. Бардин Антон Иванович//Энциклопедия. Т. 1. С. 83–85.}] Однако в переписке Погодина этот анекдот рассказан иначе: там речь идет о продаже Бардиным своих подделок Малиновскому и Тимковскому. [«Бардин обманул покойного Малиновского чуть ли не

вместе с Тимковским, которому в одно время он продал другой свой мастерской список» (.Барсуков Я. Я. Жизнь и труды М. П. Погодина, СПб., 1900. Кн. 14. С. 393).] То, что у Тимковского был какой-то экземпляр Слова, подтверждается и другими источниками.[П. И. Прейс писал С. И. Барановскому: «Есть еще третий список, список московского профессора Тимковского, сколько известно по слухам превосходный... После смерти Тимковского бумаги его — Бог весть — куда пропали». Письма П. И. Прейса М. С. Куторге, И. И. Срезневскому, П. О. Шафарику, Куршату и друг. (1836–1846)//Живая старина. 1891. Вып. 4. С. 13. См. также: Алексеев М. Я. Прейс П. И. в работах над «Словом о полку Игореве»//Доклады и сообщения филологического факультета ЛГУ. 1951. Вып. 3. С. 249.] Следовательно, упоминание о приобретении А. И. Мусиным-Пушкиным подделки недостоверно. Его источник нетрудно выяснить: в семье Мусиных-Пушкиных действительно еще в 80-х гг. XIX в. хранился поддельный список Слова, но это был экземпляр Малиновского.[Сперанский М. Н. Русские подделки рукописей в начале XIX века. С. 76.] Граф отлично знал о происхождении памятника и не дал бы ни копейки за подделку. Этого нельзя сказать о Малиновском, который дважды был введен в заблуждение: сначала графом А. И. Мусиным-Пушкиным, а затем Бардиным.

Сохранились неясные сведения о том, что с рукописью Слова был знаком и И. Н. Болтин. Они сообщены Шишковым: «Над переложением оной трудились многие и, между прочим, известный своими в языке и словесности знаниями г. Болтин».[Собрание сочинений и переводов адмирала Шишкова. СПб., 1827. 4. 11. С. 384.] Однако И. Н. Болтин (умерший в октябре 1792 г.) незадолго до смерти писал, что в 1792 г. А. И. Мусин-Пушкин собрал много «книг весьма редких и достойных уважения», причем «невозбранно я по дружбе его ко мне оными пользуюсь, но не имел еще время не только всех их прочесть, ниже пересмотреть».[Критические примечания генерал-майора Болтина на первый том Истории князя Щербатова. СПб., 1793. С. 251–252.] Следовательно, знакомство Болтина с книгами Мусина-Пушкина было беглое. Никаких упоминаний о Слове здесь нет, что уже само по себе настораживает. В. Кипарский также сомневался в возможности знакомства Болтина со Словом на том основании, что о нем не упомянуто в подробном разборе похода Игоря на половцев 1186 (1185) г., содержащемся во втором томе «Критических примечаний».[Kiparsky V. Le «'lit d'if» et le manuscrit du Slovo d'Igor. P. 258–259.] Л. А. Дмитриев пытается найти «болтинский почерк» в некоторых примечаниях к Слову по Екатерининскому списку (№ 2, 7, 48, 53 — всего 7), которые, по мнению А. В. Соловьева, писались Н. Н. Бантышем-Каменским.[Дмитриев. История первого издания. С. 308 и след.; ср.: Соловьев А. В. Екатерининский список и первое издание Слова // Слово о полку Игореве в переводах конца восемнадцатого века. Leiden, 1954. С. 1—30. Никаких прочих оснований в пользу предположения об авторстве Н. Н. Бантыша-Каменского, кроме семи примечаний, А. В. Соловьев не привел. Они могли быть дописаны и самим А. И. Мусиным-Пушкиным.] Однако близость «Критических примечаний» (объяснение Подола) к тексту 48 примечаний к Слову (по списку Е) может быть объяснена просто переработкой болтинского текста.[Так, в примечании к слову «болонье», сделанному А. Ф. Малиновским, есть прямая ссылка на И. Н. Болтина.] «Пиетет» же к Татищеву был свойствен не одному Болтину. Для обоснования своей гипотезы Л. А. Дмитриеву приходится прибегать к ряду натяжек: ведь рукопись Е писалась через несколько лет после смерти И. Н. Болтина. По Л. А. Дмитриеву, Мусин-Пушкин «решил пополнить свои комментарии имевшимися у него заметками Болтина. Поэтому-то статьи, принадлежавшие Болтину, были приписаны позже, чем весь остальной текст».[Дмитриев. История первого издания. С. 312.] Допустить, чтобы ранее написанные заметки Болтина были внесены позже основного текста, очень трудно. Легенда об участии Болтина в переводе Слова, вероятно, возникла потому, что Болтин принимал участие в других изданиях Мусина-Пушкина («Правды Русской» и «Духовной» Владимира Мономаха). Аналогичную версию об участии Болтина в Мусин-пушкинском издании 1792 г. «Книги Большому чертежу» высказал в 1838 г. Д. Языков, но позднее она была решительно отвергнута.[Николаева А.

Т. Вопросы источниковедения и археографии в трудах И. Н. Болтина//АЕ за 1958 г. М., 1960. С. 183–184.]

Наконец, Б. М. Куликов обратил мое внимание на то, что если Слово было получено вместе с хронографами Спасо-Ярославского монастыря, то Болтин уже никак его не мог видеть хотя бы потому, что эти хронографы поступили в Синод после 20 ноября 1792 г., т. е. уже после смерти этого историка.[О возможности участия И. Н. Болтина в прочтении и толковании Слова см.: Козлов В. П. Кружок А. И. Мусина-Пушкина... С. 211–212.]

В результате тщательно проведенного анализа издания Слова 1800 г., Екатерининской копии, выписок Н. М. Карамзина, а также переводов XVIII в. Д. С. Лихачев,[Лихачев Д. С. История подготовки к печати текста «Слова о полку Игореве» в конце XVIII в.//ТОДРЛ. М.; Л., 1957. Т. 13. С. 66–89.] Л. А. Дмитриев[Дмитриев Л. А. 1) Н. М. Карамзин и «Слово о полку Игореве» // ТОДРЛ. М.; Л., 1962. Т. 18. С. 38–49; 2) История первого издания.] и М. В. Щепкина[Щепкина М. В. К вопросу о разночтениях Екатерининской копии и первого издания «Слова о полку Игореве» //ТОДРЛ. М.; Л., 1958. Т. 14. С. 71–76.] пришли к убедительным выводам о высоком качестве публикаторской деятельности А. И. Мусина-Пушкина и его товарищей.

Еще Р. Ф. Тимковский со ссылкой на К. Ф. Калайдовича в 1814 г. записывал, что по сделанному Н. М. Карамзиным сличению оказалось, что «Песнь о походе кн. Игоря со всей точностью напечатана против подлинника, включая слова: вечи Трояни, вместо которых в подлиннике стоит: сечи Трояни».[Полевой. Любопытные замечания. С. 20.]

И действительно, в выписках Карамзина, содержащих более 200 слов, Л. А. Дмитриев обнаружил только 13 случаев, которые можно подозревать как лучшие чтения сравнительно с изданием Слова. Впрочем, часть этих разночтений говорит не в пользу точности Карамзина.[Например, повторяющиеся в нескольких местах чтения «полкы» (с. 12), конечно, хуже «плъкы» издания, то же относится к «рѣзани» (с. 28) сравнительно с печатными «резанѣ», «харулужный» сравнительно с «харалужный».] Наиболее существенны разночтения: «бремены» (а не «времены»), «сѣчи» (а не «вѣчи»), дважды «Киеву» (а не «Юеву»). Словом, Л. А. Дмитриев прав, что «мы с полным доверием можем относиться к заверению Карамзина о точности воспроизведения в первом издании рукописи „Слова“».[Дмитриев Л. А. Н. М. Карамзин и «Слово о полку Игореве». С. 44–45.]

Д. С. Лихачевым убедительно доказано, что писец Екатерининской копии имел перед собою не оригинал, а копию, приготовленную для него А. И. Мусиным-Пушкиным. [Лихачев Д. С. История подготовки... С. 80.] Это, конечно, снижает значение даже тех небольших расхождений, которые обнаруживаются между копией и изданием. Д. С. Лихачев поставил вопрос о том, что многие дефекты издания объясняются особенностями правописания XVIII в. и публикаторскими принципами, господствовавшими в то время. Это очень верное наблюдение. В него только следует внести некоторые коррективы. Поскольку составителем списка, положенного в основу издания, был сам А. И. Мусин-Пушкин, то не исключено, что эти принципы уже применялись им при изготовлении экземпляра Слова, сделанного «под рукопись XIV–XV вв.». В пользу этого говорит крайняя близость печатного текста Екатерининской копии и выписок Карамзина как раз при употреблении «ъ» после предлогов. В Мусин-пушкинском экземпляре Слова, как это можно судить по Академическому списку Новгородской 1 летописи (модели текста), было очень мало выносных букв.[НПЛ. Фотовоспроизведения 6 и 7.] Это конечные «х» («их»), «д» («Новъгород»), «т» («лѣто»), «с» (дважды «быс(ть)», как в Слове), выносная «д» («подписовати», «тогда»), а также частица «же» («в то же лѣто»). Только небольшое число расхождений печатного издания и Екатерининской копии могут быть объяснены наличием выносных в Мусин-пушкинском тексте (например, путаница «ь» и «ъ» в конце слов «кладуть», «волкомъ», «бяхуть» на с. 36; «плачеть» на с. 38, «летить» на с. 43, «Святъславлича» на с. 46, «рѣче» и «рѣчь» на с. 43 и некоторые другие).

В Слове наблюдается удивительное единообразие в употреблении сочетаний «плъ», «влъ», «връ», «пръ», «длъ», «млъ», «блъ», «хръ», «гль». Только в 5 случаях «ъ» помещен

между двумя согласными в аналогичных сочетаниях: «пѣл» («пѣлку», «пѣлки»), «пѣр» («пѣрвых») и «вѣл» («вѣлком»). Но все они находятся только на первых четырех страницах издания, причем в Екатерининском списке подобные случаи отсутствуют («полку», «первых», «полки», «волком»). Вероятно, в издании 1800 г. мы имеем дело с опечатками. Для первого случая это доказывается тем, что в перепечатанном листе вместо «пѣлку» находится «пѣрку», [Р. О. Якобсон, Д. С. Лихачев и Л. А. Дмитриев считают, что написание «пѣлку» ближе к орфографии рукописи. Поэтому перед нами попытка издателей распространить болгаризованную форму на случаи, где ее не было (Дмитриев. История первого издания. С. 58). Но с той же степенью убедительности можно считать приведенный случай результатом сверки издателей с рукописью, где могло стоять «пѣрку».] т. е. текст правился под норму. В рукописях XVI в. никакого единообразия в употреблении сочетания «пѣл» и сходных случаев не было. Господствовал полный хаос, чего нет в Слове.

Удивляет и единообразие в написании «Святѣслав» и «Святѣславлича». Из 18 случаев «ѣ» в середине отсутствует в издании 1800 г. в 4 случаях, причем в трех «ѣ» есть в Екатерининской копии, только в одном («Святославли носады») «ѣ» заменяется «о» в обоих текстах. И это учитывая, что в древних рукописях «ѣ» в данном слове фактически почти не встречается. В глаголах с предлогом «въс», «въз» 15 раз пишется с «ѣ», три без («всѣдемъ», «вступита», «вступилъ»), один также без «ѣ», но в Е с паерком.

Вопрос об орфографии Слова недавно поднял Ф. П. Филин. Он считает, что Игорева песнь содержит в себе «ряд типичных болгарских написаний, которые проводятся более или менее последовательно: рѣ, лѣ (в одиночных случаях рѣ, лѣ) вместо русских ѣр, ѣл, ѣр (всего девять примеров), ѣ вместо ѣ в конце слова».[Рыбаков, Кузьмина, Филин. Старые мысли. С. 168.] Но в Игоровой песни «ѣ» ставился, как правило, всегда в конце предлога после согласной. Эта особенность, как установил Д. С. Лихачев, свойственна передаче текста и в других мусин-пушкинских изданиях («Поучение Владимира Мономаха») и объясняется нормами орфографии XVIII в.[Лихачев Д. С. История подготовки... С. 70.]

Этого мало. Пропуски и вставка «ѣ» и «ѣ» в середине слов «главным образом (но не всегда) с целью приспособления текста к орфографии XVIII в. наполняют и издание „Поучения“ 1793 г.».[Лихачев Д. С. История подготовки... С. 70. В Екатерининской копии число употребления этих букв в середине слов раза в два меньше, чем в издании 1800 г.] Заметим, что и слово «къмети» в Игоровой песни и в Поучении передано одинаково, хотя в рукописи Поучения «ѣ» отсутствует.

Д. С. Лихачев отметил, что в издании почти все слова, оканчивающиеся на согласные, имеют конечное «ѣ».[Лихачев Д. С. История подготовки... С. 70.] Он склонен это объяснить особенностями публикаторской деятельности XVIII в. Так, он полагает, что «ѣ» в слове «къ мети» могло быть вставлено издателями. Это сомнительно уже потому, что чтение «къ мети» мы находим и в издании, и в Екатерининской копии, и у Карамзина.[В его пересказе в первом издании («метки в стрелянии») и в цитате во втором издании «Истории Государства Российского» (см.: Дмитриев Л. А. Н. М. Карамзин и «Слово о полку Игорове». С. 48).] Последний обратил внимание на ошибочную разбивку этого слова, но дал чтение «къмети», а не «кмети». Итак, надо полагать, что и в мусин-пушкинской рукописи стояло «къмети», т. е. в полном соответствии с изданием «Поучения Мономаха» 1793 г.

Все это дает возможность считать, что перед нами результат не вполне последовательно проведенной орфографической стилизации «под древность». Вероятно, ее следует связывать с деятельностью самого А. И. Мусина-Пушкина (см. «блѣвань» в его вставке), а также со внесением в текст Слова церковнославянских элементов его первоначальным автором.

Или вот еще. В издании Слова и Екатерининской копии есть чтение «стугою». Вряд ли его можно объяснить тем, что «первые издатели были весьма мало опытными

корректорами и в исправлении опечаток и в проведении единожды принятой системы». [Лихачев Д. С. История подготовки... С. 71.] Наоборот, издатели внимательно отнеслись к сличению с подлинником копии. Они, в частности, очевидно, сняли «ъ» у предлогов в чтениях «в моемъ» и «бес щитовъ» (имеющиеся в Екатерининской копии). Но отсюда наличие многих конечных «ъ» в печатном издании может быть объяснено особенностью самого Мусин-пушкинского текста Слова. Поэтому предположение Д. С. Лихачева о том, что чтения «съ моря» (имеющегося и в издании, и в Екатерининской копии) не было в рукописи Слова, не может быть доказано.

При перепечатке отдельных листов Слова были заменены чтения «пълку» на «плъку», «Владимиръ» на «Владиміръ» (с. 15) и некоторые другие. [Подробнее см.: Дмитриев. История первого издания. С. 57 и след.] Д. С. Лихачев и Л. А. Дмитриев полагают, что перед нами стремление «приноровить» текст к орфографии XVIII в. [Лихачев Д. С. История подготовки... С. 74; Дмитриев. История первого издания. С. 58.] Р. О. Якобсон считает чтение «пълку» в заглавии более близким к орфографии рукописи. [Jakobson R. The Archetype of the First Edition of the Igor Tale//Harvard Library Bulletin. 1952. Vol. 6. N 1 (offprint). P. 11.] Вопрос этот сложнее, чем может показаться на первый взгляд. В издании и Екатерининской копии мы находим чтение «Владимера», а на с. 28 «Владимиръ» (в Екатерининской с «і»), в двух случаях в копии и в издании слово написано с «і». Заметим, что и в Екатерининской копии на с. 15 мы читаем «Владиміръ». Такой разницей может быть возводим к мусин-пушкинскому протографу Слова (его составитель вообще не был достаточно осведомлен в древнерусских грамматических правилах). Ведь для других случаев Д. С. Лихачев верно отмечал, что издатели стремились «отменить» особенности орфографии XVIII в., проникшие в первоначально подготовленный текст Слова (ср., например, в Екатерининском «начасте» на с. 35 и т. п., т. е. с «а» после шипящей, а в издании «начасте» и т. п.; замена цифровых обозначений буквенными в тексте «ш соколовъ» и т. д.). [Лихачев Д. С. История подготовки... С. 76.]

Итак, конечный наш вывод сводится к тому, что Слово издано с максимальным (для археографии XVIII в.) приближением к подлиннику, а проникшие в него черты орфографии екатерининской эпохи могут объясняться в ряде случаев ее присутствием уже в самой Мусин-пушкинской рукописи. [Сопоставлению первого издания Слова и Екатерининской копии посвящены работы: Орлов. Слово; Щепкипа М. В. 1) К вопросу о правописании рукописи «Слова о полку Игореве»//ТОДРЛ. М.; Л., 1957. Т. 13. С. 90—101; 2) К вопросу о разночтениях Екатерининской копии и первого издания... С. 71—76; Творогов О. В. К вопросу о датировке... С. 147—158 и др.]

О процедуре печатания Слова рассказал Р. Ф. Тимковскому типографщик С. А. Селивановский: «Корректуру держали: А. Ф. Малиновский, Н. Н. Бантыш-Каменский, а третью уже читал граф Пушкин. Они делали частые поправки в корректуре, с точностью издавая подлинник, от чего печатание шло медленно. Граф Пушкин не имел права помарывать корректуру». [Полевой. Любопытные замечания. С. 17.] Это сообщение давно уже озадачило исследователей. Так, Д. Дубенский с недоумением задавал вопрос: «Почему высокопочтеннейшие издатели запрещали поправлять листы графу Мусину-Пушкину?». [Сперанский М. Н. Первое издание «Слова о полку Игореве» и бумаги А. Ф. Малиновского. С. 23.] Как бы отвечая на этот вопрос, М. Н. Сперанский полагает, что издатели «не очень высоко оценивали познания М.-Пушкина по части древнерусского языка». Они посылали ему только третью корректуру, когда ничего исправлять было нельзя. «Так поступали редакторы, естественно, побуждаемые не только уважением к владельцу рукописи и меценату, но и из вежливости и совершенно естественно щадя законное самолюбие графа — быть в той или иной форме участником издания открытой им и на его средства издаваемой рукописи». [Сперанский М. Н. Первое издание «Слова о полку Игореве» и бумаги А. Ф. Малиновского. С. 23.] Надо сказать, что это объяснение не вполне удовлетворительно. Почему же граф, столько сделавший для правильного прочтения памятника, перевода и комментария, согласился на такую незавидную роль

постороннего свидетеля издания (что это было так, видно и на судьбе его комментария и перевода, которые по собственному усмотрению переделывал А. Ф. Малиновский). Не проявилось ли в этом стремление графа представить дело так, что, собственно, он не вмешивался в издание рукописи, а все это было дело ученых мужей. Это давало ему двойную выгоду. Оставаясь «почетным издателем», он вместе с тем перелагал всю ответственность за издание на своих коллег (в случае, если бы выяснилось, что памятник — увы! — не столь древнего времени). Игра была слишком опасной, чтобы рисковать.

Л. А. Дмитриев, исходя из рассказа Селивановского, делает вывод, что Мусину-Пушкину запретили делать «помарки» в корректуре «только потому, что Мусин-Пушкин до корректуры вносил в рукопись свои изменения без согласования их с двумя издателями».[Дмитриев. История первого издания. С. 66–67.] Получается, что вельможному открывателю рукописи делаются предписания, как провинившемуся школяру. Никаких доводов о «самочинном» внесении графом изменений в текст издания Слова Л. А. Дмитриев фактически не привел. Он лишь ссылается на комментарий о Бояне, восходящий к тексту Мусина-Пушкина в первом типографском воспроизведении с. 37. Этот текст, говоривший о том, что Боян воспевал князя Всеслава, противоречил комментариям Малиновского о том, что Боян жил до принятия христианства, и был снят в перепечатанной восьмушке Слова. Так вот Л. А. Дмитриев считает, что первоначальный текст примечания о Бояне граф как бы «протащил» в текст издания без ведома Малиновского, который заметил позднее это и снял его в последний момент. Догадка заманчивая, но маловероятная. Вряд ли графу была необходимость «тайком» делать какие-то исправления. Скорее всего, Малиновский использовал сам примечание графа (как и в других случаях), а когда текст был напечатан, заметил противоречие и заменил четверку со с. 37. Словом, и в данном случае у нас нет основания считать, что граф принимал непосредственное участие в издании Слова.

В 1812 г., как сообщил граф, его библиотека погибла во время пожара Москвы («ныне сие единственное и драгоценнейшее стяжание... крайнему сожалению почти все в Москве погибло, исключая только тех летописей и выписок, кои по счастью находятся у г-на историографа Карамзина... и тех книг, кои были у него в деревне»).[Калайдович К. Ф.} Записки для биографии... С. 85.] Обращает на себя внимание то, что Мусин-Пушкин прямо не говорил о гибели Слова во время пожара, лишь намекая на это.

Судьба библиотеки А. И. Мусина-Пушкина неясна.[О составе рукописей А. И. Мусина-Пушкина в самом начале XIX в. можно судить по краткому перечню, сделанному Евгением Болховитиновым. Вот какие наиболее древние рукописи названы Евгением: «1. Из книг. Многие летописи и труды Татищева... 2. Труды святого Димитрия Ростовского, его рукою писанные. 3. Все летописи и манускрипты Крекшина. 4. Все летописи и манускрипты профессора Барсова... 7. Летопись князя Кривоборского... 8. Древняя летопись, из коей выписана Песнь Игорева. 9. Древняя летопись, из коей выписана духовная князя Владимира Мономаха. 10. Летопись Нестерова, гораздо старше и исправнее столь уважаемого Кенигсбергского списка, на пергамене» (Бычков А. Ф. Материалы к Словарю Евгения о русских писателях//Сб. ОРЯС. СПб., 1868. Т. 5, вып. 1. С. 256). Как видим, особенно древних рукописей, судя по этому перечню, в библиотеке графа не было. {Обстоятельные исследования, посвященные формированию собрания А. И. Мусина-Пушкина, его составу и дальнейшей судьбе, см. в работе: Моисеева Г. Я. О «Собрании российских древностей» А. И. Мусина-Пушкина // Памятники культуры. Новые открытия: Ежегодник. 1983. М., 1985. С. 14–26), в книге: Моисеева Г. Я., Крбец М. М. Иозеф Добровский и Россия. Л., 1990. С. 57–67, и особенно в книге: Козлов В. Я. Кружок А. И. Мусина-Пушкина... С. 67—170, 252–266.}] Построенный им на Разгуляе дом пострадал во время пожара 1812 г.[О доме А. И. Мусина-Пушкина бытуют различные легенды. Так, согласно одной из них, в верхнем этаже левого крыла дома находится «замурованная» комната (Кардашев М. Дом на Разгуляе // Наука и жизнь. 1963. № 9. С. 22–23).] Впрочем, наиболее ценные картины и другие редкости из собрания графа были заблаговременно

вывезены. Внучка графа позднее вспоминала, что ценные рукописи из его собрания были замурованы.[Берков Я. Я. Заметки к истории изучения «Слова о полку Игореве». С. 133.] Так ли это было на самом деле, сказать трудно. Но ясно одно, что во время пожара у графа погибли отнюдь не все рукописи первостепенной важности.[Среди «сгоревших» рукописей А. И. Мусина-Пушкина числится сборник 1414 г. с древнейшим списком Памяти и Похвалы Иакова мниха. Этот сборник еще в 1776 г. принадлежал Воскресенскому Новоиерусалимскому монастырю (Никольский Я. Материалы для повременного списка русских писателей. СПб., 1906. С. 83). Очевидно, он попал к синодальному обер-прокурору вместе с другими рукописями из монастырских архивов. Сохранился список 1816 г. со сборника, что делает сомнительным сведения о гибели его в пожаре 1812 г. (Срезневский В. Мусин-Пушкинский сборник 1414 года в копии начала XIX-го века//Записки имп. Академии наук. СПб., 1893. Т. 72. Приложение № 5). Сборник упоминал Н. М. Карамзин (Каралиин. История государства Российского. Т. 1, примеч. № 110, 284). Ошибочны сведения Д. С. Лихачева о том, что Троицкая пергаменная летопись сгорела у Мусина-Пушкина (Лихачев. Изучение «Слова о полку Игореве». С. 6): она погибла с рукописями ОИДР (подробнее см.: Кочетов С. И. Троицкий пергаменный список летописи 1408 года//АЕ за 1961 г. М., 1962. С. 18 и след.).] Во всяком случае странно, что некоторые из них уцелели.[Среди сохранившихся мусин-пушкинских рукописей можно назвать еще следующие:

1. Сборник двинских грамот — ГПБ, О.IV.14 (о нем см.: Карамзин. История государства Российского. Т. 4, примеч. № 206; Т. 5, примеч. № 26, 134, 244, 283, 348, 361, 364, 404; Т. 6, примеч. № 42, 66).

2. Сборник XIV в. с Русской Правдой — ЦГАДА, Древлехранилище, отд. V, рубр. 1, № 1 (о нем см.: Правда Русская. М.; Л., 1940. Т. 1. С. 277–280).

3. Софийская летопись — ГПБ, О.IV.298 (о ней см.: Карамзин. История государства Российского. Т. 2, примеч. № 78).

4. Русский временник — ГИМ, собр. Черткова, № 115 (см.: Карамзин. История государства Российского. Т. 3, примеч. № 360).] Так, И. Н. Болтин уже пользовался из числа рукописей Мусина-Пушкина так называемой летописью кн. Кривоборского. [Критические примечания генерал-майора Болтина на второй том Истории князя Щербатова. СПб., 1794. С. 23, 327 и др.] Но эта летопись не пострадала во время пожара и хранится в Чертковском собрании Государственного Исторического музея (ГИМ, собр. Черткова, № 362).[Тихомиров М. Я. Краткие заметки... С. 22.] Так называемый Чертковский список Вологодско-Пермской летописи также некогда принадлежал Мусину-Пушкину[ПСРЛ. М.; Л., 1959. Т. 26. С. 6.] (ГИМ, собр. Черткова, № 360). Этот список ранее входил в состав книг троцкого игумена Иоасафа (середина XVI в.). Следовательно, скорее всего, А. И. Мусин-Пушкин присвоил его тогда, когда троцкие летописцы по указу 1791 г. были препровождены в Синод.[В ответ на запрос 1837 г. граф С. С. Уваров начертал резолюцию, в которой говорилось, что «летописи, собранные в 1791 г., как известно, поступили в библиотеку покойного графа А. И. Пушкина и сгорели с нею вместе» (Барсуков Н. Жизнь и труды П. М. Строева. С. 313).] Но и эта рукопись не была уничтожена в пожаре 1812 г. Сохранилось путаное воспоминание внучки А. И. Мусина-Пушкина о том, что «подлинное „Слово о полку Игоря“ и часть Несторовой летописи были спасены от гибели тем, что находились в то время у историографа Карамзина». [Берков П. Н. Заметки к истории изучения «Слова о полку Игореве» С. 133.] Племянник А. И. Мусина-Пушкина Н. А. Енгальчев позднее сообщал, что еще до нашествия Наполеона на Россию Н. М. Карамзин «выпросил у дяди моего 17 книг из его библиотеки для сочинения русской истории. Это мне обстоятельство известно потому, что это было в то самое время, когда я жил у дяди моего в доме». Карамзин держал эти рукописи до издания «Истории» и, прибавляет Енгальчев, «даже после того не возвратил».[Барсуков И. Жизнь и труды М. П. Погодина. СПб., 1893. Кн. 7. С. 311–312.] Весьма возможно, что внучка Мусина-Пушкина, зная, что какие-то рукописи попали к Карамзину, ошибочно назвала

среди них Слово. Впрочем, не исключено, что Слово действительно «застряло» у Карамзина, ибо он несколько раз ссылаясь в «Истории» на рукопись сборника, содержащую Слово. Так или иначе, но сведения о гибели сборника со Словом остаются весьма загадочны.

Таковы обстоятельства, связанные с находкой и первой публикацией Слова о полку Игореве.

Глава VIII. СУДЬБА СЛОВА О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ В НАУЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XIX–XX вв

Теперь предстоит рассмотреть последнюю страницу истории Слова о полку Игореве — его судьбу в исторической и литературоведческой науке XIX–XX вв. [Подробный критико-библиографический очерк изучения Слова до 1955 г. см. в кн.: Головенченко Ф. М. 1) Слово о полку Игореве: Историко-литературный и библиографический очерк. М., 1955; 2) Слово о полку Игореве. М., 1963. Библиографию см. в кн.: Слово о полку Игореве: Библиографический указатель / Под ред. С. К. Шамбинаго. М., 1940; Адрианова-Перетц В. П. «Слово о полку Игореве»: Библиография изданий, переводов и исследований. М.; Л., 1940; Дмитриев Л. А. Слово о полку Игореве: Библиография изданий, переводов и исследований 1938–1954. М.; Л., 1955; Попов П. Н. Дополнения к библиографии работ о Слове о полку Игореве за 1938–1954 гг. //ТОДРЛ. М.; Л., 1957. Т. 13. С. 706–716. {Cooper H. R. Jr. The Igor Tale. An annotated Bibliography of 20th century non-soviet scholarship on the Slovo o polku Igoreve. London, 1978; Купер Г.-Р. Изучение «Слова о полку Игореве» в Северной Америке до конца 1983 г. //Слово. Сб.-1988. С. 429–433; Дробленкова Н. Ф., Зарембо Л. И., Пелешенко Ю. В., Соколова Л. В. «Слово о полку Игореве»: Библиография работ на русском, украинском и белорусском языках. 1968–1987. Л., 1990. См. также: Творогов О. В. Библиографии и библиографические обзоры «Слова» //Энциклопедия. Т. 1. С. 111–116. Библиографические сведения можно почерпнуть также из «Энциклопедии „Слова о полку Игореве“» (СПб., 1995) и книги М. Г. Булахова: «Слово о полку Игореве» в литературе, искусстве, науке: Краткий энциклопедический словарь. Минск, 1985.}] Если говорить точнее, то нас будет интересовать только вопрос о том, как трудами многих поколений ученых подготавливались условия для выявления источников и определения времени и автора этого замечательного произведения.

Сомнения в подлинности и древности Слова о полку Игореве появились еще до публикации этого памятника. Их, в частности, высказывал А. Л. Шлецер. Правда, сразу же после издания Песни об Игоровом походе он их отбросил. [«Что это творение в поэтической прозе есть древнее и даже подлинное, теперь я более не сомневаюсь». Шлецер А. Л. Нестор. СПб., 1809. 4. 1. С. 884. См. также: {Schlözer A.} Göttingische Anzeigen von gelehrten Sachen. 1801. St. 203. S. 2028–2030 (ср.: Schlözer A. Nestor. 1801. Bd 2. S. 277).]

Глубоко поэтичные строки Слова сразу же обратили на себя внимание крупнейших писателей и поэтов начала XIX в., а образ Бояна сделался уже тогда символом древнего поэта-сказителя. К нему обращались Н. М. Карамзин, Г. Р. Державин, М. М. Херасков, Н. А. Львов, В. Г. Нарежный, В. В. Капнист. Патриотическое звучание Слова о полку Игореве привлекло к себе внимание великого писателя-революционера А. Н. Радищева. Но вот в научной литературе настораживает и отсутствие откликов на издание, и сравнительно длительное молчание специалистов.

Первая большая работа о Слове о полку Игореве была написана в 1805 г известным поклонником старинного русского языка А. С. Шишковым (1754–1841), старавшимся на примере этого памятника доказать, что «язык наш процветал издревле». [Шишков А. С. Собрание сочинений и переводов. СПб., 1826. Ч. 7. С. 37. Впервые Шишков обратился к Слову еще в 1804 г. (Альтшуллер М. Г. «Слово о полку Игореве» в кругу «Беседы любителей русского слова» //ТОДРЛ. Л., 1971. Т. 26. С. 110).] Заметим, что именно А. С.

Шишкову принадлежит первая публикация и перевод на русский язык поддельной «Краледворской рукописи» Ганки, имитированной под древнечешский эпос.[Кораблев В. И. Вячеслав Ганка и его «Краледворская рукопись»//Известия АН СССР. Отделение обществ, наук. 1932. № 6. С. 528–529.]

Однако уже в этот период раздавались голоса видных исследователей, сомневавшихся в подлинности Слова о полку Игореве. В 1806 г. вышел первый перевод Слова на польский язык, выполненный Ц. Гобебским (1765–1809). Гобебский еще в 1804 г. автором Слова считал А. И. Мусина-Пушкина.[Godebski C. Wyprawa Igora przeciw połowcom, poema A. I. Mussin-Puszkina // Godebski C. Dzieła wierszem i proza. Warszawa, 1821. Cz. 2. S. 308–370. См. также: Szolson M. O pierwszym przekładzie «Słowa o wyprawie Igora» na język Polski //Kwartalnik Instytutu Polsko-Radzieckiego. 1956. N 3–4. S. 68–76; Шольсон М. О первом переводе «Слова о полку Игореве» на польский язык //ТОДРЛ. М.; Л., 1956. Т. 12. С. 71–78. {См. также: Федотова М. А. Гобебский Циприан//Энциклопедия. Т. 1. С. 33–34.}] Он писал, что Мусин-Пушкин, «действительно, объявил, что он был только переводчиком рукописи с древнего (языка)... но поскольку многие сомневаются в этом источнике... осмеливаемся ее счесть за произведение подложное или по меньшей мере переработанное при его подновлении».[Godebski C. Zabawy przyjemne i pożyteczne. Warszawa, 1806. T. 5. S. 71.]

В 1812 г., сравнивая слог Русской Правды со Словом о полку Игореве, М. Т. Каченовский сделал оговорку: «ежели песнь сия в самом деле есть остаток отдаленной древности».[Каченовский М. Т. Взгляд на успехи российского витийства в первой половине истекшего столетия //Труды ОЛРС. М., 1812. Ч. 1. С. 20.]

Все это только отголоски полемики, которая велась вокруг Слова длительное время. Во всяком случае в 1815 г., говоря о Песни о походе Игоря, П. М. Строев писал, что «долго оспаривали ее подлинность».[Строев П. М. Краткое обозрение мифологии славян российских. М., 1815. С. 10.] Так было положено начало спору о времени составления Слова о полку Игореве.

В мае 1812 г. П. Ф. Калайдович, брат известного исследователя древнерусских памятников К. Ф. Калайдовича, представил в Общество любителей российской словесности при Московском университете письменный вопрос: «На каком языке писана Песнь о полку Игоря...», в котором, в частности, он писал: «Сия песнь, говорю, скоро после своего появления произвела сомнение в ученых людях: они не могли уверить себя, что поэма сия принадлежит XII веку».[Текст вопроса опубликован: Труды ОЛРС. М., 1812. Ч. 4. С. 159, 177–181. См. также: Калайдович П. Задача для решения//Вестник Европы. М., 1812. № 10. С. 136–141. Об авторстве см.: Козлов В. П. К. Ф. Калайдович как исследователь «Слова о полку Игореве» // Материалы XXVI научной студенческой конференции Тартуского университета: Литературоведение — Лингвистика. Тарту, 1971. С. 7—10. [К. Ф. Калайдович опубликовал ответ на этот вопрос: Неизвестный {Калайдович К. Ф.} Опыт решения вопроса, на каком языке написана Песнь о полку Игоря: на древнем ли славянском, существовавшем в России до перевода книг Священного писания, или на каком-нибудь областном наречии?//Труды ОЛРС. М., 1818. Ч. 11. С. 1—32.}] Считая, что поэзия у всех народов предшествовала учености, П. Ф. Калайдович как бы спрашивал, «почему же нам не верить, взявши в пример Гомера и Оссиана, что гений, подобно северному сиянию, является во мраке ночи».[Калайдович // Задача для решения.]

Первое сведение о том, что рукопись Песни о полку Игореве погибла в пожаре 1812 г., сообщил в печати П. М. Строев в 1815 г.[«Список, с коего она напечатана, хранившийся в библиотеке графа А. И. Мусина-Пушкина, в 1812 году сгорел» (Строев П. М. Краткое обозрение мифологии славян российских. С. 10). Тогда Строев еще не сомневался в подлинности Слова, как, впрочем, датировал XIV в. и бардинский список Слова, приобретенный А. Ф. Малиновским. {Ср.: Козлов В. Г1. Кружок А. И. Мусина-Пушкина и «Слово о полку Игореве». М., 1988. С. 68–69.}] Это сведение восходит к графу. Ведь в том же году А. Ф. Малиновский заметил о рукописи Слова, что «при нашествии на

Москву неприятеля она сгорела».[Дмитриев. История первого издания. С. 155.] Впрочем, сам А. И. Мусин-Пушкин в автобиографии 1813 г. предпочел ограничиться общей фразой о гибели всего драгоценного собрания рукописей. Это же повторил и К. Ф. Калайдович в биографии графа.

В июле 1812 г. К. Ф. Калайдович поступил в ополчение, в котором находился год (до увольнения 23 июля 1813 г.). Сразу же по возвращении в Москву он приступает к работе над русскими древностями. Уже в конце этого года К. Ф. Калайдович начал свою упорную борьбу с той стеной молчания, которой окружил А. И. Мусин-Пушкин историю приобретения рукописи Слова. Еще 31 октября К. Ф. Калайдович обратился с письмом к графу, в котором просил сообщить ему, «какие рукописи и древние вещи... сохранились в Вашей деревне».[Бессонов П. Константин Федорович Калайдович. М., 1862. С. 95. Дата этого письма (31 октября) содержится в ответе К. Ф. Калайдовича от 8 ноября 1813 г.] 8 ноября А. И. Мусин-Пушкин ответил ему.[ГПБ, собр. автографов М. П. Погодина, ф. 588, № 278.] Получив этот ответ 19 ноября, К. Ф. Калайдович на следующий день написал графу новое письмо. В нем он задавал Мусину-Пушкину уже несколько вопросов, касающихся непосредственно Слова о полку Игореве: «Я желал бы знать, — писал он, — о всех подробностях несравненной Песни Игоревой, т. е. на чем, как и когда она написана? Где найдена? Кто был участником в издании? Сколько экземпляров напечатано? Также и о первых ее переводах, о коих я слышал от А. Ф. Малиновского?».[Бессонов П. Константин Федорович Калайдович. С. 96. Дата письма К. Ф. Калайдовича устанавливается по ответному письму А. И. Мусина-Пушкина Бантышу-Каменскому от 20 декабря 1813 г.] Одновременно Калайдович сообщал адресату, что полученную от него автобиографию он «осмелился предварительно напечатать в Вестнике Европы».[Речь идет о публикации: Калайдович К. Ф. Записки для биографии е. с. графа Алексея Ивановича Мусина-Пушкина//Вестник Европы. 1813. Ноябрь. 4. 72, № 21–22. С. 76–89.] В письме интересна ссылка на Малиновского, который, очевидно, не мог прояснить Калайдовичу обстоятельства обнаружения Слова. Только 20 декабря 1813 г. граф написал Калайдовичу письмо, в котором сообщил, что Слово приобрел его комиссионер у впавшего в нужду архимандрита Иоилия.[Калайдович К. Ф. Биографические сведения о жизни, ученых трудах и собрании российских древностей графа Алексея Ивановича Мусина-Пушкина//Записки и труды ОИДР. М., 1824. 4. 2. С. 35–36.] Увы, сведения были неполными, сбивчивыми и сопровождалась просьбой не разглашать их (поэтому Калайдович даже после смерти графа издал его письмо только в извлечениях).[«На вопросы ваши объяснения при сем прилагаю, вследствие желания вашего. Хотя назвал Вам участвовавших в издании Песни о Полку Игореве, но как не знаю, будет ли то согласовано с их волею, а потому и прошу оставить сие между нами. Ежели же дадут названные согласие, тогда делайте, что вам угодно...» (ГПБ, собр. автографов М. П. Погодина, ф. 588, № 278). Рукопись текста «ответов» (изданных Калайдовичем) не сохранилась. Письма А. И. Мусина-Пушкина к К. Ф. Калайдовичу впервые исследованы Ф. Я. Приймай в его докладе, прочитанном в Пушкинском Доме в мае 1963 г. См.: Ю. К. [Бегунов]. В секторе древнерусской литературы//РЛ. 1963. № 3. С. 231–232. [О Калайдовиче см. также: Творогов О. В. Калайдович Константин Федорович // Энциклопедия. Т. 3. С. 5–6]

Несколько слов следует сказать об автобиографии А. И. Мусина-Пушкина. В ней граф подробно перечисляет все свои заслуги в собирании и издании российских древностей. Он рассказывает о приобретении им бумаг Крекшина, среди которых якобы были найдены Лаврентьевская летопись и «Книга Большому чертежу». Не забыл он перечислить ценные дары, полученные им от Екатерины, Державина и некоторых церковных деятелей (в том числе греческое Евангелие IX в., литовский статут 1588 г.). Наконец, перечислил Мусин-Пушкин и покупки рукописей из собраний А. Барсова и Елагина. И только об одной уникальной рукописи А. И. Мусин-Пушкин сохранял полное молчание — о Слове о полку Игореве.[Оно упомянуто лишь в перечне изданных графом книг.]

Чем же вызвано такое ледяное безмолвие как раз тогда, когда вокруг этого памятника разгорелись жаркие споры? Может быть, граф не хотел признаваться в том, что он незаконно приобрел ее из числа рукописей, присланных в Синод по указу 1791 г.? Но ведь сообщил же он ложные сведения о Лаврентьевской летописи и «Книге Большому чертежу». Почему же он не мог сказать что-либо подобное о Слове о полку Игореве? В конце концов, он мог просто сказать о находке этого памятника, не говоря о том, как он был обнаружен. Но Мусин-Пушкин молчал. Значит, дело было в самом памятнике, а не в способе его приобретения. Не будучи уверенным, что загадка Слова о полку Игореве сохранится вечно, А. И. Мусин-Пушкин счел за благо вовсе промолчать об этом памятнике с тем, чтобы не давать повода своим «недоброжелателям» дискредитировать его «доброе имя» как ученого и собирателя древностей, обвинив его в подлоге.

А. И. Мусин-Пушкин был крайне недоволен появлением в печати его автобиографии. В письме от 1 декабря 1813 г. Д. Н. Бантышу-Каменскому он писал, что читатель, «не знающий меня коротко или кто из неблагонамеренных легко почтет меня лжецом или хвастуном».[Дмитриев. История открытия рукописи. С. 414.] И действительно, уже 5 декабря книгопродавец В. С. Сопиков в письме Калайдовичу уличал графа в заведомой лжи.[Дмитриев. История открытия рукописи. С. 415–416. Об этом см. главу VII.] Отношения Мусина-Пушкина с Калайдовичем испортились. На первую попытку молодого историка выяснить правду о Слове А. И. Мусин-Пушкин в письме от 8 ноября не ответил ни слова.

23 декабря 1813 г. Калайдович снова обращается к А. И. Мусину-Пушкину, извиняясь за свою «дерзость», т. е. за публикацию его автобиографии. Из этого письма видно, что Д. Н. Бантыш-Каменский показал Калайдовичу гневное послание Мусина-Пушкина,[Калайдович просил «не винить» Д. Н. Бантыша-Каменского и как бы отвечал на доводы графа: «Читателям благонамеренным она (т. е. автобиография. — Л. 3.) принесет услаждение» (Бессонов П. Константин Федорович Калайдович. С. 97). Дата Бессонова (13 декабря) неверна. Правильную дату (23 декабря) см. в письме А. И. Мусина-Пушкина от 18 января 1814 г.] и Калайдович теперь стремился успокоить подозрительного графа, рассыпаясь ему в комплиментах, а вместе с тем опять повторял свои вопросы: «Кто верит словам завистников, дерзающих говорить вместе, что Песнь Игорева подделана? Кто мог с такими глубокими познаниями в истории и языке не сделать анахронизмов, живши в XVIII веке, и кто опять отказался бы от чести сочинения такого памятника, которому удивляются отличные знатоки в сем роде, не видя настоящей ему основы? Желая успокоить легковверных, утвердить благомыслящих и притупить жало неблагонамеренных, я хотел бы иметь подробнейшее известие о Песни Игоревой, к которой можно бы приобщить известие о всех пиесах с нею вместе помещенных, и для сего-то я утруждаю вас покорнейшею моею просьбою. Мы все сие желаем сделать некоторым актом, засвидетельствованным Д. Н. Б.-Каменским, Н. М. Карамзиным и А. Ф. Малиновским — назовите, которых вы знаете, и положить для утверждения в Архив Коллегии Иностранных дел». Далее Калайдович сообщал, что «время, от коего зависит скрывать и открывать, явит нам неоспоримые доказательства ее (т. е. Песни. — А. 3.) достоверности, подобно одному, недавно мной найденному в Апостоле».[Бессонов П. Константин Федорович Калайдович. С. 97.] На это письмо А. И. Мусин-Пушкин не ответил.

В письме от 1 января 1814 г. Калайдович (31 декабря он получил письмо графа от 20 декабря) снова писал: «Последнего письма моего, в. с., получить еще не изволили, в котором я просил наименовать особ, видевших подлинник Песни Игоревой, для утверждения сей драгоценности».[Бессонов П. Константин Федорович Калайдович. С. 99.] Но большего узнать от графа Калайдовичу не удалось. А. И. Мусин-Пушкин в ответном письме от 18 января 1814 г. благодарил его за находку Апостола, но от торжественного «акта», который бы свидетельствовал о подлинности Слова, уклонился.[Он писал: «О надписи, найденной Вами в Апостоле, замечание Ваше нахожу весьма справедливым. Предлагаемое Вами свидетельство о подлинности Игоревой песни почитаю излишним,

прошу оное оставить». Он прибавлял также: «Прошу оставить ответы мои между нами» (ГПБ, собр. автографов М. П. Погодина, ф. 588, № 278).] В этой связи В. П. Адрианова-Перетц пишет: «Каким же в таком случае искусным притворщиком был Мусин-Пушкин, если он сумел так сдержанно-спокойно ответить К. Ф. Калайдовичу на его сообщение 1813 года о „надписи“, найденной им на Апостоле 1307 г.». В. П. Адрианова-Перетц удивляется, как мог Мусин-Пушкин, если он использовал в Слове цитату из Апостола, «не воспользоваться сообщением Калайдовича и не поднять шум о его находке».[Адрианова-Перетц В. П. Было ли известно «Слово о полку Игореве» в начале XIV века//РЛ. 1965. № 2. С. 150.] Я не буду сейчас определять, какой степенью лицемерия и притворства обладал один из наиболее удачливых царедворцев конца XVIII в. А. И. Мусин-Пушкин. Важнее другое. В обстановке, когда уже раздавались голоса, утверждавшие, что Слово — позднейший памятник, А. И. Мусин-Пушкин скорее должен был не поднимать «шума» из-за Апостола, так как он-то сам прекрасно знал, в каком отношении находилась приписка Домида к тексту Слова. «Шум» мог обернуться против самого издателя Игоревой песни.

Последнее письмо графа К. Ф. Калайдовичу написано было 30 марта 1814 г. и содержало только «благодарность за почтенное письмо ваше и сообщение мне биографии в Бозе покоящегося почтеннейшего моего друга».[ГПБ, собр. автографов М. П. Погодина, ф. 588, № 278.]

В то же самое время голоса сторонников позднего происхождения Слова стали звучать все громче и громче. К их числу принадлежал митрополит Евгений (Болховитинов), один из крупнейших знатоков русских древностей.[См. также: Дмитриев Л. А. Болховитинов Евфимий Алексеевич//Энциклопедия. Т. 1. С. 136–139.] проявлявший интерес и к французской рационалистической литературе (он, в частности, составил биографию Вольтера). Евгений в письме К. Ф. Калайдовичу от 18 января 1814 г. высказал предположение, что «Игорева песнь» могла «сочинена быть в XV веке, когда воображение и дух россиян уже ободрился от успехов над татарами». Евгений обратил внимание на странное выражение «старыми словесы», которыми ведет свой рассказ автор Слова: «Не значит ли это, что он силился написать старинным прежних времен слогом, а не современным себе. Следовательно, он не современник событий. Много у нас русских песен, писанных натуральным старинным слогом о временах даже Владимировых. Кто же отнесет их к тем временам?».[Полевой. Любопытные замечания. С. 18.]

Д. С. Лихачев вслед за А. В. Соловьевым считает, что Евгений «сомневался в древности „Слова“...а затем отказался от своих сомнений».[Лихачев. Когда было написано «Слово»? С. 136. Ср.: Соловьев. Восемь заметок. С. 383–385. Замечания А. Мазона на последнюю из названных статей см. в кн.: *Quelques donnees historiques sur le Slovo d'Igor' et Tmutorokan' par M. I. Uspenskij par Andre Mazon et Michel Laran. Paris, 1965. P. 134–139.*] Оба исследователя ссылались на письмо Евгения Анастасевичу от 11 ноября 1814 г. В нем Евгений писал, что вся найденная Тимковским Песнь («Сказание о Мамаевом побоище») «расположена совершенно по Игоревой, которую без сомнения сочинитель имел перед глазами».[Письма митрополита Евгения к В. Г. Анастасевичу//Древняя и новая Россия. 1880. Октябрь. С. 359. Подлинники см.: ЛОИИ, ф. Лихачева, № 136/4.] Но из этого письма отнюдь не следует, что Евгений датировал Слово XII в. В следующем 1815 г. в примечаниях к рукописным тетрадам Державина он повторил свое мнение о Слове как о памятнике XIV–XV вв.[«Может быть Песнь Игорева писана не в XII веке, а гораздо позже, и например, в XIV или XV-м, когда уже воскрес унылый от татарского порабощения гений Русский. По крайней мере так заключить можно из первых слов певца Игорева» (Державин Г. Р. Соч. СПб., 1872. Т. 7. С. 624).]

Глубоко интересуясь Словом о полку Игореве, Евгений в конце 1814 г. написал письмо известному исследователю древнерусской письменности В. Г. Анастасевичу. Последний ответил ему обширным письмом, из которого сохранилась, к сожалению, лишь «выписка», не позволяющая полностью судить о взглядах самого Анастасевича. [Принадлежность «выписки» перу В. Г. Анастасевича установил Ф. Я. Прийма (см.:

Прийма Ф. Я. «Слово о полку Игореве» в научной и художественной мысли первой трети XIX века// Слово-1950. С. 296–303).] Что это так, видно из письма к нему Евгения от 20 декабря 1814 г.: «Искренно благодарю Вас за замечания Ваши на песнь Игореву. Я давно сходно с Вами думал, что первая строка сей песни доказывает не древность ее, а подделку под древность. Карамзин и другие москвичи также относят ее к концу XIV или к половине XV века. Толкованиям Вашим многих слов сей песни я верю».[Письма митрополита Евгения к В. Г. Анастасевичу. С. 363. К сожалению, при передаче текста письма Евгения Ф. Я. Прийма без отточия опустил две фразы: «Я давно... XV века» (Прийма Ф. Я. «Слово о полку Игореве» в научной и художественной мысли»... С. 302) и тем самым представил взгляды Евгения и Анастасевича не такими, какими они были на самом деле. Получалось, в частности, что Евгений был сторонником древности Слова о полку Игореве.] Итак, Анастасевич, считая Слово древним памятником, относил его к XIV–XV вв. Но в письме Евгения есть и еще одна загадка — это мнение Карамзина. В 1816 г. Карамзин писал совершенно определенно: «Слово о полку Игореве сочинено в XII веке».[Карамзин Н. М. История государства Российского. СПб., 1842. Кн. 1, т. 3. Стб. 131.] Почему же Евгений считал, что Карамзин «и другие москвичи» датировали слово XIV–XV вв.? То ли он имел в виду мнение этого историка о времени рукописи, содержащей Игореву песнь (но в письме определенно говорится о самой Песни), то ли Карамзин свою первоначальную точку зрения изменил при издании третьего тома «Истории». Евгений сравнивал Слово о полку Игореве с «Оссианом», подлинность которого он отрицал: «Все выражения и ход песни ни мало не похож ни на римские, ни на греческие поэмы, но на оссиановские хвастливые увеличивания, хотя в подлинности оссиановских песен, изданных Макферсоном, ныне уже разуберены».[Замечания Евгения Болховитинова на рассуждение о лирической поэзии см.: Державин Г. Р. Соч. Т. 7. С. 629.] В другом месте он писал: «по анахронизму в Песне Игоревой об иконе Пирогощей надобно заключить, что Песнь сия не история, а исторический вымысел позднейшего времени».[Письмо Евгения В. Г. Анастасевичу от 28 февраля 1828 г.: ЦГАДА, ф. 1367 (Болховитинов), ед. хр. 1, л. 24 об. Сообщено Е. М. Добрушкиным.]

Взгляды Евгения на Слово не оставались застывшими, а постепенно развивались. Так, выход в свет книги Я. Пожарского, в которой отмечена близость языка Слова к польскому,[Пожарский Я. Слово о полку Игоря Святославича. СПб., 1819.] укрепил его уверенность в позднем происхождении Песни. В 1828 г. о Слове предполагал написать особое «Рассмотрение» В. М. Перевощиков.[В. М. Перевощиков известен как автор книги: Роспись книгам и рукописям имп. Российской Академии. СПб., 1840.] В этой связи в письме от 12 сентября 1828 г. Евгений ему замечал: «Вы пишете Рассмотрение о поеме Полку Игореве, после многих уже писавших! Но уверены ли Вы, что оно XII века, как кричат другие. А я полагаю, что оно литовско-русское сочинение позднего уже века, ибо в ней много польских слов, из польского только языка требующих изъяснения».[ЦГАЛИ, ф. 46, Бартенева, оп. IV, ед. хр. 2, л. 71. На письма Евгения В. М. Перевощикову наше внимание обратил Е. Б. Бешенковский, которому автор выражает самую искреннюю благодарность.] В письме от 27 января 1829 г. Евгений разъяснял эту свою мысль: «Я твердо стою в том, что она (Песнь. — А. 3.) не XII века». Он, в частности, ссылаясь на мнение тех, кто видел рукопись Игоревой песни и датировал сборник XVI в. К тому же «если бы Песнь писана была в XII веке, — прибавлял Евгений, — то язык был бы похож на Несторов, в коем нет похожих слов. А русский язык стал мешаться с польским уже после покорения Киева Литве (1320 г.) и потом Польше (1569 г.). До того же времени русский язык, в Литве употреблявшийся, мало имеет польских слов, как видно из грамот литовских. А Пожарский из польского языка лучше растолковал многие места сей поемы, которых не понимали русские толковники. Сочинитель Песни с самого начала говорит: „начати старыми словесы трудных повестей“, следовательно, не современным себе слогом, и в этом он подделывался, но зашел в польщизну. Имя Бояна — не русское, а

задунайское. Stritteri. Memor. popul. 2. pag. 526 et 527. Были Бояны и у татар. См. Летописец Львова, 1792, часть III, стр. 431 и часть V, стр. 153, 189.

Вы упираете на слово *сего времени*, а я разумею *того времени*, которое сочинитель описывает. Вот Вам мое мнение. А Вы думайте, как хотите». [ЦГАЛИ, ф. 46, оп. IV, ед. хр. 46, л. 72 об. — 73.] Трудно сказать, какое впечатление произвело на В. М. Перевощикова письмо Евгения. Во всяком случае свое «Рассмотрение» он не издал и, возможно, даже не закончил.

Так или иначе, но замечания такого видного знатока российских древностей, каким был Евгений Болховитинов, заставляли с осторожностью подходить к датировке Слова. [В другом месте он писал, что Слово имеет «на себе признаки древности, хотя и не слишком отдаленной» (Евгений. О славяно-русских лириках // Москвитянин. 1842. № 1. Материалы. С. 165). В статье «Игорев песнопевец» Евгений, повторяя наблюдения о выражении «старые словесы», дает принятую точку зрения на время, когда было написано Слово, прибавляя к ней свое особое мнение: «Одни, — писал он, — приурочивают певца к XII в...но иные относят сие сочинение к последующим векам» (Евгений. Биографии российских писателей // Сын отечества. 1821. Ч. 21. № 21. С. 35). См. также замечания Евгения на полях его экземпляра издания Слова 1800 г. (Маслов С. И. Киевские экземпляры «Слова о полку Игореве» в издании А. И. Мусина-Пушкина // ТОДРЛ. М.; Л., 1954. Т. 10. С. 251–253).]

В 1814 г. ряд критических соображений о древности Слова Калайдовичу высказал любитель древнерусской письменности С. П. Румянцев. Братья Румянцевы, как известно, были затронуты рационалистическими веяниями XVIII в., а Сергею Петровичу принадлежал проект Закона о вольных хлебопашцах. [Годнев Д. Г. «Слово о полку Игореве» в литературной критике первой половины XIX века // Учен. зап. Куйбышевского гос. пед. ин-та. Куйбышев, 1942. Вып. 6. С. 111. Подробнее о С. П. Румянцеве см.: Крестова Л. В. С. П. Румянцев писатель и публицист (1755–1838) // Русская литература XVIII века. Эпоха классицизма. М.; Л., 1964. С. 91–128. О проекте С. П. Румянцева см.: Предтеченский А. В. Очерки общественно-политической истории России в первой четверти XIX века. М.; Л., 1957. С. 169–174.] 14 января 1814 г. К. Ф. Калайдович записал в дневнике: «Румянцев не верит Песни Игоревой, почитая ее подложною, основываясь на том, что в ней встречается имя Солтаново, появившееся незадолго пред XII веком, название народа венедици и местоимение которое, неприличное будто бы тому времени». 25 февраля Калайдович заметил, что Румянцев ссылается на то, что Игорь не мог в 1185 г. молиться Пирогоще, так как она еще в 1160 г. была перенесена из Киева во Владимир. [Записки важныя и мелочныя К. Ф. Калайдовича // Летописи русской литературы и древности. М., 1861. Т. 3. Отд. 2. С. 82, 97, Полевой. Любопытные замечания. С. 18–19. Замечания по поводу слов «жемчуг», «салтан» и «Пирогоща» сделаны С. П. Румянцевым и на полях своего экземпляра Слова (Барсов. Слово. Т. 1. С. 38–39). А. Мазон (Mazon. Le Slovo. P. 6) и Д. С. Лихачев (Лихачев. Изучение «Слова о полку Игореве». С. 21, 47) ошибочно называют среди «скептиков» Н. П. Румянцева вместо С. П. Румянцева.] Впрочем, тут же Калайдович приводил мнение Н. М. Карамзина доказавшего, что во Владимир перенесена была другая икона. В соображениях С. П. Румянцева перемежались тонкие наблюдения (о салтане, венедицах) с явными ошибками.

В свой дневник 1814 г. Калайдович вносил не только скептические замечания С. П. Румянцева, но и доводы в защиту подлинности Слова, высказывавшиеся Н. М. Карамзиным, сведения о находке Тимковским Сказания о Мамаевом побоище с чтениями, созвучными Слову. Раздражение Мусиным-Пушкиным у него не проходило. [Так, 28 февраля 1814 г. он писал А. А. Головину, что «гр<аф> П<ушкин> и другие подобные, беззаконно стяжавшие свои ученые сокровища, предали их на жертву пламени» (Бессонов П. Константин Федорович Калайдович. С. 41).] Появились и некоторые дополнительные тревожные данные о сборнике со Словом. Так, типографщик Селивановский сообщил Калайдовичу, что рукопись была писана белорусской скорописью конца XVII–XVIII в.

[Полевой. Любопытные замечания. С. 19.] Его мнение Калайдович и предпочел в конце концов всем другим. В этом позднее П. П. Вяземский даже усматривал «враждебное отношение» Калайдовича к памятнику. «Голословное заподозривание, выраженное Калайдовичем, — писал он, — есть положительное обвинение Мусина-Пушкина, Малиновского, Бантыш-Каменского и Ермолаева в заведомом обмане, а Карамзина — в укрывательстве обмана».[Вяземский П. П. Слово о полку Игореве. Исследование о вариантах. СПб., 1877. С. 3.] До самого конца 1814 г. Калайдович обращался к видным специалистам за разъяснениями интересовавших его вопросов, касающихся Слова о полку Игореве. Так, 1 декабря 1814 г. В. Г. Анастасевич, отвечая ему, писал, что на Слово «надобно смотреть... как на древнюю рукопись».[Прийма Ф. Я. «Слово о полку Игореве» в научной и художественной мысли... С. 296.]

В 1818 г. Калайдович выпустил в свет интересную статью о языке Слова. Автор писал: «Слога Песни Игоревой тщетно мы будем отыскивать в известных языках славянских. Но где же он таится? Неужели нет следов?... Они находятся и едва ли не все в языке Святого Писания, а более в языке летописей, грамот и других исторических памятников». Автор Слова, по мнению Калайдовича, жил на территории «нынешней Малороссии», а его наречие из всех славянских «более подходит к языку польскому». [Неизвестный [Калайдович К. Ф.]. Опыт решения вопроса... С. 7, 31–32.] Наконец, в 1824 г. Калайдович издал биографический очерк А. И. Мусина-Пушкина, содержащий в извлечениях письмо графа от 20 декабря 1813 г. и сведения о псковском Апостоле 1307 г. Несмотря на то что Калайдовичу не удалось до конца решить загадку Слова, ему исследователи обязаны многим. Если б не его настойчивость, возможно, и сейчас нам ничего не было бы известно об Иоиле как о владельце рукописи.

Первые опыты изучения Слова о полку Игореве выявили серьезные разногласия по вопросу о происхождении памятника, и в первую очередь его языковых особенностей. Так, А. С. Шишков старался доказать, «что язык наш процветал издревле» и в древности был даже выразительнее, чем в более позднее время.[Шишков А. С. 1) Примечания на древнее сочинение, называемое Ироическая песнь о походе на половцев или Слово о полку Игореве // Сочинения и переводы, изданные Российской Академией. СПб., 1805. 4. 1, кн. 8. С. 23—234; 2) Некоторые замечания на книгу, вновь изданную под названием «Слово о полку Игоря Святославича»...//Русский инвалид. 1819. № 157–161.]

Являясь ведущим теоретиком «архаистов» старшего поколения, Шишков обосновывал своеобразную теорию русского литературного языка. Среди трех видов словесности (по М. В. Ломоносову, «штилей») он наибольшее значение придавал «высокому штилю», которым написаны «священные книги», а также «среднему штилю» или языку «народных стихотворений».[Подробнее см.: Тынянов Ю. Н. Пушкин и его современники. М., 1969. С. 27–28.] В работе о Слове Шишков фактически отождествлял язык Игоревой песни с церковнославянским.

Зато Н. Ф. Грамматин в небольшом «Рассуждении» доказывал, что Слово написано было светским человеком на языке, отличном от языка церковных книг.[Грамматин Н. Ф. Рассуждение о древней русской словесности. М., 1809. С. 8—16. {См. также: Творогов О. В. Грамматин Николай Федорович//Энциклопедия. Т. 2. С. 55–56.}] Вместе с тем появился ряд работ, в которых доказывалось, что язык Слова близок к живому украинскому (В. Г. Анастасевич,[Прийма Ф. Я. «Слово о полку Игореве» в научной и художественной мысли... С. 298.] М. Максимович[В рецензии на книгу А. Ф. Вельтмана Максимович писал, что «из письменного церковного и природного южнорусского языка составилась живой поэтический язык певца Игоря» (Молва. 1833. № 24. С. 94). Ср.: Максимович М. А. Песнь о полку Игореве//ЖМНП. 1837. № 1. С. 50.]). Видный украинский ученый М. А. Максимович[См. также: Творогов О. В. Максимович Михаил Александрович//Энциклопедия. Т. 3. С. 203–207.] упорно отстаивал представление о народности Слова и обосновывал тезис о том, что это произведение — «драгоценный памятник южнорусской поэзии XII века, имеющий поэтическое однородство с думами и

песнями казацкими».[Максимович М. 1) Украинские народные песни. М., 1834. Кн. 2. С. 68; 2) Филологические письма к М. П. Погодину//Русская беседа. 1856. Ч. 3. С. 99, 105, 109, 112—ИЗ, 122, 135.] Вопрос заключался только в том, когда сложились эти думы и являлось ли Слово их предшественником или само испытало влияние украинской поэзии позднего времени. Наиболее обстоятельная работа М. Максимовича о Слове появилась еще в 1836 г. — это его лекция, прочитанная в Киевском университете.[Максимович М. Песнь о полку Игореве//ЖМНП. 1836. № 4. С. 1—22; № 6. С. 439—470; 1837. № 1. С. 29—58.] И здесь М. Максимович говорил о двух языковых стихиях в памятнике: книжной и народной, подходя к пониманию самой сущности языкового строя Слова.[См. также: Максимович М. Сборник украинских песен. Киев, 1849. С. 2 и след. Подробнее см.: Данилов В. В. М. А. Максимович в работе над «Словом о полку Игореве»//Слово. Сб.-1950. С. 283—293.] Некоторые ученые обращали внимание на черты польского языка в Слове (К. Калайдович,[Неизвестный {Калайдович К Ф.}. Опыт решения вопроса... С. 31—32.] Я. Пожарский). Последний сравнивал язык Слова и с чешским (только что была обнаружена Краледворская рукопись, в которой, как позднее выяснилось, были использованы мотивы Слова). По А. Глаголеву, «обыкновенно полагали, что сия песнь сочинена в нынешней Малороссии, на языке славяно-русском, отличном от того, который существовал в России до перевода Священного Писания, и что ее наречие... более подходит к языку польскому, нежели к прочим славянским».[Глаголев А. Умозрительные и опытные основания словесности. СПб., 1834. Ч. 4. С. 13.] А. Х. Востоков считал, что слово написано на церковнославянском языке, который когда-то был сербским наречием.[Востоков А. Х. Рассуждение о славянском языке//Труды ОЛРС. М., 1820. Ч. 17. С. 8, 53. {См также: Булахов М. Г. Востоков Александр Христофорович//Энциклопедия. Т. 1. С. 241—242.}]

Во всех этих соображениях имелись отдельные правдоподобные наблюдения: в Слове действительно обнаруживаются элементы как церковнославянского, так и живых великорусского, украинского и польского языков. Такое смешение языков было одной из серьезных причин, вызвавшей скептическое отношение к древности Слова о полку Игореве. И когда А. Ф. Вельтман писал, что Слово написано «на соединении всех наречий славянских, очищенных высоким чувством поэта»,[Песнь ополчению Игоря Святославича, князя Новгород-Северского / Переведено с древнего русского языка А. Вельтманом. М., 1833. С. III—IV.] это не могло содействовать признанию древности происхождения памятника.

Д. С. Лихачев недавно писал, что «первые скептики не предполагали что «Слово» было подделкой или стилизацией XVIII в., а просто относили его создание ко времени самой рукописи, то есть приблизительно к XV веку».[Лихачев. Когда было написано «Слово»? С. 135—136.] Как мы могли убедиться, дело было не так «просто». К XV в. относил создание Слова только один Евгений, тогда как А. Л. Шлецер (до издания текста «Ироической песни»), К. Годабский, С. П. Румянцев, а также, вероятно, и М. Т. Каченовский или прямо считали Слово подделкой, или склонялись к этому.

Новая волна критики древности происхождения Слова относится к 30-40-м гг. XIX в. Она была тесно связана с так называемой скептической школой, во главе которой находился М. Т. Каченовский (1778—1842).[См. также: Дмитриева Р. П. Каченовский Михаил Трофимович//Энциклопедия. Т. 3. С. 29—31.] Развивая взгляды Нибура, Каченовский и его последователи представляли новое буржуазное направление в историографии. Они стремились освободить историческую науку от морализирующих сентенций и художественных вымыслов, очистить истинные факты от легендарных. Каченовский исходил из представления о том, что Русь в XI—XII вв. переживала так называемый баснословный период, от которого не сохранилось в первоначальном виде достоверных источников.[Каченовский М. Т. О баснословном времени в Российской истории//Учен. зап. Московского университета. М., 1833. 4. 1. С. 273—298.] «Неверие в официальную науку, — пишет А. В. Предтеченский, — заставляло Каченовского все

настойчивее требовать критического отношения к источникам, лежавшим в основе концепции официальной историографии».[Очерки истории исторической науки в СССР. М., 1955. Т. 1. С. 335.]

В литературе о Слове о полку Игореве давно укоренились ошибочные представления о школе Каченовского. Так, В. В. Данилов характеризовал «скептиков» как представителей «консервативных воззрений и официального николаевского уклада, которые должны были отвергать „Слово“ уже потому, что оно, безусловно, революционизировало представления о древней Руси своим страстным отношением к политическим событиям».[Данилов В. В. М. А. Максимович в работе над «Словом о полку Игореве». С. 292.] Для М. Т. Каченовского, по мнению Д. С. Лихачева, «главным основанием в его сомнениях служили общие, априорные (в основе своей обывательские) представления о низком уровне русской культуры XI–XIII вв.».[Лихачев. Изучение «Слова о полку Игореве». С. 18; ср. у Ф. М. Головенченко: «Природа скептицизма заключалась... прежде всего в невежестве и в реакционном отношении к той народной основе, которая характеризует содержание древней поэмы» (Головенченко Ф. М. Слово о полку Игореве... 1955. С. 377).] Но «скептицизм» Каченовского не «основывался на обывательских представлениях о прямолинейности прогресса», а являлся порождением определенного уровня исторической науки, источниковедения и объяснялся влиянием на него общих представлений Нибура о древности. Подход Каченовского к древнерусским памятникам напоминал первое критическое выступление С. Джонсона о древности песен Оссиана. Скептически относясь «к кельтскому эпосу», Джонсон исходил при этом не столько из научного анализа поэмы Макферсона, сколько из тезиса о варварстве кельтов, которые-де уже поэтому не могли создать высокохудожественное произведение. И если дальнейшее развитие источниковедения опрокинуло сомнения М. Т. Каченовского в достоверности Русской Правды, то значительно сложнее оказалось дело со Словом о полку Игореве.

Уже 31 мая 1818 г. на собрании отделения словесных наук Московского университета, происходившем в присутствии профессоров А. Ф. Мерзлякова, М. Т. Каченовского и других, поставлена была задача выяснить, действительно ли «Песнь о походе Игоревом» написана была в XII в., «или она, как некоторые думают, есть плод времен позднейших, потому особливо, что она есть единственная в своем роде, являющаяся на языке древлеславянском в помянутом столетии, и что не означено, кем, когда и где написана, кроме некоторых других обстоятельств, подающих повод к возражению».[Центральный государственный исторический архив в Москве, ф. 418, оп. 477, ед. хр. 6. С этим интересным сведением автора познакомил Е. Б. Бешенковский.]

Уже в 1830 г. ученик Каченовского С. М. Строев писал: «Песнь о полку Игореве XII столетия открывает нам какой-то особенный век наших трубадуров, миннезингеров, современных чужеземным! Жаль только, что завистливое время утаило от нас имена, житие и подвиги всех других песнопевцев, а еще более жаль, что драгоценная Песнь о полку Игореве дошла до нас написанною новым почерком, лет пятьсот спустя после кончины своего автора».[Строев С. Литературные привязки//Вестник Европы. 1830. № 19–20. С. 288–289.] Виднейший русский археограф П. М. Строев в 1834 г. называл Слово «проблемой русской словесности XII века».[Строев П. М. Указатель материалов отечественной истории, литературы и проч. //ЖМНП. 1834. № 7. С. 155. Ранее он считал, что Слово писано прозой в XII–XIII вв. (Строев П. М. Краткое обозрение мифологии славян российских. С. 10–11).] В этих пассажах нет еще сомнения в подлинности Слова, но вопрос действительно требовал разрешения.

В том же году появились в печати работы студента Московского университета И. Беликова и проф. И. И. Давыдова о Слове. В статье Беликова были изложены и соображения его учителя М. Т. Каченовского, сомневавшегося в древности Слова. Каченовский находил в Слове черты украинского («чи ли») и польского («свычая и обычая») языков, новейшего «великороссийского» просторечия («давечья»). Он считал, что именно Слово повторяет текст приписки к псковскому Апостолу, а не наоборот. Наряду с

верными замечаниями Каченовский допускал и ряд ошибок. Он производил Велеса от св. Власия, считал фразу «хощу... копие приломити... съ вами» чисто рыцарской, тура — бараном, а «оксамиты» редкостью даже в XIII в. [Беликов И. Некоторые исследования Слова о полку Игореве // Учен. зап. Московского университета. 1834. Ч. 5. № 8. С. 457–458. {См. также: Творогов О. В. Беликов Иван // Энциклопедия. Т. 1. С. 97.}]

В записи И. Е. Бецкого сохранился курс истории славянских языков и литератур, читанный М. Т. Каченовским в Московском университете в 1838 г. [ГПБ, О. XVII, № 292/2. Новый шифр: ф. И, И. Е. Бецкий, № 2. Сообщено Е. Б. Бешенковским.] Здесь взгляды М. Т. Каченовского изложены более широко. Каченовский обращает внимание на то, что Слово якобы написано было в конце XII в. и было неизвестно свыше шести столетий. Находилось оно в сборнике, который «не очень древен», ибо в нем находился хронограф, а он — сочинение «позднейших времен». Каченовский задает слушателям вопрос: могла ли на Руси в то далекое время «процветать поэзия». При том «песнь эта, изобилующая красотою, не могла быть отдельным явлением в литературном мире... А Песнь о полку Игореве одна, — как с неба упала... Вот эти обстоятельства заставляют нас думать, что Слово о полку Игореве есть произведение позднейших времен». Далее Каченовский касается языка Слова. Песнь, по его мнению, была написана на «южнорусском». Сам сочинитель «был грамотей» и знал «церковнославянский», наконец, лектор обращает внимание на отдельные выражения и слова. Он говорит, «какими это старыми словесы» написана Песня? Полонизмами Каченовский считал ряд оборотов Слова, в том числе «на ниче обратиша» и др. В языке Слова он видел «самую затейливую смесь».

Исследование И. Беликова, [Беликов И. Некоторые исследования... Ч. 5. № 2. С. 295–308; № 3. С. 449–760.] пожалуй, самое обстоятельное из выступлений представителей школы Каченовского. Беликов прежде всего задает вопрос: «Каким образом творение прямо от XII-го века перешло к XIX-му?... Отчего такое мертвое молчание о нем во всех наших письменных памятниках?». Это по его мнению, совершенно «несообразно с ходом повести». Непонятно, почему автор Слова хотел начать рассказ от Владимира, а ведет его об Игоре. [Беликов И. Некоторые исследования... Ч. 5. № 3. С. 300.] Логика произведения «слаба», «многие места в Слове не вяжутся между собою». В Слове нельзя не заметить «смешения христианских понятий с языческими». Вообще произведение «не может дать нам ясного понятия ни о духе того времени, ни о жизни Руси в XII веке». Беликов недоумевает, почему «Траян мог быть так знаком и важен для сочинителя». Сравнение половцев с леопардами кажется ему «несообразным с местностью поэмы». Беликов считает, что «пиитического достоинства у поэмы нашей отнять нельзя». Если велико углубление автора Слова в природу, то «незаметно обращение поэзии внутрь сердца человеческого». Переходя к филологической критике произведения, Беликов пишет: «Слог песни Игоревой далек от выражения, какое видим мы в нашей древней вивлиофике, он ниже и грубее слога наших древних монашеских писаний, а выше и чище слога иных грамот, нам сдается, что он больше подходит к слогу наших сказок». А сказки, по его мнению, «не могут быть отнесены к столь глубокой древности, к какой относят Слово о полку Игореве». [Беликов И. Некоторые исследования... Ч. 5. № 3. С. 308.]

Язык Слова Беликов считал по преимуществу церковнославянским. К анахронизмам он относил слова аксамиты, болван, салтан. Отзывались «чем-то новым, мягким, более близким к нашему языку, нежели к тяжеловесному языку XII века», по его мнению, и слова: сабля, телега, кровать тесова, дорога, нынешний, давеча. Загадочным казалось Беликову смешение в Слове «разных языков и наречий». Так, он обращает внимание на элементы «южных наречий» (болонье, яруга и др.), польского языка (зегзица), сербского (стрикусы), татарского (харалужный). И это при том, что в языке автора «вся основа принадлежит языку великороссийскому». Поэтому Беликов спрашивает: «К какой стране Руси принадлежал автор и для какой провинции писал он такую смесь из многих наречий и языков? Это величайшая загадка для критика Слова». Далее, Беликов характеризует «смесь древнего произношения с новым» в Слове, такую же смесь в

грамматике памятника и т. п. Фраза «на ниче ся години обратиша», по его мнению, «отзывается польшизною», форма «мужаймося» — малороссийская и т. п. Все эти наблюдения Беликов считал только предварительными. «Мы, — писал он, — хотели только показать мнение наше, каким образом должно разбирать» Слово. Сам Беликов считал, что Слово было первоначально песней или сказкой, которую нашел какой-то грамотей XVI в. Именно этот книжник и решил записать его «старыми словесы», для чего он использовал «по неведению» слова из польского и сербского языков. Возможно, именно он вставил в текст отступления о княжеских междоусобицах. Грамотей XVI в. мог и просто перевести какую-ни-будь записку, составленную в XII в. норманном или греком. Несмотря на то что И. Беликов допускал явные ошибки и выдвигал сомнительные гипотезы, вряд ли будет справедливо сказать, что он, «в сущности, в своей статье ничего, кроме собственного невежества, не продемонстрировал». [Лихачев. Изучение «Слова о полку Игореве». С. 22.]

В 1834 г. в полемику о Слове вступил издатель журнала «Библиотека для чтения» О. И. Сенковский (1800–1853). [См.: Буланин Д. М. Сенковский Осип (Юлиан) Иванович // Энциклопедия. Т. 4. С. 284–286.] Рецензируя книгу А. Глаголева «Умозрительные и опытные основания словесности», он выразил сожаление, что автор не подверг анализу Слово, «которое слишком опрометчиво причислено им к источникам русского языка». Сенковский полагал, что «над Словом о полку Игоря носится в нашем уме сильное подозрение в мистификации, оно крепко пахнет Оссианом, его фразы словно выкроены по Макферсоновым, его обороты и выражения большею частью принадлежат к слогу XVIII века, многие прилагательные — к новейшей польской поэзии». Сенковский сопоставлял эпитет «вещий» с латинским *vates*, указывал на выражения «серебряные струи», «жемчужная душа в хоробром теле», «золотые слова, смешенные слезами» и другие, которые «совершенно неизвестны средним векам» и «явно заимствованы из нового поэтического языка европейцев». Систематическое повторение наречий «уже», «тут», междометия «о!» напоминали Сенковскому «уроки Цицерона и Квинтилиана». В Слове «есть даже галлицизмы, — писал он, — например, *кричатъ телеги полунощныя*: тут и глагол и прилагательное не старше нас летами». Да и само открытие Слова «в эпоху энтузиазма, возбужденного Оссианом, и, что еще важнее, совершенное отсутствие всяких других списков уже должны были привести осторожного критика в сомнение, если б даже не находилось других следов подлога в самом произведении, впрочем, довольно искусно подделанном». [Сенковский О. [Рец. на кн. А. Глаголева. Умозрительные и опытные основания словесности] // Библиотека для чтения. 1834. Т. 4, кн. 6. Критика. С. 5–7. Горячий защитник «высокого штиля» в русской литературе, декабрист В. К. Кюхельбекер возражал против утверждений Сенковского, изложенных в упомянутой выше рецензии (Кюхельбекер В. К. Дневник. Изд-во «Прибой», 1929. С. 219–220).]

В том же 1834 г. на рецензию Сенковского и статью Беликова появился ответ, написанный С. Руссовым. [Руссов С. О подлинности древнего русского стихотворения, известного под названием «Слово о полку Игореве». СПб., 1834. {См. также: Творогов О. В. Руссов Степан Васильевич // Энциклопедия. Т. 4. С. 245–246.}] Небольшая книжечка Руссова состояла из трех глав. Сдобренная изрядной долей антипольских выпадов, работа Руссова не представляла никакого научного интереса. В первой главе содержалась крайне поверхностная критика Сенковского. Чего, например, стоили сентенции о том, что «язык русских грамотеев от XII-го до XVIII века не потерпел важной перемены». А так как автор Слова был гений и обгонял свое время, то именно поэтому, считает Руссов, его язык и показался Сенковскому принадлежащим XVIII в. Не отрицая наличия «галлицизмов» в Слове, Руссов объяснял их тем, что «Русь и Франки обитали в древние времена где-нибудь в соседстве». Подобными же рассуждениями пестрит и вторая глава, содержащая «ответ» Беликову. Здесь, в частности, «старые словесы» автор пытается объяснить смешением еще в IX в. языка варягов с языком новгородских славян. Наконец, в третьей главе было высказано несколько соображений о трудности подделки старинных русских памятников.

В рецензии на книжку Руссова С. М. Строев (Скромненко) подверг уничтожающей критике писания этого автора. Он заметил, что опровержения Руссова столь ненаучны, что не заслуживают ни малейшего внимания. Вместе с тем С. Строев не считал справедливым и мнение Сенковского о том, что Слово — подделка XVIII в.[«Бесспорно, мнение г. Сенковского, будто Слово о полку Игоря есть подделка XVIII века, несправедливо, а возражения против древности этого Слова большею частию слабы и не заслуживают особенного внимания, но опровержения г-на Руссова столь ничтожны, что не могут устоять даже против самой снисходительной критики» (Скромненко С. [Рец. на книгу С. Руссова] // Северная пчела. 1834. № 294. С. 1269–1272).]

Проф. И. И. Давыдов (1794–1863) с 1831 г. занимал кафедру русской словесности в Московском университете. Человек очень широкой эрудиции (знаток философии, латинской филологии и словесности, математики и физики), он принадлежал к числу поклонников Каченовского. Однако по своим путаным философским взглядам Давыдов был идеалист, а по политическим — реакционер. Слова о полку Игореве Давыдов касался в лекции «Составные начала и направление древней отечественной словесности». Он считал, что эта Песнь еще «ожидает критического разбора, который бы утвердил за нею право древности». Основные замечания Давыдова касаются языка Слова, который, представляя собою «смесь древнего и среднего языка из разных наречий, не подкрепляет мнения о глубокой его древности». Далее Давыдов замечает, что «если встречается сочинение, о котором не говорят писатели следующих веков, то оно почитается сомнительным». Невероятно, продолжает он, «чтобы поэма, сохранявшаяся с двенадцатого века, не была часто переписываема и не дошла до нас в нескольких рукописях». Давыдов также говорит о том, что в Слове перепутаны формы прилагательных и причастий, как древние, так и более поздние (например, «неготовами дорогами», но «старыми словесы» и т. п.). «Сочинение, написанное на неправильном смешении разных наречий, — писал Давыдов, — притом из разных времен, дает право сомневаться в его достоверности». В конце концов Давыдов замечает: «Будем ожидать филологического разбора оной (т. е. Слова. — А. З.)».[Давыдов И. Составные начала и направление древней отечественной словесности//Учен. зап. Московского университета. М., 1834. 4. 3. С. 296–302.]

Замечания И. Давыдова хотя и касались только языка Слова, но заслуживали внимания. Чтобы как-то уменьшить впечатление, которое производил Давыдов на слушателей, товарищ министра просвещения С. С. Уваров 27 сентября 1832 г. привел на его лекции Пушкина. Как позднее вспоминал И. А. Гончаров, обращаясь к студентам и указывая на профессора Давыдова, Уваров произнес: «Вот вам теория искусства... а вот и самое искусство», — прибавил он, указывая на Пушкина. Он, добавляет Гончаров, «эффектно отчеканил эту фразу, очевидно, заранее приготовленную».[Гончаров И. А. Собр. соч. М., 1954. Т. 7. С. 207.] По окончании лекции завязался горячий спор между Каченовским и Пушкиным о подлинности Слова о полку Игореве.[Подробнее см.: Цявловский М. А. Пушкин и «Слово о полку Игореве» I/ Цявловский А. А. Статьи о Пушкине. М., 1962. С. 213–215.] Давыдов в разговоре заметил, «что ему подано весьма замечательное исследование, и указал на Бодянского, который, увлеченный Каченовским, доказывал тогда подложность Слова».[Рассказы о Пушкине, записанные со слов его друзей П. И. Бартеневым. М., 1925. С. 49.] Работа О. М. Бодянского (в 1831–1834 гг. он учился в университете), к сожалению, не сохранилась. «Я, — писал О. М. Бодянский М. А. Максимовичу 12 декабря 1870 г., — как и вам то известно, именно перед тем незадолго состряпал было несколько своих замечаний на плохое слово Калайдовича о Слове о полку Игореве. Разумеется, то были увлечения с моей стороны духом того времени и ученьем равина нашего (речь идет о Каченовском. — А. З.). Кое-что, впрочем, в сей стряпне сказалось недурно, но только относительно недурно».[Данилов В. О. М. Бодянский и його листування з М. О. Максимовичем // Україна. 1927. № 6. С. 97.] В 1843 г. вышел перевод книги П. Шафарика «Славянское народописание», выполненный Бодянским. Здесь Слово

датируется концом XIV в.[Шафарик П. Славянское народописание. М., 1843. С. 16.] В чешском подлиннике время его написания отнесено к концу XII в.[Жданов И. Н. Литература Слова о полку Игореве//Соч. СПб., 1904. Т. 1. С. 392.] Если в издании 1843 г. не опечатка, то перед нами датировка Слова, которой придерживался Бодянский.

В 1837 г. дважды возвращался к теме Слова о полку Игореве О. Сенковский. В рецензии на книгу Мармье «Путешествие по Исландии» он заметил, что Слово можно было бы признать «настоящею скандинавскою сагою, если б только оно не носило на себе явных следов новейшего подражания и не обличало сербской или карпатской руки человека, который изучал латинскую литературу».[Сенковский О. Путешествие по Исландии господина Мармье//Библиотека для чтения. 1837. Т. 24. С. 149.] Поверхностный характер подобных «рассуждений» лишал их какого-либо научного значения. Касаясь издания Слова Максимовичем, Сенковский оговаривается, что он не видит «ни одного русского филолога, окинув взором всех, в том числе и себя, который был бы в состоянии сказать «*наверное*, на каком языке писана эта песнь и какого столетия она произведение». С сарказмом он говорил о том, что хорошо бы с просьбой о переводе Слова обратиться «к тому карпато-россу или сербу, как из всего видно, хорошему латинщику, который сочинил это Слово».[Сенковский О. {Рец. на кн.: «Песнь о полку Игореве». Изд. М. Максимовичем} // Библиотека для чтения. 1837. Т. 24. Литературная летопись. С. 36.]

В отзыве на перевод Слова, сделанный Д. Минаевым, Сенковский в 1846 г. не преминул мимоходом оценить Слово как «грубое и темное».[Сенковский О. {Рец. на кн. «Слово о полку Игореве». Перевод Д. Минаева} // Библиотека для чтения. 1846. Т. 79. С. 28–32.] Через год Сенковскому снова представился повод вспомнить Слово о полку Игореве. В отзыве на перевод так называемой Краледворской рукописи он недвусмысленно заявил, что эта рукопись является подделкой в духе Оссиана. Как известно, подлог Ганки был окончательно установлен много времени спустя. Сенковский писал, что «в древней и новейшей литературе бывали эпохи так называемых *открытий*, то есть просто подлогов, подделок под старину». После появления песен Оссиана «открылось у нас неизвестно как „Слово о полку Игореве“, в Богемии *открылась вдруг* знаменитая „Краледворская рукопись“».[Сенковский О. {Рец. на кн. «Краледворская рукопись». Перевод Н. Берг} // Библиотека для чтения. 1847. Т. 84. Литературная летопись. С. 2.]

Последнее выступление Сенковского о Слове было наиболее развернутым. Речь идет о его рецензии 1854 г. на перевод Слова, сделанный Н. Гербелем. Основной тезис, который стремится доказать Сенковский, сводится к следующему. Автор Слова «был человек, напитанный Горацием, Виргилием и Цицероном, думал по-латыни и писал на славяно-русском школьном, риторическом наречии выражениями, оборотами и формулами латинской поэзии времен Империи... В крайнем случае, он подражал польской поэзии шестнадцатого и семнадцатого века, которая была верным ее сколком. Или, точнее, он пользовался тою и другою, явственно будучи знаком с обеими как нельзя лучше. Это бросается в глаза почти при каждой строчке».[Сенковский О. {Рец. на кн. Н. Гербель. Игорь, князь Северский. СПб., 1854} // Библиотека для чтения. СПб., 1854. Т. 124. Литературная смесь. С. 3.] Доказательство этого тезиса Сенковский начинает с того общего положения, что «каждый век человечества и каждый возраст обществ имеют свои формы для идей, свой слог, свой способ рассуждения». Средневековый русский писатель не мог ввести в свой рассказ языческих божеств и назвать Бояна «внуком Велеса», т. е. Аполлона. Не мог он так зло и забавно насмехаться «над каким-то прежним поэтом». Мысль о том, что можно писать и без «старых словес», могла появиться тоже уже после Возрождения. Влияние латинской образованности Сенковский видел в выражении «трудных повестей (*difficilium fabularum*), «песнь» (латинское *cantus*, польское *pieśn*) в значении поэтического творения вообще. Сенковский удивлялся, почему «бессвязность слов и мыслей», обнаруживающаяся в Слове, расценивается обычно как показатель «древности творения», «как будто древность или эпичность освобождают кого-либо или

что-либо от логики».[Сенковский О. {Рец. на кн. Н. Гербель. Игорь, князь Северский. СПб., 1854} // Библиотека для чтения. СПб., 1854. Т. 124. Литературная смесь. С. 8.] Глагол «растекается» он выводил из украинского и польского («поет с жаром»). Слово, по его мнению, — «очень хорошее в своем роде произведение питомца Львовской академии из русских или питомца Киевской академии из галичан на тему, заданную по части риторики и пиитики, и я не могу никак понять, чтобы оно было древнее времен Петра Великого. Гораздо скорее отнес бы я его к началу царствования Станислава Августа в Польше, то есть к той эпохе, когда страсть к славянской мифологии... была сильно возбуждена в той стороне». В подкрепление этой мысли Сенковский приводит ряд слов, которые он считал украинизмами или полонизмами, «не совсем искусно переделанными на русский лад». В их числе «повиты» в смысле рождены «жалость» в смысле желание, «буй» в смысле великий, «конец поля» и др. Не все этимологические наблюдения Сенковского удачны, [См. критические замечания, высказанные Р. О. Якобсоном по поводу некоторых этимологических наблюдений Сенковского (La Geste. P. 235 и след.).] но направление его поисков было очень интересным. В сочинителе Слова он видел «ритора с большим дарованием... у него много огня, много души, порой даже много красноречия. Он горячий патриот, пламенно любит старую Русь, но говорит об ее делах уже... как судья отдаленный».[Сенковский О. {Рец. на кн. Н. Гербель. Игорь...}. С. 19.] Автор воспитан «в семинарии или духовной академии: об историческом предмете он берется написать не сочинение светского покроя, но слово и дает труду своему форму слова». Любопытно предположение Сенковского о том, что в распоряжении автора Слова мог быть какой-нибудь сборник творений Бояна или сказок о Трояне. Мы теперь знаем, что действительно автор Слова держал перед собою Задонщину, где упоминался Боян.

Сомневался в древности Слова и один из исследователей русской литературы XVIII в., ученик Каченовского Н. Стрекалов. Он писал: «К XII веку относят известное „Слово о полку Игореве“, рукопись которого найдена лишь в конце прошлого столетия. К сожалению, древность и этого произведения спорный предмет. Язык неизвестного Поэта не чист, испещрен словами разных наречий; формы смешанные; но слог блестящий и поразительный. Главное же достоинство Поэмы — превосходная поэтическая живопись».[Стрекалов Н. Очерк русской словесности XVIII столетия. М., 1837. С. 22–23.]

В 1840 г. в рецензии на книгу М. Максимовича «История древней русской словесности» М. Н. Катков, тогда либерал-западник, позднее крайний реакционер, упрекал автора за пристрастие к Слову, которое «никак нельзя принять за действительный и достоверный памятник. Одно только трудно придумать, кто мог решиться на подделку и написать такую нелепицу без всякой цели». Такая, пишет он, «уродливость в языке... такая бессвязица — ни одного слова живого». Вместе с тем Катков считал, что «утверждать решительно, что это с умыслом составленная подделка, — невозможно. Мы не имеем причины думать, что это Слово возникло, действительно, около того времени, к которому оно обыкновенно относится, но что мы не имеем его в истинном виде». Ибо дошедший экземпляр «представляет нам первоначальное Слово не только в искаженном виде, но и совершенно переделанным так, что от первоначального осталось несколько следов, только отдельные клочки».[{Катков М.} {Рец. на кн. М. Максимович. История древней русской словесности} // Отечественные записки. 1840. Т. 9. С. 71–72.]

В работе, написанной еще в 1830 г. и переведенной на русский язык в 1846 г., В. А. Мацеевский относил возникновение Слова к XIV в. Песнь, полагал он, «написана польско-русским наречием и, без сомнения, явилась тогда, как влияние Польши на Русь более и более начинало обнаруживаться».[Мацеевский В. А. Очерки истории письменности и просвещения славянских народов до XIV в. // ЧОИДР. 1846. № 2. С. 27; ср.: Maciejowski W. A. Pamiętniki o piśmiennictwie i prawodawstwie słowian. Petersburg, 1839. S. 51–54.] Сейчас уже нет надобности доказывать ошибочность представления о польском влиянии на Русь XIV в.

Мацеевский был не единственным польским ученым, который сближал Слово с памятниками польской литературы. В 1836 г. Л. Лукашевич писал, что Слово написано на польско-русском наречии где-то около Киева между 1185–1200 гг.[Łukaszewicz L. Rys dziejów piśmennictwa Polskiego. 1836. S. 6.] Сходные соображения высказывал М. Вишневский, датировавший Слово XII–XIII вв.,[Wiszniewski M. Historia literatury polskiej. Kraków, 1840. T. 1. S. 224.] и, наконец, К. Войцицкий, считавший автора поляком, жившим в окрестностях Киева.[Wójcicki K. Historia literatury polskiej. Warszawa, 1845. T. 1. S. 208–209. Еще в 1833 г. Беловский назвал автора «певцом нашей земли»: Bielowski A. Wyprawa Igora na połowców. Lwów, 1833.] Последнюю попытку объяснить наличие следов польского языка в Слове предпринял О. Гонсиоровский. Он считал, что памятник был написан на смеси «древневеликорусского с вятичско-польским».[Гонсиоровский О. Заметки о Слове о полку Игореве//ЖМНП. 1834. № 2. С. 208–209, 251–288.] Как мы видим, исследователи уже давно обратили внимание на элементы польской лексики в Слове, но верно объяснить их не могли, ибо неизвестен был ни автор этого памятника, ни время его написания. К тому же в работах В. Мацеевского, А. Ведовского, К. Войцицкого и Л. Лукашевича слышатся отзвуки националистических представлений польской буржуазно-дворянской науки XIX в.

Уже давно исследователи подметили отдельные черты белорусского языка в Слове о полку Игореве. В 1850 г. писатель В. Сырокомля (Кондратович) высказал мнение, что Слово было написано на белорусском наречии.[Kondratowicz L. Dzieje literatury w Polsce. 1850–1851. T. 1; Кондратович П. История польской литературы. М., 1860. Т. 1. С. 68–70.] П. А. Бессонов также считал, что «явно белорусские элементы» составляют в Слове «третью часть»,[Бессонов П. А. Белорусские песни. М., 1871. С. LVII.] а «творец Слова о полку Игореве — уроженец, выходец или даже житель белорусского края».[Бессонов П. А. Белорусские песни. М., 1871. С. LXIII..]

Языковые особенности Слова вызывали сильные сомнения у идеолога раннего славянофильства К. С. Аксакова. В своей книге о Ломоносове Аксаков отстаивал тезис о том, что в Древней Руси, несмотря на господство церковнославянского языка в памятниках духовной литературы, в произведениях народной литературы живой русский язык все же проявлялся, хотя подчас еще в виде ошибок «против языка церковнославянского». Но «именно этой-то жизни языка не видим мы в Слове о полку Игореве; мы видим в нем какую-то холодность, безучастие слога к жизни языка». К. С. Аксаков считал, что «Слово о полку Игореве не может быть отнесено к народным памятникам языка; церковнославянские формы глаголов встречаются с первого разу и продолжают во всю песнь».[Аксаков К. Ломоносов в истории русской литературы и русского языка. М., 1846. С. 151–152.] И мы действительно знаем теперь, что Слово написано «старыми словесами», что означало, в частности, широкое привлечение древней лексики и церковнославянских морфологических форм, о которых писал К. С. Аксаков.

Второе замечание К. С. Аксакова также было весьма существенно. «Ни по содержанию, — писал он, — ни также по языку не может быть оно отнесено к сочинениям, собственно на церковнославянском языке писанным... Язык был в периоде борьбы и волнения, и этой борьбы и волнения не видим мы в Слове о полку Игореве». Церковнославянский и русский элементы, по мнению К. С. Аксакова, присутствовали в памятнике, «но холодно, без участия друг к другу». Отсюда он делал вывод, что «язык этого Слова был составной, не живой язык того времени, которого условие, жизнь и движение обнаруживалось тогда ошибками». К. С. Аксаков готов был поэтому «усомниться в современности» памятника, но отказывается от этого, так как в нем якобы есть подробности, говорящие о его современности описанным событиям. Но раз так, продолжал он, то «сочинитель не был русским, природным, по крайней мере. Самое употребление языка это доказывает; найдя у нас два элемента речи, сочинитель воспользовался и тем и другим» как бы механически. К. С. Аксаков обращает внимание и на отсутствие в содержании Слова «элемента религиозного», и на причудливость

(«кудреватость») образов, якобы не соответствующих ни русскому характеру, ни русской народной поэзии.[Аксаков К. Ломоносов в истории русской литературы и русского языка. М., 1846. С. 155–156.] Автором Слова К. С. Аксаков склонен был считать какого-либо заезжего грека. В целом же в его рассуждениях интересны наблюдения о сложности языкового строя памятника, которые фактически приводили к выводу о позднем происхождении Слова о полку Игореве.

Таким образом, в 30—40-х гг. были высказаны разнообразные доводы в пользу позднего происхождения Слова. Большинство из них касалось языка памятника. Далеко не все наблюдения сейчас можно назвать серьезными, что объясняется уровнем науки того времени. Р. Якобсон пишет, что у сторонников недавнего происхождения Слова в подкрепление их выводов не было «ничего, кроме каких-то кулуарных разговоров, нескольких неясных суждений в печати, смутной ссылки студента Беликова на аргументы Каченовского, которые сам профессор никогда не соблаговолил опубликовать, и, наконец, двух или трех шутовских бесед Сенковского», — их аргументы якобы «не обнаруживают ничего, кроме глубокого невежества в языке и древнерусской литературе».[La Geste. P. 35 и след.]

Однако так просто уйти от разбора очень интересного направления в русской историографии первой половины XIX в. нельзя. В условиях господства шовинистических представлений казенной науки николаевской эпохи традиции «скептического» направления в буржуазной историографии не получили сколько-нибудь серьезного продолжения, а отдельные интересные наблюдения по вопросам, связанным со Словом о полку Игореве, так и не переросли рамки подчас прозорливых догадок.

С конца 20-х гг. XIX в. обращает свои взоры к Слову о полку Игореве как замечательному произведению русской письменности А. С. Пушкин. В 1830 г. он писал: «За нами темная степь и на ней возвышается единственный памятник: „Песнь о полку Игореве“».[Пушкин А. С. Полн. собр. соч. М.; Л., 1949. Т. 7. С. 226.] В 1834 г., глубоко верно оценивая народные истоки Слова, А. С. Пушкин замечал, что «несколько сказок и песен, беспрестанно поновляемых изустным преданием, сохранили полуизглаженные черты народности, и „Слово о полку Игореве“ возвышается уединенным памятником в пустыне нашей древней словесности».[Пушкин А. С. Полн. собр. соч. М.; Л., 1949. Т. 7. С. 307.] Обладая гениальной поэтической интуицией, Пушкин выделял Слово из произведений древнерусской письменности, которую он сравнивал с «пустыней». Подавляющее большинство блистательных памятников Древней Руси известно было уже в первой трети XIX в., но все они действительно резко отличаются от Слова.

Отстаивая подлинность Слова о полку Игореве, Пушкин писал: «Подлинность же самой песни доказывается духом древности, под который невозможно поддаться. Кто из наших писателей в XVIII веке мог иметь на то довольно таланта?». И сам отвечал на этот вопрос, говоря, что ни Карамзин, ни Державин, ни прочие поэты не могли бы написать это замечательное произведение.[Пушкин А. С. Полн. собр. соч. М.; Л., 1949. Т. 7. С. 501.] И Пушкин был прав: те писатели, которые ему были известны, этого сделать не могли.

В те же самые годы, когда А. С. Пушкин занимался изучением Слова о полку Игореве, он переводил на русский язык песни из сборника «Гузла», вышедшего в Париже в 1827 г. Эти вольные переводы вошли в цикл «Песни западных славян», изданный Пушкиным в 1835 г. Долгое время он не делал различий между народными песнями и стилизацией П. Мериме. Друг Пушкина С. А. Соболевский сообщил ему о настоящем авторе «Гузла». Но «Пушкин, — писал позднее Соболевский, — решительно поддался мистификации Merimee, от которого я должен был выписать письменное подтверждение, чтобы уверить П<ушкина> в истине пересказанного мною ему, чему он не верил и думал, что я ошибаюсь».[См.: Масанов Ю. В мире псевдонимов, анонимов и литературных подделок. М., 1963. С. 136–138.]

В 1841 г. великий русский критик В. Г. Белинский дал яркую характеристику Слову о полку Игореве как произведению народного творчества. Не сомневаясь в том, что перед

нами памятник XII в., Белинский считал, что «певца „Слова“ так же нельзя равнять с Гомером, как пастуха, играющего на рожке, нельзя равнять с Моцартом и Бетховеном. Но тем не менее это — прекрасный благоухающий цветок славянской народной поэзии». «Темные места» произведения Белинский справедливо относил за счет переписчика, а не автора. Самый памятник, по его мнению, «носит на себе отпечаток поэтического и человеческого духа Южной Руси». Видя в Слове простое и наивное повествование, Белинский считал, что в Слове «нет никакой глубокой идеи». Оно «не только не идет ни в какое сравнение с „Илиадою“, но даже и с поэмами средних веков вроде „Артура и рыцарей Круглого стола“». [Белинский В.Г. Русская народная поэзия//Отечественные записки. 1841. № 11. Критика. С. 5—18; см. также: *Белинский В. Г.* Полн. собр. соч. М., 1954. Т. 5. С. 332—349. Подробнее см.: *Ольшанский О. Е.* В. Г. Белинский и «Слово о полку Игореве» // Наукові записки Слов'янського державного педагогічного Інституту. Т. 2. Серія Історико-філологічна. Вип. 2. Слов'янськ, 1957. С. 118—140.]

В 50-х гг. прошлого века Словом о полку Игореве заинтересовался гениальный основоположник научного социализма Карл Маркс. «Суть поэмы, — писал К. Маркс, — призыв русских князей к единению как раз перед нашествием собственно монгольских полчищ». По его мнению, «вся песнь носит христианско-героический характер». Наука тогда не располагала точными данными о времени, когда было написано это выдающееся поэтическое произведение. Но тем не менее Маркс сумел показать, что этот памятник относится к таким же образцам «славянской народной поэзии», как и «чешский героический эпос». [Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 29. С. 19.] Только позднее стало известно, что в создании этого эпоса принимал участие чешский патриот Вацлав Ганка (1818 г.), использовавший для своих эпических стихотворений и Слово о полку Игореве.

Одним из самых серьезных аргументов против древности Слова, выдвинутых сторонниками позднего происхождения этого памятника, было отсутствие его отзвуков в древнерусской литературе. Однако в 1852 г. был издан список Ундольского, а в 1858 г. — Кирилло-Белозерский список Задонщины, содержавшие много мест, близких к Слову о полку Игореве. [Еще в 1838 г. Снегирев издал Сказание о Мамаевом побоище (Печатного извода), указав на черты близости его со Словом, но они были не столь явственны, как в Задонщине.] Это надолго похоронило все сомнения в древности Слова: тезис о том, что автор Задонщины конца XIV—XV в. использовал в своем сочинении Слово, стал аксиомой, не требовавшей каких-либо доказательств. Допустить обратное соотношение памятников долгое время никто не решался. Да и откуда позднейший составитель мог познакомиться с неоткрытым еще памятником русской литературы XIV—XV вв.? Несколько ранее нанесен был и другой удар по построениям критиков Слова. В обстоятельном издании Слова о полку Игореве, выполненном Д. Дубенским, содержался подробный комментарий, в котором приведено было много древнерусских терминов, перекликающихся с памятником. [Дубенский Д. Слово о плъку Игореве. М., 1844. {См. также: Творогов О. В. Дубенский Дмитрий Никитич//Энциклопедия. Т. 2. С. 141—144.}] Но одновременно с этим Дубенский охотно ссылался и на тексты, опубликованные Ганкой, в подлинности которых он не сомневался. Наконец, посвящение книги Дубенского графу С. С. Уварову красноречиво говорило о направленности издания, долженствовавшего покончить с построениями «скептиков».

60—80-е годы XIX в. ознаменованы крупными достижениями в области изучения Слова о полку Игореве. Все виднейшие знатоки древнерусской литературы обращались к этому памятнику, обогащая науку новыми наблюдениями. Так, Ф. И. Буслаев (1819—1897) [См.: Буланин Д. М. Буслаев Федор Иванович//Энциклопедия. Т. 1. С. 167—170.] много сделал для изучения мифологии Слова [Буслаев Ф. И. 1) Сербская сказка о царе Трояне//Москвитянин. 1842. № II. Критика. С. 203—205; 2) О влиянии христианства на славянский язык. М., 1848. С. 25—76; 3) Русская народная годовщина//Архив историко-юридических сведений. 1850. Кн. I. Отд. IV. С. 38, 43.] и его связи с народной поэзией. [Буслаев Ф. И. О преподавании отечественного языка. М., 1844. 4. 1. С. 267, ср. его рец. на

кн. Д. Дубенского: Москвитянин. 1845. № 1. Критика. С. 29–40.] Вслед за М. Максимовичем Буслаев показал близость Слова к украинским песням, но более подчеркивал его родство с русским эпосом. Мифологию Буслаев считал важнейшей стихией Слова.[Буслаев Ф. И. Об эпических выражениях украинской поэзии//Москвитянин. 1850. 4. 5. № 18. С. 19–36.] Мифологический взгляд на Слово был обобщен Буслаевым в ряде работ, вышедших в 50-60-х гг. XIX в.[Буслаев Ф. И. 1) Русская поэзия XI и начала XII века//Летописи русской литературы и древности. М., 1859. Т. 1. С. 3—31; 2) Лекции, читанные цесаревичу Николаю Александровичу (1859–1860)//Старина и новизна. 1904. Кн. 8. С. 324–328, 361–367; 3) Исторические очерки русской словесности. СПб., 1861. Т. 1; 4) Историческая хрестоматия церковнославянского и древнерусского языков. М., 1861. С. 598–602; 5) Русский богатырский эпос//Русский вестник. 1862. № 3. С. 26–28; № 9. С. 52–100; № 10. С. 556; 6) Отзыв о сочинении В. В. Стасова. Происхождение русских былин// Отчет о 12-м присуждении наград гр. Уварова. СПб., 1870. С. 26, 34, 67–68, 75–76, 78–79, 82.]

Велики заслуги в изучении Слова Н. С. Тихонравова. Он выпустил превосходное для своего времени издание этого памятника.[Тихонравов Н. С. Слово о полку Игореве. М., 1866; 2-е изд. М., 1868. {См. также: Творогов О. В. Тихонравов Николай Саввич//Энциклопедия. Т. 5. С. 117–120.}] Путем тонкого языкового и палеографического сопоставления мусин-пушкинской публикации и Екатерининской копии Слова[Ее издал в 1864 г. П. Пекарский (Пекарский П. «Слово о полку Игореве» по списку, найденному между бумагами императрицы Екатерины II //Записки имп. Академии наук. СПб., 1864. Т. 5, приложение № 2).] Н. С. Тихонравов установил, что рукопись Слова не могла датироваться временем ранее конца XVI в. Находясь в первый период своего творчества под влиянием мифологической школы, Тихонравов продолжал наблюдения Буслаева о связи Слова с народным творчеством.[См.: Тихонравов Н. С. Отреченные книги древней России//Соч. М., 1898. Т. 1. С. 178–179.] Позднее в курсе лекций он вводил Слово, которое, по его представлению, было воинской повестью, в круг таких произведений, как Девгениево деяние, сказания Ипатьевской летописи, повести о Куликовской битве и др.[В архиве Н. С. Тихонравова сохранился словарь по слову о полку Игореве (до буквы «с» включительно), составленный по материалам древнерусских повестей и летописей (ГБЛ, ф. 298, папка I).] В курсе древней русской литературы 1882/83 г. Н. С. Тихонравов уделяет большое внимание палеографическим соображениям о рукописи Слова, датирует ее временем не ранее конца XVI — начала XVII в.,[Тихонравов Н. С. История древней русской литературы. 1882/83 акад. год. С. 33–48 (хранится в ГПБ, шифр 37, 24.1, 15).] а также «разбору памятника», точнее, толкованию отдельных слов и выражений.[Тихонравов Н. С. История древней русской литературы. 1882/83 акад. год. С. 48–75. (хранится в ГПБ, шифр 37, 24.1, 15).] Н. С. Тихонравов собирался написать большую книгу о Слове. В. О. Ключевский писал по этому поводу А. Н. Пыпину в 1897 г.: «Н. С. {Тихонравов} говорил при мне о своем намерении написать большое сочинение о Слове о полку Игореве в двух частях, из которых одна будет посвящена разбору языка памятника». [Архив АН СССР (Ленинградское отделение), ф. 621, ед. хр. 394.] Этому намерению не суждено было сбыться.

Однако сохранился в литографии небольшой курс о Слове, который прочитал Н. С. Тихонравов в 1879/80 г. Этот курс состоял из 11 лекций. Первые 7 посвящены были установлению времени списка Слова и рукописи, его содержащей. Последние 4 давали разбор текста Слова с начала до фразы «неготовами дорогами побегоша».[Казанский городской архив, ф. 10, д. 987 (лекции Н. С. Тихонравова. Разбор Слова о полку Игореве. 1879/80 г. 48 с.).]

Являясь представителем сравнительно-исторической школы, Вс. Миллер (1848–1913)[См.: Руди Т. Р. Миллер Всеволод Федорович//Энциклопедия. Т. 3. С. 249–252.] всячески подчеркивает зависимость Слова о полку Игореве от произведений переводной византийско-болгарской литературы, в первую очередь от Девгениева деяния.[Миллер Вс.

Взгляд на Слово о полку Игореве. М., 1877.] Автор Слова, по его мнению, книжный человек по преимуществу. Выступая против мифологической школы, Миллер считал, что автор Слова — «христианин, не признающий богов и упоминающий имена их с таким же намерением, как поэты XVIII-го века говорили об Аполлоне, Диане, Парнасе, Пегасе и т. п.».[Миллер Вс. Взгляд на Слово о полку Игореве. М., 1877. С. 71.] Упоминания языческих богов служат автору Слова в качестве украшений, «и заключать отсюда о язычестве автора было бы так же произвольно, как если бы кто-нибудь утверждал, что Державин верил в бога Леля, который упоминается в его песнях».[Миллер Вс. Взгляд на Слово о полку Игореве. М., 1877. С. 10.] Хотел этого или не хотел В. Миллер, но он вынужден был пояснить упоминание в Слове языческих богов литературными явлениями XVIII в.

Теория заимствования Миллера встретила критику в печати.[Возражал против сближения Слова с Девгениевым деянием А. Н. Веселовский (Веселовский А. Н. Новый взгляд на Слово о полку Игореве//ЖМНП. 1877. Август. С. 267–306); см. также. Миллер О. Ф. Еще о взгляде В. Ф. Миллера на Слово о полку Игореве//Там же. Сентябрь. С. 37–61.] да и мнение о чисто книжном происхождении Слова разделялось отнюдь не всеми.

Определенный интерес представляла работа А. И. Смирнова.[Смирнов А. О «Слове о полку Игореве». Вып. 1. Литература Слова со времени открытия его До 1876 г. Воронеж, 1877; Вып. 2. Пересмотр некоторых вопросов. Воронеж, 1879.] Ее первый выпуск состоял из обзора литературы о Слове до 1876 г. Во втором помещены некоторые соображения о «темных местах» Слова, сравнение (довольно поверхностное) памятника с Задонщиной и Сказанием о Мамаевом побоище, а также параллели к Слову из произведений русского фольклора.

Князь П. П. Вяземский (1820–1888),[См.: Творогов О. В. Вяземский Павел Петрович//Энциклопедия. Т. 1. С. 267–269.] председатель Общества любителей древней письменности, принадлежал к числу самых высших чиновников консервативного толка (с 1859 г. он попечитель Казанского округа, с 1862 г. представитель цензурного комитета и т. п.). Будучи связан близкими родственными отношениями с графом А. И. Мусиным-Пушкиным, Вяземский проявлял живой интерес к Слову о полку Игореве. Объемистую книгу он посвятил доказательству тезиса о преобладающем влиянии на Слово античной письменности и учений гностиков.[Вяземский П. П. Замечания на Слово о полку Игореве//Временник ОИДР. 1851. Кн. 11. С. I–XX, I–66; 1853. Кн. 17. С. 1–54. Расширенное издание под тем же названием: СПб., 1875.] Игру в ненаучные сопоставления Вяземского типа «Боян — Гомер» резко критиковал Н. Г. Чернышевский, который считал, что его труд фактически ничего не может дать исследователю.[Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч. М., 1949. Т. 2. С. 329.] Не более плодотворной оказалась и другая работа Вяземского о «вариантах» Слова о полку Игореве.[Вяземский П. П. Слово о полку Игореве. Исследование о вариантах. СПб., 1877.] После публикации Екатерининского списка палеографические рассуждения о Мусин-пушкинской рукописи стали непременной частью всех обобщающих разысканий о Слове. Вяземский приводил массу сведений о палеографических особенностях рукописей XIII–XIV вв. Он стремился доказать правильность сведений Мусина-Пушкина о древности его списка (конец XIV — начало XV в.).

Постепенно Слово о полку Игореве начинало занимать все более значительное место в курсах истории древнерусской литературы. Так, о Слове много говорил О. Ф. Миллер в курсах, прочитанных в 1879/80 г. и в 1884/85 г. в Петербургском университете.[Казанский городской архив, ф. 10, д. 976. С. 140 и след.] Миллер подробно излагал историю публикаций и изучения Слова, приводя доводы в пользу подлинности памятника.[См.: Руди Т. Р. Миллер Орест Федорович//Энциклопедия. Т. 3. С. 252–254.]

Обстоятельное исследование Слову о полку Игореве посвятил А. А. Потебня (первое издание его вышло в 1877–1878 гг., второе посмертно в 1914 г.). В своем труде автор поставил вопрос о том, что «список, дошедший до нас в изд. 1800 г., ведет свое

начало от черновой рукописи, писанной автором или с его слов, снабженный приписками на полях, заметками для памяти, поправками, вводившими переписчика (быть может конца XIII или самого начала XIV в.) в недоумение относительно того, куда их поместить». Кроме того, вероятно, «в текст внесены глоссы одного или более чем одного переписчика».[Потебня. Слово. С. 3.] Тезис А. А. Потебни о близости дошедшего до нас списка Слова к авторскому тексту весьма плодотворен. Очень удачно также определен ряд позднейших вставок в Игореу песнь. Наконец, А. А. Потебня тонко подметил несомненную близость Слова к украинскому фольклору.

Оставаясь сторонником древнего происхождения Слова, А. А. Потебня вместе с тем считал, что этот памятник представлял собою «счастливое исключение» в литературе Древней Руси, ибо «свободному творчеству нет места в среде, где мысль связана обязательными верованиями, скована догматами и запутана религиозными страхами».[Овсяпику-Куликовский Д. Н. Воспоминания. Пб., 1923. С. 185.] Но от мысли об «исключительности» положения Игоревой песни в древнерусской литературе до вывода о принадлежности памятника к литературе более позднего времени расстояние не столь уж непреодолимое.

Итоги изучения Слова о полку Игореу в конце XIX в. были подведены в фундаментальном трехтомном исследовании Е. В. Барсова. Особенный интерес представлял его третий том, содержащий комментированный словарь к Слову (к сожалению, доведенный лишь до буквы «М»).[Барсов. Слово. Т. 1–3. Черновые материалы к монографии и к словарю см. в фонде Е. В. Барсова (ГИМ, отд. письменных источников, ф. 450, д. 57–61).] Автор исследования — видный собиратель древних рукописей, любитель, не получивший серьезной филологической подготовки. Общественно-политические взгляды Барсова были архиреакционные (кстати, и труд был посвящен мракобесу К. П. Победоносцеву). Слово для него — прежде всего памятник, построенный «на нравственной христианской основе».[Барсов. Слово. Т. 1. С. 133.] Все это сказалось на всем его труде. В нем не видно самостоятельной творческой мысли, систематического и всестороннего рассмотрения памятника.

Большое внимание в книге Е. В. Барсова уделено палеографическим наблюдениям. При этом автор датировал мусин-пушкинскую рукопись Слова XVI в., а не XIV–XV вв. Большинство «темных мест» Слова автор старался объяснить путем палеографической критики текста. Обстоятелен был и вводный критикобиблиографический очерк литературы по Слову. Общие же представления Е. В. Барсова о Слове были навеяны Н. С. Тихонравовым и В. Ф. Миллером. Для него Слово — воинская повесть, порожденная княжеско-дружинной средой. Отвергая близость к Девгениеву деянию, Е. В. Барсов старался найти в нем другие параллели с древнерусскими переводными произведениями, в частности с повестью Иосифа Флавия о падении Иерусалима. В предисловии к своей книге Е. В. Барсов сообщил, что он предполагает поместить в приложении к ней обнаруженные им бумаги А. Ф. Малиновского, долгое время работавшего над Словом о полку Игореу. Однако осуществить своего намерения он не сумел — книга не была им доведена до конца. Благодаря любезности В. В. Сорокина мне стали известны отпечатанные листы приложений, хранящиеся в библиотеке Московского университета. Особенно интересно VI приложение, содержащее «Летописное сказание о походе Игоря по списку Ярославского архиерейского дома».[Барсов. Слово. Приложения. С. 51–54.] Это — выписка из Никоновской летописи.[ПСРЛ. Т. 10. С. 12–13.] К сожалению, когда и кем была сделана выписка из рукописи Ярославского архиерейского дома (Спасо-Ярославского монастыря), остается неясным.

И все же, несмотря на появление нескольких капитальных исследований по Слову о полку Игореу, ясно было, что многие вопросы происхождения памятника ждут своего разрешения.

Выступая в прениях по докладу о Слове Д. И. Багалея, видный украинский историк И. А. Линниченко говорил, что оно «могло быть написано и не очевидцем изображенных в

нем событий».[Слово о полку Игореве как литературный памятник Северной земли // Чтения в историческом обществе Нестора летописца. Киев, 1888. Кн. 2. С. 161.] Сомнения в древности Игоревой песни оставались. Так, историк русской литературы П. О. Морозов писал, что Слово «и до сих пор еще во многих отношениях остается загадочным». Оно не подходит к общему складу древнерусской литературы. П. О. Морозов спрашивал: «Кто был автор „Слова“ — язычник или христианин? Если язычник, то — допуская, что он был современником Игорева похода, — как мог он оставаться в язычестве в конце XII века, среди христиан, которым византийские проповеди вовсе не внушали веротерпимости? Если же христианин, то — как мог он до такой степени проникнуться мировоззрением языческим — „поганским“, греховным, душепагубным, по понятиям того времени?.. Какие книжные люди могли им (Словом. — А. 3.) интересоваться и переписывать в продолжение трех или четырех веков этот плод языческого вдохновения, звучащего столь резким диссонансом среди общего, поразительно однообразного хора древнерусской письменности?.. Все эти и многие другие загадки, заданные русской науке „Словом о полку Игореве“ — этим сфинксом, который так внезапно явился в библиотеке гр. Мусина-Пушкина и так же внезапно исчез из нее, оставив свой след только в печатной книге, — еще ждут своего Эдипа».[Морозов П. О. Славянские литературы//Всеобщая история литературы. СПб., 1885. Вып. 16. С. 742–745.]

Переводчик и знаток Слова А. Н. Майков передавал свой разговор с «одним приятелем», сомневающимся в древности памятника. Этим «приятелем» был известный русский писатель И. А. Гончаров, присутствовавший в свое время в Московском университете на диспуте между А. С. Пушкиным и М. Т. Каченовским («Он и теперь еще, — добавлял А. Н. Майков, — кажется, более на стороне профессора»).[Майков А. Н. Слово о полку Игореве//Полн. собр. соч. СПб., 1893. Т. 2. С. 505. {См. также: Дмитриев Л. А. Майков Аполлон Николаевич//Энциклопедия. Т. 3. С. 198–202.}] Гончаров считал обособленное положение этого памятника в древнерусской литературе важнейшим аргументом против его подлинности: «Против подлинности Слова говорит один аргумент посильнее всех доказательств защитников. Это — то уединенное место, которое оно занимает во всей нашей древней литературе Киевской Руси». «Вот, — прибавлял от себя А. Н. Майков, — одно из очень старых возражений, на которое до сих пор не ответила критика».[«Слово о полку Игореве» в переводе А. Н. Майкова//Заря. 1870. С. 83; ср.: Майков А. Н. Стихотворения. 3-е изд. СПб., 1872. Ч. 3. С. 165–168. Позднее А. Н. Майков излагал этот разговор в несколько измененной редакции: «Что бы там ни толковали филологи о его подлинности, все-таки против них есть аргумент посильнее всех их доказательств: это — то уединенное место, которое оно занимает во всей нашей древней литературе Киевской Руси. Ну, судите сами: с какой стати на поле, засеянном пшеницей, вдруг вырос бы розан» (Майков А. Н. Полн. собр. соч. Т. 2. С. 467).]

А. Н. Майков приводил доводы, которые должны были отвести этот аргумент. Он сравнивал Слово с былинами и вместе с тем считал, что оно возникло в высших сферах общества и является единственным памятником существовавшей в Древней Руси полуязыческой литературы.

Видный славист В. И. Григорович также склонялся к тому, чтобы считать Слово подделкой, и сопоставлял памятник с Краледворской рукописью. В курсе «Чешская литература» (50—60-е гг.), касаясь наличия поздних слов в рукописи Ганки, он писал: «Чтобы сочинить их в позднейшее время, надо было перечитать все древнее, что было возможно, и употребить кстати — да так кажется и сделано, как в нашей Песне о полку Игореве все слова смешаны — и церковные и польские и простонародные».[ГБЛ, ф. 86, папка 2, № 33, л. 14 об. Перу В. И. Григоровича принадлежит неизданный доклад о значении слова «толковины» в летописях и Слове о полку Игореве (Труды III Археологического съезда в России. Киев, 1878. Т. 1. С. 52–53).]

Сторонником позднего происхождения Слова был немецкий историк культуры М. Каррьер, который писал: «В описании „Слова“ нет никакой наглядности, никакой живой

описовки характеров, очевидно, что тут говорится не о пережитом, а о произвольно сочиненном, с трудом следите вы за неясным, перескакивающим с одного на другое рассказчиком... На мой взгляд, это несомненно — подражание макферсоновскому Оссиану. Со стороны языка Боденштедт подтверждает мысль мою замечанием, что тут перемешаны выражения и слова разных наречий и разных веков».[Каррьер М. Искусство в связи с общим развитием культуры. М., 1874. Т. 3. С. 267–268; Carriere M. Die Zukunft im Zusammenhang der Entwicklung und die Ideal den Mensche. 1868. Bd 3. S. 29.]

Конец XIX — начало XX века можно назвать кризисным периодом в историографии Слова. В нем обнаружились явные тупики, в которые зашло изучение этого памятника. Е. В. Петухов даже писал: «Кажется, нельзя ожидать безусловно новых шагов в этом изучении без каких-либо важных фактических находок».[Петухов Е. В. Русская литература. Исторический обзор главнейших литературных явлений древнего и нового периода. Древний период. Юрьев, 1912. С. 50.] Фактически в это время не появилось ни одного обстоятельного труда по Слову (если исключить интересную, хотя и спорную книгу Ф. Е. Корша по ритмике памятника).[Корш Ф. Е. Слово о полку Игореве. СПб., 1909. В скобках можно заметить, что именно Ф. Е. Корш выступил с защитой подлинности окончания пушкинской «Русалки», подложность которого была вскоре установлена (Виноградов В. О языке художественной литературы. М., 1959. С. 273 и далее).] Интерес представляли только разыскания по частным вопросам, в том числе полемика Ф. Е. Корша и П. М. Мелиоранского о турецких элементах в языке памятника.[Мелиоранский П. Турецкие элементы в языке Слова о полку Игореве//И О РЯС. 1902. Кн. 2. С. 273–302; Корш Ф. Е. Турецкие элементы в языке Слова о полку Игореве (Заметки к исследованию П. Мелиоранского)//Там же. 1903. Кн. 4. С. 1—58; Мелиоранский П. М. Вторая статья о турецких элементах в языке Слова о полку Игореве//Там же. 1905. Кн. 2. С. 66–92; Корш Ф. Е. По поводу второй статьи проф. П. Мелиоранского о турецких элементах в языке «Слова о полку Игореве» //Там же. 1906. Кн. 1. С. 259–315.]

Все чаще стали появляться статьи, содержащие взаимоисключающие выводы, но опиравшиеся на данные памятника. Так, одни исследователи доказывали, что Слово — памятник устно-поэтического творчества (Ф. Е. Корш сближал его с былинами, Ю. Тиховский, С. Козленицкая — с думами), другие (А. С. Орлов и др.) продолжали рассматривать его в кругу воинских повестей. Н. Каринский находил в мусин-пушкинской рукописи черты псковской фонетики.[Каринский Н. М. Мусин-Пушкинская рукопись «Слова о полку Игореве» как памятник псковской письменности XV–XVI вв.//ЖМНП. 1916. Декабрь. С. 199–214.] но его выводы не были поддержаны другими исследователями, и т. п.

Исходя из тезиса о древности Слова о полку Игореве, А. Н. Пыпин считал многое в нем еще не объясненным. Слово, писал он, «до сих пор остается загадочным не только по тем пунктам, какие неясны по испорченности текста, но и по всему его характеру. Нелегко представить, каким образом книжный человек конца XII века, после двухсот лет христианства... мог с таким обилием расточать языческие образы, прилагая их к Русской земле, княжескому роду и к самой песне, нелегко определить и литературную формацию памятника, для которого не сбереглось ни antecedenta, ни предания».[Пыпин А. Н. История русской литературы. 2-е изд. СПб., 1902. Т. 1. С. 178; ср. 1-е изд.: СПб., 1898. С. 123–126.]

Сомнение в древнем происхождении Слова высказывал и Л. Н. Толстой. В феврале 1905 г. в разговоре с отъезжавшим за границу Х. Н. Абрикосовым Толстой с горечью говорил о том, что русские мало знают о древних славянских народах. «Все, что знаю о них, — продолжал он, — это по „Краледворской рукописи“, которая, как оказалось, подложная. Но я так и думал с самого начала: так же, как и „О полку Игореве“. Это сочинено на гомеровский, эпический лад. Мне не нравятся и „Нибелунги“, они не поэтичны. Старорусские же былины очень люблю: „Добрыня“, „Садко“, „Микула Селянинович“, „Илья Муромец“».[У Толстого. 1904–1910. «Яснополянские записки» Д. П.

Маковицкого. М., 1979. Кн. 1. С. 161. Н. К. Гудзий приводит это суждение Л. Н. Толстого «как очень показательный факт, лишний раз свидетельствующий об отсутствии у Толстого чувства истории» (Гудзий Н. Толстой о русской литературе//Эстетика Льва Толстого. М., 1929. С. 191). Говорить об отсутствии «чувства истории» у автора бессмертной эпопеи «Война и мир» вряд ли справедливо.] Тонкое чутье великого художника позволило Льву Толстому безошибочно почувствовать позднейшее происхождение Слова и поставить его в один ряд с Краледворской рукописью.

Примерно через 50 лет другой русский писатель, тонкий знаток древнерусской литературы А. М. Ремизов снова высказал сомнения в древности Слова, обращая внимание вслед за Пушкиным и Гончаровым на одиночество Слова среди памятников киевской литературы. Он говорил: «Среди памятников древней русской литературы Слово стоит одиноко и по своему ладу и по искусному строению. Ничего подобного не было в „болгарских“ веках русской литературы. Если Слово 12-го века, как могло случиться, чтобы такой пытливый к слову первый непревзойденный „летрист“, с которого пошло „словоплетение“, Епифаний Премудрый (14 в.), не наткнулся в богатом ростовском книгохранилище на список Слова!...А что мне еще на раздумю: запев Слова — упоминание безличного баяна (в полууставе с маленькой буквы) „сказителя“, принимаемого обычно за собственное имя, и церковнославянские формы, такие как „словесы“ или „рокотаху“, нарушая строй повести, звучат для моего уха фальшиво. И не было ли Слово только фрагменты, организованные потом (16 в.)? Говорю о своих сомнениях, я не ученый».[Кодрянская Н. Алексей Ремизов. Париж, 1959. С. 35–36. В 1944 г. А. Ремизов писал А. Мазону: «Ваша мысль мне, ведь, по душе. „Слово“ очень картинно, но песни я не слышу, а это один из признаков, что оно составлено (сочинено), а не из души вышедшее — пусть даже нескладное — то, что называется поэзия, живой ключ. А потом русский Олимп, о котором русский народ ничего не знает... Мне чуждо, что „Слово“ разделяет судьбу Тмута-Тараканского камня» (Quelques donnees historiques sur le Slovo d' Igor' et Tmutorokan' par M. I. Uspenskij (1866–1942). Traduction française et texte russe avec pieces complementaires et appendice par A. Mazon et M. Laran. Paris, 1965. P. 153).]

Разбирая Житие протопопа Аввакума, А. М. Ремизов писал: «Вслушиваясь в Житие, я почувствовал, какая это книга. Склад ее речи был мне, как столповой распев Московского Успенского собора, как перелеты кремлевского красного звона. А потом уж я оценил и как меру „русского стиля“ наперекор модернизированным былинам и билибинской „подделке“, невылазно-книжному „Слову о полку Игореве“, гугнящим, наряженным в лапти „гусярам“ и тому крикливому, и не без хвастовства, „истинно-русскому“, от чего мне было всегда неловко и хотелось заговорить по-немецки».[Ремизов А. Подстриженными глазами. Париж, 1951. С. 129–130. Подробнее об отношении Ремизова к памятникам древнерусской литературы см.: Лурье Я. С. А. М. Ремизов и древнерусский «Стефанит и Ихниллат»//РЛ. 1966. № 4. С. 176–180.]

В неоконченной повести «Веселые братья» (около 1918 г.) Н. С. Гумилев приводит следующий рассказ Евменида: «Возьмем к примеру „Слово о полку Игореве“: кто его сочинил, певец древний? Оно-то и правда, что певец, да только не древний, а Семен Салазкин, сын купеческий, что всего полтора-два года тому назад жил. Мальчиком он убежал из дому, да так и жил, под крышу не заходя... И все песни пел, такие забавные да унылые, сам придумывал... Встретили его братья. Зря, говорят, болтаешься, к делу тебя приставить надо. Приставили к нему человека, чтобы он ходил за ним, летописи старые ему читал, да что он сочиняет записывал. Через год „Слово“ и готово. Длиннее оно должно было быть, да только Сеню медведь задавил, на спор с одним топором пошел против зверя. Переписали наши-то уставом, да и всучили через разных людей господину Бобрищеву-Пушкину, а там история известная».[Гумилев Н. С. Собр. соч.: В 4 т. Вашингтон, 1968. Т. 4. С. 133.] Любопытно, что этот эпизод написан Гумилевым тогда, когда еще споры о Слове не вспыхнули с новой силой.

Одним из переводчиков и исследователей Краледворской рукописи был видный французский славист Луи Леже. После того как чешские ученые неоспоримо доказали, что этот памятник составлен В. Ганкой, а не является записью древнечешского эпоса, Леже поставил под вопрос и древность Слова о полку Игореве. Памятник, по его мнению, «не заслуживает ни малейшего доверия».[Леже Л. Славянская мифология//Филологические записки. 1907. Вып. 5–6. С. 101; ср. отдельный оттиск: Воронеж, 1908. С. 101.] Настороженное отношение вызвала у него мифология Слова о полку Игореве. Леже, в частности, считал, что название русского народа внуком Даждьбога «недопустимо в устах христианина». Оно «служит веским доказательством недостоверности если не всего памятника, то, по крайней мере, некоторых отдельных черт».[Леже Л. Славянская мифология//Филологические записки. 1907. Вып. 5–6. Там же. С. 105, ср. с. 191. Мифология Слова о полку Игореве вызвала сомнения и у В. Мансикки: «Мы принадлежим к тем, — писал он, — которые относятся к мифологии Слова с явным скепсисом» (Mansikka V. Die Religion der Ostslawen. Helsinki, 1922. Bd 1. S. 281).] Свои сомнения в древности Слова о полку Игореве Леже высказывал еще в 1890 г. Именно Леже впервые предложил «перевернуть гипотезу и задать вопрос, не вдохновлялся ли певец Игоря Задонщиной».[Leger L. 1) Russes et slaves. Etudes politiques et litteraires. Paris, 1890. P. 93–94; 2) Le dit de la bataille l'Igor II Leger L. La litterature russe. Paris, 1899. P. 21–28; 3) Histoire de la littérature russe. Paris, 1907. P. 12. {См. также: Дмитриева Н. Л. Леже Луи//Энциклопедия. Т. 3. С. 137–138.}] К памятникам XVIII в. относил Слово о полку Игореве и польский ученый Ф. Конечный.[Konieczny F. Dzieje Rosyi. Warszawa, 1917. T. 1. S. 460.]

Видные знатоки древней русской литературы В. М. Истрин, Д. И. Абрамович, Н. К. Никольский специально изучением Слова о полку Игореве не занимались.

Раздел о Слове в «Очерке истории древнерусской литературы» В. М. Истрина не носит самостоятельного характера: он близок к соответствующим главам курса М. Н. Сперанского, к исследованию В. Миллера и др. Основной вывод В. М. Истрина сводился к тому, что «поэтическое творчество автора не народное, но вполне книжное». Слово о полку Игореве — «памятник книжного происхождения». Наибольшее влияние на автора, по его мнению, оказала «История Иудейской войны» Иосифа Флавия. Есть в Слове стилистические совпадения и с произведениями Кирилла Туровского. Новые условия жизни Руси XIII в., а также трудность понимания текста были, по мнению В. М. Истрина, причинами, помешавшими широкому распространению Слова.[Истрин В. М. 1) Очерк истории древнерусской литературы. Пг., 1922. С. 183–198; 2) Лекции по истории древнерусской литературы, читанные в 1908/9 г. Литография.]

Большой интерес для специалистов представляют работы о Слове о полку Игореве М. Н. Сперанского.[Подробнее см.: Бычкова М. Е. М. Н. Сперанский в работе над «Словом о полку Игореве» (рукопись).] Их значительная часть остается еще не изданной.[О рукописях М. Н. Сперанского см. в кн.: Сперанский М. Н. Рукописные сборники XVIII в. М., 1963. С. 250–254.] Этого выдающегося исследователя древнерусской литературы в первую очередь занимала история изучения Слова.[Отрывок из большой работы на эту тему опубликован совсем недавно: Сперанский М. Н. Из истории изучения «Слова о полку Игореве» в Московском университете//И ОЛЯ. 1955. Т. 14, вып. 3. С. 288–294.] Подвергнув тщательному анализу так называемые бумаги Малиновского, он показывал их значение для истории первого издания Слова, но не для палеографической критики памятника.[Сперанский М. Н. Первое издание «Слова о полку Игореве» и бумаги А. Ф. Малиновского// Слово о полку Игореве. М., 1920. С. 1–24.]

Не меньшее внимание он уделял и самому характеру первого издания, его тиражу, описанию сохранившихся экземпляров. В одной из неопубликованных работ он подробно разбирает переводы XVIII в. Слова о полку Игореве и показывает их текстологическое соотношение.

М. Н. Сперанский много сделал для исследования сборника, содержавшего Слово. Так, он вслед за Е. В. Барсовым утверждал, что в его составе был хронограф редакции 1617 г. Его интересовали также списки Девгениева деяния и Сказания об Индийском царстве из Мусин-Пушкинского сборника. В целом же сборник он датировал неопределенно XVI–XVII вв. В монографии о Девгениевом деянии М. Н. Сперанский сравнивал лексику этого памятника с произведениями, близкими к нему по содержанию, времени и принадлежности к определенному кругу русской письменности. Среди них он рассматривал «Историю Иудейской войны» Иосифа Флавия, Ипатьевскую летопись и Слово о полку Игореве.[Сперанский М. Н. Девгениево деяние//Сб. ОРЯС. Пг., 1922. Т. 99, № 7. С. 59 и след.] В отличие от Вс. Миллера, Сперанский не решался говорить о влиянии Девгениева деяния на Слово. Но установленная им близость между памятниками очень показательна.

Свежими были суждения М. Н. Сперанского о Задонщине. Он считал, что «в XVII в. в Задонщине возникает стремление дополнить отрывками из Слова».[ЦГАЛИ, ф. Сперанского, оп. I, ед. хр. 270, л. 6–6 об. См.: Бычкова М. Е. М. Н. Сперанский в работе...] Тем самым список XV в. Задонщины (К-Б), по Сперанскому, отражал более первоначальную редакцию этого памятника, не знавшую тех отрывков из Слова, которые попали в XVII в. (списки XVI в. Задонщины Сперанскому еще не были известны).

К сожалению, работа по исследованию самого текста Слова, начатая М. Н. Сперанским, не была завершена и осталась лишь в черновых набросках. Сперанский как бы подошел к решению загадки Слова о полку Игореве. Традиционное представление об этом памятнике, которое он разделял, не дало ему возможности решить эту загадку.

В курсе истории древней русской литературы М. Н. Сперанский Слово о полку Игореве посвящал последний раздел. Он представляет интерес как краткий итоговый очерк истории изучения этого памятника. Сам же М. Н. Сперанский вслед за Н. С. Тихонравовым и другими считал Слово написанным кем-то из современников похода 1185 г., принадлежавшим к кругу княжеской дружины.

Стиль произведения, по его мнению, — «все же книжный, но обильно пропитанный приемами народного поэтического творчества».[Сперанский М. Н. 1) История древней русской литературы. М., 1921. С. 362 (1-е изд. М., 1914); 2) История русской литературы. Киевский период. М., 1920. Литография. С. 350–376.]

Несколько раз обращался к темам, связанным со Словом, А. И. Соболевский. Его этюды о Слове носили главным образом этимологический характер. Так, он развивал мысль о связи «канины» с рекой Канин,[Соболевский А. И. 1) На канину//Русский филологический вестник. 1885. Т. 14, № 4. С. 295–296; 2) Заметки о двух местах «Слова о полку Игореве» // Чтения в историческом обществе Нестора летописца. 1888. Кн. 2. Отд. 1. С. 253.] писал о происхождении слов Велес,[Соболевский А. И. 1) Волос и Власий//Русский филологический вестник. 1886. Т. 16. С. 185–187; 2) Материалы и исследования в области славянской филологии и археологии. XV. Заметки о собственных именах//Сб. ОРЯС. СПб., 1910. Т. 88. С. 250–252.] Дажьбог, Хоре, Пирогоща, кошей,[Соболевский А. И. Материалы и исследования... С. 247, 250–252, 256.] босый волк, паперси,[Соболевский А. И. К Слову о полку Игореве//И по РЯС. 1929. Т. 2, кн. 2. С. 174–186.] Тьмутаракань, шельбиры.[Соболевский А. И. Русско-скифские этюды//ИОРЯС. 1923. Т. 26. С. 11, 38–39.] Видя несогласованности в тексте Слова, А. И. Соболевский предлагал произвести перестановку в начале текста[Соболевский А. И. 1) Заметки о двух местах... С. 264; 2) Материалы и заметки по древнерусской литературе. XVIII. К Слову о полку Игореве//ИОРЯС. 1916. Т. 21, кн. 2. С. 210–213.] и считал, что конец к Слову приписан позднее основной части.[Соболевский А. И. К Слову о полку Игореве//И по РЯС. 1929. Т. 2, кн. 1. С. 174–186.]

Как и В. М. Истрин, А. И. Соболевский пытался объяснить, почему Слово дошло до нас только в одном экземпляре. Слово, по его мнению, было предназначено для произнесения вслух, а не для записи. В XV–XVI вв. его содержание было уже неясно, и

оно попало в сборник по инерции, когда списывалось все, что попадалось.[Соболевский А. И. Несколько мыслей о древней русской литературе // ИОРЯС. 1903. Т. 7, кн. 2. С. 152–153.] В сборнике со Словом, однако, помещено не «что попало», а сочинения, хорошо известные в древнерусской литературе. Таким образом, А. И. Соболевский видел ряд трудностей в общепринятой трактовке Слова, но убедительного решения их так и не смог предложить.[См. также: Тарланов З. К. Соболевский Алексей Иванович//Энциклопедия. Т. 5. С. 15, 17]

Близок к традиционной точке зрения на Слово был и историк украинской литературы В. И. Резанов. Так, в лекции о Слове, прочитанной в 1914 г., он считал автором Слова дружинника князя Святослава. Одновременно он считал, что «изобразительные средства автора Слова те же, какими до нашего времени пользуется наша устная народная словесность». Поскольку автор Слова — человек книжный, «в его произведении встречаются некоторые искусственные приемы старого русского писателя, воспитанного в византийской, южнославянской и успевшей к тому времени русской школе XI–XII вв.». [Филиал Черниговского обл. архива в Нежине, ф. В. И. Резанова (ф. 397), оп. 1, ед. хр. 107, л. 6, 9. Приношу глубокую благодарность И. Д. Бойко, ознакомившему меня с этими материалами.]

Гениальный русский ученый А. А. Шахматов, не занимаясь специально исследованием Слова о полку Игореве, почувствовал несоответствие этого памятника всему строю древнерусской письменности. В своем классическом труде «Разыскания о древнейших русских летописных сводах» А. А. Шахматов фактически не счел возможным ссылаться на Слово о полку Игореве, хотя случаев для этого ему представлялось более чем достаточно. Еще в статье о «Мстиславе Лютом», подписанной А. А. Шахматовым в октябре 1907 г., автор писал, что «Песня об усобице первых князей, сыновей Святослава, была, вероятно, известна творцу Слова о полку Игореве» (Шахматов имел в виду трудный текст Слова о Бояне, песнотворце «Ольгова коганя»).[Шахматов А. А. Мстислав Лютый в русской поэзии // Сб. Харьковского историко-филологического общества. Харьков, 1909. Т. 18. С. 90.] Однако в «Разысканиях...» (подписаны А. А. Шахматовым в октябре 1908 г.), где сюжет о Мстиславе Лютом значительно расширен за счет привлечения Длугоша и других мотивов, сопоставление со Словом о полку Игореве и былинами было снято. Только однажды Шахматов в примечании заметил, что «об единоборстве Мстислава с Редедей вспоминает и певец Слова о полку Игореве, это, думаю, свидетельствует о знакомстве его с тем или иным летописным сводом, включившим соответствующий рассказ в свой состав».[Шахматов А. А. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 1908. С. 425.] Так А. А. Шахматов предугадал решение труднейшего из вопросов, связанных с источниками Слова о полку Игореве!

Наиболее обстоятельный труд А. А. Шахматова по русскому языку — «Очерк древнейшего периода истории русского языка» как бы завершал его работы в этой области. [Шахматов А. А. Очерк древнейшего периода истории русского языка. Пг., 1915.] И здесь о Слове о полку Игореве упоминаний нет, хотя оснований для этого было много.[Не упомянуто Слово и в кн.: Шахматов А. А. Курс истории русского языка. 2-е изд... СПб., 1910–1911. Читан в 1908/9 уч. году. 4. 1–2 (Литография).] Например, А. А. Шахматов объясняет появление слова «цвилити» и ссылается на памятники XIII–XVI вв., но Слова не упоминает.[Шахматов А. А. Очерк древнейшего периода... С. 105, 106.] Он приводит не один десяток примеров из памятников XI–XIV вв., содержащих суффикс «ян» (в том числе и слово «багряну»), а о выражении «багряная стльпа» в Слове не говорит.[Шахматов А. А. Очерк древнейшего периода... С. 117–118.] Нет Слова и в разделе, посвященном доказательству существования глухих гласных (ъ и ь) в древнерусском языке XI и XII вв. Хотя, казалось бы, этот памятник давал для этого материал (даже если считать, что он сохранился в позднем списке).[Здесь автор упоминает Слово вскользь только в связи с термином «толковины». Там же. С. 203–216.]

Словом, среди многих сотен примеров из источников XI–XVII вв., фольклорных памятников и живых наречий мы не нашли ни одного, взятого А. А. Шахматовым из Слова о полку Игореве. Нет никаких следов использования Слова о полку Игореве как памятника древнего языка и в труде А. А. Шахматова, посвященном образованию русских племен и наречий, хотя в него включены явления истории языка до XV в. [Шахматов А. А. Введение в курс истории русского языка. 4. 1. Исторический процесс образования русских племен и наречий. Пг., 1916. С. 98–99.]

Правда, в незавершенном разделе «Историческая морфология» «Курса истории русского языка», читанного в 1910/11 г., А. А. Шахматов не раз ссылается на морфологические формы, встречающиеся в Слове о полку Игореве. [Шахматов А. А. Историческая морфология русского языка. М., 1957.] Изданы лекции посмертно по их литографическому воспроизведению. Текст их для печатного издания автором не обработан. Это обстоятельство заставляет с крайней осмотрительностью подходить к материалам данного раздела курса.

Слово о полку Игореве А. А. Шахматов помещает среди древнерусских памятников, но, как правило, в конце этого отдела [Шахматов А. А. Историческая морфология русского языка. М., 1957. С. 45, 46, 53, 57, 75, 76, 96, 99, 117, 243, 251.] или после источников XIII–XVI вв. [Шахматов А. А. Историческая морфология русского языка. М., 1957. С. 94, 106, 227, 229, 235, 242, 252, 263, 336, 341, 345.] По некоторым формам он не выделял Слово из южнорусских памятников XII–XVI вв. [Шахматов А. А. Историческая морфология русского языка. М., 1957. С. 259–260.] Мало того, А. А. Шахматов обычно, ссылаясь на источники, указывает их дату. Этого нет только для летописей (разновременных по своему составу) и для Слова о полку Игореве. Очевидно, время составления Слова не было для него ясным.

А. А. Шахматов привлекает данные Слова в тех случаях, когда речь идет о явлениях, которые могут быть подкреплены примерами из живого русского и других славянских языков. [Шахматов А. А. Историческая морфология русского языка. М., 1957. С. 46, 54, 57, 75, 91, 94.] Он приводит также формы, заимствованные в Слове из церковнославянского языка («на небесѣ»). [Шахматов А. А. Историческая морфология русского языка. М., 1957. С. 295, ср. с. 140.] Наряду с этим А. А. Шахматов отмечал наличие в Слове черт не древнерусского, а уже великорусского языка. [Шахматов А. А. Историческая морфология русского языка. М., 1957. С. 341. Замена окончания — ое на — ой (с. 345) («трупиа себѣ дѣляче».)] Он указывал на языковые явления, известные памятникам XV в. («два солнца»), [Шахматов А. А. Историческая морфология русского языка. М., 1957. С. 211.] на черты родства русского и белорусского языков («унили голоси»), [Шахматов А. А. Историческая морфология русского языка. М., 1957. С. 232.] на совпадение форм с польским языком, [Шахматов А. А. Историческая морфология русского языка. М., 1957. С. 77.] наконец, вообще на неясные формы Слова. [Шахматов А. А. Историческая морфология русского языка. М., 1957. С. 253 («Плачеть Путивлю городу на заборолѣ»). А. А. Шахматов сравнивал с более верным «въ Путивлѣ на забралѣ». Неясна была Шахматову и форма «погасоша вечеру зари».] Таким образом, А. А. Шахматов, воздерживаясь от точной датировки Слова и дошедшего до нас его списка, относил языковые явления, обнаруживающиеся в памятнике, к разным историческим эпохам. Слова о полку Игореве А. А. Шахматов преимущественно касался не в трудах по темам, являвшимся предметом его специальных занятий, а в откликах на чужие работы (С. К. Шамбинаго, Е. Ф. Корша, В. Ф. Миллера). При этом его суждения о Игорева песне отличались осторожностью и неопределенностью. Так, А. А. Шахматов обычно не указывал точную дату памятника. [Только один раз, еще в ранний период творчества, он вскользь сослался на традиционную дату памятника: «Связь с Тмутараканью не была забыта северскими князьями еще в конце XII века (Слово о полку Игореве)»: Шахматов А. А. К вопросу об образовании русских наречий и русских народностей // ЖМНП. 1899. Апрель. С. 333.] В обстоятельном разборе книги С. К. Шамбинаго А. А. Шахматов как бы

вскользь замечал о Задонщине, что ее «поэтическая форма, как давно уже указано исследователями, заимствована из Слова о полку Игореве».[Шахматов. Отзыв. С. 181.] Не развивая эту тему, А. А. Шахматов предпочел сослаться на господствовавшее в его время мнение.[В поздней работе А. А. Шахматов писал в сноске: «Нахожу вслед за другими исследователями вполне вероятным, что историческая песня готских дев, упоминаемая в Слове о полку Игореве (в XII в. еще не исчезли крымские готы), относилась к этому (Шахматов говорит о нем выше. А. 3.) эпизоду борьбы Винитара с антами» (Шахматов А. А. Древнейшие судьбы русского племени. Пг., 1919. С. 10). И в данном случае Шахматов подчеркивает, что он ссылается на мнение других исследователей, к которым он присоединяется.]

Итак, автор Задонщины имел «единственным источником поэтического вдохновения Слово о полку Игореве».[Шахматов. Отзыв. С. 183.] Из Поведания Софония Сказание о Мамаевом побоище «черпает... ряд поэтических картин, восходящих к Слову о п. Игореве».[Шахматов. Отзыв. С. 190.] «И быть может, — осторожно добавляет А. А. Шахматов, — составитель Слова о Мамаевом побоище своими прямыми заимствованиями из Слова о п. Игореве подал составителю Поведания мысль обратиться к Игоревой песне для полной переработки сюжета на основании источника, уже послужившего делу воплощения его в письменный образ».[Шахматов. Отзыв. С. 190–191.] Касался Слова А. А. Шахматов и в отзыве на сочинение студента В. А. Аносова «Церковнославянские элементы в языке великорусских былин». В нем, по мнению А. А. Шахматова, было «ценно то, что автор сумел сказать об отношении языка Слова о п. Игореве к языку былинному: он доказал близость, однородность „неполногласия“ Слова к „неполногласию“ былин путем сравнения распространенных и в Слове и в былинах „неполногласных“ слов». Далее Шахматов отмечал, что сопоставление этих «неполногласных» привело автора к выводу, «что былины могут быть возведены к тому же творческому источнику, откуда вышло и Слово, причем этим источником была книжно-образованная среда, языком которой был далекий от народного язык, насыщенный церковнославянским влиянием».[Отчет о состоянии и деятельности СПб. Университета за 1912 год. СПб., 1913. С. 212–213.] А. А. Шахматова, как мы видим, привлекла мысль о книжно-образованной среде, породившей Слово, и о ее языке, насыщенном церковнославянским влиянием. Времени создания Слова Шахматов в отзыве не касался. А. А. Шахматов считал, что выводы В. Ф. Миллера о Слове «едва ли кого-нибудь удовлетворили... сравнение Слова о полку Игореве с византийской поэмой X века о Дигенисе Акритисе и мысль о влиянии и подражании творца Слова этой поэме должны быть отвергнуты». Значение работы В. Ф. Миллера Шахматов видел не в ответе «на главные вопросы, до сих пор возбуждаемые Словом о полку Игореве», а в самой постановке этих вопросов. Однако выводы В. Миллера и среди них утверждение, что «Слово — произведение книжное», по мнению А. А. Шахматова, недостаточно оценены учеными. Особенно важным представлялось ему наблюдение В. Миллера о значении Болгарии для древнекиевской литературы. «Исходя из этого положения, — продолжал А. А. Шахматов, — автор и подходил к утверждению, что образцами для творца „Слова о полку Игореве“ служили византийские произведения, воспринявшие болгарскую окраску. Мы думаем, что В. Ф. Миллер прав». По В. Ф. Миллеру, былины складывались в среде профессиональных певцов. А «Слово о полку Игореве, столь близкое по своему характеру к нашим былинам, к возникшему в Киевской Руси дружинному эпосу, он признавал произведением книжным и искусственным, отразившим на себе сложные культурные влияния соседей». Если так, то и «высокоталантливый автор „Слова“ так естественно причислить к среде этих профессиональных певцов».[Шахматов А. А. Всеволод Федорович Миллер. Некролог // Известия Академии наук. VI серия. 1914. № 2. С. 75–76.]

Итак, мы видим, что сочувствие у Шахматова вызывала мысль Миллера о книжном происхождении Слова о полку Игореве и связь его с болгаро-византийским культурным влиянием.[Об этом см.: Виноградов В. В. А. А. Шахматов как исследователь истории

русского литературного языка//Вестник Академии наук СССР. 1964. № 10. С. 118; ср.: Гудзий Н. К. А. А. Шахматов о «Слове о полку Игореве» // ИОЛ Я. 1965. Т. 24, вып. 1. С. 3–6.] А. А. Шахматов выступал с «принципиальными возражениями» против былинной теории происхождения ритмики Слова, которую развивал Ф. Е. Корш. Обращаясь к Слову, А. А. Шахматов писал, что «перед нами книжная обработка поэмы, и эта обработка должна была заслонить и исказить весьма многое в том возможном ее первообразе, который представлял собой сопровождавшуюся напевом былинку». По мнению А. А. Шахматова, анализу ритмики сохранившегося текста Слова «должно бы предшествовать выделение ее несомненно сильно пострадавшего текста из письменной ее передачи, к тому же в дошедшем до нас списке несомненно испорченной, благодаря переписке». Однако Ф. Е. Корш «не предпослал» своему исследованию «всесторонней критики текста». [Шахматов А. А. Федор Евгеньевич Корш//Известия Академии наук. VI серия. 1915. № 4. С. 386.]

В данном случае, как мы видим, А. А. Шахматов допускал устное происхождение Слова о полку Игореве, но всячески подчеркивал необходимость критического изучения текста, сильно попорченного его письменной передачей.

Акад. В. В. Виноградов так резюмировал выводы А. А. Шахматова: «Следовательно, „Слово о полку Игореве“ в том виде, в каком оно известно нам, это собственно литературно-книжное произведение XV — начала XVI в., сохранившее, однако, в своей словесной художественной структуре некоторые следы связи с киевским дружинным эпосом». Поэтому, по мнению В. В. Виноградова, необходимо разграничивать, с одной стороны, проблему реконструкции первоначальной дружинной поэмы о полку Игореве и с другой — исследование Слова как литературно-книжного произведения XV–XVI вв. «Эти две задачи, — продолжает В. В. Виноградов, — у нас не разграничиваются. Это видно хотя бы по таким с точки зрения концепции А. А. Шахматова историческим неосмысленным заглавиям наших сборников „Слово о полку Игореве как подлинный памятник русской литературы конца XII в.“ и т. п.».[Виноградов В. В. История русского литературного языка в изображении акад. А. А. Шахматова//Filološki pregled. 1964. N 3–4. S. 77.]

После победы Великой Октябрьской социалистической революции интерес к Слову о полку Игореве неизмеримо возрос. Уже в 20—30-е гг. появляются на эту тему серьезные обобщающие труды, специальные исследования и научно-популярные работы.

Много сделал для изучения Слова о полку Игореве А. С. Орлов, автор интересной книги и нескольких статей на эту тему.[Орлов. Слово. См. также: Берков П. Н. Библиографический указатель научных печатных трудов акад. А. С. Орлова и литература о нем//ТОДРЛ. М.; Л., 1947. Т. 5. С. 5—14. Материалы работ А. С. Орлова по Слову о полку Игореве (в том числе стенограмма доклада «Гипотеза об участии западнорусской стихии в Слове о полку Игореве») см.: Архив АН СССР (Ленинградское отделение), ф. 763, д. № 14–20, 62, 99, 152.] Примыкая в целом к построениям Н. С. Тихонравова и М. Н. Сперанского, А. С. Орлов тонко подметил близость Слова о полку Игореве к Ипатьевской летописи и западнорусские языковые черты в нем. На этом основании он сделал вывод о галицком происхождении самого Слова.

Исключительный интерес представляют исследования по Слову о полку Игореве В. Н. Перетца, являющиеся необходимым руководством для всякого, который хотел бы серьезно заниматься изучением этого памятника. Комментированное издание Слова, выполненное В. Н. Перетцем, принадлежит к числу наиболее обстоятельных.[Перетц. Слово.] Громадной заслугой В. Н. Перетца является вывод о народном происхождении значительной части эпитетов памятника, имеющих параллели в русской, украинской и белорусской устной традиции.[Перетц В. Н. 1) К изучению «Слова о полку Игореве». Л., 1926; 2) Адшуканні і нагляданні ў беларускай народнай творчасці. 1. «Слова аб паходзе Ігаравым» і беларуская песенная традыцыя// Записки аддзелу гуманітарных навук Інстит. беларусск. культуры. Кн. 2. Працы клясы філелегіі. Менск, 1928. Т. I. С. 247–253.]

В. Н. Перетц показал также близость многих образов Слова к библейским. Он даже писал, что автор Слова «творил в пределах стиля, данного определенной литературной традицией, притом традицией, коренящейся в библейской письменности».[Перетц В. Н. 1) «Слово о полку Игореве» и древнеславянский перевод библейских книг // ИпоРЯС. 1930. Т. 3, кн. 1. С. 289–309; 2) К изучению «Слова о полку Игореве». Л., 1926; 3) «Слово о полку Игореве» и исторические библейские книги // Сб. в честь академика Алексея Ивановича Соболевского. Л., 1928. С. 10–14.] Наблюдение В. Н. Перетца (одностороннее до крайности) в то же время снова ставило под сомнение «языческое» происхождение мифологии памятника.

Много разносторонних и ярких исследований посвятил Слову о полку Игореве один из виднейших специалистов по истории древнерусской литературы Н. К. Гудзий. [См.: Хронологический список трудов академика Академии наук УССР Николая Каллинико-вича Гудзия // ТОДРЛ. М.; Л., 1957. Т. 13. С. 326–341. [См. также: Дмитриев Л. А. Гудзий Николай Каллинович // Энциклопедия. Т. 2. С. 68–73.]] Обстоятельные начатые им еще в 1914 г. критико-библиографические разыскания, интересные наблюдения над работой А. С. Пушкина над Словом, убедительные выводы по истории первого издания Слова, соображения о принципах перевода и комментария к памятнику и др. Согласно представлениям Н. К. Гудзия, Слово написано дружинником киевского князя Святослава, вышедшим из Черниговской земли.[Гудзий Н. К. История древней русской литературы. 5-е изд. М., 1953. С. 123.]

Очень много сделали для комментирования отдельных «темных мест» Слова В. Ф. Ржига[См.: Хронологический список трудов Вячеслава Федоровича Ржиги//ТОДРЛ. М.; Л., 1961. Т. 17. С. 686–692, а также его комментарии в издании: «Слово о полку Игореве». М., 1961, и статью: Автор «Слова о полку Игореве» и его время //АЕ за 1961 г. М., 1962. С. 3—17. {См. также: Творогов О. В. Ржига Вячеслав Федорович//Энциклопедия Т. 4. С. 212–214.}] и Д. В. Айналов.[См.: Айналов Д. В. 1) Дв1 замгтки до «Слова о полку Игореве»//Зап. истор. і филол. секцн Укр. наук, товар, в Кшш. 1918. Кн. 17. С. 92–97; 2) Сон Святослава в Слове о полку Игореве»// ИпоРЯС. 1928. Т. 1, кн. 2. С. 477–482; 3) Замечания к тексту Слова о полку Игореве//Сб. статей к 40-летию ученой деятельности академика А. С. Орлова. Л., 1934. С. 175–189; 4) Замечания к тексту Слова о полку Игореве//ТОДРЛ. М.; Л., 1935. Т. 2. С. 81–94; 5) Замечания к тексту «Слова о полку Игореве»//ТОДРЛ. М.; Л., 1936. Т. 3. С. 21–25; 6) Заметки к тексту «Слова о полку Игореве»// ТОДРЛ. М.; Л., 1940. Т. 4. С. 151–158. {См. также: Творогов О. В. Айналов Дмитрий Власьевич// Энциклопедия. Т. 1. С. 43–44.}]

Одним из крупных достижений советской исторической науки явилось обоснование тезиса о народной основе Слова о полку Игореве.[Уже в 1923 г. М. А. Яковлев показал наличие связи Слова с былинами и в композиции произведения, и в его образах (Яковлев М. А. «Слово о полку Игореве» и былинный эпос. М., 1923).] Особый интерес в этой связи представляет большое исследование А. И. Никифорова.[Никифоров. Слово. О диссертации А. И. Никифорова, см.: Головенченко Ф. М. Слово о полку Игореве... 1955. С. 372–377. Текст диссертации и материалы к ней см.: Архив АН СССР (Ленинградское отделение), ф. 747, оп. 1, д. № 79–85.] Автор собрал огромный материал, почерпнутый из сокровищницы русского, украинского и белорусского фольклора. А. И. Никифоров выдвинул тезис о том, что Слово — произведение устно-поэтического творчества. Ритмику,[См.: Никифоров А. И. Проблемы ритмики «Слова о полку Игореве»//Учен. зап. Ленинградского гос. пед. ин-та им. М. Н. Покровского. Л., 1940. Т. 4. С. 214–250.] эпитеты, лексику и образы Слова А. И. Никифоров выводил из русских былин и украинских дум. Несмотря на явную односторонность исследования А. И. Никифорова, оно наносило серьезный удар по сторонникам «дружинного» или чисто «книжного» происхождения Слова.

Успехи в изучении Слова о полку Игореве привели к новым попыткам пересмотра вопросов об его источниках и о времени его составления. Так, уже А. И. Лященко

установил, что автор Слова пользовался сведениями о походе Игоря 1185 г. из Ипатьевской летописи.[Лященко А. И. Этюды о «Слове о полку Игореве»//ИОРЯС. 1926. Т. 31. С. 137–158. Рукописи работ А. И. Лященко по Слову о полку Игореве, в том числе наброски статьи о поэтическом стиле Слова, см.: Архив АН СССР (Ленинградское отделение), ф. 156, д. № 30.] Пытаясь выйти из затруднительного несоответствия содержания Слова и обстановки 1185–1187 гг., Н. Грунский пришел к выводу, что «автор Слова не мог быть современником Игоря».[Грунский М. К. 1) Питання про автора «Слова о полку Ігоревім»//Ювілейний збірник на пошану акад. Д. Й. Багалія. Київ, 1927. С. 439–446; 2) Слово о полку Ігоревім. Харьков, 1931. С. 10–14. В 1939 г. Грунский вернулся к традиционной точке зрения на время появления Слова («Слово про Ігорів похід». Київ, 1939. С. 7).] Он обращал внимание на отсутствие в памятнике свидетельств о близости к описанным в Слове событиям, на несоответствие историческим фактам идилической характеристики киевского князя Святослава и на ошибки, допущенные автором Слова в описании последовательности событий княжения Всеслава.

Несколько возражений Грунскому сделал В. Н. Перетц. Но он не опроверг его наблюдений, а очень тонко подметил, что в XIII в. вряд ли столь незначительный эпизод, как неудачный поход северского князька, мог бы обратить на себя внимание писателя.[Перетц В. 3 приводу статті проф. Грунського//Записки Історично-філологічного відділу УАН. Київ, 1928. Кн. 19. С. 351–352.] Это совершенно справедливо. И вместе с тем если в Слове обнаруживаются поздние черты, а памятник не мог быть составлен в XIII в., то нужно было обратиться к векам не столь отдаленным от времени издания Слова о полку Игореве, чтобы выяснить, когда же возникло это произведение.

В 20-х гг. нашего века с защитой тезиса о появлении Слова в XVIII в. выступил профессор М. И. Успенский (1886–1942). Перу М. И. Успенского принадлежит ряд работ по древнерусскому и византийскому искусству, краеведению и народному образованию.[Успенские М. и В. Заметки о древнерусском иконописании. СПб., 1901; Лицевой месяцеслов греческого императора Василия II. Сентябрь. СПб., 1902; Октябрь. СПб., 1903. {См. также: Дмитриев Л. А. Успенский Михаил Иванович//Энциклопедия. Т. 5. С. 151–152.}] Его исследование «Происхождение „Слова о полку Игореве“ и Тмутараканского камня» (1925 г.) не было завершено и в основной части издано только недавно.[ИРЛИ, ф. Успенского, д. № 38. Издано А. Мазоном и М. Лараном: *Quelques donnees historiques sur le Slovo d'Igor et Tmutorokan* par M. I. Uspenskij (1866–1942). Paris, 1965. Об издании см.: Лихачев Д. С. В поисках единомышленников//ВЛ. 1966. № 5. С. 158–166; Дмитриев Л. «Новая» работа о «Слове о полку Игореве»//РЛ. 1966. № 2. С. 238–246.] Автор предполагал, что оба памятника, т. е. Слово о полку Игореве и надписи на Тмутараканском камне, были созданы А. И. Мусиным-Пушкиным в обоснование своей гипотезы о Тмутараканском княжестве, располагавшемся когда-то на берегах Керченского пролива. Источниками Слова М. И. Успенский считал «Историю» В. Н. Татищева, летописи, Задонщину и Сказание о Мамаевом побоище. К сожалению, исследование ограничилось главным образом историографическим обзором и отдельные очень интересные наблюдения автора содержатся только в виде набросков.[Впрочем, братья М. И. Успенского Александр и Дмитрий писали 28 января 1931 г. В. Д. Бончу-Бруевичу, что Михаилом Ивановичем «приготовлен капитальный труд о Слове о полку Игореве, устанавливающий совершенно новый оригинальный взгляд на этот любопытный памятник» (ГБЛ, ф. 369, картон 356, ед. хр. 7). Поэтому не исключено, что окончательный текст работы М. И. Успенского до нас просто не дошел]

В 20-е гг. М. И. Успенский, очевидно, был не одинок в своем «скептическом» отношении к Слову. Писатель И. С. Рахилло рассказывает о встрече С. Есенина с каким-то «профессором истории». Профессор этот «старался доказать, что „Слово о полку“ — произведение не оригинальное, что история похода князя Игоря Святославича в старинных летописях — Лаврентьевской и Ипатьевской — изложена гораздо

последовательнее и исторически точнее».[Воспоминание о Сергее Есенине. М., 1965. С. 380. Впервые в кн.: Рахилло И. С. Московские встречи. М., 1961.]

В конце 1930-х гг. с серией статей, посвященных Слову о полку Игореве, выступил видный французский славист профессор А. Мазон, высказывавший еще и ранее сомнение в древности этого памятника.[См.: Mazon A. 1) *Les bylines russes* // *Revue des cours et conferences* (30 mars 1932). Paris, 1932. P. 691; ср.: RES. 1923. Т. 3, fase. 3–4. P. 308; 1925. Т. 5, fase. 1–4. *Chronique*. P. 124; 2) *Le Slovo d'Igor* // RES. 1938. Т. 18, fase. 1–4. P. 5–40, 163–213; 1939. Т. 19, fase. 1–4. P. 52–86, 242–288.] Работы профессора А. Мазона (его книга 1940 г. и ряд последующих статей[Mazon A. 1) *Le Slovo d'Igor* (IV). Paris, 1940. 182 p.; 2) *Le Slovo d'Igor* (V–VI) // RES. 1944. Т. 21. P. 5–45; 3) *L'Auteur probable du Poeme d'Igor* // *Comptes rendus des seances l'Academie des Inscriptions et des Belles Letters*, annee 1944, 2-me trimestre. P. 213–220; 4) *La Campagne d'Outre — Don de 1380* // *Journal des savants*. 1948. Janvier — Juin. P. 15–25; 5) *Le Slovo d'Igor* // *The Slavonic and East European Review*. 1949. Vol. 27, N 69. P. 515–535; 6) *Тьмутораканьский бльванъ* // RES. 1961. Т. 39. P. 138.]) содержали следующие основные выводы: Слово о полку Игореве — памятник, составленный по материалам той версии Задонщины, которая является более поздней, чем Кирилло-Белозерский список. Поэтому Слово — памятник позднейшего происхождения. Его автором А. Мазон склонен был назвать А. И. Мусина-Пушкина, а позднее Н. Н. Бантыша-Каменского. Источниками Слова А. Мазон также считал рассказ о походе князя Игоря Святославича, содержащийся в «Истории» В. Н. Татищева, мотивы русского фольклора и переводы Оссиана. В языке Слова исследователь находил галлицизмы и даже американизмы, а в образах — черты литературы XVIII в.[Д. С. Лихачев в 1964 г. писал, что «в последнее время А. Мазон считает автором „Слова“ первого владельца его рукописи архимандрита Иоилия Быковского» (Лихачев. Когда было написано «Слово»? С. 138). Однако такой точки зрения А. Мазон печатно не высказывал. Д. С. Лихачев считал, что «об этом он определенно дает понять» в заметке о «Тьмутораканском бльване». Здесь, однако, мы читаем: «первый владелец рукописи архимандрит Иоиль (Иван Быковский) не мог избежать того, чтобы подобно Сенковскому в „бльванъ“ вложить смысл польского *bałwan* (волна)» (Mazon A. *Тьмутораканьский бльванъ*. P. 138). Ничего об авторстве Иоилия здесь, следовательно, нет. {Статья А. Мазона: *Ivan Bykovskij, Io'il l'archimandrite et l'auteur de «La Verite ou extraits de notes sur la Verite»* // RES. 1965. Т. 44. P. 59–88 — появилась год спустя после статьи Д. С. Лихачева.}]

Наблюдения А. Мазона поддержали некоторые лингвисты и историки литературы (Б. Унбегаун, М. Горлин, А. Вайян, М. Арнаутов, Ю. Кжижановский).[Gorlin M. *Salamon et Ptolemee* // RES. 1938. Т. 18; Unbegaun B. *Les Rusici* (Rusici) du *Slovo d'Igor* // RŚS. 1938. Т. 18, fasc. 1–2. P. 79–80; Vaillant A. 1) *Les récits de Kulikovo* // RES. 1961. Т. 39. P. 59–89; 2) *Les chants epiques des slaves du Sud* // *Revue des cours et conferences*. Paris, 1932. N 5. 15 Fevrier. P. 435; 3) *Za Solomonom carem* // Прилози за кн>ижевност, je3HK, HCTopHjy и фолклор. Београд, 1960. Св. 3–4. P. 272–274; 4) *Ярославна рано плачет* // RES. 1949. Т. 25. P. 106–108; Krzyżanowski J. 1) *Byliny*. Wilno, 1934. S. 6; 2) *Baltoslavica*. Wilno, 1936. Т. 2. S. 109; Арнаутов М. Достоверна или подправена поема // Българска мисъл. 1939. Кн. 5–6. С. 283–297. Р. Кисаки датирует Слово XVI–XVIII вв. на основании употребления терминов «Русь» и «Русская земля» в широком смысле, противоречащем значению этих названий, которое они имели в XII в.: Kisaki R. 1) *Some remanks on the term «Russkaja Zemlya»* // *The historical Review of Kagoshima University*. 1956. Vol. 4 (на япон. яз); 2) *On the Word «Rus» in «the Tale of the Raid of Igor»* // *The Shirin*. 1960. Vol. 43. N 5. P. 60–79; Кисаки Р. К вопросу о фальсификации «Слова о полку Игореве» — ответ на статью К. Накамура // *Изучение истории СССР*. 1961. Т. 2. С. 46–49 (на япон. яз.).] И. Свенцицкий считал, что Слово могло возникнуть в XV в. в связи с интересом к «половецкой теме», обнаруживаемой в летописях и других литературных произведениях того времени. Отредактировано Слово было в конце XVIII в. на основе летописей и других памятников древнерусской литературы. Редактор же рассыпал по тексту памятника «старые словеса» и

многочисленные цветистые эпитеты в духе литературы барокко.[Свенціцкий І. Русь і половці в староукраїнському писменстві. Львів, 1939. С. 36–60; ср.: Zbirka odgovora na pitanja. Medunarodni kongres slavista. Beograd, 1939. S. 136. П. Б. Струве в письме к А. Мазону от 22 ноября 1942 г. считал, что Слово — произведение книжное и не современное описанным в нем событиям. Основанное на Задонщине, оно было плодом «южнорусского возрождения» и возникло в XVI–XVII вв. (Quelques donnees historiques... Р. 141–143). Сторонником «промежуточной точки зрения» (между XII и XVIII вв.) заявил себя Г. П. Струве, (см. его предисловие в кн.: *Guāzy N. K. History of Early Russian Literature*. New York, 1949. Р. IX, XI).] Впрочем, И. Свенцицкий предложил только новый подход к проблеме Слова о полку Игореве, не дав систематического исследования памятника. Постановка проф. А. Мазоном вопроса о времени составления Слова о полку Игореве имела большое научное значение.[См. обзоры полемики по вопросу о Слове: Menas Antica. *Oko autentičnosti «Slova o pólku Igoreve»*//Zbomik Radova. Sveneiliste u Zagrebu. Filozofski Fakultet. Zagreb, 1954. S. 145–155; Dostal A. *Dispute de l'autenticite du Slovo d'Igor dans la science occidentale*//Byzantinoslavica. 1949. Roč. 10. Seš. 2. S. 275–284.] «История древнерусского языка, а также историческая стилистика древнерусского литературнохудожественного творчества, — писал В. В. Виноградов, — подверглась бы коренным преобразованиям и получила бы совершенно иную направленность, если бы был историко-филологически оправдан тезис профессора А. Мазона (и его немногочисленных сторонников) о поддельности „Слова о полку Игореве“».[Виноградов В. В. О языке художественной литературы. М., 1959. С. 259.] Однако большинство исследователей решительно отвергло построения А. Мазона.[Уже в 1939–1940 гг. со статьями, направленными против концепции А. Мазона, выступили П. Н. Милюков (Милюков П. Н. Ересь профессора Мазона//Последние новости. 1939. Май. № 6632; Июнь. № 6640) и Е. Ляцкий (Ляцкий Е. Неудачный поход на «Слово о полку Игореве»//Slavia. 1939. Roč. 17. Seš. 1–2. S. 110–127; 1940. Roč. 17. Seš. 3. S. 374–411).]

Еще в 1941 г. за рубежом вышел сборник статей, содержавший критику взглядов А. Мазона. В нем принимали участие видные русские слависты И. Н. Голенищев-Кутузов, А. В. Исаченко, А. В. Соловьев[Заметки к «Слову о полку Игореве». Белград, 1941. Вып. 2.] и др. Вслед за этим обстоятельную работу на ту же тему выпустил Н. К. Гудзий.[Гудзий Н. К. Ревизия подлинности «Слова о полку Игореве» в исследовании проф. А. Мазона//Учен. зап. МГУ. М., 1946. Вып. 110. С. 153–187.] Критику представлений Мазона на взаимоотношение Слова о полку и Задонщины содержала работа В. П. Адриановой-Перетц.[Адрианова-Перетц В. П. (Опыт реконструкции). С. 205 и след.]

В 1948 г. в США в свет вышло новое издание Слова о полку Игореве со статьями и комментарием Р. Якобсона, Г. Вернадского и М. Шефтеля.[La Geste.] Большая статья Р. Якобсона, подвергавшая разбору аргументации А. Мазона, была воспринята многими европейскими и американскими учеными как завершение векового спора о времени создания Песни об Игоре в походе. В 15 газетных и журнальных рецензиях, появившихся в США, и почти во всех 20 европейских отзывах также признавалась полная неосновательность гипотезы А. Мазона.[Перечни этих рецензий дважды с завидной осведомленностью приводил сам Р. О. Якобсон. См.: *Russian Epic Studies*. Philadelphia, 1949. Р. 220–223; Якобсон Р. О. Изучение «Слова о полку Игореве» в Соединенных Штатах Америки//ТОДРЛ. М.; Л., 1958. Т. 14. С. 113.] Наиболее выразительные оценки итогов полемики приведены были самим Р. О. Якобсоном в одной из последующих статей.[Jakobson R. The Puzzles of the Igor' Tale on the 150-th Anniversary of its first Edition //Speculum. 1952. Vol. 27. N 1. Р. 48–50. Перевод извлечений из этого перечня см. также в книге: Головенченко Ф. М. Слово о полку Игореве... 1955. С. 472–473.] Его конечный вывод сводился к следующему: «Вопреки отчаянным усилиям ученого (речь шла об А. Мазоне. — А. 3), неминуемо приходится кончать констатацией того, что, с одной стороны, Слово не содержит ни одной черты, которая показалась бы неубедительной (или, по крайней мере, подозрительной) для произведения, составленного в XII в. и

скопированного в XVI в., а с другой стороны, этот памятник являет большое количество черт, которых невозможно ожидать в тексте более позднего происхождения, и особенно тех, которые не мог знать эрудит XVIII в.». [La Geste. P. 358–359.] Этот же тезис звучал и в зарубежных отзывах на работу Р. О. Якобсона. Так, А. Стендер-Петерсен писал, что «подлинность сказания об Игоре установлена неоспоримо». [Stender-Petersen A. The Igor Tale // Word. New York, 1948. Vol. 4. P. 154.] М. Фасмер говорил, что «взгляд Мазона, утверждающий поддельность этой древней русской поэмы, не имеет для меня никакой убедительности». [Zeitschrift für Slavische Philologie. 1948. Bd 20. S. 465.] По Д. Чижевскому, «недавнее сомнение» в отношении Слова оказалось «только результатом грубого научного заблуждения». [Tschizeuskij D. Geschichte der altrussischen Literatur im H., 12. und 13. Jahrhundert. Frankfurt am Main, 1948. S. 330.] «Само собою очевидный характер подлинности» Слова отмечал П. Л. Гарвин. [Garvin P. {Рец. на La Geste} // Language. 1948. Vol. 24. N 3. P. 322.] Подводя итоги изучения Слова, К. Менгес считал, что «этим замечательным памятником ранней светской русской литературы» выдержано «последнее испытание подлинности». [Journal of the American Oriental Society. 1949. P. 43.] Е. Тартак отмечал «тщетность», [The Russian Review. 1949. Vol. 8. P. 232.] а Р. Нахтигаль — «абсолютную необоснованность» [Slavisticna Revja. 1949. T. 3. S. 232.] критических доводов А. Мазона. С грубой бранью на А. Мазона обрушился С. Лесной (Парамонов), автор невежественной книги о Слове. [Лесной С. Слово о полку Игореве. Париж, 1951. Вып. 2. С. 157–184. О книге Лесного см.: Шарлемань Н. В. Сергей Парамонов о «Слове о полку Игореве» // ТОДРЛ. М.; Л., 1960. Т. 16. С. 611–616.] С. Урбанчик отмечал, что теперь «трудно отстаивать скептические сомнения» по отношению к Слову. [Kuźnica. 1948. Roć. 4. S. 7.] По Я. Малкиелю, даже можно говорить о «бесспорной очевидности „древности Слова“ с лингвистической, исторической и литературной точки зрения». [Malkiel J., Malkiel M. R. L., de. El Cantor de la huesta de Igor // Sun. Buenos-Aires. 1949. N 176. P. 43.] Для католического историка Ф. Дворника Слово о полку Игореве — «шедевр древнерусской поэзии», [Catholic Historical Review. 1949. Vol. 35. P. 467.] причем именно проф. Р. Якобсон «окончательно доказал, что оно было создано в Киевский период, вскоре после несчастной экспедиции Игоря против половцев». [Dvornik F. The Slaves. Their Early History and Civilization. Boston, 1956. P. 238.] По мнению Л. Тесниера, «все критические доводы Мазона отвергнуты один за другим». [Bulletin de la Societe de Linguistique de Paris. 1948. T. 24. N 2. P. 145.] Для Г. Пейра также ясно, что «все его аргументы и сомнения развеяны в прах». [La Republique Francaise. New York, 1949. T. 5. P. 369.] Историк клерикальной общественной мысли Г. Федотов даже писал, что «его (Мазона.—А. 3.) построение разрушено до основания, и приходится удивляться, с какими средствами оно было предпринято». [Новый журнал. 1949. Т. 20. С. 302.] Ему вторил А. Гроника, говоривший, что «каждый пункт его (Мазона.—А. 3.) концепции оказывался настолько необоснованным, что читатель, естественно, спрашивает себя, нужна ли была столь сильная атака (защита древности Слова.—А. 3.) против столь слабого врага». [Comparative Literature. 1949. Vol. 1. P. 81.] По А. Лорду, в работе Р. Якобсона содержится «детальное и блестящее опровержение теории Мазона». Поэтому утверждение о псевдоклассицизме, преромантизме и откликах оссианической литературы существует «только в воображении французского ученого, и представление о Слове возможно только на фоне литературной традиции средневекового Киева». [Journal of American Folklore. 1949. Vol. 42. N 244. P. 203.] Таким образом, «сенсационное утверждение французского ученого может быть окончательно отброшено» (Р. Уеллек). [Moderne Language Notes. 1948. Vol. 43. P. 502.]

Можно было бы привести и другие отклики на полемику о Слове, но и они лишь подтвердят конечный вывод Р. О. Якобсона, что в отношении древности Слова сомнения были отвергнуты «всеми филологами и литературоведами мира, касавшимися недавней дискуссии, исключая А. Вайяна». [Jakobson R. The Puzzles... P. 49.] Для этого были известные основания. Прежде всего, заблуждением А. Мазона был общий подход к Слову

о полку Игореве как к простой стилизации, имевшей целью подлог, а не как к своеобразному и в художественном отношении яркому произведению литературы своего времени. А. Мазон не раскрыл богатства идейного содержания памятника, который входит в круг произведений передовой разночинной литературы XVIII в. Явно несовершенной была и методика источниковедческого анализа в работе А. Мазона. Н. К. Гудзий, Р. О. Якобсоном и другими указывалось, что А. Мазоном не было объяснено, почему в Кирилло-Белозерском списке обнаруживаются следы близости со Словом о полку Игореве. Н. К. Гудзий обратил внимание также на мотивы, роднящие Слово со Сказанием о Мамаевом побоище.[Гудзий. По поводу ревизии. С. 91–93.]

Далее, Р. О. Якобсоном и Д. С. Лихачевым отмечалось, что Слово не могло восходить к рассказу В. Н. Татищева, ибо оно сохраняет черты близости с Ипатьевской летописью и не обнаруживает столь явного сходства с «Историей Российской». [Jakobson R. L'authenticite du Slovo // La Geste du Prince Igor. P. 308–309; Лихачев. Изучение «Слова о полку Игореве». С. 63–66.] Совершенно справедлив был упрек А. Мазону в том, что он не смог достаточно убедительно объяснить сходство Слова с припиской к псковскому Апостолу 1307 г. Ссылка на то, что перед нами «общее место», не могла удовлетворить, ибо ни одного примера сходных чтений с псковским Апостолом А. Мазон не привел.[La Geste. P. 344; Лихачев. Изучение «Слова о полку Игореве». С. 26.] Н. К. Гудзий было также доказано, что ни Мусин-Пушкин, ни Бантыш-Каменский не могли быть авторами Слова, ибо издатели не всегда понимали текст памятника при его публикации и составлении примечаний.[Гудзий. По поводу ревизии. С. 117 и след.] Ю. М. Лотман установил, что Слово о полку Игореве резко отличается от подделок конца XVIII — начала XIX в. и от литературных явлений XVIII в. представленных книгами М. Попова, М. Чулкова и других певцов славянских древностей.[Лотман. «Слово» и литературная традиция. С. 330–405.] Невозможно было представить себе и то, чтобы «фальсификатор» скопировал весь текст огромного сборника.[Дылевский Н. М. Лексические и грамматические свидетельства подлинности «Слова о полку Игореве» по старым и новым данным//Слово. Сб.-1962. С. 205–216.] Востоковеды находили в ориента-лизмах Слова следы половецкого языка, который, конечно, не мог быть известен автору XVIII в. Лексический и морфологический анализ памятника показывал древность многих его слов и отчасти грамматического строя. Наконец, не понятен был и факт существования так называемых темных мест в Слове. Вряд ли «фальсификатор» мог стремиться к затемнению своего памятника.

Работы А. Мазона при всех их серьезных недостатках содержали все же обстоятельную попытку аргументации тезиса о позднем происхождении Слова о полку Игореве. Они сыграли заметную роль в возбуждении интереса к вопросам источниковедческого анализа Слова, к изучению языкового строя и других первоочередных вопросов истории текста этого выдающегося памятника русской литературы.[В полемическом запале О. Сулейменов писал: «Ответы защитников (подлинности Слова. — А. 3.) составили не один том, где на все лады повторяется главный аргумент в пользу подлинности — убежденность в подлинности» (Сулейменов О. Аз и я. Алма-Ата, 1975. С. 14), но доля истины в этом утверждении есть: исследователи чаще исходили из тезиса о древности Слова, чем доказывали его.] Славистика всегда будет отдавать должное трудам А. Мазона, неутомимого исследователя русской литературы.

Этого отнюдь нельзя сказать о стремлении некоторых авторов (Г. Пашкевич и др.) [Paszkievicz H. The Origin of Russia. London, 1954. P. 336–353. Ср. также: Skerst H. von. Ursprung Russlands. Stuttgart, 1961. S. 209–211. Критику взглядов Г. Пашкевича см.: Лихачев. Изучение «Слова о полку Игореве». С. 74–77.] как бы «мимоходом» решить эту серьезную проблему. Поверхностные рассуждения в работах подобного рода, как правило, сдобрены изрядной дозой антисоветских выпадов и фактически стоят вне науки. Великая Отечественная война задержала на несколько лет полемику советских ученых с гипотезой А. Мазона. Первые обстоятельные критические разборы работ этого французского

слависта принадлежали А. С. Орлову[Орлов. Слово. С. 209–213.] и Н. К. Гудзию.[Гудзий Н. К. Ревизия подлинности «Слова о полку Игореве»... С. 153–187.] Вопрос о соотношении Задонщины и Слова о полку Игореве стал предметом исследования В. П. Адриановой-Перетц[Адрианова-Перетц В. П. «Слово о полку Игоревім» і «Задонщина» // Радянське літературознавство. 1947. № 7–8. С. 135–186 и др.] и В. Ф. Ржиги.[Ржига В. Ф. Слово Софония-рязанца о Куликовской битве («Задонщина») // Учен. зап. МГПИ им. В. И. Ленина. 1947. Т. 43.] С 1948 г. тон полемики стал резче. Так, краткое упоминание о Мазоне и его последователях в статье В. Д. Кузьминой[Кузьмина В. Д. «Слово о полку Игореве» как памятник мировой литературы//Слово. Сб.- 1947. С. 7—42.] вызвало отповедь некоего Вас. Куриленкова, призвавшего «изобличать самую суть» теорий А. Мазона. Автор возмущался тем, что Кузьмина «пытается „полемизировать“ с мазонами и их теориями с плохо понятых позиций научности».[Куриленков Вас. На объективистских позициях // Известия. 1948. 11 янв.] М. Н. Тихомиров тогда же писал: «Неизвестно, сколько сребреников было отсчитано г-ну Мазону немецкими властями за эту книгу, выпущенную в годы национального траура Франции».[Тихомиров М. Н. Письмо в редакцию//ВИ. 1948. № 3. С. 159.]

В редакционной статье «Литературной газеты» излагалось обсуждение доклада Ф. Головенченко на заседании ученого совета Института мировой литературы АН СССР. В ней, в частности, давалась характеристика Мазона как «клеветника, пытавшегося доказать, что русский народ не был в состоянии создать „Слово о полку Игореве“».[Литературная газета. 1949. 19 марта. № 23.] Позднее Ф. Головенченко писал, что Мазон «посредством фальсификации попытался отвергнуть величие нашей древней поэмы», и о том, что «советские ученые с глубоким негодованием разоблачили гнусную клевету буржуазных космополитов» (или «безродных скептиков-космополитов»).[Головенченко Ф. М. Слово о полку Игореве... 1955. С. 269.] Давал отпор «новейшим измышлениям о Слове А. Мазона» и В. В. Данилов.[Данилов В. В. М. А. Максимович в работе над «Словом о полку Игореве». С. 292.]

Позднее Д. С. Лихачев писал: «Во времена культа личности Сталина, когда научные дискуссии сплошь да рядом превращались в проработки, а научные аргументы подменялись политическими обвинениями, не было возможности не только выступать тем, кто сомневался в подлинности „Слова“, но и тем, кто хотел защитить его от сомнений некоторых западных исследователей. Защитники „Слова“ не могли привести развернутую аргументацию, так как не имели возможности подробно изложить доводы своих противников. Да многим исследователям и не хотелось выходить за пределы научной объективности».[Лихачев. Когда было написано «Слово»? С. 132.] Все это верно только отчасти. В конце 40—начале 50-х гг. появлялись обстоятельные работы, в которых велась серьезная полемика с А. Мазоном (кроме названных выше см. другие работы Н. К. Гудзия и В. П. Адриановой-Перетц).[Адрианова-Перетц. (Опыт реконструкции). С. 205–217; Гудзий Н. К. Невероятные догадки проф. А. Мазона о вероятном авторе «Слова о полку Игореве»//И ОЛЯ. 1950. Т. 9, вып. 6. С. 492–498.]

Но дело заключалось в том, что ряд литературоведов не придавал сколько-нибудь серьезного значения трудам А. Мазона. Даже в предисловии к изданному в 1962 г. под редакцией Д. С. Лихачева сборнику статей, посвященных критике концепции А. Мазона, говорилось, что Слово «не нуждается в защите перед лицом специалистов», а поэтому сборник адресуется прежде всего широким кругам «читателей, особенно за границей».[От редактора // Слово. Сб.-1962. С. 4.]

И в то же время послевоенные годы отмечены появлением крупных исследований Слова о полку Игореве. Всеобщим признанием пользуются труды советских литературоведов (В. П. Адриановой-Перетц, М. П. Алексеева, Н. К. Гудзия, Д. С. Лихачева, Л. А. Дмитриева и др.), языковедов (Л. А. Булаховского, С. П. Обнорского и др.), историков (Б. А. Рыбакова, М. Н. Тихомирова и др.), много сделавших для понимания различных сторон этого замечательного памятника русской литературы.

Разнообразны исследования Слова о полку Игореве, проведенные учеными славянских стран (Б. Ангеловым, С. Вольманом, А. Досталем, Н. М. Дылевским, А. Зайончковским, А. Обрембской-Яблоньской и многими другими). [Ангелов Б. Ст. «Слово о полку Игореве» в България (Библиографска справка) // Известия за 1960–1961 г. на Народна библиотека «Васил Коларов» и Библиотека на Софийския Държавен университет. София, 1963. Т. 2 (8). С. 244–251; Дуйчев И. С. Обзор болгарских работ 1945–1958 гг. по изучению древнерусской литературы и русско-болгарских литературных связей XI–XVII вв. // ТОДРЛ. М.; Л., 1960. Т. 16. С. 589–603; Витковский В. Работы польских ученых по древнерусской филологии за 1945–1955 гг. // ТОДРЛ. М.; Л., 1957. Т. 13. С. 615–626; Прохазкова Е. Библиография чехословацких работ по древнерусской литературе за 1945–1955 гг. // Там же. С. 627–628.] За последнее время резко возрос интерес к слову и в других странах (работы А. В. Соловьева, Р. О. Якобсона и др.). [La Geste; «Слово о полку Игореве» в переводах конца восемнадцатого века». Leiden, 1954; Соловьев. Политический кругозор. С. 71–103; Menges K. H. The Oriental Elements in the Vocabulary of the Oldest Russian Epos, the «Igor' Tale» // Supplement to Word. New York, 1951. Vol. 7; Besharov J. Imagery of the Igor' Tale in the Light of Byzantinoslavic Poetic Theory. Leiden, 1956.]

Фундаментально изданы переводы XVIII в. Слова о полку Игореве, обследованы сохранившиеся экземпляры издания 1800 г., изучена сама история публикации этого произведения (Н. К. Гудзий, Л. А. Дмитриевым, Д. С. Лихачевым,

А. В. Позднеевым и др.). [Дмитриев. 1) История первого издания; 2) История открытия рукописи. С. 406–429; Гудзий Н. К. Судьбы печатного текста «Слова о полку Игореве» // ТОДРЛ. М.; Л., 1951. Т. 8. С. 31–52; Лихачев Д. С. История подготовки к печати текста «Слова о полку Игореве» в конце XVIII в. // ТОДРЛ. М.; Л. 1956. Т. 13. С. 66–89; Моисеева Г. Н. Спасо-Ярославский хронограф и «Слово о полку Игореве». Л., 1976.] Среди разнообразных исследований по слову можно отметить ряд превосходных публикаций памятника, содержащих воспроизведение издания 1800 г., научные реконструкции текста, переводы на современный язык и обстоятельные комментарии. [Слово о полку Игореве / Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. М.; Л., 1950; Слово о полку Игореве: Поэтические переводы и переложения / Под ред. В. Ржиги, В. Кузьминой, В. Стеллецкого. М., 1961.] Всесторонне рассматривались языковые, лексические и морфологические особенности памятника (в трудах С. П. Обнорского, Л. А. Булаховского, Л. П. Якубинского, С. И. Коткова, Н. А. Мещерского,

В. Л. Виноградовой и др.). [Обнорский. Очерки; Булаховский Л. А. 1) «Слово о полку Игореве» как памятник древнерусского языка // Слово. Сб.-1950. С. 130–163; 2) О первоначальном тексте; 3) Заметки к спорным местам «Слова о полку Игореве» // Радянське літературознавство. 1958. № 18. С. 48–56; Якубинский Л. П. История древнерусского языка. М., 1953. С. 320–327, 349–350; Котков С. И. 1) «Слово о полку Игореве» (Заметки к тексту). М., 1958; 2) Из курско-орловских параллелей к лексике «Слова о полку Игореве» // Учен. зап. Орловского гос. пед. института. 1954. Т. 19. Кафедра русского языка. Вып. 4. С. 3–23; Виноградова В. Л. 1) Лексическая вторичность «Задонщины» сравнительно со «Словом о полку Игореве» // ТОДРЛ. М.; Л., 1956. Т. 12. С. 20–27; 2) «Слово о полку Игореве» и «Задонщина» по некоторым данным морфологии // Слово. Сб.-1962. С. 255–275 и др.] В настоящее время близок к завершению обстоятельный словарь-справочник к слову о полку Игореве. [Словарь-справочник «Слова о полку Игореве» / Составитель В. Л. Виноградова. М.; Л., 1965–1978. Вып. 1–5. {Вып. 6 вышел в свет в 1984 г.}] Большой фразеологический материал к памятнику содержится в книге В. П. Адриановой-Перетц. [Адрианова-Перетц. «Слово» и памятники.] Интересные наблюдения об ориентализмах Игоревой песни сделаны В. А. Гордлевским, Л. Н. Гумилевым, О. Сулейменовым и В. Ф. Ржигой. [Малов С. Е. Тюркизмы в языке «Слова о полку Игореве» // И ОЛЯ. 1946. Т. 5, вып. 2. С. 129–139; Гордлевский В. А. Что такое «босый волк» // ИОЛ Я. 1947. Т. 4, вып. 4. С. 317–337; Ржига В. Ф. Восток в «Слове о полку Игореве» // «Слово о полку Игореве». М., 1947. С. 169–189; Сулейменов О. Аз и я.

Алма-Ата, 1975; Гумилев Л. Н. Поиски вымышленного царства. М., 1970. С. 305–345.] Фауну и флору в Слове изучал Н. В. Шарлемань.[Шарлемань Н. В. 1) Из реального комментария к «Слову о полку Игореве»//ТОДРЛ. М.; Л., 1948. Т. 6. С. 111–124; 2) Природа в «Слове о полку Игореве» // Слово. Сб.-1950. С. 212–217 и др.] Вопросы военного искусства и вооружения по материалам Слова явились предметом занятий видных специалистов в этой области — В. Г. Федорова,[Федоров В. Г. 1) Кто был автором «Слова о полку Игореве» и где расположена река Каяла. М., 1956; 2) Военные вопросы «Слова о полку Игореве». М., 1951.] А. В. Арциховского[Арциховский А. В. Русское оружие X–XIII вв. //Доклады и сообщения исторического факультета МГУ. М., 1946. Вып. 4. С. 3—17.] и др.

Как историко-географический источник Слово изучали Б. А. Рыбаков, К. В. Кудряшов, М. Н. Тихомиров.[Кудряшов К. В. «Слово о полку Игореве» в историко-географическом освещении // «Слово о полку Игореве». М., 1947. С. 43–94 и др.; Рыбаков Б. А. Дон и Донец в «Слове о полку Игореве»// Научные доклады высшей школы. Исторические науки. 1958. № 1. С. 5—11; Тихомиров. Русская культура. С. 70–79.] Работами Б. А. Рыбакова продвинулось исследование содержания Слова в сопоставлении с летописями XII–XIII вв. и исторической действительностью того времени.[Рыбаков. 1) «Слово» и современники; 2) Русские летописцы.] В. П. Адрианова-Перетц обратила внимание на народные корни Слова в его образном строе.[Адрианова-Перетц В. П. «Слово о полку Игореве» и устная народная поэзия // Слово. Сб.-1950. С. 291–319.]

В различных аспектах истории культуры Древней Руси изучает Игореву песнь Д. С. Лихачев.[Лихачев. «Слово» и культура.] И. П. Еремин показал Слово о полку Игореве как памятник ораторского искусства.[Еремин И. П. 1) «Слово о полку Игореве» как памятник политического красноречия Киевской Руси//Слово. Сб.-1950. С. 93—129; 2) Жанровая природа «Слова о полку Игореве» //Еремин И. П. Литература Древней Руси: (Этюды и характеристики). М.; Л., 1966. С. 144–163.] Много сделано для раскрытия богатства идейного содержания Слова Д. С. Лихачевым, И. У. Будовницем и Л. В. Черепниным, показаны патриотические идеи автора, его сочувствие «ратаям» (т. е. крестьянству), его острая критика княжеских распрей.[Лихачев. 1) Исторический и политический кругозор; 2) Слово-1955; Будовниц И. У. Общественно-политическая мысль Древней Руси (XI–XIV вв.). М., 1960. С. 216–231; Черепнин Л. В. «Слово о полку Игореве» как памятник русской публицистики XII в. 1950. Автор представил мне возможность ознакомиться с рукописью этого интересного исследования.] Весьма значителен был вклад, сделанный советскими писателями, занимавшимися проблемами художественного перевода Слова (В. И. Стеллецким, А. К. Юговым и др.). Много новых страниц в изучении Слова о полку Игореве учеными раскрылось благодаря тонким и разносторонним исследованиям М. П. Алексеева, П. Н. Беркова, Д. С. Бабкина и ф. Я. Приймы.[Алексеев М. П. П. И. Прейс в работах над «Словом о полку Игореве»//Доклады и сообщения филологического института ЛГУ. Л., 1951. Вып. 3. С. 221–254; Берков П. Н. Заметки к истории изучения «Слова о полку Игореве» // ТОДРЛ. М.; Л., 1947. Т. 5. С. 129–138; Бабкин Д. С. «Слово о полку Игореве» в переводе В. В. Капниста // Слово. Сб.-1950. С. 320–399; Прийма Ф. Я. «Слово о полку Игореве» в научной и художественной мысли первой трети XIX в. //Там же. С. 294–319 и др. {См. также: Прийма Ф. Я. «Слово о полку Игореве» в русском историко-литературном процессе первой трети XIX века. Л., 1980.}]

Оставалась нерешенной лишь одна группа вопросов о Слове — когда, где и кем было написано это произведение. Суждений в литературе на эту тему высказывалось много, но большинство из них имело негативную силу, т. е. сильно было критикой предшествующих точек зрения.[Обзор предлагавшихся атрибуций Слова и их оценка, а также ценные методологические указания по проблеме см.: Дмитриев Л. А. 1) К вопросу об авторе «Слова о полку Игореве»//РЛ. 1986. № 4. С. 3—24; 2) Автор «Слова»//Энциклопедия. Т. 1. С. 24–36.] Автором считали то дружинника киевского князя (Н. К. Гудзий, С. Е. Малов), то выходца из Галиции (А. С. Орлов), то сл^ов^ут^ного певца

Митусу (Е. В. Водовозов, А. Югов), то киевского придворного поэта-музыканта (В. Ф. Ржига), то сына новгородского тысяцкого Мирослава (И. М. Кудрявцев), то киевского боярина Петра Бориславича (Б. А. Рыбаков), то черниговского тысяцкого Рагуила (В. Г. Федоров) или даже князя Святослава Рыльского (А. Домнин).[Домнин А. Матушка-Русь. Пермь, 1960.] Гораздо реалистичнее постановка вопроса Д. С. Лихачевым, который пишет: «Где бы ни было создано „Слово“ — в Киеве, в Чернигове, в Галиче, в Полоцке или в Новгороде-Северском — оно не воплотило в себе никаких областных черт».[Лихачев. Слово-1955. С. 144.] Это глубоко верно, именно отсутствие «областных черт» в Слове делает невозможным появление этого памятника в период феодальной раздробленности.

На развитие исторической науки и литературоведения тормозящее влияние оказал культ личности Сталина. В этот период всякие попытки отрицать древнее происхождение Слова о полку Игореве считались кощунственным надругательством над русской культурой и наглядным проявлением буржуазного космополитизма. Впрочем, и тогда отдельные ученые не склонны были разделять традиционный взгляд на Слово. Сомневался в достоверности этого памятника видный историк академик Р. Ю. Виппер (1859–1954), в последние годы жизни упорно занимавшийся источниковедческими сюжетами (критикой евангельских текстов). Живо интересовался Виппер и русской историей феодального периода. Незадолго до смерти он устроил собеседование со специалистами по древнерусской литературе по вопросу о времени составления Слова о полку Игореве. На встрече присутствовали В. Д. Кузьмина, И. М. Кудрявцев, В. Ф. Ржига и другие ученые. В ходе трехчасовой дискуссии Р. Ю. Виппер прямо сказал, что изложенные доводы в пользу древности Слова о полку Игореве его не удовлетворили.

Как нам сообщил А. Э. Бертельс, член-корр. АН СССР, Э. Бертельс около 1950 г. готовил доклад на тему об ориентализмах Слова о полку Игореве. Он пришел к выводу, что все попытки истолковать тюркизмы Слова из одного ка-кого-либо тюркского языка или тюркской фонетики явно безнадежны. Поэтому Э. Бертельс считал, что «ориентализмы» Слова или искажены до неузнаваемости, или появились под пером фальсификатора.

Исторические решения XX и XXII съездов КПСС привели к коренному перелому в изучении важнейших проблем отечественной истории и литературы. Снова был поставлен на повестку дня вопрос о времени создания Слова о полку Игореве. В 1962 г. вышел в свет сборник статей, как бы подводящий итоги критики взглядов проф. А. Мазона.[«Слово о полку Игореве» — памятник XII века. М.; Л., 1962; ср. также: Лихачев. Когда было написано «Слово»? С. 132–160.] Вместе с тем постепенно становится ясным, что на старых путях изучение Слова не может продолжаться. Это сознают и сторонники древнего происхождения памятника. Так, во время обсуждения проекта Словаря-комментария к Слову о полку Игореве, состоявшегося в ноябре 1960 г., И. П. Еремин и Л. А. Дмитриев заметили, что «дальнейшее изучение „Слова“ ввиду исчерпанности пока известных материалов зашло в тупик».[Салмина М. А. Обсуждение проекта «Словаря-комментария „Слова о полку Игореве“» // ТОДРЛ. М., Л., 1962. Т. 18. С. 594.] Одновременно все отчетливее раздаются голоса тех исследователей, которые возражают против традиционной датировки Слова.[О том, что обращение к князю Роману Мстиславичу не могло быть написано ранее начала XIII в., писал Н. Ф. Котляр (*Котляр М. Ф.* Чи міг Роман Мстиславич ходити на половців раніше 1187 р.//Український історичний журнал. 1965. № 1. С. 117–120).] Так, уже Д. Н. Альшиц показал невозможность датировки Слова временем ранее XIII в. в связи с явными откликами в нем на походы 90-х гг. XII — начала XIII в.[Сборник ответов на вопросы по литературоведению. М., 1958. С. 37–41. Краткое изложение доклада Д. Н. Альшица в Институте истории АН СССР от 18 апреля 1956 г. см.: Головенченко Ф. М. Слово о полку Игореве. 1963. С. 88–89.]

Впрочем, позитивные взгляды Д. Н. Альшица (Слово как памятник первой половины XIII в.) не подкреплены в достаточной степени конкретными соображениями.[В последнее время к этой точке зрения примкнул В. В. Мавродин, считающий, что «есть

основание связывать время появления „Слова...“ с обстановкой, сложившейся на Руси после битвы на Калке». Это основание В. В. Мавродин видит в том, что призыв к единству в Слове соответствовал обстановке, непосредственно предшествовавшей нашествию Батыя на русские земли (Мавродин В. В. К. Маркс о Киевской Руси//Вестник ЛГУ. 1968. № 8. Сер. истории, языка и литературы. Вып. 2. С. 9).]

27 июня 1965 г. на кафедре древних языков МГУ С. С. Кононович сделала сообщение о времени создания и авторе Слова о полку Игореве.[Рукописный текст тезисов сообщения находится на кафедре древних языков МГУ.] С. С. Кононович пришла к выводу, что Слово о полку Игореве не подделка, но и не подлинник XII в. Оно представляет собою стилизацию XVII в., сделанную «старыми словесы», т. е. языком XII в. Памятник, по ее мнению, был составлен в 1677 г. в среде киево-могилянских ученых. Его автором С. С. Кононович считает известного писателя и церковного деятеля Дмитрия Саввича Туптало (Дмитрия Ростовского). Слово о полку Игореве, как думает С. С. Кононович, являлось как бы призывом к Дорошенко покинуть Москву, стать во главе донцов и взять Азов (который тогда якобы отождествляли с древней Тмутараканью). А. И. Мусин-Пушкин, судя по рассказу Селивановского, обнаружил подлинник Слова руки Дмитрия Туптало.

По одним тезисам трудно судить о всей аргументации С. С. Кононович. Но уже в тезисах привлекает попытка рассмотреть Слово о полку Игореве как художественное произведение позднего времени. Верно подмечена принадлежность автора к кругу церковных литераторов, вышедших из Киевской духовной академии, его связь с Ярославлем.

Однако тезисы С. С. Кононович не дают еще оснований согласиться с ее датировкой Слова: по своим жанровым и стилистическим особенностям оно входит в круг литературных явлений второй половины XVIII в. Сведение Селивановского о почерке, близком к почерку Дмитрия Ростовского, относится не к Слову о полку Игореве, а к хронографу. Песнь об Игореве походе, как можно судить по свидетельству Н. М. Карамзина, А. И. Мусина-Пушкина, А. И. Ермолаева, была написана почерком, близким к полууставу XV в.

Во время майской дискуссии 1964 г. И. Н. Голенищев-Кутузов говорил, что Слово «могло возникнуть и в XIII и даже в XIV вв. на основании еще уцелевших преданий, летописей, песен... В XIV–XV вв. плетение словес и прочие украшения распространились и на Русь из пределов болгарских и сербских... Следует обратиться к изучению стилистики XIII–XIV вв. Тогда непривычные топо-сы, метафоры, метонимические сравнения, эпитеты, повторы и т. д. в „Слове“ (восходящие, как общее европейское достояние, к греко-латинской риторической системе IV–V вв. нового времени) перестанут нас смущать и тревожить».[АН СССР. Отделение истории. Стенограмма обсуждения работы А. А. Зимина 5 мая 1964 г. Утреннее заседание. С. 33–34; см. также: Golenistschew-Kutusow /. Das «Igorlied» und seine Probleme// Sowjet Literatur. 1965. N 3. S. 148.]

15 октября 1964 г. на заседании Географического общества АН СССР (Ленинград) Л. Н. Гумилев прочел обстоятельный доклад на тему «Тюрко-монголы и автор Слова о полку Игореве».[См.: Гумилев Л. Н. 1) Монголы XIII в. и «Слово о полку Игореве»//Доклады Отделения этнографии Географического общества СССР. Л., 1966. Вып. 2. С. 55–80 (в расширенном виде: Gumilev L. N. Les Mongols du XIIIe siecle et le Slovo o polku Iгореve//Cahiers du Monde Russe et Sovie-tique. Paris — Sorbonne, 1966. Vol. 7, N 1. P. 37–57); 2) Несторианство и Древняя Русь//Доклады Отделения этнографии Географического общества СССР. Л., 1967. Вып. 5. С. 5—24; 3) Поиски вымышленного царства. М., 1970. С. 305–345.] В этом докладе сделана попытка датировать памятник 50-ми гг. XIII в. и объяснить его создание сложной обстановкой русско-монгольских отношений. По мысли автора, Слово представляло собою произведение, возникшее в южнорусской среде и содержавшее призыв к борьбе с татаро-монгольскими

поработителями. Анализ терминов «хинове», «харалужный» и некоторых других привел Л. Н. Гумилева к выводу, что Слово не могло быть написано ранее вторжения татаро-монгол, ибо эти термины дошли до нас в монгольской огласовке. Продолжая наблюдения, сделанные Д. Н. Альшицем, Л. Н. Гумилев, однако, считает, что Слово не могло быть написано в начале XIII в. (до 1236 г.), ибо автор не мог предугадать возможность нашествия татаро-монгол на Русь, а половцы находились в союзе с русскими. По мнению Л. Н. Гумилева, Слово не могло появиться и во второй половине XIII в., ибо упоминание в нем о сборе половцами (татарами) подворной подати («по бѣлѣ отъ двора») невозможно после того, как в 1261 г. было ликвидировано взимание подворной дани татарскими откупщиками. Слово, по мнению Л. Н. Гумилева, могло быть написано в 1249–1252 гг., т. е. незадолго до нашествия на Русь полчищ Неврюя.

4—6 мая 1964 г. в Отделении истории АН СССР состоялось обсуждение первого (ротапринтного) варианта настоящей работы. [Обсуждение одной концепции (составители О. В. Творогов и В. А. Кучкин). {См. также: К истории спора о подлинности «Слова о полку Игореве»: Из переписки академика Д. С. Лихачева (Публикация Л. В. Соколовой)//РЛ. 1994. № 3. С. 213–245.}] Позднее в печати появились отклики на эту работу и отдельные статьи автора. [См.: «Слово» и памятники; Лихачев. 1) Когда было написано «Слово»?; 2) Черты подражательности «Задонщины»; Адрианова-Перетц В. П. Было ли известно «Слово о полку Игореве» в начале XIV в.//РЛ. 1965. № 2. С. 149–153; Кузьмина В. Д. Мог ли архимандрит Иоиль написать «Слово о полку Игореве»? // ИОЛ Я. 1966. Т. 25, вып. 3. С. 197–207; Рыбаков, Кузьмина, Филин. Старые мысли; Дмитриева, Дмитриев, Творогов. По поводу; Likhachev D. S. The authenticity of the «Slovo o polku Igoreve»: a Brief Survey of the Arguments//Oxford Slavonic Papers. 1967. Vol. 13. P. 33–46; Кузьмин. Ипатьевская летопись. {Перечень работ А. А. Зимина, опубликованных в 1966–1980 гг., см.: РЛ. 1994. № 3. С. 244. См. также: Александр Александрович Зимин: Биобиблиографический указатель. М., 2000.}] Разбор их дается в тексте настоящей книги. [Краткий очерк истории вопроса в 1963–1969 гг. см. в статье: Fennell J. The Recent Controversy in the Soviet Union over the Authenticity of the Slovo // Russia: Essays in History and Literature / Ed. by Luman H. Legters. Leiden, 1972. P. 1 —17.] В печати не раз говорилось и о необходимости издать полный текст публикуемой ныне монографии. [Говоря о судьбе ротапринтного варианта книги, О. Сулейменов писал, что «трудно соглашаться с методами подобных обсуждений» (Сулейменов О. Аз и я. С. 16).]

В ходе изложенного выше исследования мы пришли к выводу, что Слово о полку Игореве было написано в конце XVIII в. и представляло собою не подделку, а оригинальное литературное произведение на древнерусские темы, которое позднее выдал за «Ироическую песнь» XII в. А. И. Мусин-Пушкин. Почему же потребовалось столь долгое время, чтобы распутать узел, завязанный владельцем рукописи Слова о полку Игореве? Причин для этого несколько. Прежде всего Слово о полку Игореве — произведение, резко выделяющееся из всех других памятников поэтического искусства XVIII в. Автор этого произведения обладал тонким историческим чутьем, разнообразными познаниями, умением точно и художественно убедительно использовать лексический материал и историческую канву древних памятников. Слово о полку Игореве — не подделка и не компиляция, а высокохудожественный поэтический шедевр, показывающий удивительное понимание и горячую любовь автора к памятникам древнерусской литературы. Глубоко народные корни творчества автора также создавали впечатление о древности языкового строя Слова о полку Игореве. Уверенность исследователей в архаичности этого произведения укрепляла его церковнославянская морфология. Да и наличие особенностей русского, белорусского, украинского и польского языков могло дать некоторые основания для оценки Слова как произведения эпохи, когда лишь начинали складываться особенности восточнославянских языков. Вставки из исторических источников, сделанные А. И. Мусиным-Пушкиным, находка Тмутараканского камня, псковского Апостола 1307 г. и Задонщины, казалось, стали неоспоримыми

доказательствами древности Слова, а гибель рукописи памятника поставила исследователей перед почти неразрешимыми проблемами.

И все же кропотливый и самоотверженный труд многих поколений ученых сделал свое дело. Решение вековой загадки стало возможным только на основе подъема литературоведения, филологии и исторической науки, прежде всего в Советском Союзе. Только марксистское понимание идеологических явлений в истории России феодального периода дает надежную опору для изучения памятников литературы и общественной мысли. Все попытки решить вопрос о времени и обстоятельствах появления Слова о полку Игореве в трудах А. Мазона и его последователей оказались безуспешны именно потому, что они опирались на идеалистические представления о Слове как о простой стилизации, а не о литературном произведении определенной идеологической направленности. Сравнительное изучение общественной мысли и литературы XII и XVIII вв. позволяет правильно соотнести их с особенностями идейного содержания и художественной формы Слова. Но этого мало. Только после трудов А. А. Шахматова, М. Д. Приселкова, Д. С. Лихачева, М. Н. Тихомирова, создавших новую методику изучения летописей, стало возможным выяснить взаимоотношения Слова о полку Игореве и Ипатьевской летописи. Лишь текстологические работы С. К. Шамбинаго, А. А. Шахматова, В. П. Адриановой-Перетц, М. Н. Тихомирова, В. Ф. Ржиги, Л. А. Дмитриева, а также А. Мазона и Я. Фрчека позволили выяснить соотношение Слова о полку Игореве с Задонщиной и Сказанием о Мамаевом побоище. Только в результате глубоких исследований востоковедов (В. А. Гордлевского, А. Зайончковского, К. Менгеса) удалось разрешить загадки, связанные с ориентализмами Слова. Без трудов В. Н. Перетца, А. И. Никифорова и В. П. Адриановой-Перетц невозможно было бы понять фольклорные основы Слова о полку Игореве, а без исследований В. Н. Перетца, И. П. Еремина, Д. С. Лихачева, а также А. В. Соловьева вскрыть его связи с другими древнерусскими произведениями ораторского искусства, воинскими повестями, библейской письменностью. Тончайшие наблюдения Л. А. Булаховского, С. П. Обнорского, С. И. Коткова, Л. П. Якубинского, В. Л. Виноградовой, Н. М. Дылевского и отдельные выводы Р. О. Якобсона дали огромный материал по изучению лексики и морфологии Слова.

Работа по раскрытию идейного содержания Слова о полку Игореве, проделанная отчасти Д. С. Лихачевым и Л. В. Черепниным, еще только начинается. Предстоит много сделать и в плане исследования Слова как памятника литературы и общественной мысли XVIII в. и всесторонне изучить биографию и творчество его предполагаемого создателя — Ивана Быковского (что было начато В. В. Лукьяновым и Ф. Я. Приимой).

С болью в сердце мы расстаемся с укоренившимся представлением о Слове о полку Игореве как о памятнике древнерусской письменности XII в. Но ни одна даже самая привлекательная легенда не может быть красивее действительности. Яркий свет Слова о полку Игореве как бы затемнял сияние немеркнущих звезд древнерусской литературы, внося необъяснимый диссонанс в представление о путях ее развития. Отныне Повесть временных лет и русские былины, Слово о законе и благодати и Моление Даниила Заточника, Поучение Владимира Мономаха и Киево-Печерский патерик неизмеримо вырастут в своем значении для понимания смысла и хода литературного процесса Древней Руси.

Вместе с тем исследование вопроса приводит нас к гипотезе о том, что Слово о полку Игореве написано в конце XVIII в. Великий советский поэт Владимир Маяковский, обращаясь к Пушкину, говорил: «Я люблю вас, но живого, а не мумию». То же самое можно сказать и об авторе Слова о полку Игореве. Он предстает перед нами не хрестоматийным полудружинником-полупевцом, а полнокровным сыном века Просвещения, пламенным патриотом, выразителем демократических настроений в русской литературе.

Д. С. Лихачев недавно писал, что «в XII веке „Слово“ было произведением огромной идейной силы... В XVIII веке это произведение оказалось бы литературной

безделушкой».[Лихачев. Когда было написано «Слово»? С. 133.] Нет, не «безделушкой» становится Слово о полку Игореве, когда мы изучаем глубокий идейный смысл и своеобразную литературную форму в тесной связи с идейной борьбой и литературным процессом в России конца XVIII в.

Интерес к древнерусской истории и мифологии, героической поэзии, фольклору в той же мере присущи и Слову, и русской литературе XVIII в., как демократическая направленность и патриотическое звучание Слова отвечали новым явлениям этой литературы. Наконец, и трагедийный замысел этой книжной былины, и приемы стилизации, использованные автором, также свойственны литературе конца XVIII в.

Связь Слова о полку Игореве с древнерусской литературной традицией делает его лебединой песнью старорусской письменности, а глубокие народные корни и передовые идеи Слова ставят его в начало целого ряда замечательных поэтических произведений о русском народе и его далеком прошлом.

Еще до появления в печати Слово сравнивали с песнями Оссиана. И в этом сравнении был глубокий смысл. «В истории литературы, — как пишет исследовательница поэзии русского оссианизма Р. Иезуитова, — „поэмы Оссиана“ оставили глубокий и яркий след, явились одной из ранних попыток создания произведения в национальном стиле, с широким использованием фольклора». Именно фольклоризм сделал эти поэмы «значительным художественным открытием и определил то влияние, которое они оказали на многих известных писателей и поэтов».[Иезуитова Р. Поэзия русского оссианизма//РЛ. 1965. № 3. С. 53–54.]

Значение Слова о полку Игореве в литературном процессе было сходным.

«Песнь о вещем Олеге» и «Полтава» А. С. Пушкина, «Песня про купца Калашникова» и «Бородино» М. Ю. Лермонтова, исторические песни Л. А. Мея и героические баллады А. К. Толстого продолжили традицию автора Песни о походе Игоря. Слово о полку Игореве — драгоценный памятник литературы и передовой общественной мысли конца XVIII в., яркое свидетельство общности культурных традиций братских русского, украинского и белорусского народов. По силе своего эмоционального воздействия и поэтического мастерства оно может быть сравнимо только с горными вершинами русской литературы всех времен, поэтому оно всегда будет волновать сердца читателей всего мира и привлекать к себе пытливые взоры исследователей.

ПРИЛОЖЕНИЯ

I. РЕКОНСТРУКЦИЯ ТЕКСТОВ ЗАДОНЩИНЫ (Краткой и Пространной редакций)

Введение

Впервые Задонщина была издана в 1852 г. по списку середины XVII в. из собрания В. М. Ундольского (ГПБ, Унд., № 632) с предисловием И. Д. Беляева.[Слово о великом князе Дмитрии Ивановиче//Временник ОИДР. М., 1852. Кн. 14. I–XIV, 1–6.] Уже вскоре после этого, в 1858 г., архим. Варлаам опубликовал древнейший Кирилло-Белозерский (ГПБ, Кир. — Бел., № 9/1086) список памятника 70-х гг. XV в. в приложении к описанию сборника, который его содержал.[Варлаам, архим. Описание сборника XV столетия Кирилло-Белозерского монастыря // Учен. зап. второго отделения Академии наук. СПб., 1858. Кн. 5. С. 57–60.] В том же году И. И. Срезневский выполнил «сводное» издание памятника, напечатав К-Б список со вставками недостающего (как ему казалось) текста из списка У. Некоторые куски списка У даны в приложении к этому «сводному тексту». [Срезневский И. И. Задонщина великого князя господина Дмитрия Ивановича и брата его Володимера Ондреевича//ИпоРЯС. СПб., 1858. Т. 6, вып. 5. С. 328–362.] Новое издание списка К-Б — тщательное палеографическое и фототипическое — было осуществлено в 1922 г. П. Симони. Он предполагал издать все тексты Задонщины, но не довел до конца своей работы.[Памятники старинного русского языка и словесности XV–XVIII столетий / Приготовил к печати и снабдил объяснительными замечаниями Павел Симони. Вып. 3.

Задонщины по спискам XV–XVIII столетий. «Задонщина» великого князя господина Димитрия Ивановича и брата его князя Володимира Андреевича по Кирилло-Белозерскому списку 1470 г. Пг., 1922.] Вслед за Задонщиной (л. 122–128) в списке К-Б помещается Странник игумена Даниила, который был переписан Ефросином между 18–29 сентября 1476 г.[См. пометы Ефросина: на л. 137 «В лето 6984 сеп(тября) 18 в нед(елю) почаях (в ркп. описка: пичах) писати», на л. 192 «а кончах того ж месяца сеп(тября) 27, 28, 29».] На этом основании Я. Фрчек весьма правдоподобно полагал, что Задонщину Ефросин переписывал незадолго до 18 сентября 1476 г.[Фтсек. С. 163.]

Третий список — Синодальный XVII в. (ГИМ, Синод., № 790) издал в 1890 г. А. И. Смирнов.[Смирнов А. И. 3-й список Задонщины по Синодальному скорописному сборнику XVII века// Русский филологический вестник. 1890. № 2. С. 268–288. Конец Задонщины по списку С после слов «нечто гораздо» резко отличается от списков И1 и У: «чтили их руския князи твою дружину, темных князей, великих вланов, што их с тобою никого нет? А то сами розумем, поганый Момаю, что от великию чести, от солодких медов князей русских вся твоя дружина зогибла и многия орды погигли и главы свои потеряли. А ты ж сам, худый, бедный царю Момаю, чести своея избыв, вечно, поганый Момаю, задениши нас своим безумием. Якоже пишет во причах: „Похвала бывает мужу безумному великая пагуба“. А инде пишет во причах: „Гордому Бог (в ркп.: Богу) противится, а смиренному дает благодат“. Богу нашему слава и ныне и п(р)исно и во веки веком. Амин».] В том же Синодальном сборнике (с Задонщиной) находится и известная Баркулабовская летопись, недавно переизданная А. Н. Мальцевым[Мальцев А. Н. Баркулабовская летопись//АЕ за 1960 г. М., 1962. С. 291–320.] (л. 137–174), а также описание собора в Бресте (л. 14 об. — 16 об.).

Синодальный список западнорусского происхождения, что в первую очередь сказывается на его языке.[«Сынове смо Алгыродовы», «усядем» (л. 38), «в жо» (л. 38 об., 41).]

Его характерными чертами является появление новых церковных мотивов,[См.: «Якоже пишет во причах... А инде пише во причах» (л. 42 об.).] вольная обработка заключительной части Задонщины. Список изобилует неверными чтениями, пропусками и сокращениями (в сокращенной обработке дано начало Задонщины). Встречаем в нем также элементы дальнейшей фольклоризации.[«Белыя руцы» вместо «персты» (л. 37); доб. «обриваху шевковыя опутины» (л. 38 об.), доб. «хотят ударити на многие стады гусиные и на лебединья, а богатыри руския удалцы хотат ударити на великия силы поганого царя Мамая» (там же).]

Фрагмент (начало Задонщины) четвертого (Ждановского, далее — Ж) списка второй половины XVII в. (БАН, 1.4.1) опубликован В. И. Срезневским в 1902 г. [Срезневский В. И. Сведения о рукописях, печатных изданиях и других предметах, поступивших в рукописное отделение Библиотеки Академии наук в 1902 г. СПб., 1903. С. 99; переиздал Шамбинаго (Шамбинаго. Повести. С. 104–105).] Заглавие Задонщины в рукописи 1294 г. произведений Никона Черногорца обнаружил и издал в 1930 г. А. Д. Седельников (ГИМ, Синод., № 836).[Седельников. Где была написана «Задонщина»? С. 524–536.] Оно является припиской XV в.[Рукопись описана в книге: Описание славянских рукописей Московской Синодальной библиотеки. М., 1862. Отд. II, вып. 3. С. 1–6, под № 217.]

Пятый и шестой списки стали известны в 30-х гг. нашего (т. е. XX. — Ред.) века. Один из них середины XVI в. (И1) обнаружен М. Н. Тихомировым в составе Новгородской 4 летописи (ГИМ, Муз., № 2060).[Тихомиров М. Н. Краткие заметки о летописных произведениях в рукописных собраниях Москвы. М., 1962. С. 106.] Другой несколько более ранний упоминал еще А. Д. Седельников (ГИМ, Муз., № 3045). Этот список в литературе датируется неточно «концом XV — началом XVI вв.».[Адрианова-Перетц. Задонщина. С. 196.] Сборник ГИМ, Музейное собр., № 3045 в свое время был описан М. Н. Сперанским, а определение водяных знаков сделано М. В. Щепкиной. Это сборник,

содержащий в основном памятники церковно-нравоучительной литературы, что в какой-то мере подтверждает и церковное происхождение Пространной редакции Задонщины. Водяного знака на л. 70–73, где помещен отрывок Задонщины, [Нач.: «...лита, а древеса тугою». Кон.: «И вознесся слава ру...».] нет. Однако по строению вержеров и понтюзо эти листы более всего подходят к бумаге л. 38–54, датирующихся 20–30-ми гг. XVI в. [Водяной знак: герб Франции, под щитом готическая буква Р (?), ср. Лихачев, № 1501 (1522 г.) и № 1589 (1535 г.). Датировку М. В. Щепкиной приняли Я. Фрчек (Frček. S. 164), А. Мазон (Le Slovo. P. 15). Ее тщетно пытался опровергнуть ссылкой на статью Седельникова Р. О. Якобсон (La Geste. P. 315–316).] Во всяком случае весь сборник написан не позже первой половины XVI в.

Оба списка Государственного Исторического музея изданы были несколько позднее, почти одновременно, трижды: В. П. Адриановой-Перетц, [Адрианова-Перетц. Задонщина. (Опыт реконструкции). С. 235–243. Несколько ранее В. П. Адрианова-Перетц переиздала Ундольский список с исправлениями по всем остальным (Адрианова-Перетц. Задонщина. С. 198–205).] В. Ф. Ржигую (с фототипическим воспроизведением) [Ржига В. Ф. Слово Софония-рязанца о Куликовской битве («Задонщина»)/Учен. зап. МГПИ им. В. И. Ленина. М., 1947. Т. 43. С. 44–99. В. Ф. Ржига датировал список № 3045 первой половиной XVI в.] и Я. Фрчком. [Frček. S. 178–247.] При этом В. П. Адрианова-Перетц и Я. Фрчек переиздали также и списки К-Б, С и У. После этого издавались лишь реконструкции текста (В. П. Адриановой-Перетц [Воинские повести. С. 33–41; переиздано в кн.: Русские повести XV–XVI веков. М.; Л., 1958. С. 9–15.] и В. Ф. Ржигую) [Повести. С. 9–26.] и список К-Б (по изданию Симони). [Хрестоматия по истории СССР с древнейших времен до конца XV века. М., 1960. С. 518–522.] Совсем недавно список У фототипически издан Р. Якобсоном. [Jakobson. Sofonija's Tale.]

Недавно изданы две небольшие выписки из Задонщины в рукописи Минеи (ГПБ, Кир. — Бел., № 382/639, л. 1), сделанные почерком XVI в. [«Слово» и памятники. С. 556.] В одном из них есть черты К-Б («стуку и грому»), в другом — Пространной редакции (волки «воюют», как в И1; орлы «клебчют», как в У, где они «хлебчют»; вороны «часто» грают, как С, У; птицы «летают», как И1, С). Этот источник обозначен в аппарате издания — Мин. Последнее издание всех списков Задонщины осуществлено {Р. П. Дмитриевой} в 1966 г. {«Слово» и памятники. С. 533–556. [В 1980 г. вышло издание памятника, подготовленное А. А. Зиминым: Задонщина: Древнерусская песня. Повесть о Куликовской битве. Тула, 1980.}]

Для того чтобы решить, как же соотносятся Задонщина и Слово о полку Игореве, необходимо представить себе историю текста Задонщины и контуры ее архетипа. Много сделала для восстановления протографа Задонщины В. П. Адрианова-Перетц (сначала на основе списка У, а потом на основании И1). [Адрианова-Перетц. 1) Задонщина. С. 194–224; 2) «Слово о полку Игоревім» і «Задонщина»// Радянське літературознавство. Київ, 1947. № 7–8. С. 135–186. В этот вариант дважды вносились исправления. См.: Адрианова-Перетц. Задонщина. (Опыт реконструкции). С. 201–255; некоторые исправления в реконструкции внесены ею позднее, см.: Воинские повести. С. 33–41.] Ее работы фактически являются первой попыткой сравнения вариантов всех сохранившихся списков памятника. Протограф Задонщины, восстановленный В. П. Адриановой-Перетц, близок по преимуществу к протографу Пространной редакции памятника. [Отдельные замечания о восстановлении протографа Задонщины В. П. Адриановой-Перетц см.: Назаревский А. А. «Задонщина» в исследованиях последнего десятилетия // ТОДРЛ. М.; Л., 1956. Т. 12. С. 546–575.] Однако тезис о первоначальном происхождении текста, лежавшего в основе Пространной редакции, не был доказан автором. Нельзя согласиться и с тем, что критерием для отбора чтений архетипа Задонщины служило не исследование списков памятника, а Слово о полку Игореве. Н. К. Гудзий считает также неубедительным предположение В. П. Адриановой-Перетц о том, что «религиозные мотивы повести введены в нее не автором, а позднейшим редактором». [Гудзий Н. К. [Рец. на кн. «Воинские

повести Древней Руси»]//Советская книга. 1950. № 3. С. 113.] Эти мотивы, имеющиеся во всех списках Пространной Задонщины, из архетипа этой редакции изымать нельзя. Отмеченные недостатки лишали построение В. П. Адриановой-Перетц должной убедительности.

В 1947 г. появилась в печати еще одна реконструкция, выполненная С. К. Шамбинаго на основе списка У с привлечением списков К-Б, И1 и С.[Задонщина, Слово о великом князе Дмитриии Ивановиче и о брате его, князе Владимире Андреевиче, яко победили супостата своего царя Мамаю. М., 1947. С. 7—34. Впервые сводный текст Задонщины С. К. Шамбинаго опубликовал в 1906 г. (Шамбинаго. Повести. С. 119—128).] Из текста были изъяты введение и ряд текстов, близких к Сказанию (об участии в походе новгородцев, «кованной рати» Литвы, перечисление погибших воинов и т. п.). Составитель без основания вносил в текст Задонщины чтения разных списков. Его издание имело научно-популярные цели, модернизировалась орфография и т. п. Для научных целей реконструкция С. К. Шамбинаго оказалась непригодной.

Более осторожен в своей реконструкторской работе В. Ф. Ржига. Он предлагает вниманию читателя только архетип Пространной редакции Задонщины.[Повести. С. 9—26.]

В. Ф. Ржига вносил в Задонщину исправления на основе сличения со Словом о полку Игореве «только тогда, когда они оправдывались в той или иной мере сохранившимися списками Пространной редакции Слова Софония Рязанца». Поэтому список К-Б привлекался им главным образом «для исправления отдельных слов». [Повести. С. 20.] Основные его наблюдения следует признать правильными, хотя и они нуждаются в коррективах: ведь В. Ф. Ржига исходил из мысли, что перед нами редакция, наиболее близкая к первоначальному авторскому варианту Задонщины.

С возражениями В. Ф. Ржиге выступила В. П. Адрианова-Перетц. Она обратила внимание на то, что В. Ф. Ржига, исходя из своих текстологических принципов, опустил в реконструкции ряд мест, объединяющих Слово и К-Б. Но это, писала она, неудачно. Для реконструкции первоначального текста Задонщины «следует использовать обе разновидности списков, иначе пришлось бы допустить, что список К-Б отразил вторую правку „Задонщины“ по „Слову“». [Адрианова-Перетц В. П. {Рец. на кн. «Повести о Куликовской битве»} //НОЛЯ. 1960. Т. 19, вып. 2. С. 157—158.] Принимая точку зрения об устном происхождении Задонщины, В. П. Адрианова-Перетц считает, что сохранившиеся списки памятника «нельзя делить на группы — редакции, явившиеся результатом сознательной переработки авторского текста. Разница между ними в таком случае должна быть объяснена степенью запоминания или умением воспроизвести с голоса текст, также уже измененный памятью исполнителя». [Адрианова-Перетц В. П. {Рец. на кн. «Повести о Куликовской битве»} //НОЛЯ. 1960. Т. 19, вып. 2. С. 156.] Итак, теория устного происхождения текстов Задонщины снимает начисто необходимость создания генеалогии списков: все дело в памяти исполнителей. Поэтому, строя свою реконструкцию архетипа Задонщины, В. П. Адрианова-Перетц никакой схемы ее списков не дает и восстанавливает первоначальный текст памятника, руководствуясь тезисом о первичности Слова о полку Игореве (именно поэтому «нижний этаж» аппарата к ее реконструкции и составляют выписки из Слова). Она так и пишет: «Восстанавливая текст первой редакции Задонщины, мы при выборе отдельных чтений имеем право опираться на использованный Софонием текст Слова о полку Игореве». [Адрианова-Перетц В. П. «Слово о полку Ігоревім» і «Задонщина». С. 149.] Полемизируя с этим положением, В. Ф. Ржига считал, что с такой «постановкой вопроса о реконструкции первоначального текста Задонщины нельзя согласиться, так как при этой постановке не уделено должного внимания группировке сохранившихся текстов по двум редакциям, Краткой и Пространной. А если наличие двух редакций является фактом, то ясно, что и первоначальный текст необходимо восстанавливать не просто путем сличения отдельных списков Задонщины со Словом о полку Игореве, а путем сопоставления Краткой редакции (по К-Б списку) с различными

стадиями в литературной жизни Пространной редакции».[Ржига В. Ф. Слово Софония-рызаница о Куликовской битве... С. 38.]

Крайне неудачна самая последняя попытка реконструировать текст Задонщины, выполненная Р. О. Якобсоном.[Jakobson. 1) Sofonija's Tale; 2) Selected Writings. P. 520–586.] Отправные посылки его сходны с В. П. Адриановой-Перетц (список И1 как основа реконструкции, Слово как ведущий критерий для отбора архетипных чтений И1). Р. О. Якобсон отказывается от изъятия из текста ряда церковных и конкретно-исторических мотивов. Но при всем этом его работу отличает крайний субъективизм в отборе чтений. В строгом смысле слова перед нами сводный текст Задонщины, а не реконструкция. Мозаика чтений составляется в значительном большинстве случаев без каких-либо объяснений. В реконструкции много произвольных конъектур. Так, чтение И1 У «кречати в ратном времени» (31—здесь и далее указаны строки в реконструированном Якобсоном тексте) превращается в «крещени в ратном времени».

Он конструирует искусственное чтение «по Задонечью» (165) вместо «по Задлешью» (И 1), хотя сам же приводит чтение «Орда Залесьская» (158). Он дает чтение «ден» (17) вместо «дней» списков. Модернизованы все географические наименования. Автор реконструкции неоправданно широко привлекает далекие от Задонщины контексты Сказания о Мамаевом побоище. Так, он дает чтение «дружину... стирають» (116), ссылаясь на выражение «сами себе стираху» (Сказание) вместо архетипного «стреляли» (И2), ср. «теряли» (И 1), «побывают» (С), «теряли» (И 1), «истеряли» (У). Р. О. Якобсон в соответствии с Печатной группой Сказания изымает слово «установлены» (воеводы), хотя в трех списках Задонщины оно есть (62). По списку Сказания Уварова, № 492 он помещает чтение «помер-че» (101), хотя И2, У, С дают «померкло», а И1 «померкне».

В полном согласии со своей схемой соотношения списков Р. О. Якобсон, как правило, отказывается от включения в архетип Задонщины чтений К-Б, если они не подкрепляются ее другими списками. Однако при этом он никак не объясняет сходство этих чтений со Словом о полку Игореве. Речь идет, в частности, об упоминании «зогзицы» в К-Б (ее Р. О. Якобсон исключает из архетипа Задонщины) и «зегзицы» в Слове. Зато он вводит в архетип чтение «повити», имеющееся только в Слове, и не объясняя появления этой конъектуры в Задонщине.[Jakobson. Sofonija's Tale. P. 31, 44.] Р. О. Якобсон дает для Задонщины архетипное чтение «возрюли» (С «возрули»; И1, У «возгремели»). Но тогда как объяснить сходство К-Б («возрыкають») со Словом («рыкають»)? Он в полном противоречии со своей схемой вводит в архетип чтение «напреди» (есть только в К-Б и Слове), не давая никакого обоснования этому текстологическому произволу.

Итак, общие чтения Слова о полку Игореве со списками К-Б, У и С, а также и с И1, как в случаях совпадения его с У или с У и С или при дефектности чтений У и С, могут быть объяснены тем, что в распоряжении автора Игоревой песни находился список Задонщины Синодального извода, правленный по тексту, близкому к списку У.

Последнюю по времени издания реконструкцию текста Задонщины предложил А. Вайян.[La Zadońčina.] В основу ее он положил список И1. При этом исследователь исходит из выводов Я. Фрчека о соотношении редакций памятника. В целом попытка Вайяна удачна, хотя, к сожалению, автор не смог воспользоваться результатами текстологического изучения списков Задонщины, проводившегося в последние годы рядом ученых. Отсюда известный субъективизм в отборе чтений, которые Вайян считает более исправными, чем те, которые содержатся в списке И1.

Текст Задонщины Пространной редакции реконструируется нами, исходя из представления о том, что сохранявшиеся списки ее распадаются на два извода: Ундольского и Синодальный. В основу восстанавливаемого архетипа памятника положен наиболее старый и исправный из числа полных списков — И1. Этот список лучше других представляет один из двух изводов (Ундольского). Список С, представляющий второй извод (Синодальный), не может быть положен в основу издания, ибо он крайне дефектен (содержит ряд пропусков и искажений), хотя и сохранил отдельные черты, передающие

архетип Пространной редакции лучше, чем И1. Остальные (И2, С, Ж, У) привлекаются для восстановления архетипных чтений и для наиболее существенных вариантов.

Чтения списка И1 считаются архетипными и сохраняются в тексте реконструкции Пространной редакции Задонщины в трех случаях: а) если они совпадают с К-Б и С, т. е. восходят к протографу первоначальной (Краткой) редакции Задонщины и Пространной одновременно, б) если эти чтения совпадают с Синодальным списком, т. е. есть в обоих изводах Пространной редакции, в) если эти чтения списка И1 повторяются только в других списках Ундольского извода, а список С в данном случае содержит или индивидуальное чтение, или чтение Синодального извода (если оно есть и в Слове о полку Игореве), или там пропуск. Данный случай требует особого внимания, поэтому каждый спорный случай разбирается особо в главах I и II исследования.

Чтения списка И1 исправляются в двух случаях: если они индивидуальны, т. е. присущи только этому списку, или если они воспроизводят специфические особенности Ундольского извода (списков И1, И2, У), а не архетипа редакции.

Поскольку рукописная традиция Задонщины невелика, а перекрестных влияний ее текстов обнаружить не удастся, то при восстановлении архетипа Пространной редакции Задонщины составитель руководствовался следующими принципами:

1. Чтение списка И1 заменяется чтением списков И2 и У, если последнее соответствует К-Б и С, или С, или дает лучшее чтение (восходящее к архетипу редакции) по сравнению с индивидуальным чтением или пропуском в С.

2. Чтение списка И1 заменяется чтением У (или И2), если последнее лучше передает протограф Пространной редакции, а И2 (или У) дает, как И1 и С, чтение индивидуальное или содержит пропуск.

3. Чтение списка И1 заменяется чтением списка С в том случае, если списки И1, И2, У дают индивидуальное или изводное чтение, не восходящее к архетипу редакции. Списку С оказывалось предпочтение в том случае, если его чтение совпадало с К-Б, что свидетельствует об его архетипном происхождении. Определить характер чтения списка С (индивидуальный, изводный или редакционный) помогает проверка его по Слову о полку Игореве, источником которого являлся список Задонщины того же извода (Синодального), что и список С.

4. В исключительных случаях, когда все сохранившиеся списки Пространной редакции Задонщины дают дефектные чтения, в текст реконструкции вводятся исправления, учитывающие характер испорченных чтений: текст Сказания о Мамаевом побоище Печатного извода (Печ.), источником которого была Задонщина. Слово о полку Игореве (дающее возможность отчетливее представить Синодальный извод редакции) находилось в поле зрения составителя и в той мере, в какой оно позволяло в нескольких случаях отдать предпочтение списку К-Б при явных пропусках и деформированных чтениях сохранившихся списков Пространной редакции. Все эти случаи разбираются специально в главе I исследования.

При восстановлении архетипа Краткой редакции Задонщины список К-Б корректировался чтениями Основной редакции Сказания о Мамаевом побоище (где был использован этот памятник) и архетипными чтениями списков Пространной редакции Задонщины.

Наконец, последнее. Ниже дается реконструкция текста Пространной Задонщины в том виде, в каком ее можно восстановить по сохранившимся спискам. Однако, как мы писали, существовал текст Пространной редакции Задонщины с элементами Краткой. Ввиду того что об этом тексте можно судить только по небольшим фрагментам, сохранившимся в других памятниках, реконструкция его не учитывает. Основные отличия его сводятся (в Печатной группе Сказания, в списке Сказания Тихонравова, № 238 и Псковской летописи) к следующему:

1. «стару помолодиться» (Печатная группа); 2. «дивные удалыцы» (Печатная группа. Псковская летопись); 3. «стуку и грому велику» (Псковская летопись); 4. «веселие

и слава пониче» (Тихонравова, № 238). Варианты, читающиеся в Псковской летописи, обозначены в аппарате — Псков. 5. В тексте Пространной Задонщины с элементами Краткой, которым пользовался создатель Псковской летописи и архетипа Печатной группы Сказания, очевидно, было чтение «треснута копия» (харалужные). В К-Б: «грязнута копия харалужныя, мечи булатныя» И1 «ударися копи... възгремели мечи булатныя»; У «ударися копье... възгремели мечи»; С «удадарися... кафыи... възгремели мечи буйныя». Не исключено, что «грязнуша» списка К-Б — палеографическая ошибка (или индивидуальное чтение)[Буквы «ес» могли быть прочтены как «я», а «т» как «г». Выражение «грязнуша копия» К-Б не находит прямого соответствия в Пространной Задонщине и довольно странно. Зато «треск» копий совершенно естествен.] и в архетипе Краткой редакции также стояло «треснута».

Задонщина Краткой редакции (реконструкция)

¹Писание Софония старца рязанца. Благослови отче. Задонщина великого князя господина Дмитрия Ивановичя и брата его князя Володимера Одреевича¹. [1—1 Синод. 836: «Сее слово съставлено именемъ Софония резанца о великом князи Дмитрий Ионовиче и брате его Василиа (надо: Владимире) Одреевиче, и о всех князех руских, како билесе беаше за Доном за свою в(ел)икую обиду с поганом царе(м) Мамаемъ». У: «Слово о великом князе Дмитрее Ивановиче и о брате его князе Владимире Андреевиче, яко победили супостата своего царя Мамаея». ЛОИИ, собр. Лихачева 13: «Слово о безбожном царе Мамае. Писание Софона, сиреч резанца, как случилась бран на Дону великому князю Дмитрию Ивановичю и брату его князю Владимиру Андреевичу з безбожным Мамаем». В Тверской летописи под 1380 г.: «А се писание Софония резанца, брянского боярина, на похвалу великому князю Дмитрию Ивановичу и брату его князю Владимиру Андреевичу». БАН, 16.17.22 и сходные: «Сказание Софония иерея рязанца. Сказание о Донском бою».]

Пойдем, брате, в полуночную страну, жребии *Афетов*, [Испр. К-Б Афетову.] сына Ноева, от него же родися Русь преславная. Оттоле взыдем на горы Киевскыя. Первее всех вшед восхвалимъ *вещаго* [Испр. К-Б вещагого.] Бояна в городе в Киеве, *гораздо* [И1 гораздаго. У горазна. С горазда.] гудца. Той бо вещей Боян, воскладая свои златыя персты на живыя струны, пояше славу русскимъ княземъ, первому князю Рюрику, Игорю Рюриковичю, ⁵*Владимеру Святославичю*⁵, [5—5 Так И1. К-Б и Святославу Ярославичю.] Ярославу Володимировичю. ⁶*Я же*⁶ [6—6 Так И1. К-Б нет.] *восхваляю* [Так. У. К-Б восхваляя их.] песни и гуслеными буйными словесы ⁸*и сего*⁸ [8—8 Так И1. К-Б на рускаго.] господина князя Дмитрия Ивановичя и брата его князя Володимера Одреевича, занеже их было мужество и желание за землю Русьскую и за веру христианскую от тоя [И1 Калагьския.] рати и до Мамаева побоища. [Сказание (Основной редакции) далее: Рускаа земля уныла. И1 лет 160.]

Се *бо* [Так У, С. К-Б аз.] князь великы Дмитрий Иванович и брат его князь Володимер Одреевич поостриша сердца свои мужеству, ¹²*истезавше ум*¹² [12—12 Так У. К-Б ставше.] своею крепостью, по- мянувше прадеда, князя Володимера Киевскаго, царя рускаго.

Жаворонок птица, в красныя дни утеха, взыди под синие облакы, пой славу великому князю Дмитрею Ивановичю и брату его Володимеру Одреевичю. Они бо взнялися, как соколи, со земли Русскыя на поля *Половетукия*. [Испр. К-Б половетция.]

Кони ржутъ на Москве. Бубны бьютъ на Коломне. Трубы трубят в Серпухове. Звенить слава по всей земли Русьской. Чюдно стязи стоять у Дону великого. Пашутся хоригови берчати, светятся калантыри *злачены*, [Испр. по Сказанию. К-Б зачены.] звонят колоколи веч- нии в Великом в Новгороде. Стоять мужи наугородци у святыя Софии, а ркучи такову жалобу: «Уже намъ, брате, к великому князю Дмитрею Ивановичю на пособъ не поспети».

Тогда, аки орли, слеташася со всея полунощныя страны. То ти не орли слеташася, съехалися все князи русскыя к великому князю Дмитрию Ивановичю на пособь, а ркучи так: «Господине князь великий, уже погани татарове на поля на наши наступают, а вотчину нашу у нас отнимають, стоят межю Дономъ и Днепромъ, на рице на Мече.[Испр. К-Б Чече.] И мы, господине, поидемъ за быструю реку Дон, укупимъ землямъ диво, старым повесть, а младым память».

Тако рече князь великий Дмитрие Иванович своей братии русскимъ княземъ: «Братъеца моя милая, русские князи, гнездо есмя были едино князя великаго Ивана Данильевича. Досюды есмя были, брате, никуды не изобижены, ни соколу, ни ястребу, ни белу кречату, ни тому псу поганому Мамаю».

Славий птица, чтобы еси выщекотала сиа два брата, два сына Вольярдовы, Андрея *Полотцаго*,[Испр. К-Б половецкаго.] Дмитрия Бряньскаго, ти бо баше сторожевыя полкы, на щите рожены, под трубами повиты[Испр. К-Б поють.] под шеломы възлелеаны, конецъ копия вскормлены, с востраго меча поены в Литовской земли.

Молвяше Андрей к своему брату Дмитрею: «Сама есма два брата, дети Вольярдовы, внучата Едиментовы, правнучата Сколдимеровы. Сядемъ, брате, на свои борзи комони, испиемъ, брате, шеломомъ своимъ воды быстрого Дону, испытаемъ мечи свои булатныя».¹⁸ Я рече ему Дмитрей: «Брате Андрей, не пощадим живота своего за землю за Рускую и за веру крестьянскую и за обиду великаго князя Дмитрея Ивановича»¹⁸[18–18 Так У, И1. К-Б пет. В И1 вместо слов землю за Рускую и за веру крестьянскую — крестьяны.]. Уже бо, брате, стук стучить и гром гремитъ в славне городе Москве. То ти, брате, не стук стучить, ни гром гремит, стучить сильная рать великаго князя ¹⁹Дмитрея Ивановича¹⁹,[19–19 Испр. по У. К-Б Ивана Дмитриевича.] гремьять удалцы золочеными шеломы, черлеными щиты. Седлай, брате Ондрей, свои борзи комони, а мои готови напреду твоих оседлани».

Уже бо всташа силнии ветри с моря, прилелеяша тучю велику на усть Непра, на Русскую землю. Ис тучи выступи кровавая оболоча, а из них пашють синие молнии. Быти стуку и грому велику межю Дономъ и Непромъ, идетъ Хинела на Русскую землю. Серие волци воють, то ти были не серие волци, придоша поганые татарове, хотять проити, воюючи, взяти всю землю Русскую.

Тогда же гуси гоготаше, и лебеди крылы всплескаша. То ти не гуси гоготаша, ни лебеди крылы всплескаша, се бо поганый Мамай приведе вой свои на Русь.

Птици небесныя пасущеся то под синие оболоча, ворони грають, галици свои речи говорятъ, орли восклегчють, волци грозно воють, лисици часто брешють, чають победу на поганых, а ркучи так: «Земля еси Русская, как еси была доселева за царемъ за Соломоном, так буди и нынеча за княземъ великим Дмитриемъ Ивановичемъ». Тогда же соколи и кречати, белозерские ястреби позвонять своими злечеными колоколци.

Уже бо стук стучить и гром гремитъ рано пред зорею. То ти не стук стучить, ни гром гремит, князь Володимир Ондреевич ведет вой свои, сторожевыя полкы к быстрому Дону, а ркучи так: «Господине князь Дмитрей, не ослабляй! Уже, господине, поганые татарове на поля на наши наступают, а вой наши отнимають».

Тогда же князь великий Дмитрей Иванович ступи во свое златое стремя, всед на свой борзый конь, принимая копие в правую руку. Солнце ему на востоце[К-Б далее сентября 8 в среду на рождество пресвятыя Богородица.] ясно светить, путь ему поведаетъ, Борис, Глеб молитву творять за сродники свои.

Тогда соколи и кречати, белозерскыя ястреби борзо за Дон перелетеша, ударишася на гуси и на лебеди. Грянуша копия харалужныя, мечи булатныя, топоры легкие, щиты московскыя, шеломы немецкие, боданы бесерменскыя. Тогда поля костыми насеяны, кровью полиано. Воды возпиша, весть подаваша по рожнымъ землямъ, за Волгу, к Железнымъ вратомъ, к Риму, до Черемисы, до Чяхов, до Ляхов, до Устюга поганых татар, за дышущем моремъ. Того даже было лепо[Испр. К-Б нелепо.] стару помолодиться.

Хоробрый Пересвет поскакивает на своемъ вѣщѣмъ сивцѣ, свистомъ поля перегороди, а ркучи таково слово: «Лучши бы есмь сами на свои мечи наверхъ- глѣся, нежели намъ отъ поганыхъ положенъмъ пасти». И рече Ослебѣ брату своему Пересвету: «Уже, брате, вижду раны на сердци твоѣмъ тяжки. Уже твоей главе пасти на сырую землю, на белую ковылу моему чаду Иякову. Уже, брате, пастуси не кличють, ни трубы не трубять, толко часто ворони грають, зозгици кокують, на трупы падаючи».

Тогда же не тури възрыкають на поле Куликове на речке Непрядне, взопаша избиении отъ поганыхъ князи ²²великие и боляре сановные, князь Федор Романович Белозерскш и сынъ его князь Иван, Микула Васильевич²², [22–22 Испр. К-Б великихъ и бояръ сановныхъ, князя Федора Романовича Белозерскаго и сына его князя Ивана, Микула Васильевича.] Федор Мемко, Иван Сано, Михайло Вренков, Иаков Ослебятин, Пересвет чернецъ и иная многая дружина.

Тогда же восплакашася горко жены боярыни по своимъ осподарехъ в красне граде Москве. Восплачется жена Микулина Мария, а ркучи таково слово: «Доне, Доне, быстрый Доне, прошелъ еси землю Половецкую, пробилъ еси берези харалужныя, [Испр. К-Б хараужныя.] прилелей моего Микулу Васильевича». Восплачется жена Иванова Федосия: «Уже наша слава пониче в славне городе Москве».

Не одина мати чада изостала, и жены боярскыя мужей своихъ и осподаревъ остави, глаголюще къ себѣ: «Уже, сестрици наши, мужей нашихъ в животе нѣту, покладоша головы свои у быстрого Дону за Русскую землю, за свѣтыя церкви, за православную веру з дивными удалци, с мужескими сыны».

Задонщина Пространной редакции (реконструкция)

Сказание^{1.1} *Софония иерея рязанца. Похвала великому князю Дмитрею Ивановичю и брату его князю Владимиру Андреевичю*¹ [1.1–1 Так Печ. И1 пет. С Сказание Сафона Резанца исписана руским княземъ. Похвала великому князю Дмитрию Ивановичу и брату его Володимеру Ондреевичу. У Слово о великомъ князе Дмитрее Ивановиче и о брате его князе Владимире Андреевиче, яко победили супостата своего царя Мамаю. Ж Сказание о Донскомъ бою. Рум. № 378 Сие убо списание, изложение Софония, иерея резанца, великому князю Димитрию Ивановичю и брату его, князю Владимиру Андреевичю и всемъ рускимъ княземъ православнымъ и воеводамъ местнымъ, и молодымъ людемъ, и всему православному крестьянству на похвалу и на память, како победи и одоле поганого царя Мамаю на Дону и князи его и уланы и упаты и вся изби, супротивныя полки одоле.]

Преже восписахъ жалость земли Руские и прочее, отъ книхъ приводя². [2–2 Так У. И1 нет.] И потомъ списахъ жалость и похвалу великому князю Дмитрию Ивановичю и брату его князю Владимиру Ондреевичу. Сидемяся, братие, и друзи, сынове русти, съставимъ слово къ слову и *возвеселимъ* [Так У. И1 величимъ. С возвелим.] землю Рускую и веръжемъ [У возверземъ. С понеже.] печаль на вѣсточную страну. ¹⁵*Симовъ жребий, воздадимъ*¹⁵ [15–15 Так У. И1 в семь в жребие воздаюмъ. С в семъ жребие воздати.] поганому Мамаю победу, [Так У, С. И1 победы.] а [Так У. И1 и.] великому князю Дмитрию Ивановичю похвалу и брату его князю Владимиру Ондреевичю, ¹⁸*и рцемъ таково слово: «Людчи бо намъ»*¹⁸ [18–18 Так У. И1 рци: Того лутче бо.] есть, братие, начати [Так У. И1 нача.] поведати иными [Так У. И1 иными. С и мы.] словесы о похвальныхъ *сихъ* [Так У, С. И1 нет.] о нынешнихъ повѣстехъ о [Испр. И1 отъ. С а.] полку *великого* [Так У, С. И1 нет.] князя Дмитрея Ивановича и брата его князя Владимира Ондреевича, правнука [С правнуковы. У а внуки.] свѣтого великого князя Владимира киевскаго — *начати* [Испр. И1 начаша. У начаша ти. С нача.] поведати по деломъ ²⁶*ло былымъ*²⁶. [26–26 Испр. И1 по гибелью. У и по былинамъ. С былымъ.]

Но ²⁷*проразимся мыслию*²⁷ [Так У. И1 протрезвимся мыслями. С поразилъ мысленными.] ²⁸*по землямъ*²⁸ [Испр. И1 и землями. У но землями. С землями.] и помянемъ первыхъ летъ времена и похвалимъ ²⁹*вещаго Бояня*²⁹, [29–29 Испр. И1 вещь боинаго. У вещаннаго боярина. С вещаго.] гораздаго гудца [Так У, С. И1 гдуча.] в Киеве. Тотъ Боян [Испр. И1 боюн. У боярин. С бо деи.] воскладше гораздыя своя ³²*персты* на живыя³² [32–32 С белыя руцы но злотыя.] струны и пояше княземъ рускимъ ³³*спаву*,

первом³³[33–33 Так У. И1 славы: первую славу. С похвалу: первому.] великому князю киевскому *Рюрику*,[Так С. И1, У нет.] Игорю Рюриковичу,[Испр. И1 далее 2. У Бяриковичю. С последних двух слов нет.] великому князю Владимиру Святославичю[У Всеславьевичю.] киевскому,[Так У. И1 далее третью. С Светославичю.] великому князю Ярославу Володимировичю. И я же помяну ³⁸резанца Софония³⁸[38–38 Так У. И1 Ефония ерея резанца. С Софона резанца.] ³⁹и *восхваляю*³⁹[39–39 Так У. И1 в похвалу. С похвалим.] песнями и гуслеными и *буйными*[Так С. И1 буйни.] словесы и сего великого князя Дмитрея Ивановичя и брата его князя Владимира Андреевича, правнука ⁴¹*великого князя Владимира Киевского*⁴¹,[41–41 Испр. И1 правнука тех князей. С правнука святого князя Володимера Киевского. У а внуки святого великого князя Владимира Киевского.] занеже отпало мужьство их и пение[Так У. И1 далее их и.] князем руским за землю Рускую и за веру крестьянскую.

От[У А от.] Калагьския рати до Мамаева побоища лет 160.

Се[Так С, У. И1 сии] бо князь великий Дмитрей Ивановичь и брат его, князь Владимир Андреевич, помоляся Богу и пречистой Богородицы, мстезавше[Так У. И1 стяжав. С истежавше.] ум свой крепостию, и *поостриша*[С поостри.] сердца своя мужеством, и *наполнися*[Так У, С. И1 наполнишася.] ратного духа, и уставиша себе *храбрыя*[Так У. И1 храмныя. С хибрия.] полъкы в Руськой земли, и помянуша прадеда своего *великого*[Так У, С. И1 нет.] князя Владимира[Так У, С. И1 далее Андреевича.] Киевьскаго.

О, жаворонок, летняя птица, красных дней утеха, возлети под синии небеса, посмотри к сильному граду Москве, воспой славу великому князю Дмитрию Ивановичю и брату его, князю Владимиру Одреевичю: ⁵¹*Чи ли*⁵¹[51–51 Так С. И1 Цег. У Ци.] буря соколи[Так У. И1 коли. С соколом.] зонесет[Так С. И1, У снесет.] из земли Залескня[Так У. И1 Залетьские. С Золеское.] в поле Половецкое».

⁵⁵*Кони рьжут на Москве*⁵⁵. [55–55 Испр. И1. У На Москве кони рьжут. С Кони ирзуть но Москве.] Трубы трубят на Коломне. ⁵⁶Бубны бьют⁵⁶[56–56 Испр. И1. У в бубны бьют. С бубны бубнят.] в Серпухове. ⁵⁷Звенит слава по всей земли Руской. *Чудно стязи стоят*⁵⁷[57–57 Испр. по С. И1, У Звенит слава руская (У нет) по всей земли Руской. Стоят стязи, причем текст звенит слава руская по всей земли Руской помещен перед двумя предшествующими фразами. С звинит слава по всей земли Руской. Чудно стези стояти.] С звинит слава по всей земли Руской. Чудно стези стояти. у Дону у великого на брези. Звонят колоколы вечныя в Великом Новгороде. Стоят *мужи*[Так У, С. И1 люди.] новгородцы у святой Софеи, а рыкучи: «Уже нам, братие, на пособе великому князю Дмитрию Ивановичю не поспеть»

И как слово изговаривают[Так У. И1 изговаривая. С измовили.], уже бо яко орлы слетешася ⁶⁰*со всей Руской земли*⁶⁰. [60–60 Так Печ. И1, У, С нет.] ⁶¹*То ти были не орли слетешася*,⁶¹[61–61 Так У. И1 и. С нет.] выехали посадники из Великого Новагорода 70 000 ⁶²*кованья рати*⁶²[62–62 Так С. И1 нет. У войска.] к великому князю Дмитрию Ивановичю и брату его князю Владимиру Андреевичю на пособе к славьному граду Москве. То те съехалися вси князи руския к великому князю Дмитрию Ивановичю и брату его князю Владимиру Андреевичю, а рыкучи им таково слово: «У Дону стоят татарове поганый, Мамай *царь*,[Так У, С. И1 нет.] на реки[Так У. И1 речкы. С реце.] на Мечи, ⁶⁵*межу Чюровым и Михайловым*⁶⁵,[65–65 Так У. И1 нет. С межи Чудовым и Михайловым.] хотят брести и живот свой предати нашей славе». И рече князь *великий*[Так У, С. И1 нет.] Дмитрей Иванович ⁶⁷*брату своему князю Володимеру Андреевичю*⁶⁷[67–67 Так С. И1 нет. У Брате, князь Владимир Андреевич.]: «Пойдем, *брате*,[Так У, С. И1 нет.] тамо ⁶⁹укупим животу славу⁶⁹,[69–69 С искупим животом славы. У укупим животу своему славы.] ⁷⁰*учинить имам диво*⁷⁰,[70–70 Так С. И1, У нет] старым повесть, а молодым память, а храбрых *своих*[Так У. Печ., И1 плечев.] испытаем за[Так С. И1 перед этим словом а рыку Дон кровию прольем, У а реку Дон кровью прольем.] земьлю Рускую и за веру крестьянскую».

И рече им[С брату своему.] князь великий Дмитрий Иванович: «Братия и князи руския, гнездо есмя ⁷⁴князя Володимера Киевского, *русского царя*⁷⁴. [74–74 Так С. И1, У великого князя Владимире Киевского.] ⁷⁵*Доселя есмя были не обижены, ни ястребу, ни соколу*⁷⁵, [75–75 Испр. по С. И1 ни в обиде есмя были. У не в обиде есми были по рожению ни ястребу. С Доселя есмо были не обижены ни от кого, ни ястребу, ни соколу.] ни *белоозерскому*[Так С. И1, У нет.] кречету, ни ⁷⁷*тому же псу*⁷⁷, [77–77 Так С. И1, У черному ворону ни.] поганому Мамаю».

О, соловей, летняя птица,[С далее красных дней втеха] чтобы ты, соловей, выщекотал[И1, У далее великому князю Дмитрию Ивановичю (У далее и брату его князю Владимиру Андреевичи). С выщекотали. У вощекотал славу] из земли ⁸⁰*Литовской сиа*⁸⁰[80–80 Испр. И1 той всей и. У Литовской. С Залеское.] дву братьев Олгердовичев, ⁸¹*Дмитрея Волынского да Ондрея Бранского*⁸¹. [81–81 Испр. И1 Ондрей да брат его Дмитрий Олгердовичев да Дмитрий Волынский. С князя Дмитрея Волынского, а князя Ондрея Бранского. У Андрею да и брату его Дмитрею да Дмитрею Волыньскому.] Те бо суть сынове храбрии ⁸²*родишася в ратное время, под трубами повити*⁸², [82–82 Испр. по С и К-Б. И1 кречати в ратном времени, ведоми полководцы под трубами и. У кречаты в ратном времени и ведомы полеводцы под трубами. С родишася в ратное время под трубами нечистых.] под шеломы возлелаяны, ⁸³*конец копия вскормлены, с коленых стрел воспоены*⁸³[83–83 Испр. по К-Б. И1, У нет. С кочаны коней вскормлены с коленых стрел воспоены.] в Литовской земли.

И моляше Ондрей Олгердович брату своему Дмитрию: «Сами есми себе два брата, ⁸⁴*сынове есмя Олгордовы*⁸⁴, [84–84 Испр. И1 нет. У сынове Олгордовы. С сынове смо Алгыродовы.] а внуки есмя Едимантовы, ⁸⁵*я правнуки есми Сколомендовы*⁸⁵. [85–85 Так У. И1, С нет.] И зберем, ⁸⁶*брате, милую дружину*⁸⁶, [86–86 Так ГБЛ Муз. № 2527. И1 братью милую. У брате милые. С себе милую дружину.] пановой удалый Литвы, храбрых удалцев, и сами сядем на борзых своя комони, посмотрим быстрого Дону, ⁸⁷*сопием шеломом воды*⁸⁷, [87–87 Так С. И1 избьем шоломы мечи. У нет.] испытаем мечев своих литовьских о шеломы татарекыя, сулиц немецких ⁸⁸*о боданы*⁸⁸[88–88 Испр. И1 байданы. У о боданы. С а бонадов.] бесерменьския».

И рече ему Дмитрий: «Брате Ондрей, не пощадим живота своего за ⁸⁹*землю за Рускую и за веру крестьянскую*⁸⁹[89–89 Так У. И1 крестьяны. С землю рускую и за веру христианскую.] и за обиду великого князя Дмитрия Ивановича ⁹⁰*и за брата его князя Володимира Ондреевича*⁹⁰. [90–90 Так С. И1, У нет.] Уже бо, брате, стук стучить, гром гримит в слав не[Так Печ. И1, С камене. У камена.] граде Москве. ⁹²*То ти, брате, не стук стучит, ни гром гримит*⁹², [92–92 Так С. И1 нет. У что, брате. Печ. Уже, братие, не стук стучит и не гром гремит.] стучить сильная рать великого князя, гремят удалцы руския золочеными доспехы ⁹³*и шеломы и*⁹³[93–93 Так С. И1 нет. У и.] черлеными щиты. Седлай, брате Ондрей, свои борзый комони, а мои готовы, ⁹⁴*напреди твоих оседлани. Выедем*⁹⁴, [94–94 Испр. И1 нет. У готов оседлан. Выедем. С подемани. Выедем.] брате, на чистое поле, посмотрим своих польков, колко[Так С, У. И1 Толко, брате князь Дмитрий.] с нами храбрые Литвы,[С далее та поведают. У а храбрые Литвы с нами.] 70 000 ⁹⁷*окованные рати*⁹⁷. [97–97 Так У. И1 нет. С кованья раты.]

Уже,[С Вжо. У Уже бо.] брате, возвеша силнии ветри ⁹⁹*с моря*⁹⁹[99–99 Испр. И1, У по морю. С нет.] на усть Дону и Непра, прилелеяша[Испр. И1 прилелеяшася. У прилеяша. С пролишася.] великия тучи¹¹¹, [Так У. И1 далее по морю.] на Рускую землю, из них выступают кровавые зори, и в них трепещуть силнии молнии». Быти стуку[Мин. стуку и грому.] велику на речки Направде, меж Доном и Непром, пасти трупы челоуечью на поле Куликове, пролитися крове на речкы Направде.

Уже бо вскрипели телеги меж Доном и Непром, идут хинове *на*[Так С. И1, У в.] Рускую землю. И притекоша серые волцы от усть Дону и Непра, ставъши, воют[Так У. И1 воюют. С выют.] на рецы на Мечи, хотят наступати на Рускую землю. То ти бышя[Так У, С. И1 было.] не серые волцы,[Так У, С. И1 далее но.] приидоша погании татарове,

пройти[Так У, С. И1 прийти.] хотят, воюючи,[Так У, С. И1 далее в.] Рускую землю.[Так У, С. И1 далее погании татарове.]

Тогда гуси возгоготаша и[Так У, С. И1 далее на речки на Мечи.] лебеди крылы *возсплескаша*. [Так У. И1 въслескаша. С всплескали.] Ни гуси возгоготаша, но поганый Мамай на Рускую землю пришел, а воеводы своя привел.

А уже беды их *пасоша*: [Так У. И1 пловуще. С пашутся.] птицы[Так С. И1 птица их крилати. У птици крилати. Мин. птиц пашущих, далее вместо крилати — крылы своими.] под облакы летаютъ, ворони *часто*[Так У, С. И1 нет.] грають, а галицы своею речью говорятъ, орлы *восклегчють*, [Испр. по К-Б. И1 крылатии въсплещуть. У хлекчют. Мин. клегчют. С в гаму кличут.] а волци грозно воють,[Так У. И1, Мин. воюють. С вьют.] а лисицы на кости брешут. ¹⁷*Земля Руская*¹⁷, [17–17 Испр. И1, У Руская земля. С Земля Рязанская.] ¹⁸*теперь бо*¹⁸ [18–18 Так С. И1 то ти. У то первое] есть как за Соломоном царем побывала.[Так У. И1 побывало. С побывали.]

То[Так У, С. И1 А.] уже соколы ²¹и *кречати*²¹, [21–21 Испр. И1 нет. У и. С и белозерстии кречеты.] белозерския ястребы рвахуся от златых колодец ис каменнаго града Москвы,[С далее обриваху шевковыя опутины.] *возлетеша* под синии небеса, *звонечи*[Так С. И1, У возгремеша.] золочеными колоколы на быстром Дону, ²⁴*хотят ударити на многие стады гусиные и на лебединья, а богатыри, руския удалцы, хотят ударити на великия силы поганого царя Мамай*²⁴. [24–24 Так С. И1, У нет.] Тогда князь великий вступи в златое стремя, взял свой меч в правую руку свою, помоляся Богу и пресвятии Богородицы. Солнце ему ясно на вьстоцы сияет ²⁵и *путь поведает*²⁵, [25–25 Так У. И1 нет. С пут поведает.] а Борис и Глеб молитву ²⁶*творят* за сродники *своя*²⁶. [26–26 Испр. И1 воздает за сродники. У воздают за сродники своя. С творит за сродники своя.]

Что шумит,[С пишут.] что гримит рано пред зарями? Князь Владимир[У далее Андреевич.] *полки*[Так У, С. И1 паки устанавливает и.] пребирает и ведет к ³⁰*быстрому Дону*³⁰. [30–30 Так С. И1 Дону великому. У великому Дону.] И молвяше брату своему: «Князь Дмитрей, не ³¹ослабляй, *брате*³¹, [31–31 Испр. И1 ослабляй, князь великий. У ослабляй, брате. С услобляй.] татаром. ³²*Уже бо*³² [32–32 Так У, С. И1 нет.] поганый поля наступают, ³³*а вой наши отнимають*»³³. [33–33 Испр. И1 отнимають отчину нашу. У и вотчину отнимают. С а хоробруя нашу дружину побивают.]

Рече ему князь *великий*[Так С. И1 нет.] Дмитрей Иванович: «Брате князь Владимире Одреевич, сами себе есмя два брата, ³⁵*правнуки великого князя Владимира киевского*³⁵. [35–35 Испр. И1 нет. У а внуки великого князя Владимира Киевского. С сынове есмо велико князя Ивана Данильевича Каметы, а внучата есмо великого князя Данильа Александровича.] Воеводы у нас уставлены *крепкия*[Так С. И1, У нет.] 70 бояринов, князи[Так С. И1 князи крепцы. У и крепцы бысть князи.] белозерскыи: Федор Семенович, Семен Михайлович, Микула Васильевич, два брата ³⁸*Олгордовичи, Андрей Брянский да Дмитрей Волынский*³⁸, [38–38 Испр. И1 Олгердова, Дмитрей Волынский. У Олгордовичи да Дмитрей Волыньский. С Олгордовичи, князь Андрей Бранский а князь Дмитрей Волынский.] Тимофей Волуевич,³⁹*Андрей Серкизович да*³⁹ [39–39 Так У. И1 нет. С Андрей Серкизович, а.] Михайло Иванович, а вою[Так У. И1 воюют. С боя.] с нами 300 000 кованой рати, Воеводы у нас уставлены *крепкия*[Так С. И1, У нет.] дружина нам сведома, имеем под собою боръзья комони, а на себе золоченыя доспехи, а шеломы черкаськіе, а щиты московськіе, а сулицы *немецкие*[Так У, С. И1 ординские.] а ⁴³колчары *фрязския*⁴³ [43–43 Испр. И1 чары франьския. С кофыи фразския, а кинжалы мисурскими. У кинжалы фряские. Печ. колчары фряйские, корды лятцкие.]: мечи булатныя, ⁴⁴*а дороги нам сведома*⁴⁴, [44–44 Так С. И1 и молвяше: Поганый путь им знаем вельми. У нет. Печ. а дороги им вельми сведома.] а перевозы ⁴⁵*у нас*⁴⁵ [45–45 Испр. И1 им. С в нас.] изготовлены но еще хотят силно главы своя положити ⁴⁶*за землю за Рускую* и ⁴⁶[46–46 Так У. И1 нет. С за святыя Божия церкви, за православную веру христианскую и за землю рускую.] ⁴⁷*за веру крестьянскую*⁴⁷. [47–47 С нет.] Пашут бо ся ⁴⁸*аки живи*⁴⁸ [48–48 Так У. И1 нет. С кафир.] хорюгове, ищут себе чести и славнаго имени».

Уже ⁴⁹*бо ястреби и соколи и белоозерстии*⁴⁹[49–49 Так С. И1 бе те соволе, и. У бо те соколы и.] кречеты за Дон ⁵⁰*борзо перелетели и ударилися на многие стада гусиные и лебединые. То ти*⁵⁰[50–50 Испр. И1 нет. У борзо перелетели и ударилися о многие стада лебединые. То ти. С прилетеша и удариша на многия стада сосилныя и на лебединыя. То ти.] перевезлися и наехали русти сынове на силную рать татарскую, ⁵¹*треснуша* копия харалужная⁵¹[51–51 Испр. И1 ударишася копии хараужничными. У ударишася копы фараужными. С удариша кафыи фразскими. Печ. Треснуша копия харалужная. Псков. Треснули копыа московския.] о доспехы татарския, възгремели[Печ. гремят.] мечи булатныя о шеломы хиновския на поле Куликове, на речки Направде.

Черна земля под копыты, костью татарскими поля насяеша, *а*[Так У. И1 нет.] кровию земля полита.[Так У. И1 нет. Испр. И1, У пролита. С нет. К-Б полиано. С ниже в сходном месте полита. У пролита бысть.] Силнии полкы съступалися вместо, протопташа холми и лугы. Возмутишася[Так У, С. И1 возмутися.] реки ⁵⁶*и потоки*⁵⁶[56–56 Так У, С. И1 нет.] и езера. Кликнуло диво, ⁵⁷*весть подаваше по всим землям руским*⁵⁷, [57–57 Испр. И1. У в Руской земли. Печ. поиде весть по всем градом.] велит послушати грозным землям. Шибла слава к Железным вратом,[С вместо текста Железным вратом... и оттоле — мору и Ворнавичом и к Железным вратам, ко Кафе и к турком. У далее ли к Караначи.] к Риму, и к Кафы, по морю, и к Торнаву, и оттоле к Царюграду на похвалу: Русь ⁵⁹*поганыи* одолеша⁵⁹[59–59 Так Печ. И1 великая одолеша Мамаю. С поганых одолеша. У одолеша рать татарскую.] на поле Куликове.

Тогда бо силнии тучи съступалися вместо, ⁶⁰*а из них часто сияли*⁶⁰[60–60 Так У. И1 силнии. С а вид них сияли.] молнии, громи гремели велице. То ти съступалися рускии сынове с погаными татары за свою обиду, а в них сияли[Так У, С. И1 сияють.] ⁶²*доспехм* злаченые⁶², [62–62 Так У. И1 доспехы золочеными. С золотыя доспехи.] гремели князи руския мечи *булатными*[Так У. И1 нет. С булатныя.] о шеломы хиновския.

Из утра билися до полудни в субботу на Рожество святии Богородицы.[С далее месяца сентебра во 8 день.]

Не ⁶⁵*турове възрыкають*⁶⁵[65–65 Испр. И1, У тури възгремели. С турове возрули. Печ. турове возревеша.] на поле Куликове, побежени у Дону великого, *взопиша*[Испр. по К-Б. И1 То ти не туры побежени. У не тури побеждени. С возрули. Печ. Не возревеша.] посечены князи руския и воеводы великого князи и князы белозерстии посечени от поганых татар: Федор Семенович, Семен Михайлович, Микула Васильевич, ⁶⁷*Тимофей Волеуевич*⁶⁷, [67–67 Так У (причем Микулы Васильевича нет). И1 после Федор Семенович.] Ондрей Серкизович,[Так У, С. И1 Серпизович.] *Михайло*[Так У, С. И1 Микула.] Иванович и иная ⁷⁰*многая дружина*⁷⁰. [70–70 Так У. И1 дружина и поставлен крест (знак пропуска).] ⁷¹*А иные лежат посечены у Дону на брези*⁷¹. [71–71 С многа дружина. — Испр. И1, У, а также С (вторично) фраза помещена ниже после слова посвечивает. С у Дона на брези лежит побита и постреляна.]

Черныца Пересвета, ⁷²*бряньского боярина, привели на суженое место. И рече Пересвет чернец*⁷²[Испр. по С, где б(р)анского боярина привели на судное место. Говорит Пересвет чернец. У брянского боярина на суженое место привели. И рече Пересвет чернец.] великому князю Дмитрию Ивановичю: «Луче бы *нам*[Так У, С. И1 нет.] посеченым[У потятым.] ⁷⁵*быть, нежел*⁷⁵[75–75 Так У. И1 пасти, а не. С быти нижили.] полоняным *быти*[Так С. И1 въспети. У нет.] от поганых». Тако бо Пересвет поскакивает на борзе кони, а злаченым доспехом посвечиваше.[У посвельчивает. С посвещаючи. И1 далее А иные лежат посечены у Дону на брези, У А иные лежат посечены у Дуная великого на брези.] ⁷⁸*И рече*⁷⁸. [78–78 Так У, С, И1 нет.] «Добро бы, брате, в то время стару помолодится, а ⁷⁹*молодому чести добыти*⁷⁹, [79–79 Так С. И1, У нет. Печ. молодому храбрости испытати.] удалым плечь *своих*[Так У, С. И1 нет.] испытати».[Так С. И1 попытати. У попытать.]

И молвяше[И1 молвяше брат его. С говорит.] Ослабе чернец ⁸³*брату своему Пересвету черницу*⁸³[83–83 Так С. И1 нет. У своему брату Пересвету старцу.] «Брате

Пересвет, вижу на тели твоём раны. Уже голове твоей *пасти*[Так С. И1, У летети.] на траву ⁸⁵ковылу, а чаду моему Якову на *зелену* ковылу за землю Рускую⁸⁵[85–85 Испр. по С. И1 ковыль, а чаду моему Якову на ковыли землине лежати на поли Куликове за веру хрестьянскую. У ковыль, а чаду твоему Иякову лежати на зелене ковыли траве на поле Куликове на речьке Напряде за веру хрестьянскую и за землю Рускую. С ковылу, брата чадо Якове, но зелену ковылу за землю Рускую.] и за обиду великого князя Дмитрия Ивановича ⁸⁶*и за брата его князя Володимера Ондреевича*⁸⁶][86–86 Так С. И1, У нет.].

В то время по Резанской земли[Так С. И1 земли около Дону.] ⁸⁸*ни ратаи*⁸⁸[88–88 Так У. И1 нет. С ни ратой.] ни пастуси *не*[Так У, С. И1 нет.] кличут, но ⁹⁰*только часто*⁹⁰[90–90 Так С. И1 одне, У едины] вороне грають, труп ради человеческого. Грозно бо бяше и жалостно тогда ⁹¹*видети крови хрестиянское*⁹¹,[91–91 Так С. И1, У слышати.] зане трава кровью полита,[Так С. И1, У пролита.] а древеса ⁹³*тугою к земли*⁹³[93–93 Так И2, У. И1 к земли тугою. С тугами до земли.] преклонишася.

Въспели бяше птицы жалостные песни, вси[С нет.] въсплакались *княгини*[Так И 2, У. И1 кне. С кнегини.] и боярыни ⁹⁶*и воеводины жены о избьенных*⁹⁶. [96–96 Так И2. И1 избьенных воеводины жены. У и вси воеводские жены о избьенных. С избьенных мужей.] Микулина жена *Марья*[Так С. И1 Васильевича да Марья Дмитриева. И2 Феодосья Микулина жена Васильевича да Марья Дмитриева жена Воыньского. У Микулина жена Васильевича Федосья да Дмитриева жена Марья.] рано плакате[Так С. И1 плакашася. И2 оплакашася. У плакаша.] у Москвы у *града*[Так И2, У, С. И1 берега.] на забралах, а ркучи *тако*[Так У, С. И1, И2 нет.]: «Доне, Доне, быстрая река, прорыла^{III.1}[Так И2, У (далее — еси ты). С, И1 прирыла.] еси горы каменные, течеша в землю Половецкую,[Так И2, У, С. И1 Повецкую.] прилелей моего государя к мне, Микулу Васильевича».

Тимофеева жена Волуевича Федосья[С Настасья, И2, У нет.] ⁴*тако же*⁴[4–4 Так У, С. И1 так] плакася, а ркучи: «Се[Так И2, У. И1, С нет.] уже веселье *мое*[Так И2, У, С. И1 нет.] понице в славне гради Москве, уже не вижу своего государя Тимофея Волуевича в животе ⁷*его нету*⁷».[7–7 Так И2. И1, С нет. У нету.] Да Ондреева жена Марья да Михайлова *жена*[Так У, С. И1 нет.] Оксенья рано плакашася: «Се уже нам обема солнце ⁹*померькло*⁹[9–9 И2, У, С. И1 померкне на.] славне гради Москве».

Припахнули нам[Так И2, С. И1, У к нам.] от быстрого Дону поломянные[Так И2, У, С. И1 полоняныя.] вести, носяще[Так У, И2, С. И1 носяшу.] великую беду. Выседоша[И2 спадоша русские.] удалцы з борьзых коней на суженое[Так И2, У. И1, С судное.] место на поле Куликове. ^{14a}А уже диво кличет под саблями татарскими.¹⁵[14a-15 У нет. С Вжо, брате, диво кличет под шаблею татарскою.] *Положили головы своя за*¹⁶*[Испр. С от.] святых Божьих церкви за православную веру хрестиянскую и за господаря великого князя Дмитрия Ивановича и брата его князя Володимера Андреевича*¹⁵,[15–15 Так С. И1, И2, У нет.] ¹⁷*а тым богатырем слава и честь*¹⁷[17–17 Испр. по С. И2 а тым рускиим богатырем под ранами.]

Туту щурове рано въспели жалостные песни у Коломны на забралах на воскресение *Христово*[Так С. И1, И 2, У нет.] на Акима и Аннин день. То ти было не щурове рано воспели,[Так С. И1 въспеша жалостныя песни. И2 ни галици воспели.] все въсплакались жены коломенская, ²⁰*а ркучи таково слово*²⁰[20–20 Так И2. И1 нет. С и рекучи так. У и ркут тако.]: «Москва, Москва, быстрая река, чему еси *от*[Так У, С, И2. И1 у.] нас мужи наши залелеяла в землю Половецкую?». А ркучи ²²*таково слово*²². [22–22 Так И2, У. И1 нет. С и ркут тако.] «Можеши ли, господине князь великий, *веслы*[Так И2, У. И1 весла.] Непра запрудити,[С зоградити.] а Дон шеломы[Так С. И1 шлемом. И2 шоломы.] вычерпати, а Мечю трупы татарскими запрудити? Замькни, *государь*[Так И2, У. И1 нет. С государю.] князь великий, ²⁷*оке реке*²⁷[27–27 Так У. И1 от сих. И2 Оки. С реце Отчин.] ворота, чтобы потом поганые к нам не ездили. Уже бо ²⁸*мужей наших рать трудила*²⁸. [28–28 Так У, И2. И1 мужи наши рати трудили. С мужей наших прибыла от рати поганых татар. Рум. № 378 мужии наших рать прибыла.]

Того ²⁹же дни в субботу на рождество святых Богородицы²⁹[29–29 Так У. И1 Того день святая богородица. И2 В субботу на рождество святых Богородицы. С Того дня в субботу на рождество святых богородицы] ³⁰исекома христиане полков поганых татар³⁰[30–50 Испр. по С. И1 исекоша хрестьяне поганых полки. У исекоша христиан поганые полки. И2 исекоша хрестьяне поганые полки. С секоша христиане полков поганых татар.] на поле Куликове на речки Направде.

И нукнув князь Владимир *Андреевич*, [Так И2, С, У. И1 нет. И 2 далее с правые руки на по(га)наго Мамаю с своим князем Волинским 70-ю тысячами.] гораздо скакаше ³²по рати поганых татар³²[32–32 Так С. И1 по рати поганым. У во полцех поганых в татарских. И2 по рати в поганых половцех татарских.] златым шеломом посвечиваше. Гремят мечи булатные о шеломы хыновские. ³³И въсхвалит³³[33–33 Так И2, У. И1 въсхваляя. С И похвалит.] брата своего ³⁴великого князя Дмитрия Ивановича³⁴[34–34 Так У. И1 нет. И2 князя Дмитрия Ивановича. С Володимира Андреевича.]: «Брате князь Дмитрий Иванович, ³⁵то ты³⁵[35–35 Так С. И1 Что ты еси. И2 Ты. У Ты.] еси у зла тошна[Так У, И2. И1 пет. С тошного.] времени железная забрала. Не уставай, князь великий, с своими великими полки, не потакай крамолником[И2 лихим коромолником.]: ³⁸уже бо поганые³⁸[38–38 Испр. И1 поганая бо. И2 уже поганые. У уже бо поганые татары. С поганая татарове.] поля наша наступают, а храбрую дружину ³⁹у нас стрелят, и в³⁹[39–39 Так И2. И1 теряли. У у нас истеряли, а в. С побывают, во.] трупы человечесю борз конь не может скочити, в крови по колено бродят. Уже бо, брате, жалостно видети крови крестьянской. Не уставай, князь великий ⁴⁰Дмитрий Иванович⁴⁰[40–40 Так И2. И1 нет. С брате княже Дмитрею.] с своими бояры».

Рече князь великий ⁴¹Дмитрий Иванович⁴¹[41–41 Так И2, С, У. И1 нет.] своим бояром ⁴²и воеводам и детям боярским⁴²[42–42 Так И2. И1, У нет. С воеводам и сильным и великим бояром и детям боярским.]: «Братия бояре и воеводы, дети боярские, то ты, братие, ваши московские сластные меды и великия места себе и[Так И2, У, С. И1 нет.] своим женам. Туту стару по- молодится, а молодому[Так И2, У, С. И1 молодую.] чти добыти». Рече князь великий ⁴⁵Дмитрий Иванович⁴⁵[45–45 Так И2, У, И.1 нет. С Дмитрий.]: «Господи Боже мой, на тя уповах, да не постыжуся в век, ни посмеют ми ся врази мои мне». И помоляся Богу и святей Богородице и всем святым, и про- слезися горко и утер слезы.

И тогда яко орлы[Испр. И1 рлы. И2 соколи. У соколы. С орли, причем вместо дальнейшего текста отлетеша... реки протекли слетешася но великия силы татарския поганого царя Момоя.] отлетеша на быстрый Дон. То те не орлы[Испр. И1 орле. И2 соколи.] полетеша за быстрый Дон, поскакивает князь великий ⁴⁸Дмитрий Иванович⁴⁸[48–48 Так И2, У. И1 нет.] с своими полки за Дон с всею силою. ⁴⁹И рече⁴⁹[49–49 Так У. И1, И2 нет.]: «Брате князе Владимире, туту испити ⁵⁰медовыя чары поведеные⁵⁰. [50–50 Так И2. И1 медвеная чаша. У медвяна чара.] Наступаем[И2 ударимся. У наеждаем.], брате, с своими сильными полки на рать поганых».

Тогда князь великий ⁵²почал наступать⁵². [52–52 Так И2. И1 поля наступает. У наступает.] Гремят мечи булатные[Так И2, У. И1 нет.] о шеломы хыновския, поганые покрыва руками главы своя. Тогда погании ⁵⁴борзо вспят⁵⁴[54–54 Так И2. И1 нет. У борзо вся.] отступиша.[Испр. И1 отступиша назад. И2 отступишася. У далее и.] ⁵⁶Стязи ревать⁵⁶[56–56 Так И2. И1 ктязю ревать отступишася. У стези ревут (после Дмитрия Ивановича.) от великого князя ⁵⁷Дмитрия Ивановича⁵⁷. [57–57 Так И2, У. И1 нет.] погании бежать. Рускии сынове поля широкии кликом огородиша, золочеными доспехи[Так И2. И1 шлемы. У доспехами.] осветиша. ⁵⁹Уже стал бо тур на боронь⁵⁹. [59–59 Испр. И1 Въстал уже тур оборен. И2 уже стал во (? бо) ту на боронь. У Уже бо ста тур на оборонь.]

Тогда князь великий ⁶⁰Дмитрий Иванович и брат его князь Владимир Андреевич полки поганых въспят⁶⁰[60–60 Так У, И2 (И2 нет слова князь). И1 нет.] поворотили[Так У. И1 поганых назад победил и поворотил гораздо на них. И2 победил и гораздо на них поворотил.] ⁶²и начя их бити гораздо⁶². [62–62 Так И2. И1 бьет горко. У нача их,

бусорманов, бити и сечи горазно, без милости.] тоску им подаваше. Князи их ⁶³с коней спадоша⁶³, [63–63 Так И2. И1 подошася с коней к земли. У падоша с коней загремели.] трупы татарскими поля насеяша, а кровию протекли реки. Туто ся погании разлучишася боръзо, [У, И2 нет.] розно побегши неуготованными дорогами в Лукоморье, а скрегчюще зубы своими и дерущи лица своа, а ркучи: «Уже нам, братие, в земли своей не бывати, а детей своих не видати [Так И2, У. И1 выдати.] ⁶⁶а катун своих не трепати, а трепати нам сырая земля, а целовати нам зелена мурова⁶⁶, [66–66 Так И2. И1, У, С нет.] а в Русь ратью не хаживати, [Так У. И1 ходити. И2 хоживати.] а выхода нам у русских князей не прашивати».

А уже бо вьстонала земля Татарская, бедами и тугою ⁶⁸покрышася. Уныша бо царем⁶⁸ [68–68 у покрыта бо сердца.] *нашим* [Испр. по С. И1, И 2, У их.] ⁷⁰хотение и похвала⁷⁰ [70–70 и2 и князем похвала. У хотение князем и похвала. С веселие и величество и радость и похвала.] на Рускую землю ходити. ⁷¹Уже веселие *наше*⁷¹ [71–71 Так И2. И1 Веселие иже. У Уже бо веселие наше.] пониче. Уже рускиа сынове разграбиша татарская узорочья, [И2 далее наша.] доспехи и кони, волы и велблуды, вино, сахарь, дорогое узорочье, ⁷³камкы, насычеве везут женам своим⁷³. [73–73 У нет] Уже жены руския вьсплескаша татарским златом. Уже ⁷⁴бо по⁷⁴ [74–74 Так У. И1 нет] Руской земли простреся веселье ⁷⁵и буйство⁷⁵ [75–75 Так У. И1 нет.] и възнесся слава руская на поганых хулу. Уже веръжено диво на землю. Уже грозы великого князя [у Дмитрея Ивановича и брата его князя Владимира Андреевича.] ⁷⁷по всей земли⁷⁷ [77–77 у всем землям.] текуть. ⁷⁸Стреляй, князь великий, по всем землям. Стреляй, князь великий, с своею храброю дружиною поганого Мамайа хиновина⁷⁸ [78–78 у И князь великий своею храбростию и дружиною Мамайа поганого побил.] за землю Рускую, за веру христьянскую. ⁷⁹Уже поганые⁷⁹ [79–79 Так У. И1, У поганых.] оружие свое поверьгоша, а [Так У. И1 нет.] главы своя [Так У. И1 своя и.] подклониша под мечи руския. Трубы их не трубятъ. Уныша ⁸²гласи их⁸². [82–82 Так У. И1 бо царем их хотение.]

И отскочи *поганый* [Так У, С. И1 нет.] Мамай серым волком от своея дружины и притече к Кафы граду. И молвяше ему фрязове: «Чему *ты*, [Так У. И1 ти.] поганый Мамай, *посягаешь* [Так У. И1 нет. С пошел еси похвалившись.] на Рускую землю? То ти была орда Залеская, времена первый. А не быти тебе в Батыя царя. ⁸⁶У Батыя царя было⁸⁶ [86–86 Так У. И1 Царь Батый был.] 400 000 ⁸⁷окованные рати⁸⁷, [87–87 Так У. И1 вою.] воевал всю Рускую землю и пленил от востока и до запада. А казнил Бог Рускую землю за съгрешение. И ты пришел, *царь* [Так У. И1 князь.] Мамай, на Рускую землю с многими силами, с девятью ордами, с 70 князьми. [С далее ординскими темными.] А ныне бежиш сам девят в Лукоморье. ⁹⁰Не с кем тебе зимы зимовати в поле. Нетто тобя князи руские горазно подчивали, ни⁹⁰ [90–90 Так У. И1 В поле тобя князи руския гораздо упилися? И.] князей с тобою нет, ни воевод. Нечто гораздо упилися на поле Куликове, на траве ковыли. Побежи, поганый Мамай, и от нас по Задлешью».

Нам земля подобна есть Руская милому младенцу ⁹¹у матери своей⁹¹, [91–91 Так У. И1 умерети.] его же мати тешить, а рать лозою казнит, а добрая дела милуютъ его. И *помиловал* [Так У. И1 *потешить*.] Господь Бог человеколюбец князи руския, великого князя Дмитрия Ивановича и брата его князя Владимира Одреевича меж Доном и Непром на поле Куликове, на речки Направде.

Стал князь великий с своим братом князем Владимиром Одреевичем и с своими воеводами на костех. Грозно бо ⁹³и жалосно⁹³ [93–93 Так У. И1 нет.] брате, в то время посмотри: лежать трупы христьянския, акы сеннии стоги, а Дон река три дни кровью текла. ⁹⁴И рече князь великий *Дмитрей Иванович*⁹⁴ [94–94 Так У. И1 нет.]: «Считайтесь, братие, колких воевод нет, колько молодых людей нет». И говорит Михайло Одреевичъ, мос-ковъский боярин, князю Дмитрию Ивановичю: «Господине князь великий Дмитрий Ивановичъ, нету туто у нас сорока бояринов [Так У. И1 боярин больших.] мосъковских, да 12 князей белозерских, да 30 [Так У. И 1 30 бояринов.] посадников новгородцких, да 20 бояринов коломенских, да 40 ⁹⁷бояр серпуховских, 30 панов литовских, 20⁹⁷ [97–97 Так У.

И 1 нет.] бояринов переяславских, да полу 30 бояринов костромских, да пол 40 бояринов володимерских, да 50 бояринов суздальских, да 70 бояринов резаньских, да 40 бояринов муромских, да 30[У 34.] бояринов ростовских, да трех да 20 бояринов дмитровских, да 60 ⁹⁹бояр можайских, 30⁹⁹[99–99 Так У. И1 нет] бояринов звенигородских, да 15 бояринов углицких. А изгибло нас всей дружины пол 300 000 и ¹⁰⁰три тысячи. Слава тебе, Господи Боже наш, помиловал нас»¹⁰⁰. [100–100 Так У. И1 помилова Бог Рускую землю, а татар пало безчислено многое множество.]

И рече^{IV1}[Так У. И1 говорит, причем после Ивановичь] князь великий Дмитрий Иванович: «Братия и бояре, князи молодые, вам, братие, сужено место межъ Доном и Непром[Так У. И1 Непра.] на поле Куликове, на речки Направде, положили есте головы за Рускую землю и за веру хрестьянскую. Простите мя, братия, и благословите в сем вѣцы и в будущем. ³И пойдем, брате князь Владимир Андреевичь во свою Зале скую землю, к славному граду Москве, и сядем, брате, на своем княжение. А чести есми, брате, добыли и славного имени. Богу нашему слава»³. [3–3 Так У. И1 нет.]

КОММЕНТАРИИ

Заголовок. Восстановление первоначального текста заголовка Задонщины затрудняется отсутствием его в списке И1 и резкими индивидуальными различиями сохранившихся списков. Некоторую помощь исследователю могут оказать другие тексты. Так, в сборнике ГИМ, Синод., № 836 сохранилась приписка XV в., содержащая заголовок: «Сее слово съставлено именемъ Софония резанца о великом кнези Дмитрии Ионовиче и брате его Василиа Ондреевиче и о всех князех русских, како билесе беаше за Доном за свою в(ел)ику обиду с поганым царе(м) Мамаемъ».[Седельников. Где была написана Задонщина? С. 526.] В тверском летописном сборнике XVI в. под 1380 г.: «А се писание Софония рязанца, брянского боярина, на похвалу великому князю Дмитрию Ивановичу и брату его князю Володимеру Андреевичу».[ПСРЛ. СПб., 1863. Т. 15. С. 440. После заголовка в сборнике помещен следующий текст: «Ведомо ли вам, руским государям, цар Мамай пришел из (За)волжиа, стал на реце на Воронеже, а всем своим улусом не велел хлеба пахать; а ведомо мое таково, что хочет ити на Русь, и вы бы, государи, послали его пообysкать, туто ли он стоит, где его мне поведали». После этих слов киноварью зачеркнуто: «тем же всем суженое место между Доном и Днепром, на поле Куликове, на реце на Непрядве, а положили главы своа за землю Рускую и за веру хрестиянскую. А мы пойдем в свою отчину, в землю Залескую, к славному граду Москве, и сядем на своем великом княжении, чести есмя себе добыли и славнаго имени. Конец». Зачеркнуто извлечение из Сказания (Повести. С. 75).]

Задонщине по списку И1 предшествует первая часть Летописной повести о Куликовской битве.[Кончается словами «потышися и посрамятся» (ср. Повести. С. 31).] Общий заголовок этого «диптиха»: «В лето 6887. Похвала великому князю Дмитрию Ивановичю и брату его князю Владимиру Ондреевичу, внегда победища пособьем Божиим поганого Мамаа с всеми его силами». Подобного заглавия другие варианты Летописной повести и Сказания не имеют. Если дата («В лето 6887») появилась, очевидно, под пером составителя списка И1, вставившего «диптих» в текст летописи, то вторая часть заголовка заимствована, скорее всего, из текста Задонщины, имевшегося в его распоряжении. За это говорит сходство первой части заглавия со списком С, а второй — со списком У.

Сохранившийся отрывок введения по Ждановскому списку (близкий к У) озаглавлен «Сказание о Донском бою».[Срезневский В. И. Сведения о рукописях, печатных изданиях и других предметах, поступивших в рукописное отделение Библиотеки Академии наук в 1902 г. СПб., 1903. С. 17.]

В списках ГБЛ, Рум., № 378 и сходных — в Сказание о Мамаевом побоище вставка из Задонщины (плач жен по погибшим воеводам) озаглавлена: «Сие убо списание, изложение Софония, иерея резанца, великому князю Димитрию Ивановичю и брату его, князю Владимиру Андреевичю, и всем русским князем православным и воеводам местным, и молодым людям, и всему православному крестьянству на похвалу и на память,

како победи и одоле поганого царя Мамай на Дону и князи его и уланы и упаты и вся изби, супротивныя полки одоле».[Повести. С. 463.]

Наконец, некоторые списки Сказания в заголовках упоминают имя Софония. Так, в списке ГПБ, F.IV, № 228 читается «Сказание рязанца Софрония иерея». Это же заглавие есть и в других списках Печатной группы (с «Софонием» вместо «Софронием»), содержащих значительные выдержки из Задонщины Пространной редакции, близкие к ее протографу.[В том числе ГПБ, XV, № 70, БАН, 16.17.22, ср. также БАН, 16.13.2 (Повести. С. 490–492). В первом из перечисленных добавлено: «Похвала и о победе великому князю Дмитрею Ивановичю и брату его князю Владимиру Андреевичю». Во втором и третьем — «Похвала великому князю Дмитрею Ивановичю и брату его, князю Владимиру» (БАН, 16.13.2, далее «Андреевичю»).] А поскольку заголовок Синодального списка близок именно к этому варианту, то он, очевидно, и может считаться лучше всего воспроизводящим архетипный. В. Ф. Ржига и В. П. Адрианова-Перетц считают, что первоначальный текст Задонщины должен был именоваться «Словом», как У и Синод., № 836 (и как Слово о полку Игореве).[Ржига В. Ф. Слово Софония-рязанца о Куликовской битве («Задонщина»)/Учен. зап. МГПИ им. В. И. Ленина. М., 1947. Т. 43. С. 32–33; Адрианова-Перетц. Задонщина. (Опыт реконструкции). С. 223.] Нам представляется совпадение названия «Слово» в У и Синод., № 836 случайным, не дающим прочной опоры для возведения его в архетипное чтение.

Труднее установить текст заголовка Краткой редакции. Повторяемость термина «писание» и имени Софония рязанца в К-Б, Тверском сборнике, Синод., № 836, Рум., № 378 говорит за то, что эта часть заголовка К-Б первоначального происхождения. Наименование «Задонщина» — индивидуального характера; оно близко к терминам «Момотяковщина» и пр., встречающимся у Ефросина — составителя списка К-Б. Упоминание о «похвале», встречающееся в Тверском сборнике и Рум., № 378, сближает эти тексты с Пространной редакцией и вряд ли находилось в архетипе Краткой.

Поскольку Ефросин записал и обработал Задонщину Софония, поэтому мы условно в архетипе Краткой редакции оставляем без изменения заголовки К-Б. Однако не исключаем и того, что после слова «Писание» в протографе читалось «составлено именем» (Софония), т. е. так, как в Синод., № 836. А. Вайян приводит заголовки по списку У.

I, 5. В списке С рассказ сокращен. Здесь Дмитрий Иванович говорит, «што деи идет цар Мамай в полунощную страну в место Охмета... Рус православная». Это — позднейший вариант, ибо в К-Б и У текст совпадает: «пойдем, брате, тамо в полунощную страну» (У) и «Поидеьмь, брате, в полунощную страну» (К-Б).

7. Р. П. Дмитриева (в отличие от О. В. Творогова) считает, что список Ж в слове «землею» сохранил следы подлежащего, так как выше читаем «и оттоле Руская земля». [Дмитриева. Взаимоотношение списков. С. 203.] С этим согласиться нельзя. Формула «тугою и печалию» традиционна и внутрь ее вставлять слово «земля» нет надобности. В Ж — типичная описка, возникшая в результате повторения предшествующего слова «земля».

8—11. Н. К. Гудзий (а вслед за ним О. В. Творогов) считает излишними исправления, сделанные еще В. П. Адриановой-Перетц с учетом списка Ж (поминаючи... оставимте... получить... положить), и считает текст исправнее в списке У.[А. Вайян читает «поминаючи», но «оставиша»... «получивши», «положиша».] Если принять исправления по списку Ж, то, по мнению Н. К. Гудзия, «выходит, что Дмитрий Иванович призывает князей, бояр и своих воинов к жертвам, лишениям и даже смерти за русскую землю... тогда как из контекста очевидно' что речь идет не о тяжких испытаниях, предстоящих русскому войску». Думаю[что именно в данном случае имеется в виду грядущая битва с татарами, а не «горестное прошлое русской земли»].[Гудзий Н. К. {Рец. на кн. «Воинские повести Древней Руси»}/Советская книга. 1950. № 3. С. 111.] Поэтому исправления, сделанные В. П. Адриановой-Перетц, нам кажутся вполне обоснованными.

12—12. Не могу принять исправления, предложенного Р. О. Якобсоном («за веру христьянскую с обычая на щите пороженных и конец копья въскормленых»), ибо оно не подкреплено текстологическими данными.

14. Чтение «веръжем» (И1) первоначальнее, а «возверзем» (У) или «понеже» (С) вторичнее, ср. «веръжено» (И1) и «вержено» (У) в фрагменте № 26.

15—15. Р. П. Дмитриева находит текстологическую близость между И1 («в Сѣмъ въ жребие») и С («в сем жребие»), в отличие от правильного У («в Симов жребий»). [Дмитриева. Взаимоотношение списков. С. 232–233.] В данном случае мы этой близости установить не можем, что «Сѣмъ въ» И1 и есть «Симовъ», в отличие от описки С («сем»).

26. Развивая мысль Вайяна, О. Кралик видит в чтении И1 «поведати... по гибелью» намек на то, что составитель Пространной Задонщины под «жалостью» имел в виду Слово о гибели. [Królik. S. 102–103.] Нам это представляется натяжкой, потому что в архетипе Пространной Задонщины чтения «по гибелью» не было.

27—28. В списках Пространной редакции неясная фраза: «но потрезвимся мыслями и землями» (И1), «не проразимся мыслию, но землями» (У), «не поразился мысленными землями» (С). В протографе этой редакции, возможно, читалось «проразимся мыслию по землям», т. е. пробьемся мыслию через земли (в соответствии с образом Дона, который «пробил еси горы каменные»).

32—32. Совпадение в слове «златом» в К-Б и С Р. П. Дмитриева объясняет заимствованием из общего источника, т. е. «извода Син». [Дмитриева. Взаимоотношение списков. С. 218.] Но в К-Б — «златыя персты на живыя струны», близкое к И1 и У («горазная свои персты на живыа струны»), а С индивидуально — «белыя руцы но злотый струны». Так же как «белые» (руцы), эпитет «златые» (струны) мы склонны считать индивидуальной особенностью списка С, результатом фольклоризации текста. Совпадение в эпитете с К-Б носит не текстологический, а лексический характер.

38—38. Не считаю возможным изымать из текста упоминание о Софонии Рязанце, имеющееся в У, И1, С. Это упоминание свидетельствует, что сочинитель Пространной редакции пользовался Краткой редакцией памятника, автором которой он и считал Софония. Произвольно исправление Р. О. Якобсона: «Яз же помяну, Софония Рязанец», противоречащее всем текстам Задонщины. [К Р. О. Якобсону присоединился А. В. Соловьев (Solovjev A. V. [Рец. на кн.: Jakobson. So-fonija's Tale]//International Journal of Slavic Linguistics and poetics. 1965. Vol. 9. P. 186), считающий слово «Рязанца» позднейшим осмыслением, хотя ранее он сам доказывал, что имя рязанца было Софоний, а не Софония (см.: Соловьев А. В. Автор «Задонщины» и его политические идеи//ТОДРЛ. М.; Л., 1958. Т. 15. С. 184).] Якобсон этим исправлением стремится представить Софония автором текста, основанного на Пространной редакции. Однако все списки этой редакции говорят о том, что ее автор лишь вспоминал своего предшественника — «Софония Рязанца».

Никакой позднейший переписчик не мог сказать об авторе произведения, которое он списывал, что он его просто «помянет», и тем самым приписать его творение себе.

40. Нельзя принять исправление Р. О. Якобсона — «Бояни словесы» вместо «буйными» К-Б и С и «буяни» И1. [См. также: Królik. S. 96.] Если в первой из приведенных конъектур (о Софонии) ощущается едва прикрытая тенденция Р. О. Якобсона изобразить текст Пространной редакции первичным (Софония), то во второй он стремится отретушировать Задонщину под Слово о полку Игореве.

41—41. Трудно сказать, как было в архетипе Пространной редакции: «правнука тех князей» (И1), «а внуки святого великого князя Владимира Киевского» (У) или «правнука святого князя Владимира Киевского» (С). Вероятнее всего: «правнука великого князя Володимира Киевского», ибо это соответствует другим чтениям Пространной редакции и близко к этому же фрагменту списка К-Б. Во всяком случае текст более раннего фрагмента № 3 о «правнуке» явно вторичен: в И1 он относится лишь к одному князю Владимиру, в У он изменен (нескладно) на «а внуки», в С он разрывает текст, будучи помещен между

Дмитрием и Владимиром. Совпадение в слове «святого» У и С, возможно, случайно. Но, может быть, это слово было в протографе Пространной Задонщины.

41—42. По списку К-Б у Дмитрия Донского и Владимира Серпуховского «было мужество и желание за землю Русьскую». В списках Пространной редакции текст изменен до неузнаваемости. В И1 «занеже отпало мужество их и пение их и князем руским за землю Рускую». Почему «отпало» мужество русских князей? Почему появилось «пение»? Впрочем, на последний вопрос ответ можно дать: в связи с тем, что автор Задонщины, говоря о «песнях» в честь русских князей, не понял смысла «желания» Краткой редакции и заменил его (еще более неудачным) «пением». В списках У и С можно заметить попытки «улучшить» текст их протографа. По У получается «яз... восхваляю песнями... и пение князем руским». Но текст не более складен, чем в И1. В С «отпало было мужество людем руским». «Пение» здесь просто опущено. А. Вайян исправляет «не отпало мужество их и пение».

В. П. Адрианова-Перетц справедливо считает, что в протографе Задонщины читалось так, как в К-Б. [Адрианова-Перетц. Задонщина. (Опыт реконструкции). С. 224.] Р. О. Якобсон дает искусственное: «опало было мужество их князем Русьским и прение их». [Jakobson. Sofonija's Tale. P. 29.] О том, что в протографе Задонщины стояло «желание», свидетельствует сходный текст из второй части Задонщины («уныша бо царем их хотение и похвала на Рускую землю ходити» И1). Слова «и пение их» появились в изводе Ундольского (их нет ни в К-Б, ни в С). Восстанавливаем вслед за В. П. Адриановой-Перетц и чтение «было» (так К-Б. С «отпало было». И1 «отпало». У нет).

44—45. Нет оснований изымать текст о молитве Богу и Богородице, имеющийся в И1, У, С («помоляся Богу и пречистой Богородицы»), на том основании, что его нет в К-Б. Это — особенности Пространной редакции, осложненной многими книжными и церковными мотивами.

57. Р. О. Якобсон далее включает в свою реконструкцию из К-Б фрагмент «пашуться хорюгове берчаты, светяться калантыри злачени». Но его основание весьма шатко: упоминание в списке Сказания Рум., № 378 в ином контексте («а доспехи имеют велми тверды, злаченные колантыри»).

60—60. Добавляем из Печ. ввиду совпадения с К-Б («...со вся полугощныя страны»).

61—62. Нет оснований исключить фрагмент о приходе новгородцев, имеющийся в И1, У, С («выехали посадники... 70 000», по С далее: «кованья рати»). Он упоминается в Сказании и отсутствует в К-Б, но автор Пространной редакции пользовался текстом Сказания.

Совпадение в пропуске «то ти были не орли слетешася» в И1 и С могло быть вторичного происхождения (аналогичная формула есть в других текстах Пространной Задонщины): составители списков Пространной Задонщины не раз сокращают тройную формулу отрицательного параллелизма. Так, в списках И1, У извода Ундольского (в отличие от К-Б и С) опущена аналогичная фраза «то ти, брате, не стук стучит, ни гром гримит». В списке У пропущены слова «ни гуси возгоготаша» (есть в И1, С). Во втором случае с фразой «то ти не стук стучит» переделал формулу уже составитель Пространной Задонщины.

63—70. В. Ф. Ржига вслед за В. П. Адриановой-Перетц на основании К-Б перестраивает весь эпизод, в котором передан разговор русских князей с Дмитрием Донским о татарах, стоящих на Мечи («У Дону стоят... учинить имам диво»). Этого, по нашему мнению, делать нельзя, ибо он имеется во всех трех списках Пространной редакции (И 1, С, У).

72. Упоминание о Доне в И1 и У считаем вторичным (навеянным аналогичными местами памятника): в С его нет, в К-Б оно помещено в ином контексте, «храбрых» оставляем в архетипе (хотя его нет в С), ибо слово находится в Печ. изводе. [О. Кралик как будто отсутствие Дона в С считает вторичным (Królik. S. 85).]

73. Какое чтение стояло в архетипе Пространной Задонщины, сказать трудно. Я. Фрчек вместо ошибочного С («брату своему») читает «своей братии», как в К-Б.[Frček. S. 193.] Р. П. Дмитриева это чтение возводит в архетип извода Син.[Дмитриева. Взаимоотношение списков. С. 215.] Возможно, чтение «своей братии» находилось в архетипе Пространной Задонщины. Но, скорее всего, там читалось «им», а «брату своему» появилось в С в результате неверного осмысления предшествующего: Дмитрий Донской обращается к князю Владимиру (в С и в этом случае добавлено «брате»: «Пойдем, брате»), а слова «братия и» во втором обращении Дмитрия опущены).

74—74. В протографе Пространной редакции находилось, очевидно, чтение С («князя Володимера Киевского, русского царя»), а не И1, У («великого князя Владимира Киевского»). Это соответствует чтению в фрагменте № 5 К-Б («князя Володимера Киевского, царя русскаго») и отчасти И1 («князя Владимира»).[См. также: Królik. S. 81.]

75—77. О том, что ястреб, сокол и кречет были в протографе Пространной редакции, свидетельствует не только список С, но и фрагменты № 14 и 16 по К-Б (координируемые другими списками).

Слова «ни черному ворону» (И1 и У) не гармонируют с охотничьими птицами (ястреб, сокол, кречет) и охотничьей собакой. Вероятно, «ворон» в протографе Пространной Задонщины отсутствовал: его нет в К-Б и С. Выражение «ни тому псу» (поганому Мамаю) в К-Б и С первоначального происхождения: «пес» заменен «вороном» в И1 и У при замене «охотничьего» принципа подбора «птичьим». Перед нами след того, что И1 и У образуют особый извод (Уидольский), отличающийся от С. Пропуск ворона в С — результат стремления более четко провести «охотничий» подбор птиц.[Отсутствие сокола в И1 и У также сочетается с сокращением его разновидности (кречета).] В списке С читается «белоозерскому кречету», в отличие от «кречету» списков И1 и У и «белу кречету» списка К-Б. Как читалось в протографе Пространной редакции, сказать трудно. Чтение в списке С могло появиться под влиянием другого фрагмента № 14 (К-Б «соколи и кречати, белозерские ястребы», С «ястреби и соколи и белозерстии кречеты», И1 «соколы белозерския, ястребы»). Слова «ни от кого» (С), отсутствующие в К-Б, И1, У, вероятно, были особенностью Синодального извода, их вторичность очевидна: Дмитрий Донской не мог сказать, что русские войска не были изобижены «ни от кого».[О сходстве «не обижааны» с «не изобижены» К-Б см.: Królik. S. 72.]

78. Мотив «красных дней втеха», навеянный в С другим фрагментом, очевидно, в протографе Пространной редакции отсутствовал, ибо его нет в К-Б и И1, У.

79. Н. К. Гудзий считает первоначальным чтение списка Ундольского («во-щекотал славу великому князю Дмитрею Ивановичу Волыньскому»).[Гудзий Н. К. {Рец. на кн. «Воинские повести Древней Руси»}. С. 112.] Но глагол «выщекотать» есть в К-Б, И1 и, следовательно, был в протографе Пространной Задонщины. А это влечет за собой конструкцию с винительным, а не дательным падежом.[Р. О. Якобсон вводит в протограф слово «выщекотал» (воспел). Тогда остается неясным, почему он оставляет в нем чтение «из земли Литовской».] Повторение «ты, соловей» У, И1 вторичного происхождения (текста нет в К-Б и С), в сходном фрагменте о жаворонке обращение «жаворонок» не повторяется, причем во всех списках.

81—81. В К-Б Ольгердовичи названы: Андрей — Половецким (описка вместо правильного Полоцким) и Дмитрий — Брянским (см. Сказание). Составитель Пространной Задонщины заметил эту описку Краткой редакции и решил ее исправить. По Сказанию он отождествил Дмитрия Брянского с Дмитрием Волынским, а Андрея ошибочно назвал Брянским (список С).[См. также замечание А. Вайяна о том, что Дмитрий Волынский ошибочно назван князем (La Zadońścina. Р. XVI–XVII).] Эту новую ошибку исправил составитель извода Ундольского, который снял определение «Брянский» у Андрея и добавил к нему еще Дмитрия. Получилось, следовательно, из двух князей три: два брата Ольгердовича и Дмитрий Волынский.[Тезис Р. П. Дмитриевой о том, что в источнике, которым пользовался составитель списка С, было уже два Дмитрия, не доказан

(Дмитриева. Взаимоотношение списков. С. 217). Наше понимание текста вызвало возражения О. Кралика (Królik. S. 131), считающего чтение С индивидуальной особенностью списка.]

Впрочем, не исключено и другое движение текста (от правильного Андрея Полоцкого и Дмитрия Брянского к неверным чтениям).

82—82. Текст «кречати в ратном времени» (И1, У) считаем особенностью извода Ундольского (его нет в К-Б и С) и не включаем в протограф Пространной редакции.[Р. О. Якобсон вводит в архетип Задонщины искусственную конъектуру «крещени» («в ратном времени») вместо характерного для всего текста памятника «кречеты» (Jakobson. Sofonija's Tale. P. 31).] Зато в этом протографе, очевидно, стояло «родишася в ратное време» (так С. И1, У нет), ибо сходный текст был в К-Б («на щите рожены»). Он дал основание для фразы «кречати в ратном времени» извода Ундольского.[Отсутствие слов «ведоми полководцы» в К-Б и С Р. П. Дмитриева истолковывает как аргумент в пользу того, что эти списки «должны восходить к одному источнику», т. е. к «изводу Син.» (Дмитриева. Взаимоотношение списков. С. 219). Но этих слов могло просто не быть в архетипе как Краткой, так и Пространной Задонщины, они могли появиться только в изводе Ундольского (действительно, «ведоми полководцы» повторяют мотив «сынове храбрый»).] Словообразование «полковидцы» А. Вайян склонен считать отражением легенды Сказания, где Дмитрий Волынский появляется как ясновидящий.[La Zadońcina. P. 17.]

84—84. При реконструкции учитываем замечания О. Кралика.[Kralik. S. 132.]

85—85. Пропуск в И1 и С «правнуков» Сколоменда считаем вторичным ввиду совпадения К-Б и У.

86—86. Н. К. Гудзий читает по У «зберем, братие, милые пановя удалые Литвы», [Гудзий Н. К. [Рец. на кн. «Воинские повести Древней Руси»]. С. 112.] но «милую» читается не только в И1, но и в С, где также находим и «панов», что близко к «пановой» И1. «Братию» (И1) заменено в С на «дружину». Поэтому чтение У следует признать вторичным.

87—87. Я. Фрчек читает И1 «и зобьем шеломы Мечи», А. Вайян — «испьем шеломы Мечи». На этом основании Р. О. Якобсон вводит в протограф Задонщины: «посмотрим быстрого Дону, испьем шеломом Мече, испытаем мечев своих литовских» и т. д.[Jakobson. Sofonija's Tale. S. 31; Frček. S. 196.] В И1 мы имеем дело с индивидуальным осмыслением текста Пространной Задонщины (ср. в С «сопьем шеломом воды»). Однако в нем оказались повторенными мотивы и о шеломе, и о «Мечи». Этот пассаж был просто опущен в списке У, очевидно, в связи с его неясностью.

88—88. Исправляем по С, где «бонады», и по К-Б, где в другом случае «боданы». [О. В. Творогов также считает это чтение архетипным (Творогов. «Слово» и «Задонщина». С. 337).]

91. Исправляем по Печ. (ср. К-Б). «Каменной» Москва сделалась в общем тексте для И1, С, У под влиянием фрагмента № 14.

95—97. Как и Н. К. Гудзий, не считаем возможным исключить из текста Пространной редакции фразу о 70 000 кованой рати Литвы («колко с нами... рати»), имеющуюся в списках У, И1 и С, только на том основании, что ее нет в К-Б. Сходный текст есть в Сказании, которым пользовался автор Пространной редакции.

II, 24—24. Текст «хотят ударити... Мамая» есть только в списке С. Однако он, очевидно, был в протографе Пространной редакции, ибо является частью заимствования из Сказания (см. третий эпизод в сравнении этих памятников).

33—33. Предполагаем, что в архетипе Пространной Задонщины стояло чтение, сходное с К-Б («вой наши отнимають»), ибо оно близко к С («а храбруя нашу дружину побивають»). И1 («отъимають отчину нашу») и У («и вотчину отнимають») дают, очевидно, чтение протографа извода Ундольского. Наше предположение в какой-то мере подкрепляется фрагментом № 23, где контекст, сходный с С («поганя бо поля наша наступают, а храбрую дружину теряли» И1, или «стреляли» И2, «истеряли» У, или

«побывают» С). Возможно, что в архетипе читалось не «вой», а «дружина». Вопрос не вполне ясен. О. Кралик считал, что и в архетипе К-Б стояло «вотчину».[Królik. S. 142–144.]

35—35. Текст списка У о «внуках» Владимира, очевидно, был в протографе Пространной редакции: он имеет параллель и в списке С, и в фрагменте № 3. Правда, читалось там, скорее всего, «правнуки», как это следует из фрагмента, где в У та же описка («а внуки»). В С читается генеалогическая замена Владимира на Ивана Калиту, причем ошибочная: Калита был не отцом Дмитрия Донского, а дедом, а Даниил — прадедом.[Эта замена не может быть возведена к выражению «гнездо Ивана Данильевича» (К-Б), которое помещено в совершенно ином контексте. Вторичным считает этот фрагмент списка С и Р. П. Дмитриева (Дмитриева. Взаимоотношение списков. С. 216).]

Замечание Р. П. Дмитриевой[См.: Дмитриева, Дмитриев, Творогов. По поводу. С. 109.] о связи этого текста списка С с упоминанием о «гнезде» Калиты из К-Б не подкреплено никакими данными о текстологической близости фрагментов, не имеющих ничего общего, кроме имени князя. С другой стороны, фрагмент о «гнезде» в списке С совпадает не с К-Б, а с И1 и У. Как же это могло быть, если в «изводе С» находился текст К-Б? Наконец, и в К-Б (как и в И1 и У) нет индивидуального отступления о князьях Данииле и Иване Данильевиче, что не дает основания для связи этого рассуждения с чтением «извода С».

Неожиданное для Задонщины появление в списке С Даниила Александровича и Ивана Калиты, очевидно, связано с написанием «Сказания об убиении Даниила Суздальского и о начале Москвы», где фактически этот князь и его сын Калита выступают в качестве основателей Москвы. Князь Даниил также является героем «Сказания о зачатии Москвы». Оба этих памятника возникли в середине XVII в. «Мощи» Даниила Александровича были открыты только в 1652 г.[Амфилохий. Летописное и другие сказания о благоверном князе Данииле Александровиче. М., 1875. С. 17; Повести о начале Москвы / Исследование и подгот. текстов М. А. Салминой. М.; Л., 1964. С. 142, 166. Сомнения насчет зависимости списка С от литературы XVII в. высказал О. Кралик (Królik. S. 82–83).]

36—41. Близок к тексту других частей Пространной редакции отрывок о белозерских князьях и 300000 «кованой рати» («70 бояринов... воеводы у нас уставлены»). Исключать его из протографа этой редакции нет достаточных оснований. Близость его к Сказанию тоже говорит в пользу того, что отрывок входил в протограф данной редакции, хотя в Краткой редакции Задонщины его не было (см. К-Б).

Пассаж об Ольгердовичах восстановлен по I, 81–82.

43—43. Восстанавливаем по Печ., ср. К-Б (рудимент «чары» есть в И1). Чтение У («кинжалы»), вероятно, появилось в результате осмысления неясного «кол-чары» разными переписчиками.

44—44. Предпочитаем чтение С, ибо оно соответствует Печ. Глагол «поведает» есть в фрагменте № 14 по С и У (И 1 нет).

50—50. Даем по У, ибо есть в Сказании (Повести. С. 62), где деформировано из «гусиных» (в К-Б первичное «гуси»). Подтверждает эту реконструкцию и предыдущее «хотят ударити на многие стады гусятныя и лебединыя» по С и «со-силная» (гусятная) в С.

51—51. Восстанавливаем «харалужная» по Печ. ввиду его совпадения с К-Б и близкого, хотя и деформированного, в И1 и У. «Треснута» совпадает в Печ. и Псковской летописи, а по грамматической форме и с К-Б, где «грязнуша» могло быть опиской.

54. Исправлено с учетом К-Б.[Это вызывало возражение у О. Кралика (Królik. S. 133).]

57—57. Отдаем предпочтение списку С, ибо в К-Б также находится предлог «по» и множественное число слова «земля» («по рожнымъ землямъ»). Из К-Б добавляем «весть подаваше» в связи с близостью к Печ. («поиде весть»).

59—59. Отдаем предпочтение списку С ввиду его близости к Печ. и упоминания о «поганных» в Задонщине («поганыя поля наступают» И1 и сходные).

64. Р. П. Дмитриева считает, что слова «месяца сентебра во 8 день» в списке С подтверждают связь его со списком К-Б («сентября 8 в среду на Рожество пресвятыя Богородица»).[Ibid.] Дата рождества Богородицы хорошо была известна любому книжнику и могла появиться в С независимо от К-Б; тем более что в последнем списке она помещена в другом контексте и дается не для самой битвы, а для выезда войск из Москвы. Важнее, что в С (в отличие от К-Б) нет неверного «в среду».

65—66. Вторичность чтения извода Ундольского обосновывает Р. П. Дмитриева. [Дмитриева. Взаимоотношение списков. С. 217.]

73—76. Фраза Пересвета доставляет некоторые трудности при восстановлении протографа Пространной редакции Задонщины. Так, в И1 читаем «посеченым пасти», в С «посеченым быти», но в У «потятым быть». Сочетание «посеченым... полоненым» придавало формуле более эпическое звучание.

77. В. П. Адрианова-Перетц вставляет в реконструкцию из К-Б «свистом поля перегороди». В. Ф. Ржига, Р. О. Якобсон и А. Вайан этот текст не дают. Думаю, последние правы: фрагмент К-Б в списках Пространной редакции заменен другим, а повторен он во второй части Задонщины с заменой «свиста» — «кликом». Текст о «полоняных» считаем особенностью извода Ундольского, ибо его нет в К-Б и С.[См. также: Królik. S. 111–112.]

81. Исправлено по С в соответствии с текстом, помещенным выше (И1 «храбрых плечев испытаем», У «храбрых своих испытаем»).

82—95. Речь Осляби в Синодальном списке деформирована: Яковом звали не Пересвета, а его сына. Это произошло от неверного понимания чтения Краткой Задонщины («уже твоей главе пасти на сырую землю, на белую ковылу — моему чаду Иякову»).[По составителю К-Б, Ослябя имел в виду двух лиц: Пересвета и своего сына Якова. Р. П. Дмитриева считает, что в К-Б обращение «моему чаду Иякову» сформулировано неточно (Дмитриева. Взаимоотношение списков. С. 213). Однако составитель Краткой редакции в списке погибших воевод прямо называет Якова сыном Осляби, отделяя от него Пересвета («Ияков Ослебитин, Пересвет чернец»). Обоим погибшим в предсказании Осляби соответствуют два дополнения: «на сырую землю» и «на белую ковылу». Правда, мысль в К-Б (и, очевидно, в протографе Пространной Задонщины) выражена излишне лапидарно. Это и привело к неверному пониманию текста в С (здесь «брате чадо Якове», что вторично по сравнению с «чаду Иякову» К-Б). Общий текст для К-Б и С Р. П. Дмитриева считает первичным (Дмитриева. Взаимоотношение списков. С. 205, 214). А. Вайан, на наш взгляд, заблуждался, когда считал, что К-Б говорил о гибели Осляби (La Zadońščina. P. XVI.) В И1 и У текст в целом лучше передает протограф Пространной Задонщины. Однако в нем есть и черты, появившиеся только в изводе Ундольского. Так, в протографе читалось, очевидно, «пасти» (так К-Б, С), а не «летети».[См. также: Królik. S. 114.] Отсутствовал и глагол «лежати» (его нет в К-Б и С), т. е. формулировка имела черты, близкие к С: «а чаду моему Якову на зелену ковылу». Текст «лежати на поли Куликове за веру христьянскую» мы считаем дополнением, появившимся в изводе Ундольского, которое совершенно излишне в К-Б: «твоей главе пасти на сырую землю, на белую ковылу моему чаду Иякову» и С «но зелену ковылу за землю Рускую и за обиду великого князя Дмитрея» (см. аналогичные дополнения в Пространной редакции в фрагментах № 1, 15, 26). Их основа — фрагмент № 11 по К-Б: он разрывает естественное продолжение предсказания Осляби (см. фрагмент № 18).

Следы позднего происхождения списков И1 и сходных видны в формуле предсказания Осляби. По К-Б Пересвет должен пасть на сырую землю, а Яков — на белую ковылу. В списке С оба героя падают на ковылу. В списках И1, У добавляется союз «а», но он уже не нужен (ибо противопоставление потеряло всякий смысл).

Л. А. Дмитриев возводит к первоначальному тексту Сказания фразу некоторых поздних списков о том, что князь «паде на колenu на ковыле зелене» (ГБЛ, Рум., № 378),

«на траве зелене» (ГПБ, Погодина, № 1155), «на ковыле траве зелене» (ГИМ, Барсов, № 1521). [Дмитриев. Вставки из «Задонщины». С. 410.] Однако никаких текстологических причин для этого у нас нет. В данном случае несомненно, что на отмеченные списки Сказания (или их архетип) влияла Задонщина Пространной редакции. [О влиянии Задонщины на названные списки Сказания см.: Демкова. Заимствования из «Задонщины». С. 464, 469 и др. Текст «за веру хрестьянскую» (И1) считаем вторичным (сравнительно с С и К-Б), в отличие от Р. П. Дмитриевой. См. также замечания О. Кралика (Дмитриева. Взаимоотношение списков. С. 214; Królik. S. 80).]

86—86. И. Б. Греков обратил внимание на то, что по изводу Унд. Пересвет и Яков Ослябитин должны были погибнуть за князя Дмитрия, а по С — и за князя Владимира Андреевича, что он считает позднейшим дополнением. [Греков И. Б. Восточная Европа и упадок Золотой Орды (на рубеже XIV–XV вв.). М., 1975. С. 393.] Владимир Андреевич отсутствует в ряде текстов извода Унд. Но это исключение его имени следует считать вторичным, ибо Задонщина Пространной редакции представляет собою во всех списках «жалость и похвалу» обоим князьям. Князь Владимир, несомненно, один из героев этого произведения.

97. Не вполне ясно, как читался первый плач в протографе Пространной редакции. В списках И1, И2, У плачут «Микулина жена Васильевича да Марья Дмитриева» (И2 «Федосья Микулина жена, Васильевича да Марья Дмитриева жена Волынского», У «Микулина жена Васильевича Федосья да Дмитриева жена Марья»). Это, конечно, противоречит первоначальному тексту Задонщины (в К-Б «жена Микулина Мария») и даже самой Пространной редакции (далее говорится «прилелей моего государя ко мне, Микулу Васильевича» И1). В Румянцевском списке Сказания слова «да Дмитриева жена Воложского Марья» попадают во второй плач, где они соседствуют с текстом о Марии (вдове Тимофея). В списке С помещен более простой текст «Микулина жена Марья». Поскольку С нередко дает лучшие чтения, близкие к К-Б, то и в данном случае предпочтителен вариант С (сходный с Печ.), хотя весь контекст фразы близок к У и другим, а не к К-Б. В принципе, следовательно, он мог появиться в результате редакционного сокращения. В. П. Адрианова-Перетц и А. Вайян считают, что текст И1 читался в протографе Задонщины.

В. Ф. Ржига предпочитал даже для протографа Пространной редакции давать чтение С. О. Кралик считал чтение И2 вторичным. [Królik. S. 30.]

III. 1. В. П. Адрианова-Перетц давала чтение «пробил» (Дон) со ссылкой на К-Б, но и в И1 «прирыла», в И2, У, С, Рум. «прорыла». В Слове «пробил». Вопрос остается не вполне ясным. Скорее всего, в протографе Пространной редакции стояло «прорыла» (так читает и А. Вайян), при выносном «р». В песнях встречаем: «прорыл, протек Горынович все горюшки, долушки». [Соболевский А. И. Великорусские народные песни. СПб., 1901. Т. 6. С. 5, 6.]

14. Исправляем по И2, У с учетом конца Задонщины, где в И1, У «суженое место» (С, И2 текста нет). В тексте о Пересвете У «суженое место», С снова «судное».

15—15. Восстанавливаем по С с учетом сходства с К-Б. [Об этом см.: Królik. S. 124–125.]

17—17. Восстанавливаем по С с учетом замечаний О. Кралика. [Ibid. S. 86.]

20—20, 22–22. Восстанавливаем с учетом К-Б. [См. также замечания О. Кралика (Ibid. S. 133).]

24. Как В. Ф. Ржига и А. Вайян, мы предпочитаем чтение И1, И2, У, Рум. «запрудити», а не С «зоградити».

28. В. Ф. Ржига перед словами «уже бо мужей» добавляет чтение Рум. «а нас не квелили по своих государех», где далее идет «а детей бы наших сиротством не скитались без своих отцов». [Повести. С. 14, 463.]

29—29. Фразу о дате побоища («Того же дни... Направде») В. П. Адриано-ва-Перетц и В. Ф. Ржига снимают. Однако она есть во всех списках Пространной редакции, поэтому не может быть изъята из протографа редакции.

30—30. Текст восстанавливаем по С с учетом замечаний О. Кралика.[Królik. S. 142—144.]

31. В. Ф. Ржига и В. П. Адрианова-Перетц добавляют из списка И2 «Андреевич с правые руки на по(га)наго Мама с своим князьм Волыньским, 70-ю тысящами». То, что данный фрагмент отсутствует в списках обоих изводов (И1, У, С), говорит в пользу его позднейшего происхождения.[См.: Ibid. S. 20.] Р. П. Дмитриева не без основания связывает его с влиянием на И2 Сказания о Мамаевом побоище, где Дмитрий Донской «правую руку учредил себе брата князя Владимира».[Дмитриева. Взаимоотношение списков. С. 206—207.]

34—34. В. П. Адрианова-Перетц далее, вслед за С. К. Шамбинаго и А. А. Шахматовым, снимает слово «Ивановича» (а выше — «князя Дмитрия Ивановича»), имеющееся во всех списках, считая, что речь идет о Дмитрии Волынском. В. Ф. Ржига поправляет ее, говоря, что в тексте имеется в виду Дмитрий Донской.[Повести. С. 25.] Это является еще одним аргументом против включения «Волынского» в предшествующий текст. А. Вайян предлагал читать «Въсхваляет брата своего князь Дмитрей Иванович». Это чтение не подтверждено реальными текстами памятника.

39—39. А. Вайян читал «теряли в». Это далеко от реальных списков.

40—40. В. П. Адрианова-Перетц не включает текст «Не уставай... с своими бояры» в реконструкцию, ибо он частично повторяется ранее. Но для Пространной редакции вообще характерны повторы. Поскольку фрагмент есть во всех списках редакции, мы вслед за В. Ф. Ржигой помещаем его в протограф.

41—45. В. П. Адрианова-Перетц без каких-либо объяснений снимает абзац, имеющийся во всех списках: «Рече князь великий... утер слезы».[См. также: La Zadońčina. P. XVII.] На наш взгляд, прав В. Ф. Ржига, оставляющий его в тексте реконструкции.[См. также: Królik. S. 30—31.]

52—52. В. П. Адрианова-Перетц и В. Ф. Ржига снимают слово «великий», имеющееся во всех списках, и дают текст по И1 «князь поля наступает». Текст получается бессмысленным: речь идет о наступлении великого князя (такой смысл фразы по И2, У). Р. О. Якобсон предлагает искусственную конъектуру: «князь великий полкы поганых въспять поудил и брат его... гораздо на них поворотил».[Jakobson. Sofonija's Tale. P. 36.] Но в списках И2, У Дмитрий и Владимир действуют заодно. А в списке И1 Владимира просто нет. В И1 читаем «победил», в И2 «победили», в У это слово отсутствует. В И1 Дмитрий победил «назад», в И2 «въспять». Текст явно дефектен, но замена естественного «победили» на «поудил» нам кажется неоправданным. Предпочитаем ясное чтение списка У.

59—59. А. Вайян первоначально считал «Въстал уже тур оборен».

66—66. В. П. Адрианова-Перетц и А. Вайян фрагмента «а трепати нам сырая земля» в реконструкцию не помещают. Но он есть в И2 и в Сказании. Поэтому мы вслед за В. Ф. Ржигой оставляем его в реконструкции.

70. Восстанавливаем по С с учетом замечаний О. Кралика.[Królik. S. 134.]

90—90. В. П. Адрианова-Перетц обрывает реконструкцию на словах «по Задлешью» (здесь кончается общий текст С со списками И1 и У). Р. О. Якобсон считает, что первоначальный текст Задонщины оканчивался фрагментом «Тако господь Бог... Володимера Ондреевича». Однако в обоих случаях конца произведения явно недостает. Поэтому прав В. Ф. Ржига, продолжающий его по списку И1 и завершающий фразой «И пойдем... слава» из У: такая концовка соответствует Сказанию.

96. В. Ф. Ржига напрасно изымает из реконструкции текст И1 и У «да 30 бояринов (У нет) посадников новгородских». Он есть в Основной редакции Сказания о Мамаевом побоище.

IV, 3–3. Структура этого фрагмента в С ближе к протографу Распространенной редакции Сказания (сходна с Никоновской летописью). Но так как там весь текст сильно переработан, мы сохраняем в архетипе текст И1.

II. ПОВЕСТЬ О ПОХОДЕ ИГОРЯ НА ПОЛОВЦЕВ В 1185 г. ПО ЕРМОЛАЕВСКОМУ СПИСКУ ИПАТЬЕВСКОЙ ЛЕТОПИСИ

Основной текст:

РНБ, F.IV.231

Разночтения:

БАН, 16.4.4 (Ипатьевский) И

БАН, 21.3.14 (Яроцкого) Я

РНБ, собр. Погодина, № 1401 (Погодинский) П

л.196 (В лѣто 6693). В то же время Святославичъ Игорьъ, внукъ Олговъ, поеха з Новагорода мѣсяца априля въ 13 день, пойма съ собою брата Всеволода ис Трубска, и Святослава Олговича, сыновца своего з Рылска, и Володимера, сына с го, с Путивля, и у Ярослава испроси помочь Олстина Олекшича Прохор внука с ковуи и с // л.196 об. черниговскими. И тако идяху тихо, собираючи дружину се Бяху бо в нихъ и кони велми тучны. Идущим же имъ к Донцу рѣцѣ в год черный, Игорьъ же възрѣ на небо и видѣ солнце, стоящо¹¹[Я стояща.] яко мѣсяцъ, рече яром своим и дружинѣ своей: «Видите ли, что есть знамение се?». Оны[Я они.] възрѣвше, видѣвше[Я видѣша.] вси, и поклонишася главами, и поникоша, и рекоша мужи: «Княже, се есть не на добро знамение се». Игорьъ же рече: «Братие и дружино, тайны Божия никто же вѣсть, а знаменію творецъ Богъ и всему миру своему. А намъ что сотворит Богъ, или добро и наше зло, — а то же намъ видѣти». И то рекъ, перебриде Донецъ.

И тако прииде ко Осколу, и жда два дни брата своего Всеволода: тот б шел иным[Я инѣм.] путемъ ис Курска. И оттуду выидоша к Салниці. Ту с коуе с ними сторожи приехаша, ихже бяхе послали языка ловит. И рекоша приехавше: «Видѣхомся и з ратными вашими, со доспѣхом ездят. Да или поедете борзо, возворотимся домовъ ⁵яко не наше есть веремья». Игорьъ же рече с братьею своею: «Оже ны боудеть не бившиися возворотитися⁵, [5–5 Доб. по И. Е, Я нет.] то соромъ намъ будеть пун смерти. Да како намъ Богъ дастъ». И тако оугадавше, ехавше чрез ночь. Заутра же, пяткоу наставшу, въ обѣдное[Я обидные.] время оусрѣтоша[Я устрѣтоша.] полки половецкіе. Бяху бо до нихъ доспѣвали, вежи свои пустили за ся, а сами,[Я самы.] собравшеся от мала до велика, стояху на оной сторонѣ рѣчки Суурлии. И изрядиша полковъ 6: Игоревъ полкъ середѣ, а по праву брата его Всеволодъ, а по лѣву Святославъ, сыновца его; на передѣ сынъ ему Володимеръ и другий полкъ Ярославли же бяху с Олтином коуеви, а третѣи[Я третий.] полкъ на передѣ стрѣлцы,[Я стрѣлци.] иже бяху от всѣхъ князь выведены. И тако изрядиша[Я изрядиша.] полки своя, и рече Игорьъ къ братии своей: «Братия, сего есмы искали, а потягнѣмъ». И тако поидоша к нимъ, положили же на Бозѣ оупование свое. И яко быша к рѣцѣ Суурлии, и выехаша с половецких // л.197 полковъ стрѣлци и пустивше по стрѣлѣ на Русь, и тако поскочиша.

Русь же бяху еще не переехали рѣки Суурлии.[Я Суурли.] Поскочиша же и ти половцы силы половецкія, а котории же далеко рѣки стояху. Святослав же Олговичъ и Володимеръ Игоревичъ и Олсти с[Доб. по И.] коуи[Я коу.] и стрѣлцы потокоша по нихъ,[Я ных.] а Игорьъ и Всеволод по малу идоста,[Я идоша, ста.] не отпускаючи[Я распустя.] полку[Я пулку.] своего; переднии же разбиша[Я разбиша.] и имаша. Половцы же побѣгоша вежи, и Русъ же дошедше вежи,[Я вежъ и.] ополонишася, друзии же в ночи приехаша к полком с полоном. И яко собращася половцы вси, и рече Игорьъ къ братом и к мужем своимъ: «Се Богъ силою своею возложилъ на вороги наша побѣду, а на насъ честь и славу. Се же видѣхомъ полки половецкія, иже мнози суть; ту же ци вси ся суть совокупили. Нынѣ поедемъ чрез ночь. А кто пойдет заутра по нас, та ци вси поедутъ, на лучшие конѣци переберутся, а з самymi, како нам Богъ дастъ». И рече Святославъ Олговичъ стрыема своимъ: «Далече есмь гонил по половецех, а конѣ мои не могутъ. Еже ми

нынѣ будеть[Я буде.] поехать, то толико ми будет на дорозѣ остати». И поможе ему Всеволод, якоже *облечи*[Испр. по И. Е, Я облегчи.] ту. И рече Игорь: ²³«*Да не дивно есть разоумѣюще, братья, оумрети*». И *облегоша* *тоу. Свѣтающе же соуботѣ, начаша выстоупати полци половецкии, акѣ боровѣ. Изумѣшася князи рускии, кому ихъ которому поѣхати, бысть бо ихъ беициленное множество. И рече Игорь*²³[23–23 Доб. по И. Е, Я нет.]: «Се, вѣдаючи, собрахомъ на ся землю всю и Кончаки, и Козобоирновича, и Токсобича ²⁴*Колобича, и Етебича, и Терьтробича*»²⁴. [24–24 Доб. по И. Е, Я нет.] И тако оугадавшѣ всѣ, сосѣдоша с коней, хотяху бо, биющеся, дойти рѣки Донца. Молваху бо: «Иже побѣгнемъ, оутечемъ самы,[Я сами] а черный оставимъ люди, то от Бога намъ будет грѣхъ, сихъ[Я сых.] выдавшѣ, пойдем. Но или оумремъ, или живы будемъ всѣ на единомъ мѣсте». И тако рекше, всѣ съсѣдоша с коней и поидоша биющеся. И тако Божиимъ попущениемъ оуязвиша[Я уязвыша.] Игора в руку и мертвиша[Я мертвыша.] шуйцу его. И бысть печаль велика в полку его: и воевода имяху, тот наперед уязвленъ бысть. И тако бишася крѣпко тот день до вечера, и мнози[Я мнозы.] ранни и мертвы быша в полкохъ//л. 197 об. русских. Наставши же ночи суботнѣй, и поидоша биючися.

Бысть же свитающей[Я свѣтающе.] недели, возмятошася куиевы[Я кувевы.] полки, побѣгоша, Игорь же бѣше в то время на кони, зане раненъ бѣше, и поиде к полку ихъ, хотя возвратити к полком. Уразумѣль[Я уразул.] же, яко далече шел есть от людей, соимя шолом, погна опять к полком ³³*того дяля, что быша познали князя, и возвратилися быша*³³. [33–33 Доб. по И. Е, Я нет.] И тако не возвратится никто же, но токмо Михалко Юргевич[Я Гюргевич.] позналъ князя, возвратится. Не бяху бо добры и ³⁵*смяли коуи*³⁵, [35–35 Так Я. Е смялы коуихъ.] но мало от простыхъ, или ³⁶*от отрокъ*³⁶[36–36 Я кто оторок.] боярскихъ, добры бо[Я ибо.] вси бияхуся идущи пѣши. И посредѣ ихъ Всеволод не мало мужество показа. И яко приближися Игорь к полком своим, и преехаша[Я приехаша.] поперекъ ³⁹*и тоу яша*³⁹[39–39 Доб. по И. Е, Я нет.] единъ[Я одинъ.] перестрѣлъ одале полку своего. Держима[Я дрѣжима.] же Игорь видѣ брата Всеволода, крѣпко биющеся, и проси души своей смерти, яко да бы не видѣл падения брата своего. Всеволод же такъ бился, яко оружия в рукоу его не доста; и бияхоу бо ся идущѣ в кругъ по озерѣ.

И тако в день святаго воскресения наведе на ны Богъ гнѣвъ свой, въ радости мѣсто, наведе на ны плачь и въ веселия мѣсто жаль на рѣцѣ Каялы. Рече же Игорь: «Помянухъ азъ грѣхи своя предъ Господемъ Богомъ моимъ, яко много оубийство и кровопролитие[Я кровопролитѣ.] сотворихъ в земли христианстей, яко же бо азъ не пошадѣхъ христианъ, но взяхъ на щить городъ Глѣбовъ у Переяславля. Тогда бо не мало подъяша зло безвиннии христиане отлучаемы — отецъ от рождении своихъ, ⁴³*братъ от брата, другъ от друга своего и жены от подружии своихъ, и дщери от матери своихъ*⁴³, [43–43 Доб. по И. Е, Я нет.] и подруга от подруги своя, и все смятеное плѣномъ и скорбию. Тогда бывшею живыми мертвымъ завидятся, а мертвый радовахуся аки мученицы святыи огнемъ от жизни сея искушение приемше. Старци *поривахуся*[Испр. по П. Е, Я поринахуся.] иже юности лютыя и немилостивыя раны подъяша, мужы[Я мужи.] же пресекаемы ⁴⁶*и расѣкаемы бывають, жены же осквѣрняемы*⁴⁶. [46–46 Доб. по И. Е, Я нет.] И та вся сотворивый и азъ». Рече Игорь: «Не достойно мя бѣше//л. 198 жити. И се нынѣ вижю[Я вижу.] отместие от Господа Бога моего. Где нынѣ возлюбленный братъ мой? Где нынѣ сынъ брата моего? Где чадо рождения моего? Где бояре думающий? Где мужы храброствующий? Где ряд полчный? Где ⁴⁸*кони* ⁴⁸*и*⁴⁸[48–48 Доб. по И. Е, Я нет.] оружия многоценная?[Я многоцѣнная.] Не от всего ли того обнажися и *связана*[Испр. по П. Е, Я вся за ны.] преда мя Господь в руки[Я руку.] беззаконнымъ тымъ? Се возда ми Господь по беззаконию моему и по злобѣ моей на мя и сниидошася днесъ грѣси мои на главу мою. Истиненъ Господь, правы[Я прави.] суды его зѣло. Азъ же[Я бо.] оуже не имамъ съ живыми части. Се бо нынѣ вижу другая мучения вѣнца приемлюща.[Я приемлюще.] Почто азъ единъ повинныхъ не прияхъ страстий[Я страсти] за вся сия? Но владыко, Господи Боже мой, не отрини[Я отрини.] мене до конца, но яко воля твоя, Господи, тако[Я та.] и милость твоя над рабомъ твоимъ». И тако[Я тогда.] кончавшуся полку, разведены быша, и поиде каждо во своя вежи. Игоря же бяху яли

Торгови муж *именемъ*[Доб. по И. Е, Я нет.] Чилбукъ, а Всеволода, брата его, яль Романъ *Кзичь*[Испр. по И. Е, Я князь.], а Святослава Олговича Елдучокъ въ Борчевичех, а Володимера Купти в *Улашевичихъ*. [Испр. т Е, Я Улашевич.] Тогда же на полчищи Кончакъ поручися по свата Игоря, зане бѣше раненъ. От толиких же людей мало ихъ избысть нѣкакимъ получениемъ. Не бѣше бо лзѣ[Испр. по И. Е якъ, Я лести.] бѣгающимъ[Я бѣгающим.] утечи, зане, яко стѣнами силными, тако ограждены[Я окружны.] бяху полки половецкими, но[Я на.] наших Руси ⁶⁶с 15⁶⁶[66–66 И по И. Е, Я 215.] муж утекших, а коумъ мнѣ, опрочъ в мори истопоша.

В то же время великий князь Всеволодич Святославъ шел бѣше в Курачев и собравше от верхнихъ[Я верхних.] земель вой, хотя ити на половцы к Донови[Я Доновѣ.] на все лѣто. Яко возвратити Святославу и был в Новгорода[Я Новгорода.] Сѣверскаго и слыша от братии своей, иже шли суть на половцы, оутаившися его, и не любо бысть ему. Святослав же идяше в лодияхъ, яко прииде к Чернигову, в той год прибѣже Бѣловолод Просович и повода //л. 198 об. Святославу бывшее о половцех. Святослав же то слышав, велми въздхнувъ, оутерь слезъ своих и рече: «О любовная моя братия и сынове и мужи земли Руския![Я Руское.] Дал ⁷¹ми бы⁷¹[71–71 Я бы ми.] бѣше Богъ притомити поганяя, [поганым.] но воздержавше юности отвориша ворота на Рускую землю. Воля Господня да будет о всемъ. Да колко ми жалъ на Игоря бѣше, тако нынѣ жалую болши по Игорѣ, братѣ моемъ». По сем же Святославъ пославъ сына своего Олга, и Володимера[Я Водимера.] в *Посемье*. [Так Я (м — выносное). Е Посеемъ.] Тако слышавше, восмятошася городы Посемские. [Так Я (м — выносное). Е Посеемские.] И бысть скорбь и туга лютая, яко[Я якоже.] николи же не бывала по всем *Посемьи*[Испр. по И. Е, Я Помсей.] и в Новѣгородѣ Сѣверском и по всей волости *Черниговской*: [Доб. по Я. Е нет.] князи изоиманы и дружина изоимана и избита. И метяхуся, аки возмут *всѣ*[Испр. Е вѣсть. Я вѣ.] города, воставаху. И не мило бѣше комуждо свое ближнее, но мнози тогда отрѣшахуся душъ своих, жалующе по князехъ своих. По сем же посла Святославъ къ Давыдови к Смоленску, река: «Рекли быхом на половцѣ поити и лѣтовати на Донѣ. Ныне же се половцы победили Игоря и брата его съ сыномъ. А поеди, брате, постережем землѣ Руское». Давыдъ же прииде по Днѣпрѣ, приидоша же ины помочи, и стаха у Треполя. Ярослав же к Чернѣгову совокупи воя своя и стояше.

Поганяя же половцы, победившая[побѣдиша.] Игоря съ братиею,[Я доб. и.] взяша гордость великую[Я велику.] и совокупиша весь языкъ свой на Рускую землю. И бысть у нихъ котора. Молвяхе бо Кончакъ: «Поидемъ на Киевскую землю, где суть избита братия наша и великий княз нашъ Бонякъ». И Кза молвяхе: «Пойдем на Семь, гдѣ ся остави жены и дѣти: готов нам полон *сбран*, [Испр. Е собранъ.] емлем же города без опаса». И тако раздѣлишася на двое. Кончакъ поиде к Переяславлю, и оступи // город; и бишася ту весь день. Володимер же Глебович бѣше князь в Переяславли, бѣше дерзъ и крѣпокъ к рати. И выеха из города и потече к нимъ, и по нем мало дерзну дружины, и бися с ними крепко, и обступиша и мнози половцы. Тогда прочии видѣвше князя своего крепко биющася,[Я биущися.] выринуша[Я выринушася.] из города и тако отгяша князя своего, язвенна суца трети копиеми. Съи[Испр. по П. Е, Я Со.] же Володимеръ доблий язвень и трудень в(ъ)еха в город свой, и оутре мужественнаго поту своего за отчину свою. Володимер же слаше ко Святославу и к Рюрикови[Я Рюриковѣ.] и Давыдови,[Я Давыдовѣ.] река имъ: «Се половцы у мене, а помозѣте ми». Святослав же слаше къ Давыдови, а Давыдъ стояше у Треполя съ смолняны. Смолняне же почаша вѣчи дѣяти, рекуще: «Мы пошли до Киева, даже бы была рать, да билися быхом. Нам ли иноя рати искать, то не можем, уже ся есмы изнемогли». Святослав еже[Я же.] съ Рюриком и со инѣми помочми влегоша в Днѣпръ противу половцем, а Давыдъ возвратися опять съ смолняны. То слышавше половцы возвратишася от Переяславля. Идуци же мимо, приступиша к Рымовѣ. Рымовцѣ же затворишася в городѣ и возлѣзше на табора, и тако Божиим судомъ соступиста два городничии и з людми тако к ратным, и прочая гражданы[Я гражданы.] найде страх. Да который же гражданы[Я гражданѣ.] выидоша из города и

бияхуся крѣпко,[Я нет.] ходяще по Рымскому болоту, то тыи избѣгоша плѣна. А кто ся осталъ в городѣ, а тыи взяты быша вси. Володимер же слашеся къ Святославу *Всеволодичу*[Доб. по Я. Е нет.] и к Рюрикови Ростиславичу по- нуживая ихъ к собѣ, дабы[Я да быша.] ему помогли. Оны же ⁹⁵*опоздышася, ожидаючи Давыда с смолняны И тако князи руския*⁹⁵[95–95 Доб. по Я. Е нет.] опоздишася[Я опоздиша.] и не заехаха ихъ.

Половци же вземше город Рымовъ и ополонишася полона, поидоша во сво- яси. Князи же возворишася ⁹⁷во свояси⁹⁷,[97–97 Я в дома.] бяху бо печалны съ сыном своим Володимеромъ //л. 199 об. Глебовичем, зане бѣше ранен велми язвами смертными, и християнъ плѣненных от поганых. И се Богъ, казня нас за[Доб. по Я. Е нет.] грѣхи наша, наведе на ны поганья,[Я поганых.] не аки милуя ихъ, но нас казня и обращая нас к покаянию, да быхом ся востягнули от злых своих дѣлъ. И симъ казнить нас нахождениемъ поганыхъ, да некако ли смирившеся воспомянемся от злаго пути.

А друзии половцы идоша по оной сторонѣ к Путивлю — Кза у силах тяжких, и повоеваша волость ихъ и села ихъ пожгоша. Пожгоша же и острогъ у Поутивли.[Я Путивля.] И возворишася во свояси.

Игорь же Святославич в той год бѣше в Половцех. И глаголаше: «Азъ по достоянию моему восприялъ побѣду от повеления твоего, Господи владыко, а не поганская дерзость обломи силу рабъ твоих. Не жаль ми есть за свою злобу прияти нужная своя, ихже азъ есмь приялъ». Половци же аки стыдяще^{11.1}[Я стидящеся.] воеводства своего, не творяху ему пакости, но приставиша к нему сторожев 15 от сыновъ своих, а господичевъ 5, то от всѣх 20, на волю ему даяху: где хотяше, то ездяше ²*и ястрябомъ ловяишетъ, а своих слугъ съ 5 и съ 6 с нимъ ѣздяишетъ*². [2–2 Доб. по И. Е, Я нет.] Сторожеве[Я сторожеве.] же слушаху и чтяху его; и где посла[Я послаше.] ею, без прѣ творяху повеленное имъ. И попа же бѣше привелъ к собѣ из Руси со святою службою, не вѣдяше[Я видяше.] бо Божия промысла, но творяшеся там долго быти. Но избави Господь за молитву християнску, и мужи многи печаловахуся, и проливаша слезы своя за него. Будущу бо ему в Половцехъ, тамо наидеся мужъ, родом половчин, именемъ Лаворъ. И тот приемъ мысль благу и рече: «Пойду с тобою в Русь». Игор же исперва не имяше ему вѣры, но держаше мысль високу своея юности. Мысляше бо, емше мужъ,[Я далее и.] бежати в Русь. Молвяше бо: «Азъ славы дѣля не бежах тогда дружины, и нынѣ неславным путем поити не имам».

С ним бо бѣше тысяцкого сынъ и конюший его, и тые[Я тии.] нудяста его[Я и.] //л.200 глаголюще: «Поиди, княже, в землю Рускую. Аще восхощет Богъ, избавит тя». И не угодися ему время таково, какого[Испр. по И. Е, Я на кого.] же искаше.

Но якоже прежде рекохомъ, возворишася от Переяславля половцы. И рекоша Игоревъ думци его: «Мысль високу[Я високу.] и не угодну Господеви, имѣяше же в собѣ, а ты ищещи и няти мужа и бежати с нимъ. А о семъ чему не згадаешъ, а иже приидуть половцы з воины. А се слышахом, избити имъ князя и вас и всю русь; да не будет тобѣ славы, ни живота». Князь же Игорь приемъ в сердце совѣтъ ихъ, уполошася приезду, възыска[Я возыска.] бѣжати. Не бѣше бо ему лзѣ бежати в день и в ночь, иже сторожеве стережаху[Я стрежаху.] его. Но токмо время таково обрѣте въ заход солнца. И посла Игорь к Лаврови конюшого своего, река ему: «Перееди на ону сторону с конем *поводным*[Испр. по Я. Е подводным.]». Бѣше бо совещалъ со Лавромъ бежати в Русь. В то же время половцы напилися бѣше *кумыза*,[Испр. по И. Е, Я комуждо.] и бысть при вечери. Пришел конюший, и повода князю своему Игореву,[Я Игоревъ.] яко ждетъ Лаверь. Сей же воставъ оужасенъ и трепетенъ, поклонися образу Божию и кресту честному, глаголя: «Господи сердцевидче, аще спасеши мя, владыко,[Я далее ти.] недостойного». И возьмъ на крестъ икону, поднем же з стени, и иде вонъ. Сторожем же его играющимъ и веселящимся, а князя творяща спяща. *Сей*[Испр. Е soi.] же пришедъ к рѣцѣ, перебрѣд, и всѣд на конь. И тако поидоста сквозѣ вежа. Се же сотвори Господь избавление в пяток в вечеръ. И иде И день до города *Донця*[Доб. по И. Е, Я нет.] и оттолѣ иде въ свой Новгород. И обрадовашася ему. Из Новгорода иде къ брату Ярославу к Чернигову, помощи прося на *Посемье*. [Так Я (м выносное) Посеемъ.] Ярослав же обрадовася ему и помощи ему обѣща. Игор же оттолѣ

еха ко Киеву к великому князю Святославу. И рад бысть ему Святослав, тако же и Рюрик, сват его.

III. СКАЗАНИЕ О МАМАЕВОМ ПОБОИЩЕ ОСНОВНОЙ РЕДАКЦИИ ПО ЕРМОЛАЕВСКОМУ СПИСКУ

л. 291

Основной текст:

РНБ, F.IV.231 E

Разночтения:

БАН, 21.3.14 (Яроцкого) Я

ГИМ, собр. Уварова, № 802 У

Если чтения списков Е, Я, У дефектны, исправления вносятся по списку Толстовскому (РНБ, 0.IV.22) Основной группы Сказания. Список обозначается — Т.

л.293 Повесть о побоищи Мамаевымъ с княземъ Димитриемъ Ивановичем Володимерскимъ в лѣто 6889, ¹¹от рожества Христова 1381¹. [Я текст на поле.] Хощем, братие, начати повести новыя победы, како случися брань на Дону православнымъ христианомъ з безбожными агаряны, како возвысися родъ христианский, а поганыхъ уничижи Господь и посрами ихъ суровство, яко иногда Гедеономъ над мадиамы злыя и пресланнымъ (*так!*) Моисеомъ на фараона. Подобае намъ повѣдати сия величїя Божїя, како сотвори волю боящимся его, како способствовалъ великому князю Димитрию Ивановичу Володимерскому на безбожныхъ татары.

Попущениемъ Божиимъ, наводнениемъ диаволскимъ воздвижесе царь^{1а} [На поле По Батый былъ Мамай лѣтъ 41.] отъ восточныя страны, именемъ Мамай, еллинъ сый вѣроу, идоложрецъ, иконоборецъ, злый христианский укоритель. Выииде в сердце его подстрекатель диаволь, како егда пакости дѣесть, христианомъ потреблену быти, яко да не славится имя Господне в людехъ его. Господь же, елико хощетъ, и творитъ. Онъ же безбожный царь, нача рвениемъ диаволи носымъ [Я носиме.] бывати, первому отступнику Батию и новому законопреступнику Юлиану возревновавъ, нача испытывати отъ старыхъ еллинъ, како той безбожный Батый плѣни землю Рускую, како случися ему отъ нихъ. И тако сказаша ему все, како плѣни Батый Киевъ и Володимеръ и всю Русь и Словенскую землю, и великого князя Юрия [Доб. по Я, У.] Димитриевича уби, и многихъ [Я мнимыхъ.] *славныхъ* [Испр. по Я. Е славны. У нет.] изби князей русскихъ православныхъ, и святыи монастырь оскверни, и вселенскую церковь златоверхую разбиви. Ослѣплену же тому очима, и тому не разумѣ, како Господь Богъ будетъ годѣ. Тако во оный днѣ Иерусалимъ плѣненъ бысть //л. 293, об. Титусомъ Римскимъ и Навходосоромъ Вавилонскимъ за ихъ согрешение и маловѣрие. Да не до конца прогневается Господь, ни во вѣки враждуетъ.

Слышавъ же безбожный царь отъ своихъ агарянъ, и нача подвижнее быти и диаволомъ палимъ непрестанно, ратуя на христїяны. И бѣ [Испр. по У. Е, Я бо.] в себѣ нача глаголати ко отступникомъ своимъ, еупатомъ, княземъ, и воеводамъ, яко: «Не хощу азъ тако творити, како Батый, — рка; — Егда же убо дойдемъ Руси, убью князя [Испр. по Я. У, Е князѣ.] ихъ, и изберу который города красный довлѣютъ намъ, и ⁸ту приидемъ и⁸ [8—8 Я, У нет.] ту сядемъ вѣдати тихо и безмятежно поживѣмъ». Не вѣдый того, яко Господня рука высока есть. По малѣхъ же днехъ и по злѣхъ сихъ перевезеся рѣку Оку и великую *реку* [Доб. по У. Е, Я нет.] *Волгу* [Испр. по У. Е, Я Олгу. На поле Ока и Олга рѣки.] со всѣми силами. Иные же мнози орды совокупи к себѣ и глагола имъ: «Како обогатѣемъ рускимъ златомъ! И пойдемъ на Русь», ревы яко левъ, *ныхая* [Испр. по Я. Е дыхая.] яко неуголимая ехидна. Доиде же устїя рекѣ Воронежи, [Е, Я на поле Воронежъ рѣка.] распустивъ облаву свою и завѣдавъ имъ всемъ, улусникомъ своимъ, яко «ни единъ пахий хлѣба и будѣта готовы на руския хлѣбы!».

Слышавъ то Олгъ князь Резанский, яко царь Мамай ночюетъ [У кочюетъ.] на Воронежи, а хощетъ ити на Русь, на великого князя Дмитрия Ивановича Московского. Скудость же ума бысть во главѣ его. Посла же Олегъ великий [Здесь и далее в Е вл] князь [Е, Я на поле Олега здраица сусѣдь.] Резанский к царю Мамаю незаконному своего посла с великою честью и со многими дарми, ярлыкъ свой написа к нему сицевымъ образомъ: «Восточному царю

волному Мамаю, твой посажникъ Олегъ Резанский много тя молит. Слышах, господине, що[Я что.] хочещи ити на Русь, на своего служебника князя Дмитрия Ивановича Московского, огрозитися ему хочещи. Нынѣ же, всесвѣтлый царю, приспѣ время тебѣ, — злата и богатства много наполнися земля Московская.//л.294 А князь Дмитрий Иванович, к(ня)зь[Здесь и далее в Е кз.] великий, человекъ христианин, егда услышит имя твое и ярости твоя, то, царю, отбѣжит в далняя своя страны, к(ня)зь велики Дмитрий, любо в Новгород Великий, любо на Двину, а злата много и богатства московского, то в твоей руцѣ да будет все и твоему великому войску в потребу. Мене же, раба твоего, Олга Резанского, держава твоя пощадит. Аз бо велми устрашу Русь и князя вел(икого)[Я, У нет.] Дмитрия Ивановича. И еще, царю, молю тя, оба есмы твои рабы, и я велику обиду прияхъ от того ж Дмитрия, вел(икого) к(ня)зя. Но еще, царю, молю тя не то едино, но егда о своей обидѣ твоим именем царским погрозих ему, а онъ того не радит. И еще град Коломну за себе заgrabилъ, ино и о том, царю, молю тя».

А другаго же посла, скорого вѣстника посла Олегъ Резанский со своим написанием к вел(икому) к(ня)зю Олгерду[Я Олгирду {здесь и ниже}.] Литовскому: «Радоватися пишу тобѣ. Вѣм бо, яко издалече мислил еси московского князя Дмитрия изгонити, а Московскою землею владѣти. Нынѣ же приспѣ время твое, яко великий царь Мамай грядет на него и на землю его. Нынѣ же приложимся к нему, к царю тому Мамаю. Вѣм бо, яко тобѣ царь Москву даст, а иныя грады от твоея власти, а мнѣ даст *Коломну*[Испр. по У. Е Колюмно, Я Каомно.] и Володимеръ и Муромль, иже от моя власти. Но азъ уже послах своего посла к царю Мамаю с великою честью и с дары. Еще и ты пошли к нему посла своего Кация, имаеши *дары*. [Испр. по У. Е, Я добре.] и пиши к нему книгу свою, елико сам вѣси, паче мене».

Олгирд же слышав, рад бысть велми ²⁰за велику похвалу²⁰[20–20 Испр. по Т. Е, Я но велико захвалю. У но много похвали.] другу своему Олгу Резанскому, и посла Олгирд з безчисленными дары к царю Мамаю и писа //л.294, об. к нему: «Вел(икий) к(ня)зь Олгерд Литовский, под твоею мил(остью) присяжникъ ти есть и много тя молит. Слышах, господине, що[Я что.] хочещи казнити своего служебника московского князя Дмитрия. Того ради молю, царю, вѣм бо велику творит пакость князь вел(икий) Московский твоему *улуснику*[Испр. по Я. Е услужнику.] князю Олгу Резанскому, да и мнѣ пакости дѣет. Молим оба, да приидет держава царствия твоего на отоки сыя, да приидет твое смотрение нашея грубости от московского князя Дмитрия».

Помышляше в собѣ, глаголюще, Олгъ Резанский: «Егда услышит князь Дмитрий царево пришествие и нашу присягу к нему, то отбѣжит в Великий Новгород или на Двину. А мы сядем на Москвѣ и на Коломнѣ. Егда же *царь*[Доб. по У.] приидет, а мы его з болшими дары усрящем[Я срящем. У стрещем.] и умолим его, и возвратится царь, а мы собѣ княжение Московское царевым повелением разделимо, видѣв, яко ярлыкъ царь Мамай дати имат народом нашим по нас». А не вѣдяху, что помышляху, что глаголаху, яко несмысленныи младыи дѣтища, не вѣдуща Божия силы и владычня смотраения. Поистиннѣ рече: «Аще кто ко Богу вѣру держит з добрыми[Слово повторено дважды.] дѣлы и во правду в сердци имѣяй, не может быти без многихъ врагъ».

Князь же Дмитрий Ивановичъ образ смиренномудрия нося, небеснаго желая от Бога будущихъ благъ. Не вѣдый еще, еже совѣщаша на него ближнии его совет зол. О таковѣх бо рече пророкъ: «Не сотвори сусѣду своему ни ближнему своему зла и ни рый, ни подкопывай под другом своимъ ямы. Сам бо горше в ню ввержень будеши».

Приидоша послове от Олгерда и Рязанского к безбожному царю Мамаю и принесоша дары многи ему и написанные[Испр. по Т. Е написание, Я написани, У писание.] книги. Царь Мамай восприя дары с любовию и написанныхъ книгъ разслушав и пословъ *чествовав*, [Испр. по У. Е чествовав.] отпустив, и писание отписав Олгерду //л.295 Литовскому и Олгу Резанскому: «Елико написасте ко мнѣ, и на дарѣхъ вашихъ хвалю вам, и елико хочете отчизны руския, тѣмъ одарю вас. Но токмо присягу имейте ко мне *и*[Испр. по У. Е, Я со.] стрѣтте мя со своими силами, елико где успеете, да одолеете своего недруга.

Мне убо сила ваша — пособие не удобно, аще бым хогѣл своею силою древный Иерусалим *плѣнил*. [Испр. по У. Е, Я плѣнити.] якоже и халдѣи. Не о чти вашею рукою распужен будет князь Дмитрий Московский, и огрозится имя ваше во странах ваших. Мнѣ убо, царю, достоигѣ побѣдити подобнаго собѣ и довлѣет ми царская честь. Рцѣте князем своим, „яко иду к нимъ со миром, только срящут мя с вой своими“».

Слышав же то вел(икий) князь Димитрий Иванович, яко грядет на нь (о таковых бо Патерикъ рече: «поистиннѣ бо отсѣкошися своя масличны и присадишася к дикой масличне») безбожный же царь Мамай со всѣми силами, неуклонно яряся на вѣру христианскую и ревнуя *безглавному* [Испр. по Я. Е беззаконному, У беглавному.] Батию, князь великий Димитрий Иванович велми опечалився о безбожных нахождению. И став пред святою иконою Господня образа, юже возглавии [Испр. по Я. Е во возглавии, У возплакав.] его стояше, и, пад на колѣну свою, начат молитися: «И аще смею молитися, Господи, смиренный раб твой? То к кому простру уныние мое? Но на тебе надѣюся, Господи, ³²Боже мой³² [32–32 Я, У нет.] и возверзу печаль мою. Ты бо свѣдителю, владыко, яко отцемъ нашимъ, иже наведе на ны и на вся грады ихъ злого Батия. И еще бо, Господи, тому страху и трепету в нас сущу велику. И нынѣ Господи, не до конца прогневайся на ны, вѣм бо, Господи, яко мене ради хочещи всю землю *нашу* [Доб. по Я. Е нет. У рускую.] погубити. Азъ бо согрѣших пред тобою паче всѣх челоуѣкъ, сотвори убо, Господи, слез моих ради, яко Иезекиино, укроти, Господи, свирепому сему еже на ны воздвиглся». И рече, «на тя, Господи, уповахъ // л. 295 об., и не изнемогу». И посла по брата своего к(ня)зя Володимера Андреевича, во своей бо бѣше ему обители в Боровици, и по всей землѣ розславъ гонцѣ, и по вся воеводы мѣстныя. Повелѣ имъ скоро быти к себѣ на Москву.

Князь Андреевич Володимеръ прииде вбортѣ на Москву и вси князѣ и воеводы прияхаша на Москву. Князь Дмитрий Иванович, поем брата своего к(ня)зя Володимера Андреевича и приидоша скоро к преосвященному митрополиту Киприяну: «Вѣси ли, отче нашъ, настоящую сию бѣду, яко безбожный царь Мамай грядет на нас, неуклонным образом ярость нося?». Митрополит же к великому князю рече Дмитрию Ивановичю: «Повеж ми, господине, чим ся еси ему не исправиль?». Князь же великий Дмитрий Иванович рече: «Испытахомся, отче, до велика, яко все по отецъ наших преданию, еще же ноипаче воздах ему». Преосвященный же митрополит рече к вел(икому) князю: «Видиши ли, господине, попущением Божиим, а наших ради согрешений идет плѣнити землю нашу, но вам подобает, княземъ нашим православным, тых нечестивых дарми утолити, четверицею усугубити. Аще того ради не смирится, ино [Испр. по Я. У, Е то.] Господь его смирит, того ради Господь гордым противится, смиренным же дает благодать. И тако же случися великому Василию в Кесии. Егда злый отступникъ Юлианъ, идый к Персомъ, хотя разорити град его, святой же Василий помолися со всѣми христианы Господу Богу и собра много злата и посла к нему, дабы его утолити могль того преступного злого. Он же паче възъярився, и Господь посла на него воина своего Меркурия. Изби Меркурий Божиею силою того отступника злого Юлиана со всѣми силами его. Ты же, господине, возми злато, еже имаеши, и пошли противу // л. 296 ему, паче исправися».

Князь же великий Димитрий Иванович избраннаго своего юношу, доволна сущи умомъ, именем Захарию Тутышына [Испр. по Я. Е Тушишина, У Тютешева.] и вда ему два толмача, умѣюща языку еллинску, злата много отпусти с ним ко царю Мамаю. [Я далее тому.] Захария же доиде [Испр. по У. Е, Я даде.] землѣ Рязанское и слышав, яко Олегъ Рязанский и Олгерд Литовский приложистася к царю Мамаю, посла вѣстника тайно к великому князю Дмитрию.

Князь же вел(икий) Дмитрий, слышав ту вѣсть, нача сердцем двизатися, наполнися ярости и горести, и нача молитися: «Господи Боже мой, на тя надѣюся, правду любящего. Аще ми врагъ пакости дѣет, то подобает ми противу ему терпѣти, яко искони врагъ роду человеческому. Сии же друзи мои искрени тако умыслиша на мя. Суди, Господи, межи има и мною, азъ ни единого зла сотворих, разве дары и чти приях, а ихъ тако же даровахъ. Суди, Господи, по правде моей, и да скончается злоба грѣшных».

И поем съ собою брата своего Володимера, иде к преосвященному митрополиту второе, повода ему, яко Олгердъ Литовский князь и Олег Резанский сово-купистася на ны. Князь же вел(икий) прослезився и рече: «Аще пред Богом согрѣшилъ есмъ и пред человеѣки, а к ним ни едины черты по отецъ своих закону не преступих. Вѣси бо, отче, яко доволенъ есм своими отоки, а имъ кую обиду сотворих, не вѣм бо, что ради умножишася на мя стужающии ми». Преосвященный же митрополит к вел(икому) к(ня)зю рече: «Сыну мой, господине, просвѣти си[Испр. по Я, У. Е ся.] с веселием сердце.[Испр. по Я. Е сердцем. У сердца.] И законъ Божий чтеши и твориши правду, яко праведень Господь, и правду возлюби. Нынѣ же обидоша тя, яко пси мнози, и суетно и тщетно поучаются, ты же именем Господним противися им. Господь правдивъ и будет ти во правду помощникъ. А от всевидяща //л. 296, об. ока владычня где можеши избыти от *крѣпкии*[Испр. по У. Е крепости. Я крѣпки.] руки его?». Князь же великий Дмитрий Иванович и з братом своим, княземъ Володимером, и с всѣми рускими князѣ и воеводами здумаеша, яко сторожю твердо уготовати в полѣ. И посла на сторожю избранных своих и крепких оружникъ — Родивона Ржевского, Иякова Андреева Волосатого, Василия *Тупика*,[Испр. по Я, У. Е Тупи.] многих и крепких юнот. Повели имъ на ⁴²*Тихой Сосне*⁴²[42–42 Испр. по У. Е, Я Тихом Сосне.] стеречи со всяким усердием и под Орду ехати и языка добывати, и истинну услышати царева хотения.

А сам великий князь Дмитрий Иванович по всей Руской земли гонцѣ розослал со своими грамотами по всѣм градом: «Да готовы будут на брань з безбожными агаряны. Совокупление всѣм на *Коломне*[Испр. по У. Е, Я Колюмну.] на Успение пресвятыя Богородица».

И тии убо сторожи замедлѣша в поли. Князь же вел(икий) второе сторожю послав — Климента Полянина и Иоана Свесланика,[У Сеславскаго.] Григория *Судоковных*[Испр. по Т. Е, Я Сулоконных, У Тупика.] и многих с ними, заповѣда имъ воскорѣ возвратитися. Они же стрѣтоша Василия Тупика, ведуще язык к вел(икому) к(ня)зю, какъ неизложно идет *царь*[Доб. по Я, У. Е нет.] на Русь и како обослашася и совокупишася с нимъ Олегъ Резанский. Но не спѣшит царь, того ради осени требует. Слышав же князь великий неизложную вѣсть, таковое безбожное востание, нача утѣшатися о Бозе и укрѣпляше брата своего Володимера и всѣх князей русских: «Гнѣздо есмо князя Володимера Киевского, иже из- веде нас от смерти еллинския, ему же Господь открь познати вѣру христианскую, якоже оному стратилату Плакидѣ, он же заповѣдая нам ту ю вѣру крепко держати и поборяти по ней. Аще кто *ради*[Испр. по Я, У. Е рад.] постраждет в оней, то в оном вѣцѣ со святыми Божиими будет. Аз же, братие, за вѣру христианскую хочю потерпѣти даже и до смерти».

//л. 297 Рече же ему князь Володимер Андреевич и вси князи рускии и воеводы: «Воистинну Господь нашъ заповедь законную совершив и святому еуан- гелию послѣдоваша. Рече бо Господь: „Аще кто постраждет за имя мое, ту азъ есмъ с ним“. И мы, господине, *днесъ*[Доб. по Я, У. Е нет.] готовы есмы умрѣти с тобою и главы своя положить за святую вѣру и за твою великую обиду».

Князь же великий Дмитрий Иванович, слышав то от брата своего князя Володимера Андреевича и от всѣх князей русских, яко дерзают о нем поборѣти, о вѣрѣ святой, повелѣ со всея землѣ Руское всѣм людем быти на Коломнѣ на Успение пресвятыя Богородица: «Яко да *переберу*[Испр. по Т. Е, Я поберут. У переберем.] полки, коемуждо полку воеводу уставлю». И мнози люди успѣша на Москву к вел(икому) к(ня)зю Дмитрию Ивановичю, едиными усты глаголаху: «Дай же нам течение совершити, имени твоего ради».

Приидоша к нему бѣлоозерстии князѣ,[Е, Я на поле князи белозерстии.] подобны суще боеви, велми учреж- денно войско ихъ: князь Феодоръ Семенович, к(ня)зь Семен Михайлович, к(ня)зь Андрей Скимский, к(ня)зь Глѣбъ Каргопольской и ⁵¹*Андомския князи*⁵¹. [51–51 Испр. по Т. Е, Я Цинодокии, У Андоския князи.] Приидоша же и ярославские князѣ со своими силами: к(ня)зь Андрей Ярославский, к(ня)зь Роман Прозоровский,[Испр. по Т. Е, Я Проюровский, У нет.] к(ня)зь Лев Курбский,[Испр. по Я. Е Кубски. У нет.] к(ня)зь Дмитрий Ростовский, и инии убо многии.

Ужь ту стукъ стучит, силна рать вел(икого) князя Дмитрия Ивановича в славном городѣ Москвѣ, а гримят рускии цареве злаченными доспѣхи.

Князь же вел(икий) Дмитрий Иванович, [Е, Я на поле к(ня)зь Дмитрий в дорогу выходить.] поем со собою брата своего Володимера Андреевича, и вси князь рускии преславнии и иде ко живоначалной Троици и ко отцю своему Сергию преподобному и благословение получи от всея обители тоя святыя. И моли преподобный Сергий его, дабы слышал к(ня)зь вел(икий) литоргию святую, приспѣ же день воскресения на память святых Флора и Лавра. По отпустѣ же святыя литоргии, моли его святыи со всею //л. 297, об. братиею, дабы вкусилъ хлѣба с(вятого). Великому князю нужно есть, яко приидоша к нему вѣстници, яко зближают поганый и моли *преподобнаго* [Испр. по Я, У. Е святого.] Сергия, дабы ею ослабилъ. И рече ему преподобный старецъ: «Се ти замедление сугубо послушливо будет. Не уже бо ти, господине, еще вѣнецъ сия победы носити, и минувших лѣтех, а иным же мнозѣм плетутся вѣнцы». К(ня)зь великий вкуси хлѣба ихъ, он же в то время повелѣ воду освящати с мощми святых мученикъ Флора и Лавра. Князь вел(икий) скоро от трапезы воставъ, преподобный же окропи его священною водою и все христолюбивое войско его и даст вел(икому) князю крест Христовъ — знамение на челѣ. И рече ему: «Поиди, господине, нарекий Бога. Господь Богъ да будет ти помощникъ и заступникъ». И рече ему тайно: «Имаши побѣдити супостат *своих*, [Испр. по Я. Е твоих. У своя.] елико довлеет твоему государству». [Е, Я на поле Старец преподобный Сергий пророчествует о побѣдѣ.] И рече ему к(ня)зь вел(икий) Дмитрей: «Отче, дай ми два воина от полку своего — Пресвѣта и брата своего Ослабля, то тыи и нами сам пособствуеши». Старец же преподобный скоро повелѣ приготовить има, яко довѣдомыи суть ратницы. И оны же послушание сотвориша преподобному старцу и не отвергошася повеления его. И даст ⁵⁸в тлєных⁵⁸ [58–58 Испр. по У. Е, Я нетленных.] место оружия нетленно — крест Христовъ, нашит на схимахъ, и повелѣ *вмѣсто* [Испр. по У, Е. Я мѣсто.] шоломовъ возлагати на себе. И дасть в руке вел(икому) князю и рече: «Се ти мои оружници, а твои изволници». И рече: «Миръ вам, братие, стражите, добрый воины Христовы». И всему православному войску дасть знамение Христово — миръ и благословение.

Князь же вел(икий) обвеселися сердцемъ и не повода никому реченного старцем. Идый ко городу своему, яко обреть нѣкое [Я некое велие.] сокровище некрадомое, несый благословение старче. Приехавъ на Москву и прииде и з братом своим, князем Володимером Андреевичем, //к преосвященному митрополиту, еже рече ему старец святыи и како благословение даст ему и всему его войску православному. Архиепископъ же повели ему сия словеса сохранить и не повѣдати никомуже.

Приспѣвшу же четвертку авгус(та) 19 день, память с(вятого) Пимина Отходника, восхотев к(ня)зь Дмитрий Иванович изыити против безбожных печенѣгъ. И поем со собою брата своего Володимера Андреевича и ста въ церкви с(вятыя) Богородица пред образом Господнимъ, пригнувъ руцѣ к персемъ своим, источникъ слез проливаяючи, моляся, рече [Е, Я на поле м(о)л(итва) до Христа.]: «Владыко страшный и крепкий, воистинну бо еси царь славы, помилуй нас грешных, егда унываем, к тебѣ, единому, прибегаем, нашему спасителю и благодателю, твоею рукою созданны есмы. Но вѣм, Господи, яко согрешения моя возыидоша ми на главу мою, не остави нас и не отступи от нас. Суди, Господи, обидящим мя и возбрани борущимся со мною, приими оружие и щит и стани во помощь мнѣ. И дай же ми, Господи, победу на враги противныя, да и тыи познають славу твою». И паки прииде ко чюдотворному образу госпожѣ царицѣ владычицѣ Богородиц [Е, Я на поле м(о)л(итва) до пресвятой Богородицы.] юже Лука еуангелист живъ написа, рече: «Госпоже чюдотворнаа царице, владычице Богородице, всея твари помощнице человеческая и заступнице, тобою познахом истиннаго Бога, воплощагося и рождагося ис тебе. Не дай же, Госпоже, в разорение града нашего поганым, да не осквернят святых твоих церквий и вѣры христианския. И моли Сына своего Христа, Бога нашего, да Господь смирить сердце врагом нашим, да не будет рука их высока. И свою, Госпоже, помощь поели с нами, нетленную свою ризою покрый нас, да не страшливы будем ранам, на тя надеемся и

тобою ся хвалим, пречистая, иже в молитвѣ сы, яко твои есмы раби. Вѣм бо, Госпоже, аще хочещи, можещи нам помощи на сопротивныя враги, иже не призывают святого твоего имени. Мы же, Госпоже, на тебе ся надѣем и на твою помощь на противныя //л.298, об., враги, *подвизаемся*[Испр. по У. Е, Я подвизайся.] против безбожных печенѣг, да будетъ тобою умоленъ Сынъ твой и Богъ нашъ». И паки прииде ко гробу блаженнаго чудотворца[Е, Я па поле к(ня)зь молится у гробу с(вятого) Петра чудотворного.] Петра, любезно к нему припаде, моляся: «О чудотворный святителю Петре, по милости Божией чудодѣеши безпрестанно. И нынѣ приспѣло тебе время за нас молиться ко общему владыце. Нынѣ убо намя ополчишася супостаты поганый, на град твой Москву вооружаются. Тебе нам Господь прояви, последнему роду нашему, вжель ты нам свѣщу свѣтлу на свѣщнице высоцѣ. Тебѣ подобает о нас молиться, да не приидет на нас рана смертная, и рука грѣшница да не погубит нас. Ты бо еси стражъ нашъ крѣпкий от сопротивныхъ нахождений,[Я наденный, У нападенный.] яко твоя паствина». И сконча молитву, поклонися архиепископу. Архиепископ же, благословивъ, отпусти его и дасть ему Христово знамение — крестъ и послав священныя соборы и со крылосы во Фроловския ворота и во Костантиновския ворота и Николския и з живоносными кресты и чудотворными иконы, да всякъ воинъ благословенъ будет ими.

Князь же вел(икий) Дмитрий со братом своим князем Володимиром иде во церковь небесного воеводы архистратига Михаила[Е, Я на поле В церкви с(вятого) Михаила у гробов отцевскихъ молится.] и биша *челом*[Испр. по Я, У. Е чем.] с(вятому) образу. Приступиша ко гробомъ православныхъ князей прародителей своихъ, рекуще: «Истинныи хранителие, православный поборники. Аще имате дерзновение у Господа, помолитесь о нашихъ унынияхъ, яко велико днесь востание приключися намъ, чадомъ вашимъ. И нынѣ подвизайтесь с нами». И се рекши, изыидоша из церкви.

Княгини же Овдотия и княгини Володимирова и иныхъ православныхъ князей княгине со воеводскими женами ту стояще, проводы дѣют во слезахъ, во восклицании сердцемъ, не могуще слова рещи и отдали вел(икому) князю конечное цѣлование. И прочая княгини и боярини со//своими князми и бояры тако ж цѣлование отдают, возвратишася со великою княгинею. Князь же великий мало удержався от слезъ, не давъ ся прослезити народа ради. А сердцемъ слезаше, но гѣшаше свою великую княгиню, и рече: «Жено, аще Богъ по нас, то кто на ны!».

Князь же великий[Е, Я на поле Князь великий на войну выѣхалъ з Москвы града.] възиде на избранный свой конь, и вси князи и воеводы сѣдоша на конѣ. Солнце ему ясно на востоцѣ сияетъ, путь ему поведает. Уже тогда, якъ соколы от златыхъ колодицъ оторвахуся изъ красного града Москвы. А князи бѣлозорстии особъ своимъ полкомъ выехали. Урядно бо бѣ видѣти войско ихъ.

Князь же великий отпусти брата своего на Брашево дорогою, а самъ поиде, вел(икий) к(ня)зь, на Котель. Спереди же ему солнце удобъ грѣет, а по немъ кроткий вѣтрецъ вѣетъ. Сего ради и разлучися з братомъ своимъ, яко не вмѣстится дорогами.

Княгини же Овдотия и з своею снохою и з воеводскими женами възиде в златоверхий свой теремъ и в набережной, сяде *на*[Доб. по Я, У. Е нет.] урондицѣ под *стекольчатymi*[Испр. по У. Е, Я котелъ четырьми.] окны. Уже конечное зрѣние зрѣть на великого князя, слезы проливающи, аки быстрину рѣчную. С печалию великою и шибеть руцѣ свои к персемъ своимъ, пригнула и рече: «Господи Боже мой, призри на мое смирение, сподоби мя, видѣти еще господина моего славного в полцехъ вел(икого) князя Дмитрия Ивановича. И дай же ему помощь от крѣпкихъ руки твоя побѣдити противныя ему. И не сотвориши, яже за мало лѣтъ брань была на Колкахъ христіаномъ со еллинами. От такая, Господи, спаси и помилуй. Не дай же, Господи, еще оставитися христіанству, да славится имя твое святое. От толика бѣды Руския земля унылая и не имамъ же ни на кого надежи, //л. 299, об. толико на всевидящаго Бога. Азъ же имѣю двѣ отрасли малѣ, Василия и Юрия. А егда поразит ихъ солнце со юга и ветры повеютъ противу запада, обоимъ не могу терпѣти. Азъ же когда что сотворю? Но возврати, Господи, отца поздорову, то и земля[Испр.

по У, Е. Я землѣ.] их спасется, а они царствуют во вѣки». Князь же великий поиде, поем со собою десеть мужей сурожанъ, видения ради: аще что случится, имут тыи повѣдати в далнѣх землях, яко исходници суще: Василия Капицю, Сидора *Олфириева*, [Испр. по Я. Е Офириева. У Алферева.] Козму Ховру, Костантина, Семена Антонова, Михаила *Саларева*, [Испр. по Т. Е, Я Сараева. У Салалаева.] Тимофея Весикова, Дмитрия Чорного, Дементия Со- лорова, Ивани Шиха.

И подвигнесь князь вел(икий) по велицей широцей дорозѣ, а по нем сынове русские спѣшнѣ грядут, яко медовныя чашѣ пити и стеблия виннаго ясти, хотят собѣ чести добыти и славного имени. Стукъ стучит, *громъ* [Испр. по Я, У. Е грум.] гримит по ранной зорѣ, а к(ня)зь Володимеръ Андреевич Москву-рѣку перевозится на Красном перевозѣ в Боровицѣ.

Князь великий прииде в субботу на *Коломну*, [Испр. по У. Е, Я Колумне.] на память с(вятаго) отца Моисия Мурина. Ту ты ж быша мнозѣ воеводы и ратници, стрѣтаху его на рѣцѣ на Сѣверский. [Е, Я па поле Сѣвер рѣка.] Архиепископъ же стрѣте у воротѣхъ градныхъ з живоносными кресты и со крылосы и осѣни крестомъ и молитву сотвори: «Спаси, Боже, люди своя» [Я далее и благословы достояние свое.] и прочее. Наутрие же к(ня)зь вел(икий) повелъ всѣм воеводам выехати к Дѣвичу на поле. [Е, Я па поле Дѣвич(е) поле.] Во святую же нед(ѣлю) по заутрнии и начаша мнозѣх трубы гласити, и органы многих бити, и стязи ревуть наволочаны у сада Памфилова.

Сынове рустье наступиша великие поля коломенстии, яко *невместно* [Испр. по Т. Е, Я не вѣстно. У не есть.] бѣ презрѣти очима рати вел(икого) князя. Княз же великий, выеха з братом своим Володимером [Е, Я па поле к(нязь) вел(икий) полки розноряживаеъ.] видѣти множество *//л.300* много людии и возрадовашася и уряди кое- муждо полку воеводу. Себѣ же приемъ в полкъ бѣлоозерскиѣ князе, праву себѣ руку уряди брата своего князя Володимера и да ему в полк ярославские князѣ, а лѣву собѣ руку сотвори князя Глѣба Бранского, передовой же полкъ — Дмитрий Всеволож, коломенского полку — Микула Василиевич. Володимерский же воевода, юриевский Тимофей Валуевичъ, костромский же воевода Иванъ Радивонович *Квашня*, [Испр. по У. Е Кууашия, Я Кувашия] переславский же воевода Андрей Серкизович. А у князя Володимера воеводы: Данило Велевут, Костантинъ Кононович, княз же Феодоръ Елецкий, и к(ня)зь Юрий Мещерской, к(ня)зь Андрей Муромский.

Князь великий, урядив полки и *поводе* [Испр. по Я, У. Е каза. Е, Я па поле Ока рѣка.] имъ Оку реку перевозится и запо- вѣда комуждо полку: «Аще кто идет по Рязанской земли, никому же не коснѣтся ни единому власу!». И взял благословение от архиепископа коломенского, самъ князь перевезеся Оку рѣку. И отпусти в поле трою сторожою, избранных вѣтязь, яко да купно видятся со сторожи татарскими: Семена Мелика, Игнатия Крѣня, Фому Тину, Петра *Горецкаго*, [Испр. по У. Е, Я Юрского.] Карпа Олексина, Петрушу Чирикова и иных много вѣдомцов.

Рече же к(ня)зь вел(икий) брату своему князю Володимеру: «Поспѣшим, брате, противу безбожных печенѣгъ, и утолим лица своя от безстудия их. Аще смерть приключится намъ, то не просто, ни без ума намъ си смерть», идый же путем своим, призывая сродников своих, святых мученикъ Бориса и Глѣба.

Слышав же то Олегъ Резанский, яко великий князь Московский совокупися со многими силами и грядет во стрѣтение безбожному царю Мамаю, наипаче же вооружився *твердо* [Испр. по Я. Е крѣпко. У твердою.] своею вѣрою, иже к Богу о всѣх за вся имѣя упование ко Вседержителю. Олегъ Резанский нача блюстися и с мѣста на мѣсто *//л.300, об.*, переходит со единомыслными своими, *глагола* [Испр. по У. Е, Я по.]: «Аще бы послати мощно вѣстникъ многоразумному Олггерду противу такового приключения, како имет мыслити, но застали нам путь. Но по преднему чая ихъ, яко не подобаетъ рускому князю против восточного стати царя. Не убо, что разумах? Откуда убо ему прииде помоч, яко противу трех нас вооружився?».

И рекоша ему бояре: «Намъ, княже, за осмь дний повѣдели, мы же ся устыдѣли тебѣ повидѣти: какъ в отчизнѣ его есть калугерь, Сергей именем, той велми прозорливъ. Той паче вооруживъ его и от своих калугерь дав ему пособники тыи». Слышавъ то Олегъ от бояръ своих[Е, Я на поле Олегъ окаевает себе здрайца.]: «Почто ми не поведали преж сего? То бых шель, умолил нечестиваго царя, да ничто же зло сотворилося. Горе мнѣ, яко погубих си мудрость и ум, но и паче азъ единъ оскудѣх умом, но и паче мене разумѣль Олгерд Литовский князь и оного[Испр. по У. Е, Я оного и.] мене возыщет Богъ, онъ бо законъ Гугнивого Петра разумѣ. Но что поползохся аз? Того ради о мнѣ рече: „Аще бы рабъ вѣдалъ закон господина своего, абие много будет бить“. Нынѣ убо что сотворю и къ которому разумению моему дамся? Аще убо великому князю поработати — вѣсть бо отнюдь измѣну мою, — то не примет мене. Аще приложуся к нечестивому Мамаю, то поистиннѣ, яко древний гонитель на Христову веру, яко новаго Святополка земля мя пожрет, не только княжения лишуся, но и живота гонзнуся. Аще ли Господь по них, никтоже на них. Еще молитва о нем всегда прозорливаго онаго мниха. Аще ли ни едино мощи не сотворю, то во прокъ како могутъ от обоих прострѣти? Кому Господь поможет, тому и присягну».

Олгерд же прореченным своим уроком, совокупи литвы //л.301 много, варяг и жмойты, поиде на помощь Мамаю. И прииде Олгерд ку Одуеву. И слышав, яко князь великий совокупив со собою многую свою Русь и словены, иде же кождо. И слыша, яко *Олег*[Испр. по У. Е, Я князь.] Резанский убояся, и пребысть ту оттолѣ неподвижим. И начат разумѣти суетныя своя помыслы, видѣ совокупление свое розно и нача рватися и сердитися и глагола: «Елико человеку не достает своя мудрости, всеу чуждую мудрость требуетъ. Николи же бо Литва Олегом Резанским учена бѣ! Нынѣ же изведе мя ума, а сам паче погибе. Нынѣ же убо пребудем zde, дондеже услышим Московского побѣду».

В то ж время, услышавъ Андрей князь Полоцкий и князь Дмитрий Бранский, Олгердовичи, яко велика належит печаль великому князю Московскому и всему православному христианству от безбожнаго Мамаю. И оттолѣ мыслиша ко отцем ненавидима, но паче Богомъ любима. Бѣста бо крещение прияли от своя мачехи, княгинѣ Анны. Бѣста бо, аки нѣкия класы *доброплоднии*,[Испр. по Я, У. Е добродетельный.] терниемъ подавляемый, живущи межи нечестивыми, и не бѣ имъ коли плода достойна расплодити. И посла князь Андрей ко князю Дмитрию тайно буквицю малу, а в ней же писано бѣ: «Вѣси бо, брате мой возлюбленный, яко отец насъ отверже от себе, но и паче Господь нашъ небесный присвоив нас к соѣт, дав намъ закон свой — ходити по нему же обрѣт ны *нас*[Доб. по Я, У. Е нет.] пустошны суеты, *сотворены*[Испр. по Я. Е сотворень, У сотворена.] ради тоя.[Я твоя.]⁹³Мы же что имамы⁹³[93–93 Я Сим же имам что, У Си же имает что.] воздати сему ж противу такому его прошению, скончав убо ему подвиг добрый подвижнику Христу, начальник бо христианству. И великому князю Московскому велика туга належит от поганных измаилтянь, но еще отецъ нашъ поборяет, но, еще// л.302., об. Олег приводит ихъ. Нам же подобает пророчество совершити: „Братие, в бѣдах не сумляйтесь“. Иже себе братья отцу противитися, нам еуангелист рече: ⁹⁴„*преданы будите родителями*“⁹⁴[94–94 Испр. по У. Е, Я во предании будете родителями.] и братиею и умертвят васъ имени моего ради. Претерпѣвый же до конца, той спасется“. Излѣзем от давяющаго терния и присадимся истинному плодови, тому винограду христианскому, дранному рукою Христовою. Нынѣ убо подвизаимся, брате, не земнаго ради живота, но небесныя почести желающе, юже Господь дает творящим волю его».

Прочет же к(ня)зь Дмитрий писание брата своего старѣйшаго, нача радоватися и плакати от радости: «Владыко человеклоубче, дай же рабом своим хотение совершити и сим путем подвига сего добраго, еще открыл еси брату моему старейшему!». И рече до посла радоватися по велику: «Брату моему, рци к(ня)зю Андрею, готов есмь с тобою по твоему наказанию, брате, господине. Колико есть войска моего, то закупъ со мною: Божиим бо промыслом совокупленный грады брани належашу ему от дунайских татаръ. И ныне рцѣте брату моему: слышах бо, яко приидоша ко мне *медокормци*[Испр. по Т. Е, Я

медонормци.] со Севера, а кажут уже, к(ня)зь Дмитрий на Дону, яко днесь пребысть. Тут бо хошет ждати злых сыроядецъ. И ⁹⁶нам подобает ити⁹⁶[96–96 Испр. по У. Е, Я ным подобаеть.] к Северу и ту совокупитися нам гѣм путем, отца нашего утаитися, не возбранити студно».

По малѣх же днех снидошася оба брата желанно со всѣми силами к Оѣверю и, видѣвшеся возрадовашася, якоже иногда Иосифъ со Вениамином, видѣв же у себе множество людей, усердно и урядно нарочитыи противници и полци. И приспѣвша на Донъ борзо, сущыи наехаша видящи великого князя обою страну Дону, полцы //л. 302 расположены на мѣстци, нареченном Березуй, ту совокупишася.

Князь же великий Дмитрий и з братом своим князем Володимером, иж совокупистася с ними Олгирдовичи: князь же Андрѣй Полоцкий и князь Дмитрий Бранский. Князь же великий Дмитрий возрадовася радостию великою силе Божией, яко не удобъ бѣ мощно таковому быти, яко дѣти отца оставляют и пору- гашася, яко иногда волсви Ироду, и приидоша на помощь нашу. И многими дарми почте ихъ, яко бѣ мощно на путь радующеся, и веселящеся о Святомъ Дусѣ, земнаго уже отвергошася глаголюще собѣ безсмертнаго инаго премѣнения. И рече же к нимъ князь великий: «Братия моя милая, коей ради выны или потребы приидосте сѣмо ко мнѣ? Азь убо разумею, яко не мене ради приидосте сѣмо, но Господь посла вас в путь свой. Воистинну ревнители есте отца нашего Авраама, тайно воскорѣ Лотовѣ поможетъ, яко доблестному великому князю Ярославу, яко той отмсти бѣду братии своей».

Воскорѣ востав, отосла ко преосвященному митрополиту Киприяну, яко «Олгирдовичѣ князѣ приидоша ко мне со многими силами, а отца своего оставиша». Скоро прииде вѣсть к преосвященному архиепископу. *Архиепископ*[Доб. по Я, У. Е нет.] слышав то и прослезився, нача молитву творити: «Господи владыко челоувѣколюбче, яко со- противныи наши вѣтры на тихость прелагаеши!». Послав во вся соборныя церкви и во обителѣх, повелѣ всегда молитву творити день и ношъ ко вседержителю Богу, наипаче въ обители игумена Сергия, нех ихъ молитвы послушает Богъ. Княгини же Овдотия слышала великое милосердие Божие, милостынѣ начала творити убогимъ, сама же непрестанно текущи ко церкви Божией день // л. 302, об.

Си же паки оставим, на первое возыидемъ.

Великому же князю бывшу на мѣстѣ, нарицаемом *Березуа*,[Испр. по Я. Е. Березу.] яко за двадцетъ и за тры поприща до Дону, приспѣвшу же дни септеврия 5, на память с(вятаго) отца Захарии и на память сродника его убиение вел(икого) к(ня)зя Глѣба Володимеровича, приидоша два от страж его — Петр *Голецкой*,[Испр. по У. Е, Я готский.] Карпъ Олексинъ, и приведоша языкъ нарочыть от сановных царевых. Той же языкъ повѣда иже царъ на Кузминѣ пришел, но не спѣшит, ожидает Олга Резанского и Олгирда Литовского, а твоего прихода, царъ не вѣсть, стрѣтения твоего не чае, ¹⁰⁰по предписаным Ольговым книгам¹⁰⁰[100–100 Испр. по У. Е, Я на преднаписанныя ему книги Олговы.] по трех днехъ мает быти на Дону. Князь же великий вопроси о силѣ его. Он же рече: «Неисчетенна бѣ, ни мощно никому же». Князь же великий нача думати и з братом своим Володимером и с новонареченною братиею з литовским князми: «Зде ли паки пребудем или Донъ перевеземся?». Рекоша ему Олгирдовичи: «Аще хоцещи крѣпкаго войска, то днесь повелим войску возитися, то нистъ ни единому же помышления воспать; а велицей силѣ его¹¹.[Я далее пропуск между л. 241 и 242, включая слова кто видѣ (Е, л. 309 об.).] нѣсть сетования, яко не в силѣ Богъ, но во правдѣ: Ярослав, превезеся рѣку, Святополка победы, прадед твой великий Александеръ к(ня)з иж рѣку перевезеся, короля победы, тобѣ ж, нарек Бога, тое ж подобает творити. И аще не побием ихъ, то всѣ общую смерть приимем от князя и до простых людий. То уже великому государю оставити смертная, до здѣ се убиенными словесы глаголати и гѣми словесы крѣпитися войско твое. А мы убо видим, яко множество избранных вѣтязь у войску твоём».

Князь же великий повелѣ воем своим за Дон возитися. //л. 303 Вѣстници же прискоряют,[В Е далее яко прискоряют.] яко *ближают*[Так У. Е бѣжают.] татарове поганый. Мнози же сынове рустии зѣло возрадовашася радостію великою, зря щі своего желаннаго подвига, а еже аще вожделѣша.

За много дний приидоша волцы на мѣсто то, выюще непрестанно. Гроза же велика полком. Храбрым же сердца укрепляются, а юншим слышати руским, паче укротиша, а еже имъ много брани необычный собрашася, неумолкающе глаголюще. Галици ж свойски глаголюще, орли же мнози от усть Дону слеташася и ту тож кричаху и ждущи дни грознаго. Мнози звѣри стекошася, лисицы брешуть, глядячи на златыя доспѣхи, ждуще часу, кои же час приидет, Богомъ возлюбленным, вон же имат пасти *трупиа*[Испр. по У. Е труба.] челоуѣча и кровопролитие, аки морской водѣ из мѣста вылитися. От такового страха и великия бѣды и грозы, а древа вся прекланяются, и трава вся сильная постилается. Мнози от обоихъ унывают, видящи уже пред очима смерть. Начаша же поганый студом омрачати о погибель живота своего, понеже умре нечестивый и погипе память ихъ со шумом. А правовѣрнии челоуѣцы наипаче процвѣтоша, радующеся, чающе совышше онаго обетованныхъ прекрасныхъ венцов, о них же преподобный старецъ повода.

Вѣстници же прискорѣвают, яко приближаются напрасно погании и безбожный. Яко 6 часъ прииде Семень Меликъ со дружиною своею, а по них гониша мнози татарове. Толико бо безстыдно гнаша олни полцы наши ударишася. Видѣвше же многое множество полков и возвратишася и воз(ъ)ехавши на мѣсто высоко и ту увидѣвше полцы нашихъ и скоро возвратишася ко царю и повѣдаша ему, яко князь рустии ополчишася при Дону Божиимъ повелениемъ, елико видѣша людие четверицею множество. Он же нечестивый царь //л.303, об. разжениемъ дияволимъ пагубу крикнувъ напрасно, испусти гласъ: «Тако сила моя, аще сего не одолѣю, то како имамъ возвратитися в землю свою?». И повелѣ незаконный царь всѣмъ полкомъ своимъ вооружитися.

Меликъ же повода великому князю, яко: «на Гусинъ брод[Е на поле Гусинъ брод. Прядва.] переидоша ужъ за єдину ночьъ межи себе, на утреи бо приидутъ над Прядву. Тебе же, вел(икому) князю, днесъ исполчитися, да не ускоряютъ поганый». И наченъ же великий князь Дмитрий Ивановичъ з братомъ, княземъ Володимеромъ Андрѣевичемъ, и со литовскими князми Олгирдовичи Андреемъ и Дмитриемъ до 6 часа полци начаша уставлевати. Еже бѣ воевода нѣкто, прииде с Литвы с литовскими князми ис Литовское землѣ, именемъ Дмитрий Боброкъ, родомъ сый из землѣ Волынское, иже нарочитъ бысть полковидецъ, велми урядно ставиша полцы по достоянию, елико где кому по достоянию стати.

Князь же вел(икий), поя и з собою и брата своего князя Володимера Андреевича и литовский князь вси и воеводы руский, и воз(ъ)ехавъ на мѣсто высоко и видѣвъ образы святыхъ, иже суть воображены в христіанскихъ знаменнихъ, аки нѣкии свѣтилници свѣтящеся, аки облаци, тихо трепещити, хотятъ промолвити. Богатырие же руский, яко вода в сильнии вѣтрѣ колѣоается, а шоломы на главахъ ихъ позлащенный свѣтящеся аки утренняя роса во время вѣтра сияющи. Яловчики ж шоломовъ ихъ, якъ пламень огненный, колѣбашася.

Жалосно бѣ видѣти и грозно зрѣти таковыхъ воинъ русскихъ собраниа и храбрости такового учреждения, вси бо єдинъ за єдинаго хотятъ умрѣти и вси єдинъ гласъ начата глаголати: «Господи Боже, с высоты призри на ны и даруй православному князю нашему, яко Константину, побѣду. //л. 304 И покори под нозѣ враги, яко же иногда Аммалика кроткому Давыду». Сему же удивишася литовский князь и рекоша к себѣ: «Истиннѣ быти при насъ, ни прежде, *ни*[Доб. по У. Е нет.] по насъ такому войску. Подобны суть макидонскому войску мужествомъ ихъ и бысть Гедеоновы снужници, Господь же своею силою вооружилъ ихъ».

Князь же великий, видѣвъ полцы свои вооруженны достойно и урядно, исшедъ и з коня и падъ на колѣну своею на травѣ зеленѣ прямо болшого полку чермному знамени, на немъ же воображенъ владыки Господа нашего Иисуса Христа образъ, из глубины души нача въздыхати от сердца, жалосно слезяше, звати велегласно: «Владыко Господи

вседержителю тварем! Виждь своим смотреливым окомъ на рабы своя сия, иже твоею кровию искупленны суть работы Аристора. Внуши, Господи, глас молитвъ, обрати лице твое на нечестивых, иже творят злаа рабом твоим. Молно бо ся образу твоему святому и пречистой святой твоей Матери и твердому и неборимому твоему любленику, иже от нас к тобѣ, рускому святителю Петру, на его же молитвы надѣющеся, смѣю призвати имя твое святое».

Войска же руские по молитвѣ всѣдше на конѣ свои и начата вси молитву творити и по полком ездити со князми своими и воеводами, коемуждо полку рече усты своими: «Братия моя милая, сынове християнстии от мала и до велика! Се вам приспѣ день, грозно приближися. Бдите и во молитвѣ мужайтесь и крѣпитесь. Господь с нами, силенъ во бранех. И zde пребудем кождо в напастехъ своих, не мятущися, утрѣ бо неудобь мощно тако уставити, уже гостѣ наши близ суть, на рѣцѣ Непрадвѣ ополчишася. Утро ж имаете пити вси общую чашу, и ту вам и нам поведенная, ея же еще друзии мои //л. 304, об. на Руси вождельша. Уповайте на Бога живаго, да миръ вам буди, братии моей. Еще бо утрѣ ускорою со братиею и со князи своими». Отпусти брата своего к(ня)зя Володимера у верхъ по Дону, в дуброву, яко да утаится полку его, и даль ему достойны вѣтязѣ своего двора воинъ. Еще отпусти с нимъ известного своего воеводу Дмитрия Волынского.

Уже бо ношъ приспѣ свѣтоноснаго праздника Рождества пресвятыя Богородицы. Осени же тогда удолжившися, денми светлыми сияющи. Бысть же тож теплота и тихость нощи тоеи и мразы ношным явишася. Поистиннѣ бо рече: «Ношъ не светла неверным, а верным просвещение». Рече же Дмитрий Волынский вел(икому) к(ня)зю: «Примету свою искусу».

Уже нощи глубоцѣ и заря изгасе. Дмитрий же всѣд на конь и поем со собою вел(икого) к(ня)зя единого, и единъ выехавши на поле *Куликово*. [Испр. по У. Е Кулиново. Е па поле Поле Куликово. Войсковое приметы. Волынецъ з князем едутъ усматривати в нощи.] И ставъ посредѣ обоих полковъ и обратися на полкъ татарский, и слышавши стукъ великъ или аки торгъ снимаются, аки град жидущии. Бысть создаи ихъ волцы выюще грозно велми. По десной же странѣ вороны кличуще. И бысть трепеть и клич птицъ, великий велми, враном же, якъ горам играющим. Противу по рѣцѣ той Непрадвѣ гуси и лебедѣ крыльми плещуще, необычную грозу подают. Рече Волынцу князь: «Слышу, брате, гроза велика есть». И рече Волынецъ вел(икому) князю: «Призываются». Князь же обратися на полкъ русский: «Что слышасте?». Он же рече: «Но токмо видѣхъ множество огненны зари снимаются». И рече Волынецъ: «Остави, княже, огни, — добро знамение. Призывай Господа и не оскудѣй вѣрою!». И паки рече: «Еще примета есть». И снииде с коня Волынецъ и паде на десное ухо, приниче ко земли и предлежи на долгий час. Востав и пониче. Рече же князь вел(икий): «Что есть, брате Димитрий?». Он же не хотя //л. 305 сказати ему. Князь же вел(икий) много нуди его. Онъ же рече: «Едина бо есть на ползу, а другая ж ти скорбна. Слышахом[Е на поле Примета войсковая.] земли плачущися надвое: едина бо страна, аки нѣкая жена, горко плачущи еллинским гласом чад своихъ, а другая ж страна, аки нѣкая девица, едино вопросопе, аки свѣриль жалосно плачевным гласом. Аз же множество гѣх боевъ приметы испытав, сего ради надеемся о Бозѣ — святых мученикъ Бориса и Глѣба, сродники ваша, азъ чаю победы поганых. А християном много падения будет». Слышав же то, князь вел(икий) прослезися и рече: «Тако будутъ победы Господны!». И рече Волынецъ: «Не подобает тобѣ, государю, того нѣкому сказати, повѣдати в полцехъ своихъ, ни брату своему, кождому Бога молити и святых его призвати. Рано утро вели имъ подвизатися на конѣ своя, и всякому крестом огрождатися. То бо есть оружие на противныя».

В ту ж ношъ нѣкто сунглитъ, разбойникъ, именем Фома *Кацибей*, [Испр. по Т. Е Кацѣи. У Клицабей.] поставленъ бысть сторожем от князя вел(икого), на *рѣцѣ* [Испр. по У. Е рѣ.] на Черу Михайловѣ, мужества его ради на крѣпцѣ сторожѣ от поганых. Сего ради увѣрая, откры ему Бог видѣти в нощи той видение велико. [Е па поле Видение.] На высотѣ облакъ видѣвъ изрядно прият, аки нѣкия полки от востокъ великих зѣло. От полуденныя

же страны приидоша два юноши свѣтлыи, имущи свѣщи, во обоих руках меча остра. И рекоша полковником: «Кто вам повелѣ требити отчество наше, его же нам дарова Господь?». И нача сѣчи, и ни один же от них не избысть. И цѣломудръ на утрия же повода князю единому. Он же рече ему: «Не глаголи ж никому». Сам же князь вел(икий) воздѣв руцѣ свои на небо и нача плакаться и глаголати[Е на поле Молитва к(ня)зя вел(икого).]: «Господи, Боже, //л. 305, об. творче и челоувѣколюбче, молитвою святых м(у)ч(еник) Бориса и Глѣба, помози, Господи, яко же Моисею на Амалика, перво Ярославу на Святополка, и прадѣду моему Александру на хвалящагося короля римского разорити его отчесство. Не по грѣхм моим воздаждь ми, излий на ны милость свою, простри на нас благоутробие свое, не дай же нас во смѣхъ врагом нашим, да не порадуются на нас врази наши, ни рекутъ страны неверных: „Где есть Бог их, на нь же уповаша“. Но помози, Господи, христіяном, ими же величается имя твое святое!».

Приспѣвшу же дню великому празднику, нареченному спасенному Рождеству святыя Богородица, свитающу пятку, восходящу солнцю, бывшу же утру мгляву сущу. Начаша стязи христіяностии простиратися и трубы многихъ гласити. Уж бо рустии конѣ укрѣпишася гласомъ, каждо под своим знаменіем трубнымъ. Идоша же полцы по поучению, елицы имъ повелѣша. Часу же третиому наставшу, начаша трубити и гласы гласити и от обоих странъ трубы сниматися, татарский же трубы яко онѣмѣша, а рускии трубы утвердишася. Не бѣ ся еще полкомъ видати, занеже утро мгляно сущу, нежели земля *стонет*, [Испр. по Т. Е танеть, У нет.] грозу подающе, востокъ нелны до моря, а запад до Дону, поля же *Куликово* [Испр. по У. Е Куликовы.] прегибающеся, рѣки же выступающе из мѣстъ своих, яко же николи же быти людем толиким на мѣстѣ томъ.

Великому же князю присѣдающу на конь избранный, едзя по полкомъ, [Е на поле княз полки расправляет, напоминает, абы сердечне за церковь билися и за вѣру.] плачуци и глаголюци: «Отцы и братия моя, Бога и Господа ради, всядѣте на конѣ свои, подвизайтесь и покладѣте главы своя святыхъ ради //л. 306 церквей и вѣры христіянския. Сия бо смерть нѣсть смерть, но живот вѣчный наследуете, ничто же не мыслите, не уклонитесь на своеие, да вѣнцы победными увяземся Христа Бога нашего душам нашим». Утвердив же полки и паки прииде под свое знамение чермное и изсѣде из своего коня и зсяде на инъ конь и совлече из себе приволоку, на него же положи царскую свою, во ину облечеса. Той же конь

дасть под Михаила Бреника и ту свою приволоку на него положил, иже любимъ ему бѣ паче мѣры, и тое знамя повелѣ рыделю своему над нимъ возити. Под тым знаменіем убиень бысть за вел(икого) князя.

Князь же великий ста на мѣстѣ своем, положи руку свою за пазуху и взял живоносный крестъ, на нем же выobraжение страсти Христовы, в нем же живоносное древо, восплакався горко: «Тобѣ же убо конечное надѣяся, живоносный кресте, иже симъ образом явися греческому царю Константину, егда ему на брани сущи с нечестивыми, и чуднымъ образом побѣди ихъ. Не могут бо обрезанныи челоувѣцы противу образа твоего стояти. Тако, Господи, удиви милость свою на рабѣ твоём!».

Се же ему глаголюци, в то же время приидоша к нему книги от преподобнаго старца Сергия. Во книгах же написано: «Великому князю Димитрию Ивановичю и всѣм руским князем и всему православному воинству миръ и благословение!». Князь же великий слыша написание вел(икого) старца и цѣловаль послоника етера любезного, гѣм же писанием аки нѣкими твердыми *на* [Доб. по У. Е нет] брань утвердися. Еще ж дасть ему старецъ, посланный от игумена Сергия, данный хлѣбецъ пресвятыя пречистыя Богоматере. Князь же великий соядъ хлѣбецъ той святой и простеръ руцѣ свои, и паче возопи велиим гласом: «О великое имя святыя Троица, о пресвятая Богородице, помогай // намъ на противныя молитвами Сергия, спаси душа наша!».

И приемъ копие свое и возьмъ палицу железную, подвижеся из полку вонъ, восхогѣ самъ почати преждо поганых полковъ от горести душа своя, за свою обиду великую и за православную вѣру. Мнози же богатырѣ рускии удержавше его и възбраниша ему, рекуще:

«Не подобаєть тобѣ, князю великому, в полку самому битися, тобѣ подобаєть особѣ стояти, нас разсмотрѣвати, пред ким явитися. Егда посѣтитъ тебе Богъ, великого князя, милостию своею, то временной чести почему разумеши, кого рода ты. Мы же готовы есмы вси днесь головы своя класти за тебе, вел(икого) князя за ласкава *государя*. [Испр. по У. Е гра и надстрочное д.] Тобѣ же подобаєть, великому государю рабѣ своих, елико кто заслужит своею главою, память сотворити, якоже Леонтий царь Феодору Тирону, во книги соборныя написати насъ, память творити ради рускимъ сыномъ, иже по нас будутъ. Аще единого згубимъ, то от кого чаяти имамы надежды? Аще вси спасемся, а тебе единого останем, то кий успѣхъ будет намъ? И будет, яко стадо овче, не имый пастыря, в пустынь влачимо, бѣ же пришедше волцы дивны распудят, елико кто хоцетъ. Тобѣ подобаєть спасти себе и насъ».

Князь же великий прослезися и рече имъ: «Братия моя милая, рѣчи ваши добры и не могутъ отвѣщати, известно паче неже успѣти, но токмо похвалюся, вы бо есте друзи и рабы истиннаго Бога. Паче же вѣсте мучение с(вятого) Арефы, егда мучим Юстинияном царем. Сего же воина по многих муках повелѣ царь вести на позорище и посѣщи его. Добрый же воинъ воеводы единъ по едином //л. 307 скоро под мѣчь кланяется, кидящи убо почестъ побѣды своя, то воевода не возбрани своему войску: „Вѣсте ли, братия моя, у земского царя не аз [Испр. по У. Е из.] ли прежде вас почтен бых земныя чести, и дарове взимая? Нынѣ же прииде, и увидѣти подобаєть моей главѣ у небеснаго царя прежде усѣченѣй быти, паче же и вѣнчаннѣй“. Приступль воинъ и сѣкну главу послѣже 60 воинъ. Тако ж и азъ, братие. Кто болий мене в руских князехъ и от вас чтенъ бѣхъ, но всѣм глаголаб бых, благая ли прияхъ от Господа, злых ли нестерпимъ, мене бо ради единого общую чашу всѣм пити, аще ли смертию общемо умремъ всѣ. Аще ли умру с вами, аще ли спасуся с вами. Нынѣ вси останемся, уже бо ко ¹⁸*своим потягнемъ*»¹⁸. [18–18 Испр. по У. Е коих ко коему потягнет.]

Передовым же полцы заступишася на нас, первое же полцы ведутъ князь Дмитрии Всеволож, да Володимеръ — братъ его, и з правую ж руку бридет [У бредет.] Минула Василиевич с коломичі и со иними же князи. Поганый же брідуть обаполь, и нѣтъ бо мѣста, где имъ ростягнутися. Безбожный же царь выехавъ на мѣсто высоко с тремя князми, зряще челоукаго кровопролития.

Уже полцы поганый з рускими полки близ себе ходят, и выеха из полка татарска печенѣгъ именем Телебѣй, [Е па поле Телебей подобен Голяду.] еллинскимъ языком, пред всѣми мужество являя, подобен бысть древнему Голяду. Видѣвъ же сего, Пересвѣтъ чернецъ ис полку Володимеря Всеволожа, и двигся из полку против: «Сей человек противника собѣ хоцет, азъ хощу с ним видатися!». И пыхая, яко левъ, аки жених, //л. 307, об. хотя восприяти вѣнецъ Небеснаго Царствия. Бяше шлем вооруженъ архаггелского образа схимою по повелению игумена Сергия. И глагола: «Отце и братия, простоте мя, грѣшнаго, и благословѣте! И ты, брате, прости мя, грѣшнаго, от себе и моли Бога за мя». Войско же все едином гласом вопиюще: «Поиди, господине, Богъ да простит тебе». «И с(вятой) Сергий, помагай ми, рабу своему молитвою своею на безбожнаго сего печенѣга, аже на мя вооружися». Онъ, безбожный печенѣгъ, устремися противу ему, глаголющи: «От(ец) Магмет помози!». Вой же християнстии вси воскликнуша едиными усты: «Боже нашъ, помози рабу своему!». И ударишася крепко два богатыре межи собою, аки сильныя грома грянуша, егда мѣсто не проломися под ними. А падоша оба с коней своихъ, и ту оба скончашася.

И се ж наставши час третій дне. Видѣвши ж то князь вел(икий) Дмитрий Иванович, и рече своим войском: «Се уже, братие, поганый суть, гостѣ наши, приближаются к нам, испиваютъ полный чаши, и ведутъ собѣ поведенную, иныи жъ от нихъ испиша и веселы быша». Ужъ бо время, подобный час, прииде каждо ко своим конемъ и поскочиста вси, аки медовныя чаши пити, храбрым же сердца веселястася, а имъ сердца ужасастася, и кликнуша едным гласом: «С нами Богъ!». И паки: «Боже християнский, помози намъ на противныя враги, и не дай же, Господи, в посмѣхъ врагомъ».

нашим, но дай же, Господи, помощь на враги наша». Печенѣги ж з вой кликнуша, призывающе своих боговъ Магмета: «О Магмит, помози намъ и моли Бога о нас». Ступишася велиции полцы и крѣпко биющися и на //л. 308 прасно. Щипляются щиты богатырский о *злаченыя*[Испр. по У. Е злычныи.] доспѣхи, а лиется кровь богатырская под сѣдлами коваными, блискають шаблѣ булатный около голов богатырских, котятся шоломы позлащенный с личинами добрыми конемъ под копыта, валяются головы многихъ богатырей з добрых коней на сырую землю, и подоптаны бывають. Не едины богатырие руские биены быша, но и татарскихъ ведвое. Не токмо бо оружиемъ биющеса, но и самы от себе разбивахуся. Под трупиемъ мертвымъ многие живыи умираху, от великия тѣсноты издыхаху, яко же бо немощно вмѣститися имъ на полѣ *Куликове*,[Испр. по У. Е Кулинове.] еже мѣсто тѣсно межи Дономъ и Мечею.[Е на поле Дон и Меча рѣки.] На том бо поли силныи и велиции полцы снимашася, из нихъ выступили ²⁴*кровавые зарѣ*²⁴,[24–24 Испр. по У. Е кровавыи езера.] блистание же мечное трепеташеся, аки молнии, из рук богатырских от мечнаго сѣчения. Бысть же тогда трѣскъ и ломъ великъ копейный, яко же бо не мощно зрѣти никого же. Сего грозного дни и страшнаго часа во единъ убо час во мновении ока от толикъ тысячъ создания Божия погибоша неисчетенно. Воля же Господня совершается, не ослабѣются християне з печенѣги.

Юже шестому часу наставшу, Божиим попущением, а нашихъ ради согрѣшений нача одолѣвати поганый,²⁵ а християне уже восияха на хвалу же. Уж везетсѣ дивно на землю. Уж от много²⁵[25–25 у крестіан. Уже бо восияет хула на хвалу. Уже бо верже гея диво на землю. Уже мнози от.] храбрыхъ богатырей и юнот русскихъ поблены суть. Богатыре иже руские, аки древо дубавно, скланяются на землю, под борзый конѣй копыта. Мнози же сынове рустии сотрошася и погибоша. Самаго же великого князя Дмитрия уязвиша велми, иже нужею склонися с коня и иде //л. 308, об. з побоища, яко не мощно ему битися. Южъ Божиим неизнеможениемъ стязи великого князя подсѣкоша поганый, но не стязишася, ноипаче крѣпишася.

Се же слышахом от вѣрнаго самовидца, глаголюща. Сей же бѣ от полку Володимерова Андреевича, повѣда видѣние вел(икому) князю: «Во шестую годину сего дни вѣдѣвъ над ними небо отверсто, из него же изыиде облак, яко ранняя зоря и над ними низко держащися. Той же облакъ исполненъ рукъ челоувѣческихъ, каяждо рука держаши оружие и отпустишася от облака того на главы християнскіи».

Поганый жъ уже обыидоша отовсюду, християнстыи полцы оскудѣша: уже бо мало християнъ, а все поганый. Видѣвъ же князь Володимеръ Андрѣевичъ великую побѣду християнскую, аки класы бо пшеничныи подавляеми тернием, а терние растяше и буяше. Благородный же князь Володимер Андрѣевичъ не могый того терпѣти победы християнской и рече Дмитрию Волынскому: «Брате Дмитрий, кая бо полза стояние наше, який успѣхъ будетъ намъ, уже кому имамы помощи». И рече Дмитрий: «Бѣда уже, княже, велика, не *уже*[Испр. по У. Е у.] прииде наша година: начиная убо без времени, вред себѣ прииметь. Мало убо претерпи до времени подобна, да получимъ. В они же здравие отдадимъ противником поганым. Нынѣ толико Бога призывайте». Осмаго часа година, в он же иматъ быти благодать Божая и помощь християнская. Князь же Володимеръ Андрѣевичъ, воздѣвъ руцѣ на небо, и рече: «Господи Боже нашъ, содѣтелю тваре, сотворивый небо и землю, предстоай на ны крамолы дѣет. Не дай же о нас радоватися врагом нашим поганымъ //л. 309 мало показни нас, много помилуй, бездна бо еси милости». Сынове рустии в полку его плачуша, видяще друзи свои братия погибаемы, непрестанно покушающийся, яко *звани*[Испр. по У. Е звинии.] на бракъ сладкаго вина пити. Волынец же возбраняше имъ: «Пождете *мало*,[Испр. по У. Е мал.] буювы сынове, есть бо когда утѣшатися, есть бо и вамъ с кимъ веселитися!». Приспѣ же час осмый, абие потягну духу южну создаи нас. Возопи Волынецъ гласомъ великим: «Княже Володимере, час прииде, время приближися!», рече: «Братия моя милая и друзи, держайте, сила бо святого помагаеть намъ!». Богатыре же рустии выяхаша из дубровы зеленыя, аки ясный соколы удариша на журавины стада, тако и сии удалци направлены крѣпким воеводою.

Бяху бо, яко Давыдовы отроци, сим сердца аки и лвова, поистиннѣ бо лвовы образы имущи, яко стадо приидосте.

Поганый же видѣвше мнози полцы и кликнуша: «Увы нам, Русь умудрися паки: юншии бо ся с нами браша, а богатыреве вси соблюдошася». И обрати- шася и даша плещи и побѣгоша. Сынове же рустии силою Святого Духа гониша и гнаша ихъ помощию святыхъ страстотерпецъ Бориса и Глѣба. Поганый же сѣченъ быша, аки лѣсы кланяхуся, аки трава от косы постилается. Бѣжашии гла- голюще еллински: «Увы, увы тобѣ, нечестивый Мамаю! Вознесый бо ся высоко и до ада сшел еси!». И мнози же уязвенныи наши рустии, помагають намъ, сѣкуше без милости: ни единому же паки мощно бѣ како убѣжати, зане же конѣ ихъ потомилися.

Мамай, видѣв бѣду свою, нача призывати боги своя Перуна и *Салавата*, [Испр. Е. Я, У Савата.] и Раклия, и Гурса, и//великого своего пособника Магмета. И не бысть ему помощи от нихъ, силою бо Святого Духа, яко огнемъ, татарский полки пожигаются, рускими мечы посѣкаются. Видѣв же незаконный царь Мамай бѣду свою, иже новые людие приидоша, и рече своимъ угодникомъ: «Побѣгнемъ, ничто же добро чаяти, но свои головы упасемъ!». И абие побѣгоша со четырьми мужми.

Мнози же сынове рустии гнаша по нихъ и не одолѣша о конехъ ихъ, яко цѣлы суть. Гонящии же ихъ возворотишася и обрѣтоше множество трупия мертвыхъ поганыхъ обаполь рѣки Непрядвы, идеже быти мощно полкомъ христианским. Сии жъ биемы от святыхъ мученикъ Бориса и Глѣба, о нихъ же предповѣда Фома разбойникъ, егда ж на сторожѣ стоя. Богатыре же рустии гоняху тогда, всѣхъ погубиша и возвращахуся вси под свое знамя.

Князь же Володимерь Андріевичъ ставъ под знаменіемъ чермнымъ на костехъ и не обрѣте брата своего великого князя Дмитрия Ивановича в полку, но токмо литовским князѣмъ Олгирдовичи едины. И повелѣ трубити со избранною трубою. Пожда часъ и не обрѣте вел(икого) князя, и нача глаголати: «Братия, кто видѣ[На этом слове кончается пропуск в Я.] или кто слыша своего пастыра. Первопорожденный пастырь разыидутся овца, то кому честь довлѣеть и кто сея побѣды побѣдникъ явится?». И рѣша ему литовским князі: «Мы мнимамы, яко живъ есть, но уязвенъ велми, егда во трупѣхъ мертвыхъ будет». А иный рече: «Азъ его видѣхъ пятого часа крѣпко // биющася палицею своею». Иный рече: «Азъ послѣ того видѣхъ с четырьми печеніги, належат ему велми, он же ³¹*крепко бияшеся с ними*³¹. [31–31 Доб. по Т. Е, Я, У нет.] Никто юноша князь, именемъ Стефанъ, новасилский князь, и тот рече: «Азъ видѣхъ его пред твоимъ приходомъ, піша, идуща с побоища, уязвенна велми. Того ради не многохъ ему помощи — гонимъ тремя татарини, но милостию Божіею едва от нихъ спасохся, а много от нихъ пострадахъ, извѣстно видѣте».

³²*Князь же Володимерь Андревич рече*³²[32–32 Доб. по У. Е, Я нет.]: «Братия и друзи, кто обрящеть живаго брата моего, то поистиннѣ во первыхъ будетъ во насъ». Расчетлиие же отроци разсунушася по великому грозному побоищу, ищуще и побѣдителя. Овыи е наяхаша Михаила Андріевича Бренника, убитаго во приволоці великого князя и в шолому; иныи же наяхаша князя Феодора Семеновича Білоозерского, чающе вел(икого) князя, занеже приличенъ бѣше ему.

Два же воина уклонишася на десную страну дубровѣ, единъ именемъ Федоръ Саборъ, а другий Григорей Холопищевъ, родомъ косторомичю. Мало ж поѣхавъ с побоища и наехавъ великого князя, бита велми, отдыхающу ему под сінію березовою, *сеченою*. [Испр. по У. Е, Я сѣченаго.] И видѣвше его, спадше с коней и поклонишася ему. Саборъ же скоро возвратися повѣдати князю Володимеру. И рече: «Великий князь Дмитрий Ивановичъ царствуетъ во віки!». Все же князі и воеводы слышавше таковую радость, и скоро скочиша на конехъ своихъ и приидоша и падоша на ногу его и пролиаша слезы своя, и глаголаша: «Радуйся, нашъ древный Ярославъ, новый Александре, радуйся світило Руское земли и пастыру добрый заблуждшимъ овцамъ, //л. 310, об. побѣдителю врагомъ сымъ. Ея же побѣды тобѣ честь довлѣеть». Князь же великий едва рече: «Что есть, братие, поведайте ми». Рече же князь Володимерь: «По милости Божой и пречистой его Матери и

молитвами сород- никъ нашихъ святыхъ мученикъ Бориса и Гліба и молением рускаго святителя Петра[Е, Я на поле святой Петръ митрополит киевский преставися року 1325.] и пособника нашего вооружителя Сергия, тѣхъ всѣхъ враги наши побѣжденны святыхъ молитвами, мы же спасохомся».

Князь же великий, слышавъ та словеса, и рече: «Сей день, его же сотвори Господь, возрадуемся и возвеселимся, во н». И паки рече: «Сей день Господень радуйтесь, людие! Велий еси, Господи, и чудна діла твоя: вечеръ водворится плачь и заутра радость!». И паки рече: «*Хвалю*[Испр. по У. Е хваю.] тя, Господи Боже мой, и почитаю имя твое святое». И паки: «Иже не далъ еси иному языку похвалитися, иже на мя умножишася. Но суди, Господи, по неправдѣ их. Аз же во віки уповаю на тя!». И приведоша ему конь, и всѣдъ, и ехавъ на побоище, и видѣвъ войско многихъ побито, а четверицею убито много поганыхъ. Обратися князь великий к Волынцю и рече: «Воистинну, Димитрий, не ложна естъ примета твоя, подобаеъ бо ти всегда воеводою быти».

И нача князь великий и з братомъ своимъ княземъ Володимеромъ и со старшими князи ездити по великому грозному побоищу, сердцемъ крычаще и слезами мысяся. Наехалъ мѣсто, где лежать осмъ князей бѣлоозерскихъ вкупѣ побиты суть; толми бо напрасно бишася, яко единъ единаго ради умирает. Ту жъ и близъ лежитъ Микуль Василиевичъ. Над ними же стоялъ многодаровитый государь и князь великий, //л. 311 над любезными рабы, и нача плакаться и глаголати: «Братия моя и князи, сынове рустии, аще имате дерзновение у Господа, помолитесь о нас, вѣмъ бо азъ, яко послушаетъ васъ Богъ, да паки о насъ молитесь да въкупѣ с вами будемъ».

Прииде на иное мѣсто и наеха своего наперстника Михаила Андреевича Бренника, близъ его твердый стражъ Семень Меликъ. Близъ же и Тимофей Валувевичъ убиенъ бысть. Над ними же ставъ князь великий, и рече: «Братия моя возлюбленная, моего ради образа убиенны бисте. Кто бо таковой рабъ можетъ господину служити, яко мене ради самого мысленно на смерть поехавъ? Истинному[Я истинно.] древнему[На этом оканчивается список Я.] явился подобенъ, иже бѣ от полку Дария Перскаго, и он тако творить». Лежашу ту Мелику, и рече князь великий: «О крепкий мой сторожу, и твердо пасомы есмы от тебе». Прииде же на ино мѣсто, видѣвъ Пересвѣта чернца и близъ его нарочита богатыря Григория Капустина. И обратився князь великий и рече: «Видите, братие, своего починальника Пересвѣта, той бо победы подобна себѣ, наеде печенѣга, от него же было пити всемъ горкую чашу».

И ставъ на мѣстѣ, повелѣ трубите со избранною трубою. Храбрый же богатыре со всѣхъ странъ приехала на трубный гласъ и на всѣхъ испытovati довольно всѣхъ оружии от поганыхъ татаръ. Грядуще же и весело ликующе и поюще пѣсни, ово богородичнѣ, ово мученичнѣ и побѣдныи. Собранному же всему воинству, князь же великий на мѣстѣ ставъ посредѣ ихъ, начать плакати и радоватися. Глаголюще: «Князи и сынове рустии, бояре мѣст //л. 311, об. ныи, и воеводы силныи и сынове всея земли Руския! Вамъ подобаетъ тако жъ служити, а мнѣ подобаеъ тако радоватися. Внегда посетитъ мя Господь, а буду на своемъ столѣ, на великомъ княжении, и тогда имамъ васъ даровати. А нынѣ сия управимъ, каждо ближняго своего похороните, да не будутъ во снѣдъ звѣремъ телеса христианская».

Князь же великий стоя за Дономъ осмъ дний, дондеже разобра телеса христианская с нечестивыми. Христиан же похорониша скоро, колко успѣша, нечестивый же повержены зверем на снѣдение.[Над словом надписано расхищении.]

Говоритъ князь великий Димитрий Ивановичъ: «Братия, князь руския, воеводы мѣстныя, считайтесь, братия, коликихъ воеводъ нету, колико молодыхъ нѣтъ?». Говоритъ Григорий Александровичу московский бояринъ: «Ну ж, гос- подинъ князь великий Димитрий Ивановичъ, нету у насъ бояриновъ московскихъ болшихъ 40, а 12 князей бѣлоозерскихъ, а 13 бояриновъ посадниковъ новгородскихъ, а четырдесяти бояриновъ *серпуховскихъ*,[Испр. по У. Е серповскихъ.] а 20 бояриновъ переяславскихъ, а 25 бояриновъ костромскихъ, а 35 бояриновъ володимерскихъ, а осмъ бояриновъ суждалскихъ, а чтырдесять бояриновъ муромскихъ, а 30 бояриновъ ростовскихъ, а 25 бояриновъ

димитровских, а 60 бояриновъ звинородскихъ, а 15 бояринов углецких. А згнуло у нас дружины полтретяста тысячъ. И помилова Богъ землю Рускую, осталось всеѣ дружины 40 тысячей и пять».

Рече же великий князь Димитрий Ивановичъ: «Братия, князи русти, воеводы местный, //л. 312 молодые люди избиты всѣ. Вамъ, братие, сужено между Дономъ и Днѣпромъ, на полѣ Куликовъ, [Испр. по У. Е Кулиновѣ.] на рѣцѣ на Неправдѣ. Положили есте головы своя за землю Рускую, за святые церкви. Простоте мя и благословите в семь вѣцѣ и в будущемъ». Сие же оставимъ, на преднее возыидѣмъ.

Поганому же царю Мамаю отселѣ избежавшу до моря, до мѣста, идеже град Кафа созданъ бысть. Утаивъ свое имя, и Познанъ бысть нѣким купцемъ, и ту убить бысть от фрагъ, испроверже злѣ живот свой. Сия же оставимъ zde.

Слышав же се Олгердъ Литовский, яко князь великий Димитрий Ивановичъ победи и одолѣ безбожного Мамая, возвратися воспать со студомъ своимъ. Безбожный же не токмо Москвы не получив, но и своих лишенъ еллинъ. Олгъ Резанский такоже злѣ животъ скончавъ. Ровъ изры ископай и впадеса въ яму, юже сотвори, обратися болѣзнь его на главу его, и на верхъ его неправда его снииждетъ.

IV. РЕКОНСТРУКЦИЯ ТЕКСТА СЛОВА О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ

Введение

Слово о полку Игореве, как мы уже писали, издано было, учитывая уровень развития археографии конца XVIII в., превосходно. Это подтверждается и известием о том, что было три корректуры, которые последовательно держал каждый из трех издателей. Малейшие ошибки исправлялись (даже изымались сверстанные листы). О высоком качестве издания свидетельствовал Н. М. Карамзин, сличавший его с рукописью. Наконец, анализ разночтений в Екатерининской копии также, как правило, не позволяет отдавать им предпочтение перед печатным изданием. Если в издании и были дефекты, то они связаны с неудачной разбивкой текста на слова, неверной транскрипцией слов с выносными буквами и, наконец, с расстановкой ъ и ь в духе орфографии конца XVIII в. Однако значительное число ошибок было допущено переписчиком, списывавшим скорописный экземпляр Слова под полуустав XV в. В нижеследующей реконструкции исправляются дефекты и самого издания, и переписчика конца XVIII в. Не исправляются погрешности, допущенные автором Слова (главным образом грамматические и стилистические).

Все это позволяет максимально наглядно представить себе первоначальный текст памятника. Единственное исключение делается для вставок А. И. Мусина-Пушкина. Они сохраняются, ибо в позднейшей судьбе Слове тесно слились с основным текстом. В настоящее время трудно также снять орфографические изменения, внесенные А. И. Мусиным-Пушкиным в первоначальный текст памятника. В сносках обозначаем: М-П — издание 1800 г., Е — Екатерининский список, К — выписки у Н. М. Карамзина.

Основы реконструкции изложены в тексте исследования (особенно в главах II, V, VII).

Слово о плъку Игоревѣ, Игоря, сына Святъславля, внука Ольгова (реконструкция)

Не лѣпо ли ны бяшетъ, братие, начати старыми словесы трудныхъ повѣстий о плъку Игоревѣ, Игоря Святъславлича! Начати же ся тѣмъ пѣснѣмъ по былинамъ сего времени, а не по замышлению Бояню. Боянъ бо вѣщий, аще кому хотяше пѣснь творити, то растѣкашется мыслию по древу, сѣрымъ вълкомъ по земли, шизымъ орломъ подъ облакы. Помняшетъ бо, *речь* [Испр. М-П речь. Е рѣчь.] пѣрвыхъ временъ усобицѣ. Тогда пуцашетъ 10 соколовъ на стадо лебедѣй, *которой* [Испр. М-П, Е который.] дотечаше, та преди пѣсь пояше старому Ярославу, храброму Мстиславу, иже зарѣза Редедю предъ плъкы касожскими, красному Романови Святъславличю. Боянъ же, братие, не 10 соколовъ на стадо лебедѣй пуцаше, нъ своя вѣщия прѣсты на живая струны вѣска- даше; они же сами княземъ славу рокотаху.

Почнемъ же, братие, повѣсть сию отъ стараго Владимира до нынѣшняго Игоря, иже истягну умъ крѣпостию своею и поостри сердца своего мужествомъ, наплънився ратнаго духа, наведе своя храбрыя плѣкы на землю Половѣцкую за землю Русскую.

Тогда Игорь възрѣ на свѣтлое солнце и видѣ отъ него тьмою вся своя воя прикрыты. И рече Игорь къ дружинѣ своей: «Братие и дружино! Луце жъ бы потяту быти, неже полонену быти. А всядемъ, братие, на свои брѣзья комони, да позримъ синего Дону». Спала князю умъ похоти, и жалость ему знамение заступи, искусити Дону великаго. «Хощу бо, — рече, — копие приломити конецъ поля Половецкаго съ вами, русици. Хощу главу свою приложити, а любо испити шеломомъ Дону».

О Бояне, соловию стараго времени! Абы ты сиа плѣкы ущекоталъ, скача, славлю, по мыслену древу, летая умомъ подъ облакы, *спивая*[Испр. М-П, Е свивая.] славы обаполы сего времени, рища въ тропу Трояню чресъ поля на горы. Шти было пѣсь Игореву, того (Олга) внуку: «Не буря соколы занесе чресъ поля широкая, — галици стады бѣжать къ Дону великому». Чили въспѣти было, вѣщей Бояне, Велесовъ внуче: «Комони ржутъ за Сулою, — звенить слава въ Киевѣ. Трубы трубятъ въ Новѣградѣ, — стоятъ стязи въ Путивлѣ!». Игорь ждетъ мила брата Всеволода. И рече ему буй туръ Всеволодъ: «Одинъ братъ, одинъ свѣтъ светлый — ты, Игорю, оба есѣ Святъславличя! Сѣдлай, брате, свои брѣзьи комони, а мои ти готови, осѣдлани у Курьска напереди. А мои ти куряни свѣдоми кѣмети, подъ трубами повити, подъ шелома възлелѣяны, конецъ копия въскрѣмлени, пути имъ вѣдоми, яругы имъ знаеми, луци у нихъ напряжени, тули отворени, сабли изыострени, сами скачють, аky сѣрыи влѣци въ полѣ, ищучи себе чти, а князю *славы*».[Испр. М-П, Е славѣ.]

Тогда вѣступи Игорь князь въ златъ стремянь и поѣха по чистому полю. Солнце ему тьмою путь заступаше. Ночь стонуци ему грозою. Птичь убуди. Свистъ звѣринъ вѣста *близ*. [Испр. М-П зби. Е текста свистъ... зби нет.] Дивъ кличетъ врѣху древа, велить послушати земли незнаемѣ, Влѣзѣ, и Поморию, и Посулию, и Сурожу, и Корсуню, и тебѣ, Тьмутараканьскый[Е Тьмутараканский.] блѣванъ.

А половци неготовами дорогами побѣгоша къ Дону великому. Крычатъ тѣлѣгы полунощы, рци лебеди *ропужени*. [Испр. М-П, Е ропущени.] Игорь къ Дону вой ведетъ. Уже бо бѣды его ⁸*пасутъ* птицъ *под облакы*⁸. [8–8 Испр. М-П, Е пасетъ птицъ подобию.] Влѣци грозу въсрожать по яругамъ. Орли клетомъ на кости звѣри зовуть. Лисици брешуть на чрѣленыя щиты. О Руская земле! Уже за шеломянемъ еси!

Длъго ночь мркнетъ. Заря свѣтъ запала. Мъгла поля покрыла. Щекотъ славий успе. Говоръ галичь убуди. Русичи великая поля чрѣлеными щиты прегородиша, ищучи себѣ чти, а князю славы.

Съ зарания въ пяткъ потопташа поганая плѣкы половецкыя и, рассушыся стрелами по полю, помчаша красныя дѣвки половецкыя, а съ ними злато, и паволокы, и драгыя оксамиты. Орьтѣмами, и япончицами, и кожухы начаша мосты мостити по болотомъ и грязивымъ мѣстомъ, и всякими узорочьи половѣцкыми. Чрѣлень стягъ, бѣла хорюговъ, чрѣлена чолка, сребрено стружие храброму Святъславличю! Дремлетъ въ полѣ Ольгово хороброе гнѣздо, далече залетало. Не было ⁹*не в обидѣ*⁹[9–9 Испр. М-П нѣ обидѣ.] порождено, ни соколу, ни кречету, ни тебѣ,

чръный воронъ, поганый половчине! Гзакъ бѣжитъ сѣрымъ влъкомъ, Кончакъ ему слѣдъ править къ Дону великому.

Другаго дни велми рано кровавыя зори свѣтъ повѣдаютъ. Чръныя *тучи*[Испр. М-П тучя. Е туча.] съ моря идуть, хотятъ прикрыти 4 солнца, а въ нихъ трепещуть синии мльнии. Быти грому великому, итти дождю стрелами съ Дону великаго! Ту ся копиемъ прила- мати, ту ся саблямъ потручяти о шелома половецкыя, на рѣцѣ на Каялѣ, у Дону великаго. О, Руская землѣ! Уже *за*[Испр. М-П, Е не.] шеломянемъ еси!

Се вѣтри, Стрибожи внуци, вѣють съ моря стрелами на храбрыя плѣкы Игоревы! Земля тутнетъ. Рѣкы мутно текутъ. Пороси поля прикрываютъ. Стязи глаголютъ: половци

идуть отъ Дона, и отъ моря, и отъ всѣхъ странъ. Рускыя плѣкы отступиша. Дѣти бѣсови кликомъ поля прегородиша, а храбрии русици преградиша чрълеными щиты.

Ярь туре Всеволодѣ! Стоиши на борони, прыщещи на вой стрелами, гремещи о шеломы мечи харалужными! Камо, туръ, поскочяше, своимъ златымъ шеломомъ посвечивая, тамо лежать поганыя головы половецкыя, поскепаны саблями калеными шеломы оварьскыя отъ тебе, ярь туре Всеволоде! Кая раны дорога *брата*, [Испр. М-П, Е братие.] забывъ чти и живота, и града Чрънигова, отня злата стола, и своя милыя хоти красныя Глебовны свычая и обычая?

Были вѣчи [К сѣчи.] Трояни, минула лѣта Ярославля. Были плѣци Олговы, Ольга Святъславлича. Тѣмъ бо Олегъ мечемъ крамолу коваше и стрѣлы по земли сѣяше, ступаетъ въ златъ стремя въ градъ Тьмутороканѣ. *Тотъ* [Испр. М-П, Е то.] же звонъ слыша давний великій Ярославль [Испр. М-П, Е Ярославъ.] сынъ *Всеволодъ*, [Испр. М-П Всеволожъ. Е Всеволожъ.] а Владимиръ по вся утра уши закладше въ Черниговѣ. Бориса же Вячеславлича слава на судъ приведе, и на Канину зелену паполому постла за обиду Олгову, храбра и млада князя.

Съ тоя же Каялы Святоплѣкъ *полелѣя* [Испр. М-П, Е повелѣя.] отца своего между угорьскими иноходцы ко святѣй Софії къ Киеву. Тогда при Олзѣ Гориславлича сѣяшется и растяшеть усобицами, погибашеть жизнь Дажьбожа внука. Въ княжихъ крамолахъ вѣци челоукомъ скратишася.

Тогда по Руской земли рѣтко ратаевѣ кикахуть, нѣ часто врани граххуть, трупиа себѣ дѣлаче, а галици свою рѣчь говоряхуть, хотять полетѣти на уедие.

То было въ ты рати и въ ты плѣкы, а сицей рати не слышано! Съ зараниа до вечера, съ вечера до свѣта летять стрѣлы каленыя, гримлють сабли о шеломы, трещать копиа харалужныя въ полѣ незнаемѣ среди земли Половецкыи. Чръна земля подъ копыты, костыми была посеяна, а кровию поляна, тугою въздоша по Руской земли.

Что ми шумить, что ми звенить давеча рано предъ зорями? Игорь плѣкы заворочаетъ, жаль бо ему мила брата Всеволода. Бишася день, бишася другый. Третьяго дни къ полуднию падоша стязи Игоревы. Ту ся брата разлучиста на брезѣ быстрой Каялы. Ту кроваваго вина не доста. Ту пиръ докончаша храбрии русичи: сваты попоиша, а сами полегаша за землю Рускую. Ничить трава жалощами, а древо с тугою къ земли преклонилося

Уже бо, братие, невеселая година вѣстала, уже *пустыня* [Испр. М-П, Е пустыни.] силу прикрыла. Вѣстала обида въ силахъ Дажьбожа внука, *вступила* [Испр. М-П, Е вступилъ.] дѣвою на землю Трояню, възплескала лебедиными крылы, на синѣмъ море у Дону плещучи. Убуди жирня времена. Усобица княземъ на поганыя погыбе. Рекоста бо брать брату: «Се мое, а то мое же». И начяша князи про малое «се великое» мльвити, а сами на себѣ крамолу ковати. А погании съ всѣхъ странъ приходяху съ победами на землю Рускую. О! Далече зайде соколъ, птицъ бѣа къ морю. А Игорева храбраго плѣку не крѣсити. За нимъ кликну Карна и Жля, поскочи по Руской земли, смагу *мѣчючи* [Испр. М-П, Е мычючи.] въ пламянѣ розѣ. Жены рускыя възплакашася, а ркучи: «Уже намъ своихъ милыхъ ладъ ни мыслию смыслити, ни думою сдумати, ни очима съглядати, а злата и сребра ни мало того потрепати». А вѣстона бо, братие, Киевъ тугою, а Черниговъ напастьми. Тоска разлилася по Руской земли. Печаль жирна тече средъ земли Рускый. А князи сами на себе крамолу коваху. А погании сами победами нарищуще на Рускую землю, емляху дань по бѣлѣ отъ двора.

Тии бо два храбрая Святъславлича, Игорь и Всеволодъ, уже лжу убуди *которою*, [Испр. М-П, Е которую.] то бѣше успилъ отецъ ихъ Святъславъ грозный великій Киевскый. Грозою бѣшетъ *притрепаль* [Испр. М-П, Е притрепеталь.] своими сильными плѣкы и харалужными мечи наступи на землю Половецкую, притопта хлѣми и яругы, взмути рѣки и озера, иссуши потоки и болота, а поганого Кобяка изъ Лукуморя отъ желѣзныхъ великихъ плѣковъ половецкихъ, яко вихрь, выторже. И падеса Кобякъ въ градъ Киевѣ, въ гридницѣ Святъславли. Ту нѣмци и венедици, ту греци и морава поють славу

Святъславлю, кають князя Игоря, иже погрузи жиръ во днѣ Каялы рѣкы половецкия, рускаго злата насыпаша. Ту Игорь князь высѣдѣ изъ сѣдла злата, а въ сѣдло кошичево. Уныша бо градомъ забралы, а веселие пониче.

А Святъславъ мутенъ сонъ видѣ въ Киевѣ на горахъ. «Синочь съ вечера одѣвахъте мя, — рече, — чръною паполомою, на кровати тисовѣ. Чръпахуть ми синее вино съ трудомъ смешено, сыпахуть ми тѣщими тулы поганыхъ тльковинъ великий женчюгъ на лоно, и нѣгують мя. Уже дѣски безъ кнѣса в моемъ теремѣ златовръѣмъ. Всю ночь съ вечера босуви врани възгряху, у Плѣсньска на бо- лони бѣша ²³*дебрьски сани*²³[23–23 Испр. М-П, Е дебрь Кисаню.] и *несошася*[Испр. М-П не сошлю.] къ синему морю».

И ркоша бояре князю: «Уже, княже, туга умъ полонила. Се бо два сокола слѣтѣста съ отня стола злата поискати града Тьмутороканя, а любо испити ше- ломомъ Дону. Уже соколома крильца припѣшали поганыхъ саблями, а самаю *опуташа*[Так Е. М-П опустоша.] въ путины железны. Темно бо бѣ въ 3 день: два солнца помѣркоста, оба багряная стлѣпа погасоста и съ *ними*[Испр. М-П, Е нимъ.] молодая месяца, Олегъ и Святъславъ, тмою ся поволокоста. На рѣцѣ на Каялѣ тма свѣтъ покрыла. По Руской земли прострошася половци, аки пардуже гнѣздо, и въ морѣ погрузиста, и великое буйство подасть Хинови. Уже снесеса хула на хвалу. Уже тресну нужда на волю. Уже врѣжеса дивъ на землю. Се бо готския красныя дѣвы въспѣша на брезѣ синему морю, звоня рускимъ златомъ, поють время бусово, лелѣють месть Ша- роканю. А мы уже, дружина, жадни веселия».

Тогда великий Святславъ изрони злато слово слезами смѣшено, и рече: «О моя сыновчя, Игорю и Всеволодѣ! Рано еста начала Половецкую землю мечи цвѣлити, а себѣ славы искати. Нѣ нечестно одолѣсте, нечестно бо кровь поганую пролиясте. Ваю храбрая сердца въ жестоцемъ харалузѣ скована, а въ буести закалена. Се ли створисте моей сребреней сѣдинѣ? А уже не вижду власти сильного, и богатаго и *многовая*[Испр. М-П, Е многовои.] брата моего Ярослава съ черниговскими былями, съ могуты, и съ татраны, и съ шельбиры, и съ топчаки, и съ ревугы, и съ ольберы. Ти бо бес щитовъ съ засапожники кликомъ плѣкы побѣждають, звонячи въ прадѣдную славу. Нѣ рекосте: „*Мужаимыся*[Испр. М-П, Е мужаимѣся.] сами, преднюю славу сами похитимъ, а заднюю ся сами подѣлимъ!“²⁴. А чи диво ся, братие, стару помолодити? Коли соколъ въ мытехъ бываетъ, высоко птицъ възбиваетъ, не дасть гнѣзда своего въ обиду. Нѣ се зло — княже ми непособие: наниче ся години обратиша. Се у *Римѣ*[Испр. М-П уримъ. Е Урим, причем м выносная.] кричатъ подѣ саблями по- ловецкими, а Володимиръ подѣ ранами. Туга и тоска сыну Глѣбову».

Великий княже Всеволоде! Не мыслию ти прелетѣти издалеча, отня злата стола поблости? Ты бо можеша Волгу веслы раскропити, а Донъ шеломы вы-

льяти. Аже бы ты былъ, то была бы чага по ногатѣ, а кощей по резанѣ. Ты бо можеша посуху живыми шерешеры стрѣляти, удалыми сыны Глѣбовы.

Ты, буй Рюриче и Давыде! Не ваю ли злачеными шеломы по крови плаваша? Не ваю ли храбрая дружина рыкають, акы тури, ранены саблями калеными на полѣ незнаемѣ? Вступита, господина, въ злата стремянь за обиду сего времени, за землю Русскую, за раны Игоревы, буюго Святславлича!

Галичкы Осмомыслѣ Ярославе! Высоко сѣдиши на своемъ златокованнѣмъ столѣ, подперъ горы Угорскыи своими железными плѣки, заступивъ королеви путь, затворивъ Дунаю ворота, меча времени[К бремени.] чрезъ облаки, суды ряда до Дуная. Грозы твоя по землямъ текутъ, *отворявши*[Так К, Е. М-П отворяеши.] Киеву врата, стрѣляеши съ отня злата стола *салтаня*[Испр. М-П салтани. Е салтътани.] за землями. Стрѣлай, господине, Кончака, поганого кощей, за землю Рускую, за раны Игоревы, буюго Святславлича!

А ты, буй Романе и Мстиславе! Храбрая мысль носить васъ умъ на дѣло. Высоко плаваеши на дѣло въ буести, яко соколъ на вѣтрехъ ширяся, хотя птицю въ буйствѣ одолѣти. Суть бо у ваю желѣзныи *прапорзи*[Испр. М-П, Е папорзи.] подѣ шеломы

латинскими. Тѣми тресну земля, и многи[Е многы.] страны — Хинова, Литва, Ятвязи, Деремела и Половци сулицы своя повръгоща, а главы своя *подклониша*[Испр. М-П, Е поклониша.] подъ тьи мечи харалужный. Нѣ уже, княже Игорю, утрпѣ солнцю свѣтъ, а древо не бологомъ листови срони: по Рсии, по Сули гради подѣлиша. А Игорева храбраго плѣку не крѣсити. Донѣ ти, княже, кличетъ и зоветъ князи на победу. Олговичи, храбрый князи, dospѣли на брань.

Инъгварь и Всеволодъ и вси три Мстиславичи, не худа гнѣзда шестокрилци! Не побѣдными жребии собѣ власти расхытите? Кое ваши златыи шеломы и сулицы ляцкии и щиты? Загородите полю ворота своими острыми стрелами за землю Русскую, за раны Игоревы, буюго Святъславлича!

Уже бо Сула не течетъ сребренными струями къ граду Переяславлю, и Двина болотомъ течетъ онымъ грознымъ полочаномъ подъ кликомъ поганыхъ. Единъ же Изяславъ сынъ Васильковъ позвони своими острыми мечи о шеломы литовския, притрепа славу дѣду своему Всеславу, а самъ подъ чрълеными щиты на кровавѣ травѣ, притрепанъ литовскими мечи, и с хотию на *кроваты*,[Испр. М-П, Е кровать и.] рекъ: «Дружину твою, княже, птицъ крылы приодѣ, а звѣри кровь полизаша».

Не бысь ту брата Брячеслава, ни другаго Всеволода: единъ же изрони жемчюжну душу изъ храбра тѣла чресъ злато ожереліе. Унылы голося. Пониче веселіе. Трубы трубятъ городеньскіи. *Ярослави*[Испр. М-П, Е Ярославѣ.] и вси внуце Всеслави уже *понизать*[Испр. М-П, Е понизить.] стязи свои, *вонзять*[Испр. М-П, Е вонзить.] свои мечи верезени. Уже бо выскочисте изъ дѣдней *славы*. [Испр. М-П, Е славѣ.] Вы бо своими крамолами начясте наводити поганя на землю Рускую, на жизнь Всеславлю. *Которою*[Испр. М-П, Е которое.] бо бѣше насилие отъ земли Половецкыи!

На седьмомъ вѣцѣ Трояни[К Зояни.] врѣже Всеславъ жребий о дѣвицю себѣ любу. Тѣй клюками подпрѣся, *оконися*[Испр. М-П, Е о кони.] и скочи къ граду Киеву, и дотчеся стружиемъ злата стола Киевскаго. Скочи отъ нихъ лютымъ звѣремъ въ плѣночи, изъ Бѣлаграда, обѣсися синѣ мыгль. ⁴⁴*Утрѣ же вазни*⁴⁴[44—44 Испр. М-П утрѣ же возни. Е утрѣже вазни.] с три кусы, — *отвори*[Так Е. М-П отвори.] врата Новуграду, разшибе славу Ярославу, скочи влъкомъ до Немиги съ Дудутокъ.

На Немизѣ снопы стелютъ головами, молотятъ чеши харалужными, на тоцѣ животь кладутъ, вѣютъ душу отъ тѣла. Немизѣ кровави брезѣ не бологомъ бяхуть посѣяни, посѣяни костями русскихъ сыновъ. Всеславъ князь людемъ судяше, князь земь грады рядяше, а самъ въ ночь влъкомъ рыскаше; изъ Києва дорискаше до куръ Тматороканя, великому Хрѣсови влъкомъ путь прерыскаше. Тому въ По-лотскѣ позвониша заутреню рано у святыхъ Софеи въ колоколы: а онъ въ Киевѣ звонъ слыша. Аще и вѣща душа въ *дръзѣ*[Испр. М-П, Е друзѣ.] тѣлѣ, нѣ часто бѣды страдаше. Тому вѣщей Боянъ и прѣвое припѣвку, смысленый, рече: «Ни хытру, ни горазду, ни птицю горазду, суда Божия не минути».

О, стонати Руской земли, помянувшѣ прѣвую годину и прѣвыхъ князей! Того стараго Владимира нельзѣ бѣ пригвоздити къ горамъ киевскимъ.[Е киевскимъ.] Сего бо нынѣ сташа стязи Рюриковы, а друзии — Давидовы; нѣ розино ся имъ хоботы пашутъ. Копія поють на Дунай.

Ярославнынъ гласъ *слышится*, [Испр. М-П слышитъ. Е слышитъ.] зегзицею *незнаемъ*[Испр. М-П, Е незнаемъ.] рано кычетъ: «Полечю, — рече, — зегзицею по Дунаеву, омочю бебрянъ рукавъ въ Каялѣ рѣцѣ, утру князю кровавыя его раны на жестоцѣмъ его тѣлѣ».

Ярославна рано плачетъ въ Путивлѣ на забралѣ, а ркучи: «О вѣтрѣ ветрило! Чему, господине, насильно вѣеши? Чему *мѣчеши*[Испр. М-П, Е мычеши.] хиновскыя *стрелы*[Испр. М-П, Е стрѣлки.] на своєю нетрудною крилицю на моя лады вой? Мало ли ти бѣшетъ горъ подъ облакы вѣяти, лелѣючи корабли на синѣ морѣ? Чему, господине, мое веселіе по ковылию развѣя?».

Ярославна рано плачеть ⁵²въ Путивль⁵²[52–52 Испр. М-П, Е Путивлю городу.] на заборолѣ, а ркучи: «О Днепре Словутицю! Ты пробилъ еси каменные горы сквозѣ землю Половецкую. Ты лелѣялъ еси на себѣ Святослави носады до плѣку Кобыкова. Възлелѣй, господине, мою ладу къ мнѣ, абыхъ не слала къ нему слезъ на море рано».

Ярославна рано плачеть въ[Испр. М-П, Е къ.] Путивль на забралѣ, а ркучи: «Свѣтлое и тресвѣтлое слънце! Всѣмъ тепло и красно еси: чему, господине, простре горячую свою лучю на ладѣ вой? Въ полѣ безводнѣ жаждею имъ лучи съпряже, тугою имъ тули затче».

Прысну море полунощи. Идутъ сморци мѣглами. Игореву князю Богъ путь кажетъ изъ земли Половецкой на землю Рускую, къ отню злату столу. Погасоша вечеру зари. Игорь спить. Игорь бдитъ. Игорь мыслию поля мѣрить отъ великаго Дону до малаго Донца. Комонь въ полуночи. Овлуръ свисну за рѣкою, велить князю разумѣти. «Князю Игорю не быть!» — кликну. Стукну земля, вышумѣ трава. Вежи ся половецкии подвизашася. А Игорь князь поскочи горнастаемъ къ тростию и бѣлымъ гоголемъ на воду. Въврѣжеса на брѣзь комонь и скочи съ него босымъ вѣлкомъ. И потече къ луку Донца, и полетѣ соколомъ подѣ мѣглами, избивая гуси и лебеди завтроку, и обѣду и ужинѣ. Коли Игорь соколомъ полегѣ, тогда Влуръ вѣлкомъ потече, труся собою студеную росу: претръгоста бо своя брѣзая комоня.

Донецъ рече: «Княже Игорю! Не мало ти величия, а Кончаку нелюбия, а Руской земли веселиа». Игорь рече: «О Донче! Не мало ти величия, лелѣявшу князя на вѣлкахъ, стлавшу ему зелѣну траву на своихъ сребреныхъ брѣзѣхъ, одѣвавшу его теплыми мѣглами подѣ сѣнию зелену древу, стрѣжаще *его*[Испр. М-П, Е е.] гоголемъ на водѣ, чайцами на струяхъ, чрънядьми на ветрѣхъ». Не тако ли, рече, рѣка Стугна, худу струю имѣя, пожръши чужи ручьи и стругы, ростре на *кусы*[Испр. М-П, Е кусту.] уношу князю Ростиславу. «Затвори, Днѣпръ, темнѣ березѣ», — плачется мати *Ростиславля*[Так Е. М-П Ростиславя.] по уноши князи Ростиславѣ. Уныша цвѣты жалобою, и древо с тугою къ земли *приклонилось*. [Испр. М-П, приклонило. Е преклонило.]

А не сорокы втрескоташа, на слѣду Игоревѣ ѣздитъ Гзакъ съ Кончакомъ. Тогда врани не граахуть, галици помлѣкоша, сорокы не трескоташа, *полозие*[Испр. М-П, Е полозую.] ползоша только. Дятлове тектомъ путь къ рѣцѣ кажутъ, соловии веселыми пѣсьми свѣтъ повѣдаютъ. Млѣвить Гзакъ Кончакови: «Аже соколъ къ гнѣзду летитъ, соколича рострѣляевѣ своими злечеными стрѣлами». Рече Кончакъ ко Гзѣ: «Аже соколъ къ гнѣзду летитъ, а вѣ соколца опутаевѣ красною дивичею». И рече Гзакъ къ Кончакови: «Аще его опутаевѣ красною дѣвичею, ни нама будетъ соколца, ни нама красны девице, то почнутъ наю птици бити въ полѣ Половецкомъ».

Рекъ Боянъ *на*[Испр. М-П, Е и.] ходы на Святъславля пѣстворца стараго времени Ярославля Ольгова коганя хоти: «Тяжко ти головы, кромѣ плечю, зло ти тѣлу, кромѣ головы», — Руской земли безъ Игоря.

Солнце светится на небесѣ, Игорь князь въ Руской земли. Дѣвици поютъ на Дунай. Вьются голоси чрезъ море до Киева. Игорь ѣдетъ по Боричеву къ святей Богородици Пирогощей. Страны ради, гради весели, пѣвше пѣснь старымъ княземъ, а потомъ молодымъ. Пѣти слава Игорю *Святъславличу*, [Испр. М-П Святъславлича. Е Святъславличъ.] буй туру *Всеволоду*, [Испр. М-П Всеволодѣ. Е Всеволоде.] Владимиру Игоревичу. Здрави князи и дружина, побарая за христьяны на поганья плѣки. Княземъ слава а дружинѣ! Аминь.

V. СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ И ЕГО ИСТОЧНИКИ

Ниже дается попытка синтеза наблюдений автора над составом источников и отдельных мотивов, встречающихся в Слове о полку Игореве. Конечно, нужно учитывать известную условность всякого анализа источников большого художественного произведения, даже в том случае, когда в нем могут быть обнаружены несомненные черты стилизации. В Слове о полку Игореве мы встречаемся со столь причудливым и во многих

отношениях совершенным сплавом мотивов, имеющих различное происхождение, что их вычленение представляет большие трудности.

Несколько слов о приеме реконструкции источников Слова. Сплошной чертой выделены тексты, имеющие полное соответствие с Пространной редакцией Задонщины, пунктирной — тексты с приблизительным соответствием (с расхождением в грамматических формах и т. п.). Повторяющиеся образы Русской земли и Дона отмечаются только в тех случаях, когда их контекст прямо соответствует Задонщине. То же самое относится и к образу скачущего серого волка.

Тексты, имеющие полное соответствие с Ипатьевской и Кенигсбергской летописями, выделяются двумя чертами, а неполное — двумя прерывающимися чертами. В случаях, когда текст навеян Кенигсбергской летописью, делается дополнительная оговорка в примечании. Неоднократно упоминаемые в летописях личные имена (Игорь, Всеволод, Святослав и др.) и общеизвестные географические и племенные наименования (половцы, Путивль, Киев и др.), если они не имеют прямого текстологического соответствия со Словом, оставлены без особого выделения.

Мотивы, навеянные другими литературными памятниками, выделяются курсивом, с уточняющими указаниями в примечании. Наконец, вставки, сделанные А. И. Мусиным-Пушкиным, даются в квадратных скобках и выделяются разрядкой.

Текст Слова о полку Игореве дается по реконструкции, обоснованной в предшествующем Приложении.

СЛОВО О ПЛЪКУ ИГОРЕВЪ, ИГОРЯ, СЫНА СВЯТЪСЛАВЛЯ, ВНУКА ОЛЪГОВА

Не лѣпо ли ны бяшетъ, братие, начати старыми словесы трудныхъ повѣстий о плъку Игоревѣ, Игоря Святъславлича! Начати же ся тѣмъ пѣсни по былинам сего времени, а не по замыслению Бояню. Боянъ бо вѣщии, аще кому хотяше пѣснь творити, то растѣкашется мыслию по древу, сѣрымъ вълкомъ по земли, шизымъ орломъ подѣ облакъ. Помняшетъ бо, рѣчь, пѣрвыхъ временъ усобицѣ. Тогда пушашеть 10 соколовъ на стадо лебедей, которой дотечаше, та преди пѣсь пояше ¹старому Ярославу¹, [Возможно, мотив Сказания о Мамаевом побоище.] храброму ²Мстиславу, иже зарѣза Редю прѣд плъкы Касожьскими², [Мотив Кенигсбергской летописи, близкий к Ипатьевской.] красному Романови Святъславличю. Боянъ же, братие, не 10 соколовъ на стадо лебедѣй пушаше, нъ своя вѣщия прѣсты на живая струны вѣскадаше; они же сами княземъ славу рокотаху.

Почнемъ же, братие, повѣсть сию отъ стараго Владимира до нынѣшняго Игоря, иже истягну умъ крѣпостию своею, и поостри сердца своего мужествомъ. наплънився ратнаго духа, наведе своя храбрыя плъкы на землю Половѣцкую за землю Рускую.

Тогда Игорь ³възрѣ на свѣтлое солнце и видѣ отъ него тьмою вся своя воя прикрыты³. [Затмение перед походом дано в Кенигсбергской летописи. Изложено текстом Ипатьевской.] И рече Игорь къ дружинѣ своей: «Братие и дружино! Луце жъ бы потяту быти, неже полонену быти. А всядемъ, братие, на свои брѣзые комони, да позримъ синего Дону». Спала князю умъ похоти, и жалость ему знамение заступи, искусити Дону великаго. «Хощу бо, — рече, — копие приломити конецъ поля Половецкаго съ вами, русици. Хощу главу свою приложити, а любо испити шеломомъ Дону».

О Бояне, соловию стараго времени! Абы ты сиа плъкы у щекоталъ, скача, славию, по мыслену древу, летая умомъ подѣ облакъ, спивая славы обаполы сего времени, рища въ тропу Трояню чресъ поля на горы. Пѣти было пѣсь Игореву, ⁴того {{Олга}} внуку⁴. [Образ, навеянный Кенигсбергской летописью.] Не буря соколы занесе чресъ поля широкая, — галици стады бѣжать къ Дону великому. Чили вѣспѣти было, вѣщей Бояне, Велесовъ внуче. «Комони ржуть за Сулою, — звенить слава въ Киевѣ. Трубы трубятъ въ Новѣградѣ, — стоять стязи въ Путивлѣ!». Игорь ждетъ мила брата Всеволода. И рече ему буй туръ Всеволодъ: «Одинъ братъ, одинъ ⁵свѣтъ светлый⁵ [Мотив Девгениева деяния.] — ты, Игорю, оба есвѣ Святъславлича! Седлай, брате, свои брѣзые комони, а мои ти готови, оседлани у Курьска напереди. А мои ти куря ни сводом и кѣмети⁵, подѣ трубами повити,

подъ шеломы възлелѣяны, конецъ копия въскрѣмлени, пути имъ вѣдоми, яругы имъ знаеми, ⁶луци у нихъ напряжени⁶, [Мотив, сходный с библейским и Ипатьевской летописью.] тули отворени, ⁶сабли изьострени⁶, [Мотив, сходный с библейским и Ипатьевской летописью.] сами скачють, акы сѣрьи вльци въ полѣ, ищучи себе чти, а князю славы».

Тогда вѣступи Игорь князь въ златъ стремянь, и поѣха по чистому полю. Солнце ему тьмою путь заступаше. ⁸Нощъ стонуци ему грозою⁸. [Мотив Сказания о Мамаевом побоище.] Птичь убуди. Свистъ звѣринъ вѣста близ. Дивъ кличетъ врѣху древа, велить послушати земли незнаемѣ, Вльзѣ и Поморию [Мотив, навеянный «Историей» В. Н. Татищева.] и Посулию, и Сурожу, [Мотив Сказания о Мамаевом побоище.] и Корсуню, {и тебѣ, Тьмутораканьскый блъванъ}.

А половци неготовами дорогами побегоша къ Дону великому. ⁸Крычатъ тѣлѣгы⁸ [Мотив Сказания о Мамаевом побоище.] полунощы, рци лебеди распужени. Игорь къ Дону вой ведеть. Уже бо бѣды его пасуть птицъ под облакы. Вльци грозу въсрожатъ по яругамъ. Орли клетомъ на кости звѣри зовуть. ⁹Лисици брешуть на чрьленныя *щиты*⁹. [9–9 Мотив Сказания о Мамаевом побоище, близкий к Задонщине.] О Руская земле! Уже за шеломянемъ еси!

Длѣго ⁸ночь *мркнетъ. Заря*⁸ [8–8 Мотив Сказания о Мамаевом побоище, близкий к Задонщине.] свѣтъ запала. Мѣгла поля покрыла. Щекоть славий успе. Говоръ галичь убуди. Русичи великая поля чрьленными щиты прегородиша ищучи себѣ чти, а князю славы.

Съ зарания въ пяткъ потопташа поганыя плѣкы половецкыя и, рассушясь стрелами по полю, помчаша красныя дѣвки половецкыя, а съ ними злато, и паволокы, и драгыя оксамиты. Орьтѣмами, и япончицами, и кожухы начаша мосты мостити по болотомъ И грязивымъ мѣстом, и всякими узорочьи половецкыми. Чрьленъ стягъ, бѣла хорюговъ, чрьлена чолка, сребрено стружие храброму Святѣславличю! Дремлетъ въ полѣ Ольгово хороброе гнездо, далече залетало. Не было нѣ в обидѣ порождено ни соколу, ни кречету, ни тебѣ, чрьный воронъ, поганый половецкыи! Гзакъ бѣжитъ сѣрымъ влькомъ, Кончакъ ему слѣдъ править къ Дону великому.

Другого дни велми рано кровавыя зори свѣтъ повѣдаютъ; чрьныя тучи съ моря идуть, хотятъ прикрыти 4 солнца, а въ нихъ трепещуть синии мльнии. Быти грому великому, итти дождю стрелами съ Дону великаго! Ту ся копиемъ приламатъ, ту ся саблямъ потручатъ о шеломы половецкыя, на рѣцѣ на Каялѣ, у Дону великаго. О Руская землѣ! Уже за шеломянемъ еси!

Се вѣтри, Стрибожи внуци, вѣють съ моря стрелами на храбрыя плѣкы Игоревы! ¹⁰*Земля тутнетъ, рѣкы мутно текутъ*¹⁰, [10–10 Мотив Сказания, близкий к Задонщине.] пороси поля прикрывають. Стязи глаголють: половци идуть отъ Дона, и отъ моря, и отъ всѣхъ странъ рускыя плѣкы отступиша. Дѣти бѣсови кликомъ поля прегородиша, а храбрии русици преградиша чрьленными щиты.

Ярь туре Всеволоды Стоиши на борони, прыщещи на вой стрелами, гремлеши о шеломы мечи харалужными! Камо, туръ, поскачаше, своимъ златымъ шеломомъ посвечивая, тамо лежать поганыя головы половецкыя, поскепаны саблями калеными ¹¹шеломы *оварьскыя*¹¹ [11–11 Мотив Задонщины, осмысленный по В. Н. Татищеву.] отъ тебе, ярь туре Всеволодѣ! Кая раны дорога брата, забывъ чти и живота, и града Чрьнигова, отня злата стола, и своя милья хоти красныя Глебовны свычая и обычая?

Были вѣчи Трояни, минула лѣта Ярославля. Были плѣци Олговы, Ольга Святѣславличя. Тѣй бо Олегъ мечемъ крамолу коваше и стрѣлы по земли сѣяше. Ступаетъ въ златъ стремянь въ градѣ Тьмутороканѣ. Тот же звонъ слыша давный великий Ярославль сынъ Всеволодъ, а Владимиръ по вся утра ¹²*уши закладаше*¹² [12–12 Возможно, мотив из «Одиссеи».] въ Черниговѣ. Бориса же Вячеславличя слава на судъ приведе и на Канину [Мотив Кенигсбергской летописи.] зелену паполому постла за обиду Олгову храбра и млада князя.

{Съ тоя же Каялы Святоплѣкъ полелѣя отца своего между угорьскими иноходьцы ко святѣй Софии къ Киеву. Тогда при Олзѣ Гориславличи сѣяшется и растяшеть усобицами, погибашеть жизнь Дажьбожа внука. Въ княжихъ крамолахъ вѣщи чловѣкомъ скратишась.}

Тогда по Руской земли рѣтко ратаевѣ кикахуть, нѣ часто врани граяхуть, трупиа себѣ дѣляче, а галици свою рѣчь говоряхуть, хотятъ полегѣти на уедие.

То было въ ты рати и въ ты плѣкы, а сицей рати ¹³не слышано! Съ зараниа до вечера, съ вечера до свѣта летятъ стрѣлы каленыя, гримлютъ *сабли*¹³[Мотив Кенигсбергской летописи.] о шеломы ¹⁴*трещать* копиа харалужныя¹⁴[14–14 Мотив Сказания о Мамаевом побоище, близкий к Задонщине.] въ полѣ незнаемѣ среди земли Половецкыи. Чръна земля подѣ копыты, костью была посеяна, а кровию поляна; тугою взыдоша по Руской земли.

Что ми шумить, что ми звенить давеча рано предѣ зорями? Игорь плѣкы заворочаетъ, жаль бо ему мила брата Всеволода. Бишася день, бишася другой. Третьяго дни къ полуднию падоша стязи Игоревы. Ту ся брата разлучиста на брезѣ быстрой Каялы. Ту кроваваго вина не доста. Ту пирь докончаша храбрии Русичи: сваты попоиша, а сами полегоса за землю Рускую. ¹⁴*Ничитъ* трава *жалощами*¹⁴, [14–14 Мотив Сказания о Мамаевом побоище, близкий к Задонщине.] а древо с тугою къ земли преклонилося.

Уже бо, братие, невеселая година вѣстала, уже пустыня силу прикрыла. Вѣстала обида въ силахъ Дажьбожа внука. Вступила дѣвою на ¹⁵*землю Трояню*¹⁵, [15–15 Мотив, навеянный В. Н. Татищевым.] въсплескала лебедиными крылы на синѣмъ море, у Дону плещучи. Убуди жирня времена. Усобица княземъ на поганяя погыбе. Рекоста бо братъ брату: «Се мое, а то мое же». И начяша князи про малое «се великое» мльвити, а сами на себѣ крамолу ковати. А погании съ всѣхъ странъ приходяху съ победами на землю Рускую. О! Далече зайде соколъ, птицъ бѣя къ морю. А Игорева храбраго плѣку не крѣсити. За нимъ кликну Карна и Жля, поскочи по Руской земли, смагу мѣчючи въ пламянѣ розѣ. Жены руския въсплакашась, а ркучи: «Уже намъ своихъ милыхъ ладѣ ни мыслию смыслити, ни думою сдумати, ни очима сѣглядати, а злата и сребра ни мало того потрепати». А вѣстона бо, братие, Киевѣ тугою, а Черниговѣ напастыми. Тоска разлилася по Руской земли. Печаль жирна тече средѣ земли Руской. А князи сами на себе крамолу коваху. А погании сами победами нарищуце на Рускую землю, емляхуданѣ побѣлѣ отъ двора.

Тии бо два храбрая Святѣславлича, Игорь и Всеволодѣ, уже лжу убуди которою, то бѣше успилѣ отецъ ихъ Святѣславъ грозный великий Киевский. Грозою бѣшетъ притрепалѣ своими сильными плѣкы и харалужными мечи наступи на землю Половецкую, притопта хлѣми и яругы, взмути рѣки и озеры, ¹⁶*иссуши потоки*¹⁶[16–16 Библейский мотив.] и болота, а поганого Кобяка изъ Лукуморя отъ желѣзныхъ великихъ плѣковъ половецкихъ, яко вихрь, выторже. И падеся Кобякъ въ градѣ Киевѣ, въ гриднищѣ Святѣславли. Ту нѣмци и венедици, ту греци и морава поють славу Святѣславлю, кають князя Игоря, иже погрузи жирѣ во днѣ Каялы рѣкы половецкия, рускаго злата насыпаша. Ту Игорь князь высѣдѣ изъ сѣдла злата, а въ сѣдло кощиево. Уныша бо градомъ забралы, а веселие пониче.

А Святѣславъ мутенѣ ¹⁷*сонѣ* видѣ въ Киевѣ на горахъ. «Синочѣ съ вечера одѣвахѣте мя, — рече, — чръною паполомою, на кровати тисовѣ. Чръпахуть ми синее ¹⁶*вино съ трудомъ смѣшено*¹⁶, [16–16 Библейский мотив.] сыпахуть ми тыщими тулы поганыхъ тльковинѣ великий *женчюг*¹⁷[17–17 Мотив вѣщего сна с жемчугом близок к Снам Шахаиши.] на лоно, и нѣгуютъ мя. Уже дѣскы безѣ кнѣса в моемъ теремѣ златоврѣсѣмъ. В сю ночь съ вечера босувѣ врани възграху, у Плѣсньска на болони бѣша дебѣрьски сани и несошася къ синему морю».

И ркоша бояре князю: «Уже, княже, туга умѣ полонила. Се бо два сокола слѣтѣста съ отня стола злата поискати града Тьмутороканя, а любо испити шеломомъ Дону. Уже соколома крыльца припѣшали поганыхъ саблями, а самаю опуташа въ путины железны.

Темно бо бѣ въ 3 день: два солнца помѣркаста, оба багряная стѣпа погасоста и съ ними молодая мѣсяца, Олегъ и Святъславъ, тъмоу ся поволокаста. На рѣцѣ на Каялѣ тъма свѣтъ покрыла. По Руской земли прострошася половци, аки пардуже гнѣздо, и въ морѣ погрузиста, и великое буйство подасть Хинови. Уже снесся ¹⁸хула на хвалу¹⁸. [18–18 Текст, близкий к Сказанию о Мамаевом побоище и восходящий к Задонщине.] Уже тресну нужда на волю. Уже ¹⁸врѣжеса дивъ на землю¹⁸. [18–18 Текст, близкий к Сказанию о Мамаевом побоище и восходящий к Задонщине.] Се бо готския красныя дѣвы въспѣша на брезѣ синему морю; ¹⁹звоня рускымъ златомъ¹⁹, [19–19 Мотив Сказания о Мамаевом побоище, близкий к Задонщине.] поють время бусово, лелѣють мечь Шароканю. А мы уже, дружина, жадни веселия».

Тогда великий Святславъ ²⁰изрони злато слово²⁰ [20–20 Мотив, близкий к Повести об Акире Премудром.] слезами смѣшено, и рече: «О моя сыновчя, Игорю и Всеволоде! Рано еста начала Половецкую землю мечи ²¹цвѣлити, а себѣ славы искати²¹. [21–21 Мотив, близкий к Кенигсбергской летописи.] Нѣ нечестно одолѣсте, нечестно бо кровь поганую пролиясте. Ваю храбрая сердца въ жестоцемъ харалузѣ скована, а въ буести закалена. Се ли створисте моей сребреней сѣдинѣ? А уже не вижду власти силь-наго, и богатаго, и многовая брата моего Ярослава съ черниговскими былями, съ могуты, [Мотив Никоновской летописи.] и съ татраны, и съ шельбиры, и съ топчаки, и съ ревугы, и съ ольберы. Тии бо бес щитовъ съ засапожники кликомъ плѣкы побѣждають, звонячи въ прадѣдную славу. Нѣ рекосте: „Мужаймыся сами, преднюю славу сами похитимъ, а заднюю ся сами подѣлимъ!“ А чи диво ся, братие, стару помолодити? ²³Коли соколъ въ мытехъ бываетъ, высоко птицъ възбиваетъ, не дасть гнѣзда своего въ обиду²³. [Мотив Повести об Акире Премудром.] Нѣ се зло — княже ми непособие [Мотив Повести об Акире Премудром.]: на ниче ся години обратиша. Се у Римѣ кричатъ подѣ саблями половецкыми, а Володи миръ подѣ ранами. Туга и тоска сыну Глебову».

²⁴Великий княже Всеволоде! Не мыслию ти прелетѣти издамече, отня злата стола поблюсти? Ты бо можеша Волгу²⁴ [24–24 Мотив Кенигсбергской летописи.] веслы раскропити, а Донъ шеломы выльяти.

{Аже бы ты былъ, то была бы чага по ногатѣ, а кощей по резанѣ}.

Ты бо можеша посуху живыми шерешеры стрѣляти, удалыми сыны Глебовы. [Мотив Кенигсбергской летописи.]

Ты, буй Рюриче и Давыдѣ! Не ваю ли злаченными шеломы по крови плаваша? Не ваю ли храбрая дружина рыкають акы тури, ранены саблями калеными, на полѣ незнаемѣ? Вступита, господина, въ злата стремянь за обиду сего времени, за землю Русскую, за раны Игоревы, буюго Святславича!

Галичкы Осмомыслѣ Ярославѣ! Высоко сѣдиши на своемъ златокованнѣмъ столѣ, подперъ горы Угорскыи своими железными плѣки, заступивъ королеви путь, затворивъ Дунаю ворота, меча времени чрезъ облаки, суды рядя до Дуная. Грозы твоя по землямъ текутъ; отвсщяеши Киеву врата, стреляет и съ отня злата стола салтаня [Возможно, мотив из «Истории» В. Н. Татищева.] за землями. Стреляй, господине, Кончака поганого кощея, за землю Рускую, за раны Игоревы, буюго Святславича.

А ты, буй Романе и Мстиславе! Храбрая мысль носить васъ умъ на дѣло. Высоко плаваеши на дѣло въ буести, яко соколъ на вѣтрехъ ширяся, хотя птицю въ буйствѣ одолѣти. Суть бо у ваю железный прапорзи подѣ шеломы латинскими. Тѣми тресну земля, и многи страны — Хинова, Литва, Ятвязи, Деремела, и половци сулицы своя поврѣгоща, а главы своя подклониша подѣ тии мечи харалужныи. Нѣ уже, княже Игорю, утрпѣ солнцю свѣтъ, а ²⁷дерево небологомъ листовие срони²⁷ [Мотив, навеянный Кенигсбергской летописью.]: ²⁸по Рсии, поСули гради подѣлиша²⁸. [Соединенные воедино мотивы Ипатьевской и Кенигсбергской летописей.] А Игоревя храбраго плѣку не крѣсити. Донъ ти, княжѣ клѣчѣть и зоветъ князи на побѣду. Ольговичи, храбрый князи, доспали на брань.

Инъгваръ и Всеволодъ и вси три Мстиславичи, не худа гнезда шестокрилци! Не побѣдными жребии собѣ власти расхытите? Кое ваши златыи шеломы и су-лицы ляцкия

и щиты? Загородите полю ворота своими острыми стрелами за землю Русскую, за раны Игоревы, буюго Святъславлича!

Уже бо Сула не течеть сребренными струями къ граду Переславлю, и Двина болотомъ течеть онымъ грознымъ полочаномъ подь кликомъ поганыхъ. Един же Изяславъ[Возможно, мотив Кенигсбергской летописи.] сынъ Васильковъ позвони своими острыми мечи о шеломы литовския, притрепа славу деду своему Всеславу, а самъ подь чрълеными щиты на кровавъ травѣ притрепанъ литовскими мечи, и с хотию на кровати рекъ: «Дружину твою, княже, птицъ крилы приодѣ, а ³⁰*звѣри кровь полизаша*»³⁰. [30–30 Библейский мотив.]

Не бысь ту брата Брючяслава, ни другаго Всеволода: единъ же изрони жем- чюжну душу изъ храбра тѣла чресъ злато ожереліе. Унылы голоси, пониче веселие. Трубы трубятъ городеньски. ²⁷Ярослави и вси внуце Всеслави уже понизять стязи свои, вонзять свои мечи вережени²⁷. [Мотив, навеянный Кенигсбергской летописью.] Уже бо выскочисте изъ дѣдней славы. Вы бо своими крамолами начясте наводити поганья на землю Рускую, на жизнь Всеславлю. Которою бо бѣше насилие отъ земли Половецкыи!

На седьмомъ вѣцѣ Трояни врѣже Всеславъ жребий о дѣвицу себе любу. Тѣмъ клюками подпрѣся, оконися и скочи къ граду Киеву, и дотчеся стружиемъ злата стола Киевскаго. Скочи отъ нихъ лютымъ звѣремъ въ-плѣночи, изъ Бѣлаграда, обѣсися синѣ мъгле. Утрѣ же вазни с три кусы, — отвори врата Новуграду, раз- шибе славу Ярославу, скочи влъкомъ до Немиги съ Дудутокъ.

На Немизѣ снопы стелють головами, молотятъ чеши харалужными, на тоцѣ животь кладуть, вѣють душу отъ тѣла. Немизѣ кровави брезѣ не бологомъ бяхуть посѣяни, посѣяни костями русскихъ сыновъ. Всеславъ князь людемъ судяше, кня- земъ грады рясяше, а самъ въ ночь влъкомъ рыскаше, изъ Києва дорискаше до куръ Тмутороканя, великому Хрѣсови влъкомъ путь прерыскаше. Тому въ По- лотскѣ позвониша заутреню рано у святыхъ Софеи въ колоколы: а онъ въ Киевѣ звонъ слыша. Ащѣ и вѣща душа въ дрѣзѣ тѣлѣ, нѣ часто бѣды страдаше. Тому вѣщей Боянъ и прѣвое припѣвку смысленый рече: ³¹«*Ни хытру, ни горазду, ³²ни птицю горазду*»³², [32–32 Возможно, мотив из «Илиады».] *суда Божиа не минути*»³¹. [31–31 Мотив поздней редакции Даниила Заточника.]

О стонати Руской земли, помянувшѣ прѣвую годину, и прѣвыхъ князей! Того стараго Владимира нельзѣ бѣ пригвоздити къ горамъ киевскимъ. Сего бо нынѣ стаха стязи Рюриковы, а дружины Давидовы; нѣ розино ся имъ хоботы пашутъ. Копія поють на Дунай.

Ярославнынъ гласъ слышится, зегзицею незнаемъ рано кычетъ: «Полечю, — рече, — зегзицею по Дунаеви, омочю бебрянъ[Мотив, близкий к Повести об Акире Премудром.] рукавъ въКаялѣ рѣцѣ, утру князю кровавыя его раны на жестоцѣмъ его тѣлѣ».

Ярославна рано плачетъ въ Путивлѣ на забралѣ, а ркучи: «О *вътрѣ*»³⁴[Мотив, близкий к Сказанию о Мамаевом побоище.] вѣтрило! Чему, господине, насильно вѣеши? Чему мѣчехи хиновъскыя стрѣлы на своєю нетрудною крилцу на моя лады вой? Мало ли ти башетъ горъ подь облакы вѣяти, ле- леючи корабли на синѣ морѣ? Чему, господине, мое веселие по ковылию развѣя?».

Ярославна рано плачетъ въ Путивлѣ на заборолѣ, а ркучи: «О Днепре Словутицю! Ты ³⁵пробилъ еси каменные горы *сквозь* землю Половецкую»³⁵. [35–35 Мотив, близкий к Задонщине и Сказанию по списку ГБЛ, собр. Тихонравова, № 238.] Ты лелѣялъ еси на себѣ Святослави носады до плѣку Кобякова. Възлелѣй, господине, мою ладу къ мнѣ, абыхъ не слала къ нему слезъ на море рано».

Ярославна рано плачетъ въ Путивлѣ на забралѣ, а ркучи: ³⁶«*Свѣтлое и тресвѣтлое слънце!*»³⁶[36–36 Мотив, близкий к Девгениеву деянию И к Сказанию.] Всѣмъ тепло и красно еси: чему, господине, простре горячую свою лучю на ладѣ вой? ³⁷Въ полѣ

безводнѣ жаждою имѣ лучи съпряже, тугою³⁷[37–37 Мотив Кенигсбергской летописи.] имѣ тули затче».

Прысну море полунощи. Идутъ сморци мѣглами. Игоревѣ князю Богъ путь кажетъ изъ земли Половецкой на землю Рускую, къотню злату столу. Погасоша вечеру зари. Игорь спитъ. Игорь бдитъ. Игорь мыслию поля мѣритъ отъ великаго Дону до малаго Донца. Комонѣ въ полуночи, Овлурѣ свисну за рѣкою; велитъ князю разумѣти. «Князю Игорю не быть!» кликну. Стукну земля, вѣшумѣ трава. Вежи ся половецкии подвизашася. А ³⁷Игорь князь поскочи³⁷[37–37 Мотив Кенигсбергской летописи.] горнастаемъ къ тростию и бѣлымъ гоголемъ на воду. Вѣвржеся на брѣзъ комонѣ и скочи съ него босымъ вѣлкомъ. И потече къ лугу Донца, и полетѣ соколомъ подъ мѣглами, избивая гуси и лебеди завтроку, и обѣду и ужинѣ. Коли Игорь соколомъ полетѣ, тогда Влурѣ вѣлкомъ потече, труся собою студеную росу: претръгоста бо своя брѣзая комоня.

Донецъ рече: «Княже Игорю! Не мало ти величия, а Кончаку нелюбия, а Руской земли веселиа». Игорь рече: «О Донче! Не мало ти величия, лелѣявшу князя на вѣлнахъ, стлавшу ему зеленую траву на своихъ сребреныхъ брѣзѣхъ, одѣвавшу его теплыми мѣглами подъ сѣнию зелену древу, стрежаше его гоголемъ на водѣ, чайцами на струяхъ, чрънядьми на ветрѣхъ». Не тако ли, рече, рѣка Стугна, худу струю имѣя, пожръши чужи ручьи и струги, ростре на кусы уношу князю Ростиславу. «Затвори, Днѣпръ, темнѣ березѣ», — плачется мати Ростиславля по уноши князи Ростиславѣ. Уныша цвѣты жалобою, и древо с тугою къ земли приклонилось.

А не сороки втрескоташа, на слѣду Игоревѣ ѣздитъ Гзакъ съ Кончакомъ. Тогда врани не граахуть, галици помлѣкоша, сороки не трескоташа, полозие ползоша только. Дятлове тектомъ путь къ рѣцѣ кажутъ, соловии веселыми пѣсьми свѣтъ повѣдаютъ. Млѣвить Гзакъ Кончакови: «Аже соколъ къ гнѣзду летитъ, со- колича рострѣляевѣ своими злаченными стрѣлами». Рече Кончакъ ко Гзѣ: «Аже соколъ къ гнѣзду летитъ, а вѣ соколца опутаевѣ красною дивницею». И рече Гзакъ къ Кончакови: «Аще его опутаевѣ красною дѣвицею, ни нама будетъ сокольца, ни нама красны дѣвице, то почнутъ наю птици бити въ полѣ Половецкомъ».

Рекъ Боянъ на ходы на Святѣславля пѣстворца стараго времени Ярославля Ольгова коганя хоти: «Тяжко ти головы, кромѣ плечю, зло ти тѣлу, кромѣ головы», — Руской земли безъ Игоря.

Солнце светится на небесѣ, Игорь князь въ Руской земли. Дѣвици поютъ на Дунай. Вьются голоси чрезъ море до Киева.

Игорь ѣдетъ по Боричеву къ святой Богородици Пирогощей. ³⁸*Страны ради. Гради весели*³⁸. [38–38 Библейский мотив.] Пѣвше пѣснь старымъ княземъ, а потомъ молодымъ. Пѣти слава Игорю Святѣславличу, буй туру Всеволоду, Владимиру Игоревичу. Здрави князи и дружина, побарая за христѣяны на поганяя плѣки. Княземъ слава а дружинѣ! Аминь.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

1. Литература

Адрианова-Перетц. Задонщина — Адрианова-Перетц В. П. Задонщина. Текст и примечания//ТОДРЛ. М.; Л., 1947. Т. 5. С. 194–224.

Адрианова-Перетц. (Опыт реконструкции) — Адрианова-Перетц В. П. Задонщина. (Опыт реконструкции авторского текста)//ТОДРЛ. М.; Л., 1948. Т. 6. С. 201–255.

Адрианова-Перетц. «Слово» и «Задонщина» — Адрианова-Перетц В. П. «Слово о полку Игореве» и «Задонщина»//Слово. Сб.-1962. С. 131–168.

Адрианова-Перетц. «Слово» и памятники — Адрианова-Перетц В. П. «Слово о полку Игореве» и памятники русской литературы XI–XIII веков. Л., 1968.

Адрианова-Перетц. Фразеология и лексика — Адрианова-Перетц В. П. Фразеология и лексика «Слова о полку Игореве»//«Слово» и памятники. С. 13—126.

Азбелев. Текстологические приемы — Азбелев С. Н. Текстологические приемы изучения повествовательных источников о Куликовской битве в связи с фольклорной традицией // Источниковедение отечественной истории: Сб. статей: 1975. М., 1976. С. 163–190.

Антонович, Драгоманов. Исторические песни — Исторические песни малорусского народа. С объяснениями Вл. Антоновича и М. Драгоманова. Киев, 1874–1875. Т. 1–2.

Барсов. Слово — Барсов Е. В. Слово о полку Игореве как художественный памятник Киевской дружинной Руси. М., 1887–1889. Т. 1–3.

«Библиотека...» — Библиотека российская историческая, содержащая древние летописи... Ч. I. Летопись Несторова с продолжателями по Кенигсбергскому списку до 1206 года. СПб., 1767.

Булаховский. О первоначальном тексте — Булаховский Л. А. О первоначальном тексте «Слова о полку Игореве» // ИОЛ. 1952. Т. II, вып. 5. С. 439–449.

Воинские повести — Воинские повести Древней Руси. М.; Л., 1949 (сер. «Литературные памятники»).

Гильфердинг. Былины — Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 г. 4-е изд. М.; Л., 1949–1951. Т. 1–3.

Головацкий. Народные песни — [Головацкий Я. Ф.] Народные песни Галицкой и Угорской Руси. М., 1878. Т. 1–4, ч. 1–3.

Григорьев. Былины — Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым в 1899–1901 гг. М., 1904. Т. 1; СПб., 1910. Т. 3.

Гринченко. Словарь — Гринченко Б. Словарь украшсько! мови. У Кнєї, 1907–1909. Т. 1–4.

Гудзий. По поводу ревизии — Гудзий Н. К. По поводу ревизии подлинности «Слова о полку Игореве» // Слово. Сб.-1962. С. 79–130.

Даль. Толковый словарь — Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. 2-е изд. СПб.; М., 1880–1882. Т. 1–4.

Демкова. Заимствования из «Задонщины» — Демкова Н. С. Заимствования из «Задонщины» в текстах Распространенной редакции «Сказания о Мамаевом побоище» // «Слово» и памятники. С. 440–476.

Дмитриев. Вставки из «Задонщины» — Дмитриев Л. А. Вставки из «Задонщины» в «Сказании о Мамаевом побоище» как показатели по истории текста этих произведений // «Слово» и памятники. С. 385–439.

Дмитриев. История открытия рукописи — Дмитриев Л. А. История открытия рукописи «Слова о полку Игореве» // Слово. Сб.-1962. С. 406–429.

Дмитриев. История первого издания — Дмитриев Л. А. История первого издания «Слова о полку Игореве». М.; Л., 1960.

Дмитриева. Взаимоотношение списков — Дмитриева Р. П. Взаимоотношение списков «Задонщины» и текст «Слова о полку Игореве» // «Слово» и памятники. С. 199–263.

Дмитриева. Взаимоотношение списков — Дмитриева Р. П. Взаимоотношение списков «Задонщины» и текст «Слова о полку Игореве» // «Слово» и памятники. С. 199–263.

Дмитриева, Дмитриев, Творогов. По поводу — Дмитриева Р., Дмитриев Л., Творогов О. По поводу статьи А. А. Зимина «Спорные вопросы текстологии „Задонщины“» // РЛ. 1967. № 1 С. 105–121.

Е — Ермолаевский список Ипатьевской летописи (РНБ, F.IV.231).

Ек. — Екатерининская копия «Слова о полку Игореве» (см.: Дмитриев. История первого издания С. 110–151).

Иванов, Топоров. К проблеме достоверности — Иванов Вяч. Вс., Топоров В. Н. К проблеме достоверности поздних вторичных источников в связи с исследованием в

области мифологии // Труды по знаковым системам. Тарту, 1973. Т. 6. С. 46–82 (Учен. зап. Тартуского гос. ун-та).

Ироическая песнь — Ироическая песнь о походе на половцев удельного князя Новгорода-Северского Игоря Святославича... М., 1800.

Карамзин. История государства Российского — Карамзин Н. М. История государства Российского (разные издания).

Киреевский. Новая серия — Песни, собранные П. Киреевским. Новая серия. М., 1911–1929. Вып. 1–2.

Киреевский. Песни — Песни, собранные П. В. Киреевским. М., 1860–1874. Вып. 1 —10.

Кирша Данилов — Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым (Сборник Кирши Данилова) / Изд. подготовили А. П. Евгеньева и Б. Н. Путилов. М.; Л., 1958 (сер. «Ли-тертурные памятники»),

Котляренко. Сравнительный анализ — Котляренко А. Н. Сравнительный анализ некоторых особенностей грамматического строя «Задонщины» и «Слова о полку Игореве» // «Слово» и памятники. С. 127–196.

Крестова, Кузьмина. Иоиль Быковский — Крестова Л. В., Кузьмина В. Д. Иоиль Быковский, проповедник, издатель «Истинны» и первый владеец рукописи «Слова о полку Игореве»//Исследования и материалы по древнерусской литературе: Древнерусская литература и ее связи с новым временем. М., 1967. С. 25–48.

Кудряшов. Половецкая степь — Кудряшов К. В. Половецкая степь: Очерки исторической географии. М., 1948.

Кузьмин. Ипатьевская летопись — Кузьмин А. Г. Ипатьевская летопись и «Слово о полку Игореве»: (По поводу статьи А. А. Зимина)//История СССР. 1968. № 6. С. 64–87.

Лихачев — Лихачев Н. П. Палеографическое значение бумажных водяных знаков. СПб., 1899. Ч. 1–3.

Лихачев. Изучение «Слова о полку Игореве» — Лихачев Д. С. Изучение «Слова о полку Игореве» и вопрос о его подлинности//Слово. Сб.-1962. С. 5—78.

Лихачев. Исторический и политический кругозор — Лихачев Д. С. Исторический и политический кругозор автора «Слова о полку Игореве»//Слово. Сб.-1950. С. 5—52.

Лихачев. Когда было написано «Слово»? — Лихачев Д. Когда было написано «Слово о полку Игореве»?//ВЛ. 1964. № 8. С. 132–160.

Лихачев. Поэтика — Лихачев Д. С. Поэтика древнерусской литературы. Л., 1967.

Лихачев. Слово-1955—Лихачев Д. С. Слово о полку Игореве: Историко-литературный очерк. 2-е изд., доп. М.; Л., 1955.

Лихачев. Слово-1982 — Лихачев Д. С. «Слово о полку Игореве»: Историко-литературный очерк. Пособие для учителя. 2-е изд., испр. и доп. М., 1982.

Лихачев. «Слово» и культура — Лихачев Д. С. «Слово о полку Игореве» и культура его времени. Л., 1978.

Лихачев. «Текстологический треугольник» — Лихачев Д. С. «Текстологический треугольник»: «Слово о полку Игореве», рассказ Ипатьевской летописи о походе князя Игоря в 1185 г. и «Задонщина» (К текстологическим замечаниям проф. Дж. Феннела)//Там же. С. 296–309.

Лихачев. Текстология — Лихачев Д. С. Текстология: На материале русской литературы XI–XVII вв. М.; Л., 1962.

Лихачев. Черты подражательности «Задонщины» — Лихачев Д. Черты подражательности «Задонщины»//РЛ. 1964. № 3. С. 84—107.

Лотман. «Слово» и литературная традиция — Лотман Ю. М. «Слово о полку Игореве» и литературная традиция XVIII — начала XIX в.//Слово. Сб.-1962. С. 330–405.

Мачульсм. Да пытаньня — Мачульсм В. Да пытаньня аб беларусым элеменце у «Слове аб палку Ігравым». Менск, 1929.

Насонов. «Русская земля» — Насонов А. Н. «Русская земля» и образование территории древнерусского государства. М., 1951.

Никифоров. Слово — Никифоров А. И. «Слово о полку Игореве» — былина XII века. Л., 1940. Рукопись докторской диссертации.

НПЛ — Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов / Под ред. и с предисловием

А. Н. Насонова. М.; Л., 1950.

Обнорский. Очерки — Обнорский С. П. Очерки по истории русского литературного языка старшего периода. М.; Л., 1946.

Обсуждение одной концепции — Обсуждение одной концепции о времени создания «Слова о полку Игореве»//ВИ. 1964. № 9. С. 121–140.

Описание — Описание документов Архива западнорусских униатских митрополитов. 1470–1700. СПб., 1897. Т. I.

Опыт — Опыт областного великорусского словаря. СПб., 1852.

Орлов. Слово — Орлов А. С. Слово о полку Игореве. 2-е изд. М.; Л., 1946.

Перетц. Слово — Перетц Вл. Слово о полку Ігоревім. Памятка феодальної України — Руси XII віку. Кшв, 1926.

ПЛ — Псковские летописи. М.; Л., 1941. Вып. 1 / Приготовил к печати А. Н. Насонов; М.; Л., 1955. Вып. 2 / Под ред. А. Н. Насонова.

Плаутин. Слово — Плаутин С. Н. Слово о полку Игоревѣ: Исправленный и неисправленный тексты. Перевод и примечания. Париж, 1958.

Повести — Повести о Куликовской битве / Издание подготовили М. Н. Тихомиров, В. Ф. Ржига, Л. А. Дмитриев. М., 1959 (сер. «Литературные памятники»).

Полевой. Любопытные замечания — Полевой Н. А. Любопытные замечания к «Слову о полку Игореве»//Сын отечества. 1839. Т. 8. Отд. 6. С. 15–20.

Потебня. Объяснения — Потебня А. А. Объяснения малорусских и сродных народных песен. Варшава, 1883–1887. Т. 1–2.

Потебня. Слово — Потебня А. А. Слово о полку Игореве: Текст и примечания. 2-е изд. Харьков, 1914.

Преображенский. Этимологический словарь — Преображенский А. Этимологический словарь русского языка. 2-е изд. М., 1959. Т. 1. А — О; Т. 2. П — Я.

Прийма. К истории открытия — Прийма Ф. Я. К истории открытия «Слова о полку Игореве» // ТОДРЛ. М.; Л., 1956. Т. 12. С. 46–54.

Причитанья Северного края — Причитанья Северного края, собранные Е. В. Барсовым. М., 1872–1882. Ч. 1–2; ЧОИДР, 1885. Кн. 3, отд. 2. 4. 3. С. 1—160; Кн. 4, отд. 2. С. 161–256.

ПСЗ — Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое с 1619 по 12 декабря 1825 г. СПб., 1830.

Рыбаков. Русские летописцы — Рыбаков Б. А. Русские летописцы и автор «Слова о полку Игореве». М., 1972.

Рыбаков. «Слово» и современники — Рыбаков Б. А. «Слово о полку Игореве» и его современники. М., 1972.

Рыбаков, Кузьмина, Филин. Старые мысли — Рыбаков Б., Кузьмина В., Филин Ф. Старые мысли, устарелые методы: (Ответ А. Зимину)//ВЛ. 1967. № 3. С. 153–176.

Рыбников. Песни — Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. 2-е изд. М., 1909–1910. Т. I—3. Седельников. Где была написана «Задонщина»? — Седельников А. Д. Где была написана «Задонщина»?//Slavia. Praha, 1930. Roč. 9. Seš. 3. S. 52Ф-536.

Словарь-справочник — Словарь-справочник «Слова о полку Игореве» / Составитель В. Л. Виноградова. М.; Л., 1965–1984. Вып. 1–6.

Слово-1950 — Слово о полку Игореве/Под ред. чл. — корр. АН СССР В. П. Адриановой-Перетц. М.;

Л., 1950 (сер. «Литературные памятники»).

Слово-1953 — Слово о полку Игореве / Вступ. статья, подгот. текста и примеч. Д. С. Лихачева. Л., 1953 (Библиотека поэта. Малая серия. 3-е изд.).

Слово-1961 — Слово о полку Игореве: Поэтические переводы и переложения / Подгот. текста, перевод и примеч. В. Ржиги и С. Шамбинаго... М., 1961.

Слово-1967 — Слово о полку Игореве / Вступ. статья Д. С. Лихачева; Сост. и подгот. текстов Л. А. Дмитриева и Д. С. Лихачева; Примеч. О. В. Творогова и Л. А. Дмитриева. Л., 1967 (Библиотека поэта. Большая серия. 2-е изд.).

Слово-1985 — Слово о полку Игореве / Вступ. статья Д. С. Лихачева и Л. А. Дмитриева; Сост. Л. А. Дмитриева, Д. С. Лихачева, О. В. Творогова; Реконструкция древнерусского текста и коммент. Н. А. Мещерского и А. А. Бурыкина; Подгот. текстов и примеч. Л. А. Дмитриева. Л., 1985 (Библиотека поэта. Большая серия. 3-е изд.).

«Слово» и памятники — «Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла: К вопросу о времени написания «Слова». М.; Л., 1966.

Слово. Сб.-1947 — «Слово о полку Игореве»: Сб. статей / Под ред. И. Г. Клабуновского и

В. Д. Кузьминой; Общая ред. В. Д. Бонч-Бруевича. М., 1947.

Слово. Сб.-1950 — Слово о полку Игореве: Сб. исследований и статей / Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. М.; Л., 1950.

Слово. Сб.-1962 — Слово о полку Игореве — памятник XII века. М.; Л., 1962.

Слово. Сб.-1988 — «Слово о полку Игореве»: Комплексные исследования. М., 1988.

Смирнов. О Слове — Смирнов А. И. О «Слове о полку Игореве». II. Пересмотр некоторых вопросов// Филологические записки. 1877. № 3, 5, 6. С. 1—49; 1878. № 2—6. С. 49—247.

Смотрицкий. Грамматика — Мелетий Смотрицкий. Грамматики славенские правильное синтагма... Еве, 1619.

Соловьев. Восемь заметок — Соловьев А. В. Восемь заметок к «Слову о полку Игореве»//ТОДРЛ. М.;

Л., 1964. Т. 20. С. 365—385.

Соловьев. Политический кругозор — Соловьев А. В. Политический кругозор автора «Слова о полку Игореве»//ИЗ. 1948. № 25. С. 71 — 103.

Срезневский. Материалы — Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. СПб., 1893. Т. 1. А — К; СПб., 1902. Т. 2. Л — П; СПб., 1912. Т. 3. Р_ра и Дополнения (репринт — М., 1958).

Татищев. История Российская — Татищев В. Н. История Российская: В 7 т. М., 1962—1968.

Творогов. «Слово» и «Задонщина» — Творогов О. В. «Слово о полку Игореве» и «Задонщина» // «Слово» и памятники. С. 293—343.

Тихомиров. Русская культура — Тихомиров М. Н. Русская культура X—XVIII веков. М., 1968.

Тихомиров. Средневековая Москва — Тихомиров М. Н. Средневековая Москва в XIV—XV веках М 1957.

Тихонравов, Миллер. Русские былины — Русские былины старой и новой записи / Под ред. Н. С. Тихонравова и В. Ф. Миллера. М., 1894.

Фасмер. Этимологический словарь — Фасмер Макс. Этимологический словарь русского языка / Перевод с немецкого и дополнения О. Н. Трубачева. М., 1964—1973. Т. 1—4.

Шамбинаго. Повести — Шамбинаго С. Повести о Мамаевом побоище. СПб., 1906 (Сб. ОРЯС. Т. 81 № 7).

Шамбинаго. Повести. Тексты — Шамбинаго С. Повести о Мамаевом побоище. СПб., 1906 (Сб. ОРЯС. Т. 81, № 7). Тексты Сказания.

Шамбинаго. Сказание — Сказание о Мамаевом побоище/С предисловием С. К. Шамбинаго. СПб., 1907 (Изд. ОЛДП. № 125).

Шахматов. Отзыв — Шахматов А. А. Отзыв о сочинении С. К. Шамбинаго «Повести о Мамаевом побоище». СПб., 1906 //Отчет о двенадцатом присуждении премий митрополита Макария. СПб., 1910.

Шейн. Великорус — Великорусе в своих песнях, обрядах, обычаях, верованиях, сказках, легендах и т. п.: Материалы, собранные и приведенные в порядок П. В. Штейном. СПб., 1898–1900. Т. 1–2.

Энциклопедия — Энциклопедия «Слова о полку Игореве». СПб., 1995. Т. 1–5.

Cizevska. Glossary — Cizevska T. Glossary of the Igor' Tale. The Hague, 1966.

Fennell — Fennell J. L. I. The Slovo o polku Igoreve: The Textological Triangle // Oxford Slavonic Papers. 1968. Vol. 1. P. 126–137.

Frček — Frček J. Zadoňstina. Starorusky žalozpev o boľ rusü s tatory r. 1380. Rozprava literarne dějepisl Kritike vydāni textü. Praha, 1948.

Jakobson. Selected Writings — Jakobson R. Selected Writings. The Hague; Paris, 1966. Vol. 4.

Jakobson. Sofonija's Tale — Jakobson R., Wort D. Sofonija's Tale of the Russian — Tatar Battle on the Kulikovo Field. The Hague, 1963.

Królik — Królik O. Archetyp Zadoňstiny//Rossica olomucensia. Olomouc, 1972. T. 8.

La Geste — La Geste du prince Igor' ěpopěe russe du douziěme siěcle/Texte etabli, traduit et commentě sous la direction d'Henry Gregoire, de Roman Jakobson et de Marc Szeftel, assistees de J. A. Joffe. New York, 1948.

La Zadoňščina — La Zadoňščina, epee Russe du XV-e siěcle/Par A. Vaillant. Paris, 1967.

Mazon. Le Slovo — Le Slovo d'Igor par Andre Mazon. Paris, 1940.

Menges — Menges K. The Oriental Elements in the Vocabulary of the Oldest Russian Epos, the «Igor Tale» //Supplement to Word. New York, 1951. Vol. 7.

2. Периодика и серийные издания

АЕ — Археографический ежегодник.

АСЭИ — Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV — начала XVI вв.

АФЗХ — Акты феодального землевладения и хозяйства XIV–XVI вв.

ВВ — Византийский временник.

ВИ — Вопросы истории.

ВИД — Вспомогательные исторические дисциплины.

ВЛ — Вопросы литературы.

ВЯ — Вопросы языкознания.

ГВНиП — Грамоты Великого Новгорода и Пскова / Подгот. к печати В. Г. Гейман, Н. А. Казакова и др. М.; Л., 1949.

ДДП — Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. /Подгот. к печати Л. В. Черепнин. М.; Л., 1950.

ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения.

ИЗ — Исторические записки.

ИОЛЯ — Известия Отделения литературы и языка АН СССР.

ИОРЯС — Известия Отделения русского языка и словесности АН.

ИпоРЯС — Известия АН СССР по русскому языку и словесности.

И РЯС — Известия по русскому языку и словесности АН.

КСИИМК — Краткие сообщения и доклады Института истории материальной культуры АН СССР.

АН СССР.

МИА — Материалы и исследования по археологии СССР.

ПЛ — Памятники старинной русской литературы, издаваемые графом Григорием Кушелевы-Безбородко.

ПСРЛ — Полное собрание русских летописей.

РИБ — Русская историческая библиотека, издаваемая Археографическою комиссиею.

РЛ — Русская литература.

Сб. ОРЯС — Сборник Отделения русского языка и словесности АН.

Сб. РИО — Сборник Русского исторического общества.

ТОДРЛ — Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР (РАН).

ЧОИДР — Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете.

RES — *Revue des Etudes slaves* (Paris).

3. Учреждения и организации

АН — Академия наук.

БАН — Библиотека Академии наук (С.-Петербург).

ГАМО — Государственный архив Минской области.

ГБЛ — см. РГБ.

ГИМ — Государственный Исторический музей (Москва).

ГПБ — см. РНБ.

ИИМК — Институт истории материальной культуры АН (С.-Петербург).

ИРЛИ — Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН (С.-Петербург).

ЛГПИ — Ленинградский государственный педагогический институт им. А. И. Герцена.

ЛГУ — Ленинградский государственный университет.

ЛОИИ — Ленинградское отделение института истории СССР (ныне Санкт-Петербургский Институт истории РАН).

МГАИ — Московский государственный историко-архивный институт.

МГАМИД — Московский главный архив Министерства иностранных дел.

МГУ — Московский государственный университет.

ОИДР — Общество истории и древностей российских при Московском университете.

ОЛРС — Общество любителей российской словесности.

РАН — Российская Академия наук.

РГАДА — Российский государственный архив древних актов (ранее — ЦГАДА) (Москва).

РГБ — Российская государственная библиотека (ранее — ГБЛ) (Москва).

РНБ — Российская национальная библиотека (ранее — ГПБ) (С.-Петербург).

ЦГАДА — см. РГАДА.

ЦГАЛИ — Центральный государственный архив литературы и искусства (Москва).

ЦГВИА — Центральный государственный Военно-исторический архив (Москва).

ЦГИА — Центральный государственный исторический архив (С.-Петербург).